3 1761 07394262 5

EX LIBRIS
de SAVITSCH

ФРЕГАТЪ

ПАЛЛАДА

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ

ИВАНА ГОНЧАРОВА

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

ТОМЪ I

(Томъ VI по «Полн. Собр. Сочиненій»)

Изданіе третье, съ перемѣнами

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА ИВАНА ИЛЬИЧА ГЛАЗУНОВА

1879

ФРЕГАТЪ ПАЛЛАДА

W. Lowrey

ФРЕГАТЪ

ПАЛЛАДА

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ

ИВАНА ГОНЧАРОВА

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

ТОМЪ I

Изданіе третье, съ перемѣнами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА ИВАНА ИЛЬИЧА ГЛАЗУНОВА.

1879

LIBRARY
MAR 2 1970
UNIVERSITY OF TORONTO
G
490
G63
1879

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛИЦА, № 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВАГО ТОМА.

I.

Отъ Кронштадта до мыса Лизарда.

стр.

Сборы, прощаніе и отъѣздъ въ Кронштадтъ.—Фрегатъ «Паллада». — Море и моряки. — Каютъ-компанія. — Финскій заливъ.—Свѣжій вѣтеръ.—Морская болѣзнь.—Готландъ.—Холера на фрегатѣ.—Паденіе человѣка въ море.—Зундъ.—Каттегатъ и Скагерракъ.—Нѣмецкое море.—Доггерская банка и Галлоперскій маякъ.—Покинутое судно.—Рыбаки.—Британскій каналъ и Спитгэдскій рейдъ.—Лондонъ.—Похороны Веллингтона.—Замѣтки объ англичанахъ и англичанкахъ.—Возвращеніе въ Портсмутъ.—Житье на Кемпердоунѣ.—Прогулка по Портсмуту, Саутси, Портси и Госпорту. — Ожиданіе попутнаго вѣтра на Спитгэдскомъ рейдѣ. — Вечеръ наканунѣ Рождества.—Силуэтъ англичанина и русскаго.—Отплытіе ... 1

II.

Атлантическій океанъ и островъ Мадера.

Выходъ въ океанъ.—Крѣпкій вѣтеръ и качка.—Прибытіе на о. Мадеру.—Городъ Фунчалъ.—Прогулка на гору.—Обѣдъ у консула.—Отъѣздъ..... 86

III.

Плаваніе въ Атлантическихъ тропикахъ.

Нордъ-остовый пассатъ.—Острова Зеленаго Мыса.—С. Яго и Порто-Прайя. — Сѣверный тропикъ. — Тропическая зима.—Штилевая полоса.—Экваторъ.—Южный тропикъ и зюйдъ-остовый пассатъ.—Летучія рыбы и акулы.—Опять штили.—Масляница.—Образъ жизни на фрегатѣ.—Купанье.—Море и небо.. 128

IV.

На мысѣ Доброй надежды.

Приходъ въ Falsebay. — Саймбонсбей и Саймонстоунъ. — Поправки на фрегатѣ. — Капштатъ.—Welch's hotel. — Столовая

стр.

гора, Львиная гора и Чортовъ пикъ. — Ботаническій садъ.— Клубъ. — Англичане, голландцы, малайцы, готтентоты и негры.—Краткій историческій очеркъ Капской колоніи и войнъ съ каффрами.—Поѣздка по колоніи.—Соммерсетъ.—Стелленбошъ.—Ферма Эльзенборгъ.—Паарль.—Веллингтонъ.—Мистеръ Бенъ.—Тюрьмы и арестанты.—Дороги.—Ущелье.—Устеръ.—Минеральные ключи.—Обратный путь.—Змѣиная горка.—Птица секретарь.—Винбергъ.—Каффрскій предводитель Сейоло.—Отплытіе..... 162

V.

Отъ мыса Доброй Надежды до острова Явы.

Штормъ. — Святая недѣля. — Тридцать дней на Индійскомъ океанѣ. — Жары. — Смерчъ. — Анжерскій рейдъ. — Вечеръ на Явѣ.—Китайцы и малайцы..... 321

VI.

Сингапуръ.

Приходъ на рейдъ.—Малайцы и индійцы.—Прогулка по городу и окрестностямъ.—Европейскій, малайскій и китайскій кварталы. — Продажа опіума. — Ананасы, мангу и мангустаны. — Кокосовые орѣхи.—Значеніе Сингапура.—Кумирни.—Купецъ Вампоа и его вилла..... 338

VII.

Гон-Конгъ.

Видъ рейда и города.—Улица съ дворцами и китайскій кварталъ.—Китайцы и китаянки.—Клубъ и казармы.—Посѣщеніе фрегата епископомъ и генералъ-губернаторомъ. — Заведеніе Джердина и Матисона..... 381

VIII.

Острова Бонинъ-Сима.

Китайское море.—Шквалы.—Выходъ въ Тихій океанъ.—Ураганъ.—Штили и жары.—Островъ Пиль, портъ Ллойдъ.—Корветъ «Оливуца» и транспортъ Американской компаніи «Князь Меньшиковъ».—Курьеры изъ Россіи.—Поселенцы.—Прогулка, обѣдъ и вечеръ на берегу..... 394

ОТЪ АВТОРА.

Авторъ этой, вновь являющейся, послѣ долгаго промежутка, книги, не располагалъ болѣе возобновлять ея изданіе, думая, что она отжила свою пору.

Но ему съ разныхъ сторонъ заявляютъ, что обыкновенный спросъ на нее въ публикѣ не прекращается и что сверхъ того ее требуютъ воспитатели юношества и училищныя библіотеки. Значитъ, эти путевые очерки пріобрѣли себѣ друзей и въ юныхъ поколѣніяхъ.

Послѣ этого авторъ не счелъ уже себя въ правѣ уклоняться отъ повторенія своей книги въ печати.

Онъ относитъ постоянное вниманіе публики къ его очеркамъ, прежде всего, къ самому предмету ихъ. Описанія дальнихъ странъ, ихъ жителей, роскоши тамошней природы, особенностей и случайностей путешествія и всего, что̀ замѣчается и передается путешественниками—какимъ бы то ни было перомъ—все это не теряетъ никогда своей занимательности для читателей всѣхъ возрастовъ.

Кромѣ того, исторія плаванія самого корабля, этого маленькаго русскаго міра, съ четыремя стами обитателей, носившагося два года по океанамъ, своеобразная жизнь

плавателей, черты морскаго быта—все это также само по себѣ способно привлекать и удерживать за собою симпатіи читателей.

Такимъ образомъ авторъ и съ этой стороны считаетъ себя обязаннымъ, не перу своему, а этимъ симпатіямъ публики къ морю и морякамъ, продолжительнымъ успѣхомъ своихъ путевыхъ очерковъ. Самъ онъ былъ поставленъ своимъ положеніемъ, можно сказать, въ необходимость касаться моря и моряковъ. Связанный строгими условіями плаванія военнаго судна, онъ покидалъ корабль не надолго—и ему приходилось часто сосредоточиваться на томъ, что̀ происходило вокругъ, въ его пловучемъ жилищѣ, и мѣшать пріобрѣтаемыя, подъ вліяніемъ мимолетныхъ впечатлѣній, наблюденія надъ чужой природой и людьми, съ явленіями вседневной жизни у себя «дома», т. е. на кораблѣ.

Изъ этого конечно не могло выйти, ни какаго-нибудь спеціальнаго, ученаго (на что̀ у автора и претензіи быть не могло), ни даже сколько нибудь систематическаго описанія путешествія, съ строго-опредѣленнымъ содержаніемъ. Вышло то, что̀ могъ дать авторъ: летучія наблюденія и замѣтки, сцены, пейзажи—словомъ очерки.

Пересматривая нынѣ вновь этотъ дневникъ своихъ воспоминаній, авторъ чувствуетъ самъ, и охотно винится въ томъ, что онъ часто говоритъ о себѣ, являясь вездѣ, такъ сказать, неотлучнымъ спутникомъ читателя.

Утверждаютъ, что присутствіе живой личности вноситъ много жизни въ описанія путешествій: можетъ быть

это правда, но авторъ, въ настоящемъ случаѣ, не можетъ присвоить себѣ, ни этой цѣли, ни этой заслуги. Онъ, безъ намѣренія, и также по необходимости, вводитъ себя въ описанія, и избѣжать этого для него было трудно. Эпистолярная форма была принята имъ, не какъ наиболѣе удобная для путевыхъ очерковъ: письма дѣйствительно писались и посылались съ разныхъ пунктовъ къ тѣмъ или другимъ друзьямъ, какъ это было условлено между ними и имъ. А друзья интересовались, не только путешествіемъ, но и судьбою самаго путешественника и его положеніемъ въ новомъ быту. Вотъ причина его неотлучнаго присутствія въ описаніяхъ.

По возвращеніи его въ Россію, письма, по совѣту же друзей, были собраны, приведены въ порядокъ — и изъ нихъ составились эти два тома, являющіеся въ третій разъ передъ публикою, подъ именемъ «Фрегатъ Паллада».

Если этотъ фрегатъ, вновь пересмотрѣнный, по возможности исправленный и дополненный заключительною главою, напечатанною въ литературномъ сборникѣ «Складчина», въ 1874 году, прослужитъ (какъ это бываетъ съ настоящими морскими судами, послѣ такъ называемаго «тембированія», т. е. капитальныхъ исправленій) еще новый срокъ, между прочимъ и въ средѣ юношества, авторъ сочтетъ себя награжденнымъ сверхъ всякихъ ожиданій.

Въ надеждѣ на это, онъ охотно уступилъ свое право на изданіе «Фрегата Паллада» И. И. Глазунову, представителю старѣйшаго въ Россіи книгопродавческаго дома, посвящающаго, безъ малаго столѣтіе, свою дѣятельность

преимущественно изданію и распространенію книгъ для юношества.

Издатель пожелалъ приложить къ книгѣ портретъ автора: не имѣя причинъ противиться этому желанію, авторъ предоставилъ и это право его усмотрѣнію, тѣмъ охотнѣе, что исполненіе этой работы принялъ на себя извѣстный русскій художникъ, рѣзецъ котораго представилъ публикѣ прекрасные образцы искусства, между прочимъ недавно портретъ покойнаго поэта Некрасова.

Январь,

1879.

I.

ОТЪ КРОНШТАДТА ДО МЫСА ЛИЗАРДА.

Сборы, прощаніе и отъѣздъ въ Кронштадтъ.—Фрегатъ «Паллада».—Море и моряки.—Каютъ-компанія.—Финскій заливъ.—Свѣжій вѣтеръ.—Морская болѣзнь.—Готландъ.—Холера на фрегатѣ.—Паденіе человѣка въ море.—Зундъ.—Каттегатъ и Скагерракъ.—Нѣмецкое море.—Доггерская банка и Галлоперскій маякъ.—Покинутое судно.—Рыбаки.—Британскій каналъ и Спидгедскій рейдъ.—Лондонъ.—Похороны Веллингтона.—Замѣтки объ англичанахъ и англичанкахъ.—Возвращеніе въ Портсмутъ.—Житье на Кемпердоунѣ.—Прогулка по Портсмуту, Саутси, Портси и Госпорту.—Ожиданіе попутнаго вѣтра на Спитгедскомъ рейдѣ.—Вечеръ наканунѣ Рождества.—Силуэтъ англичанина и русскаго.—Отплытіе.

Меня удивляетъ, какъ могли вы не получить моего перваго письма изъ Англіи, отъ $^{2}/_{14}$ ноября 1852 года, и втораго изъ Гон-Конга, именно изъ мѣстъ, гдѣ объ участи письма заботятся, какъ о судьбѣ новорожденнаго младенца. Въ Англіи и ея колоніяхъ письмо есть завѣтный предметъ, который проходитъ чрезъ тысячи рукъ, по желѣзнымъ и другимъ дорогамъ, по океанамъ, изъ полушарія въ полушаріе, и находитъ неминуемо того, къ кому послано, если только онъ живъ, и такъ же неминуемо возвращается, откуда послано, если онъ умеръ, или самъ воротился туда же. Не затерялись ли письма на материкѣ, въ датскихъ или прусскихъ владѣніяхъ? Но теперь поздно производить слѣдствіе о такихъ пустякахъ: лучше вновь написать, если только это нужно...

Вы спрашиваете подробностей моего знакомства съ моремъ, съ моряками, съ берегами Даніи и Швеціи, съ Англіей? Вамъ хочется знать, кàкъ я вдругъ, изъ своей покойной комнаты, которую оставлялъ только въ случаѣ крайней надобности и всегда съ сожалѣніемъ, перешелъ на зыбкое лоно морей, кàкъ избалованнѣйшій изъ всѣхъ васъ городскою жизнію, обычною суетой дня и мирнымъ спокойствіемъ ночи, я вдругъ, въ одинъ день, въ одинъ часъ, долженъ былъ ниспровергнуть этотъ порядокъ и ринуться въ безпорядокъ жизни моряка? Бывало, не заснешь, если въ комнату ворвется большая муха и съ буйнымъ жужжаньемъ носится, толкаясь въ потолокъ и въ окна, или заскребетъ мышенокъ въ углу; бѣжишь отъ окна, если отъ него дуетъ, бранишь дорогу, когда въ ней есть ухабы, откажешься ѣхать на вечеръ въ конецъ города, подъ предлогомъ «далеко ѣхать», боишься пропустить урочный часъ лечь спать; жалуешься, если отъ супа пахнетъ дымомъ, или жаркое перегорѣло, или вода не блеститъ, какъ хрусталь... И вдругъ — на морѣ! — «Да какъ вы тамъ будете ходить — качаетъ?» спрашивали люди, которые находятъ, что если заказать карету не у такого-то каретника, такъ ужь въ ней качаетъ. — «Какъ ляжете спать, чтò будете ѣсть? Какъ уживетесь съ новыми людьми?» сыпались вопросы, и на меня смотрѣли съ болѣзненнымъ любопытствомъ, какъ на жертву, обреченную пыткѣ. Изъ этого видно, что у всѣхъ, кто не бывалъ на морѣ, были еще въ памяти старые романы Купера или разсказы Марріета, о морѣ и морякахъ, о капитанахъ, которые чуть не сажали на цѣпь пассажировъ, могли жечь и вѣшать подчиненныхъ, о кораблекрушеніяхъ, землетрясеніяхъ. «Тамъ васъ капитанъ на самый верхъ посадитъ, говорили мнѣ друзья и знакомые (отчасти и вы, помните?), ѣсть не велитъ

давать, на пустой берегъ высадитъ». — «За что?» спрашивалъ я. — «Чуть не такъ сядете, не такъ пойдете, закурите сигару, гдѣ не велѣно». — Я все буду дѣлать, какъ дѣлаютъ тамъ», кротко отвѣчалъ я. — «Вотъ вы привыкли по ночамъ сидѣть, а тамъ, какъ солнце сѣло, такъ затушатъ всѣ огни, говорили другіе: — а шумъ, стукотня какая, запахъ, крикъ!» — «Сопьетесь вы тамъ съ кругу! пугали нѣкоторые: прѣсная вода тамъ въ рѣдкость, все больше ромъ пьютъ». — «Ковшами, я самъ видѣлъ, я былъ на кораблѣ», прибавилъ кто-то. Одна старушка все грустно качала головой, глядя на меня, и упрашивала ѣхать «лучше сухимъ путемъ кругомъ свѣта». Еще барыня, умная, милая, заплакала, когда я пріѣхалъ съ ней прощаться. Я изумился: я видался съ нею всего раза три въ годъ и могъ бы не видаться три года, ровно столько, сколько нужно для кругосвѣтнаго плаванія, она бы не замѣтила. «О чемъ вы плачете?» спросилъ я. «Мнѣ жаль васъ», сказала она, отирая слезы. «Жаль потому, что лишній человѣкъ все-таки развлеченіе?» замѣтилъ я. — «А вы много сдѣлали для моего развлеченія?» сказала она. Я сталъ въ тупикъ: о чемъ же она плачетъ?—«Мнѣ просто жаль, что вы ѣдете, Богъ знаетъ, куда». Меня зло взяло. Вотъ какъ смотрятъ у насъ на завидную участь путешественника! — «Я понялъ бы ваши слезы, еслибъ это были слезы зависти, сказалъ я:—еслибъ вамъ было жаль, что на мою, а не на вашу долю выпадаетъ быть тамъ, гдѣ изъ насъ почти никто не бываетъ, видѣть чудеса, о которыхъ здѣсь и мечтать трудно, что мнѣ открывается вся великая книга, изъ которой едва кое-кому удается прочесть первую страницу...» Я говорилъ ей хорошимъ слогомъ.—«Полноте, сказала она печально:—я знаю все; но какою цѣною достанется вамъ читать эту книгу? Подумайте, что ожидаетъ васъ,

чего вы натерпитесь, сколько шансовъ не воротиться!.. Мнѣ жаль васъ, вашей участи, оттого я и плачу. Впрочемъ, вы не вѣрите слезамъ, прибавила она:—но я плачу не для васъ: мнѣ просто плачется».

Мысль ѣхать, какъ хмѣль, туманила голову, и я безпечно и шутливо отвѣчалъ на всѣ предсказанія и предостереженія, пока еще событіе было далеко. Я все мечталъ—и давно мечталъ—объ этомъ вояжѣ, можетъ быть, съ той минуты, когда учитель сказалъ мнѣ, что если ѣхать отъ какой нибудь точки безостановочно, то воротишься къ ней съ другой стороны: мнѣ захотѣлось поѣхать съ праваго берега Волги, на которомъ я родился, и воротиться съ лѣваго; хотѣлось самому туда, гдѣ учитель указываетъ пальцемъ быть экватору, полюсамъ, тропикамъ. Но когда, потомъ, отъ карты и отъ учительской указки, я перешелъ къ подвигамъ и приключеніямъ Куковъ, Ванкуверовъ, я опечалился: что̀ передъ ихъ подвигами гомеровы герои, Аяксы, Ахиллесы и самъ Геркулесъ? Дѣти! Робкій умъ мальчика, родившагося среди материка и невидавшаго никогда моря, цѣпенѣлъ передъ ужасами и бѣдами, которыми наполненъ путь пловцовъ. Но съ лѣтами ужасы изглаживались изъ памяти, и въ воображеніи жили, и пережили молодость, только картины тропическихъ лѣсовъ, синяго моря, золотаго, радужнаго неба.

«Нѣтъ, не въ Парижъ хочу», помните, твердилъ я вамъ, «не въ Лондонъ,—даже не въ Италію, какъ звучно вы о ней ни пѣли, поэтъ *),—хочу въ Бразилію, въ Индію, хочу туда, гдѣ солнце изъ камня вызываетъ жизнь и тутъ же рядомъ превращаетъ въ камень все, чего коснется своимъ огнемъ; гдѣ человѣкъ, какъ праотецъ нашъ, рветъ

*) А. Н. Майковъ.

несѣянный плодъ, гдѣ рыщетъ левъ, пресмыкается змѣй, гдѣ царствуетъ вѣчное лѣто—туда, въ свѣтлые чертоги Божьяго міра, гдѣ природа, какъ баядерка, дышетъ сладострастіемъ, гдѣ душно, страшно и обаятельно жить, гдѣ обезсиленная фантазія нѣмѣетъ передъ готовымъ созданіемъ, гдѣ глаза не устанутъ смотрѣть, а сердце биться».

Все было загадачно и фантастически прекрасно въ волшебной дали: счастливцы ходили и возвращались съ заманчивою, но глухою повѣстью о чудесахъ, съ дѣтскимъ толкованіемъ тайнъ міра. Но вотъ явился человѣкъ, мудрецъ и поэтъ, и озарилъ таинственные углы. Онъ пошелъ туда съ компасомъ, заступомъ, циркулемъ и кистью, съ сердцемъ, полнымъ вѣры къ Творцу и любви къ Его мірозданію. Онъ внесъ жизнь, разумъ и опытъ въ каменныя пустыни, въ глушь лѣсовъ, и силою свѣтлаго разумѣнія указалъ путь тысячамъ за собою. «Космосъ!» Еще мучительнѣе прежняго хотѣлось взглянуть живыми глазами на живой космосъ. «Подалъ бы я, думалось мнѣ, довѣрчиво мудрецу руку, какъ дитя взрослому, сталъ бы внимательно слушать, и, если понялъ бы на столько, на сколько ребенокъ понимаетъ толкованія дядьки, я былъ бы богатъ и этимъ скуднымъ разумѣніемъ». Но и эта мечта улеглась въ воображеніи, вслѣдъ многимъ другимъ. Дни мелькали, жизнь грозила пустотой, сумерками, вѣчными буднями: дни, хотя порознь разнообразные, сливались въ одну утомительно-однообразную массу годовъ. Зѣвота за дѣломъ, за книгой, зѣвота въ спектаклѣ, и та же зѣвота въ шумномъ собраніи и въ пріятельской бесѣдѣ!

И вдругъ неожиданно суждено было воскресить мечты, расшевелить воспоминанія, вспомнить давно забытыхъ мною кругосвѣтныхъ героевъ. Вдругъ и я вслѣдъ за ними иду вокругъ свѣта! Я радостно содрогнулся при

мысли: я буду въ Китаѣ, въ Индіи, переплыву океаны, ступлю ногою на тѣ острова, гдѣ гуляетъ въ первобытной простотѣ дикарь, посмотрю на эти чудеса—и жизнь моя не будетъ празднымъ отраженіемъ мелкимъ, надоѣвшихъ явленій. Я обновился; всѣ мечты и надежды юности, сама юность воротилась ко мнѣ. Скорѣй, скорѣй въ путь!

Странное, однако, чувство одолѣло меня, когда рѣшено было, что я ѣду: тогда только сознаніе о громадности предпріятія заговорило полно и отчетливо. Радужныя мечты поблѣднѣли надолго; подвигъ подавлялъ воображеніе, силы ослабѣвали, нервы падали по мѣрѣ того, какъ наступалъ часъ отъѣзда. Я началъ завидовать участи остающихся, радовался, когда являлось препятствіе, и самъ раздувалъ затрудненія, искалъ предлоговъ остаться. Но судьба, по бо̀льшей части мѣшающая нашимъ намѣреніямъ, тутъ какъ будто задала себѣ задачу помогать. И люди тоже, даже незнакомые, въ другое время недоступные, хуже судьбы, какъ будто сговорились уладить дѣло. Я былъ жертвой внутренней борьбы, волненій, почти изнемогалъ. Куда это? Что̀ я затѣялъ? И на лицахъ другихъ мнѣ страшно было читать эти вопросы. Участіе пугало меня. Я съ тоской смотрѣлъ, какъ пустѣла моя квартира, какъ изъ нея понесли мебель, письменный столъ, покойное кресло, диванъ. Покинуть все это, промѣнять на что̀?

Жизнь моя какъ-то раздвоилась, или какъ будто мнѣ дали вдругъ двѣ жизни, отвели квартиру въ двухъ мірахъ. Въ одномъ я—скромный чиновникъ, въ форменномъ фракѣ, робѣющій передъ начальническимъ взглядомъ, боящійся простуды, заключенный въ четырехъ стѣнахъ, съ нѣсколькими десятками похожихъ другъ на друга лицъ, вицъ-мундировъ. Въ другомъ я—новый аргонавтъ, въ соломенной шляпѣ, въ бѣлой льняной курткѣ, можетъ быть, съ та-

бачной жвачкой во рту, стремящійся по безднамъ за золотымъ руномъ въ недоступную Колхиду, мѣняющій ежемѣсячно климаты, небеса, моря, государства. Тамъ я редакторъ докладовъ, отношеній и предписаній; здѣсь—пѣвецъ, хотя ex officio, похода. Какъ пережить эту другую жизнь, сдѣлаться гражданиномъ другаго міра? Какъ замѣнить робость чиновника и апатію русскаго литератора энергіею мореходца, изнѣженность горожанина загрубѣлостью матроса? Мнѣ не дано ни другихъ костей, ни новыхъ нервъ. А тутъ вдругъ, отъ прогулокъ въ Петергофъ и Парголово, шагнуть къ экватору, оттуда къ предѣламъ южнаго полюса, отъ южнаго къ сѣверному, переплыть четыре океана, окружить пять материковъ и мечтать воротиться.... Дѣйствительность, какъ туча, приближалась все грознѣй и грознѣй; душу посѣщалъ и мелочной страхъ, когда я углублялся въ подробный анализъ предстоящаго вояжа. Морская болѣзнь, перемѣны климата, тропическій зной, злокачественныя лихорадки, звѣри, дикари, бури — все приходило на умъ, особенно бури. Хотя я и безпечно отвѣчалъ на всѣ, частію трогательныя, частію смѣшныя предостереженія друзей, но страхъ нерѣдко и днемъ и ночью рисовалъ мнѣ призраки бѣдъ. То представлялась скала, у подножія которой лежитъ наше разбитое судно, и утопающіе напрасно хватаются усталыми руками за гладкіе камни; то снилось, что я на пустомъ островѣ, выброшенный съ обломкомъ корабля, умираю съ голода... Я просыпался съ трепетомъ, съ каплями пота на лбу. Вѣдь корабль, какъ онъ ни проченъ, какъ ни приспособленъ къ морю, что̀ онъ такое?—щепка, корзинка, эпиграмма на человѣческую силу. Я боялся, выдержитъ ли непривычный организмъ массу суровыхъ обстоятельствъ, этотъ крутой поворотъ отъ мирной жизни къ постоянному бою съ но-

выми и рѣзкими явленіями бродячаго быта? Да наконецъ, хватитъ ли души вмѣстить вдругъ, неожиданно развивающуюся картину міра? Вѣдь это дерзость почти титаническая! Гдѣ взять силы, чтобъ воспринять массу великихъ впечатлѣній? И когда ворвутся въ душу эти великолѣпные гости, не смутится ли самъ хозяинъ среди своего пира?

Я справлялся, какъ могъ, съ сомнѣніями: одни удалось побѣдить, другія оставались нерѣшенными до тѣхъ поръ, пока дойдетъ до нихъ очередь, и я мало-по-малу ободрился. Я вспомнилъ, что путь этотъ уже не Магелланов путь, что съ загадками и страхами справились люди. Не величавый образъ Колумба и Васко-де-Гама гадательно смотритъ съ палубы въ даль, въ неизвѣстное будущее: англійскій лоцманъ, въ синей курткѣ, въ кожаныхъ панталонахъ, съ краснымъ лицомъ, да русскій штурманъ, съ знакомъ отличія безпорочной службы, указываютъ пальцемъ путь кораблю и безошибочно назначаютъ день и часъ его прибытія. Между моряками, зѣвая апатически, лѣниво смотритъ «въ безбрежную даль» океана литераторъ, помышляя о томъ, хороши ли гостинницы въ Бразиліи, есть ли прачки на Сандвичевыхъ островахъ, на чемъ ѣздятъ въ Австраліи? — Гостинницы отличныя, отвѣчаютъ ему, на Сандвичевыхъ островахъ найдете все: нѣмецкую колонію, французскіе отели, англійскій портеръ — все, кромѣ — дикихъ. Въ Австраліи есть кареты и коляски, китайцы начали носить ирландское полотно; въ Остъ-Индіи говорятъ всѣ по-англійски; американскіе дикари изъ лѣса порываются въ Парижъ и въ Лондонъ, просятся въ университетъ; въ Африкѣ черные начинаютъ стыдиться своего цвѣта лица и понемногу привыкаютъ носить бѣлыя перчатки. Лишь съ большимъ трудомъ и издержками можно попасть въ кольца удава или

въ когти тигра и льва. Китай долго крѣпился, но и этотъ сундукъ, съ старою рухлядью, вскрылся — крышка слетѣла съ петель, подорванная порохомъ. Европеецъ роется въ ветоши, достаетъ что̀ придется ему въ пору, обновляетъ, хозяйничаетъ.... Пройдетъ еще немного времени, и не станетъ ни одного чуда, ни одной тайны, ни одной опасности, никакого неудобства. И теперъ воды морской нѣтъ, ее дѣлаютъ прѣсною, за пять тысячъ верстъ отъ берега является блюдо свѣжей зелени и дичи; подъ экваторомъ можно поѣсть русской капусты и щей. Части свѣта быстро сближаются между собою: изъ Европы въ Америку — рукой подать; поговариваютъ, что будутъ ѣздить туда въ сорокъ-восемь часовъ — пуфъ, шутка, конечно, но современный пуфъ, намекающій на будущіе гигантскіе успѣхи мореплаванія.

Скорѣй же, скорѣй въ путь! Поэзія дальнихъ странствій исчезаетъ не по днямъ, а по часамъ. Мы, можетъ быть, послѣдніе путешественники, въ смыслѣ аргонавтовъ: на насъ еще, по возвращеніи, взглянутъ съ участіемъ и завистью.

Казалось, всѣ страхи, какъ мечты, улеглись: впередъ манилъ просторъ и рядъ неиспытанныхъ наслажденій. Грудь дышала свободно, на встрѣчу вѣяло уже югомъ, манили голубыя небеса и воды. Но вдругъ за этою перспективой возникало опять грозное привидѣніе и росло по мѣрѣ того, какъ я вдавался въ путь. Это привидѣніе была мысль: какая обязанность лежитъ на грамотномъ путешественникѣ передъ соотечественниками, передъ обществомъ, которое слѣдитъ за плавателями? Экспедиція въ Японію — не иголка: ее не спрячешь, не потеряешь. Трудно теперь съѣздить и въ Италію, безъ вѣдома публики, тому, кто разъ брался за перо. А тутъ предстоитъ

объѣхать весь міръ и разсказать объ этомъ такъ, чтобъ слушали разсказъ безъ скуки, безъ нетерпѣнія. Но какъ и что разсказывать и описывать? Это одно и то же, что спросить, съ какою физіономіей явиться въ общество?

Нѣтъ науки о путешествіяхъ: авторитеты, начиная отъ Аристотеля до Ломоносова включительно, молчатъ; путешествія не попали подъ ферулу реторики, и писатель свободенъ пробираться въ нѣдра горъ, или опускаться въ глубину океановъ, съ ученою пытливостью, или, пожалуй, на крыльяхъ вдохновенія скользить по нимъ быстро и ловить мимоходомъ, на бумагу, ихъ образы; описывать страны и народы исторически, статистически, или только посмотрѣть, каковы трактиры — словомъ, никому не отведено столько простора и никому отъ этого такъ не тѣсно писать, какъ путешественнику. Говорить ли о теоріи вѣтровъ, о направленіи и курсахъ корабля, о широтахъ и долготахъ, или докладывать, что такая-то страна была когда-то подъ водою, а вотъ это дно было наружѣ; этотъ островъ произошелъ отъ огня, а тотъ отъ сырости; начало этой страны относится къ такому времени, народъ произошелъ оттуда, и при этомъ старательно выписать изъ ученыхъ авторитетовъ, откуда, что и какъ. Но вы спрашиваете чего-нибудь позанимательнѣе. Все, что я говорю, очень важно; путешественнику стыдно заниматься будничнымъ дѣломъ: онъ долженъ посвящать себя преимущественно тому, чего ужъ нѣтъ давно, или тому, что, можетъ-быть, было, а можетъ-быть и нѣтъ. «Отошлите это въ ученое общество, въ академію, говорите вы, — а бесѣдуя съ людьми всякаго образованія, пишите иначе. Давайте намъ чудесъ, поэзіи, огня, жизни и красокъ!»

Чудесъ, поэзіи! Я сказалъ, что ихъ нѣтъ, этихъ чудесъ: путешествія утратили чудесный характеръ. Я не

сражался со львами и тиграми, не пробовалъ человѣческаго мяса. Все подходитъ подъ какой-то прозаическій уровень. Колонисты не мучатъ невольниковъ, покупщики и продавцы негровъ называются уже не купцами, а разбойниками; въ пустыняхъ учреждаются станціи, отели; черезъ бездонныя пропасти вѣшаютъ мосты. Я съ комфортомъ и безопасно проѣхалъ сквозь рядъ португальцевъ и англичанъ—на Мадерѣ и островахъ Зеленаго мыса; голландцевъ, негровъ, готтентотовъ и опять англичанъ — на мысѣ Доброй Надежды; малайцевъ, индусовъ и... англичанъ — въ Малайскомъ архипелагѣ и Китаѣ, наконецъ сквозь японцевъ и американцевъ — въ Японіи. Что̀ за чудо увидѣть теперь пальму и бананъ, не на картинѣ, а въ натурѣ, на ихъ родной почвѣ, ѣсть прямо съ дерева гуавы, мангу и ананасы, не изъ теплицъ, тощіе и сухіе, а сочные, съ римскій огурецъ величиною? Что̀ удивительнаго теряться въ кокосовыхъ неизмѣримыхъ лѣсахъ, путаться ногами въ ползучихъ ліанахъ, между высокихъ, какъ башни, деревьевъ, встрѣчаться съ этими цвѣтными странными нашими братьями? А море? И оно обыкновенно во всѣхъ своихъ видахъ, бурное, или неподвижное, и небо тоже, полуденное, вечернее, ночное, съ разбросанными, какъ песокъ, звѣздами? Все такъ обыкновенно, все это такъ должно быть. Напротивъ, я уѣхалъ отъ чудесъ: въ тропикахъ ихъ нѣтъ. Тамъ все одинаково, все просто. Два времени года, и то это такъ говорится, а въ самомъ дѣлѣ ни одного: зимой жарко, а лѣтомъ знойно; а у васъ тамъ, на «дальнемъ сѣверѣ», четыре сезона, и то это положено по календарю, а въ самомъ-то дѣлѣ ихъ семь или восемь. Сверхъ положенныхъ, тамъ въ апрѣлѣ является нежданное лѣто, моритъ духотой, а въ іюнѣ непрошенная зима порошитъ иногда снѣгомъ,

потомъ вдругъ наступитъ зной, какому позавидуютъ тропики, и все цвѣтетъ и благоухаетъ тогда на пять минутъ, подъ этими страшными лучами. Раза три въ годъ, Финскій заливъ и покрывающее его сѣрое небо нарядятся въ голубой цвѣтъ и млѣютъ, любуясь другъ другомъ, и сѣверный человѣкъ, ѣдучи изъ Петербурга въ Петергофъ, не насмотрится на рѣдкое «чудо», ликуетъ въ непривычномъ зноѣ, и все залюкуетъ: дерево, цвѣтокъ и животное. Въ тропикахъ, напротивъ, страна вѣчнаго зефира, вѣчнаго зноя, покоя и синевы небесъ и моря. Все однообразно!

И поэзія измѣнила свою священную красоту. Ваши музы, любезные поэты *), законныя дочери парнасскихъ Каменъ, не подали бы вамъ услужливой лиры, не указали бы на тотъ поэтическій образъ, который кидается въ глаза новѣйшему путешественнику. И какой это образъ! Не блистающій красотою, не съ атрибутами силы, не съ искрой демонскаго огня въ глазахъ, не съ мечемъ, не въ коронѣ, а просто въ черномъ фракѣ, въ круглой шляпѣ, въ бѣломъ жилетѣ, съ зонтикомъ въ рукахъ. Но образъ этотъ властвуетъ въ мірѣ надъ умами и страстями. Онъ всюду: я видѣлъ его въ Англіи — на улицѣ, за прилавкомъ магазина, въ законодательной палатѣ, на биржѣ. Все изящество образа этого, съ синими глазами, блеститъ въ тончайшей и бѣлѣйшей рубашкѣ, въ гладко выбритомъ подбородкѣ и красиво причесанныхъ русыхъ или рыжихъ бакенбардахъ. Я писалъ вамъ, какъ мы, гонимые бурнымъ вѣтромъ, дрожа отъ сѣвернаго холода, пробѣжали мимо береговъ Европы, какъ въ первый разъ палъ на насъ у подошвы горъ Мадеры, ласковый лучъ солнца, и послѣ угрюмаго, сѣро-свинцоваго неба и такого же моря, заплес-

---

*) В. Г. Бенедиктовъ и А. Н. Майковъ.

кали голубыя волны, засіяли синія небеса, какъ мы жадно бросились къ берегу погрѣться горячимъ дыханіемъ земли, какъ упивались за версту повѣявшимъ съ берега благоуханіемъ цвѣтовъ. Радостно вскочили мы на цвѣтущій берегъ, подъ олеандры. Я сдѣлалъ шагъ и остановился въ недоумѣніи, въ огорченіи: какъ, и подъ этимъ небомъ, среди ярко-блещущихъ красокъ моря и зелени... стояли три знакомые ὀбраза, въ черномъ платьѣ, въ круглыхъ шляпахъ! Они, опираясь на зонтики, повелительно смотрѣли своими синими глазами на море, на корабли и на воздымавшуюся надъ ихъ головами и поросшую виноградниками гору. Я шелъ по горѣ: подъ портиками, между фестонами виноградной зелени, мелькалъ тотъ же образъ; холоднымъ и строгимъ взглядомъ слѣдилъ онъ, какъ толпы смуглыхъ жителей юга добывали, обливаясь пὀтомъ, драгоцѣнный сокъ своей почвы, какъ катили бочки къ берегу и усылали въ даль, получая за это отъ повелителей право ѣсть хлѣбъ своей земли. Въ океанѣ, въ мгновенныхъ встрѣчахъ, тотъ же образъ видѣнъ былъ на палубѣ кораблей, насвистывающій сквозь зубы: rule Britannia upon the sea. Я видѣлъ его на пескахъ Африки, слѣдящаго за работой негровъ, на плантаціяхъ Индіи и Китая, среди тюковъ чаю, взглядомъ и словомъ, на своемъ родномъ языкѣ, повелѣвающаго народами, кораблями, пушками, двигающаго необъятными естественными силами природы... Вездѣ и всюду этотъ образъ англійскаго купца носится надъ стихіями, надъ трудомъ человѣка, торжествуетъ надъ природой!

Но довольно дѣлать pas de géants: будемъ путешествовать умѣренно, шагъ за шагомъ. Я уже успѣлъ побывать съ вами въ пальмовыхъ лѣсахъ, на раздольѣ океановъ, не выѣхавъ изъ Кронштадта. Оно и не легко: если,

собираясь куда-нибудь на богомолье, въ Кіевъ, или изъ деревни въ Москву, путешественникъ не оберется суматохи, по десяти разъ кидается въ объятія родныхъ и друзей, закусываетъ, присаживается и т. п., то сдѣлайте посылку, сколько понадобится времени, чтобы тронуться четыремъ стамъ человѣкъ—въ Японію. Три раза ѣздилъ я въ Кронштадтъ, и все что-нибудь было еще не готово. Отъѣздъ откладывался на сутки, и я возвращался еще провести день тамъ, гдѣ провелъ лѣтъ семнадцать, и гдѣ наскучило жить. «Увижу ли я опять эти главы и кресты?» прощался я мысленно, отваливая въ четвертый и послѣдній разъ отъ Англійской набережной.

Наконецъ 7 октября фрегатъ «Паллада» снялся съ якоря. Съ этимъ началась для меня жизнь, въ которой каждое движеніе, каждый шагъ, каждое впечатлѣніе были не похожи ни на какіе прежніе.

Вскорѣ все стройно засуетилось на фрегатѣ, до тѣхъ поръ неподвижномъ. Всѣ четыреста человѣкъ экипажа столпились на палубѣ, раздались командныя слова, многіе матросы поползли вверхъ по вантамъ, какъ мухи облѣпили реи, и судно окрылилось парусами. Но вѣтеръ былъ не совсѣмъ попутный, и потому насъ потащилъ по заливу сильный пароходъ и на разсвѣтѣ воротился, а мы стали бороться съ поднявшимся бурнымъ, или, какъ моряки говорятъ, «свѣжимъ» вѣтромъ. Началась сильная качка. Но эта первая буря мало подѣйствовала на меня: не бывши никогда на морѣ, я думалъ, что это такъ должно быть, что иначе не бываетъ, то-есть, что корабль всегда раскачивается на обѣ стороны, палуба вырывается изъ-подъ ногъ, и море какъ будто опрокидывается на голову.

Я сидѣлъ въ каютъ-компаніи, прислушиваясь въ недоумѣніи къ свисту вѣтра между снастей и къ ударамъ

волнъ въ бока судна. Наверху было холодно; косой, мерзлый дождь хлесталъ въ лицо. Офицеры беззаботно разговаривали между собой, какъ въ комнатѣ, на берегу; иные читали. Вдругъ раздался пронзительный свистъ, но не вѣтра, а боцманскихъ свистковъ, и вслѣдъ затѣмъ разнесся по всѣмъ палубамъ крикъ десяти голосовъ: «Пошелъ всѣ наверхъ» Мгновенно все народонаселеніе фрегата бросилось снизу вверхъ; отсталыхъ матросовъ побуждали боцмана. Офицеры бросили книги, карты (географическія: другихъ тамъ нѣтъ), разговоры, и стремительно побѣжали туда же. Непривычному человѣку покажется, что случилось какое нибудь бѣдствіе, какъ-будто что-нибудь сломалось, оборвалось, и корабль сейчасъ пойдетъ на дно. «Зачѣмъ это зовутъ всѣхъ наверхъ?» спросилъ я бѣжавшаго мимо меня мичмана. «Свистятъ всѣхъ наверхъ, когда есть авральная работа», сказалъ онъ въ торопяхъ и исчезъ. Цѣпляясь за трапы и веревки, я выбрался на палубу и сталъ въ уголокъ. Все суетилось. «Что это такое авральная работа?» спросилъ я другаго офицера. — «Это когда свистятъ всѣхъ наверхъ», отвѣчалъ онъ и занялся—авральною работой. Я старался составить себѣ идею о томъ, что эта за работа, глядя что дѣлаютъ, но ничего не уразумѣлъ: дѣлали все то же, что вчера, что, вѣроятно, будутъ дѣлать завтра: тянутъ снасти, поворачиваютъ реи, подбираютъ паруса. Офицеры объяснили мнѣ сущую истину, мнѣ бы слѣдовало такъ и понять просто, какъ оно было сказано — и вся тайна была тутъ. Авральная работа значитъ—общая работа, когда одной вахты мало, нужны всѣ руки, оттого всѣхъ и «свистятъ наверхъ»! По-англійски, если не ошибаюсь, и командуютъ «всѣ руки вверхъ!» (all hands up!). Черезъ пять минутъ, сдѣлавъ что нужно, всѣ разошлись

по своимъ мѣстамъ. Б. К. въ трехъ шагахъ отъ меня насвистывалъ подъ шумъ бури мотивъ изъ оперы. Напрасно я силился подойти къ нему: ноги не повиновались, и онъ смѣялся моимъ усиліямъ. «Морскихъ ногъ нѣтъ еще у васъ», сказалъ онъ. — «А скоро будутъ?» спросилъ я. «Мѣсяца черезъ два, вѣроятно.» Я вздохнулъ: только это и оставалось мнѣ сдѣлать при мысли, что я еще два мѣсяца буду ходить какъ ребенокъ, держась за юбку няньки. Вскорѣ обнаружилась морская болѣзнь у молодыхъ и подверженныхъ ей, или небывшихъ давно въ походѣ моряковъ. Я ждалъ, когда начну и я отдавалъ эту скучную дань морю, а ждалъ непремѣнно. Между-тѣмъ, наблюдалъ за другими: вотъ молодой человѣкъ, гардемаринъ, блѣднѣетъ, опускается на стулъ; глаза у него тускнѣютъ, голова клонится на сторону. Вотъ смѣнили часоваго и онъ, отдавъ ружье, бѣжитъ опрометью на бакъ. Офицеръ хотѣлъ что-то закричать матросамъ, но вдругъ отвернулся лицомъ къ морю и оперся на бортъ... «Что это, васъ, кажется, *травитъ?* говоритъ ему другой. (*Травить*, *вытравливать*—значитъ выпускать понемногу канатъ). Едва успѣваешь отскакивать, то отъ того, то отъ другаго...—«Выпейте водки,» говорятъ мнѣ одни. — «Нѣтъ, лучше лимоннаго соку,» совѣтуютъ другіе; третьи предлагаютъ луку или рѣдьки. Я не зналъ, на что рѣшиться, чтобы предупредить болѣзнь, и закурилъ сигару. Болѣзнь все не приходила, и я тревожно похаживалъ между больными, ожидая, вотъ-вотъ начнется. «Вы курите въ качку сигару и ожидаете послѣ этого, что васъ укачаетъ: напрасно!» сказалъ мнѣ одинъ изъ спутниковъ. И въ самомъ дѣлѣ напрасно: во все время плаванія я ни разу не почувствовалъ ни малѣйшей дурноты и возбуждалъ зависть даже въ морякахъ.

Я съ перваго шага на корабль сталъ осматриваться. И теперь еще, при концѣ плаванія, я помню то тяжелое впечатлѣніе, отъ котораго сжалось сердце, когда я въ первый разъ вглядывался въ принадлежности судна, заглянулъ въ трюмъ, въ темные закоулки, какъ мышиныя норки, куда едва доходитъ блѣдный лучъ свѣта чрезъ толстое въ ладонь стекло. Съ перваго раза невыгодно дѣйствуетъ на воображеніе все, что̀ потомъ привычному глазу кажется удобствомъ: недостатокъ свѣта, простора, люки, куда люди какъ-будто проваливаются, пригвожденные къ стѣнамъ коммоды и диваны, привязанные къ полу столы и стулья, тяжелыя орудія, ядра и картечи, правильными кучами на кранцахъ, какъ на подносахъ, разставленныя у орудій; груды снастей, висящихъ, лежащихъ, двигающихся и неподвижныхъ, койки, вмѣсто постелей, отсутствіе всего лишняго; порядокъ и стройность, вмѣсто красиваго безпорядка и некрасивой распущенности, какъ въ людяхъ, такъ и въ убранствѣ этого пловучаго жилища. Робко ходитъ въ первый разъ человѣкъ на кораблѣ: каюта ему кажется гробомъ, а между тѣмъ, едва ли онъ безопаснѣе въ многолюдномъ городѣ, на шумной улицѣ, чѣмъ на крѣпкомъ парусномъ суднѣ, въ океанѣ. Но къ этой истинѣ я пришелъ не скоро.

Намъ, Русскимъ, дѣлаютъ упрекъ въ лѣни, и недаромъ. Сознаемся сами, безъ помощи иностранцевъ, что мы тяжелы на подъемъ. Можно ли повѣрить, что въ Петербургѣ есть множество людей, тамошнихъ уроженцевъ, которые никогда не бывали въ Кронштадтѣ оттого, что туда надо ѣхать моремъ, именно оттого, зачѣмъ бы стоило съѣздить за тысячу верстъ, чтобы только испытать этотъ способъ путешествія? Моряки особенно жаловались мнѣ на недостатокъ любознательности въ нашей публикѣ

ко всему, что̀ касается моря и флота, и приводили въ примѣръ англичанъ, которые толпами, съ женами и дѣтьми, являются на всякій корабль, приходящій въ портъ. Первая часть упрека совершенно основательна, то-есть въ недостаткѣ любопытства; что касается до второй, то англичане намъ не примѣръ. У англичанъ море — ихъ почва: имъ не по чемъ ходить больше. Оттого въ англійскомъ обществѣ есть множество женщинъ, которыя бывали во всѣхъ пяти частяхъ свѣта. Нѣкоторыя постоянно живутъ въ Индіи и пріѣзжаютъ видѣться съ родными въ Лондонъ, какъ у насъ изъ Тамбова въ Москву. Слѣдуетъ ли отъ этого упрекать нашихъ женщинъ, что онѣ не бываютъ въ Китаѣ, на мысѣ Доброй Надежды, въ Австраліи, или англичанокъ, за то, что онѣ не бываютъ въ Камчаткѣ, на Кавказѣ, въ глубинѣ азіятскихъ степей?

Но не знать петербургскому жителю, что̀ такое палуба, мачта, реи, трюмъ, трапъ, гдѣ корма, гдѣ носъ, главныя части и принадлежности корабля — не совсѣмъ позволительно, когда подъ бокомъ стоитъ флотъ. Многіе оправдываются тѣмъ, что они не имѣютъ между моряками знакомыхъ, и оттого затрудняются сдѣлать визитъ на корабль, не зная, какъ «моряки примутъ». А примутъ отлично, какъ хорошіе знакомые; даже самолюбію ихъ будетъ пріятно участіе къ ихъ дѣлу, и они познакомятъ васъ съ нимъ съ радушіемъ и самою изысканною любезностью. Поѣзжайте лѣтомъ на кронштадтскій рейдъ, на любой военный корабль, адресуйтесь къ командиру, или старшему, или, наконецъ, къ вахтенному (караульному) офицеру, съ просьбой осмотрѣть корабль, и если нѣтъ «авральной» работы на кораблѣ, то я вамъ ручаюсь за самый пріятный пріемъ.

Пріѣхавъ на фрегатъ, еще съ багажемъ, я не зналъ,

куда ступить, и въ незнакомой толпѣ остался совершеннымъ сиротой. Я съ недоумѣніемъ глядѣлъ вокругъ себя и на свои, сложенныя въ кучу вещи. Не прошло минуты, ко мнѣ подошли три офицера: Б. Ш., мичманы Б. и К. — мои будущіе спутники и отличные пріятели. Съ ними подошла куча матросовъ. Они разомъ схватили все, что̀ было со мной, чуть не меня самого, и понесли въ назначенную мнѣ каюту. Пока Б. Ш. водворялъ меня въ ней, Б. привелъ молодаго, коренастаго, гладко остриженнаго матроса.—«Вотъ этотъ матросъ вамъ назначенъ въ вѣстовые», сказалъ онъ. Это былъ Ѳаддеевъ, съ которымъ я уже давно познакомилъ васъ. — «Честь имѣю явиться», сказалъ онъ, вытянувшись и оборотившись ко мнѣ не лицомъ, а грудью: лицо у него всегда было обращено нѣсколько стороной къ предмету, на который онъ смотрѣлъ. Русые волосы, бѣлые глаза, бѣлое лицо, тонкія губы—все это напоминало скорѣе Финляндію, нежели Кострому, его родину. Съ этой минуты мы уже съ нимъ не разлучны до сихъ поръ. Я изучилъ его недѣли въ три окончательно, то-есть, пока шли до Англіи; онъ меня, я думаю, въ три дня. Сметливость и «себѣ на умѣ» были не послѣдними его достоинствами, которыя прикрывались у него наружною неуклюжестью костромитянина и субординаціею матроса.—«Помоги моему человѣку установить вещи въ каютѣ», отдалъ я ему первое приказаніе. И то, что̀ моему слугѣ стало бы на два утра работы, Ѳаддеевъ сдѣлалъ въ три пріема — не спрашивайте какъ. Такой ловкости и цѣпкости, какою обладаетъ матросъ вообще, а Ѳаддеевъ въ особенности, встрѣтишь развѣ въ кошкѣ. Черезъ полчаса все было на своемъ мѣстѣ, между-прочимъ, и книги, которыя онъ расположилъ на коммодѣ въ углу полукружіемъ и перевязалъ,

на случай качки, веревками такъ, что нельзя было вынуть ни одной безъ его же чудовищной силы и ловкости, и я до Англіи пользовался книгами изъ чужихъ библіотекъ.

«Вы, вѣрно, не обѣдали, сказалъ Б. — а мы уже кончили свой обѣдъ: не угодно ли закусить?» Онъ привелъ меня въ каютъ-компанію, просторную комнату внизу, на кубрикѣ, безъ оконъ, но съ люкомъ наверху, чрезъ который падаетъ обильный свѣтъ. Кругомъ помѣщались маленькія каюты офицеровъ, а по срединѣ насквозь проходила бизань-мачта, замаскированная круглымъ диваномъ. Въ каютъ-компаніи стоялъ длинный столъ, какіе бываютъ въ классахъ, со скамьями. На немъ офицеры обѣдаютъ и занимаются. Была еще кушетка и больше ничего. Какъ ни массивенъ этотъ столъ, но, при сильной качкѣ, и его бросало изъ стороны въ сторону, и чуть-было однажды не задавило нашего миньятюрнаго, добраго, услужливаго распорядителя офицерскаго стола, П. А. Т. Въ офицерскихъ каютахъ было только мѣсто для постели, для коммода, который въ тоже время служилъ и столомъ, и для стула. Но за то все пригнано къ помѣщенію всякой всячины, какъ нельзя лучше. Платье висѣло на перегородкѣ, бѣлье лежало въ ящикахъ, устроенныхъ въ постели, книги стояли на полкахъ.

Офицеровъ никого не было въ каютъ-компаніи: всѣ были наверху, вѣроятно, «на авральной работѣ». Подали холодную закуску. А. А. Б. угощалъ меня. «Извините, горячаго у насъ ничего нѣтъ, сказалъ онъ: всѣ огни потушены. Порохъ принимаемъ». — Порохъ? а много его здѣсь?» освѣдомился я съ большимъ участіемъ. — «Пудовъ пятьсотъ приняли: остается еще принять пудовъ триста».—«А гдѣ онъ у васъ лежитъ? еще съ бо̀льшимъ участіемъ спросилъ я.—«Да вотъ здѣсь, сказалъ онъ, ука-

зывая на полъ, подъ вами». Я немного пріостановился жевать при мысли, что подо мной уже лежитъ 500 пудовъ пороху, и что въ эту минуту вся «авральная работа» сосредоточена на томъ, чтобы подложить еще пудовъ триста. «Это хорошо, что огни потушены», похвалилъ я за предусмотрительность. «Помилуйте, что̀ за хорошо: курить нельзя», сказалъ другой, входя въ каюту.— «Вотъ какое различіе бываетъ во взглядахъ на одинъ и тотъ же предметъ!» подумалъ я въ ту минуту, а черезъ мѣсяцъ, когда, во время починки фрегата въ Портсмутѣ, сдавали порохъ на сбереженіе въ англійское адмиралтейство, ужасно ропталъ, что огня не даютъ и что покурить нельзя.

Къ вечеру собрались всѣ: камбузъ (печь) запылалъ; подали чай, ужинъ — и задымились сигары. Я перезнакомился со всѣми, и вотъ съ тѣхъ поръ до сей минуты— какъ дома. Я думалъ, судя по прежнимъ слухамъ, что слово чай у моряковъ есть только аллегорія, подъ которою надо разумѣть пуншъ, и ожидалъ, что когда офицеры соберутся къ столу, то начнется авральная работа за пуншемъ, загорится живой разговоръ, а съ нимъ и носы, потомъ кончится дѣло объясненіями въ дружбѣ, даже объятіями, словомъ, исполнится вся программа оргіи. Я уже придумалъ, какъ мнѣ отдѣлаться отъ участія въ ней. Но къ удивленію и удовольствію моему, на длинномъ столѣ стоялъ всего одинъ графинъ хереса, изъ котораго человѣка два выпили по рюмкѣ, другіе и не замѣтили его. Послѣ, когда предложено было вовсе не подавать вина за ужиномъ, всѣ единодушно согласились. Рѣшили: излишекъ въ экономіи отъ вина приложить къ суммѣ, опредѣленной на библіотеку. О ней былъ длинный разговоръ за ужиномъ, «а объ водкѣ ни полслова!»

Не то разсказывалъ мнѣ одинъ старый морякъ о прежнихъ временахъ! «Бывало, смѣнишься съ вахты иззябшій и перемокшій—да какъ хватишь стакановъ шесть пунша!...» говорилъ онъ. Ѳаддеевъ устроилъ мнѣ койку и я, несмотря на октябрь, на дождь, на лежавшіе подъ ногами восемьсотъ пудовъ пороха, заснулъ, какъ рѣдко спалъ на берегу, утомленный хлопотами переѣзда, убаюканный свѣжестью воздуха и новыми, не непріятными впечатлѣніями. Утромъ я только что проснулся, какъ увидѣлъ въ каютѣ своего городскаго слугу, который не успѣлъ съ вечера отправиться на берегъ и ночевалъ съ матросами. «Баринъ! сказалъ онъ встревоженнымъ и умоляющимъ голосомъ: не ѣздите, Христа ради, по морю!» — «Куда?» — «А куда ѣдете: по край свѣта». — «Какъ же ѣхать?» — «Матросы сказывали, что сухимъ путемъ можно.» — «Отчего жь не по морю?» — «Ахъ, Господи! какія страсти разсказываютъ. Говорятъ: вонъ съ этого бревна, что наверху поперекъ виситъ...»— «Съ рея, поправилъ я. Что жь случилось?»—«Въ бурю вѣтромъ пятнадцать человѣкъ въ море снесло; насилу вытащили, а одинъ утонулъ. Не ѣздите, Христа ради!» Вслушавшись въ нашъ разговоръ, Ѳаддеевъ замѣтилъ, что качка ничего, а что есть на морѣ такія мѣста, гдѣ «крутитъ», и когда корабль въ эдакую «кручу» попадетъ, такъ сейчасъ вверхъ килемъ перевернется. «Какъ же быть-то, спросилъ я, и гдѣ такія мѣста есть?» — «Гдѣ такія мѣста есть?» повторилъ онъ:—штурмана знаютъ, туда не ходятъ».

И такъ мы снялись съ якоря. Море бурно и желто, облака сѣрыя, непроницаемыя; дождь и снѣгъ шли попеременно—вотъ что провожало насъ изъ отечества. Ванты и снасти леденѣли. Матросы въ байковыхъ пальто, жались въ кучу. Фрегатъ, со скрипомъ и стономъ, перева-

ливался съ волны на волну; берегъ, въ виду котораго шли мы, зарылся въ туманахъ. Вахтенный офицеръ, въ кожаномъ пальто и клеенчатой фуражкѣ, зорко глядѣлъ вокругъ, стараясь не выставлять наружу ничего, кромѣ усовъ, которымъ предоставлялась полная свобода мерзнуть и мокнуть. Больше всѣхъ заботы было *дѣду*. Я въ предъидущихъ письмахъ познакомилъ васъ съ нимъ и почти со всѣми моими спутниками. Не стану возвращаться къ ихъ характеристикѣ, а буду упоминать о каждомъ кстати, когда придетъ очередь. Дѣду, какъ старшему штурманскому капитану, предстояло наблюдать за курсомъ корабля. Финскій заливъ весь усѣянъ мелями, но онъ превосходно обставленъ маяками, и въ ясную погоду въ немъ такъ же безопасно, какъ на Невскомъ проспектѣ. А теперь, въ туманъ, дѣдъ, какъ ни напрягалъ зрѣніе, не могъ видѣть Нервинскаго маяка. Безпокойству его не было конца. У него только и было разговору, что̀ о маякѣ. «Какъ же такъ, говорилъ онъ всякому, кому и дѣла не было до маяка, между прочимъ и мнѣ: по разсчету ужь съ полчаса мы должны видѣть его. Онъ тутъ, непремѣнно тутъ, вотъ противъ этой ванты, ворчалъ онъ, указывая коротенькимъ пальцемъ въ туманъ: да каторжный туманъ мѣшаетъ. Ахъ, ты Господи! поди-ка посмотри ты, не увидишь ли?» говорилъ онъ кому-нибудь изъ матросъ.—«А это что̀ такое тамъ, какъ будто стрѣлка?... сказалъ я.—«Гдѣ? гдѣ?» живо спросилъ онъ.—«Да вонъ, кажется...» говорилъ я, указывая въ даль.—«Ахъ, въ самомъ дѣлѣ—вонъ, вонъ, да, да! Видѣнъ, видѣнъ!» торжественно говорилъ онъ и капитану, и старшему офицеру, и вахтенному, и бѣгалъ, то къ картѣ въ каюту, то опять наверхъ. «Видѣнъ, вотъ, вотъ онъ, весь видѣнъ!» твердилъ онъ, радуясь, какъ будто увидѣлъ роднаго отца. И пошелъ мѣрять и высчитывать узлы.

Мы прошли Готландъ. Тутъ я услышалъ морское повѣрье, что, поровнявшись съ этимъ островомъ, суда бросали, бывало, мѣдную монету духу, охраняющему островъ, чтобы онъ пропустилъ мимо безъ бурь. Готландъ — камень съ крутыми ровными боками, къ которымъ нѣтъ никакого приступу кораблямъ. Не разъ они дѣлались добычей бурнаго духа, и свирѣпое море высоко подбрасывало обломки ихъ, а иногда и трупы, на крутые бока негостепріимнаго острова. Прошли и Борнгольмъ — помните: «милый Борнгольмъ» и таинственную, недосказанную легенду Карамзина? Все было холодно, мрачно. На фрегатѣ открылась холера, и мы, дойдя только до Даніи, похоронили троихъ людей, да одинъ смѣлый матросъ сорвался въ бурную погоду въ море и утонулъ. Таково было наше обрученіе съ моремъ, и предсказаніе моего слуги отчасти сбылось. Подать упавшему помощь, не жертвуя другими людьми, по причинѣ сильнаго волненія, было невозможно.

Но дни шли своимъ чередомъ и жизнь на кораблѣ тоже. Отправляли службу, обѣдали, ужинали — все по свистку, и даже по свистку веселились. Обѣдъ—это тоже своего рода авральная работа. Въ батарейной палубѣ привѣшиваются большія чашки, называемыя «баками», куда накладывается кушанье изъ одного общаго или «братскаго» котла. Даютъ одно блюдо: щи съ солониной, съ рыбой, съ говядиной, или кашицу; на ужинъ то же, иногда кашу. Я подошелъ однажды попробовать. «Хлѣбъ да соль», сказалъ я. Одинъ изъ матросовъ, изъ учтивости, чисто облизалъ свою деревянную ложку и подалъ мнѣ. Щи превкусныя, съ сильною приправой луку. Конечно, нужно имѣть матросскій желудокъ, то-есть нуженъ моціонъ матроса, чтобы переварить эти куски солонины и лукъ, съ

вареною капустой — любимое матросами и полезное на морѣ блюдо. Но одно блюдо за обѣдомъ — этого мало, думалось мнѣ: матросы, пожалуй, голодны будутъ. — «А много ли вы ѣдите? спросилъ я. — «До отвалу, ваше высокоблагородіе», въ пять голосовъ отвѣчали обѣдающіе. Въ самомъ дѣлѣ, то отъ одной, то отъ другой группы опрометью бѣжалъ матросъ, съ пустой чашкой, къ братскому котлу, и возвращался осторожно, неся полную до краевъ чашку.

Веселились по свистку, сказалъ я: да, тамъ, гдѣ собрано въ тѣсную кучу четыреста человѣкъ, и самое веселье подчинено общему порядку. Послѣ обѣда, по окончаніи работъ, особенно въ воскресенье, обыкновенно раздается команда: «свистать пѣсенниковъ наверхъ!» И начинается веселье. Особенно я помню, какъ это странно поразило меня въ одно воскресенье. Холодный туманъ покрывалъ небо и море, шелъ мелкій дождь. Въ такую погоду хочется уйдти въ себя, сосредоточиться, а матросы пѣли и плясали. Но они странно плясали: усиленныя движнія ясно разногласили съ этою сосредоточенностью. Пляшущіе были молчаливы, выраженія лицъ хранили важность, даже угрюмость, но тѣмъ кажется, они усерднѣе работали ногами. Зрители вокругъ, съ тою же угрюмою важностью, пристально смотрѣли на нихъ. Пляска имѣла видъ напряженнаго труда. Плясали, кажется, лишь по сознанію, что сегодня праздникъ, слѣдовательно, надо веселиться. Но еслибъ отмѣнили удовольствіе, они были бы недовольны.

Плаваніе становилось однообразно и, признаюсь, скучновато: все сѣрое небо, да желтое море, дождь со снѣгомъ, или снѣгъ съ дождемъ — хоть кому надоѣстъ. У меня ужь заболѣли зубы и високъ. Ревматизмъ напомнилъ

о себѣ живѣе, нежели когда-нибудь. Я слегъ и нѣсколько дней пролежалъ, закутанный въ теплыя одѣяла, съ подвязанною щекой.

Только у береговъ Даніи повѣяло на насъ тепломъ, и мы ожили. Холера исчезла со всѣми признаками, ревматизмъ мой унялся и я сталъ выходить на *улицу*—такъ я прозвалъ палубу. Но бури не покидали насъ: таковъ обычай на Балтійскомъ морѣ осенью. Пройдетъ день, два — тихо, какъ-будто вѣтеръ собирается съ силами, и грянетъ потомъ такъ, что бѣдное судно стонетъ, какъ живое существо. День и ночь на кораблѣ бдительно слѣдятъ за состояніемъ погоды. Барометръ дѣлается общимъ оракуломъ. Матросъ и офицеръ не смѣютъ надѣяться проспать покойно свою смѣну.—«Пошелъ всѣ на верхъ!» раздается и среди ночнаго безмолвія. Я, лежа у себя въ койкѣ, слышу всякій стукъ, крикъ, всякое движеніе парусовъ, командныя слова, и начинаю понимать смыслъ послѣднихъ. Когда заслышишь приказаніе: «поставить брамсели, лиселя», покойно закутываешься въ одѣяло и засыпаешь беззаботно: значитъ тихо, покойно. За то какъ навостришь уши, когда велятъ «брать два, три рифа», то-есть уменьшить парусъ. Лучше и не засыпать тогда: все равно, послѣ проснешься по-неволѣ.

Заговоривъ о парусахъ, кстати скажу вамъ, какое впечатлѣніе сдѣлала на меня парусная система. Многіе наслаждаются этою системой, видя въ ней доказательство будто бы могущества человѣка надъ бурною стихіей. Я вижу совсѣмъ противное, то-есть доказательство его безсилія одолѣть воду. Посмотрите на постановку и уборку парусовъ вблизи, на сложность механизма, на эту сѣть снастей, канатовъ, веревокъ, концовъ и веревочекъ, изъ которыхъ каждая отправляетъ свое особенное назначеніе

и есть необходимое звено въ общей цѣпи; взгляните на число рукъ, приводящихъ ихъ въ движеніе. И междутѣмъ къ какому неполному результату приводятъ всѣ эти хитрости! Нельзя опредѣлить срокъ прибытію паруснаго судна, нельзя бороться съ противнымъ вѣтромъ, нельзя сдвинуться назадъ, наткнувшись на мель, нельзя поворотить сразу въ противную сторону, нельзя остановиться въ одно мгновеніе. Въ штиль судно дремлетъ, при противномъ вѣтрѣ лавируетъ, то есть виляетъ, обманываетъ вѣтеръ и выигрываетъ только треть прямаго пути. А вѣдь нѣсколько тысячъ лѣтъ убито на то, чтобъ выдумывать по парусу и по веревкѣ въ столѣтіе. Въ каждой веревкѣ, въ каждомъ крючкѣ, гвоздѣ, дощечкѣ, читаешь исторію, какимъ путемъ истязаній пріобрѣло человѣчество право плавать по морю при благопріятномъ вѣтрѣ. Всѣхъ парусовъ до тридцати: на каждое дуновеніе вѣтра приходится по парусу. Оно, пожалуй, красиво смотрѣть со стороны, когда на безконечной глади водъ плыветъ корабль, окрыленный бѣлыми парусами, какъ подобіе лебедя, а когда попадешь въ эту паутину снастей, отъ которыхъ проходу нѣтъ, то увидишь въ этомъ не доказательство силы, а скорѣе безнадежность на совершенную побѣду. Парусное судно похоже на старую кокетку, которая нарумянится, набѣлится, поддѣнетъ десять юбокъ и затянется въ корсетъ, чтобы подѣйствовать на любовника, и на минуту иногда успѣетъ; но только явится молодость и свѣжесть силъ—всѣ ея хлопоты разлетятся въ прахъ. И парусное судно, обмотавшись веревками, завѣсившись парусами, роетъ туда же, кряхтя и охая, волны; а чуть задуетъ въ лобъ—крылья и повисли. До паровъ еще, пожалуй, можно бы не то что̀ гордиться, а забавляться сознаніемъ, что вотъ-де дошли же до того, что пла-

ваемъ по морю съ попутнымъ вѣтромъ. Нѣкоторые находятъ, что въ пароходѣ меньше поэзіи, что онъ не такъ опрятенъ, некрасивъ. Это отъ непривычки: еслибъ пароходы существовали нѣсколько тысячъ лѣтъ, а парусныя суда недавно, глазъ людской, конечно, находилъ бы больше поэзіи въ этомъ быстромъ, видимомъ стремленіи судна, на которомъ не мечется изъ угла въ уголъ измученная толпа людей, стараясь угодить вѣтру, а стоитъ въ бездѣйствіи, скрестивъ руки на груди, человѣкъ, съ покойнымъ сознаніемъ, что подъ ногами его сжата сила, равная силѣ моря, заставляющая служить себѣ и бурю и штиль. Напрасно водили меня показывать, какъ красиво вздуваются паруса съ подвѣтренной стороны, какъ фрегатъ, лежа бокомъ на водѣ, рѣжетъ волны и мчится по двѣнадцати узловъ въ часъ. «Эдакъ и пароходъ не пойдетъ!» говорятъ мнѣ. — «Да за то пароходъ всегда пойдетъ». Горе моряку старинной школы, у котораго весь умъ, вся наука, искусство, а за ними самолюбіе и честолюбіе разсѣлись по снастямъ. Дѣло рѣшено. Паруса остались на долю мелкихъ судовъ и небогатыхъ промышленниковъ; все остальное усвоило паръ. Ни на одной военной верфи не строятъ большихъ парусныхъ судовъ; даже старыя передѣлываются на паровыя. При насъ въ портсмутскомъ адмиралтействѣ розняли уже совсѣмъ готовый корабль пополамъ и вставили паровую машину.

Мы вошли въ Зундъ: здѣсь невидавшему никогда ничего, кромѣ нашихъ ровныхъ степныхъ мѣстностей, въ первый разъ являются въ туманѣ картины горъ, желтыхъ, лиловыхъ, сѣрыхъ, смотря по освѣщенію солнца и разстоянію. Шведскій берегъ весь гористый. Датскій видѣнъ ясно. Онъ намъ представилъ картину увядшей осенней зелени, нѣсколько деревень. Романтики, глядя на крѣпо-

сти обоихъ береговъ, припоминали могилу Гамлета; болѣе положительные люди разсуждали о несправедливости зундскихъ пошлинъ, самые положительные—о необходимости запастись свѣжею провизіей, а всѣ вообще мечтали съѣхать на сутки на берегъ, ступить ногой въ Данію, обѣгать Копенгагенъ, взглянуть на физіономію города, на картину людей, быта, немного распрявить ноги послѣ качки, поѣсть свѣжихъ устрицъ. Но ничего этого не случилось. На другой день заревѣлъ штормъ, сообщенія съ берегомъ не было, и мы простояли, помнится, трое сутокъ въ печальномъ бездѣйствіи. Простоять въ виду берега, не имѣя возможности съѣхать на него, гораздо скучнѣе, нежели пробыть мѣсяцъ въ морѣ, не видя береговъ. Въ этомъ я убѣдился вполнѣ. Обѣдали, пили чай, разговаривали, читали, заучили картину обоихъ береговъ наизусть, и все-таки времени оставалось много. Изрѣдка нарушалось однообразіе неожиданнымъ развлеченіемъ. Вбѣжитъ иногда въ капитанскую каюту вахтенный и тревожно скажетъ: «купецъ наваливается, ваше высокоблагородіе!» Книги, обѣдъ—все бросается, бѣгутъ наверхъ; я туда же. Въ самомъ дѣлѣ купеческое судно, называемое въ морѣ коротко «купецъ», для отличія отъ военаго, сбитое теченіемъ, или отъ неумѣнья править, такъ и ломитъ, или на носъ, или на корму, того и гляди стукнется, повредитъ какъ-нибудь утлегарь, поломаетъ реи—и не перечтешь сколько надѣлаетъ вреда себѣ и другимъ. Начинается крикъ, шумъ, угрозы, съ одной стороны по-русски, съ другой энергическіе отвѣты и оправданія по-голландски, или по-англійски, по-нѣмецки. Другъ друга въ суматохѣ не слышатъ, не понимаютъ, а кончится все-таки тѣмъ, что расцѣпятся—и все смолкнетъ: корабль нѣмъ и недвижимъ опять; только часовой задумчиво ходитъ съ ружьемъ взадъ и впередъ.

Завидятъ ли огни ночью—еще больше тревоги. На бдительность купеческихъ судовъ надѣяться нельзя. Тамъ все принесено въ жертву экономіи; отъ этого людей на нихъ мало, рулевой большею частію одинъ: нельзя понадѣяться, что ночью онъ не задремлетъ надъ колесомъ и не прозѣваетъ встрѣчныхъ огней. Столкновеніе двухъ судовъ ведетъ за собой неминуемую гибель одного изъ нихъ, меньшаго непремѣнно, а иногда и обоихъ. Отъ этого всегда поднимается гвалтъ на суднѣ, когда завидятъ идущіе на встрѣчу огни, кричатъ, бьютъ въ барабанъ, жгутъ бенгальскіе огни, и если судно не мѣняетъ своего направленія, палятъ изъ пушекъ. Это особенно пріятно, когда многіе спятъ по каютамъ и не знаютъ, въ чемъ дѣло, а тутъ вдругъ раздается трескъ, отъ котораго дрогнетъ корабль. Но и къ этому привыкаешь.

Б. Ш. одинъ посланъ былъ по дѣлу на берегъ, а потомъ, вызвавъ лоцмана, мы прошли Зундъ, лишь только стихнулъ штормъ, и пустились въ Каттегатъ и Скагерракъ, которые пробѣжали въ сутки.

Я въ это время читалъ замѣчательную книгу, отъ которой нельзя оторваться, не смотря на то, что читалъ уже не совсѣмъ новое. Это «Исторія кораблекрушеній», въ которой собраны за старое и новое время всѣ случаи извѣстныхъ кораблекрушеній, со всѣми послѣдствіями. В. А. К. читалъ ее и далъ мнѣ прочесть «для успокоенія воображенія», какъ говорилъ онъ. Хорошо успокоеніе: прочесть подъ-рядъ сто исторій, одна страшнѣе и плачевнѣе другой, когда пускаешься года на три жить на морѣ! Только и говорится о томъ, какъ корабль стукнулся о камень, повалился на бокъ, какъ рухнули мачты, палубы, какъ гибли сотнями люди—одни раздавленные пушками, другіе утонули... Взглянешь около себя и

увидишь мачты, палубы, пушки, слышишь ревъ вѣтра, а не вдалекѣ, въ краснорѣчивомъ безмолвіи, стоятъ красивыя скалы: не разъ содрогнешься за участь путешественниковъ!.. Но я убѣдился, что читать и слушать разсказы объ опасныхъ странствіяхъ гораздо страшнѣе, нежели испытывать послѣднія. Говорятъ, и умирающему не такъ страшно умирать, какъ свидѣтелямъ смотрѣть на это.

Потомъ, вникая въ устройство судна, въ исторію всѣхъ этихъ разсказовъ о кораблекрушеніяхъ, видишь, что корабль погибаетъ не легко и не скоро, что онъ до послѣдней доски борется съ моремъ и носитъ въ себѣ прòпасть средствъ къ защитѣ и самохраненію, между которыми есть много предвидѣнныхъ и непредвидѣнныхъ, что, лишась почти всѣхъ своихъ членовъ и частей, онъ еще тысячи миль носится по волнамъ, въ видѣ остова, и долго хранитъ жизнь человѣка. Между обреченнымъ гибели судномъ и разсвирѣпѣвшимъ моремъ завязывается упорная битва: съ одной стороны слѣпая сила, съ другой отчаяніе и зоркая хитрость, указывающая самому крушенію совершаться постепенно, по правиламъ. Есть цѣлая теорія, кàкъ защищаться отъ гибели. Срѣжетъ ли ураганъ у корабля всѣ три мачты: кажется, какъ бы не погибнуть? Вѣдь это все равно, чтò отрѣзать возжи у горячей лошади, а между-тѣмъ поставятъ фальшивыя мачты, изъ запаснаго дерева—и идутъ. Оторвется ли руль: надежда спастись придаетъ изумительное проворство, и дѣлается фальшивый руль. Оказывается ли сильная пробоина, ее затягиваютъ на первый случай просто парусомъ—и отверстіе «засасывается» холстомъ и не пропускаетъ воду, а между-тѣмъ десятки рукъ изготовляютъ новыя доски и пробоина заколачивается. Наконецъ судно отказывается отъ битвы, идетъ ко дну: люди бросаются въ шлюпку,

и на этой скорлупкѣ достигаютъ ближайшаго берега, иногда за тысячу миль.

Въ Нѣмецкомъ морѣ, когда штормъ утихъ, мы видѣли одно такое безнадежное судно. Мы сначала не знали, что̀ подумать о немъ. Флага не было: оно не подняло его, когда мы требовали этого, поднявъ свой. Подойдя ближе, мы не замѣтили никакого движенія на немъ. Наконецъ поѣхали на шлюпкѣ къ нему—на немъ ни одного человѣка: судно было брошено на гибель. Трюмъ постоянно наполнялся водой, и еслибъ мы остались тутъ, то, вѣроятно, къ концу дня увидѣли бы, ка̀къ оно погрузится на дно. Видите ли, сколько времени нужно и безнадежному судну, чтобы потонуть... къ концу дня! А оно уже было лишено своего разума и воли, то-есть людей, и слѣдовательно перестало бороться. Оно гибло безотвѣтно. Носовая его часть опустилась: печальная картина, какъ картина всякой агоніи!

Въ этотъ же день, недалеко отъ этого корабля, мы увидѣли еще нѣсколько точекъ вдали и услышали крикъ. Въ трубу разглядѣли лодки; подвигаясь ближе, различили явственнѣе человѣческіе голоса. «Рыбаки, должно-быть», сказалъ капитанъ. — «Нѣтъ, возразилъ О. А., слышите, вопли! Это вѣроятно погибающіе просятъ о помощи: нельзя ли поворотить?» — Капитанъ былъ убѣжденъ въ противномъ; но чтобъ не брать грѣха на душу, велѣлъ держать на рыбаковъ. Ему, однакожъ, не очень нравилось терять время попустому: военнымъ судамъ разгуливать по морю некогда.—«Если это, ворчалъ онъ, рыбаки кричатъ, предлагаютъ рыбу... Приготовить бранспойты!» приказалъ онъ вахтенному (бранспойты — пожарныя трубы). Матросамъ велѣно было набрать воды и держать трубы на-готовѣ. Черныя точки между-тѣмъ пре-

вратились въ лодки. Вотъ видны и люди, которые, стоя въ нихъ, вопятъ такъ, что, я думаю, въ Голландіи слышно. Подходимъ ближе — люди протягиваютъ къ намъ руки, умоляя — купить рыбы. Велѣно держать вплоть къ лодкамъ.—«Бранспойты!» закричалъ вахтенный, и рыбакамъ заданъ былъ обильный душъ, къ несказанному удовольствію нашихъ матросовъ, и рыбаковъ тоже, потому-что и они засмѣялись вмѣстѣ съ нами.

Впрочемъ, напрасно капитанъ дорожилъ такъ временемъ. Мы разсчитывали 20-го, 21-го октября придти въ Портсмутъ, а пробыли въ Нѣмецкомъ морѣ столько, что имѣли бы время сворачивать и держать на каждаго рыбака, котораго только завидимъ. Задулъ постоянный противный вѣтеръ и десять дней не пускалъ войдти въ Англійскій каналъ. «Что жь вы дѣлали десять дней?» спросите вы. Вамъ трудно представить себѣ, какъ можно пробыть десять дней на кораблѣ, когда часъ ѣзды между Петербургомъ и Кронштадтомъ наводитъ скуку. Да, нѣсколько часовъ пробыть на морѣ скучно, а нѣсколько недѣль—ничего, потому-что нѣсколько недѣль есть уже капиталъ, который можно употребить въ дѣло, тогда какъ изъ нѣсколькихъ часовъ ничего не сдѣлаешь. Впрочемъ, у насъ были и развлеченія: появились касатки или морскія свиньи. Онѣ презабавно прыгали черезъ волны, показывая черные, толстые хребты. По вечерамъ, наклонясь надъ бортомъ, мы любовались сверкающими въ пучинѣ фосфорическими искрами мелкихъ животныхъ.

Идучи Балтійскимъ моремъ, мы обѣдали почти роскошно. Припасы были свѣжіе, поваръ отличный. Но лишь только задулъ противный вѣтеръ, стали опасаться, что онъ задержитъ насъ долго въ морѣ, и рѣшили беречь свѣжіе припасы. Опасеніе это оправдалось вполнѣ.

Оставалось миль триста до Портсмута: можно бы промахнуть это пространство въ одинъ день, а мы носились по морю десять дней, и все по одной линіи. «Гдѣ мы?» спросишь, проснувшись, утромъ у дѣда. «Въ морѣ», говоритъ онъ сердито. — «Я знаю это и безъ васъ», еще сердитѣе отвѣчаете вы: «да на которомъ мѣстѣ?»—«Вонъ, взгляните, развѣ не видите? все тамъ же, гдѣ были и вчера: у Галлоперскаго маяка».—«А теперь куда идемъ»?— «Куда и вчера ходили: къ Доггерской банкѣ». Банка эта мелка относительно общей глубины моря, но имѣетъ достаточную глубину для большихъ кораблей. На ней не только безопасно, но даже волненіе не такъ чувствительно. На ней стараются особенно держаться голландскія рыбачьи суда. «Ну что, подвигаемся?» спросите потомъ вечеромъ у дѣда, общаго оракула. «Какъ же, отлично: крутой бейдевиндъ: $7^1/_2$ узловъ хода».—«Да подвигаемся ли впередъ?» спрашиваете вы съ нетерпѣніемъ. — «Разумѣется, впередъ: къ Галлоперскому маяку, отвѣчаетъ дѣдъ: ужь, чай, и видѣнъ!»

Вслѣдствіе этого, на столѣ чаще стала появляться солонина; состарѣвшіяся отъ морскихъ треволненій куры и утки, и поросята, выросшіе до степени свиней, поступили въ число тонкихъ блюдъ. Даже прѣсную воду стали выдавать по порціямъ: сначала по двѣ, потомъ по одной кружкѣ въ день на человѣка, только для питья. Умываться предложено было морскою водой, или не умываться, ad libitum. Скажу вамъ по секрету, что Ѳаддеевъ изловчился какъ-то обманывать бдительность Терентьева, трюмнаго унтеръ-офицера, и изъ-подъ носа у него таскалъ изъ систернъ каждое утро по кувшину воды мнѣ на умыванье. — «Досталъ, говорилъ онъ радостно каждый разъ, вбѣгая съ кувшиномъ въ каюту: нà, вотъ, ваше

высокоблагородіе, мойся скорѣе, чтобъ не застали, да не спросили, гдѣ взялъ, а я пока достану тебѣ полотенце рожу вытереть!» (ейбогу, не лгу!) Это костромское простодушіе такъ нравилось мнѣ, что я Христомъ Богомъ просилъ другихъ не учить Ѳаддеева, какъ обращаться со мною. Такъ удавалось ему дня три, но однажды онъ воротился съ пустымъ кувшиномъ, ерошилъ рукой затылокъ, чесалъ спину и чему-то хохоталъ, хотя сквозь смѣхъ проглядывала нѣкоторая принужденность. — «Э! лѣшій, чортъ, какую затрещину далъ!» сказалъ онъ наконецъ, гладя то спину, то голову. — «Кто, за что?» — «Терентьевъ, чортъ эдакой! увидалъ, сволочь! Я зачерпнулъ воды-то, ужь и на трапъ пошелъ, а онъ откуда-то и подвернулся, вырвалъ кувшинъ, вылилъ воду назадъ, да какъ треснетъ по затылку, я на трапъ, а онъ сзади въ догонку лопаремъ по спинѣ съѣздилъ!» И опять засмѣялся. Я ужь писалъ вамъ, какъ радовала Ѳаддеева всякая неудача, приключившаяся кому-нибудь, полученный толчекъ, даже имъ самимъ, какъ въ настоящемъ случаѣ.

Главный надзоръ за трюмомъ порученъ былъ П. А. Т-ву, о которомъ я упомянулъ выше. Онъ былъ добрый и обязательный человѣкъ вообще, а если поддѣлаться къ нему немножно, тогда нѣтъ услуги, которой бы онъ не оказалъ. Всѣ знали это и частенько пользовались его добротой. Онъ, по общему выбору, распоряжался хозяйствомъ каютъ-компаніи, и вотъ тутъ-то встрѣчалось множество поводовъ обязать того, другаго, вспомнить, что одинъ любитъ такое-то блюдо, а другой не любитъ, и т. п. Онъ часто бывалъ жертвою своей обязательности, затрудняясь, какъ угодить вдругъ многимъ, но большею частью выходилъ изъ затрудненій побѣдителемъ. А иногда его бралъ задоръ: все это подавало постоянный поводъ къ

безчисленнымъ сценамъ, которыя развлекали, насъ, не только между Галлоперскимъ маякомъ и Доггерской банкой, но и въ тропикахъ, и подъ экваторомъ, на всѣхъ четырехъ океанахъ, и развлекаютъ до-сихъ-поръ. Напримѣръ, онъ замѣтитъ, что кто-нибудь не ѣстъ супу: «отчего вы не ѣдите супу?» спроситъ онъ.—«Такъ, не хочется», отвѣчаютъ ему.—«Нѣтъ, вы скажите откровенно», настаиваетъ онъ, мучимый опасеніемъ, чтобы не обвинили его въ небрежности, или неумѣньи, пуще всего въ неумѣньи исполнять свою обязанность. Онъ былъ до крайности щекотливъ.—«Да право я не хочу: такъ что-то...»—«Нѣтъ, вѣрно нехорошъ супъ: не даромъ вы не ѣдите. Скажите пожалуйста!» Наконецъ тотъ рѣшается сказать что-нибудь. — «Да, что-то сегодня не вкусенъ супъ...» Онъ не успѣлъ еще договорить, какъ кроткій П. А. свирѣпѣетъ.—«А чѣмъ онъ нехорошъ, позвольте спросить? вдругъ спрашиваетъ онъ въ негодованіи:—самъ покупалъ провизію, старался угодить—и вотъ награда! Чѣмъ нехорошъ супъ?»—«Нѣтъ, я ничего, право...» начинаетъ тотъ.—«Нѣтъ, извольте сказать, чѣмъ онъ нехорошъ, я требую этого», продолжаетъ онъ, окидывая всѣхъ взглядомъ:—двадцать человѣкъ обѣдаютъ, никто ни слова не говоритъ, вы одни только... Господа! я спрашиваю васъ—чѣмъ нехорошъ супъ? Я, кажется, прилагаю всѣ старанія, говоритъ онъ со слезами въ голосѣ и съ паѳосомъ:—общество удостоило меня довѣрія, надѣюсь, никто до сихъ поръ не былъ противъ этого, что я блистательно оправдывалъ это довѣріе; я дорожу оказанною мнѣ довѣренностью...» и такъ продолжаетъ, пока дружно не захохочутъ всѣ, и наконецъ онъ самъ. Иногда на другомъ концѣ заведутъ стороной, вполголоса, разговоръ, что вотъ зелень не свѣжа, да и дорога, что кто-нибудь будто былъ

на берегу и видѣлъ лучше, дешевле. — «Что̀ вы тамъ шепчете, позвольте спросить?» строго спроситъ онъ. — «Вамъ что̀ за дѣло?—Можетъ-быть, что-нибудь на счетъ стола, находите, что это нехорошо, дорого, такъ снимите съ меня эту обязанность: я цѣню ваше довѣріе; но если я могъ возбудить подозрѣнія, недостойныя васъ и меня, то я готовъ отказаться»... Онъ даже встанетъ, положитъ салфетку, но общій хохотъ опять усадитъ его на мѣсто.

Избалованный общимъ вниманіемъ и участіемъ а можетъ-быть и баловень дома, онъ любилъ иногда привередничать. Начнетъ охать, вздыхать, жаловаться на небывалый недугъ, или утомленіе отъ своихъ обязанностей, и требуетъ утѣшеній. — «Витулъ, Витулъ!» томно кличетъ онъ, отходя ко сну, своего вѣстоваго. «Я такъ усталъ сегодня: раздѣнь меня, да уложи.» Раздѣванье сопровождается вздохами и жалобами, которые слышны всѣмъ изъ-за перегородки.—«Завтра на вахту рано вставать, говоритъ онъ, вздыхая: подложи еще подушку, повыше, да постой, не уходи, я, можетъ-быть, что-нибудь вздумаю!»

Вотъ къ нему-то я обратился съ просьбою, нельзя ли мнѣ отпускать по кружкѣ прѣсной воды на умыванье, потому-де, что мыло не распускается въ морской водѣ, что я не морякъ, къ морскому образу жизни не привыкъ, и слѣдовательно, на меня, казалось бы, строгость эта распространяться не должна. — «Вы знаете, началъ онъ, взявъ меня за руки,—какъ я васъ уважаю и какъ дорожу вашимъ расположеніемъ: да, вы не сомнѣваетесь въ этомъ?» настойчиво допытывался онъ. — «Нѣтъ», съ чувствомъ подтвердилъ я, въ надеждѣ, что онъ станетъ давать мнѣ прѣсную воду. — «Повѣрьте, продолжалъ онъ, что еслибъ я среди моря умиралъ отъ жажды, я бы от-

далъ вамъ послѣдній стаканъ: вы вѣрите этому?»—«Да»... уже нерѣшительно отвѣчалъ я, начиная подозрѣвать, что не получу воды. — «Вѣрьте этому, продолжалъ онъ,—но мнѣ больно, совѣстно, я готовъ — ахъ Боже мой! зачѣмъ это... Вы можетъ-быть, подумаете, что я не желаю, не хочу... (и онъ пролилъ потокъ синонимовъ). Нѣтъ не не хочу я, а не могу, не приказано. Повѣрьте, еслибъ я имѣлъ малѣйшую возможность, то конечно, надѣюсь, вы не сомнѣваетесь»... И повторилъ свой монологъ. — «Ну, нечего дѣлать: le devoir avant tout, сказалъ я: — я не думалъ, что это такъ строго». Но ему жаль было отказать совсѣмъ. — «Вы говорите, что Ѳаддеевъ таскалъ воду тихонько», сказалъ онъ.—«Да.»—«Такъ я его за это на бакъ отправлю». — «Вамъ мало кажется, что его Терентьевъ попотчивалъ лопаремъ, замѣтилъ я, вы еще хотите прибавить? Притомъ я сказалъ вамъ это по довѣренности, вы не имѣете права»...— «Правда, правда, нѣтъ, это я такъ... Знаете что, перебилъ онъ: пусть онъ продолжаетъ потихоньку таскать по кувшину, только, ради Бога, не больше кувшина: если его Терентьевъ и поймаетъ, такъ что жь ему за важность, что лопаремъ ударитъ или затрещину дастъ: вѣдь это не всякій день»... «А если Терентьевъ скажетъ вамъ, или вы сами поймаете, тогда...»—«Отправлю на бакъ!» со вздохомъ прибавилъ П. А.

Ужь я теперь забылъ, продолжалъ ли Ѳаддеевъ дѣлать экспедиціи въ трюмъ для добыванія мнѣ прѣсной воды, забылъ даже, какъ мы провели остальные пять дней странствованія между маякомъ и банкой; помню только, что однажды, засидѣвшись долго въ каютѣ, я вышелъ часовъ въ пять послѣ обѣда на палубу—и вдругъ близехонько увидѣлъ длинный, скалистый берегъ и пустыя зеленыя равнины.

Я взглядомъ спросилъ кого-то: что̀ это? — «Англія», отвѣчали мнѣ. Я присоединился къ толпѣ, и молча, съ другими, сталъ пристально смотрѣть на скалы. Отъ берега прямо къ намъ шла шлюпка; долго кувыркалась она въ волнахъ, наконецъ пристала къ борту. На палубѣ показался низенькій, приземистый человѣкъ, въ синей курткѣ, въ синихъ панталонахъ. Это былъ лоцманъ, вызванный для провода фрегата по каналу.

Между двухъ холмовъ лѣпилась куча домовъ, которые, то скрывались, то появлялись, изъ-за бахрамы набѣгавшихъ на берегъ буруновъ: къ вершинамъ холмовъ прилипло облако тумана. «Что̀ это такое?» спросилъ я лоцмана.—«Dover» каркнулъ онъ. Я оглянулся налѣво: тамъ рисовался неясно сизый, неровный и крутой берегъ Франціи. Ночью мы бросили якорь на Спитгедскомъ рейдѣ, между островомъ Вайтомъ и крѣпостными стѣнами Портсмута.

Іюнь, 1854 года.
На шкунѣ Востокъ, въ Татарскомъ проливѣ.

Здѣсь прилагаю два письма къ вамъ, которыя я не послалъ изъ Англіи, въ надеждѣ, что со временемъ успѣю дополнить ихъ наблюденіями надъ тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ въ Англіи, и привести все въ систематическій порядокъ, чтобы представить вамъ удовлетворительный результатъ двухмѣсячнаго пребыванія нашего въ Англіи. Теперь вижу, что этого сдѣлать не въ состояніи, и потому посылаю эти письма безъ перемѣны, какъ они есть. Удовольствуйтесь бѣглыми замѣтками, не о странѣ, не о силахъ и богатствѣ ея, не о жителяхъ, не о ихъ нравахъ, а о томъ только, что̀ мелькнуло у меня въ глазахъ. У

какого путешественника достало бы смѣлости чертить образъ Англіи, Франціи, странъ, которыя мы знаемъ не меньше, если не больше, своего отечества? Поэтому самому наблюдательному и зоркому путешественнику позволительно только прибавить какую-нибудь мелкую, ускользнувшую отъ общаго изученія черту: прочимъ же, въ томъ числѣ и мнѣ, можетъ-быть, позволено только развѣ говорить о своихъ впечатлѣніяхъ.

Письмо I-е.

$\frac{\text{20 ноября}}{\text{2 декабря}}$ 1852 года.

Не знаю, получили ли вы мое коротенькое письмо изъ Даніи, гдѣ, впрочемъ, я не былъ, а писалъ его во время стоянки на якорѣ, въ Зундѣ. Тогда я былъ боленъ и всячески разстроенъ: все это должно было отразиться и въ письмѣ. Не знаю, смогу ли и теперь сосредоточить въ одинъ фокусъ все, что̀ со мной и около меня дѣлается, такъ, чтобы это, хотя слабо, отразилось въ вашемъ воображеніи. Я еще самъ не опредѣлилъ смысла многихъ явленій новой своей жизни. Голыхъ фактовъ я сообщать не желалъ бы: ключа къ нимъ не всегда подберешь, и потому поневолѣ придется освѣщать ихъ свѣтомъ воображенія, иногда можетъ-быть фальшивымъ, и идти путемъ догадокъ тамъ, гдѣ темно. Теперь еще у меня пока нѣтъ ни ключа, ни догадокъ, ни даже воображенія: все это подавлено рядомъ опытовъ, болѣе или менѣе трудныхъ, новыхъ, иногда не совсѣмъ занимательныхъ, вѣроятно, потому, что для многихъ изъ нихъ нуженъ запасъ свѣжести взгляда и бо̀льшей впечатлительности: въ извѣстныя лѣта

жизнь начинаетъ отказывать человѣку во многихъ приманкахъ, на томъ основаніи, на какомъ скупая мать отказываетъ въ деньгахъ выдѣленному сыну. Такъ, напримѣръ, я не постигъ уже поэзіи моря, можетъ-быть, впрочемъ, и оттого, что я еще не видалъ ни «безмолвнаго», ни «лазурнаго» моря, и кромѣ холода, бури и сырости ничего не знаю. Слушая пока мои жалобы и стоны, вы, пожалуй, спросите, зачѣмъ я уѣхалъ? Сначала мнѣ, какъ школьнику, придется сказать «не знаю», а потомъ, подумавъ, скажу: «а зачѣмъ бы я остался?» Да позвольте: уѣхалъ ли я? откуда? изъ Петербурга? Эдакъ, пожалуй, можно спросить, зачѣмъ я на-дняхъ уѣхалъ изъ Лондона, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ изъ Москвы, зачѣмъ черезъ двѣ недѣли уѣду изъ Портсмута и т. д.? Развѣ я не вѣчный путешественникъ, какъ и всякій, у кого нѣтъ семьи и постояннаго угла, «домашняго очага», какъ говорили въ старыхъ романахъ? Тотъ уѣзжаетъ, у кого есть все это. А прочіе вѣкъ свой живутъ на станціяхъ. Поэтому я только выѣхалъ, а не уѣхалъ. Теперь слѣдуютъ опасности, страхи, заботы, волненія морскаго плаванія: они могли бы остановить. Какъ-будто ихъ нѣтъ, или меньше на берегу? А отчего же, откуда эти вѣчныя жалобы на жизнь, эти вздохи? Если нѣтъ крупныхъ, бѣдъ, или внѣшнихъ замѣтныхъ волненій, за то сколько невидимыхъ, но острыхъ иглъ вонзается въ человѣка среди сложной и шумной жизни въ толпѣ, при ежедневныхъ стычкахъ «съ ближнимъ!» Щадитъ ли жизнь кого-нибудь и гдѣ-нибудь? Вотъ здѣсь нѣтъ сильныхъ нравственныхъ потрясеній, глубокихъ страстей, живыхъ и разнообразныхъ симпатій и ненавистей: Пружины, двигающія этимъ, ржавѣютъ на морѣ, вмѣстѣ съ желѣзомъ, сталью и многимъ другимъ. За то тутъ другіе двигатели не даютъ дремать организму: бури,

лишенія, опасности, ужасъ, можетъ-быть, отчаяніе, наконецъ слѣдуетъ смерть, которая вездѣ слѣдуетъ; здѣсь только быстрѣе, нежели гдѣ-нибудь. Видите ли: я имѣлъ причины ѣхать, или не имѣлъ причины оставаться—все равно. Теперь нужно только спросить: къ чему же этотъ рядъ новыхъ опытовъ выпалъ на долю человѣка, неимѣющаго запаса свѣжести и бо̀льшей впечатлительности, который не можетъ, ни съ успѣхомъ воспользоваться ими, ни оцѣнить, который даже просто усталъ выносить ихъ? Вотъ къ этому я и не могу прибрать ключа; не знаю, что̀ будетъ дальше: можетъ-быть, онъ найдется самъ собою.

Поэтому я уѣхалъ изъ отечества покойно, безъ сердечнаго трепета и съ совершенно сухими глазами. Не называйте меня неблагодарнымъ, что я, говоря «о петербургской станціи», умолчалъ о дружбѣ, которой одной было бы довольно, чтобъ удержать человѣка на мѣстѣ.

Дружба, какъ бы она ни была сильна, едва ли удержитъ кого-нибудь отъ путешествія. Только любовникамъ позволительно плакать и рваться отъ тоски, прощаясь, потому-что тамъ другіе двигатели: кровь и нервы; оттого боль и въ разлукѣ. Дружба вьетъ гнѣздо не въ нервахъ, не въ крови, а въ головѣ, въ сознаніи.

Если много явилось и исчезло разныхъ теорій о любви, чувствѣ, кажется, такомъ опредѣленномъ, гдѣ форма, содержаніе и результатъ такъ ясны, то воззрѣній на дружбу было и есть еще больше. Въ спорахъ о любви начинаютъ примиряться; о дружбѣ еще не рѣшили ничего опредѣлительнаго и, кажется, долго не рѣшатъ, такъ-что до нѣкоторой степени каждому позволительно составить самому себѣ идею и опредѣленіе этого чувства. Чаще всего называютъ дружбу безкорыстнымъ чувствомъ; но настоящее понятіе о ней до того затерялось въ людскомъ обществѣ,

что такое опредѣленіе сдѣлалось общимъ мѣстомъ, подъ которымъ собственно не знаютъ, что надо разумѣть. Многіе постоянно ведутъ какой-то ариѳметическій счетъ—въ родѣ приходо-расходной памятной книжки—своимъ заслугамъ и заслугамъ друга; справляются безпрестанно съ кодексомъ дружбы, который устарѣлъ гораздо больше Птоломеевой географіи и астрономіи, или Аристотелевой риторики; все еще ищутъ, нѣтъ ли чего въ родѣ Пиладова подвига, ссылаясь на любовь, имѣющую въ ежегодныхъ календаряхъ свои статистическія таблицы помѣшательствъ, отравленій и другихъ несчастныхъ случаевъ. Когда захотятъ похвастаться другомъ, какъ хвастаются китайскимъ сервизомъ, или дорогòю собольей шубой, то говорятъ: «это *испытанный* другъ,» даже выставляютъ цифру XV, XX, XXX-лѣтній другъ, и такимъ образомъ жалуютъ другу знакъ отличія и составляютъ ему очень аккуратный формуляръ. Напротивъ того, про «неиспытаннаго» друга говорятъ: «этотъ приходитъ только ѣсть да пить, а мы не знаемъ, каковъ онъ на дѣлѣ. «Это у многихъ называется «безкорыстною» дружбой.

Чтò это, проклятіе дружбы? непониманіе или непризнаваніе ея правъ и обязанностей? Боже меня сохрани! Я только исключилъ бы слово «обязанности» изъ чувства дружбы, да и слово «дружба» — тоже. Первое звучитъ какъ-то офиціально, а второе пòшло. Разберите на досугѣ, отчего смѣшно не въ шутку назвать извѣстныя отношенія мужчины къ женщинѣ *любовью*, а мужчины къ мужчинѣ *дружбой*. Порядочные люди прибѣгаютъ въ этихъ случаяхъ къ перифразамъ. Обветшали эти названія, скажете вы. А чувства не обветшали: отчего же обветшали слова? И что за *дружба* такая, что за *другъ?* Точно чинъ. Плохо, когда другъ проводитъ въ путь, встрѣтитъ или

выручить изъ бѣды по обязанности, а не по влеченію. Не лучше ли, когда порядочные люди называютъ другъ друга просто Семеномъ Семеновичемъ или Васильемъ Васильевичемъ, не одолживъ другъ друга ни разу, развѣ ненарочно, случайно, не ожидая ничего одинъ отъ другаго, живутъ десятки лѣтъ, не неся тяжести узъ, которыя несетъ одолженный передъ одолжившимъ, и наслаждаясь другъ другомъ, если можно, безсознательно, если нельзя, то какъ можно менѣе замѣтно, какъ наслаждаются прекраснымъ небомъ, чудеснымъ климатомъ въ такой странѣ, гдѣ даетъ это природа безъ всякой платы, гдѣ этого нельзя ни дать нарочно, ни отнять? Мудрено ли, что при такихъ понятіяхъ, я уѣхалъ отъ васъ съ сухими глазами, чему не мало способствовало еще и то, что, уѣзжая надолго и далеко, покидаешь кучу надоѣвшихъ до крайности лицъ, занятій, стѣнъ, и ѣдешь, какъ я ѣхалъ, въ новые, чудесные міры, въ существованіе которыхъ плохо вѣрится, хотя штурманъ по пальцамъ разсчитываетъ, когда должны придти въ Индію, когда въ Китай, и увѣряетъ, что онъ былъ вездѣ по три раза.

Декабрь. Лондонъ. Какъ я обрадовался вашимъ письмамъ—и обрадовался безкорыстно! въ нихъ нѣтъ ни одной новости, и не могло быть: въ какіе-нибудь два мѣсяца не могло ничего случиться; даже никто изъ знакомыхъ не успѣлъ выѣхать изъ города, или пріѣхать туда. Пожалуйста, не пишите мнѣ, что началась опера, что на сценѣ появилась новая французская пьеса, что открылось такое-то общественное увеселительное мѣсто: мнѣ хочется забыть физіономію петербургскаго общества. Я уѣхалъ отчасти затѣмъ, чтобы отдѣлаться отъ однообразія, а оно будетъ преслѣдовать меня повсюду. Самъ я только-что собрался обѣщать вамъ—не писать объ Англіи, а вы тре-

буете, чтобъ я писалъ, сердитесь, что до сихъ поръ не сказалъ о ней ни слова. Странная претензія! Уже ли вамъ не наскучило слышать и читать, что̀ пишутъ о Европѣ и изъ Европы, особенно о Франціи и Англіи? Прикажете повторить, что туннель подъ Темзой очень... не знаю, что̀ сказать о немъ: скажу—безполезенъ, что церковь Св. Павла изящна и громадна, что Лондонъ многолюденъ, что королева до сихъ поръ спрашиваетъ позволенія лорда-мера проѣхать черезъ Сити и т. д. Не надо этого: но правда ли, вы все это знаете? — Пишите, говорите вы, такъ, какъ будто мы ничего не знаемъ. — Пожалуй; но вѣдь это выйдетъ вотъ что̀: «Англія страна дикая, населена варварами, которые питаются полусырымъ мясомъ, запивая его спиртомъ; говорятъ гортанными звуками; осенью и зимой скитаются по полямъ и лѣсамъ, а лѣтомъ собираются въ кучу; они угрюмы, молчаливы, мало сообщительны. По воскресеньямъ ничего не дѣлаютъ, не говорятъ, не смѣются, важничаютъ, по утрамъ сидятъ въ храмахъ, а вечеромъ по своимъ угламъ, одиноко, и напиваются порознь; въ будни собираются, говорятъ длинныя рѣчи и напиваются сообща.» Это описаніе достойно временъ Кошихинскихъ, скажете вы, и будете правы, какъ и я буду правъ, сказавъ, что объ Англіи и англичанахъ мнѣ писать нечего, развѣ вскользь, говоря о себѣ, когда придется къ слову.

Черезъ день, по приходѣ въ Портсмутъ, фрегатъ втянули въ гавань и ввели въ докъ, а людей перевели на «Кемпердоунъ»—старый корабль, стоящій въ портѣ праздно и назначенный для временнаго помѣщенія командъ. Тамъ поселились и мы, то-есть туда перевезли наши пожитки, а сами мы разъѣхались. Я уѣхалъ въ Лондонъ, пожилъ въ немъ, съѣздилъ опять въ Портсмутъ, и вотъ теперь воротился сюда.

Долго не изгладятся изъ памяти тѣ впечатлѣнія, которыя кладетъ на человѣка новое мѣсто. На эти случаи, кажется, есть особые глаза и уши, зорче и острѣе обыкновенныхъ, или какъ-будто человѣкъ, не только глазами и ушами, но лёгкими и порами вбираетъ въ себя впечатлѣнія, напитывается ими, какъ воздухомъ. Отъ этого до сихъ поръ памятна мнѣ эта тѣсная кучка красныхъ, желтыхъ и бѣлыхъ домиковъ, стоящихъ будто въ водѣ, когда мы «втягивались» въ портсмутскую гавань. Отъ этого такъ глубоко легла въ памяти картина разрѣзанныхъ нивами полей, точно разлиневанныхъ страницъ, когда ѣхалъ я изъ Портсмута въ Лондонъ. Жаль только (на этотъ разъ), что везутъ съ неимовѣрною быстротою: хижины, фермы, города, зàмки мелькаютъ, какъ писанные. Погода странная — декабрь, а тепло: вчера была гроза; тамъ вдругъ пахнётъ холодомъ, даже послышится запахъ мороза, а на другой день въ пальто нельзя ходить. Дождей вдоволь; но на это никто не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія, скорѣе обращаютъ его, когда проглянетъ солнце. Зелень очень зелена, даже зеленѣе, говорятъ, нежели лѣтомъ: тогда она желтая. Нужды нѣтъ, что декабрь, а въ поляхъ работаютъ, собираютъ овощи— нельзя разсмотрѣть съ дороги—какіе. Туманы бываютъ, если не каждый день, то черезъ день непремѣнно; можно бы, пожалуй, нажить сплинъ; но они не русскіе, а я не англичанинъ: что же мнѣ терпѣть въ чужомъ пиру похмѣлье? Довольно и того, что я, по милости ихъ, два раза ходилъ смотрѣть Темзу и оба раза видѣлъ только непроницаемый паръ. Я отчаялся уже и видѣть рѣку, но дохнулъ вѣтерокъ и Темза явилась во всемъ своемъ некрасивомъ нарядѣ, обстроенная кирпичными неопрятными зданіями, задавленная судами. За то какая жизнь и дѣя-

тельность кипитъ на этой зыбкой улицѣ, управляемая меркуріевымъ жезломъ!

Не забуду также картины пылающаго въ газовомъ пламени необъятнаго города, представляющейся путешественнику, когда онъ подъѣзжаетъ къ нему вечеромъ. Паровозъ вторгается въ этотъ океанъ блеска и мчитъ по крышамъ домовъ, надъ изящными пропастями, гдѣ, какъ въ калейдоскопѣ, между росписанныхъ, облитыхъ яркимъ блескомъ огня и красокъ улицъ, движется муравейникъ.

Но вотъ я, наконецъ, озадаченный впечатлѣніями и утомленный трехъ-часовою неподвижностью въ вагонѣ и получасовою ѣздою въ *кебѣ* по городу, водворенъ въ домѣ, въ квартирѣ.

На другой день, когда я вышелъ на улицу, я былъ въ большомъ недоумѣніи: надо было начать путешествовать въ чужой странѣ, а я еще не рѣшилъ, какъ. Меня выручила изъ недоумѣнія процессія похоронъ Веллингтона. Весь Лондонъ преисполненъ одной мысли; не знаю, былъ ли онъ полонъ того чувства, которое выражалось въ газетахъ. Но decorum печали былъ соблюденъ до мелочей. Даже всѣ лавки были заперты. Лондонъ заперъ лавки — сомнѣнія нѣтъ: онъ очень печаленъ. Я видѣлъ катафалкъ, блестящую свиту, войска и необозримую, какъ океанъ, толпу народа. До пяти или до шести часовъ я нехотя купался въ этой толпѣ, тщетно стараясь добраться до какого-нибудь берега. Потокъ увлекалъ меня изъ улицы въ улицу, съ площади на площадь. Никого знакомыхъ со мной не было — не до меня: всѣ заняты похоронами, всѣхъ поглотила процессія. Одни нашли гдѣ-нибудь окно, другіе пробрались въ самую церковь Св. Павла, гдѣ совершалась церемонія. Я былъ одинъ въ этомъ океанѣ и нетерпѣливо ждалъ другаго дня, когда Лондонъ выдетъ

изъ ненормальнаго положенія и заживетъ своею обычною жизнью. Многіе обрадовались бы видѣть такой необыкновенный случай: праздничную сторону народа и столицы, но я ждалъ не того; я видѣлъ это у себя; мнѣ улыбался завтрашній, будничный день. Мнѣ хотѣлось путешествовать не офиціально, не пріѣхать и «осматривать», а жить и смотрѣть на все, не насилуя наблюдательности, не задавая себѣ утомительныхъ уроковъ, осматривать ежедневно, съ *гидомъ* въ рукахъ, по стольку-то улицъ, музеевъ, зданій, церквей. Отъ такого путешествія остается въ головѣ хаосъ улицъ, памятниковъ, да и то не надолго.

Вообще большая ошибка—стараться собирать впечатлѣнія: соберешь чего не надо, а что̀ надо, то ускользнетъ. Если путешествуешь не для спеціальной цѣли, нужно, чтобы впечатлѣнія нежданно и незванно сами собирались въ душу; а къ кому они такъ не ходятъ, тотъ лучше не путешествуй. Оттого я довольно равнодушно пошелъ вслѣдъ за другими въ британскій музеумъ, по сознанію только необходимости видѣть это колоссальное собраніе рѣдкостей и предметовъ знанія. Мы цѣлое утро осматривали ниневійскія древности, этрусскія, египетскія и другія залы, потомъ змѣи, рыбъ, насѣкомыхъ, почти все то, что̀ есть и въ Петербургѣ, въ Вѣнѣ, въ Мадритѣ. А между тѣмъ времени лишь бы столько, чтобы взглянуть на Англію и на англичанъ. Оттого меня тянуло все на улицу, хотѣлось побродить, не между муміями, а среди живыхъ людей.

Я съ неиспытаннымъ наслажденіемъ вглядывался во все, заходилъ въ магазины, заглядывалъ въ домы, уходилъ въ предмѣстья, на рынки, смотрѣлъ на всю толпу и въ каждаго встрѣчнаго отдѣльно. Чѣмъ смотрѣть на сфинксы и обелиски, мнѣ лучше нравится простоять цѣлый часъ на перекресткѣ и смотрѣть, ка̀къ встрѣтятся два англи-

чанина, сначала попробуютъ оторвать другъ у друга руку, потомъ освѣдомятся взаимно о здоровьѣ и пожелаютъ одинъ другому всякаго благополучія; смотрѣть ихъ походку или какую-то иноходь, и эту важность до комизма на лицѣ, выраженіе глубокаго уваженія къ самому себѣ, нѣкотораго презрѣнія, или по крайней мѣрѣ холодности къ другому, но благоговѣнія къ толпѣ, то-есть къ обществу. Съ любопытствомъ смотрю, кàкъ столкнутся двѣ кухарки, съ корзинами на плечахъ, какъ несется нескончаемая двойная, тройная цѣпь экипажей, подобно рѣкѣ, кàкъ изъ нея съ неподражаемою ловкостью вывернется одинъ экипажъ и сольется съ другою нитью, или какъ вся эта цѣпь мгновенно онѣмѣетъ, лишь только полисменъ съ тротуара подниметъ руку.

Въ тавернахъ, въ театрахъ, — вездѣ пристально смотрю, кàкъ и чтò дѣлаютъ, какъ веселятся, ѣдятъ, пьютъ; слѣжу за мимикой, ловлю эти неуловимые звуки языка, которымъ, волей-неволей, долженъ объясняться съ грѣхомъ пополамъ, благословляя судьбу, что когда-то учился ему: иначе, хоть не заглядывай въ Англію. Здѣсь, какъ о рѣдкости, возвѣщаютъ крупными буквами на окнахъ магазиновъ: ici on parle français. Да, путешествовать съ наслажденіемъ и съ пользой значитъ пожить въ странѣ и хоть немного слить свою жизнь съ жизнью народа, который хочешь узнать: тутъ непремѣнно проведешь параллель, которая и есть искомый результатъ путешествія. Это вглядыванье, вдумыванье въ чужую жизнь, въ жизнь ли цѣлаго народа, или одного человѣка, отдѣльно, даетъ наблюдателю такой общечеловѣческій и частный урокъ, какого ни въ книгахъ, ни въ какихъ школахъ не отыщешь. Недаромъ еще у древнихъ необходимымъ условіемъ усовершенствованнаго воспитанія считалось путешествіе. У насъ оно сдѣлалось роскошью и забавою. По-

жалуй, безъ приготовленія, да еще безъ воображенія, безъ наблюдательности, безъ идеи, путешествіе, конечно, только забава. Но счастливъ, кто можетъ и забавляться такою благородною забавой, въ которой нехотя чему-нибудь да научишься! Вотъ Regentstreet, Oxfordstreet, Trafalgar-place—не живыя ли это черты чужой физіономіи, на которой движется современная жизнь, и не звучитъ ли въ именахъ память прошедшаго, повѣствуя на каждомъ шагу, какъ слагалась эта жизнь? Что въ этой жизни схожаго и что несхожаго съ нашей?.. Воля ваша, какъ кто ни расположенъ только забавляться, а бродя въ чужомъ городѣ и народѣ, не сможетъ отдѣлаться отъ этихъ вопросовъ и закрыть глаза на то, чего не видалъ у себя.

Бродя среди живой толпы, отыскивая всюду жизнь, я, между прочимъ, наткнулся на великолѣпное прошедшее: на Вестминстерское аббатство, и былъ счастливѣе въ это утро. Такіе народные памятники—тѣ же страницы исторіи, но тѣсно связанныя съ текущею жизнью. Ихъ конечно надо учить наизусть, да они сами такъ властительно ложатся въ память. Впрочемъ, глядя на это аббатство, я даже забылъ исторію, — оно произвело на меня впечатлѣніе, чисто эстетическое. Меня поразилъ готическій стиль въ этихъ колоссальныхъ размѣрахъ. Я же былъ во время службы съ пѣвчими, при звукахъ великолѣпнаго органа. Фантастическое освѣщеніе цвѣтныхъ стеколъ въ стрѣльчатыхъ окнахъ, полумракъ по угламъ, бѣлыя статуи великихъ людей въ нишахъ и безмолвная, почти недышащая толпа молящихся — все это образуетъ одно общее, грандіозное впечатлѣніе, отъ котораго долго слышится какая-то музыка въ нервахъ.

Благодаря настойчивымъ указаніямъ живыхъ и печатныхъ гидовъ, я въ первые пять-шесть дней успѣлъ осмо-

трѣть большую часть офиціальныхъ зданій, музеевъ и памятниковъ и, между прочимъ, національную картинную галлерею, которая величиною будетъ съ прихожую нашего эрмитажа. Тамъ сотни три картинъ, изъ которыхъ запомнишь развѣ «снятіе со креста» Рембрандта, да два-три пейзажа Клода. Осмотрѣвъ тщательно дворцы, парки, скверы, биржу, заплативъ эту дань офиціальному любопытству, я уже все остальное время жилъ по-своему. Лондонъ по преимуществу городъ поучительный, то-есть нигдѣ, я думаю, нѣтъ такого множества средствъ пріобрѣсть дешево и незамѣтно всякихъ знаній. Безконечное утро, съ девяти часовъ до шести, промелькнетъ — не видишь какъ. На каждомъ шагу манятъ отворенныя двери зданій, гдѣ увидишь что-нибудь любопытное: машину, рѣдкость, услышишь лекцію естественной исторіи. Есть учрежденіе, гдѣ показываютъ результаты всѣхъ новѣйшихъ изобрѣтеній: дѣйствіе паровъ, образчикъ воздухоплаванія, движенія разныхъ машинъ. Есть особое временное зданіе, въ которомъ помѣщенъ громадный глобусъ. Части свѣта представлены рельефно, не снаружи шара, а внутри. Зрители ходятъ по лѣстницѣ и останавливаются на трехъ площадкахъ, чтобы осмотрѣть всю землю. Ихъ сопровождаетъ профессоръ, который читаетъ бѣглую лекцію географіи, естественной исторіи и политическаго раздѣленія земель. Мало того: тутъ же въ залѣ, есть замѣчательный географическій музей, преимущественно Англіи и ея колоній. Тутъ цѣлыя страны изъ гипса, съ выпуклыми изображеніями горъ, морей, и потомъ всѣ пособія къ изученію всеобщей географіи: карты, книги, начиная съ младенческихъ временъ географіи, съ аравитянъ, римлянъ, грековъ, карты отъ Марка Паоло до нашихъ временъ. Есть библіографическія рѣдкости.

*

Самый британскій музеумъ — о которомъ я такъ неблагосклонно отозвался за то, что онъ поглотилъ меня на цѣлое утро въ своихъ громадныхъ сумрачныхъ залахъ, когда мнѣ хотѣлось на свѣтъ Божій, смотрѣть все живое— онъ развѣ не есть огромная сокровищница, въ которой, не только ученый, художникъ, даже просто фланеръ, зѣвака, почерпаетъ какое-нибудь знаніе, уйдетъ съ идеей обогатить память свою не однимъ фактомъ? И сколько такихъ заведеній по всѣмъ частямъ, и почти даромъ! Между прочимъ, я посвятилъ съ особеннымъ удовольствіемъ цѣлое утро обозрѣнію зоологическаго сада. Здѣсь уже я видѣлъ не муміи и не чучелы животныхъ, какъ въ музеумѣ, а живую тварь, собранную со всего міра. Здѣсь до значительной степени можно наблюдать нѣкоторыя стороны жизни животныхъ почти въ естественномъ состояніи. Это постоянная лекція, наглядная, осязательная, въ лицахъ, со всѣми подробностями, и отличная прогулка въ то же время. Сверхъ того, всякому посѣтителю въ этой прогулкѣ предоставлено полное право наслаждаться сознаніемъ, что онъ «царь творенія»—и все это за шиллингъ.

Наконецъ, если нечего больше осматривать, осматривайте просто магазины: многіе изъ нихъ тоже своего рода музеи — товаровъ. Обиліе, роскошь, вкусъ и раскладка товаровъ поражаютъ до уныніе. Богатство подавляетъ воображеніе. Кто и гдѣ покупатели? спрашиваешь себя, заглядывая и боясь войти въ эти мраморные, малахитовые, хрустальные и бронзовые чертоги, передъ которыми вся шехеризада покажется дѣтскою сказкой. Передъ четырехаршинными зеркальными стеклами можно стоять по цѣлымъ часамъ и вглядываться въ эти кучи тканей, драгоцѣнныхъ камней, фарфора, серебра. На бо̀льшей части товаровъ выставлены цѣны; и если увидишь цѣну, доступную

карману, то нѣтъ средства не войти и не купить чего-нибудь. Я послѣ каждой прогулки возвращаюсь домой съ набитыми всякой всячиной карманами, и потомъ выкладывая каждую вещь на столъ, принужденъ сознаваться, что вотъ это вовсе не нужно, это у меня есть, и т. д. Купишь книгу, которой не прочтешь, пару пистолетовъ, безъ надежды стрѣлять изъ нихъ, фарфору, который на морѣ и не нуженъ, и неудобенъ въ употребленіи, сигарочницу, палку съ кинжаломъ и т. п. Но прошу защититься отъ этого соблазна на каждомъ шагу, при этой дешевизнѣ!

Къ этому еще прибавьте, что всякую покупку, которую нельзя положить въ карманъ, вамъ принесутъ на домъ, и почти всегда прежде, нежели вы сами воротитесь. Но при этомъ незабудьте взять отъ купца счетъ съ роспиской въ полученіи денегъ — такъ мнѣ совѣтывали дѣлать; да и купцы, не дожидаясь требованія, сами торопятся дать счетъ. Случается иногда, безъ этой предосторожности, заплатить вторично. Я бы, въ добавокъ къ этому, посовѣтовалъ еще узнать до покупки цѣну вещи въ двухъ-трехъ магазинахъ, потому-что нигдѣ нѣтъ такого произвола, какой царствуетъ здѣсь въ назначеніи цѣны вещамъ. Купецъ назначаетъ, кажется, цѣну, смотря по физіономіи покупателя. Въ одномъ магазинѣ женщина спросила съ меня за какую-то бездѣлку два шиллинга, а мужъ пришелъ и потребовалъ пять. Узнавъ, что вещь продана за два шиллинга, онъ изъ подтишка шипѣлъ на жену все время, пока я былъ въ магазинѣ. Въ одномъ магазинѣ за пальто спросятъ четыре фунта, а рядомъ, изъ той же матеріи — семь.

Лондонъ—поучительный и занимательный городъ, повторю я, но занимательный только утромъ. Вечеромъ онъ для иностранца—тюрьма, особенно въ такой сезонъ, когда нѣтъ спектаклей и другихъ публичныхъ увеселеній, то-

есть осенью и зимой. Пожалуй, кому охота, изучай по вечерамъ внутреннюю сторону народа—нравы; но для этого надо слиться и съ домашнею жизнью Англичанъ, а это не легко. Съ шести часовъ Лондонъ начинаетъ обѣдать и обѣдаетъ до 10, до 11, до 12 часовъ, смотря по состоянію и образу жизни, потомъ спитъ. Словомъ «обѣдаетъ» я хотѣлъ только обозначить, чѣмъ наполняется извѣстный часъ сутокъ. А собственно англичане не обѣдаютъ, они ѣдятъ. Кромѣ торжественныхъ обѣдовъ во дворцѣ, или у лорда-мера и другихъ, на сто, двѣсти и болѣе человѣкъ, то-есть на весь міръ, въ обыкновенные дни подаютъ на столъ двѣ-три перемѣны, куда входитъ почти все, что ѣдятъ люди повсюду. Всѣ мяса, живность, дичь и овощи—все это безъ распредѣленій по днямъ, безъ соображеній о соотношеніи блюдъ между собою.

Что касается до національныхъ англійскихъ кушаньевъ напримѣръ, пуддинга, то я гдѣ ни спрашивалъ, нигдѣ не было готоваго: надо было заказывать. Видно англичане сами довольно равнодушны къ этому тяжелому блюду—я говорю о плампуддингѣ. Всѣ мяса, рыба отличнаго качества, и всѣ почти подаются au naturel, съ приправой только овощей. Тяжеловато, грубовато, а впрочемъ, очень хорошо и дешево: былъ бы здоровый желудокъ; но англичане на это пожаловаться не могутъ. Еще они могли бы тоже принять въ свой языкъ нашу пословицу: «не красна изба углами, а красна пирогами», еслибъ у нихъ были пироги, а то нѣтъ; пирожное они подаютъ, кажется, въ подражаніе другимъ: это стереотипный яблочный пирогъ, да ватрушка съ вареньемъ и кремъ безъ сахара, или что-то въ этомъ родѣ. Да, не красны углами ихъ таверны: голыя, подъ дубъ сдѣланныя или дубовыя стѣны и простые столы; но опрятность доведена до роскоши: она превышаетъ необ-

ходимость. Особенно въ бѣльѣ; скатерти—ослѣпительной бѣлизны, и салфетки были бы тоже, еслибъ онѣ были, но ихъ нѣтъ, и вамъ подадутъ салфетку только по настойчивому требованію — и то не вездѣ. И это можетъ служить доказательствомъ опрятности. «Зачѣмъ салфетка? говорятъ англичане; руки вытирать? да онѣ не должны быть выпачканы», также какъ и ротъ, особенно у англичанъ, которые не носятъ ни усовъ ни бородъ. Я въ разное время, начиная отъ пяти до восьми часовъ, обѣдалъ въ лучшихъ тавернахъ, и почти никогда менѣе двухъ сотъ человѣкъ за столомъ не было. Въ одной изъ нихъ, divantavern, хозяинъ присутствуетъ постоянно самъ среди посѣтителей, самъ слѣдитъ, всѣ ли удовлетворены, и гдѣ замѣтитъ отсутствіе слуги, является туда, или посылаетъ сына. А у него, говорятъ, прекрасный домъ, лучшіе экипажи въ Лондонѣ, можетъ быть—все отъ этого. Примѣръ не для однихъ трактирщиковъ!

Итакъ, изъ храма въ храмъ, изъ музея въ музей,— время проходило непримѣтно. И вездѣ, во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ, волнуется толпа зрителей: подумаешь, что англичанамъ нечего больше дѣлать, какъ ходить и смотрѣть достопримѣчательности. Они въ этомъ отношеніи и у себя дома похожи на иностранцевъ, а иностранцы смотрятъ хозяевами. Такой пристальной внимательности, почти до страданія, нигдѣ не встрѣтишь. Въ другихъ мѣстахъ достало бы не меньше средствъ завести все это, да вездѣ ли придутъ зрители и слушатели толпами поддержать мысль учредителя? Но если много зрителей умныхъ и любознательныхъ, то и нѣтъ нигдѣ столько простыхъ зѣкахъ, какъ въ Англіи. О какой глупости ни объявите, какую цѣну ни запросите, посѣтители явятся, и, по обыкновенію, толпой. Мнѣ казалось, что любопытство у

нихъ не рождается отъ досуга, какъ, напримѣръ у насъ; оно не есть тоже живая черта характера, какъ у французовъ, не выражаетъ жажды знанія, а просто—холодное сознаніе, что то или другое полезно, а потому и должно быть осмотрѣно. Не видать, чтобъ они наслаждались тѣмъ, что пришли смотрѣть; они осматриваютъ, какъ-будто принимаютъ движимое имущество по описи: взглянуть, тамъ ли повѣшено, такой ли величины, какъ напечатано, или сказано имъ, и идутъ дальше.

Я имѣлъ терпѣніе осмотрѣть волей-неволей и всѣ фокусы; напримѣръ: высиживаніе цыплятъ парами, неотпираемые американскіе замки и т. п. Глядя, какъ англичане возятся съ своимъ умершимъ дюкомъ, вотъ ужь третью недѣлю, кажется, что они высидѣли и эту рѣдкость. Онъ ужь похороненъ, а они до сихъ поръ ходятъ осматривать—что вы думаете? мостки, построенные въ церкви Св. Павла по случаю похоронъ! Отъ этого я до сихъ поръ еще не могъ заглянуть внутрь церкви: я не англичанинъ и не хочу смотрѣть мостковъ. До сихъ поръ нельзя сдѣлать шагу, чтобъ не наткнуться на дюка, то-есть на портретъ его, на бюстъ, на гравюру погребальной колесницы. Вчера появилась панорама Ватерлоо: я думаю, снимутъ панораму и съ мостковъ.—«Не на похороны ли дюка пріѣхали вы?» спросилъ меня одинъ купецъ въ лавкѣ, узнавъ во мнѣ иностранца.—«Yes, o yes!» сказалъ я. Я въ памяти своей никакъ не могъ сжать въ одинъ узелъ всѣхъ заслугъ покойнаго дюка, оттого (къ стыду моему) былъ холоденъ къ его кончинѣ, даже еще (прости мнѣ Господи!) подосадовалъ на него, что онъ помѣшалъ мнѣ торжественнымъ шествіемъ по улицамъ, а пуще всего мостками, осмотрѣть что хотѣлось. Не подумайте, чтобы я порицалъ уваженіе къ безчисленнымъ заслугамъ британскаго Агамемнона—о нѣтъ! я

самъ купилъ у мальчишки медальонъ героя изъ какой-то композиціи. Думая дать форпенсъ, я ошибкой вынулъ изъ кошелька оставшійся тамъ гривенникъ или пятиалтынный. Мальчишка догналъ меня, и тыча монетой мнѣ въ спину, какъ зарѣзанный кричалъ: «no use, no use!» (не ходитъ).

Глядя на всѣ фокусы и мелочи англійской изобрѣтательности, О. А., жившій въ Китаѣ, сравнилъ англичанъ съ китайцами по мелочной, микроскопической дѣятельности, по стремленію къ торгашеству и по нѣкоторымъ другимъ причинамъ. Американскій замо̀къ, о которомъ я упомянулъ — это такой замо̀къ, который такъ запирается, что и самъ хозяинъ подъ часъ не отопретъ. Прежде былъ принятъ въ здѣшнихъ государственныхъ кассахъ, между прочимъ, въ банкѣ, какой-то, тоже неотпираемый замо̀къ: по крайней мѣрѣ онъ долго слылъ такимъ. Но явился американецъ, вызвался отпереть его — и дѣйствительно отперъ. Потомъ онъ предложилъ изобрѣтенный имъ замо̀къ и назначилъ премію, если отопрутъ. Замо̀къ былъ отданъ экспертамъ, тремъ самымъ ловкимъ мошенникамъ, приглашеннымъ для этого изъ портсмутской тюрьмы. Знаменитые отпиратели всякихъ дверей и сундуковъ, снабженные всѣми нужными инструментами, пробились трое сутокъ, ничего не сдѣлали и объявили замо̀къ — неотпираемымъ. Вслѣдствіе этого онъ принятъ теперь въ казенныхъ мѣстахъ, вмѣсто прежняго. Весь секретъ, сколько я могъ понять изъ объясненій содержателя магазина, гдѣ продаются эти замки, заключается въ бородкѣ ключа, въ которую каждый разъ, когда надо запереть ящикъ или дверь, можетъ быть вставляемо произвольное число пластинокъ. Нельзя отпереть замка̀ иначе, какъ зная, сколько именно вставлено пластинокъ и какимъ образомъ онѣ расположены; а пластинокъ много. Есть замки и для колосальныхъ дверей, и для ма-

ленькихъ шкатулокъ, цѣной отъ 10 ф. стерлинговъ до 10 шиллинговъ. Хитро, не правда ли?

Между тѣмъ общее впечатлѣніе, какое производитъ наружный видъ Лондона, съ циркуляціею народонаселенія, странно: тамъ до двухъ милліоновъ жителей, центръ всемірной торговли, а чего бы вы думали не замѣтно?—жизни, то-есть ея бурнаго броженія. Торговля видна, а жизни нѣтъ: или вы должны заключить, что здѣсь торговля есть жизнь, какъ оно и есть въ самомъ дѣлѣ. Послѣдняя не бросается здѣсь въ глаза. Только по итогамъ сдѣлаешь выводъ, что Лондонъ первая столица въ мірѣ, когда сочтешь, сколько громадныхъ капиталовъ обращается въ день, или годъ, какой страшный совершается приливъ и отливъ иностранцевъ въ этомъ океанѣ народонаселенія, какъ здѣсь сходятся покрывающія всю Англію желѣзныя дороги, какъ по улицамъ изъ конца въ конецъ города снуютъ десятки тысячъ экипажей. Ахнешь отъ изумленія, но не замѣтишь всего этого глазами. Такая господствуетъ относительно тишина, такъ всѣ физіологическія отправленія общественной массы совершаются стройно, чинно. Кромѣ неизбѣжнаго шума отъ лошадей и колесъ, другаго почти не услышишь. Городъ, какъ живое существо, кажется, сдерживаетъ свое дыханіе и біеніе пульса. Нѣтъ ни напраснаго крика, ни лишняго движенія, а ужъ о пѣніи, о прыжкѣ, о шалости и между дѣтьми мало слышно. Кажется, все разсчитано, взвѣшено и оцѣнено, какъ-будто и съ голоса, и съ мимики берутъ тоже пошлину, какъ съ оконъ, съ колесныхъ шинъ. Экипажи мчатся во всю прыть, но кучера не кричатъ, да и прохожій никогда не зазѣвается. Пѣшеходы не толкаются, въ народѣ не видать ни ссоръ, ни дракъ, ни пьяныхъ на улицѣ, между тѣмъ почти каждый англичанинъ напивается за обѣдомъ. Всѣ спѣшатъ, бѣгутъ: беззаботныхъ и лѣнивыхъ фигуръ, кромѣ моей, нѣтъ.

Дурно одѣтыхъ людей—тоже не видать: они, дóлжно-быть, какъ тараканы, прячутся гдѣ-нибудь въ щеляхъ отдаленныхъ кварталовъ: бóльшая часть одѣты со вкусомъ и нарядно; остальные чисто, всѣ причесаны, приглажены и особенно обриты. Нашъ другъ Я. непремѣнно сказалъ бы: здѣсь каждый — *Бриттъ*. Я брѣюсь черезъ день и оттого слуги въ тавернахъ не прежде начинаютъ уважать меня, какъ когда, послѣ обѣда, дамъ имъ шиллингъ. Вы, Н. А., съ своею инвалидною бородой были бы здѣсь невозмомны: вамъ, какъ только бы вы вышли на улицу, непремѣнно подадутъ милостыню. Улицы похожи на великолѣпныя гостиныя, наполненныя одними господами. Такъ-называемаго простаго, или, еще хуже, «чернаго» народа не видать, потому-что онъ здѣсь—не черный: мужикъ въ плисовой курткѣ и панталонахъ, въ бѣлой рубашкѣ, вовсе не покажется мужикомъ. Даже иная рабочая лошадь такъ тихо и важно выступаетъ, какъ баринъ.

Извѣстно, кàкъ англичане уважаютъ общественныя приличія. Это уваженіе къ общему спокойствію, безопасности, устраненіе всѣхъ непріятностей и неудобствъ—простирается даже до нѣкоторой скуки. Ѣдешь въ вагонѣ, народу биткомъ набито, а тишина, какъ-будто «въ гробѣ тьмы людей», по выраженію Пушкина. Англичане учтивы до чувства гуманности, то-есть учтивы на столько, на сколько въ этомъ дѣйствительно настоитъ надобность, но не суетливы, и особенно не нахальны, какъ французы. Они отвѣтятъ на дѣльный вопросъ, сообщатъ вамъ свѣдѣніе, въ которомъ нуждаетесь, укажутъ дорогу и т. п., но не будутъ довольны, если вы къ нимъ обратитесь просто такъ, поговорить. Они принимаютъ въ соображеніе, что если однимъ скучно сидѣть молча, то другіе, напротивъ, любятъ это. Я не видалъ, чтобы въ вагонѣ, на пароходѣ,

одинъ взялъ, даже попросилъ у другаго праздно-лежащую около газету, дотронулся бы до чужаго зонтика, трости. Всѣ эти фамильярности съ незнакомыми нетерпимы. За то ни кто не запоетъ, не засвиститъ около васъ, не положитъ ногу на вашу скамью, или стулъ. Есть тутъ своя хорошая и дурная сторона, но кажется, больше хорошей. Французы и здѣсь выказываютъ непріятныя черты своего характера: они нахальны и грубоваты. Слуга-французъ протянетъ руку за шиллингомъ, едва скажетъ merci, и тутъ же не подниметъ уроненнаго платка, не подастъ пальто. Англичанинъ все это сдѣлаетъ.

Время между тѣмъ близится къ отъѣзду. На фрегатѣ работы приходятъ къ окончанію: того и гляди назначатъ день. А какъ еще хочется посмотрѣть и погулять въ этой разумной толпѣ, чтобъ потомъ перейти къ невоздѣланной природѣ и къ такимъ же невоздѣланнымъ ея дѣтямъ! Про природу Англіи я ничего не говорю: какая тамъ природа! ея нѣтъ, она воздѣлана до того, что все растетъ и живетъ по программѣ. Люди овладѣли ею и сглаживаютъ ея вольные слѣды. Поля здѣсь расписные паркеты. Съ деревьями, съ травой сдѣлано тоже, что съ лошадьми и съ быками. Травѣ дается видъ, цвѣтъ и мягкость бархата. Въ полѣ не найдешь празднаго клочка земли; въ паркѣ нѣтъ самороднаго куста. И животныя испытываютъ ту же участь. Все породисто здѣсь: овцы, лошади, быки, собаки, какъ мужчины и женщины. Все крупно, красиво, бодро: въ животныхъ стремленіе къ исполненію своего назначенія простерто, кажется, до разумнаго сознанія, а въ людяхъ, напротивъ, низведено до степени животнаго инстинкта. Животнымъ такъ внушаютъ правила поведенія, что быкъ какъ-будто бы понимаетъ, зачѣмъ онъ жирѣетъ, а человѣкъ напротивъ старается забывать, зачѣмъ онъ

круглый божій день и годъ, и всю жизнь, только и дѣлаетъ, что подкладываетъ въ печь уголь, или открываетъ и закрываетъ какой-то клапанъ. Въ человѣкѣ подавляется его уклоненіе отъ прямой цѣли; отъ этого, можетъ-быть, такъ много встрѣчается людей, которые съ перваго взгляда покажутся ограниченными, а они только спеціальные. И въ этой спеціальности—причина успѣховъ на всѣхъ путяхъ. Здѣсь кузнецъ не займется слесарнымъ дѣломъ, оттого онъ первый кузнецъ въ мірѣ. И всѣ такъ. Механикъ, инженеръ не побоится упрека въ незнаніи политической экономіи: онъ никогда не прочелъ ни одной книги по этой части; не заговаривайте съ нимъ и о естественныхъ наукахъ, ни о чемъ, кромѣ инженерной части—онъ покажется такъ жалко ограниченъ... а между тѣмъ подъ этою ограниченностью кроется иногда огромный талантъ, и всегда сильный умъ, но умъ, весь ушедшій въ механику. Скучно покажется «универсально» образованному человѣку разговаривать съ нимъ въ гостиной; но, имѣя заводъ, пожелаешь выписать къ себѣ его самаго, или его произведеніе.

Все бы это было очень хорошо, то-есть эта практичность, но, къ сожалѣнію, тутъ есть своя непріятная сторона: не только общественная дѣятельность, но и вся жизнь всѣхъ и каждаго сложилась и дѣйствуетъ очень практически, какъ машина. Незамѣтно, чтобъ общественныя и частныя добродѣтели свободно истекали изъ свѣтлаго человѣческаго начала, безусловную прелесть котораго общество должно чувствовать непрестанно и непрестанно чувствовать тоже и потребность наслаждаться имъ. Здѣсь, напротивъ, видно, что это все есть потому, что оно нужно зачѣмъ-то, для какой-то цѣли. Кажется, честность, справедливость, состраданіе добываются какъ каменный уголь, такъ что въ ста-

тистическихъ таблицахъ можно, рядомъ съ итогомъ стальныхъ вещей, бумажныхъ тканей, показывать, что вотъ такимъ-то закономъ, для той провинціи или колоніи, добыто столько-то правосудія, или для такого дѣла подбавлено въ общественную массу матеріала для выработки тишины, смягченія нравовъ и т. п. Эти добродѣтели приложены тамъ, гдѣ ихъ нужно, и вертятся, какъ колеса, оттого онѣ лишены теплоты и прелести. На лицахъ, на движеніяхъ, поступкахъ, рѣзко написано практическое сознаніе о добрѣ и злѣ, какъ неизбѣжная обязанность, а не какъ жизнь, наслажденіе, прелесть. Добродѣтель лишена своихъ лучей; она принадлежитъ обществу, націи, а не человѣку, не сердцу. Оттого, правда, вся машина общественной дѣятельности движется непогрѣшительно, на это употреблено тьма чести, правосудія; вездѣ строгость права, законъ, вездѣ ограда имъ. Общество благоденствуетъ: независимость и собственность его неприкосновенны. Но за то есть щели, куда не всегда протѣснится сила закона, гдѣ безсильно и общественное мнѣніе, гдѣ люди находятъ способъ обойтись безъ этихъ важныхъ посредниковъ и вѣдаются сами собой: вотъ тамъ-то машина общаго движенія оказывается неприложимою къ мелкимъ, индивидуальнымъ размѣрамъ и колеса ея вертятся на воздухѣ. Вся англійская торговля прочна, кредитъ непоколебимъ, а между тѣмъ покупателю въ каждой лавкѣ надо брать росписку въ полученіи денегъ. Законы противъ воровъ многи и строги, а Лондонъ считается, между прочимъ, образцовою школою мошенничества, и воровъ числится тамъ нѣсколько десятковъ тысячъ; даже ими, какъ товарами, снабжается континентъ, и искусство запирать замки споритъ съ искусствомъ отпирать ихъ. Прибавьте, что нигдѣ нѣтъ такого количества контрабандистовъ. Вездѣ рогатки, машинки для провѣрки совѣстей,

какъ сказано выше: вотъ какіе двигатели поддерживаютъ добродѣтель въ обществѣ, а кассы въ банкахъ и купеческихъ конторахъ дѣлаются частенько добычей воровъ. Филантропія возведена въ степень общественной обязанности, а отъ бѣдности гибнутъ, не только отдѣльныя лица, семейства, но цѣлыя страны подъ англійскимъ управленіемъ. Между тѣмъ этотъ нравственный народъ, по воскреньямъ ѣстъ черствый хлѣбъ, не позволяетъ вамъ въ вашей комнатѣ заиграть на фортепіано, или засвистать на улицѣ. Призадумаешься надъ репутаціей умнаго, дѣловаго, религіознаго, нравственнаго и свободнаго народа!

Но, можетъ быть, это все равно для блага цѣлаго человѣчества: любить добро за его безусловное изящество и быть честнымъ, добрымъ и справедливымъ-даромъ, безъ всякой цѣли, и не умѣть нигдѣ и никогда не быть такимъ, или быть добродѣтельнымъ по машинѣ, по таблицамъ, по востребованію? Казалось бы, все равно, но отчего же это противно? Не все ли равно, что статую изваялъ Фидій, Канова, или машина? можно бы спросить...

Вы можете упрекнуть меня, что, говоря обо всемъ, что я видѣлъ въ Англіи, отъ дюка Веллингтона до высиживаемыхъ парами цыплятъ, я ничего не сказалъ о женщинахъ. Но говорить о нихъ поверхностно—не хочется, а наблюсти ихъ глубже и пристальнѣе—не было времени. И гдѣ было наблюдать ихъ? Я не успѣлъ познакомиться съ семейными домами, и потому видалъ женщинъ въ церквахъ, въ магазинахъ, въ ложахъ, въ экипажахъ, въ вагонахъ, на улицахъ. Отъ этого могу сказать только—и то для того, чтобъ избѣжать предполагаемаго упрека — что онѣ прекрасны, стройны, съ удивительнымъ цвѣтомъ лица, не смотря на то, что ѣдятъ много мяса, пряностей, и пьютъ крѣпкія вина. Едва ли въ другомъ народѣ разлито столько красоты

въ массѣ, какъ въ Англіи. Не судите о красотѣ Англичанъ и Англичанокъ по этимъ рыжимъ господамъ и госпожамъ, которые дезертируютъ изъ Англіи подъ именемъ шкиперовъ, машинистовъ, учителей, и гувернантокъ, особенно гувернантокъ: это оборыши; красивой женщинѣ не зачѣмъ бѣжать изъ Англіи: красота—капиталъ. Ей очень практически сдѣлаютъ вѣрную оцѣнку и найдутъ надлежащее приспособленіе. Женщина же уродъ не имѣетъ никакой цѣны, если только за ней нѣтъ какого нибудь особеннаго таланта, который нуженъ и въ Англіи. Одно преподаваніе языка, или хожденіе за ребенкомъ тамъ не важность: остается уѣхать въ Россію. Англичанки большею частью высоки ростомъ, стройны, но немного горды и спокойны,— по словамъ многихъ, даже холодны. Цвѣтъ глазъ и волосъ до безконечности разнообразенъ: есть совершенныя брюнетки, то-есть съ черными, какъ смоль, волосами и глазами, и въ то же время съ необыкновенною бѣлизной и яркимъ румянцемъ; потомъ слѣдуютъ каштановые волосы, и все-таки бѣлое лицо, и наконецъ тѣ нѣжныя лица— фарфоровой бѣлизны, съ тонкою прозрачною кожею, съ легкимъ розовымъ румянцемъ, окаймленныя льняными кудрями, нѣжныя и хрупкія созданія съ лебединою шеей, съ неуловимою граціей въ позѣ и движеніяхъ, съ горделивою стыдливостью въ прозрачныхъ и чистыхъ, какъ стекло, и лучистыхъ глазахъ. Надо сказать, что и мужчины достойны этихъ леди по красотѣ: я уже сказалъ, что все, начиная съ человѣка, породисто и красиво въ Англіи. Мужчины подходятъ почти подъ тѣ же разряды, по цвѣту волосъ и лица, какъ женщины. Они отличаются тѣмъ же ростомъ, наружнымъ спокойствіемъ, гордостью, важностью въ осанкѣ, твердостью въ поступи.

Кажется, женщины въ Англіи—единственный предметъ,

которой пощадило практическое направленіе. Онѣ властвуютъ здѣсь; и если и бываютъ предметомъ спекуляціи, какъ напримѣръ, мистрисъ Домби, то не болѣе, какъ въ другихъ мѣстахъ. Передъ ними курится постоянный ѳиміамъ на домашнемъ алтарѣ, у котораго англичанинъ, избѣгавъ утромъ городъ, передѣлавъ всѣ дѣла, складываетъ, съ мекинтошемъ и зонтикомъ, и свою практичность. Тамъ гаснетъ огонь машины и зажигается другой, огонь очага или камина; тамъ англичанинъ перестаетъ быть администраторомъ, купцомъ, дипломатомъ, и дѣлается человѣкомъ, другомъ, любовникомъ, нѣжнымъ, откровеннымъ, довѣрчивымъ, и какъ ревниво охраняетъ онъ свой алтарь! Этого я не видалъ: я не проникалъ въ семейства, и знаю только по наслышкѣ и по весьма немногимъ признакамъ, между прочимъ потому, что англичанинъ, когда хочетъ познакомиться съ вами покороче, оказать особенное вниманіе, зоветъ васъ къ себѣ, въ свое святилище, обѣдать: больше ужъ онъ сдѣлать не въ состояніи.

Гоголь отчасти испортилъ мнѣ впечатлѣніе, которое производятъ англичанки: послѣ всякой хорошенькой англичанки мнѣ мерещится капитанъ Копѣйкинъ. Въ театрахъ видѣлъ я благородныхъ леди: хороши, но черезчуръ чопорно одѣты для маленькаго, дряннаго театра, въ которомъ показывали діораму восхожденія на Монбланъ: всѣ — декольте, въ бѣлыхъ мантильяхъ, съ цвѣтами на головѣ, отчего немного походятъ на нашихъ цыганокъ, когда послѣднія являются на балюстраду пѣть. Живя путешественникомъ въ отеляхъ, я мало имѣлъ случаевъ вблизи наблюдать женщинъ, кромѣ хозяекъ въ трактирахъ, торгующихъ въ магазинахъ и т. п. Вотъ двѣ служанки суетятся и бѣгаютъ около меня, какъ двѣ почтовыя лошади, и убійственно, какъ сороки, на каждое мое слово твердятъ: «yes, sir, no,

sir». Онѣ въ ссорѣ за какіе-то пять шиллинговъ и такъ поглощены ею, что о чемъ ни спросишь, онѣ сейчасъ переходятъ къ жалобамъ одна на другую. Еще оставалось бы сказать что-нибудь о тѣхъ леди и миссъ, которыя, поравнявшись съ вами на улицѣ, дарятъ улыбкой, или выразительнымъ взглядомъ, да о портсмутскихъ дамахъ, продающихъ всякую всячину; но и тѣ и другія такія же, какъ у насъ. О послѣднихъ можно развѣ сказать, что онѣ отличаются такою рельефностью бюстовъ, что путешественника поражаетъ это излишество въ нихъ столько же, сколько недостатокъ, въ этомъ отношеніи, у молодыхъ дѣвушекъ. Не знаю, поражаетъ ли это самихъ англичанъ.

Говорятъ англичанки еще отличаются величиной своихъ ногъ: не знаю, правда ли? Мнѣ кажется тутъ есть отчасти и предубѣжденіе, и именно оттого, что никакія другія женщины не выставляютъ такъ своихъ ногъ на показъ, какъ англичанки: переходя черезъ улицу, въ грязь, онѣ такъ высоко поднимаютъ юбки, что... даютъ полную возможность разсматривать ноги.

31 декабря 1852 г. Вамъ я думаю, наскучило получать отъ меня письма все изъ одного мѣста. Что дѣлать! Видно мнѣ на роду написано быть самому лѣнивымъ и заражать лѣнью все, что приходитъ въ соприкосновеніе со мною. Лѣнь разлита, кажется, въ атмосферѣ, и событія пріостанавливаются надъ моею головой. Помните, какъ лѣниво уѣзжалъ я изъ Петербурга, и только съ четвертою попыткой удалось мнѣ «отвалить» изъ отечества. Вотъ и теперь лѣниво выѣзжаемъ изъ Англіи. Мы ужъ «вытянулись» на рейдъ, подуй N или NO, и въ полчаса мы поднимемъ крылья и вступимъ въ океанъ, да онъ не готовъ видно принять насъ; онъ какъ-будто углаживаетъ намъ путь вѐстовыми вѣтрами. Я даже не могу сказать, что мы въ Англіи,

мы просто на фрегатѣ; насъ пятьсотъ человѣкъ: это уголокъ Россіи. Берегъ верстахъ въ трехъ; впереди ныряетъ въ волнахъ низенькая портсмутская стѣна, съ боку у ней тянется песчаная мель, сзади насъ зеленѣетъ Вайтъ, а за тѣмъ все море, съ сотней разбросанныхъ по неизмѣримому рейду кораблей, ожидающихъ, какъ и мы попутнаго вѣтра. У насъ объ Англіи помину нѣтъ; мы распрощались съ ней, кончили всѣ дѣла, а ѣздить гулять мѣшаетъ вѣтеръ. Третьягодня отправились двѣ шлюпки и остались въ портѣ—такъ задуло. Изрѣдка только англійская верейка, какъ коза, проскачетъ по валамъ къ Вайту, или отъ Вайта въ Портсмутъ.

24-го, въ сочельникъ, съѣхалъ я на берегъ утромъ: было сносно; но когда поѣхалъ оттуда... ахъ, какой вечеръ! какъ надолго останется онъ въ памяти! Сдѣлавъ нѣкоторыя покупки, я въ пристани Albertpier взялъ англійскую шлюпку и отправился назадъ *домой*. Пока ѣхали въ гавани, за стѣнами, казалось покойно, но лишь выѣхали на просторъ, тамъ дуло свирѣпо, да къ этому холодъ, темнота и яростный шумъ буруновъ, разбивающихся о крѣпостную стѣну. Гребцы мои, англичане, не знали, гдѣ помѣстился нашъ фрегатъ. «Вечеромъ два огня будутъ на гафелѣ», сказали мнѣ на фрегатѣ, когда я ѣхалъ утромъ. Я смотрю въ даль, гдѣ чуть-чуть видно мелькаютъ силуэты судовъ, и вижу милліоны огней въ разныхъ мѣстахъ. Я придерживалъ одной рукой шляпу, чтобъ ее не сдуло въ море, а другую пряталъ—то за пазуху, то въ карманы отъ холода. Гребцы бросили весла и, поставивъ парусъ, сами сѣли на дно шлюпки и вполголоса бормотали промежъ себя. Шлюпку нашу подбрасывало вверхъ и внизъ, валы періодически врывались верхушкой къ намъ и обливали спину. Небо заволокло тучами, а ѣхать три версты. Подъѣхали къ одной

группѣ судовъ: «russian-frigate?» спрашиваютъ мои гребцы. «No», пронзительно доносится до насъ по вѣтру. Дальше, къ другому «Nein», отвѣчаютъ намъ. Надо было лечь на другой галсъ и плыть еще версты полторы вдоль рейда. Вотъ тутъ я вспомнилъ всѣ проведенные съ вами двадцать-четвертые декабря; живо себѣ воображалъ, что у васъ въ залѣ и свѣтло, и тепло, и что я бы теперь сидѣлъ тамъ съ тѣмъ, съ другимъ, съ той, другой... «А вотъ что̀ около меня!» добавлялъ я, боязливо и вопросительно поглядывая, то на валы, которые поднимались около моихъ плечь и локтей и выше головы, то въ даль, стараясь угадать, привѣтнѣе ли и свѣтлѣе ли другихъ огней блеснутъ два фонаря на русскомъ фрегатѣ? Наконецъ добрался и засталъ всенощную наканунѣ Рождества. Этотъ маленькій эпизодъ напомнилъ мнѣ, что пройденъ только вершокъ необъятнаго, ожидающаго впереди пространства; что этотъ эпизодъ есть обыкновенное явленіе въ этой жизни; что въ три года можетъ случиться много такого, чего не выживешь въ шестьдесятъ лѣтъ жизни, особенно нашей русской жизни!

Какимъ испытаніямъ подвергается избалованная нервозность вѣчнаго горожанина здѣсь, въ борьбѣ со всѣмъ окружающимъ! Все противоположно прежнему: воздухъ вмѣсто толстыхъ стѣнъ, про̀пасть вмѣсто фундамента, сводъ изъ сѣти снастей, качающійся столъ, который отходитъ отъ руки, когда пишешь, или рука отходитъ отъ стола, тарелка ото рта. «Не шуми, сиди смирно!» безпрестанно раздается въ обыкновенномъ порядкѣ береговой жизни. «Шуми, стучи и двигайся!» твердятъ здѣсь на каждомъ шагу. Вмѣсто удобствъ и комфорта, пріучаютъ къ неудобствамъ. На дняхъ капитанъ ходитъ взадъ и впередъ по палубѣ въ одномъ сюртукѣ, а у самого отъ холода нижняя челюсть тоже ходитъ взадъ и впередъ.

«Зачѣмъ, молъ, вы не надѣнете пальто»?—«Для примѣра командѣ», говоритъ. И многое, что̀ сочтешь тамъ, на берегу, сидя на диванѣ, въ теплой комнатѣ, отступленіемъ отъ разума—здѣсь истина. И вы видите, что эти уклоненія здѣсь оправдываются, а ваши абсолютныя истины нѣтъ. Вамъ неловко, потому-что нельзя же заставить себя вѣрить въ уклоненія или въ мѣстную истину, хотя она и оправдывается необходимостью. Забудьте отчасти ваше воспитаніе, выработанность и изнѣженность, когда вы на морѣ. Но ничего: ко всему можно притерпѣться, привыкнуть, даже не простуживаться. У меня вотъ и високъ пересталъ болѣть. Даже не скоро потомъ отдѣлаюсь я отъ привычекъ, которыя наложитъ на меня морской бытъ, по возвращеніи на берегъ. Мнѣ будетъ казаться, что мебель надо «принайтовить», окна не закрыть ставнями, а «задраить», при свѣжемъ вѣтрѣ буду ждать, что «засвистятъ всѣхъ наверхъ рифы брать».

Сколько благъ сулилъ я себѣ въ вояжѣ и сколько ужь ихъ не осуществилось! Вотъ я думалъ бѣжать отъ русской зимы и прожить два лѣта, а приходится, кажется, испытать четыре осени: русскую, которую уже пережилъ, англійскую переживаю, въ тропики придемъ въ тамошнюю осень. А безтолочь какая: празднуешь два Рождества, русское и англійское, два Новые года, два Крещенья. Въ англійское Рождество была крайняя нужда въ работѣ,—своихъ рукъ не доставало: англичане и слышать не хотятъ о работѣ въ праздникъ. Въ наше Рождество англичане пришли, да совѣстно было заставлять работать своихъ.

Сказалъ бы вамъ что-нибудь о своихъ товарищахъ, но о нѣкоторыхъ я говорилъ, о другихъ буду говорить впослѣдствіи. Въ послѣднее время я жилъ близко, въ одной огромной каютѣ англійскаго корабля, пока нашъ фрегатъ былъ въ докѣ, съ четырьмя товарищами. Одинъ—невоз-

мутимо покоенъ въ душѣ и со всѣми всегда одинаковъ; ни во что̀ не мѣшается, ни веселъ, ни печаленъ; ни отъ чего ему ни больно, ни холодно; на все согласенъ, что̀ предложатъ другіе; со всѣми ласковъ до дружества, хотя нѣтъ у него друзей, но и враговъ нѣтъ. Куда его ни повезя, ему все равно; онъ всѣмъ доволенъ, ни на что̀ не жалуется. Всякую новость узнаетъ днемъ позже другихъ; кажется, для него выдумали слово «покладно̀й». Другой, съ которымъ я чаще всего бесѣдую, очень милый товарищъ, тоже всегда ровный, никогда невыходящій изъ себя человѣкъ; но его не такъ легко удовлетворить, какъ перваго. Онъ любитъ комфортъ и безъ него нѣсколько страдаетъ, хотя и старается приспособиться къ несвойственной ему сферѣ. Онъ свѣтскій человѣкъ; а такіе люди всегда мнѣ нравились. Свѣтское воспитаніе, если оно въ самомъ дѣлѣ свѣтское, а не претензія только на него, не такъ поверхностно, какъ обыкновенно думаютъ. Не мѣшая, ни глубокому образованію, даже учености, ни какому спеціальному направленію, оно выработываетъ много хорошихъ сторонъ, не даетъ глохнуть порядочнымъ качествамъ, образуетъ весь характеръ и, между прочимъ, учитъ скрывать не одни свои недостатки, но и достоинства, что̀ гораздо труднѣе. То, что̀ иногда кажется врожденною скромностью, отсутствіемъ страсти—есть только воспитаніе. Свѣтскій человѣкъ умѣетъ поставить себя въ такое отношеніе съ вами, какъ-будто забываетъ о себѣ и дѣлаетъ все для васъ, всѣмъ жертвуетъ вамъ, не дѣлая въ самомъ дѣлѣ и не жертвуя ничего, напротивъ, еще куритъ ваши же сигары, какъ Б. мои. Все это, кажется, пустяки, а между тѣмъ это придаетъ обществу чрезвычайно много, по-крайней-мѣрѣ, наружнаго гуманитета.

Мы мирно жили, еще съ недѣлю, по возвращеніи изъ

Лондона въ Портсмутъ, на Кемпердоунѣ, большимъ обществомъ. Всѣ размѣщены были очень удобно по многочисленнымъ каютамъ стопушечнаго стараго англійскаго корабля. Утромъ мы всѣ четверо просыпались въ одно мгновеніе, ровно въ восемь часовъ, отъ пушечнаго выстрѣла съ «Экселента», другаго англійскаго корабля, стоявшаго на мертвыхъ якоряхъ, то-есть неподвижно, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ насъ. Послѣ завтрака, состоявшаго изъ горы мяса, картофеля и овощей, то-есть тяжелаго обѣда, всѣ расходились: офицеры въ адмиралтейство на фрегатъ къ работамъ, мы, не-офицеры, или занимались дома, или шли за покупками, гулять, кто въ Портсмутъ, кто въ Портси, кто въ Саутси, или въ Госпортъ—это названія четырехъ городовъ, связанныхъ вмѣстѣ и составляющихъ Портсмутъ. Всѣ они имѣютъ свой характеръ. Портси и Портсмутъ — торговыя части, наполненныя магазинами, складочными амбарами, съ таможней. Тутъ же помѣщается адмиралтейство, тутъ и пріютъ моряковъ всѣхъ націй. Саутси—чистый кварталъ, гдѣ главныя церкви и большіе домы; тамъ помѣщаются и власти. Эти кварталы отдѣляются между собою стѣной. Госпортъ лежитъ на другой сторонѣ гавани и сообщается съ прочими тремя кварталами посредствомъ пароваго парома, который безпрестанно по веревкѣ ходитъ взадъ и впередъ и за грошъ перевозитъ публику. Кромѣ того, есть безчисленное множество яликовъ. Въ Госпортѣ тоже есть магазины, но уже второстепенные, фруктовыя лавки, очень хорошая гостинница Indiaarms, гдѣ мы приставали, и станція лондонской желѣзной дороги. Впрочемъ, всѣ эти города можно обойти часа въ два. Госпортъ состоитъ изъ одной улицы и нѣсколькихъ переулковъ. Саутси изъ одной площади, вала и крѣпостной стѣны. Только Портсмутъ и Портси, свя-

занные вмѣстѣ, имѣютъ нѣсколько улицъ. Домы, магазины, торговля, народъ—все какъ въ Лондонѣ, въ меньшихъ и не столь богатыхъ размѣрахъ; но все-таки, относительно, богато, чисто и красиво. Море, матросы, корабли и адмиралтейство сообщаютъ городу свой особый отпечатокъ, такой же, какъ у насъ въ Кронштадтѣ, только побольше, полюднѣе.

Потомъ часамъ къ шести сходились обѣдать во второй разъ, такъ что О. А. недоумѣвалъ, послѣ котораго обѣда надо было лечь «отдохнуть».

Въ прогулкахъ своихъ я пробовалъ было брать съ собою Ѳаддеева, чтобъ отнести покупки домой, но раскаялся. Онъ никому спуску не давалъ, не уступалъ дороги. Если толкнуть его, онъ не преминетъ отвѣтить кулакомъ, или задиралъ ребятишекъ. Онъ внесъ на чужіе берега свой костромской элементъ и не разбавилъ его ни каплей чужаго. На всякій обычай, непохожій на свой, на учрежденіе, онъ смотрѣлъ какъ на ошибку, съ большимъ недоброжелательствомъ, и даже съ презрѣніемъ.—«Сволочь эти *асеи*!» (такъ называютъ матросы англичанъ отъ употребляемаго безпрестанно въ англійской рѣчи — *J say, я говорю, послушай*). Какъ онъ глумился, увидѣвъ на часахъ шотландскихъ солдатъ, одѣтыхъ въ яркій, блестящій костюмъ, то-есть въ юбку изъ клѣтчатой шотландской матеріи, но безъ панталонъ, и потому съ голыми колѣнками!—«Королева разсердилась: штановъ не дала», говорилъ онъ съ хохотомъ, указывая на голыя ноги солдата. Только въ пользу одной шерстяной матеріи, называемой «англійской кожей» и употребляемой простымъ народомъ на платье, онъ сдѣлалъ исключеніе, и то потому, что панталоны изъ нея стоили всего два шиллинга. Онъ просилъ меня купить этой кожи себѣ и товарищамъ по порученію, и самъ отправился со мной. Но

Боже мой! какимъ презрѣніемъ обдалъ онъ англійскаго купца, нужды нѣтъ, что тотъ смотрѣлъ совершеннымъ джентльменомъ! Какое счастіе, что они не понимали другъ друга! Но по одному лицу, по голосу Ѳаддеева, можно было догадываться, что онъ третируетъ купца en canaille, какъ какого-нибудь продавца баранокъ въ Чухломѣ. «Врешь, не то показываешь», говорилъ онъ, швыряя штуку матеріи. «Скажи ему, ваше высокоблагородіе, чтобы далъ той самой, которой отрѣзалъ Терентьеву да Кузмину». Купецъ подавалъ другой кусокъ.—Не то, сволочь, говорятъ тебѣ!» И все въ этомъ родѣ.

Однажды, въ Портсмутѣ, онъ прибѣжалъ ко мнѣ, сіяя отъ радости и сдерживая смѣхъ. — Чему ты радуешься?» спросилъ я. «Мотыгинъ... Мотыгинъ»... твердилъ онъ, смѣясь. (Мотыгинъ—это другъ его, худощавый, рябой матросъ).—«Ну, что жъ Мотыгинъ?»—«Съ берега воротился...»—«Ну?» — «Позови его, ваше высокоблагородіе, да спроси, что онъ дѣлалъ на берегу?» Но я забылъ объ этомъ, и вечеромъ встрѣтилъ Мотыгина съ синимъ пятномъ около глазъ. «Что̀ съ тобой? отчего пятно?» спросилъ я. Матросы захототали; пуще всѣхъ радовался Ѳаддеевъ. Наконецъ объяснилось, что Мотыгинъ вздумалъ «поиграть» съ портсмутской леди, продающей рыбу. Это все равно, что поиграть съ волчицей въ лѣсу: она отвѣчала градомъ кулачныхъ ударовъ, изъ которыхъ одинъ попалъ въ глазъ. Но и матросъ въ своемъ родѣ тоже не овца: оттого эта волчья ласка была для Мотыгина не больше, какъ сарказмъ какой-нибудь барыни на неумѣстную любезность франта. Но Ѳаддеевъ утѣшается этимъ еще до сихъ поръ, хотя синее пятно на глазу Мотыгина уже пожелтѣло.

Наконецъ намъ объявили, чтобъ мы перебирались на фрегатъ. Поднялась суматоха: барказъ, катера, съ утра до

вечера, перевозили съ берега разнаго рода запасы; люди перетаскивали все наше имущество на фрегатъ, который подвели вплоть къ Кемпердоуну. Среди этой давки, шума, суеты, вдругъ протискался сквозь толпу къ капитану П. А. Т., нашъ застольный хозяинъ. «И. С., ради Бога, поспѣшно говорилъ онъ, позвольте шлюпку, теперь же, сію минуту...» —«Зачѣмъ, куда? шлюпки всѣ заняты—вы видите. Послѣдняя идетъ за углемъ. Зачѣмъ вамъ?»—«Курица выскочила, когда переносили курятникъ, и уплыла. Вонъ она-съ, вонъ какъ бьется: ради Бога, пожалуйте шлюпку; сейчасъ утонетъ. Извольте войти въ мое положеніе: офицеры удостоили меня довѣренности, и я оправдывалъ...» Капитанъ разсмѣялся и далъ ему шлюпку. Курица была поймана и возвращена на свое мѣсто. Вскорѣ мы вытянулись на рейдъ, стоимъ здѣсь и ждемъ погоды.

Каждый день прощаюсь я съ здѣшними берегами, повѣряю свои впечатлѣнія, какъ скупой повѣряетъ втихомолку каждый спрятанный грошъ. Дешевы мои наблюденія, немного вынесу я отсюда, можетъ-быть отчасти и потому, что ѣхалъ не сюда, что тороплюсь все дальше. Я даже боюсь слишкомъ вглядываться, чтобъ не осталось сору въ памяти. Я охотно разстаюсь съ этимъ всемірнымъ рынкомъ и съ картиной суеты и движенія, съ колоритомъ дыма, угля, пара и копоти. Боюсь, что образъ современнаго англичанина долго будетъ мѣшать другимъ образамъ... Сбуду скорѣе черты этого образа вамъ и постараюсь забыть.

Замѣчу, между прочимъ, что все здѣсь стремится къ тому, чтобъ устроить образъ жизни какъ можно проще, удобнѣе и комфортэбельнѣе. Сколько выдумокъ для этого, сколько потрачено генія изобрѣтательности на машинки, пружинки, таблицы и другіе остроумные способы, чтобъ человѣку было просто и хорошо жить! Если обстановить

этими выдумками, машинками, пружинками и таблицами жизнь человѣка, то можно въ pendant къ вопросу о томъ, «достовѣрнѣе ли стала исторія съ тѣхъ поръ, какъ размножились ея источники»—поставить вопросъ: «удобнѣе ли стало жить на свѣтѣ съ тѣхъ поръ, какъ размножились удобства?»

Новѣйшій англичанинъ не долженъ просыпаться самъ; еще хуже, если его будитъ слуга: это варварство, отсталость, и притомъ слуги дороги въ Лондонѣ. Онъ просыпается по будильнику. Умывшись посредствомъ машинки и надѣвъ вымытое паромъ бѣлье, онъ садится къ столу, кладетъ ноги въ назначенный для того ящикъ, обитый мѣхомъ, и готовитъ себѣ, съ помощію пара же, въ три секунды бифстексъ или котлету, и запиваетъ чаемъ, потомъ принимается за газету. Это тоже удобство—одолѣть листъ «Times» или «Herald»: иначе онъ будетъ глухъ и нѣмъ цѣлый день. Кончивъ завтракъ, онъ по одной таблицѣ припоминаетъ, какое число и какой день сегодня, справляется что̀ дѣлать, беретъ машинку, которая сама дѣлаетъ выкладки: припоминать и считать въ головѣ неудобно. Потомъ идетъ со двора. Я не упоминаю о томъ, что двери передъ нимъ отворяются и затворяются взадъ и впередъ почти сами. Ему надо побывать въ банкѣ, потомъ въ трехъ городахъ, поспѣть на биржу, не опоздать въ засѣданіе парламента. Онъ все сдѣлалъ, благодаря удобствамъ. Вотъ онъ, поэтическій образъ, въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ, обритый, остриженный, съ удобствомъ, то-есть съ зонтикомъ подъ мышкой, выглядываетъ изъ вагона, изъ кеба, мелькаетъ на пароходахъ, сидитъ въ тавернѣ, плыветъ по Темзѣ, бродитъ въ музеумѣ, скачетъ въ паркѣ! Въ промежуткахъ онъ успѣлъ посмотрѣть травлю крысъ, какіе нибудь мостки, купилъ колодки отъ сапогъ дюка.

Мимоходомъ съѣлъ высиженнаго паромъ цыпленка, внесъ фунтъ стерлингъ въ пользу бѣдныхъ. Послѣ того, покойный сознаніемъ, что онъ прожилъ день по всѣмъ удобствамъ, что видѣлъ много замѣчательнаго, что у него есть дюкъ и паровые цыплята, что онъ выгодно продалъ на биржѣ партію бумажныхъ одѣялъ, а въ парламентѣ свой голосъ, онъ садится обѣдать, и вставъ изъ-за стола не совсѣмъ твердо, вѣшаетъ къ шкафу и бюро неотпираемые замки, снимаетъ съ себя машинкой сапоги, заводитъ будильникъ и ложится спать. Вся машина засыпаетъ.

Облако англійскаго тумана, пропитанное паромъ и дымомъ каменнаго угля, скрываетъ отъ меня этотъ образъ. Оно проносится, и я вижу другое. Вижу гдѣ-то далеко отсюда, въ пространной комнатѣ, на трехъ перинахъ, глубоко спящаго человѣка: онъ и обѣими руками, и одѣяломъ закрылъ себѣ голову, но мухи нашли свободныя мѣста, кучками усѣлись на щекѣ и на шеѣ. Спящій не тревожится этимъ. Будильника нѣтъ въ комнатѣ, но есть дѣдовскіе часы: они каждый часъ свистѣньемъ, хрипѣньемъ и всхлипываньемъ пробуютъ нарушить этотъ сонъ—и все напрасно. Хозяинъ мирно почиваетъ; онъ не проснулся, когда посланная отъ барыни Парашка будитъ къ чаю, послѣ троекратнаго тщетнаго зова, потолкала спящаго, хотя женскими, но довольно жесткими кулаками въ ребра; даже когда слуга, въ деревенскихъ сапогахъ, на солидныхъ подошвахъ, съ гвоздями, трижды входилъ и выходилъ, потрясая половицы. И солнце обжигало, сначала темя, потомъ високъ спящаго — и все почивалъ онъ. Неизвѣстно, когда проснулся бы онъ самъ собою, развѣ когда не стало бы уже человѣческой мочи спать, когда нервы и мускулы настойчиво потребовали бы дѣятельности. Онъ пробудился оттого, что ему приснился дурной сонъ: его кто-то

началъ душить во снѣ, но вдругъ раздался отчаянный крикъ пѣтуха подъ окномъ — и баринъ проснулся, обливаясь пòтомъ. Онъ побранилъ было пѣтуха, этотъ живой будильникъ, но, взглянувъ на дѣдовскіе часы, замолчалъ. Проснулся онъ, сидитъ и недоумѣваетъ, какъ онъ такъ заспался, и невѣритъ, что его будили, что солнце ужь высоко, что прикащикъ два раза приходилъ за приказаніями, что самоваръ трижды перекипѣлъ. — «Что вы нейдете сюда?» ласково говоритъ ему голосъ изъ другой комнаты. — «Да вотъ одного сапога не найду, отвѣчаетъ онъ, шаря ногой подъ кроватью, и панталоны куда-то запропастились». — «Гдѣ Егорка?» Справляются насчетъ Егорки, и узнаютъ, что онъ отправился рыбу ловить бреднемъ, въ обществѣ нѣкоторыхъ любителей изъ дворовыхъ людей. И пока бѣгутъ, не спѣша, за Егоркой на прудъ, а Ваньку отыскиваютъ по заднимъ дворамъ, или Митьку извлекаютъ изъ глубины дѣвичьей, баринъ мается, сидя на постелѣ, съ однимъ сопогомъ въ рукахъ, и сокрушается объ отсутствіи другаго. Но все приведено въ порядокъ: сапогъ еще съ вечера затащила въ уголъ подъ диванъ Мимишка, а панталоны оказались висящими на дровахъ, гдѣ, второпяхъ, забылъ ихъ Егорка, чистившій платье и внезапно приглашенный товарищами участвовать въ рыбной ловлѣ. Сильно бы вымыли ему голову, но Егорка принесъ къ обѣду цѣлую корзину карасей, сотни двѣ раковъ, да еще барченку сдѣлалъ дудочку изъ камыша, а барышнѣ досталъ два водяные цвѣтка, за которыми, чуть не съ опасностью жизни, лазилъ по горло въ воду на средину пруда. Напившись чаю, приступаютъ къ завтраку: подадутъ битаго мяса съ сметаной, сковороду грибовъ, или каши, разогрѣютъ вчерашнее жаркое, дѣтямъ изготовятъ манный супъ—всякому найдутъ что нибудь по вкусу. Наступаетъ время

дѣятельности. Барину по городамъ ѣздить не нужно: онъ ѣздитъ въ городъ только на ярмарку разъ въ годъ, да на выборы: и то, и другое еще далеко. Онъ беретъ календарь, справляется, какого святаго въ тотъ день: нѣтъ ли именинниковъ, не надо ли послать поздравить. Отъ сосѣда за прошлый мѣсяцъ пришлютъ всѣ газеты разомъ, и цѣлый домъ запасается новостями надолго. Пора по работамъ: пришелъ прикащикъ—въ третій разъ.

«Что̀ скажешь, Прохоръ?» говорилъ баринъ небрежно. Но Прохоръ ничего не говоритъ; онъ еще небрежнѣе достаетъ со стѣны машинку, то-есть счеты, и подаетъ барину, а самъ, выставивъ одну ногу впередъ, а руки заложивъ назадъ, становится поодаль. «Сколько чего?» спрашиваетъ баринъ, готовясь класть на счетахъ.

«Овса въ городъ отпущено, на прошлой недѣлѣ семьдесятъ...» хочется сказать — пять четвертей. — «Семьдесятъ девять», договариваетъ баринъ и кладетъ на счетахъ. — «Семьдесятъ девять» мрачно повторяетъ прикащикъ и думаетъ: «экая память-то мужицкая, а еще баринъ! сосѣдъ-то баринъ, слышь, ничего не помнитъ...»

— А навѣдывались купцы о хлѣбѣ? вдругъ спросилъ баринъ, поднялъ очки на лобъ и взглянувъ на прикащика.

— Былъ одинъ вчера.

— Ну?

— Дешево даетъ.

— Однако?

— Два рубля.

— Съ гривной? спросилъ баринъ.

Молчитъ прикащикъ: купецъ точно съ гривной давалъ. Да какъ же баринъ-то узналъ? вѣдь онъ не видѣлъ купца! Рѣшено было, что прикащикъ поѣдетъ въ городъ на той недѣлѣ и тамъ покончитъ дѣло.

— Что жь ты не скажешь? вопрошаетъ баринъ.

— Онъ обѣщалъ побывать опять, говоритъ прикащикъ.

— Знаю, говоритъ баринъ.

«Какъ знаетъ?» думалъ прикащикъ: «вѣдь купецъ не обѣщалъ...»

— Онъ завтра къ батюшкѣ за медомъ заѣдетъ, а оттуда ко мнѣ, и ты приди, и мѣщанинъ будетъ.

Прикащикъ все мрачнѣй и мрачнѣй.

— Слушаю-съ, говоритъ онъ сквозь зубы.

Баринъ помнитъ даже, что въ третьемъ году Василій Васильевичъ продалъ хлѣбъ по три рубля, въ прошломъ дешевле, а Иванъ Иванычъ по три съ четвертью. То въ полѣ чужихъ мужиковъ встрѣтитъ, да спроситъ, то напишетъ кто нибудь изъ города, а не то такъ, видно, во снѣ приснится покупщикъ, и цѣна тоже. Не даромъ долго спитъ. И щелкаютъ они на счетахъ съ прикащикомъ, иногда все утро или цѣлый вечеръ, такъ что тоску наведутъ на жену и дѣтей, а прикащикъ выйдетъ весь въ поту изъ кабинета, какъ будто верстъ за тридцать на богомолье пѣшкомъ ходилъ.

— Ну, что еще? спрашиваетъ баринъ. Но въ это время раздался стукъ на мосту. Баринъ поглядѣлъ въ окно. «Кто-то ѣдетъ?» сказалъ онъ; и прикащикъ взглянулъ. «Иванъ Петровичъ, говоритъ прикащикъ, въ двухъ коляскахъ.»

— А! радостно восклицаетъ баринъ, отодвигая счеты. — Ну, ступай; ужо вечеромъ какъ-нибудь улучимъ минуту, да сосчитаемся. А теперь пошли-ка Антипку съ Мишкой на болото да въ лѣсъ, десятковъ пять дичи къ обѣду наколотить: видишь, дорогіе гости пріѣхали!

Завтракъ снова является на столѣ, послѣ завтрака кофе. Иванъ Петровичъ пріѣхалъ на три дня, съ женой, съ дѣтьми и съ гувернеромъ и съ гувернанткой, съ нянькой, съ

двумя кучерами и съ двумя лакеями. Ихъ привезли восемь лошадей: все это поступило на трехдневное содержаніе хозяина. Иванъ Петровичъ дальній родня ему по женѣ: не пріѣхать же ему за пятьдесятъ верстъ—только пообѣдать! Послѣ объятій, начался подробный разсказъ о трудностяхъ и опасностяхъ этого полуторасуточнаго переѣзда.

— Пообѣдавъ вчера, выѣхали мы, благословясь около вечерень, спѣшили засвѣтло проѣхать Волчій Вражекъ, а остальныя пятнадцать верстъ ѣхали въ темнотѣ —зги Божіей не видать! Ночью поднялась гроза, страсть какая— Боже упаси! Какіе яровые у Василья Степаныча, видѣли?

— Какъ же, нарочно ѣздилъ. Слышали, ужь онъ запродалъ хлѣбъ. А каковы овсы у васъ?

И пошла бесѣда на три дня.

Дамы пойдутъ въ садъ и оранжерею, а баринъ съ гостемъ отправились по гумнамъ, по полямъ, на мельницу, на луга. Въ этой прогулкѣ умѣстились три англійскіе города, биржа. Хозяинъ осмотрѣлъ каждый уголокъ; нужды нѣтъ, что хлѣбъ еще на корню, а онъ прикинулъ въ умѣ, что у него окажется въ наличности по истеченіи года, сколько онъ пошлетъ сыну въ гвардію, сколько заплатитъ за дочь въ институтъ. Обѣдъ гомерическій, ужинъ такой же. Потомъ, забывъ вынуть ключи изъ тульскихъ замковъ у бюро и шкафовъ, стелютъ пуховики, которыхъ достанетъ всѣмъ, сколько бы гостей ни пріѣхало. Живая машина стаскиваетъ съ барина сапоги, которые, можетъ-быть, опять затащитъ Мимишка подъ диванъ, а панталоны Егорка опять забудетъ на дровахъ.

Что же? среди этой дѣятельной лѣни и лѣнивой дѣятельности нѣтъ и помина о бѣдныхъ, о благотворительныхъ обществахъ, нѣтъ заботливой руки, которая бы... Мнѣ видится длинный рядъ бѣдныхъ избъ, до половины

занесенныхъ снѣгомъ. По тропинкѣ съ трудомъ пробирается мужичокъ въ заплатахъ. У него виситъ холстинная сума черезъ плечо, въ рукахъ длинный посохъ, какой носили древніе. Онъ подходитъ къ избѣ и колотитъ посохомъ, приговаривая «сотворите святую милостыню». Одна изъ щелей, закрытыхъ крошечнымъ стекломъ, отодвигается, высовывается обнаженная загорѣлая рука, съ краюхою хлѣба. «Прими Христа ради!» говоритъ голосъ. Краюха падаетъ въ мѣшокъ, окошко захлопывается. Нищій, крестясь, идетъ къ слѣдующей избѣ: тотъ же стукъ, тѣ же слова и такая же краюха падаетъ въ суму. И сколько бы ни прошло старцевъ, богомольцевъ, убогихъ, калѣкъ, передъ каждымъ отодвигается крошечное окно, каждый услышитъ: «прими Христа ради», загорѣлая рука не устаетъ высовываться, краюха хлѣба неизбѣжно падаетъ въ каждую подставленную суму.

А баринъ, стало-быть, живетъ въ себя, «въ свое брюхо», какъ говорятъ въ той сторонѣ? Стало-быть онъ никогда не освѣжитъ души своей волненіемъ при взглядѣ на бѣднаго, не брызнетъ слеза на отекшія отъ сна щеки? И когда онъ считаетъ барыши за несжатый еще хлѣбъ, онъ не отдѣляетъ нѣсколько сотъ рублей послать въ какое-нибудь заведеніе, поддержать сосѣда? Нѣтъ, не отдѣляетъ въ умѣ ни копѣйки, а отдѣлитъ развѣ столько-то четвертей ржи, овса, гречихи, да того-сего, да съ скотнаго двора телятъ, поросятъ, гусей, да меду съ ульевъ, да гороху, моркови, грибовъ, да всего, чтобъ къ Рождеству послать столько-то четвертей родиѣ, «сьдьмой водѣ на киселѣ», за сто верстъ, куда ужь онъ посылаетъ десять лѣтъ этотъ оброкъ, столько-то въ годъ какому-то бѣдному чиновнику, который женился на сироткѣ, оставшейся послѣ погорѣлаго сосѣда, взятой еще отцомъ въ домъ и тамъ воспитанной. Этому чи-

новнику посылаютъ еще сто рублей деньгами къ Пасхѣ, столько-то раздать у себя въ деревнѣ старымъ слугамъ, живущимъ на пенсіи, а ихъ много, да мужичкамъ, которые, то ноги отморозили, ѣздивши по дрова, то обгорѣли, суша хлѣбъ въ овинѣ, кого въ дугу согнуло отъ какой-то лихой болѣсти, такъ-что спины не разогнетъ, у другаго темная вода закрыла глаза. А какъ удивится гость, пріѣхавшій на цѣлый день къ нашему барину, когда, просидѣвъ утро въ гостиной и не увидѣвъ никого, кромѣ хозяина и хозяйки, вдругъ видитъ за обѣдомъ цѣлую ватагу какихъ-то старичковъ и старушекъ, которые нахлынутъ изъ заднихъ комнатъ и занимаютъ «привычныя мѣста!» Они смотрятъ робко, говорятъ мало, но кушаютъ много. И Боже сохрани попрекнуть ихъ «кускомъ!» Они почтительны и къ хозяевамъ и къ гостямъ. Баринъ хватился своей табакерки въ карманѣ, ищетъ глазами вокругъ: одинъ старичокъ побѣжалъ за ней, отыскалъ и принесъ. У барыни шаль спустилась съ плеча: одна изъ старушекъ надѣла ее опять на плечо, да тутъ же кстати поправила бантикъ на чепцѣ. Спросишь, кто это такіе? Про старушку скажутъ, что это одна «вдова», пожалуй назовутъ Настасьей Тихоновной, фамилію она почти забыла, а другіе и подавно: она ненужна ей больше. Прибавятъ только, что она бѣдная дворянка, что мужъ у ней былъ игрокъ, или спился съ кругу, и ничего не оставилъ. Про старичка, какого-нибудь Кузьму Петровича, скажутъ, что у него было душъ двадцать, что холера избавила его отъ большей части изъ нихъ, что землю онъ отдаетъ въ наемъ за двѣсти рублей, которые посылаетъ сыну, а самъ «живетъ въ людяхъ».

И многіе годы проходятъ такъ, и многія сотни уходятъ «куда-то» у барина, хотя денегъ, повидимому, не бросаютъ. Даже барыня, исполняя евангельскую заповѣдь и проходя

сквозь безконечный рядъ нищихъ отъ обѣдни, тратитъ на это всего какихъ-нибудь рублей десять въ годъ. Вотъ на выборахъ, въ городѣ, оно замѣтно, куда деньги идутъ. Кончились выборы: предводитель беретъ листъ бумаги и говоритъ: «заключимте, милостивые государи, наши засѣданія посильнымъ пожертвованіемъ въ пользу бѣдныхъ нашей губерніи, да на школы, на больницы», и пишетъ двѣсти, триста рублей. А нашъ баринъ думалъ, что, купивъ женѣ два платья, мантилью, нѣсколько чепцовъ, да вина, сахару, чаю и кофе на годъ, онъ уже можетъ закрыть бумажникъ, въ которомъ опочилъ изрядный запасный капиталецъ, годичная экономія. А вотъ тутъ вынимается сто рублей: стыдно же написать при всѣхъ двадцать пять, даже пятьдесять, когда Осипъ Осипычъ и Михайло Михайлычъ написали по сту. «Теперь, кажется, все», думаетъ онъ. Вдругъ у губернатора, вечеромъ, губернаторша сама раздаетъ гостямъ какіе-то билеты. Что это такое? Билеты на лотерею съ баломъ, спектаклемъ, въ пользу погорѣвшихъ семействъ. Губернаторша ужь двоихъ упрекнула въ скупости, и они поспѣшно взяли еще по нѣскольку билетовъ. За этимъ некуда уже тратить денегъ, только вотъ остался иностранецъ, который пріѣхалъ учить гимнастикѣ, да ему не повезло, а въ числѣ гимнастическихъ упражненій у него нѣтъ такой штуки, ка̀къ выбираться изъ чужаго города безъ денегъ, и онъ не знаетъ, что̀ дѣлать. Дворяне сложились помочь ему добраться домой; недостаетъ ста рублей: поглядываютъ на нашего барина... И вотъ, къ концу года выходитъ вовсе не тотъ счетъ въ деньгахъ, какой онъ прикинулъ въ умѣ, ходя по полямъ, когда хлѣбъ былъ еще на корню... Не по машинкѣ считалъ!

Но... однако... что̀ вы скажете, друзья мои, прочитавъ это... эту... это *письмо*—изъ Англіи? куда я заѣхалъ? что̀

описываю? скажете, конечно, что я повторяюсь, что я... не выѣзжалъ... Виноватъ: передъ глазами все еще мелькаютъ родныя и знакомыя крыши, окна, лица, обычаи. Увижу новое, чужое, и сейчасъ въ умѣ прикину на свой аршинъ. Я вѣдь ужь сказалъ вамъ, что искомый результатъ путешествія — это параллель между чужимъ и своимъ. Мы такъ глубоко вросли корнями у себя дома, что куда и какъ надолго бы я ни заѣхалъ, я всюду унесу почву родной Обломовки на ногахъ, и никакіе океаны не смоютъ ея!

Прощайте: мы уже снялись съ якоря, но не совсѣмъ удачно. Начались шквалы: шквалы—это, когда вы сидите на дачѣ, ничего не подозрѣвая, съ открытыми окнами, вдругъ на балконъ вашъ налетаетъ вихрь, врывается съ пылью въ окна, бьетъ стекла, валитъ горшки съ цвѣтами, хлопаетъ ставнями, когда бросаются, по обыкновенію поздно, затворять окна, убирать цвѣты, а между тѣмъ дождь успѣлъ хлынуть на мебель, на паркетъ. Теперь это повторяется здѣсь каждые полчаса, и вотъ третьи сутки мы лавируемъ въ Каналѣ, гдѣ дорога не широка: того и гляди прижметъ къ французскому берегу, а тамъ мели, да мели. Англійскій лоцманъ соснетъ немного ночью, а остальное время стоитъ у руля, слѣдитъ зорко за каждою струей, онъ и въ туманъ бросаетъ лотъ и по грунту распознаетъ мѣсто. Всего хуже встрѣчныя суда, а ихъ тутъ множество.

Вы уже знаете, что мы идемъ не вокругъ Горна, а черезъ мысъ Доброй Надежды, потомъ черезъ Зондскій проливъ, оттуда къ Филиппинскимъ островамъ, и наконецъ въ Китай и Японію. Пробывъ долго въ Англіи, мы не поспѣли бы обогнуть до марта Горнъ. А въ мартѣ, то-есть въ равноденствіе, тамъ господствуютъ свирѣпые вѐстовые и, слѣдовательно, намъ противные вѣтры. А отъ мыса Доброй Надежды они будутъ намъ попутные. Въ Индѣйскихъ мо-

ряхъ бываютъ, правда, ураганы, но бываютъ, слѣдовательно могутъ и не быть, а противные вѣтры у Горна непремѣнно будутъ. Это напоминаетъ немного сказку объ Иванѣ царевичѣ, въ которой на перекресткѣ стоитъ столбъ съ надписью: «если поѣдешь направо, волки коня съѣдятъ, на лѣво—самого съѣдятъ, а прямо—дороги нѣтъ». Обратный путь предполагается кругомъ Америки. И обо всемъ этомъ толкуютъ здѣсь гораздо меньше, нежели, бывало, при сборахъ въ Павловскъ или Парголово. А хотите ли знать разстоянія? Отъ Англіи до Азорскихъ островов, напримѣръ, 2250 морскихъ миль (миля $1^3/_4$ версты), оттуда до экватора 1020 м., отъ экватора до мыса Доброй Надежды 3180 м., а отъ мыса Доброй Надежды до Зондскаго пролива 5400 м., всего около двадцати тысячъ верстъ. Скучно считать, лучше проѣхать! До вечера.

11 января. До вечера: какъ не до вечера! Только на третій день послѣ того вечера могъ я взяться за перо. Теперь вижу, что адмиралъ былъ правъ, зачеркнувъ въ одной бумагѣ, въ которой предписывалось шкунѣ соединиться съ фрегатомъ, слово «непремѣнно».—«На морѣ *непремѣнно* не бываетъ», сказалъ онъ.—«На парусныхъ судахъ», подумалъ я. Фрегатъ рылся носомъ въ волнахъ и ложился попеременно на тотъ и другой бокъ. Вѣтеръ шумѣлъ, какъ въ лѣсу, и только теперь смолкаетъ. Сегодня, 11-го января, утро ясное, море стихаетъ. Видѣнъ Эддистонскій маякъ и гладкій, безотрадный утесъ Лизарда. Прощайте, прощайте! Мы у порога въ океанъ. Когда услышите вой вѣтра съ запада, помните, что это только слабое эхо того зефира, который треплетъ насъ, а задуетъ съ востока, отъ васъ, пошлите мнѣ поклонъ—дойдетъ. Но ужь присталъ къ борту ботъ, на который ссаживаютъ лоцмана. Спѣшу запечатать

письмо. Еще послѣднее прости! Увидимся ли? Въ путешествіи, или «походѣ», какъ называютъ мои товарищи, пока еще самое лучшее для меня—надежда воротиться.

Январь 1853 года.
Британскій каналъ.

II.

АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ И ОСТРОВЪ МАДЕРА.

Выходъ въ океанъ. — Крѣпкій вѣтеръ и качка.—Прибытіе на Мадеру —Городъ Фунчалъ.—Прогулка на гору. — Обѣдъ у консула.— Отъѣздъ.

Съ 6 по 18 января 1853.

Кончено, я рѣшительно путешествую. Я все ждалъ перемѣны, препятствія; мнѣ казалось, судьба одумается и не пошлетъ меня дальше: поэтому нерѣшительно дѣлалъ въ Англіи приготовленія къ отъѣзду, не запасалъ многаго, что нужно для дальняго вояжа, и взялъ кое-что, годное больше для житья на берегу. Но вотъ океанъ: переступишь за его порогъ — и возврата нѣтъ! Я изъ Англіи писалъ вамъ, какъ мы плавали по Каналу, какъ насъ подхватилъ въ немъ свѣжій вѣтеръ и держалъ тамъ четверо сутокъ. Письмо это, со многими другими, взялъ англійскій лоцманъ, который провожалъ насъ по Каналу и потомъ съѣхалъ на рыбачьемъ ботѣ у самаго Лизарда. 11-го января вѣтеръ утихъ, погода разгулялась, море улеглось и немножко посинѣло, а то все было до крайности сѣро, мутно; только

волны, поднимаясь, показывали свои аквамаринныя верхушки. Вотъ миляхъ въ трехъ бѣлѣетъ стройная, какъ станъ женщины, башня Эддистонскаго маяка. Онъ построенъ на морѣ, на камнѣ, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ берега. Бурунъ съ моря хлещетъ, говорятъ, въ бурю до самаго фонаря. Нѣсколько разъ вѣтеръ смѣялся надъ усиліями человѣка, сбрасывая башню въ море. Но человѣкъ терпѣливо, на обломкахъ стараго, строилъ новое зданіе крѣпче и ставилъ фонарь, и теперь зажигаетъ опять огонь и, въ свою очередь, смѣется надъ вѣтромъ. Вотъ и Лизардъ, пустой, голый и гладкій утесъ, далеко ушедшій въ море отъ береговъ. Отъ подошвы его растилается свѣтлая площадь океана.

Всѣ были наверху, пока ссаживали лоцмана. Я, прислонившись къ шпилю, смотрѣлъ на океанъ и о чемъ-то задумался. Вдругъ меня кто-то схватилъ за руку, стиснулъ ее и началъ неистово трясти. Что за шутка? А! это лоцманъ прощается. Смотрю: лакированная шляпа и синяя куртка пошли дальше, обходя всѣхъ такимъ порядкомъ. Всякаго молча схватитъ онъ за руку, точно укуситъ, кивнетъ головой и потомъ къ слѣдующему. Я далъ ему письмо, которое уже у меня было готово: онъ схватилъ и опустилъ его въ карманъ, кивнувъ тоже головой. Какой карманъ! Я успѣлъ бросить туда взглядъ: точно колодезь! Тамъ лежало писемъ тридцать, но они едва покрывали дно. Мы быстро подвигались къ океану. «Дѣдушка»! спросилъ кто-то нашего А. А., «когда же будемъ въ океанѣ»?—«Мы теперь въ немъ», отвѣчалъ онъ. «Такъ ужь изъ канала вышли»? спросилъ другой, глядя по обѣимъ сторонамъ канала.—«Нѣтъ еще: вѣдь это каналъ и есть, гдѣ мы».—«Кто жь васъ разберетъ»? отвѣчали ему недовольные. — «Положите мѣтку», сказалъ дѣдушка, «когда назадъ пойдемъ, такъ я вамъ и скажу, гдѣ кончится каналъ и гдѣ начало

океана... Смотрите, смотрите»! сказалъ онъ мнѣ, указывая на море. — «Что такое»? спросилъ я, глядя во всѣ стороны. «Неужели не видите? Да вотъ смотрите: не дальше кабельтова отъ насъ». Смотрю: то тамъ, то сямъ брызнетъ изъ воды тонкой струей фонтанчикъ и пропадетъ. Потомъ опять. «Не можетъ-быть, чтобъ здѣсь были киты»! сказалъ я.—«Не настоящіе киты, а мелочь изъ ихъ породы», замѣтилъ дѣдъ.

Я цѣлое утро не сходилъ съ юта. Мнѣ хотѣлось познакомиться съ океаномъ. Я уже отъ поэтовъ зналъ, что онъ «безбреженъ, мраченъ, угрюмъ, безпредѣленъ, неизмѣримъ и неукротимъ», а учитель географіи сказалъ нѣкогда, что онъ просто—Атлантическій. Теперь я жадно вглядывался въ его физіономію, какъ вглядываются въ человѣка, котораго знали по портрету. Мнѣ хотѣлось повѣрить портретъ съ подлинными чертами лежавшаго передо мной великана, во власть котораго я отдавался на долгое время. «Какой же онъ въ самомъ дѣлѣ»? думалъ я, поглядывая кругомъ. «Что таится въ этомъ неизмѣренномъ омутѣ? Чѣмъ океанъ угоститъ пловцовъ?...» Онъ былъ покоенъ: по немъ едва шевелились легкими рядами волны, какъ-будто ряды тихихъ мыслей, пробѣгающихъ по лицу; страсти и порывы молчали. Попутный вѣтеръ и умѣренное волненіе такъ ласково манили дальше, а тамъ... «Гдѣ же онъ неукротимъ»? думалъ я опять: «на старческомъ лицѣ ни одной морщинки! Необъ́ятенъ онъ, правда: зришь его не больше, какъ миль на шесть вокругъ, а тамъ спускается на него горизонтъ въ видѣ довольно-грязной занавѣски. Поверхность шара и на этомъ пространствѣ образуетъ дугу, закрывающую даль. «Могучъ, мраченъ—гм! посмотримъ, посмотримъ» и, оглядѣвъ море справа, я оборотился налѣво и устремилъ взглядъ прямо въ физіономію... Одадеева. Онъ стоялъ передо мной,

съ фуражкой въ рукѣ. «Что̀ ты»? — «Поди, ваше высокоблагородіе, обѣдать, я давно зову тебя, да не слышишь». Я тѣмъ охотнѣе принялъ это приглашеніе, что наверху было холодно. Сѣверный вѣтеръ дышалъ такой прохладой, что въ байковомъ пальто отъ него трудно было спрятаться.

За столомъ дѣдъ сидѣлъ подлѣ меня и былъ очень веселъ; онъ даже предложилъ мнѣ выпить вмѣстѣ рюмку вина, по случаю вступленія въ океанъ. «Поздравляю съ океаномъ», сказалъ онъ. — «Вы очень рады ему, вѣроятно, какъ старому знакомому»? спросилъ я. «Да̀, мы другъ друга знаемъ», отвѣчалъ онъ, «и точно я радъ: теперь на карту хоть не гляди, по ночамъ можно спать: камней, банокъ, береговъ — до̀лго не дождемся». — «А буря»? — «Какая буря»? — «Ну, штормъ», поправился я. «Это не по моей части», сказалъ онъ. «Я буду спать, а И. С. и вотъ И. И. нѣтъ. Да что̀ такое штормъ на океанѣ? Если еще при попутномъ вѣтрѣ, такъ это значитъ мчаться во весь духъ на лихой тройкѣ, не перемѣняя лошадей»!

Внизу, за обѣдомъ, потомъ за чашкой кофе и сигарой, а тамъ за книгой и забыли про океанъ... да не то, что про океанъ, а забыли и о фрегатѣ. Точно-гдѣ нибудь въ комнатѣ собралось нѣсколько человѣкъ пріятелей у добраго хозяина, который предоставляетъ всякому дѣлать, что онъ хочетъ. Я разложилъ у себя на бюро бумаги, книги, поставилъ на свое мѣсто чернильницу, расположилъ всѣ мелочи письменнаго стола, какъ дома. Ѳаддееву опять досталось немало возиться съ убранствомъ каюты. Я не могъ надивиться его дѣятельности, способностямъ и силѣ. Я, кажется, писалъ вамъ, что мнѣ дали другую каюту, вверху на палубѣ. Это была маленькая комнатка съ окномъ. Надо было установить въ ней все, какъ и въ прежней. И Ѳаддеевъ все это сдѣлалъ еще въ Портсмутѣ, при переселеніи

съ Кемпердоуна на фрегатъ. Доска ли нейдетъ — мигомъ унесетъ ее, отпилитъ лишнее, и ужъ тамъ, какъ она ни упрямься, а онъ втиснетъ ее въ свое мѣсто. Ему нужды нѣтъ, если отъ этого что-нибудь расползется врозь: онъ и то поправитъ, и опять нужды нѣтъ, если доска треснетъ. Онъ одинъ придѣлалъ пòлки, устроилъ кровать, вбилъ гвоздей, сдѣлалъ вѣшалку и потомъ принялся разбирать вещи по порядку, съ тою только разницею, что сапоги положилъ уже не съ книгами, какъ прежде, а выстроилъ ихъ длиннымъ рядомъ на коммодѣ и бюро, а ваксу, мыло, щетки, чай и сахаръ разложилъ на книжной полкѣ. «Ближе доставать», сказалъ онъ на мой вопросъ, зачѣмъ такъ сдѣлалъ. Съ книгами поступилъ онъ такъ же, какъ и прежде: поставилъ ихъ на верхнія пòлки, куда рукой достать было нельзя, и такъ плотно уставилъ, что вынуть книгу не было никакой возможности. У него было тоже враждебное чувство къ книгамъ, какъ и у береговаго моего слуги: оба они не любили предмета, за которымъ надо было ухаживать съ особеннымъ тщаніемъ, а чуть неосторожно поступишь, такъ, того и гляди, разорвешь. Иногда онъ, не зная назначенія какой-нибудь вещи, бралъ ее въ руки и долго разсматривалъ, стараясь угадать, чтòбы это такое было, и уже ставилъ по своему усмотрѣнію. Попался ему одеколонъ: онъ смотрѣлъ-смотрѣлъ, наконецъ налилъ себѣ немного на руку: «уксусъ», рѣшилъ онъ, сунувъ стклянку куда-то подальше въ уголъ.

Мнѣ надо было нѣсколько измѣнить въ каютѣ порядокъ, и это стоило не малаго труда. Но худо ли, хорошо ли, а каюта была убрана; все въ ней разставлено и разложено, по возможности, какъ слѣдуетъ; каждой вещи назначено мѣсто на два, на три года. А про океанъ, говорю, и забыли. Только изрѣдка кто-нибудь придетъ сверху и ска-

жетъ, что славно идемъ: девять узловъ, вѣтеръ попутный. И въ самомъ-дѣлѣ шли отлично. Но океанъ не забылъ про насъ. Къ вечеру стало покачивать. Ну, что̀ за важность? пусть немного и покачаетъ: на то и океанъ. Странно, даже досадно было бы, еслибъ дѣло обошлось такъ тихо и мирно, какъ гдѣ-нибудь въ Финскомъ заливѣ.

Къ чаю надо было уже положить на столъ рейки, то-есть поперечныя дощечки ребромъ, а то чашки, блюдечки, хлѣбъ и прочее ползло то въ одну, то въ другую сторону. Да и самимъ неловко было сидѣть за столомъ: сосѣдъ *наваливался* на сосѣда. Начались обыкновенныя явленія качки: вдругъ дверь отворится и съ шумомъ захлопнется. Въ каютахъ, то тамъ, то здѣсь, что-нибудь со стукомъ упадетъ со стола, или сорвется со стѣны, выскочитъ изъ шкапа и со звономъ разобьется—стаканъ, чашка, а иногда и самъ шкапъ зашевелится. А тамъ вдругъ, слышишь, сочится гдѣ-то сквозь стѣнку струя и падаетъ дождемъ на что̀ случится, безъ разбора — на столъ, на диванъ, на голову кому-нибудь. Сначала это возбуждало шутки. Смѣшно было смотрѣть, когда кто-нибудь пойдетъ въ одинъ уголъ, а его отнесетъ въ другой: никто не ходилъ ка̀къ слѣдуетъ, все притопывая. Юность рѣзвилась, каталась изъ угла въ уголъ, какъ съ горъ. Вѣстовые бѣгали, то туда, то сюда, на шумъ упавшей вещи, съ тѣмъ, чтобъ поднять уже черепки. Сразу не примешь всѣхъ мѣръ противъ непріятныхъ случайностей. Эта качка напоминала мнѣ пока наши похожденія въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ — не больше. Не привыкать уже было засыпа̀ть подъ размахи койки взадъ и впередъ, когда голова и ноги постепенно поднимаются и опускаются. Я коекакъ заснулъ, и то съ грѣхомъ пополамъ: но не одинъ разъ будилъ меня стукъ, топотъ людей, суматоха съ парусами.

Еще съ вечера начали брать рифы: одинъ, два, а по-

томъ всѣ четыре. Едва станешь засыпать — во снѣ вѣдь другая жизнь и, стало-быть, другія обстоятельства — приснитесь вы, ваша гостиная, или дача какая-нибудь; кругомъ знакомыя лица; говоришь, слушаешь музыку: вдругъ хаосъ — ваши лица искажаются въ какіе-то призраки; полуоткрываешь сонные глаза и видишь, не то во снѣ, не то на яву, половину вашего фортепьяно и половину скамьи; на картинѣ, вмѣсто женщины съ обнаженной спиной, очутился часовой; раздался внезапный трескъ, звонъ—очнешься—что такое? ничего: заскрипѣлъ трапъ, хлопнула дверь, упалъ графинъ, или кто-нибудь вскакиваетъ съ постели и бранится, облитый водою, хлынувшей къ нему изъ полупортика прямо на тюфякъ. Утомленный, заснешь опять; вдругъ ударъ, точно подземный, такъ-что сердце дрогнетъ — проснешься: ничего — это поддало въ корму, то-есть ударило волной... И такъ до утра! Все еще было сносно, не болѣе того, что̀ мы уже испытали прежде. Но утромъ 12 января дѣло стало посерьёзнѣе. «Буря», сказали бы вы, а мои товарищи называли это очень свѣжимъ вѣтромъ. Я пробовалъ пойти наверхъ или «на улицу», какъ я называлъ верхнюю палубу, но ходить было нельзя. Я постоялъ у шпиля, посмотрѣлъ, ка̀къ море вдругъ скроется изъ глазъ совсѣмъ подъ фрегатъ и передъ вами палуба стоитъ стоймя, то вдругъ скроется палуба и вмѣсто нея очутится стѣна воды, которая такъ и лѣзетъ на васъ. Но не бойтесь: она сейчасъ опять спрячется, только держитесь обѣими руками за что-нибудь. Оно красиво, но однообразно... Я воротился въ общую каюту. Трудно было и обѣдать: чуть зазѣваешься, тарелка наклонится и ручей супа быстро потечетъ по столу до-тѣхъ-поръ, пока обратный толчокъ не погонитъ его назадъ. Мнѣ ужъ становилось досадно: дѣлать ничего нельзя, даже читать. Сидя ли, лёжа

ли, а все надо думать о равновѣсіи, упираться то ногой, то рукой. Вечеромъ я лежалъ на кушеткѣ у самой стѣны, а напротивъ была софа, устроенная кругомъ бизань-мачты, которая проходила чрезъ каюту внизъ. Вдругъ поддало, то-есть шальной или, пожалуй, девятый валъ ударилъ въ корму. Всѣ ухватились, кто за что̀ могъ. Я прежде, нежели подумалъ объ этой предосторожности, вдругъ почувствовалъ, что кушетка отдѣлилась отъ стѣны, а я отдѣляюсь отъ кушетки. «Куда?» мелькнулъ у меня вопросъ въ головѣ, а за нимъ и отвѣтъ: «на круглую софу». Я такъ и сдѣлалъ: распростеръ руки и препокойно перевалился на мягкія подушки круглой софы. Присутствовавшіе: капитанъ Л., баронъ К. и кто-то еще, сначала подумали, не ушибся ли я, а увидя, что нѣтъ, расхохотались. Но смѣяться на морѣ безнаказанно нельзя: кто-нибудь тутъ же пойдетъ по каютѣ, его повлечетъ наклонно по полу; онъ не успѣетъ наклониться и, смотришь, пріобрѣлъ шишку на головѣ; другаго плечомъ ударило о косякъ двери, и онъ начинаетъ бранить, Богъ-знаетъ, кого.

Скучное дѣло качка; всѣ недовольны; нельзя, ка̀къ слѣдуетъ, читать, писать, спать; видны также блѣдныя, страдальческія лица. Порядокъ дня и ночи нарушенъ, кромѣ собственно-морскаго порядка, который, напротивъ, усугубленъ. Но за-то обѣдъ, ужинъ и чай становятся какъ-будто постороннимъ дѣломъ. Занятія, бесѣды нѣтъ... Просто, нѣтъ житья!

12-го и 13-го января, вѣтеръ уже превратился въ крѣпкій и жестокій, какого еще у насъ не было. Всѣ полупортики, люминаторы были наглухо закрыты, верхніе паруса убраны, пушки закрѣплены задними талями, чтобъ не давили тяжестью своего борта. Я не только стоять, да и сидѣть уже не могъ, если не во что̀ было упираться руками

и ногами. Кое-какъ добрался я до своей каюты, въ которой не былъ со вчерашняго дня, отворилъ дверь и не вошелъ— всѣ эти термины теряютъ значеніе въ качку — былъ втиснутъ толчкомъ въ каюту и старался удержаться на ногахъ, упираясь кулаками въ обѣ противоположныя стѣны. Я ахнулъ: платье, бѣлье, книги, часы, сапоги, всѣ мои письменныя принадлежности, которыя я было-расположилъ такъ акуратно по ящикамъ бюро—все это въ кучѣ валялось на полу и при каждомъ толчкѣ металось то направо, то налѣво. Ящики выскочили изъ своихъ мѣстъ, щетки, гребни, бумаги, письма—все ѣздило по полу, въ перегонку, что̀ скорѣе скакнетъ въ уголъ, или оттуда на средину.

«Ѳаддеевъ!» закричалъ я въ ужасѣ. «Ѳаддеевъ!» повторилъ одинъ матросъ; «Ѳаддеевъ, Ѳаддеевъ!» повторилъ другой и за нимъ третій, потомъ этотъ третій заглянулъ ко мнѣ въ каюту. «*Они* на кубрикѣ, ваше высокоблагородіе, сказалъ онъ: «сейчасъ придутъ». — «Кто *они?*» спросилъ я.—«А Ѳаддеевъ». Матросы иначе въ третьемъ лицѣ другъ-друга не называютъ, какъ *они*, или *матросикомъ*, тогда какъ, обращаясь одинъ къ другому прямо, измѣняютъ тонъ. «Иди, Сенька, дьяволъ, скорѣе! тебя И. А. давно зоветъ», сказалъ этотъ же матросъ Ѳаддееву, когда тотъ появился. «Ну, ты разговаривай у меня, сволочь»! отвѣчалъ Ѳаддеевъ шопотомъ, показывая ему кулакъ. Это у нихъ вовсе не брань: они говорятъ не сердясь, а такъ, своя манера. Когда же хотятъ выразиться нѣжно, то называютъ другъ друга *братишкой*. «Посмотри-ка!» сказалъ я Ѳаддееву, указывая на безпорядокъ и, махнувъ рукою, ушелъ въ капитанскую каюту.

Это былъ просторный, удобный, даже роскошный кабинетъ. Огромный платяной шкапъ орѣховаго дерева, большой письменный столъ съ полками, пьянино, два мягкіе

дивана и болѣе полудюжины креселъ, составляли его мёбель. Вотъ тамъ-то, между шкапомъ и пьянино, крѣпко-привинченными къ стѣнѣ и полу, была одна полукруглая софа, представлявшая надежное убѣжище отъ кораблекрушенія. Любезный, гостепріимный хозяинъ, И. С. У., предоставлялъ ее въ полное мое распоряженіе. Самъ онъ не былъ изнѣженъ и почти ею не пользовался, особенно въ непогоду. Тогда онъ не раздѣвался, а соснетъ гдѣ-нибудь въ креслѣ, готовый каждую минуту бѣжать на палубу. Сядешь на эту софу, и какая бы качка ни была—килевая ли, то-есть продольная, или боковая, поперечная—упасть было некуда. Одна половина софы шла вдоль, а другая поперегъ фрегата. Тутъ не пускалъ упасть шкапъ, а тамъ пьянино. Тутъ-то я и поселился. Качка усиливалась. Изъ обоихъ оконъ мнѣ видно было море. Что̀ за безобразіе, или, пожалуй, что̀ за красота! «Буря — прекрасно! поэзія!» скажете вы въ ребяческомъ восторгѣ. «Какая буря — свѣжій вѣтеръ!» говорятъ вамъ.

Можетъ-быть, оно и поэзія, если смотрѣть съ берега, но быть героемъ этого представленія, которымъ природа время отъ времени угощаетъ плавателей, право, незанимательно. Сами посудите, что̀ тутъ хорошаго? Огромные холмы съ бѣлымъ гребнемъ, съ воемъ толкая другъ друга, встаютъ, падаютъ, опять встаютъ, какъ-будто толпа вдругъ выпущенныхъ на волю бѣшеныхъ звѣрей дерется въ остервенѣніи, только брызги какъ дымъ поднимаются, да стонъ носится въ воздухѣ. Фрегатъ взберется на голову волны, дрогнетъ тамъ на гребнѣ, потомъ упадетъ на бокъ и начинаетъ скользить съ горы, спустившись на дно между двухъ бугровъ, выпрямится, но только затѣмъ, чтобъ тяжело перевалиться на другой бокъ и лѣзть вновь на холмъ. Когда онъ опустится внизъ, по сторонамъ его вздымаются водя-

ныя стѣны. Въ каютѣ лампы, картинки, висячій барометръ вытягивались горизонтально. Нѣсколько стульевъ повольничали было, оторвались отъ своихъ мѣстъ и полетѣли въ уголъ, но были пойманы и привязаны опять. Какія бы, однако, ни были взяты предосторожности противъ паденія разныхъ вещей, но почти при всякомъ толчкѣ что-нибудь да найдетъ случай вырваться: или книга свалится съ полки, или куча бумагъ, карта поползетъ по столу и тутъ же захватитъ по дорогѣ чернильницу, или подсвѣчникъ. Вечеромъ разъ упала зажженная свѣча и прямо на карту. Я былъ въ каютѣ одинъ, всталъ, хотѣлъ побѣжать, но неодолимая тяжесть гнула меня къ полу, а свѣча вспыхивала сильнѣе, вотъ того-гляди вспыхнетъ и карта. Я ползкомъ подобрался къ ней и кое-какъ поставилъ на свое мѣсто.

«Крѣпкій вѣтеръ, жестокій вѣтеръ!» говорилъ повременамъ капитанъ, входя въ каюту и танцуя въ ней. «А вы что все сидите? Еще не пріобрѣли *морскихъ ногъ*». — Я и свои потерялъ», сказалъ я. Но ему не вѣрилось, какъ это человѣкъ можетъ не ходить, когда ноги есть. «Да вы встаньте, ну, попробуйте», уговаривалъ онъ меня. «Пробовалъ», сказалъ я, «да безъ пользы, даже со вредомъ и для себя и для мебели. Вотъ, пожалуй...» Но меня потянуло по совершенно-отвѣсной покатости пола, и я побѣжалъ въ уголъ, какъ давно не бѣгалъ. Тамъ я кулакомъ попалъ въ зеркало, а другой рукой въ стѣну. Капитану было смѣшно. «Что же вы чай пейдете пить?» сказалъ онъ. «Не хочу!» со злостью сказалъ я. «Ну, я велю вамъ сдѣлать здѣсь». — «Не хочу!» повторилъ я... Я былъ очень золъ. Сначала качка наводитъ съ непривычки страхъ. Когда судно катится съ вершины волны къ ея подножію и переходитъ на другую волну, оно дѣлаетъ такой размахъ, что, кажется, сейчасъ разсыплется въ дребезги; но когда убѣдишься, что

этого не случится, тогда дѣлается скучно, досадно, досада превращается въ озлобленіе, а потомъ въ уныніе. Время идетъ медленно: его измѣряешь не часами, а ровными, тяжелыми размахами судна и глухими ударами волнъ въ бока и корму. Это не тихое чувство покорности, résignation, а чистая злоба, которая пожираетъ васъ, портитъ кровь, печень, желудокъ, раздражаетъ желчь. Во рту сухо, языкъ горитъ. Нѣтъ ни апетита, ни сна; ѣшь, чтобъ какъ-нибудь наполнить праздное время и пустой желудокъ. Не спишь, потому-что не хочется спать, а забываешься отъ утомленія въ полу-дремотѣ, и въ этомъ состояніи опять носятся надъ головой уродливыя грёзы, опять галлюцинаціи: знакомыя лица являются, какъ миѳологическіе боги и богини. То ваша голова и станъ, мой прекрасный другъ, но въ матросской курткѣ, то будто пушка въ вашемъ замасляномъ пальто, любезный мой артистъ, сидитъ подлѣ меня на диванѣ. Заснешь и вполглаза видишь наяву снасть, а рядомъ откуда-то возьмутся шелковыя драпри какой-нибудь петербургской гостиной—вазы, цвѣты, изъ-за которыхъ тутъ же выглядываетъ урядникъ Терентьевъ. Далѣе опять франты, женщины, но вмѣсто кружевнаго платка въ рукахъ женщины—каболка (оборвышъ веревки), или банникъ, а франтъ третъ палубу пескомъ... И вдругъ эти франты и женщины завоютъ, заскрипятъ; лица у нихъ вытянулись, разложились—хлопъ, полетѣли куда-то въ бездну... Откроешь глаза и увидишь, что каболка, банникъ, Терентьевъ—все на своемъ мѣстѣ: а вазъ, цвѣтовъ и васъ, милыя женщины — увы, нѣтъ! Подъ-часъ до того все перепутается въ головѣ, что шумъ и трескъ, и эти водяные бугры, съ пѣной и брызгами, кажутся сномъ, а берегъ, домы, покойная постель—дѣйствительностью, отъ которой при каждомъ толчкѣ жестоко отрезвляешься.

Я такъ и ночевалъ не въ своей каютѣ. Капитанъ тутъ же рядомъ спалъ одѣтый, безпрестанно вскакивая и выбѣгая на палубу. Ѳаддеевъ утромъ явился съ бѣльемъ и звалъ въ каютъ-компанію, къ чаю. «Не хочу!» былъ одинъ отвѣтъ. «Не надо ли, принесу сюда?»—«Не хочу!» твердилъ я, потому-что наканунѣ попытка напиться чаю не увѣнчалась никакимъ успѣхомъ: я обжегъ пальцы и уронилъ чашку. «Что, еще не стихаетъ?» спросилъ я его. — «Куда-те стихать, такъ и реветъ. Ужь такое сердитое море здѣсь!» прибавилъ онъ, глядя съ непростительнымъ равнодушіемъ въ окно, какъ волны вставали и падали, разсыпаясь пѣною и брызгами. Я отъ скуки старался вглядѣться въ это равнодушіе, что̀ оно такое: привычка ли матроса, испытаннаго въ штормахъ, увѣренность ли въ силахъ и средствахъ? — Нѣтъ, онъ молодъ и закалиться въ службѣ не успѣлъ. Чувство ли покорности судьбѣ: и того, кажется, нѣтъ. То чувство выражается сознательною мыслью на лицѣ и выработаннымъ ею спокойствіемъ, а у него лицо все такъ же кругло, бѣло, безъ всякихъ отмѣтинъ и примѣтъ. Это простое—равнодушіе, въ самомъ незатейливомъ смыслѣ. Съ этимъ же равнодушіемъ онъ, то-есть Ѳаддеевъ — а этихъ Ѳаддеевыхъ легіонъ — смотритъ и на новый прекрасный берегъ, и на невиданное имъ дерево, человѣка—словомъ, все отскакиваетъ отъ этого спокойствія, кромѣ одного, ничѣмъ несокрушимаго стремленія къ своему долгу — къ работѣ, къ смерти, если нужно. Вглядывался я и заключилъ, что это равнодушіе — родня тому спокойствію, или той безпечности, съ которой другой Ѳаддеевъ гдѣ-нибудь на берегу, по веревкѣ, съ топоромъ, взбирается на колокольню и чинитъ шпицъ, или сидитъ, съ кистью, на дощечкѣ и болтается въ воздухѣ, наверху четырехъ-этажнаго дома, оборачиваясь, въ размахахъ веревки, спиной, то къ улицѣ, то къ дому. По-

смотрите ему въ лицо: есть ли сознаніе опасности?—Нѣтъ. Онъ лишь старается при толчкѣ упереться ногой въ стѣну, чтобъ не удариться колѣнкой. А внизу третій Ѳаддеевъ, который держитъ веревку, не очень заботится о томъ, каково тому вверху: онъ зѣваетъ, съ своей стороны, по сторонамъ.

Ѳаддеевъ и передъ обѣдомъ явился съ приглашеніемъ обѣдать, но едва я сдѣлалъ шагъ, какъ надо было падать, или проворно сѣсть на свое мѣсто. «Не хочу!» сказалъ я злобно.—«Третья склянка! зовутъ, ваше высокоблагородіе», сказалъ онъ, глядя по обыкновенію въ стѣну. Но на этотъ разъ онъ чему-то улыбнулся. «Что ты смѣешься?» спросилъ я. Онъ захохоталъ. — «Что съ тобой?» — «Да смѣхъ такой...»—«Ну, говори, что?»—Шведовъ треснулся головой о палубу».—«Гдѣ? какъ?» — «Съ койки сорвался: мы трое подвѣсились къ одному крючку, крючокъ сорвался, мы всѣ и упали: я ничего, и Папсовъ ничего, упали просто и встали, а Шведовъ голову ушибъ — такой смѣхъ! Теперь сидитъ да стонетъ».

Уже не въ первый разъ замѣтилъ я эту черту въ моемъ вѣстовомъ. Попадется ли кто, достанется ли кому — это бросало его въ смѣхъ. Поди, разбирай, изъ какихъ элементовъ сложился русскій человѣкъ! И это не отъ злости: онъ совсѣмъ не былъ золъ, а такъ, черта, требующая тонкаго анализа и особеннаго опредѣленія. Но ему на этотъ разъ радость чужому горю не прошла даромъ. Не успѣлъ онъ разсказать мнѣ о паденіи Шведова, какъ вдругъ разсыльный явился въ дверяхъ. «Кто подвѣшивался съ Шведовымъ на одинъ крючокъ?» спросилъ онъ. «Кто?» вопросомъ отвѣчалъ Ѳаддеевъ.—«Папсовъ, что ли?»—«Папсовъ?»—«Да говори скорѣй, еще кто?» спросилъ опять разсыльный. «Еще?» продолжалъ Ѳаддеевъ спрашивать. «Поди къ вах-

тенному», сказалъ разсыльный: «всѣхъ требуютъ»! Ѳаддеевъ сдѣлался очень-серьёзенъ и пошелъ, а по возвращеніи былъ еще серьёзнѣе. Я догадался, въ чемъ дѣло. «Что жь ты не смѣешься?» спросилъ я: «кажется, не одному Шведову досталось?» Онъ молчалъ. «А Паисову досталось?» Онъ опять разразился хохотомъ. «Досталось, досталось и ему!» весело сказалъ онъ.

«Нѣтъ, этого мы еще не испытали!» думалъ я, покачиваясь на диванѣ и глядя, какъ дверь кланялась окну, а зеркало шкапу. Ѳаддеевъ пошелъ-было вонъ, но мнѣ пришло въ голову пообѣдать тутъ же на мѣстѣ. «Не принесешь ли ты мнѣ чего-нибудь поѣсть въ тарелкѣ?» спросилъ я: «попроси жаркого, или холоднаго».—Отчего не принести, ваше высокоблагородіе, изволь, принесу!» отвѣчалъ онъ. Черезъ полчаса онъ появился съ двумя тарелками въ рукахъ. На одной былъ хлѣбъ, солонка, ножъ, вилка и салфетка, а на другой кушанье. Онъ шелъ очень-искусно, упираясь то одной, то другой ногой, и держа въ равновѣсіи руки, а мѣстами вдругъ осторожно присѣдалъ, когда покатость пола становилась очень-крута. «Вотъ тебѣ!» сказалъ онъ (мы съ нимъ были на *ты*; онъ говорилъ *вы* уже въ готовыхъ фразахъ: «ваше высокоблагородіе», или «воля ваша» и т. п.) Онъ сѣлъ подлѣ меня на полу, держа тарелки. «Чего же ты мнѣ принесъ?» спросилъ я. — «Тутъ все есть, всякія кушанья», сказалъ онъ. — «Какъ все?» Гляжу: въ-самомъ-дѣлѣ все: вотъ курица съ рисомъ, вотъ горячій пастетъ, вотъ жареная баранина — вмѣстѣ въ одной тарелкѣ, и все прикрыто вафлей. «Помилуй, вѣдь этого ѣсть нельзя. Недоставало только, чтобъ ты мнѣ супу налилъ сюда!» — «Нельзя было», отвѣчалъ онъ простодушно: того гляди, прольешь». Я сталъ разбирать куски порознь, кладя кое-что въ ротъ, и такъ мало-по-малу дошелъ—до вафли. «Зачѣмъ

ты не положилъ и супу!» сказалъ я, отдавая тарелки назадъ.

«Боже мой! кто это выдумалъ путешествія?» невольно, съ горестью, воскликнулъ я: «ѣдешь четвертый мѣсяцъ, только и видишь сѣрое небо и качку!» Кто-то засмѣялся. «Ахъ, это вы!» сказалъ я, увидя, что въ каютѣ стоитъ, держась рукой за потолокъ, самый высокій изъ моихъ товарищей, К. И. Л. «Да право!» продолжалъ я: «гдѣ же это синее море, голубое небо, да теплота, птицы какія-то, да рыбы, которыхъ, говорятъ, видно на самомъ днѣ?» На ропотъ мой какъ тутъ явился и дѣдъ.

«Вотъ вѣдь это кто все разсказываетъ о голубомъ небѣ, да о теплѣ! сказалъ Л. — «Гдѣ же тепло? Подавайте голубое небо и тепло!..» приставалъ я. Но дѣдъ маленькими своими шажками проворно пошелъ къ картѣ и началъ мѣрять по ней циркулемъ градусы, да чертить карандашемъ. «Слышите ли?» сказалъ я ему.

— 42 и 18! говорилъ онъ вполголоса. Я повторилъ ему мою жалобу.

— Дайте пройти Бискайскую бухту — вотъ и будетъ вамъ тепло! Да погодите еще, и тепло наскучитъ: будете вздыхать о холодѣ. Что вы все сидите? Пойдемте.

— Не могу; я не стою на ногахъ.

— Пойдемте, я васъ отбуксирую! сказалъ онъ и повелъ меня на шканцы. Опираясь на него, я вышелъ «на улицу» въ тотъ самый моментъ, когда палуба вдругъ какъ-будто вырвалась изъ-подъ ногъ и скрылась, а передъ глазами очутилась цѣлая изумрудная гора, усыпанная голубыми волнами, съ бѣлыми, будто жемчужными, верхушками, блеснула и тотчасъ же скрылась за бортъ. Меня стало прижимать къ пушкѣ, оттуда потянуло къ люку. Я обѣими руками уцѣпился за лееръ.

— Ведите назадъ! сказалъ я дѣлу.

— Что вы? посмотрите: отлично!

У него все отлично. Несетъ ли попутнымъ вѣтромъ по десяти узловъ въ часъ — «славно, отлично!» говоритъ онъ. Дуетъ ли вѣтеръ прямо въ лобъ и пятитъ назадъ — «чудесно! восхищается онъ: по полтора узла идемъ!» На него не дѣйствуетъ никакая погода. Онъ и въ жаръ, и въ холодъ всегда застегнутъ, всегда бодръ; только въ жаръ подбородокъ у него свѣтится, какъ-будто вымазанный масломъ; въ качку и не въ качку стоитъ на ногахъ твердо, заложивъ коротенькія руки на спину, или немного-пониже, а на ходу шагаетъ маленькими шажками. Его не возмущаетъ ни буря, ни штиль — ему все-равно. Близко ли берегъ, далеко ли — ему тоже дѣла нѣтъ. Онъ былъ почти вездѣ, а гдѣ не былъ, такъ не печалится, если не удастся побывать. Я не слыхалъ, чтобъ онъ на что-нибудь или на кого-нибудь жаловался. «Отлично!» твердитъ только. А если кто-нибудь при немъ скажетъ или сдѣлаетъ не отлично, такъ онъ посмотритъ только испытующимъ взглядомъ на всѣхъ кругомъ и улыбнется по-своему. Онъ напоминаетъ собою тѣхъ созданныхъ Купером лицъ, которыя родились и воспитались на морѣ, или въ глухихъ лѣсахъ Америки, и на которыхъ природа, окружавшая ихъ, положила неизгладимую печать. И онъ тоже съ тринадцати лѣтъ ходитъ въ море и двухъ лѣтъ сряду никогда не жилъ на берегу. За своеобразіе ли, за доброту ли — а его всѣ любили. Здравствуйте, дѣдъ! Куда вы это торопитесь?» говорила молодость. «Не мѣшайте: иду *опредѣлиться*», отвѣчалъ онъ, и шелъ, не оглядываясь, *ловить* солнце. «Да гдѣ мы теперь?» спрашивали опять. «Въ Божьемъ мірѣ!» — «Знаемъ; да гдѣ?» — «38° сѣв. широты и 12° западной долготы». — «На параллели чего?» — «А поглядите на кар-

ту».—«Скажите...»—«Пустите, пустите!» говорилъ онъ, расталкивая молодёжь, какъ толпу ребятишекъ.

— Холодно, дѣдъ! ведите меня назадъ, говорилъ я.

— Что за холодно — отлично! отвѣчалъ онъ.

Не дождавшись его, я пошелъ одинъ опять на свое мѣсто, но дорого заплатилъ за смѣлость. Я вошелъ въ каюту и не успѣлъ добѣжать до большой полукруглой софы, какъ вдругъ сильно поддало. Чувствуя, что мнѣ не устоять и не усидѣть на полу, я быстро опустился на маленькій диванъ и думалъ, что спасусь этимъ; но не тутъ-то было: надо было прирости къ стѣнѣ, чтобъ не упасть. Диванъ былъ пригвожденъ и не упалъ, а я, какъ ни крѣпился, но долженъ былъ, къ крайнему прискорбію, разстаться съ диваномъ. Меня сорвало съ него и ударило грудью о кресло такъ сильно, что кресло, хотя и осталось на мѣстѣ, потому-что было привязано къ полу, но у него подломилась ножка, а меня перебросило черезъ него и повлекло дальше по полу. По дорогѣ я ушибъ еще колѣнку, да задѣлъ за что-то щекой. Примчавшись къ своему мѣсту, я нѣсколько минутъ сидѣлъ отъ боли неподвижно на полу. Къ-счастью, ушибъ не оставилъ никакихъ послѣдствій. Съ недѣлю больно было дотрогиваться до груди, а потомъ прошло.

Въ это время К. И. Л. вошелъ въ каюту. Я сталъ разсказывать о своемъ горѣ.

— А вы скорѣй садитесь на полъ, сказалъ онъ,—когда васъ сильно начнетъ тащить въ сторону, и ничего не стащитъ!

Вдругъ въ это время стало кренить на мою сторону.

— Вотъ, вотъ такъ! училъ онъ, опускаясь на полъ.— Ай, ай! закричалъ онъ потомъ, ища руками кругомъ, за что̀ бы ухватиться. Его потащило съ горы, и онъ стремительно домчался вплоть до меня... на всегда готовомъ экипажѣ. Я

только-что успѣлъ подставить ноги, чтобъ онъ своимъ ростомъ и дородствомъ не сокрушилъ меня.

Такъ дни шли за днями, или не «дни», а «сутки». На берегу замѣчаются только одни дни, а въ морѣ, въ качкѣ, спишь, не когда хочешь, а когда можешь. Тамъ рядомъ съ обыкновеннымъ, природнымъ днемъ, является какой-то другой, искусственный, называемый на берегу ночью, а тутъ полный заботъ, работъ, возни. Томительныя сутки шли за сутками. Человѣкъ мечется въ тоскѣ, ищетъ покойнаго угла, хочетъ забыться, забыть море, качку, почитать, поговорить — не удается. Всякій суставъ въ немъ, всякій нервъ бодрствуетъ, раздраженный и утомленный продолжительнымъ напряженіемъ. Прошлое спокойствіе, минуты счастья, отличное плаваніе, родина, друзья — все забыто; а если и припоминается, такъ съ завистью. «Да не-уже-ли есть берегъ?» думаешь тутъ: «уже-ли я былъ когда-нибудь на землѣ, ходилъ твердой ногой, спалъ въ постели, мылся прѣсной водой, ѣлъ четыре-пять блюдъ, и все въ разныхъ тарелкахъ, читалъ, писалъ на столѣ, который не пляшетъ? Уже-ли есть сады, теплый воздухъ, цвѣты...» И цвѣты припомнишь, на которые на берегу и не глядѣлъ. Такъ вотъ она, страническая жизнь, исполненная приключеній, тревогъ, бурь, волненій, о которыхъ вздыхалъ я на берегу! Ну, заварилъ кашу, наслаждайся теперь! Неблагодарная память не сохраняетъ добра. Тутъ является жалкое, отравляющее жизнь на морѣ чувство — раскаянія: зачѣмъ поѣхалъ!

Въ этомъ расположеніи я выбрался изъ каюты, въ которой просидѣлъ полторы сутокъ, неблагосклонно взглянулъ на океанъ и пробираясь въ общую каюту, мысленно повѣрялъ эпитеты, данные ему Байрономъ, Пушкинымъ, Бенедиктовымъ и другими — «угрюмый, мрачный, могучій,» и Одлевскимъ — «сердитый.» «Соленый, скучный, безоб-

разный и однообразный! прибавилъ я къ этому списку, сходя по трапу внизъ: заладилъ одно — и конца нѣтъ!»

Внизу вездѣ вода, сырость; спали кое-какъ, гдѣ попало. Я тутъ же прилегъ и разъ десять вскакивалъ ночью, пробуждаясь отъ скрипа, отъ какого-нибудь внезапнаго крика, отъ топота людей, отъ свистковъ; въ просонкахъ видѣлъ, какъ дѣдъ приходилъ и уходилъ съ веселымъ видомъ.

— Качаетъ, дѣдъ! жаловался я.

— Еще бы не качать: крутой бейдевиндъ! сказалъ онъ. —Отлично.

— Что̀ же отличнаго?..

— Какъ что̀: $10^1/_2$ узловъ ходу, прошли Бискайскую бухту, утромъ будемъ на параллели Финистерре.

— Подите вы, отлично!

Вдругъ показался въ дверяхъ своей каюты О. А. Г., котораго мы звали переводчикомъ. Блѣдный, съ подушкой въ рукахъ, онъ вошелъ въ общую каюту и легъ на круглую софу. Его мутило. Онъ не зналъ сна, апетита. Полежавъ тамъ минутъ пять, онъ перешелъ на кушетку, потомъ садился на стулъ, но вскакивалъ опять и нигдѣ не находилъ покоя. Жертва морской болѣзни съ перваго выхода въ море, онъ возбуждалъ общее, но безполезное участіе. Его отвели въ батарейную палубу и подвѣсили тамъ койку недалеко отъ люка, чрезъ который проходилъ свѣжій воздухъ. Мнѣ стало совѣстно за свою досаду и я пересталъ жаловаться.

Слѣдующіе дни тянулись такъ же однообразно, волнисто, бурно, холодно. Небо и море сѣрыя. А вѣдь это ужь испанское небо! Мы были въ 30-хъ градусахъ широты. Мы такъ были заняты, что и не замѣтили, какъ миновали Францію, а теперь огибали Испанію и Португалію. Я, отъ нечего-дѣлать, любилъ уноситься мысленно на берега, мимо которыхъ мы шли и которыхъ не видали. Парижъ возбуж-

далъ общій интересъ. Мы оставили его въ самый занимательный моментъ: Лудовикъ-Наполеонъ только-что вошелъ на престолъ. Англія одна еще признала его — больше ничего мы не знали. Улеглись ли партіи? съумѣлъ ли онъ поддержать порядокъ, который возстановилъ? тихо ли тамъ?— вотъ вопросы, которые шевелились въ головѣ, при воспоминаніи о Франціи. «Въ Парижъ бы!» говорилъ я со вздохомъ: «пожить бы тамъ, въ этомъ омутѣ новостей, искусствъ, модъ, политики, ума и глупостей, безобразія и красоты, глубокомыслія и пошлостей — пожить бы эпикурейцомъ, насмѣшливымъ наблюдателемъ всѣхъ этихъ проказъ! «А вотъ Испанія, съ своей цвѣтущей Андалузіей», уныло думалъ я, глядя въ ту сторону, гдѣ дѣдъ указалъ быть испанскому берегу. «Севилья, caballeros, съ гитарами и шпагами, женщины, балконы, лимоны и померанцы. Dahin бы, въ Гренаду куда-нибудь, гдѣ такъ умно и изящно путешествовалъ эпикуреецъ Б., умѣвшій вытянуть до капли всю сладость испанскаго неба и воздуха, женщинъ и апельсиновъ— пожить бы тамъ, полежать подъ олеандрами, тополями, сочетать русскую лѣнь съ испанскою и посмотрѣть, что̀ изъ этого выйдетъ.

Но фрегатъ мчится — едва только дѣдъ успѣваетъ доносить начальству: 40, 38, 35 градусовъ, параллель—Сан-Винцента, Кадикса... Прощай Испанія, прощай Европа! Прощайте друзья мои! увижу ли я васъ? Дойдутъ ли когда-нибудь до васъ эти строки, которыя пишу, точно подъ шумъ столѣтнеи дубровы, хотя подъ южнымъ, но еще сѣрымъ небомъ, пишу въ тепломъ байковомъ пальто? Далеко, кажется, уѣхалъ я, но *чую* еще сѣверъ *смущенной* душой; до меня еще доносится дыханіе его зимы, вижу его колорить на водѣ и небѣ. Я какъ будто близко. Я не вижу ни голубаго неба, ни синяго моря. Шумъ, холодъ и соленыя брызги — вотъ пока моя сфера!

18-го января, въ осьмой день по выходѣ изъ Англіи, часовъ въ 9-ть утра, кто-то постучался ко мнѣ въ дверь. «Кто тамъ?» спросилъ я. — «Я», послышался отвѣтъ. «А! это вы, милый мой сосѣдъ?»—«Что вы дѣлаете?» спросилъ онъ. «Что̀?» отвѣчалъ я вопросомъ, какъ Ѳаддеевъ. «Вѣрно лежите?» — «Почти...» сказалъ я, барахтаясь отъ качки въ постели, одолѣваемый подушками. «Стыдитесь!»— «Я и то стыжусь, да что жь мнѣ дѣлать?» говорилъ я, унимая подушки и руками и ногами. «Мадера видна». — «Что вы?» — «Ѳаддеевъ, Ѳаддеевъ!» закричалъ я. Онъ вошелъ. «Что жь ты нейдешь будить меня? Мадера видна?» спросилъ я, думая, не подшутилъ ли надо мной сосѣдъ. «Мадера?» спросилъ Ѳаддеевъ, глядя на меня такъ тонко, какъ дай-Богъ хоть какому дипломату. «Ну, да̀?» сказалъ я съ нетерпѣніемъ. Онъ сталъ смотрѣть на стѣну съ обычнымъ равнодушіемъ. «Берегъ видѣнъ», отвѣчалъ онъ, помолчавъ: «ужь съ седьмаго часа». — «Что жь ты не пришелъ мнѣ сказать?» упрекнулъ я его. «Воды горячей не было—бриться», отвѣчалъ онъ: «да и сапоги не чищены». — «Ну, давай, давай одѣваться! Что тамъ на верху?» — «Господи! ка̀къ тепло, хорошо ходить-то по палубѣ: мы всѣ сапоги сняли», отвѣчалъ онъ съ своимъ равнодушіемъ, не спрашивая, ни себя, ни меня и ни кого другаго, объ этомъ внезапномъ теплѣ въ январѣ, не дѣлая никакихъ сближеній, не задавая себѣ задачъ... «Господи!» отвѣчалъ я: «какъ тебѣ должно быть занимательно и путешествовать, и жить на свѣтѣ, младенецъ съ исполинскими кулаками! Живо, живо, одѣваться!» прибавилъ я. — «Успѣешь, ваше высокоблагородіе», отвѣчалъ онъ: «вотъ—на̀, прежде умойся!» Я боялся улыбнуться: мнѣ жаль было портить это костромское простодушіе европейской цивилизаціей, тѣмъ болѣе, что мы уже и вышли изъ Европы и подходили... къ Костромѣ, въ своемъ родѣ.

Я вышелъ на палубу. Что за картина! Вмѣсто уродливыхъ бугровъ съ пѣной и брызгами — крупная, но ровная зыбь. Вѣтеръ не рѣжетъ лица, а играетъ около шеи, какъ шелковая ткань, и пріятно щекочетъ нервы; солнце сильно грѣетъ. Передъ глазами, въ трехъ миляхъ, лежитъ масса бурыхъ холмовъ, одинъ выше другаго; разнообразныя глыбы земли и скалъ, брошенныхъ въ кучу, лѣзутъ другъ черезъ друга все выше-и-выше. Одна скала какъ-будто оторвалась и упала въ море отдѣльно: подъ ней сводъ насквозь. Все казалось голо, только покрыто густымъ мхомъ. Но даль обманывала меня: это не мохъ, а цѣлые лѣса; нигдѣ не видать жилья. Холмы, какъ пустая декорація, поднимались изъ воды и, кажется, грозили рухнуть, лишь только подойдешь ближе. Налѣво видѣнъ былъ, но довольно-далеко, *Порто-Санто*, а еще дальше — *Дезертосъ*, маленькіе островки, или, лучше сказать, скалы. Дѣдъ пальцомъ показывалъ рулевымъ, какъ держать въ проливъ между ними. Мы еще были съ боку Мадеры. Лицомъ она смотрѣла къ югу. Стали огибать уголъ....

18 Января. Какъ прекрасна жизнь, между-прочимъ, и потому, что человѣкъ можетъ путешествовать! Cogito ergo sum — путешествую, слѣдовательно наслаждаюсь, перевелъ я на этотъ разъ знаменитое изреченіе, поднимаясь въ носилкахъ по горѣ и упиваясь необыкновеннымъ воздухомъ, не зная на что смотрѣть: на виноградники ли, на виллы, или на синее небо, или на океанъ. Мнѣ казалось, что я съ этого утра только и началъ путешествовать, что судьба нарочно послала намъ грозныя, тяжелыя и скучныя испытанія, крѣпкій, семь дней безъ устали свирѣпствовавшій холодный вѣтеръ и сѣрое небо, чтобъ живѣе тронуть мягкостью воздуха, теплымъ блескомъ солнца, нѣжнымъ коло-

ритомъ красокъ, и всей этой гармоніей волшебнаго острова, которая связуетъ здѣсь небо съ моремъ, море съ землей—и все вмѣстѣ съ душой человѣка.

Когда мы обогнули восточный берегъ острова и повернули къ южному, насъ ослѣпила великолѣпная и громадная картина, которая какъ-будто поднималась изъ моря, заслонила собой и небо и океанъ, одна изъ тѣхъ картинъ, которыя видишь въ панорамѣ, на полотнѣ, и не вѣришь, приписывая обольщенію кисти. Группа горъ тѣсно жалась къ одной главной горѣ — это первая большая гора, которую увидѣли многіе изъ насъ, и то она помѣщена въ аристократію горъ, не за высоту, составляющую всего около 6000 футовъ надъ уровнемъ моря, а за свое вино. Но намъ, особенно послѣ низменныхъ и сырыхъ береговъ Англіи, гора показалась исполиномъ. И какъ она была хорошо убрана! На вершинѣ бѣлѣлся снѣгъ, а бока покрыты темною, мѣстами бурою растительностью; кое-гдѣ ярко зеленѣли сады. Въ разныхъ мѣстахъ по горамъ носились облака. Тамъ бѣлое облако стояло неподвижно, какъ-будто прильнуло къ землѣ, а тамъ раскинулось по горѣ другое, тонкое и прозрачное, какъ кисея, и сѣяло дождь; гора опоясывалась радугами. Въ одномъ мѣстѣ кроется цѣлый лѣсъ въ темнотѣ, а тутъ вдругъ обольется ярко лучами солнца, какъ золотомъ, крутая окраина съ садами. Не знаешь, на что̀ смотрѣть, чѣмъ любоваться; бросаешь жадный взглядъ всюду и не поспѣваешь слѣдить за этой игрой свѣта, какъ въ діорамѣ.

По скату горы или виноградники, изъ-за зелени которыхъ выглядывали виллы. На полгорѣ, на уступѣ, видна церковь, господствующая надъ садами и надъ городомъ. Городъ Фунчалъ... Уже ли это городъ: эти бѣлѣющіе внизу у самой подошвы, на берегу, домы, какъ-будто крошки сахара, или отвалившейся откуда-то штукатурки? Чѣмъ бли-

же подвигались мы къ берегу, тѣмъ становилось теплѣе. Чувствуешь чье-то близкое, горячее дыханіе на лицѣ. Горы справа, слѣва, утесами спускались къ берегу. На одномъ изъ нихъ, слѣва отъ города, поставлена батарея. Внизу, подъ бокомъ другаго утеса, пробирался къ рейду купеческій корабль. Мы навели зрительныя трубы на него. Корабль былъ буквально покрытъ, почти задавленъ пассажирами, все эмигрантами, ѣдущими изъ Европы въ Америку, или Австралію. Ну, дай Богъ имъ счастливо добраться! Намъ показалось, что ихъ тамъ болѣе трехсотъ человѣкъ. Какъ они помѣщаются?... Всѣ они вышли смотрѣть берегъ.

Гавани на Мадерѣ нѣтъ и рейдъ ея не удобенъ для судовъ, потому-что нѣтъ глубины, или она, пожалуй есть, и слишкомъ большая, оттого и не годится для якорной стоянки: недалеко отъ берега—60 и 50 саженъ; наконецъ почти у самой пристани, такъ-что съ судовъ разговаривать можно—все еще пятнадцать саженъ. Военныя суда мало становятся здѣсь на якорь, а купеческія хотя и останавливаются, но чуть подуетъ вѣтеръ съ юга, они уходятъ на сѣверную сторону, а отъ сѣверныхъ вѣтровъ прячутся здѣсь. Мы остановились здѣсь только за тѣмъ, чтобъ взять живыхъ быковъ и зелени, поэтому и рѣшено было на якорь не становиться, а держаться на парусахъ въ теченіе дня; слѣдовательно, остановка предполагалась кратковременная, и мы поспѣшили воспользоваться ею. Судно наше не въ первый разъ видѣло эти берега. Нѣсколько лѣтъ назадъ, оно было здѣсь и зимовало въ Лиссабонѣ.

Насъ окружили шлюбки всякихъ величинъ и формъ. Пріѣхалъ капитанъ надъ портомъ поздравить съ благополучнымъ прибытіемъ и освѣдомиться о здоровьѣ плавателей. Кажется, чего учтивѣе? А скажите-ка, что вы нездоровы, что у васъ, напримѣръ, человѣкъ двадцать-тридцать

больныхъ лихорадкой, такъ васъ очень-учтиво попросятъ не съѣзжать на берегъ и какъ-можно-скорѣе удалиться. Привезли апельсиновъ, еще чего-то; пріѣхала прачка, трактирщица; всѣ совали намъ въ руки свои адресы, и я опустилъ въ карманъ своего пальто еще двѣ карточки, къ дюжинамъ прочихъ, пріобрѣтенныхъ въ Англіи. Ихъ такъ много накопилось въ карманахъ всѣхъ платьевъ, что лѣнь было заняться побросать ихъ за бортъ. «Въ другое время, nur nicht heute», думалъ я согласно съ извѣстнымъ нѣмецкимъ двустишіемъ. Послѣ всего этого отдѣлилась отъ берега шлюбка подъ русскимъ флагомъ. Въ ней сидѣлъ русскій чиновникъ, въ вицмундирѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, съ русскимъ орденомъ въ петлицѣ. Это—консулъ. Онъ узналъ сейчасъ корабль, спросилъ, нѣтъ ли между плавателями старыхъ знакомыхъ и пригласилъ насъ нѣсколько человѣкъ къ себѣ на обѣдъ. Былъ часъ одинадцатый утра, когда мы сѣли въ консульскую шлюбку. Гребцы, всѣ португальцы, одѣтые очень-картинно, въ бѣлыхъ спенсерахъ, съ отложными воротниками, въ маленькихъ, едва покрывающихъ темя, красныхъ, или синихъ шапочкахъ, но безъ обуви. Шея и грудь открыты; всѣ почти съ бородами, но безъ усовъ, и большею-частью рослый, красивый народъ.

Я, бывало, съ большой недовѣрчивостью читалъ въ путешествіяхъ о какихъ-то необыкновенныхъ запахахъ, которые доносятся, съ берега за версту, до носовъ мореплавателей. Я думалъ, что эти запахи присутствовали въ носовыхъ платкахъ путешественниковъ, франтовъ эпохи Лудовиковъ XIV и XV-го, когда прыскались духами до обморока. Но вотъ, въ самомъ-дѣлѣ, мы еще далеко были отъ берега, а на насъ повѣяло теплымъ, пахучимъ воздухомъ, смѣсью ананасовъ, гвоздики, какъ мнѣ казалось, и еще

чего-то. Кто-то изъ насъ, опытный въ дѣлѣ запаховъ, рѣшилъ, что пахнетъ эліотропомъ. Вмѣстѣ съ запахомъ доносились звуки церковнаго колокола, потомъ музыки. А декорація горъ все поминутно мѣнялась: тамъ, гдѣ было сейчасъ свѣжо, ясно, золотисто, теперь задернуто точно флеромъ, а на прежнемъ мѣстѣ, на высотѣ, вдругъ озарились бурые холмы опаленной солнцемъ пустыни; тамъ радуга.

Вглядываясь въ новый, поразительный красотой берегъ, мы незамѣтно очутились у пристани, или, виноватъ, ея нѣтъ — ну тамъ, гдѣ она должна быть. Шлюпки не пристаютъ здѣсь, а выскакиваютъ съ бурунами на берегъ, въ кучу мелкаго щебня. Гребцы, засучивъ панталоны, идутъ въ воду и тащатъ шлюбку до сухаго мѣста, а потомъ вынимаютъ и пассажировъ. Мы почти бѣгомъ бросились на берегъ по площади, къ ряду домовъ и къ бульвару, который упирается въ море.

Какъ пріятно расправить ноги послѣ многодневнаго плаванія! Походка еще невѣрна, надо нѣсколько минутъ привыкать ходить, отвыкнешь и устаешь сразу.

На бульварѣ, подъ яворами и олеандрами, стояли неподвижно три человѣческія фигуры, гладко обритыя, съ синими глазами, съ красивыми бакенбардами, въ черномъ платьѣ, бѣлыхъ жилетахъ, въ круглыхъ шляпахъ, съ зонтиками, и съ пронзительнымъ любопытствомъ смотрѣли, то на наше судно, то на насъ. Нужно ли называть ихъ? И тутъ они? Мало еще мы видѣли ихъ! Лучшіе домы въ городѣ и лучшіе виноградники за городомъ принадлежатъ англичанамъ. Пусть бы такъ; да зачѣмъ сами-то они здѣсь? Какъ непріятно видѣть въ мягкомъ воздухѣ, подъ нѣжнымъ небомъ, среди волшебныхъ красокъ, эти жосткія явленія! Но мы развлечены были разнообразіемъ другихъ предметовъ. Музыка, едва слышная на рейдѣ, раздавалась громко изъ

одного длиннаго зданія — казармъ, какъ сказалъ консулъ: музыканты учились. Мы пошли по улицамъ, расположеннымъ амфитеатромъ, потому-что гора начинается прямо отъ берега. Однако идти по мостовой не совсѣмъ гладко: она вся состоитъ изъ небольшихъ, довольно-острыхъ каменьевъ: и сквозь подошву чувствительно. Въ домахъ жалюзи наглухо опущены отъ жара; домы очень просты, въ два этажа, и въ одинъ; многіе окружены каменнымъ заборомъ. Вездѣ видны сады, зелень, плющи; даже мостовая поросла мелкой травой.

Но отчего на улицахъ мало дѣятельности? Толпа народа гуляетъ праздно; всѣ нарядно одѣты. На югѣ вообще работать не охотники; но ужь такъ лѣниться, что нигдѣ ни признака труда—это изъ рукъ вонъ. «Сегодня воскресенье, оттого и магазины заперты», сказалъ консулъ, который шелъ тутъ же съ нами. Не помню, кто-то изъ путешественниковъ говоритъ, что городъ нечистъ—неправда, онъ очень опрятенъ, а бѣлизна стѣнъ и кровель придаютъ ему даже болѣе, нежели опрятный видъ. Грязи здѣсь, подъ этимъ солнцемъ, быть не можетъ. По словамъ консула, здѣсь никогда болѣе трехъ дней дурной погоды не бываетъ, и то немного вспрыснетъ дождь, прогремитъ громъ—и снова солнце заиграетъ надъ островомъ. Да оно и не прячется никогда совершенно, и мы видѣли, что оно въ одномъ мѣстѣ свѣтитъ, въ другомъ на полчаса скроется. Оссіановской, сырой и туманной погоды, здѣсь не бываетъ.

Пока мы шли къ консулу, насъ окружила толпа португальцовъ, очень пестрая и живописная костюмами, съ смуглыми лицами, черными глазами, въ шапочкахъ, колпакахъ, или просто съ непокрытой головой, красавцовъ и уродовъ, но больше красавцовъ. Между уродами немало видно обезображенныхъ оспой. Есть и негры, но немного. Всѣ они,

на разныхъ языкахъ, больше по-французски и по-англійски, очень-плохо на томъ и другомъ, навязывались въ проводники. «Вотъ госпиталь, вотъ казармы», говорилъ одинъ; «это церковь такая-то», перебивалъ другой; «а это домъ русскаго консула», добавилъ третій. Мы туда и повернули, и обманутые проводники вдругъ замолчали.

Небольшой каменный домъ консула спрятался за каменную же стѣну, между чистымъ дворомъ и садомъ. Консулъ, родомъ португалецъ, женатъ на второй женѣ, португалкѣ, очень молодой, черноглазой, блѣдной, тоненькой женщинѣ. Онъ представилъ насъ ей, но къ сожалѣнію, она не говорила ни на какомъ другомъ языкѣ, кромѣ португальскаго, и потому мы только поглядѣли на нее, а она на насъ. Консулъ говорилъ по-англійски и немного по-французски. Ему лѣтъ за 50. Отъ первой жены у него есть взрослый сынъ, котораго онъ обѣщалъ показать намъ за обѣдомъ. Насъ ввели почти въ темную гостинную; было прохладно, но подняли жалюзи, и въ комнату хлынулъ свѣтъ и жаръ. Изъ оконъ прекрасный видъ внизъ, на расположенные амфитеатромъ по берегу домы и на рейдъ. Но мы только-что ступили на подошву горы: домъ консула недалеко отъ берега — прекрасные виды еще были вверху.

Поговоривъ немного съ хозяиномъ и помолчавъ съ хозяйкой, мы объявили, что хотимъ гулять. Сейчасъ явилась опять толпа проводниковъ, и другая съ верховыми лошадьми. На одной площадкѣ, подъ большимъ деревомъ, мы видѣли много этихъ лошадей. Трое или четверо нашихъ сѣли на лошадей и скрылись съ проводниками. Консулъ предложилъ, не хочу ли я, мнѣ приведутъ также лошадь, или не предпочту ли я паланкинъ. «Въ паланкинѣ было бы покойнѣе», сказалъ я. Консулъ не успѣлъ перевести оставшейся съ нами у воротъ толпѣ моего отвѣта, какъ и эта

толпа бросилась отъ насъ и исчезла. Консулъ извинился, что не можетъ провожать насъ въ горы: «тамъ воздухъ холоденъ», сказалъ онъ: «теперь зима, и я боюсь за себя. Вамъ совѣтую надѣть пальто», прибавилъ онъ, но я оставилъ пальто у него въ домѣ. Зима! хороша зима: по улицѣ жарко идти, солнце пропекаетъ спину чуть не насквозь. «Не опоздайте же къ обѣду: въ 4 часа!» кричалъ мнѣ консулъ, когда я, въ ожиданіи паланкина, пошелъ по улицѣ пѣшкомъ. За мной увязались идти двое мальчишекъ; одинъ болталъ по-французски, то-есть исковеркаетъ два слова французскихъ, да прибавитъ три португальскихъ; другой тоже дѣлалъ съ англійскимъ языкомъ. Однакожъ мы какъ-то понимали другъ друга.

Я не торопился на гору: мнѣ еще ново было все въ городѣ, гдѣ на всемъ лежитъ яркій, южный колоритъ. И тутъ солнце свѣтитъ не по-нашему, какъ-то румянѣе; тѣни отъ того всѣ рѣзче, или ужь мнѣ такъ показалось послѣ продолжительной дурной погоды. Изъ-за заборовъ выглядываетъ не наша зелень. Вездѣ по стѣнамъ и около оконъ фестономъ лѣпится безконечный плющъ, да цѣлая ширма широколиственнаго винограда. Мѣстами видны, поверхъ заборовъ, высокія стройныя деревья, съ мелкою зеленью, это—мирты и кипарисы. Народъ, непохожій на нашъ, сѣверный: все смуглыя лица, да рѣзкія, подвижныя черты. А вотъ вдругъ вижу, однакожь, что-то очень сѣверное, будто сани. Что̀ за странность: экипажи на полозьяхъ, изъ свѣтлаго, кажется, ясневаго или пальмоваго дерева; на нихъ мѣста, какъ въ кабріолетѣ. Запряжены эти сани парой быковъ, которые, разумѣется шагомъ, тащатъ странный экипажъ по каменьямъ. Въ экипажѣ сидитъ семейство: мужъ съ женой и дѣти. «Стало быть, колясокъ и каретъ здѣсь нѣтъ» заключилъ я: «мало мѣста, и ѣздить имъ на гору

круто, а по городу негдѣ». Ѣздятъ верхомъ и въ носилкахъ. Мимо меня проскакала, на небольшой красивой лошадкѣ, плотная барыня, вся въ бѣлой кисеѣ, въ бѣлой шляпѣ; подлѣ, держась за уздечку, бѣжалъ проводникъ. И наши поѣхали съ проводниками, которые тоже бѣжали рядомъ съ лошадью, да еще въ гору — что же у нихъ за лёгкія? Другую барыню быстро пронесли мимо меня въ паланкинѣ. Такъ вотъ онъ, паланкинъ! Это маленькая повозочка, или колясочка, въ родѣ дѣтскихъ, обитая какой-нибудь матеріей, обыкновенно ситцемъ, или клеенкой. Къ крышкѣ ея придѣлана посрединѣ толстая жердь, которую проводники кладутъ себѣ на плечи. Я все шелъ пѣшкомъ, и двое мальчишекъ со мной. Въ домахъ иногда открывались жалюзи; изъ-за нихъ сверкалъ чей-то глазъ, и потомъ рѣшетка снова захлопывалась. Это какой нибудь сонный португалецъ, или португалка, услышавъ звонкіе шаги по тихой улицѣ, на-минуту выглядывали, какъ въ провинціи, удовлетворить любопытству, и снова погружались въ дремоту сьесты. Дальше опять я видѣлъ важно шагающаго англичанина, въ бѣломъ галстухѣ, и если не съ зонтикомъ, такъ съ тростью. Тамъ, должно быть у шинка, толчется кучка народу. Но все тихо: по климату — это столица міра; по тишинѣ, малолюдству и образу жизни — степная деревня.

Слышу топотъ за собой. За мной мчится паланкинъ; проводники догнали меня и поставили носилки на землю. Напрасно я упрашивалъ ихъ дать мнѣ походить: они схватили меня съ крикомъ за обѣ руки и буквально упрятали въ колыбель. Мнѣ было какъ-то неловко, совѣстно ѣхать на людяхъ, и я опять-было выскочилъ. Они опять стали бороться со мной и таки-посадили, или, лучше сказать, положили, потому-что сидѣть было неловко. «А что жь, ничего!» думалъ я: «мнѣ хорошо, какъ на диванѣ; каково имъ? Пусть

себѣ несутъ, коли есть охота!» Я ожидалъ, что они не поднимутъ меня, но они, какъ ребенка, вскинули меня съ паланкиномъ вверхъ и помчали по улицамъ. А всего двое: но за-то, что̀ за рослый, красивый народъ! какъ они стройны, мужественны на взглядъ! Изъ-за отстегнутаго воротника рубашки глядѣла смуглая и крѣпкая грудь. Оба, разумѣется, черноглазые, черноволосые, съ длинными бородами. Скоро мы стали подниматься въ гору; я думалъ, тутъ устанутъ они, но они шли скорымъ шагомъ. Однакожъ, лежать мнѣ надоѣло: я привсталъ, чтобъ сѣсть и смотрѣть по сторонамъ. Преширокая ладонь подкралась сзади и тихонько опрокинула меня опять на спину. «Это что̀?» Я опять привсталъ, колыбель замоталась и пошла медленнѣе. Опять та же ладонь хочетъ опрокидывать меня. «Я сидѣть хочу, goddam!» закричалъ я. Они объяснили, что имъ такъ неловко нести, тяжело... «А, тяжело? мнѣ что за дѣло: взялись, такъ несите». Но чуть я задумывался, ладонь осторожно пыталась, какъ-будто незамѣтно отъ меня самого, опрокинуть меня. Мнѣ надоѣло это, и я пошелъ пѣшкомъ. «Зима — хороша зима!» думалъ я, скидая жакетку. А консулъ совѣтовалъ еще надѣть пальто, говорилъ, что въ горахъ воздухъ холоденъ. Ка̀къ не холоденъ — печетъ!

Проводники вдругъ остановились у какого-то домика, что-то крикнули, и намъ вынесли кружки три вина. Подаютъ и мнѣ — какъ не попробовать: вѣдь это мадера, еще и прямо изъ источника! Точно, мадера; но что̀ за дрянь! должно-быть, молодое вино. Я отдалъ кружку назадъ. Проводники поклонились мнѣ и мгновенно осушили свои кружки, а двое мальчишекъ, которые бѣжали рядомъ съ паланкиномъ и на гору, выпили мою. Все это, конечно, на мой счетъ, потому-что, подавъ кружки, португалецъ, обратился ко мнѣ, съ словами: «one shilling, signor». Изъ-за забора

выглядывала виноградная зелень, но винограда уже не было ни одной ягоды: онъ весь собранъ давно. Меня понесли дальше; съ проводниковъ ручьями лилъ потъ. «Какъ же вы пьете вино, когда и такъ жарко?» спросилъ я ихъ съ помощью мальчишекъ и посредствомъ трехъ или четырехъ языковъ. «Вино-то и помогаетъ: безъ него устали бы», отвѣчали они и, вѣроятно, на основаніи этой гигіены, черезъ полчаса остановились на горѣ у другаго виноградника и другой лавочки, и опять выпили.

Тутъ на дверяхъ висѣла связка какихъ-то незнакомыхъ мнѣ плодовъ, съ виду похожихъ на огурцы средней величины. Кожа, какъ на бобахъ — на иныхъ зеленая, на другихъ желтая. «Что̀ это такое?» спросилъ я. «Бананы»—говорятъ. «Бананы! тропическій плодъ! Дайте, дайте сюда!» Мнѣ подали всю связку. Я оторвалъ одинъ и очистилъ—кожа слѣзаетъ почти отъ прикосновенія; попробовалъ—не понравилось мнѣ: прѣсно, отчасти сладко, но вяло и приторно; вкусъ мучнистый, похоже немного и на картофель, и на дыню, только не такъ сладко, какъ дыня, и безъ аромата, или съ своимъ собственнымъ, какимъ-то грубоватымъ букетомъ. Это скорѣе овощь, нежели плодъ, и между плодами онъ — parvenu. Я заплатилъ шиллингъ и пошелъ къ носилкамъ; но хозяинъ лавочки побѣжалъ за мной и совалъ мнѣ всю связку. «Не надо!» сказалъ я. — «Вы заплатили за всю, signor, такъ надо», говорилъ онъ и положилъ связку въ носилки.

Мы поднимались все выше; дорога шла круче. «Что̀ это такое?» спрашивалъ я, часто встрѣчая по сторонамъ прекрасные сады съ домами. — «English garden» (англійскій садъ) говорили проводники. На лучшихъ мѣстахъ вездѣ были english garden. Я входилъ въ ворота, и глаза разбѣгались по прекраснымъ аллеямъ тополей, акацій, кипарисовъ. Въ тѣни зелени прятались домы изящной архитек-

туры, съ галереями, верандами, со всѣми затѣями барской роскоши; тутъ же были и ихъ виноградники. Англичане здѣсь господа; лучшее вино идетъ въ Англію. Между португальскими торговыми домами мало богачей. Нашъ консулъ считается значительнымъ виноторговцемъ, но онъ живетъ очень-скромно, въ сравненіи съ британскими негоціантами. Они торгуютъ не однимъ виномъ. По просьбѣ консула, несмотря на воскресенье, намъ отперли одинъ магазинъ, лучшій на всемъ островѣ, и этотъ магазинъ — англійскій. Чего въ немъ нѣтъ! англійскія иглы, ножи и прочія стальныя вещи, англійскія бумажныя и шерстяныя ткани, сукна; ихъ же бронза, фарфоръ, ирландскія полотна. Сожалѣть ли объ этомъ, или досадовать — право, не знаю. Оно досадно, конечно, что англичане на всякой почвѣ, во всѣхъ климатахъ пускаютъ корни, и всюду прививаются эти корни. Еще досаднѣе, что они носятся съ своею гордостью, какъ курица съ яйцомъ, и кудахтаютъ на весь міръ о своихъ успѣхахъ; наконецъ, еще болѣе досадно, что они не всегда разборчивы въ средствахъ къ пріобрѣтенію правъ на чужой почвѣ, что берутъ, чуть можно, посредствомъ англійской промышленности и англійской юстиціи; а гдѣ это не въ ходу, такъ вспоминаютъ средневѣковый фаустрехтъ — все это досадно изъ рукъ вонъ. Но зачѣмъ не сказать и правды? Не будь ихъ на Мадерѣ, гора не воздѣлывалась бы такъ дѣятельно, не была бы застроена такими изящными виллами, да и дорога туда не была бы такъ удобна; народъ этотъ не одѣвался бы такъ чисто по воскресеньямъ. Не даромъ онъ говоритъ по-англійски: даромъ южный житель не пошевелитъ пальцомъ, а тутъ онъ шевелитъ языкомъ, да еще по-англійски. Англичанинъ даетъ ему нескончаемую работу и за все платитъ золотомъ, котораго въ Португаліи немного. Конечно, въ другомъ мѣстѣ

тотъ же англичанинъ возьметъ самъ золото, да еще и отравитъ, какъ въ Китаѣ, напримѣръ... Но теперь не о Китаѣ рѣчь.

На одной виллѣ, за стѣной, на балконѣ, я видѣлъ прекрасную женскую головку: она глядѣла на дорогу, но такъ гордо, съ такимъ холоднымъ достоинствомъ, что неловко и нескромно было смотрѣть на нее долго. Голубые глаза, льняные волосы: должно-быть, миссъ, или леди, но никакъ не синьйора. Однако, я усталъ идти пѣшкомъ и уже не насильно легъ въ паланкинъ, но вдругъ вскочилъ опять: подо мной что-то было: я легъ на связку съ бананами и раздавилъ ихъ. Я хотѣлъ выбросить ихъ, но проводники взяли, раздѣлили поровну и съѣли. Мы продолжали подниматься по узкой дорогѣ между сплошными заборами по обѣимъ сторонамъ. Кое-гдѣ между зелени выглядывали цвѣты, но мало. А зима, говоритъ консулъ; хороша зима: олеандръ въ цвѣту!

Вдругъ въ одномъ мѣстѣ мы вышли на открытую со всѣхъ сторонъ площадку. Португальцы поставили носилки на траву. «Bella vischta, signor!» сказали они. Въ-самомъ-дѣлѣ, прекрасный видъ! Описывать его смѣшно. Ужь лучше снять фотографію: та покрайней-мѣрѣ передастъ всѣ подробности. Мы были на одномъ изъ уступовъ горы, на половинѣ ея высоты... и того нѣтъ: подъ ногами нашими цѣлое море зелени, внизу городъ, точно игрушка; тамъ чуть-чуть видно, какъ ползаютъ люди и животныя, а дальше вовсе не игрушка—океанъ; на рейдѣ опять игрушки—корабли, въ томъ числѣ и нашъ.

Не хотѣлось уходить оттуда, а пора, да и жарко. Но я все стоялъ. «Bella vischta!» сказалъ я португальцамъ и потомъ прибавилъ gracia — не зная, какъ сказать имъ «благодарю». Они поклонились мнѣ, значитъ поняли. Мо-

жно снять посредствомъ дагерротипа, пожалуй, и море, и небо, и гору съ садами, но не нарисуешь этого воздуха, которымъ дышетъ грудь, не передашь его легкости и сладости. Много разсказываютъ о цѣлительности воздуха Мадеры: можетъ-быть, дѣйствіе этого воздуха на здоровье замѣтно по послѣдствіямъ; но сладостью, которой онъ напитанъ, упиваешься, лишь только ступишь на берегъ. Я дышалъ, бывало, воздухомъ нагорнаго берега Волги и думалъ, что нигдѣ лучшаго не можетъ быть. Откроешь утромъ въ лѣтній день окно, и въ лицо дунетъ такая свѣжая, здоровая прохлада. На Мадерѣ я чувствовалъ ту же свѣжесть и прохладу волжскаго воздуха, который пьешь, какъ чистѣйшую ключевую воду, да, сверхъ того, онъ будто растворенъ... мадерой, скажете вы? Нѣтъ, тонкими ароматами этой удивительной почвы, питающей сѣверные деревья и цвѣты, рядомъ съ тропическими, на каждомъ клочкѣ земли въ нѣсколько саженъ, и неотравляющій воздуха никакимъ ядовитымъ дыханіемъ жаркаго пояса. Въ этомъ состоитъ особенность и знаменитость острова.

Кажется, ни за что не умрешь въ этомъ цѣлебномъ, полномъ нѣги воздухѣ, въ теплой атмосферѣ, то-есть не умрешь отъ болѣзни, а отъ старости развѣ, и то когда заживешь чужой вѣкъ. Однако, здѣсь оканчиваетъ жизнь дочь бразильской императрицы, сестра царствующаго императора. Но она прибѣгла къ цѣлительности здѣшняго воздуха уже въ послѣдней крайности, какъ прибѣгаютъ къ первому знаменитому врачу—поздно: съ часу на часъ ожидаютъ ея кончины. Португальцы съ выраженіемъ глубокаго участія сказывали, что принцесса—sick, very sick (очень-плоха) и сильно страдаетъ. Она живетъ на самомъ берегу, въ красивомъ домѣ, который занималъ нѣкогда блаженной памяти Е. И. В. герцогъ Лейхтенбергскій. Капитанъ надъ пор-

томъ, при посѣщеніи нашего судна, просилъ не салютовать флагу, потому-что пушечные выстрѣлы могли бы потревожить больную.

Хороша зима! А кто жь это порхаетъ по кустамъ, поетъ? Не наши ли лѣтнія гостьи? А тамъ какіе это цвѣты выглядываютъ изъ-за забора? Бываютъ же такія зимы на свѣтѣ!

Меня понесли съ горы другою дорогою, или, лучше сказать, тропинкою, извилистою, узенькою, среди неогороженныхъ садовъ и виноградниковъ, между хижинъ. Во всю дорогу въ глазахъ была таже картина, которую вытѣснятъ изъ памяти только такія же, если будутъ впереди. Намъ попадались все рослые португальцы. Женщины, особенно старыя, повязаны платками, и въ этомъ нарядѣ—точь-въ-точь наши деревенскія бабы. Мы опять остановились у виноградника: это было уже въ третій и, какъ я объявилъ, въ послѣдній разъ. Четвертый часъ—надо было торопиться къ обѣду. Въ небольшомъ домикѣ, или сараѣ съ скамьями, былъ хозяинъ виноградника, или прикащикъ; тутъ же были двѣ женщины. Мнѣ бросилась въ глаза красота одной, южная и горячая. Она была высокаго роста, смугла, съ яркимъ румянцемъ, съ большими черными глазами и съ косой, которая, не укладываясь на головѣ, падала на шею—словомъ, какъ на картинахъ пишутъ римлянокъ. Другую я едва замѣтилъ, хотя она безпрестанно болтала и смѣялась. Она была... старуха.

Прежде, нежели я сѣлъ на лавку, проводники мои держали уже по кружкѣ и пили. «A signor не хочетъ вина?» спросилъ хозяинъ. Я покачалъ головой. «А за здоровье синьоры?» спросилъ онъ, замѣтивъ, что я пристально изучаю глазами красавицу. «Вино это не хорошо; красавица лучше стоитъ», сказалъ я. Едва мальчишки перевели ему это, какъ онъ вышелъ вонъ и вскорѣ воротился съ

кружкой другаго вина. Онъ съ гордостью и увѣренностью подалъ мнѣ кружку и что-то сказалъ, чего я не понялъ. Я поклонился красавицѣ и попробовалъ. «Да̀, это не то вино, что̀ подавали проводникамъ: это положительно-хорошая мадера. Я съ удовольствіемъ выпилъ глотка два и передалъ кружку красавицѣ. Она отпила немного, но я сдѣлалъ ей знакъ, чтобъ она продолжала; она смѣялась и отговаривалась; хозяинъ сказалъ что-то, и она кончила кружку. «А за эту?» сказали проводники. Я обернулся: старуха сидѣла уже подлѣ меня. Принесли и еще кружку; я опять попробовалъ за здоровье старой португалки. Благодарностямъ не было конца. Всѣ вышли меня провожать, и хозяинъ, и, женщины, награждая разными льстивыми эпитетами.

Мы быстро спустились въ городъ, промчались мимо домовъ, нѣсколькихъ отелей, между-прочимъ французской, черезъ площадь. На дорогѣ перегнали меня наши спутники верхомъ. По дорогѣ пришлось проходить черезъ рынокъ. Онъ живо напомнилъ мнѣ сцену изъ «Фенеллы»: такая же толпа мужчинъ и женщинъ, пестро-одѣтыхъ, да еще, въ добавокъ, были тутъ негры, монахи; все это покупаетъ и продаетъ. Рынокъ заставленъ корзинами съ фруктами, съ рыбой; тутъ стоймя приставлены къ дверямъ лавокъ связки сахарнаго тростника, который рѣжутъ кусками и продаютъ простому народу, какъ лакомство. Вездѣ лежатъ кучи зелени, овощей. Вдругъ вижу знакомое лицо: это нашъ спутникъ, который закупаетъ провизію. Но отчего у него постное лицо? Меня поднесли къ нему. «Ахъ, это вы?» сказалъ онъ, прищурясь и вглядываясь въ меня.—«А это вы?» сказалъ я: «что вы такъ невеселы?» — «Да вотъ поглядите», отвѣчалъ онъ, указывая на быка, котораго я въ толпѣ народа и не замѣтилъ:—«что это за быкъ? Въ Англіи собаки больше: и десяти пудовъ нѣтъ».—Ну, пойдемте къ консулу

обѣдать», сказалъ я: «и попробуемъ, каковы эти быки на вкусъ». Онъ вздохнулъ, и мы отправились. Быки здѣсь въ самомъ-дѣлѣ мелки, но говядина очень-хороша.

На дворѣ у консула оба носильщика, спустивъ меня съ носилокъ, протянули ко мнѣ руки, а за ними и мальчишки. «Сколько они просятъ?» спросилъ я консула, который смотрѣлъ въ окно. Онъ поговорилъ съ ними. «Дорого просятъ: три доллара», сказалъ онъ. «Какъ далеко вы были? гдѣ?» Но почемъ я зналъ, гдѣ я былъ? Я отдалъ ему фунтъ стерлингъ и просилъ заплатить и носильщикамъ и мальчишкамъ. Получивъ деньги, мальчишки быстро скрылись со двора, а носильщики протянули опять руки. «Чего имъ?» спросилъ я консула. «Пустое, не надо!» кричалъ консулъ, махая имъ рукой: «идите, идите!» На водку еще просятъ. «Не давайте...» — «Да они три раза взяли съ меня натурою», сказалъ я: «теперь вотъ...» Я бросилъ имъ по мелкой монетѣ. Они быстро подобрали и съ поклонами, быстрѣе мальчишекъ, исчезли со двора. А все на русскаго человѣка говорятъ, что проситъ на водку: онъ точно проситъ; но если поднесутъ, такъ онъ и не попроситъ, а жителю юга, какъ вижу теперь, и не поднесутъ, а онъ выпьетъ, и все-таки попроситъ на водку.

Я засталъ хозяйку въ саду. Съ ней была пожилая дама, вся въ черномъ, начиная съ чепца до ботинокъ; и сама хозяйка тоже; онѣ, должно-быть, въ траурѣ. Хозяйка представила меня старушкѣ: «My mother» (матушка), сказала она. Садъ маленькій, но чего тутъ не было? Кофейныя деревья, бананы, ананасы, множество цвѣтовъ. Хозяйка сорвала одну кофейную почку, открыла и показала намъ внутри два, уже сформировавшіяся кофейныя зерна. «Какъ жаль, что теперь зима!» говорила она, а мужъ переводилъ: «ничего нѣтъ! Вотъ ананасы еще не поспѣли», и она ука-

зала на гряду извѣстной вамъ зелени ананасовъ. «Къ десерту нѐчего подать. Одни только бананы!» Зима! «какъ жаль, что этакая зима!» До какой степени могутъ избаловаться люди! «А это чтò? посмотрите-ка, вѣдь это нашъ зеленый лукъ!» сказалъ Б., сорвалъ пучокъ и мы съ нимъ отвѣдали нашего сѣвернаго плода.

Консулъ познакомилъ насъ съ сыномъ, молодымъ человѣкомъ лѣтъ двадцати съ небольшимъ. Онъ только-что воротился изъ Франціи, гдѣ учился медицинѣ. Я все думалъ, кàкъ обѣдаютъ по-португальски, и ждалъ чего-нибудь своего, оригинальнаго; но оказалось, что ныньче по-португальски обѣдаютъ по-англійски: послѣ супа, на столъ разомъ поставили ростбифъ, котлеты и множество блюдъ со всякою зеленью—все явленія знакомыя. Въ этомъ почти и состоялъ весь обѣдъ. Главнымъ украшеніемъ его было вино и десертъ. Вино, разумѣется, мадера, красная и бѣлая. И та и другая превосходнаго качества, особенно красная, какъ рубинъ, которая называется здѣсь тинто. Лучше, кажется, и не выдумаешь вина. Правда, я пилъ въ Петербургѣ однажды вино, привезенное въ подарокъ отсюда же, превосходное, но другаго рода, изъ сладкихъ винъ, извѣстное подъ названіемъ мальвази-мадеры. Красная мадера не имѣетъ ни малѣйшей сладости; это капитальное вино и намъ показалось несравненно-выше бѣлой, madeire secco, которую мы только попробовали, а на другія вина и не смотрѣли.

Дессертъ состоялъ изъ апельсиновъ, варенья, банановъ, гранатъ; еще были тутъ, называемыя по-англійски, кастардэппльзъ (custard-apples), плоды, похожіе видомъ и на грушу, и на яблоко, съ бѣлымъ мясомъ, съ черными сѣменами. И эти были неспѣлые. Хозяева просили насъ взять по нѣскольку плодовъ съ собой и подержать ихъ дня три-четыре

и тогда уже ѣсть. Мы такъ и сдѣлали. Дѣйствительно, нѣтъ лучше плода: мягкій, нѣжный вкусъ, напоминающій сливочное мороженое и всю свѣжесть фрукта, съ тонкимъ ароматомъ. Плодъ этотъ, когда поспѣетъ, надо ѣсть ложечкой. Если не ошибаюсь, по-испански онъ называется *нона*. Обѣдъ тянулся довольно долго, по-англійски, и кончился тоже по-англійски: хозяинъ сказалъ спичъ, въ которой изъявлялъ удовольствіе, что второй разъ уже угощаетъ далекихъ и рѣдкихъ гостей, желалъ счастливаго возвращенія и звалъ вторично къ себѣ.

Уже въ сумерки простились мы съ португальскимъ семействомъ, оказавшимъ намъ гостепріимство. Этотъ день, вырванный изъ береговой жизни, надолго разлилъ чувство удовольствія между нами. Внезапно-развернувшаяся передъ нами картина острова, жаркое солнце, яркій видъ города, хотя чужія, но ласковыя лица—все это было нежданнымъ, веселымъ праздничнымъ мгновеніемъ и влило живительную каплю въ однообразный, долгій путь. Я забылъ о прошедшихъ неудобствахъ и покойнѣе смотрѣлъ на будущія. Нигдѣ человѣкъ не бываетъ такъ жалокъ, дерзокъ, и повременамъ такъ внезапно счастливъ, какъ на морѣ. Хозяйка дала намъ по букету цвѣтовъ. Я сказалъ, что отошлю свой, въ подарокъ отъ нея, русскимъ женщинамъ. Она повѣрила и нарвала мнѣ еще. Я только сѣлъ въ шлюпку и пустилъ букетъ въ море. «Что же это? какъ можно?» закричите вы на меня...» А что жь съ ними дѣлать? не послать же въ самомъ дѣлѣ въ Россію.—«Въ стаканъ поставить, да на столъ».—Знаю, знаю. На морѣ это не совсѣмъ удобно.—«Такъ зачѣмъ и говорить хозяйкѣ, что пошлете въ Россію?» Что это за житье—никогда не солги!

Но пора кончить это письмо... Какъ? что?... А чтожь о Мадерѣ: объ управленіи города, о мѣстныхъ властяхъ, о

числѣ жителей, о количествѣ выдѣлываемаго вина, о торговлѣ: цифры, факты—гдѣ же все? Въ правѣ ли вы требовать этого отъ меня? Вѣдь вы просили писать вамъ о томъ, что̀ я самъ увижу, а не то, что написано въ вѣдомостяхъ, таблицахъ, календаряхъ. Здѣсь все, что̀ я видѣлъ въ теченіе 10-ти или 12-ти часовъ пребыванія на Мадерѣ. Жителей всѣхъ я не видѣлъ, властей тоже, и даже не успѣлъ хорошенько посѣтить ни одного виноградника.

Когда мы сѣли въ шлюпку, корабль нашъ былъ верстахъ въ пяти; онъ весь день, то подходилъ къ берегу, то отходилъ отъ него. Теперь чуть видны были паруса. Вѣтеръ дулъ сѣверный и довольно свѣжій, но ровный. Было тепло; сѣверный холодъ не доносился до береговъ Мадеры. Я глядѣлъ все назадъ, на островъ: мнѣ хотѣлось навсегда врѣзать его въ память. Между тѣмъ темнота наступала быстро. Облака надвигались на высоту пика, потомъ вдругъ обнажали его вершину, а тамъ опять скрывали ее; казалось надо было ожидать бури, но ничего не было: тучи только играли съ горами. Я обернулся на Мадеру въ послѣдній разъ: она вся закуталась, какъ въ мантію, въ облака, какъ будто занавѣсъ опустился на волшебную картину, и лежала далеко за нами темной массой; впереди довольно уже близко неслась на насъ другая масса—нашъ корабль.

Я послалъ къ вамъ коротенькое письмо съ Мадеры, а это пошлю изъ перваго порта, откуда только ходитъ почта въ Европу; а откуда она не ходитъ теперь?

До свиданія.

Атлантическій Океанъ.
23 января 1853.

III.

ПЛАВАНІЕ ВЪ АТЛАНТИЧЕСКИХЪ ТРОПИКАХЪ.

Нордъ-остовый пассатъ.—Острова Зеленаго Мыса.—С. Яго и Порто-Прайя.—Сѣверный тропикъ.—Тропическая зима.—Штилевая полоса.—Экваторъ.—Южный тропикъ и зюйдъ-остовый пассатъ.—Летучія рыбы и акулы.—Опять штили.—Масляница.—Образъ жизни на фрегатѣ.—Купанье.—Море и небо.

(Письмо къ *В. Г. Бенедиктову.*)

Въ поэтическомъ и дружескомъ напутствованіи *), вы указали мнѣ, Владиміръ Григорьевичъ, обогнуть земной шаръ. Я не обогнулъ еще и четверти, а между тѣмъ мнѣ захотѣлось уже побесѣдовать съ вами на необъятной дали, среди волнъ, на рубежѣ атлантическаго, южнополярнаго и индійскаго морей, когда вокругъ все спитъ, кромѣ вахтеннаго офицера, меня и океана. Мнѣ хочется повѣрить, тàкъ ли далеко «слышенъ сердечный голосъ», какъ предсказали вы? Къ сожалѣнію, это обстоятельство зависитъ болѣе отъ исправности почтъ, нежели сердецъ нашихъ.

Хотѣлось бы вѣрно изобразить вамъ, гдѣ я, чтò вижу, но о многомъ говорятъ черезчуръ много, а сказать нечего; съ другаго, напротивъ, какъ ни бейся, не снимешь и блѣдной копіи, развѣ вы дадите взаймы вашего воображенія и

*) Въ посланіи къ И. А. Гончарову, напечатанномъ въ полномъ собраніи стихотвореній Бенедиктова.

красокъ. Я изъ Англіи писалъ вамъ, что чудеса выдохлись, праздничныя явленія обращаются въ будничныя, да и сами мы уже развращены раннимъ и заочнымъ знаніемъ такъ называемыхъ чудесъ міра, стыдимся этихъ чудесъ, торопливо стараемся разоблачить чудо отъ всякой поэзіи, боясь, чтобъ насъ не заподозрѣли въ вѣрѣ въ чудо, или въ младенческомъ влеченіи къ нему: мы выросли и оттого предпочитаемъ скучать и быть скучными. Гдѣ искать поэзіи? Одно анализировано, изучено и утратило прелесть тайны, другое прискучило, третье оказалось ребячествомъ. Куда же дѣлась поэзія и что̀ дѣлать поэту? Онъ какъ-будто остался за штатомъ. Надѣть ли поэзію, какъ праздничный кафтанъ, на современную идею, или по прежнему скитаться съ ней въ родимыхъ поляхъ и лѣсахъ, смотрѣть на луну, нюхать розы, слушать соловьевъ, или наконецъ идти съ нею сюда, подъ эти жаркія небеса? Научите.

Для меня путешествіе имѣетъ еще пока, не столько прелесть новизны, сколько прелесть воспоминаній. Проходя практически каждый географическій урокъ, я переживаю угасшее, нѣкогда страстное впечатлѣніе, какое рождалось съ мыслью о далекихъ странахъ и моряхъ, и будто переживаю дѣтство и юность. Но подъ-часъ бываетъ досадно. Вотъ морская карта: она вся испещрена чертами, точками, стрѣлками и надписями. «Въ этой широтѣ, говоритъ одна надпись, въ такихъ-то градусахъ, ты встрѣтишь такіе вѣтры», и притомъ показаны мѣсяцъ и число. «Тамъ около этого времени попадешь въ ураганъ», сказано далѣе, сказано тоже, ка̀къ и выйти изъ него, «а тамъ иди по такой-то параллели, попадешь въ муссонъ, который донесетъ тебя до Китая, до Японіи». Далѣе еще лучше: «въ такомъ-то градусѣ увидишь въ первый разъ акулъ, а тамъ летучую рыбу»—и точно увидишь. «Въ 38° ю. ш. и 75° в. д.

сидятъ, сказано, птицы». «Ну, думаю, ужь это вздоръ: не сидятъ же онѣ тамъ» и сталъ слѣдить по картѣ. Я просилъ другихъ дать себѣ знать, когда придемъ въ эти градусы. Утромъ однажды говорятъ мнѣ, что пришли: я взялъ трубу и различилъ на значительномъ пространствѣ черныя точки. Подходимъ ближе: стая морскихъ птицъ колыхается на волнахъ. Наконецъ написано, что въ атлантическихъ тропикахъ термометръ не показываетъ болѣе 23° по Реомюру въ тѣни. И точно не показываетъ.

Одно только не вошло въ Реперовы таблицы, не покорилось никакимъ выкладкамъ и цифрамъ, одного только не смогъ никто записать на картѣ....

Но дайте договориться до этихъ чудесъ по порядку, какъ я доѣхалъ до нихъ.

Я писалъ вамъ, какъ я былъ очарованъ островомъ (и виномъ тоже) Мадеры. Потомъ, когда она скрылась у насъ изъ вида, я немного разочаровался. Что это за путешествіе на Мадеру? Отъ Испаніи рукой подать, всего какихъ нибудь миль триста! Это госпиталь Европы.

Но вотъ стали выходить изъ тридцатыхъ градусовъ: все теплѣе и теплѣе. «Паръ костей не ломитъ» выдумали поговорку у насъ: но эта поговорка заключаетъ отрицательную похвалу теплу отъ печки, которая, кромѣ тепла, ничего и не даетъ организму. А солнечное, и притомъ здѣшнее тепло! Боже мой! что̀ оно дѣлаетъ съ человѣкомъ? какъ облегчитъ отъ всякой нравственной и физической тягости! точно сниметъ ношу съ плечъ и съ головы, дастъ свободу дыханію, чувству, мысли... И такъ цѣлые, многіе дни и ночи! Долго мы не выйдемъ изъ магическаго круга этого голубаго, вѣчно-сіяющаго лѣта. Подумайте, года два все будетъ лѣто: сколько въ этой перспективѣ умѣстится тѣхъ короткихъ мгновеній, которыя мы, за исключеніемъ холода, дож-

дей и тумановъ, насчитаемъ въ нашемъ сѣверномъ миньятюрномъ лѣтѣ! «Дѣдъ, гдѣ мы теперь?» спросилъ я однажды. «Я ужь вамъ три раза сегодня говорилъ; не стану повторять», ворчитъ онъ; потомъ, по обыкновенію, скажетъ. «Пойдемте, говоритъ, таща меня за рукавъ, на югъ: вонъ это что? глядите!...» — «Облако». — Какъ не облако! посмотрите хорошенько: ну, что?» — «Туча». — «Эхъ, вы, туча! Какая туча? островъ Пальма». «Что вы! Канарскіе острова!» «Какъ же вы не видите?» — «Что жь дѣлать, если здѣсь облака похожи на берега, а берега на облака. Гдѣ же Тенерифъ?» спрашиваю я, пронзая взглядомъ золотой туманъ и видя только блѣдно-синій очеркъ «облака», какъ казалось мнѣ. «Не удивимъ, говоритъ дѣдъ: мы у него на параллели, только далеко». — «Зайдемъ въ Санта Круцъ?» — «Опять зайти: часто будетъ! Эдакъ никогда не доберемся до Японіи». А подъ какимъ градусомъ лежитъ Пальма?» — «Подите посмотрите сами на картѣ». Я не пошелъ, зная, что онъ скажетъ. И въ самомъ дѣлѣ сказалъ. «Подъ 27°. Вѣдь съ вами же вчера цѣлый часъ толковали». — «Забылъ». — «Какъ же я-то не забываю?» «На то вы дѣдъ». — Да что это, пассатъ что ли дуетъ?» спросилъ я, а самъ придержался за снасть, потому что время отъ времени покачивало. «Кто его знаетъ? не разберешь! ворчалъ дѣдъ. — Рано бы, кажется, а похожъ. Вотъ подождемъ денька два-три».

Но денька два-три прошли, перемѣны не было: тотъ же вѣтеръ несъ судно, надувая паруса и навѣвая на насъ прохладу. По-русски приличнѣе было бы назвать пассатъ вѣчнымъ вѣтромъ. Онъ отъ вѣка дуетъ одинаково, поднимая умѣренную зыбь, которая не мѣшаетъ ни читать, ни писать, ни думать, ни мечтать. Переходъ отъ качки и холода къ покою и теплу былъ такъ ощутителенъ, что я съ радости не читалъ и не писалъ, позволялъ себѣ только мечтать — о

*

чемъ? о Петербургѣ, о Москвѣ, о васъ? Нѣтъ, сознаюсь, мечты опережали корабль. Индія, Манилла, Сандвичевы острова — все это вертѣлось у меня въ головѣ, какъ у пьянаго неясныя лица его собесѣдниковъ.

22 января Л. А. П., штурманскій офицеръ, за утреннимъ чаемъ сказалъ: «Поздравляю: сегодня въ восьмомъ часу мы пересѣкли сѣверный тропикъ». — «А я ночью озябъ», замѣтилъ я. «Какъ такъ?» — «Такъ, взялъ да и озябъ: видно, кто нибудь изъ насъ охладѣлъ, или я, или тропики». Я лежалъ легко одѣтый подъ самымъ люкомъ, а «ночной зефиръ струилъ эѳиръ» прямо на меня.

«Ну, что̀ море, что̀ небо? какія краски тамъ?» слышу я ваши вопросы? Ка̀къ всходитъ и заходитъ заря? ка̀къ сіяютъ ночи? Все прекрасно — неправда ли?» — «Хорошо, только ничего особеннаго: такъ же, какъ и у насъ въ хорошій лѣтній день... Вы хмуритесь? А позвольте спросить: развѣ есть что-нибудь не прекрасное въ природѣ? Отыщите въ сердцѣ искру любви къ ней, подавленную гранитными городами, сномъ при свѣтѣ солнечномъ и бѣготней въ сумракѣ и при свѣтѣ лампъ, раздуйте ее и тогда попробуйте выкинуть изъ картины какую-нибудь некрасивую мѣстность. По-крайней-мѣрѣ со мной, а съ вами конечно и подавно, всегда такъ было: когда фальшивыя и ненормальныя явленія и ощущенія освобождали душу хоть на-время отъ своего ига, когда глаза, привыкшіе къ стройности улицъ и зданій, на минуту, случайно, падали на первый болотный лугъ, на крутой обрывъ берега, всматривались въ чащу сосноваго лѣса съ песчаной почвой: ка̀къ полюбишь каждую кочку, песчаный косогоръ и поросшую мелкимъ кустарникомъ рытвину! Все находило почетное мѣсто въ моей фантазіи, все поступало въ капиталъ тѣхъ матеріаловъ, изъ которыхъ слагается нѣжная, высокая,

артистическая сторона жизни. Разъ напечатлѣвшись въ душѣ, эти блѣдные, но полные своей задумчивой жизни образы остаются тамъ до сей минуты, нужды нѣтъ, что рядомъ съ ними тѣснятся теперь въ душу такія праздничныя и поразительныя явленія.

Нужно ли вамъ поэзіи, яркихъ особенностей природы— не ходите за ними подъ тропики: рисуйте небо вездѣ, гдѣ его увидите, рисуйте съ торцовой мостовой Невскаго проспекта, когда солнце, изливъ огонь и блескъ на крыши домовъ, протечетъ чрезъ Аничковъ и Полицейскій мосты, медленно опустится за Чекуши; когда небо какъ-будто задумается ночью, поблѣднѣетъ на минуту и вдругъ вспыхнетъ опять, какъ задумывается и человѣкъ, ища мысли: по лицу на мгновенье разольется туманъ и потомъ внезапно озарится оно отысканной мыслью. Запылаетъ небо опять, обольетъ золотомъ и Петергофъ, и Мурино, и Крестовскій островъ. Сознайтесь, что и Мурино, и острова хороши тогда, хорошъ и Финскій заливъ, какъ зеркало въ богатой рамѣ: и тамъ блестятъ, играя, жемчугъ, изумруды...

Виноватъ, плавая въ тропикахъ, я очутился въ Чекушахъ и рисую чухонскій пейзажъ: это, впрочемъ, потому, что мнѣ еще не шутя нечего сказать о тропикахъ. Каждый день во всякое время смотрѣлъ я на небо, на солнце, на море —и вотъ мы уже въ 14° широты, а небо все такое же, какъ у насъ, т. е. повыше, на зенитѣ, голубое, къ горизонту зеленоватое. Тепло, какъ у насъ въ іюлѣ, и то за городомъ, а въ городѣ отъ камней бываетъ и жарче. Мы одѣлись въ тропическую форму: въ бѣлое, а потомъ сознались, что еслибъ остались въ небѣломъ, такъ не задохлись бы. Реомюръ показывалъ 22° въ тѣни. Лучи теряютъ свою жгучую силу на морѣ. Кромѣ того, палубу смачивали водой и надъ головой растягивали тентъ. Кругомъ не было стѣнъ и скалъ,

запирающихъ воздухъ, и сквозь снасти свободно вѣялъ пассатъ. Небо часто облачно, такъ-что мы не можемъ видѣть ни восхожденія, ни захожденія солнца. Оно выходило изъ-за облакъ и садилось въ тучи. «Что жь это вы, дѣдъ, насказали о тропическихъ жарахъ, о невиданныхъ ночахъ, о Южномъ Крестѣ? Все, что̀ мы видимъ, слабо...» — «Теперь зима, январь» говоритъ онъ, обмахиваясь фуражкой и отирая потъ, капавшій съ небритаго подбородка, «вотъ дайте перевалиться за экваторъ, тогда будетъ потеплѣе. А Южный Крестъ долженъ быть теперь здѣсь, вонъ за лѣвой вантой!» и онъ указалъ коротенькимъ пальцомъ на ванту. «Дался имъ этотъ Крестъ, ворчалъ дѣдъ, спускаясь въ люкъ: выдумали Крестъ! И Креста-то никакого нѣтъ: просто четыре небольшія звѣзды... Пойти-ка лучше лечь, а то еще...» и исчезъ въ люкъ.

Вверху однако жь небо было свободно отъ тучъ и оттуда, какъ изъ отверстій какого-то озареннаго свѣтомъ храма, сверкали милліоны огней всѣми красками радуги, какъ не сверкаютъ звѣзды у насъ никогда. Какъ страстно, горячо свѣтятъ онѣ! кажется, отъ нихъ это такъ тепло по ночамъ! Эта вѣчно-играющая и что-то будто говорящая на непонятномъ языкѣ картина неба никогда не надоѣстъ глазамъ. Выйдешь изъ каюты на полчаса дохнуть ночнымъ воздухомъ и простоишь въ онѣмѣніи два-три часа, не отрывая взгляда отъ неба, развѣ глаза невольно сами сомкнутся отъ усталости. Затверживаешь узоръ ближайшихъ созвѣздій, смотришь на переливы этихъ зеленыхъ, синихъ, кровавыхъ огней, потомъ взглядъ утонетъ въ розовой пучинѣ млечнаго пути. Все хочется доискаться, на что̀ намекаетъ это мерцаніе, какой смыслъ выходитъ изъ этихъ таинственныхъ, непонятныхъ рѣчей? И уйдешь, не объяснивъ ничего, но уйдешь въ какомъ-то чаду раздумья, и на другой день жадно читаешь опять.

Море... Здѣсь я въ первый разъ понялъ, что̀ значитъ «синее» море, а до-сихъ-поръ я зналъ объ этомъ только отъ поэтовъ, въ томъ числѣ и отъ васъ. Синій цвѣтъ тамъ, у насъ, на сѣверѣ—праздничный нарядъ моря. Тамъ есть у него другіе цвѣта, въ Балтійскомъ, напримѣръ, желтый, въ другихъ моряхъ зеленый, такъ называемый аквамаринный. Вотъ, наконецъ, я вижу и синее море, какого вы не видали никогда. Это не слегка сверху окрашенная вода, а густая яхонтовая масса, одинаково синяя на солнцѣ и въ тѣни. Не устанешь любоваться, глядя на роскошное сіяніе красокъ на необозримомъ, окружающемъ насъ полѣ водъ.

Какъ ни привыкаешь къ противоположностямъ здѣшняго климата съ нашимъ и къ путаницѣ во временахъ года, а иногда невольно поразишься мыслью, что теперь январь, что вы кутаетесь тамъ въ мѣха, а мы напрасно ищемъ въ водѣ отрады. Только Ѳаддеевъ ничѣмъ не поражается: «тепло, хорошо!» говоритъ онъ. Зима, зима, а палубу то-и-дѣло поливаютъ водой, но дерево быстро сохнетъ и издаетъ сильный запахъ; смола, канатъ тоже, желѣзо, мѣдь—и тѣ подъ этими лучами пахнутъ. Видѣли мы пролетѣвшую надъ водой одну летучую рыбу, да одну шарку или акулу, у самаго фрегата. О животныхъ больше и помину не было. Зима все продолжалась, т. е. облака плотно застилали горизонтъ, по вечерамъ иногда бывало душно, но духота разрѣшалась проливнымъ дождемъ—и опять легко и отрадно было дышать.

Мои товарищи все доискивались, отчего погода такъ мало походила на тропическую, т. е. было облачно, какъ я сказалъ, туманно, и вообще мало было свойствъ и признаковъ тропическаго пояса, о которыхъ упоминаютъ путешественники. Приписывали это близости африканскаго берега, или какимъ-нибудь неизвѣстнымъ намъ особеннымъ

свойствамъ Гвинейскаго залива. Любопытно бы было сравнить шханечные журналы нѣсколькихъ мореплавателей въ этихъ долготахъ, чтобъ рѣшить о томъ, одинаковыя ли обстоятельства сопровождаютъ плаваніе въ большей, или въ меньшей долготѣ. Да, я забылъ сказать, что мы не послѣдовали примѣру большей части мореплавателей, которые, отправляясь изъ Европы наюгъ Америки или Африки, стараются, Богъ знаетъ для чего, пересѣчь экваторъ какъ можно дальше отъ Африки. Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ, Бельчеръ, кажется, первый замѣтилъ, что нѣтъ причины держаться ближе Америки, особенно когда идутъ къ мысу Доброй Надежды, или въ Австралію, что это удлинняетъ только путь, тѣмъ болѣе, что зюйдъ-остовый пассатъ и безъ того относитъ суда далеко къ Америкѣ и заставляетъ дѣлать значительный уголъ. Слѣдуя этому основательному указанію, нашъ адмиралъ велѣлъ держать ближе къ Африкѣ, и потому мы почти не выходили изъ 14 и 15° западной долготы.

Мы не замѣтили, какъ сѣверный, гнавшій насъ до Мадеры вѣтеръ слился съ пассатомъ, и когда мы убѣдились, что этотъ вѣтеръ не случайность, а настоящій пассатъ, и что мы уже его не потеряемъ, то адмиралъ рѣшилъ остановиться на островахъ Зеленаго Мыса, въ пятистахъ верстахъ отъ африканскаго материка, и именно на о. С. Яго, въ Порто-Прайя, чтобъ пополнить свѣжіе припасы. Портъ очень удобенъ для якорной стоянки. Здѣсь застали мы два американскіе корвета, да одну шкуну, отправляющихся въ Японію же, къ эскадрѣ коммодора Перри.

Ровно чрезъ недѣлю послѣ прогулки на Мадерѣ, также въ воскресенье, завидѣли мы разбросанные на далекомъ разстояніи по горизонту большіе и небольшіе острова. Одни изъ нихъ, подальше, казались темносинними, другіе,

поближе, бурыми массами. Самый близкій, Сант-Яго, лежалъ, какъ громадный комъ красной глины. Мы подвигались все ближе: масса обозначалась яснѣе, утесы отдѣлялись одинъ отъ другаго и весь рисунокъ острова очертился передъ нами, когда мы миляхъ въ полутора бросили якорь. Отъ Мадеры до о-въ Зеленаго Мыса считается тысяча морскихъ миль по меридіану. Это 1750 нашихъ верстъ.

Направо утесы, налѣво утесы, между ними уходитъ въ горы долина, оканчивающаяся песчанымъ берегомъ, въ который хлещетъ бурунъ. У самаго берега, слѣва отъ насъ, видѣнъ пустой маленькій островокъ, направо масса накиданныхъ другъ на друга утесовъ. По одному изъ нихъ идетъ мощеная дорога кверху, въ Порто-Прайя. Пониже дороги, ближе къ морю, въ ущельѣ скалъ, кроется какъ-будто трава—такъ кажется съ корабля. На берегу, въ одномъ углу подъ утесами, видно зданіе и шалаши. Остальной берегъ между скалами весь пустой, низменный, просто куча песку, и на немъ ростетъ тощій рядъ кокосовыхъ пальмъ. Какъ все это вмѣстѣ взятое печально, скудно, голо, опалено! Пальмы уныло повѣсили головы; никто нейдетъ искать подъ ними прохлады: онѣ даютъ столько же тѣни, сколько метла.

Все спитъ, все нѣмѣетъ. Нужды нѣтъ, что вы въ первый разъ здѣсь, но вы видите, что это не временный отдыхъ, награда дѣятельности, но покой мертвый, непробуждающійся, что картина эта никогда не мѣняется. На всемъ лежитъ печать сухости и безпощаднаго зноя. Пріѣзжайте черезъ годъ, вы, конечно, увидите тотъ же песокъ, тѣ же пальмы счетомъ, валяющихся въ пескѣ негровъ и негритянокъ, тѣ же шалаши, то же голубое небо съ бѣлымъ отблескомъ пламени, которое мертвитъ и жжетъ все, что̀ не прячется гдѣ-нибудь въ ущельи, въ

тѣни утесовъ, когда нѣтъ дождя, а его не бываетъ здѣсь иногда по нѣскольку лѣтъ сряду. И это же солнце вызоветъ здѣсь жизнь изъ самаго камня, когда тропическій ливень хоть на нѣсколько часовъ напоитъ землю. Ужасно это вѣчное безмолвіе, вѣчное нѣмѣніе, вѣчный сонъ среди неизмѣримой водяной пустыни. Безконечныя воды разстилаются здѣсь, какъ безконечные пески той же Африки, черезъ которые торопливо крадется караванъ, боясь, чтобы жажда не застигла его въ безводномъ пространствѣ. Здѣсь торопливо скользитъ по глади водъ судно, боясь штилей, а съ ними и жажды и голода. Пароходъ заброситъ немногія письма, возьметъ другія и спѣшитъ пройти мимо обреченной на мертвый покой страны. А какія картины неба, моря! какія ночи! Пропадаютъ эти втунѣ истраченныя краски, это пролитое на голыя скалы безконечное тепло! Человѣкъ бѣжитъ изъ этого царства дремоты, которая сковываетъ энергію, умъ, чувство, и обращаетъ все живое въ подобіе камня. Я припоминалъ сказки объ окаменѣломъ царствѣ. Вотъ оно: придетъ богатырь, принесетъ трудъ, искусство, цивилизацію, разбудитъ и эту спящую отъ вѣка красавицу, природу, и дастъ ей жизнь. Время, кажется, недалеко. А теперь, глядя на эту безжизненность и безмолвіе, ощущаешь что-то похожее на ужасъ или на тоску. Ничто не шевелится тутъ; все молчитъ подъ блескомъ будто разгнѣванныхъ небесъ. Въ морѣ, о, въ морѣ совсѣмъ иначе говоритъ этотъ царственный покой сердцу! Горе жителямъ, когда нѣтъ дождя: они мрутъ съ голода. Земля производитъ здѣсь кофе, хлопчатую бумагу, всѣ южные плоды, рисъ, а въ засуху только морскую соль, которая и составляетъ одну изъ главныхъ статей здѣшней промышленности.

Къ намъ пріѣхалъ чиновникъ, негръ, въ форменномъ

фракѣ, съ галунами. Онъ, по обыкновенію, освѣдомился о здоровьѣ людей, потомъ объ имени судна, о числѣ людей, о цѣли путешествія и все это тщательно, но съ большимъ трудомъ, съ гримасами, записалъ въ тетрадь. Я стоялъ подлѣ него и смотрѣлъ, какъ онъ выводилъ каракули. Не легко далась ему грамота.

Вскорѣ мы поѣхали на берегъ: насъ не встрѣтили ни ароматы, ни музыка, какъ на Мадерѣ. Только утесы росли по мѣрѣ того, какъ мы приближались; а трава, которая видна съ корабля въ ущельѣ, превратилась въ пальмовую рощу. Но я съ наслажденіемъ путешественника смотрѣлъ и на этотъ берегъ, печальный образчикъ африканской природы. Для сѣвернаго глаза все было поразительно; обожженные утесы и безмолвіе пустыни, грозная безжизненность отъ избытка солнца и недостатка влаги, и эти пальмы, вросшія въ песокъ и безнаказанно подставляющія вѣчную зелень подъ 40° жара. Можетъ быть, отъ того особенно и поразительно, что и у насъ есть свои пустыни, и сухость воздуха, и грозная безжизненность, наконецъ вѣчная зелень сосенъ, и даже 40 градусовъ.

На берегу тѣснилась куча негровъ и негритянокъ и голыхъ ребятишекъ: они ждали, когда пристанетъ наша шлюпка. Здѣсь также нѣтъ пристани, какъ и на Мадерѣ, шлюпка не подходитъ къ берегу, а остается на песчаной мели, шаговъ за пятнадцать до сухаго мѣста. Наши матросы засучили панталоны и соскочили въ воду, чтобъ перенести насъ, но тутъ же по поясъ въ водѣ стояли полунагіе негры, желая оказать намъ ту же услугу. Спекуляція ихъ не должна пропадать даромъ: я протянулъ къ нимъ руки, они схватили меня, я крѣпко держался за голыя плечи и черезъ минуту стоялъ на песчаномъ берегу. Тамъ стоитъ небольшой пакгаузъ, таможенное

зданіе, какъ сказали намъ. Оно заперто; кругомъ его шалаши на четырехъ столбахъ, съ крышей изъ пальмовыхъ листьевъ. «Есть ли фрукты?» спросили мы у негровъ; они бросились и скрылись за утесомъ. Но мы не стали ждать ихъ и пошли по мощенной дорогѣ на гору. Африканское солнце, хотя и зимнее, дало знать себя. На морѣ его не чувствуешь: жаръ умѣряется вѣтромъ, за то на берегу! Гора не высока и не крута, а мы едва взошли и на нѣсколько минутъ остановились отдохнуть, отирая платками лобъ и виски. На горѣ, надъ портомъ, господствуетъ устроенная на каменной платформѣ батарея. Мы пошли налѣво отъ нея въ городъ и скоро вышли на площадь. Часовые, португальцы и мулаты, въ мундирахъ, но босые, учтиво кланялись. Мулаты не совсѣмъ нравятся мнѣ. Ужь если быть чернымъ, такъ чернымъ какъ уголь, чтобъ кожа лоснилась, какъ хорошо вычищенный сапогъ. Въ этомъ еще есть, если не красота, такъ оригинальность. А эти блѣдночерныя, матовыя тѣла непріятны на видъ.

На площади были два-три довольно большіе каменные дома, казенные, и, между прочимъ, гауптвахта; далѣе шла улица. Въ ней частные домы, небольшіе, бѣдные, но каменные, всѣ съ жалюзи, были наглухо закрыты. Улица напоминаетъ любой нашъ уѣздный городъ въ лѣтній день, когда полуденное солнце жжетъ безпощадно, такъ что ни одной живой души не видно нигдѣ; только ребятишки безнаказанно, съ непокрытыми головами, бѣгаютъ по улицѣ и звонкимъ крикомъ нарушаютъ безмолвіе. Все прочее спитъ, или просто лѣнится. Изрѣдка, нехотя, выглянетъ изъ окна какое нибудь равнодушное лицо и опять спрячется. И на насъ выглянули два-три офицера изъ казармъ; но этимъ только сходство и ограничивается, а

дальше ужь ничего нѣтъ похожаго. На площади стоитъ невысокій столбъ съ португальской короной наверху — знакъ владычества Португаліи надъ группой острововъ. По всей площади и по улицѣ привязано было къ колодамъ нѣсколько лошадей и премножество ословъ, большею частью осѣдланныхъ деревянными сѣдлами.

Идучи по улицѣ, я замѣтилъ издали, что одинъ изъ нашихъ спутниковъ вошелъ въ какой-то домъ. Мы шли втроемъ. «Куда это онъ пошелъ? пойдемте и мы!» предложилъ я. Мы пошли къ дому и вошли на маленькій дворикъ, мощенный бѣлыми каменными плитами. Въ углу, подъ навѣсомъ, привязанъ былъ оселъ и тутъ же лежала свинья, но такая жирная, что не могла встать на ноги. Дальше бродили какія-то пестрыя, красивыя куры, еще прыгалъ маленькій, съ крупнаго воробья величиной, зеленый попугай, какихъ привозятъ иногда на петербургскую биржу. Попугай вертѣлся подъ ногами, и кто-то изъ насъ, можетъ быть я, наступилъ на него: онъ затрепеталъ крыльями и, хромая, спотыкаясь, поспѣшно скрылся отъ сѣверныхъ варваровъ въ уголъ. Мы поднялись по деревянной лѣстницѣ во второй этажъ, въ галерею, и потомъ вошли въ комнату. Насъ встрѣтила пожилая дама; мы ей поклонились, она намъ. Она молча указала на стулья. Мы сѣли и начали было съ ней разговоръ по-англійски, а она намъ по-португальски; мы по-французски, а она опять по-своему. Мы ужь хотѣли раскланяться, но она что-то сказала намъ и поспѣшно вышла изъ комнаты. Чрезъ минуту она вывела молодую, прехорошенькую дѣвушку. Та стыдливо шла за нею и робко отвѣчала на нашъ поклонъ. Мы поглядывали другъ на друга въ недоумѣніи... Что же это такое? Хозяйка кое-какъ дала намъ понять, что эта дѣвушка говоритъ или понимаетъ по-фран-

цузски. Мы засыпали ее вопросами, но она, или не говорила, или не понимала, или, наконецъ, въ Порто-Прайя, подъ именемъ французскаго, разумѣютъ совсѣмъ другой языкъ. Однакожь кое-какъ мы поняли изъ нѣсколькихъ, по временамъ вырывавшихся у нея французскихъ словъ, что она привезена сюда изъ Лиссабона и еще не замужемъ, живетъ здѣсь съ родственниками. Да Богъ знаетъ, то ли еще она сказала: это мы такъ растолковали ея отвѣты. Мы поклонились и ушли. «У кого это мы были, господа?» спросилъ меня одинъ изъ товарищей. «А ей-богу не знаю».—«Да зачѣмъ мы заходили сюда?» приставалъ онъ ко мнѣ. «И этого не знаю. Сюда вошелъ Т. и мы за нимъ. Да кстати, гдѣ же онъ?» — «Да онъ не въ этотъ домъ вошелъ, а вонъ въ тотъ... вонъ онъ выходитъ». Въ самомъ дѣлѣ Т. вышелъ изъ другаго дома, рядомъ. «Плоха провизія и мало! со вздохомъ сказалъ онъ: быки, коровы не крупнѣе здѣшнихъ ословъ. Какъ-то мы доберемся до мыса Доброй Надежды?» Итакъ мы это, въ качествѣ путешественниковъ, посѣтили незнакомый домъ!

Тутъ негръ предложилъ намъ, не хотимъ ли мы поѣхать на ослѣ, или лошади. Третій нашъ спутникъ поѣхалъ; а мы вдвоемъ съ О. пошли пѣшкомъ и скоро изъ города вышли въ деревню, составляющую продолженіе его. Все это предмѣстье состоитъ изъ глиняныхъ мазанокъ, безъ оконъ. Я заглядывалъ туда: бѣдная домашняя утварь, деревянныя скамьи—вотъ и все украшеніе. Негровъ молодыхъ не видать: вѣроятно всѣ на работѣ въ поляхъ. Тутъ только старики и старухи, и какія безобразныя! Одна особенно поразила насъ безобразіемъ; она переходила улицу и не могла разогнуться отъ старости. На видъ ей было лѣтъ девяносто. Лысая, съ небольшими остатками сѣдыхъ клочковъ. За-то видѣли и нѣсколько

красавицъ въ своемъ родѣ. Что̀ за губы, что̀ за глаза! Тѣло лоснится, какъ атласъ. Глаза не безъ выраженія ума и доброты, но болѣе, кажется, страсти, такъ что и обыкновенный взглядъ ихъ нескроменъ. Вѣко распахнется медленно и широко, глазъ выкатится оттуда весь и выразитъ разомъ все, что̀ гнѣздится въ чувственномъ тѣлѣ. Одѣты онѣ довольно живописно: въ юбкѣ, но безъ рубашки, а сверху черезъ одно плечо накинуто что-то въ родѣ бумажной шали до колѣнъ; другое плечо и часть груди обнажены. Голова повязана платкомъ, и очень хорошо: глазамъ европейца непріятно видѣть короткіе волосы на женской головѣ, да еще курчавые. Нѣкоторыя изъ этихъ дамъ долго шли за нами и на исковерканномъ англійскомъ языкѣ (и здѣсь англичане—замѣтьте!) просили денегъ, Богъ знаетъ по какому случаю. Одѣты онѣ были не нищенски. Развѣ не предлагали ли онѣ какихъ нибудь услугъ?... Но мы только и могли понять изъ ихъ безсвязныхъ рѣчей одно слово: money. Голыя ребятищки бѣгали; старики и старухи, одни лѣниво бродили около домовъ, другіе лежали въ своихъ хижинахъ. Я видѣлъ и англичанъ, но тѣ не лежали, а куда-то уѣзжали верхомъ на лошадяхъ: кажется на свои кофейныя плантаціи... Это все богатыри, старающіеся разбудить спящую красавицу.

Мы вдвоемъ прошли всю деревню и вышли въ поле. Деревня и городъ построены на самомъ краю утеса. По крутизнѣ разбросаны были кое-гдѣ хижины, или выходили туда садами. Мы по дорогѣ сошли въ долину; она была цвѣтущимъ оазисомъ посреди этихъ желтыхъ и сѣрыхъ глыбъ песку. Чего въ ней не растетъ? И все было ново намъ: мы знакомились съ декораціею не нашихъ деревьевъ, не нашей травы, кустовъ, и жадно хотѣли запомнить все: группировку ихъ, отдѣльный рисунокъ дерева, фигуру

листьевъ, наконецъ плоды, какъ будто смотрѣли на это въ послѣдній разъ, хотя намъ только это и предстояло видѣть на долгое время. Изъ плодовъ видѣли фиги, кокосы, много апельсинныхъ деревьевъ, но безъ апельсиновъ, цвѣтовъ вовсе почти не видать; мало и насѣкомыхъ, все по случаю зимы. Я видѣлъ только одну пролетѣвшую птицу, величиной съ галку, съ длиннымъ голубымъ хвостомъ. Мы прошли эту рощу, или садъ—садъ потому, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ фруктовыя деревья были огорожены; коегдѣ видѣлъ я шалаши и въ нихъ старые негры стерегли садъ, какъ и у насъ это бываетъ. За рощей, дальше, простирались поля, частью воздѣланныя, частью пустыя; коегдѣ видѣнъ лѣсъ. Но мы ограничили свою прогулку долиною: дальше идти было жарко.

Мы воротились къ берегу садомъ, не поднимаясь опять на гору, останавливались передъ разными деревьями. На берегу застали живую сцену. Многіе негры натаскали корзинъ съ апельсинами, другіе успѣли устроить кресла на носилкахъ, чтобы переносить насъ на шлюпку. Всѣ эти спекулянты сидѣли и лежали группами на пескѣ, ожидая насъ. Я подошелъ къ одной группѣ и засталъ негровъ за картами. И какъ вы думаете, во что̀ они играли? Въ свои козыри! Еслибъ не эти черныя, лоснящіяся лица, не курчавые, точно напудренныя березовымъ углемъ волосы, я бы подумалъ, что я вдругъ зашелъ въ какую нибудь провинціальную лакейскую. Я приглядѣлся къ игрѣ—нѣтъ сомнѣнія: свои козыри. Вонъ одинъ изъ играющихъ, не имѣя чѣмъ покрыть короля, потащилъ всю кучу засаленныхъ картъ къ себѣ, а другіе оскалили бѣлые зубы. Я посмотрѣлъ на прочія группы и поскорѣй отвернулся. Двѣ негритянки, должно быть сестры: одна положила голову на колѣни другой, а та... Да вы видали эти сцены, проѣз-

жая въ лѣтній день дорогой наши села... Нѣкоторые изъ негровъ бранились между собой — и это вы знаете: попробуйте остановиться въ Москвѣ или Петербургѣ, гдѣ продаютъ сайки и калачи, и поторгуйте у одного: какъ все это закричитъ и завоюетъ! Тоже и здѣсь, да и вездѣ, какъ кажется. Ссоры эти были напрасны: сколько они ни принесли апельсиновъ, мы все купили. Меня эти апельсины прежде всего поразили своей величиной: къ намъ такихъ не привозятъ. А съѣвши одинъ апельсинъ, я долженъ былъ сознаться, что хорошихъ апельсиновъ до этой минуты никогда не ѣлъ. Можетъ быть, это одинъ попался удачный, думалъ я, и взялъ другой: и другой такой же, я — третій: всѣ какъ одинъ.

Пока я производилъ эти сравнительные опыты любознательности, съ разныхъ сторонъ сходились наши спутники и принялись за то же самое. Отъ одной прогулки всѣ измучились, изнурились; никто не былъ похожъ на себя: въ поту, въ пыли, съ раскраснѣвшимися и загорѣлыми лицами; но всѣ, какъ нельзя болѣе довольные: всякій видѣлъ что нибудь замѣчательное. Я рѣшился купить у старой негритянки (я всегда, гдѣ можно, отдаю предпочтеніе дамамъ) всю корзинку апельсиновъ. Она изъ другой корзинки выбрала еще нѣсколько самыхъ лучшихъ апельсиновъ и хотѣла мнѣ подарить. «Present, present», твердила она. Но я не хотѣлъ уступить ей въ галантерейномъ обращеніи и сталъ вынимать изъ кармана деньги, чтобъ заплатить и за эти. Она ужасно разсердилась и взяла было назадъ и первую корзину. Она болтала немного по-англійски и называла меня: синьоръ французъ. О русскихъ она не слыхивала. Тутъ же, у самаго берега, купались наши матросы, иногда выходили на берегъ и погрѣвшись на солнцѣ, шли опять въ воду, но черныя

дамы не обращали на это ни малѣйшаго вниманія: видно имъ не въ первый разъ.

Я съ пришедшими товарищами, при закатѣ солнца, вернулся на фрегатъ, пристально вглядываясь въ эти утесы, чтобъ оставить рисунокъ въ памяти. Берегъ постепенно удалялся, утесы уменьшались въ размѣрахъ; роща въ ущельѣ попрежнему стала казаться пучкомъ травы; кучки негровъ на берегу толпились, точно мухи, собравшіяся около капли меду; двое нашихъ, отправившихся на маленькій пустой островокъ, лежащій въ заливѣ, искать насѣкомыхъ, раковинъ или растеній, ползали, какъ два муравья. Долина скрылась изъ глазъ и опять вся картина острова стала казаться такою увядшею, сухою и печальною, точно старуха, но подрумяненная на этотъ разъ пурпуровымъ огнемъ солнечнаго заката.

Шлюпка наша уже приставала къ кораблю, когда вдругъ С. закричалъ съ палубы гребцамъ: «живо, скорѣй, ступайте туда, вонъ ограмная черепаха плаваетъ поверхъ воды, должно быть спитъ—схватите!» Мы поворотили, куда указалъ С., но черепаха проснулась и погрузилась въ глубину, и мы воротились ни съ чѣмъ. Еслибъ остановка была продолжительнѣе, можно было бы осмотрѣть здѣшніе соляные бассейны. Добываніе соли—главный промыселъ острововъ. Бассейны, во время приливовъ, наполняются морской водой, которая, испаряясь отъ жара, оставляетъ обильный осадокъ соли. Жители добываютъ еще какую-то растительную краску, разводятъ немного кофе, сахарнаго тростника, хлопчатой бумаги, но все-таки очень бѣдны.

На другой день мы ушли дальше. Давно ужь дѣдъ грозилъ намъ штилевой полосой, которая опоясываетъ землю въ нѣсколькихъ градусахъ отъ экватора. Штили, а не

бури — ужасъ для парусныхъ судовъ. А я передъ тѣмъ только что заглянулъ въ Араго и ужаснулся, еще не видя ничего. Въ самомъ дѣлѣ, каково простоять мѣсяцъ на одномъ мѣстѣ, подъ отвѣсными лучами солнца, въ тысячахъ миль отъ берега, томиться отъ голода, отъ жажды? Припомнишь всѣ сцены ужаса, какими сопровождались подобныя событія...

29-го января, въ 3° сѣверной широты мы потеряли пассатъ и вошли въ роковую полосу. Вмѣсто десяти узловъ, т. е. семнадцати верстъ, пошли по два, по полтора узла. Вѣтеръ иногда падалъ совсѣмъ и обезвѣтренные паруса тоже падали, хлопая о мачты. Мы вопросительно озирались вокругъ, а небо, море сіяютъ нестерпимымъ блескомъ, точно смѣются, какъ иногда смѣется сильная злоба надъ немощью. Встанемъ утромъ: «что, идемъ?» Нѣтъ, полземъ по полуторы, по двѣ версты въ часъ. Море колыхается цѣлой массой, какъ густой расплавленный металлъ; ни малѣйшей чешуи, даже никакого всплеска. Мы думали, что бездѣйствіе вѣтра протянется долгіе дни, но опасенія наши оправдались не здѣсь, а гораздо южнѣе, по ту сторону экватора, гдѣ бы всего менѣе должно было ожидать штилей. 31-го января паруса зашевелились поживѣе, повѣялъ вѣтеръ, сначала неопредѣленный, измѣнчивый, а въ 1° сѣв. широты задулъ и ожидаемый SO, пассатъ. Мы были у самаго экватора.

2-го января, ложась вечеромъ спать, я готовился на утро присутствовать при перехожденіи черезъ экваторъ. Но 3-го числа, въ 8 часовъ утра, дѣдъ донесъ начальству, что мы уже въ южномъ полушаріи: въ пять часовъ фрегатъ пересѣкъ экваторъ въ 18° западной долготы. Мы всѣ, однакожь, высыпали наверхъ и вопросительно смотрѣли во всѣ стороны, какъ будто хотѣли видѣть тотъ де-

ревянный ободочекъ, который, подъ именемъ экватора, опоясываетъ глобусъ.

Всѣ были погружены въ раздумье. П. А. Т., облокотясь на гикъ, смотрѣлъ въ даль. Всѣ заняты экваторомъ. «Ну, что, П. А.: вотъ и мы за экваторъ шагнули, сказалъ я ему: скоро на мысѣ Доброй Надежды будемъ!» — «Да, отвѣчалъ онъ, глубоко вздохнувъ и равнодушно поглядывая на бирюзовую гладь водъ: оно конечно очень пріятно... А есть ли тамъ дрожжи?» Ну, можно ли усерднѣе заботиться объ исполненіи своей обязанности, какъ бы она священна ни была, какъ, напримѣръ, обязанность о продовольствіи товарищей? Добрый П. А.! Вдругъ глаза его заблистали необыкновеннымъ блескомъ: я думалъ, что онъ увидѣлъ экваторъ. Онъ протянулъ и руку. «Опять кто-то бананы поѣлъ! воскликнулъ онъ въ негодованіи: вѣрно З.: онъ сегодня ночью на вахтѣ стоялъ». На ночь фрукты развѣшивали для свѣжести на палубѣ и къ утру всегда ихъ нѣсколько убывало. Т. производилъ строгое слѣдствіе, но кромѣ лукавыхъ улыбокъ, никогда ничего добиться не могъ.

Пересѣки и тропикъ и экваторъ,
И отпируй сей праздникъ моряковъ!..

предписывали вы мнѣ, ваше превосходительство, Владиміръ Григорьевичъ: я мысленно пригласилъ васъ на этотъ праздникъ, но онъ не состоялся. О немъ и помысла не было. Матросы наши миѳологіи не знаютъ, и потому не только не догадались вызвать Нептуна, даже не поздравили насъ со вступленіемъ въ его завѣтныя владѣнія и не собрали денежную, или винную дань, а мы имъ не напомнили, и день прошелъ скромно. Только ночью капитанъ пригласилъ насъ къ себѣ ужинать. Почетнымъ гостемъ былъ дѣдъ: не впервые совершалъ онъ этотъ путь, и потому,

бокалъ теплаго шампанскаго былъ выпитъ за его здоровье. «Сколько разъ вы пересѣкли экваторъ?» спросили мы его. «Одиннадцать разъ», отвѣчалъ онъ. «Хвастаете, дѣдъ: вѣдь вы три раза ходили вокругъ свѣта: итого шесть разъ!» —«Такъ; но однажды на самомъ экваторѣ корабль захватили штили и насъ раза три-четыре перетаскивало, то по ту, то по эту сторону экватора».

На шкунѣ «Востокъ», купленной въ Англіи и ушедшей вмѣстѣ съ нами, справляли, какъ мы узнали послѣ, Нептуново торжество. Я радъ, что у насъ этого не было. Вѣдь какъ хотите, а праздникъ этотъ—натяжка страшная. Дурачество весело, когда человѣкъ наивно дурачится, увлекаясь и увлекая другихъ; а когда онъ шутитъ надъ собой и надъ другими по обычаю, съ умысломъ, тогда становится за него совѣстно и неловко. Если жь смотрѣть на это какъ на поводъ къ развлеченію, на случай повеселиться, то въ этомъ и безъ того недостатка не было. Не только въ праздники, но и въ будни, послѣ ученья и всѣхъ работъ, свистятъ пѣсенниковъ и музыкантовъ наверхъ. И вотъ, морская даль, подъ этими синими и ясными небесами, оглашается звуками русской пѣсни, исполненной неистоваго веселья, Богъ знаетъ отъ какихъ радостей, и сопровождаемой изступленной пляской, или послышатся столь извѣстные вамъ, хватающіе за сердце стоны и вопли, отъ какихъ-то старинныхъ, историческихъ, давно забытыхъ страданій. И все это вмѣстѣ, безъ промежутка: и дикій разгулъ, топотъ трепака, и историческія рыданія заглушаютъ плескъ моря и скрипъ снастей. Такое развлеченіе имѣло гораздо болѣе смысла для матросовъ, нежели торжество Нептуна: по крайней мѣрѣ въ немъ не было аффектаціи, особенно когда прибавлялась къ этому лишняя, противъ положенной отъ казны,

чарка. Въ этомъ недостатка на корабляхъ не бываетъ: за всякую послугу, угожденіе матроса, офицеръ платитъ чаркой водки. Съѣдетъ ли онъ по своей надобности на берегъ, по возвращеніи даетъ гребцамъ по чаркѣ водки и т. п. Такимъ образомъ этихъ чарокъ набирается много и онѣ выпиваются при удобномъ случаѣ.

Плаваніе въ южномъ полушаріи замедлялось противнымъ зюйдъ-остовымъ пассатомъ; по меридіану уже идти было нельзя: діагональ отводила насъ въ сторону, все къ Америкѣ. 6, 7 узловъ былъ самый большой ходъ. «Ну, вотъ вамъ и лѣто!» говорилъ дѣдъ, красный, весь въ поту, одѣтый въ прюнеллевыя ботинки, но, по обыкновенію, застегнутый на всѣ пуговицы. «Вотъ и акулы, вотъ и Южный Крестъ, вонъ и «Магеллановы облака» и «Угольные Мѣшки!» Тутъ ужь особенно замѣтно цѣлыми стаями начали рѣять надъ поверхностью воды летучія рыбы.

Я забылъ посмотрѣть на магнитную стрѣлку, когда мы проходили магнитный экваторъ, отстоящій на три градуса отъ настоящаго. Находясь въ равномъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ, стрѣлка ложится будто бы тамъ параллельно экватору, а потомъ, по мѣрѣ приближенія къ южному полюсу, принимаетъ свое обыкновенное положеніе, и только на полюсѣ становится совершенно вертикально. Такъ ли это В. Г.? Вы любите вопрошать у самой природы о ея тайнахъ: вы смотрите на нее глазами и поэта и ученаго... Въ 11° солнце осталось уже надъ нашей головой и не пошло къ югу. Одинъ изъ рулевыхъ матросъ съ недоумѣніемъ донесъ объ этомъ штурману.

14-го февраля начались тѣ штили, которыхъ напрасно боялись у экватора. Опять пошли по узлу, по полтора, иногда совсѣмъ не шли. Сначала мы не тревожились, ожидая, что не сегодня, такъ завтра задуетъ поживѣе; но про-

ходили дни, ночи, паруса висѣли, фрегатъ только качался почти на одномъ мѣстѣ, иногда довольно-сильно, отъ крупной зыби, предвѣщавшей повидимому вѣтеръ. Но это только слабое и отдаленное дуновеніе, гдѣ-то, въ счастливомъ мѣстѣ, пронесшагося вѣтра. Появлявшіяся на горизонтѣ тучки, казалось, несли дождь и перемѣну: дождь точно лилъ потоками, непрерывный, а вѣтра не было. Черезъ часъ солнце блистало по прежнему, освѣщая до самаго горизонта густую и неподвижную площадь океана.

Покойно, правда, было плавать въ этомъ безмятежномъ царствѣ тепла и безмолвія: оставленная на столѣ книга, чернильница, стаканъ, не трогались; вы ложились безъ опасенія умереть подъ тяжестью коммода или полки книгъ; но сорокъ слишкомъ дней въ морѣ! Берегъ сдѣлался господствующею нашею мыслью и мы не мало обрадовались, вышедши, 16-го февраля утромъ, изъ южнаго тропика. Разсчитывали на дующіе около того времени вѐстовые вѣтры, но и это ожиданіе не оправдалось. Въ воздухѣ мертвая тишина, нарушаемая только хлопаньемъ грота. Ночью съ 21 на 22 февраля, я отъ жара ушелъ спать въ каютъ-компанію и легъ на диванѣ, подъ открытымъ люкомъ. Меня разбудилъ неистовый топотъ, въ родѣ трепака, свистъ и крики. На лицо упало нѣсколько брызгъ. «Шквалъ! говорятъ: ну, теперь задуетъ!» Ничего не бывало, шквалъ прошелъ и фрегатъ опять задремалъ въ штилѣ.

Такъ дождались мы масляницы и провели ее довольно вяло, хотя П. А. дѣлалъ все, чтобъ чѣмъ-нибудь напомнить этотъ веселый моментъ русской жизни. Онъ напекъ блиновъ и икру замѣнилъ сардинами. Сливки, взятыя въ Англіи въ числѣ прочихъ презервовъ, давно обратились въ какую-то густую массу, и онъ убѣдительно просилъ принимать ее за сметану. Пѣсни, напоминавшія татарское

иго, и буйные вопли quasi-веселья оглашали болѣе, нежели когда-нибудь, океанъ. Унылые напѣвы казались болѣе естественными, какъ выраженіе нашей общей скуки, порождаемой штилями. Нельзя же, однако, чтобъ масляница не вызвала у русскаго человѣка хоть одной улыбки, будь это среди знойныхъ зыбей Атлантическаго Океана. Такъ и тутъ, задумчиво расхаживая по юту, я вдругъ увидѣлъ какое-то необыкновенное движеніе между матросами: это не рѣдкость на суднѣ; и я думалъ сначала, что они тянутъ какой-нибудь брасъ. Но что это? совсѣмъ не то: они возятъ другъ друга на плечахъ около мачтъ. Празднуя масляницу, они не могли не вспомнить катанья по льду и замѣнили его ѣздой другъ на другѣ удачнѣе, нежели П. А. икру замѣнилъ сардинами. Глядя, какъ забавляются, катаясь другъ на другѣ, и молодые, и усачи съ просѣдью, расхохочешься этому естественному, національному дурачеству: это лучше льняной бороды Нептуна и осыпанныхъ мукой лицъ.

Въ этой, повидимому, сонной и будничной жизни выдалось однакожь одно необыкновенное, торжественное, утро. 1-го марта, въ воскресенье послѣ обѣдни и обычнаго смотра командѣ, послѣ вопросовъ: всѣмъ ли она довольна, нѣтъ ли у кого претензіи, всѣ, офицеры и матросы, собрались на палубѣ. Всѣ обнажили головы: адмиралъ вышелъ съ книгой и вслухъ прочелъ морской уставъ Петра Великаго.

Потомъ опять все вошло въ обычную колею и дни текли однообразно. Въ этомъ спокойствіи, уединеніи отъ цѣлаго міра, въ теплѣ и сіяніи, фрегатъ принимаетъ видъ какой-то отдаленной степной русской деревни. Встанешь утромъ, никуда не спѣша, съ полнымъ равновѣсіемъ въ силахъ души, съ отличнымъ здоровьемъ, съ свѣ-

жей головой и апетитомъ, выльешь на себя нѣсколько ведеръ воды прямо изъ океана и гуляешь, пьешь чай, потомъ сядешь за работу. Солнце ужь высоко; жаръ палитъ: въ деревнѣ вы не пойдете въ этотъ часъ, ни рожь посмотрѣть, ни на гумно. Вы сидите подъ защитой маркизы на балконѣ, и все прячется подъ кровъ, даже птицы, только стрекозы отважно рѣютъ надъ колосьями. И мы прячемся подъ растянутымъ тентомъ, отворивъ настежь окна и двери каютъ. Вѣтерокъ чуть-чуть вѣетъ, ласково освѣжая лицо и открытую грудь. Матросы ужь отобѣдали (они обѣдаютъ рано, до полудня, какъ и въ деревнѣ, послѣ утреннихъ работъ) и группами сидятъ или лежатъ между пушекъ. Иные шьютъ бѣлье, платье, сапоги, тихо мурлыча пѣсенку; съ бака слышатся удары молотка по наковальнѣ. Пѣтухи поютъ, и далеко разносится ихъ голосъ среди ясной тишины и безмятежности. Слышатся еще какіе-то фантастическіе звуки, какъ-будто отдаленный, едва уловимый ухомъ звонъ колоколовъ... Чуткое воображеніе, полное грёзъ и ожиданій, создаетъ среди безмолвія эти звуки, а на фонѣ этой синевы небесъ какіе-то отдаленные образы...

Выйдешь на палубу, взглянешь и ослѣпнешь на минуту отъ нестерпимаго блеска неба, моря; отъ мѣди на кораблѣ, отъ желѣза отскакиваютъ снопы лучей; палуба, и та нестерпимо блещетъ и уязвляетъ глазъ своей бѣлизной. Скоро обѣдать; а что̀ будетъ за обѣдомъ? Кстати Т. на вахтѣ: спросить его. «Что сегодня, П. А.?» Онъ только было разинулъ ротъ отвѣчать, какъ вышелъ капитанъ и велѣлъ поставить лиселя. Ему показалось, что подуло немного посвѣжѣе. «На лисель-фалы!» командуетъ П. А. дѣтскимъ басомъ и смотритъ не на лисель-фалы, а на капитана. Тотъ тихонько улыбается и шагаетъ со

мной по палубѣ. Вотъ капитанъ замѣтилъ что-то на бакѣ и пошелъ туда. «Что жь за обѣдомъ!» спросилъ я П. А., пользуясь отсутствіемъ капитана. «Супъ съ катышками, говоритъ П. А. Вы любите этотъ супъ?»—«Да, ничего, если зелени побольше положить», отвѣчаю я. «Радъ бы душой, продолжаетъ онъ съ свойственнымъ ему чувствомъ и краснорѣчіемъ: — повѣрьте, я бы всѣмъ готовъ пожертвовать, сна не пожалѣю, лишь бы только зелени въ супѣ было побольше, да не могу, видитъ Богъ, не могу... Ну, такъ и быть, для васъ... Эй, вахтенный! поди скажи Карпову, чтобъ спросилъ у Янцева еще зелени и положилъ въ супъ. Видите, это для васъ, сказалъ онъ:—пусть бранятъ меня, если не достанетъ зелени до мыса Доброй Надежды!» Я съ чувствомъ пожалъ ему руку. «А еще что?» нѣжно спросилъ я, тронутый его добротой. «Еще... курица съ рисомъ...»—«Опять!» горестно воскликнулъ я. «Что дѣлать, что мнѣ дѣлать—войдите въ мое положеніе: у меня пятокъ барановъ остался, три свиньи, пятнадцать утокъ и всего тридцать куръ: изо ста тридцати—подумайте! вѣдь мы съ голоду умремъ!» Видя мою задумчивость, онъ не устоялъ. «Завтра, такъ и быть, велю зарѣзать свинью...»—«На вахтѣ не разговариваютъ: опять лисель-спиртъ хотите сломать!» вдругъ раздался сзади насъ строгій голосъ воротившагося капитана. «Это не я-съ, это П. А.!» тотчасъ же пожаловался на меня П. А., приложивъ руку къ козырьку. «Поправь лисель-фалъ!» закричалъ онъ грозно матросамъ. Капитанъ опять отвернулся. П. А. отошелъ отъ меня. «Вы не досказали!» замѣтилъ я ему. Онъ боязливо поглядѣлъ во всѣ стороны. «Жаркое—утка, грозно шипѣлъ онъ черезъ ютъ, стараясь не глядѣть на меня, «пирожное...» Бѣлая фуражка капитана мелькнула близъ юта и исчезла. «Пи-

рожное — оладьи съ инбирнымъ вареньемъ... Отстаньте отъ меня: вы все въ бѣду меня вводите!» съ злобой прошепталъ онъ, отходя отъ меня какъ можно дальше, такъ-что чуть не шагнулъ за бортъ. «Дессерта не будетъ, заключилъ онъ почти про себя: З. и Б. по ночамъ все поѣли, такъ-что въ воскресенье дамъ по апельсину, да по два банана на человѣка». Иногда и не спросишь его, но онъ самъ не утерпитъ. «Сегодня я велѣлъ ветчину достать, скажетъ онъ:—и вынуть горошекъ изъ презервовъ» и т. д. доскажетъ снисходительно весь обѣдъ.

Послѣ обѣда, часу въ третьемъ, вызывались музыканты на ютъ и мотивы Верди и Беллини разносились по океану. Но послѣ обѣда лѣниво слушали музыку и музыканты вызывались больше для упражненія, чтобъ протверживать свой репертуаръ. Въ этомъ климатѣ сьеста необходима; на сѣверѣ въ самый жаркій день вы легко просидите въ тѣни, не устанете и не изнеможете, даже займетесь дѣломъ. Здѣсь, одѣтые въ легкое льняное пальто, безъ галстуха и жилета, сидя подъ тентомъ, безъ движенія, вы потеряете отъ томительнаго жара силу, и какъ ни бодритесь, а тѣло клонится къ дивану, и вы во снѣ должны почерпнуть освѣженіе организму.

Природа между тѣмъ доживала знойный день: солнце клонилось къ горизонту. Смотришь далеко и все ничего не видно вдали. Мы прилежно смотрѣли на просторную гладь океана и молчали, потому-что нечего было сообщить другъ другу. Выскочитъ развѣ стая летучихъ рыбъ и, какъ воробьи, пролетитъ надъ водой: мгновенно всѣ руки протянутся, глаза загорятся. «Смотрите, смотрите!» закричатъ всѣ, но всѣ и безъ того смотрятъ, какъ стадо бонитовъ гонится за несчастными летуньями, играя фіолетовой спиной на поверхности. Исчезнетъ это явленіе

и все исчезнетъ и опять хоть шаромъ покати. Сонъ и спокойствіе объемлютъ море и небо, какъ идеалъ отрадной, прекрасной, немучительной смерти, какою хотѣлось бы успокоиться измученному страстями и невзгодами человѣку. Оттого, кажется, душа повергается въ такую торжественную и безотчетно-сладкую думу, такъ поражается она картиной прекраснаго, величественнаго покоя. Картина оковываетъ мысль и чувство; все молчитъ и не колыхнется и въ душѣ, какъ вокругъ. «Что-то плыветъ!» вдругъ однажды сказалъ одинъ изъ насъ, указывая въ даль, и всѣ стали смотрѣть по указанному направленію. Нѣкоторые сбѣгали за зрительными трубами. «Да, подтвердилъ другой: — я вижу черную точку». Молчаніе. Точка увеличивалась. «Ящикъ какой-то», говорятъ потомъ. «Ящикъ... Боже мой! что въ немъ?» Дыханіе замираетъ отъ ожиданія. Воображеніе рисуетъ, Богъ знаетъ, что̀. Ящикъ все ближе и ближе. «Курятникъ!» воскликнулъ одинъ. Молчаніе. «Да, точно курятникъ», подтвердилъ другой, вглядѣвшись окончательно: — вѣрно на какомъ-нибудь суднѣ вышли куры, вотъ и выбросили курятникъ за бортъ». — «Позвольте, замѣтилъ одинъ скептикъ: не отъ лимоновъ ли это ящикъ?»—«Нѣтъ, возразилъ другой наблюдатель:—видите, онъ съ рѣшеткой». И долго провожали мы глазами проплывшій мимо насъ курятникъ, догадываясь и разсуждая, брошенный ли это по необходимости ящикъ, или обломокъ сокрушившагося корабля.

Часу въ пятомъ купали команду. На воду спускали парусъ, который наполнялся водой, и матросы прыгали съ борта, какъ въ яму. Но за ними надо было зорко смотрѣть: они всѣ старались выпрыгнуть за предѣлы паруса и поплавать на свободѣ, въ океанѣ. Нечего было опасаться, что они утонутъ, потому-что всѣ плаваютъ

мастерски, но боялись акулъ. И такъ однажды съ марса закричалъ матросъ: «большая рыба идетъ!» Къ купальщикамъ тихо подкрадывалась акула; ихъ всѣхъ выгнали изъ воды, а акулѣ сначала бросили бараньи внутренности, которыя она мгновенно проглотила, а потомъ кольнули ее острогой и она ушла подъ киль, оставивъ слѣдомъ по себѣ кровавое пятно. Около нея, какъ змѣи, виляли въ водѣ всегда сопровождавшія ее двѣ, или три рыбы, прозванныя лоцманами. П. А., во время купанья, тоже являлся усерднымъ дѣйствующимъ лицомъ. Какъ ротный командиръ, онъ носился по всѣмъ палубамъ и побуждалъ лѣнивыхъ матросовъ лѣзть въ воду. «Пошелъ, пошелъ, кричалъ онъ: что ты не раздѣваешься? А гдѣ Витулъ, гдѣ Ѳаддеевъ? маршъ въ воду! Позвать всѣхъ коковъ (поваровъ) сюда и перекупать ихъ!»

Въ шестомъ часу, по окончаніи трудовъ и сьесты, общество плавателей выходило наверхъ освѣжиться, и тутъ-то широко распахивалась душа для страстныхъ и нѣжныхъ впечатлѣній, какими дарили насъ невиданныя на сѣверѣ чудеса. Да, чудеса эти не покорились никакимъ выкладкамъ, цифрамъ, грубымъ прикосновеніямъ науки и опыта. Нельзя записать тропическаго неба и чудесъ его, нельзя измѣрить этого необъятнаго ощущенія, которому отдаешься съ трепетной покорностью, какъ чувству любви. Гдѣ вы, гдѣ вы, В. Г.? Плывите скорѣй сюда и скажите, какъ назвать этотъ нѣжный воздухъ, который, какъ теплыя волны, омываетъ, нѣжитъ и лелѣетъ васъ, этотъ блескъ неба въ его фантастическомъ неописанномъ уборѣ, эти цвѣта, среди которыхъ утопаетъ вечернее солнце? Океанъ въ золотѣ или золото въ океанѣ, багровый пламень, чистый, ясный, прозрачный, вѣчный, непрерывный пожаръ. безъ дыма, безъ малѣйшей былинки, напоминающей землю.

Покой неба и моря—не мертвый и сонный покой: это покой какъ будто удовлетворенной страсти, въ которомъ небо и море, отдыхая отъ ея сладостныхъ мученій, любуются взаимно въ объятіяхъ другъ друга. Солнце уходитъ, какъ осчастливленный любовникъ, оставившій долгій, задумчивый слѣдъ счастья на любимомъ лицѣ.

На этомъ пламенно-золотомъ, необозримомъ полѣ, лежатъ цѣлые міры волшебныхъ городовъ, зданій, башенъ, чудовищъ, звѣрей — все изъ облаковъ. Вотъ, смотрите, громада исполинской крѣпости рушится медленно, безъ шума; упалъ одинъ бастіонъ, за нимъ валится другой; тамъ опустилась, подавляя собственный фундаментъ, высокая башня, и опять все тихо отливается въ форму горы, острововъ, съ лѣсами, съ куполами. Не успѣло воображеніе воспринять этотъ рисунокъ, а онъ уже таетъ и распадается, и на мѣсто его тихо воздвигся откуда-то корабль и повисъ на воздушной почвѣ; изъ огромной колесницы уже сложился станъ исполинской женщины; плеча еще цѣлы, а бока уже отпали и вышла голова верблюда; на нее напираетъ и поглощаетъ все собою рядъ солдатъ, несущихся цѣлымъ строемъ...

Изумленный глазъ смотритъ вокругъ, не увидитъ ли руки, которая, играя, строитъ воздушныя видѣнія. Тихо, нѣжно и лѣниво ползутъ эти тонкіе и прозрачные узоры въ золотой атмосферѣ, какъ мечты тянутся въ дремлющей душѣ, слагаясь въ плѣнительные образы и разлагаясь опять, чтобъ слиться въ фантастической игрѣ...

Пусть живописцы найдутъ у себя краски, пусть хоть назовутъ эти цвѣта, которыми угасающее солнце окрашиваетъ небеса! Посмотрите: фіолетовая пелена покрыла небо и смѣшалась съ пурпуромъ; прошло еще мгновеніе и сквозь нея проступаетъ томно-зеленый, яшмовый от-

тѣнокъ; онъ въ свою очередь овладѣлъ небомъ. А зàмки, башни, лѣса, розовые, палевые, коричневые, сквозятъ отъ послѣднихъ лучей быстро исчезающаго солнца, какъ освѣщенный храмъ... Вы недвижны, безмолвны, млѣете передъ радужными слѣдами солнца: оно жаркимъ прощальнымъ лучомъ раздражаетъ нервы глазъ, но вы погружены въ туманѣ поэтической думы; вы не отводите взора; вамъ не хочется выйти изъ этого млѣнія, изъ нѣги покоя. Очнувшись, со вздохомъ скажешь себѣ: ахъ, еслибъ всегда и вездѣ такова была природа, такъ же горяча и такъ величаво и глубоко покойна! Еслибъ такова была и жизнь!... Вѣдь бури, бѣшеныя страсти не норма природы и жизни, а только переходный моментъ, безпорядокъ и зло, процессъ творчества, черная работа — для выдѣлки спокойствія и счастія въ лабораторіи природы....

Солнце не успѣло еще догорѣть, вы не успѣли еще додумать вашей думы, а оглянитесь назадъ: на западѣ еще золото и пурпуръ, а на востокѣ сверкаютъ и блещутъ уже милліоны глазъ: звѣзды и звѣзды, и между ними скромно и ровно сіяетъ Южный Крестъ! Темнота, какъ шапка, накрыла васъ: острова, башни, чудовища—все пропало. Звѣзды искрятся сильно, дерзко, какъ будто спѣшатъ пользоваться промежуткомъ отъ солнца до луны; ихъ прибываетъ все больше и больше, онѣ проступаютъ сквозь небо. Та же невидимая рука, которая чертила воздушныя картины, поспѣшно зажигаетъ огни во всѣхъ углахъ тверди и—засіялъ вечерній пиръ! Новыя силы, новыя думы и новая нѣга проснулись въ душѣ. Опять, какъ вчера, она ищетъ въ огняхъ—разума, жадно читаетъ огненныя буквы и порывается туда...

Но вотъ луна: она не тускла, не блѣдна, не задумчива, не туманна, какъ у насъ, а чиста, прозрачна, какъ

хрусталь, гордо сіяетъ бѣлымъ блескомъ и не воспѣта, какъ у насъ, поэтами, слѣдовательно дѣвственна. Это не зрѣлая, увядшая красавица, а бодрая, полная силъ, жизни и строгаго цѣломудрія дѣва, какъ сама Діана. Хлынулъ по морю и по небу ея пронзительный свѣтъ; она усмирила дерзкое сверканье звѣздъ и воцарилась кротко и величаво до утра. А океанъ, вы думаете, заснулъ? Нѣтъ: онъ кипитъ и сверкаетъ пуще звѣздъ. Подъ кораблемъ разверзается пучина пламени, съ шумомъ вырываются потоки золота, серебра и раскаленныхъ углей. Вы ослѣплены, объяты сладкими творческими снами... вперяете неподвижный взглядъ въ небо: тамъ наливается, то золотомъ, то кровью, то изумрудной влагой, Конопусъ, яркое свѣтило корабля Арго, двѣ огромныя звѣзды Центавра. Но вы съ любовью успокоиваетесь отъ нестерпимаго блеска на четырехъ звѣздахъ Южнаго Креста: онѣ сіяютъ скромно и, кажется, смотрятъ на васъ такъ пристально и умно. Южный Крестъ... Случалось ли вамъ (да какъ не случалось поэту!) вдругъ увидѣть женщину, о красотѣ, граціи которой долго жужжали вамъ въ уши, и не найти въ ней ничего поражающаго? «Что̀ же въ ней особеннаго? говорите вы, съ удивленіемъ всматриваясь въ женщину: она проста, скромна, ничѣмъ не отличается...» Всматриваетесь долго, долго, и вдругъ чувствуете, что любите уже ее страстно! И про Южный Крестъ, увидя его въ первый, второй и третій разъ, вы спросите: что̀ въ немъ особеннаго? Долго станете вглядываться и кончите тѣмъ, что, съ наступленіемъ вечера, взглядъ вашъ будетъ искать его перваго, потомъ, обозрѣвъ всѣ появившіяся звѣзды, вы опять обратитесь къ нему и будете почасту и подолгу покоить на немъ ваши глаза.

Наступаетъ, за знойнымъ днемъ, душно-сладкая, дол-

Столовую гору. Меня поразило пѣніе множества птицъ, котораго вчера я не слыхалъ, вѣроятно потому, что было поздно. Теперь, напротивъ, утромъ, раздавалось столько веселыхъ и незнакомыхъ для сѣвернаго уха голосовъ. Я искалъ глазами пѣвицъ, но онѣ не очень дичились: изъ одного куста въ другой безпрестанно перелетали стаи колибри, рѣзвыхъ и блестящихъ. Онѣ шалили и кокетничали, вертясь на вѣткахъ довольно-низкихъ кустовъ и сверкая переливами всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ. Только я подходилъ шаговъ на пять, какъ онѣ дождемъ проносились подъ носомъ у меня и падали въ ближайшій, шелковичный, или другой кустъ.

Въ отели, въ часъ зазвонили завтракать. Опять разыгрался одинъ изъ существенныхъ актовъ дня и жизни. Послѣ десерта всѣ двинулись къ буфету, гдѣ, въ черномъ платьѣ, съ черной сѣточкой на головѣ, сидѣла Каролина и съ улыбкой наблюдала, какъ смотрѣли на нее. Я попробовалъ-было подойти къ окну, но мѣста были ангажированы, и я пошелъ писать къ вамъ письма, а часа въ три отнесъ ихъ самъ на почту.

Я ходилъ на пристань, всегда кипящую народомъ и суетой. Здѣсь идутъ по длинной, далеко уходящей въ море насыпи, рельсы, по которымъ возятъ тяжести до лодокъ. Тутъ толпится всегда множество матросовъ разныхъ націй, шкиперовъ, и просто городскихъ зѣвакъ.

Есть на что̀ и позѣватъ: впереди необъятный заливъ, со множествомъ судовъ; взадъ и впередъ снуютъ лодки; вдали песчаная отмель, а за ней Тигровыя горы. Оглянитесь назадъ: за вами три исполинскія массы горъ и веселый, живой городъ. Тутъ же, на плотинѣ, засталъ я множество всякаго цвѣтнаго народа, особенно мальчишекъ, ловив-

шихъ удочками рыбу. Ея такъ много, что не проходитъ минуты, чтобъ кто-нибудь не вытащилъ.

Въ нѣкоторыхъ улицахъ видѣлъ я множество конюшень для верховыхъ лошадей. Въ городѣ и за городомъ безпрестанно встрѣчаешь всадниковъ, иногда цѣлыя кавалькады. Лошади всѣ почти средней величины, но красивы. Требованіе на нихъ такъ велико, что въ воскресенье, если не позаботишься наканунѣ, не достанешь ни одной. Въ этотъ день всѣ изъ города разъѣзжаются по дачамъ. Между прочимъ, въ одномъ мѣстѣ я встрѣтилъ надпись: «контора омнибусовъ»; спрашиваю: куда они ходятъ, и мнѣ называютъ ближайшія мѣста, миль за 40 и за 50 отъ Капштата. А давно ли туда ѣздили на волахъ, въ сопровожденіи толпы Готтентотовъ, на охоту за львами и тиграми? Теперь за львами надо отправляться миль за 400: города, дороги, отели, омнибусы, шумъ и суета оттѣснили ихъ далеко. Но тигры и шакалы водятся досихъ-поръ вездѣ, рыскаютъ на окрестныхъ къ Капштату горахъ.

Пора однако обѣдать, солнце сѣло: шесть часовъ. Въ отели насъ ожидалъ какой-то высокій, стройный, джентльменъ, очень благообразной наружности, съ самыми приличными бакенбардами, украшенными легкой просѣдью, въ голубой курткѣ, съ чернымъ крепомъ на шляпѣ, съ постоянной улыбкой скромнаго сознанія своихъ достоинствъ и съ предлиннымъ бичомъ въ рукахъ. «Вандикъ», рекомендовался онъ. У меня промелькнулъ цѣлый потокъ соображеній. «Вандикъ»—конечно потомокъ знаменитаго живописца: дѣдъ или прадѣдъ этого, стоящаго предъ нами Вандика, оставилъ Голландію, переселился въ колонію, и вотъ теперь это сынъ его. Онъ конечно пришелъ познакомиться съ Русскими, рѣдкими гостями здѣсь, какъ и тотъ

майоръ, адъютантъ губернатора, котораго привелъ сегодня утромъ докторъ Ведерхедъ»... «Проводникъ вашъ по колоніи, сказалъ Вандикъ: меня нанялъ вашъ банкиръ, съ двумя экипажами и съ осьмью лошадьми. Когда угодно ѣхать?» Мои соображенія разсѣялись. «Завтра пораньше», сказали мы ему.

Докторъ Ведерхедъ за обѣдомъ опять былъ очень любезенъ. Тутъ пришли нѣкоторыя дамы, въ томъ числѣ и его жена. Нехороша—Богъ съ ней: лѣтъ тридцати, figure chiffonnée. Про такія лица прибавляютъ обыкновенно: но очень мила; про эту нельзя сказать этого. Какъ кокетливо ни одѣвалась она, но впалые и тусклые глаза, блѣдныя губы, могли внушить только развѣ состраданіе къ ея болѣзненному состоянію. Изъ ихъ нумера часто раздавались звуки музыки, иногда пѣніе женскаго голоса. Играли на фортепьяно прекрасно: говорятъ, это онъ.

Докторъ этотъ съ перваго раза заставилъ подозрѣвать, что онъ не англичанинъ, хотя и служилъ хирургомъ въ полку въ ост-индской арміи. Онъ былъ чрезвычайно воздерженъ въ пищѣ, вина не пилъ вовсе и не могъ нахвалиться нами, что мы почти тоже ничего не пили. «Я все съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ удовольствіемъ смотрю на васъ», сказалъ онъ, кладя ноги на столъ, заваленный журналами, когда мы перешли послѣ обѣда въ гостиную и дамы удалились. «Чѣмъ мы заслужили это лестное вниманіе?» — «Скромность, знаніе приличій»... и пошелъ. «Покорно благодаримъ. А развѣ вы ожидали противнаго?..»—«Нѣтъ: я сравниваю съ нашими офицерами, продолжалъ онъ: на дняхъ пришелъ англійскій корабль, человѣкъ двадцать офицеровъ съѣхали сюда и черезъ часъ поставили вверхъ дномъ всю отель. Прежде всего они напились до того, что многіе остались на своихъ мѣстахъ, а

другіе и этого не могли, упали на полъ. И каждый день такъ. Вѣдь вы тоже пробыли долго въ морѣ, хотите развлечься, однакожь никто изъ васъ не выпилъ даже бутылки вина: это просто удивительно!»

Такой отзывъ насъ удивилъ немного: никто не станетъ такъ говорить о своихъ соотечественникахъ, да еще съ иностранцами. «Неужели въ Индіи англичане пьютъ такъ же много, какъ у себя, и ѣдятъ мясо, пряности?» спросили мы. «О, да, ужасно! Вотъ вы видите, какъ теперь жарко: представьте, что въ Индіи такая зима; про лѣто нечего и говорить; а наши, въ этотъ жаръ, съ ранняго утра отправятся на охоту: чѣмъ, вы думаете, они подкрѣпятъ себя передъ отъѣздомъ? Чаемъ и водкой! Пріѣхавъ на мѣсто, рыщутъ по этому жару цѣлый день, потомъ являются на сборное мѣсто къ обѣду и каждый выпиваетъ по нѣскольку бутылокъ портера, или элю, и послѣ этого пріѣдутъ домой, какъ ни въ чемъ не бывало; выкупаются только и опять готовы ѣсть. И ничего имъ не дѣлается—отчасти съ досадой прибавилъ онъ—ровно ничего, только краснѣютъ да толстѣютъ; а я вотъ совсѣмъ не пью вина, ѣмъ мало, а долженъ былъ удалиться на полгода сюда, чтобъ полечиться.»

«Но это даромъ не проходитъ имъ, сказалъ онъ помолчавъ: они крѣпки до времени, а въ извѣстныя лѣта силы вдругъ измѣняютъ, и вы увидите въ Англіи многихъ индійскихъ героевъ, которые сидятъ по угламъ, не сходя съ креселъ, или таскаются съ однѣхъ минеральныхъ водъ на другія».—«Долго ли вы пробудете здѣсь?» спросили мы доктора. «Я взялъ отпускъ на годъ, отвѣчалъ онъ: мнѣ осталось всего до пенсіи года три. Надо прослужить 17 лѣтъ. Не знаю, зачтутъ ли мнѣ этотъ годъ. Теперь составляются новыя правила о службѣ въ Индіи; мы

не знаемъ, что̀ еще будетъ». Мы спросили, зачѣмъ онъ избралъ мысъ Доброй Надежды, а не другое мѣсто для отдыха. «Ближайшее, отвѣчалъ онъ, и притомъ переѣздъ дешевле, нежели куда-нибудь. Я хотѣлъ ѣхать въ Австралію, въ Сидней, но туда стало много ѣздить эмигрантовъ, и мѣста на порядочныхъ судахъ очень дороги. А насъ двое: я и жена; жалованья я получаю всего отъ 800 до 1000 ф. стерл.» (отъ 5 до 6000 р.). «Куда же отправитесь, выслуживъ пенсію?»—«И самъ не знаю; можетъ быть во Францію..» —«А вы знаете по-французски?»—«О, да...»—«Въ самомъ дѣлѣ?» И мы живо заговорили съ нимъ, а до тѣхъ поръ, правду сказать, кромѣ А., который отлично говоритъ по-англійски, у насъ рты были точно зашиты. Докторъ говорилъ по-французски прекрасно, какъ не говоритъ ни одинъ англичанинъ, хоть онъ живи сто лѣтъ во Франціи. «Да онъ жидъ, господа!» сказалъ вдругъ одинъ изъ нашихъ товарищей. Жидъ—какая догадка! Мы пристальнѣе всмотрѣлись въ него: лицо блѣдное, волосы русые, профиль... профиль точно еврейскій—сомнѣнія нѣтъ. Несмотря однакожь на эту догадку, у насъ еще были скептики, оспаривавшіе это мнѣніе.—Да нѣтъ, все въ немъ не англійское: не смотритъ онъ вытараща глаза; не сжата у него, какъ у англичанъ, и самая мысль, сужденіе, въ какіе-то тиски; не цѣдитъ онъ ее неуклюже, сквозь зубы, по слову. У этого мысль льется такъ игриво и свободно: видно, что умъ не задавленъ предразсудками; не рядится взглядъ его въ англійскій покрой, какъ въ накрахмаленный галстухъ: ну, словомъ, все, какъ только можетъ быть у космополита, то-есть у жида. Выдалъ ли бы англичанинъ своихъ пьяницъ?.. Догадка о его національности оставалась все еще безъ доказательствъ, и докторъ могъ надѣяться прослыть за англичанина или

француза, еслибъ самъ себѣ не нанесъ рѣшительнаго удара. Не прошло получаса послѣ этого разговора, говорили о другомъ. Докторъ распрашивалъ о службѣ нашей, о чинахъ, всего больше о жалованьѣ, и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, быстро спросилъ: «А на какомъ положеніи живутъ у васъ жиды?»—Всѣ сомнѣнія исчезли.

Кто бы онъ ни былъ, если и жидъ, но онъ былъ самый любезный, образованный и обязательный человѣкъ. —«Вамъ скучно по вечерамъ, сказалъ онъ однажды; здѣсь есть клубъ: вамъ предоставленъ свободный входъ. Вы познакомитесь съ здѣшнимъ обществомъ, почитаете газету, выкурите сигару: все лучше, нежели однимъ сидѣть по нумерамъ. Да вотъ не хотите ли теперь? Пойдемте!»

Мы пошли. Клубъ, какъ всѣ клубы: рядъ освѣщенныхъ комнатъ, кучи журналовъ, толпа лакеевъ и буфетъ. Но видно, было еще рано: комнаты пусты, только въ бильярдной собралось человѣкъ пятнадцать. Пятеро, безъ сюртуковъ, въ однихъ жилетахъ, играли; прочіе молча смотрѣли на игру. Между играющими обращалъ на себя особенное вниманіе пожилой, невысокаго роста человѣкъ, съ просѣдью, одѣтый въ красную куртку, въ синіе панталоны, безъ галстуха. «Замѣтьте этого джентльмена», сказалъ намъ докторъ и тотчасъ же познакомилъ насъ съ нимъ. Тотъ пожалъ намъ руки, хотѣлъ что-то сказать, но голоса три закричали ему: «вамъ, вамъ играть!» и онъ продолжалъ игру. «Кто жь это?» спросили мы доктора. Онъ замялся нѣсколько. «Игрокъ, если хотите», сказалъ онъ. «Ну, спасибо за знакомство» подумалъ я. Докторъ какъ-будто угадалъ мою мысль. «Я познакомилъ васъ съ нимъ потому, прибавилъ онъ, что это замѣчательный человѣкъ умомъ, образованіемъ, приключеніями, и также счастьемъ въ игрѣ. Вамъ любопытно будетъ по-

говорить съ нимъ: онъ знаетъ все. У него огромный кредитъ здѣсь, въ Китаѣ, въ Австраліи, и его векселя уважаются какъ банкирскіе. А этотъ молодой человѣкъ — продолжалъ докторъ, указывая на другаго джентльмена, недурнаго собой, съ усиками — замѣчателенъ тѣмъ, что онъ очень богатъ, а между-тѣмъ служитъ въ военной службѣ, просто изъ страсти къ приключеніямъ».

Мнѣ однакожь не интересно казалось смотрѣть на катанье шаровъ, и я, предоставивъ своимъ товарищамъ этихъ героевъ, сѣлъ въ уголъ. Мнѣ становилось скучно, я помышлялъ какъ бы уйти. Зову ихъ—нейдутъ: «сейчасъ, да погодите». Я ушелъ потихоньку одинъ, но дома было тоже не весело. Тамъ остался нашъ докторъ, еще натуралистъ, да молодой З. Всѣ они легли спать; натуралистъ, если и не спалъ, то копался съ слизняками, раками, или букашками; онъ чистилъ ихъ, сушилъ и т. п. Но я придумалъ средство вызвать товарищей изъ клуба. Они послѣ обѣда просили М-съ Вельчъ и Каролину пить чай en famille, вмѣстѣ, какъ это дѣлается у насъ, въ Россіи. Такъ, романтизмъ! Но тѣ и понять не могли, зачѣмъ это, и уклонились. На этомъ основалъ я свою хитрость и отправился въ клубъ. Игрокъ говорилъ съ Б., П. съ англійскимъ докторомъ. Долго я ловилъ свободную минуту, наконецъ улучилъ и сказалъ самымъ небрежнымъ тономъ, что я былъ дома и что старуха Вельчъ спрашивала, куда всѣ разбѣжались. «А ей что?» спросилъ П. «Да не знаю, равнодушно отвѣчалъ я: вы просили, кажется, Каролину чай разливать...»

«Это не я, а Б.», перебилъ меня П. «Ну, не знаю, только Каролина сидитъ тамъ за чашками и ждетъ. Я оставилъ П. и перешелъ къ Б.» «вы, что ли, просили старуху Вельчъ и Каролину чай пить вмѣстѣ...»—«Нѣтъ, не я, а П., сказалъ онъ; а что?»—«Да чай готовъ и Каролина

ждетъ...» Я хотѣлъ обратиться къ П., чтобъ убѣдить его идти, но его уже не было. «А этотъ господинъ игрокъ, въ красной курткѣ, вовсе не занимателенъ, замѣтилъ, зѣвая, Б. Лучше гораздо идти лечь спать». Мы пошли и застали П. въ комнатѣ у хозяекъ: обѣ онѣ зѣвали — старуха со всею откровенностью, Каролина силилась прикрыть зѣвоту улыбкою. О чаѣ, ни тотъ, ни другой не спросили ни меня, ни ихъ: они поняли все. Мы вышли на крыльцо, которое выходитъ на дворъ, сѣли подъ виноградными листьями и напились чаю одни-одинёхоньки. Добрый П. сталъ увѣрять, что онъ ясно видѣлъ мою хитрость, а Б. молчалъ и только на другой день сознался, что вчера онъ готовъ былъ драться со мной.

Утромъ опять явился Вандикъ спросить, готовы ли мы ѣхать; но мы не были готовы: у кого платье не поспѣло, тотъ деньги не успѣлъ размѣнять. Просили пріѣхать въ два часа. Вандикъ, съ неизмѣнной улыбкой, поклонился и ушелъ. Въ два часа явились передъ крыльцомъ двѣ *кареты*, каждая запряжена была четверкой, по двѣ въ рядъ. И малаецъ Ричардъ, и другой, черный слуга, и бѣлый, подслѣповатый англичанинъ, наконецъ сама М-съ Вельчъ и Каролина, всѣ вышли на крыльцо провожать насъ, когда мы садились въ экипажи. «Good journey, happy voyage!» говорили онѣ. Моросилъ дождь, когда мы выѣхали за городъ, и, обогнувъ Столовую гору и Чортовъ пикъ, поѣхали по прекрасному шоссе, въ виду залива, между фермъ, хижинъ, болотъ, песку и кустовъ. Еслибъ не декорація горъ впереди и по бокамъ, то хоть спать ложись. Но намъ было не до спанья: мы радовались, что, по обязательности адмирала, съ помощію взятыхъ имъ у банкировъ Томсона и К° рекомендательныхъ писемъ, мы увидимъ много новаго и занимательнаго.

Я припоминалъ все, что̀ читалъ еще у Вальяна о Мысѣ и у другихъ: описаніе песковъ, зноя, сраженій со львами, о фермерахъ, и не вѣрилось мнѣ, что я ѣду по тѣмъ самымъ мѣстамъ, что я въ 10,000 миляхъ отъ отечества. Я ласкалъ глазами каждый кустъ и траву, то крупную, сочную, то сухую, какъ вѣникъ. Мы проѣхали мимо обсерваторіи, построенной на луговинѣ, на берегу залива, верстахъ въ четырехъ отъ города. Я думалъ, что Гершель здѣсь дѣлалъ свои знаменитыя наблюденія надъ луной и двойными звѣздами, но намъ сказали, что его обсерваторія была устроена въ мѣстечкѣ Винбергъ, близъ Констанской горы, а эта принадлежитъ правительству. Дождь переставалъ по временамъ и тогда на кустахъ порхало множество разнообразныхъ птицъ. Я замѣтилъ одну, синюю, съ хвостомъ болѣе четверти аршина длиной. Она называется sugarbird (сахарная птица) оттого, что постоянно водится около такъ называемаго сахарнаго кустарника. Дикія канарейки, поменьше немного, погрубѣе цвѣтомъ цивилизованныхъ, и не такъ ярко окрашенныя въ желтый цвѣтъ, какъ тѣ, стаями перелетали изъ куста въ кустъ; мелькали еще какія-то зеленыя, коричневыя птицы. Кромѣ ихъ, медленными кругами носились въ воздухѣ коршуны; близь живыхъ мѣстъ появлялись и вороны, гораздо ярче колоритомъ нашихъ: черный цвѣтъ былъ на нихъ чернѣе и рѣзко оттѣнялся отъ свѣтлыхъ пятенъ. Около домовъ летали капскіе пѣгіе голуби, ласточки и воробьи. Въ колоніи считается болѣе породъ птицъ, нежели во всей Европѣ, и именно до шестисотъ. Кусты мѣстами были такъ часты, что составляли непроходимый лѣсъ; но они малорослы, и за ними далеко виднѣлись, или необработанныя песчаныя равнины, или дикія горы, у подошвы которыхъ бѣлѣли фермы, съ яркой густой зеленью вокругъ.

КАПСКАЯ КОЛОНІЯ.

Скажите, положа руку на сердце: знаете ли вы хорошенько, что такое Капская колонія? Не сердитесь, ни за этотъ вопросъ, ни за сомнѣніе. Я увѣренъ, что вы знаете исторію Капа и колоніи, немного этнографію ея, статистику, но все это за старое время. А знаете ли вы современную исторію, нравы, все, что̀ случилось въ послѣднія тридцать, сорокъ лѣтъ? Я увѣренъ, что не совсѣмъ, или даже совсѣмъ не знаете, кромѣ только развѣ того, что колонія эта принадлежитъ англичанамъ. Я не помню, чтобъ въ нашей литературѣ являлись въ послѣднее время какія-нибудь свѣдѣнія объ этомъ краѣ, не знаю также ничего замѣчательнаго и на французскомъ языкѣ. По-англійски большинство нашей публики почти не читаетъ, между-тѣмъ въ Англіи, а еще болѣе здѣсь, въ Капѣ, описаніе Капа и его колоніи образуетъ почти цѣлую, особую литературу. Имена писателей у насъ неизвѣстны, между-тѣмъ сочиненія ихъ — подвиги въ своемъ родѣ; подвиги потому, что у нихъ не было предшественниковъ, никто не облегчалъ ихъ трудовъ ранними труженническими изысканіями. Они сами должны были читать исторію края, на пескахъ, на каменныхъ скрижаляхъ горъ, гдѣ не осталось никакихъ слѣдовъ минувшаго. Какихъ трудовъ стоила имъ всякая этнографическая ипотеза, всякое филологическое соображеніе, которое надо было основывать на скудныхъ, почти нечеловѣческихъ звукахъ языковъ здѣшнихъ народовъ! А между-тѣмъ нашлись люди, которые не испугались этихъ неблагодарныхъ трудовъ: они исходили взадъ и впередъ колонію и, несмотря на скудость источниковъ, подъ этимъ палящимъ солнцемъ, написали цѣлые томы. Кто жь это? Присяжные ученые, труженики, герои науки, жерт-

вы любознанія? Нѣтъ, просто любители, которые занялись этимъ мимоходомъ, сверхъ своей прямой обязанности: миссіонеры и военные. Одни шли съ крестомъ въ эти пустыни, другіе съ мечомъ. Съ ними проникало пытливое знаніе и перо. Сочиненія Содерлендовъ, Барро, Смитовъ, Чезовъ, и многихъ, многихъ другихъ, о Капѣ, образуютъ цѣлую литературу, исполненную безкорыстнѣйшихъ и добросовѣстнѣйшихъ разысканій, которыя современемъ послужатъ основнымъ камнемъ полной исторіи края.

Что̀ же такое Капская колонія? Если обратишься съ этимъ вопросомъ къ курсу географіи, получишь въ отвѣтъ, что пространство, занимаемое колоніею, граничитъ къ сѣверу рѣкою Кейскамма, а въ газетахъ, помнится, читалъ, что граница съ-тѣхъ-поръ во второй, или третій разъ мѣняетъ мѣсто, и обѣщаютъ, что она не разъ отодвинется дальше. На картѣ показано, что отъ такого-то градуса и до такого живутъ негры того или другаго племени, а по новѣйшимъ извѣстіямъ оказывается, что это племя оттѣснено въ другое мѣсто. Если прибѣгнешь за справками къ путешественникамъ, найдешь у каждаго ту же разноголосицу показаній, и всѣ они вѣрны, каждое своему моменту, именно моменту, потому-что здѣсь все измѣняется не по днямъ, а по часамъ.

Здѣсь все въ полномъ броженіи теперь: всеодолѣвающая энергія человѣка борется почти съ неодолимою природою, духъ съ матеріей, жадность пріобрѣтенія—съ скупостью безплодія. Но осадка еще мало, еще нельзя опредѣлить, въ какую физіономію сложатся эти неясныя черты страны и ея народонаселенія. Дѣло мало двинуто впередъ, и наблюдатель, изъ настоящаго положенія, не выведетъ вѣрнаго заключенія о будущей участи колоніи. Ему остается только слѣдить, собирать факты и строить цѣлый міръ до-

гадокъ. Въ матеріалахъ недостатка нѣтъ: настоящій моментъ—самый любопытный въ жизни колоніи. Въ эту минуту обработываются главные вопросы, обусловливающіе ея существованіе, именно о томъ, что̀ ожидаетъ колонію, то-есть останется ли она только колоніею европейцевъ, какъ оставалась подъ владычествомъ голландцевъ, ничего не сдѣлавшихъ для черныхъ племенъ, и представитъ въ будущемъ незанимательный уголокъ европейскаго народонаселенія, или черные, какъ законные дѣти одного отца, наравнѣ съ бѣлыми, будутъ раздѣлять завѣщанное и имъ наслѣдіе свободы, религіи, цивилизаціи? За этимъ слѣдуетъ второй, также важный вопросъ: принесетъ ли европейцамъ побѣда надъ дикими и природой то вознагражденіе, котораго они въ правѣ ожидать за положенные громадные труды и капиталы, или эти труды останутся только безкорыстнымъ подвигомъ, подъятымъ на пользу человѣчества? На эти вопросы пока нѣтъ отвѣта — такъ мало еще европейцы сдѣлали успѣха въ цивилизаціи страны или, лучше сказать, такъ мало страна покоряется соединеннымъ усиліямъ ума, воли и оружія. Въ другихъ мѣстахъ куда являлись бѣлые съ трудомъ и волею, подвигъ велъ за собой почти немедленное вознагражденіе: едва успѣвали они миролюбиво, или силой оружія, завязывать сношенія съ жителями, какъ начиналась торговля, размѣнъ произведеній, и побѣдители, въ самомъ началѣ завоеванія, могли удовлетворить по-крайней-мѣрѣ своей страсти къ пріобрѣтенію. Даже въ Восточной Индіи, гдѣ цивилизація до-сихъ-поръ встрѣчаетъ почти неодолимое сопротивленіе въ духѣ кастъ, каждый, занятый пришельцами вершокъ земли, немедленно приносилъ имъ соразмѣрную выгоду богатыми дарами почвы. Въ южной Африкѣ нѣтъ и этого: почва ея неблагодарна, произведе-

нія до-сихъ-поръ такъ скудны, что едва покрываютъ издержки хлопотъ. Винодѣліе, процвѣтающее на морскихъ берегахъ, даетъ только средства къ безбѣдному существованію небольшому числу фермеровъ и скудное пропитаніе нѣсколькимъ тысячамъ черныхъ. Прочіе промыслы, какъ, напримѣръ, рыбная и звѣриная ловля, незначительны и не въ состояніи прокормить самихъ промышленниковъ; для торговли эти промыслы едва доставляютъ нѣсколько неважныхъ предметовъ, какъ-то: шкуръ, роговъ, клыковъ, которые не составляютъ общихъ, отдѣльныхъ статей торга. Самые важные промыслы—скотоводство и земледѣліе; но они далеко еще не достигли того состоянія, въ которомъ можно было бы ожидать отъ нихъ полнаго вознагражденія за трудъ.

А между-тѣмъ, какихъ усилій стоитъ каждый сдѣланный шагъ впередъ! Черныя племена до-сихъ-поръ не поддаются, ни силѣ проповѣди, ни удобствамъ европейской жизни, ни очевидной пользѣ ремеслъ, наконецъ ни искушеніямъ золота, словомъ, не признаютъ выгодъ и необходимости порядка и благоустроенности.

Мѣстность страны—неограниченныя пустыя пространства, даетъ имъ средства противиться силѣ оружія. Каждый шагъ выжженной солнцемъ почвы омывается кровью; каждая гора, кустъ, представляютъ естественную преграду бѣлымъ и служатъ защитой и убѣжищемъ черныхъ. Наконецъ, европеецъ старается склонить чернаго къ добру мирными средствами: онъ протягиваетъ ему руку, даритъ плугъ, топоръ, гвоздь — все, что̀ полезно тому; черный, истративъ жизненные припасы и военные снаряды, пожимаетъ протянутую руку, приноситъ за плугъ и топоръ слоновыхъ клыковъ, звѣриныхъ шкуръ, и ждетъ случая угнать скотъ, перерѣзать *враговъ* своихъ, а послѣ этой

трагической развязки, удаляется въ глубину страны — до новой комедіи, то-есть до заключенія мира.

Долго ли такъ будетъ? скоро ли европейцы проложатъ незаметаемый путь въ отдаленныя убѣжища дикарей и скоро ли послѣдніе сбросятъ съ себя это постыдное названіе? Рѣшеніемъ этого вопроса рѣшится и предъидущій, то-есть о томъ, будутъ ли вознаграждены усилія европейца, удастся ли, съ помощью уже недикихъ братьевъ, извлечь изъ скупой почвы, посредствомъ искусства, все, что̀ можетъ только она дать человѣку за трудъ? усовершенствуетъ ли онъ всѣми средствами, какими обладаетъ цивилизація, продукты и промыслы? возведетъ ли послѣдніе въ степень систематическаго занятія туземцевъ? откроетъ ли, или привьетъ новыя отрасли, до-сихъ-поръ чуждыя сторонѣ?

Теперь на мысѣ Доброй Надежды, по берегамъ, европейцы пустили глубоко корни; но кто хочетъ видѣть страну и жителей въ первобытной формѣ, тотъ долженъ проникнуть далеко внутрь края, то-есть почти выѣхать изъ колоніи, а это не шутка: граница отодвинулась далеко на сѣверъ и продолжаетъ отодвигаться все далѣе и далѣе.

Природныхъ черныхъ жителей нѣтъ въ колоніи, какъ гражданъ своей страны. Они тутъ слуги, рабочіе, кучера, словомъ наемники колонистовъ, и то недавно наемники, а прежде рабы. Сильныя и наиболѣе дикія племена, тѣснимыя цивилизаціею и войною, углубились далеко внутрь; другія, послабѣе и посмирнѣе, тѣснимыя первыми изнутри и европейцами отъ береговъ, поддались не цивилизаціи, а силѣ обстоятельствъ и оружія, и идутъ въ услуженіе къ европейцамъ, раздѣляя ихъ образъ жизни, пищу, обычаи, и даже религію, несмотря на то, что въ 1834 г. они освобождены отъ рабства и, кажется, могли бы выбрать сами

себѣ мѣсто жительства и промыслъ. Повидимому имъ и въ голову не приходитъ о возможности пользоваться предоставленными имъ правами свободнаго состоянія и сравняться нѣкогда съ своими завоевателями. Путешественникъ почти совсѣмъ не видитъ деревень и хижинъ дикихъ, да и немного встрѣтитъ ихъ самихъ: все занято пришельцами, то-есть европейцами и малайцами, но не тѣми малайцами, которые заселяютъ индійскій архипелагъ: африканскіе малайцы распространились будто бы, по словамъ новѣйшихъ изыскателей, изъ Аравіи, или изъ Египта, до мыса Доброй Надежды. Этотъ важный этнографическій вопросъ еще не рѣшенъ. Судя по чертамъ лицъ ихъ, имѣющихъ много общаго съ лицами обитателей ближайшаго къ намъ Востока, не задумаешься ни минуты причислить ихъ къ сѣверо-восточнымъ племенамъ Африки. Недавно только отведена для усмиренныхъ каффровъ цѣлая область, подъ именемъ Британской Каффраріи, о чемъ сказано будетъ ниже, и представлено имъ право селиться и жить тамъ, но подъ вліяніемъ, то-есть подъ надзоромъ англійскаго колоніальнаго правительства. Область эта окружена со всѣхъ сторонъ британскими владѣніями: какъ и долго ли уживутся безпокойныя племена подъ ферулой европейской цивилизаціи и оружія, сблизятся ли съ своими побѣдителями и просвѣтителями—эти вопросы могутъ быть разрѣшены только временемъ.

Нужно ли говорить, кто хозяева въ колоніи? конечно, европейцы, и изъ европейцевъ, конечно, англичане. Голландцамъ принадлежитъ второстепенная роль, и то потому только, что они многочисленны и давно обжились въ колоніи. Должно ли жалѣть объ утраченномъ владычествѣ голландцевъ и пѣнять на властолюбіе или, вѣрнѣе, корыстолюбіе англичанъ, воспользовавшихся единственно правомъ

сильнаго, чтобъ завладѣть этимъ мѣстомъ, которое имъ нужно было, какъ переходный пунктъ на пути въ Остъ-Индію? Если прослѣдить исторію колоніи со времени занятія ея европейцами въ теченіе двухвѣковаго голландскаго владычества и сравнить съ состояніемъ, въ которое она поставлена англичанами съ 1809 года, то не только оправдаешь насильственное занятіе колоніи англичанами, но и порадуешься, что это случилось такъ, а не иначе.

Здѣсь предлагается нѣсколько историческихъ, статистическихъ и другихъ свѣдѣній о Капской колоніи, извлеченныхъ, частью изъ офиціальныхъ колоніальныхъ источниковъ, частью изъ прекрасной нѣмецкой статьи: *Das Cap der guten Hoffnung*, помѣщенной въ 4-мъ томѣ *Gegenwart*, *энциклопедическаго описанія новѣйшей исторіи*. Эта статья составляетъ систематическое и подробное описаніе колоніи въ историческомъ, естественномъ и другихъ отношеніяхъ.

Мысъ Доброй Надежды открытъ былъ въ блистательную эпоху мореплаванія, въ 1493 году, португальцемъ Діазомъ (Diaz), который назвалъ его *Мысомъ Бурь*.

Но португальскій король Іоаннъ II, радуясь открытію новаго, ближайшаго пути въ Индію, далъ Мысу Бурь нынѣшнее его названіе. Послѣ того посѣщали мысъ, въ 1497 году, Васко де-Гама, а еще позже бразильскій вице-король Франциско де-Альмейда, послѣдній, съ цѣлью войти въ торговыя сношенія съ жителями. Но люди его экипажа поссорились съ черными, которые умертвили самого вице-короля и около 70 человѣкъ португальцевъ.

Голландцы, на пути въ Индію и оттуда, начали заходить на Мысъ и вымѣнивали у жителей провизію. Потомъ уже Голландская Остъ-Индская компанія, по предложенію врача фонъ-Рибека, заняла Столовую бухту.

Въ 1652 году голландцы заложили тамъ крѣпостъ и такимъ образомъ возникъ Капштатъ. Они быстро распространились внутрь края, произвольно занимая впустѣ-лежащія земли и оттѣсняя жителей отъ береговъ. Со стороны дикихъ сначала они не встрѣчали сопротивленія. Послѣдніе, за разныя европейскія издѣлія, но всего болѣе за табакъ, водку, желѣзныя орудія и тому подобные предметы, охотно уступали имъ, не только земли, но и то, что составляло ихъ главный промыслъ и богатство—скотъ.

Голландскіе фермеры до-сихъ-поръ владѣютъ большими пространствами земли: это произошло отъ системы произвольной раздачи ея поселенцамъ. Всякій изъ нихъ бралъ столько земли во владѣніе, сколько могъ окинуть взглядомъ. Отъ этого многія фермы и теперь отстоятъ на сутки ѣзды одна отъ другой. Фермеры, удалясь отъ центра управленія колоніи, почувствовали себя какъ-бы независимыми владѣльцами и не замедлили подчинить своей власти туземцевъ, и именно готтентотовъ. Распространяясь далѣе къ востоку, голландцы встрѣтились съ каффрами, извѣстными подъ общимъ, собирательнымъ именемъ *Амакоза*. Послѣдніе вели кочевую жизнь и, въ эпоху основанія колоніи, прикочевали съ сѣвера къ востоку, къ рѣкѣ Кей, подъ предводительствомъ знаменитаго вождя Тогу (Toguh), отъ котораго многіе послѣдующіе вожди, и между прочимъ извѣстнѣйшіе изъ нихъ, Гаика и Гинца, ведутъ свой родъ.

Каффры, или Амакоза, продолжали распространяться къ западу, перешли большую «Рыбную рѣку» (Fishriver) и заняли нынѣшнюю провинцію Альбани, до «Воскресной рѣки».

Голландцы продолжали распространяться внутрь, не встрѣчая препятствій, потому-что каффры, кочуя по пу-

стымъ пространствамъ, не успѣли еще сосредоточиться въ одномъ мѣстѣ. Имъ даже нравилось сосѣдство голландцевъ, у которыхъ они могли воровать скотъ, по наклонности своей къ грабежу и къ скотоводству, какъ промыслу, свойственному всѣмъ кочующимъ народамъ.

Гористая и лѣсистая мѣстность «Рыбной рѣки» и нынѣшней провинціи «Альбани» способствовала грабежу и манила ихъ селиться въ этихъ мѣстахъ. Здѣсь возникли первыя непріязненныя стычки съ дикими, вовлекшія потомъ бѣлыхъ и черныхъ въ нескончаемую доселѣ вражду. Всякій, кто читалъ прежнія извѣстія о голландской колоніи, конечно помнитъ, что они были наполнены безчисленными эпизодами о схваткахъ поселенцевъ съ двумя непріятелями, каффрами и дикими звѣрями, которые нападали съ одной цѣлью: похищать скотъ.

Нельзя не отдать справедливости неутомимому терпѣнію голландцевъ, съ которымъ они старались, при своихъ малыхъ средствахъ, водворять хлѣбопашество и другія отрасли земледѣлія въ этой странѣ; какъ настойчиво преодолѣвали всѣ препятствія, сопряженныя съ такимъ трудомъ, на новой, нетронутой почвѣ.

Они цѣликомъ перенесли сюда все свое голландское хозяйство, и противопоставивъ палящему солнцу, пескамъ, горамъ, разбоямъ и грабежамъ каффровъ, почти одну свою фламандскую флегму, достигли тѣхъ результатовъ, къ какимъ только могло ихъ привести, за недостаткомъ положительной и живой энергіи, это отрицательное и мертвое качество, т. е. хладнокровіе. Они, посредствомъ его, какъ другіе посредствомъ военныхъ или административныхъ мѣръ, достигли чего хотѣли, т. е. заняли земли, взяли въ невольничество, сколько имъ нужно было, черныхъ, привили земледѣліе, добились умѣреннаго сбыта продуктовъ

и зажили, какъ живутъ въ Голландіи, тою жизнью, которою жили, столѣтія тому назадъ, не задерживая и не подвигая успѣха впередъ. Они до-сихъ-поръ еще пашутъ тѣмъ же тяжелымъ, огромнымъ плугомъ, какимъ пахали за двѣсти лѣтъ, впрягая въ него до двѣнадцати быковъ; до-сихъ-поръ у нихъ та же неуклюжая борона. Плодопеременное хозяйство имъ неизвѣстно. Англійскія земледѣльческія орудія кажутся имъ черезчуръ легкими и хрупкими. Скотоводство распространилось довольно-далеко во внутренность края, и фермеры, занимающіеся имъ, зажиточны, но образъ жизни ихъ довольно грубъ и грязенъ. Недостатокъ въ водѣ, ощущаемый внутри края, заставляетъ ихъ иногда кочевать съ мѣста на мѣсто.

Лучшіе и богатѣйшіе изъ голландцевъ—винопроизводители. Винодѣліе введено въ колонію французскими эмигрантами, удалившимися сюда по случаю отмѣны нантскаго эдикта. Въ колоніи, и именно въ западной части, на приморскихъ берегахъ, производится большое количество вина почти отъ всѣхъ сортовъ французскихъ лозъ, отъ которыхъ удержались даже и названія. Вино, кромѣ потребленія въ колоніи, вывозится въ значительномъ количествѣ въ Европу, особенно въ Англію, гдѣ оно служитъ къ замѣну хереса и портвейна, которыхъ Испанія и Португалія не производятъ достаточно для снабженія одной Англіи.

Эмигранты, вмѣстѣ съ искусствомъ винодѣлія, занесли на Мысъ свои нравы, обычаи, вкусъ и нѣкоторую степень роскоши, что все привилось и къ фермерамъ. Близость къ Капштату поддержала въ западныхъ фермерахъ до-сихъ-поръ эту утонченность нравовъ, о которой не имѣютъ понятія восточные, скотопромышленные хозяева.

Но вліяніе эмигрантовъ тѣмъ и кончилось. Сами они

исчезли въ голландскомъ народонаселеніи, оставивъ по себѣ потомкамъ своимъ только французскія имена.

Между фермерами, чиновниками и другими лицами колоніи, слышатся фамиліи Руже, Лесюеръ и т. п.; всматриваешься въ нихъ, ожидая встрѣтить что-нибудь, напоминающее французовъ, и видишь чистѣйшаго голландца. Есть еще и доселѣ въ западной сторонѣ цѣлое мѣстечко, населенное потомками этихъ эмигрантовъ и извѣстное подъ названіемъ French Hoek или Hook.

Голландцы многочисленны, сказано выше: дѣйствительно такъ, хотя они уступили первенствующую роль англичанамъ, т. е. почти всю внѣшнюю торговлю, навигацію, самый Капштатъ, который изъ Капштата превратился въ Кэптоунъ, но бо̀льшая часть мѣстечекъ заселена ими, и фермы почти всѣ принадлежатъ имъ, за исключеніемъ только тѣхъ, которыя находятся въ нѣкоторыхъ восточныхъ провинціяхъ Альбани, Каледонъ, присоединенныхъ къ колоніи въ позднѣйшія времена и заселенныхъ англійскими, шотландскими и другими выходцами.

Говоря о голландцахъ, остается упомянуть объ отдѣльной, независимой колоніи голландскихъ, такъ называемыхъ *буровъ* (boer — крестьянинъ), т. е. тѣхъ же фермеровъ, которую они основали въ 1835 году, выселившись огромной толпой за черту границы. Вотъ какъ это случилось. Прежде, однакожь, слѣдуетъ напомнить вамъ, что въ 1795 году колонія была занята силою оружія англичанами, которые воспользовались случаемъ завладѣть этимъ важнымъ для нихъ мѣстомъ остановки на пути въ Индію. По амьенскому миру, въ 1802 г., колонія возвращена была Голландіи, а въ 1806 г. снова взята Англіею, за которою и утверждена окончательно вѣнскимъ трактатомъ 1815 г.

Голландцы терпѣливо покорились этому трактату потому только, что имъ оставили ихъ законы и администрацію. Но въ 1827 г. обнародованъ былъ сводъ законовъ въ англійскомъ духѣ и произошли многія важныя перемѣны въ управленіи. Это раздражило колонистовъ. Нѣкоторые изъ нихъ тогда же начали мало-по-малу выселяться изъ колоніи, далѣе отъ береговъ. Потомъ, по заключеніи въ 1835 г. мира съ каффрами, англійское правительство не позаботилось оградить собственность голландскихъ колонистовъ отъ нападенія и грабежа каффровъ, имѣя всѣ средства къ тому, и наконецъ внезапнымъ освобожденіемъ невольниковъ нанесло жестокій ударъ благосостоянію голландцевъ. Правительство вознаградило ихъ за невольниковъ по вест-индскимъ цѣнамъ, тогда какъ въ Капской колоніи невольники стòили вдвое. Деньги за нихъ высылались изъ Англіи, съ разными вычетами, въ Капштатъ, куда приходилось многимъ фермерамъ ѣздить нарочно за нѣсколько сотъ миль. Все это окончательно возстановило голландцевъ, которыхъ цѣлое народонаселеніе двинулось массой къ сѣверу и перешедши рѣку «Вааль», заняло пустыя, но прекрасныя, едва ли не лучшія во всей южной Африкѣ, пространства. Движеніе это было такъ единодушно, что многіе даже изъ сосѣднихъ къ Капштату голландцевъ бросили свои фермы, не дождавшись продажи ихъ съ аукціона, и удалились съ своими соотечественниками. Они заняли пространства въ 350 миль къ сѣверу отъ рѣки Вааль, захвативъ около полутора градуса южнаго тропика, крайній предѣлъ, до котораго достигла колонизація европейцевъ въ Африкѣ.

Они хотѣли имѣть свои законы, управленіе, и надѣялись, что съумѣютъ, безъ помощи англичанъ, защититься противъ враговъ. И не обманулись. Страна ихъ, по отзы-

вамъ самихъ англичанъ, находится въ цвѣтущемъ положеніи. «Буры» раздѣлили ее на округи, построили города, церкви, и ведутъ дѣятельную, патріархальную жизнь, не уступая, по свидѣтельству многихъ англійскихъ путешественниковъ, ни въ цивилизаціи, ни въ образѣ жизни, жителямъ Капштата. Они управляются народнымъ совѣтомъ (Volksraad), имѣютъ училища и т. п. Страна чрезвычайно плодородна, способна къ земледѣлію, винодѣлію, скотоводству, и производитъ множество плодовъ. Ей предстоитъ блистательная торговая будущность, по сосѣдству ея съ англійскимъ портомъ «Наталь» и занятымъ англичанами пространствомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ: «Orange river sovereignty».

Англійское правительство умѣло оцѣнить независимость и уважить права этого тихаго и счастливаго уголка и заключило съ нимъ въ январѣ 1852 г. договоръ, въ которомъ, съ утвержденіемъ за бурами этихъ правъ и независимости, предложены условія взаимныхъ отношеній ихъ съ англичанами и также образа поведенія относительно цвѣтныхъ племенъ, обезпеченія торговли, выдачи преступниковъ и т. п., какъ заключаются обыкновенно договоры между сосѣдями.

Водворяя въ колоніи свои законы и администрацію, англичане разсчитывали конечно на быстрый и несомнѣнный успѣхъ, какого достигли у себя дома. Пролагая путь внутрь края оружіемъ, а еще болѣе торговлею, они скоро отодвинули границу, которая до нихъ оканчивалась «Рыбною рѣкою» далѣе. Англійскіе губернаторы, смѣнившіе голландскихъ, окруженные бо̀льшимъ блескомъ и болѣе богатыми средствами, обнаружили и болѣе вліянія на дикія племена, вступили въ дѣятельныя сношенія съ каффрами и, то переговорами, то оружіемъ, вытѣснили ихъ

изъ предѣловъ колоніи. По окончаніи непріязненныхъ дѣйствій съ дикими въ 1819 г., англичане присоединили къ колоніи значительную часть земли, которая составляетъ теперь одну изъ лучшихъ ея провинцій, подъ именемъ «Альбани».

Изъ Англіи и Шотландіи, между тѣмъ, прибыли выходцы и въ бухтѣ «Альгоа» (Algoabay) завели дѣятельную торговлю съ каффрами, вслѣдствіе которой на рѣкѣ «Кейскама» учредилась ярмарка.

Каффры приносили слоновую кость, страусовыя перья, звѣриныя кожи, и въ замѣнъ, кромѣ необходимыхъ полевыхъ орудій, разныхъ ремесленныхъ инструментовъ, одеждъ, получали, къ сожалѣнію, порохъ и крѣпкіе напитки. Новые пришельцы пріобрѣли значительныя земли и посвятили себя особой отрасли промышленности— овцеводству. Они облагородили грубую туземную овцу: успѣхъ превзошелъ ожиданія, и явилась новая, до-тѣхъ-поръ неизвѣстная статья торговли — шерсть. Еще досихъ-поръ не опредѣлено, до какой степени можетъ усилиться шерстяная промышленность, потому-что нельзя еще, по невѣрному состоянію края, рѣшить, какъ далеко можетъ быть она распространена внутри колоніи. Но, по качествамъ своимъ, эта шерсть стоитъ наравнѣ съ австралійскою, а послѣдняя высоко цѣнится на лондонскомъ рынкѣ и предпочитается ост-индской. Вскорѣ возникъ въ этомъ углу колоніи городъ Гремъ (Grahamstown) и портъ Елизабетъ, черезъ который преимущественно производится торговля шерстью.

У англичанъ сначала не было положительной войны съ каффрами, но между-тѣмъ происходили безпрестанныя стычки. Можетъ быть англичане успѣли бы въ самомъ началѣ прекратить ихъ, еслибъ они въ переговорахъ имѣли

дѣло со всѣми, или по-крайней-мѣрѣ со многими главнѣйшими племенами; но они сдѣлали ошибку, обратясь въ сношеніяхъ своихъ къ предводителямъ одного главнаго племени, Гаики. Это возбуждало зависть въ мелкихъ племенахъ, которыя соединялись между собою и дѣйствовали совокупными силами противъ англичанъ, и вмѣстѣ противъ союзнаго съ ними племени Гаики.

Во всякомъ случаѣ, съ появленіемъ англичанъ, дѣятельность загорѣлась во всѣхъ частяхъ колоніи, торговая, военная, административная. Вскорѣ основали на «Кошачьей рѣкѣ» (Katriver) поселеніе изъ готтентоновъ; въ самой Каффраріи поселились миссіонеры. Послѣдніе, однакожь, дѣйствовали не совсѣмъ добросовѣстно: они возбуждали и каффровъ и готтентотовъ къ возстанію, имѣя въ виду образовать изъ нихъ одинъ народъ и обезпечить надъ нимъ свое господство. Колоніальное правительство принуждено было, между тѣмъ, вытѣснить нѣкоторыя, наиболѣе враждебныя племена, сильно тревожившія колонію своими мелкими набѣгами и грабежемъ, изъ занятыхъ ими мѣстъ. Все это повело къ первой, вспыхнувшей въ 1834 году, серьёзной войнѣ съ каффрами.

Сверхъ провинціи «Альбани», англичане пріобрѣли для колоніи два новые округа и назвали ихъ «Альбертъ» и «Викторія», и еще большое и богатое пространство земли, между старой колоніальной границей и «Оранжевой рѣкой», такъ-что нынѣшняя граница колоніи простирается отъ устья рѣки «Кейскаммы» по прямой линіи къ сѣверу, до 30° 30′ ю. ш. по Оранжевой рѣкѣ, и идучи по этой послѣдней, доходитъ до Атлантическаго океана.

Вся колонія раздѣлена на 20 округовъ, имѣющихъ свои мелкія подраздѣленія. Каждый округъ ввѣренъ чиновнику, завѣдывающему судебною и финансовою частями. Для лю-

бопытныхъ сообщаются здѣсь названія всѣхъ этихъ провинцій или округовъ, заимствованныя изъ капскихъ офиціальныхъ источниковъ. Капъ, Мельмсбери (Malmsbury), Стелленбошъ, Паарль, Устеръ (Worcester), Свеллендамъ, Каледонъ, Кленвильямъ, Джорджъ и Бофортъ составляютъ западную часть, а Альбани, портъ Бофортъ, Граафъ-Рейнетъ, Сомерсетъ, Кольсбергъ, Кредокъ, Уитенхагъ (Uitenhage), портъ Елизабетъ, Альбертъ и наконецъ Викторія— восточную.

Съ распространеніемъ владѣній колоніи, Англичане постепенно ввели всю систему англійскаго управленія. Высшая власть ввѣрена губернатору; но какъ губернаторъ въ военное время имѣетъ пребываніе на границахъ колоніи, то гражданская власть возложена на его помощника или намѣстника (lieutenant). Законодательная часть принадлежитъ такъ называемому *Законодательному Совѣту* (Legislative Council), состоящему изъ пяти офиціальныхъ и восьми приватныхъ членовъ. Офиціальные состоятъ изъ самого губернатора, потомъ втораго, начальствующаго по арміи, секретаря колоніи, интенданта и казначея. Остальные выбираются губернаторомъ изъ лицъ колоніи. Проектъ закона вносится дважды въ Совѣтъ: послѣ перваго прочтенія онъ печатается въ капштатскихъ вѣдомостяхъ, послѣ втораго принимается, или отвергается. Въ первомъ случаѣ онъ представляется на утвержденіе лондонскаго министерства. Исполнительною властью завѣдываетъ *Исполнительный Совѣтъ* (Executive Council). Это родъ тайнаго совѣта губернатора, который впрочемъ самъ, не только не подчиненъ ни тому, ни другому совѣтамъ, но онъ можетъ даже пустить предложенный имъ законъ въ ходъ, хотя бы Законодательный Совѣтъ и не одобрилъ его, и примѣнять до утвержденія англійскаго колоніальнаго министра.

Наконецъ англичане ввели также свою систему податей и налоговъ. Можетъ быть нѣкоторые изъ послѣднихъ покажутся преждевременными для молодаго, только-что формирующагося гражданскаго общества, но они по-большей-части оправдываются значительностью издержекъ, которыхъ требовало и требуетъ содержаніе и управленіе колоніи, и особенно частыя и трудныя войны съ каффрами. Впрочемъ, въ 1837 году, нѣкоторые налоги были отмѣнены, напримѣръ налогъ съ дохода, съ слугъ, также съ нѣкоторыхъ продуктовъ. Многіе ошибочно думаютъ, что вообще колоніи, и въ томъ числѣ капская, доходами своими обогащаютъ британскую казну; напротивъ, послѣдняя сама должна была тратить огромныя суммы. Единственная привилегія англичанъ состоитъ въ томъ, что они установили по 12% таможенной пошлины съ иностранныхъ привозныхъ товаровъ и по 5% съ англійскихъ. Но какъ весь привозъ товаровъ въ колонію простирался на сумму около $1^1/_2$ милліона фунт. ст., и именно: въ 1851 году черезъ Капштатъ, Саймонстоунъ, порты—Елизабетъ и Восточный Лондонъ, привезено товаровъ на 1,277,045 фунт. ст., въ 1852 г. на 1,675,686 фунт. ст., а вывезено чрезъ тѣ же мѣста, въ 1851 г. на 637,282, въ 1852 г. на 651,483 фунт. ст., и таможенный годовой доходъ составлялъ въ 1849 г. 84,256, въ 1850 г. 102,173 и въ 1851 г. 111,260 фунт. ст., то нельзя и изъ этого заключить, чтобы англичане черезчуръ эгоистически заботились о своихъ выгодахъ, особенно если принять въ соображеніе, что бо̀льшая половина товаровъ привозится не на англійскихъ, а на иностранныхъ судахъ.

Напротивъ, судя по расходамъ, какихъ требуютъ разныя учрежденія, работы, и особенно войны съ каффрами, надо еще удивляться умѣренности налоговъ. Лучшимъ до-

казательствомъ этой умѣренности служитъ то, что колонія выдерживаетъ ихъ безъ всякаго отягощенія.

Доходъ колоніи незначителенъ: онъ не всегда покрываетъ ея расходы. Въ 1851 году, дохода было 220,884 фун. стерл., а расходъ составлялъ 223,115 фунт. ст. Пошлина, какъ въ Англіи, наложена почти на все. Каждый мужчина и женщина, не моложе 16 лѣтъ, кромѣ коронныхъ чиновниковъ и ихъ слугъ, платятъ по 6 шиллинговъ въ годъ подати. Таксой обложены также домы, экипажи, лошади, хлѣбъ, вода, рынки, аукціоны, вина. Всѣ публичные акты подлежатъ гербовой пошлинѣ. Даже и тотъ, кто пожелалъ бы оставить колонію, платитъ за это право пошлину. Значительный доходъ получается отъ продажи казенныхъ земель, особенно въ нѣкоторыхъ новыхъ округахъ, напримѣръ: Викторіи и другихъ. Казенныя земли пріобрѣтаются частными лицами, съ платою по два шиллинга за акръ, считая въ моргенѣ два акра. Если принять въ соображеніе, что изъ этихъ доходовъ платится содержаніе чиновниковъ, проводятся исполинскія дороги черезъ каменистыя горы, устроиваются порты, мосты, публичныя зданія, церкви, училища и т. п., то окажется, что взиманіе податей равняется только крайней необходимости. Все пространство, занимаемое колоніею, составляетъ 118,356 кв. миль, а народонаселеніе простирается до 142,000 душъ мужескаго пола, а всего съ женщинами 285,279 душъ. Черныхъ нѣсколькими тысячами болѣе противъ бѣлыхъ.

Такимъ образомъ, со времени владычества англичанъ, пріобрѣтены три новыя провинціи, открыто на восточномъ берегу три порта: Елизабетъ, Наталь и Восточный Лондонъ, построено много фортовъ, служащихъ защитой и убѣжищемъ отъ набѣгомъ каффровъ. Далѣе, по всѣмъ направленіямъ колоніи, проложены и пролагаются вновь

шоссе, между портами учреждено пароходство; возникло много новыхъ городовъ, которыхъ имена пріобрѣтаютъ въ торговомъ мірѣ болѣе и болѣе извѣстности. Капштатскій рынокъ каждую субботу наводняется привозимыми изнутри, то сухимъ путемъ, на быкахъ, то изъ порта Елизабетъ и Восточнаго Лондона, на судахъ, товарами для вывоза въ разныя мѣста. Вывозимыя произведенія: *зерновой хлѣбъ и мука*, *говядина и свинина*, *рыба*, *масло*, *свѣчи*, *кожи* (конскія и бычачьи), *шкуры* (козьи, овечьи, морскихъ животныхъ), *водка*, *вина*, *шерсть*, *воскъ*, *сухіе плоды*, *лошади*, *мулы*, *рога*, *слоновая кость*, *китовой усъ*, *страусовыя перья*, *алоэ*, *винный камень* и другія. Привозимые товары: *кофе*, *сахаръ*, *порохъ*, *рисъ*, *перецъ*, *крѣпкіе напитки*, *чай*, *табакъ*, *дерево*, *вина*, также *рыба*, *мясо*, *крупичатая мука*, *масло*. Всѣ привозные товары обложены различною таможенною пошлиною. До 600 кораблей увозятъ и привозятъ всѣ эти товары.

Англичане, по примѣру другихъ своихъ колоній, освободили черныхъ отъ рабства, не смотря на то, что это повело за собой вражду голландскихъ фермеровъ и что земледѣліе много пострадало тогда, и страдаетъ еще до-сихъ-поръ, отъ уменьшенія рукъ. До 30,000 черныхъ невольниковъ обработывали землю, но сдѣлать ихъ добровольными земледѣльцами не удалось: они работаютъ только для удовлетворенія крайнихъ своихъ потребностей, и затѣмъ уже ничего не дѣлаютъ.

Успѣху англичанъ, или, лучше сказать, успѣху цивилизаціи, противоборствуютъ до-сихъ-поръ, кромѣ самой природы, два враждебныя обстоятельства, первое: скрытая, застарѣлая ненависть голландцевъ къ англичанамъ, какъ къ побѣдителямъ, къ ихъ учрежденіямъ, успѣхамъ, торговлѣ, богатству. Ненависть эта передается отъ отца

къ сыну, вмѣстѣ съ наслѣдствомъ. И хотя между двумя націями нѣтъ открытой вражды, но нѣтъ и единодушія, стало быть и успѣха въ той мѣрѣ, въ какой бы можно было ожидать его при совокупныхъ дѣйствіяхъ. Второе обстоятельство — войны съ каффрами. Съ одной стороны, эти войны оживляютъ колонію: присутствіе войскъ, и сопряженное съ тѣмъ увеличеніе потребленія разныхъ предметовъ, до нѣкоторой степени усиливаетъ торговое движеніе. Живущіе далеко отъ границы фермеры радуются войнѣ, потому-что скорѣе и дороже сбываютъ свои продукты; но, съ другой стороны, военныя дѣйствія, сосредоточивая все вниманіе колоніальнаго правительства на защиту границъ, парализуютъ его дѣйствія во многихъ другихъ отношеніяхъ. Множество рукъ и денегъ уходитъ на эти неблагодарныя войны, послѣдствія которыхъ, въ настоящее время, не вознаграждаютъ трудовъ и усилій ничѣмъ, кромѣ невѣрныхъ, почти безплодныхъ побѣдъ, доставляющихъ спокойствіе краю только на нѣкоторое время.

Каффры, или Амакоза, со времени безпокойствъ 1819 года, вели себя довольно смирно. Хотя и тутъ не обходилось безъ набѣговъ и грабежей, которые вели за собой небольшія военныя экспедиціи въ Каффрарію; но эти грабежи и военныя стычки съ грабителями имѣли такой частный характеръ, что вообще можно назвать весь періодъ, отъ 1819 до 1830 года, если не мирнымъ, то покойнымъ. Предводитель одного изъ главныхъ племенъ, Гаика, спился и умеръ; власть его, по обычаю каффровъ, переходила къ сыну главной изъ женъ его. Но какъ этотъ сынъ, по имени Сандилья, былъ еще ребенокъ, то племенемъ управлялъ старшій сынъ Гаики, Макомо. Онъ имѣлъ пребываніе на берегахъ «Кошачьей рѣки», главнаго притока «Большой Рыбной рѣки». Хотя этотъ участокъ въ 1819 году былъ

уступленъ при Гаикѣ колоніи, но Макомо жилъ тамъ безпрепятственно до 1829 года, а въ этомъ году положено было его вытѣснить, частью по причинѣ грабежей, производимыхъ его племенемъ, частью за то, что онъ, воюя съ своими дикими сосѣдями, переступалъ границы колоніи. Можетъ быть, къ этому присоединились и другія причины, но дѣло въ томъ, что племя было вытѣснено, хотя и безъ кровопролитія, но не безъ сопротивленія. На очистившихся мѣстахъ поселены были мирные готтентоты, обнаружившіе склонность къ осѣдлой жизни. Это обстоятельство подало каффрамъ первый и главный поводъ къ открытой враждѣ съ европейцами, которая усилилась еще болѣе, когда, вскорѣ послѣ того, англичане разстрѣляли одного изъ значительныхъ вождей, дядю Гаики, по имени Секо, оказавшаго сопротивленіе при отнятіи европейцами у его племени украденнаго скота. Смерть этого вождя привела дикихъ въ ярость; но они еще сдерживали ее. Макомо, съ братомъ своимъ Тіали, перешелъ на берега «Чуми», притока рѣки «Кейскаммы», гдѣ племя Гаики жило постоянно, съ согласія пограничныхъ начальниковъ. Но тутъ опять возникли жалобы на грабежъ скота. Макомо старался взбунтовать готтентотскихъ поселенцевъ противъ европейцевъ и былъ, въ 1833 году, оттѣсненъ съ своимъ племенемъ за рѣку въ то время, когда еще хлѣбъ былъ на корню и племя оставалось безъ продовольствія. Англійскіе миссіонеры, между тѣмъ, съ своей стороны, какъ сказано выше, поджигали каффровъ къ разрыву съ европейцами, надѣясь извлечь изъ этого свои выгоды. Война была неизбѣжна и вскорѣ вспыхнула.

Возстали четыре племени, составлявшія около 34,000 душъ однихъ мужчинъ.

Европейцы никакъ не предполагали, чтобъ каффры,

послѣ испытанныхъ неудачъ въ 1819 г., отважились на открытую войну, поэтому и не приняли никакихъ мѣръ къ отраженію нападенія, и толпы каффровъ, въ декабрѣ 1834 г., ворвались въ границы колоніи. Войскъ было такъ мало на границѣ, что они не могли противостать дикимъ. Каффры умерщвляли поселенцевъ, миссіонеровъ, осѣдлыхъ готтентотовъ, забирали скотъ и жгли жилища. Они опустошили всю нынѣшнюю провинцію Альбани, кромѣ самого Гремстоуна, часть Винтерберга до моря, всего пространство на 100 миль въ длину и около 80 въ ширину, избѣгая однако же открытаго и общаго столкновенія съ непріятелемъ. Наконецъ узнавъ, что тогдашній губернаторъ, сэръ Бенджаменъ д'Урбанъ, прибылъ съ значительными силами въ Гремстоунъ, они, въ январѣ 1835 г., удалились въ свои мѣста, не забывъ унести все награбленное. Полковники Смитъ и Соммерсетъ (первый былъ потомъ губернаторомъ) съ февраля начали свои дѣйствія. Они должны были отъискивать непріятеля въ ущельяхъ и кустарникахъ, почти недоступныхъ для европейца. Нѣкоторыя племена покорились тотчасъ же, объявивъ себя подданными англійской короны и обѣщая содѣйствовать къ прекращенію безпорядковъ на границѣ, другія отступали далѣе. Наконецъ и тѣ и другіе утомились: европейцы—потерей людей, времени и денегъ, каффры теряли свои мѣста, ихъ оттѣсняли отъ ихъ деревень, которыя были выжигаемы, и потому обѣ стороны, въ сентябрѣ 1835 г., вступили въ переговоры и заключили миръ, вслѣдствіе котораго каффры должны были возвратить весь угнанный ими скотъ и уступить бѣлымъ значительный участокъ земли.

До 1846 г. колонія была покойна, то-есть войны не было; но это опять не значило, чтобъ не было грабежей. По мѣрѣ того, какъ каффры забывали о войнѣ, они дѣла-

лись все смѣлѣе; опять поднялись жалобы съ границъ. Губернаторъ созвалъ главныхъ мирныхъ вождей на совѣщаніе о средствахъ къ прекращенію зла. Вожди, обнаруживъ неудовольствіе на эти грабежи, объявили однако же, что они не въ состояніи отвратить безпорядковъ. Тогда въ мартѣ 1846 г., открылась опять война.

Губернаторомъ былъ только-что-поступившій, вмѣсто сэръ Джоржа Нэпира, сэръ Перегринъ Метлэндъ. Каффры во множествѣ вторглись въ колонію, по обыкновенію, убивая колонистовъ, грабя имущества и сожигая поселенія. Эта война особенно богата кровавыми и трагическими эпизодами. Каффры избѣгали встрѣчи съ бѣлыми въ открытомъ полѣ и одержавъ верхъ въ какой-нибудь стычкѣ, быстро скрывались въ хорошо извѣстной имъ странѣ, среди неприступныхъ ущелій и скалъ, или, пропустивъ войска далѣе впередъ, они распространяли ужасы опустошенія позади, въ предѣлахъ колоніи. Войскъ было мало; поселенцевъ приглашали къ поголовному ополченію, но безъ успѣха. Каффры являлись въ числѣ многихъ тысячъ, отрѣзывали подвозъ провизіи, и войска часто доходили до совершеннаго истощенія силъ. Иногда за стаканъ свѣжей воды платили по шиллингу, за сухарь—по шести пенсовъ, и то не всегда находили и то и другое. Негры племени Финго, помогавшіе англичанамъ, принуждены были ѣсть свои щиты изъ буйволовой кожи, а готтентоты по нѣскольку дней довольствовались тѣмъ, что крѣпко перетягивали себѣ животъ и этимъ заглушали голодъ. Ужасъ былъ всеобщій, такъ-что въ маѣ 1846 г., по всей колоніи служили молебны, прося Бога о помощи. Церкви были биткомъ набиты; множество траурныхъ платьевъ краснорѣчиво свидѣтельствовали о томъ, въ какомъ положеніи были дѣла. Метлэнда укоряли въ недостаткѣ твердости, искусства и въ нераспорядительности.

Въ 1847 году, вмѣсто него, назначенъ сэръ Генри Поттинджеръ, а главнокомандующимъ арміи на границѣ, сэръ Джорджъ Берклей. Давно ощущалась потребность въ разъединеніи гражданской и военной частей и эта мѣра вскорѣ оказала благодѣтельныя дѣйствія. Вообще въ этой послѣдней войнѣ англичане воспользовались опытами прежней и приняли нѣсколько благоразумныхъ мѣръ къ обезпеченію своей безопасности и доставки продовольствія. Провіантъ и прочее доставлялось до сихъ поръ на мѣсто военныхъ дѣйствій сухимъ путемъ, и плата за одинъ только провозъ составляла около 170,000 фунт. ст. въ годъ, между-тѣмъ какъ всѣ припасы могли быть доставляемы моремъ до самаго устья «Буйволовой рѣки», что̀ наконецъ и приведено въ исполненіе, и Берклей у этого устья и расположилъ свою главную квартиру.

Потомъ запрещенъ былъ всякій тортъ съ каффрами, какъ преступленіе, равное государственной измѣнѣ, потому-что каффры въ этомъ торгѣ—фактъ, которому съ трудомъ вѣрится — пріобрѣтали отъ англичанъ же оружіе и порохъ.

Когда нѣкоторые вожди являлись съ покорностью, отъ нихъ требовали выдачи оружія и скота, но они приносили нѣсколько ружей и приводили, вмѣсто тысячъ, десятки головъ скота, и когда ихъ прогоняли, они поневолѣ возвращались къ оружію и съ новой яростью нападали на колонію. Такъ точно поступилъ Сандилья, которому губернаторъ обѣщалъ прощеніе, если онъ исполнитъ требуемыя условія; но онъ не исполнилъ, и продолжая тревожить набѣгами колонію, наконецъ удалился въ неприступныя мѣста. Голодъ принудилъ его однакожъ сдаться: онъ, съ нѣкоторыми совѣтниками и вождями, былъ отправленъ въ Гремстоунъ и брошенъ въ тюрьму. Другіе вожди удалились

съ племенами своими въ горы. но полковникъ Соммерсетъ неутомимо преслѣдовалъ ихъ и принудилъ къ сдачѣ.

Между-тѣмъ губернаторъ Поттинджеръ былъ отозванъ въ Мадрасъ и мѣсто его заступилъ отличившійся въ войнѣ 1834 и 1835 г. генералъ-майоръ сэръ Герри Смитъ, пріобрѣтшій любовь и уваженіе во всей колоніи. Онъ, по прибытіи, созвалъ плѣнныхъ каффрскихъ вождей, обошелся съ ними презрительно и сурово; одному изъ нихъ, именно Макомо, велѣлъ стать на колѣни и объявилъ, что отнынѣ онъ, Герри Смитъ, главный и единственный начальникъ каффровъ. Послѣ чего, положивъ ногу на голову Макомо, прибавилъ, что такъ будетъ поступать со всѣми врагами англійской королевы. Вскорѣ онъ издалъ прокламацію, объявляя, что все пространство земли отъ рѣки «Кейскаммы», до рѣки «Кей», онъ, именемъ королевы, присоединилъ къ англійскимъ владѣніямъ, подъ названіемъ *Британской Каффраріи*. И тутъ же, назначивъ подполковника Мекиннока начальникомъ этой области, объявилъ условія, на основаніи которыхъ каффрскіе вожди «Британской Каффраріи» должны впередъ управлять своими племенами, подъ вліяніемъ англійскаго владычества.

Когда всѣ вожди и народъ, обнаруживъ совершенную покорность и раскаяніе, дали торжественныя клятвы свято блюсти обязательства, Герри Смитъ заключилъ съ ними, въ декабрѣ 1847 г., миръ. Отъ суроваго и презрительнаго обращенія онъ перешелъ къ кроткому и дружественному. Онъ уговаривалъ ихъ сблизиться съ европейцами, слушать ученіе миссіонеровъ, учиться по-англійски, заниматься ремеслами, торговать честно, привыкать къ употребленію монеты, доказывая имъ, что все это, и одно только это, то есть цивилизація, дѣлаетъ бѣлыхъ счастливыми, добрыми, богатыми и сильными.

Энергическія и умныя мѣры Смита водворили въ колоніи миръ и оказали благодѣтельное вліяніе на самихъ каффровъ. Они, казалось, убѣдились въ физическомъ и нравственномъ превосходствѣ бѣлыхъ и въ невозможности противиться имъ, смирились и отдались подъ ихъ опеку. Совѣты, или, лучше сказать, приказанія Смита исполнялись— но долго ли, вотъ вопросъ! Была ли эта война послѣднею? Къ сожалѣнію, нѣтъ. Это была только вторая по счету: въ 1851 году открылась третья. И кто знаетъ, гдѣ остановится эта нумерація?

Послѣ этого краткаго очерка двухъ войнъ, нужно ли говорить о третьей, которая кончилась въ эпоху прибытія на Мысъ фрегата «Паллада». то есть въ началѣ 1853 года?

Началась она, какъ всѣ эти войны, нарушеніемъ со стороны каффровъ обязательствъ мира и кражею скота. Было нѣсколько случаевъ, въ которыхъ они отказались выдать украденный скотъ и усиливали дерзкія вылазки на границахъ. Вскорѣ въ колоніи убѣдились въ необходимости новой войны. Но прежде, нежели англичане подумали о приготовленіи къ ней, каффры поставили всю Британскую Каффрарію на военную ногу. У нихъ оказалось множество прежняго, невыданнаго ими, по условію мира 1835 г., оружія, и кромѣ того. несмотря на строгое запрещеніе доставки имъ пороха и оружія, привезено было тайно много и того и другаго черезъ Альгоабей. Губернаторъ сталъ принимать сильныя мѣры, но не хотѣлъ, однакожь, первый начинать непріязненныхъ дѣйствій. Онъ собралъ всѣ дружественныя племена, уговаривая ихъ поддержать сторону своей государыни, что̀ они и обѣщали. Къ сожалѣнію онъ черезчуръ много надѣялся на вѣрность черныхъ: и дружественныя племена, и учрежденная имъ полиція изъ каффровъ, и наконецъ мирные готтентоты—все это обманы-

вало его, вывѣдывало о числѣ англійскихъ войскъ и передавало своимъ одноплеменникамъ, а тѣ дѣлали засады въ такихъ мѣстахъ, гдѣ англійскіе отряды погибали безъ всякой пользы.

Въ декабрѣ 1850 г., за день до праздника Рождества Христова, каффры первые начали войну, заманивъ англичанъ въ засаду, и послѣ стычки, по обыкновенію, ушли въ горы. Тогда началась, не война, а наказаніе каффровъ, которыхъ губернаторъ объявилъ уже не врагами Англіи, а бунтовщиками, такъ-какъ они были великобританскіе подданные.

Поселенцы, по обыкновенію, покинули свои мѣста, угнали скотъ и, кто могъ, бѣжалъ дальше отъ границъ Каффраріи. Вся пограничная черта представляла одну картину общаго движенія. Нѣкоторые изъ фермеровъ собирались толпами и укрѣплялись лагеремъ въ полѣ, или избирали убѣжищемъ укрѣпленную ферму.

Безполезно утомлять ваше вниманіе разсказомъ мелкихъ и незанимательныхъ эпизодовъ этой войны: они черезчуръ однообразны. Каффры, послѣ нападенія на какой-нибудь фортъ, или отрядъ, одерживали временно верхъ и потомъ исчезали въ неприступныхъ убѣжищахъ. Но англійскія войска неутомимо преслѣдовали ихъ и принуждали сдаваться, или оружіемъ, или голодомъ. Все это длилось до тѣхъ-поръ, пока у мятежниковъ не истощились военные и съѣстные припасы. Тогда они явились съ повинной головой, согласились на предложенныя имъ условія, и все вошло въ прежній порядокъ.

Кеткартъ, заступившій, въ мартѣ 1852 года, Герри Смита, издалъ, наконецъ, 2 марта 1853 года, въ Вильямстоунѣ, на границѣ колоніи, прокламацію, въ которой объявляетъ, именемъ своей королевы, миръ и прощеніе Сан-

дильи и народу Гаики, съ тѣмъ, чтобы каффры жили, подъ отвѣтственностью главнаго вождя своего, Сандильи, въ Британской Каффраріи, но только далѣе отъ колоніяльной границы, на указанныхъ мѣстахъ. Онъ долженъ представить оружіе и отвѣчать за миръ и безопасность въ его владѣніяхъ, за доброе поведеніе гаикскаго племени и за исполненіе взятыхъ имъ на себя обязательствъ, также повелѣній королевы.

Это прощеніе не простирается однакожь за предѣлы Британской Каффраріи, и всякій, преступившій извнѣ границу колоніи, будетъ преданъ суду.

Готтентотамъ тоже не позволено, безъ особаго разрѣшенія губернатора, селиться въ Британской Каффраріи.

Выше сказано было, что колонія теперь переживаетъ одинъ изъ самыхъ занимательныхъ моментовъ своей исторіи: дѣйствительно оно такъ. До-сихъ-поръ колонія была ничто иное, какъ англійская провинція, живущая по законамъ, начертаннымъ ей метрополіею, сообразно духу послѣдней, а не дѣйствительнымъ потребностямъ страны. Не разъ заочныя распоряженія лондонскаго колоніяльнаго министра противорѣчили нуждамъ края и вели за собой мѣстныя неудобства и затрудненія въ дѣлахъ.

Англичане одни завѣдывали управленіемъ колоніи. Англія назначала губернатора и членовъ Законодательнаго Совѣта, такъ-что законъ, какъ объяснено выше, не иначе получалъ силу, какъ по утвержденіи его въ Англіи. Англичанамъ было хорошо: они были здѣсь какъ у себя дома, но голландцы, и безъ того недовольные англійскимъ владычествомъ, роптали, требуя для колоніи законодательной власти, независимо отъ Англіи. Наконецъ этотъ ропотъ подѣйствовалъ. Англія предоставляетъ теперь право избранія членовъ Законодательнаго Совѣта самой колоніи, которая

такимъ образомъ получитъ самостоятельность въ своихъ дѣйствіяхъ, и дальнѣйшее ея существованіе можетъ съ этой минуты упрочиваться на началахъ, истекающихъ изъ собственныхъ ея нуждъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на колонію возлагаются и всѣ расходы по управленію, а также предоставляется ей самой распоряжаться военными дѣйствіями съ дикими племенами.

Событіе, весьма важное, которое обезпечиваетъ колоніи почти независимость и могущественное покровительство Британіи. Это событіе еще не состоялось вполнѣ; проектъ представленъ въ парламентъ и конечно будетъ утвержденъ *), ибо вѣроятно всѣ приготовленія къ этому дѣлались съ одобренія англійскаго правительства.

Мы остановились на полчаса въ небольшой гостинницѣ, окруженной палисадникомъ. Гостинницу называютъ по-англійски Mitchel, а по-голландски Clauisriver, по имени рѣчки. Первый встрѣтилъ насъ у дверей баранъ, который мѣтилъ во всякаго изъ насъ рогами, когда мы проходили мимо его, за нимъ въ дверяхъ показался хозяинъ, голландецъ, невысокаго роста, съ безпечнымъ лицомъ. «Да зачѣмъ же тутъ останавливаться?» замѣтилъ П., страстный охотникъ ѣхать впередъ. «Немного отдохнуть, и вамъ, и лошадямъ», пріятно улыбаясь, отвѣчалъ Вандикъ, отложившій уже лошадей. «Да намъ не нужно, мы не устали». Тутъ я разглядѣлъ другаго кучера: этотъ былъ небольшаго роста, съ насмѣшливымъ и рѣшительнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Я ѣхалъ съ Б. К. и З., въ другой «картѣ» сидѣли П., В. и Г. Гляжу и не могу разглядѣть, кто еще сидитъ съ ними: обезьяна не обезьяна, но такое же маленькое су-

*) Онъ утвержденъ былъ въ 1853 году.

щество, съ такимъ же маленькимъ, смуглымъ лицомъ, какъ у обезьяны, одѣтое въ большое пальто и широкую шляпу. Это готтентотъ, мальчишка котораго зачѣмъ-то взялъ съ собой Вандикъ.

Мы не успѣли еще расправить хорошенько ногъ, Б. вошелъ уже въ комнату и что-то заказывалъ хозяину и мальчишкѣ-негру. Мы занялись разсматриваніемъ комнаты: въ ней неизбѣжные — рѣзной шкапъ съ посудой, другой съ чучелами птицъ; вмѣсто ковра, шкуры пантеръ, потомъ старинные массивные столы, массивные стулья. Все смотрѣло такъ мрачно; позолоченныя рамки на зеркалахъ почернѣли; вездѣ копоть. На картинахъ охота: слонъ давитъ ногой тигра, собаки преслѣдуютъ барса. Темная закоптѣлая комнатка, убранная по-голландски, смотритъ, однакожь, на путешественника радушно, какъ небритый и немытый человѣкъ смотритъ изподлобья, но ласковымъ взглядомъ. Такъ и въ этой, и подобныхъ ей комнатахъ, все привѣтливо и пріютно. Тутъ и чашки на виду, пахнетъ корицей, кофе и другими пряностями — словомъ, хозяйствомъ; каминъ долженъ быть очень тепелъ. Не похоже на трактиръ, а скорѣе на укромный домикъ какой-нибудь бѣдной тетки, которую вы рѣшились посѣтить въ глуши. Правда, кресло жестковато, да не скоро его и сдвинешь съ мѣста; лакъ и позолота почти совсѣмъ сошли; вмѣсто занавѣсокъ, висять лохмотья, и самъ хозяинъ смотритъ такъ жалко, бѣдно, но эта честная, и притомъ гостепріимная бѣдность, которая васъ всегда накормитъ, хотя и жесткой ветчиной, еще болѣе жесткой солониной, но она отдастъ послѣднее. Глядя на то, какъ патріархально подаютъ тамъ обѣдъ и завтракъ, не вѣрится, чтобъ за это взяли деньги: и берутъ ихъ будто нехотя, по необходимости. Только-что мы осмотрѣли всѣ углы, чучелъ птицъ и звѣрей, картинки,

какъ хозяинъ пригласилъ насъ въ другую комнату, гдѣ уже стояла ветчина съ яичницей и кофе.—Уже? опять? сказалъ В., умѣренный и скромный нашъ спутникъ, нѣмецъ: мы завтракали въ Капштатѣ». Однако сѣлъ и позавтракалъ съ нами.

Часовъ въ пять пустились дальше. Дорога нѣкоторое время шла все по той же болотистой долинѣ. Мы хотя и оставили назади, но не потеряли изъ виду Столовую и Чортову горы. Вправо тянулись пики, идущіе отъ Констанской горы. Вскорѣ, однакожь. болота и пески замѣнились зелеными холмами, почва стала разнообразнѣе, дальнія горы выказывались грознѣе и яснѣе; надъ ними лежали синія тучи и бѣгала молнія: дождь лилъ довольно сильный. П. А. З. пѣлъ во всю дорогу, или живую плясовую пѣсню, или похоронный маршъ на извѣстныя слова Козлова: *Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ* и т. д. Мы съ Б. курили, или глубокомысленно молчали, изрѣдка обращаясь съ вопросомъ къ Вандику, о какой-нибудь горѣ, или дальней фермѣ. Онъ былъ африканецъ, то есть родился въ Африкѣ, отъ голландскихъ родителей, говорилъ по-голландски и по-англійски, и не затруднялся отвѣтомъ. Онъ зналъ все въ колоніи: горы, лѣса, даже кусты, каждую ферму, фермера, ихъ слугъ, собакъ, но всего болѣе лошадей. Покупать ихъ, продавать, мѣнять, составляло его страсть и профессію. Это мы скоро узнали. Онъ раскланивался со всякимъ встрѣчнымъ, и съ малайцемъ, и съ готтентотомъ, и съ англичаниномъ; одному кивалъ, передъ другимъ почтительно снималъ шляпу, третьему просто дружески улыбался, а иному что-нибудь кричалъ, съ бранью, грозно.

Дорога шла прекрасная. Отъ Капштата горы нѣкоторое время далеко идутъ по обѣимъ сторонамъ, а миляхъ въ 70 стѣсняются въ длинное ущелье, черезъ которое предстояло

намъ ѣхать. Стало темнѣть. Вандикъ придерживалъ лошадей: «Апплъ!» кричалъ онъ по временамъ. Мы не могли добиться, что̀ это значитъ: собственное ли имя, или такъ только, окрикъ на лошадей, даже въ какихъ случаяхъ употреблялъ онъ его; онъ кричалъ, когда лошадь пятилась, или слишкомъ рвалась впередъ, или оступалась. Когда мы спрашивали объ этомъ Вандика, онъ только улыбался.

Было часовъ восемь вечера, когда онъ вдругъ круто поворотилъ съ дороги и подъѣхалъ къ одинокому, длинному, одноэтажному каменному зданію, съ широкимъ во весь домъ крыльцомъ. «Что это значитъ? какъ? куда?» — «Ужинъ и ночлегъ! кротко, но твердо замѣтилъ Вандикъ: лошади устали: мы сегодня двадцать миль сдѣлали». Эта гостинница называется «Фоксъ-анд-гоундсъ» (Fox and hounds), то есть «Лисица и собаки». «Да что же это? протестовалъ, по обыкновенію, пылкій П.: это невозможно: поѣдемте дальше».— «Куда? вѣдь темно и дождь идетъ» возражали ему любители кейфа. «Нужды нѣтъ, мы все таки поѣдемъ», — «Зачѣмъ? вѣдь вы ѣдете видѣть что нибудь, путешествуете, такъ сказать... Что̀ же вы увидите ночью?» Но партія, помѣщавшаяся въ другой картѣ и называемая нами «ученою» все возражала. Возникли несогласія. «Артистическая партія», то есть мы трое, вошли на крыльцо, а та упрямо сидѣла въ экипажѣ. Между-тѣмъ Вандикъ и товарищъ его молча отпрягли лошадей и споръ кончился.

Б. ушелъ въ комнаты, ученая партія нехотя, лѣниво вылѣзла изъ повозки, а я пошелъ бродить около дома. Я спросилъ, какъ называется это мѣсто.

«Ферстъ-риверъ», по-англійски, или «Эрштъ-риверъ» (первая рѣка) по-голландски», отвѣчалъ Вандикъ. Если считать отъ Капштата, то она дѣйствительно первая; но какъ рѣка вообще, она конечно послѣдняя. Даже можно

сомнѣваться, рѣка ли это. «Гдѣ же тутъ рѣка?» спросилъ я Вандика. «А вотъ, отвѣчалъ онъ, указывая на то мѣсто, гдѣ я стоялъ: вы теперь стоите въ рѣкѣ: это все рѣка». И онъ указалъ на далекое пространство вокругъ. «Тутъ песокъ да камни», сказалъ я.—«Теперь нѣтъ рѣки, продолжалъ онъ, или вонъ, пожалуй, она въ той канавѣ, а зимой это все на нѣсколько миль покрывается водой. Всѣ рѣки здѣсь такія».

Я вошелъ въ домъ. Что это, гостинница? не совсѣмъ похоже. Первая комната имѣетъ видъ столовой какого-нибудь частнаго дома. Полы лакированы, стѣны оклеены бумажками, посрединѣ круглый столъ, по стѣнамъ два очень недурные дивана новаго фасона. Тутъ лежали въ кучѣ на полу и на диванахъ наши вещи, а хозяевъ не было. Но я услышалъ голоса и черезъ корридоръ прошелъ въ боковую комнату. Это была большая, очень красиво убранная комната, съ длиннымъ столомъ, еще менѣе похожая на трактиръ. На столѣ лежала Библія и другія книги, рукодѣлья, тетради и т. п.; у стѣны стояло фортепьяно. Нетрудно было догадаться, что хозяева были англичане: мебель новая, все свѣжо и вездѣ признаки комфорта. Никто не показывался, кромѣ молодаго коренастаго негра. Что̀ у него ни спрашивали, или что̀ ни приказывали ему, онъ прежде всего отвѣчалъ смѣхомъ и обнаруживалъ рядъ чистѣйшихъ зубовъ. Этотъ смѣхъ въ привычкѣ негровъ. «Что жь, будемъ ужинать, что ли?» замѣтилъ кто-то. —«Да я ужь заказалъ», отвѣчалъ Б. «Уже?» замѣтилъ В. Что̀ жь вы заказали?»—Такъ, немного, бездѣлицу: баранины, ветчины, курицу, чай, масла, хлѣбъ и сыръ».

Послѣ ужина насъ повели въ другія комнаты, безъ лакированныхъ половъ, безъ обоевъ, но за то съ громадными, какъ катафалки, постелями. Въ комнатахъ пахло сыростью:

видно въ нихъ не часто бывали путешественники. По стѣнамъ даже ползали незнакомыя намъ насѣкомыя, не родные клопы и тараканы, а какіе-то длинные жуки, со множествомъ ногъ. З., спавшій въ одной комнатѣ со мной, не успѣлъ улечься и уснулъ быстро, какъ-будто утонулъ. Я остался одинъ бодрствующій, но не надолго. Утромъ рано, мы не успѣли еще доспать, а неугомонный П., взявшій на себя роль нашего ментора, ходилъ по нумерамъ и торопилъ вставать и ѣхать дальше.

По холмамъ, по прекрасной дорогѣ, въ прекрасную погоду, мы весело ѣхали дальше. Все было свѣжо кругомъ, послѣ вчерашняго дождя. Песокъ не поднимался пылью, а лежалъ смирно, въ видѣ глины. Горы не смотрѣли такъ угрюмо и непріязненно, какъ наканунѣ; онѣ старались выказать, что̀ было у нихъ получше, хотя хорошаго, правду сказать, было мало, какъ солнце ни золотило ихъ своими лучами. Немногія изъ нихъ могли похвастать зеленою верхушкой, или скатомъ, а у большей части были одинакіе вывѣтрившіеся сѣрые бока, которые разнообразились, у одной—рытвиной, у другой горбомъ, у третьей отвѣснымъ обрывомъ. Хотя я и зналъ по описаніямъ, что Африка, не исключая и южной оконечности, изобилуетъ песками и горами, но воображеніе рисовало мнѣ темныя дебри, пріюты львовъ, тигровъ, змѣй. Напрасно, однакожь, я глазами искалъ этихъ лѣсовъ: они растутъ по морскимъ берегамъ, а внутри, начиная отъ самаго мыса и до границъ колоніи, то-есть верстъ на тысячу, почва покрыта мелкими кустами на песчаной почвѣ, да искусственно воздѣланными садами около фермъ, а за границами, кромѣ рѣдкихъ оазисовъ, и этого нѣтъ. Но въ это утро, въ половинѣ марта, кусты «протеа» глядѣли веселѣе, зелень казалась зеленѣе, такъ-что нѣмецкій спутникъ нашъ замѣтилъ, что тутъ должно быть

много «скотства». Въ самомъ дѣлѣ, скотоводство процвѣтало здѣсь, какъ впрочемъ и во всей колоніи. Лошади бѣжали бодрѣе, даже Вандикъ сидѣлъ ясенъ и свѣжъ какъ... майскій цвѣтокъ, сказалъ бы я въ сѣверномъ полушаріи, а по здѣшнему надо сказать —сентябрскій.

Не сживаюсь я съ этими противоположностями: все мнѣ кажется, что теперь весна, а здѣсь готовятся къ зимѣ, то-есть къ дождямъ и вѣтрамъ, говорятъ, что фрукты отошли, кромѣ винограда, всѣ. Развернулъ я въ книжной лавкѣ, въ Капштатѣ, изданный тамъ кипсекъ—стихи и проза. Развертываю мѣстами и читаю: «прошли и для нея, этой гордой красавицы, дни любви и нѣги, миновалъ цвѣтущій *сентябрь* и жаркій *декабрь* ея жизни; наступали грозныя и суровыя *іюльскія* непогоды» и т. д. А въ стихахъ: «гнететъ ли меня палящее *сѣверное* солнце, или леденитъ мою кровь холодное, суровое дуновеніе *южнаго* вѣтра, я терпѣливо вынесу все, но не вынесу, ни палящей ласки, ни холоднаго взора моей милой». Далѣе, въ одномъ описаніи какого-то раззорившагося богача, сказано: «теперь онъ бѣденъ: жилищемъ ему служилъ маленькій павильонъ, огражденный только колючими кустами кактуса и алоэ, да осѣненный, насажденными когда-то имъ самимъ, миндальными, абрикосовыми и апельсинными деревьями и густою чащею виноградныхъ лозъ. Пищей ему служили виноградъ, миндаль, гранаты и апельсины съ этихъ же деревъ, или молоко единственной его коровы. Думалъ ли онъ, насаждая эти деревья для забавы, что плодами ихъ онъ будетъ утолять мучительный голодъ? Служилъ ему одинъ старый и преданный негръ...» Вотъ она какова, африканская бѣдность: всякій день свѣжее молоко, къ дессерту quatre mendiants прямо съ дерева, въ услуженіи негръ... Чего бы стоила такая бѣдность въ Петербургѣ?

Если природа не очень разнообразила путь нашъ, то живая и пестрая толпа прохожихъ и проѣзжихъ всѣхъ племенъ, цвѣтовъ и состояній, дополняла картину, въ которой безъ этого оставалось много пустаго мѣста. Безконечные обозы тянулись къ Капштату, или оттуда, съ людьми и товарами. Длинныя фуры, и еще болѣе длинные цуги быковъ, запряженныхъ попарно, отъ шести до двѣнадцати въ каждую фуру, тянулись непрерывною процессіей по дорогѣ. Волы эти, кромѣ длиннаго бича, ничѣмъ не управляются. Готтентотъ кучеръ сидитъ обыкновенно на козлахъ, и если надо ему взять направо, онъ хлопаетъ бичемъ съ лѣвой стороны, и наоборотъ. Иногда волы еле-еле передвигаютъ ноги, а въ другой разъ, образуя цугомъ своимъ кривую линію, бѣгутъ крупной рысью. При встрѣчѣ съ экипажами, волы неохотно и довольно медленно даютъ дорогу; въ такомъ случаѣ изъ фуры выскакиваетъ обыкновенно мальчикъ-готтентотъ, которыхъ во всякой фурѣ бываетъ всегда по нѣскольку, и тащитъ весь цугъ въ сторону. Намъ попадалось особенно много пестро и нарядно одѣтаго народа, мужчинъ и женщинъ, пѣшихъ, верхами и въ фурахъ, все малайцевъ. Головы у всѣхъ были обвязаны бумажными платками, больше красными, клѣтчатыми. Мы и наканунѣ видѣли ихъ много, особенно въ фурахъ. Такая фура очень живописна: представьте себѣ длинную телѣгу сажени въ три, съ круглымъ сводомъ изъ парусины, набитую до того этимъ магометанскимъ народомъ, что нѣкоторые мужчины и дѣти, не помѣщаясь подъ холстиной, едва втиснуты туда, въ кучу публики, и торчатъ, какъ сверхкомплектныя полѣнья, въ возахъ съ дровами. Пары три воловъ медленно и важно выступаютъ съ этимъ звѣринцемъ. По вечерамъ обозы располагались на бивуакахъ; отпряженные волы паслись въ кустахъ, пламя тре-

скучаго костра далеко распространяло зарево и дымъ, путешественники группой сидѣли у дымящагося котла. Вандикъ объяснилъ намъ, что малайцы эти возвращаются изъ мѣстечка «Крамати», миляхъ въ 25 отъ Капштата, куда собираются въ одинъ изъ этихъ дней на поклоненіе похороненному тамъ какому-то своему пророку. Всѣ эти караваны богомольцевъ напоминали немного таборы нашихъ цыганъ, съ тою только разницею, что малайцы честны, трудолюбивы, и потому не голы и не дики на видъ.

Кромѣ малайцевъ, попадались готтентоты и негры. Первые везли, или несли тяжести, шли на работу въ поденьщики, или съ работы. Между неграми мы встрѣчали многихъ съ котомками на палкахъ, но одѣтыхъ хорошо. «А это что?» спросилъ я у Вандика. «Это black people, черные, съ войны идутъ домой». Война съ каффрами только-что кончилась; нѣкоторыя изъ негритянскихъ племенъ участвуютъ въ ней по приглашенію англійскаго правительства.

Много проѣзжало омнибусовъ, городскихъ каретъ, фермеровъ верхами, ѣхавшихъ, или въ городъ, или оттуда. Было довольно весело, такъ-что П. А. З. ни разу не затягивалъ похороннаго марша, а пѣлъ все про любовь. Мы переговаривались съ ученой партіей, указывая другъ другу, то на красивый пейзажъ фермы, то на гору, или на выползшую на дорогу ящерицу; спрашивали названіе травъ, деревьевъ, и въ свою очередь разсказывали про птицъ, которыхъ видѣли по дорогѣ, восхищались ихъ разнообразіемъ и красотой. Ученые съ улыбкой посматривали на насъ и другъ на друга, наконецъ объяснили намъ, что они не видали ни одной птицы и что, конечно, мы-такъ-себѣ, думаемъ, что если ужъ заѣхали въ Африку, такъ надо и птицъ видѣть. Между-тѣмъ птицы поминутно

встрѣчались, и мы удивлялись, какъ это они не видали ни одной. А дѣло было просто: мы ѣхали впереди, а они сзади; птицы улетали, какъ только приближалась наша карта, такъ-что вторая не заставала ихъ на мѣстѣ.

Часовъ въ десять утра, мы пріѣхали въ мѣстечко Соммерсетъ, длиннымъ рядомъ построившееся у самой дороги, у подошвы горы. Все было зелено здѣсь: одноэтажные каменные голландскіе домики, съ черепичными кровлями, едва были видны изъ-за дубовъ и сосенъ; около каждаго былъ палисадникъ, съ олеандровыми и розовыми кустами, съ толпой георгинъ и другихъ цвѣтовъ. Гора вдали, какъ декорація, зеленѣла сверху до подошвы. Весь этотъ пейзажъ— какъ-будто не африканскій: слишкомъ свѣжъ, зеленъ, тѣнистъ и разнообразенъ для Африки. Мы пошли по мѣстечку къ горѣ. Едва сдѣлали шаговъ сто, какъ спутникъ нашъ В. идетъ съ кѣмъ-то подъ-руку и живо разговариваетъ. Это былъ нѣмецъ, миссіонеръ. Онъ совѣтовалъ намъ ѣхать по другой дорогѣ, гдѣ въ одномъ мѣстѣ растетъ нѣсколько камфарныхъ деревьевъ, довольно-рѣдкихъ здѣсь. Мы воротились къ станціи, къ такому же, какъ и прочіе, низенькому дому, съ цвѣтникомъ.

Собираемся, ищемъ Б.—нѣтъ; заглянули въ одну комнату направо, родъ гостиной: тамъ двѣ какія-то путешественницы, а въ столовой Б. уже завтракаетъ. Онъ бы не прочь и продолжать, но ученая партія на этотъ разъ пересилила и мы отправились проселкомъ, по незавидной, изрытой вчерашнимъ дождемъ дорогѣ. Вскорѣ мы выбрались однакожь опять на шоссе и ѣхали по долинѣ, мимо множества фермъ. Сады ихъ окаймляли дорогу тѣнистыми дубами, кустами алоэ, но всего болѣе айвой, которая росла непроходимыми кустами, съ желтыми фруктами. Вы знаете айву? Это что-то въ родѣ крѣпкаго, кисловатаго яблока, съ терпкостью,

отъ которой вяжетъ во рту; его ѣсть нельзя; изъ него дѣлаютъ варенье и т. п. Но З. выскочилъ изъ карты, набралъ цѣлую шляпу и ѣлъ. Вандикъ нарвалъ и далъ лошадямъ: тѣ тоже ѣли — больше никто. На вопросъ мой: хорошо ли? З. ничего не сказалъ. Онъ еще принадлежитъ къ счастливому возрасту перехода отъ юношества къ возмужалости, оттого въ немъ на половину того и другаго. Кое-что въ немъ окрѣпло и выработалось: онъ любитъ и отлично знаетъ свое дѣло, серьёзно понимаетъ и исполняетъ обязанности, строгъ къ самому себѣ и въ приличіяхъ— это возмужалость. Но безпеченъ насчетъ всего, что̀ лежитъ внѣ его прямыхъ занятій; читаетъ, гуляетъ, спитъ, ѣстъ, съ одинаковымъ расположеніемъ, не отдавая ничему особаго преимущества—это остатки юношества. Возьметъ книгу, все равно какую, и оставитъ ее безъ сожалѣнія; ляжетъ и уснетъ гдѣ ни попало и когда угодно; ѣстъ все безъ разбора, особенно фрукты. Послѣ ананаса и винограда онъ съѣстъ, пожалуй, рѣпу, виноградъ ѣстъ съ шелухой, «чтобъ больше казалось». Онъ очень милъ;у него много природнаго юмора и онъ мастерски владѣетъ шуткой. Существо вѣчно поющее, хохочущее и разсказывающее, никогда никого неоскорбляющее и никѣмъ неоскорбляемое. Мы всѣ очень любимъ его. Ему также все равно, гдѣ ни быть: придутъ ли въ прекрасный портъ, или станутъ на якорь у безплодной скалы; гуляетъ ли онъ на берегу, или смотритъ на кораблѣ за работами — онъ, или дѣлаетъ дѣло, тогда молчитъ и дѣлаетъ комически-серьёзное лицо, или поетъ и хохочетъ. Онъ сію минуту уживается въ быту, въ который поставленъ. Благодаря ему, мы ни минуты не соскучились въ поѣздкѣ по колоніи: это былъ драгоцѣнный спутникъ.

День чудесный. Стало жарко. Лошади лѣнивой, рысью

тащились по песку; колеса визжали, жаръ морилъ; мы съ Б. К. молчали. Вандикъ, отъ нечего дѣлать, хлесталъ бичомъ по выползавшимъ на дорогу ящерицамъ. З. сначала билъ весело ногами о свою скамью: не въ его натурѣ было долго и смирно сидѣть на одномъ мѣстѣ. Онъ пѣлъ долго: *Сѣни новыя, кленовыя*, а потомъ мало-по-малу прималчивалъ, задирая, то меня, то Б., шуткой. Но насъ морили жаръ и тяжесть, и онъ наскучивъ молчаніемъ, сморщился и затянулъ: *Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ*. Мы молча слушали, отмахиваясь отъ мухъ, оводовъ, и глядя по сторонамъ на большія горы, которыя толпой какъ-будто шли намъ на встрѣчу. Вдругъ съ лѣвой стороны, изъ чащи кустовъ, шагахъ во ста отъ насъ впереди, выскочило какое-то красивое, бѣлое, съ черными пятнами, животное; оно однимъ махомъ перебросилось черезъ дорогу и стало неподвижно. Roe—buck! roe—buck! сказалъ Вандикъ, указывая кнутомъ. Налѣво, откуда выскочилъ козелъ, кусты тихо шевелились: тамъ притаилось маленькое стадо дикихъ козъ, которыя не смѣли сдѣдовать за козломъ. И козелъ, и козы, замѣтивъ насъ, оставались въ нерѣшимости. Козелъ стоялъ, какъ окаменѣлый, въ полуоборотъ; закинувъ немного рога на спину и навостривъ уши, глядѣлъ на насъ. «Какъ бы поближе подъѣхать и не испугать ихъ?» сказали мы. «Надо вдругъ всѣмъ закричать, что̀ есть мо̀чи, научилъ Вандикъ: и они на нѣсколько времени оцѣпенѣютъ на мѣстѣ». Зачѣмъ это онъ сказалъ! Боже мой, какъ мы заорали! особенно З. не пожалѣлъ легкихъ, и Вандикъ тоже. Но неуспѣлъ затихнуть нашъ крикъ, какъ козелъ скакнулъ въ кусты и вмѣстѣ съ козами бросился назадъ. Мы всѣ вопросительно поглядѣли на Вандика. «Что жь ты, землякъ, худо знаешь натуральную исторію?» замѣтилъ З. «Апплъ!» крикнулъ Вандикъ на лошадь и мы поѣхали дальше. Но

долго еще видѣли, какъ мчались козы въ кустахъ, шевеля вѣтвями, и потомъ бросились бѣжать въ гору, а мы спустились съ горы. Мѣстность значительно начала измѣняться: горы все ближе къ намъ; мы ѣхали по ихъ отлогостямъ, то взбираясь вверхъ, то опускаясь.

Къ обѣду мы подъѣхали къ прекрасной рѣчкѣ, обстановленной такими пейзажами, что даже самъ приличный и покойный Вандикъ съ улыбкой указалъ намъ на одинъ живописный оврагъ, осѣненный деревьями. Very nice place! (прекрасное мѣсто) замѣтилъ онъ. Мы переѣхали рѣчку черезъ длинный каменный мостъ, съ одной аркой, еще несовсѣмъ конченный. «Кто строитъ этотъ мостъ?» спросилъ я. «Стелленбошскій каретникъ» отвѣчалъ онъ. «Какъ такъ: гдѣ же онъ учился?» — «А нигдѣ; онъ даже никуда не выѣзжалъ отсюда». Прямо съ моста мы въѣхали какъ-будто въ садъ. Насъ съ экипажами совсѣмъ поглотила зелень, тѣнь и свѣжесть. Все сады, сады, такъ-что домовъ не видно: это мѣстечко «Стелленбошъ». Широкія-преширокія улицы пересѣкались подъ прямыми углами. Красивѣе и больше дубовъ я нигдѣ не видалъ: подъ ними прятались низенькіе одноэтажные домы, голландской постройки. Улицы такъ длинны, что конца нѣтъ: версты двѣ и болѣе.

Мы долго мчались по этимъ аллеямъ, и наконецъ въ самой длинной и, повидимому, главной улицѣ остановились передъ крыльцомъ. Бѣлыхъ жителей не видно по улицамъ ни души: еще было рано и жарко, только черные бродили кое-гдѣ, или проѣзжали верхомъ, да работали. Мы вошли въ пустыя, прохладныя комнаты, убранныя просто, почти бѣдно. Мы отворили дверь изъ залы и остановились на порогѣ передъ оригинальной картиной фламандской школы. Комната была высокая, съ деревяннымъ по-

ломъ, заставлена ветхими деревянными, совершенно почернѣвшими отъ времени шкапами и разной домашней утварью. У стѣны стоялъ диванъ, отчасти съ провалившимся сидѣньемъ; передъ нимъ круглый столъ, покрытый грубой скатертью; кругомъ стѣнъ простыя скамьи и табуреты. На одной скамьѣ сидѣла очень старая старуха, въ голландскомъ чепцѣ, безъ оборки, и макала сальныя свѣчки; другая, пожилая женщина, сидѣла за прялкой; третья, молодая дѣвушка, съ буклями, совершенно бѣлокурая и совершенно бѣлая, цвѣта топленаго молока, съ бѣлыми бровями и свѣтлоголубыми, съ бѣлизной, глазами, суетилась по хозяйству. Служанкой была плотная и высокая мулатка. Сросшіяся брови и маленькій лобъ не мѣшали ей кокетливо играть своими черными, какъ деготь, глазами. Все остановилось, какъ мы вошли. Всѣ встали съ мѣстъ. Хозяйки привѣтливой улыбкой отвѣчали на наши поклоны и принялись суетиться, убирать свѣчи, прялку, всю утварь, очищая намъ мѣсто сѣсть. «Что̀ у васъ есть къ обѣду?» спросилъ Б. «Мы изготовимъ» отвѣчали онѣ. «Есть говядина, баранина?» — «Говядины нѣтъ, а есть курица и свинина. «А зелень есть?» — «И зелень есть». «А фрукты, спросилъ З., виноградъ, напримѣръ, апельсины, бананы?» — «Апельсиновъ и банановъ нѣтъ, а есть арбузы и фиги». — «Хорошо, хорошо. Давайте арбузовъ и фигъ, и еще нѣтъ ли чего?»

Поднялась возня: мы поставили вверхъ дномъ это мирное хозяйство. Дверцы шкаповъ пошли хлопать, миски, тарелки звенѣть; на кухнѣ затрещалъ огонь; женщины забѣгали взадъ и впередъ. Я вышелъ на дворъ, на широкое крыльцо, густо осѣненное, какъ вездѣ здѣсь, виноградными лозами. Кисти крупнаго, желтаго винограда, соблазнительно висѣли по трельяжу. Негръ съ лѣсенкой, переходилъ

отъ одной кисти къ другой и рѣзалъ лучшія намъ къ обѣду. Черная, какъ поношенный атласъ, старуха-негритянка, съ платкомъ на головѣ, чистила ножи. Увидѣвъ меня, она высунула мнѣ языкъ. За мной показался З.: и ему тоже. Ему ужасно понравилось это и онъ пригласилъ меня смотрѣть, какъ она будетъ привѣтствовать другихъ нашихъ товарищей, которые шли за нами. Хозяйка, замѣтивъ, какъ встрѣчаетъ насъ арабка, показала на нее, потомъ на свою голову, и поводила пальцомъ по воздуху взадъ и впередъ, давая знать, что та не въ своемъ умѣ. Маленькій дворъ былъ дополненіемъ этого хозяйства. Туда уже успѣлъ забраться Вандикъ съ обоими экипажами. Онъ, съ помощью мальчишки и другаго кучера, отпрягъ лошадей и привязалъ ихъ въ тѣни, по разнымъ угламъ. Хозяйство было небольшое, но полное, у этой африканской Коробочки. Свиньи и домашнія птицы ходили по двору, а рядомъ зеленѣлъ садъ. Яркая зелень банана рѣзко оттѣнялась на фонѣ темнозеленыхъ фиговыхъ и грушевыхъ деревьевъ. Изъ-за забора глядѣли красные цвѣты шиповника.

Мы съ Б. пошли гулять на улицу. Вездѣ зелено; все сады да аллеи. Мы дошли до конца улицы и уперлись въ довольно-большую протестанскую церковь, съ оградой. Направо стоялъ большой домъ, казенный: домъ здѣшняго правленія; передъ нимъ дубы достигли необыкновеннаго роста и объема. Вѣроятно эти деревья ровесники мѣстечку, а оно старше почти всѣхъ другихъ въ колоніи: оно основано двѣсти лѣтъ назадъ и названо въ честь тогдашняго губернатора, по имени Стелленъ, и жены его, урожденной Бошъ. Любуясь зеленью садовъ, мы повернули налѣво, въ узенькую улицу и вышли за городъ. Съ одной стороны передъ нами возвышалась гора, мѣстами голая, мѣстами съ зеленью; кругомъ была долина, одна изъ самыхъ обработанныхъ;

вдали фермы. Мы воротились въ городъ и пошли по узенькому ручью, въ которомъ черныя бабы полоскали бѣлье. По ручью стояли мазанки готтентотовъ и негровъ; кое-гдѣ мелочныя лавочки. Улицы все — шоссе. У одного дома европейской наружности, по видимому почтоваго, стояло нѣсколько каретъ, колясокъ и картъ; около нихъ толпились путешественники обоихъ половъ — все англичане.

Мы застали уже накрытый столъ, и хозяйки, стоя вокругъ, приглашали насъ сѣсть: мы не заставили долго просить себя. Онѣ ласково смотрѣли на насъ и походили, въ своихъ, стариннаго покроя, платьяхъ, съ блѣдными лицами и грустными взглядами, на полинявшіе портреты добрыхъ предковъ. Чего не было наставлено на столѣ: это лавочка съѣстныхъ припасовъ. Миски и тарелки разнокалиберныя; у графиновъ разныя пробки, а у судковъ и вовсе нѣтъ; перечница съ отбитой головкой—бѣдность и радушіе. Какъ много Б. съѣлъ мяса и живности, З. фруктовъ, я всего—и говорить нечего. Арбузы, продолговатые, формой похожіе на дыни, были и красны, и сладки, такъ-что мы заказали себѣ ихъ на дорогу.

Стелленбошъ славится въ колоніи своею зеленью, фруктами и здоровымъ воздухомъ. Отъ этого сюда стекаются инвалиды и иностранцы, нанимаютъ домы и наслаждаются тѣнью и прогулками. Въ недѣлю два раза ходятъ сюда изъ Капштата омнибусы; ѣзды всего по прямой дорогѣ часовъ пять. Окрестности живописны: все холмы и долины. Почва состоитъ изъ глины, наноснаго ила, желѣзняка и гранита. Въ самомъ Стеленбошѣ считается около четырехъ, а въ округѣ около пяти тысячъ жителей. Мѣстечко замѣчательно еще школой, одной изъ лучшихъ въ колоніи. Оттуда вышло нѣсколько хорошихъ учителей для другихъ мѣстъ. Преподаютъ все, что̀ входитъ въ кругъ

классическаго воспитанія. Кто знаетъ, какой дубъ учености выростетъ современемъ въ этой старинной, но еще молодой и формирующейся на новый ладъ колоніи? Можетъ-быть, Стелленбошская коллегія будетъ современемъ африканскимъ Геттингеномъ, или Оксфордомъ. «Молодая колонія» я сказалъ: да, потому-что, лѣтъ какихъ-нибудь тридцать назадъ, здѣсь, ни о дорогахъ, ни о страховыхъ компаніяхъ, ни объ улучшеніи быта черныхъ, не думали. И нынче еще, упорный въ ненависти къ англичанамъ, голландскій фермеръ, опустивъ поля шляпы на глаза, въ сѣрой курткѣ, трясется верстъ сорокъ на клячѣ верхомъ, вмѣсто того, чтобъ сѣсть въ омнибусъ, который, за три шиллинга, часа въ четыре, привезетъ его на мѣсто. А фермеры эти не бѣдны: у нѣкоторыхъ хозяевъ отъ семи до восьми тысячъ руб. сер. годоваго дохода. Въ стелленбошскомъ округѣ главное произведеніе все-таки вино, потомъ пшеница, дубъ, картофель, и т. п. предметы.

Часовъ въ пять, когда жара спала, все оживилось: жалюзи открылись; на крыльцахъ появилось много добрыхъ голландскихъ фигуръ, мужскихъ и женскихъ. Я встрѣтилъ нашего доктора, и съ нимъ двухъ, если не нѣмцевъ, то изъ нѣмцемъ. Два датчанина, братья, докторъ и аптекарь, завели его къ себѣ въ домъ, показывали садъ. Я познакомился съ ними и мы пошли за городъ, къ мосту, черезъ мостъ по полю, и уже темнымъ вечеромъ, почти ощупью, воротились въ городъ. Датчане завели насъ къ себѣ и непремѣнно хотѣли угостить главнымъ капскимъ произведеніемъ, виномъ. Это былъ для меня трудный подвигъ: пить, да еще послѣ обѣда! А они подали три-четыре бутылки и четыре стакана: «Вотъ это фронтиньякъ, это ривезальтъ» говорили они, наливая то того, то другаго вина, и я нашелъ въ одномъ сходство съ chambertin: вино было точно изъ бур-

гундскихъ лозъ. Хозяева сказали, что пришлютъ намъ нѣсколько бутылокъ вина въ Капштатъ, въ нашу гостинницу. Они проводили насъ до нашей квартиры.

Тишина и теплота ночи была невыразимо-пріятна: ни вѣтерка, ни облачка; звѣзды такъ и глазѣли съ неба, сильно мигая; на балконахъ вездѣ люди и говоръ. Изъ нашей гостинницы неслись веселые голоса; изъ оконъ лился свѣтъ. Всѣ были дома, сидѣли около круглаго стола и пили микстуру съ пескомъ, то-есть чай съ сахаромъ. Это пародія на то, что̀ мы пьемъ у себя подъ именемъ чая. За столомъ было новое лицо: пожилой, полный человѣкъ, съ румянымъ, добрымъ, смѣющимся лицомъ. «Г. Ферстфельдъ, мѣстный докторъ», сказалъ намъ П. «Что жь онъ на насъ такъ странно смотритъ и откуда вы его взяли?» спросилъ я. «Самъ пришелъ: узналъ, что русскіе пріѣхали, пришелъ посмотрѣть; никогда, говоритъ, не видалъ».

Докторъ и самъ подтвердилъ это. Онъ порядочно говорилъ по-французски и откровенно объяснилъ, что онъ такъ много слышалъ и читалъ о русскихъ, что не могъ превозмочь любопытства и пришелъ познакомиться съ нами. «Я занимаюсь немного естественными науками, геологіей, и неестественными: френологіей; люблю также этнографію. Поэтому мнѣ очень интересно взглянуть на русскій типъ», говорилъ онъ, поглядывая съ величайшимъ вниманіемъ на Б. К., на нашего доктора В. и на П.: а они всѣ трое были не русскаго происхожденія. «Такъ вотъ какой типъ!» говорилъ онъ, продолжая глядѣть на нихъ. Мы едва крѣпились отъ смѣху. «А это какой типъ?» спросилъ я, указывая на З. «Это... онъ серьезно и долго вглядывался въ него — это... монгольскій». Мы было-засмѣялись, но докторъ, кажется, правъ: у З. дѣйствительно татарскія черты. «Ну, а этотъ», показывали мы на Г. Онъ долго думалъ.

«Онъ десять лѣтъ жилъ въ Китаѣ», замѣтилъ кто-то про Г. «А вѣдь онъ похожъ на китайца!» замѣтилъ Ферстфельдъ. Мы хохотали, и онъ съ нами. Г. былъ изъ малороссіянъ. Чисто-русскіе были только З. и я. «Да, русскіе сильны: о! о нихъ много-много слуху!» говорилъ онъ. Онъ ожидалъ, кажется, увидѣть богатырей, а можетъ-быть, людей немного звѣрской наружности, и удивился, когда узналъ, что Г. занимается тоже геологіей, что у насъ много ученыхъ, есть литература.

Это все такъ заняло его, что онъ и не думалъ уходить; а пора было спать. Вандикъ на отрѣзъ отказался ѣхать: «дорога дурна», объявилъ онъ улыбаясь. Голландскій докторъ настаивалъ, чтобъ мы непремѣнно посѣтили его на другой день, и объявилъ, что самъ поѣдетъ проводить насъ миль за десять и завезетъ въ гости къ пріятелю своему, фермеру.

На ночь насъ развели по разнымъ комнатамъ. Но какъ особыхъ комнатъ было только три, и въ каждой по одной постели, то пришлось по одной постели на двоихъ. Но постели таковы, что на нихъ могли бы лечь и четверо. На другой день, часу въ восьмомъ, Ферстфельдъ явился за нами въ кабріолетѣ, на парѣ прекрасныхъ лошадей.

Мы выѣхали по свѣжей утренней прохладѣ и проѣзжали по дорогѣ между фермами, какъ между дачами, по зеленымъ холмамъ. Я забылъ сказать, что наканунѣ у одной дачи намъ указали камфарное дерево. Мы вышли и нарвали себѣ нѣсколько вѣтокъ, съ листьями и плодами, величиной съ крупную горошину, отъ которыхъ вдругъ въ экипажахъ разлился запахъ, напоминающій зубную боль и подушечки. Дерево не очень красиво; оно показалось мнѣ похожимъ немного на нашу осину, только листья другіе, продолговатые, толще и глаже; при треніи они издавали

сильный запахъ камфары. Ферстфельдъ останавливалъ наше вниманіе на живописныхъ мѣстахъ: то указывалъ холмъ, густо-поросшій кустарникомъ, то бѣлѣющуюся на скатѣ горы въ рытвинѣ, ферму съ виноградниками. Мы выходили изъ экипажей и бродили по сторонамъ, собирая, кто каменья, кто травы, или цвѣты. Между-тѣмъ, приглядываясь къ лошадямъ у нашего экипажа, я видѣлъ какую-то разницу, какъ будто одна лошадь не прежняя. «Это не прежняя лошадь», сказалъ я Вандику, который, въ своей голубой курткѣ, въ шляпѣ съ крепомъ, прямо и неизмѣнно, съ голыми руками, сидѣлъ на козлахъ. «Нѣтъ».—«Гдѣ жь та?»—«Промѣнялъ».—«Развѣ эта лучше? Вѣрно она не ладитъ съ другой, все шалитъ дорогой».—«Выгодно промѣнялъ, съ улыбкой сказалъ Вандикъ. Я хотѣлъ вымѣнять еще бѣленькую лошадку, very nice horse!» (славная лошадка!) прибавилъ потомъ.—«Что жь не вымѣнялъ?»—«Не отдаютъ; да не уйдетъ она отъ меня!»

Эти шесть миль, которыя мы ѣхали съ докторомъ, большею частью по побочнымъ дорогамъ, были истиннымъ истязаніемъ, несмотря на живописные овраги и холмы: дорогу размыло дождемъ, такъ-что по горамъ образовались глубокія рытвины, и экипажи наши не катились, а перескакивали черезъ нихъ. Надо отдать справедливость Вандику: онъ въ искусствѣ владѣть возжами стоитъ, если не выше, то такъ же высоко, какъ его соименникъ въ искусствѣ владѣть кистью. Вотъ гора и на ней три рытвины, какъ три вѣтви, идутъ въ разныя стороны, а между рытвинами значительный горбъ—это задача. Какъ бы, кажется, не поломать тутъ колесъ, и даже реберъ, и какъ самымъ смирнымъ лошадямъ не потерять терпѣніе и не взбѣситься, карабкаясь то на горбъ, то оступаясь въ яму? Можетъ-быть оно такъ бы и случилось у другаго кучера, но Вандикъ забе-

ретъ въ руки и расположитъ всѣ возжи между полуаршинными своими пальцами и начнетъ играть ими, какъ струнами, трогая то первую, то третью, или четвертую. Отъ этихъ искусныхъ маневровъ, двѣ переднія лошади идутъ по горбу, а рытвина остается между ними; если же онѣ и спускаются въ нее, то такъ тихо и осторожно, какъ-будто пасутся на лугу. Иногда имъ приходится лѣпиться по косогору налѣво, а экипажъ спускается съ двумя другими лошадьми въ рытвину направо и колышется, какъ челнокъ на гладкихъ, округленныхъ волнахъ. И это поминутно. Когда мы стали жаловаться на дорогу, Вандикъ улыбнулся и указывая бичемъ на ученую партію, кротко молвилъ: «а капитанъ хотѣлъ вчера ѣхать по этой дорогѣ ночью!» Ручейки, ничтожные наканунѣ, раздулись такъ, что лошади шли по брюхо въ водѣ. Солнце всходило высоко; утренній вѣтерокъ замолкалъ; становилось тихо и жарко; кузнечики трещали, стрекозы начали рѣять по травѣ и кустамъ; къ намъ врывался по временамъ въ карту оводъ, или шмель, кружился надъ лошадьми и несся дальше, а не то, такъ затрепещетъ крыльями надъ головами нашими большая, какъ птица, черная или красная бабочка, и вдругъ упадетъ въ сторону, въ кусты.

З. только-было запѣлъ: *Не билъ барабанъ*, пока мы взбирались на холмъ, но не успѣлъ кончить первой строфы, какъ мы вдругъ остановились, лишь только въѣхали на вершину, и очутились передъ широкимъ крыльцомъ большаго одноэтажнаго дома, передъ которымъ уже стоялъ кабріолетъ Ферстфельда. Кругомъ насъ расположены были строенія, сараи и разныя службы. Налѣво отъ дому, по холму, идетъ довольно-большой садъ, сзади дома виноградники, и тоже садъ, дальше дикіе кусты. Это была голландская ферма Эльзенборгъ, принадлежащая пріятелю доктора.

Ферстфельдъ пошелъ въ домъ, а мы остались у крыльца. Чрезъ минуту онъ возвратился съ хозяиномъ и приглашалъ насъ войти. На порогѣ стоялъ высокій, съ просѣдью, старикъ, съ нависшими бровями, въ длинной суконной курткѣ, закрывавшей всю поясницу, почти въ такомъ же длинномъ жилетѣ, въ широкихъ нанковыхъ, падавшихъ складками около ногъ панталонахъ. Отъ дома и отъ него такъ и повѣяло Поль Поттеромъ, Міерисомъ, Теньеромъ. Онъ, протянувъ руку, стоялъ, не шевелясь, на порогѣ, но смотрѣлъ такъ кротко и ласково, что у него улыбались всѣ черты лица. На крыльцѣ лежало безчисленное множество тыквъ: шагая между ними, мы добрались до хозяина и до его руки, которую потрясли всѣ поочереди.

Наконецъ мы у голландскаго фермера въ гостяхъ, на Капѣ, въ Африкѣ! Сколько описаній читалъ я о фермерахъ, о ихъ житьѣ-бытьѣ; какъ жадно слѣдилъ за приключеніями, за битвами ихъ съ дикими, со звѣрями, не думая, что когда нибудь... Мы вошли въ большую залу, изъ которой пахнуло на насъ прохладой. Въ дверяхъ гостиной встрѣтили насъ три новыя явленія: хозяйка въ бѣломъ чепцѣ, съ узенькой оборкой, въ коричневомъ платьѣ; дочь, хорошенькая дѣвочка лѣтъ 13, глядѣла на насъ такъ молодо, свѣжо, съ дѣтскимъ застѣнчивымъ любопытствомъ, въ такомъ костюмѣ, какъ мать, и еще какая-то женщина, гостья, или родственница. Онѣ знаками пригласили насъ войти въ гостиную. Я не вѣрилъ глазамъ: ужели это фермеръ, крестьянинъ? Гостиная была еще больше залы; въ ней царствовалъ полумракъ, какъ въ модномъ будуарѣ; посреди стоялъ массивный, орѣховаго дерева, столъ, заваленный разными рѣдкостями, раковинами и т. п. предметами. По угламъ гнѣздились тяжелые, но красивые старинные диваны и кресла; по срединѣ комнаты группировались

крытыя штофомъ козетки; не было уже шкаповъ и посуды. У оконъ и дверей висѣли плотныя шолковыя драпри изъ матерій, какихъ не дѣлаютъ нынче; чистота была неимовѣрная: жаль было ступать ногами по этимъ лакированнымъ поламъ. Я боялся сѣсть на козетку: на ней, кажется, никто никогда не сидѣлъ; видно, комнаты выметаются, чистятся, показываются гостямъ, потомъ опять выметаются и запираются надолго. Мы сначала молчали, разглядывая другъ друга. Мы видѣли, что хозяева ни за что̀ не начнутъ сами разговора.

Наконецъ П. заговорилъ по-голландски, извинялся въ нечаянномъ и, можетъ быть, нескромномъ посѣщеніи. Старикъ неторопливо, безъ увѣреній, безъ суеты, кротко возразилъ, что онъ «радъ такимъ гостямъ, издалека». И видно, что въ самомъ дѣлѣ былъ радъ. Боже мой! ка̀къ я давно не видалъ такого быта, такихъ простыхъ и добрыхъ людей, и ка̀къ радъ былъ бы подольше остаться тутъ! «Что жь они, дадутъ ли завтракать? съ любопытствомъ шепнулъ мнѣ Б.: этого требуетъ гостепріимство». — «Да вѣдь вы завтракали» — «Вы кофе называете завтракомъ — это смѣшно, возразилъ онъ; я разумѣю бифстексъ, котлеты, дичь. Здѣсь вѣрно дичи много и «скотства» должно быть не мало!» заключилъ онъ, пародируя фразу нашего спутника В.

Изъ хозяевъ никто не говорилъ по-англійски, еще менѣе по-французски. Дѣдъ хозяина, и самъ онъ, пословамъ его, отличались нерасположеніемъ къ англичанамъ, которые «надѣлали имъ много зла» т. е. выкупили черныхъ, уняли и унимаютъ каффровъ и другія хищныя племена, учредили новый порядокъ въ управленіи колоніей, провели дороги и т. п. Явился сынъ хозяина, здоровый, краснощекій фермеръ, лѣтъ 25-ти, въ сѣрой курткѣ, сѣрыхъ панталонахъ и сѣромъ жилетѣ. Онъ тоже молча перещупалъ намъ всѣмъ

руки. Отецъ съ сыномъ предложили намъ посмотрѣть ферму и мы вышли опять на крыльцо. Тутъ только я замѣтилъ, какимъ великолѣпнымъ виноградным деревомъ было оно осѣнено. Корень его, уродливымъ, переплетшимся, какъ множество змѣй, стволомъ, выходилъ изъ-подъ каменнаго пола и опутывалъ вѣтвями, какъ сѣтью, трельяжъ балкона, образуя густую зеленую бесѣдку; листья фестонами лѣпились по рѣшеткѣ и стѣнамъ. Большія кисти винограда, какъ лампы, висѣли въ разныхъ мѣстахъ потолка. Мы заглядѣлись на дерево. «Этому дереву около 90 лѣтъ, сказалъ хозяинъ: оно посажено моимъ дѣдомъ въ день его свадьбы».—«Зачѣмъ эта тыква здѣсь? спросили мы».—«Это къ обѣду чернымъ».—«А много ихъ у васъ?»—«Нѣтъ, теперь всего двадцать человѣкъ, а во время работъ нанимаемъ до сорока; они дороги. Англичане избаловали ихъ и пріучили къ праздности. Они выработаютъ себѣ, сколько надо, чтобъ прожить немного на свободѣ, и уходятъ; къ постоянной работѣ несклонны, шатаются, пьянствуютъ, пока крайность не принудитъ ихъ опять къ работѣ». — «У старика до тысячи фунтовъ стерлинговъ доходу въ годъ», шепнулъ намъ Ферстфельдъ. Мы съ бо̀льшимъ вниманіемъ стали смотрѣть на старика и его суконную куртку. «Времена не совсѣмъ хороши для насъ, продолжалъ старикъ: сбыта мало. Вотъ только и хорошо, когда война, какъ теперь». — «Отчего же такъ?» — «Потребленія больше: до 12,000 одного англійскаго войска: хлѣбъ и вино идутъ отлично; цѣны славныя: все въ два съ половиной раза дѣлается дороже».—«Сколько на хорошей фермѣ выдѣлывается вина въ годъ?» спросилъ я.—«Около двухсотъ пипъ» отвѣчалъ хозяинъ. (Пипу надо считать во 114 галоновъ, а галонъ— въ 5 бутылокъ). «Куда сбывается вино?» — «Больше въ Англію, да немного въ самую колонію и на острова, на

Маврикій». — «Но почти весь испанскій хересъ и портвейнъ идутъ въ Англію, замѣтилъ я: что же дѣлаютъ изъ здѣшняго?»—«Дѣлаютъ хересъ, портвейнъ, сказалъ Ферстфельдъ, потому-что настоящаго испанскаго вина не достаетъ». — «Да вѣдь отсюда далеко возить, дорого обходится». — «Отъ 35 до 40 дней на нынѣшнихъ судахъ, особенно на паровыхъ».

Несмотря на отдаленность, здѣшнее вино, и съ процессомъ поддѣлки подъ испанскія вина, все-таки обходится англичанамъ дешевле тѣхъ.

Мы пошли въ садъ. Виноградъ разсаженъ былъ на большомъ пространствѣ и довольно-низокъ ростомъ. Уборка уже кончилась. Мы шли по аллеѣ изъ каштановъ, персиковыхъ и фиговыхъ деревьевъ. Все было обнажено, только на миндальныхъ деревьяхъ кое-гдѣ оставались позабытые орѣхи. Хозяйскій сынъ рвалъ ихъ и подавалъ намъ. Они были толстокорые, но за то вкусны и свѣжи. Какая разница съ продающимся у насъ, залежавшимся и высохшимъ миндалемъ! Проходя по двору, обратно въ домъ, я увидѣлъ, что Вандикъ и товарищъ его распорядились ужь распрячь лошадей, которыя гуляли по двору и щипали траву.

Хозяева извинялись, что, по случаю ранняго и кратковременнаго нашего посѣщенія, не успѣютъ угостить насъ хорошенько, и просили отвѣдать наскоро приготовленнаго сельскаго завтрака. Мы пришли въ свѣтлую, пространную столовую, на стѣнѣ которой красовался вырѣзанный изъ дерева голландскій гербъ. Посрединѣ накрытъ былъ длинный столъ и уставленъ множествомъ блюдъ съ фруктами. У З. глаза разбѣжались, а Б. сдѣлалъ гримасу. Тутъ дымились чайники, кофейники той формы, какъ вы видите ихъ на фламандскихъ картинахъ. На блюдахъ лежалъ виноградъ нѣсколькихъ сортовъ, фиги, гранаты, груши, арбузы. По-

томъ маленькія булки, горячія до того, что нельзя взять въ руку, и отличное сливочное масло. Тутъ же яица, творогъ, картофель, сливки и нѣсколько бутылокъ стараго вина — все произведеніе фермы. Хозяева наслаждались, глядя, съ какимъ удовольствіемъ мы, особенно З., переходили отъ одного блюда къ другому. Чрезъ полчаса столъ опустошенъ былъ до основанія. Вино было, старый фронтиньякъ, отличное. «Что это, ворчалъ Б.: даже ни цыпленка! Охота таскаться по этакимъ мѣстамъ!»

Мы распрощались съ гостепріимными, молчаливыми хозяевами и съ смѣющимся докторомъ. «Я надѣюсь съ вами увидѣться, кричалъ докторъ: если не на возвратномъ пути, такъ я пріѣду въ Саймонстоунъ: тамъ у меня служитъ братъ, мы вмѣстѣ поѣдемъ на самый мысъ смотрѣть соль въ горахъ, которая тамъ открылась».

Дорога нѣкоторое время шла дурная, по размытымъ дождями оврагамъ и буеракамъ, посреди яркой зелени кустовъ и крупной травы. Потомъ выѣхали мы опять на шоссе и покатились довольно-быстро. Горы обозначались все яснѣе, и вскорѣ выдвинулись изъ-за кустовъ и холмовъ двѣ громады и росли, по мѣрѣ нашего приближенія, все выше и выше. Дорога усажена была сплошной стѣной айвы; нашъ молодой пріятель и лошади опять поѣли ея. Мы подъѣхали къ самымъ горамъ и къ лежащему у подошвы ихъ мѣстечку Paarl по-голландски, а по-русски «перлъ». Это мѣсто дѣйствительно перлъ во всей колоніи, по красотѣ мѣстоположенія, по обилію и качеству произведеній, особенно вина.

Взглядъ не успѣвалъ ловить подробностей этой большой, широко-раскинувшейся картины. Прямо лежитъ на отлогости горы мѣстечко, съ своими, идущими, частью правильнымъ амфитеатромъ, частью безпорядочно перегибающимися по холмамъ улицами, съ утонувшими въ зелени ма-

ленькими домиками, съ виноградниками, полями маиса, съ близкими и дальними фермами, съ бѣгущими во всѣ стороны дорогами. На лѣво гора Паарль, которая, картинною разнообразностью пейзажей, яркой зеленью, не похожа на другія здѣшнія горы. Полуденное солнце обливало ее всю ослѣпительнымъ блескомъ. На покатости ея, недалеко отъ вершины, сверкали какія-то три свѣтлыя полосы. Сначала я принялъ ихъ за кристаллизацію соли, потомъ за горный хрусталь, но мнѣ показалось, что онѣ движутся. Солнечные лучи такъ ярко играли въ этихъ стальныхъ полосахъ, что больно было глазамъ. «Что это такое?» спросилъ я Вандика. — «Каскады, отвѣчалъ онъ: теперь они чуть-чуть льются, а зимой текутъ потоками: very nice!» Ну, для каскадовъ это не слишкомъ грандіозно! Они напоминаютъ тѣ каскады, которые дѣлаютъ изъ стекла въ столовыхъ часахъ. На южной оконечности горы издалека былъ видѣнъ, какъ будто руками человѣческими обточенный, громадный камень: это: diamond — *алмазъ*, камень-пещера, въ которой можно пообѣдать человѣкамъ пятнадцати. По горѣ, между густой зеленью, мѣстами выбѣгали и опять прятались тропинки, по которымъ, казалось, могли бы ползать развѣ муравьи; а кое-гдѣ выглядывала угрюмо изъ травы кучка сѣрыхъ камней, образуя горбъ, тамъ рытвина, заросшая кустами. Мы въѣхали въ самое мѣстечко и я съ сожалѣніемъ оторвалъ взглядъ отъ живописной горы.

Домики, что̀ за домики — игрушки! Площадки, обвитыя виноградомъ, палисадники, съ непроницаемой тѣнью дубовыхъ вѣтвей, съ кустами алоэ, съ цвѣтами — все, кажется, пріюты счастья, мирныхъ занятій, домашнихъ удовольствій! Мы быстро мчались изъ одного сада въ другой, то есть изъ улицы въ улицу, переѣзжая съ холма на холмъ. Деревья

какъ будто кокетничали передъ нами, рисуясь, что̀ шагъ, то новыми группами: «Мы остановимся здѣсь?» спросилъ я Вандика, видя, что онъ гонитъ лошадей такъ, какъ-будто хочетъ проѣхать мѣстечко насквозь. Но Вандикъ и не слыхалъ моего вопроса: онъ устремилъ глаза на какой-то предметъ. Я посмотрѣлъ, куда онъ такъ пристально глядитъ: внизу террасы, по которой мы ѣхали, на лугу паслась лошадь—вотъ и все. «Странно, ворчалъ Вандикъ: я не знаю, чья это лошадь». Мы проѣхали террасу и лугъ, а онъ привсталъ на козлахъ и оглядывался назадъ. «Въ прошедшій разъ ея не было здѣсь» продолжалъ онъ ворчать, и озабоченный, шибче погналъ лошадей. «Какое большое мѣстечко!» сказалъ я опять—«Шесть миль занимаетъ, отвѣчалъ Вандикъ: мы здѣсь остановимся, продолжалъ онъ, какъ-будто на мой прежній вопросъ, и я сбѣгаю узнать, чья это лошадь ходитъ тамъ на лугу: я ее не видалъ никогда».—«Да развѣ ты знаешь всѣхъ лошадей?» — «О, yes! съ улыбкою отвѣчалъ онъ: десятка два я продалъ сюда и еще больше покупалъ здѣсь. А эта...» говорилъ онъ, указывая бичомъ назадъ, на лугъ... «Аплъ!» вдругъ крикнулъ онъ, видя, что одна изъ переднихъ лошадей отвлекается отъ своей должности, протягивая морду къ стоявшимъ по сторонамъ дороги деревьямъ.

Въ концѣ этой террасы, при спускѣ съ горы, близь выѣзда изъ мѣстечка, мы вдругъ остановились у самаго кокетливаго домика и спѣшили скрыться отъ жары, въ отворенныя настежь двери, куда манили сумракъ и прохлада. Мы съ Б. первые вбѣжали въ комнату и перепугали внезапнымъ появленіемъ какую-то скромно одѣтую, несовсѣмъ красивую дѣвушку, которая собиралась что-то доставать изъ шкапа. Она потупила глаза и робко стояла на мѣстѣ. «Можно приготовить намъ завтракъ?» спросилъ Б.

по-англійски.—«Yes» отвѣчала она. «А обѣдъ?»—«Yes».— «Такъ прикажите приготовить обѣдъ, да... получше, побольше... всего».—«А постели нужно?» спросила она. «Нѣтъ» отвѣчали мы.» А у васъ есть и комнаты для пріѣзжихъ?»— «Plenty (много)». Дѣвушка внезапно скрылась, и наши спутники, и мы разположились, кто въ комнатахъ, кто на балконѣ. Вандикъ отпрягъ лошадей и опрометью побѣжалъ съ горы справляться, чья лошадь ходитъ по лугу.

Комнаты вовсе не показывали, чтобъ это была гостинница. Въ первой, куда мы вошли, стоялъ диванъ, передъ нимъ столъ, кругомъ кресла. На стѣнахъ всѣ принадлежности охоты: ружья, яхташи, кинжалы, рога, бичи. Въ слѣдующей, куда мы сейчасъ же проникли, стояло фортепьяно, круглый, крытый суконной салфеткой столъ; на немъ лежало множество хорошенькихъ бездѣлокъ. По стѣнамъ висѣли картинки съ видами мыса Доброй Надежды. Все не только чисто, прилично прибрано, но со вкукомъ и комфортомъ. Кто же здѣсь живетъ, чѣмъ занимается? думали мы, глядя на все кругомъ. Живетъ конечно англичанинъ, заключили сами же потомъ: занимается охотой, какъ видно, и между-прочимъ содержитъ отель; или, пожалуй, содержитъ отель и, между-прочимъ, занимается охотой. Но кто же эта дѣвушка: дочь, служанка? Наши, то есть П. и Г., собрались идти на гору посмотрѣть виды, попытаться, если можно, снять ихъ; докторъ тоже ушелъ, вѣроятно искать нѣмцовъ. Я и Б. остались, и З. остался-было съ нами, но спутники увели его почти насильно, навязавъ ему нести какія-то принадлежности для съемки видовъ. Чрезъ полчаса однакожь онъ, кинувъ гдѣ-то ихъ, ушелъ тайкомъ и воротился въ гостинницу. Жаръ такъ и палилъ.

Не успѣли мы расположиться въ гостиной, какъ вдругъ явились, вмѣсто одной, двѣ, и даже двѣ съ половиною дѣвицы:

прежняя, потомъ сестра ея, такая же зрѣлая дѣва, и еще сестра, лѣтъ двѣнадцати. Ситцевое платье исчезло, вмѣсто его появились кисейные спенсеры, съ прозрачными рукавами, легкія изъ муслинъ-де-лень юбки. Сверхъ-того, у старшей была синева около глазъ, а у второй на носу и на лбу по прыщику; у обѣихъ видъ невинности на лицѣ. Напротивъ маленькая дѣвочка смотрѣла совсѣмъ мальчишкой: бойко глядѣла на насъ, бѣгала, шумѣла. Сестры сказывали, что она, между-прочимъ, водитъ любопытныхъ проѣзжихъ на гору показывать *Алмазъ*, каскады, и вообще пейзажи.

Дѣвицы вошли въ гостиную, открыли жалюзи, сѣли у окна и просили насъ тоже садиться, какъ хозяйки не отели, а частнаго дома. Больше никого не было видно. «А кто это занимается у васъ охотой!» спросилъ я. «Па», отвѣчала старшая. «Вы однѣ съ нимъ живете?» — «Нѣтъ; у насъ есть ма», сказала другая. Разговоръ остановился пока на этомъ. Дѣвицы сидѣли потупя глаза, а мы мучительно выработывали въ головѣ англійскія фразы полюбезнѣе. Дѣвицы, казалось, ожидали этого. «А обѣдъ скоро будетъ готовъ?» вдругъ спросилъ Б., послѣ долгаго молчанія. — «Да».—«Спросите, есть ли у нихъ виноградъ, прибавилъ З.: если есть, такъ чтобъ побольше подали; да нельзя ли банановъ, арбузовъ?...» Меня занимали давно два какіе-то красные шарика, которые я видѣлъ на столѣ, на блюдечкѣ. «Что это такое?» спросилъ я. — «Ядъ», скромно отвѣчала одна. «Для кого вы держите его?» — «Па гдѣ-то досталъ: такъ...» — «Это вы занимаетесь музыкой?» — «Да», отвѣчала старшая. — «Нельзя ли спѣть?» стали мы просить. Она начала немного жеманиться, но потомъ сѣла за фортепьяно и пѣла много и долго: то шотландскую мелодію, то южный, полуиспанскій, полуитальянскій романсъ. Не спрашивайте, хорошо ли она пѣла. Скажу только, что

Б., который сначала было затруднялся, по просьбѣ хозяекъ, пѣть, смѣло сѣлъ и, Боже мой, кàкъ и чтò онъ пѣлъ! Только и позволительно пѣть такъ передъ обѣдомъ, съ голоду, и притомъ въ Африкѣ. Къ счастью, среди пѣнія, въ гостиную заглянула черная, курчавая голова и оскаливъ зубы, сказала африканскимъ барышнямъ что-то по-голландски. Б., нужды нѣтъ, что сидѣлъ спиной къ дверямъ, сейчасъ догадался, чтò это значитъ. «Обѣдъ готовъ», сказалъ онъ. — «Другихъ еще нѣтъ», возразили мы. — «Нужды нѣтъ, мы ѣсть не станемъ, посмотримъ только». Между множествомъ наставленныхъ на столѣ жареныхъ и вареныхъ блюдъ, говядины, баранины, ветчины, свинины и т. п., привлекло наше вниманіе одно блюдо, съ салатомъ изъ розоваго лука. Мы попробовали, да и не могли отстать: лукъ сладковатый, слегка-ѣдокъ, и только напоминаетъ запахъ нашего лука. Большой салатникъ вскорѣ опустѣлъ. «Еще салату!» приказалъ Б., и когда наши воротились, мы принялись, какъ слѣдуетъ, за супъ и своимъ порядкомъ дошли опять до третьяго салатника.

Послѣ обѣда пробовали ходить, но жарко: надо было достать бѣлыя куртки. Онѣ и есть въ чемоданѣ, да прошу до нихъ добраться безъ помощи человѣка! «Нѣтъ, ужь лучше пусть жарко будетъ!..» заключили нѣкоторые изъ насъ.

Подлѣ отели былъ новый, двухъэтажный домъ, внизу двери открыты настежь. Мы заглянули: магазинъ. Тутъ все: шляпы, перчатки, готовое платье и проч. Торгуютъ голландцы. Въ мѣстечкѣ учреждены банки и другія общественныя заведенія. Паарльскій округъ производитъ лучшее вино, послѣ капстанскаго, и много водки. Здѣсь дѣлаютъ также *карты*, то-есть дорожные капскіе экипажи, въ какихъ и мы ѣхали. Я видѣлъ щегольски-отдѣланные, неуступающіе городскимъ каретамъ. Вандикъ купилъ себѣ

новую «карту», кажется, за сорокъ фунтовъ. Та, въ которой мы ѣхали, еле-еле держалась. Онъ самъ не разъ изъявлялъ опасеніе, чтобъ она не развалилась гдѣ-нибудь на косогорѣ. Однакожь онъ въ новой насъ не повезъ.

Здѣсь есть компанія омнибусовъ. Омнибусъ ходитъ сюда два раза изъ Кептауна. Когда вы будете на мысѣ Доброй Надежды, я вамъ совѣтую не хлопотать, ни о лошадяхъ, ни объ экипажѣ, если вздумаете посмотрѣть колонію: просто отправляйтесь, съ маленькимъ чемоданчикомъ, въ Long-street въ Капштатѣ, въ контору омнибусовъ; тамъ справитесь, куда и когда отходятъ они, и за четвертую часть того, что̀ намъ стоило, можете объѣхать вдвое больше.

Часу въ пятомъ мы распрощались съ дѣвицами и съ толстой ихъ *ма*, которая явилась послѣ обѣда получить деньги, и отправились далѣе, къ мѣстечку Веллингтону, принадлежащему къ Паарльскому округу и отстоящему отъ Паарля на девять англійскихъ миль.

Оба эти мѣста населены голландцами, оголландившимися французами, и отчасти англичанами. Да гдѣ же народъ — черные? гдѣ природные жители края? Напрасно вы будете искать глазами чернаго народонаселенія, какъ гражданъ, въ городахъ. О деревняхъ я не говорю: ихъ вовсе нѣтъ, все мѣстечки и города; въ немногихъ изъ нихъ есть предмѣстья, состоящія изъ бѣдныхъ, низенькихъ мазанокъ, гдѣ живутъ нанимающіеся въ городахъ чернорабочіе. Я смотрѣлъ во всѣ стороны въ поляхъ, и тоже не видалъ нигдѣ ни хижины, никакого человѣческаго гнѣзда на скалѣ: все фермы, на которыхъ помѣщаются только работники, принадлежащіе къ нимъ. Осѣдлыхъ черныхъ жителей по близости къ Капштату нѣтъ. Они, вмѣстѣ со звѣрями, удаляются все внутрь, какъ-будто заманивая бѣлыхъ проникать даль-

ше и дальше и вносить Европу внутрь Африки. Европейцы уже касаются тропиковъ. Мы, конечно, не доживемъ до той поры, когда, одни изъ Алжира, а другіе отъ Капштата, сойдутся гдѣ-нибудь внутри; но нѣтъ сомнѣнія, что сойдутся. Никакіе львы и носороги, ни Абдель-Кадеры и Сандильи, ни даже—что̀ хуже того и другаго—сама Сахара не помѣшаютъ этому. Ужь о-сю-пору омнибусы ходятъ по колоніи, водку дистиллируютъ; есть отели, магазины, барышни въ букляхъ, фортепьяно — далеко ли до полнаго успѣха? Есть проектъ желѣзной дороги внутрь колоніи и посланъ на утвержденіе лондонскаго министерства; но боятся, что не окупится постройка: еще рано. До-сихъ-поръ одни только готтентоты оказали нѣкоторую склонность къ осѣдлости, къ земледѣлію, и особенно къ скотоводству, и изъ нихъ составилась цѣлая область. Тамъ они у себя хозяева. Пашутъ хлѣбъ, разводятъ скотъ, и подъ защитой англійскихъ штыковъ, менѣе боятся набѣговъ каффровъ.

Мы ѣхали широкой долиной. На глазомѣръ она простарались верстъ на пять въ ширину. Нельзя нарочно правильнѣе обставить горами, какъ обставлена эта долина. Она вся заросла кустами и сѣдой травой, похожей на полынь. Въ одномъ мѣстѣ, подъѣхали къ рѣчкѣ, порядочно раздувшейся отъ дождей. Надо было переправляться въ бродъ; напрасно Вандикъ понукалъ лошадей: онѣ не шли. «Аппилъ!» крикнетъ онъ, направляя ихъ въ воду, но переднія двѣ, только коснутся ногами воды и вдругъ возьмутъ направо, или налѣво, къ берегу. Вандикъ крикнулъ что-то другому кучеру, и изъ другой карты выскочилъ нашъ коричневый спутникъ, мальчишка готтентотъ, засучилъ панталоны и потащилъ лошадей въ воду; но вскорѣ ему стало очень глубоко и онъ воротился на свое мѣсто, а лошади

ушли по брюхо. Дно было усыпано мелкимъ булыжникомъ и колеса производили такую музыку, что даже заставили замолчать З., который пѣлъ на всю Африку: «*Ненаглядный ты мой, какъ люблю я тебя!*» или «*У Антона дочка*» и т. д.

Весело и бодро мчались мы подъ теплыми, но нежгучими лучами вечерняго солнца, и на закатѣ, вдругъ прямо изъ кустовъ, въѣхали въ Веллингтонъ. Это мѣстечко построено въ ямѣ, тѣсно, бѣдно и неправильно. Съ сотню голландскихъ домиковъ, мазанокъ, разбросано между кустами, дубами, огородами, виноградниками и полями съ маисомъ и другаго рода хлѣбомъ. Здѣсь болѣе, нежели гдѣ-нибудь, живетъ черныхъ. Проѣхали мы черезъ какой-то переулокъ, узенькій, огороженный плетнемъ и кустами кактусовъ и алоэ, и выѣхали на большую улицу. На верандѣ одного дома сидѣли двѣ или три дѣвицы и прохаживался высокій, плотный мужчина, съ просѣдью. «Вонъ и мистеръ Бенъ!» сказалъ Вандикъ. Мы поглядѣли на мистера Бена, а онъ на насъ. Онъ продолжалъ ходить, а мы поѣхали въ гостинницу—маленькій и дрянной домикъ, съ большой, красивой верандой. Я тутъ и остался. Вечеръ былъ тихъ. Съ неба уже сходилъ румянецъ. Кое-гдѣ прорѣзывались звѣзды.

«Пойдемте къ Бену съ визитомъ, сказалъ Б. Да прежде надо спросить хозяина, что̀ онъ дастъ намъ ужинать». Кто же тутъ хозяинъ? Тутъ ихъ было два: одинъ вертѣлся на балконѣ, въ передникѣ, не совсѣмъ причесанный и бритый англичанинъ, и давно распоряжался переноской нашихъ вещей въ комнаты. Другой, въ пальто и круглой шляпѣ, на улицѣ у крыльца, принималъ дѣятельное участіе въ нашемъ водвореніи въ гостинницу. Кромѣ ихъ, мальчишка-негръ и дѣвчонка-негритянка хлопотали около

вещей. «Нѣтъ, мнѣ не хочется къ Бену, отвѣчалъ я Б.: жаль оставить балконъ. Теперь поздно: завтра утромъ».

Между-тѣмъ ночь сошла быстро и незамѣтно. Мы вошли въ гостиную, маленькую, бѣдно-убранную, съ портретами королевы Викторіи и принца Альберта, въ парадномъ костюмѣ ордена Подвязки. Тутъ же былъ и портретъ хозяина: я узналъ такимъ образомъ, который настоящій: это—небритый, въ рубашкѣ и передникѣ; говорилъ въ носъ, топалъ, ходя, такъ, какъ-будто хотѣлъ продавить полъ. Едва мы усѣлись около круглаго стола, какъ вбѣжалъ хозяинъ и объявилъ, что г. Бенъ желаетъ насъ видѣть.

Мы отдали ему рекомендательное письмо отъ нашего банкира изъ Капштата. Онъ прочелъ и потомъ изъявилъ опасеніе, что намъ, по случаю воскресенья, не удастся видѣть всего замѣчательнаго. «Впрочемъ ничего, прибавилъ онъ: я постараюсь кое-что показать вамъ».

Разговоръ зашелъ о геологіи, любимомъ его занятіи, которымъ онъ пріобрѣлъ себѣ уже репутацію въ Англіи и готовился, неизданными трудами, пріобрѣсти еще болѣе громкое имя. «Я покажу вамъ свою геологическую карту», сказалъ онъ и ушелъ за ней домой. Черезъ четверть часа онъ воротился съ огромной и великолѣпной картой, гдѣ подробно означены формаціи всѣхъ горъ, отъ самаго Мыса до внутреннихъ границъ колоніи. Карта начерчена изящно. Трудился одинъ Бенъ; помощниковъ въ этой глуши у него не было. Онъ работалъ около пятнадцати лѣтъ надъ этимъ трудомъ и послалъ копію въ Лондонъ. Вся почва горъ въ колоніи состоитъ изъ глинистаго сланца, гранита и песчаника. Мы залюбовались картой и выпросили ее оставить у насъ до утра. «Она вѣроятно уже печатается ученымъ обществомъ, сказалъ Бенъ, и вы, по возвращеніи, найдете ее готовою».

Вторая спеціальность Бена—открытіе и описаніе ископаемыхъ животныхъ колоніи, между которыми встрѣчается много двузубыхъ змѣй. Онъ намъ показывалъ скелеты этихъ животныхъ и нѣсколько ихъ подарилъ. Третья и главная спеціальность его—прокладываніе дорогъ. Онъ гражданскій инженеръ и завѣдываетъ цѣлымъ округомъ.

Бенъ замѣчательный человѣкъ въ колоніи. Онъ съ раннихъ лѣтъ живетъ въ ней, и четыре раза, то одинъ, то съ товарищами, ходилъ за крайніе предѣлы ея, за Оранжевую рѣку, до 20° широты, частью для геологическихъ изслѣдованій, частью изъ страсти къ путешествіямъ и приключеніямъ. Онъ много разсказывалъ о встрѣчахъ со львами и носорогами. О тиграхъ онъ почти не упоминалъ: не стоитъ, по словамъ его. Только разсказывалъ одинъ анекдотъ, какъ тигръ таскалъ изъ-за загородки лошадей и какъ однажды устроили ему въ заборѣ такой проходъ, чтобъ тигръ, пролѣзая, дернулъ веревку, привязанную къ ружейному замку, а дуло приходилось ему прямо въ лобъ. Но тигръ смекнулъ, что проходъ, котораго наканунѣ не было, устроенъ не даромъ: онъ перепрыгнулъ черезъ заборъ, покушалъ, и такимъ же образомъ переправился обратно. О львахъ Бенъ говорилъ съ уваженіемъ, хвалилъ ихъ за снисходительность. Однажды онъ, съ тремя товарищами, охотился за носорогомъ, выстрѣлилъ въ него—звѣрь побѣжалъ; они пустились преслѣдовать его и вдругъ замѣтили, что въ сторонѣ, подъ деревьями, лежатъ два льва и съ любопытствомъ смотрятъ на бѣгущаго носорога и на мистера Бена съ товарищами, не трогаясь съ мѣста. Охотники съ большимъ уваженіемъ прошли мимо лѣсныхъ владыкъ.

Еще страннѣе происшествіе случилось съ Беномъ. Онъ, съ товарищами же, ходилъ далеко внутрь на большую охоту

и попалъ на племя, которое воевало съ другимъ. Начальникъ принялъ его очень ласково и угощалъ нѣсколько дней. А когда Бенъ хотѣлъ распроститься, тотъ просилъ его принять участіе въ войнѣ и помочь ему завладѣть непріятелемъ. Бенъ отвѣчалъ, что онъ, безъ разрѣшенія своего правительства, сдѣлать этого не можетъ. «Ну, такъ всѣ твои ружья, быки и телѣги—мои», отвѣчалъ дикій. Всѣ убѣжденія были напрасны и Бенъ отправился на войну. Къ счастью, она не долго продолжалась. Обѣ сражавшіяся стороны не имѣли огнестрѣльнаго оружія, и непріятели, при первыхъ выстрѣлахъ, бѣжали, оставивъ свои жилища въ рукахъ побѣдителей. «Вамъ вѣроятно очень непріятно было стрѣлять въ несчастныхъ?» спросили мы. — «Нѣтъ, ничего, отвѣчалъ Бенъ: вѣдь я стрѣлялъ холостыми зарядами. Никому и въ голову не пришло повѣрить меня. Они не умѣютъ обращаться съ ружьями».

Бенъ высокаго роста, сложенъ плотно и сильно; ходитъ много, шагаетъ крупно и твердо, какъ слонъ, въ гору ли, подъ гору ли—все равно. Ѣстъ много, какъ рабочій, пьетъ еще больше; съ лица красноватъ и лысъ. Онъ отъ ученыхъ разговоровъ легко переходитъ къ шуткѣ, поетъ такъ, что мы хоромъ не могли перекричать его. Еслибъ онъ не былъ гражданскій инженеръ и геологъ, то конечно былъ бы африканскій Рубини: у него изумительный фальцетто. Онъ намъ пѣлъ шотландскія пѣсни и баллады. Ученая партія овладѣла имъ совсѣмъ, и П., конечно, много дополнитъ въ печати бесѣду нашу съ г. Беномъ.

Пока мы говорили съ нимъ, Б. исчезъ. Вскорѣ хозяинъ тихонько подошелъ ко мнѣ и гнусливо что-то сказалъ на-ухо. Я не понялъ. «Васъ зовутъ», повторилъ онъ. «Кто? гдѣ?» — «На улицѣ». «Это что за новость? у меня здѣсь знакомыхъ нѣтъ». Однако пошелъ. На улицѣ тем-

нота, какъ сажа въ трубѣ: я едва нашелъ ступени крыльца. Изъ глубины мрака вышелъ человѣкъ, въ шляпѣ и пальто, и взялъ меня за руку. Это второй, подставной хозяинъ. Отъ него сильно пахло водкой. «Что вамъ надо?» спросилъ я.—«Пойдемте, пойдемте, я покажу вамъ балъ». Какой балъ? думалъ я, идучи ощупью за нимъ: и отъ чего онъ показываетъ его мнѣ? Онъ провелъ меня мимо трехъ-четырехъ домовъ по улицѣ и вдругъ свернулъ въ сторону. «Stop, stop: ничего не вижу», говорилъ я, упираясь ногами.—«Идите, тутъ ничего нѣтъ, только канава... вотъ она». И мы оба прыгнули: онъ зналъ, куда, я—нѣтъ, но остался на ногахъ. Меня поразили звуки музыки, скрипки и еще какихъ-то духовыхъ инструментовъ. Мы подошли къ толпѣ, освѣщенной фонарями, висѣвшими на дверяхъ. Толпа негровъ и готтентотовъ, мужчинъ и женщинъ, плясала. Вотъ и балъ. Всѣ были пьяны и неистово плясали, но молча. Посреди ихъ стоялъ нашъ главный артистъ, Б. «Что вы тутъ дѣлаете?» спросилъ я, продравшись къ нему. — «Изучаю нравы, отвѣчалъ онъ: n'est ce pas que c'est pittoresque?» «Гм.! pittoresque: думалось мнѣ: да, пожалуй, но собственнаго, мѣстнаго, негритянскаго тутъ было только: черныя тѣла, да гримасы, все же прочее... Да это кадриль, или что-то въ родѣ: шень, балансѐ». Мы долго смотрѣли, кàкъ веселились, послѣ труднаго, рабочаго дня, черные. Изъ дома, кажется питейнаго, слышались нестройные голоса. Я молча, задумавшись о чемъ-то, смотрѣлъ на пляску. «Ужинать пора», сказалъ вдругъ Б. и мы пошли.

Подойдя къ гостинницѣ, я видѣлъ, что *кто-то* въ темнотѣ по улицѣ преслѣдуетъ *кого-то*. Оба, преслѣдующій и преслѣдуемый, вбѣжали на крыльцо. Оказалось, что это самъ хозяинъ загоняетъ свою дѣвчонку-негритянку домой, какъ отставшую овцу. «Что это вы дѣлаете? зачѣмъ ее го-

ните?» спросилъ я.—«Негодная дѣвчонка: отвѣчалъ онъ, все вертится на улицѣ по вечерамъ, а тутъ шатаются бушмены и тихонько вызываютъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, воруютъ съ ними вмѣстѣ и дѣлаютъ разныя другія проказы». — «Нельзя ли поймать гдѣ-нибудь бушмена? мнѣ давно хочется посмотрѣть это племя».—«Нѣтъ, не поймаешь, хотя ихъ тутъ много прячется по ночамъ, сказалъ хозяинъ съ досадой, грозя на поля и огороды: они, съ закатомъ солнечнымъ, выползаютъ изъ своихъ норъ и дѣлаютъ безпорядки».

Наши еще разговаривали съ Беномъ, когда мы пришли. З. по обыкновенію залегъ спать съ восьми часовъ и проснулся только поѣсть винограду за ужиномъ. Мы поужинали и легли. Здѣсь было немного комнатъ, и тѣ маленькія. Въ каждой было по двѣ постели, каждая для двоихъ.

Утромъ явился г. Бенъ и торопилъ ѣхать, чтобъ засвѣтло проѣхать ущелье. Онъ, какъ былъ вчера—въ зеленомъ сюртукѣ, нанковыхъ панталонахъ, въ черномъ жилетѣ, съ лорнеткой на ленточкѣ и въ шляпѣ, безъ перчатокъ — такъ и пустился съ нами въ дорогу. Онъ сѣлъ съ ученой партіей. «Ну, трогай, землякъ!» сказалъ З. Вандику. У Вандика опять перемѣна: вмѣсто чалой, запряжена пѣгая лошадь.—«А чалую промѣнялъ?» спросилъ я. —«Yes», съ улыбкой отвѣчалъ онъ.—«Зачѣмъ же: развѣ та не годилась?» — «О, нѣтъ, я ее на обратномъ пути опять куплю, а эту, пѣгую, я промѣняю съ барышомъ въ Устерѣ».

Славная дорога, славныя мѣста! Какъ мы въѣхали изъ кустовъ въ Веллингтонъ, такъ и выѣхали изъ него прямо въ кусты. Тутъ уже начиналось созданіе Бена — шоссе. Налѣво была гора Гринбергъ, зеленая не по одному названію. Она очень красива, съ большими отлогостями, живо-

писными холмами и оврагами. Она похожа на гору, какія есть вездѣ. Это общее мѣсто по части горъ. За-то бывшія впереди горы уже ни на что не походили. Громады все росли передъ нами, выставляя, одна за другой, дикія, голыя вершины. Онѣ, казалось, все болѣе и болѣе жались другъ къ другу; и когда подъѣдешь къ нимъ вплоть, онѣ смыкаются сплошной стѣной, какъ-будто толпа богатырей, которые стѣснились, чтобъ дать отпоръ нападенію и не пускать сквозь. Какъ же мы проѣдемъ черезъ плеча этихъ великановъ? думалъ я, видя, что мы ѣдемъ прямо на эту массу. «Гдѣ дорога?» спросилъ я Вандика. Онъ молча показалъ на тропинку и бичомъ провелъ по воздуху извилину параллельно ей. Эта дорога для экипажей — невѣроятно! Тропинка бѣжала кругомъ горы, пропадала, потомъ вдругъ являлась выше, пропадала опять и такъ далѣе.

Мы стали подниматься: лошади пошли не такой крупной рысью, какой ѣхали по долинѣ. Онѣ было пытались идти и шагомъ, но грозный «апплъ» и хлопанье бича заставляли ихъ постоянно бѣжать. З. затянулъ: *Близко города Славянска, на верху крутой горы*. Мы ѣхали пока еще по горамъ довольно-отлогимъ, въ родѣ Гринбергъ. Дорога прорѣзана въ глинистомъ сланцѣ. Справа у насъ глиняная стѣна отвѣсно стояла надъ головой, слѣва внизу зіяли овраги, но эти пропасти еще не были грозны: онѣ какъ-будто улыбались намъ. На днѣ ихъ текли ручьи, росла густая зелень, въ которой утопалъ глазъ. Особенно я помню одинъ живописный оврагъ, весь заросшій лѣсомъ. Внизу, въ самой глубинѣ его, въ группѣ деревьевъ, прятался бѣлый домикъ. Во всѣ стороны по горамъ шли тропинки и одна конная дорога. Домикъ этотъ — прежняя квартира мистера Бена. Онъ жилъ тутъ съ семействомъ года три и каждый день, пѣшкомъ и верхомъ, пускался въ горы, когда еще дорога только-что начиналась.

Мы все поднимались, но это замѣтно было для глазъ и почти вовсе незамѣтно для лошадей — такъ дорога идетъ раскидисто и отлого; лошади не переставали бѣжать легкой рысью. По дорогѣ могли проѣхать два экипажа, но это пространство размѣрено съ такою точностью, что сверхъ этого и мыши негдѣ было бы пройти. Края пропастей уставлены каменьями, расположенными близко одинъ отъ другаго. Каменья эти, на взглядъ, казались не велики, такъ-что З. брался каждый изъ нихъ легко сбросить съ мѣста. «И что̀ за пропасти: совсѣмъ нестрашныя, говорилъ онъ: этакихъ у насъ, въ Псковской губерніи, сколько хочешь!» День былъ жаркій и тихій. По дорогѣ никакого движенія, нигдѣ ни души. Дорога не совсѣмъ кончена и открыта для публики два дня въ недѣлю.

Хотя горы были еще невысоки, но чѣмъ болѣе мы поднимались на нихъ, тѣмъ замѣтно становилось свѣжѣе. Легко и отрадно было дышать этимъ тонкимъ, прохладнымъ воздухомъ. Тамъ и солнце ярко сіяло, но не пекло. Наконецъ мы остановились на одной площадкѣ. «Здѣсь высота надъ моремъ около 2000 футовъ», сказалъ Бенъ, и пригласилъ выйти изъ экипажей.

Мы вышли, оглянулись назадъ и остановились неподвижно передъ открывшейся картиной: вся паарльская долина лежала передъ нами, мѣстами облитая солнечнымъ блескомъ, а мѣстами прячущаяся въ тѣни горъ. Веллингтонъ лежалъ какъ-будто у ногъ нашихъ, несмотря на то, что мы были миляхъ въ пяти отъ него. Далѣе бѣлѣлись изъ-за зелени домики Паарля, на который гора бросала исполинскую тѣнь; кругомъ вездѣ фермы. Кусты казались травой, а большіе дубы фермъ — мелкими кустами. Мы стояли молча и неподвижно. Саженяхъ въ пятидесяти отъ насъ, плавно проплылъ въ воздухѣ,

не шевеля крыльями, орелъ; махнувъ раза три мѣрно крыльями надъ торчавшими голыми вершинами, онъ, какъ камень, ринулся внизъ и пропалъ между скалъ.

Тутъ Г. расположился снять фотографическіе виды и взять нѣсколько образчиковъ камней. Бенъ въ первый разъ только спросилъ объ имени каждаго изъ насъ, и мы тутъ же, на горѣ, обмѣнялись съ нимъ карточками. Б. и З., съ мѣшкомъ и молоткомъ, полѣзли на утесы. Но прежде З. попробовалъ, съ разрѣшенія мистера Бена, столкнуть который-нибудь изъ камней въ бездну, но увидѣлъ, что каждый камень чуть не больше его самаго. П. пустился въ длинную бесѣду съ Беномъ, а я пошелъ впередъ, чтобъ расправить ноги, уставшія отъ постояннаго сидѣнья въ экипажѣ. Я долго шелъ, поминутно останавливаясь посмотрѣть на долину. Вскорѣ она заслонилась утесомъ и я шелъ среди мертвой тишины, по шоссе. Дорога все еще шла сквозь глинистыя горы.

Чрезъ полчаса нагнали меня наши экипажи. Я было хотѣлъ сѣсть, но они, не обращая на меня вниманія, промчались мимо, повернули за утесъ направо и чрезъ пять минутъ стукъ колесъ внезапно прекратился. Они гдѣ-то остановились.

Я обогнулъ утесъ и на широкой его площадкѣ глазамъ представился рядъ низенькихъ строеній, обнесенныхъ валомъ и рѣшетчатымъ заборомъ—это тюрьма. По валу и на дворѣ ходили часовые, съ заряженными ружьями, и не спускали глазъ съ арестантовъ, которые, съ скованными ногами, сидѣли и стояли, группами и по-одиночкѣ, около тюрьмы. Изъ тридцати-сорока преступниковъ, которые тутъ были, только двое бѣлыхъ, остальные всѣ черные. Бѣлые стыдливо прятались за спины своихъ товарищей.

Здѣсь была полная коллекція всѣхъ племенъ, населяю-

щихъ колонію. Черный цвѣтъ, отъ самаго чернобархатнаго съ глянцемъ, какъ лакированная кожа, переходилъ, постепенными оттѣнками, до смугло-желтаго. Самые черные были негры племенъ Финго, Мозамбикъ, Бичуановъ и Сулу. У этихъ племенъ лицо бо̀льшею частью круглое, съ правильными чертами, съ выпуклымъ лбомъ и щеками, съ толстыми губами; волосы, сравнительно съ другими, длинны, хотя и курчавы. Негры всѣ здороваго тѣлосложенія; мускулы у нихъ правильны и красивы—это африканскіе Адонисы; зрачки у нихъ подернуты желтоватою влагою и покрыты сѣтью жилокъ. Каффры, не уступая имъ въ пропорціональности членовъ, превышаютъ ихъ ростомъ. Это самое рослое племя—атлеты. Но лицомъ они не такъ красивы, какъ первые; у нихъ лобъ и виски плоскіе, скулы выдаются; лицо овальное, взглядъ выразительный и смѣлый; они блѣднѣе негровъ; цвѣтъ болѣе темно-шеколадный, нежели черный. Готтентоты еще блѣднѣе. Они коричневаго цвѣта; впрочемъ, какъ многочисленное племя, они довольно-разнообразны. Я видѣлъ готтентотовъ тусклаго, но совершенно чернаго цвѣта. У нихъ, какъ у каффровъ, лобъ вдавленъ, скулы, напротивъ, выдаются; носъ у нихъ больше, нежели у другихъ черныхъ. Вообще лицо измято, обильно перерѣзано глубокими чертами; видъ старческій; волосы скудны. Они малорослы, худощавы, ноги и руки у нихъ тонкія, такъ, тряпка тряпкой, междутѣмъ это самый дѣятельный народъ. Они отличные земледѣльцы, скотоводы, хорошіе слуги, кучера и чернорабочіе.

Толпа окружила насъ и съ бо̀льшимъ любопытствомъ глядѣла на насъ, нежели мы на нее. Особенно негры и каффры смотрѣли открыто, бойко и смѣло, безъ запинки отвѣчали на вопросы. Нерѣдко дружный хохотъ раздавался между ними отъ какой-нибудь шутки, и что̀ за зубы обна-

руживались тогда! «Есть ли у васъ бушмены?» спросилъ я. — «Трое», отвѣчалъ смотритель. — «Нельзя ли посмотрѣть?» Онъ что-то крикнулъ: въ углу, у забора, кто-то пошевелился. Смотритель закричалъ громче: въ углу зашевелилось сильнѣе. Между черными начался говоръ, смѣхъ. Двое или трое пошли въ уголъ и вытащили оттуда бушмена. Какое жалкое существо! Онъ шелъ тихо, едва передвигая скованныя ноги, и глядѣлъ внизъ; другіе толкали его въ спину и подвели къ намъ. Насмѣшки сыпались градомъ; смѣхъ не умолкалъ. Передъ нами стояло существо, едва имѣвшее подобіе человѣка, ростомъ съ обезьяну. Желто-смуглое, старческое лицо имѣло форму треугольника, основаніемъ кверху, и покрыто было крупными морщинами. Крошечный носъ на крошечномъ лицѣ былъ совсѣмъ приплюснутъ: губы, нетолстыя, неширокія, были какъ-будто раздавлены. Онъ казался какимъ-то юродивымъ старикомъ, облысѣвшимъ, обеззубѣвшимъ, давно пережившимъ свой вѣкъ и выжившимъ изъ ума. Всего замѣчательнѣе была голова: лысая, только покрытая рѣдкими клочками шерсти, такими мелкими, что нельзя ухватиться за нихъ двумя пальцами. «Какъ тебя зовутъ?» спросилъ смотритель. Бушменъ молчалъ. На лицѣ у него было тупое, безсмысленное выраженіе. Едва ли онъ имѣлъ, казалось, сознаніе о томъ, гдѣ онъ, что̀ съ нимъ дѣлаютъ. Смотритель повторилъ вопросъ. Бушменъ поднялъ на минуту глаза и опустилъ опять. Я давно слышалъ, что языкъ бушменовъ весь состоитъ изъ смѣси гортанныхъ звуковъ съ прищелкиваніемъ языка, и потому недоступенъ для письменнаго выраженія. Мнѣ хотѣлось повѣрить это и я просилъ заставить его сказать что-нибудь по-бушменски. «Какъ *отецъ* по вашему?» спросилъ смотритель. Бушменъ поднялъ глаза, опустилъ и опять поднялъ, потомъ медленно раскрылъ ротъ,

показалъ блѣдно-красныя челюсти, щелкнулъ языкомъ и издалъ двѣ гортанныя ноты. «*А мать?*» спросилъ смотритель. Бушменъ опять щелкнулъ и издалъ двѣ, уже другія ноты. Вопросы продолжались. Отвѣты измѣнялись, или въ нотахъ, или въ способѣ прищелкиванья. Совершено звѣриный способъ объясняться! И это мой *братъ*, *ближній*! думалъ я, болѣзненно наблюдая это, какое-то недосозданное, жалкое существо. «Они, должны-быть, совсѣмъ безъ смысла, сказалъ я: умъ у нихъ кажется вовсе не развитъ». — «Нельзя сказать, отвѣчалъ смотритель: они дики и нелюдимы, потому-что живутъ въ своихъ землянкахъ посемейно, но они очень смышлены, особенно мастера слукавить и стащить что нибудь. Кромѣ-того, они славно ловятъ звѣрей, птицъ и рыбу. Звѣрей они убиваютъ ядовитыми стрѣлами. Вообще они проворны и отважны, но безпечны и не любятъ работы. Если имъ удастся пріобрѣсти нѣсколько штукъ скота кражей, они ѣдятъ безъ мѣры; дни и ночи проводятъ въ этомъ; а когда все съѣдятъ, туго подвяжутъ себѣ животы и сидятъ по недѣлямъ безъ пищи».

Вывели и прочихъ бушменовъ: точно такіе же малорослые, загнанные, съ безсмысленнымъ лицомъ, старички, хотя имъ было не болѣе, какъ по тридцати лѣтъ.

Чѣмъ больше я вглядывался въ готтентотовъ и бушменовъ, тѣмъ больше убѣждался, что они родня между собой. Готтентоты отрекаются отъ этого родства, но черты лица, отчасти языкъ, цвѣтъ кожи — все убѣждаетъ, что они одного корня. Однимъ, вѣроятно, благопріятствовали обстоятельства и они пріучились жить обществомъ, заниматься честными и полезными промыслами, словомъ, быть порядочными людьми; другіе остаются въ дикомъ, почти въ скотскомъ состояніи, избѣгаютъ даже другъ друга и ведутъ себя негодяями. Сколько и въ семьяхъ, среди ци-

вилизованнаго общества, встрѣчается примѣровъ братьевъ, жизнь которыхъ сложилась такъ, что одинъ — образецъ порядочности, другой отверженецъ семьи! «За что они содержатся?» спросилъ я. «За воровство, какъ и большая часть арестантовъ», отвѣчалъ смотритель. «Подолгу ли содержатъ ихъ въ тюрьмѣ!» — «Отъ трехъ до пятнадцати лѣтъ».—«Что они дѣлаютъ, чѣмъ ихъ занимаютъ?» — «А дорогу-то, по которой вы ѣдете, сказалъ мистеръ Бенъ, кто жь дѣлаетъ, какъ не они? Вотъ завтра вы увидите ихъ за работой.»

Мы заглянули въ длинный деревянный сарай, гдѣ живутъ преступники. Онъ содержится чисто. Оконъ нѣтъ. У стѣнъ идутъ постели рядомъ, на широкихъ доскахъ, устроенныхъ, какъ у насъ палати въ избахъ, только ниже. Тамъ мы нашли большое общество сидѣвшихъ и лежавшихъ арестантовъ. Я спросилъ, можно ли, какъ это у насъ водится, дать денегъ арестантамъ, но-мнѣ отвѣчали, что это строго запрещено.

Мы поблагодарили смотрителя и г. Бена за доставленное намъ печальное удовольствіе и отправились далѣе. «Это еще непослѣднее удовольствіе: впереди три», сказалъ мистеръ Бенъ. «Напрасно мы не закусили здѣсь! говорилъ Б., вѣдь съ нами есть мясо, куры...» Но мы уже ѣхали дальше: З. громко пѣлъ: «*Зачѣмъ, зачѣмъ обворожила, коль я душѣ твоей не милъ*»... Потомъ вдругъ пускался разсказывать, то дѣтскую шалость, отрывокъ изъ воспитанія, то начертитъ чей-нибудь портретъ, характеръ, или просто передразнитъ кого-нибудь. Мы любили слушать его. Память у него была баснословная, такъ-что онъ передавалъ малѣйшія детали происшествія. Вотъ Б. К., напротивъ, ничего не помнилъ, ни мѣстности, ни лицъ, и тоже никогда не смотрѣлъ впередъ. Онъ жилъ настоящимъ мгновеніемъ, за

то ужь жилъ вполнѣ. Никто скорѣе его не входилъ въ чужую идею, никто тоньше не понималъ юмора и не сочувствовалъ картинѣ, звуку, всякому артистическому явленію.

Мы стали въѣзжать въ самое ущелье. Зеленые холмы и овраги смѣнились дикими каменными утесами, черными, или сѣдыми. Дорога прорублена была по окраинамъ скалъ. Горы близко тѣснились черезъ ущелье другъ къ другу. Солнце не достигало до насъ. Мы съ изумленіемъ смотрѣли на угрюмыя громады, которыя висѣли надъ нами. Въ пустынѣ царствовало страшное безмолвіе, такъ-что и З. пересталъ пѣть. Мы изрѣдка мѣнялись между собою словомъ и съ робостью перебѣгали глазами отъ утеса къ утесу, отъ пропасти къ пропасти. Мы какъ-будто попали въ западню, хотя намъ ничего не угрожало.

Представьте себѣ надъ головой сплошную каменную стѣну горъ, которая заслоняетъ небо, солнце, и которой не видать вершины. По этимъ горамъ брошены другія, меньшія горы; онѣ, упавъ, раздробились, разсыпались и покатились въ пропасти, но вдругъ будто были остановлены на пути и повисли надъ бездной. То видишь точно цѣлый городъ, съ обрушившимися отъ какого-нибудь страшнаго переворота башнями, столбами и основаніями зданій, то толпы слоновъ, носороговъ и другихъ животныхъ, которыя дрались въ общей свалкѣ и вдругъ окаменѣли. Тамъ, кажется, сидятъ группой изваянія великановъ. Здѣсь, на горѣ, чуть-чуть держится скала, цѣпляясь за гору однимъ угломъ, и всѣмъ основаніемъ виситъ надъ бездной. Далѣе и далѣе все стѣны горъ и все разбросанныя на нихъ громадные обломки, похожіе на монастыри, на исполинскіе надгробные памятники, точно слѣды страшнаго опустошенія.

Кажется, довольно одного прикосновенія къ этимъ глыбамъ, чтобъ они полетѣли внизъ, между-тѣмъ здѣсь Архи-

медовъ рычагъ безсиленъ. Нужно по-крайней-мѣрѣ землетрясеніе, или мистера Бена, чтобъ сдвинуть ихъ съ мѣста.

Внизу зіяютъ пропасти, уже не съ зелеными оврагами и чуть-чуть журчащими ручьями, а продолженіе тѣхъ же горъ, съ грудами отторженныхъ сѣрыхъ камней и съ мутно-желтыми стремительными потоками, или мертвымъ и грязнымъ болотомъ на днѣ. Ѣдешь по плечу исполинской горы и, несмотря на всю увѣренность въ безопасности, съ невольнымъ смущеніемъ глядишь на громады, которыя какъ-будто сдвигаются все ближе и ближе, грозя раздавить путниковъ. Взглянешь внизъ, въ бездну, футовъ на 200, на 300, и съ содроганіемъ отвернешься; взглянешь наверхъ, а тамъ такія же бездны опрокинуты надъ головой. Всѣ эти массы истерзаны какъ-будто небеснымъ гнѣвомъ и разбросаны по прихоти нечеловѣческой фантазіи. «Что, спросилъ я у З., есть въ Псковской губерніи такія пропасти?» — «Страшновато!» шепталъ онъ, съ судорожнымъ, нервическимъ хохотомъ, косясь пугливо на бездну. Потомъ вдругъ, чтобъ ободрить себя и показать, что ему ни почемъ, горланилъ: «*Люди добрые, внемлите*»... Но потомъ морщился и уныло затягивалъ: «*Не билъ барабанъ*» и постепенно затихалъ.

Мы проѣхали черезъ продолбленный насквозь и лежащій на самой дорогѣ утесъ, потомъ завернули за скалу и ждали, что̀ тамъ будетъ: мы очутились надъ бездной, глубже и страшнѣе всѣхъ, которыя миновали. Въ добавокъ къ этому, дорога здѣсь была сдѣлана пока только для одного экипажа; охранительныхъ каменьевъ по сторонамъ не было и лошади шли по самой окраинѣ «*Вы всю... грусть мою... поймите*», запѣлъ было, но уже вполголоса, З. и смолкъ. По узенькой, недодѣланной дорогѣ, по которой еще кое-гдѣ валялись приготов-

ленные для работъ каменья и воткнутъ былъ заступъ, надо было заворотить налѣво. «Что жь вы не поете?» спросилъ я. «Постойте, дайте проѣхать, вы видите»... Съ мучительнымъ ощущеніемъ проѣхали мы поворотъ и вздохнули свободно, когда дорога опять расширилась. «Есть ли здѣсь животныя?» спросилъ я Вандика. «О, много!»—«Какихъ же?» —«Бабуановъ (павіановъ, большихъ черныхъ обезьянъ). Я удивляюсь, прибавилъ Вандикъ, оглядываясь по сторонамъ, что ихъ нѣтъ сегодня: онѣ стадами скачутъ по скаламъ, и лишь завидятъ людей и лошадей, поднимаютъ страшный крикъ».—«Можетъ-быть, оттого нѣтъ, что сегодня воскресенье», замѣтилъ З. «Слава Богу, впрочемъ, что нѣтъ. Еслибъ хоть одна лошадь испугалась и зашалила, такъ намъ пришлось бы плохо».—«Есть еще волки, тигры», сказалъ Вандикъ.—«Волки—здѣсь? быть не можетъ! Волки—сѣверное животное», замѣтили мы. «Знаю, съ улыбкою отвѣчалъ Вандикъ, но здѣсь такъ называютъ гіенъ, а я, по привычкѣ, назвалъ ихъ волками». Вандикъ былъ образованный кучеръ.

Мистеръ Бенъ послѣ подтвердилъ слова его и прибавилъ, что гіенъ и шакаловъ водится множество вездѣ въ горахъ, даже поблизости Капштата. Ихъ отравляютъ стрихниномъ. «И тигровъ тоже много, говорилъ онъ: ихъ еще на прошлой недѣлѣ видѣли здѣсь въ ущельѣ. Но здѣшніе тигры мелки, съ большую собаку.» Это видно по шкурамъ, которыя продаются въ Капштатѣ.

Скоро мы подъѣхали къ живописному мѣсту. Горы вдругъ раздвинулись на минуту и образовался поперечный разрѣзъ. Солнце тотчасъ воспользовалось этимъ и ярко освѣтило глубокій оврагъ до дна. Дно и бока оврага заросли травой и кустами. Внизу текъ ручей. Отъ утеса къ утесу черезъ разрѣзъ велъ мостъ—чудо инженернаго

искусства. Онъ, какъ скала, плотно сложенъ изъ квадратныхъ плитъ песчаника. Длиной онъ футовъ сорокъ, а внизъ опускался сплошной каменной стѣной, футовъ на 70, и упирался въ дно оврага. Налѣво отъ моста, въ ущельи, заросшемъ зеленью, журчалъ каскадъ и падалъ внизъ. Мы остановились и пошли по уступу скалы—кто пить, кто ловить насѣкомыхъ и собирать травы. Во всемъ ущельи, простирающемся на 14 англійскихъ миль, сдѣлано до сорока каменныхъ мостовъ и мостиковъ: можно судить, сколько употреблено тутъ дарованія, соображеній и физическаго труда! Каменья надо было таскать сверху, или снизу; многія скалы рвать порохомъ. Бенъ намъ показывалъ слѣды такихъ взрывовъ и обѣщалъ показать, на возвратномъ пути, и самые взрывы.

За мостомъ ущелье въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опять сжималось, но уже замѣтно было, что оно должно скоро кончиться. Здѣсь природа веселѣе; по горамъ росла обильная зелень. Даже брошенные по скатамъ каменья обросли кустами и травой, со множествомъ цвѣтовъ. Много попадалось птицъ, жужжали милліоны насѣкомыхъ; на камняхъ часто видѣли мы разноцвѣтныхъ ящерицъ, которыя выползали на солнце погрѣться. Въ одномъ мѣстѣ прямо изъ скалы, чуть-чуть, текла струя свѣжей, холодной воды; подъ ней вставленъ былъ арестантами желѣзной желобокъ. «Зимой это большой каскадъ, сказалъ Бенъ: ихъ множество тутъ; вонъ тамъ, тутъ!» говорилъ онъ, указывая рукой въ разныя мѣста. Сколько грандіозна была та часть ущелья, которую мы миновали, столько же улыбалась природа здѣсь. Тутъ были живописныя уклоненія скалъ въ сторону, образующія тѣнистые уголки, природные гроты.

Вскорѣ мы подъѣхали къ самому живописному мѣсту.

Мы только спустились съ одной скалы и передъ нами представилась широкая расчищенная площадка, обнесенная валомъ. На площадкѣ выстроено нѣсколько флигелей. Это другая тюрьма. Въ нѣкоторомъ разстояніи, особо отъ тюремныхъ флигелей, стоялъ маленькій домикъ, гдѣ жилъ сынъ Бена, онъ же смотритель тюрьмы и помощникъ своего отца. Кругомъ тѣснились скалы, выглядывая одна изъ-за другой, какъ-будто вставали на цыпочки. Площадка была на полугорѣ; внизъ шли тоже скалы, обросшія густою зеленью и кустами и уставленныя прихотливо разбросанными каменьями. На днѣ живописнаго оврага текъ большой ручей, черезъ который строился каменный мостъ. Рядомъ съ мостомъ шла плотина, служившая преградой ручью, на время, пока строился мостъ. Черезъ эту плотину шла и временная дорога. Берега ручья, скаты горы—все потонуло въ зелени. Бенъ съ улыбкой смотрѣлъ, какъ мы молча наслаждались великолѣпной картиной, поворачиваясь медленно то на ту, то на другую сторону. Потомъ оглянулись и замѣтили, что уже мы давно на дворѣ, что Вандикъ отпрягъ лошадей и передъ нами стояли двое молодыхъ людей: сынъ Бена, бѣлокурый, краснощекій молодой человѣкъ, и другой, пасторъ-миссіонеръ. Мы познакомились и вошли въ домъ. Мы велѣли вынуть изъ экипажей провизію и вино, сынъ Бена тоже засуетился готовить завтракъ.

Но прежде мы отправились смотрѣть тюрьму. Все то же, только поменьше арестантовъ. Они сидѣли и лежали на дворѣ и всѣ старались помѣститься на солнцѣ. Особенно одинъ старикъ-негръ привлекъ мое вниманіе: у него болѣла нога и онъ лежалъ, растянувшись, по срединѣ двора и опершись на локоть, лицомъ прямо къ солнцу. Спереди голова у него была совсѣмъ лысая и лучи

играли на ней, какъ на маковкѣ башни. Былъ полдень, жара такъ и палила, особенно тутъ, въ ущельѣ, гдѣ воздухъ спертъ и камни сильно отражаютъ лучи. «Зачѣмъ ихъ выводятъ на солнце? спросили мы: вѣдь это вредно». — «Нѣтъ, отвѣчалъ Бенъ: они любятъ и охотнѣе работаютъ въ солнечный жаркій день, нежели въ пасмурный». Я спросилъ у многихъ имена: готтентотовъ звали: Саломонъ, Каллюръ; бушменовъ—Вильденсонъ и Когельманъ. Но эти имена даны уже европейцами, а я просилъ, чтобъ они сказали мнѣ, какъ ихъ зовутъ на ихъ природномъ языкѣ. Бушмены, казалось, поняли о чемъ ихъ спрашиваютъ: они постояли молча, потупивъ глаза въ землю. Миссіонеръ повторилъ вопросъ; тогда они, попорядку, сначала одинъ, потомъ другой, помычали и щелкнули языкомъ. Записать эти звуки не было возможности. Я обратился къ каффрамъ. Одинъ бойко произнесъ имя «Дольфъ», другой—«Дай». Потомъ я спросилъ одного чернаго, какого онъ племени и какъ его зовутъ. Онъ сказалъ, что отецъ у него мозамбикъ, мать другаго племени, но не сказалъ какого, а зовутъ его «Лакиди». Всѣ они разумѣютъ и кое-какъ объясняются по-англійски. Одѣты они, кто въ курткѣ, кто въ рубашкѣ и шароварахъ.

Мы пошли во флигель къ Бену. Тамъ молодой, черный, какъ деготь, негръ, лѣтъ двадцати и красавецъ собой, то-есть съ крутыми щеками, выпуклымъ лбомъ, висками, толстогубый, съ добрымъ выраженіемъ въ глазахъ, прекрасно сложенный, накрывалъ на столъ. Онъ мнѣ очень понравился. «Вы нанимаете этого негра?» спросилъ я сына Бена.—«Нѣтъ, отвѣчалъ онъ: это тоже арестантъ, военноплѣнный, дрался за каффровъ и недавно взятъ въ плѣнъ. Я его не мѣшаю съ другими арестантами: онъ очень смиренъ и послушенъ».—«Долго они работаютъ?»—«Съ вос-

хожденія солнца до захожденія; тутъ много времени уходитъ въ ходьбѣ на мѣсто и обратно». Пока мы говорили съ Беномъ, З., миссіонеръ и нашъ докторъ, ходили въ ручей купаться, потомъ принялись за мясо, утокъ и проч.

Часа въ три пустились дальше. Дорога шла теперь по склону и лошади бѣжали веселѣе. Ущелье все расширялось, открывая горизонтъ и дальнія мѣста. «Ничего теперь не боюсь!» весело говорилъ З. и запѣлъ вмѣстѣ съ птицами, которыя щебетали и свистали гдѣ-то въ вышинѣ. Кругомъ горы теряли съ каждымъ шагомъ угрюмость и мы незамѣтно выѣхали изъ ущелья, переѣхали рѣчку, мостикъ, и часовъ въ пять остановились на полчаса у маленькой мызы Клейнбергъ. Тутъ была третья и послѣдняя тюрьма, меньше первыхъ двухъ; она состояла изъ одного только флигеля, окруженнаго рѣшеткой; за ней толпились черные. Мыза вся состояла изъ одноэтажнаго домика, съ плантаціями маиса вокругъ и съ виноградникомъ. На дворѣ росло огромное дерево, къ которому на длинной веревкѣ привязана была большая обезьяна, павіанъ. Не смотря на короткую остановку, кучера наши отпрягли лошадей. Хозяинъ мызы, по имени Леру, потомокъ французскаго протестанта; жилище его смотрѣло скудно и жалко. Напрасно Б. К. заглядывалъ: нѣтъ ли чего-нибудь пообѣдать. За-то Леру вынесъ намъ множество банокъ... со змѣями, потомъ камни, шкуры тигровъ и т. п. «Ну, послѣднія времена пришли! говорилъ Б.: просишь у ближняго хлѣба, а онъ даетъ камень, вмѣсто рыбы—змѣю». Мы сѣли на стульяхъ, на дворѣ, и смотрѣли, какъ обезьяна, то влѣзала на дерево, то старалась схватить котораго-нибудь изъ бѣгавшихъ мальчишекъ, или собакъ. Ни тѣхъ, ни другихъ она терпѣть не могла, какъ сказали намъ хозяева. Дѣтей не пускали къ ней, а собакъ, на-

противъ, подталкивали. Надо было видѣть, какъ она схватитъ пребольшую собаку и начнетъ такъ поворачивать и кусать ее, что та съ визгомъ едва вывернется изъ лапъ ея и бѣжитъ спрятаться. Потомъ обезьяна сядетъ, подгорюнится и смотритъ на насъ. Кучера стали бросать въ нее каменья, но она увертывалась такъ ловко, что ни одинъ не попадалъ. Солнце уже садилось, когда мы поѣхали дальше, къ Устеру, по одной, еще неконченной дорогѣ. Песокъ, груды камней и рытвины—вотъ что предстояло намъ. Мы переправились въ бродъ черезъ рѣку, остановились на минуту около какого-то шалаша, гдѣ продавали прохожимъ хлѣбъ, кажется, еще водку, и гдѣ наши купили страусовыхъ яицъ, величиной съ маленькую дыню.

Недалеко отъ Устера, мы объѣхали кругомъ холма, который гдѣ-нибудь въ саду могъ представлять большую гору: это—куча каменьевъ, поросшихъ кутарниками, въ которыхъ, говорятъ, много змѣй, оттого она и называется Шлянгенхель, то есть Змѣиная горка. Вообще колонія изобилуетъ змѣями; между ними много ядовитыхъ, и между прочимъ, извѣстная кобракапелла, Въ Стелленбошѣ Ферстфельдъ сказывалъ намъ, что, за нѣсколько дней предъ нами, восьмилѣтняя дѣвочка сунула руку въ нору ящерицы, какъ казалось ей, но оттуда выскочила очковая змѣя и ужалила ее. Дѣвочка чрезъ полчаса умерла. На мызѣ Клейнбергъ говорили, что въ окрестностяхъ водится большая, желтая, толстая змѣя, которая, нападая на кого-нибудь, становится будто на хвостъ и перекидывается назадъ.

Совсѣмъ стемнѣло, котда мы стали подъѣзжать къ Устеру. Дорога ужасная: пески, каменья, безпрестанныя ямы. Иногда мы получали такіе толчки, что экипажъ откидывало въ сторону. Темнота адская; мы не видѣли куда ѣхали: передъ глазами стояла какъ-будто стѣна. Лошади бѣ-

жали чуть-чуть замѣтной рысью. «Какъ бы въ оврагъ не свалиться» говорили мы. — Нѣтъ не свалимся, отвѣчалъ Вандикъ: на камень, можетъ-быть, попадемъ не разъ, и въ рытвину колесо заѣдетъ, но въ оврагъ не свалимся: одна изъ переднихъ лошадей куплена мною, недѣли двѣ назадъ, въ Устерѣ: она знаетъ дорогу». — «Да вотъ, въѣзжаемъ, вотъ зданія какія-то!» сказалъ Б. Въ-самомъ-дѣлѣ мы поровнялись съ какими-то темными массами, которыя Б. принялъ за домы; но это оказались деревья. Мы продолжали трястись и пробирались ощупью. Черезъ четверть часа З. сказалъ «вотъ теперь-такъ пріѣхали: я вижу бѣлую стѣну неподалеку». — «Это Устеръ?» спросили Вандика. «Нѣтъ, это ферма, сказалъ онъ: отъ нея еще мили четыре до Устера». Ахъ, какое наказаніе! Мѣстами мы проѣзжали большія пространства булыжника: это значитъ ѣхали по высохшему руслу рѣки. Колеса такъ визжали въ каменьяхъ, что нельзя было разговаривать. Мы еще нѣсколько разъ ошиблись, принимая, то кусты, то ближайшіе холмы за городскія зданія. Потомъ намъ надоѣло и ѣхать, и ошибаться; мы соскучились и сидѣли молча, только хватались за бока, когда получали толчокъ. Наконецъ, черезъ добрый часъ ѣзды отъ фермы, Вандикъ вдругъ остановилъ лошадей и спросилъ кого-то и что-то по-голландски. Ему крикнуло въ отвѣтъ голосовъ двадцать. «Что это? гдѣ мы?» спрашиваемъ Вандика. — «Въ городѣ, отвѣчалъ онъ; да вотъ не вижу улицы, не знаю, какъ проѣхать къ отели». Я напрягъ зрѣніе въ темнотѣ и отличилъ силуэты темныхъ фигуръ, которыя стояли около нашего экипажа. «Что это за народъ?» — «Black people» отвѣчалъ Вандикъ, пуская лошадей дальше. Вдругъ черные что-то дружно крикнули намъ вслѣдъ, лошади испугались и сильно дернули впередъ. «Апплъ!» закричалъ

Вандикъ, и обратясь, тоже что-то крикнулъ чернымъ. Показались огни, и мы уже свободно мчались по широкой, безконечной улицѣ, съ низенькими домами по обѣимъ сторонамъ, и остановились у ярко освѣщенной отели, въ концѣ города. «Ухъ, уфъ, ахъ, охъ!» раздавалось по мѣрѣ того, какъ каждый изъ насъ вылѣзалъ изъ экипажа. Отель эта была лучше всѣхъ, которыя мы видѣли, какъ и самъ Устеръ лучше всѣхъ мѣстечекъ и городовъ по нашему пути. Въ гостиной, куда входишь прямо съ площадки, было все чисто, какъ у порядочно-живущаго частнаго человѣка: прекрасная новая мебель, крашеные полы, круглый столъ, на немъ два большіе бронзовые канделябра и ваза съ букетомъ цвѣтовъ.

Очевидно, что хозяева англичане. Мистеръ Бенъ съ Б. отправились хозяйничать, хлопотать объ ужинѣ, П. ухаживалъ около Бена, стараясь отблагодарить его постояннымъ вниманіемъ за предпринятую имъ для насъ поѣздку. Я сѣлъ на балконъ и любовался темной и теплой ночью, дышалъ и не надышался безмятежнымъ, чистымъ воздухомъ. Вдали, на темномъ фонѣ неба, лежали массы еще темнѣе: это горы. Г. вышелъ на балконъ, долго вслушивался и вдругъ какъ-будто свалился съ крыльца въ тьму кромѣшную и исчезъ. «Куда вы?» кричалъ я ему вслѣдъ.— «Тутъ должна быть близко канава, отвѣчалъ онъ: слышите, какъ лягушки квакаютъ, точно стучатъ чѣмъ-нибудь; вѣрно не такія, какъ у насъ; хочется поймать одну». Въ-самомъ-дѣлѣ кузнечики и лягушки взапуски отличались одни предъ другими.

Ужинъ, благодаря двойнымъ стараніямъ Бена и Б., былъ, если не отличный, то обильный. Ростбифъ, бифстектъ, ветчина, куры, утки, баранина, съ приправой горчицъ, перцевъ, сой, пикулей и другихъ отравъ, которыя

страшно употребить и наружно, въ видѣ пластырей, и которыя англичане принимаютъ внутрь, совсѣмъ загромоздили столъ, такъ что виноградъ, фиги и миндаль стояли на особомъ столѣ. Было весело. Бенъ много разсказывалъ, Б. много ѣлъ, мы много слушали, З. послѣ дессерта много дремалъ.

Послѣ долгой бесѣды за ужиномъ, насъ развели по комнатамъ. Я съ З. заняли большой нумеръ, съ двумя постелями, Б. и П. спали отдѣльно въ этомъ же домѣ, а мистеръ Бенъ, Г. и докторъ отправились во флигель, выстроенный внутри двора и обращенный дверями къ садику. Оконъ въ ихъ комнатахъ не было, да и жарко было бы отъ солнца. А кому нуженъ свѣтъ, тотъ могъ отворить дверь. Оно, какъ видите, просто, первобытно, по-африкански. З. спалъ мертвымъ сномъ, даже прислуга—негръ и дѣвка, долго гремѣвшіе ложками и тарелками, угомонились. Тишина воцарилась мертвая. Я тоже наконецъ хотѣлъ лечь спать, но прежде посвятилъ нѣсколько минутъ тщательному осмотру своей кровати. Она была большая, двуспальная, какъ вездѣ въ англійскихъ владѣніяхъ, но такой, какъ эта, я еще не видывалъ. Она была подъ балдахиномъ изъ темной шерстяной матеріи, висѣвшей тяжелыми фестонами, съ кистями и бахрамой. На задней доскѣ кровати стоялъ какой-то щитъ; на немъ вырѣзано было изображеніе какъ-будто короны и герба. Занавѣски, мрачнаго цвѣта, съ крупными складками, плотно закрывали высокую постель. Я раза три обошелъ вокругъ этого катафалка и не зналъ, какъ приступить къ угрюмому ложу; робость напала на меня. Мнѣ пришелъ на память древній замокъ и мрачная комната, въ которой гостилъ и ночевалъ какой-нибудь Плантагенетъ или Стюартъ. И съ тѣхъ-поръ комната чтится, какъ святыня; она на-глухо заперта и по-

стель оставлена въ своемъ тогдашнемъ видѣ; никто не дотрогивался до нея, а я вдругъ лягу! Однакожь надо было лечь. Я раздвинулъ занавѣски и передо мной представилась цѣлая гора пуховиковъ, съ неизмѣнной длинной и круглой подушкой. Нѣсколько одѣялъ, сложенныхъ вмѣстѣ, были такъ массивны, что я на-силу ихъ поднялъ. Хотѣлъ влѣзть и не могъ: высоко. Два раза пытался я добраться до средины постели и два раза скатывался долой. Такъ и остался на краю. Я сталъ уже засыпа̀ть, какъ вдругъ услышалъ шорохъ. Что это? ужь не тѣнь ли королевская идетъ на свой старый ночлегъ? Шорохъ все сильнѣе и сильнѣе; вскорѣ по балдахину началась мелкая и частая бѣготня — мышей. Ну, это не бѣда. Я хотѣлъ-было заснуть, но вдругъ мнѣ пришло въ голову сомнѣніе: вѣдь мы въ Африкѣ; здѣсь вонъ и деревья, и скотъ, и люди, даже лягушки не такія, какъ у насъ; можетъ-быть, чего добраго, и мыши не такія; можетъ-быть онѣ.... Не рѣшивъ этого вопроса, я засыпа̀лъ, но бѣготня и пискъ разбудили меня опять; открою глаза и вижу, что къ окну приблизится съ улицы какая-то тѣнь, взглянетъ и медленно отодвинется, и вдругъ опять сонъ осилитъ меня, опять разбудятъ мыши, опять явится и исчезнетъ тѣнь въ окнѣ.... Точно какъ въ дѣтствѣ бывало, когда еще нервы не окрѣпли: печь кажется въ темнотѣ мертвецомъ, висящее всегда въ углу платье — небывалымъ явленіемъ. Послѣ этого сравненія, мелькнувшаго у меня въ головѣ, какъ ни рѣзво бѣгали мыши, ка̀къ ни настойчиво заглядывала тѣнь въ окно, я не далъ себѣ труда дознаваться, какія мыши были въ Африкѣ и кто заглядывалъ въ окно, а крѣпко-накрѣпко заснулъ.

Рано утромъ все уже было на ногахъ, а я еще все спалъ. Даже Б., и тотъ всталъ и приходилъ два раза ска-

зать, что breakfast на столѣ. Пришелъ П. и тоже торопилъ вставать: «Пора-де ѣхать». — «Да куда это съ-этихъ-поръ?» — «Визиты дѣлать».—«Какіе, кому въ Устерѣ визиты дѣлать?» — «А къ Русскому, который здѣсь живетъ. Ужь мистеръ Бенъ завтракаетъ. Вставайте: онъ поведетъ насъ», торопилъ неотвязчивый П. «Потомъ, говорилъ онъ, вчера здѣшній magistrate (судья), котораго мы видѣли въ Бенсклюфѣ (ущелье Бена) просилъ заѣхать къ нему; потомъ отправимся на минеральныя воды» — «Потомъ еще куда? перебилъ я: и все въ одинъ день!» Но П. заказалъ верховыхъ лошадей и велѣлъ заложить наши экипажи. Я одѣлся, вышелъ въ поле и тутъ только увидѣлъ, какимъ прекраснымъ пейзажемъ горъ ограниченъ Устеръ. Громады были мѣстами зелены, мѣстами изрыты и дики, съ наростами сѣдыхъ камней, съ группами деревьевъ, съ фермами и виноградниками. Равнина вокругъ горъ была частью песчана, частью зелена и уставлена фермами. День начинался блестящій и жаркій. Пока еще была свѣжая прохлада, я сдѣлалъ маленькую прогулку по полямъ, съ маисомъ и виноградомъ, и воротился на балконъ, кругомъ обсаженный розовыми кустами, миртами и другими, уже отцвѣтшими деревьями.

Вскорѣ раздался топотъ: готтентотъ пріѣхалъ верхомъ на одной лошади, а двухъ велъ порожнихъ, потомъ явились и наши кучера.

Въ ожиданіи товарищей, я прошелся немного по улицѣ и разсмотрѣлъ, что городъ выстроенъ весьма правильно и чистота въ немъ доведена до педантизма. На улицѣ не увидишь ничего лишняго, брошеннаго. Канавки, идущія по обѣимъ сторонамъ улицъ, мостики, содержатся какъ-будто въ какомъ-нибудь паркѣ. «Скучный городъ!» говорилъ З. съ тоской, глядя на эту чистоту. При постройкѣ

города не жалѣли мѣста: улицы такъ широки и длинны, что въ-самомъ-дѣлѣ, безъ густаго народонаселенія, немного скучно на нихъ смотрѣть.

Впрочемъ, это только слава, что великъ городъ. Будетъ великъ, когда въ черту его войдутъ цѣлыя поля! Однѣхъ площадей, или скверовъ, здѣсь около 24; каждая площадь имѣетъ до 11 акръ, сказывалъ Бенъ. Въ городѣ теперь пока, и съ его уѣздомъ, около 5,000 жителей. Онъ еще ждетъ народонаселенія, какъ и вся колонія. Проѣзжая эти пространства, гдѣ на далекое другъ отъ друга разстояніе разбросаны фермы, невольно подумаешь, что пора бы уже этимъ фермамъ и полямъ сблизиться такъ, чтобы они касались другъ друга, какъ въ самой Англіи, чтобъ сосѣднія нивы раздѣлялись только канавой, а не степями, чтобъ ни одинъ клочекъ не пропалъ даромъ... Но гдѣ взять народонаселенія? Здѣсь нѣтъ золота и толпа не хлынетъ сюда, какъ въ Калифорнію и Австралію. Здѣсь нужны люди, которые бы шли на подвигъ; или надо обмануть пришельцовъ, сказать, что кладъ зарытъ въ землѣ, какъ сдѣлалъ земледѣлецъ передъ смертью съ своими дѣтьми, чтобы они изрыли ее всю. На это мало найдется охотниковъ. Англійское правительство хотѣло помочь горю и послало цѣлый грузъ неохотниковъ—ссыльныхъ: но жители Капштата толпой вышли на пристань и грозили закидать ихъ каменьями, если они выйдутъ на берегъ. Черные еще въ дѣтствѣ: они пока, какъ дѣти, кусаютъ пекущуюся о нихъ руку. Народонаселеніе въ Устерѣ смѣшанное. Здѣсь довольно и черныхъ. Для нихъ есть особая церковь, которыхъ всего двѣ; обѣ англійскія. Жители занимаются земледѣліемъ, почти во всѣхъ видахъ. До-сихъ-поръ мало было сбыта, потому-что трудно возить продукты въ горахъ. Съ устройствомъ дороги черезъ ущелье, Устеръ, и всѣ ближайшія къ Бенсклюфу мѣста, должны подняться.

Кромѣ хлѣба, здѣсь много и плодовъ; особенно хвалятъ яблоки и груши. Тѣ, которыя мы видѣли, нельзя ѣсть: онѣ, правда, велики, но жестки и годны на варенье, или въ компотъ. Другіе плоды всѣ уже отошли.

Около города текутъ двѣ рѣки: Гексъ и Брееде. Изъ Гекса вода, чрезъ акведуки, миль за пять, идетъ въ городъ. Жители платятъ за это удобство маленькую пошлину.

Товарищи воротились отъ мнимаго русскаго. Онъ изъ нѣмцевъ, по имени Вейнертъ, жилъ долго въ Москвѣ, въ качествѣ учителя музыки, или что-то въ этомъ родѣ, получилъ за службу пенсіонъ и удалился, по болѣзни, сначала куда-то въ Германію, потомъ на мысъ Доброй Надежды, ради климата. Онъ по-русски помнилъ нѣсколько словъ, все остальное забылъ, но любилъ русскихъ и со слезами привѣтствовалъ гостей. Онъ боленъ, кажется, параличемъ, одинокъ и въ тоскѣ доживаетъ вѣкъ. Вотъ что̀ сказали мнѣ, воротясь отъ Вейнерта, товарищи, прибавивъ, что вечеромъ онъ самъ придетъ.

Становилось однако жарко; надо было отправляться къ минеральнымъ источникамъ и прежде еще заѣхать къ Лесюеру, судьѣ, съ визитомъ. Б., П. и Г. поѣхали верхомъ, а мы въ экипажахъ. Въ концѣ улицы стоялъ большой двухъэтажный, очень красивый домъ, съ высокимъ крыльцомъ и закрытыми жалюзи. Мы постучались: негритянка отворила намъ двери и мы вошли почти ощупью въ темныя комнаты. Негръ открылъ жалюзи и ввелъ насъ въ чистую, большую гостиную, убранную по старинному, въ голландскомъ вкусѣ, такъ же какъ на мызѣ Эльзенборгъ.

Чрезъ минуту явился хозяинъ, въ черномъ фракѣ, въ бѣломъ жилетѣ и галстухѣ. Онъ молча, церемонно подалъ намъ руки и заговорилъ по-англійски о нашей экспедиціи, распрашивалъ о фрегатѣ, о числѣ людей и т. п. Типъ

француза не исчезъ въ немъ: черты, окладъ лица, ясно говорили о его происхожденіи, но въ походкѣ, въ движеніяхъ ужь поселилась, не то что фрегма, а какая-то принужденность. По-французски онъ не зналъ ни слова. Пришелъ зять его, молодой докторъ, очень любезный и разговорчивый. Онъ говорилъ по-англійски и по-нѣмецки; ему отвѣчали и на томъ и на другомъ языкѣ. Онъ изъявилъ, какъ и всѣ почти встрѣчавшіеся съ нами иностранцы, удивленіе, что русскіе говорятъ на всѣхъ языкахъ. Эту пѣсню мы слышали вездѣ. «Вы не русскій, сказали мы ему, однакожь вотъ говорите же по-нѣмецки, по-англійски и по-голландски, да еще, вѣроятно, на какомъ-нибудь изъ здѣшнихъ мѣстныхъ нарѣчій».

Хозяева повели насъ въ свой садъ: это былъ лучшій, который я видѣлъ послѣ капштатскаго ботаническаго. Садъ старый, тѣнистый, съ огромными величавыми дубами, исполинскими грушевыми и другими фруктовыми деревьями, между-прочимъ, персиковыми и гранатовыми; тутъ были и шелковичныя деревья, и бананы, виноградъ. Меня поразило особенно фиговое дерево, подъ которымъ могло помѣститься болѣе ста человѣкъ. Подъ тѣнью его мы совсѣмъ спрятались отъ солнца. «Что это не подчуютъ ничѣмъ?» шепталъ З., посматривая на крупныя фиги, выглядывавшія изъ-за листьевъ, на бананы и на кисти коегдѣ еще оставшагося винограда. Хозяева какъ-будто угадали его мысль: они предложили попробовать фиги, но предупредили, что, можетъ-быть, онѣ не совсѣмъ спѣлы. Мы попробовали и бросили ихъ въ кусты, а З. съѣлъ не одну, упрекая насъ «черезчуръ въ нѣжномъ воспитаніи».

Источники отстоятъ отъ Устера на $4^1/_2$ англійскія мили. Все это пространство занято огромной луговиной, которая зимой понимается водой. Эта луговина, вмѣстѣ съ источ-

никами, называется Brandt Vallei. Мы ѣхали песками по рѣчному дну, по которому мѣстами росла трава. Вскорѣ подъѣхали и къ самой рѣчкѣ. Она была довольно широка и глубока. Кучера не знали брода, но въ это время переходили рѣку готтентоты съ волами: по ихъ слѣдамъ проѣхали мы. Много было возни съ лошадьми. Мальчишка-готтентотъ долженъ былъ сначала ихъ вести, Вандикъ безпрестанно кричать «апплъ». Верховыя лошади тоже упрямились. У нашихъ всадниковъ ноги по колѣни ушли въ воду. Они не предвидѣли этого обстоятельства, а то, можетъ-быть, и не поѣхали бы верхомъ. Одинъ изъ нихъ, натуралистъ, хотѣлъ, кажется, избавиться этого неудобства, громоздился, громоздился на сѣдлѣ, подбирая ноги, и кончилъ тѣмъ, что, къ немалому нашему удовольствію, упалъ въ воду. Жара была невыносимая; лошади по песку скоро ѣхать не могли и всадники не знали, куда дѣться отъ солнца: они раскраснѣлись ужасно и успѣли загорѣть. Я изъ глубины коляски, изъ-подъ полотняннаго крова, возсылалъ благодарственныя моленія небу, что не ѣду верхомъ.

Но вотъ и пріѣхали. Видимъ: въ одномъ мѣстѣ изъ травы валитъ, какъ изъ миски съ супомъ, густой паръ и стелется по долинѣ, обозначая путь ключа. Около водъ стояла небольшая, бѣдная ферма, гдѣ мы оставили лошадей. У самыхъ источниковъ росли прекрасныя деревья: тополи, дубы, ели, айва, кусты папоротника, шиповника и густая сочная трава. По тропинкѣ, сквозь кусты, пробрались мы не безъ труда къ круглому небольшому бассейну, въ который струился горячій ключъ, и опустили въ него руки. Горячо, но можно продержать нѣсколько секундъ: брали воду въ ротъ: ни вкуса, ни запаха. Мы опускали туда яйцо, З. айву: но ни яйцо, ни айва не варились. Зять Лесюера, докторъ, сказывалъ, что какъ ни горяча вода, но

она не только не варитъ ничего, но даже не годится для бритья, не размягчаетъ бороды. «Гдѣ же холодный ключъ?» спросилъ я. «А вотъ», сказали мнѣ, указывая подъ ноги. —«Гдѣ?»—«Да вотъ».—«Это?» Я посмотрѣлъ, не пролили ли гдѣ по близости изъ ушата воду, и та бы стремительнѣе потекла. На сажень отъ горячаго источника, струилась изъ-подъ дерева нить воды и тихо пропадала въ травѣ—вотъ вамъ и минеральный ключъ! Вòды эти помогаютъ болѣе всего отъ ревматизма; но больныхъ было всего трое; они жили въ двухъ, трехъ хижинахъ, построенныхъ далеко отъ истока ключей. П., Бенъ и докторъ вошли туда, а я остался. Ужасно было переходить горячую, открытую равнину, подъ вертикальными, полуденными лучами солнца.

Я предпочелъ остаться въ тѣни деревьевъ и сталъ помогать натуралисту ловить насѣкомыхъ. Онъ былъ близорукъ до слѣпоты и ему надо было ползать въ травѣ, чтобъ увидѣть насѣкомое. Я замѣтилъ множество огромныхъ, ярко-красныхъ кузнечиковъ, которые не прыгали, какъ наши, а летали; но ихъ удобно было ловить: они летѣли недолго и тотчасъ опускались. Онъ пряталъ ихъ въ карманы, клалъ въ бумажки, въ фуражку—вездѣ. Но все это ни къ чему не повело: на другой день нельзя было войти къ нему въ комнату, что̀ случалось довольно-часто, по милости змѣй, ящерицъ и потрошеныхъ птицъ. «Что это у васъ за запахъ такой?»—«Да вонъ, говорилъ онъ, африканскіе кузнечики протухли: жирны очень, нельзя съ ними ничего сдѣлать: ни начинить ватой, ни въ спиртъ посадить—нѣжны».

Наши товарищи, путешествующіе съ самоотверженіемъ, едва дотащились назадъ послѣ посѣщенія больныхъ. Удивительно, какъ и эти трое больныхъ запаслись ревматизмомъ въ климатѣ, въ которомъ непростительно

простудиться! Будь эти воды въ Европѣ, около нихъ возникло бы цѣлое мѣстечко; а сюда изъ другихъ частей свѣта ѣздятъ лечиться однимъ только воздухомъ; между-тѣмъ въ окружности Устера есть около восьми мѣстъ съ минеральными источниками. Мы взяли въ бутылку воды, нѣкоторые изъ всадниковъ пересѣли въ экипажъ и мы покинули это живописное мѣсто, оживленное сильною растительностью.

Въ Устерѣ сейчасъ сѣли за tiffing, второй завтракъ, потомъ пошли гулять, а кому жарко, тотъ сѣлъ въ тѣни деревьевъ, на балконѣ дома. Часовъ въ пять, когда жара спала, пошли по городу, встрѣтили доктора, зятя Лесюера. Онъ повелъ насъ въ церковь, выстроенную самимъ пасторомъ для черныхъ. Другая видна была вправо отъ большой улицы, на площадкѣ; но та была заперта. «Скучный городъ Устеръ! твердилъ З., идучи съ нами; домой хочу, на фрегатъ: тамъ теперь ванты перетягиваютъ — славно, весело!» Въ этихъ немногихъ словахъ высказался морякъ: онъ любилъ свое дѣло. Мы вошли въ церковь черныхъ. Проще ничего быть не можетъ: деревянная, довольно-большая зала, безъ всякихъ украшеній, съ хорами. Вдоль отъ алтаря до выхода, въ два ряда стояли скамьи грубой работы. Впереди, ближе къ алтарю, было поставлено поперегъ церкви нѣсколько скамеекъ получше. «А это для кого?» спросилъ я. — «Это для бѣлыхъ, которые бы вздумали придти сюда». — «Зачѣмъ это отличіе въ церкви? замѣтилъ я. Можетъ-быть, черные мысленно дѣлаютъ не совсѣмъ выгодное заключеніе о смиреніи своихъ наставниковъ». — «Нѣтъ, тутъ другая причина, сказалъ докторъ: съ черными нельзя вмѣстѣ сидѣть: отъ нихъ пахнетъ; они мажутъ тѣло растительнымъ масломъ, да и испарина у нихъ имѣетъ особенный запахъ.»

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ тюрьмахъ, когда насъ окружали

черные, пахло не совсѣмъ хорошо, такъ-что Б., болѣе всѣхъ насъ заслужившій отъ З. упрекъ въ «нѣжномъ воспитаніи», смотрѣлъ на нихъ, стоя поодаль.

Мы вошли къ доктору, въ его маленькій домикъ, имѣвшій всего комнаты три-четыре, но очень уютный и чисто убранный. Хозяинъ предложилъ намъ Капскаго вина и сигаръ. У него была небольшая коллекція предметовъ натуральной исторіи. Между прочимъ онъ подарилъ нашему доктору корень алоэ особой породы, который растетъ безъ всякаго грунта. Посади его въ пустой стаканъ, въ банку, поставь просто на окно, или повѣсь на стѣну и забудь—онъ будетъ рости, не завянетъ, не засохнетъ. Такъ онъ росъ и у доктора, на стѣнѣ, и года въ два обвилъ ее всю вокругъ.

Когда мы пришли въ свою отель часу въ седьмомъ, столовая ужь ярко освѣщена была многими канделябрами. Столъ блисталъ, какъ банкетъ. Это былъ не вчерашній импровизированный обѣдъ, а обдуманный и приготовленный съ утра. Тутъ были супы, карри, фаршированныя мяса и птицы, сосиски, зелень. Нашъ скромный докторъ такъ и обомлѣлъ, когда вошелъ въ столовую. Онъ былъ, по строгой умѣренности и простотѣ нравовъ, живой контрастъ съ Б., у котораго гастрономическія наклонности были развиты до тонкости. «Вѣдь ужь мы, кажется, обѣдали, замѣтилъ онъ: четыре блюда *имѣли*».—«То былъ tiffing, т. е. второй завтракъ, а не обѣдъ, замѣтилъ Б. Вчера безъ обѣда, и сегодня тоже — слуга покорный!»

Обѣдъ тянулся до полуночи. Здѣсь Бенъ показалъ себя и живымъ собесѣдникомъ: онъ пѣлъ своимъ фальцетто шотландскія и англійскія пѣсни на весь Устеръ, такъ-что я видѣлъ сквозь жалюзи множество глазъ, смотрѣвшихъ съ улицы на нашъ пиръ. Мы тоже пѣли, и хоромъ, и по одиночкѣ, съ аккомпаньементомъ фортепьяно, которое тутъ

было въ углу. «Thank you, thank you» повторялъ Бенъ послѣ каждой русской пѣсни, каждаго, немилосердо растерзаннаго итальянскаго мотива.

Въ срединѣ обѣда, вдругъ вошелъ къ намъ въ столовую пожилой человѣкъ, сильно разбитый ногами. Одну изъ нихъ онъ немного приволакивалъ. «Сдраствуйте, каспада» сказалъ онъ: «карашо, карашо» прибавилъ потомъ, не знаю къ чему. Мы разступились и дали ему мѣсто за столомъ. Это былъ Вейнертъ, quasi-русскій, съ которымъ наши познакомились утромъ. Онъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на каждаго изъ насъ, не различая, съ кѣмъ ужь онъ видѣлся, съ кѣмъ нѣтъ, вздыхалъ, жалѣлъ, что уѣхалъ изъ Россіи, просилъ взять его съ собой, а подъ конецъ обѣда, выпивъ нѣсколько рюмокъ вина, совсѣмъ ослабѣлъ, плакалъ, говорилъ смѣсью разныхъ языковъ, примѣшивая безпрестанно *карашо*, *карашо*. Онъ напоминалъ мнѣ старые наши провинціальные нравы: одного изъ тѣхъ гостей, которые заберутся съ утра, сидятъ до поздняго вечера, и отъ котораго не знаютъ, какъ освободиться. Отъ него уходятъ, намекаютъ ему, что пора домой, шепчутся, а онъ все сидитъ, особенно если еще выпьетъ. Мы, одинъ за однимъ, разошлись по своимъ комнатамъ, а гость пошелъ къ хозяевамъ, и мы еще долго слышали, какъ онъ тамъ хныкалъ, вздыхалъ и какъ раздавался около него смѣхъ и разговоры. Ужь было за полночь, когда я изъ окна видѣлъ, какъ онъ, съ фонарикомъ въ рукахъ, шелъ домой.

На другой день утромъ, мы поѣхали обратно. У Змѣиной горки, завидѣли мы вдали, въ полѣ, какую-то большую бѣлую птицу, видомъ напоминающую аиста, которая величаво шагала по травѣ. «Секретарь, секретарь!» кричала намъ ученая партія. Мы всѣ повыска-

кали изъ экипажей и побѣжали по кустамъ смотрѣть птицу, которая носитъ это имя. Замѣтивъ приближающихся людей, птица начала учащенными шагами описывать круги по травѣ, все меньше и меньше, и когда мы подошли на столько, что могли разглядѣть ее, она взмахнула крыльями и скрылась. Птица «секретарь» извѣстна тѣмъ, что ведетъ дѣятельную войну съ змѣями. У ней толстыя, сильныя ноги и острые когти. Она однимъ ударомъ ноги раздробляетъ голову кобракапеллѣ, или подхватитъ ее въ когти, взлетитъ повыше и броситъ на камень.

Садясь въ экипажъ, я замѣтилъ, что у насъ опять новая лошадь. «Гдѣ жь та?» спросилъ я Вандика. «Вонъ она!» отвѣчалъ онъ, указывая назадъ. Я увидѣлъ сзади нашихъ экипажей всадника: нашъ готтентотъ-мальчишка ѣхалъ верхомъ. Затѣмъ онъ и былъ взятъ въ поѣздку, какъ объяснилось теперь. «А что жь съ этой лошадью станешь дѣлать?» спросилъ я. «Промѣняю въ Паарлѣ на ту, которую видѣлъ на лугу». —«А ту въ Капштатъ возьмешь?»—«Нѣтъ, промѣняю въ Стелленбошѣ на маленькую, бѣленькую». — «Какъ же, мальчишка все будетъ ѣхать сзади, каждый разъ на новой лошади?» — «Yes», отвѣчалъ Вандикъ съ усмѣшкой.

Только мы проѣхали Змѣиную горку и З. затянулъ-было: «*Что ты, дѣва молодая, не отходишь отъ окна*», какъ мистера Бена кто-то будто кольнулъ. Онъ остановилъ повозку, быстро выскочилъ и еще быстрѣе побѣжалъ въ кусты. З. съ хохотомъ сталъ дѣлать лукавыя замѣчанія. Но за Беномъ также быстро повыскакали и прочіе спутники. Хохотъ и лукавыя замѣчанія удвоились. Я подумалъ: не опять ли показался «секретарь»? Оказалось, что Бенъ хотѣлъ осмотрѣть поле для новой дороги, которую долженъ былъ прокладывать отъ ущелья до Устера. Мы не хотѣли

отстать и пошли за ними. Но трава была такъ густа, кусты такъ непроницаемы, Змѣиная горка такъ близка и разсказы о змѣяхъ такъ живы, что молодой нашъ спутникъ, обыкновенно не робкій, хохочущій и среди опасностей, пустился однакожъ такими скачками впередъ, вслѣдъ за первой партіей, что мы съ Б. остановились и преслѣдовали его дружнымъ хохотомъ. Онъ скакалъ черезъ кусты, бѣжалъ, спотыкался, опять скакалъ, какъ-будто за нимъ бросились въ погоню всѣ обитатели Змѣиной горки. Среди этихъ скачковъ онъ отвѣчалъ намъ также хохотомъ.

Вскорѣ все пришло въ прежній порядокъ. Мы тряслись по плохой дорогѣ рысью, за нами трясся мальчишка-готтентотъ, З. заливался и пѣлъ: «*Развѣ ждешь ты? да кого же? не солдата ли пѣвца?*» Мы съ Б. симпатизировали каждому живописному рву, группѣ деревьевъ, руслу изсохшей рѣчки и наслаждались молча. Изъ другой карты слышался живой разговоръ. Такъ въѣхали мы опять въ ущелье, и только, гдѣ становились поугрюмѣе, З. опять морщился и запѣвалъ мрачно: «*Не билъ барабанъ передъ смутнымъ полкомъ*». На мызѣ Клейнбергъ, сынъ Бена встрѣтилъ насъ верхомъ. Здѣсь взяли мы купленныхъ змѣй, тигровую шкуру, подразнили обезьяну и поѣхали ко второй тюрьмѣ, къ жилищу молодаго Бена.

По дорогѣ вездѣ работали черные арестанты, съ непокрытой головой, прямо подъ солнцемъ, не думая прятаться въ тѣнь. Солдаты, не спуская съ нихъ глазъ, держали заряженныя ружья на второмъ взводѣ. Въ одномъ мѣстѣ мы застали людей, которые ходили по болотистому дну пропасти и чего-то искали. Вандикъ поговорилъ съ ними по-голландски и сказалъ намъ, что тутъ наканунѣ утонулъ пьяный человѣкъ и вотъ теперь ищутъ его и не могутъ найти.

Къ обѣду пріѣхали мы къ молодому Бену и расположи-

лись обѣдать и кормить лошадей. Погода была такъ же хороша, какъ и за три дня, когда мы тутъ были. Но картина угрюмыхъ скалъ, рѣки, ущелья и моста оживлена была присутствіемъ множества людей. Черные тѣснились на дворѣ, по скаламъ, но болѣе всего на мосту, который строился. «Вотъ посмотрите, сказалъ намъ мистеръ Бенъ: сейчасъ взрывъ будетъ». Мы обратили взглядъ на людей, толпившихся за мостомъ, около кучи камней. Вдругъ люди всѣ бросились бѣжать отъ камней въ разныя стороны и каждый присѣлъ не подалеку, кто за пень, кто за камень, и смотрѣли оттуда, что̀ будетъ. Раздался взрывъ, какъ глухой пушечный выстрѣлъ. Почва приподнялась немного подъ каменьями и нѣкоторые изъ нихъ подскочили, а другіе просто покатились въ сторону. Сдѣлано было при насъ нѣсколько такихъ взрывовъ.

Опять мы разсматривали и распрашивали, съ помощью миссіонера, черныхъ, о ихъ именахъ, племени, мѣсторожденіи. Наконецъ стали снимать съ нихъ портреты, сначала по одиночкѣ, потомъ Г. хотѣлъ снять одну общую картину со всего этого живописнаго уголка ущелья. Изъ черныхъ составили группу на дворѣ. Мистеръ Бенъ, съ сыномъ, и миссіонеръ стояли возлѣ нихъ. Мы съ Б. взобрались на ближайшую скалу, которая была прямо надъ флигелемъ Бена и тоже входила въ картину. Насъ просили не шевелиться. Но мы украдкой покуривали, въ твердомъ убѣжденіи, что Г. по близорукости не разглядитъ.

Впрочемъ, изъ этой великолѣпной картины, какъ и изъ многихъ другихъ, ничего не выходило. Приготовленіе бумаги для фотографическихъ снимковъ требуетъ, какъ извѣстно, величайшей осторожности и вниманія. Надо имѣть совершенно темную комнату, долго приготовлять разные составы, давать время бумагѣ вылеживаться, и со-

блюдать другія, подобныя этимъ условія. Несмотря на самопожертвованіе Г., съ которымъ онъ трудился, ничего этого соблюсти было нельзя.

Передъ обѣдомъ, черные принесли намъ убитую ими еще утромъ, какую-то ночную змѣю. Она немного менѣе аршина, смугло-бѣлая, очень красивая на видъ. Ее удавили, принесли на тесемкѣ и повѣсили на ручкѣ замка у двери. Ее трогали, брали въ руки, но признаковъ жизни не замѣчали. Глаза у ней закрылись, мелкіе и частые зубы были наружѣ. Она висѣла уже часа два. Мнѣ вздумалось дотронуться ей до хвоста горячей сигарой: вдругъ змѣя начала биться, извиваться, поджимать и опускать хвостъ. Другіе стали повторять то же самое. Потомъ посадили ее въ спиртъ.

Послѣ обѣда мы распрощались съ молодымъ Беномъ и отправились въ Веллингтонъ, куда пріѣхали поздно вечеромъ. Топающій хозяинъ опять поставилъ весь домъ вверхъ дномъ, опять наготовилъ баранины, ветчины, чаю— и опять все дурно.

Утромъ, передъ отъѣздомъ изъ Веллингтона, мы пошли съ визитомъ къ г. Бену благодарить его за обязательное вниманіе къ намъ. Бенъ представилъ насъ своимъ дочерямъ, четыремъ зрѣлымъ «африканкамъ», то-есть рожденнымъ въ Африкѣ. Жена у него была голландка. Онъ вдовецъ. Около дѣвицъ было много собаченокъ—признакъ исчезающихъ надеждъ на любовь и супружество. Зрѣлыя дѣвы, переставъ мечтать, сосредоточиваютъ потребность любить—на кошкахъ, на собаченкахъ, души, болѣе нѣжныя—на цвѣтахъ. Старшая дочь была старая дѣва. Третья, высокая, стройная дѣвушка, очень недурна собой, прочія—такъ-себѣ. Онѣ стали предлагать намъ кофе, завтракъ, но мы поблагодарили, отговариваясь скорымъ отъ-

ѣздомъ. Мистеръ Бенъ предложилъ посмотрѣть его музей ископаемыхъ. Нѣсколько небольшихъ остововъ пресмыкающихся онъ предложилъ взять для петербургскаго музеума натуральной исторіи.

На прощаньи онъ сказалъ намъ, что мы теперь видѣли полный образчикъ колоніи. «Вся она такая: тѣ же пески, мѣстами болота, кусты и крупныя травы».

Мы ѣхали по знакомой уже дорогѣ рысью. Пріѣхали въ Паарль. Вандикъ повезъ насъ другой дорогой, которая идетъ по нижнимъ террасамъ мѣстечка. Я думалъ, что онъ хочетъ показать намъ весь Паарль, а оказалось, что ему хотѣлось только посмотрѣть, ходитъ ли еще на лугу лошадь, которая его такъ озадачила въ первый проѣздъ. Только-что онъ привезъ насъ въ знакомую гостинницу, какъ отпрягъ лошадей и скрылся. На этотъ разъ насъ встрѣтила *ма*. *Па* былъ тоже дома. Это сухощавый и молчаливый англичанинъ, весьма благовидной наружности и съ приличными манерами. Онъ, казалось, избѣгалъ путешественниковъ и ни во что̀ не вмѣшивался, какъ человѣкъ, непривыкшій содержать трактиръ. Можетъ-быть, это въ самомъ-дѣлѣ не его ремесло; можетъ-быть, его принудили обстоятельства. Все это можетъ-быть; но дѣло въ томъ, что насъ принимали и угощали *ма* и вторая дѣвица. Первая была, по словамъ сестры, больна и лежала въ постели. Мы пожалѣли и велѣли ей кланяться.

По дорогѣ отъ Паарля, готтентотъ-мальчишка, ѣхавшій на вновь вымѣненной въ Паарлѣ лошади, безпрестанно исчезалъ дорогой въ кустахъ и гонялся за маленькими черепахами. Онъ поймалъ двѣ: одну далъ въ нашу карту, а другую ученой партіи, но мы и свою сбыли туда же, потому-что у насъ за ней никто не хотѣлъ смотрѣть, а она ползала вездѣ, карабкаясь вонъ изъ экипажа, и падала.

Вечеромъ мы нагрянули въ Стелленбошъ, заранѣе обѣщая себѣ обильный ужинъ, виноградъ, арбузы, покойный ночлегъ и выразительные взгляды толстой, черноглазой мулатки. Но домъ былъ весь занятъ: изъ Капштата ѣхали какіе-то новобрачные домой, на ферму, и ночевали въ той самой комнатѣ, гдѣ мы спали съ З. Намъ, однакожъ, предложили ужинъ и фрукты, и даже взгляды мулатки, все, кромѣ ночлега. Хозяйка для спанья заняла комматы въ домѣ напротивъ, и мы шумно отправились на новый ночлегъ, въ огромную, съ нѣсколькими постелями комнату, не зная, чей домъ, что̀ за люди живутъ въ немъ. Видѣли только, что вечеромъ сидѣло на балконѣ какое-то семейство.

На другой день рано мы уѣхали. Мальчишка-готтентотъ трясся сзади уже на бѣленькой стелленбошской лошадкѣ. Паарльская была запряжена у насъ въ картѣ, а устерская осталась въ Стелленбошѣ.

Къ обѣду, то-есть часовъ въ пять, мы, запыленные, загорѣлые, небритые, остановились передъ широкимъ крыльцомъ Welch's Hotel въ Капштатѣ и застали въ сѣняхъ толпу нашихъ. «Каролина» была въ своей рамкѣ, въ своемъ чорномъ платьѣ, которое было ей такъ къ лицу, съ сѣточкой на головѣ. Пошли распросы, толки, новости съ той и съ другой стороны. Хозяйки встрѣтили насъ, какъ старыхъ друзей. Ричардъ сначала сморщился, потомъ осклабился отъ радости, неимовѣрно скривилъ ротъ и носъ на сторону, хотѣлъ-было и лобъ туда же, но не могъ, видно платокъ на головѣ крѣпко завязанъ: у него только складки на лбу изъ горизонтальныхъ сдѣлались вертикальными. Каролина улыбалась намъ пріятнѣе, нежели вновь прибывшимъ изъ Капштата товарищамъ. Слуги вмигъ растащили наши вещи по нумерамъ и мы были прочно водво-

рены въ отель, какъ-будто и не выѣзжали изъ нея. Молодая служанка Алиса, какъ всѣ англійскія служанки, бросалась изъ угла въ уголъ, съ легкостью птицы летала по лѣстницамъ, тамъ отдавала приказаніе слугамъ, тутъ отвѣчала на вопросъ, мимоходомъ кому-нибудь улыбалась, или отмахивалась отъ черезчуръ настойчивыхъ любезностей какого-нибудь кругосвѣтнаго путешественника.

Шумной и многочисленной толпой сѣли мы за столъ. Однихъ русскихъ было человѣкъ двѣнадцать, да нѣсколько семействъ англичанъ. Я успѣлъ замѣтить только бѣлокураго, полнаго пастора, съ женой и съ дѣтьми. Нельзя не замѣтить: крикъ, шумъ, вездѣ дѣти, въ сѣняхъ, по ступенямъ лѣстницы, въ нумерахъ, на крыльцѣ—и все пастора. Настоящій Авраамъ—послѣ божественнаго посѣщенія!

Какъ только я пришелъ въ свой нумеръ, тотчасъ посмотрѣлъ, вставлено ли стекло. Нѣтъ. Я съ жалобой къ хозяйкѣ: «Что жь стекло-то?» спросилъ я съ укоромъ. Я такъ и ждалъ, что старуха скажетъ: «праздники были, нельзя», но вспомнилъ, что у протестантовъ ихъ почти нѣтъ. Что жь она скажетъ мнѣ? думалъ я: «что забыла, что жаль деньги тратить; живетъ и такъ». Она молчала. Я повторилъ свою жалобу. «Война съ каффрами все мѣшаетъ», сказала она. Ну, я никакъ не ожидалъ такой отговорки: совершенно мѣстная! «Всѣ мастеровые заняты... никакъ не могла найти. Вотъ завтра пошлю». Но стекло, ни завтра, ни послѣзавтра, ни во вторичный мой пріѣздъ въ Капштатъ, вставлено не было, да и теперь, я увѣренъ, такъ же точно, какъ и прежде, въ него дуетъ вѣтеръ и хлещетъ дождь, а въ хорошую погоду летаютъ комары. А все говорятъ на русскаго человѣка: онъ безпеченъ, небреженъ, живетъ на авось: чѣмъ «каффрская война» хуже нашихъ праздниковъ?

Жизнь наша опять потекла прежнимъ порядкомъ. Раннее утро всякій занимался чѣмъ нибудь въ своей комнатѣ: кто приводилъ въ порядокъ коллекцію собранныхъ растеній, животныхъ и минераловъ, кто записывалъ видѣнное и слышанное, другіе читали описаніе капской колоніи. Послѣ тиффинга всѣ расходились по городу и окрестностямъ, потомъ обѣдали, потомъ смотрѣли на «картинку» и шли спать.

На другой день по возвращеніи въ Капштатъ, мы предприняли прогулку около Львиной горы. Точно такая же дорога, какъ въ Бенсклюфѣ, идетъ по хребту Льва, начинаясь въ одной части города и оканчиваясь въ другой. Мы взяли двѣ коляски и отправились часовъ въ одиннадцать утра. День начинался солнечный, безоблачный и жаркій до-нельзя. Дорога шла по берегу моря, мимо дачъ и фермъ. Здѣсь пока, до начала горы, растительность была скудная, и дачи, съ опаленною кругомъ травою и тощими кустами, смотрѣли жалко. Онѣ съ закрытыми своими жалюзи, какъ-будто съ закрытыми глазами, жмурились отъ солнца. Кругомъ немногія деревья и цвѣтники, неудачная претензія на садъ, дѣлали эту наготу еще разительнѣе. Только одни исполинскіе кусты алоэ, вдвое выше человѣческаго роста, не боялись солнца и далеко раскидывали свои сочные и колючіе листья. Они сплошнымъ заборомъ окружали дачи. На покатостяхъ горы природа измѣняется: начинается густая зелень и тѣснѣе идутъ фермы и дачи. Одна изъ нихъ называется Green Point. Она построена на скатѣ зеленой оконечности Львиной горы. Сюда ѣздятъ изъ города любоваться моремъ и горой. Мы поѣхали въ гору. Она идетъ отлого, по прекрасному шоссе, мѣстами въ тѣни густыхъ каштановыхъ и дубовыхъ аллей. Бока горы заросли лѣсомъ до самаго моря. Въ лѣсу, во всѣхъ

направленіяхъ, идутъ конныя дороги и тропинки. Не послѣднее наслажденіе проѣхаться по этой дорогѣ, смотрѣть внизъ на этотъ кудрявый, тѣнистый лѣсъ, на голубую гладь залива, на дальнія горы и на громадный зеленый холмъ надъ вашей головой слѣва. Внизу, между каменьями, о которые съ яростью плещутся вѣчные буруны, кое-гдѣ въ затишьяхъ, въ прозрачной водѣ, я видѣлъ стаями игравшую рыбу, разной величины и формы.

Но жарко, очень жарко; лошади начинали останавливаться. Пока мы выходили изъ коляски на живописныхъ мѣстахъ, я видѣлъ, что мальчишка-негръ, кучеръ другой коляски, безпрестанно подбѣгалъ къ нашему, негру же изъ племени Бичуанъ, и все что-то шептался съ нимъ. Лишь только мы въѣхали на самую высокую точку горы, лошади вдругъ совсѣмъ остановились и будто не могли идти далѣе. Кучера стали будто погонять ихъ, а онѣ бѣсились и рвались къ пропастямъ. Понятна кучерская тактика. Я погрозилъ мальчишкѣ-негру не заплатить ему всѣхъ условленныхъ денегъ. «T'is hot, very hot, sir (очень жарко), бормоталъ онъ: лошади не могутъ идти». Подъ нами, въ полугорѣ, было какое-то деревянное зданіе, въ родѣ бесѣдки, едва замѣтное въ чащѣ зелени. «Что это за домъ?» спросили мы. «Трактиръ ротонда, сказали кучера: здѣсь путешественники заѣзжаютъ освѣжиться и отдохнуть». Б. только-что услыхалъ объ «освѣженіи,» какъ пустился сквозь чащу лѣса, цѣликомъ, внизъ, устраняя тростью вѣтви. Мы за нимъ, и скоро, измученные, добрались до трактира, который окруженъ открытой круглой галлереей, отчего и называется ротондой.

Здѣсь царствовала такая прохлада, такая свѣжесть отъ зелени и съ моря, такой величественный видъ на море, на лѣса, на пропасти, на дальній горизонтъ неба, на качаю-

щіяся вдали суда, что мы, въ радости, перестали сердиться на кучеровъ и велѣли дать имъ вина, въ благодарность за счастливую идею завести насъ сюда. Садикъ, кромѣ дубовъ, елей и кедровъ, былъ наполненъ фруктовыми деревьями и цвѣточными кустами. Толстая голландка принесла намъ лимонаду и вина. Мы закурили сигары и погрузились взглядомъ въ широкую, покойно лежавшую передъ нами картину, горячую, полную жизни, игры, красокъ!

Кучера, несмотря *на водку*, рѣшительно объявили, что день черезчуръ жарокъ и дальше ѣхать кругомъ всей горы нѣтъ возможности. Что̀ съ ними дѣлать: браниться? — не поможетъ. Заводить процесъ за десять шиллинговъ — выиграешь только десять шиллинговъ, а кругомъ Льва все-таки не поѣдешь. Мы велѣли той же дорогой ѣхать домой.

Надо было, однакожь, съѣздить въ Саймонстоунъ и узнать пообстоятельнѣе, когда идемъ въ море. Мы вдвоемъ съ С., взявъ Вандика, отправились въ Саймонстоунъ на парѣ, въ той же картѣ, которая возила насъ по колоніи. Дорогой ничего не случилось особеннаго, только С., проѣхавшій тутъ одинъ разъ, напередъ разсказывалъ всѣ подробности мѣстности, всякую отмель, бухту, ферму: удивительный глазъ и славная память! Да еще сынъ Вандика, мальчикъ лѣтъ шести, котораго онъ взялъ такъ, прокататься, долгомъ считалъ высовывать голову во всѣ отверстія, сдѣланныя въ покрышкѣ экипажа для воздуха, и въ одно изъ нихъ высунулся такъ неосторожно, что выпалъ вонъ, и прямо носомъ. Пустыня огласилась неистовымъ крикомъ. Къ счастью, въ африканскихъ пустыняхъ нынче почти вездѣ есть трактиры. Тамъ шалуна обмыли, дали примочки, и потомъ Вандикъ, съ первымъ встрѣтившимся экипажемъ, который былъ, конечно, знакомъ ему, отослалъ сына домой.

Въ Саймонстунѣ я засталъ у насъ большія приготовленія къ обѣду и балу, который давали англичанамъ, въ отплату за ихъ обѣдъ и балъ и за дружескій пріемъ. Я перепугался: балъ и обѣдъ! Въ этихъ двухъ явленіяхъ выражалось все, отчего такъ хотѣлось удалиться изъ Петербурга навремя, пожить иначе, по возможности безъ повтореній, а тутъ вдругъ балъ и обѣдъ! О. А. также втихомолку смущался этимъ. Онъ не былъ въ Капштатѣ и отчаявался уже быть. Я подговорилъ его уѣхать, и дня черезъ два, съ тѣмъ же Вандикомъ, который былъ еще въ Саймонстоунѣ, мы отправились въ Капштатъ.

Но О. А. имѣлъ, что французы называютъ, du guignon. Къ вечеру сталъ подувать порывистый вѣтерокъ, горы закутались въ облака. Вскорѣ облака заволокли все небо. А я подготовлялъ-было его увидѣть Столовую гору, назначилъ пунктъ, съ котораго ее видно, но передъ нами стояли горы темныхъ тучъ, какъ-будто стѣны, за которыми прятались и Столъ и Левъ. «Ну, завтра увижу, сказалъ онъ, торопиться нечего». Вѣтеръ дулъ сильнѣе и сильнѣе и наносилъ дождь, когда мы вечеромъ, часовъ въ семь, подъѣхали къ отели.

Утромъ я вошелъ къ О. А.: окно его комнаты обращено было прямо къ Столовой горѣ. «Ну, смотрите же теперь, сказалъ я, какова гора...» и открылъ ставни. Но горы не было: мрачная туманная пелена закрывала все. Дулъ вѣтеръ, въ окно летѣли брызги дождя. Досадно, надо было подождать полудня: авось разгуляется. Алиса принесла намъ чаю, потомъ мы пошли еще въ столовую опять пить чай, съ аккомпаньементомъ котлетъ, рыбы, дичи и фруктовъ. «It rain's» (дождь идетъ), сказала m-rs Welch.— «Да, съ упрекомъ отвѣчалъ я ей: и въ моей комнатѣ тоже». Каролина еще почивала. Я повелъ О. А. смотрѣть

городъ. Мы ходили по грязнымъ улицамъ и мокрымъ троттуарамъ, заходили въ магазины, прошли по ботаническому саду, но окрестностей не видали: за двѣсти саженъ всѣ предметы прятались въ туманѣ. О. А. зашелъ въ книжный магазинъ, да тамъ и сѣлъ. И та книга ему нравится, и другая нужна; тамъ увидитъ изданіе, котораго у него нѣтъ, и купитъ книгу. Насилу я вытащилъ его домой. Тамъ застали суматоху: пасторъ уѣзжалъ въ Англію. Въ сѣняхъ лежали грудой чемоданы, узлы, ящики; толпились няньки, дѣти — и все исчезло. Стало просторнѣе, но не надолго. Мы завтракали впятеромъ: докторъ съ женой, еще какіе-то двое молодыхъ людей, изъ которыхъ одного звали капитаномъ, да еще англичанинъ, большой ростомъ, большой крикунъ, большой говорунъ, держитъ себя очень прямо, никогда не смотритъ подъ ноги, въ комнатѣ всегда сидитъ въ шляпѣ. Черезъ часъ, съ пришедшаго изъ Индіи парохода, явились другіе путешественники и толпой нахлынули въ отель.

Трактиръ стоитъ на распутіи міра. Мысъ Д. Н. крайняя точка, перекрестокъ путей въ Европу, Индію, Китай, Филиппинскіе острова и Австралію. Отъ этого, сегодня вы обѣдаете въ обществѣ двадцати человѣкъ, невольно заводите знакомство, иногда успѣетъ зародиться, въ теченіе нѣсколькихъ дней, симпатія; каждый день вы съ бо̀льшимъ удовольствіемъ спѣшите свидѣться за столомъ, или въ общей прогулкѣ, съ новымъ и неожиданнымъ пріятелемъ. Но въ одно прекрасное утро прихо̀дите и, вмѣсто шумнаго общества, или вмѣсто знакомыхъ, обѣдаете въ кругу новыхъ лицъ; вмѣсто веселаго разговора царствуетъ печальное, принужденное молчаніе. «Гдѣ же тѣ?» Вамъ подаютъ газету: тамъ напечатано, что сегодня въ Англію, въ Австралію, или въ Батавію, отправился пароходъ, во столько-то силъ, съ такимъ-то грузомъ и съ такими-то пассажирами.

Послѣ завтрака я повезъ О. А. по городу и окрестностямъ. Напрасно мы глядѣли на Столовую гору, на Льва: ихъ какъ-будто и не бывало никогда: на ихъ мѣстѣ виситъ темнобурая туча, и больше ничего. Я велѣлъ ѣхать къ Green-point. Мы проѣхали четыре, пять верстъ по берегу; дальше ѣхать было не зачѣмъ: ничего не видать. Вѣтеръ свирѣпствовалъ, море бушевало. Мы оставили коляску на дорогѣ и сошли съ холма къ самому морю. Тамъ лежали, частью въ водѣ, частью на берегу, громады камней, нѣкогда сброшенныхъ съ горныхъ вершинъ. О нихъ яростно бились буруны. Я нигдѣ не видалъ такихъ буруновъ. Они, какъ-будто рядъ гигантскихъ всадниковъ, наскакивали съ шумомъ, похожимъ на пушечные выстрѣлы, и съ облакомъ пѣны, на каменья, прыгали черезъ нихъ, какъ взбѣсившіеся кони черезъ пропасти и преграды, и наконецъ, обезсиленные, падали клочьями грязной, желтой пѣны на песокъ. Мы долго не могли отвести глазъ отъ этой монотонной, но грандіозной картины.

За обѣдомъ мы нашли вновь прибывшее большое общество. Старый полковникъ ост-индской службы, съ женой, прослужившій свои лѣта въ Индіи и возвращавшійся въ Англію. Онъ высокій, худощавый старикъ, въ синей курткѣ, похожъ болѣе на шкипера купеческаго судна. Жена его, высокая, худощавая женщина, съ блѣдно-русыми волосами. Она, волосокъ къ волоску, расположила скудную свою шевелюру и причесалась почти до мозгу. Подлѣ меня сидѣлъ другой старикъ, тоже возвращавшійся изъ Индіи, важный чиновникъ, весьма благообразный, совсѣмъ сѣдой. Какъ бы онъ годился быть дядей, который *возвращается изъ Индіи*, съ огромнымъ богатствомъ, и подоспѣваетъ кстати помочь племяннику жениться на бѣдной дѣвицѣ, какъ, бывало, писывали въ романахъ! Онъ одѣтъ чисто,

даже изысканно, на пальцѣ у него большой перстень—совершенный дядя! Онъ давно посматривалъ на меня, а я на него. Я видѣлъ, что онъ не безъ любопытства глядитъ на русскихъ. Вижу, что ему хочется заговорить, узнать, можетъ-быть, что̀ нибудь о Россіи. Передъ нимъ стоялъ портвейнъ, передо мной хересъ. Наконецъ старикъ заговорилъ. «Позвольте мнѣ выпить съ вами рюмку вина?» сказалъ онъ.—«Съ удовольствіемъ», отвѣчалъ я, и мы налили—онъ мнѣ портвейну, котораго я въ ротъ не беру, а я ему хересу, котораго онъ не любитъ. Послѣ этого водворилось молчаніе. Мы жевали. Опять я вижу, онъ цѣлится спросить меня. «Какова дорога отъ Саймонстоуна сюда?» спросилъ онъ наконецъ. «Очень хорошая!» отвѣтилъ я и затѣмъ онъ больше меня ни о чемъ не спрашивалъ. Еще за столомъ сидѣла толстая претолстая барыня, лѣтъ сорока пяти, съ большими, томными, медленно мигающими глазами, которые она поминутно обращала на капитана. Она крѣпко была затянута въ корсетъ. Платье сидѣло на ней въ обтяжку и обнаруживало круглыя, массивныя плечи, руки и прочее, чѣмъ такъ щедро одарила ее природа. *Кушала* она очень мало и чуть-чуть кончикомъ губъ брала въ ротъ маленькіе кусочки мяса, или зелень. Были тутъ вчерашніе двое молодыхъ людей. Yes, y-e-s! поддакивала безпрестанно полковница, пока ей говорилъ кто-нибудь. О. А., отъ скуки, въ промежуткахъ двухъ блюдъ, считалъ, сколько разъ скажетъ она yes. «Въ семь минутъ 33 раза» шепталъ онъ мнѣ.

Послѣ обѣда «картинка» красовалась въ рамкѣ, еще съ дополненіемъ: подлѣ Каролины, Алиса, или Элейсъ, какъ наши звали Alice, издѣваясь надъ англійскимъ произношеніемъ. Я подошелъ одинъ любезничать съ ними. Цѣль этой любезности была — выхлопотать себѣ на вечеръ восковую

свѣчу. Дня три я напрасно просилъ, даже далъ денегъ Алисѣ, чтобы купила свѣчъ. Хозяйки прислали деньги назадъ, а свѣчей не прислали. Наконецъ рѣшились дать мнѣ не сальную свѣчу. Получивъ желаемое, я ушелъ къ себѣ и только сѣлъ за столъ писать, какъ вдругъ слышу голосъ О. А., который, чистѣйшимъ русскимъ языкомъ, кричитъ: «нѣтъ ли здѣсь воды, нѣтъ ли здѣсь воды?» Сначала я не обратилъ вниманія на этотъ крикъ, но вспомнивъ, что, кромѣ меня и натуралиста, въ городѣ русскихъ никого не было, я сталъ вслушиваться внимательнѣе. Голосъ его приближался все болѣе и болѣе и выражалъ тревогу. «Нѣтъ ли здѣсь воды? воды, воды скорѣе!» кричалъ онъ почти съ отчаяніемъ. Я выскочилъ изъ-за стола, гляжу: онъ бѣжитъ по корридору прямо въ мою комнату; въ рукахъ у него громъ и молнія, а около него распространяется облако смраднаго дыма. Я испугался. «Что̀ это такое?» Нѣтъ ли здѣсь воды? воды скорѣе!» твердилъ онъ. У него загорѣлась цѣлая тысяча спичекъ и онъ до того оторопѣлъ, что, забывшись, по-русски требовалъ воды, тогда какъ во всѣхъ комнатахъ, въ томъ числѣ и у него, всегда стояло по цѣлому кувшину. Спички продолжали шипѣть и трещать у него въ рукахъ. «Вотъ вода!» сказалъ я, показывая на умывальникъ, «и у насъ въ комнатѣ есть вода». — «Не догадался!» отвѣчалъ онъ. Я сталъ звать Алису, вынести остатки фейерверка, и потомъ уже далъ полную волю смѣху. «Не зовите, не зовите, перебилъ онъ меня: стыдно будетъ». — «Стыдъ не дымъ, глаза не выѣстъ, сказалъ я, а отъ дыма вашего можно въ обморокъ упасть».

На другой день за завтракомъ, сошлось насъ опять всего пятеро, или шестеро: полковникъ съ женой, англичанинъ-крикунъ, да мы. Завтракали по-домашнему. Полковница разливала чай и кофе. Она говорила по-французски

и между нами завязался живой разговоръ. Сначала только и было толку, что о вчерашнемъ фейерверкѣ. Я, еще проходя мимо буфета, слышалъ какъ крикунъ спросилъ у m-rs Welch, что за смрадъ распространился вчера по отели; потомъ онъ спросилъ полковницу, слышала ли она этотъ запахъ. «Yes, o yes, yes!» наладила она разъ десять сряду. «Отвратительно, невыносимо!» продолжалъ крикунъ. «Yes, y-e-s» жалобно, съ придыханіемъ повторила полковница. «Разъ, два, три, четыре!» считалъ О. А., сколько разъ она скажетъ yes. «А знаете ли, что̀ значитъ этотъ yes?» спросилъ я его. — «Это значитъ подтвержденіе, наше *да*», отвѣчалъ онъ. «Такъ: но знаете ли, что̀ оно подтверждаетъ? что вчера отвратительно пахло сѣрой...» — «Что вы: ахти!» встрепенувшись, заговорилъ онъ, и чтобъ скрыть смущеніе, взялъ всю яичницу къ себѣ въ тарелку. «А вы слышали этотъ запахъ? приставалъ крикунъ, обращаясь къ полковнику и поглядывая на насъ. «Не правда ли, что похоже было, какъ-будто въ домѣ пожаръ?» спросилъ онъ опять полковницу. «Yes, yes», отвѣчала она. «Пять, шесть!» считалъ печально О. А.

Вскорѣ она заговорила со мной о фрегатѣ, о нашемъ путешествіи. Узнавъ, что мы были въ Портсмутѣ, она живо спросила меня, не знаю ли я тамъ въ Southsea церкви св. Евстафія». — «Какъ же, знаю», отвѣчалъ я, хотя и не зналъ, про которую церковь она говоритъ: ихъ тамъ не одна. — «Прекрасная церковь», прибавилъ я. — «Yes... oui, oui», потомъ, прибавила она. «Семь», считалъ О. А., довольный, что разговоръ перемѣнился: «я ужь кстати и oui сочту», шепталъ онъ мнѣ.

Тучи въ этотъ день были еще гуще и непроницаемѣе. О. А. надо было ѣхать назадъ. Съ сокрушеннымъ сердцемъ сѣлъ онъ въ карету Вандика и выѣхалъ, не видавъ

Столовой горы. «Это меня за что-нибудь Богъ наказалъ!» сказалъ онъ уѣзжая. Едва прошелъ часъ, полтора, я былъ въ ботаническомъ саду, какъ вдругъ вижу: Столовая гора понемногу раздѣвается отъ облаковъ. Сначала показался уголъ, потомъ вся вершина, наконецъ и основаніе. По зелени ея заблистало солнце, въ пять минутъ все высохло, кругомъ меня по кустамъ щебетали колибри, и весь Капштатъ, съ окрестностями, облился яркимъ золотымъ блескомъ. Мнѣ вчужѣ стало обидно за О. А.

Мы одни оставались съ натуралистомъ; но пришла и наша очередь ѣхать. Намъ дано знать, что работы на фрегатѣ кончены, провизія доставлена и чрезъ два дня онъ снимется съ якоря. Мы послали за Вандикомъ. Онъ пріѣхалъ верхомъ на бѣленькой стелленбошской лошадкѣ, въ своей траурной шляпѣ, съ улыбкой вошелъ въ комнату и опираясь на бичъ, по прежнему остановился у дверей. «Отвези въ послѣдній разъ въ Саймонстоунъ, сказалъ я не безъ грусти: завтра утромъ пріѣзжай за нами». — «Yes, sir, отвѣчалъ онъ: а знаете ли, прибавилъ потомъ, что пришло еще русское судно?» — «Какое? когда?» — Вчера вечеромъ», отвѣчалъ онъ. Оказалось, что это былъ нашъ транспортъ «Двина», который мы видѣли въ Англіи.

Жаль было намъ уѣзжать изъ Капской колоніи: въ ней было привольно, мы пригрѣлись къ этому мѣсту. Другіе говорятъ, что если они плаваютъ долго въ морѣ, имъ хочется берега; а поживутъ на берегу, хочется въ море. Мнѣ совсѣмъ не такъ: если мнѣ гдѣ-нибудь хорошо, я начинаю пускать корни. Удобна ли квартира, покойно ли кресло, есть хорошой видъ, прохлада — мнѣ не хочется дальше. Меня влечетъ уютный домикъ съ садомъ, съ балкономъ, останавливаетъ добрый человѣкъ, хорошенькое личико. Сколько страстишекъ успѣетъ забраться въ сердце! сколь-

ко тонкихъ, сначала неосязаемыхъ нитей, протянется оттуда въ разныя стороны! Поживи еще — и эти нити окрѣпнутъ, обратятся въ такъ называемыя «узы». Жаль будетъ покинуть знакомый домъ, улицу, любимую прогулку, добраго человѣка. Такъ и мнѣ ужь становилось жаль бросать мой 8-ой нумеръ, готтентотскую площадь, ботаническій садъ, видъ Столовой горы, нашихъ хозяевъ, и между прочимъ еврея-доктора.

Долго мнѣ будутъ сниться широкія сѣни, съ прекрасной «картинкой», крыльцо съ виноградными лозами, длинный столъ съ собесѣдниками со всѣхъ концовъ міра, съ гримасами Ричарда; долго будетъ чудиться и «yes», и бѣготня Алисы по лѣстницамъ, и крикунъ-англичанинъ, и мое окно, у котораго я любилъ работать, глядя на сѣрые уступы и зеленые скаты Столовой горы и Чертова пика. Особенно еще вспомнишъ, что впереди море, море и море!

«Good bye!» прощались мы печально на крыльцѣ съ старухой Вельчъ, съ Каролиной. Ричардъ, Алиса, корявый слуга и малаецъ-поваръ — всѣ вышли проводить и взять обычную дань съ путешественниковъ—по нѣскольку шиллинговъ. Дорогой встрѣтили доктора, верхомъ, съ женой, и на вопросъ его, совсѣмъ ли мы уѣзжаемъ, «нѣтъ» обманулъ я его, чтобъ не выговаривать еще разъ good bye, которое звучитъ не веселѣе нашего «прощай».

Скоро мы выѣхали изъ города и катились по знакомой аллеѣ, изъ дубовъ и елей, между дачъ. Но что̀ это меня все безпокоитъ? Нельзя прижаться спиной: что-то лежитъ сзади; подъ ногами тоже что-то лишнее. «Вы не прижимайтесь очень спиной, говорилъ мнѣ натуралистъ: тамъ у меня птицу раздавите». Я подвинулся на свою сторону и только собрался опереться бокомъ къ экипажу. «Ахъ, поосторожнѣе, пожалуйста! живо предупредилъ онъ меня:

тамъ змѣя въ банкѣ, разобьете!» Я сталъ протягивать ноги. «Постойте, постойте! торопливо заговорилъ онъ: тутъ ящикъ съ букашками, подъ стекломъ. Да у васъ руки пусты: чтобы вамъ подержать его въ рукахъ!» Этого только недоставало! Бѣда ѣздить съ натуралистами! У самаго у него въ рукахъ была какая-то коробочка, кругомъ все узелки, пачки, въ углу торчали вѣтки и листья. Когда ѣхали по колоніи, такъ еще онъ везъ сомнительную змѣю: не знали, околѣла она, или нѣтъ.

Доѣхавъ до мѣстечка Винбергъ, мы свернули въ него и отправились посѣтить одного изъ каффрскихъ предводителей, Сейоло, который содержался тамъ подъ крѣпкимъ карауломъ.

Славное это мѣстечко Винбергъ! Это большой паркъ, съ веселыми, небольшими дачами. Вы ѣдете по аллеямъ, между дубами, каштанами, тополями. Домики едва выглядываютъ изъ гущи садовъ и цвѣтниковъ. Это все лѣтнія жилища горожанъ, большею частью англичанъ-негоціантовъ. Дорога превосходная, воздухъ отрадный; сквозь деревья мелькаютъ вдали пейзажи горъ, фермы. Особенно хороша Констанская гора, вся покрытая виноградниками, съ фермами, дачами у подошвы. Мы быстро катились по дорогѣ.

Вдругъ я вспомнилъ, что къ Сейоло надо привезти какой-нибудь подарокъ, особенно табаку, а у меня ничего нѣтъ. «Гдѣ бы купить, Вандикъ?» спросилъ я. Вандикъ молча завернулъ въ узенькую аллею и остановился у воротъ какой-то хижины. «Что это?» — «Лавочка». — «Гдѣ же?» — «Да вотъ». Ну, эта лавочка можетъ служить выраженіемъ первобытной идеи о торговлѣ и о магазинѣ, какъ эта идея только зародилась въ головѣ того, кому смутно представлялась потребность продавать и покупать.

Подъ навѣсомъ изъ травы reet, сколочено было нѣсколько досокъ, образующихъ полки; ни боковыхъ стѣнъ, ни дверей, не было. На полкахъ была глиняная посуда, свѣчи, мыло, кофе, еще какіе-то предметы общаго потребленія, и наконецъ табакъ и сигары. Все это валялось вмѣстѣ, безъ обертки, кое-какъ. «Дайте мнѣ сигаръ?» спросилъ я у высокаго, довольно-чисто одѣтаго англичанина. Онъ подалъ мнѣ нѣсколько пачекъ. «Еще нѣтъ ли у васъ чего нибудь?» говорилъ я, оглядывая лавочку. «Are you of the country (вы здѣшній)?» спросилъ меня продавецъ. «Нѣтъ; а что?»—«То-то я васъ никогда не видалъ, да и по разговору слышно, что вы иностранецъ. Чего вамъ еще и зачѣмъ? прибавилъ онъ». — «Хочу подарить что-нибудь Сейоло» сказалъ я, закуривъ сигару. И не радъ былъ, что закурилъ: давно я не куривалъ такой дряни. «Такъ это вы ему покупаете сигары?» вдругъ спросилъ онъ. «Да». Англичанинъ молча отобралъ у меня всѣ пачки и положилъ назадъ на полку. «Не стоитъ ему давать такихъ хорошихъ сигаръ: онъ толку не знаетъ, прибавилъ онъ потомъ: а вотъ лучше подарите ему это». Онъ подалъ мнѣ чернаго листоваго табаку, приготовленнаго въ видѣ прессованной дощечки для куренія и для жеванія. «Онъ вамъ будетъ гораздо благодарнѣе за это, нежели за то», говорилъ хозяинъ, отдирая мнѣ часть дощечки. «Я всю возьму, сказалъ я, да и то мало, дайте еще». — «Довольно, рѣшительно сказалъ англичанинъ: больше не дамъ». Не знаю, какъ и когда, съ такимъ способомъ торговли, разбогатѣетъ этотъ купецъ.

Въ полуверстѣ отъ мѣстечка, на голой, далеко расчищенной кругомъ площадкѣ, стояло бѣлое небольшое зданіе, обнесенное каменной стѣной. У дверей стояли часовые и нѣсколько какихъ-то джентльменовъ. «Можно ви-

дѣть Сейоло?» спросили мы. Джентельмены вѣжливо поклонились, ввели насъ въ сѣни, изъ которыхъ мы вышли на маленькій дворъ, къ желѣзной рѣшеткѣ. Они отперли дверь и пригласили насъ войти. Мы вошли. Маленькое, обнесенное стѣной пространство усыпано было желтымъ пескомъ. Въ углу навѣсъ; тамъ видны были постели. На пескѣ, прямо на солнцѣ, лежали два тюфяка, поодаль одинъ отъ другаго. На одномъ лежалъ Сейоло, на другомъ его жена. Когда мы подошли и кивнули ему головой, онъ привсталъ, сѣлъ на тюфякѣ и протянулъ намъ руку. Жена его смотрѣла на насъ, опершись на локоть, и тоже первая подала руку. Я отдалъ Сейоло табакъ и сигары. Онъ взялъ и, не поглядѣвъ, что̀ было въ бумагѣ, положилъ подлѣ себя. Потомъ мы молча стали разглядывать другъ друга. Я любовался и имъ и его женой; они, я думаю, нами не любовались. Онъ мужчина лѣтъ тридцати, высокаго роста вершковъ четырнадцати, атлетическаго сложенія, стройный, темно-коричневаго, матоваго цвѣта. Одѣтъ онъ былъ въ жакетѣ и синихъ панталонахъ; ноги у него босыя, грудь открыта на распашку. Она — въ ситцевомъ платьѣ европейскаго покроя, въ чулкахъ и башмакахъ, голова повязана платкомъ. Она свѣтлѣе мужа цвѣтомъ. Ей всего лѣтъ девятнадцать, или двадцать. У ней круглое смугло-желтое лицо, темно каріе глаза, съ выраженіе доброты, и маленькая, стройная нога. Они съ любопытствомъ слѣдили за каждымъ нашимъ движеніемъ и изрѣдка усмѣхались, продолжая лежать. Намъ хотѣлось поговорить, но переводчика не было дома. У моего товарища былъ портретъ Сейоло, снятый имъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, посредствомъ фотографіи. Онъ сдѣлалъ два снимка: одинъ себѣ, а другой такъ, на случай. Я взялъ портретъ и показалъ его, сначала Сейоло: онъ посмотрѣлъ

и громко захохоталъ, потомъ передалъ женѣ. «Сейоло, Сейоло!» заговорила она, со смѣхомъ указывая на мужа, опять смотрѣла на портретъ и продолжала смѣяться. Потомъ отдала портретъ мнѣ. Сейоло взялъ его и сталъ пристально разсматривать.

Наконецъ пора было уходить. Сейоло подалъ намъ руку и ласково кивнулъ головой. Я взялъ у него портретъ и отдалъ женѣ его, дѣлая ей знакъ, что оставляю его ей въ подарокъ. Она, повидимому, была очень довольна, подала мнѣ руку и съ улыбкой кивала намъ головой. И ему понравилось это. Онъ, отъ удовольствія, привсталъ и захохоталъ. Мы вышли и поблагодарили джентльменовъ.

Я вспомнилъ, что нѣкоторые изъ моихъ товарищей, видѣвшіе уже Сейоло, говорили, что жена у него нехороша собой, съ злымъ лицомъ и т. п., и удивлялся, какъ взгляды могутъ быть такъ различны въ опредѣленіи даже наружности женщины! «Видѣли Сейоло?» съ улыбкой спросилъ насъ Вандикъ. «Да: у него хорошенькая жена», сказалъ я, желая узнать, какого онъ мнѣнія о ней. «Да которая? у него ихъ семь».— «Семь? что ты?» — «Да, семь; недавно адъютантъ его привезъ ему одну, а другую взялъ. Онѣ поочереди пріѣзжаютъ къ нему и проводятъ съ нимъ недѣли по три, по четыре». Мы съ натуралистомъ посмотрѣли другъ на друга, засмѣялись и поѣхали дальше.

Сейоло — одинъ изъ второстепенныхъ вождей. Онъ взятъ въ плѣнъ въ нынѣшнюю войну. Его слѣдовало повѣсить, но губернаторъ смягчилъ приговоръ, замѣнивъ смертную казнь заключеніемъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ англичане воюютъ съ каффрами, то есть съ 1835 года, эти дикари поступаютъ совершенно одинаково, по принятой ими однажды системѣ. Они грабятъ границы ко-

лоніи, угоняютъ скотъ, жгутъ фермы, жилища поселянъ, и бѣгутъ далеко въ горы. Тамъ многія племена соединяются и воюютъ съ ожесточеніемъ, но не нападаютъ въ полѣ на массы войскъ, а на отдѣльные небольшіе отряды, истребляютъ ихъ, берутъ въ плѣнъ и прячутся. Когда наконецъ англичане доберутся до нихъ и въ неприступныхъ убѣжищахъ, тогда они смиряются, несутъ повинныя головы, выдаютъ часть оружія и скота и навремя затихаютъ, грабя изрѣдка, при случаѣ. Ихъ обязываютъ къ миру, къ занятіямъ, къ торговлѣ: они все обѣщаютъ, а потомъ, при первой оказіи, запасшись опять оружіемъ, дѣлаютъ то же самое. И этому долго не будетъ конца. Силой съ ними ничего не сдѣлаешь. Они подчинятся современемъ, когда выучатся наряжаться, пить вино, увлекутся роскошью. Ихъ побѣдятъ не порохомъ, а комфортомъ. Эти войны имѣютъ, кажется, одинъ характеръ съ нашими войнами на Кавказѣ.

Сейоло нападалъ на отряды, отбивалъ скотъ, убивалъ плѣнныхъ англичанъ, и когда увидѣлъ, что ему придется плохо, что, рано или поздно, не избѣжитъ ихъ рукъ, онъ добровольно сдался начальнику войскъ, полковнику Меклину, и отданъ былъ подъ военный судъ.

Чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ Саймонстоуну, тѣмъ становилось скучнѣе. Особенно напала на меня тоска, когда я завидѣлъ рейдъ и нашъ фрегатъ, вооруженный, съ выстрѣленными брамстеньгами, вытянутымъ такелажемъ, совсѣмъ готовый выйти въ море. Мы кое-какъ плелись по песчаной отмели, по которой раскатывался приливъ. Чуть валъ ударитъ посильнѣе — и обдастъ шумной пѣной колеса нашего экипажа, лошади фыркали и бросались въ сторону. «Апплъ!» кричалъ Вандикъ и опять пускалъ ихъ по мокрому песку.

11 апрѣля вечеромъ, при свѣтѣ луны, мы поѣхали съ У. и П. на шлюпкѣ къ В. А. К., на шкуну «Востокъ», которая снималась съ якоря.

Не помню, писалъ ли я вамъ, что эта шкуна, купленная адмираломъ въ Англіи, для совмѣстнаго плаванія съ нашимъ фрегатомъ, должна была соединиться съ нами на мысѣ Доброй Надежды. Теперь адмиралъ посылалъ ее впередъ.

Вечеръ былъ лунный, море гладко, какъ стекло; шкуна шла подъ малыми парами. У выхода изъ Фальсбэй мы простились съ К. надолго и пересѣли на шлюпку. Фосфорный блескъ былъ такъ силенъ въ водѣ, что весла черпали какъ-будто растопленное серебро, въ воздухѣ разливался запахъ морской влажности. Небо сквозь рѣдкія облака слабо теплилось звѣздами, затмѣваемыми луннымъ блескомъ. Половина залива ярко освѣщалась луной, другая таилась въ тѣни.

На другой день, 12-го апрѣля, ушли и мы. Было тихо, хорошо, но не надолго.

Май, 1853 года.
Индійскій океанъ.

V.

ОТЪ МЫСА ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ ДО ОСТРОВА ЯВЫ.

Штормъ.—Святая недѣля.—Тридцать дней на Индійскомъ океанѣ.—Жары.—Смерчъ.—Анжерскій рейдъ.—Вечеръ на Явѣ.—Китайцы и Малайцы.

Отъ мыса Доброй Надежды предположено было идти по дугѣ большаго круга: спуститься до 38° южной широты и идти по параллели до 105° восточной долготы; тамъ подняться до точки пересѣченія 30° южной широты. Мы ушли изъ Фальсбэй 12-го апрѣля.

Индійскій океанъ встрѣтилъ насъ еще хуже, нежели Атлантическій: тамъ дулъ хоть крѣпкій, но попутный вѣтеръ, а здѣсь и крѣпкій, и противный, обратившійся въ штормъ, который на берегу называютъ *бурей*.

Знаменитый мысъ Доброй Надежды какъ-будто совѣстится предъ путешественниками за свое приторное названіе, и долгомъ считаетъ всякому изъ нихъ напомнить, что у него было прежде другое, больше ему къ лицу. И въ-самомъ-дѣлѣ, рѣдкое судно не испытываетъ шторма у древняго *мыса Буръ*.

Я ничего не зналъ, что̀ замышляетъ противъ насъ Мысъ и покойно сидѣлъ въ общей каютѣ послѣ обѣда, на диванѣ, у бизань-мачты. *Свистали* нѣсколько разъ

всѣхъ наверхъ рифы брать. Я ужь не спрашивалъ теперь, что̀ это значитъ. «Свѣжѣетъ!» говорилъ, то тотъ, то другой офицеръ, сходя сверху. А это такъ же обыкновенно на морѣ, какъ еслибъ сказать на берегу: «дождь идетъ, или пасмурно, ясно». Началась качка, и довольно-сильная—и это ни почемъ. Любитель-натуралистъ, по обыкновенію, отправился въ койку мучиться морскою болѣзнію; слуги ловили стулья, стаканы, и все, что на̀чало метаться съ мѣста на мѣсто; *принайтавливали* мебель въ каютахъ. Пошелъ дождь и началъ капать въ каюту. Мѣсто, гдѣ я сидѣлъ, было самое покойное, и я удерживалъ его до послѣдней крайности. Ревъ вѣтра долеталъ до общей каюты, размахи судна были все больше и больше. Штормъ былъ классическій, во всей формѣ. Въ теченіе вечера, приходили раза два за мной сверху, звать посмотрѣть его. Разсказывали, ка̀къ, съ одной стороны, вырывающаяся изъ-за тучъ луна озаряетъ море и корабль, а съ другой, нестерпимымъ блескомъ играетъ молнія. Они думали, что я буду описывать эту картину. Но какъ на мое покойное и сухое мѣсто давно ужь было три или четыре кандидата, то я и хотѣлъ досидѣть тутъ до ночи; но не удалось. Часовъ въ десять вечера, жестоко поддало, валъ хлынулъ и разлился по всѣмъ палубамъ, на которыхъ и безъ того много скопилось дождевой воды. Она потоками устремилась въ люки, которыхъ не закрывали для воздуха. Цѣлые каскады начали хлестать въ каюту, на столъ, на скамьи, на полъ, на насъ, не исключая и моего мѣста, и меня самаго. Всѣ поджали ноги, или разбѣжались, куда кто могъ. Младшій и самый веселый изъ нашихъ спутниковъ, З., вскочилъ на скамью и, съ неизмѣннымъ хохотомъ, ухвативъ гдѣ-то изъ угла кота, бросилъ его подъ каскады. Мальчишка-голландецъ горько заплакалъ, думая, что насталъ послѣдній

часъ. Б. выглянулъ изъ своей каюты и закричалъ на дневальныхъ, чтобъ сводили воду шваброй въ трюмъ. Я стоялъ въ водѣ на четверть выше ступни и не зналъ, куда дѣться, что дѣлать. А я былъ въ башмакахъ: отъ сапогъ мы должны были отказаться еще въ сѣверномъ тропикѣ. Я хотѣлъ пробраться вверхъ, въ свою, или капитанскую каюту, и ждалъ, пока вода сбудетъ.

— Что вы тутъ стоите? пойдемте вверхъ, сказалъ мнѣ Н. Н. С. и, ухвативъ меня мимоходомъ, потащилъ съ собою бѣгомъ.

По трапамъ еще стремились потоки, но у меня ноги ужь были по колѣни въ водѣ—нечего разбирать, какъ бы посуше пройти. Мы выбрались наверхъ: темнота ужасная, вой вѣтра еще ужаснѣе; не видно было, куда ступить. Вдругъ молнія. Она освѣтила, кромѣ моря, еще озеро воды на палубѣ, толпу народа, тянувшаго какую-то снасть, да протянутые леера, чтобъ держаться въ качку. Я шагалъ въ водѣ черезъ веревки, сквозь толпу; добрался кое-какъ до дверей своей каюты, и тамъ, ухватясь за кнехтъ, чтобъ не бросило куда-нибудь въ уголъ, пожалуй, на пушку, остановился посмотрѣть хваленый штормъ. Молнія какъ молнія, только безъ грома, или его за вѣтромъ не слыхать. Луны не было.

— Гдѣ жь она? подайте луну! сказалъ я дѣду, который приходилъ за мной звать меня вверхъ.

— Нѣтъ, ужь она въ Америку ушла, сказалъ онъ:— еще бы вы до завтра сидѣли въ каютѣ!

Нечего дѣлать, надо было довольствоваться одной молніей. Она сверкала часто и такъ близко, какъ-будто касалась мачтъ и парусовъ. Я посмотрѣлъ минутъ пять на молнію, на темноту и на волны, которыя все силились перелѣзть къ намъ черезъ бортъ.

*

— Какова картина? спросилъ меня капитанъ, ожидая восторговъ и похвалъ.

— Безобразіе, безпорядокъ! отвѣчалъ я, уходя весь мокрый въ каюту, перемѣнить обувь и бѣлье.

Но это было не легко, при качкѣ, безъ Ѳаддеева, который гдѣ-нибудь стоялъ на брассахъ, или присутствовалъ вверху, на нокахъ рей: онъ одинъ зналъ, гдѣ что̀ у меня лежитъ. Я отворялъ то тотъ, то другой ящикъ, а ящики лѣзли вонъ и толкали меня прочь. Хочешь сѣсть на стулъ— качнетъ, и сядешь мимо. Я легъ и заснулъ. Вѣтеръ смягчился и задулъ попутный; судно понеслось быстро.

На другой день стало потише, но все еще качало, такъ что въ страстную среду не могло быть службы въ нашей церкви. Остальные дни страстной недѣли и утро перваго дня Пасхи прошли покойно. Замѣчательно, что въ этотъ день мы были на меридіанѣ Петербурга.

— Это и видно, замѣтилъ кто-то: — дождь льетъ совершенно по-нашему.

Кажется, это въ первый разъ случилось — служба въ православной церкви, въ южномъ полушаріи, на волнахъ, послѣ только-что утихшей бури. Въ первый день Пасхи, когда мы обѣдали у адмирала, вдругъ съ трескомъ, звономъ, вылетѣла изъ полупортика рама, стекла разбились въ дребезги, и кудрявый, сѣдой валъ, какъ самъ Нептунъ, влетѣлъ въ каюту и разлился по полу. Большая часть выскочила изъ-за стола, но насъ трое усидѣли. Я одною рукою держалъ тарелку, а другою стаканъ съ виномъ. Ноги мы поджали. Пришли матросы и вывели швабрами нежданнаго гостя вонъ.

Дальнѣйшее тридцати-одно-дневное плаваніе по Индійскому океану было довольно-однообразно. Начало мая не лучше, какъ у насъ: небо постоянно облачно; рѣдко

проглядывало солнце. Ни тепло, ни холодно. Нѣкоторые, однакожь, одѣлись въ суконныя платья—и умно сдѣлали. Я упрямился, ходилъ въ лѣтнемъ, за то у меня не разъ схватывало зубы и високъ. Ожидали зюйд-вестовыхъ вѣтровъ и громаднаго волненія, которому было гдѣ разгуляться въ огромномъ бассейнѣ, чистомъ отъ самагò полюса; но вѣтры стояли нордовые, и все-таки благопріятные. Мы неслись верстъ по семнадцати, иногда даже по двадцати въ часъ, и такъ избаловались, что чуть пойдемъ десять или двѣнадцать верстъ, ужь ворчимъ. Волненіе ни то, ни сё: не такое сильное, чтобъ мѣшало жить, но безпокойное на столько, что не давало ничѣмъ заняться, кромѣ чтенія.

Мы видѣли много вблизи и вдали игравшихъ китовъ, стаи птицъ, которымъ указано по картѣ сидѣть въ такомъ-то градусѣ широты и долготы, и онѣ въ-самомъ дѣлѣ сидѣли тамъ: все альбатросы, чайки и другія морскія птицы, съ лежащихъ въ 77° восточной долготы, пустыхъ, каменистыхъ островковъ, «Амстердама» и «св. Павла». Мы прошли мимо ихъ ночью. Наконецъ стали подниматься постепенно къ сѣверу и дошли до точки пересѣченія 105° долготы и 30° широты, и 10-го мая пересѣкли тропикъ Козерога. Ждали пассата, а дулъ чистый S, и только въ 18° получили пассатъ.

Я надѣялся на эти тропики, какъ на каменную гору: я думалъ, что настанетъ, какъ въ Атлантическомъ океанѣ, умѣренный жаръ, ровный и постоянный вѣтеръ; что мы войдемъ въ безмятежное царство вѣчнаго лѣта, голубаго неба, съ фантастическимъ узоромъ облаковъ, и синяго моря. Но ничего похожаго на это не было: вѣтеръ, качка, такъ-что полупортики у насъ постоянно были закрыты.

— Що-сь, воно не тее, эти тропикы! сказалъ мнѣ одинъ спутникъ, жившій долго въ Малороссіи, который тоже надѣялся на такое же плаваніе, какъ отъ Мадеры до мыса Доброй Надежды.

Правда, съ сѣвера въ иные дни несло жаромъ, но не такимъ, который нѣжитъ нервы, а духотой, паромъ, какъ изъ бани. Дожди иногда лились потоками, но нисколько не прохлаждали атмосферы, а только разводили сырость и мокроту.

13-го мая мы прошли въ виду необитаемаго острова «Рождества», похожаго немного фигурой на нашъ Гохландъ.

Но вотъ стало проглядывать солнце, да ужь такъ, что хоть бы и ненадо. Пора вынимать бѣлое пальто и фуражку. Чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ хуже, жарче. Завидѣли берега Явы, хотѣли войти въ Зондскій проливъ между Явой и островкомъ «Принца», въ двѣ мили шириною, покрытымъ лѣсомъ краснаго дерева. На немъ двѣ-три маленькія деревушки; но теченіемъ отнесло дальше. Пришлось войти прямо въ ворота, минуя калитку. При входѣ въ проливъ начались мертвые штили. Вода, какъ зеркало, небо безмятежно—такъ и любуются другъ другомъ: ничто не дохнетъ въ природѣ. Берегъ — одна зеленая кайма. Кажется, чего бы? дождались и тишины, и тепла; но въ это тепло хорошо сидѣть на балконѣ загороднаго дома, въ тѣни непроницаемой зелени, а не тутъ, подъ зноемъ 25° въ тѣни по Реом. Купались, да что толку: температура воды отъ 20 до 22°, ничего не прохлаждаетъ. Дышешь тяжело, ляжешь — волосы и лицо мокнутъ. «Що-сь воно не тее» повторялъ мой Малороссіянинъ, отирая лицо.

И ночи не приносили прохлады, хотя и были великолѣпны. Каждую ночь, на горизонтѣ, во всѣхъ углахъ,

играла яркая зарница. Небо млѣло избыткомъ жара, и по вечерамъ носились въ немъ, въ видѣ пыли, какіе-то атомы, помрачавшіе немного огнистыя зори, какъ-будто сѣмена и зародыши жаркой производительной силы, которую такъ обильно лили здѣсь на землю и воду солнечные лучи. Мы часто видѣли метеоры, пролетавшіе по горизонту. Въ этомъ воздухѣ, природа, какъ-будто явно и открыто для человѣка, совершаетъ процесъ творчества; здѣсь можно непосвященному глазу слѣдить, какъ образуются, растутъ и зрѣютъ ея чудеса; послушивать, *какъ растетъ трава*. Творческія мечты ея такъ явны, какъ вдохновенныя мысли на лицѣ художника. Авось услышимъ, какъ растетъ — хоть сладкій картофель, или табакъ. По ночамъ реомюръ показывалъ только градусомъ меньше противъ дня.

Однажды я, въ изнеможеніи, сѣлъ въ капитанской каютѣ на диванъ и нечаянно заснулъ. Слышу крикъ, просыпаюсь— свѣтло. Спрашиваю, который часъ: шестой, говорятъ. «Зарядить пушку ядромъ!» кричитъ вахтенный. Что это, кого тамъ? подумалъ я. Въ это время пришли съ вахты сказать, что видѣнъ пароходъ не пароходъ, а Богъ знаетъ что̀. Я бросился наверхъ, вскочилъ на пушку, смотрю: близко, въ полуверстѣ, мчится на насъ — въ-самомъ-дѣлѣ «Богъ знаетъ что̀»: черный, крутящійся столпъ съ дымомъ, похожій, пожалуй, и на пароходъ; но съ неба, изъ облака, тянется къ нему какая-то темная, узкая полоса, будто рукавъ; все ближе, ближе. «Готова ли пушка?» закричалъ вахтенный. «Готова!» отвѣчали снизу. Но явленіе начало блѣднѣть, разлагаться, и вскорѣ, саженяхъ въ ста-пятидесяти отъ насъ, пропало безъ всякаго слѣда. Извѣстно, что смерчи или водяные столпы разбиваютъ ядрами съ кораблей, иначе они, налетѣвъ на судно, могутъ сломать

рангоутъ, или изорвать паруса. Отъ ядра они разлетаются и разрѣшаются обильнымъ дождемъ. Мы еще видѣли послѣ раза два такія явленія, но они близко не подходили къ намъ.

Штили держали насъ дня два почти на одномъ мѣстѣ, наконецъ 17 мая нашего стиля, но чуть-чуть засвѣжевшему вѣтерку. мимо низменнаго, потерявшагося въ зелени берега, добрались мы до Анжерскаго рейда и бросили якорь. Чрезъ нѣсколько часовъ прибылъ туда же испанскій транспортъ, который везъ изъ Испаніи отрядъ войскъ въ Маниллу.

Я очень радъ, что наконецъ пріѣхалъ къ такому берегу, у котораго нѣтъ никакого прошедшаго и никакой исторіи. Не нужно шевелить книгъ, справляться и преважно увѣрять васъ, что городъ, государство, основаны тогда-то, заняты тѣмъ-то и т. п. Что̀ такое Анжеръ? Малайское селеніе, неподверженное никакимъ перемѣнамъ. О немъ упоминаетъ еще Тунбергъ. Оно то̀ же было при немъ, что̀ и теперь. На рейдѣ, у Анжера, останавливаются налиться водой, запастись зеленью, суда, которыя не хотятъ идти въ Батавію, гдѣ свирѣпствуютъ гибельныя, особенно для иностранцевъ, лихорадки. Батавія лежитъ на сутки ѣзды отсюда сухимъ путемъ. Мы мечтали съѣздить туда, пробыть тамъ день и вернуться. Думали, что тутъ есть и шоссе, и удобные экипажи. Ничего этого не было. Въ двѣ недѣли разъ отправляется изъ Анжера почта въ Батавію; почтальонъ ѣдетъ верхомъ.

— А можно ли нанять экипажи? спросили мы.

— Нѣтъ, нанять нельзя, а можно получить даромъ, говорятъ малайцы.

— Ну, нечего дѣлать, хоть даромъ, все равно. Да у кого же?

— У коменданта есть колясочка, у таможеннаго чиновника тоже: попросить, такъ они дадутъ.

— Мы сейчасъ же пойдемъ къ нимъ...

— Да ихъ нѣтъ въ Анжерѣ: они уѣхали въ городокъ, лежащій на пути въ Батавію, въ трехъ часахъ ѣзды отъ Анжера.

— А когда будутъ?

— Завтра или послѣ завтра.

Всѣ наши мечты рушились.

Между-тѣмъ насъ окружило множество малайцевъ и индійцевъ. Коричневые, красноватые, полуголые, безъ шляпъ, и въ коническихъ тростниковыхъ, или черепаховыхъ шляпахъ, собрались они въ лодкахъ около фрегата. Всѣ они кричали, показывая — одинъ обезьяну, другой — корзинку съ кораллами и раковинами, третій — кучу ананасовъ и банановъ, четвертый — живую черепаху, или попугаевъ.

Жаръ несносный; движенія никакого, ни въ воздухѣ, ни на морѣ. Море — какъ зеркало, какъ ртуть: ни малѣйшей ряби. Видъ пролива и обоихъ береговъ поразителенъ подъ лучами утренняго солнца. Какіе мягкіе, нѣжащіе глазъ цвѣта небесъ и воды! Какъ ослѣпительно-ярко блещетъ солнце и разнообразно играетъ лучами въ водѣ! Въ иномъ мѣстѣ пучина кипитъ золотомъ, тамъ какъ-будто горитъ масса раскаленныхъ угольевъ: нельзя смотрѣть: а подальше, кругомъ до горизонта, распростерлась лазурная гладь. Глазъ глубоко проникаетъ въ прозрачныя воды. Земли нѣтъ: все лѣса и сады, густые какъ щетка. Деревья сошли съ берега и тѣснятся въ воду. За садами вдали видны высокія горы, но не обожженныя и угрюмыя, какъ въ Африкѣ, а всѣ заросшія лѣсомъ. Направо явайскій берегъ, налѣво, среди пролива,

зеленый островокъ, а сзади, на дальнемъ планѣ, синѣетъ Суматра.

Наши толпой бросились на берегъ. Меня капитанъ пригласилъ ѣхать съ собой, немного погодя, пока управятся на суднѣ. Наконецъ, часу во второмъ, мы поѣхали втроемъ. До берега было версты двѣ. Едва мы отъѣхали саженъ сто, какъ вдругъ видимъ, наши матросы тащатъ изъ воды акулу. Они дотащили ее уже до пушекъ. «Вернемся на минуту посмотрѣть» сказали мои товарищи. Я былъ противъ этого: меня манилъ берегъ и я неохотно возвращался. Но мы не успѣли обернуть шлюпки, какъ акула сорвалась и бухнула въ воду. Туда и дорога! Я обрадовался, мы продолжали путь и вскорѣ въѣхали въ мутную. узенькую рѣчку, съ каменною пристанью.

Направо видно большое, низенькое кирпичное зданіе, обнесенное валомъ, на которомъ стояло нѣсколько орудій небольшаго калибра. Надъ домомъ лѣниво висѣлъ голландскій флагъ; у воротъ, какъ соныя мухи, чуть ползали, отъ зноя, часовые съ ружьями. Это была крѣпость и жилище коменданта. Мы не знали, куда намъ направиться. Налѣво отъ дома, за рѣчкой, сквозь деревья, видѣнъ былъ рядъ хижинъ, за ними густой лѣсъ, прямо лѣсъ, направо за крѣпостью лѣсъ. Мы вошли на дворъ крѣпости: онъ былъ сквозной, насквозь видѣнъ опять лѣсъ. Мы вышли на довольно-широкую дорогу и очутились въ непроходимомъ тропическомъ лѣсу, съ блестящею декораціею кокосовыхъ пальмъ, которыя, то тянулись длиннымъ строемъ, то, сбившись въ кучу, вмѣстѣ съ кустами, представляли непроницаемую зеленую чащу.

Нельзя богаче и наряднѣе одѣть землю, какъ она одѣта здѣсь. Право, глядя на эти лѣса, не повѣришь, чтобъ случай игралъ здѣсь группировкой деревьевъ. Тутъ

пальмы, какъ по обдуманному плану, перемѣшаны съ кустами; тамъ будто тоже съ умысломъ оставлена лужайка, или небольшое болото, поросшее тѣмъ крупнымъ, желтымъ тростникомъ, изъ котораго у насъ дѣлаютъ такія славныя трости. Посмотришь ли на каждую пальму отдѣльно: какая оригинальная красота! Она граціозно наклонилась; листья, какъ длинные, правильными прядями расчесанные волосы; подъ ними висятъ тяжелыя кисти огромныхъ орѣховъ. Все, кажется, убрано заботливою рукою человѣка, который долго и съ любовью трудился надъ отдѣлкою каждой вѣтви, листка, всякой мелкой подробности. А между тѣмъ это дѣвственные, дикіе лѣса. Человѣкъ почти не касался ихъ. Бѣдный малаецъ только-что врубается въ чащу, отнимая пространство у звѣрей. Мы видѣли новыя, заброшенныя въ глушь лѣса, еще строющіяся хижины, подъ пальмами и изъ пальмъ, крытыя пальмовыми же листьями. Къ этимъ хижинамъ едва-едва протоптаны свѣжія дорожки. Мы шли, прислушиваясь къ каждому звуку, къ крику насѣкомыхъ, неизвѣстныхъ намъ птицъ, и пугали другъ друга.

«Тигръ!» скажетъ что-нибудь. «Змѣя!» говоритъ другой. Всѣ невольно быстро оглянутся и потомъ засмѣются сами надъ собой.

Я хотѣлъ-было напомнить дѣтскую басню о лгунѣ; но какъ я солгалъ первый, то мораль была мнѣ не къ лицу. Однакожь пора было вернуться къ деревнѣ. Мы шли съ часъ все прямо, и хотя шли въ тѣни лѣса, всѣ въ бѣломъ съ ногъ до головы и легкомъ платьѣ, но было жарко. На обратномъ пути встрѣтили нѣсколько малайцевъ, мужчинъ и женщинъ. Вдругъ до насъ донеслись знакомые голоса. Мы взяли направо въ лѣсъ, прямо на голоса, и вышли на широкую поляну.

Тамъ были всѣ наши. Но что̀ это они дѣлаютъ? По полянѣ текла та же мутная рѣчка, въ которую мы въѣхали. Здѣсь она дугообразно разлилась по луговинѣ, прячась въ густой травѣ и кустахъ. Кругомъ росли рѣдкія пальмы. Трое или четверо изъ нашихъ спутниковъ, скинувъ пальто и жилеты, стояли подъ пальмами и упражнялись въ сбиваніи палками кокосовыхъ орѣховъ. Усерднѣе всѣхъ старался нашъ молодой спутникъ по Капской колоніи, П. А. З.; прочіе стояли вокругъ и смотрѣли, въ ожиданіи паденія орѣховъ. Крики и хохотъ раздавались по лѣсу. Шагахъ въ пятидесяти оттуда, на вязкомъ берегу, въ густой травѣ, стояли по колѣни въ тинѣ два буйвола. Они, склонивъ головы, пристально и робко смотрѣли на эту толпу, не зная, что̀ имъ дѣлать. Ихъ тутъ нечаянно застали: это было видно по ихъ позѣ и напряженному вниманію, съ которымъ они сторожили минуту, чтобъ уйти; а уйти было некуда: направо ли, налѣво ли, все надо проходить чрезъ толпу, или идти въ рѣчку.

Наконецъ полетѣлъ одинъ орѣхъ,-другой, третій. Только лишь толпа замѣтила насъ, какъ всѣ бросились къ намъ и заговорили разомъ.

— Крокодила видѣли! кричалъ одинъ.—Вотъ этакой величины! говорилъ другой, разводя руками.

— Какой страшный! какіе зубы!

— Гдѣ жь онъ? спросили мы.

— Вотъ, вотъ здѣсь.

И потащили насъ къ мостику и къ рѣчкѣ.

— Мы только вошли на мостикъ... началъ одинъ.

— Нѣтъ, еще мы вонъ гдѣ были... говорилъ другой.

— Да нѣтъ, господа, я прежде всѣхъ увидалъ его; вы еще тамъ, въ деревнѣ были, а я... Постойте. я все видѣлъ, я все разскажу по порядку.

— Куда жь онъ дѣвался? спросили мы.

— Въ кусты ушелъ, вотъ сюда, закричали всѣ, показывая на кусты, которые совсѣмъ закрывали берегъ близь мостика.

— Онъ показался на поверхности воды, проплылъ подъ мостикомъ. Мы закричали, погнались за нимъ; онъ перепугался и ушелъ туда. Вотъ, вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ...

— Вѣрно ящерица! замѣтилъ я, отчасти съ досады, что не видалъ крокодила. Меня не удостоили и отвѣта.

— Пойдемте же въ кусты за нимъ! приглашалъ я, но не пошелъ. И никто не пошелъ. Кусты стѣснились въ такую непроницаемую кучу и смотрѣли такъ подозрительно, что можно было побиться объ закладъ, что тамъ гнѣздился, если не крокодилъ, такъ непремѣнно змѣя, и вѣроятно не одна: ихъ множество на Явѣ.

— Какъ жаль, что вы не видали крокодила! сказалъ мнѣ одинъ изъ молодыхъ спутниковъ, которому непремѣнно хотѣлось выжить изъ меня сомнѣніе, что это былъ не крокодилъ.

— Ну, что жь, увижу у Зама, какъ вернусь въ Петербургъ, сказалъ я: тамъ маленькій есть; выростетъ дотѣхъ-поръ.

Мы пошли въ деревню. Она вся состояла изъ бамбуковыхъ хижинъ, крытыхъ пальмовыми листьями и очень похожихъ на хлѣвы.

Оконъ въ хижинахъ не было, да и не нужно: оттуда сквозь стѣны можно видѣть, что̀ дѣлается наружѣ, зато и снаружи видно все, что̀ дѣлается внутри. А внутри ничего не дѣлается: малаецъ лежитъ на цыновкѣ, или ребятишки валяются, какъ поросята.

Малайцы толпились по улицамъ почти голые; рѣдкіе

были въ панталонахъ. Они довольствовались кускомъ грубой ткани, накинутой на плечи, или обвязанной около поясницы. Рты у всѣхъ какъ-будто окровавлены, отъ бетеля, который они жуютъ и который раздражаетъ десны. Мы наткнулись на маленькій рынокъ. На берегу рѣчки росло роскошнѣйшее изъ тропическихъ деревьевъ—*банiанъ*. Толстый стволъ, состоящій изъ множества крѣпко сросшихся вмѣстѣ корней, оканчивается густой шапкой темной зелени, съ толстыми маслянистыми листьями. Отъ вѣтвей вертикально тянутся растительныя нити и, вростая въ землю, пускаютъ корни, изъ которыхъ образуются новыя деревья. Дай волю—и почва заросла бы этими гигантами растительнаго царства, подавляющими все вокругъ. Анжерское дерево покрывало вѣтвями весь рынокъ. Человѣкъ около пятидесяти сидѣли на цыновкахъ и продавали готовый бетель на листьяхъ банана, какiе-то водяные плоды, въ родѣ орѣховъ и жолудей, рыбу, табакъ.

Вечеръ наступалъ быстро. Небо млѣло заревомъ и атомами; ни одного облака на немъ. Мы шли по деревнѣ, видѣли въ первый разъ китайцевъ, сначала ребятишекъ съ полуобритой головой, потомъ старухъ, съ цѣлымъ стогомъ волосъ на головѣ, поддерживаемыхъ большою бронзовою булавкой. Встрѣтились у пристани съ толпой испанцевъ, которые съѣхали съ транспорта погулять. Мы раскланялись, спросили другъ друга, кажется, о здоровьѣ (о погодѣ здѣсь не разговариваютъ), о цѣли путешествiя, и разошлись. Мы пошли въ лавку: да̀, здѣсь есть лавка, разумѣется, китайская. Представьте себѣ мелочную лавку гдѣ-нибудь у насъ въ уѣздномъ городѣ: точь-въ-точь какъ въ Анжерѣ. И тутъ свѣчи, мыло, связка банановъ, какъ у насъ бы связка луку, потомъ чай, сахарный тростникъ и песокъ, ящики, коробочки, зеркальца и т. п. Купецъ,

сѣдой китаецъ, въ синемъ халатѣ, съ косой, въ очкахъ и туфляхъ, да два прикащика, молодые, съ длинными предлинными, какъ черныя змѣи, косами, съ длинными же, смуглоблѣдными, истощенными лицами и съ ногтистыми, какъ у птицъ когти, пальцами. Всѣ они говорили по-китайски, по-малайски и по-англійски, но не по-голландски. Долго ли англичане владѣли Явой и ка̀къ давно, а до-сихъ-поръ слѣдъ ихъ не пропадаетъ здѣсь!

Намъ подали по чашкѣ чаю. Узнавъ, что у нихъ есть лимонный сиропъ, мы съ неистовствомъ принялись за лимонадъ. Охотники до рѣдкостей покупали длинныя трости, раковины и т. п. Тутъ мы раздѣлились партіями и разсыпались по деревнѣ и окрестностямъ. Въ переулкахъ тѣ же хижины, большая часть на сваяхъ, отъ сырости и насѣкомыхъ. Хижины прячутся въ бананникѣ и подъ пальмами кокоса и *areca*. Скоро и хижины кончились; мы пошли по огромному, огороженному, вѣроятно, для скота, лугу и дошли до болота и обширнаго оврага, заросшаго сплошнымъ лѣсомъ. Стало совсѣмъ темно; только звѣзды лили блѣдный, но пронзительный свѣтъ. Нѣсколько человѣкъ ощупью пошли по опушкѣ лѣса, а другіе, въ томъ числѣ и я, предпочли идти къ китайцу пить чай. Мы вытащили изъ лавки всѣ табуреты на воздухъ и усѣлись за маленькими столиками.

Что это за вечеръ! Это волшебное представленіе, роскошное, обаятельное пиршество, надъ которымъ, кажется, всѣ искусства истощили свои средства, а здѣсь и признаковъ искусства не было. Какими красками блещутъ послѣдніе лучи угасающаго дня и сумрака воцаряющейся ночи! Въ пространствѣ носятся какіе-то звуки; лѣсъ дышетъ своею жизнью; слышатся, то шопотъ, то внезапный, осторожный шелестъ его обитателей:

звѣрь ли пробѣжитъ, порхнетъ ли вдругъ съ вѣтки испуганная птица, или змѣй пробирается по сухимъ прутьямъ? Вблизи бродятъ надъ рѣчкой темные силуэты людей. Въ берега плещется вода. Тепло, сильно пахнетъ чѣмъ-то прянымъ.

«Смотрите, сказалъ я сосѣду своему: видите, звѣзда плыветъ въ чащѣ баніана?» —«Это вѣтви колышатся, отвѣчалъ онъ: а сквозь нихъ видны звѣзды... Вонъ другая, третья звѣзда, а вонъ и мимо насъ несется одна, двѣ, три— нѣтъ, это не звѣзды». «Витулъ! закричалъ я проходившему мимо матросу, поймай вонъ эту звѣзду!» Витулъ покрылъ ее фуражкой и принесъ мнѣ, потомъ бросился за другой, за третьей, и наловилъ нѣсколько продолговатыхъ цвѣтныхъ мухъ. Въ концѣ хвоста, снизу, у нихъ ярко сіяетъ, бенгальскимъ, зеленовато-блѣднымъ огнемъ, прекрасная звѣздочка. Блескъ этихъ звѣздъ сіялъ ярче свѣчъ, но недолго. Минуты чрезъ двѣ, три, муха ослабѣвала и свѣтъ постепенно угасалъ.

Мы часа два наслаждались волшебнымъ вечеромъ, и неохотно, медленно, почти ощупью, пошли къ берегу. Былъ отливъ и шлюпки наши очутились на мели. Мы долго шли по плотинѣ, и не спуская глазъ съ чудеснаго берега, долго плыли по рейду. Гребцы едва шевелили веслами, разгребая спящую воду. Пробужденная, она густымъ золотомъ обливала весла. Вдругъ насъ поразилъ нестерпимый запахъ гнили. Мы сначала не догадывались, что̀ это значитъ; потомъ ужь вспомнили о кораллахъ и ракушкахъ, которыя издаютъ сильный противный запахъ. Вѣроятно мы ѣхали надъ коралловой банкой.

На другой день утромъ мы ушли, не видавъ ни одного европейца, которыхъ всего трое въ Анжерѣ. Мы плыли дальше по проливу, между влажными, цвѣтущими берегами

Явы и Суматры. Мѣстами, на гладкомъ зеркалѣ пролива, лежали, какъ корзинки съ зеленью, маленькіе островки, означенные только на морскихъ картахъ, подъ именемъ *Двухъ братьевъ*, *Трехъ сестеръ*. Кое-гдѣ были отдѣльно брошенные каменья, безъ имени, и тѣ обросли густою зеленью.

Природа — нѣжная артистка здѣсь. Много любви потратила она на этотъ, можетъ быть, самый роскошный уголокъ міра. Мѣстами даже казалось слишкомъ убрано, слишкомъ сладко. Мало поэтическаго безпорядка, нѣтъ небрежности въ творчествѣ, не видать минутъ забвенія, усталости въ творческой рукѣ, нѣтъ отступленій, въ которыхъ часто больше красоты, нежели въ цѣломъ планѣ созданія. Ѣдешь какъ-будто среди неизмѣримыхъ, воздѣланныхъ садовъ и парковъ всесвѣтнаго богача. Страстное, горячее дыханіе солнца вѣчно охраняетъ эти мѣста отъ холода и непогоды, а другой дѣятель, могучая влага, умѣряетъ силу солнца, питаетъ почву, родитъ нѣжные плоды и... убиваетъ человѣка испареніями.

Прощайте, роскошные, влажные берега: дай Богъ никогда не возвращаться подъ ваши деревья, подъ жгучее небо и на болотистые пары! Довольно взглянуть одинъ разъ: жарко, и какъ-разъ лихорадку схватишь!

20 мая, 1853 года.
Анжерскій рейдъ.

VI.

СИНГАПУРЪ.

Приходъ на рейдъ. — Малайцы и индійцы. — Прогулка по городу и окрестностямъ.—Европейскій, малайскій и китайскій кварталы.— Продажа опіума. — Ананасы, мангу и мангустаны. — Кокосовые орѣхи. — Значеніе Сингапура. — Кумирни. — Купецъ Вампоа и его вилла.

Съ 24-го мая по 2-е іюня 1853.

Гдѣ я, о, гдѣ я, друзья мои? Куда бросила меня судьба отъ нашихъ березъ и елей, отъ снѣговъ и льдовъ, отъ злой зимы и безхарактернаго лѣта? Я подъ экваторомъ, подъ отвѣсными лучами солнца, на межѣ Индіи и Китая, въ царствѣ вѣчнаго, безпощадно-знойнаго лѣта. Глазъ, привыкшій къ необозримымъ полямъ ржи, видитъ плантаціи сахара и риса; вѣчно-зеленая сосна смѣнилась неизмѣнно-зеленымъ банаиомъ, кокосомъ: клювка и морошка уступили мѣсто ананасамъ и мангу. Я на родинѣ ядовитыхъ перцовъ, пряныхъ кореньевъ, слоновъ, тигровъ, змѣй, въ странѣ бритыхъ и бородатыхъ людей, изъ которыхъ одни не вѣдаютъ шапокъ, другіе носятъ кучу ткани на головѣ; одни вѣчно гомозятся за работой, съ молотомъ, съ ломомъ, съ иглой, съ рѣзцомъ; другіе едва даютъ себѣ трудъ съѣсть горсть рису и перемѣнить мѣсто въ цѣлый день; третьи, объявивъ вражду всякому порядку и труду, на легкихъ «проа» отважно рыщутъ по

морямъ и насильственно собираютъ дань съ промышленныхъ мореходцевъ.

Осторожно и медленно, какъ-будто высматривая тайнаго врага въ засадѣ, подходили мы въ темнотѣ къ сингапурскому рейду. Указанія знаменитаго Горсбурга, изслѣдовавшаго глубины и свойства этихъ морей, и лотъ, были нашими ежеминутными руководителями. Наконецъ отдали якорь—и напряженное вниманіе, заботливое выпытываніе мѣстности и суетливая дѣятельность людей на фрегатѣ, тотчасъ же замѣнились беззаботностью отдыха. Подъ покровомъ черной, но прекрасной, успокоительной ночи, какъ подъ шатромъ, хорошо было, и спать мертвымъ сномъ уставшему матросу, и разговаривать за чайнымъ столомъ офицерамъ. Наверху царствуетъ торжественное, но не мертвое безмолвіе, хотя нѣтъ движенія въ воздухѣ, нѣтъ ни малѣйшей зыби на водѣ. Но сколько жизни покоится въ этой мягкой, нѣжной теплотѣ, передъ которой вы довѣрчиво, безъ опасенія, открываете грудь и горло, какъ передъ ласками добрыхъ людей довѣрчиво открываете сердце! Сколько прелести таится въ этомъ неимовѣрно-яркомъ блескѣ звѣздъ и въ этомъ морѣ, которое тихонько ползетъ цѣлой массой то впередъ, то назадъ, движимое теченіемъ, — даже въ темныхъ глыбахъ скалъ и въ бахрамѣ вѣнчающихъ ихъ вершины лѣсовъ!

Все кажется, что среди тишины зрѣетъ въ природѣ дума, огненные глаза сверкаютъ сверху такъ выразительно и умно, внезапный, тихій всплескъ воды какъ-будто промолвился отвѣтомъ на чей-то вопросъ; все кажется, что среди тишины и живой, теплой мглы, раздастся какой-нибудь таинственный и торжественный голосъ. Чего-то ждешь, о чемъ-то думаешь, что-то чувствуешь, чего ни опредѣлить, ни высказать не можешь. Только сердце тре-

пещетъ отъ силы необъяснимаго, страстнаго ощущенія: даже нервамъ больно! Подъ этимъ небомъ, въ этомъ воздухѣ, носятся фантастическіе призраки; подъ крыльями такихъ ночей только снятся жаркіе сны и необузданныя поэтическія грезы, о нисхожденіи Брамы на землю, о жаркой любви боговъ къ смертнымъ — всѣ эти страстные образы, въ которыхъ воплотилось чудовищное плодородіе здѣшней природы.

Начиная съ Зондскаго пролива, мы все наслаждались такими ночами. Небо, какъ книга здѣсь, которую не устанешь читать: она здѣсь открытѣе и яснѣе, какъ-будто само небо ближе къ землѣ. Мы съ Б. К. подолгу стояли на вахтенной скамьѣ, любуясь по ночамъ звѣздами, яркоигравшей зарницей, и особенно метеорами, которые, блестя бенгальскими огнями, нерѣдко бороздили небо во всѣхъ направленіяхъ.

Вдругъ однажды, среди ночной тишины, раздался подлѣ фрегата шумъ веселъ. «Что̀ это такое? лодка въ открытомъ морѣ?» спросилъ я и сталъ пристально смотрѣть въ полупортикъ. И Ѳадеевъ, который, сидя верхомъ на пушкѣ, доставалъ изъ-за борта воду и окачивалъ меня, сталъ тоже смотрѣть. Въ лодкѣ сидѣло трое, но кто — нельзя было разобрать въ темнотѣ. «Кто бы это былъ?» спрашивалъ я, не зная, что̀ подумать объ этомъ явленіи. — «Опять Чухны, ваше высокоблагородіе!» сказалъ Ѳаддеевъ равнодушно, разумѣя малайцевъ, которыхъ онъ видѣлъ на Явѣ. «Или Литва» замѣтилъ другой матросъ, еще равнодушнѣе. Малайцы привезли нѣсколько ананасовъ и предлагали свои услуги, какъ лоцмана̀. Мы, шутя, дѣлали предположенія: не пираты ли это, которые подосланы своею шайкою вывѣдать, какого рода судно идетъ, сколько на немъ людей и оружія, чтобъ потомъ

рѣшить, напасть на него, или нѣтъ. Это обыкновенная тактика здѣшнихъ пиратовъ. Однажды они явились, также въ числѣ трехъ-четырехъ человѣкъ, на палубу голландскаго судна, съ фруктами, напитанными ядомъ, и отравивъ экипажъ, потомъ нагрянули цѣлой ватагой и овладѣли судномъ. Людей, какъ это они всегда дѣлаютъ, отвели на одинъ изъ Зондскихъ острововъ въ плѣнъ, а судно утопили.

Одинъ малаецъ взобрался на палубу и остался ночевать у насъ, другіе два ночевали въ лодкѣ, которая прицѣпилась за фрегатъ и шла за нами. Это было 24-го мая, часовъ въ одиннадцать утра; мы вошли въ сингапурскій проливъ, лавируя. Пошелъ дождь, да еще со шкваломъ, и освѣжилъ атмосферу. Мы отдохнули отъ жара: реомюръ показывалъ $23^1/_2{}^0$ въ тѣни, между-тѣмъ малаецъ озябъ. На немъ была ситцевая юбка, на плечахъ родъ рубашки, а поверхъ всего кусокъ красной бумажной ткани; на головѣ неизбѣжный платокъ, какъ у нашихъ бабъ; ноги голыя. Это ужь полный костюмъ; прочіе большею частью ходятъ полунагіе. Малаецъ прятался подъ навѣсомъ юта, потомъ, увидѣвъ дверь моей каюты отворенною, поставилъ туда сначала одну ногу, затѣмъ другую и спину, а голова была еще наружѣ. «Холодно?» спросилъ я его. — «Yes» отвѣчалъ онъ и вошелъ совсѣмъ въ каюту. Но мнѣ показалось не естественно озябнуть, при двадцати слишкомъ градусахъ тепла, оттого я не могъ проникнуться состраданіемъ къ его положенію и махнулъ ему рукою, чтобъ онъ шелъ вонъ, лишь-только онъ загородилъ мнѣ свѣтъ. Два его товарища, лежа въ своей лодкѣ, нисколько не смущались тѣмъ, что она черпала, во время шквала, и кормой и носомъ; одинъ лѣниво выливалъ воду ковшомъ, а другой еще лѣнивѣе смотрѣлъ на это.

Вечеромъ стали подходить къ Сингапуру. Любопытно

взглянуть на эту кучу толпящихся на маленькомъ клочкѣ разноцвѣтныхъ и разноязычныхъ народовъ, среди которыхъ американецъ Вильксъ насчитываетъ до двадцати однихъ азіатскихъ племенъ.

25-го мая. Утро. Солнце блещетъ, и все блещетъ съ нимъ. Какія картины вокругъ! какая жизнь, суматоха, шумъ! Что̀ за лица! какіе языки! Кругомъ насъ острова, всѣ въ зелени; прямо, за лѣсомъ мачтъ, на возвышенностяхъ, видны городскія зданія. Джонки, лодки, китайцы и индійцы, проѣзжаютъ съ берега на суда и обратно, пересѣкая другъ другу дорогу. Направо и налѣво отъ насъ — все дико; непроходимый кокосовый лѣсъ смотрится въ заливъ; сзади море.

Утромъ рано стучится ко мнѣ въ каюту И. И. Б. и просовываетъ въ полуотворенную дверь руку, съ какимъ-то темно-краснымъ фруктомъ, видомъ и величиной похожимъ на небольшое яблоко. «Попробуйте», говоритъ. Я разрѣзалъ плодъ: подъ красною мякотью скрывалась бѣлая, кислосладкая сердцевина, состоящая изъ нѣсколькихъ отдѣленій, съ крупнымъ зерномъ въ каждомъ изъ нихъ. Прохладительно, свѣжо, тонко и сладко, съ легкой кислотой. Это мангустанъ, а по-англійскому произношенію «мангустэнъ». Англичане не могутъ не исковеркать слова.

Ко мнѣ въ каюту толпой стали ломиться индійцы, малайцы, китайцы, съ аттестами отъ судовъ разныхъ націй, все портные, прачки, коммиссіонеры. На палубѣ настоящій базаръ: разноплеменные гости разложили товары, и каждый горланилъ на своемъ языкѣ, предлагая матеріи, раковины, обезьянъ, птицъ, кораллы.

Я заглянулъ за бортъ: тамъ цѣлая флотилія лодокъ, нагруженныхъ всякой всячиной, всего болѣе фруктами. Ананасы лежали грудами, какъ у насъ рѣпа и картофель—и ка-

кіе! Я не думалъ, чтобъ они достигали такой величины и красоты. Сейчасъ разрѣзалъ и началъ ѣсть: сокъ текъ по рукамъ, по тарелкѣ, капалъ на полъ. Хотѣлъ писать письмо къ вамъ, но меня тянуло на палубу. Я покупалъ, то раковину, то другую бездѣлку, а болѣе вглядывался въ эти новыя для меня лица. Что̀ за живописный народъ индійцы, и что за неживописный — китайцы! Первые стройны, развязны, свободны въ движеніяхъ; у нихъ. въ походкѣ, въ мимикѣ, есть какая-то торжественная важность, лѣнь и грація. Говорятъ они горломъ, почти не шевеля губами. Грація эта неизъисканная, неумышленная: будь тутъ хоть капля сознанія, нельзя было бы не расхохотаться, глядя, ка̀къ они медленно и осторожно ходятъ, какъ гордо держатъ голову, ка̀къ размѣренно машутъ руками. Но это къ нимъ идетъ: торопливость была бы имъ не къ лицу.

Вся верхняя часть тѣла у индійцевъ обнажена, но они чѣмъ-то мажутся, чуть-ли не кокосовымъ масломъ, иначе никакая кожа не устоитъ противъ этого солнца. На бедрахъ у нихъ родъ юбки изъ бумажной синей, или красной матеріи. Въ ушахъ серьги непремѣнно, у иныхъ по двѣ, въ верхней и нижней части уха, а у одного продѣта въ ухо какая-то серебряная шпилька, у другаго сережка въ правой ноздрѣ. Этотъ былъ старъ, одѣтъ въ бѣлую юбку, а верхняя часть тѣла прикрыта красной матеріей; на голо́вѣ чалма. Стали всѣхъ ихъ собирать въ одинъ уголъ судна, на шкафутъ, чтобъ они не бродили вездѣ; старикъ усердно помогалъ въ этомъ. Матросы, прогнавъ всѣхъ, наконецъ про̀гнали и его самаго туда же.

Китайцы свѣтлѣе индійцевъ, которые всѣ темно-шоколаднаго матоваго цвѣта, тогда какъ тѣ просто смуглы; у нихъ тѣло почти какъ у насъ, только глаза и волосы совершенно черные. Они тоже ходятъ полуголые. У многихъ

старческія физіономіи, бритыя головы, кромѣ затылка, отъ котораго тянется длинная коса, болтаясь въ ногахъ. Морщины и отсутствіе усовъ и бороды дѣлаютъ ихъ чрезвычайно-похожими на старухъ. Ничего мужественнаго, бодраго. Лица точно вылиты одно въ другое.

А что̀ за физіономіи на лодкахъ! Вотъ старый индіецъ, черный, съ сѣдыми бакенбардами и бородой, растущей ниже губъ, кругомъ подбородка. А вотъ малаецъ, цвѣта красной мѣди, гребетъ двумя вмѣстѣ связанными веслами, толкая ихъ впередъ отъ себя. Одни лежали прямо подъ солнцемъ, другіе сидѣли на пяткахъ, непостижимымъ для европейца образомъ. Ко мнѣ ужь не разъ подходилъ одинъ говорящій по-французски индіецъ, «Откуда ты родомъ?» спросилъ я. Онъ мнѣ сказалъ непонятное и неизвѣстное мнѣ названіе. — «Да ты индіецъ?» — «Нѣтъ!» заговорилъ онъ, сильно качая головой. — «Ну, малаецъ?» Онъ еще сильнѣе сталъ отрекаться. — «Кто жь ты, изъ какой страны?» — «Исламъ, мусульманъ». — «Да это твоя религія; а родомъ?» — «Исламъ, мусульманъ» твердилъ онъ. — «Ну, изъ какого ты города?» — «Пондишери». — «А! такъ какъ же не индіецъ?» Онъ махалъ головой. «Индусъ вонъ!» говорилъ онъ, показывая на такого же, какъ и онъ самъ: «а я исламъ». — «А! тѣ браминской вѣры». — «Да̀! да̀! Брама̀, индусъ!» повторялъ онъ.

Тотчасъ послѣ обѣда судно опустѣло: всѣ уѣхали. Мнѣ предложилъ капитанъ ѣхать съ нимъ, но просилъ подождать, пока онъ распорядится на фрегатѣ. А лодки все не уѣзжали отъ насъ, сбывая фрукты. У всѣхъ каюты завалены были ананасами; кокосы валялись подъ ногами. Всякій матросъ вооруженъ былъ ножомъ и ананасомъ; за любой у насъ, на Сѣверѣ, заплатили бы отъ пяти до семи рублей серебромъ, а тутъ онъ стоитъ два пенса; за шиллингъ да-

вали дюжину, за испанскій талеръ—сотню. Но отъ ананасовъ началъ чесаться у многихъ языкъ (въ буквальномъ смыслѣ), губы щипало кислотой. Многіе предпочитали ананасамъ мангу: онъ фигурой похожъ на крупную желтую сливу, только съ толстой кожей и съ большой косточкой внутри; мясо состоитъ изъ волоконъ оранжеваго цвѣта, напитанныхъ вкуснымъ сокомъ.

Кромѣ фруктовъ, индійцы продавали платье европейское, рубашки, сапоги, китайскіе ларчики для чая, для рукодѣлья, и т. п.

Я, въ ожиданіи съѣзда на берегъ, облокотившись *на сѣтки*, смотрѣлъ на индійскія лодки, на разнообразныя группы разноцвѣтныхъ тѣлъ. Часовъ въ пять, передъ захожденіемъ солнца, мухаммедане стали тутъ же, на лодкахъ, дѣлать омовеніе и творить намазъ. Одинъ молодой, умывшись, взялъ какой-то старый грязный платокъ, разостлалъ его передъ собой и, обратясь на западъ, къ Меккѣ, началъ творить земные поклоны. Онъ, сидя на пяткахъ, шевелилъ губами и повременамъ медленно оборачивалъ голову направо, налѣво, назадъ, и не обращалъ вниманія на зрителей съ фрегата. Онъ молился около получаса, и едва кончилъ, за нимъ медленно поднялся другой и еще медленнѣе началъ дѣлать тоже.

Капитанъ готовъ былъ не прежде, какъ въ шесть часовъ. Когда мы подъѣзжали къ берегу, было уже темно, а ѣхать надо рейдомъ около трехъ верстъ. На берегу насъ встрѣтили фіакры (легкія кареты, запряженныя одной маленькой лошадкой, на какихъ у насъ ѣздятъ дѣти). Мы, однакожь, ѣхать не хотѣли, а индійцы все-таки шли за нами. Между-тѣмъ мы не знали куда идти: газъ еще туда не проникъ и на улицѣ ни зги не видно. Пошли налѣво: намъ прекратила путь рѣчка и какой-то павильонъ; на другой сторонѣ мелькали огни, освѣщавшіе, повидимому,

ряды лавокъ. Мы знали, что есть и мосты, но какъ попасть на нихъ? Къ счастью, встрѣтились два нѣмца и проводили насъ въ London-Hotel. Вечеръ былъ очень теменъ. Меня поразилъ приторно-сладкій и сильный запахъ, будто мускуса, довольно-противный. Насѣкомыя сильно трещали въ травѣ, такъ-что это походило больше на пѣніе птицъ. Мы спросили въ отели содовой воды и чаю и усѣлись наверху, на балконѣ. Мои товарищи вздумали все-таки идти гулять; я было-пошолъ съ ними, но какъ надо было идти ощупью, то мнѣ скоро надоѣло это, и я вернулся на балконъ допивать чай. Тутъ приходило и уходило нѣсколько, по видимому, жявущихъ въ нумерахъ трактира англичанъ и американцевъ. Онн садились на кресла и обѣ ноги клали на столъ (ихъ манера сидѣть), требовали себѣ чаю и молчали. Чай—микстура, съ сильнымъ запахомъ и вкусомъ — точно лекарственной травы.

Съ наступленіемъ ночи опять стало нервамъ больно, опять явилось неопредѣленное безпокойство до тоскн, отъ остроты наркотическихъ испареній, отъ теплой мглы, отъ тѣснившихся въ воображеніи призраковъ, отъ смутныхъ думъ. Нѣтъ, не вынесешь долго этой жизни, среди розъ, ядовъ, баядерокъ, пальмъ, подъ отвѣсными стрѣлами, которыя злобно мечетъ солнечный шаръ!

Отъ нечего дѣлать я оглядывалъ стѣны и вдругъ вижу: надъ дверью что-то ползетъ, дальше на потолкѣ тоже, надъ моей головой, кругомъ по стѣнамъ, въ углахъ — вездѣ. «Что это?» спросилъ я слугу-португальца. Онъ отвѣчалъ мнѣ что-то — я не понялъ. Я подошолъ ближе и разглядѣлъ, что это ящерицы, вершка въ полтора и два величиной. Онѣ полезны въ домахъ, потому-что истребляютъ насѣкомыхъ.

Наконецъ мои товарищи вернулись. Они сказали, что

нагулялись вдоволь, хотя ничего и не видѣли. Пошли въ столовую и принялись опять за содовую воду. Они не знали, куда дѣться отъ жара, и велѣли мальчишкѣ-китайцу махать привѣшеннымъ къ потолку, во всю длину столовой, исполинскимъ вѣеромъ. Это просто широкій кусокъ полотна съ кисейной бахрамой; отъ него къ дверямъ протянуты снурки, за которые слуга дергаетъ и освѣжаетъ комнату. Но глядя на эту затѣю, не можешь отдѣлаться отъ мысли, что это—искусственная, временная прохлада, что вотъ только перестанетъ слуга дергать за веревку, сейчасъ на васъ опять какъ-будто надѣнутъ въ банѣ шубу.

Посидѣвъ немного, мы пошли къ капитанской гичкѣ. За нами потянулась толпа индійцевъ, полагая, что мы наймемъ у нихъ лодку. Обманувшись въ ожиданіи, они всячески старались услужить: одинъ зажегъ фитиль посвѣтить, когда мы садились, другой подалъ руку и т. п. Мы дали имъ нѣсколько центовъ (мѣдныхъ монетъ), полученныхъ въ сдачу въ отели, и отправились.

Возвращеніе на фрегатъ было самое пріятное время въ прогулкѣ: было совершенно-прохладно; ночь тиха; кругомъ, на чистомъ горизонтѣ, рѣзко отдѣлялись черные силуэты пиковъ и лѣсовъ и ярко блистала зарница—вѣчное украшеніе небесъ въ здѣшнихъ мѣстахъ. Прямо на голову текли лучи звѣздъ, какъ серебряныя нити. Но вода была лучше всего: весла съ каждымъ ударомъ черпали чистѣйшее серебро, которое каскадомъ сыпалось и разбѣгалось искрами далеко вокругъ шлюпки.

27 мая. Мы собрались вчетверомъ сдѣлать прогулку поосновательнѣе, и поѣхали часовъ въ 11 утра, но и то было ужь поздно. Хотѣли ходить, но не было никакой возможности. Мимоѣздомъ, на рейдѣ, мы осмотрѣли ки-

тайскую джонку. Издали она дразнила наше любопытство: корма и носъ несоотвѣтственно-высоко поднимались надъ водой. Того и гляди, кажется, рухнутъ эти непрочныя пристройки на курьихъ ножкахъ, похожія на голубятни. Джонка была выкрашена голубымъ, краснымъ и желтымъ цвѣтами. На носу, съ обѣихъ сторонъ, нарисовано по рыбьему глазу: китайцамъ все хочется сдѣлать эти суда похожими на рыбу. Мы подъѣхали; лодки очистили намъ дорогу; китайцы приняли насъ съ улыбкою. Ихъ было человѣкъ пять; одни полуголые, другіе неопрятно одѣтые. Мы вошли прямо мимо кухонной печи, около которой возился поваръ. Насъ обдало удушливымъ, вонючимъ паромъ изъ трубы. Джонка нагружена была разнымъ деревомъ, которое везла въ Китай, краснымъ, сандальнымъ и другими. Эти дерева̀ были такъ скользки, что мы едва могли держаться на ногахъ. Мы взобрались по лѣсенкѣ на корму. Тамъ, въ углубленіи, была кумирня, съ идолами, а по бокамъ грязныя каюты. Одинъ китаецъ чесалъ другому—по видимому, хозяину—косу. Они молча смотрѣли на насъ и предоставляли намъ ходить и смотрѣть. Все было слѣплено изъ дощечекъ, жердочекъ, цыновокъ; паруса тоже изъ цыновокъ. Руль неуклюжій, неотесанный, уродливый. Мы ушли и свободно вздохнули на катерѣ, дивясь, ка̀къ люди могутъ пускаться на такихъ судахъ въ море, до этихъ мѣстъ, за 1,800 морскихъ миль отъ Кантона! Послѣ ужь, качаясь въ штиляхъ китайскихъ морей, или несомые плавно попутнымъ муссономъ, мы поняли, отчего ходятъ далеко джонки. За-то сколько ихъ погибаетъ въ ураганы!

Въѣхавъ прямо въ рѣчку и миновавъ множество джонокъ и яликовъ, сновавшихъ взадъ и впередъ, то съ кладью, то съ пассажирами, мы вышли на набережную, застроен-

ную каменными лавками, совершенно-похожими на наши гостиные дворы: тѣ же арки, сквозныя лавки, амбары, кучи тюковъ, бочки и т. п.; тотъ же шумъ и движеніе. Купцы, большею частью, китайцы; товары продаютъ оптомъ и отправляютъ изъ Китая въ Европу, или, обратно, выписываютъ изъ Европы въ Китай. Но вотъ наконецъ добрались и до мелкихъ торговцевъ. Китайцы, въ такихъ же костюмахъ, въ какихъ мы ихъ видѣли на Явѣ, сидѣли въ лавкахъ. Бѣлая бумажная кофта, въ родѣ женскихъ ночныхъ кофтъ, и шаровары черные, а болѣе синіе, у богатыхъ атласные, потомъ бритая передняя часть головы и длинная до пятъ коса, природная, или искуственная, отсутствіе шляпы и присутствіе вѣера, замѣняющаго ее—вотъ ихъ костюмъ. Китаецъ носитъ вѣеръ въ рукѣ, и когда выходитъ на солнце, прикрываетъ имъ голову. Впрочемъ простой народъ, работающій на воздухѣ, носитъ плетеныя изъ легкаго тростника шляпы, конической формы, съ преширокими полями. На Явѣ я видѣлъ малайцовъ, которые покрываютъ себѣ голову просто спинною костью черепахи. Европейцы ходятъ... какъ вы думаете, въ чемъ? Въ полотняныхъ шлемахъ! Эти шлемы совершенно похожи на шлемъ дон-Кихота. Отчего же не видать соломенныхъ шляпъ? чего бы, кажется, лучше: Манилла такъ близка, а тамъ превосходная солома. Но потомъ я опытомъ убѣдился, что солома слишкомъ жидкая защита отъ здѣшняго солнца. Шлемы эти дѣлаются двойные, съ пустотой внутри и маленькимъ отверстіемъ для воздуха. Другіе, особенно шкипера, носятъ соломенныя шляпы, но обвиваютъ поля и тулью ея бѣлой матеріей, въ видѣ чалмы.

Мы прошли каменные ряды и дошли наконецъ до деревянныхъ, которые въ то же время и домы китайцевъ.

Верхній этажъ занятъ жильемъ, а нижній лавкой. Здѣсь собрано все, чтобъ оскорбить зрѣніе и обоняніе. Голые китайцы, въ однѣхъ юбкахъ, или шароварахъ, а иные только въ повязкахъ кругомъ поясницы, сидя, въ лавкахъ, или наружѣ у порога, чесали длинныя косы другъ другу, или брили головы и подбородки. Они проводятъ за этимъ цѣлые часы; это—ихъ кейфъ. Нѣкоторые, сидя, клали голову на столикъ, а цирюльникъ, обривъ, преприлежно начиналъ поколачивать потомъ еще по спинѣ, долго и часто, этихъ сибаритовъ. Это, кажется, походило на то, какъ у насъ щекотятъ пятки или перебираютъ суставы въ баняхъ охотникамъ до такихъ удовольствій.

Но видъ этихъ бритыхъ до нельзя головъ и лицъ, голыхъ, смугло-желтыхъ тѣлъ, этихъ, то старческихъ, то хотя и молодыхъ, но гладкихъ, мягкихъ, лукавыхъ, безъ выраженія энергіи и мужественности, физіономій, и наконецъ подробности образа жизни, семейный и внутренній бытъ, вышедшій на улицу — все это очень своеобразно, но не привлекательно.

Самый родъ товаровъ, развѣшенныхъ и разложенныхъ въ лавкахъ, тоже, большею частію, заставляетъ отворачивать глаза и носъ. Тамъ видны сырые, печеные и вяленые мяса, рыба, раки, слизняки и т. п. дрянь. Тутъ же подвижная лавочка, съ жаровней и кастрюлей, съ какой-нибудь лапшой, или киселемъ, студенью и т. п. вещами, въ которыя пристально не хочется вглядываться. Или сейчасъ же рядомъ совсѣмъ противное: лавка съ фруктами и зеленью такъ и тянетъ къ себѣ: ананасы, мангустаны, арбузы, мангу, огурцы, бананы и т. п. навалены грудами. Среди этого, увидишь стараго китайца, съ сѣдой косой, голаго, но въ очкахъ; онъ сидитъ и торгуетъ. Въ другомъ мѣстѣ вдругъ пахнётъ чеснокомъ и тѣмъ неизбѣжнымъ,

похожимъ на мускусъ запахомъ, который, кажется, издаетъ сандальное и другія пахучія дерева. Къ этому еще прибавьте кокосовое масло, табакъ и опіумъ—отъ всего этого теряешься. Все это сильно растворяется въ жаркомъ индійскомъ воздухѣ и разносится всюду.

Мы вырвались изъ китайскаго города и, черезъ деревянный высокій мостъ, перешли на европейскую сторону. Здѣсь совсѣмъ другое: просторъ, чистота, прекрасная архитектура домовъ, совсѣмъ закрытыхъ шпалерою изъ мелкой, стелющейся, какъ плющъ, зелени, съ голубыми цвѣтами; двѣ церкви, протестанская и католическая, обнесенныя большими дворами, густо засаженными фиговыми, мускатными и другими деревьями и множествомъ цвѣтовъ. Къ намъ присталъ индіецъ, навязываясь въ проводники. Мы велѣли ему вести себя на холмъ, къ губернаторскому дому. Дорога идетъ по великолѣпной аллеѣ, между мускатными деревьями, и померанцовыми, розовыми кустами. Трава вся состояла изъ mimosa pudica (не-тронь-меня). Отъ прикосновенія зонтикомъ къ травѣ, она мгновенно сжималась по нашимъ слѣдамъ.

Не было возможности дойти до вершины холма, гдѣ стоялъ губернаторскій домъ: жарко, потъ струился по лицамъ. Мы полюбовались съ полугоры рейдомъ, городомъ, котораго европейская правильная часть лежала около холма, потомъ велѣли скорѣе вести себя въ отель, подъ спасительную сѣнь, добрались до балкона и заказали завтракъ, но прежде выпили множество содовой воды и едва пришли въ себя. Несмотря на зонтикъ, солнце жжетъ безъ милосердія ноги, спину, грудь—все, куда только падаетъ его лучъ.

Европейское общество состоитъ изъ консуловъ всѣхъ почти націй. Они живутъ въ прекрасныхъ домахъ, на эспланадѣ, идущей по морскому берегу. Всѣхъ европей-

цевъ здѣсь до четырехсотъ человѣкъ, китайцевъ сорокъ, индійцевъ, малайцевъ и другихъ азіятскихъ племенъ до двадцати тысячъ: это на всемъ островѣ. Въ городѣ я видѣлъ много европейскихъ домовъ въ упадкѣ; на нѣкоторыхъ приклеены бумажки съ надписью: *отдаются въ наемъ*. Самая биржа, старое зданіе, съ обвалившейся штукатуркой, не обновляется съ-тѣхъ-поръ, какъ возникъ Гонконгъ. Говорятъ, отъ этого Сингапуръ нѣсколько потерялъ въ торговомъ отношеніи. Нѣкоторые европейцы, особенно англичане, перенесли кругъ своей дѣятельности туда. Китайцы тоже нѣсколько рѣже стали ѣздить въ Сингапуръ, имѣя возможность сбывать свои товары тамъ, у самыхъ воротъ Китая.

Впрочемъ Сингапуръ, какъ складочное мѣсто между Европой, Азіей, Австраліей и островами Индійскаго архипелага, не заглохнетъ никогда. Притомъ онъ служитъ пріютомъ малайскимъ и китайскимъ пиратамъ, которые еще весьма-сильны и многочисленны въ здѣшнихъ моряхъ. Большую часть награбленныхъ товаровъ они сбываютъ здѣсь, являясь въ видѣ мирныхъ купцовъ, а оружіе и другія улики своего промысла прячутъ на это время въ какой-нибудь маленькой бухтѣ ненаселеннаго островка. Бельчеръ говоритъ, что сингапурскіе китайцы занимаются выдѣлкой оружія собственно для нихъ. Поэтому истребить пиратовъ почти нѣтъ возможности: у нихъ на нѣкоторыхъ островахъ есть такъ хорошо укрѣпленныя мѣста, что могутъ противиться всякой вооруженной силѣ. Да и какъ проникнутъ къ нимъ большія военныя суда, когда бухты эти доступны только легкимъ разбойничьимъ проа? «Можетъ-быть, тутъ половина пиратовъ», думалъ я, глядя на сновавшія по рейду длинныя барки, съ парусами изъ цыновокъ.

На биржѣ толпятся китайскіе, армянскіе, персидскіе

купцы и, разумѣется, англичане. Народонаселеніе кипитъ и движется. Вотъ китаецъ, почти нищій, нагой, бѣжитъ проворно, въ своей тростниковой шляпѣ, и несетъ на ниткѣ какую-нибудь дрянь на обѣдъ, или кусокъ рыбы, или печонки, какія-то внутренности; вотъ другой, съ водой, съ ананасами на лоткѣ, или другими фруктами, третій везетъ кладь на парѣ горбатыхъ быковъ. Вотъ выступаютъ, въ бѣлыхъ, кисейныхъ халатахъ, персіяне; вотъ парси, съ блѣднымъ, матовымъ цвѣтомъ лица и лукавыми глазами; далѣе армянинъ, въ европейскомъ пальто; тамъ карета промчалась съ китайцами изъ лавокъ въ ихъ кварталъ; тутъ англичанинъ ѣдетъ верхомъ.

Позавтракавъ, мы послали за каретами и велѣли ѣхать за городъ. Кареты и кучера—не послѣдняя достопримѣчательность города и тотчасъ бросится въ глаза. Я ужь говорилъ, что едва вы ступите со шлюпки на берегъ, васъ окружатъ нѣсколько кучеровъ, съ своими каретами. Послѣднія безъ рессоръ, но покойны, какъ люльки; внутри собственно два мѣста; но если потѣсниться, то окажется, пожалуй, и четыре. Подушки и стѣнки обиты цыновками. Карету въ одинъ конецъ, поближе, нанимаютъ за полдоллара, подальше—за долларъ, и на цѣлый день—тоже долларъ. Для кучера мѣста нѣтъ: онъ что̀ есть мо̀чи бѣжитъ рядомъ, держа лошадь за узду, тогда какъ, по этой нестерпимой жарѣ, европеецъ едва сидитъ въ каретѣ. Въ Сингапурѣ нѣтъ мостовой, а есть убитыя пескомъ и укатанныя аллеи, какъ у насъ гдѣ-нибудь въ Елагинскомъ паркѣ. Индіецъ, полуголый, съ маленькимъ передникомъ, бритый, въ чалмѣ, или съ большими волосами, смотря по тому, какой онъ вѣры, бѣжитъ ровно, граціозно, далеко и медленно откидывая ноги, назадъ, улыбаясь и показывая рядъ отличныхъ

зубовъ. Ночью ихъ обязали ѣздить съ фонарями, иначе здѣсь ни зги не видать.

Они помчали насъ сначала по предмѣстьямъ, малайскому, индійскому и китайскому. Малайскія жилища—просто сквозныя клѣтки изъ бамбуковыхъ тростей, прикрытыя сухими кокосовыми листьями, едва достойныя называться сараями, на сваяхъ, отъ сырости, и отъ насѣкомыхъ тоже. У китайцевъ побогаче — сплошные ряды домовъ въ два этажа: внизу лавки и мастерскія, вверху жилье, съ жалюзи. Индійцы живутъ въ мазанкахъ.

Кругомъ все заросло пальмами *areca*, или кокосовыми; обработанныхъ полей съ хлѣбомъ немного: есть плантаціи кофе и сахара, и то мало: мѣста нѣтъ; все болота и густые лѣса. Рисъ, главная пища южной Азіи, привозится въ Сингапуръ съ Малаккскаго и Индійскаго полуострововъ. Но за то сколько деревьевъ! хлѣбное, тутовое, мускатное, померанцы, бананы и другія.

Мы ѣхали по берегу той же, протекающей по городу рѣки, которая по немъ, или городъ по ней, называется Сингапуръ. Она мутна и не радуетъ глазъ, притомъ очень узка, но не мелка.

По берегу тянулись мазанки и хижины, изъ которыхъ выглядывалъ, то индіецъ, то малаецъ. Въ одномъ мѣстѣ, на большомъ лугу, мы видѣли группу мужчинъ, женщинъ и дѣтей, въ яркихъ, рѣжущихъ глаза красныхъ и синихъ костюмахъ: они собирали что-то съ деревьевъ. Тамъ высунулась изъ воды голова буйвола; тамъ бѣдный и давно небритый китаецъ, подъ плетеной шляпой, тащитъ, обливаясь потомъ, ношу; тамъ нѣсколько ихъ сидятъ около походной лавочки, или въ своихъ магазинахъ, на пяткахъ, въ кружокъ, и уплетаютъ двумя палочками вареный рисъ, держа чашку у самаго рта, и время отъ времени, достаютъ

изъ другой чашки, съ темною жидкостью, этими же палочками необыкновенно-ловко какіе-то кусочки и ѣдятъ. Мы переѣхали нѣсколько мостиковъ; вдали, на холмахъ, видны европейскія дачи, выглядывавшія изъ гущи кипарисовъ, банановъ и пальмовыхъ рощъ. Наконецъ въѣхали опять въ китайскій кварталъ и опять насъ охватили разные запахи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надъ лавками я видѣлъ надпись по-англійски: *дозволенная продажа опіума*. Мы хотѣли взглянуть, какъ курятъ опіумъ, и вошли въ лавочку; но тамъ только продавали его. Насъ подвозили ко многимъ такимъ лавочкамъ: это были отвратительнѣйшія, неопрятныя клѣтушки, гдѣ нагіе китайцы предлагали намъ купить отравы. Наконецъ кули повелъ насъ черезъ одну лавчонку въ темный чуланъ: тамъ, на грязной цыновкѣ, лежалъ одинъ курильщикъ; онъ безпрестанно палочкой черпалъ опіумъ и клалъ его въ крошечное отверстіе круглой большой трубки. Но духота, вонь и жаръ, отъ помѣщавшейся рядомъ китайской кухни, были такъ сильны, что мы, не дождавшись дѣйствія опіума, бѣжали вонъ и вздохнули свободно, выѣхавъ изъ китайскаго квартала.

Нѣкоторымъ нужно было что-то купить, и мы велѣли везти себя въ европейскій магазинъ; но собственно-европейскихъ магазиновъ нѣтъ: европейцы ведутъ оптовую торговлю, привозятъ и увозятъ грузы, а розничная торговля вся въ рукахъ китайцевъ. Лавка была большая, въ двѣ комнаты: и чего-чего въ ней не было! Полотна, шелковыя матеріи, сигары, духи, мыло, помада, наконецъ китайскія рѣзныя вещи, чай и т. п.

Между-прочимъ вдругъ намъ бросилось въ глаза, на кускѣ холста, русское клеймо: *фабрики А. Перлова*. Это дукъ. «Откуда? какъ?» спросили мы прикащика-англичанина. «Это англійскій дукъ», сказалъ онъ, «а клеймо

русское». Я нарочно мѣшкалъ въ лавкѣ: мнѣ хотѣлось дать отдохнуть кучерамъ; но они, кажется, всего меньше думали сами объ этомъ. Мнѣ сначала было совѣстно ѣхать и смотрѣть, кàкъ они бѣгутъ, но черезъ полчаса я привыкъ смотрѣть, а они—бѣжать. «Куда бы еще пойти? чтò посмотрѣть?» говорили мы. «Ахъ! да вѣдь мы нѣкоторымъ образомъ въ Индіи: здѣсь должны быть слоны; надо посмотрѣть, поѣздить на нихъ». «Есть здѣсь слоны?» спросили мы у кули. — «Есть», отвѣчалъ онъ.—«Гдѣ жь они? много ихъ?» — «Одинъ». — «Одинъ! Ну, для такого островка и одного довольно! А можно поѣздить на немъ?» — «Нѣтъ, нельзя, онъ на сахарномъ заводѣ работаетъ».

Часа въ четыре, покружась еще по улицамъ, походивъ по эспланадѣ, полюбовавшись садами около европейскихъ домовъ, мы вернулись въ London hotel — и сейчасъ подъ вѣеръ. Стали звонить къ обѣду. Хотя у насъ еще не успѣлъ пробудиться аппетитъ, однакожь мы съ Б. К. отправились «посмотрѣть, чтò ѣдятъ», какъ онъ говорилъ. Но я всегда въ этихъ случаяхъ замѣчалъ, что онъ придаетъ слишкомъ много значенія глаголу *смотрѣть*. Столовая помѣщалась въ особой, выстроенной на дворѣ деревянной, открытой со всѣхъ сторонъ галлереѣ, какія у насъ дѣлаются для игры въ кегли; да тутъ же, кстати, на дворѣ была и другая такая же галлерея для этой игры. Длинный предлинный столъ, надъ нимъ вѣеръ, висящій съ потолка вдоль всего стола, и въ углу два, не очень мягкіе, некрасивые дивана, составляли все убранство залы. Мы застали уже человѣкъ до пятнадцати англичанъ и американцевъ: они, по обыкновенію, пили-себѣ, какъ будто въ Англіи, хересъ, портвейнъ и эль.

Обѣдъ, по англійскому обычаю, былъ весь на столѣ. Намъ подали горячее: я попробовалъ—что-то родное. «Да

это уха» сказалъ я Б.—«Супъ изъ рыбы» поправилъ онъ педантически. Потомъ подали рыбу, но она показалась мнѣ несвѣжа, и отличную вареную зелень. Всякій бралъ, чего хотѣлъ, а выбрать было изъ чего: стояло блюдъ десять. Свинина была необыкновенной бѣлизны, свѣжести и вкуса. Надо отдать справедливость здѣшнимъ свиньямъ: на взглядъ онѣ некрасивы, хуже нашихъ: низенькія, вмѣсто щетины, съ маленькою, рѣдкою и мягкою шерстью, похожей на пухъ, черезъ которую сквозитъ жиръ; спина вогнута, а брюхо касается земли. Онѣ не могутъ почти ходить отъ жиру, но вкусомъ необычайно нѣжны. За-то же здѣсь и обращаются съ ними весьма нѣжно. Я видѣлъ, ихъ везли цѣлый возъ на двухъ буйволахъ: каждая свинья помѣщалась въ особой, круглой плетенкѣ, сдѣланной по росту свиньи. Отъ этого не слышно пронзительнаго визга, какой у насъ иногда раздается по всей улицѣ. Въ другой разъ, два китайца несли на плечахъ, съ признаками большой осторожности, и даже, кажется, уваженія, такую корзину, въ которой небрежно покоилась свинья.

На всѣ такія мѣста, какъ Сингапуръ, то-есть торговыя и складочныя, я смотрю несовсѣмъ-благосклонно, или, лучше, несовсѣмъ-весело. На всемъ лежитъ печать случайности и необходимости, вынужденной обстоятельствами. Встрѣчаешь европейца и видишь, что онъ пріѣхалъ сюда на самое короткое время, для крайней надобности; даже у того, кто живетъ тутъ лѣтъ десять, написано на лицѣ: «только крайность заставляетъ меня томится здѣсь, а то вотъ при первой возможности уѣду». И на домѣ, кажется, написано: «меня бы не было здѣсь, еслибъ консулъ не былъ нуженъ: лишь только его не станетъ, я сейчасъ же сгорю, или развалюсь».

Мы съ Б. дѣлали наблюденія надъ всѣми сидѣвшими за

столомъ лицами, которыя стеклись съ разныхъ концовъ міра «для стяжаній», и тихонько сообщали другъ другу свои замѣчанія. Между-прочимъ наше вниманіе поразилъ одинъ молодой человѣкъ своей наружностью. «Посмотрите, какой красавецъ!» сказалъ баронъ, указывая на англичанина. «Непростительно-хорошъ!» отвѣчалъ я. Въ-самомъ-дѣлѣ, тонкій, нѣжный, матовый цвѣтъ кожи, голубые глаза, съ трепещущей влагой задумчивости, кудри мягкія, какъ лёнъ, легкія, граціозно-вьющіяся и осѣняющія нѣжное лицо; голосъ тихій. О, какой это счастливецъ бѣжалъ изъ Европы? Что̀ повлекло его сюда? уже ли золото? Быть бы ему между васъ, женщины; но изъ васъ только однѣ англичанки могутъ заплатить ему такой же красотой. Это британскій типъ красоты, нѣжной, чистой и умной, если можно такъ выразиться: тутъ не было никакихъ розъ, ни лилій, ни бровей дугой; все дѣло было въ чистотѣ и гармоніи линій и оттѣнковъ, какъ въ отлично-составленномъ букетѣ.

Я смотрѣлъ на красавца, слѣдилъ за его разговоромъ и мимикой: мнѣ хотѣлось замѣтить, знаетъ ли онъ о своей красотѣ, цѣнитъ ли ее, словомъ — фатъ ли онъ. Но тутъ не было женщинъ, а это только и можно узнать при нихъ. Бѣда такому красавцу: если уроду нужно много нравственныхъ достоинствъ, чтобъ не колоть глазъ своимъ безобразіемъ, то красавцу нужно ихъ чуть-ли не больше, чтобъ заставить простить себѣ красоту. Сколько надо одного ума, чтобъ не знать о ней! Но этого не бываетъ; надо искуственно дойти до потери сознанія о ней, забывать ее, то-есть, безпрестанно помнить, что надо забывать.

Мы посидѣли до вечера въ отелѣ, бесѣдуя съ сѣдымъ американскимъ шкиперомъ, который подсѣлъ къ намъ и разговорился о себѣ. Онъ съ-молоду странствуетъ по морямъ. Теперь онъ везетъ грузъ въ Англію, а оттуда его

черезъ шесть недѣль пошлютъ въ Нью-Йоркъ, потомъ въ Ріо-Жанейро. Такъ онъ провелъ сорокъ лѣтъ.

На возвратномъ пути опять надъ нами сіяла картина ночнаго неба: съ одной стороны Медвѣдица, съ другой Южный Крестъ, далѣе Канопусъ, Центавры, наконецъ могучій небесный странникъ, Юпитеръ, лили потоки лучей, а за ними, какъ розово-палевое зарево, сіялъ блескъ млечнаго пути. Черныя тучи, проносившіяся надъ картиной, казались еще чернѣя, по нимъ бороздоли молніи; весла опять дружно разгребали серебрянную влагу. Назади китайскій кварталъ блисталъ разноцвѣтными фонарями, развѣшенными у лавокъ; по рейду мелька корабельные огни. Мы пробирались мимо джонокъ, которыхъ уродливые силуэты тяжело покачивались крупными тѣнями, въ одно время, на фонѣ звѣзднаго неба и на водѣ. Ѣдешь: отъ воздуха жарко, отъ воды чуть-чуть вѣетъ прохлада. И круглый годъ такъ, круглый годъ — подумайте! тѣ же картины, то же небо, вода, жаръ! Какъ ни пріятно любоваться на страстную улыбку красавицы, съ влажными глазами, съ полуоткрытымъ, жарко-дышащимъ ртомъ, съ волнующейся грудью; но видѣть передъ собой только это лицо, и никогда не видѣть на немъ, ни заботы, ни мысли, ни стыдливаго румянца, ни печали — устанешъ и любоваться.

Мнѣ, однакожь, не прошелъ даромъ обѣдъ и двѣ рюмки шампанскаго. Только желѣзные желудки англичанъ могутъ безнаказанно придерживаться европейскаго режима въ пищѣ и своихъ привычекъ. Другіе, болѣе или менѣе, платятъ дань климату. Къ этому еще нестерпимая жара преслѣдуетъ и днемъ и ночью. Отворяешь двери, садишься на сквозномъ вѣтрѣ — ничего не помогаетъ. Ночной воздухъ стоитъ, какъ церемонный гость, у дверей и нейдетъ въ каюту, не сладитъ съ спершимся тамъ воздухомъ. Днемъ, облитыя ослѣ-

пительнымъ солнечнымъ блескомъ, воды сверкаютъ, какъ растопленное серебро; лучи снопами отвѣсно и неотразимо падаютъ на все—на скалы, на вершины пальмъ, на палубы кораблей, и преломляясь, льютъ каскады огня и блеска по сторонамъ. Бѣлая палуба блеститъ, какъ слоновая кость, песокъ на скалахъ бѣлѣетъ, какъ снѣгъ. Все бѣжитъ, прячется, защищается; европейцы, или сидятъ дома, или ѣдутъ въ шлюпкахъ подъ тентомъ, на берегу — въ каретахъ. Только индіецъ, растянувшись въ лодкѣ, спитъ, подставляя подъ лучи, то одинъ, то другой бокъ; закаленная кожа у него ярко лоснится, лучи скользятъ по ней, не проникая внутрь, да китайцы, съ полуобритой головой, машутъ весломъ, или ворочаютъ рулемъ, ѣдучи на баркѣ по рейду, а не то такъ работаютъ около европейскихъ кораблей, постукивая молоткомъ, или таская кладь. «Ахъ!» слышатся восклицанія: «скоро ли вернемся отсюда!» Пить хочется— а чего? вода теплая, отзывается чаемъ. Льду, льду бы, да снѣгу: не дымъ, а ледъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ!

Между-тѣмъ кругомъ все такъ пышно: панорамы роскошнѣе представить нельзя. Денное небо не хуже ночнаго. Одно облако проходитъ за другимъ и медленно тонетъ въ блескѣ небосклона. Зори горятъ розовымъ, фантастическимъ пламенемъ, облака здѣсь, какъ и въ атлантическомъ океанѣ, группируются чудными узорами.

А на берегу? Пальмы areca, съ своими темнозелеными листьями, которыхъ верхушки будто отрѣзаны, и все дерево точно щеголевато острижено, кокосовыя, съ развѣсистыми, длинными и острыми листьями, мускатныя, съ небольшимъ, ярко-зеленымъ, жирнымъ листомъ, далѣе померанцы, баніаны — вотъ кайма, окружавшая насъ! Вдругъ перемѣна декораціи: цвѣта блекнутъ на всемъ. Пошелъ дождь. Откуда взялось облако? Небо какъ-будто покрылось

простыней; полились потоки: въ пять, десять минутъ подставленныя бочки полны водой. Но вы не успѣли подумать о томъ, долго ли это продолжится, а оно ужь и кончилось. Опять сухо; грязи здѣсь не бываетъ: ступайте по травѣ, по землѣ — подошва суха.

Живутъ же люди въ этихъ климатахъ, и какъ дешево! Одежда — кусокъ полотна или бумажной матеріи около поясницы — и только; все остальное наружѣ; ни сапогъ, ни рубашекъ. У европейцевъ есть и то и другое, но какъ охотно они бросили бы эти то и другое, и пожалуй, еще и третье... панталоны! Пища — горсть рису, десертъ — ананасъ, стоющій грошъ, а если нѣтъ гроша, а затѣмъ и ананаса, то первый, выглянувшій изъ-за чужаго забора и ничего-нестоющій бананъ, а нѣтъ и этого, такъ просто поднятый на землѣ, упавшій съ дерева мускатный орѣхъ. Питье — если не вода, которая мутна, то всегда готовый къ вашимъ услугамъ, никому и всѣмъ принадлежащій кокосовый орѣхъ. Жить, то-есть спать, вездѣ можно: гдѣ ни лягте — тепло и сухо.

Кстати о кокосахъ. Недолго они нравились намъ. Если ихъ сорвать съ дерева, еще зеленые, и тотчасъ пить, то сокъ прохладенъ; но когда орѣхъ полежитъ нѣсколько дней, молоко согрѣвается и густѣетъ. Въ зрѣломъ орѣхѣ оно образуетъ внутри скорлупы твердую оболочку, какъ ядро нашихъ простыхъ орѣховъ. Мы дѣлали изъ ядра молоко, какъ изъ миндаля: оно жирно и приторно; такъ пить нельзя; съ чаемъ и кофе хорошо, какъ замѣна сливокъ.

Какую роль играетъ этотъ орѣхъ здѣсь, въ тропическихъ широтахъ! Его ѣдятъ и люди и животныя; сокъ его пьютъ; изъ ядра дѣлаютъ масло, составляющее одну изъ главныхъ статей торговли въ Китаѣ, на Сандвичевыхъ островахъ и въ многихъ другихъ мѣстахъ; изъ древесины

строютъ домы, листьями кроютъ ихъ, изъ чашекъ орѣха дѣлаютъ посуду.

Вотъ ананасы такъ всѣмъ намъ надоѣли: охотники ѣли по цѣлому въ день. Одинъ увѣрялъ, что будто съѣлъ три; мы приняли это за хвастовство. Верхушку ананаса срѣзываютъ здѣсь болѣе, нежели на вершокъ, и бросаютъ, не потому, чтобъ она была невкусна, а потому, что остальное вкуснѣе; потомъ рѣжутъ спиралью, вырѣзывая лишнее, шелуху и щели; сокъ течетъ по ножу и кусокъ ананаса таетъ во рту. У всѣхъ въ каютахъ висѣли ряды ананасовъ, но одинъ изъ нашихъ офицеровъ (съ другаго судна) замѣтилъ, что изъ зеленыхъ корней ананасовъ выползли три маленькіе скорпіона, которыхъ онъ принялъ сначала за пауковъ. Вскорѣ послѣ того одинъ изъ матросовъ, на томъ же суднѣ, былъ ужаленъ, вѣроятно однимъ изъ нихъ въ ногу, которая сильно распухла, но опухоль прошла, и дѣло тѣмъ кончилось.

Но что жь такое Сингапуръ? Я еще не сказалъ ничего объ этомъ. Это островокъ, въ нѣсколько миль величиной, лежащій у оконечности Малаккскаго полуострова, подъ 1° 30′ сѣв. шир., слѣдовательно, у самаго экватора. Онъ уступленъ англичанамъ, въ 1819 году, однимъ изъ малаккскихъ султановъ, которому они помогли утвердиться въ его владѣніяхъ. Надо знать, что не задолго предъ тѣмъ голландцы выхлопотали себѣ у другаго султана, соперника перваго, торговое поселеніе въ тѣхъ же мѣстахъ, именно въ проливѣ Ріо. Англичане имѣютъ такой обычай, что лишь зачуютъ гдѣ торговлю, то и явятся съ своими товарами: такъ они сдѣлали и тамъ. А у голландцевъ есть обычай не пускать другихъ туда, гдѣ торгуютъ они сами. Все это было причиною того, что Сингапуръ возникъ и процвѣлъ, а голландское поселеніе пало.

Стенъ Билль, командиръ датскаго корвета «Галатея» и авторъ путешествія, сравниваетъ нынѣшній Сингапуръ, въ торговомъ отношеніи, съ древней Венеціей. Сравненіе слабое, несовсѣмъ лестное для Сингапура. Что̀ такое капиталы временъ Венеціанской республики предъ британскими? Что̀ такое положеніе Венеціи, между тогдашнимъ Востокомъ и тогдашнимъ Западомъ, передъ положеніемъ Сингапура между Индіею, Китаемъ, Малаккскимъ полуостровомъ, Австраліею, Сіамомъ, Кохинхиной и Бирманской имперіей, которыя всѣ шлютъ продукты свои въ Сингапуръ и оттуда въ Европу? А чего не везутъ теперь изъ Европы сюда? Что̀ такое, наконецъ, такъ-называемая тогдашняя роскошь передъ нынѣшнимъ комфортомъ? Роскошь — порокъ, уродливость, неестественное уклоненіе человѣка за предѣлы естественныхъ потребностей, развратъ. Развѣ на развратъ и не уродливость платить тысячу золотыхъ монетъ за блюдо изъ птичьихъ мозговъ, или языковъ, или за филе изъ рыбы, не потому, чтобъ эти блюда были тоньше вкусомъ прочихъ, недорогихъ, а потому, что этихъ мозговъ и рыбъ не напасешься? Или, не безуміе ли обѣдать на такомъ сервизѣ, какого нѣтъ ни у кого, хоть бы пришлось отдать за него половину имѣнія? Не глупость ли заковывать себя въ золото и каменья, въ которыхъ поворотиться трудно, или надѣвать кружева, чуть не изъ паутины, и бояться сѣсть, облокотиться?

Венеціанскіе граждане (если только слово «граждане» не насмѣшка здѣсь) дѣлали все это; они сидѣли на бархатныхъ, но жесткихъ скамьяхъ, спали на своихъ колючихъ глазетовыхъ постеляхъ, ходили по своимъ великолѣпнымъ площадямъ ощупью, въ темнотѣ, и едва-ли имѣли хоть немного приблизительное къ нынѣшнему, вѣрное понятіе объ искусствѣ жить, то-есть извлекать изъ жизни весь смыслъ, весь здоровый и свѣжій сокъ.

Тщеславіе и грубое излишество въ наслажденіяхъ — вотъ отличительныя черты роскоши. Оттого роскошь недолговѣчна: она живетъ лихорадочною и эфемерною жизнью; никакіе Крёзы не достигаютъ до геркулесовыхъ столповъ въ ней; она падаетъ, истощившись въ насыщеніи, увлекая паденіемъ и торговлю. Рядомъ съ роскошью всегда таится невидимый ея врагъ—нищета, которая сторожитъ минуту, когда мишурная богиня зашатается на пьедесталѣ: она быстро, въ циническихъ лохмотьяхъ своихъ, сталкиваетъ царицу, садится на ея престолъ и гложетъ великолѣпные остатки.

Вспомните не одну Венецію, а хоть Испанію напримѣръ: ужь, кажется, трудно выдумать наряднѣе эпанчу, а въ какую дырявую мантію нарядилась она послѣ! Да однѣ ли Испанія и Венеція?...

Гдѣ роскошь, тамъ нѣтъ торговли; это конвульсивные, отчаянные свачки черезъ препятствія, courses aux clochers: перескачетъ, схватитъ призъ и сломаетъ ноги.

Не таковъ комфортъ: какъ роскошь есть безуміе, уродливое и неестественное уклоненіе отъ указанныхъ природой и разумомъ потребностей, такъ комфортъ есть разумное, выработанное до строгости и тонкости удовлетвореніе этимъ потребностямъ. Для роскоши нужны богатства; комфортъ доступенъ при обыкновенныхъ средствахъ. Богачъ уберетъ свою постель валансьенскими кружевами; комфортъ потребуетъ тонкаго и свѣжаго полотна. Роскошь садится на инкрюстированномъ золоченомъ креслѣ, ѣстъ на золотѣ и на серебрѣ; комфортъ требуетъ не золоченаго, но мягкаго, покойнаго кресла, хотя и не изъ рѣдкаго дерева; для стола онъ довольствуется фаянсомъ, или, много, фарфоромъ. Роскошь потребуетъ рѣдкой дичи, фруктовъ не по сезону; комфортъ будетъ придерживаться

своего обыкновеннаго стола, но за-то онъ потребуетъ его вездѣ, куда ни забросить судьба человѣка: и въ Африкѣ, и на Сандвичевыхъ островахъ, и на Норд-Капѣ — вездѣ нужны ему свѣжіе припасы, мягкая говядина, молодая курица, старое вино. Вездѣ онъ хочетъ находить то сукно и шелкъ, въ которое одѣвается въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Петербургѣ; вездѣ къ его услугамъ долженъ быть готовъ сапожникъ, портной, прачка. Роскошь старается, чтобъ у меня было тò, чего не можете имѣть вы; комфортъ, напротивъ, требуетъ, чтобъ я у васъ нашелъ то, что привыкъ видѣть у себя.

Задача всемірной торговли и состоитъ въ томъ, чтобъ удешевить эти предметы, сдѣлать доступными вездѣ и всюду тѣ средства и удобства, къ которымъ человѣкъ привыкъ у себя дома. Это разумно и справедливо; смѣшно сомнѣваться въ будущемъ успѣхѣ. Торговля распространилась всюду и продолжаетъ распространяться, разнося по всѣмъ угламъ міра плоды цивилизаціи. Вопросъ этотъ важнѣе, нежели какъ кажется съ перваго раза. Комфортъ и цивилизація почти синонимы, или, точнѣе, первое есть неизбѣжное, разумное послѣдствіе втораго. И торговля не падетъ никогда, удовлетворяя, хотя тонкимъ, но разумнымъ потребностямъ большинства, а не безумнымъ прихотямъ немногихъ. Дѣло вполовину уже и сдѣлано. Куда европеецъ только занесетъ ногу, вездѣ вы тамъ подъ знаменемъ безопасности, обилія, спокойствія и того благосостоянія, которымъ наслаждаетесь дома, протягивая, конечно, ножки по одёжкѣ.

Сингапуръ — одинъ изъ всемірныхъ рынковъ, куда пока еще стекается все, чтò нужно и ненужно, чтò полезно и вредно человѣку. Здѣсь необходимыя ткани и хлѣбъ, отрава и цѣлебныя травы. Нѣмцы, французы, англичане, амери-

ванцы, армяне, персіяне, индусы, китайцы—все пріѣхало продать и купить: другихъ потребностей и цѣлей здѣсь нѣтъ. Роскошь посылаетъ сюда за тонкими ядами и пряностями, а комфортъ шлетъ платье, бѣлье, кожи, вино, заводитъ дороги, домы, прорубается въ глушь...

Чтожь значитъ старая Венеція, съ своими золочеными галерами, передъ этими уродливыми джонками, или остиндскими судами, полными огромныхъ, сырыхъ и воздѣланныхъ богатствъ?

Еще слово: что̀ было недоступною роскошью для немногихъ, то̀, благодаря цивилизаціи, дѣлается доступнымъ для всѣхъ: на Сѣверѣ ананасъ стоитъ пять, десять рублей, здѣсь — грошъ: задача цивилизаціи — быстро переносить его на Сѣверъ и вогнать въ пятакъ, чтобъ вы и я лакомились имъ.

Прогрессъ сдѣлалъ уже много побѣдъ. Прочтите описаніе кругосвѣтнаго путешествія, совершеннаго пятьдесятъ лѣтъ назадъ. Что это было? — пытка! Путешественникъ проходилъ сквозь строй лишеній, нуждъ, питался соленымъ мясомъ, пилъ воду, зажавъ носъ; дрался съ дикими. А теперь? Вы едва являетесь въ портъ къ индійцамъ, къ китайцамъ, къ дикимъ — васъ окружаютъ лодки, какъ окружили онѣ здѣсь насъ: прачка-китаецъ, или индіецъ, беретъ ваше тонкое бѣлье, крахмалитъ, моетъ, какъ въ Петербургѣ; является портной, съ длинной косой, въ кофтѣ и шароварахъ, показываетъ образчики суконъ, матерій, снимаетъ мѣрку и шьетъ европейскій костюмъ; съѣдете на берегъ — жители не разбѣгаются въ стороны, а встрѣчаютъ толпой, не затѣмъ, чтобъ драться, а чтобъ предложить карету, носилки, проводить въ гостинницу. Тамъ тотъ же мягкій бифстекстъ, тотъ же лафитъ, хересъ и чистая постель, какъ въ Европѣ.

Я дня два не съѣжалъ на берегъ. Больной, стоялъ я, облокотясь на сѣтки, и любовался на небо, на окрестные острова, на лѣса, на разбросанныя по берегамъ хижины, на рейдъ, съ движущеюся картиной джонокъ, лодокъ, вглядывался въ индійскія, китайскія физіономіи, прислушивался къ говору.

Особенно-любопытно было видѣть, какъ наши матросы покупали у туземцевъ фрукты, потомъ разныя вещи, ящички, вѣеры, простыя матеріи и т. п. Что̀ за языкъ придумали они — и понимали другъ друга! Ѳаддеевъ, по моему порученію, возьметъ деньги, спустится на лодки купить ананасовъ, или что-нибудь другое: вижу, онъ споритъ тамъ, сердится; наконецъ торгъ заключается и онъ приноситъ что̀ нужно. «Черти этакіе: съ ними не сообразишь!» говорилъ онъ, воротясь: «вчера полшильника просилъ, а теперь хочетъ *шильникъ*» (шиллингъ).—«Да какъ ты тамъ говоришь съ ними?» — «По англичански». — «Ка̀къ ты спросишь?» — «А вотъ возьму въ руку вещь, да и спрошу *омачъ?*» (how much? что̀ стоитъ?).

Наконецъ мнѣ стало легче, и я поѣхалъ въ Сингапуръ съ нѣсколькими спутниками. Здѣсь есть громкое коммерческое имя Вампоа. Въ Кантонѣ такъ называется бухта, или верфь; оттуда ли родомъ сингапурскій купецъ — не знаю, только и его зовутъ Вампоа. Онъ ужь лѣтъ двадцать какъ выѣхалъ изъ Китая и поселился здѣсь. Онъ не можетъ воротиться домой, не заплативъ... взятки. Да едва-ли теперь есть у него и охота къ тому. У него богатые магазины, домы и великолѣпная вилла; у него наши запасались всѣмъ; къ нему же въ лавку отправились и мы.

При входѣ сидѣлъ претолстый китаецъ, одѣтый, какъ всѣ они, въ каленкоровую кофту, въ синіе шаравары, въ туфляхъ, съ чрезвычайно-высокой замшевой подошвой,

такъ-что на ней едва можно ходить, а побѣжать нѣтъ возможности. Голова, разумѣется, полуобрита спереди, а сзади коса. Тутъ былъ прикащикъ-англичанинъ и нѣсколько китайцевъ. Толстякъ и былъ хозяинъ. Лавка похожа на магазины цѣлаго міра, съ прибавленіемъ китайскихъ издѣлій, лакированныхъ ларчиковъ, вѣеровъ, разныхъ мелочей изъ слоновой кости, изъ пальмоваго дерева, съ рѣзьбой и т. п.

Взглянувъ на этотъ базаръ, мы поѣхали опять по городу, по всѣмъ кварталамъ — по малайскому, индійскому и китайскому, зажимая частенько носъ, и велѣли остановиться передъ буддійской кумирней. На улицу выходятъ на глухо запертыя ворота, съ рѣшетчатымъ заборомъ, изъ-за котораго видна крыша съ загнутыми углами. Все это ярко, пестро разрисовано красной, зеленой и желтой красками. Прислужникъ-индіецъ отперъ намъ калитку и мы вошли на чистый, вымощенный каменными плитами, большой дворъ. Направо колодезь, потомъ пустая стѣна, и въ углу открытая со всѣхъ сторонъ кухня. Тутъ, на плитахъ и на жаровняхъ, жарились и варились, шипя, разныя яства. Около суетилось нѣсколько китайцевъ; налѣво, посрединѣ стѣны, была маленькая кумирня, съ жертвенникомъ, идолами, курящимися благовонными и восковыми свѣчами. На колѣняхъ передъ жертвенникомъ стоялъ бонзъ: ударяя палочкой въ маленькій, круглый барабанъ, онъ читалъ нараспѣвъ по книгѣ, немного въ носъ. Тутъ же, въ часовнѣ, сидѣло около стола нѣсколько китайцевъ и шили что-то, не обращая ни малѣйшаго вниманія на монаха. Я заглянулъ ему въ лицо: блѣденъ, худъ, глаза закрыты.

Весь дворъ усаженъ по стѣнамъ банановыми, пальмовыми и мускатными деревьями. Посреди двора стояла главная кумирня—довольно-обширное, открытое со всѣхъ сторонъ зданіе, подъ тремя или четырьмя кровлями, все съ за-

гнутыми углами. Сколько позолоты, рѣзьбы, мишурныхъ украшеній, поддѣльныхъ камней, и какое безвкусіе въ этой восточной пестротѣ! Китайцы и индійцы, кажется, сообща приложили, каждый свой вкусъ, къ постройкѣ и украшеніямъ зданія: оттого никакъ нельзя, глядя на эту груду камней, мишурнаго золота, полинялыхъ тканей, съ примѣсью живыхъ цвѣтовъ, составить себѣ идею о стилѣ зданія и украшеній. Внутри кумирни помѣщались три ниши съ идолами; кругомъ крытая галерея. Рѣзная работа всюду: на перилахъ, на стѣнахъ; даже гранитные, поддерживающіе крышу столбы, тоже изваяны грубо и представляютъ животныхъ. Между идолами стоитъ Будда, съ своими двумя прислужниками, и какая-то богиня, еще два другіе идола—всѣ съ чудовищно-безобразными лицами. Тутъ, между-прочимъ, есть фигура—эмблема настоящаго, прошедшаго и будущаго. Передъ идолами горѣли тоненькія, длинныя свѣчи. Я хотѣлъ посмотрѣть, изъ какого дерева, и спросилъ одну. Индіецъ тотчасъ взялъ, зажегъ и подалъ мнѣ, но О. А. проворно сказалъ: «плюньте, бросьте: это онъ хочетъ, чтобъ вы идолу свѣчку поставили!»

Изъ буддійской кумирни мы поѣхали въ индійское капище, къ поклонникамъ Брамы. Черезъ довольно-высокую башню, изъ дикихъ, грубо-отесанныхъ камней, входишь на просторный, обсаженный деревьями дворъ. Прямо крытая галерея, на столбахъ, ведетъ въ капище. Но едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, насъ остановилъ индіецъ, читавшій на-распѣвъ книгу, и молча указалъ намъ на сапоги, предлагая, или снять ихъ, или не ходить дальше. Мы остановились и издали смотрѣли въ кумирню, но тамъ нѣчего было смотрѣть: тѣ же три ниши, что у буддистовъ, съ позолоченными идолами, но безъ пестроты, украшенными только живыми цвѣтами. Въ галереѣ, внѣ часовни, сто-

ялъ деревянный конь, похожій на нашихъ балаганныхъ коньковъ, но въ натуральную величину, весь расписанный, съ разными привѣсками и украшеніями, назначенный для торжественныхъ процессій, какъ объяснилъ намъ кое-какъ индіецъ.

Мы пошли назадъ; индіецъ принялся опять вопить по книгѣ, а другіе два усѣлись на пятки слушать; четвертый вынесъ намъ изъ ниши розъ на блюдѣ. Мы заглянули по сосѣдству и въ малайскую мечеть. «Это я и въ Казани видѣлъ», сказалъ одинъ изъ моихъ товарищей, посмотрѣвъ на голыя стѣны.

Мы вышли и поѣхали по улицамъ, по рѣчкѣ.... Вдругъ насъ поразили звуки какой-то странной музыки.

По улицѣ тянулась процессія, но, благодаря лепетанью китайцовъ, мы не могли узнать, какая, только печальная. Одинъ твердилъ, на наши вопросы, «sick» (больной), но спутникъ нашъ, бывшій въ Китаѣ, объяснилъ, что это поминки по умершемъ. Двухъ женщинъ, закрытыхъ съ головы до ногъ кисейнымъ покрываломъ, вели подъ-руки. Впереди шли жрецы, потомъ какіе-то оборванцы въ рубищахъ, которые кричали; музыканты съ гонгами шли впередъ. Мы вышли изъ каретъ и вмѣшались въ процессію. Я не скажу, чтобъ музыка была совсѣмъ нескладна—нѣтъ, въ ней есть мелодія, но скудная и странная. Процессія повернула въ узкій переулокъ, а мы отправились въ отель, на балконъ, сидѣть и лѣниться.

На слѣдующій день мы собрались осмотрѣть *новую гавань* и пришедшій изъ Австраліи пароходъ. Мы поѣхали въ гичкѣ. Погода была—превосходная, сказалъ бы я, еслибъ здѣсь была когда-нибудь другая. Мы въѣхали въ узенькій проливъ, между Сингапуромъ и другими маленькими островами, покрытыми ярко изумруднаго цвѣта зеленью.

Солнце такъ и лило потоки язвительныхъ лучей на скалы. Страшно подумать взойти туда, подъ эти стрѣлы, а китайцы и малайцы ползали тамъ голые, нѣкоторые безъ шляпъ. Отъ здѣшнихъ лучей, если они застанутъ европейца съ обнаженной головой, надо бѣжать прятаться подъ кровъ попроворнѣе, нежели иногда бѣжишь подъ крышу отъ ливня.

Европейскія дачи, деревеньки, берега — все тонетъ въ зелени; вездѣ густая трава и пальмы. Наконецъ пристали къ пристани и пошли на пароходъ. Но что̀ мнѣ пароходъ? Я вошелъ на-минуту, да и долой, а товарищи мои, моряки, начали вглядываться во всякую гайку, винтъ. Я пошелъ по пристани. Запасные пакгаузы заперты тяжелыми дверьми, за которыми хранятся грузы, ожидающіе кораблей, для развоза въ Европу, въ Китай, или Австралію. Они стоятъ безмолвные теперь; но чуть завѣетъ ожидаемый флагъ, эти двери изрыгнутъ мильйоны, или поглотятъ ихъ. Тутъ же выстроены обширные угольные сараи. Болѣе сотни китайцевъ брали кули, пуда въ три-четыре, легко и ловко взбрасывали ихъ себѣ на шею и мчались во всю мочь на пароходъ, подъ этимъ солнцемъ, когда дышешь будто огнемъ. А они ничего: тѣло обнажено, голова открыта, потому-что въ тростниковой широкой шляпѣ неловко было бы носить на шеѣ кули; только косы, чтобъ не мѣшали, подобраны на затылкѣ, какъ у женщинъ. У многихъ совершенно женскія лица, гладкія; борода и усы почти не растутъ, а они еще ихъ брѣютъ до-нельзя. Много видно умныхъ, или, лучше сказать, смышлёныхъ, а болѣе лукавыхъ лицъ.

Мы прошли около всѣхъ этихъ торговыхъ зданій, пакгаузовъ, вошли немного на холмъ, къ кустамъ, подъ тѣнь пальмъ. «Ахъ, еслибъ напиться!» говорили мы: но чего?

*

Тутъ берегъ пустой и только-что разработывается. Къ-счастью наши матросы накупили себѣ ананасовъ и подѣлились съ нами, вырѣзывая такъ искусно средину спиралью, что любому китайцу въ-пору.

Мы черезъ рейдъ отправились въ городъ, гоняясь по дорогѣ съ какой-то англійской яхтой, которая ложилась, то на правый, то на лѣвый галсъ, граціозно описывая круги. Но и наши матросы молодцы: въ бѣлыхъ рубашкахъ, съ синими каймами по воротникамъ, въ бѣлыхъ же фуражкахъ, съ разстегнутой грудью, они, при словѣ: «навались! дай ходъ!» разомъ вытягивали мускулистыя руки, всѣ шесть головъ падали на весла, и какъ львы, дерующіе когтями землю, раздирали веслами упругую влагу.

Мы въѣхали въ рѣчку и пошли бродить по знакомымъ уже рядамъ и улицамъ. Но глазъ—несмотря на все разнообразіе лицъ и пестроту костюмовъ, на наготу и разноцвѣтность тѣлъ, на стройность и грацію индійцевъ, на суетливыхъ, желтоватыхъ китайцевъ, на коричневыхъ малайцевъ, у которыхъ ротъ, отъ безпрерывной жвачки бетеля, похожъ на трубку, изъ которой лѣтъ десять курили жуковскій табакъ, на груды товаровъ, фруктовъ, на богатую и яркую зелень, несмотря на все это, или, пожалуй, смотря на все, глазъ скоро утомляется, ищетъ чего-то и не находитъ: въ этой толпѣ нѣтъ самой живой ея половины, ея цвѣта, роскоши — женщинъ.

Представьте, что изъ шестидесяти тысячъ жителей, женщинъ только около семисотъ. Европеянокъ, женъ, дочерей консуловъ и другихъ, живущихъ по торговлѣ лицъ, немного, и тѣ, какъ цвѣты сѣвера, прячутся въ тѣнь, а китаянокъ и индіянокъ еще меньше. Мы видѣли въ предмѣстьяхъ нѣсколько китайскихъ противныхъ старухъ; молодыхъ почти ни одной; но за-то видѣли нѣсколько моло-

дыхъ и довольно-красивыхъ индіянокъ. Огромныя золотыя серьги, кольца, серебряные браслеты на рукахъ и ногахъ, бросались въ глаза.

Европеянокъ можно видѣть у нихъ дома, или съ пяти часовъ до семи, когда онѣ катаются по эспланадѣ, опрокинувшись на эластическія подушки щегольскихъ экипажей, въ легкихъ, прозрачныхъ, какъ здѣшній воздухъ, тканяхъ, и въ шляпкахъ, неменѣе-легкихъ, à jour: точно бабочка сидитъ на головѣ. Эти лэди лѣниво проѣдутъ по прекрасной дорогѣ, подъ тѣнью великолѣпныхъ баніановъ, пальмъ, близь зеленой пелены водъ, бахрамой разсыпающихся у самыхъ колесъ. Я только не понимаю одного: какъ чопорныя англичанки, къ которымъ въ спальню не смѣетъ войти родной братъ, при которыхъ нельзя произнести слово «панталоны», живутъ между этимъ народонаселеніемъ, которое ходитъ вовсе безъ панталонъ? Развѣ онѣ такъ вооружены аристократическимъ презрѣніемъ ко всему, что̀ ниже ихъ, какъ римскія матроны, которыя, не зная чувства стыда передъ рабами, мылись при нихъ и не удостоивали ихъ замѣтить?... Можетъ-быть и то: видно климатъ мѣняетъ нравы.

Еще одно, послѣднее сказаніе о Сингапурѣ, или скорѣе о дачѣ Вампоа. Купецъ этотъ пригласилъ насъ къ себѣ, не назначивъ, кого именно, въ какомъ числѣ, а просто сказалъ, что ожидаетъ къ себѣ въ четыре часа, и просилъ заѣхать къ нему въ лавку, откуда вмѣстѣ и поѣхать. Мы отправились впятеромъ и застали его въ лавкѣ, неподвижно, съ важностью Будды, сидящаго на своемъ мѣстѣ. Онъ двоихъ пригласилъ сѣсть съ собой въ карету, и самъ, ка̀къ сидѣлъ въ лавкѣ, такъ въ той же кофтѣ, безъ шапки, и шагнулъ въ экипажъ. Прочіе размѣстились въ наемныхъ каретахъ. До дачи было мили три, то-есть

около четырехъ верстъ. Вотъ моціонъ для кучеровъ—бѣгомъ, по жарѣ!

Гладкая, окруженная канавками дорога шла между плантацій, фруктовыхъ деревьевъ, или низменныхъ и болотистыхъ полей. Съ дороги уже видны густые, непроходимые лѣса, въ которыхъ гнѣздятся рыси, лѣнивцы, но всего болѣе тигры. Этихъ животныхъ не было, когда островъ Сингапуръ былъ пустъ, но лишь-только онъ населился, какъ съ Малаккскаго полуострова стали переправляться эти звѣри и тревожить людей и домашнихъ животныхъ. Спортсменовъ еще не явилось для истребленія звѣрей, а теперь пока звѣри истребляютъ людей. Сингапуръ еще ожидаетъ своихъ Немвродовъ. Говорятъ, тигры здѣсь такъ же велики и сильны, какъ на индійскомъ полуостровѣ: они одной породы съ ними. Круглымъ счетомъ истребляется звѣрями по человѣку въ два дня; особенно погибаетъ много китайцевъ, вѣроятно, потому, что ихъ тутъ до сорока, а прочихъ жителей до двадцати тысячъ. При насъ однако съ людьми ничего не случилось; но у одного китайца, который забрался подальше въ лѣсъ, тигръ утащилъ собаку.

Мы ѣхали около часа, какъ вдругъ наши кучера, въ одномъ мѣстѣ, съ дороги бросились и потащили лошадей и экипажъ въ кусты. «Куда это? ужь не тигръ ли встрѣтился?»—«Нѣтъ, это аллея, ведущая къ дачѣ Вампоа».

Что это такое? какъ я ни былъ приготовленъ найти что-нибудь оригинальное, какъ много ни слышалъ о томъ, что Вампоа богатъ, что онъ живетъ хорошо, но то̀, что̀ мы увидѣли, далеко превзошло ожиданіе. Онъ тотчасъ повелъ насъ показать садъ, которымъ окружена дача. Про китайскіе сады говорятъ много хорошаго и дурнаго. Одни утверждаютъ, что у китайцевъ вовсе нѣтъ чистаго вкуса, что они насилуютъ природу, устраивая у себя въ садахъ

миньятюрныя горы, озера, скалы, что̀ давно признано смѣшнымъ и уродливымъ: а одинъ изъ нашихъ спутниковъ, прожившій десять лѣтъ въ Пекинѣ, сказывалъ, что китайцы, напротивъ, вѣрнѣе всѣхъ понимаютъ искусство садоводства, что они прорываютъ скалы, даютъ по произволу теченіе ручьямъ и устраиваютъ все то, о чемъ сказано, но не въ такихъ жалкихъ, а напротивъ грандіозныхъ размѣрахъ и что пекинскіе богдыханскіе сады представляютъ неподражаемый образецъ въ этомъ родѣ. Чему вѣрить? и тому и другому: что богдыханскіе сады устроены грандіознѣе и шире другихъ—это понятно; что у частныхъ людей это сжато, измельчено—тоже понятно. Но посмотримъ, каковъ садъ Вампоа.

Отъ дома шли большею частью узенькія аллеи во всѣ стороны, обсаженныя, или крупной породы деревьями, или кустами, или наконецъ цвѣтами. Хозяинъ, не только охотникъ, но и знатокъ дѣла. Онъ подробно объяснилъ намъ свойства каждаго растенія, которыя разсажены въ систематическомъ порядкѣ. Не стану исчислять всего, да и не съумѣю, отчасти потому, что забылъ, отчасти не разобралъ половину англійскихъ названій хорошенько, хотя Вампоа, живущій лѣтъ двадцать въ Сингапурѣ, говоритъ по-англійски какъ англичанинъ. «Вотъ гвоздичное, вотъ перцовое дерево», говорилъ хозяинъ, подводя насъ къ каждому кусту: «вотъ саговая пальма, терновыя яблоки, хлопчато-бумажный кустъ, хлѣбный плодъ» и т. д., словомъ, все, что̀ производитъ Индія.

Между цвѣтами особенно интересны водяныя растенія, исполинскія лиліи и лотосъ: они росли въ наполненной водою канавѣ. Замѣчателенъ также растущій въ наполненной водою же, громадной вазѣ, кустъ, похожій немного на плющъ, привезенный сюда изъ Китая. Кру-

гомъ корня, въ вазѣ, плавали золотыя рыбки. Кустъ этотъ, по объясненію хозяина, ростетъ такъ сильно, что если ему дать волю, то года черезъ два имъ покроется весь садъ, и между-тѣмъ, кромѣ воды, ему никакой почвы не нужно. Не знаю, правда ли это. Тутъ же смотрѣли мы красивое растеніе, листья котораго, сначала темнокрасные и угловатые, по мѣрѣ созрѣванія, переходятъ въ зеленый цвѣтъ и получаютъ гладкую, продолговатую форму. Бамбукъ и бананникъ разсажены въ саду, въ видѣ шпалеры, какъ загородки. Цвѣтовъ не оберешься, и одни великолѣпнѣе другихъ. Тутъ же было нѣсколько грядъ съ ананасами.

Я не пересказалъ и двадцатой доли всего, что̀ тутъ было: меня, какъ простаго любителя, незнатока, занималъ болѣе общій видъ сада. Да̀, это Индія и Китай вмѣстѣ. Вотъ эти растенія, чада тропическихъ лучей, нѣжно-воспитанные любимцы солнца, аристократія природы! Все пышно убрано, или цвѣтуще, или ароматично; все носитъ въ себѣ тонкій даръ природы, назначенный не для простыхъ и грубыхъ надобностей. Тутъ не добудешь дровъ и не насытишь грубаго голода, не выстроишь ни дома, ни корабля: наслаждаешься этими тонкими издѣліями природы, какъ произведеніями искусствъ. На каждомъ деревѣ и кустѣ лежитъ такая своеобразная и яркая красота, что не пройдешь мимо его незамѣтно, не смѣшаешь одного съ другимъ. И Вампоа, мастерски, съ умомъ и любовью, расположилъ растенія въ своему саду, какъ картины въ галереѣ.

Кромѣ растеній, въ саду есть помѣщенія для разныхъ животныхъ. Настроено нѣсколько башенокъ, съ рѣшетчатыми вышками, для голубей, которые мельче, но пестрѣе и красивѣе нашихъ, а для фазановъ и другихъ птицъ постав-

лена между кустами огромная проволочная клѣтка. Мы вошли въ нее, и испуганные павлины, цапли и еще какія-то необыкновенныя бѣлыя утки, съ красными наростами около носа и глазъ, какъ у пьяницъ, стаей бросились отъ насъ въ разныя стороны. Перешли мостикъ, мимо водяныхъ растеній, и подошли къ сараю, гдѣ тоже шарахнулись по угламъ отъ насъ дикія козы и малорослые олени. Особо, тутъ же, за проволочной дверью, сидѣлъ казуаръ—высокая, сильная птица, съ толстыми ногами и ступнями, похожими на лошадиныя. Хозяинъ сказывалъ, что казуаръ лягается ногами почти такъ же сильно, какъ лошадь. Но при насъ онъ выказывалъ себя съ самой смѣшной стороны. Когда мы подходили къ его клѣткѣ, онъ поспѣшно удалялся отъ насъ, метался во всѣ четыре угла, какъ-будто отъискивая еще пятаго, чтобъ спрятаться; но когда мы уходили прочь, онъ бѣжалъ къ двери, сердился, поднималъ ужасную возню, топалъ ногами, билъ крыльями въ дверь, клевалъ ее—словомъ, такъ и просился, по характеру, въ басни Крылова.

Наконецъ хозяинъ показалъ послѣдній замѣчательный предметъ—превосходную арабскую лошадь, совершенно-бѣлую, съ серебристымъ отливомъ. Замѣтно, что онъ холитъ ее: она такъ же почти толста и гладка, какъ онъ самъ.

Мы пошли въ домъ. Онъ еще замѣчательнѣе сада.

Изъ просторныхъ сѣней, съ рѣзными дверями, мы поднялись, по деревянной, устланной цыновками лѣстницѣ, вверхъ, въ полумрачныя отъ жалюзи комнаты, сообщающіяся круглыми дверьми. Вездѣ стѣны и мебель тонкой рѣзной работы, золоченыя ширмы, длинныя крытыя галереи, со всѣми затѣями утонченной роскоши; бронза, фарфоръ; по стѣнамъ фигуры, арабески.

Европейскій комфортъ и восточная роскошь подали

здѣсь другъ другу руку. Это дворецъ невидимой феи, индійской пери, самой Сакунталы, можетъ-быть. Вотъ, кажется, слѣды ея ножекъ: вотъ кровать, закрытая едва-осязаемой кисеей, висячія лампы и цвѣтные китайскіе фонари, роскошный европейскій диванъ, а рядомъ длинное и широкое бамбуковое кресло. Здѣсь рѣзныя золоченыя колоны, служащія преддверіемъ ниши, гдѣ богиня покоится въ жаркіе часы дня, подъ дуновеніемъ висячаго вѣера.

Но богини нѣтъ: около насъ ходитъ, будто самъ индійскій идолъ — эмблема обилія и плодородія, Вампоа. Не-уже-ли это онъ отдыхаетъ подъ кисеей въ нишѣ, на него вѣетъ прохладу вѣеръ, его закрываютъ ревнивыя жалюзи и золоченыя рѣзныя ширмы отъ жара? Будто? А зачѣмъ же въ домѣ три или четыре спальни? Чьи, вонъ это, крошечныя туфли прячутся подъ постель? Чьи это мелочи, корзиночки? Кто тутъ садится около круглаго стола, на которомъ разбросаны шелкъ, нитки и другіе слѣды рукодѣлья?

Всѣ комнаты оживлены чьимъ-то таинственнымъ присутствіемъ: много цвѣтовъ, китайская библіотека, вазы, ларчики. Мы пріѣздомъ своимъ какъ-будто спугнули кого-то. Но въ домѣ не слыхать ни шороха, ни шелеста. А вонъ два-три туалета: нѣтъ сомнѣнія, у Вампоа есть жена, можетъ-быть, двѣ-три. Гдѣ жь онѣ? Что̀ эта вилла безъ нихъ, съ своей позолотой, огромными зеркалами, рѣзными шкапами и другими чудесами китайской природы и искусства, не исключая и хозяина?

Хозяинъ пригласилъ насъ въ гостиную, за большой круглый столъ, уставленный множествомъ тарелокъ и блюдъ съ свѣжими фруктами и вареньями. Потомъ слуги принесли графины съ хересомъ, портвейномъ, и бутылки съ элемъ. Мы попробовали послѣдняго и не могли опом-

ниться отъ удовольствія: пиво было холодно, какъ ледъ, такъ-что у меня занылъ зубъ. Подали воды, тоже прехолодной. Хозяинъ объяснилъ, что у него есть глубокіе подвалы; сверхъ-того, онъ нарочно велѣлъ нахолодить пиво и воду селитрой.

Мы стали сбираться домой, обошли еще разъ всѣ комнаты, вышли на идущія кругомъ дома галереи: что̀ за виды! какой пламенный закатъ! Какой пожаръ на горизонтѣ! въ какія краски одѣлись эти деревья и цвѣты! ка̀къ жарко дышатъ они! Уже-ли это то солнце, которое свѣтитъ у насъ? Я вспомнилъ косвенные, блѣдные лучи, потухающіе на березахъ и соснахъ, остывшія, съ послѣднимъ лучомъ, нивы, влажный паръ засыпающихъ полей, блѣдный слѣдъ заката на небѣ, борьбу дремоты съ дрожью въ сумерки и мертвый сонъ въ ночи усталаго человѣка—и мнѣ вдругъ захотѣлось туда, въ ту милую страну, гдѣ... похолоднѣе.

Мы уѣхали. Дорогой я видѣлъ, ка̀къ, сквозь багровое зарево заката, блѣдно мерцали уже звѣзды, готовясь вдругъ вспыхнуть, лишь только изчезнетъ солнце. Скоро яркій пурпурный блескъ уступилъ мягкимъ, нѣжнымъ тонамъ, и мы еще не доѣхали до города, какъ небо, лѣсъ—все стало другое.

Въ городѣ уже сіяли огни; особенно-ярко освѣщаются китайскіе ряды разноцвѣтными бумажными фонарями. На эспланадѣ, подъ баніаномъ, гремѣла музыка. Мы остановились тутъ и пробыли до глубокой ночи. Въ темнотѣ я наткнулся на какого-то француза, съ которымъ разговорился о городѣ, о жителяхъ, о странѣ. Я спросилъ его, между-прочимъ, какъ четыреста человѣкъ европейцевъ мирно уживаются съ шестьюдесятью тысячами народонаселенія, при рѣзкомъ различіи ихъ въ вѣрѣ, понятіяхъ, цивилизаціи?

Онъ сказалъ, что полиція, которая большею частью состоитъ изъ сипаевъ, то-есть служащихъ въ англійскомъ войскѣ индійцевъ, довольно-многочисленна и бдительна, притомъ всѣ цвѣтныя племена питаютъ глубокое уваженіе къ бѣлымъ.

Въ началѣ іюня мы оставили Сингапуръ. Недѣли было черезчуръ много, чтобъ познакомиться съ этимъ мѣстомъ. Еслибъ мы еще остались день, то не знали бы что̀ дѣлать отъ скуки и жара. Нѣтъ, Индія не по насъ! И англичане бѣгутъ изъ нея, при первомъ удобномъ случаѣ, спасаться отъ климата, на мысъ Доброй Надежды, въ портъ Джаксонъ — словомъ, дальше отъ экватора, отъ этихъ палящихъ дней, отъ безпрохладныхъ ночей, отъ мѣстъ, гдѣ нельзя безнаказанно ѣсть и пить, какъ ѣдятъ и пьютъ англичане.

Я радъ, что былъ въ Сингапурѣ, но оставилъ его безъ сожалѣнія; и если возвращусь туда, то безъ удовольствія, и только по-неволѣ.

До свиданія.

Китайское море.
Іюль, 1853 года.

VII.

ГОН-КОНГЪ.

Видъ рейда и города.—Улица съ дворцами и китайскій кварталъ.—Китайцы и китаянки. — Клубъ и казармы. — Посѣщеніе фрегата епископомъ и генералъ-губернаторомъ. — Заведеніе Джердина и Маттисона.

Я не писалъ къ вамъ изъ Гон-Конга (или правильнѣе, по-китайски: Хонкона): не было возможности писать — такъ жарко. Я не понимаю, какъ тамъ люди сидятъ въ конторахъ, пишутъ, считаютъ, издаютъ журналы! Солнце стояло въ зенитѣ, когда мы были тамъ, лучи падали прямо — прошу заняться чѣмъ-нибудь! Пишу теперь въ морѣ и не знаю, когда и гдѣ отправлю письмо; развѣ изъ Китая; но въ Китай мы пойдемъ уже изъ Японіи. Все равно: я хочу только сказать вамъ нѣсколько словъ о Гон-Конгѣ, и то единственно по обѣщанію говорить о каждомъ мѣстѣ, въ которомъ побываемъ, а собственно о Гон-Конгѣ сказать нечего, или если уже говорить, какъ слѣдуетъ, то надо написать цѣлый торговый, или политическій трактатъ, а это не мое дѣло: помните уговоръ — что̀ писать!

Съ перваго раза, когда станешь на гон-конгскій рейдъ, подумаешь, что пріѣхалъ въ путное мѣсто: куда ни оглянешься, все высокіе зеленые холмы, безъ деревьевъ,

правда, но приморскія мѣста, чуть подальше отъ экватора и тропиковъ, почти всѣ лишены растительности. Подумаешь, что деревья тамъ гдѣ-нибудь, подальше, въ долинахъ: а здѣсь надо вообразить ихъ очень подальше, безъ надежды дойти или доѣхать до нихъ. Глядите на мѣстность самаго островка Гон-Конга и взглядъ вашъ вездѣ упирается, какъ въ стѣну, въ красножелтую гору, мѣстами зеленую отъ травы. У подошвы ея, по берегу, толпятся домы и, между ними, какъ напоказъ, выглядываютъ кое-гдѣ пучки банановыхъ листьевъ, которые сквозятъ и желтѣютъ отъ солнечныхъ лучей, да еще видна иногда изъ-за забора, будто широкая метла, верхушка убитаго солнцемъ дерева.

За-то песку и камней неистощимое обиліе. Англичане съумѣли воспользоваться и этимъ матеріаломъ. На высотахъ горы, въ разныхъ мѣстахъ вы видите, то одинокостоящій каменный домъ, то расчищенное для постройки мѣсто: трудъ и искусство дотронулись уже до скалъ. Поглядѣвъ на великолѣпные домы набережной, вы непремѣнно дорисуете мысленно видъ, который приметъ современемъ и гора. Китайцамъ конечно не грезилось, когда они, въ 1842 году, по нанкинскому трактату, уступали англичанамъ этотъ безплодный камень, вмѣсто цвѣтущаго острова Чусана, во что̀ превратятъ камень рыжіе варвары. Еще менѣе грезилось, что они же, китайцы, своими руками и на свою шею, будутъ обтесывать эти камни, складывать въ стѣны, въ брустверы, ставить пушки...

Все это сдѣлано. Городъ Викторія состоитъ изъ одной, правда, улицы, но на ней почти нѣтъ ни одного дома; я ошибкой сказалъ выше *домы*: это все дворцы, которые основаніями своими купаются въ заливѣ. На море обращены балконы этихъ дворцовъ, осѣненные тѣми то-

щими бананами и пальмами, которые видны съ рейда и которые придаютъ такой же эффектъ пейзажу, какъ принужденная улыбка грустному лицу.

Дня три я не сходилъ на берегъ: нездоровилось и не влекло туда, не вѣяло свѣжестью и привольемъ. Наконецъ, на четвертый день, мы съ П. поѣхали на шлюпкѣ, сначала вдоль китайскаго квартала, состоящаго изъ двухъ частей народонаселенія: одна часть живетъ на лодкахъ, другая въ домишкахъ, которые всѣ сбиты въ кучу и лѣпятся на самомъ берегу, а иные утверждены на сваяхъ, на водѣ. Лодки, съ семействами, стоятъ рядами на одномъ мѣстѣ, или разъѣзжаютъ по рейду, занимаясь рыбной ловлей, торгуютъ, не то такъ перевозятъ людей съ судовъ на берегъ и обратно. Всѣ онѣ съ навѣсомъ, въ родѣ каютъ. Вездѣ увидишь семейныя сцены: обѣдаютъ, занимаются рукодѣльемъ, или мать кормитъ грудью ребенка.

Мы пристали къ одной изъ множества пристаней европейскаго квартала, и сквозь какой-то купеческій домъ, черезъ толпу китайцевъ, продавцовъ и носильщиковъ (кули), сквозь всѣ возможные запахи, протѣснились на улицу, думая тамъ вздохнуть свободно. Но потянувъ воздухъ въ себя, мы глотнули будто горячаго пара, сдѣлали нѣсколько шаговъ и уже должны были подумать объ убѣжищѣ, куда бы укрыться въ настоящую, прохладную тѣнь, а не ту, которая покоилась по одной сторонѣ великолѣпной улицы. Солнце жжетъ и въ тѣни. Мы добѣжали до какого-то магазина, гдѣ навалены тюки всякихъ товаровъ и гдѣ, на полкахъ, между прочимъ, стояли и аптекарскіе матеріалы. Тутъ же продавали почему-то содовую воду, limonade gazeuse. Англичане и здѣсь пьютъ его съ примѣсью brandy, то-есть коньяку, для уравновѣшенія будто бы внѣшней температуры съ внутренней.

Я и прежде слыхалъ объ этомъ способѣ уравновѣшенія температуръ, но признаюсь, всегда подозрѣвалъ въ этомъ лукавство: случалось мнѣ видѣть у насъ, въ Россіи, что нѣкоторые, стыдясь выпить откровенно рюмку водки, особенно вторую или третью, прикрываются локтемъ или рукавомъ: это, кажется, то же самое. Иные даже приправляютъ лукавство свое ссылкой на то, что ромъ и коньякъ даны-де жаркимъ климатамъ нарочно для этого уравновѣшенія... Не совѣтую прибѣгать къ такому способу: это значитъ портить свѣжесть желудка усиленнымъ раздраженіемъ, учетверить силу жара и изнемочь подъ бременемъ его. Я послушался однажды и для опыта попробовалъ уравновѣсить двѣ температуры и создалъ себѣ на цѣлый день невыносимую пытку. Некуда было дѣться, нечѣмъ залить палящую сухость рта и желудка.

Напротивъ, при воздержаніи отъ мяса, отъ всякой тяжелой пищи, также отъ пряностей (нужды нѣтъ, что онѣ тоже родятся въ жаркихъ мѣстахъ), а болѣе всего отъ вина, легко выносишь жаръ; грудь, голова и легкія — въ нормальномъ состояніи и зной «допекаетъ» только снаружи. Я увѣренъ, что если постоянно употреблять въ пищу рисъ, зелень, немного рыбы и живности, то можно сносить такъ же легко жаръ, какъ и въ Россіи. Но... но П. А. Т. не дастъ жить, даже въ Индіи и Китаѣ, какъ хочется: онъ такъ подозрительно смотритъ, когда откажешься за обѣдомъ отъ блюда баранины или свинины, отъ слоёнаго пирога — того и гляди обидится и спроситъ: «развѣ дурна баранина, черствъ пирогъ?» или патетически воскликнетъ, обратясь ко всѣмъ: «посмотрите, господа: ему не нравится столъ! Если мои распоряженія дурны, если я неспособенъ, не умѣю, такъ изберите другаго...» Нѣтъ, ужъ пусть будетъ томить жаръ—куда не шло!

Отдохнувъ, мы пошли опять по улицѣ, глядя на дворцы, на великолѣпные подъѣзды, прохладныя сѣни, сквозныя галереи, наглухо запертыя окна. Въ домахъ не видать признака жизни, а между-тѣмъ въ нихъ и изъ нихъ вбѣгаютъ и выбѣгаютъ кули, тащатъ товары, письма, входятъ и выходятъ англичане, подъ огромными зонтиками, въ соломенныхъ или полотняныхъ шляпахъ, и всѣ до одного, и мы тоже, въ бѣлыхъ курткахъ, безъ жилета, съ едва замѣтнымъ признакомъ галстуха. Конторы всѣ отперты настежь: тамъ китайцы, подъ присмотромъ англичанъ, упаковываютъ и распаковываютъ тюки, складываютъ въ груды и несутъ на лодки, а лодки везутъ къ кораблямъ. Китайцы одни безтрепетно наполняютъ улицы, сидятъ кучами у подъѣздовъ, ожидая работы, носятъ въ паланкинахъ европейцовъ. Всюду мелькаютъ ихъ голыя плечи, спины, ноги и головы, покрытыя только густо-сложенной въ два ряда косой.

Мы дошли до китайскаго квартала, который начинается тотчасъ послѣ европейскаго. Онъ состоитъ изъ огромнаго ряда лавокъ, съ жильемъ вверху, какъ и въ Сингапурѣ. Лавки небольшія, съ матеріями, посудой, чаемъ, фруктами. Тутъ же помѣщаются ремесленники, портные, сапожники, кузнецы и прочіе. У дверей сверху до полу висятъ вывѣски: узенькія, въ четверть аршина, лоскутки бумаги, съ китайскими буквами. Продавцы, всѣ рѣшительно голые, сидятъ на прилавкахъ, сложа ноги подъ себя.

Мы зашли въ лавку съ фруктами, лежавшими грудами. Кромѣ ананасовъ и маленькихъ апельсиновъ, называемыхъ мандаринами, всѣ остальные были намъ неизвѣстны. Ананасы издавали свой пронзительный ароматъ, а отъ продавца несло чеснокомъ, да тутъ же рядомъ, изъ лавки съ съѣстными припасами, примѣшивался запахъ почти трупа

отъ развѣшенныхъ на солнцѣ мясъ, лежащей кучами рыбы, внутренностей животныхъ, и еще какихъ-то предметовъ, которые не хотѣлось разглядывать.

Добрый К. Н. перепробовалъ, по моей просьбѣ, всѣ фрукты и вѣрно передавалъ мнѣ понятіе о вкусѣ каждаго. «Это сладко, съ пріятной кислотой, а это дряблый, невкусный; а этотъ» говорилъ онъ про какой-то небольшой, облеченный красной кожицей плодъ, больше похожій на ягоду, «отзывается печенымъ лукомъ» и т. д.

Мы дошли по китайскому кварталу до моря и до пловучаго населенія, потомъ поднялись на горку и углубились въ переулокъ – продолженіе китайскаго квартала. Тамъ такіе же лавки, такая же нечистота. Здѣсь, въ этомъ чаду криковъ, запаховъ, въ тѣснотѣ, среди клѣтушекъ и всякой всячины, наваленной грудами, китайцы какъ-то веселѣе, привольнѣе смотрятъ: они тутъ учредили свой маленькій Китай—и счастливы! Въ европейскомъ кварталѣ, просторъ, свѣжесть, чистота и великолѣпіе, стѣсняютъ ихъ; они похожи тамъ на рыбъ, которыхъ, изъ грязной, болотной рѣчки, пересадили въ фарфоровый бассейнъ, наполненный прозрачною водою: негдѣ спрятаться, пріютиться, стянуть, надуть, выпачкаться и выпачкать ближняго.

Обойдя быстро весь кварталъ, мы уперлись въ гору, которая въ этомъ мѣстѣ была отрѣзана искусственно и состояла изъ гладкой отвѣсной стѣны; тутъ предполагалась новая улица. Здѣсь толпился цѣлый полкъ рабочихъ; они рыли землю, обтесывали камни, возили мусоръ. Это все переселенцы изъ португальской колоніи Макао. Едва англичане затѣяли здѣсь поселеніе и кликнули кличъ, какъ Макао опустѣлъ почти совсѣмъ. Работа, слѣдовательно хлѣбъ и деньги, переманили сюда до тридцати тысячъ китайцевъ. Вмѣсто нищенства въ Макао, они

предпочли здѣсь безконечный трудъ и неизсякаемую плату. Ихъ не испугали свирѣпствовавшіе вначалѣ эпидемическія лихорадки. Они, подъ руководствомъ англичанъ, принялись очищать и осушать почву: эпидемія унялась и переселеніе усилилось.

Мы спустились съ возвышенія и вошли опять въ китайскій кварталъ, прошли, между-прочимъ, мимо одного дома, у окна котораго голый молодой китаецъ наигрывалъ на инструментѣ, въ родѣ гитары, скудный и монотонный мотивъ. Изъ-за него выглядывало нѣсколько женщинъ. Не все однакожь голые китайцы ходятъ по городу: это только носильщики, чернорабочіе и сидѣльцы въ лавкахъ. Повыше сословія одѣты прилично; есть даже франты, въ бѣлоснѣжныхъ кофтахъ и въ атласныхъ шараварахъ, въ туфляхъ на толстой подошвѣ, и съ косой, черной, густой, лоснящейся и висящей до пятокъ, съ богатымъ вѣеромъ, которымъ они прикрываютъ голову отъ солнца. Женщины, попроще, ходятъ по городу сами, а тѣхъ, которыя богаче или важнѣе, водятъ подъ-руки. Ноги у всѣхъ болѣе или менѣе изуродованы; а у которыхъ «отъ невоспитанія, отъ небрежности родителей» уцѣлѣли въ природномъ видѣ, тѣ поддѣлываютъ, подъ настоящую ногу, другую, искусственную, но такую маленькую, что рѣшительно не могутъ ступить на нее, и потому ходятъ съ помощью прислужницъ. Несмотря на длинныя платья, въ которыя закутаны китаянки отъ горла до полу, я случайно, при дуновеніи вѣтра, вдругъ увидѣлъ хитрость. Женщины, съ оливковымъ цвѣтомъ лица и съ черными, не много узкими глазами, одѣваются больше въ темные цвѣта. Съ прической á la chinoise, и роскошной кучей черныхъ волосъ, прикрѣпленной на затылкѣ большой золотой или серебрянной булавкой, онѣ не непріятны на видъ.

*

Мы едва добрались до европейскаго квартала и пошли въ отель, содержимую полякомъ. Онъ сказалъ, что жилъ года два въ Москвѣ, когда ему было лѣтъ четырнадцать, а теперь ему болѣе сорока лѣтъ. Я хотѣлъ заговорить съ нимъ по-русски, но онъ не помнитъ ни слова. Въ закрытой отъ жара комнатѣ, намъ подали на завтракъ, онъ же и обѣдъ, вкусной нѣжной рыбы и жесткой ветчины, до которой однако мы не дотрогивались. П. сѣлъ потомъ въ паланкинъ и велѣлъ нести себя къ какому-то банкиру, а я отправился дальше по улицѣ къ великолѣпнымъ, построеннымъ четыреугольникомъ, казармамъ. Я прошелъ бульваръ, съ тощими, жалкими деревьями, и пошелъ по взморью. Стало не такъ жарко, съ залива вѣяло прохладой. На набережной я увидѣлъ множество крупныхъ, красныхъ насѣкомыхъ, которыя перелетали съ мѣста на мѣсто: мнѣ хотѣлось взять ихъ нѣсколько и принести Г. Гоняясь за ними, я нечувствительно увлекся въ ворота казармъ и очутился на огромномъ дворѣ, который служитъ плацпарадомъ для ученья полка.

Меня съ балкона увидѣли англійскіе офицеры, сошли внизъ и пригласили войти къ нимъ, to drink a glass of wine (на рюмку вина). Мы вошли въ одну изъ комнатъ, въ которой мебель, посуда—все подтвердило то, что̀ говорятъ о роскоши образа жизни офицеровъ. Серебро и тончайшее бѣлье—обыкновенная сервировка ихъ мессъ и обѣденныхъ столовъ. Офицеры содержатъ общій столъ, и такъ строго придерживаются этого офицерско-семейнаго образа жизни, что рѣдко отлучаются отъ обѣда. Кругомъ всего зданія идетъ обширный каменный балконъ, или веранда, гдѣ, въ бамбуковыхъ креслахъ, лѣниво дремлютъ въ часы съесты хозяева казармъ. Я отказался отъ вина и меня угостили лимонадомъ.

Поздно вечеромъ, при водворившейся, страстной, сверкающей и обаятельной ночи, вернулся я къ пристани, гдѣ засталъ и П., ожидающаго шлюпки. Между-тѣмъ тутъ стояла китайская лодка; въ ней мы увидѣли, при лунномъ свѣтѣ, двѣ женскія фигуры. «Зачѣмъ шлюпка?» сказалъ я; «вотъ перевозчицы: сядемъ». Мы сѣли, и обѣ женщины, ухватясь за единственное весло, прикрѣпленное къ кормѣ, начали живо поворачивать имъ направо и налѣво. Луна свѣтила имъ прямо въ лицо: одна была старуха, другая лѣтъ пятнадцати, блѣдная, съ черными, хотя узенькими, но прекрасными глазами; волосы прикрѣплены на затылкѣ серебряной булавкой. «Везите на русскій фрегатъ!» сказали мы. «Two shillings!» (два шиллинга) объявила цѣну молодая. «Сто фунтовъ стерлинговъ такой хорошенькой!» сказалъ мой товарищъ. «Дорого», замѣтилъ я. «Two shillings!» повторила она монотонно. «Ты не здѣшняя, должно-быть, потому-что слишкомъ бѣла? Откуда ты? какъ тебя зовутъ?» допрашивалъ П., стараясь подвинуться къ ней ближе. «Я изъ Макао; меня зовутъ Этола», отвѣчала она по-англійски, скрадывая, по обыкновенію китайцевъ, нѣкоторые слоги. «Two shillings», прибавила потомъ, помолчавъ. «Какая хорошенькая!» продолжалъ мой товарищъ: «покажи руку, скажи, который тебѣ годъ? Кто тебѣ больше нравится: мы, англичане, или китайцы?»— «Two shillings», отвѣчала она. Мы подъѣхали къ фрегату; мой спутникъ взялъ ее за руку, а я пошелъ уже на трапъ. «Скажи мнѣ что-нибудь, Этола?» говорилъ онъ ей, держа за руку. Она молчала. «Скажи же, что ты...» — «Two shillings», повторила она. Я со смѣхомъ, а онъ со вздохомъ, отдали деньги и разошлись по своимъ каютамъ.

И здѣсь, какъ въ Англіи и въ Капштатѣ, предоста-

вили намъ свободный входъ въ клубъ. Клубъ—это образцовый дворецъ въ своемъ родѣ: учредители не пощадили издержекъ, чтобъ придать помѣщенію клуба такую же роскошь, какая заведена въ лондонскихъ клубахъ. Нѣсколько большихъ залъ обращены окнами на заливъ, веранда, камины, окна обложены мраморомъ; вездѣ бронза, хрусталь; отличныя зеркала, изящная мебель — все привезено изъ Англіи. Но — увы! залы стоятъ пустыя; на-силу докличетесь соннаго слуги - китайца, закажете обѣдъ и заплатите втрое противъ того, что̀ онъ стоитъ тутъ же рядомъ, въ трактирѣ. Клубъ близокъ къ банктротству. Европейцы сидятъ большую часть дня по своимъ угламъ, а по вечерамъ предпочитаютъ собираться въ семейныхъ кружкахъ—и клубъ падаетъ. Но что̀ за наслажденіе покоиться на этой широкой верандѣ подъ-вечеръ, когда ночная прохлада смѣнитъ зной!

Въ шесть часовъ вечера все народонаселеніе высыпаетъ на улицу, по взморью, по бульвару. Появляются пѣшіе, верховые офицеры, негоціянты, дамы. На лугу, близь дома губернатора, играетъ музыка. Недалеко оттуда, на горѣ, въ каменномъ домѣ, живетъ генералъ, командующій здѣшнимъ отрядомъ, и тутъ же близко помѣщается въ зданіи, въ родѣ монастыря, итальянскій епископъ, съ нѣсколькими монахами.

Наши уѣхали въ Кантонъ, а я въ это время лежалъ въ лихорадкѣ и въ полуснѣ слышалъ, какъ спускали катеръ. Меня разбудилъ громовой ударъ; гроза разразилась въ минуту отъѣзда нашихъ. Оправясь, я каждый день ѣздилъ на берегъ, ходилъ по взморью и нетерпѣливо ожидалъ дня отъѣзда. На фрегатъ ѣздили ежедневно посѣтители съ берега, которыхъ я долженъ былъ принимать. Между-прочимъ однажды пріѣхали два монаха, отъ имени

епископа, и объявили, что вслѣдъ за ними явится и самъ монсиньоръ. Но у насъ, на фрегатѣ, пользуясь отсутствіемъ адмирала и капитана, конопатили палубу въ ихъ каютахъ; пакля лежала кучами; всѣ щели залиты смолой, которая еще не высохла. Я убѣдилъ монаховъ попросить епископа отложить свое посѣщеніе до пріѣзда адмирала.

По пріѣздѣ адмирала, епископъ сдѣлалъ ему визитъ. Его сопровождала свита изъ четырехъ миссіонеровъ, изъ которыхъ двое были испанскіе монахи, одинъ французъ и одинъ китаецъ, учившійся въ знаменитомъ римскомъ училищѣ пропаганды. Онъ сохранялъ свой китайскій костюмъ, чтобъ свободнѣе ѣздить по Китаю, для сношеній съ тамошними христіанами и для обращенія новыхъ. Всѣ они завтракали у насъ: разговоръ съ епископомъ, итальянцемъ, происходилъ на французскомъ языкѣ, а съ китайцемъ О. А. говорилъ по-латини.

Вслѣдъ за ними посѣтилъ насъ англійскій генералъ-губернаторъ (governor of the strait—губернаторъ пролива, то-есть гон-конгскій), онъ же и полномочный отъ Англіи въ Китаѣ. Зовутъ его сэръ Бонэмъ (sir Bonham). Ему отданы были тѣ же почести, какими онъ встрѣтилъ нашего адмирала на берегу: играла музыка, палили изъ пушекъ.

Я ходилъ часто по берегу, посѣщалъ лавки, вглядывался въ китайскую торговлю, напоминающую во многомъ наши гостиные дворы и ярмарки, покупалъ разныя бездѣлки, между-прочимъ, чаю — такъ, для пробы. Отличный чай, какой у насъ стоитъ рублей пять, продается здѣсь (это ужь изъ третьихъ или четвертыхъ рукъ) по тридцати коп. сер., и самый лучшій по шестидесяти коп. за англійскій фунтъ. Сигары здѣсь манильскія, самый низшій сортъ, чируты, и изъ Макао: послѣднія рѣшительно никуда не годятся.

Накупивъ однажды всякой всячины, я отдалъ все это кули, который положилъ покупки въ корзину и пошелъ за мной. Но Ѳаддеевъ, бывшій со мной, не вытерпѣлъ этого, вырвалъ у него корзину и понесъ самъ. Я никакъ не могъ вселить въ него желанія сыграть роль иностранца и барина, и все шествіе наше до пристани было постоянной дракой Ѳаддеева съ кули, за корзинку. Я нанялъ лодку и посадилъ въ нее Ѳаддеева, но и кули послѣдовалъ за нимъ и возобновилъ драку. Китайцы съ лодокъ подняли крикъ; кули приставалъ къ Ѳаддееву, который, какъ мандаринъ, усѣлся-было въ лодку и ухватилъ обѣими руками корзину. Лодочникъ не хотѣлъ везти, ожидая окончанія дѣла. Ѳаддеевъ пошелъ-было съ корзиной опять на берегъ—его не пускаютъ. «Позволь, В. В., я ихъ рѣшу», сказалъ онъ, взявъ одной рукой корзину, а другою энергически расталкивая китайцевъ, и выбрался на берегъ. Я ушелъ, оставя его развѣдываться кàкъ знаетъ, и только издали видѣлъ, кàкъ онъ, точно медвѣдь среди стаи собакъ, отбивался отъ китайцевъ, колотя ихъ по протянутымъ къ нему рукамъ. Потомъ видѣлъ ужь его, гордо удалявшагося на нашей шлюпкѣ, съ однѣми покупками, но безъ корзины, которая принадлежала кули и была предметомъ схватки, по нашей недогадливости.

Въ одномъ углу обширнаго гон-конгскаго рейда устроено торговое заведеніе, съ верфью, Джердина и Маттисона. Мы вчетверомъ поѣхали осмотрѣть этотъ образчикъ неутомимой энергіи и неутолимой жадности и предпріимчивости англичанъ. Стенъ-Билль, командиръ датскаго корвета «Галатея», полагаетъ, что англичане слишкомъ много посадили въ Гон-Конгъ труда и денегъ и что предпріятіе не окупится. По занятіи этого острова, сюда бросились купцы изъ Калькутты, изъ Сингапура, и нѣкоторые изъ нихъ

убили всѣ свои капиталы, надѣясь на близость китайскаго рынка и на сбытъ опіума. Но до-сихъ-поръ это не оправдывается. Можетъ быть опасеніе за торговую неразсчетливость какого-нибудь Джердина и справедливо, но за то обладаніе Гон-Конгомъ, пушки, свой рейдъ—все это у порога Китая, обезпечиваетъ англичанамъ торговлю съ Китаемъ навсегда, и этотъ островокъ будетъ, кажется, вѣчнымъ бѣльмомъ на глазу китайскаго правительства.

Въ заведеніи Джердина выстроенъ дворецъ, около него разбитъ садъ и паркъ; другія зданія возводятся. При насъ толпы работниковъ мостили на грунтъ плиты; у берега стояло нѣсколько судовъ. Полудня еще не было, когда мы вошли на пристань и поспѣшно скрылись въ слабую тѣнь молодаго сада. Стрекотанье насѣкомыхъ, съ приближеніемъ полудня, было такъ сильно, что могло поспорить съ большимъ оркестромъ. Мы, утомленные, сидѣли на скамьѣ, поглядывая на стеклянныя двери дворца и ожидая, не выйдетъ ли гостепріимный хозяинъ, не позоветъ ли въ сѣнь мраморныхъ залъ, не дастъ ли освѣжится стаканомъ лимонада? Но двери были заперты, никто не показывался. Докторъ нашъ неутомимо преслѣдовалъ насѣкомыхъ, особенно большихъ, черныхъ, точно изъ бархата, бабочекъ. Возвращаясь на пристань, мы видѣли въ толпѣ китайцевъ женщину, которая, держа голаго ребенка на рукахъ, мочила пальцы во рту и немилосердо щипала ему спину вдоль позвоночнаго хребта. Ребенокъ барахтался, отчаянно визжалъ. Наказанье это, или леченье?

Однако нѣтъ возможности писать: качка ужасная; командуютъ «четвертый рифъ брать». Съ Мыса Доброй Надежды такого шторма не было. Пойду посмотрю, что̀ дѣлается...

Китайское море.
8-го іюня.

VIII.

ОСТРОВА БОНИНЪ-СИМА.

Китайское море.—Шквалы.—Выходъ въ Тихій океанъ.—Ураганъ.—Штили и жары.—Островъ Пиль, портъ Ллойдъ.—Корветъ «Оливуца» и транспортъ Американской Компаніи «Князь Меньшиковъ».—Курьеры изъ Россіи.—Поселенцы.—Прогулка, обѣдъ и вечеръ на берегу.

Съ 26 іюня по 4 августа 1853 года.

Конечно, всякому изъ васъ, друзья мои, случалось сидя въ осенній вечеръ дома, подъ надежной кровлей, за чайнымъ столомъ, или у камина, слышать, какъ вдругъ пронзительный вѣтеръ рванется въ двойныя рамы, стукнетъ ставнемъ и иногда сорветъ его съ петель, завоетъ, какъ звѣрь, пронзительно и зловѣще въ трубу, потрясая вьюшками; какъ кто-нибудь вздрогнетъ, поблѣднѣетъ, обмѣняется съ другими безмолвнымъ взглядомъ, или скажетъ: «что теперь дѣлается въ полѣ? Боже сохрани, застанетъ непогода!»

Представьте себѣ этотъ вой вѣтра, только въ десять, въ двадцать разъ сильнѣе, и не въ полѣ, а въ морѣ — и вы получите слабое понятіе о томъ, что мы испытывали въ ночи съ 8-го на 9-е и все 9-е число іюля, выходя изъ Китайскаго моря въ Тихій океанъ.

Отъ Гон-Конга до стрововъ Бонинъ-Сима, куда намъ слѣдовало идти, всего 1600 миль: это въ круго-свѣтномъ плаваніи составляетъ не слишкомъ большой переходъ, который, при хорошемъ, попутномъ вѣтрѣ, совершается въ семь, восемь дней. Мы вышли изъ Гон-Конга 26 іюня и до 5-го іюля сдѣлали всего миль триста, то есть то, что̀ могли бы сдѣлать въ сутки съ небольшимъ — такъ задержалъ насъ противный восточный вѣтеръ. Надоѣло намъ лавировать, дѣлая отъ восьми до двадцати верстъ въ сутки, и мы спустились нѣсколько къ югу, въ надеждѣ встрѣтить тамъ другой вѣтеръ и, между-прочимъ, зайти на маленькіе острова Баши, лежащіе къ югу отъ Формозы, посмотрѣть, что это такое, запастись зеленью, фруктами и тому подобнымъ. Тамъ, говорятъ, живетъ испанскій алькадъ, нѣсколько монаховъ и есть индійскія деревушки.

7-го числа вечеромъ, подошли къ главному изъ острововъ, Батану, на которомъ, по указанію Бельчера, есть якорное мѣсто. Но обойдя островъ съ сѣверной и восточной сторонъ, мы видѣли только огромный утесъ и бѣлую кайму буруна, набѣгающаго со всѣхъ сторонъ на берегъ. Къ намъ не выѣхало ни одной лодки, какъ это всегда бываетъ въ жилыхъ мѣстахъ; на берегу не видно было ни одного человѣка; только около самаго берега, какъ-будто въ бѣлыхъ бурунахъ, мелькнули два огня и исчезли. Ѣхать было некуда, отъискивать ночью пристани — темно; а держаться до утра подъ парусами — не стоило.

Полюбовавшись на скалистый угрюмый утесъ, составляющій сѣверную оконечность острова, мы пустились далѣе и вышли въ Тихій океанъ. Тихій! Сколько разъ онъ доказывалъ противное бѣднымъ плавателямъ, въ томъ числѣ и намъ, какъ-будто мы выдумали ему это названіе!

Надо знать, что еще въ Гон-Конгѣ, и китайцы, и европейцы, говорили намъ, что въ этотъ годъ поджидается ураганъ; что урагановъ не было уже года четыре. Ураганъ обыкновенно опредѣляютъ такъ: это вращающійся, переходящій съ румба на румбъ вѣтеръ. Можно опредѣлить и такъ: это такой вѣтеръ, который, большія военныя суда, купеческіе корабли, пароходы, джонки, лодки и все, что попадется на морѣ, иногда и самое море, кидаетъ на берегъ, а крыши, стѣны домовъ, деревья, людей и все, что попадется на берегу, иногда и самый берегъ, кидаетъ въ море. Съ нами ничего подобнаго этому не случилось, впрочемъ, можетъ-быть, оттого, что не было близко берега. Поэтому насъ вѣтеръ кидалъ лишь по морю, игралъ нами, какъ кошка мышью; схватитъ, ударитъ съ яростью о волны, поставитъ бокомъ... Тутъ бы на дно, а онъ перекинетъ на другой бокъ, подниметъ и поставитъ на минуту прямо, потомъ ударитъ сверху и погрузитъ судно въ хлябь. Волны вытолкнутъ его назадъ, а вѣтеръ зареветъ, закружится около, застонетъ, засвиститъ, обрызжетъ и обольетъ корабль облакомъ воды, вырветъ парусъ, и торжествующій, понесется по необозримому, мрачному пространству, гоня воду, какъ прахъ. Однако, ничего важнаго не могъ онъ сдѣлать. Китайцы называютъ ураганъ «тайфунъ», то есть сильный вѣтеръ, а мы измѣнили это слово въ тифонъ.

— Стало-быть, всего лучше уходить въ море? сказалъ я негоціанту-нѣмцу, который грозилъ намъ ураганомъ.

— Богъ знаетъ, гдѣ лучше! отвѣчалъ онъ. — Послѣдній разъ, во время урагана, потонуло до восьмидесяти судовъ въ морѣ, а на берегу опрокинуло цѣлый домъ и задавило пять человѣкъ; въ гон-конгской гавани погибло безъ счета лодокъ, и съ ними до ста человѣкъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора мы ушли. Но еще въ послѣдніе дни пребыванія въ Гон-Конгѣ, погода значительно измѣнилась. Стали дуть, особенно по вечерамъ, сѣверные порывистые вѣтры. Надъ окрестными горами часто показывались черныя облака и проносились съ дождемъ надъ рейдомъ. Насъ, какъ я сказалъ выше, держалъ почти на одномъ мѣстѣ противный восточный и сѣверо-восточный вѣтеръ, неровный, сильный, съ безпрерывными шквалами. Только и слышишь команду: «на марсофалахъ стоять! марсофалы отдать!» Потомъ зажужжитъ, скользя по стенгѣ, отданный парусъ, судно сильно накренится, такъ-что схватишься за что-нибудь рукой, польется дождь, и праздничный, солнечный день въ одно мгновеніе обратится въ будничный. Небо сѣро; палуба мокра; офицеры въ кожаныхъ пальто; матросы прячутся отъ дождя подъ коечные чехлы... И такъ десять дней!

Но вотъ мы вышли въ Великій океанъ. Мы были въ 21° сѣверной широты: жарко до духоты. Работать днемъ не было возможности. Утомишься отъ жара и заснешь послѣ обѣда, чтобъ выиграть поболѣе времени ночью. Такъ сдѣлалъ я 8-го числа, и спалъ долго, часа три, какъ будто-предчувствуя безпокойную ночь. Капитанъ подшучивалъ надо-мной, глядя, какъ я проснусь, посмотрю сонными глазами вокругъ и перелягу на другой диванъ, ища прохлады. «Вы, то на правый, то на лѣвый галсъ ложитесь!» говорилъ онъ.

Вечеромъ задулъ свѣжій вѣтеръ. Я напрасно хотѣлъ писать: ни чернильница, ни свѣча не стояли на столѣ, бумага вырывалась изъ-подъ рукъ. Успѣешь написать нѣсколько словъ и сейчасъ протягиваешь руку назадъ—упереться въ стѣну, чтобъ не опрокинуться. Я бросилъ все и пошелъ ходить по шканцамъ; но и то несовсѣмъ удачно, хотя я уже и пріобрѣлъ *морскія ноги*.

Иногда бросало такъ, что надо было крѣпко ухватиться, или за пушечныя тали, или за первую попавшуюся веревку. Вѣтеръ между-тѣмъ завывалъ больше и больше. У меня дверь была полуоткрыта, и я слышалъ каждый шумъ, каждое движеніе на палубѣ; слышалъ, какъ часа въ два вызвали подвахтенныхъ брать рифы, сначала два, потомъ три, спустили брамреи, а вѣтеръ все крѣпче. Часа въ три утра взяли послѣдній рифъ и спустили брам-стенги. Начались сильные размахи. Въ моей маленькой каютѣ нельзя было оставаться, особенно въ постели: качнетъ къ изголовью — къ головѣ приливаетъ кровь; качнетъ назадъ—поползешь, совсѣмъ съ подушками, къ стѣнкѣ. Все, что̀ разставлено на по̀лкахъ, повѣшено на гвоздяхъ, лежало въ комодахъ — все, по обыкновенію, заходило, зашевелилось. Книги валились на полъ и на постель; щетки, фуражки сыпались сверху; стаканы и стклянoчки звенѣли и разбивались. Междутѣмъ, разсвѣло. Я всталъ и вышелъ на палубу. Тамъ были рѣшительно всѣ. Волны ходили выше сѣтокъ и заглядывали, какъ живыя, на палубу, точно узнать, что тутъ дѣлается. Качка и розмахи увеличивались. «До чего же это наконецъ дойдетъ?» подумаешь, слѣдя за прогрессивной силой вѣтра.

Вотъ О. А., блѣдный и измученный безсонницей, вышелъ и сѣлъ въ уголокъ на кучу снастей; вотъ и другой и третій, всѣ невыспавшіеся, съ измятыми лицами. Надо было держаться обѣими руками: это мнѣ надоѣло, и я ушелъ въ свой любимый пріютъ, въ капитанскую каюту.

Вѣтеръ ревѣлъ; онъ срывалъ вершины волнъ и сѣялъ ихъ по океану, какъ сквозь сито: надъ волнами стояли облака водяной пыли. Опять я повѣрилъ тутъ свое прежнее сравненіе и нашелъ его вѣрнымъ: да̀, это толпа дикихъ звѣрей, терзающихъ, въ ярости, другъ друга. Точно нѣ-

сколько львовъ и тигровъ бросаются, вскакиваютъ на дыбы, чтобъ впиться одинъ въ другаго, и мечутся кверху, а тамъ вдругъ цѣлой толпой шарахнулись внизъ — только пыль столбомъ стоитъ поверхъ, и судно летитъ туда же за ними, въ бездну, но новая сила толкаетъ его опять вверхъ и потомъ становитъ бокомъ. Вотъ шлюпка затрещала на боканцахъ; двое, трое, въ томъ числѣ, кажется, и я, быстро двинулись изъ того угла въ другой. Тутъ громадный валъ вдругъ ударилъ въ сѣтки, перескочилъ черезъ бортъ и разлился по палубѣ, обливъ ноги матросамъ. Горизонтъ весь въ сѣрой пыли. Правильнаго волненія почти нѣтъ: вода бурлитъ, какъ кипятокъ; волны потеряли очертанія.

Безпрестанно ходили справляться къ барометру. «Что̀, падаетъ?» 30 и 15. Опять — 29 и 75, потомъ 29 и 45, потомъ 29 и 30 — 29 и 15 — наконецъ 28/42. Онъ падалъ быстро, но постепенно, по одной сотой, и впродолженіи сутокъ съ 30/75 упалъ до 28/42. Когда дошелъ до этой точки, вѣтеръ достигъ до крайнихъ предѣловъ свирѣпости.

Орудія закрѣпили тройными талями и, сверхъ того, еще занесли кабельтовымъ, и на этотъ счетъ были довольно покойны. Качка была ужасная. Вещи, которыя крѣпко привязаны были къ стѣнамъ и къ полу, отрывались и неслись въ противоположную сторону, оттуда назадъ. Такъ задумали оторваться три массивныя кресла въ капитанской каютѣ. Они рванулись, понеслись, домчались до средины; тутъ кренъ былъ такъ крутъ, что они скакнули уже по воздуху, сбили столикъ передъ диваномъ и, изломавъ его, изломавшись сами, съ трескомъ упали всѣ на диванъ. Вбѣжали люди, начали разбирать эту кучу обломковъ, но въ то же мгновеніе вся эта куча, вмѣстѣ съ людьми, понеслась назадъ, прямо въ мой уголъ: я только успѣлъ вовремя подобрать ноги. Рюмки, тарелки, чашки, бутылки въ буфетахъ, такъ и скакали со звономъ съ своихъ мѣстъ.

Картины на стѣнахъ качались, описывая дугу почти въ 45°. Ѳаддеевъ принесъ-было мнѣ чаю, но, несмотря на свою *остойчивость*, на пяткахъ, задомъ помчался отъ меня прочь, оставляя слѣдомъ по себѣ куски сахару, хлѣба и черепки блюдечка. Я не могъ сдѣлать шагу и не ходилъ обѣдать. Можете себѣ представить, каково было, не ѣвши сидѣть и держаться, чтобъ не полетѣть изъ своего угла. Окна въ каютѣ были отворены настежъ, и море было предъ моими глазами во всей своей дикой красѣ. Только въ одни эти окна, или порты, по-морскому, и не достигала вода, потому-что они были высоко; вездѣ же въ прочихъ мѣстахъ полупортики были *задраены* на-глухо деревянными заставками, иначе стекла летятъ въ дребезги и, при кренѣ, валъ за валомъ вторгается въ судно. Въ кают-компаніи, въ батарейной палубѣ, вода лилась ручьями и едва успѣвала стекать въ трюмъ. Вездѣ мокро, мрачно, нѣтъ убѣжища нигдѣ, кромѣ этой верхней каюты. Но и тутъ надо было наконецъ закрыть окна: вѣтеръ бросалъ верхушки волнъ на мебель, на полъ, на стѣны. Вечеромъ буря разыгралась такъ, что нельзя было разслышать, гудитъ ли вѣтеръ, или гремитъ громъ. Вдругъ сдѣлалась какая-то суматоха, послышалась ускоренная команда, лейтенантъ С. гремѣлъ въ рупоръ надъ ревомъ бури.

— Что̀ такое? спросилъ я кого-то.

— Фокъ разорвало, говорятъ.

Спустя полчаса, трисель вырвало. Наконецъ разорвало пополамъ и фор-марсель. Дѣло становилось серьёзное; но самое серьезное было еще впереди. Паруса кое-какъ замѣнили другими. Часовъ въ семь вечера вдругъ на лицахъ командировъ явилась особенная заботливость — и было отчего. Ванты ослабѣли, бензеля поползли, и грот-мачта зашаталась, грозя рухнуть.

Знаете ли вы, что такое грот-мачта и что̀ ведетъ за собой ея паденіе? Гротъ-мачта — это бревно, футъ во сто длины и до 800 пудъ вѣсомъ, которое держится, протянутыми съ вершины ея къ сѣткамъ, толстыми, смолеными канатами, или вантами. Представьте себѣ, что какая-нибудь башня, у подножія которой вы живете, грозитъ рухнуть; положимъ даже, вы знаете, въ которую сторону она упадетъ, вы, конечно, уйдете за версту: а здѣсь, на кораблѣ!.. Ожиданіе было томительное, чувство тоски невыразимое. Конечно всякій представлялъ, какъ она упадетъ, какъ положитъ судно на бокъ, прошибетъ сѣтки (то есть, край корабля), какъ хлынутъ волны на палубу: удастся ли обрубить скоро подвѣтренныя ванты, чтобы вдругъ избавить судно отъ напора тяжести на одинъ бокъ. Иначе оно, черпнувъ глубоко бортомъ, можетъ-быть, уже не встанетъ болѣе...

У всякаго въ головѣ конечно шевелились эти мысли, но никто не говорилъ объ этомъ, и нѐкогда было: надо было дѣйствовать — и дѣйствовали. Какую энергію, смѣтливость и присутствіе духа обнаружили тутъ многіе! С—чу точно праздникъ: выпачканный, оборванный, съ сіяющими глазами, онъ летѣлъ всюду, гдѣ вѣтеръ оставилъ по себѣ какой-нибудь разрушительный слѣдъ.

Рѣшились не допустить мачту упасть, и въ помощь ослабѣвшимъ вантамъ «заложили сейтали» (веревки съ блоками). Работа кипѣла, несмотря на то, что ужь наступила ночь. Успокоились не прежде, какъ кончивъ ее. На другой день стали вытягивать самыя ванты. Къ счастію погода стихла и дала исполнить это, по-возможности, хорошо. Сегодня мачта почти стоитъ твердо; но на всякій случай заносятъ пару лишнихъ вантъ, чтобъ новый крѣпкій вѣтеръ не засталъ въ расплохъ.

Мы отдохнули, но еще не совсѣмъ. Налети опять такая же буря — и поручиться нельзя, что̀ будетъ. Всѣ глаза устремлены на мачту и ванты. Матросы какъ мухи тѣсной кучкой сидятъ на вантахъ, тянутъ, крутятъ веревки, колотятъ деревянными молотками. Все это дѣлается не такъ, какъ бы дѣлалось сто̀я на якорѣ. Невозможно: послѣ бури идетъ сильная зыбь: качка, хотя и не прежняя, все продолжается. До берега еще добрыхъ 500 миль, то есть 875 верстъ. Многіе похудѣли отъ безсонницы, отъ усиленной работы, и бродили, какъ-будто на другой день оргіи. И теперь вспомнишь, какъ накренило одинъ разъ фрегатъ, такъ станетъ больно, будто вспомнишь какую-то обиду. Сердце хранитъ долго злую память о такихъ минутахъ!

16 іюля. Я писалъ, что 9 числа оставалось намъ около 500 миль до Бонинъ-Сима: теперь 16 число, а остается тоже 500... ну хоть 420 миль, стало-быть, мы сдѣлали какихъ-нибудь миль семдесять въ цѣлую недѣлю: да, не болѣе. Послѣ шторма наступилъ штиль... Что̀ это за шутка! Тихій океанъ рѣшительно издѣвается надъ нами: тутъ онъ вздумалъ доказать намъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ тихій. Необъятная масса колебалась цѣликомъ, то закрывая, то открывая горизонтъ, но не прибавляя намъ хода. Жарко, движенія въ атмосферѣ нѣтъ, а между-тѣмъ иногда вдругъ появлялись грозныя и мрачныя тучи. На суднѣ готовились къ перемѣнѣ, убирали паруса: но тучи разрѣшались маленькимъ дождемъ и штиль продолжалъ свирѣпствовать. Кромѣ того что измѣнялись соображенія въ планѣ плаванія, дѣло на умъ не шло, почти не говорили другъ съ другомъ. Встанутъ утромъ: «что̀, сколько хода?» — «Полтора узла», отвѣчаютъ. «На румбѣ?» — «Нѣтъ, согнало на зюйдъ». И опять повѣсили голову. Иной дѣлаетъ догадки: «тихо, тихо» говоритъ, «а потомъ, видно, хватитъ опять!»

Въ эту минуту учатъ ружейной пальбѣ: стукотня такая, что въ ушахъ трещитъ. Жарко, скучно, но... что̀ притворяться: все это лучше качки, мокроты, ломки. До свиданія.

21-го. Здравствуйте! Недалеко ушли: еще около трехъ сотъ миль остается. Тишь мертвая, жаръ невыносимый; всѣ маются, ищутъ немного прохлады, чтобъ вздохнуть свободнѣе—а негдѣ. Въ каютахъ духота, на палубѣ палитъ. Почти всѣ прихварываютъ: рѣдко кто не украшенъ сыпью или вередами отъ жара; у меня желудочная лихорадка и рожа на ногѣ. Я слегъ; чувствую слабость, особенно въ рукахъ и ногахъ, отъ безпрерывныхъ усилій держаться, не упасть. Но я голоденъ, потому-что ѣсть было почти нельзя. А сколько перебилось, переломалось и подмокло всякаго добра! Вчера все мокрое вынесли на палубу: что̀ за картина! что̀ за безобразіе! Тутъ развѣшено платье и бѣлье, тамъ ковры, книги, матросская амуниція, подмокшіе сухари—все это разложено, развѣшено, въ пятнахъ, въ грязи, сыростью несетъ, какъ изъ гнилаго подвала; на ютѣ чинятъ разорванные паруса.

Мы счастливы тѣмъ, что скоро вырвались изъ-за черты урагана и потому дешево отдѣлались. Слѣдили каждое явленіе и сравнивали съ описаніями: вихрь задулъ отъ W, потомъ перешелъ къ SW; мы взяли на O и пересѣкли дугу. Находясь въ срединѣ этого магическаго круга, захватывающаго пространство въ нѣсколько сотъ миль, не подозрѣваешь, по тишинѣ моря и ясности неба, что находишься въ объятіяхъ могучаго врага, и только тогда узнаешь о немъ, когда онъ явится лицомъ къ лицу, когда раздастся его страшный свистъ и гулъ, начнется ломка, трескъ, когда застонетъ и замечется корабль....

До свиданія. Пойду уснуть; я еще не оправился совсѣмъ.

*

Штили! Ахъ, еслибъ вы знали, что̀ это за наказаніе! Оно, конечно, лучше жестокой качки, но все несносно! Вчера оставалось двѣсти-пятдесять миль; и сегодня остается столько же, и завтра, по видимому, опять! А дунь вѣтерокъ, этого разстоянія не хватитъ и на сутки. Кажется, тутъ бы работать: нѣтъ, однообразіе и этотъ неподвижный покой убиваютъ дѣятельность, да къ этому еще жара, духота, истощеніе свѣжихъ припасовъ. Вдругъ кто-нибудь скажетъ: «задуваетъ, кажется»—и всѣ оживятся, радость! Ничего не бывало: это такъ показалось. Другой, также отъ нечего дѣлать, пророчитъ: «завтра будетъ перемѣна, вѣтеръ: горизонтъ о̀блаченъ». Всѣмъ до того хочется дальше, что увѣруютъ и ждутъ—опять ничего. Однажды вдругъ мы порадовались-было: фрегатъ пошелъ восемь узловъ, то есть, четырнадцать верстъ въ часъ; я слышалъ это изъ каюты и спросилъ проходившаго мимо П.

— Восемь узловъ?

— Нѣтъ, три, сказалъ онъ:—это только на четверть часа фрегатъ взялъ большой ходъ: теперь стихаетъ.

Наконецъ, миль за полтораста, вдругъ дунуло, и я на другой день услыхалъ обыкновенный шумъ и суматоху. Доставали канатъ. Всѣ толпились наверху встрѣчать новый берегъ. Каюта моя, во время моей болѣзни, обыкновенно полнехонька была посѣтителей: въ ней можно было помѣститься троимъ, а придетъ человѣкъ семь; въ это же утро никого: всѣ глазѣли наверху. Только Б. К. забѣжалъ на минуту.

«Узкость проходимъ!» сказалъ онъ и изчезъ.

Съ приходомъ въ портъ Ллойдъ, у насъ было много пріятныхъ ожиданій, оттого мы и приближались неравнодушно къ новому берегу, нужды нѣтъ, что онъ пустой. Тамъ ожидали насъ: корветъ изъ Камчатки, транспортъ

изъ Ситхи и курьеры изъ Россіи, которые, конечно, привезли письма. Всѣ волновались этими надеждами.

Я на другой день вышелъ, хромая отъ боли въ ногѣ, взобрался на ютъ посмотрѣть, гдѣ мы. Мы въ заливѣ, имѣющемъ видъ подковы, обстановленномъ высокими и крупными утесами, покрытыми зеленью. Два громадные камня торчали изъ воды въ бухтѣ, какъ двѣ башни. Я еще изъ каюты ночью слышалъ, когда все утихло на фрегатѣ, шумъ будто водяной мельницы. Это, какъ я теперь увидѣлъ, бурны бѣшено плещутся въ берегъ, увидѣлъ и узкость: надо проходить подъ бокомъ отвѣснаго утеса, чтобы избѣжать гряды видныхъ на поверхности камней, защищающихъ входъ отъ волнъ съ океана. Вездѣ буруны да скалы: вонъ только кое-гдѣ бѣлѣютъ песокъ и отлогости.

«Гдѣ жилье?» спросилъ я, напрасно ища глазами хижины, кровли, человѣка, или хоть животное. Ничего не видать; но наши были уже на берегу. Вонъ, въ этой бухточкѣ есть хижина, вонъ въ той двѣ, да за горой нѣсколько избушекъ.

Суда здѣсь, курьеры здѣсь, а съ ними и письма. Сколько распросовъ, новостей! У всѣхъ письма въ рукахъ, у меня цѣлая дюжина.

Побольше островъ называется Пиль, а портъ, какъ я сказалъ, Ллойдъ. Острова Бонинъ-Сима стали извѣстны съ 1829 года. Изъ путешественниковъ здѣсь были: Бичи, изъ нашихъ капитанъ Литке и, кажется, недавно Воплярлярскій, кромѣ того многіе неизвѣстные свѣту англичане и американцы. Теперь сюда безпрестанно заходятъ китоловныя суда разныхъ націй, всего болѣе американскія. Бонинъ-Сима, по китайски или по японски, значитъ «безлюдные острова».

Я думалъ, что исполнится наконецъ и эта моя мечта— увидѣть необитаемый островъ; но напрасно: и здѣсь живутъ люди, конечно, всего человѣкъ тридцать, разнаго рода Робинсоновъ, изъ бѣглыхъ матросовъ и отставныхъ пиратовъ, изъ которыхъ одинъ до-сихъ-поръ носитъ на рукѣ какіе-то, выжженные порохомъ, знаки прежняго своего достоинства. Они разводятъ ямъ, сладкій картофель, таро, ананасы, арбузы. У нихъ есть свиньи, куры, утки. На другомъ островѣ они держатъ коровъ и быковъ, потому-что на Пилѣ скотъ портитъ деревья.

Кромѣ всей этой живности, у нихъ есть жены, каначки или сандвичанки, да и между ними самими есть канаки, еще выходцы изъ Лондона, изъ Сан-Франциско—словомъ, всякій народъ. Одинъ живетъ здѣсь уже 22 года, женатъ на кривой, пятидесятилѣтней каначкѣ. Всѣ они живутъ разбросанно, потому-что всякій хочетъ имѣть маленькое поле, огородъ, плантацію сахарнаго тростника, изъ котораго, мимоходомъ будь сказано, жители выдѣлываютъ ромъ и сильно пьянствуютъ.

Странный островъ: ни долинъ, ни равнинъ; однѣ горы. Какъ съѣдете, идете четверть часа по песку, а тамъ сейчасъ же надо подниматься въ гору и продираться сквозь непроходимый лѣсъ. Жители торгуютъ, или, по-крайней-мѣрѣ, стараются торговать съ мореплавателями, овощами, черепахами, и тому подобными предметами; а мореплаватели, съ своей стороны, стараются пріобрѣтать все даромъ, какъ пишутъ въ Nautical Magazine и какъ намъ подтвердилъ и самъ Севри, или Севрэ, здѣшній старожилъ. Года четыре назадъ, приходили два китоловныя судна и, постоявъ нѣсколько времени, ушли, какъ дѣлаютъ всѣ порядочные люди и корабли. Но одинъ потерпѣлъ при выходѣ какое-то поврежденіе, воротился и получилъ помощь отъ

жителей: онъ былъ такъ тронутъ этимъ, что, на прощаньи, съѣхалъ съ людьми на берегъ, поколотилъ и обобралъ поселенцевъ. У одного забралъ всѣхъ куръ, утокъ и тринадцатилѣтнюю дочь, у другаго отнялъ свиней и жену, у старика же Севри, сверхъ-того, двѣ тысячи долларовъ — и ушелъ. Но прибывшій вслѣдъ затѣмъ англійскій военный корабль далъ объ этомъ знать на Сандвичевы острова и въ Сан-Франциско, и преступникъ былъ схваченъ, съ судномъ, гдѣ-то въ Новой Зеландіи. Нынче и на Восточномъ океанѣ отъ полиціи не уйдешь!

Я, несморя на боль въ ногѣ, рискнулъ съѣхать на берегъ. Товарищи мои вооружились топорами, а я долженъ былъ сѣсть на бревно (за-то краснаго дерева) и праздно смотрѣть, какъ они прорубали себѣ дорожку на холмъ. Лѣсъ состоялъ изъ зонтичной или вѣерной пальмы, которой каждая вѣтвь похожа на распущенный вѣеръ. потомъ изъ капустной пальмы, сердцевина которой вкусомъ немного напоминаетъ капусту, но мягче и нѣжнѣе ея, да еще кардамоновъ и томановъ, какъ называютъ эти деревья жители. Томаны—это превосходное красное дерево. Тутъ мы нашли озерко съ прѣсной водой, сажени въ три или четыре шириной и длиной и по грудь глубиной. Матросы полоскались безъ милосердія. Я смотрѣлъ, какъ изъ срубленныхъ и падающихъ деревьевъ выскакивали ящерицы. Одну кто-то изъ нашихъ ударилъ вѣткой, хвостъ оторвался и поползъ въ одну сторону, а ящерица въ другую. Да еще бѣгали по песку — сначала я думалъ — пауки, или стоножки, а это оказались раки, всевозможныхъ цвѣтовъ, формъ и величинъ, начиная отъ крошечныхъ, съ паука, до обыкновенныхъ: розовые, фіолетовые, синіе—съ раковинами, въ которыхъ они прятались, и безъ раковинъ; они сновали взадъ и впередъ по взморью, круглые, длинные, всякіе.

Дня черезъ два я опять отправился съ Б. К. и П. въ другую бухточку, совсѣмъ закрывающуюся скалой. Мы проѣхали у подножія двухъ или трехъ утесовъ и пристали къ песчаной отлогости, на которой стоялъ видный, красивый мужчина и показывалъ намъ рукой, гдѣ лучше пристать. У него былъ прекрасный выпуклый профиль, носъ орлиный, смѣлый взглядъ, важная походка, безъ аффектаціи, и сѣдыя кудри почти до плечъ, хотя на видъ ему не было и пятидесяти лѣтъ. У него-то на рукахъ и были выжжены знаки, похожіе на браслеты. Онъ встрѣтилъ насъ упрекомъ, что мы не хотѣли его посѣтить, и повелъ къ хижинѣ. Она состояла изъ четырехъ столбовъ (все краснаго дерева), крытыхъ и закрытыхъ со всѣхъ сторонъ сухими пальмовыми листьями. Это была его спальня. Тутъ же встрѣтила насъ и его жена, каначка, сѣдая, смуглая, одѣтая въ синее бумажное платье, съ платкомъ на головѣ, какъ наши бабы. Особо выстроена была тоже хижина, гдѣ эта чета обѣдала: по-крайней-мѣрѣ, заглянувъ, я видѣлъ тамъ посуду, столъ и разную утварь. Двѣ собаки, съ повисшими хвостами и головами, встрѣтили тоже насъ.

А кругомъ, надъ головами, скалы, горы, крутизны, съ красивыми оврагами, и все поросло лѣсомъ и лѣсомъ. К. ударилъ топоромъ по пню, на которомъ мы сидѣли передъ хижиной; онъ сверху весь сѣрый; но едва топоръ сорвалъ кору, какъ подъ ней заалѣло дерево, точно кровь. У хижины текъ ручеёкъ, въ которомъ бродили красноносыя утки. Ручеёкъ можно перешагнуть, а воды въ немъ такъ мало, что нельзя и рукъ вымыть.

Мы пошли вверхъ на холмъ. К. срубилъ капустное дерево, и мы съѣли впятеромъ всю сердцевину изъ него. Дальше было круто идти. Я не пошелъ: нога не совсѣмъ была здорова, и сѣлъ на обрубкѣ, среди банановъ и таро,

растущаго въ землѣ, какъ морковь, или рѣпа. Прочитавъ, что Сандвичане дѣлаютъ изъ него рої-рої, я спросилъ каначку, что̀ это такое. Она тотчасъ повела меня въ свою *столовую* и показала горшокъ, съ какою-то бѣлою кашею, въ родѣ тертаго картофеля. Они ѣдятъ, доставая ее пальцемъ. Мужъ однакожь предупредилъ, чтобъ я не ѣлъ, потому-что это кушанье давно сдѣлано и потому несвѣжо.

Онъ вынесъ намъ нѣсколько арбузовъ, которые мы съ удовольствіемъ и съѣли.

Тихо, хорошо. Наступилъ вечеръ: лѣсъ съ каждой минутой мѣнялъ краски и наконецъ стемнѣлъ; по заливу, какъ тѣни, качались, отраженія скалъ съ деревьями. Въ эту минуту за нами пришла шлюпка, и мы поѣхали. Наши суда исчезали на темномъ фонѣ утесовъ, и только когда мы подъѣхали къ нимъ вплоть, увидѣли мачты, озаренныя луной.

2-го августа. Сегодня съ утра движеніе и сборы на фрегатѣ: затѣяли свезти на берегъ команду. Офицеры тоже захотѣли провести тамъ день, обѣдать и пить чай. «Гдѣ же это они будутъ обѣдать?» думалъ я: «вѣдь тамъ ни стульевъ, ни столовъ», и не зналъ, ѣхать, или нѣтъ; но и оставаться почти одному на фрегатѣ тоже не весело. Ко мнѣ пришелъ С. сказать, что послѣдняя шлюпка идетъ на берегъ, чтобъ я торопился.

— А гдѣ же обѣдать? спросилъ я.

— Да вѣдь тамъ у насъ устроена баня, отвѣчалъ онъ.— Теперь все убрали и сдѣлали изъ нея столовую.

— А столы, стулья?

— Ничего нѣтъ: будемъ обѣдать на парусахъ.

«На парусахъ!» подумывалъ я, врагъ обѣдовъ на травѣ, особенно impromptu, чаевъ на открытомъ воздухѣ, гдѣ, то ложки нѣтъ, то хлѣбъ съ пескомъ или чай съ букашками. Но нечего дѣлать, поѣхалъ; а жарко, палитъ.

A propos о жарѣ: въ одно утро, вдругъ Ѳаддеевъ не явился ко мнѣ съ чаемъ, а пришелъ другой.

— Гдѣ жь Ѳаддеевъ? спросилъ я.

— У него шкура со спины сошла, отвѣчалъ матросъ лаконически.

— Какъ сошла: отчего?

— Да такъ-съ: этакихъ у насъ теперь человѣкъ сорокъ есть: отъ солнышка. Они на берегу нагишомъ ходили: солнышкомъ и напекло; теперь и рубашекъ нельзя надѣть.

Я пошелъ провѣдать Ѳаддеева. Что̀ за картина! въ нижней палубѣ сидѣло, въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ сорокъ: иные покрыты были простыней съ головы до ногъ, а другіе и безъ этого. Особенно одинъ, уже пожилой матросъ, возбудилъ мое состраданіе. Онъ морщился и сидѣлъ голый, опершись руками и головой на боченокъ, служившій ему столомъ.

— Что̀ съ тобой сдѣлалось? спросилъ я.

— Да кто его знаетъ, что̀ такое, в. в.! Вонъ спина-то какая! говорилъ онъ, поворачивая немного спину ко мнѣ.

На спину страшно было взглянуть: она вся была багровая и покрыта пузырями, какъ-будто ее окатили кипяткомъ.

— Зачѣмъ же вы на солнцѣ сидѣли, и еще безъ платья? упрекнулъ я.

— Въ Тамбовѣ, в. в., всегда, бывало, цѣлый день на солнцѣ сидишь и голову подставишь—ничего; ляжешь на травѣ, спину и брюхо грѣешь — хорошо. А здѣсь, Богъ знаетъ, что̀: солнце-то словно пластырь! отвѣчалъ онъ съ досадой.

Всѣ обожженные стонали, охали и морщились. И смѣшно, и жалко было смотрѣть. Ѳаддеевъ былъ совсѣмъ изуродованъ, и тоже охалъ. Я побранилъ его хорошенько.

— Отстань, в. в.! въ тоскѣ сказалъ онъ.

Я какъ съѣхалъ на берегъ, такъ и подъ палатку, потому-что приближался полдень и никакой защиты не было отъ палящихъ лучей. На берегу хлопотали: готовили обѣдъ; кривая каначка ловила рыбу. Въ палаткѣ душно — я въ лѣсъ. Б. К. изъ чащи подаетъ мнѣ голосъ и зоветъ смотрѣть живописную рѣчку, которой я еще не видалъ. Я продрался сквозь кусты, сквозь томаны, кордамонъ и пальмы, и пошелъ за нимъ вдоль по рѣчкѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, живописно: рѣчка-ручей, аршина въ два; а въ иномъ мѣстѣ и меньше шириной, струится съ утеса по каменьямъ и впадаетъ въ озерко. Между каменьями ползаетъ безчисленное множество миніатюрныхъ крабовъ, точно пауковъ, и насѣкомыхъ. Они съ неимовѣрною быстротою исчезали въ каменьяхъ, чуть лишь тронешь ихъ. Докторъ и О. А. Г. уже давно тамъ и ловятъ ихъ руками. С. далеко шелъ впередъ и ломалъ деревья, какъ медвѣдь; слышенъ былъ только трескъ по его слѣдамъ. Впереди меня плелся Б. К., на своихъ тоненькихъ ногахъ, а сзади пробирался я. Мы оступались, спотыкались. Я хотѣлъ перешагнуть въ одномъ мѣстѣ черезъ ручей, ухватился за кустъ, онъ измѣнилъ, и я ступилъ въ воду, не безъ ропота, къ удовольствію товарищей.

Между-тѣмъ около насъ все такъ красиво: надъ нами вѣерныя пальмы и томаны разстилали густую тѣнь, берега плотно заросли травой и лѣсомъ. Солнце иногда прорѣзывалось сквозь вѣтви, палило, какъ черезъ зажигательное стекло, ярко освѣщая группу каменьемъ и сверкая въ водѣ; въ минуту все мокло на насъ, а тамъ дѣлалось опять темно и прохладно. Эта природная аллея, тишина, яркія краски зелени—все живописно, но немного угрюмо. Цвѣтовъ нѣтъ, птицъ мало, не слыхать даже и стрекапья кузнечиковъ. У

томановъ грубый, продолговатый листъ и сѣрый стволъ; у пальмъ свѣтло-зеленые, крѣпкіе листья до того, что едва разорвешь руками. Берегъ глинистый, крѣпкій и сухой. Мѣстами по берегу растутъ бананы, достояніе поселенцевъ — этотъ хлѣбъ жаркихъ странъ, да продолговатые зеленые лимоны: во вкусѣ ихъ есть какая-то затхлость. Видно, что это привитой и искаженный на чужой почвѣ плодъ. Какъ прекрасны всѣ природные плоды въ жаркихъ климатахъ, такъ неудачны всѣ привитые. Въ Индіи старались разводить виноградъ — не родится; а если гдѣ и привился, такъ никуда не годенъ; яблоки тоже, чай нехорошъ. Тоже можно замѣтить и о животныхъ: пробовали разводить англійскихъ, арабскихъ лошадей и другихъ животныхъ — они перерождаются въ какое-то хилое племя. Но что̀ родится тамъ, то уже родится роскошно и сильно.

Мы дошли до какого-то вала и воротились по тропинкѣ, проложенной по берегу прямо къ озерку. Тамъ купались наши, точно въ купальнѣ, подъ сводомъ зелени. На берегу мы застали живописную суету: варили кушанье въ котлахъ, въ палаткѣ накрывали... на полъ, за неимѣніемъ стола. Собесѣдники сидѣли и лежали. Я ушелъ въ другую палатку, разбитую для магнитныхъ наблюденій, и легъ на единственную, бывшую на всемъ островѣ, кушетку, и отдохнулъ въ тѣни. Иногда врывался свѣжій вѣтеръ и проникалъ подъ тентъ, принося прохладу.

Позвали обѣдать. Одинъ столикъ былъ накрытъ особо, потому-что не всѣ умѣстились на полу; а всѣхъ было человѣкъ двадцать. Хозяинъ, то есть распорядитель обѣда, уступилъ мнѣ свое мѣсто. Въ другое время я бы поцеремонился: но дойти и отъ палатки до палатки было такъ жарко, что я измучился и сѣлъ на уступленное мѣсто — и въ то же мгновеніе вскочилъ: ужъ не то, что жарко, а про-

сто горячо сидѣть. Мое сѣдалище состояло изъ десятковъ двухъ кирпичей, служившихъ каменкой въ банѣ: они лежали на солнцѣ и накалились.

За обѣдомъ былъ, между прочимъ, супъ изъ черепахи: но послѣ того супа, который я ѣлъ въ Лондонѣ, этого нельзя было ѣсть. Тамъ умѣютъ готовить, а тутъ нашъ Карповъ какъ-то не такъ зарѣзалъ черепаху, не выдержалъ мяса, и оно вышло жостко и грубо. Подавали утокъ; но утки значительно похудѣли на фрегатѣ. За то крику, шуму, веселья было безъ конца! Я былъ подавленъ, уничтоженъ зноемъ. А товарищи мои пили за обѣдомъ хересъ, портвейнъ, какъ-будто были въ Петербургѣ! Только въ ранней молодости и можно пить безнаказанно вино въ такой *банѣ*. Я, не дождавшись конца обѣда, ушелъ скорѣе въ другую палатку, чтобъ не заняли мѣста, и глубоко заснулъ.

Солнце ужь было низко на горизонтѣ, когда я проснулся и вышелъ. Люди бродили по лѣсу, лежали и сидѣли группами; одни готовили неводъ, другіе купались. Никогда скромный Бонинъ-Сима не видалъ такой суматохи на своихъ пустынныхъ берегахъ!

Бичи пишетъ, что въ его время было такъ много черепахъ здѣсь, что онѣ покрывали берегъ, приходя класть яица въ песокъ. Молодыя черепахи, вылупившись, спѣшили къ морю, но на пути ихъ ждали безчисленные враги: на берегу клевали птицы, въ морѣ, во множествѣ пожирали шарки (акулы). За-то, выросши и окрѣпнувъ, онѣ, въ своей бронѣ, не боятся уже ничего. «Шарокъ», пишетъ онъ, «было еще больше, нежели черепахъ: онѣ даже хватали за весла зубами». Куда все это дѣлось? Черепахи, съ поселеніемъ людей, являются рѣже: жители ловятъ ихъ и берегутъ гдѣ-то въ садкахъ, продавая пріѣзжимъ. Мы заплатили

четыре доллара за черепаху, но за-то какую! шесть человѣкъ насилу тащили ее. Здѣсь поселенцы забираютъ ихъ на берегу посредствомъ собакъ. Собака схватитъ и тащитъ за ластъ (у морскихъ черепахъ—плавательные ласты, вмѣсто лапъ) дальше отъ берега. Эти черепахи непригодны ни на что̀, кромѣ супа. На гребенки идетъ кость черныхъ черепахъ. Шарки есть, но немного, и въ двадцать лѣтъ одинъ разъ шарка откусила голову матросу съ китоловнаго судна. У насъ поймали одну небольшую акулу. Я осмотрѣлъ ротъ у ней: зубы расположены въ четыре ряда, мелкіе, но острые, какъ пила, Есть чѣмъ поѣсть, было бы что̀.

Вечеромъ зажгли огни подъ деревьями; матросы группами тѣснились около нихъ; въ палаткѣ пили чай, оттуда слышались пѣніе, крики. Въ песчаный берегъ яростно билъ бурунъ: иногда подойдешь близко, заговоришься, валъ хлестнетъ по ногамъ и бахрамой разсыплется по песку. Вдали свѣтлѣлъ отъ луны океанъ, точно ртуть, а въ заливѣ, между скалъ, лежалъ густой мракъ.

Я подошелъ къ небольшой группѣ, расположившейся на травѣ, около скатерти, на которой стояли чашки съ чаемъ, блюдо свѣжей, только-что наловленной рыбы, да лежали арбузы и ананасы. Надо было лечь на брюхо: это большое счастіе, что здѣсь нѣтъ ни одной гадины, ни змѣй, ни ядовитыхъ насѣкомыхъ—ничего. Этимъ фактомъ нѣкоторые изъ моихъ товарищей хотѣли доказать ту теорію, что будто-бы растительныя сѣмена или пыль, разносятся на огромное разстояніе вѣтромъ, оттого-де такіе маленькіе острова, какъ Бонинъ-Сима, и притомъ волканическаго происхожденія, неимѣвшіе первобытной растительности, и заросли, а змѣй-де и разныхъ гадинъ занести вѣтромъ не могло, оттого, ихъ и нѣтъ.

Положили-было ночью сниматься съ якоря, да вѣтеръ былъ противный. На другой день тоже. Наконецъ 4-го августа, часа въ четыре утра, я проснувшись, услышалъ шумъ, голоса, свистки, и заснулъ опять. А часовъ въ семь ко мнѣ лукаво заглянулъ въ каюту дѣдъ.

— Здравствуйте! Поздравляю васъ...

— А что̀?

— Въ морѣ!

— Далеко?

— Да вонъ, Нагасаки видно?

«Ахъ, этотъ старый!.. Узнай отъ него правду!» Я вышелъ на палубу.

Впереди синее море, надъ головой синее небо, да солнце, какъ горячій уголь, пекло лицо, а сзади кучка горъ жмутся другъ къ другу плечами, будто проводить насъ, пожелать счастливаго пути. Это берега Бонинъ-Сима: прощай, Бонинъ-Сима!

4-го августа. Тихій вѣтеръ, ходу шесть узловъ. Жарко въ природѣ, холодно въ душѣ; кругомъ все море да море...

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ОПЕЧАТКИ

Въ первомъ томѣ.

Стран.	Строк.	Напечатано.	Надо читать.
6	4	мелк*им*ъ	мелк*их*ъ.
25	20	дви*жд*нія	дви*же*нія.
29	22	во*ен*аго	во*енн*аго.
45	10	*Но* правда	*Не* правда.
48	24	*бы*	*было*.
52	8	обогати*ть*	обогати*тъ*.
59	10	Невозмо*м*ны	Невозмо*ж*ны.
63	7	воскре*н*ьямъ	воскре*с*еньямъ.
98	20	незате*й*ливомъ	незат*ѣй*ливомъ.
146	18	Ог*ра*мная	Ог*ро*мная.
147	15	иемо*ш*ью	немо*щ*ью.
175	16	ро*в*ною	ра*в*ною.
202	23	этнографич*а*ская	этнографич*е*ская.
258	17	вку*к*омъ	вку*с*омъ.
328	6	*но*	*по*.
357	27	томп*тся*	томи*ться*.
359	9	черн*ѣя*	черн*ѣе*.
411	32	стре*ка*нья	стре*кота*нья.
413	22	в*ро*мя	в*ре*мя.

МАМСНТСВ
С. ПЕТЕРБУРГ

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

И. И. ГЛАЗУНОВА.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

ПО БОЛЬШОЙ САДОВОЙ УЛ., ВЪ ДОМѢ ПУБЛИЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ, №№ 21 и 22.

ВЪ МОСКВѢ:

НА ПЕТРОВКѢ, ПРОТИВЪ КУЗНЕЦКАГО МОСТА, ВЪ ДОМѢ БР. ХОМЯКОВЫХЪ, № 20.

ФРЕГАТЪ

ПАЛЛАДА

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ

ИВАНА ГОНЧАРОВА

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

ТОМЪ II

(Томъ VII по Полн. Собр. Сочиненій)

Изданіе третье, съ перемѣнами

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА ИВАНА ИЛЬИЧА ГЛАЗУНОВА

1879

ФРЕГАТЪ ПАЛЛАДА

ФРЕГАТЪ

ПАЛЛАДА

ОЧЕРКИ ПУТЕШЕСТВІЯ

ИВАНА ГОНЧАРОВА

ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ

ТОМЪ II

Изданіе третье, съ перемѣнами

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА ИВАНА ИЛЬИЧА ГЛАЗУНОВА.

1879

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА, КАЗАНСКАЯ УЛИЦА, № 8.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА.

I.

Русскіе въ Японіи.

стр.

Входъ на нагасакскій рейдъ. — Первые визиты японцовъ. — Видъ рейда и города. — Батареи; деревни. — Переводчики и баніосы. — Караульныя лодки и гребцы. — Передача письма къ губернатору. — Ежедневныя сношенія съ японцами. — Доставка провизіи. — Визитъ Голландцевъ изъ факторіи. — Буря. — Новый переводчикъ. — Переговоры о церемоніалѣ свиданія адмирала съ нагасакскимъ губернаторомъ. — Губернаторскіе секретари. — Торжественный поѣздъ въ Нагасаки. — Пристань и носилки. — Японскіе солдаты. — Улица и домы. — Свиданіе съ губернаторомъ. — Передача письма отъ русскаго правительства къ японскому. — Японское угощеніе. — Ожиданіе отвѣта изъ Едо. — Другой губернаторъ. — Еще переводчикъ. — Годовщина похода. — Спектакль на корветѣ «Оливуца». — Смерть Сіогуна. — Гроза. — Отвѣтъ изъ Едо. — Катанье на шлюпкахъ. — Паппенбергъ. — Крысій островъ. — Подарки. — Важное извѣстіе изъ Едо. — Отплытіе 1

II.

Шанхай.

Сѣдельные острова. — Рыбачья флотилія. — Поѣздка въ Шанхай на купеческой шкунѣ. — Гуцлавъ. — Янсекіянъ. — Пожаръ. — Рѣка и мѣстечко Вусунъ. — Военныя джонки и европейскія суда. — Шанхай. — О чаѣ. — Простой народъ. — Таможня. — Американскій консулъ. — Рѣзная китайская работа. — Улицы и базары. — Лавки и продавцы. — Фрукты, зелень и дичь. — Харчевни. — Европейскіе магазины. — Буддійская часовня. — Шанхайскіе доллары и мѣдная китайская монета. — Окрестности, поля, гулянье англичанъ. — Лагерь

стр

и инсургенты. — Таутай Самква. — Осада города продавцами провизіи. — Обращеніе англичанъ съ китайцами. — Торговля опіумомъ. — Значеніе Шанхая. — Претендентъ на богдыханскій престолъ. — Успѣхи христіанства въ Китаѣ. — Фермы и земледѣльцы. — Китайскія похороны. — Возвращеніе на фрегатъ..... 113

III.

Русскіе въ Японіи.

Взаимные подарки. — Новыя лица. — Извѣстія о японскихъ полномочныхъ. — Условія свиданія съ ними. — Новый годъ. — Опять поѣздъ въ Нагасаки. — Салютъ. — Полномочные и оба губернатора. — Привѣтствія; обѣдъ; разговоры. — Междометія. — Посѣщеніе полномочными фрегата. — Встрѣча; обѣдъ. — Подарки. — Японскія сабли. — Парадный пріемъ и обѣдъ у японцевъ. — Подарки отъ сіогуна. — Письма отъ верховнаго совѣта. — Частыя поѣздки въ Нагасаки для конференціи. — Японскій новый годъ. — Вторичное посѣщеніе фрегата полномочными. — Прощальный обѣдъ у нихъ. — Отъѣздъ..... 180

IV.

Ликейскіе острова.

Видъ берега. — Бо-Тсунгъ. — Базиль Галль. — Идиллія. — Дорога въ столицу. — Столица Чуди. — Каменныя работы. — Пейзажи. — Жители, домы и храмы. — Поля. — Королевскій замокъ. — Зависимость острововъ. — Протестантскій миссіонеръ. — Другая сторона идилліи. — Напа-Кіянъ. — Жилище миссіонера. — Напакіянскій губернаторъ. — Корабль съ китайскими эмигрантами. — Прогулки и отплытіе..... 248

V.

Маниллa.

ОТЪ ЛЮ-ЧУ ДО МАНИЛЛЫ.

Манильскій заливъ. — Островки *Коррехидоръ*, *Конь* и *Монахиня*. — Входъ на рейдъ. — Рѣка Пассигъ. — Улицы, лавки, отель. — Предмѣстье Бинондо и старый городъ. — Тагалы, китайцы, метисы и испанцы. — Окрестности. — Растительность. — Плантаціи. — Кальсадо. — Французскіе миссіонеры. — Издѣлія изъ соломы и ананасныхъ волоконъ. — Церкви Санта-

стр.

Круцъ и Мигель. — Ученье солдатъ. — Женщины. — Ящерицы въ домахъ. — Ванны. — Визиты къ испанцамъ. — Табачная фабрика. — Французскій епископъ. — Испанскій монастырь. — Соборъ. — Богомольцы и проповѣдники. — Пѣтушьи бои. — Породы деревьевъ. — Канатная фабрика. — Запасъ сигаръ. — Дамы на фрегатѣ. — Происхожденіе словъ *Люсонъ* и *Манилла*. — Красота природы. — Географическая, историческая и статистическая замѣтка о Филиппинскихъ островахъ 288

VI.

Отъ Маниллы до береговъ Сибири.

Качающаяся мачта. — Островъ Батанъ. — Padre и алькадъ. — Сулой. — Островъ Камигуинъ, портъ Піо-квинто. — Красное дерево. — Птицы и насѣкомыя. — Бананы. — Драконъ, пожирающій утокъ. — Обѣдъ въ тропическомъ лѣсу. — Китъ. — Акула. — Островъ Гамильтонъ. — Камеліи. — Корейцы. — Вѣсти изъ Шанхая. — Нагасаки. — Второй губернаторъ. — Подарки. — Провизія. — Острова Гото. — Берега Кореи; опись ихъ и повѣрка картъ. — Заливъ Лазарева. — Прогулки по берегу. — Сильные туманы. — Змѣя. — Сношенія съ жителями. — Непріятность. — Рѣка Тайманьга. — Историческая замѣтка о Кореѣ. — Татарскій проливъ. — Шквалъ. — Большой заливъ. — Жители. — Тунгусъ Аѳонька. — Гиляки 368

VII.

Обратный путь черезъ Сибирь.

Плаваніе по Охотскому морю. — Китоловъ. — Петровское зимовье. — Аянскіе утесы и рейдъ. — Сборы въ путь. — Верховая ѣзда. — Восхожденіе на Джукджуръ. — Горы и болота. — Нельканъ и рѣка Мая. — Якуты и русскіе поселенцы. — Опять верхомъ. — Лѣса и болота. — Юрты. — Телѣги 435

VIII.

Изъ Якутска.

Ураса. — Станціонный смотритель. — Ночлегъ на берегу Лены. — Перевозъ. — Якутскъ. — Сборы въ дорогу. — Мѣховое платье. — Русскіе миссіонеры. — Переводъ св. писанія на якутскій языкъ. — Якуты, тунгусы, карагаули, чукчи. — Чиновники, купцы. — Проводы..... 486

стр.

IX.

До Иркутска.

Городъ Олекма. — Лена. — Станціи по ней. — Сорокъ градусовъ мороза. — Вино и щи въ кускахъ. — Юрты съ чувалами. — Лѣса. — Тунгусы. — Витима. — Киренскъ. — Лошади и ямщики 533

Черезъ двадцать лѣтъ 552

I.

РУССКІЕ ВЪ ЯПОНІИ.

ВЪ КОНЦѢ 1853 И ВЪ НАЧАЛѢ 1854 ГОДОВЪ.

Входъ на Нагасакскій рейдъ. — Первые визиты японцевъ. — Видъ рейда и города. — Батареи; деревни. — Переводчики и баніосы. — Караульныя лодки и гребцы.—Передача письма къ губернатору.— Ежедневныя сношенія съ японцами.—Доставка провизіи. — Визитъ Голландцевъ изъ факторіи. — Буря. — Новый переводчикъ. — Переговоры о церемоніалѣ свиданія адмирала съ нагасакскимъ губернаторомъ. — Губернаторскіе секретари. — Торжественный поѣздъ въ Нагасаки. — Пристань и носилки. — Японскіе солдаты. — Улица и домы. — Свиданіе съ губернаторомъ. — Передача письма отъ русскаго правительства къ японскому. — Японское угощеніе. — Ожиданіе отвѣта изъ Едо. — Другой губернаторъ. — Еще переводчикъ. — Годовщина похода. — Спектакль на корветѣ «Оливуца». — Смерть Сіогуна. — Гроза. — Отвѣтъ изъ Едо. — Катанье на шлюпкахъ. — Паппенбергъ.—Крысій островъ.—Подарки. — Важное извѣстіе изъ Едо. — Отъѣздъ.

Нагасакскій рейдъ. Съ 10 августа 1853 года.

Отъ острововъ Бонинъ-Сима до Японіи—не путешествіе, а прогулка, особенно въ августѣ: это лучшее время года въ тѣхъ мѣстахъ. Небо и море спорятъ другъ съ другомъ, кто лучше, кто тише, кто синѣе, словомъ, кто болѣе понравится путешественнику. Мы въ пять дней прошли 850 миль. Наше судно, какъ старшее, давало сигналы другимъ тремъ, и одно изъ нихъ вело на буксирѣ. Таща его на

двухъ канатахъ, мы могли видѣться съ бывшими тамъ товарищами; иногда перемолвимъ и слово, написанное на большой доскѣ складными буквами.

9-го августа, при той же ясной, но, къ сожалѣнію, черезчуръ жаркой погодѣ, завидѣли мы тридесятое государство. Это были еще самые южные острова, крайніе предѣлы, только островки и скалы японскаго архипелага, носившіе европейскія и свои имена. Тутъ были Юлія, Клара, далѣе Якуносима, Номосима, Ивосима, потомъ пошли *саки*: Тагасаки, Коссаки, Нагасаки. *Сима* значитъ островъ, *саки*—мысъ, или наоборотъ, не помню.

Вотъ достигается наконецъ цѣль десятимѣсячнаго плаванія, трудовъ. Вотъ этотъ запертой ларецъ, съ потеряннымъ ключемъ, страна, въ которую заглядывали, до-сихъ-поръ съ тщетными усиліями, склонить, и золотомъ, и оружіемъ, и хитрой политикой, на знакомство. Вотъ многочисленная кучка человѣческаго семейства, которая ловко убѣгаетъ отъ ферулы цивилизаціи, осмѣливаясь жить своимъ умомъ, своими уставами, которая упрямо отвергаетъ дружбу, религію и торговлю чужеземцевъ, смѣется надъ нашими попытками просвѣтить ее, и внутренніе, произвольные законы своего муравейника противоставитъ, и естественному, и народному, и всякимъ европейскимъ правамъ, и всякой неправдѣ.

Долго ли такъ будетъ? говорили мы, лаская рукой 60-ти фунтовыя бомбовыя орудія. Хоть бы японцы допустили изучить свою страну, узнать ея естественныя богатства: вѣдь въ географіи и статистикѣ мѣстъ, съ осѣдлымъ населеніемъ земнаго шара, почти только одинъ пробѣлъ и остается — Японія. Странная, занимательная пока своею неизвѣстностью земля, растянулась отъ 32 до 40 слишкомъ градусовъ широты, слѣдовательно съ одной стороны южнѣе Ма-

деры. Въ ней господствуетъ зной и морозы, растутъ пальма и сосна, персикъ и клюква. Тамъ есть горы, равныя нашимъ высочайшимъ горамъ, горящіе пики, и въ горахъ— мы знаемъ уже — родится лучшая мѣдь въ свѣтѣ, но не знаемъ еще, нѣтъ ли тамъ лучшихъ алмазовъ, серебра, золота, топазовъ, и наконецъ что̀ дороже золота, лучшаго каменнаго угля, этого самаго дорогаго минерала XIX-го столѣтія.

Мы завидѣли мысъ Номо, обозначающій входъ на нагасакскій рейдъ. Всѣ собрались на ютѣ, любуясь на зеленые, ярко обливаемые солнцемъ берега. Но здѣсь насъ не встрѣтили уже за нѣсколько миль лодки, съ фруктами, раковинами, обезьянами и попугаями, какъ на Явѣ и въ Сингапурѣ, и особенно съ предложеніемъ *перевезти на берегъ*: напротивъ!

Мы входили, немного съ стѣсненнымъ сердцемъ, покрайней-мѣрѣ я, съ тяжелымъ чувствомъ, съ какимъ входять въ тюрьму, хотя бы эта тюрьма была обсажена деревьями.

Но это что̀ несется мимо насъ по водѣ: какая-то маленькая, разукрашенная разноцвѣтными флюгарками шлюпка-игрушка? «Это у нихъ религіозный обрядъ», сказалъ одинъ изъ насъ. «Нѣтъ», перебилъ другой: «это просто суевѣрный обычай». — «Гаданье», замѣтилъ третій: «видите, видите, еще такая же плыветъ? — это гаданье; они пробуютъ счастья». — «Нѣтъ, позвольте, заговорилъ кто-то: «у Кемпфера говорится»...—«Просто игрушки: мальчишки пустили», проворчалъ сквозь зубы дѣдъ. И чуть-ли это мнѣніе было не справедливѣе всѣхъ ученыхъ замѣчаній. Но здѣсь всякая мелочь казалась знаменательною особенностью.

Вдругъ появилась лодка, только ужь не игрушка, и въ

ней трое или четверо японцевъ, два одѣтые, а два нагіе, свѣтло-красноватаго цвѣта, загорѣлые, съ бѣлой, тоненькой повязкой кругомъ головы, чтобъ волосы не трепались, да такой же повязкой около поясницы—вотъ и все. Впрочемъ наши еще утромъ видѣли японцевъ.

Я только-что проснулся, Ѳаддеевъ донесъ мнѣ, что пріѣзжали голые люди и подали на палкѣ какую-то бумагу. «Что жь это за люди?» спросилъ я. «Японецъ, должно быть», отвѣчалъ онъ. Японцы остановились саженяхъ въ трехъ отъ фрегата и что-то говорили намъ, но ближе подъѣхать не рѣшались; они пятились отъ высунувшихся изъ полупортиковъ пушекъ. Мы махали имъ руками и платками, чтобъ они вошли.

Наконецъ они рѣшились, и мы толпой окружили ихъ: это первые наши гости въ Японіи. Они съ боязнью озирались вокругъ, и положивъ руки на колѣни, присѣдали и кланялись чуть не до земли. Двое были одѣты бѣдно: на нихъ была синяя верхняя кофта, съ широкими рукавами, и халатъ, туго обтянутый вокругъ поясницы и ногъ. Халатъ держался широкимъ поясомъ. А еще? еще ничего; ни панталонъ, ничего...

Обувь состояла изъ синихъ короткихъ чулокъ, застегнутыхъ вверху пуговкой. Между большимъ и слѣдующимъ пальцемъ шла тесемка, которая прикрѣпляла къ ногѣ соломенную подошву. Это одинаково, и у богатыхъ, и у бѣдныхъ.

Голова вся бритая, какъ и лицо, только съ затылка волосы подняты кверху и зачесаны въ узенькую, коротенькую, какъ-будто отрубленную косичку, крѣпко лежавшую на самой маковкѣ. Сколько хлопотъ за такой хитрой и безобразной прической! За поясомъ у одного, старшаго, заткнуты были двѣ сабли, одна короче другой. Мы попросили показать и нашли превосходные клинки.

Мы повели гостей въ капитанскую каюту: тамъ дали имъ наливки, чаю, конфектъ. Они еще съ лодки все показывали на нашу фор-брам-стеньгу, на которой развѣвался кусокъ бѣлаго полотна, съ надписью на японскомъ языкѣ: *судно россійскаго государства*. Они просили списать ее, по приказанію, разумѣется, чтобъ отвезти въ городъ, начальству.

Черезъ полчаса явились другіе, одѣтые побогаче. Они привезли бумагу, въ которой дѣлались обыкновенныя предостереженія: не съѣзжать на берегъ, не обижать японцевъ и т. п. Имъ такъ понравилась наливка, что они выпросили, что̀ осталось въ бутылкѣ, для гребцовъ будто бы, но я увѣренъ, что они имъ и понюхать не дали.

Въ бумагѣ еще правительство, на французскомъ, англійскомъ и голландскомъ языкахъ, просило остановиться у такъ называемыхъ *Ковальскихъ* воротъ, на первомъ рейдѣ, и не ходить далѣе, въ избѣжаніе *большихъ непріятностей*, прибавлено въ бумагѣ, безъ объясненія, какихъ и для кого. Надо думать, что для губернаторскаго брюха.

Японское правительство—какъ мы знали изъ книгъ и потомъ убѣдились, и при этомъ случаѣ, и впослѣдствіи сами — требуетъ безусловнаго исполненія предписанной мѣры, и въ случаѣ неисполненія, зависѣло ли оно отъ исполнителя, или нѣтъ, послѣдній остается въ отвѣтѣ. Напримѣръ, иностранные корабли не иначе допускаются на второй и третій рейды, какъ съ разрѣшенія губернатора. Мы разрѣшенія не требовали, но къ намъ явилась третья партія японцевъ, человѣкъ восемь, кромѣ гребцовъ, и привезла «разрѣшеніе» идти и на второй рейдъ. Всѣ эти посѣщенія быстро слѣдовали одно за другимъ. Губернаторъ поспѣшилъ прислать разрѣшеніе, не зная, намѣрены ли мы, по первому извѣщенію, остановиться на ука-

занномъ мѣстѣ. Еслибъ ему предписано было, напримѣръ, истребить насъ, онъ бы, конечно, не могъ, но все-таки долженъ бы былъ стараться объ этомъ, а въ случаѣ неудачи, *распороть себѣ брюхо*.

Я полагаю такъ, судя потому, что одинъ изъ нагасакскихъ губернаторовъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, распоролъ себѣ брюхо оттого, что командиръ англійскаго судна не хотѣлъ принять присланныхъ чрезъ этого губернатора подарковъ отъ японскаго двора. Губернатору приказано было отдать подарки, капитанъ не принялъ, и губернаторъ остался виноватъ, *зачѣмъ не отдалъ*.

Вскрывать себѣ брюхо—самый употребительный здѣсь способъ умирать поневолѣ, по-крайней-мѣрѣ такъ было въ прежнія времена. Заупрямься кто сдѣлать это, правительство принимаетъ этотъ трудъ на себя; но тогда виновный, кромѣ позора публичной казни, подвергается лишенію имѣнія, и это падаетъ на его семейство. Кто-то изъ путешественниковъ разсказываетъ, что здѣсь, въ кругъ воспитанія молодыхъ людей, входило между прочимъ искусство, ловко, сразу распарывать себѣ брюхо. Впослѣдствіи, при случаѣ какъ-нибудь, разскажу объ этомъ что̀ узнаю подробнѣе. Теперь нѐкогда.

Третья партія японцевъ была лучше одѣта: кофты у нихъ изъ тонкой, полупрозрачной, черной матеріи, у нѣкоторыхъ вытканы бѣлые знаки на спинахъ и рукавахъ—это гербы. Каждый, даже земледѣлецъ, имѣетъ гербъ и право носить его на своей кофтѣ. Но нѣкоторые получаютъ отъ своихъ начальниковъ, и вообще отъ высшихъ лицъ, право носитъ ихъ гербы, а высшіе сановники — отъ Сіогуна, какъ у насъ ордена.

Но не всѣ имѣютъ право носить по двѣ сабли за поясомъ: эта честь предоставлена только высшему классу и

офицерамъ; солдаты носятъ по одной, а простой классъ вовсе не носитъ; да онъ же ходитъ голый, такъ ему не за что̀ было бы и прицѣпить ее, развѣ зимой.

Кофта у гостей, или хозяевъ нашихъ — какъ хотите, застегивалась длинными шелковыми снурками.

Они объявили, что они переводчики, *опперъ — толки* и *ондеръ — толки*, то есть старшіе и младшіе. Они назначаются для сношеній съ голландской факторіей. Мы посадили ихъ въ капитанскую каюту, и они вынули бумагу, въ которой предлагалось множество вопросовъ.

Переводчиковъ здѣсь цѣлое сословіе: въ короткое время у насъ перебывало около тридцати, а всѣхъ ихъ около шестидесяти человѣкъ; немного не достаетъ до счета семидесяти толковниковъ. Они знаютъ только голландскій языкъ и употребляются для сношеній съ голланцами, которые, сидя тутъ по цѣлымъ годамъ, могли бы конечно и сами выучиться по-японски. Но кто станетъ учить ихъ? это запрещено подъ смертною казнью. По китайски японцы знаютъ всѣ, какъ мы по-французски, какъ шведы по-нѣмецки, какъ ученые по-латынѣ. Пишутъ и по-японски, и по-китайски, но только произносятъ китайскія письмена по-своему. Вообще все, языкъ, вѣра ихъ, обычаи, одежда, культура и воспитаніе, все пришло къ нимъ отъ китайцевъ.

Мы уже были предупреждены, что насъ встрѣтятъ здѣсь вопросами, и оттого приготовились отвѣчать, ка̀къ слѣдуетъ, со всею откровенностью. Они спрашивали: откуда мы пришли, давно ли вышли, какого числа, сколько у насъ людей на каждомъ кораблѣ, какъ матросовъ, такъ и офицеровъ; сколько пушекъ и т. п.

Между прочимъ, послѣ заявленія нашего, что у насъ есть письмо къ губернатору, они спросили, отчего же мы одно письмо привезли на четырехъ судахъ? Въ этомъ про-

ническомъ вопросѣ проглядывала дѣтская недовѣрчивость къ нашему приходу и подозрительность на счетъ какихъ-нибудь враждебныхъ замысловъ съ нашей стороны. Мы поспѣшили успокоить ихъ и отвѣчали на все искренно и простодушно, и въ тоже время не могли воздержаться отъ улыбки, глядя на эти мягкія, гладкія, бѣлыя, изнѣженныя лица, лукавыя и смышленныя физіономіи, на косички и на присѣданья.

Они ознакомились съ нами и ободрились ласковымъ обхожденіемъ. Имъ принесли сладкихъ пирожковъ, наливокъ, вина. Они вглядывались во все съ любопытствомъ, осматривали все въ каютѣ, раскрыли ротъ отъ удивленія, когда кто-то дотронулся до клавишей фортепьяно. Имъ предложили сигаръ, но они не знали, какъ съ ними обойтись: одинъ закуривалъ, не откусивъ кончика, другой не съ той стороны. Сигары были не по нихъ: крѣпки. Одному сдѣлалось дурно отъ духоты въ каютѣ, а можетъ-быть и отъ качки, хотя волненіе было слабое и движеніе фрегата едва замѣтное. Они вообще очень нѣжны. Напримѣръ, не могли вовсе сидѣть въ каютѣ, безпрестанно отирали потъ съ головы и лица, отдувались и обмахивались вѣерами. Они вынимали изъ запазухи свой табакъ, чубуки изъ пальмоваго дерева, съ серебрянымъ мундштукомъ и трубочкой, величиной съ половину самаго маленькаго женскаго наперстка. Табакъ лежалъ въ бумажномъ кисетѣ, неболѣе porte-monnaie. Японецъ бралъ оттуда щепотъ табаку, скатывалъ его въ комокъ, какъ вату, или пеньку, когда хотятъ положить ее въ ухо, клалъ въ трубку, и курнувъ раза три, выбрасывалъ пепелъ и пряталъ трубку за пазуху. Все это дѣлалось съ удивительной быстротой. Табакъ очень тонокъ и волокнистъ, какъ ленъ, красножелтаго цвѣта, и напоминаетъ немного вкусомъ турецкій, но

только очень слабъ, а видомъ похожъ на рыжіе густые волосы.

Какъ навастривали они уши, когда раздавался какой-нибудь шумъ на палубѣ: ихъ пугало, когда вдругъ люди побѣгутъ по вантамъ, или потянутъ какую-нибудь снасть и затопаютъ. Они ѣхали съ нами, а лодка ихъ съ гребцами шла у насъ на бакштовѣ.

Наконецъ мы вошли на первый рейдъ и очутились среди островов и холмовъ. Здѣсь засталъ насъ штиль и потомъ подулъ противный вѣтеръ; надо было лавировать. «Куда жь вы?» говорили японцы, не понимая лавировки: «вамъ надо сюда, налѣво». Наконецъ вошли и на второй рейдъ, на указанное мѣсто.

Что это такое? декорація, или дѣйствительность? какая мѣстность! Близкіе и дальніе холмы, одинъ другаго зеленѣе, покрытые кедровникомъ и множествомъ другихъ деревьевъ — нельзя разглядѣть какихъ, толпятся амфитеатромъ, одинъ надъ другимъ. Нѣтъ ничего страшнаго; все улыбающаяся природа: за холмами, вѣрно смѣющіяся долины. поля... Да смѣется ли этотъ народъ? Судя по голымъ, палимымъ зноемъ гребцамъ, изъ которыхъ вонъ трое завернулись, сидя на лодкѣ, въ одно какое-то пестрое одѣяло, отъ солнца, нельзя думать, чтобъ народъ очень улыбался среди этихъ холмовъ. Всѣ горы изрѣзаны бороздами и обработаны сверху до низу.

Вонъ деревни жмутся въ тѣснинахъ, кое-гдѣ разбросаны хижины. А это что: какія-то занавѣски, съ нарисованными на нихъ, бѣлой и черной краской, кругами? гербы Физенскаго и Сатсумскаго удѣльныхъ князей, сказали намъ гости. Дунулъ вѣтерокъ, занавѣски заколебались и обнаружили пушки: въ одномъ мѣстѣ три, съ развалившимися станками, въ другомъ одна вовсе безъ станка—какъ страш-

но! Наши артиллеристы подозрѣваютъ, что на этихъ батареяхъ есть и деревянныя пушки.

Гдѣ же Нагасаки? Города еще не видать. А! вотъ и Нагасаки. Отчего жь не Нангасаки? оттого что настоящее названіе — *Нагасаки*, а буква *н* прибавляется такъ, для шика, также какъ и другія буквы къ нѣкоторымъ словамъ. «Нагасаки — единственный портъ, куда позволено входить однимъ только голландцамъ», сказано въ географіяхъ, и куда, надо бы прибавить давно, прочіе ходятъ безъ позволенія. Слѣдовательно привилегія ни въ какомъ случаѣ не на сторонѣ голландцевъ во многихъ отношеніяхъ.

«Такъ это Нагасаки!» слышалось со всѣхъ сторонъ, когда стали на якорь на второмъ рейдѣ, въ виду третьяго, и всѣ трубы направились на мѣстность, среди которой мы очутились. Въ Нагасаки три рейда: одинъ очень открытъ съ моря и защищенъ съ двухъ сторонъ. Тамъ налѣво, на срытомъ холмѣ, строится батарея и, кажется, по замѣчанію нашихъ артиллеристовъ, порядочная. Но городъ, конечно, не весь видѣнъ, говорили мы: это, вѣроятно, только часть, и самая плохая, предмѣстье; тутъ все домишки, да хижины! Гдѣ же зданія, дворцы, храмы, о которыхъ пишетъ Кемпферъ и другіе, особенно Кемпферъ, насчитывая ихъ невѣроятное число? Должно быть, тамъ, дальше, за мысомъ.

Но какіе виды вокругъ! что̀ за перспектива вдали! Вотъ стоишь при входѣ на второй рейдъ, у горы Паппенбергъ, и видишь море, но за-то видишь только профиль мыса, заграждающаго видъ на Нагасаки, видишь и узенькую бухту Кибачъ, всю. Передвинешься на средину рейда — море спрячется, за-то вдругъ раздвинется весь заливъ налѣво, съ островами Кагена, Катакасима, Каменосима, и видишь

мысъ en face, а берегъ направо покажетъ свои обработанныя террасы, какъ исполинскую зеленую лѣстницу, идущую по всей горѣ, отъ волнъ до облаковъ.

Мы стали прекрасно. Вообразите огромную сцену, въ глубинѣ которой, верстахъ въ трехъ отъ васъ, видны высокіе холмы, почти горы, и у подошвы ихъ куча домовъ, съ бѣлыми известковыми стѣнами; черепичными, или деревянными кровлями. Это и есть городъ, лежащій на берегу полукруглой бухты. Отъ бухты идетъ проливъ, широкій, почти какъ Нева, съ зелеными, холмистыми берегами, усѣянными хижинами, батареями, деревнями, кедровникомъ и нивами.

Декорація бухты, рейда, со множествомъ лодокъ, страннаго города, съ кучей сѣренькихъ домовъ, проливъ съ холмами, эта зелень, яркая на близкихъ, блѣдная на дальнихъ холмахъ, все такъ гармонично, живописно, такъ непохоже на дѣйствительность, что сомнѣваешься, не нарисованъ ли весь этотъ видъ, не взятъ ли цѣликомъ изъ волшебнаго балета?

Что за заливцы, уголки, пріюты прохлады и лѣни, образуютъ узоръ береговъ въ проливѣ! Вонъ тамъ идетъ глубоко въ холмъ ущелье, темное, какъ корридоръ, лѣсистое, и такое узкое, что, кажется, ежеминутно грозитъ раздавить далеко запрятавшуюся туда деревеньку. Тутъ маленькая, обстановленная деревьями бухта, сонное затишье, гдѣ всегда темно и прохладно, гдѣ самый сильный вѣтеръ чуть-чуть рябитъ волны; тамъ безпечно отдыхаетъ вытащенная на берегъ лодка, уткнувшись однимъ концомъ въ воду, другимъ въ песокъ.

Налѣво широкій и длинный заливъ, съ извилинами и углубленіями. По срединѣ его Паппенбергъ и Каменосима—двѣ горы игрушки, покрытыя ощетинившимся лѣ-

сомъ, какъ-будто двѣ головы съ взъерошенными волосами. Ихъ обтекаютъ со всѣхъ сторонъ миньятюрные проливы, а вдали видна отвѣсная скала и море.

Направо идетъ высокій холмъ, съ отлогимъ берегомъ, который такъ и манитъ взойти на него по этимъ зеленымъ ступенямъ террасъ и грядъ, несмотря на запрещеніе японцевъ. За нимъ тянется рядъ низенькихъ, капризно-брошенныхъ холмовъ, изъ-за которыхъ глядятъ серьёзно и угрюмо довольно-высокія горы, отступивъ немного, какъ взрослые изъ-за дѣтей, Далѣе проливъ, теряющійся въ морѣ; по свѣтлой поверхности пролива чернѣютъ разбросанные камни. На послѣднемъ планѣ синѣетъ мысъ Номо.

Проливъ отдѣляетъ нагасакскій берегъ отъ острова Кагена, который, въ свою очередь, отдѣляется другимъ проливомъ отъ острова Ивосима, а тамъ чисто, море— и больше ничего.

Вездѣ уступы, мыски, или отставшія отъ берега, обросшія зеленью и деревьями глыбы земли. Мѣстама группы зелени и деревьевъ лѣпятся на окраинахъ утесовъ, точно исполинскіе букеты цвѣтовъ. Вездѣ перспектива, картина, точно артистически-обдуманная прихоть!

Но съ страннымъ чувствомъ смотрю я на эти игриво-созданные, смѣющіеся берега: непріятно видѣть этотъ сонъ, отсутствіе движенія. Люди появляются рѣдко; животныхъ не видать; я только разъ слышалъ собачій лай. Нѣтъ людской суеты; мало признаковъ жизни. Кромѣ караульныхъ лодокъ, другія робко и торопливо скользятъ у береговъ, съ двумя, тремя голыми гребцами, съ слюнявымъ мальчишкой, или остроглазой дѣвчонкой.

Такъ ли должны быть населены эти берега? Куда спрятались жители? зачѣмъ не шевелятся они толпой на этихъ берегахъ? отчего не видно работы, возни, нѣтъ шума, га-

ма, криковъ, пѣсенъ, словомъ кипѣнія жизни, или «мышьей бѣготни», по выраженію поэта? Зачѣмъ по этимъ широкимъ водамъ не снуютъ взадъ и впередъ пароходы, а тащится какая-то неуклюжая большая лодка, завѣшенная синими, бѣлыми, красными тканями? Оттуда слышенъ однообразный звукъ бумъ-бумъ-бумъ японскаго барабана: это, скажутъ вамъ, Физенскій, или Сатсумскій князья объѣзжаютъ свои владѣнія.

Вы знаете, что Японія раздѣлена на удѣлы, которые всѣ зависятъ отъ Сіогуна, платятъ ему дань и содержатъ войска. Городъ Нагасаки принадлежитъ ему, а кругомъ лежатъ владѣнія князей.

Зачѣмъ же, говорю я, такъ пусты и безжизненны эти прекрасные берега? зачѣмъ такъ скучно смотрѣть на нихъ, до того, что и выйти изъ каюты не хочется? Скоро ли же это все заселится, оживится?

Мы спрашиваемъ объ этомъ здѣсь у японцевъ, затѣмъ и пришли, да вотъ не можемъ добиться отвѣта. Чиновники говорятъ, что надо спросить у губернатора, губернаторъ пошлетъ въ Едо, къ Сіогуну, а тотъ пошлетъ въ Міако, къ Микадо, сыну неба: сами рѣшите, когда мы дождемся отвѣта!

Всѣ мы стояли на палубѣ, кто чѣмъ занятъ; у всѣхъ почти трубы въ рукахъ. Одни занимались уборкою парусовъ, другіе прилежно изучали карту, и въ томъ числѣ дѣдъ, который отъ карты бѣгалъ на ютъ, съ юта къ картѣ; и хотя ворчалъ на невѣрность ея, на неизвѣстность мѣста, но былъ доволенъ, что труды его кончались. Другіе просто думали о томъ что̀ видѣли, глядя туда и сюда, въ томъ числѣ и я. Меня хотя и занимала новость предмета, и проникался я прелестью окружавшихъ насъ картинъ природы, но тутъ же, рядомъ съ этими впечатлѣ-

ніями, чувствовалась, и особенно предчувствовалась скука. Я бы охотно промѣнялъ Японію на Маниллу, на Бразилію, или на Сандвичевы острова — на что̀ хотите. Не скучно ли видѣть столько залоговъ природныхъ силъ, богатства, всякихъ даровъ, въ неискусныхъ, или, скорѣе-несвободныхъ, связанныхъ какими-то ненужными путами рукахъ!

Да я ли одинъ скучаю? Вонъ П. А. сокрушительно вздыхаетъ, не зная, какъ онъ будетъ продовольствовать насъ: дадутъ ли японцы провизіи, будутъ ли возить свѣжую воду; а если и дадутъ, то по какимъ цѣнамъ? и т. п. Отъ презервовъ многіе «*воротятъ носы*», говоритъ онъ.

Кстати о презервахъ: кажется, я о нихъ не говорилъ ни слова. Это совсѣмъ изготовленная и герметически-закупоренная въ жестянкахъ провизія всякаго рода: супы, мясо, зелень и т. п. Полезное изобрѣтеніе—что̀ и говорить! Но дѣло въ томъ, что эту провизію иногда ѣсть нельзя: продавцы употребляютъ во зло довѣренность покупателей; а повѣрить ихъ нельзя: не станешь вскрывать каждый, наглухо-закупоренный и залитой свинцомъ ящикъ. Послѣ уже, въ морѣ окажется, что говядина похожа вкусомъ на телятину, телятина — на рыбу, рыба — на зайца, а все вмѣстѣ ни на что̀ не похоже. И часто все это имѣетъ одинъ цвѣтъ и запахъ. Говорятъ, у французовъ дѣлаютъ презервы лучше: не знаю. Мы купили ихъ въ Англіи. Вонъ и другіе тоже скучаютъ: С. не знаетъ, будетъ ли уголь, позволятъ ли рубить дрова, пустятъ ли на берегъ освѣжиться людямъ? Б. насупился, думая, удастся ли ему... хоть увидѣть женщинъ. Онъ ужь глазѣлъ на всѣ японскія лодки, ища, между этими голыми тѣлами, не такое красное и жосткое, какъ у гребцовъ. Косы и кофты мужчинъ вводили его иногда въ печальное заблужденіе...

Японцы уѣхали. Насталъ вечеръ; затеплились звѣзды и, въ добавокъ, между [illegible]ась комета. Мы наблюдаемъ ее уже третій вечеръ, едва успѣвая ловить на горизонтѣ — такъ рано скрывается она.

Насъ, издали, саженяхъ во ста отъ фрегата, и въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, окружали караульныя лодки, ярко освѣщенныя разноцвѣтными огнями въ большихъ, круглыхъ, крашеныхъ фонаряхъ изъ рыбьей кожи; на нѣкоторыхъ были даже смоляныя бочки. Съ послѣднимъ лучомъ солнца, по высотамъ загорѣлись огни и нитями опоясали вершины холмовъ, унизали берега — словомъ, нельзя было нарочно зажечь иллюминаціи великолѣпнѣе въ честь гостей, какую японцы зажгли изъ страха, что вотъ сейчасъ, того-гляди, гости нападутъ на нихъ. Вездѣ перекликались караульные; лодки ходили взадъ и впередъ. Гребцы гребли стоя, съ крикомъ *оссильянъ*, *оссильянъ*, чтобъ дружнѣе работать. По горамъ, въ лѣсу, огни, точно звѣзды, плавали, опускаясь и подымаясь по скатамъ холмовъ: видно было, что вездѣ разставлены люди, что на насъ смотрѣли тысячи глазъ, сторожили каждое движеніе.

Все мало-по-малу утихало на нашихъ судахъ. Пробили зорю, съиграли гимнъ *Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ* и матросы улеглись. Многіе изъ насъ и чаю не пили, не ужинали: все смотрѣли на берега и на ихъ отраженія въ водѣ, на иллюминацію, на лодки, толкуя, предсказывая успѣхъ, или неуспѣхъ дѣла, догадываясь о характерѣ этого народа. Потомъ, одинъ за другимъ, разбрелись. Я остался и вслушивался въ трескъ кузнечиковъ. доносившійся съ берега, въ тихій плескъ волнъ; смотрѣлъ на игру фосфорическихъ искръ въ водѣ и на дальнія отраженія береговыхъ огней въ зеркалѣ залива. Здѣсь уже не было буруна, наводящаго тоску на душу, какъ на Бонинъ-Сима, только зарница ярко

играла надъ холмами. И я наконецъ ушелъ и легъ спать, но долго еще мерещились мнѣ женоподобные, присѣдающіе японцы, ихъ косы, кофты, и во снѣ преслѣдовалъ долетавшій до ушей крикъ: «оссильянъ, оссильянъ!»

Хи! хи! хи! слышу въ каютѣ у сосѣда, просыпаясь поутру, спустя нѣсколько дней по приходѣ, потомъ тихій шопотъ, и повременамъ внезапное возвышеніе голоса на какомъ-нибудь словѣ. Ѳаддеевъ стоитъ подлѣ меня, съ чаемъ. «Давно ты тутъ?» — «Въ началѣ седьмой склянки в. в.» — «А теперь которая?» — «Да вонъ, слышишь?» Въ это время забилъ барабанъ, заиграла музыка, значитъ восемь часовъ. «Что̀ тамъ такое рядомъ въ каютѣ?» спросилъ я. — «Извѣстно что̀, японецъ!» отвѣчалъ онъ. «Зачѣмъ они пріѣхали?» — «А кто ихъ знаетъ?» — «Ты бы спросилъ». — «А какъ я его спрошу? намъ съ нимъ говорить-то все равно, какъ свиньѣ съ курицей...» —

Отъ японцевъ намъ отбоя нѣтъ: каждый день, съ утра до вечера, по нѣскольку разъ. Какихъ тутъ нѣтъ: опперъ-баніосы, ондеръ-баніосы, опперъ-толки, ондеръ-толки, и потомъ еще куча сволочи, ихъ свита. Но лучше разсказать попорядку, что̀ позамѣчательнѣе.

На другой день, а можетъ-быть и дня черезъ два послѣ посѣщенія переводчиковъ, пріѣхали три или четыре лодки, украшенныя флагами, флажками, значками, гербами и пиками — все аттрибуты военныхъ лодокъ, хотя на лодкахъ были тѣ-же голые гребцы и ни одного солдата. Намъ здѣсь все еще было ново и мы съ нетерпѣніемъ ждали, что̀ это такое. Лодки хоть куда: немного похожи на наши зимнія, крестьянскія розвальни: широкія, плоскодонныя, съ открытой кормой. Онѣ всѣ чисто выстроены изъ бѣлаго лѣса, съ навѣсомъ, покрытымъ цыновками. Весла у гребцовъ длинныя, состоящія изъ двухъ

частей, связанныхъ посрединѣ. Весло привязано къ лодкѣ и гребецъ, стоя, ворочаетъ его къ себѣ и отъ себя. Гребцовъ, смотря по величинѣ лодки, бываетъ отъ 4 до 8, и даже до 12 человѣкъ. Лодка — это пловучій домъ. Тутъ есть все: маленькій очагъ — варить пищу, и вся домашняя утварь. На караульныхъ лодкахъ поочереди дежурятъ чиновники, чтобъ наблюдать за нашими дѣйствіями. Этотъ порядокъ принятъ издавна въ отношеніи ко всѣмъ иностраннымъ судамъ.

Сначала вошли на палубу переводчики. «Опперъ-баніосы», говорили они почтительнымъ шопотомъ, указывая на лодки, а сами стали въ рядъ. Вскорѣ показались и вошли на трапъ, потомъ на палубу, двое японцевъ, поблагообразнѣе и понаряднѣе прочихъ. Переводчики встрѣтили ихъ, положивъ руки на колѣни и поклонившись почти до земли. За ними вошло человѣкъ двадцать свиты.

Опперъ-баніосы, одинъ худой, съ пріятнымъ лицомъ, съ выдавшеюся верхнею челюстью и большими зубами, похожими на клыки, какъ у многихъ японцевъ. Другой, рябоватый, съ умнымъ лицомъ, и съ такою же челюстью, какъ у перваго. На нихъ, сверхъ черной кофты изъ льняной матеріи и длиннаго шелковаго халата, были еще цвѣтныя, шелковыя же юбки, съ разрѣзанными боками и шелковыми кистями. За пазухой, по обыкновенію, былъ цѣлый магазинъ всякой всячины: тамъ лежала трубка, бумажникъ, платокъ для отиранія пота и куча листковъ тонкой, проклееной, очень крѣпкой бумаги, на которой они пишутъ, отрывая по листку, въ которую сморкаются, и наконецъ завертываютъ въ нее, что̀ нужно. Они присѣли, положивъ руки на колѣни, т. е. поклонились нашимъ.

По-японски ихъ зовутъ *гокейнсы*. Они старшіе въ городѣ, послѣ губернатора и секретарей его, лица. Ихъ

повели на ютъ, куда принесли стулья; гокейнсы сѣли, а прочіе отказались сѣсть, почтительно указывая на нихъ. Подали чай, конфектъ, сухарей и сладкихъ пирожковъ. Они выпили чай, покурили, отвѣдали конфектъ, и по одной завернули въ свои бумажки, чтобъ взять съ собой; даже спрятали за пазуху по кусочку хлѣба и сухаря. Наливку пили съ удовольстіемъ.

Когда дошло дѣло до вопроса: зачѣмъ они пріѣхали, одинъ переводчикъ, толстый и рябой, по имени Льода, сталъ передъ гокейнсами, низко поклонился, и оставшись въ наклоненномъ положеніи, передалъ нашъ вопросъ. *Гокейнсъ*, тихо, тихо, почти шопотомъ, и скоро, началъ говорить, также нагнувшись къ переводчику, и всѣ другіе переводчики и другой гокейнсъ, и часть свиты, тоже наклонились и слушали. — Хи, хи, хи! твердилъ переводчикъ отрывисто, пока гокейнсъ отвѣчалъ ему. Частица *хи* означаетъ подтвержденіе рѣчи, въ родѣ *да*, *слушаю*. Ее употребляютъ только младшіе, слушая старшихъ. Потомъ, когда гокейнсъ кончилъ, Льода потянулъ воздухъ въ себя— и вдругъ, выпрямившись передъ нами, перевелъ, что они пріѣхали предложить нѣкоторые вопросы.

Онъ говорилъ обыкновеннымъ голосомъ, а иногда вдругъ возвышалъ его на какомъ-нибудь словѣ до крика, кивалъ головой, улыбался. Прочіе переводчики молчали: у нихъ правило, когда старшій тутъ, другой молчитъ, но непремѣнно слушаетъ; такъ они повѣряютъ другъ друга. Эта система взаимнаго шпіонства немного похожа на іезуитскую. Такъ ихъ переводчикъ *Садагора*—который страхъ какъ походилъ на пожилую дѣвушку съ своей сѣдой косой, недоставало только очковъ и чулка въ рукахъ—молчалъ, когда говорилъ *Льода*, а когда Льоды не было, говорилъ Садагора, а молчалъ *Нарабайоси*, и т. д.

«Отчего у васъ», спросили они, вынувъ бумагу, исписанную японскими буквами, «сказали на фрегатѣ, что корветъ вышелъ изъ Камчатки въ маѣ, а на корветѣ сказали, что въ іюлѣ?» — «Оттого», вдругъ послышался сзади голосъ командира этого судна, который случился тутъ же, «я похерилъ два мѣсяца, чтобъ не было придирокъ да распросовъ, гдѣ были въ это время и что̀ дѣлали.» Мы всѣ засмѣялись, а П. что-то придумалъ и сказалъ имъ въ объясненіе.

Корветъ въ самомъ дѣлѣ вышелъ въ маѣ изъ Камчатки, но заходилъ на Сандвичевы острова. Мы спросили японцевъ, зачѣмъ это имъ? «Что вамъ за дѣло, гдѣ мы были? вамъ только важно, что мы пришли».

Чтобы согласить эту разноголосицу, Льода вдругъ предложилъ сказать, что корветъ изъ Камчатки, а мы изъ Петербурга, вышли въ одно время. «Лучше будетъ, когда скажете, что и пришли въ одно время, въ три мѣсяца». Ему показали карту и объяснили, что изъ Камчатки можно придти въ недѣлю, въ двѣ, а изъ Петербурга въ полгода. Онъ сконфузился и сталъ самъ смѣяться надъ собой.

Тутъ же показали имъ кстати Россію и Японію. Увидѣвъ, какъ послѣдняя мала, они добродушно стали хохотать.

Имъ замѣтили, что напрасно они обременяютъ себя и другихъ этими вопросами. «Въ Едо надо послать», отвѣчали они. Потомъ слѣдовалъ другой, третій вопросъ, все въ томъ же родѣ. — «И все надо въ Едо посылать?» — «Все!» сказалъ, потянувъ въ себя воздухъ, Льода. «Ну, много же у васъ дѣла въ Едо!» подумалъ кто-то подлѣ меня вслухъ. Но я, вспомнивъ, какими вопросами осыпали японцы съ утра до вечера нашего знаменитаго плѣнника, Головнина, нашелъ еще, что эти вопросы не такъ глупы. Они уѣхали поздно ночью, улыбаясь, присѣдая и кланяясь.

А между-тѣмъ наступалъ опять вечеръ, съ нитями огней по холмамъ, съ отраженіемъ холмовъ въ водѣ, съ фосфорическимъ блескомъ моря, съ трескомъ кузнечиковъ, и крикомъ гребцовъ: «оссильянъ, оссильянъ!» Но это ужъ мало заняло насъ: мы привыкли, ознакомились съ мѣстностью, и оттого шканцы и ютъ тотчасъ опустѣли, какъ только буфетчики, Янценъ и Витулъ, зазвенѣли стаканами, а вѣстовые, съ фуражками въ рукахъ, подходили, то къ одному, то къ другому, съ приглашеніемъ: «чай кушать».

Баніосамъ, на прощаньи, сказано было, что есть два письма: одно къ губернатору, а другое выше; чтобъ за первымъ онъ прислалъ чиновника, а другое принялъ самъ. «Скажемъ губернатору», отвѣчали они. Они, желая вывѣдать о причинѣ нашего прихода, спросили: не привезли ли мы потерпѣвшихъ кораблекрушеніе японцевъ, потомъ: не надо ли намъ провизіи и воды—двѣ причины, которыя японцы только и считали достаточными для иноземцовъ, чтобъ являться къ нимъ, и то въ послѣднее время. А прежде, какъ извѣстно, они и потерпѣвшихъ кораблекрушеніе, своихъ же японцевъ, не пускали назадъ, въ Японію. «Вы уѣхали изъ Нипона», говорили они, такъ ступайте, куда хотите». Съ иностранцами поступали еще строже: ихъ держали въ неволѣ.

Но время взяло свое и японцы уже не тѣ, что̀ были сорокъ, пятьдесятъ и болѣе лѣтъ назадъ. Съ нами они были очень любезны; спросили объ именахъ, о чинахъ и должностяхъ каждаго изъ насъ, и все записали, вынувъ изъ-за пазухи складную желѣзную чернильницу, въ родѣ нашихъ старинныхъ свѣчныхъ щипцовъ. Тамъ была тушь и кисть. Они ловко владѣютъ кистью. Я попробовалъ-было написать одному изъ опперъ-баніосовъ свое имя кистью,

рядомъ съ японскою подписью — и осрамился: латинскихъ буквъ нельзя было узнать.

Прошло дня два: въ это время дано было знать японцамъ, что намъ нужно мѣсто на берегу и провизія. Провизіи они прислали небольшое количество въ подарокъ, а о мѣстѣ объявили, что не смѣютъ дать его безъ разрѣшенія изъ Едо.

На третій день послѣ этого, пріѣхали два баніоса: одинъ бывшій въ прошедшій разъ, пріятель нашъ *Баба-Городзаймонъ*, который уже ознакомился съ нами и освоился на фрегатѣ, шутилъ, звалъ насъ по именамъ, спрашивалъ названіе всего, что̀ попадалось ему въ глаза, и записывалъ. Онъ былъ, повидимому, очень добръ, живъ, сообщителенъ. Другой — *Самбро*. Не думайте, чтобъ въ понятіяхъ, словахъ, манерахъ японца (за исключеніемъ развѣ сморканья въ бумажки, да прятанья конфектъ: но вспомните, ка̀къ сморкаются двѣ трети русскаго народа и ка̀къ недавно барыни наши бросили ридикюли, которые наполнялись конфектами на чужихъ обѣдахъ и вечерахъ) было что-нибудь дикое, странное, поражающее европейца. Ровно ничего: только костюмъ, да дѣйствительно нелѣпая прическа бросаются въ глаза. Во всемъ прочемъ это народъ, если не сравнивать съ европейцами, довольно развитой, развязный, пріятный въ обращеніи и до крайности занимательный своеобразностью воспитанія. Объ этомъ придется говорить ниже.

Баніосы привезли съ собой переводчиковъ, Льоду и Садагору. Ихъ принялъ сначала П—тъ, потомъ адмиралъ, въ своей каютѣ. Баніосовъ посадили на массивныя кресла, нѣсколько человѣкъ свиты сѣли сзади, на стульяхъ. Адмиралъ помѣстился на софѣ, противъ нихъ, а мы вчетверомъ у окошекъ, на длинномъ диванѣ. Льода и Сада-

гора стояли, согнувшись, такъ-что лицъ ихъ вовсе было не видать, и только шпаги торчали вверхъ. Баба-Городзаймонъ, наклонясь немного къ Льодѣ и втягивая въ себя воздухъ, началъ говорить шепотомъ, скоро и долго. У него препріятная манера говорить: онъ говоритъ какъ женщина, такъ-что самые его отказы и противорѣчія смягчены этимъ тихимъ, ласковымъ голосомъ. «Хи, хи, хи», отрывисто и усердно повторялъ Льода, у котораго подергивало плечи и потъ катился струями по вискамъ. Въ каютѣ было душно, а снаружи жарко, до 20°.

Льода, выслушавъ, выпрямился, обратился къ П—ту, который сидѣлъ подлѣ баніосовъ, и объявилъ, что губернаторъ проситъ прислать письмо, адресованное собственно къ нему. Про другое, которое слѣдовало переслать въ Едо, къ высшимъ властямъ, онъ велѣлъ сказать, что оно должно быть принято съ соблюденіемъ церемоніала, а онъ, губернаторъ, опредѣлить его самъ не въ состояніи, и потому послалъ въ столицу просить разрѣшенія. «А какъ скоро можно сдѣлать путь туда и обратно?» спросили ихъ, зная, впрочемъ, что этотъ путь можно сдѣлать недѣли въ три, и даже, какъ говоритъ англійскій путешественникъ Бельчеръ, въ двѣ недѣли. Имъ сказано было и объ этомъ. Баба отвѣчалъ однакожь, что вѣроятно на отвѣтъ понадобится дней тридцать. Онъ извинялся тѣмъ, что надо обдумать отвѣтъ, но адмиралъ настаивалъ, чтобъ отвѣтъ прислали скорѣе. Тогда Садагора отвѣчалъ, что курьеръ помчится, *какъ птица*.

Одинъ изъ свиты все носился съ какимъ-то ящикомъ, завязаннымъ въ платокъ. Когда отдали письмо Баба-Городзаймону, онъ развязалъ деревянный лакированный ящикъ, поставилъ его на столъ, принялъ письмо обѣими руками, поднялъ его, въ знакъ уваженія, ко лбу, положилъ въ

ящикъ и завязалъ опять въ платокъ, украшенный губернаторскими гербами. Послѣ этого перевязалъ узелъ снуркомъ, досталъ изъ-за пазухи маленькую печать, приложилъ къ снурку и отдалъ ящикъ своему чиновнику, сказавъ что-то переводчику. — Хи, хи, хи! повторялъ тотъ и обратившись къ намъ, перевелъ, что письмо будетъ доставлено вѣрно и въ тотъ же день.

Адмиралъ предложилъ имъ завтракать въ своей каютѣ, предоставивъ намъ хозяйничать, а самъ остался въ гостиной. Мы сѣли за большой столъ. Подали, по обыкновенію, чаю, потомъ все сладкое, до котораго японцы большіе охотники, пирожковъ, еще не помню чего, вино, наливку и конфекты. Японцы всматривались во все, пробовали всего понежножку и завертывали въ бумажку, то конфекту, то кусочекъ торта, а Льода прибавилъ къ этому и варенья, и все спряталъ въ свою обширную кладовую, т. е. за пазуху: «дѣтямъ» сказалъ онъ намъ. Гостямъ было жарко въ каютѣ, они вынимали маленькіе бумажные платки и отирали потъ, другіе, особенно второй баніосъ, сморкались въ бумажки, прятали ихъ въ рукавъ, обмахивались вѣерами. О. А. Г. завелъ ящикъ съ музыкой, и вдругъ тихо, подъ сурдиной, раздалось *grâce*, *grâce*— изъ Роберта. Но это мало подѣйствовало: Баба̀ сказалъ, что у него есть двѣ табакерки съ музыкой: голландцы привезли. Въ углу накрытъ былъ другой столъ, для нѣсколькихъ лицъ изъ свиты. Баба̀ не пилъ совсѣмъ вина: онъ сказалъ, что постоянно страдаетъ головною болью и «оттого», прибавилъ онъ, «вы видите, что у меня не совсѣмъ гладко выбрита голова». Ему предложили посовѣтоваться съ нашимъ докторомъ, но онъ поблагодарилъ и отказался.

Вообще мы старались быть любезны съ гостями, пока-

зывали имъ, послѣ завтрака, картинки и, между прочимъ, въ книгѣ Зибольд изображенія японскихъ видовъ: людей, зданій, пейзажей и прочаго. Они попросили показать фрегатъ одному изъ баніосовъ, который еще въ первый разъ пріѣхалъ. Ихъ повели по палубамъ. Они разсматривали пушки, ружья, и внимательно слушали объясненія о ружьяхъ, съ новыми прицѣлами, купленныхъ въ Англіи. Все занимало ихъ, и въ этомъ любопытствѣ было много наивнаго, дѣтскаго, хотя японцы и удерживались слишкомъ обнаруживаться.

Они пробыли почти до вечера. Свита ихъ, прислужники, бродили по палубѣ, смотрѣли на все, полуразиня ротъ. По фрегату раздавалось щелканье соломенныхъ сандалій и безпрестанно слышался шорохъ шелковыхъ юбокъ, такъ-что, въ иную минуту, почудится что-то будто знакомое... взглянешь и разочаруешься! Нѣкоторыя физіономіи до крайности глуповаты.

Тутъ были между прочимъ два или три старика, въ панталонахъ, то есть ноги у нихъ выше обтянуты синей матеріей, а обуты въ такіе же чулки, какъ у всѣхъ, и потомъ въ сандаліи. Коротенькія мантіи были тоже синія. Что это за люди? спросили. — Солдаты, говорятъ. Солдаты! нельзя ничего выдумать противоположнѣе тому, что у насъ называется солдатомъ. Они, отъ старости, едва стояли на ногахъ и плохо видѣли. Сѣдая косичка, въ три волоса, не могла лежать на головѣ и торчала кверху; сквозь рѣдкую косу проглядывала лысина, цвѣта красной мѣди.

Вообще не видно почти ни одной мужественной, энергической физіономіи, хотя умныхъ и лукавыхъ много. Да если и есть, такъ зачесанная сзади кверху коса и гладко выбритое лицо дѣлаютъ ихъ непохожими на мужчинъ.

Съ лодокъ налѣзло на трапы и русленя множество голыхъ, полуголыхъ и оборванныхъ гребцовъ. На нѣкоторыхъ много-много, что синій длинный халатъ — и больше ничего: ни панталонъ, ни кофтъ, ни сандалій. О шапкахъ я не упоминаю, потому-что здѣсь эта часть одежды не существуетъ. На югѣ, въ Китаѣ, я видѣлъ, носятъ еще зимнія маленькія шапочки, а лѣтомъ немногіе ходятъ въ остроконечныхъ малайскихъ соломенныхъ шапкахъ, похожихъ на крышку отъ суповой миски, а здѣсь ни одного японца не видно съ покрытой головой. Они даже рѣдко прикрываютъ ее и вѣеромъ, какъ китайцы. Ѣдетъ иногда лодка съ нѣсколькими человѣками: любо смотрѣть, какъ солнце жаритъ ихъ прямо въ головы; лучи играютъ на бритыхъ, гладкихъ лбахъ, точно на позолоченныхъ маковкахъ какой-нибудь башни, и на каждой головѣ горитъ огненная точка. Какъ бы, кажется, не умереть, или по-крайней-мѣрѣ, не сойти съ ума, отъ этакой прогулки, подъ солнечными лучами, а имъ ничего, да еще подъ здѣшними лучами, которые, какъ мѣдныя спицы, вонзаются въ голову!

Баба̀ обѣщалъ доставить намъ большое удобство: мытье бѣлья въ голландской факторіи. Наконецъ японцы уѣхали. Кто-то изъ нихъ кликнулъ меня и схватилъ за руку. «А, Баба̀, Adieu!» — «Adieu» повторилъ и онъ.

Дни мелькали за днями: вотъ уже вторая половина августа. Японцы одолѣли насъ. Ѣздятъ каждый день раза по два, то съ провизіей, то съ вопросомъ, или съ отвѣтомъ. Ужь этотъ мнѣ крайній Востокъ: пока, кромѣ крайней скуки, толку нѣтъ! Разглядываешь, отъ нечего дѣлать, ихъ лица и не знаешь, что̀ подумать о ихъ происхожденіи. Какъ имъ ни противно быть въ родствѣ съ китайцами, какъ ни противорѣчатъ этому родству нѣкото-

рыя рѣзкія отличія однихъ отъ другихъ, но всякій разъ, какъ поглядишь на окладъ и черты ихъ лицъ, скажешь, что японцы и китайцы близкая родня между собою. Тѣ же продолговатыя, смугло-желтыя лица, такое же образованіе челюстей, губъ, выдавшіеся лбы и виски, нѣсколько приплюснутый носъ, черные и каріе, средней величины, глаза. Я не говорю уже о нравственномъ сходствѣ: оно еще болѣе подтверждаетъ эту догадку. Вѣроятно и тѣ и другіе вышли изъ одной колыбели, Средней Азіи, и конечно составляли одно племя, которое въ незапамятныя времена распространилось по юговосточной части материка и потомъ перешло на всѣ окрестные острова.

Татарскій проливъ и племенная, нерѣдкая въ исторіи многихъ, имѣющихъ одинъ корень народовъ, вражда, могли раздѣлить навсегда два племени, изъ которыхъ въ одно, китайское, подмѣшались, пожалуй, и маньчжуры, а въ другое, японское—малайцы, которыхъ будто бы японцы, говоритъ Кемпферъ, застали въ Нипонѣ и вытѣснили вонъ. Въ языкѣ ихъ, по словамъ знающихъ по-китайски, есть нѣкоторое сходство съ китайскимъ. И опять могло случиться, что первобытный, общій языкъ того и другаго народа—у китайцевъ такъ и остался китайскимъ, а у японцевъ могъ смѣшаться съ языкомъ quasi-малайцевъ, или тѣхъ островитянъ, которыхъ они застали на Нипонѣ, Кіузіу и другихъ островахъ, и которые могли быть, пожалуй, и Курильцы.

Чѣмъ это не мнѣніе, скажите на милость? Я знаю, что я не понравился бы за это японцамъ, до того, что они не прочь бы посадить меня и въ клѣтку, благо я теперь въ Японіи. Они сами производятъ себя отъ небесныхъ духовъ, а потомъ соглашаются лучше происходить съ сѣвера, отъ курильцевъ, лишь не отъ китайцевъ. Но

я готовъ отстаивать свое мнѣніе, теперь особенно, когда я только что разстался съ китайцами, когда черты лицъ ихъ такъ живы въ моей памяти, и когда я вижу другія, имъ подобныя. Чѣмъ же это не мнѣніе? Вѣдь Кемпферъ выводитъ же японцевъ прямо — откуда бы вы думали? отъ вавилонскаго столпотворенія! Онъ ведетъ ихъ толпой, или *колоніей*, какъ онъ называетъ, изъ-за Каспійскаго моря, черезъ всю Азію въ Китай, и оттуда въ Японію, прямо, такъ какъ они есть, съ готовымъ языкомъ, нравами, обычаями, чуть не съ узелкомъ подъ мышкой, въ которомъ были завязаны вотъ эти нынѣшнія ихъ кофты, съ гербами, и юбки. Замѣчу еще, что здѣсь, кромѣ различія, которое кладутъ, между простымъ и непростымъ народомъ, образъ жизни, пища, воспитаніе и занятія, есть еще другое, рѣзкое, несомнѣнно племенное различіе. Когда всматриваешься пристально въ лица старшихъ чиновниковъ и ихъ свиты, и многихъ другихъ, толпящихся на окружающихъ насъ лодкахъ, невольно придешь къ заключенію, что тутъ сошлись и смѣшались два племени. Простой народъ дѣйствительно имѣетъ въ чертахъ большое сходство съ малайцами, которыхъ мы видѣли на Явѣ и въ Сингапурѣ. А такъ-какъ у японцевъ строже, нежели гдѣ-нибудь, соблюдается нетерпимость смѣшенія однихъ слоевъ общества съ другими, то и немудрено, что поработившее племя до-сихъ-поръ остается неслитымъ съ порабощеннымъ.

Сравните японское воспитаніе съ китайскимъ: оно одинаково. Одна и таже привиллегированная, древняя религія Синто, или поклоненіе небеснымъ духамъ, какъ и въ Китаѣ, далѣе буддизмъ. Но и тутъ и тамъ господствуетъ болѣе нравственно-философскій, нежели религіозный духъ, и совершенное равнодушіе и того и другаго народа къ религіи. Затѣмъ одинакое трудолюбіе и способности къ

ремесламъ, любовь къ земледѣлію, къ торговлѣ, одинакіе вкусы, одинъ и тотъ же родъ пищи, одежда — словомъ. во всемъ найдете подобіе, въ иныхъ случаяхъ до того, что удивляешься, какъ можно допустить мнѣніе о разноплеменности этихъ народовъ!

И тѣ и другіе подозрительны, недовѣрчивы; спасаются отъ опасностей за системой замкнутости, какъ за каменной стѣной; у обоихъ одна и та же цивилизація, подъ вліяніемъ которой оба народа, какъ два брата въ семьѣ, росли, развивались, созрѣвали и состарѣлись. Если бы эта цивилизація была заимствована японцами отъ китайцевъ, только по сосѣдству, какъ отъ чужаго племени, то отчего же маньчжуры, и другіе народы кругомъ, остаются до-сихъ-поръ чуждыми этой цивилизаціи, хотя они еще ближе къ Китаю, чѣмъ Японія?

Нѣтъ, пусть Японцы хоть сей-часъ посадятъ меня въ клѣтку, а я, съ упрямствомъ Галилея, буду утверждать, что они — отрѣзанные ломти китайской семьи, ея дѣти, ушедшія на острова и, по географическому своему положенію, запершіяся тамъ до нашего прихода. И самые острова эти, если вѣрить геологамъ, должны составлять часть, оторвавшуюся нѣкогда отъ материка...

Вамъ, можетъ-быть, покажется странно, что я вхожу въ подробности о дѣлѣ, которое, въ глазахъ многихъ, привыкшихъ считать безусловно Китай и Японію за одно, неподлежитъ сомнѣнію. Вы, конечно того же мнѣнія, какъ и эти многіе, какъ и я, какъ и всѣ вѣроятно, словомъ — tout le monde. Только японцы оскорбляются, когда иностранцы, по *невѣжеству* и *варварству*, какъ говорятъ они, смѣшиваютъ ихъ съ китайцами. Я затронулъ этотъ вопросъ только потому, что я... въ Японіи теперь. А кто сюда попадетъ, тотъ неминуемо коснется и вопроса о сход-

ствѣ Японцевъ съ Китайцами. Это здѣсь капитальный вопросъ. Я только слѣдую примѣру другихъ. Что дѣлать: отъ скуки вдался въ педантизмъ!

За то избавляю себя и васъ отъ дальнѣйшихъ воззрѣній и догадокъ: разсмотрите эти вопросы на досугѣ, въ кабинетѣ, съ помощью ученыхъ источниковъ. Буду просто разсказывать, что̀ вижу и слышу.

Говоря объ источникахъ, упомяну однакожъ объ одномъ, чуть-ли не самомъ любопытномъ. Уставъ отъ Кемпфера, я напалъ на одну старую книжку, въ библіотекѣ моего сосѣда по каютѣ, тоже о Японіи или о *Японѣ*, какъ говоритъ заглавіе, и *о винѣ гоненія на христіанъ*, сочиненія Карона и Гагенара, *переведенныя чрезъ Степана Коровина, Синбиринина, и Івана Горліцкаго*. Къ сожалѣнію конецъ страницы, съ обозначеніемъ года изданія, оторванъ. За этой книгой я отдыхалъ отъ подробныхъ, и подъ-часъ утомительныхъ описаній почтеннаго Кемпфера и другихъ авторитетовъ. Что за краткость, что за добродушіе! какой языкъ! Не могу не подѣлиться съ вами ученымъ наслажденіемъ и выпишу на выдержку, съ дипломатическою точностью, два, три мѣста о Японіи и о Японцахъ.

. . . . «островъ Ябадіи, о которомъ сказуетъ Птоломей, есть оной, его же нынѣ нарицаютъ островомъ Нифонъ».

. . . . «имперія Японская нынѣ обрѣтается сочинена изъ многихъ островов, изъ которыхъ нѣкія могутъ быти и не острова, но полуострова».

«Компанія Голландская во Індіи восточной пребываша тогда въ такомъ великомъ благоденствіи, по истиннѣ весма великомъ....»

. . . . «Чтожъ бы то такое ни было, воспитаніе

ли, или какъ то естественно, что жены тамъ (въ Японіи) добры, жестоко вѣрны и очень стыдливы».

. . . . «Много имѣютъ Японцы благосклонности къ отцамъ и къ матерямъ и такъ умствуютъ, что тотъ, который въ этомъ поползнется, того уже боги показнятъ».

. . . . «Доходы вельможъ бываютъ отъ разнаго произношенія страны, которою кто владѣетъ. У инныхъ земля много произноситъ жита, инныи вынимаютъ много золота и сребра, а прочіи мѣди, олова, свинца....»

И этимъ языкомъ и тономъ написана вся эта любопытная книга, вѣроятно современница Телемахиды!

Я лѣнился записывать имена всѣхъ пріѣзжавшихъ къ намъ *гокейнсовъ* и *толковъ*. Баба̀ ѣздилъ почти постоянно и всякій разъ привозилъ съ собой какого-нибудь новаго баніоса, вѣроятно, пріятеля, желавшаго посмотрѣть большое судно, четырехъ-аршинныя пушки, ядра, съ человѣческую голову величиной, послушать музыку и посмотрѣть ученье, военныя тревоги, бѣганье по вантамъ и маневры съ парусами. Однажды, при нихъ, заставили матросъ маршировать: японцы сѣли на югѣ на пяткахъ и съ восторгомъ смотрѣли, какъ четыреста человѣкъ стройно перекидывали въ рукахъ ружья, точно перья, потомъ шли, нога въ ногу, подъ музыку, будто одна одушевленная масса. При нихъ катались и на шлюпкахъ, которыя, какъ птицы, съ распущенными крыльями, скользили по водѣ, опрокинувшись почти совсѣмъ на бокъ.

Японцы тихо, съ улыбкой удовольствія и удивленія, сообщали другъ другу замѣчанія на своемъ звучномъ языкѣ. Нѣкоторые изъ нихъ, и особенно одинъ изъ переводчиковъ, *Парабайоси 2-й* (ихъ два брата, двоюродные, иначе *Гейстра*), молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, говорящій немного по англійски, со вздохомъ сознался, что все

видѣнное у насъ приводитъ его въ восторгъ, что онъ хотѣлъ бы быть европейцемъ, русскимъ, путешествовать и заглянуть куда-нибудь, хоть бы на Бонинъ-Сима...

Бѣдный, доживешь ли ты, когда твои соотечественники, волей или неволей, пустятъ другихъ къ себѣ, или повезутъ своихъ въ другія мѣста? Ты конечно, будешь изъ первыхъ. Этотъ Нарабайоси 2-й очень скроменъ, задумчивъ; у него нѣтъ столбняка въ лицѣ и манерахъ, какой замѣтенъ у нѣкоторыхъ изъ японцевъ, нѣтъ также самоувѣренности многихъ, которые совершенно довольны своею участью и ни о чемъ больше не думаютъ. Видно, что у него бродитъ что-то въ головѣ, сознаніе и потребность чего-то лучшаго противъ окружающаго его... И онъ не одинъ такой. Въ этихъ людяхъ будущность Японіи—и нашъ успѣхъ.

Красивыхъ лицъ я почти не видалъ, а оригинальныхъ много, большая часть, почти всѣ. Вонъ, посмотрите, они стоятъ въ кучѣ на палубѣ, около шпиля, а не то заберутся на вахтенную скамью. Зачесанныя снизу косы придаютъ головѣ видъ груши, кофты напоминаютъ надѣтыя въ рукава кацавейки, или мантильи съ широкими рукавами, далѣе халатъ и туфли. Одно лицо толстое, мясистое, другое длинное, худощавое, птичье; брови другой, и такой взглядъ, который самъ докладываетъ о глупости головы; третій рябой—рябыхъ много—никакъ не можетъ спрятать верхнихъ зубовъ. Одинъ смотритъ, поднявъ брови, какъ матросы, купаясь, одинъ за другимъ бросаются съ русленей прямо въ море и на нѣсколько мгновеній исчезаютъ въ водѣ; другой присѣлъ надъ люкомъ и не сводитъ глазъ съ того, что̀ дѣлается въ каютъ-компаніи; третій, сидя на стулѣ, уставилъ глаза въ пушку и не можетъ отъ старости свести губъ. Стоятъ на ногахъ они неуклюже, опустив-

шись корпусомъ на колѣнки, и большею частью смотрятъ сонно, вяло: видно, что ихъ ничто не волнуетъ, что нѣтъ, въ этой массѣ людей, постоянной идеи и цѣли, какая должна быть въ мыслящей толпѣ, что они ѣдятъ, спятъ и больше ничего не дѣлаютъ, что привыкли къ этой жизни и любятъ ее. Это все свита.

Баніосы тоже, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, Бабы-Гарадзаймона, Самбро, не лучше: одинъ скажетъ свой вопросъ или отвѣтъ, и потомъ сонно зѣваетъ по сторонамъ, пока переводчикъ передаетъ. Развѣ ученье, внезапный шумъ на палубѣ, или что-нибудь подобное, разбудитъ ихъ вниманіе: они вытаращатъ глаза, навострятъ уши, а потомъ опять впадаютъ въ апатію. И музыка перестала шевелить ихъ. Нѣтъ оживленнаго взгляда, смѣлаго выраженія, живаго любопытства, бойкости — всего, чѣмъ такъ сознательно владѣетъ европеецъ.

Одинъ только, кромѣ Нарабайоси 2-го, о которомъ я уже говорилъ, обратилъ на себя мое вниманіе, еще одинъ — и тѣмъ онъ былъ замѣтнѣе. Я не знаю его имени: онъ принадлежалъ къ свитѣ и не входилъ съ баніосами въ каюту, куда, по тѣснотѣ и жару, впускались немногія, только необходимыя лица. Онъ высокъ ростомъ, строенъ и держалъ себя прямо. Совѣстно ли ему было, что онъ не былъ допущенъ къ каюту, или просто онъ признавалъ въ себѣ другое какое-нибудь достоинство, кромѣ чести быть японскимъ чиновникомъ, и понималъ, что̀ окружаетъ его — не знаю, но онъ стоялъ на палубѣ гордо, въ красивой, небрежной позѣ. Лицо у него было европейское, черты правильныя, губы тонкія, челюсти не выдавались впередъ, какъ у другихъ японцевъ. Незамѣтно тоже было въ выраженіи лица, ни тупаго самодовольствія, ни комической важности, или наивной, ограниченной веселости, какъ у

многихъ изъ нихъ. Напротивъ, въ глазахъ, кажется, мелькало сознаніе о своемъ *японствѣ* и о томъ, что ему недостаетъ, чего бы онъ хотѣлъ. Видите ли, и японецъ можетъ быть интересенъ, но какъ рѣдко! Если онъ пріѣдетъ еще разъ, непремѣнно познакомлюсь съ нимъ, узнаю его имя, зазову въ каюту и какъ-нибудь дознаюсь, что̀ онъ такое. Я даже думаю, не инкогнито ли онъ тутъ, не изъ любопытства ли замѣшался въ свиту и пріѣхалъ посмотрѣть, что̀ мы за люди.

Вечеромъ въ тотъ день, т. е. когда японцы приняли письмо, они, по обѣщанію, пріѣхали сказать, что «отдали письмо», въ чемъ мы, впрочемъ, нисколько не сомнѣвались.

Дня черезъ три, пріѣхали опять *гокейнсы*, т. е. одинъ Баба̀ и другой, по обыкновенію, новый, смотрѣть фрегатъ. Они пожелали видѣть адмирала, объявивъ, что привезли отвѣтъ губернатора на письма отъ адмирала и изъ Петербурга. Баніосы передали, что его превосходительство «*увидѣлъ письмо съ удовольствіемъ и хорошо понялъ*» и что постарается все исполнить. Принять адмирала онъ, безъ позволенія, не смѣетъ, но что послалъ уже курьера въ Едо и отвѣтъ надѣется получить скоро.

Время между тѣмъ тянулось и наконецъ дотянулось до 9-го сентября. Ждали отвѣта изъ Едо, занимались и скучали, не занимались—и тоже скучали. Развлеченій почти никакихъ. То наши поѣдутъ на корветъ, то съ корвета пріѣдутъ къ намъ—обѣдать, пить чай. Готовятъ какую-то пьесу для театра. Японцы посѣщаютъ насъ, но пока рѣже. Вскорѣ, однакожъ, они стали посѣщать насъ чаще, и вотъ почему. Въ началѣ пріѣзда мы просили прислать намъ провизіи, разумѣется, за деньги, и сказали, что иначе не возьмемъ. Въ отвѣтъ на это японцы запѣли свою пѣсню,

то-есть, что надо послать въ Едо, въ верховный совѣтъ, тотъ доложитъ Сіогуну, Сіогунъ Микадо, и потому отвѣта скоро получить — *унмогликъ!* невозможно. Губернаторъ прислалъ только небольшое количество живности и зелени, прося принять это въ подарокъ. Ему сказали, что возьмутъ съ условіемъ, если и онъ приметъ отвѣтный подарокъ, *контръ-презентъ*, какъ они называютъ.

Наши, взятыя изъ Китая и на Бонинъ- Сима, утки и куры, частію состарѣлись, не столько отъ времени, сколько отъ качки, пушечныхъ выстрѣловъ и другихъ, дорожныхъ и морскихъ безпокойствъ; а частью, просто были съѣдены. Надо было послать транспортъ въ Китай, за быками и живностью, а шкуну, съ особыми приказаніями, на сѣверъ, къ берегамъ Сибири. Объ этомъ объявили губернатору, затѣмъ, чтобъ онъ далъ приказаніе своимъ, при возвращеніи нашихъ судовъ, впустить ихъ безпрепятственно на рейдъ. Онъ ужасно встревожился, опасаясь, вѣроятно, не за подкрѣпленіемъ ли идутъ суда, и поспѣшно прислалъ сказать, чтобы мы не посылали транспорта, что свѣжую провизію мы можемъ покупать отъ голландцевъ, а они будутъ получать отъ японцевъ.

Мы обрадовались, и адмиралъ принялъ предложеніе, а транспортъ все-таки послалъ, потому-что быковъ у японцевъ бить запрещено, какъ полезный рабочій скотъ, и они мяса не ѣдятъ, а все рыбу и птицъ, поэтому мы говядины достать въ Японіи не могли. Да притомъ надо было послать бумаги и письма, черезъ Гонъ-Конгъ и Остъ-Индію, въ Европу. Губернаторъ ужасно опростоволосился. А мы въ выигрышѣ: въ недѣлю два раза дается длинная записка прислать того, другаго, третьяго, живности, зелени, и т. п. Отъ этого, по середамъ и пятницамъ, куча японцевъ толпится на палубѣ. Вотъ сегодня одна партія пріѣхала ска-

зать, что другая везетъ свинью, и точно привезли. Вчера не преминули сначала дать знать, что привезутъ воды, а потомъ уже привезли. Даже и ту воду, которая слѣдовала на корветъ, они привезли сначала къ намъ на фрегатъ, сказать, что привезли, а потомъ уже на корветъ, который стоитъ сажень на сто пятьдесятъ ближе къ городу. Теперь безпрестанно слышишь щелканье соломенныхъ подошвъ, потомъ визгъ свиньи, которую тащатъ на трапъ, тамъ глухое поденіе мѣшка съ рѣдькой, съ капустой; вонъ корзинку яицъ тащатъ, потомъ фруктовъ, грушъ, большихъ, крѣпкихъ и годныхъ только для компота, и *какисовъ* или *какофигъ*.

Мы воспользовались этимъ случаемъ и стали помѣщать въ реестрахъ разныя вещи: трубки японскія, рабочіе лакированные ящики съ инскрустаціей и т. п. Но вмѣсто десяти, двадцати штукъ, они вдругъ привезутъ три, четыре. На мою долю досталось однакожь кое-что: ящикъ, трубка и другія мелочи. Хотѣлось бы выписать по нѣскольку штукъ на каждаго, но скупо возятъ. За ящикъ, побольше, берутъ по 12 таиловъ (таилъ—около 3 р. асс.) поменьше—8.

Промахнувшись разъ, японцы стали слишкомъ осторожны: адмиралъ сказалъ, что, въ ожиданіи отвѣта изъ Едо объ отведеніи намъ мѣста, надо свезти пока на пустой, лежащій близь насъ, камень, хронометры, для повѣрки. Объ этомъ вскользь сказали японцамъ: что же они? на другой день на камнѣ воткнули дерево, *чтобъ сдѣлать камень, похожимъ на берегъ*, на который мы обѣщали не съѣзжать. Фарсёры!

30-го августа, въ Александровъ день, былъ завтракъ у имянинника Б. Ш. на корветѣ. Было очень весело. Между различными развлеченіями, было одно, очень замѣчатель-

ное. На палубу явилось человѣкъ осьмнадцать мальчиковъ, отъ 12 до 16 лѣтъ. Они стройно и согласно пѣли романсы, хоровыя пѣсни: у одного чистый, звучный сопрано, у другаго прекрасный котральто. Наконецъ двое самыхъ маленькихъ плясали по-русски. Ихъ заставляли говорить наизусть басни Крылова. У всѣхъ нерусскія физіономіи — кто бы это были? Камчадалы! Они учатся въ школѣ, въ Петропавловскѣ, и готовятся въ лоцманскія и штурманскія должности. Вотъ гдѣ зажглась искра просвѣщенія и искусства! Всѣ эти мальчики по праздникамъ ѣздили на фрегатъ и прекрасно хоромъ пѣли обѣдню.

Насъ посѣтилъ въ началѣ сентября помощникъ здѣшняго оберъ-гофта или директора голландской факторіи, молодой человѣкъ, по имени... забылъ какъ. Самого оберъ-гофта зовутъ Донкеръ Курціусъ. Онъ происходитъ изъ старой голландской фамиліи. Съ помощникомъ пріѣхала куча японскихъ переводчиковъ: они не отходили отъ него ни на шагъ. Съ нимъ заговорили по-французски, но онъ просилъ говорить не иначе, какъ по-голландски, опасаясь японцевъ. Жалкое положеніе — сидѣть въ тюрьмѣ, Богъ знаетъ изъ чего! Этотъ молодой человѣкъ уже девять лѣтъ здѣсь. Онъ сказалъ, что на другой день явится самъ оберъ-гофтъ, съ визитомъ. Но тотъ, ни на другой, ни на третій день, не являлся, потомъ далъ знать, что нездоровъ. Наконецъ, когда, по возвращеніи нашего транспорта изъ Китая, адмиралъ послалъ оберъ-гофту половину быка, какъ рѣдкость здѣсь, онъ благодарилъ коротенькою записочкой, въ которой выражалось большое удовольствіе, что адмиралъ понялъ настоящую причину его мнимой невѣжливости.

2-го сентября, ночью часа въ два, задулъ жесточайшій вѣтеръ: порывы съ горъ, изъ ущелій, были страшные. Въ

три часа ночи, несмотря на луну, ничего не стало видно, только блистала неяркая молнія, но безъ грома, или его не слыхать было за вѣтромъ.

Трудно, живучи на берегу, представить себѣ такой вѣтеръ! Гулъ отъ него, шумъ снастей, командный крикъ— просто адъ! Я въ свое окошечко видѣлъ блуждающій свѣтъ фонарей, слышалъ, точно подземный грохотъ, стукъ травимой цѣпи и глухое, тяжелое паденіе другаго якоря. Разсвѣло. Я вышелъ на палубу; жарко; дышать густымъ, влажнымъ и теплымъ воздухомъ было тяжело до тоски. Я перешелъ въ капитанскую каюту, сѣлъ тамъ на окно и смотрѣлъ на море: оно напоминало выдержанный нами въ китайскомъ морѣ ураганъ. Отдали третій якорь. Весь рейдъ былъ какъ одинъ огромный водоворотъ. Вода крутилась и кипѣла, вѣтеръ съ воемъ мчалъ ее въ видѣ пыли, сѣкъ волны, которыя, какъ стадо преслѣдуемыхъ животныхъ, метались на прибрежные каменья, потомъ на берегъ, затопляя на мгновеніе хижины, батареи, плетни и палисады. Японскія лодки, притаясь подъ берегомъ, качались какъ скорлупки.

Часовъ въ семь утра мгновенно стихло, наступила отличная погода. Слѣдующая и вчерашняя ночи были такъ хороши, что не уступали тропическимъ. Какіе нѣжные тоны — сначала розоваго, потомъ фіолетоваго, вечерняго неба! какая граціозная, игривая группировка облаковъ! Луна бѣла, прозрачна, и какой мягкій свѣтъ льетъ она на все!

Но скучно и жарко: безконечное наше лѣто, начавшееся съ января, у береговъ Мадеры, тянется до-сихъ-поръ, какъ кошемаръ. Пройдетъ ли оно? Сегодня хотя и прохладно, но надолго ли? «Дайте срокъ: ужо задуетъ отъ тропиковъ, будетъ вамъ прохлада!» пророчески, какъ Си-

билла, ворчитъ дѣдъ. Дни идутъ однообразно. Встаютъ матросы въ четыре часа (они ложатся въ восемь) и начинается мытье палубы, съ пескомъ и каменьями. Это дѣлается надъ моей головой. Проснешься, послушаешь и опять заснешь, да вѣдь какъ сладко, подъ это треніе камня и песку объ доски, какъ подъ дробный стукъ дождя въ деревянную кровлю! Отъ шести до семи съ половиной встаютъ и офицеры и идутъ къ поднятію флага, потомъ пьютъ чай, потомъ—кто куда. Начинается ученье, тревоги, движеніе парусами. Я, если хороша погода, иду на ютъ и любуюсь окрестностями, смотрю въ трубу на холмы, разглядываю деревни, хижины, движущіяся фигуры людей, вглядываюсь внутрь хижинъ, черезъ широкія двери и окна, безъ рамъ и стеколъ, разсматриваю проѣзжающія лодки, съ группами японцевъ: потомъ сажусь за работу и работаю до обѣда. Обѣдаютъ отъ часу до половины третьяго, потомъ сонъ, потомъ прогулка, одни и тѣже битые и перебитые разговоры. А тамъ чай, прогулка по палубѣ, при звукахъ музыки нашего оркестра, за тѣмъ картина вечерней зари и великолѣпно сіяющихъ, точно бенгальскими огнями, въ здѣшнемъ рѣдкомъ и прозрачномъ воздухѣ, звѣздъ. Ходишь вечеромъ посидѣть, то къ тому, то къ другому; улягутся наконецъ всѣ, идти больше не къ кому, идешь къ себѣ и садишься вновь за работу.

Пріѣздъ японцевъ не разъ прерываетъ наши дневныя занятія. Заслышишь щелканье ихъ туфлей по палубѣ, оставишь перо, возьмешь фуражку и пойдешь смотрѣть, зачѣмъ пріѣхали. Вотъ такъ пріѣхали они 5 сентября. Мнѣ нездоровилось: я, ослабѣвшій, заснулъ до обѣда. Ѳаддеевъ будитъ: «поди, в.в., японцы здѣсь: пріѣхалъ новый, такой *толстой*». Я засталъ его уже у адмирала, съ другими японцами. У него круглое, полное и смуглое лицо, безъ

румянца, какъ у всѣхъ у нихъ, съ выдавшимися до-нельзя верхними зубами, съ постоянною, отчасти невольною, по причинѣ выдавшихся зубовъ, улыбкою. Онъ очень проворенъ и суетливъ; зовутъ его *Кичибе*. Онъ пріѣхалъ поговорить о церемоніялѣ, съ какимъ нужно принять посланника и бумагу въ верховный совѣтъ. А! значитъ полученъ отвѣтъ изъ Едо, хотя они и говорятъ, что нѣтъ: лгутъ, иначе не смѣли бы разсуждать о церемоніялѣ, не зная, примутъ ли насъ. Мнѣ поручено составить проэктъ церемоніяла, т. е. какъ поѣдетъ адмиралъ въ городъ, какая свита будетъ сопровождать его, какая встрѣча должна быть приготовлена и т. п. Это очень важное дѣло здѣсь.

6-го. Такъ и есть, отвѣтъ полученъ. Сегодня явился опять новый старшій переводчикъ *Кичибе* и сказалъ, что будто сейчасъ получили отвѣтъ. У меня бумага о церемоніялѣ была готова, когда меня позвали въ адмиральскую каюту, гдѣ были японцы. К. Н. Посьетъ сталъ имъ передавать изустно, по-голландски, статьи церемоніяла. Кичибе улыбался, кряхтѣлъ, едва сидѣлъ отъ нетерпѣнія на стулѣ, выслушивая его слова. Онъ ссылался на нашего посланника Резанова, говоря, что у него было гораздо меньше свиты. Ему отвѣчали, что это намъ не примѣръ, что нынѣшнее посольство предпринято въ бо̀льшихъ размѣрахъ, оттого и свиты больше. Адмиралъ потому болѣе настаивалъ на этомъ, что всѣмъ офицерамъ хотѣлось быть на берегу.

Не предвидя возможности посылать къ вамъ писемъ изъ Нагасаки, я пересталъ писать ихъ и началъ вести дневникъ. Но случай послать письмо представляется и я вырываю нѣсколько листовъ изъ дневника, чѣмъ и заключу это письмо. Сообщу вамъ, между прочимъ, о нашемъ свиданіи съ нагасакскимъ губернаторомъ, какъ оно записано у меня подъ 9-мъ сентября.

«Что это, откуда я? гдѣ былъ, что видѣлъ и слышалъ? Прожилъ ли одинъ часъ изъ тысячи-одной ночи, просидѣлъ ли въ волшебномъ балетѣ, или это такъ мелькнулъ передъ нами одинъ изъ тѣхъ калейдоскопическихъ узоровъ, которые мелькнутъ разъ въ воображеніи, поразятъ своею яркостью, невозможностью, и пропадутъ безъ слѣда?

Вы, конечно, бывали во всевозможныхъ балетахъ, видали много картинъ въ восточномъ вкусѣ, и потомъ забывали, какъ минутную мечту, какъ вздорный сонъ, прервавшій строгую думу, оторвавшій васъ отъ настоящей жизни? Ну, а еслибъ вдругъ вамъ сказали, что этотъ балетъ, эта мечта, узоръ, сонъ — не балетъ, не мечта, не узоръ и не сонъ, а чистѣйшая дѣйствительность? — «Гдѣ-нибудь на островахъ, у Излера?» возразите вы. Да, на островахъ конечно, но не у Излера, а у Овосавы Бунгоно Ками Сама, нагасакскаго губернатора. Мы сейчасъ отъ него.

Не подумайте, чтобъ тамъ поразила насъ какая-нибудь нелѣпая пестрота, отъ которой глазамъ больно, груды яркихъ тканей, драгоцѣнныхъ камней, ковровъ, арабески — все что называютъ восточною роскошью — нѣтъ, этого ничего не было. Напротивъ, все просто, скромно, даже бѣдно, но все странно, ново: что шагъ, то небывалое для насъ.

Еще 5, 6 и 7 сентября, ежедневно ѣздили къ намъ гокейнсы договариваться о церемоніялѣ нашего посѣщенія. Вы тамъ въ Европѣ хлопочете въ эту минуту о томъ, *быть или не быть*, а мы цѣлые дни бились надъ вопросами: *сидѣть* или *не сидѣть*, *стоять* или *не стоять*, потомъ *какъ и на чемъ* сидѣть и т. п. Японцы предложили сидѣть по-своему, на полу, на пяткахъ. Станьте на колѣни и потомъ сядьте на пятки — вотъ это и значитъ сидѣть по-японски. Попробуйте, увидите, какъ ловко: пяти ми-

нутъ не просидите, а японцы сидятъ по нѣскольку часовъ. Мы объявили, что не умѣемъ такъ сидѣть; а вотъ не хочетъ ли губернаторъ сидѣть по-нашему, на креслахъ? Но японцы тоже не умѣютъ сидѣть по-нашему, а кажется, чего проще? съ непривычки у нихъ затекаютъ ноги. Припомните, какъ угощали другъ друга *Журавль и Лисица*— это буквально одно и то же.

На другой день рано утромъ явились японцы, середи дня опять японцы и къ вечеру они же. То-и-дѣло пріѣзжаетъ ихъ длинная, широкая лодка, съ шелковымъ хвостомъ на носу, съ разрубленной кормой. Это младшіе *толки* ѣдутъ сказать, что сейчасъ будутъ старшіе *толки*, а тѣ возвѣщаютъ уже о прибытіи *гокейнсовъ*. Зачѣмъ еще? «Да все о церемоніялѣ». — «Опять?» — «Мнѣніе губернатора привезли.» — «Ну?» — «Губернаторъ проситъ, нельзя ли на полу-то вамъ посидѣть?»... началъ со смѣхомъ и ужимками Кичибе.

Онъ, воротясь изъ Едо, куда былъ посланъ, кажется, присутствовать при переговорахъ съ американцами, замѣнилъ Льоду и Садагору, какъ старшій.

«Ахъ, ты, Боже мой! вѣдь сказали, что не сядемъ, не умѣемъ, и платья у насъ не такъ сшиты, и тяжело намъ сидѣть на пяткахъ»...—«Да вы сядьте хоть не на пятки, просто, только протяните ноги куда-нибудь въ сторону...» —«Не оставить ли ихъ на фрегатѣ?» ворчали у насъ и наконецъ разсердились. Мы объявили, что привеземъ свои кресла и стулья и сядемъ на нихъ, а губернаторъ пусть сидитъ, на чемъ и какъ хочетъ.

Кичибе, Льода и Садагора—всѣ поникли головой, но потомъ согласились. Все это говорили они въ капитанской каютѣ. Адмиралъ объявилъ имъ утромъ свой отвѣтъ, и узнавъ, что они вечеромъ пріѣхали опять съ пустяками,

съ объясненіями о томъ, какъ сидѣть, уже ихъ не принялъ, а поручилъ разговаривать съ ними намъ. «Да вотъ еще» просили они: «губернаторъ желалъ бы угостить васъ, такъ проситъ принять завтракъ». «Съ удовольствіемъ», приказалъ сказать адмиралъ. «Послѣ разговора о дѣлахъ», продолжалъ Кичибе, «губернаторъ пойдетъ къ себѣ *отдохнуть*, и вы тоже пойдете отдохнуть въ другую комнату», прибавилъ онъ, вертясь на стулѣ и судорожно смѣясь, «да и... позавтракаете».—«Одни?» спросили его: «вы никакъ съ ума сошли? У насъ, въ Европѣ, этого не дѣлается.»— «По японски это весьма употребительно», сказали они, «мы такъ всегда...»

Но, кажется, лгали: они хотѣли подражать адмиралу, который велѣлъ приготовить, въ первое свиданіе съ японцами на фрегатѣ, завтракъ для гокейнсовъ и поручилъ намъ угощать ихъ, а самъ не присутствовалъ. Боже мой! сколько просьбъ, моленій! Кичибе вертѣлся, суетился; у него по вискамъ лились потоки испарины. Льода кланялся, улыбался, какъ только могъ хуже. Суровый Садагора, и тотъ осклабился. Но мы были непреклонны. Всѣ *толки* опечалились. Со вздохомъ перешли они потомъ къ другимъ вопросамъ, напримѣръ, къ тому, въ чьихъ шлюпкахъ мы поѣдемъ, и опять начали усердно предлагать свои, говоря, что они этимъ хотятъ выразить намъ уваженіе. Но мы уклонились и сказали, что у насъ много своихъ: опять упрашиванья съ ихъ стороны, отказъ съ нашей. У нихъ вытянулись лица.

Все это такія мелочи, о которыхъ странно бы было спорить, еслибъ онѣ не вели за собой довольно-важныхъ послѣдствій. Уступка ихъ настояніямъ въ пустякахъ могла дать имъ поводъ требовать уступокъ и въ серьёзныхъ вопросахъ и, пожалуй, повести къ нѣкоторой заносчи-

вости къ сношеніяхъ съ нами. Оттого адмиралъ и придерживался постоянно принятой имъ въ обращеніи съ ними системы: кротости, вѣжливости и твердости, какъ въ мелочныхъ, такъ и въ важныхъ дѣлахъ. По мелочамъ этимъ, которыми начались наши сношенія, японцамъ предстояло составить себѣ о насъ понятіе, а намъ установить тонъ, который долженъ былъ господствовать въ дальнѣйшихъ переговорахъ. Поэтому, обстоятельство это гораздо важнѣе, нежели кажется съ перваго взгляда.

У насъ стали думать, чѣмъ бы оказать имъ вниманіе, чтобъ смягчить отказы, и придумали сшить легкіе полотняные, или каленкоровые башмаки, чтобъ надѣть ихъ, сверхъ сапогъ, входя въ японскія комнаты. Это — восточный обычай скидать обувь: и японцамъ конечно должно понравиться, что мы не хотимъ топтать ихъ пола, на которомъ они ѣдятъ, пьютъ и лежатъ. Пошла суматоха: надо было въ сутки сшить, разумѣется на живую нитку, башмаки. Всѣхъ заняли, кто только умѣлъ держать въ рукахъ иглу. Судя по тому, какъ плохо были сшиты мои башмаки, я подозрѣваю, что ихъ шилъ самъ Ѳаддеевъ, хотя онъ и обѣщалъ дать шить паруснику. Нѣкоторые изъ насъ подумывали было ѣхать въ калошахъ, чтобъ было что̀ снять при входѣ въ комнату, но для однообразія, послѣдовали общему примѣру. Впрочемъ я, пожалуй, не прочь бы и сапоги снять, даже сѣсть на полъ, лишь бы присутствоватъ при церемоніи.

Вечеромъ, видимъ, опять ѣдутъ японцы. «Который это разъ? зачѣмъ?» — «Да все о церемоніалѣ». — «Что̀ еще?» — «Губернаторъ проситъ, нельзя ли вамъ угоститься безъ него: такъ выходитъ хорошо по-японски» говоритъ Кичибе. «А по-русски не выходитъ» отвѣчаютъ ему. Начались поклоны и упрашиванья. «Ну, хорошо,

скажите имъ» приказалъ объявить адмиралъ, узнавъ, зачѣмъ они пріѣхали, «что, пожалуй, они могутъ подать чай, такъ-какъ это ихъ обычай; но чтобъ о завтракѣ и помину не было».

Японцы обрадовались и тому, особенно Кичибе. Видно, ему приказано отъ губернатора непремѣнно устроить, чтобъ мы приняли завтракъ: губернатору, конечно, предписано отъ Горочью, а этому отъ Сіогуна. «Еще губернаторъ» началъ Кичибе, «проситъ насчетъ шлюпокъ: нельзя ли вамъ ѣхать на нашей...»—«Нельзя», коротко и сухо отвѣчено ему.

Стали потомъ договариваться о свитѣ, о числѣ людей, о караулѣ, о носилкахъ, которыхъ мы требовали для всѣхъ офицеровъ непремѣнно. И обо всемъ надо было спорить почти до слезъ. О музыкѣ они не сдѣлали, противъ ожиданія, никакого возраженія; вѣроятно всѣмъ, въ томъ числѣ и губернатору, хотѣлось послушать ее. Уѣхали.

На другой день, 8-го числа, явились опять, попробовали, по обыкновенію, настоять на угощеніи завтракомъ, также на томъ, чтобъ ѣхать на ихъ шлюпкахъ, но напрасно. Имъ очень хотѣлось настоять на этомъ, конечно, затѣмъ, чтобъ показать народу, что мы *не ѣдемъ сами*, а *насъ везутъ*, словомъ, что чужіе въ Японіи воли не имѣютъ.

Потомъ переводчики попросили изложить по-голландски всѣ пункты церемоніала и отдать бумагу имъ, для доставленія губернатору. Имъ сказано, что бумага къ вечеру будетъ готова и чтобъ они пріѣхали за ней; но они объявили, что лучше подождутъ. Я ушелъ обѣдать, а они все ждали, потомъ легъ спать, опять пришелъ, а они не уѣзжали, и такъ прождали до ночи. Имъ дали на ютѣ обѣдать, и П. обѣдалъ съ ними. Нужды нѣтъ, что у нихъ

не ѣдятъ мяса, а они ѣли у насъ пирожки съ говядиной и супъ съ курицей. Велѣли принести съ лодокъ и свой обѣдъ, между-прочимъ рыбу, жареную, *прессованную* и разрѣзанную правильными кусочками. К. Н. П. говоритъ, что это хорошо. Не знаю, правда ли: онъ въ дѣлѣ гастрономіи такой снисходительный.

Они уѣхали, сказавъ, что свиданіе назначено завтра, 9-го числа, что *рентмейстеръ*, первый послѣ губернатора чиновникъ въ городѣ, и два губернаторскіе секретаря, пріѣдутъ извѣстить насъ, когда губернаторъ будетъ готовъ принять. Мы назначили имъ въ 10-ть часовъ утра. Тутъ они пустились въ договоры, какъ примемъ, гдѣ посадимъ чиновниковъ. «На креслахъ, на диванѣ, на полу: пусть сядутъ, какъ хотятъ, направо, налѣво, пусть влѣзутъ хоть на столъ», сказано имъ. — «Нельзя ли нарисовать, какъ они будутъ сидѣть?» сказалъ Кичибе.

Ну, сдѣлайте милость, скажите, что̀ дѣлать съ такимъ народомъ? А надо говорить о дѣлѣ. Дай Богъ терпѣніе! Вотъ что̀ значитъ запереться отъ всѣхъ: незамѣтно въ дѣтство впадешь.

Настало вожделѣнное утро. Мы цѣлый мѣсяцъ здѣсь: знаемъ подробно японскихъ свиней, оленей, даже раковъ, не говоря о самихъ японцахъ, а о Японіи еще ничего сказать не могли. «Ѳаддеевъ! весь парадный костюмъ мнѣ приготовить: и ты поѣдешь; одѣнься». Всѣ нарядились въ парадныя платья. Я спросилъ бѣлый жилетъ, смотрю — онъ уже не бѣлый, а желтый. Шелковые галстухи, лайковыя перчатки — всѣ были въ какихъ-то, чрезвычайно ровныхъ, круглыхъ, и очень недурныхъ пятнахъ, разныхъ видовъ, смотря по цвѣту, напримѣръ, на бѣлыхъ перчаткахъ были зеленоватыя пятна, на палевыхъ оранжевыя, на коричевыхъ массака, и такъ далѣе: все отъ морской

сырости. «Что жь ты не провѣтривалъ?» строго замѣтилъ я Ѳаддееву: «видишь, ни одной годной пары нѣтъ?» — «Да это такъ нарочно сдѣлано», отвѣчалъ онъ, пораженный круглой, правильной формой пятенъ. «А гастухи тоже нарочно съ пятнами?» Ѳаддеевъ стороной посмотрѣлъ на галстухи. «И они въ пятнахъ» сказалъ онъ про себя: «что за чудо!»

Но о перчаткахъ нечего было и и хлопотать: мы съ апрѣля, то есть съ мыса Доброй Надежды, и не пробовали надѣвать ихъ: напрасный трудъ, не надѣнешь въ этомъ жару, а и надѣнешь, такъ будешь не радъ — не скинешь послѣ.

Въ 10-мъ часу пріѣхали, сначала оппер-баніосы, потомъ и секретари. Мнѣ и К. Н. П-ту поручено было ихъ встрѣтить на шканцахъ и проводить къ адмиралу. Около фрегата собралось болѣе ста японскихъ лодокъ, съ голымъ народонаселеніемъ. Славно: пестроты нѣтъ, всѣ въ одномъ и томъ же костюмѣ, съ большимъ вкусомъ! Мы съ П. ждали у грот-мачты, скоро ли появятся гости и что̀ за секретари въ Японіи, похожи ли на нашихъ?

Вотъ идутъ по трапу и ступаютъ на палубу, одинъ за другимъ, и старые и молодые японцы, и объ одной, и о двухъ шпагахъ, въ черныхъ и сѣрыхъ кофтахъ, съ особенно тщательно причесанными затылками, съ особенно чисто выбритыми лбами и бородой, словомъ, молодецъ къ молодцу: длиннолицые и круглолицые, самые смуглые, и изжелта, и посвѣтлѣе, подслѣповатые и съ выпученными глазами, то до нельзя гладкіе, то до невозможности рябые. А что̀ за челюсти, что за зубы! И все это лѣзло, лѣзло на палубу... Да будетъ ли конецъ? Показались переводчики, а за ними и секретари. «Которые же секретари? гдѣ?» спрашивали мы. «Да вотъ!...»

Весь этотъ людъ, то есть свита, всѣ до одного вдругъ, какъ по командѣ, положили руки на колѣни и поклонились низко, и долго оставались въ такомъ положеніи, какъ-будто хотятъ играть въ чехарду. «Это-то секретари?» На трапъ шли, переваливаясь съ ноги на ногу, два старика, лѣтъ 70-ти каждый, плѣшивые, съ сѣдыми жиденькими косичками, въ богатыхъ штофныхъ юбкахъ, съ широкой бархатной по подолу обшивкой, въ бѣлыхъ бумажныхъ чулкахъ, и какъ всѣ прочіе, въ соломенныхъ сандаліяхъ. Они едва подняли вѣки на насъ, на все, что̀ было кругомъ, и тотчасъ же опустили. Грянула музыка — опять они подняли вѣки и опять опустили. Потомъ тихо поплелись, шаркая подошвами, куда мы повели ихъ, не глядя по сторонамъ. Оппер-баніосы тутъ же поступили въ ихъ свиту и шли за ними. И они, въ свою очередь, *хикали*, когда тѣ обращали къ нимъ рѣчь. Сначала ихъ привели въ капитанскую каюту и посадили, по вчерашнему рисунку, на два кресла. Прочіе не смѣли сѣсть. Секретари объявили, что желали бы видѣть адмирала.

Такъ же сонно, не глядя ни на что̀ вокругъ, спустились они въ адмиральскую каюту. Тамъ, чтобъ почтить ихъ до нельзя, подложили имъ на кресла, въ отличіе отъ свиты, по сафьянной подушкѣ, такъ-что ноги у нихъ не доставали до полу. Чего кажется почетнѣе? Имъ принесли чаю и наливки. Чай они хлебнули, а отъ наливки отказались, сказавъ, что имъ некогда, что они пріѣхали только отъ губернатора объявить, что его превосходительство ожидаетъ русскихъ. Они просили насъ не тотчасъ ѣхать вслѣдъ за ними, чтобъ успѣть пріѣхать во̀время и встрѣтить насъ. «Наши лодки такъ скоро, какъ ваши, ходить не могутъ», прибавили они. Баніосы остались, чтобъ ѣхать съ нами.

9-го сентября. День рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Когда, послѣ молебна, мы стали садиться на шлюпки, въ эту минуту, по свистку, взвились кверху по снастямъ свернутые флаги, и люди побѣжали по реямъ, лишь только русскій флагъ появился на адмиральскомъ катерѣ. Едва катеръ тронулся съ мѣста, флаги всѣхъ націй мгновенно развернулись на обоихъ судахъ и ярко запестрѣли на солнцѣ. Вмѣстѣ съ гимномъ *Боже, Царя храни*, грянуло троекратное ура. Всѣ бывшіе на шлюпкахъ японцы, человѣкъ до пятисотъ, на минуту оцѣпенѣли, потомъ, въ свою очередь, единодушно огласили воздухъ крикомъ изумленія и восторга.

Впереди шла адмиральская гичка: К. Н. П—тъ ѣхалъ въ ней, чтобъ установить на берегу почетный караулъ. Сзади ѣхалъ катеръ съ карауломъ, потомъ другой, съ музыкантами и служителями, далѣе шлюпка съ офицерами, за ней катеръ, гдѣ былъ адмиралъ со свитой. Сзади шелъ еще вельботъ; тамъ сидѣлъ одинъ изъ офицеровъ. Впереди, сзади, по бокамъ, торопились во множествѣ японскія шлюпки — однѣ, чтобъ идти рядомъ, другія хотѣли обогнать. Ѣхали медленно, около часа; музыка играла все время. По батареямъ, пристанямъ, холмамъ — вездѣ толпились кучи бритыхъ головъ, разноцвѣтныхъ, больше синихъ халатовъ. Лодки, какъ утки, плавали вокругъ, но близко къ намъ не подходили.

Мы съ любопытствомъ смотрѣли на великолѣпные берега пролива, мимо которыхъ ѣхали. Я опять не могъ защищаться отъ досады, глядя на мѣста, гдѣ природа сдѣлала съ своей стороны все, чтобъ дать человѣку случай приложить и свою творческую руку и надѣлать чудесъ, и гдѣ человѣкъ ничего не сдѣлалъ. Вонъ тотъ холмъ, какъ

онъ ни зеленъ, ни пріютенъ, но ему чего-то недостаетъ: онъ долженъ бы быть увѣнчанъ бѣлой колоннадой, съ портикомъ, или виллой, съ балконами на всѣ стороны, съ паркомъ, съ бѣгущими по отлогостямъ тропинками. А тамъ, въ рытвинѣ, хорошо бы устроить спускъ и дорогу къ морю, да пристань, у которой шипѣли бы пароходы и гомозились люди. Тутъ, на высокой горѣ, стоять бы монастырю, съ башнями, куполами и золотымъ, далеко сіяющимъ изъ-за кедровъ, крестомъ. Здѣсь бы хорошо быть складочнымъ магазинамъ, передъ которыми тѣснились бы суда, съ лѣсомъ мачтъ...

«А что̀, еслибъ у японцевъ взять Нагасаки?» сказалъ я вслухъ, увлеченный мечтами. Нѣкоторые засмѣялись. «Они пользоваться не умѣютъ», продолжалъ я: «что̀ бы было здѣсь, еслибъ этимъ портомъ владѣли другіе? Посмотрите, какія мѣста! Весь восточный океанъ оживился бы торговлей....»

Я хотѣлъ развивать свою мысль о томъ, какъ Японія связалась бы торговыми путями, черезъ Китай и Корею, съ Европой и Сибирью; но мы подъѣзжали къ берегу. «Гдѣ же городъ?» — «Да вотъ онъ», говорятъ. — «Весь тутъ? за мысомъ ничего нѣтъ? такъ только-то?»

Мы не вѣрили глазамъ, глядя на тѣсную кучу сѣрыхъ, невзрачныхъ, одноэтажныхъ домовъ. Налѣво, гдѣ я предполагалъ продолженіе города, ничего не было: пустой берегъ, маленькія деревушки, да отдѣльныя, вѣроятно, рыбачьи хижины. По мысамъ, которыми замыкается проливъ, все тѣ же дрянныя батареи, да какія-то низенькія и длинныя зданія, въ родѣ казармъ. Къ берегамъ жмутся неуклюжія большія лодки. И все завѣшено: и домы, и лодки, и улицы, а народъ, которому бы очень не мѣшало завѣситься, ходитъ ужь черезчуръ на распашку.

Я начитался о многолюдствѣ японскихъ городовъ и теперь понять не могъ, гдѣ же помѣщается тутъ до шестидесяти тысячъ жителей, какъ говоритъ, кажется, Тунбергъ? «Сколько жителей въ Нагасаки?» спросилъ я однажды Баба-Городзаймона, черезъ переводчика, разумѣется. Онъ повторилъ вопросъ по-японски и посмотрѣлъ на другаго баніоса, тотъ на третьяго, этотъ на ондер-баніоса, а ондер-баніосъ на переводчика. И такъ вопросъ и взглядъ дошли опять до Бабы, но безъ отвѣта. «Иногда бываетъ меньше, сказалъ наконецъ Садагора, а въ другой разъ больше». Вотъ вамъ и отвѣтъ! Они всего боятся; все имъ запрещено: проврутся во вздорѣ—и за то бѣда. Я спросилъ однажды, какъ зовутъ Сіогуна. «Не знаемъ», говорятъ. Впрочемъ у нихъ имя государя дѣйствительно почти тайна, или по-крайней-мѣрѣ они, изъ благоговѣнія, не произносятъ его; по смерти его ему даютъ другое имя. У нихъ вообще есть обычай мѣнять имена по нѣскольку разъ въ жизни, въ разныя эпохи, напримѣръ, при женитьбѣ, и тому подобныхъ обстоятельствахъ.

Мы все ближе и ближе подходили къ городу: вездѣ, на высотахъ, и по берегу, и на лодкахъ, тьмы людей. Вотъ наконецъ и голландская факторія. Нѣсколько голландцевъ сидятъ на балконѣ. Мнѣ показалось, что одинъ изъ нихъ поклонился намъ, когда мы поровнялись съ ними. Но вотъ наши переднія шлюпки пристали, а адмиральскій катеръ, въ которомъ былъ и я, держался на веслахъ, ожидая, пока тамъ все установится.

Берегъ! берегъ! Наконецъ мы ступили на японскую землю. Мы вышли на каменную пристань. Ну, берегъ не очень занимательный: хоть и не выходить!

На пристань вела довольно-высокая, изъ дикаго камня, лѣстница. Набережная плотно убита была пескомъ: это

широкая площадка. Домы были завѣшены сплошной, синей и бѣлой холстиной. Караулъ построился въ двѣ шеренги по правую сторону пристани, офицеры по лѣвую. Сзади толпился тощей кучкой народъ, мелкій, большею частью, некрасивый и голый. Видно было, что на набережную пустили весьма немногихъ: прочіе глядѣли съ крышъ, изъ-за занавѣсокъ, провертя въ нихъ отверстія, съ террасъ, съ горъ — отвсюду. Въ толпѣ суетился какой-то старикъ, съ злымъ лицомъ, тоже не очень одѣтый. Онъ унималъ народъ, не давалъ лѣзть впередъ, чему кромѣ убѣдительныхъ словъ, не мало способствовала ему предлинная жердь, которая была у него въ рукахъ.

Едва адмиралъ ступилъ на берегъ, музыка заиграла, караулъ и офицеры отдали честь. А гдѣ же встрѣча, ктожь приметъ: одни переводчики? Нѣтъ, это шутки! Велѣно спросить, узнать и вытребовать.

Переводчики засуетились, забѣгали, а мы пока осматривали носилки или «норимоны», по японски, которыя, по уговору, ожидали насъ на берегу. Ихъ было двѣнадцать, или еще, кажется, больше, по числу офицеровъ. Я думаю, ихъ собрали со всего города. Онѣ замѣняютъ въ Японіи наши кареты. Носилки, довольно красивыя на взглядъ, обиты разными матеріями, украшены значками и кистями. Но въ нихъ сѣсть было нельзя: или ногъ, или головы, дѣвать некуда. Не для пытокъ ли заведены у нихъ эти экипажи? подумаешь, глядя на нихъ. Полунагіе носильщики, на толстой жерди, продѣтой вверху, несутъ норимоны на плечахъ. Все это крайне неловко, не то что въ Китаѣ. Въ Гон-Конгѣ меня носили въ препокойныхъ и удобныхъ носилкахъ, въ родѣ нашихъ качелей, на которыхъ простой народъ качается на святой недѣлѣ. Въ нихъ сидишь, какъ въ креслахъ. Кромѣ носи-

локъ, была тутъ, говорятъ, еще и лошадь. Я не замѣтилъ лошади и не знаю, зачѣмъ она была. Въ этой суматохѣ простительно и слона не замѣтить. Кое-кто изъ нашихъ попробовали было влѣзть въ эти клѣтки т. е. носилки, но тотчасъ же выскочили и пошли пѣшкомъ.

Наконецъ явился какой-то старикъ, съ сонными глазами, хорошо одѣтый; за нимъ свита. Онъ сталъ неподвижно передъ нами и смотрѣлъ на насъ вяло. Не знаю, торжественность ли они выражаютъ этимъ апатическимъ взглядомъ, но только сначала, безъ привычки, трудно безъ смѣху глядѣть на эти фигуры, въ юбкахъ, съ косичками и голыми колѣнками.

Я стоялъ сзади, въ свитѣ адмирала, въ хвостѣ нашей колонны. Вдругъ впереди раздалась команда: *маршъ впередъ!* музыка грянула и весь отрядъ тронулся съ мѣста. Слышались мѣрные и дробные шаги идущихъ въ ногу матросовъ. Отошли не болѣе ста саженъ по песчаной набережной и стали подниматься на другую каменную лѣстницу. По сторонамъ разставлены были, на сажень одинъ отъ другаго, японскіе... Уже-ли это солдаты? Посмотрите, что̀ это такое: взятые на подборъ, поменьше ростомъ, японцы, въ маленькихъ, въ формѣ воронки, лакированныхъ шапкахъ, съ сонными глазами. Они стояли, откинувшись корпусомъ назадъ, ноги врозь, съ согнутыми колѣнками. На плечахъ у нихъ, казалось, были ружья: надо подозрѣвать такъ, потому-что самыя ружья спрятаны въ чехлахъ, а можетъ быть были одни чехлы безъ ружей. Здѣсь все можетъ быть, чего въ другихъ мѣстахъ не бываетъ.

Мы еще были внизу, а колонна змѣилась уже по лѣстницѣ, штыки сверкали на солнцѣ, музыка уходила впередъ и играла все глуше и глуше. Скомандовали: *лѣвое плечо впередъ!* колонна сжалась, точно змѣй, въ кольцо, потомъ

растянулась и взяла направо: музыка заиграла еще глуше, какъ-будто вошла подъ сводъ, и вдругъ смолкла.

Надъ головой у насъ голубое, чудесное небо, вдали террасы горъ, кругомъ странная улица, съ непохожими на наши домами, и людьми тоже.

Мы завернули за колонной направо, прошли ворота и очутились на чистомъ, мощенномъ дворѣ, передъ широкимъ, деревяннымъ крыльцомъ, безъ дверей.

Прежде всего бросается въ глаза необыкновенная опрятность двора, деревянной, крытой цыновками лѣстницы, наконецъ и самихъ японцевъ. Въ этомъ имъ надо отдать справедливость. Всѣ они отличаются чистотой и опрятностью, какъ въ своей собственной персонѣ, такъ и въ платьѣ. Какъ бы въ этой густой косѣ не присутствовать разнымъ запахамъ, на этихъ халатахъ не быть пятнамъ? Нѣтъ ничего. Не говорю уже о чиновникахъ: тѣ и опрятно и со вкусомъ одѣты; но взглянешь и на нищаго, видишь наготу, или разорванный халатъ, а пятенъ, грязи нѣтъ. Тогда-какъ у китайцевъ, напримѣръ, чего не натерпишься, стоя въ толпѣ! Одинъ запахъ сандальнаго дерева чего стоитъ! отъ дыханія, напитаннаго чеснокомъ, кажется, муха умретъ на лету. Отъ японцевъ никакаго запаха. Глядишь на голову: черезъ косу сквозитъ бритый, но чистый черепъ; голыя руки далеко видны въ широкомъ рукавѣ: смуглы, правда, но все таки чисты. Манеры у нихъ приличны; въ обращеніи они вѣжливы — словомъ всѣмъ бы порядочные люди, да нельзя съ ними дѣла имѣть: медлятъ, хитрятъ, обманываютъ, а потомъ откажутъ. Бить ихъ жаль. Они такой порядокъ устроили у себя, что еслибъ и захотѣли не отказать, или вообще сдѣлать что-нибудь такое, чего не было прежде, даже и хорошее, такъ не могутъ, по-крайней-мѣрѣ до-

бровольно. Напримѣръ: вотъ они рѣшили, лѣтъ двѣсти слишкомъ назадъ, что европейцы вредны и что съ ними никакого дѣла имѣть нельзя, и теперь сами не могутъ измѣнить этого. А ужь конечно они убѣдились, особенно въ новое время, что еслибъ пустить иностранцевъ, такъ отъ нихъ многому бы можно научиться: жить получше, быть посвѣдущѣе во всемъ, сильнѣе, богаче.

Правительство знаетъ это, но, по старой памяти, боится, что христіанская вѣра вредна для ихъ законовъ и властей. Пусть бы оно рѣшило теперь, что это вздоръ, и что необходимо опять сдружиться съ чужестранцами. Да какъ? Кто начнетъ и предложитъ? Члены верховнаго совѣта?—Сіогунъ велитъ имъ распороть себѣ брюхо. Сіогунъ?—Верховный совѣтъ предложитъ ему уступить мѣсто другому. Микадо не предложитъ, а еслибъ и вздумалъ, такъ Сіогунъ не сошьетъ ему новаго халата и дастъ два дня сряду обѣдать на одной и той же посудѣ.

Извѣстно, что этотъ Микадо (настоящій, законный государь, отодвинутый, узурпаторами-намѣстниками, или Сіогунами, на задній планъ) не можетъ, ни надѣть два раза одного платья, ни дважды обѣдать на одной посудѣ. Все это каждый день мѣняется, и Сіогунъ аккуратно поставляетъ ему обновки, но простыя, подешевле.

Японцы такъ хорошо устроили у себя внутреннее управленіе, что Совѣтъ не можетъ сдѣлать ничего безъ Сіогуна, Сіогунъ безъ Совѣта и оба вмѣстѣ безъ удѣльныхъ князей. И такъ система ихъ держится и будетъ держаться на своихъ искусственныхъ основаніяхъ до тѣхъ поръ, пока не помогутъ имъ ниспровергнуть ее... американцы, или хоть... мы!

А теперь они еще пока боятся и подумать выглянуть на свѣтъ божій изъ подъ этого колпака, которымъ такъ

плотно сами накрыли себя. Какъ они испуганы и огорчены нашимъ внезапнымъ появленіемъ у ихъ береговъ! Четыре большія судна, огромныя пушки, множество людей, и твердый, небывалый тонъ въ предложеніяхъ, самостоятельность въ поступкахъ! Что-жь это такое?

Какъ они засуетились, когда попросили ихъ убрать подальше караульныя лодки отъ нашихъ судовъ, когда вдругъ вздумали и послали одно изъ судовъ въ Китай, другое на сѣверъ, безъ позволенія губернатора, который привыкъ, чтобъ судно не качнулось на японскихъ водахъ безъ спроса, чтобъ даже шлюпки европейцевъ не ѣздили по гавани! Теперь имъ холодно объявляютъ, чего хотятъ и чего не хотятъ. Они думаютъ противиться, иногда вдругъ заговорятъ попрежнему, *требуютъ*, а сами глазами умоляютъ не отказать, чтобъ имъ не досталось свыше. Имъ поставится всякая наша вина въ вину. Узнавъ, что завтра наше судно идетъ въ море, они бѣгутъ къ губернатору и торопятся привезти разрѣшеніе. Мы хохочемъ. Они объявили, что съ батарей будутъ палить, завидя суда въ морѣ, и этимъ намекнули, что у нихъ есть пушки, которыя даже палятъ. Палите, отвѣчаемъ съ улыбкой. Просятъ не ѣздить далеко по рейду—мы ничего не отвѣчаемъ и ѣдемъ. А губернаторъ все еще поднимаетъ носъ: дѣлаетъ запросы, хочетъ настаивать, да вдругъ и спустится, уступитъ.

Давно ли сарказмомъ отвѣчали японцы на совѣтъ голландскаго короля отворить ворота европейцамъ? Имъ приводили въ примѣръ китайцевъ, сказавъ, что тѣ пускали европейцевъ только въ одинъ портъ, и вотъ что̀ изъ этого вышло: открытіе пяти портовъ, торговые трактаты, отмѣна стѣсненій и т. п. «Этого бы не случилось съ китайцами, отвѣчали японцы, еслибъ они не пускали и въ одинъ портъ».

А вотъ теперь иностранцы постучались и въ ихъ завѣтныя ворота, съ двухъ сторонъ. Пришелъ и ихъ чередъ практически рѣшать вопросъ: *пускать*, или *не пускать* европейцевъ, а это все равно для японцевъ, что быть или не быть. Пустить — гости опять принесутъ свою вѣру, свои идеи, обычаи, уставы, товары и пороки. Не пускать... но ихъ и теперь четыре судна, а пожалуй придетъ и десять, все съ длинными пушками. А у нихъ самихъ недлинныя, и безъ станковъ, или на соломенныхъ станкахъ. Есть еще ружья съ фитилями, сабли, даже по двѣ за поясомъ у каждаго, и отличныя... да что̀ съ этими игрушками сдѣлаешь?

Пустить или не пустить—легко сказать! Пустить — когда имъ было такъ тихо, покойно, хорошо—и спать и ѣсть. Не пустить... а какъ гости сами пойдутъ, да такъ, что губернаторъ не успѣетъ прислать и позволенія? Съ кѣмъ посовѣтоваться? у кого спросить? Губернаторъ не смѣетъ рѣшить. Онъ пошлетъ спросить въ верховный совѣтъ, совѣтъ доложитъ Сіогуну, Сіогунъ — Микадо. Этотъ, прямой и непосредственный родственникъ неба, братъ, сынъ, или племянникъ луны, могъ бы, кажется, рѣшить, но онъ сидитъ съ своими двѣнадцатью супругами и нѣсколькими стами ихъ помощницъ, сочиняетъ стихи, играетъ на лютнѣ и кушаетъ каждый день на новой посудѣ. Губернатору велятъ на всякій случай прогнать, истребить иностранцевъ, или, по-крайней-мѣрѣ, ни за что̀ не пускать въ Едо. Губернатору лучше бы, еслибъ мы, минуя Нагасаки, прямо въ Едо пришли: онъ отслужилъ свой годъ и сдавъ должность другому, прибывшему на смѣну, готовился отправиться самъ въ Едо, домой, къ семейству, которое удерживается тамъ правительствомъ и служитъ порукой за мужа и отца, чтобъ онъ не наша-

лилъ какъ нибудь на границѣ. А пока мы здѣсь, онъ не можетъ ѣхать, даже когда пріѣдетъ другой губернаторъ. И вотъ губернаторъ начинаетъ спроваживать гостей — нейдутъ; чуть онъ громко заговоритъ, или не исполняетъ просьбъ, не шлетъ свѣжей провизіи, мѣшаетъ шлюпкамъ кататься — ему грозятъ идти въ Едо; если не присылаетъ, по вызову, чиновниковъ — ему говорятъ, что сейчасъ поѣдутъ сами искать ихъ въ Нагасаки, и чиновники ѣдутъ. «Будьте вы прокляты!» думаетъ вѣроятно онъ, и чиновники то же конечно думаютъ; только переводчикъ Кичибе ничего не думаетъ: ему все равно, возьмутъ ли Японію, нѣтъ ли, онъ продолжаетъ улыбаться, показывать свои фортепьяно изо рту, *хикаетъ*, и передъ губернаторомъ, и передъ нами.

Но что̀ же дѣлать имъ? и пустить нельзя, и непустить мудрено. Они пробуютъ хитрить: то скажутъ, что мы съѣли всѣхъ свиней въ Нагасаки, и скоро не будетъ свѣжей провизіи; продаютъ утку по талеру за штуку, думая этимъ надоѣсть. Ничего не беретъ! Талеры платятъ и ѣдятъ дорогихъ утокъ, все равно какъ дешевыхъ. Ка̀къ поступить? Свысока ли, какъ прежде, или какъ требуетъ время и обстоятельства? Они, въ недоумѣніи, пробуютъ и то и другое. Они видятъ, что ихъ система замкнутости и отчужденія, въ которой одной они искали спасенія, ихъ ничему не научила, а только остановила ихъ ростъ. Она, какъ школьная затѣя, мгновенно рушилась при появленіи учителя. Они одни, безъ помощи; имъ ничего больше не остается, какъ удариться въ слезы и сказать: «виноваты, мы дѣти!» и, какъ дѣтямъ, отдаться подъ руководство старшихъ.

Кто же будутъ эти старшіе? Тутъ хитрые, неугомонные промышленники, американцы, здѣсь горсть русскихъ: русскій штыкъ, хотя еще мирный, безобидный, гостемъ

пока, но сверкнулъ уже при лучахъ японскаго солнца, на японскомъ берегу раздалось *впередъ!* Avis au Japon!

Если не намъ, то американцамъ, если не американцамъ, то слѣдующимъ за ними—кому бы ни было, но скоро суждено опять влить въ жилы Японіи тѣ здоровые соки, которые она самоубійственно выпустила, вмѣстѣ съ собственною кровью, изъ своего тѣла, и одряхлѣла въ безсиліи и мракѣ жалкаго дѣтства.

Я неразъ упомянулъ о *разрѣзываніи брюха*. Кажется, теперь этотъ обычай употребляется рѣже. Послѣ нашего прихода, когда правительство убѣдится, что и ему самому, не только подданнымъ, придется измѣнить многое у себя, конечно будутъ пороть брюхо еще рѣже. А вотъ пока что̀ говоритъ объ этомъ обычаѣ мой ученый источникъ, изъ котораго я привелъ нѣкоторыя мѣста въ началѣ этого письма.

«Какимъ же образомъ тое отправляется, какъ себѣ чрево распарывать, такимъ: собираютъ своихъ родителей и вмѣстѣ идутъ въ пагодъ, посреди того пагода постилаютъ цыновки и ковры, на тѣхъ садятся и пиршествуютъ, на прощаніи ядятъ иждивительно и сладко, а пьютъ много. И какъ уже пиръ окончится, тотъ, который долженъ умереть, вставаетъ и разрѣзывается накрестъ, такъ что его внутренняя вся вонъ выходятъ. Которыя жь смѣляе, то, по такомъ дѣйствіи, и глотку себѣ перерѣзываютъ. Думаю, что разныхъ образцовъ, какъ себѣ чрево распарывать, между ими болѣ до пять-десяти восходитъ».

Кажется, иностранцамъ, если только уступитъ правительство, съ японскимъ народомъ собственно не будетъ большихъ хлопотъ. Онъ чувствуетъ сильную потребность въ развитіи, и эта потребность проговаривается во многомъ. Притомъ онъ бѣденъ, нуждается въ сообще-

ніи съ другими. Порядочные люди, особенно изъ переводчиковъ, обращавшихся съ европейцами, охаютъ, какъ я писалъ, отъ скуки и недостатка жизни умственной и нравственной. Низшій классъ тоже съ завистью и удивленіемъ поглядываетъ на наши суда, на людей, проситъ у насъ вина, пьетъ жадно водку, хватаетъ брошенный кусокъ хлѣба, съ дѣтскимъ любопытствомъ вглядывается въ бездѣлки, ловитъ налету въ своихъ лодкахъ какую-нибудь тряпку, прячетъ. Къ намъ подъѣхала недавно лодка: въ ней были два гребца, а на носу небрежно лежалъ хорошо одѣтый мальчикъ, лѣтъ тринадцати. Видно, что онъ выпросился погулять, посмотрѣть корабль и другихъ людей. Гребцы, по обыкновенію, хватали все, что̀ имъ ни бросали, но не ѣли, а подавали ему: онъ смотрѣлъ съ любопытствомъ и пряталъ. Имъ спустили на веревкѣ бутылку вина, водки, дали сухарей, конфектъ — все брали. Да и высшій классъ, кажется, тяготится отчужденіемъ отъ міра и своей сонной и безплодной жизнію. Кто-то изъ переводчиковъ проговорился намъ, что, въ пріѣздъ Резанова, въ ихъ верховномъ совѣтѣ только двое, изъ семи или осьми членовъ, подали голосъ въ пользу сношеній съ европейцами, а теперь только два голоса говорятъ противъ этого. Кликни только кличъ—и японцы толпой вырвутся изъ воротъ своей тюрьмы. Они общежительны, охотно увлекаются новизной; и не преслѣдуй у нихъ шпіоны, какъ контрабанду, каждое прошептанное съ иностранцами слово, обмѣненный взглядъ, наши суда сейчасъ же, безъ всякихъ трактатовъ, завалены бы были всевозможными товарами, безъ помощи Сіогуна, который всѣ барыши беретъ себѣ, нужды нѣтъ, что Японія, по словамъ властей, страна бѣдная и торговать будто бы ей нечѣмъ.

Сколько у нихъ жизни кроется подъ этой апатіей,

сколько веселости, игривости! Куча способностей, дарованій—все это видно въ мелочахъ, въ пустомъ разговорѣ, но видно также, что нѣтъ только содержанія, что всѣ собственныя силы жизни перекипѣли, перегорѣли и требуютъ новыхъ, освѣжительныхъ началъ. Японцы очень живы и натуральны; у нихъ мало такихъ нелѣпостей, какъ у китайцевъ; напримѣръ, тяжелой, педантической, устарѣлой и ненужной учености, отъ которой люди дурѣютъ. Напротивъ, они все вывѣдываютъ, обо всѣмъ распрашиваютъ и все записываютъ. Всѣ почти бывшіе въ Едо голландскіе путешественники разсказываютъ, что къ нимъ нарочно посылали японскихъ ученыхъ, чтобъ заимствовать что-нибудь новое и полезное. Между-тѣмъ китайскій ученый не смѣетъ даже выразить свою мысль живымъ, употребительнымъ языкомъ: это запрещено; онъ долженъ выражаться, какъ показано въ книгахъ. Если японцы и придерживаются стараго, то изъ боязни только новаго, хотя и убѣждены, что это новое лучше. Они сами скучаютъ и зѣваютъ, тогда-какъ у китайцевъ, по разсказамъ, этого нѣтъ. Рѣшительно японцы—французы, китайцы—нѣмцы здѣшнихъ мѣстъ.

Но пока имъ не растолковано, и особенно не доказано, что имъ хотятъ добра, а не зла, они боятся перемѣнъ, хотя и желаютъ, не довѣряютъ чужимъ и ведутъ себя, какъ дѣти. Они теперь мечутся, мѣряютъ орудія, когда они на нихъ наведены, хотятъ въ одну минуту выучиться строить батареи, лить пушки, ядра, и даже—стрѣлять. Они не понимаютъ, что Россія не была бы Россіей, Англія Англіей, въ торговлѣ, войнѣ и во всемъ, еслибъ каждую заперли на замокъ. Не дѣти ли, когда думали, что имъ довольно только не хотѣть, такъ ихъ и не тронутъ, не пойдутъ къ нимъ даже и тогда, если они, претерпѣв-

шихъ кораблекрушеніе и брошенныхъ на ихъ берега иностранцевъ, будутъ сажать въ плѣнъ, купеческія суда гонять прочь, а военныя учтиво просить уйдти и не приходить? Они думали, что и все такъ будетъ, что не доберутся до нихъ, не захотятъ, или не смогутъ.

Вотъ они теперь ссылаются на свои законы, обычаи, полагая, что этого довольно, что все это будетъ уважено безусловно, несмотря на то, что сами они не хотѣли знать и слышать о чужихъ законахъ и обычаяхъ. За настойчивостью кроется страхъ, что мы не послушаемъ, не исполнимъ ихъ капризовъ. Имъ хочется отказать въ требованіяхъ, но хочется и узнать, что̀ имъ за это будетъ: въ самомъ ли дѣлѣ будутъ драться, и больно ли? Уже-ли не пощадятъ ихъ? Кажется, нѣтъ — и пожалуй припомнятъ все: пролитую кровь христіанъ, оскорбленіе посланниковъ, тюрьмы плѣнныхъ, грубости, надменность, чванство. Еще дѣла не начались, а на Лю-Чу, въ прихожей у порога, и въ Китаѣ также, стоитъ нетерпѣливо, какъ у долго-неотпирающихся дверей, толпа миссіонеровъ: они ждутъ - недождутся, когда настанетъ пора возстановить дерзко поверженный крестъ....

А нечего дѣлать японцамъ противъ кораблей: у нихъ, кромѣ лодокъ, ничего нѣтъ. У этихъ лодокъ, какъ и у китайскихъ джонокъ, паруса изъ цыновокъ, очень мало изъ холста, да еще открытая корма: оттого они и ходятъ только у береговъ. Кемпферъ говоритъ, что въ его время, Сіогунъ запретилъ строить суда иначе, чтобъ они не ѣздили въ чужія земли. «Нечего, дескать, имъ тамъ дѣлать».

Но я забылъ, что насъ ждетъ Овосава Бунгоно Ками Сама, нагасакскій губернаторъ. Мы остановились на крыльцѣ, а караулъ и музыканты на дворѣ. Въ сѣняхъ, или первой комнатѣ, устланной бѣлыми цыновками, мы увидѣли и

нашихъ переводчиковъ. Впереди всѣхъ былъ Кичибе. Ужь онъ маялся отъ нетерпѣнія: ему, повидимому, давно хотѣлось очнуться отъ своей неподвижности, посуетиться, поговорить, пошумѣть и побѣгать. Только-что мы на крыльцо, онъ вскочилъ, началъ кланяться, скалилъ зубы и усердно показывалъ рукой на амфиладу комнатъ, приглашая идти. Тутъ началась церемонія надѣванья коленкоровыхъ башмаковъ. Мы натаскивали, натаскивали съ Ѳаддеевымъ, едва натащили. Я не узналъ Ѳаддеева: весь въ красномъ, въ ливреѣ, съ стоячимъ воротникомъ, на вытяжкѣ, а лицо на сторону — неподражаемъ! Онъ числился при адмиральской каютѣ, съ откомандированіемъ, для прислуги, ко мнѣ.

Мы пошли по комнатамъ: съ одной стороны, заклеенная, вмѣсто стеколъ, бумагой, оконная рама доходила до полу, съ другой, подвижныя бумажныя, разрисованныя, и весьма не дурно, или сдѣланныя изъ позолоченной и посеребренной бумаги, ширмы, такъ-что не узнаешь, одна ли это огромная зала, или нѣсколько комнатъ.

Въ глубинѣ залъ сидѣли, въ нѣсколько рядовъ, тѣсной кучей, на пяткахъ, человѣческія фигуры, въ богатыхъ платьяхъ, съ комическою важностью. Ни бровь, ни глазъ не шевелились. Неслышно и невидно было, дышатъ ли, мигаютъ ли эти фигуры, живыя ли онѣ наконецъ? И сколько ихъ! Вотъ цѣлые ряды въ большой комнатѣ; вотъ двѣ массивныя фигуры сѣдыхъ стариковъ, посажены въ маленькомъ проходѣ, какъ фарфоровыя куклы; далѣе тянутся опять длинныя шеренги. Тутъ и молодые и старые, съ густыми и жиденькими косичками, похожими на крысій хвостъ. Какія лица, какія выраженія на нихъ! Ни одна фигура не смотритъ на насъ, не слѣдитъ съ жаднымъ любопытствомъ за нами, а вѣдь этого ничего не было у нихъ сорокъ лѣтъ, и почти никто изъ нихъ не видалъ другихъ

людей, кромѣ подобныхъ себѣ. Между-тѣмъ всѣ они уставили глаза въ стѣну, или въ полъ, и, кажется, побились объ закладъ о томъ, кто сдѣлаетъ лицо глупѣе. Всѣ, болѣе или менѣе, успѣли въ этомъ; многіе, конечно, неумышленно.

Общій видъ картины былъ оригиналенъ. Я былъ какъ нельзя болѣе доволенъ этимъ страннымъ, фантастическимъ зрѣлищемъ. Тишина была идеальная. Раздавались только наши шаги. «Башмаки, башмаки!» слышу вдругъ чей-то шопотъ. Гляжу — на мнѣ сапоги. А гдѣ башмаки? «Еще за три комнаты оставилъ», говорятъ мнѣ. Я увлекся и не замѣтилъ. Я назадъ: въ самомъ дѣлѣ, коленкоровые башмаки лежали на полу. Сидѣвшія въ этой комнатѣ фигуры продолжали сидѣть также смирно, и безъ насъ, какъ при насъ; онѣ и не взглянули на меня. Догоняю товарищей, но отсталыхъ не я одинъ: то тотъ, то другой наклонится и подбираетъ башмаки. Наконецъ входимъ въ залу, свѣтлѣе и больше другихъ: справа стоялъ, въ нишѣ, золоченный, большой лукъ: знакъ ли это губернаторскаго сана, или такъ, украшеніе — я добиться не могъ. Зала, какъ и всѣ прочія комнаты, устлана была до того мягкими цыновками, что идешь какъ по тюфяку. Здѣсь эффектъ сидящихъ на полу фигуръ былъ еще ярче. Я насчиталъ ихъ тридцать.

Въ одно время съ нами показался въ залу и «Овосава Бунгоно Ками Сама», высокій, худощавый мужчина, лѣтъ пятидесяти, съ важнымъ, строгимъ и довольно умнымъ выраженіемъ въ лицѣ. Овосава — это имя, Бунго-но — нѣчто въ родѣ фамиліи, которая, кажется, дается, какъ и въ нѣкоторыхъ европейскихъ государствахъ, отъ владѣній, помѣстьевъ, или земель, по-крайней-мѣрѣ такъ у высшаго сословія. Частица *но* повторяется въ большей части фамилій и есть, кажется, ничто иное, какъ граммати-

ческая форма. *Ками*—почетное названіе, въ родѣ нашего *и кавалеръ*; *Сама* — господинъ, титулъ, прибавляемый сзади именъ всѣхъ чиновныхъ лицъ.

Мы взаимно раскланялись. Кланяясь, я случайно взглянулъ на ноги — проклятыхъ башмаковъ нѣтъ какъ нѣтъ: они лежатъ подлѣ сапогъ. Опираясь на руку Б. К., которую онъ протянулъ мнѣ изъ состраданія, я съ трудомъ напялилъ ихъ на ноги. «Нехорошо» прошепталъ Б. и засмѣялся слышнымъ только мнѣ да ему смѣхомъ, похожимъ на кашель. Я, вмѣсто отвѣта, показалъ ему на его ноги: онѣ были безъ башмаковъ. «Нехорошо», прошепталъ я, въ свою очередь.

А между-тѣмъ губернаторъ, послѣ первыхъ привѣтствій, просилъ передать ему письмо, и указывая на стоявшій на столикѣ, маленькій лакированный ящикъ, предложилъ положить письмо туда.

Тутъ бы слѣдовало, кажется, говорить о дѣлѣ, но губернаторъ просилъ прежде *отдохнуть*, Богъ вѣдаетъ, отъ какихъ подвиговъ, и потомъ уже возобновить разговоръ, а самъ скрылся. Первая часть свиданія прошла, по уговору, стоя.

Въ *отдыхальнѣ*, какъ мы прозвали комнату, въ которую насъ повели и черезъ которую мы проходили, уже не было никого: сидящія фигуры убрались вонъ. Тамъ стояли привезенные съ нами кресло и четыре стула. Мы тотчасъ же и расположились на нихъ. А кому недостало, тѣ присутствовали тутъ же, стоя. Нечего и говорить, что я пришелъ въ отдыхальню безъ башмаковъ: они остались въ пріемной залѣ, куда я долженъ былъ сходить за ними. Наконецъ я положилъ ихъ въ шляпу и дѣло тамъ и осталось.

За нами вслѣдъ, шумной толпой, явились знакомыя

лица — переводчики: они ринулись на полъ и въ три ряда усѣлись по-своему. Мы завели съ ними разговоръ. «У васъ стеколъ нѣтъ вовсе въ рамахъ?» спросилъ К. Н. П. «Нѣтъ», былъ отвѣтъ. «У васъ всѣ домы въ одинъ этажъ, или бываютъ въ два этажа?» спрашивалъ П. «Бываютъ въ два» отвѣчалъ Кичибе и поглядѣлъ на Льоду. «И въ три» сказалъ тотъ и поглядѣлъ на Садагору. — «Бываютъ тоже и въ пять», сказалъ Садагора. Мы засмѣялись. «Часто у васъ бываютъ землетрясенія?» спросилъ П. «Да̀, бываютъ», отвѣчалъ Садагора, глядя на Льоду. «Какъ часто: въ десять, или двадцать лѣтъ?» «Да̀, и въ десять, и въ двадцать лѣтъ бываютъ», сказалъ Льода, поглядывая на Кичибе и на Садагору. «Горы разсѣдаются и домы падаютъ», прибавилъ Садагора. И въ этомъ тонѣ продолжался весь разговоръ.

Вдругъ изъ дверей явились, одинъ за другимъ, двѣнадцать слугъ, по числу гостей; каждый несъ обѣими руками чашку съ чаемъ, но безъ блюдечка. Подойдя къ гостю, слуга ловко падалъ на колѣни, кланялся, ставилъ чашку на полъ, за неимѣніемъ столовъ и никакой мебели въ комнатахъ, вставалъ, кланялся и уходилъ. Ужасно неловко было тянуться со стула къ полу въ нашемъ платьѣ. Я протягивалъ то одну, то другую руку, и насилу досталъ. Чай отличный, какъ желтый китайскій. Онъ густъ, крѣпокъ и ароматенъ, только безъ сахару.

Опять появились слуги: каждый несъ лакированную, деревянную подставку, съ трубкой, табакомъ, маленькой глиняной жаровней, съ горячими углями и пепельницей, и тѣмъ же порядкомъ ставили передъ нами. Съ этимъ еще было труднѣе возиться. Японцамъ хорошо, сидя на полу и въ просторномъ платьѣ, продѣлывать всѣ эти штуки: набивать трубку, закуривать углемъ, вытряхивать

пепелъ: а намъ каково со стула? Я опять вспомнилъ угощеніе *Лисицы* и *Журавля*.

Хотя табакъ японскій былъ намъ уже извѣстенъ, но мы сочли долгомъ выкурить по трубкѣ, если только можно назвать трубкой эти наперстки, въ которые не помѣстится щепотъ нюхательнаго, не то что курительнаго табаку. Кажется, я выше сказалъ, что японскій табакъ чрезвычайно мягокъ и крошится длинными волокнами. Онъ такъ мелокъ, что въ пачкѣ, съ перваго взгляда, похожъ на кучу какой-то темно-красной пыли.

Кичибе суетился: то побѣжитъ въ пріемную залу, то на крыльцо, то опять къ намъ. Между-прочимъ онъ пришелъ спросить, можно ли позвать музыкантовъ *отдохнуть*. «Хорошо, можно» отвѣчали ему, и въ то же время послали офицера предупредить музыкантовъ, чтобъ они больше одной рюмки вина не пили.

Только-что мы перестали курить, явились опять слуги, каждый съ деревяннымъ, гладко отесаннымъ и очень красивымъ, хотя и простымъ ящикомъ. Поставили передъ нами по ящику: кто постарше, тѣмъ на ножкахъ, прочимъ безъ ножекъ. Открываемъ—конфекты. Большой кусокъ чего-то въ родѣ торта, потомъ густое, какъ тѣсто, желе, сложенное въ видѣ сердечка; далѣе, рыбка изъ дряннаго сахара, крашеная и намазанная какимъ-то масломъ; наконецъ мелкія, сухія конфекты: обсахаренные плоды, и между прочимъ, морковь. Не правда ли, отчаянная смѣлость въ дѣлѣ кондитерскаго искусства? А ничего, недурно: если, на основаніи извѣстной у насъ въ народѣ поговорки, можно «съѣсть и обсахаренную подошву», то морковь, конечно, и подавно! Да, взаперти многаго не выдумаешь, или, пожалуй, чего не выдумаешь, начиная отъ вареной въ сахарѣ моркови до пороху включитель-

но, что̀ и доказали китайцы и японцы, выдумавъ и то, и другое.

Наконецъ, не знаю въ который разъ, вбѣжавшій Кичибе объявилъ, что если мы *отдохнули*, то губернаторъ ожидаетъ насъ, то есть, если устали, хотѣлъ онъ вѣрно сказать. Въ-самомъ-дѣлѣ устали отъ праздности. Это у нихъ называется дѣло дѣлать. Мы пошли опять въ пріемную залу и начался разговоръ.

Прежде всего сѣли на перенесенныя въ залу кресла, а губернаторъ на маленькое возвышеніе, на четверть аршина отъ пола. Кичибе и Льода, оба лежали подлѣ нашихъ стульевъ, касаясь лбомъ пола. Было жарко, крупныя капли пота струились по лицу Кичибе. Онъ выслушивалъ слова губернатора, бросая на него съ полу почтительный и, какъ выстрѣлъ, пронзительный взглядъ, потомъ приподнималъ голову, переводилъ намъ и опять ложился лбомъ на полъ. Льода лежалъ все время такъ, и только изподлобья бросалъ такіе же пронзительные-взгляды, то на губернатора, то на насъ. Старшій былъ Кичибе, а Льода присутствовалъ только для повѣрки перевода, и наконецъ для того, что въ одиночку они ничего не дѣлаютъ. Кругомъ, ровнымъ бордюромъ вдоль стѣнъ, сидѣли на пяткахъ всѣ чиновники и свита губернатора.

Воцарилось глубочайшее молчаніе. Губернаторъ вынулъ изъ лакированнаго ящика бумагу и началъ читать чуть-слышнымъ голосомъ, но внятно. Только что онъ кончилъ, одинъ старикъ лѣниво всталъ изъ ряда сидѣвшихъ по правую руку, подошелъ къ губернатору, сталъ, или, вѣрнѣе, палъ на колѣни, съ поклономъ принялъ бумагу, подошелъ къ Кичибе, опять палъ на колѣни, безъ поклона подалъ бумагу ему и сѣлъ на свое мѣсто.

Послѣ этого вдругъ раздался крикливый, жесткій, какъ

карканье вороны, голосъ Кичибе: онъ по голландски передалъ содержаніе бумаги намъ. Смѣяться онъ не смѣлъ, но втягивалъ воздухъ въ себя; гримасамъ и всхлипываньямъ не было конца.

Въ бумагѣ заключалось согласіе Горочью принять письмо. Только-было, на вопросъ адмирала, я разинулъ ротъ отвѣчать, какъ губернаторъ взялъ другую бумагу, такимъ же порядкомъ прочелъ ее; тотъ же старикъ, секретарь, взялъ и передалъ ее, съ тѣми же церемоніями, Кичибе. Въ этой второй бумагѣ сказано было, что «письмо будетъ принято, но что скораго отвѣта на него быть не можетъ».

Оно покажется не логично, не прочитавши письма, сказать, что скораго отвѣта не можетъ быть. Такъ, но имѣя дѣло съ японцами, надо отчасти на время отречься отъ европейской логики и помнить, что это крайній Востокъ. Я выше сказалъ, что они народъ незакоренѣлый безъ надежды и упрямый: напротивъ, логичный, разсуждающій и способный къ принятію другихъ убѣжденій, если найдетъ ихъ нужными. Это справедливо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые имъ извѣстны по опыту; тамъ же, напротивъ, гдѣ для нихъ все ново, они медлятъ, высматриваютъ, выжидаютъ, хитрятъ. Не правы ли они до нѣкоторой степени? Отъ европейцевъ добра видѣли они пока мало, а зла много: оттого и самое отчужденіе ихъ логично. Португальскіе миссіонеры привезли имъ религію, которую многіе японцы довѣрчиво приняли и исповѣдывали. Но ученики Лойолы привезли туда и свои страстишки: гордость, любовь къ власти, къ золоту, къ серебру, даже къ превосходной японской мѣди, которую вывозили въ невѣроятныхъ количествахъ, и вообще всякую любовь, кромѣ христіанской. Вамъ извѣстно, что̀ было слѣдствіемъ этого: варѳоломеевскія ночи и отчужденіе отъ свѣта.

Но если вспомнить, что̀ дѣлалось въ эпоху младенчества нашихъ старыхъ государствъ, ка̀къ встрѣчали всякую новизну, которой не понимали, всякое открытіе, ка̀къ жгли лекарей, преслѣдовали физиковъ и астрономовъ, то едва ли японцы не болѣе своихъ просвѣтителей заслуживаютъ снисхожденія въ упрямомъ желаніи отдѣлаться отъ иноземцевъ. Удивительно ли послѣ этого, что осторожность и боязнь повторенія старыхъ золъ отдалили ихъ отъ насъ, помѣшали имъ вырости, и что у нихъ осталась только ихъ природная смышлённость, да нѣсколько опытовъ, давшихъ имъ фальшивое понятіе обо всемъ, что̀ носитъ названіе образованности?

Пока читали бумаги, я всматривался въ лица губернатора и его придворныхъ, занимаясь сортировкою физіономій, на смышленыя, живыя, вовсе глупыя, или только затупѣлыя, отъ недостатка умственнаго движенія. Было также нѣсколько загадочныхъ, скрытныхъ и лукавыхъ лицъ. У многихъ въ глазахъ прятался огонь, хотя они и смотрѣли, по обыкновенію, сонно и вяло. Любопытно было наблюдать эти спящія страсти, непробужденныя и нетронутыя желанія, вмѣсто которыхъ выглядывало дѣтское притворство, или крайняя неловкость. У нихъ, кажется, въ обычаѣ казаться при старшемъ какъ можно глупѣе, и оттого тутъ было много лицъ, глупыхъ изъ почтенія. Если губернаторъ и казался умнѣе прочихъ, такъ это, можетъ быть, потому, что онъ былъ старше всѣхъ. А въ Едо вѣрно и онъ кажется глупъ. Одно лицо забавнѣе другаго.

Вонъ и всѣ наши пріятели: Баба̀ Городзаймонъ, напримѣръ, его узнать нельзя: онъ, изъ почтенія, даже похудѣлъ немного. Чиновники сидѣли, едва смѣя дохнуть, и такъ ровно, какъ-будто во фронтѣ. Напрасно я хочу поздороваться съ кѣмъ-нибудь глазами: ни Самбро, ни Ойе-

Саброски, ни переводчики, не показываютъ вида, что замѣчаютъ насъ.

Впрочемъ, въ ихъ уваженіи къ старшимъ я не замѣтилъ страха, или подобострастія: это дѣлается у нихъ какъ-то проще, искреннѣе, съ теплотой, почти, можно сказать, съ любовью, и оттого это не непріятно видѣть. Что касается до лежанья на полу, до неподвижности и комической важности, какую сохраняютъ они въ торжественныхъ случаяхъ, то, вѣроятно, это, если не комедія, то балетъ въ восточномъ вкусѣ, во всякомъ случаѣ спектакль, представленный для насъ. Должно быть и японцы въ другое время не сидятъ точно одурѣлые, или какъ фигуры восковаго кабинета, не дѣлаютъ такихъ глупыхъ лицъ и не валяются по полу, а обходятся между собою проще и искреннѣе, какъ и мы не таскаемъ же между собой вездѣ караулъ и музыку. Такъ думалось мнѣ, и мало ли что̀ думалось!

Еще мнѣ понравилось въ этомъ собраніи шелковыхъ халатовъ, юбокъ и мантилій, отсутствіе яркихъ и рѣзкихъ красокъ. Ни одного цѣльнаго цвѣта, краснаго, желтаго, зеленаго: все смѣсь, нѣжные, смягченные тоны того, другаго, или третьяго. Не вѣрьте картинкамъ, на которыхъ японцы представлены какими-то попугаями. И простой народъ здѣсь не похожъ костюмами на ту толпу мужщинъ, женщинъ и дѣтей, которую я видѣлъ на одной плантаціи въ Сингапурѣ. Тамъ я пораженъ былъ смѣсью яркихъ платьевъ на малайцахъ и индійцахъ, и счелъ ихъ за какое-то собраніе птицъ въ кабинетѣ натуральной исторіи. Здѣсь, въ толпѣ низшаго класса, въ большинствѣ, во-первыхъ, бросается въ глаза нагота, какъ я сказалъ, а потомъ преобладаетъ какой-нибудь одинъ цвѣтъ, но не изъ яркихъ, большею частью, синій. Въ платьяхъ же другихъ, высшихъ

классовъ, допущены всѣ смѣшанные цвѣта, но съ большою строгостью и вкусомъ въ выборѣ ихъ.

Пробѣгая глазами только по платьямъ и не добираясь до этихъ бритыхъ головъ, тупыхъ взглядовъ и выдавшихся верхнихъ челюстей, я забывалъ, гдѣ сижу: вмѣсто крайняго востока какъ-будто на крайнемъ западѣ: цвѣта̀ въ туалетѣ—какъ у европейскихъ женщинъ. Я замѣтилъ не болѣе пяти штофныхъ, и то неяркихъ юбокъ, у стариковъ; у прочихъ, у кого гладкая, сѣрая, или дикаго цвѣта юбка, у другихъ темносиняго, цвѣта Adelaide, vert de gris, vert de pomme, словомъ, всѣ наши новѣйшіе модные цвѣта, couleurs fantaisie, были тутъ.

Губернаторъ былъ въ халатѣ и юбкѣ одного цвѣта, pensée, съ темными тоненькими полосками. Мантилья его покроемъ отличалась отъ другихъ. У всѣхъ прочихъ спина и рукава гладкіе: послѣдніе, у кисти руки, широки; все вмѣстѣ похоже на мантильи нашихъ дамъ; у него рукава съ боковъ разрѣзаны и отъ нихъ идутъ какія-то надставки, въ родѣ маленькихъ крыльевъ. Это, какъ я узналъ послѣ, полупарадный костюмъ, соотвѣтствующій нашимъ вицъ-мундирамъ. Скажите, думалъ ли я, думали ли вы, что мнѣ придется писать о японскихъ модахъ?

Обычай сидѣть на пяткахъ происходитъ у нихъ будтобы, какъ я читалъ гдѣ-то, оттого, что восточные народы считаютъ неприличнымъ показывать ноги, особенно передъ высшими лицами. Не думаю: по-крайней-мѣрѣ, сидя на нашихъ стульяхъ, они безъ церемоніи выказываютъ голыя ноги выше, нежели нужно, и нисколько этимъ не смущаются. Пусть они не считаютъ насъ за старшихъ, но они воздерживались бы отъ этого по привычкѣ, еслибъ она у нихъ была. Вся разница, въ восточной манерѣ сидѣть, отъ нашей, произошла, кажется, отъ простой и са-

мой естественной причины. Въ Европѣ нежарко: мы ищемъ свѣта и строимъ домы съ большими окнами, сидимъ на возвышеніяхъ, чтобъ быть ближе къ свѣту; намъ нужны стулья и столы. Въ Азіи, напротивъ, прячутся отъ солнца: отъ этого окошекъ почти нѣтъ. Зачѣмъ же имъ въ полупотемкахъ громоздиться на какихъ-то хитро-придуманныхъ подставкахъ, когда сама природа указываетъ возможность сѣсть тамъ, гдѣ стоишь? А если приходится сидѣть, обѣдать, бесѣдовать, заниматься дѣломъ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ ходишь, то, разумѣется, пожелаешь, чтобъ ноги были у всѣхъ чисты. Отъ этого на востокѣ, при входѣ, и надо снять туфли или сандаліи. Самые земные поклоны у нихъ происходятъ отъ обычая сидѣть на пяткахъ. Стоять передъ старшимъ, или передъ гостемъ, по ихъ обычаю, неучтиво: они, встрѣчая гостя, сейчасъ опускаются на полъ, а сидя на полу, какъ же можно иначе поклониться почтительно, какъ не до земли?

Съ какой холодной важностью и строгостью въ лицѣ, съ какимъ достоинствомъ говорилъ губернаторъ, глядя полусурово, но съ любопытствомъ, на насъ, на новыя для него лица, манеры, прически, на шитые золотомъ и серебромъ мундиры, на наше открытое и свободное между собой обращеніе! Мы скрадывали невольныя улыбки, глядя, какъ онъ старался поддержать свое, истинно японское достоинство.

Но это длилось недолго. Вдругъ, когда онъ сталъ объяснять, почему скоро нельзя получить отвѣта изъ Едо, приводя, между причинами, разстояніе, адмиралъ сдѣлалъ ему самый простой и естественный вопросъ: «а если мы сами пойдемъ въ Едо моремъ, на своихъ судахъ: дѣло значительно ускорится? Мы, при хорошемъ вѣтрѣ, можемъ быть тамъ въ какую-нибудь недѣлю. Какъ онъ ду-

маетъ?» Какая вдругъ перемѣна съ губернаторомъ: что̀ съ нимъ сдѣлалось? куда дѣлся торжественный, сухой и важный тонъ и гордая мина? Его японское превосходительство смутился. Онъ вдругъ снизошелъ съ высоты своего величія, какъ-то иначе сталъ сидѣть, смотрѣть; потомъ склонилъ немного голову на лѣвую сторону, и съ умильной улыбкой, мягкимъ, вкрадчивымъ голосомъ, говорилъ тихо и долго. «Хи, хи, хи!» слышалось только изъ Кичибе, который, какъ груда какая-нибудь, образующая фигурой опрокинутую вверхъ дномъ шлюпку, лежалъ на полу, судорожно подергиваясь отъ этого, всѣмъ существомъ его произносимаго *хи*. Губернаторъ говорилъ, что «*японскому глазу больно* видѣть чужія суда въ двухъ портахъ Японіи, кромѣ Нагасаки; что отвѣта мы тѣмъ не ускоримъ, когда пойдемъ сами», и т. п.

Послѣ «дѣловаго» разговора начались взаимныя учтивости. Съ обѣихъ сторонъ увѣряли, что очень рады познакомиться. Мы не лгали: намъ въ самомъ дѣлѣ любопытно было видѣть губернатора, тѣмъ болѣе, что мы мѣсяцъ не сходили съ фрегата, и во всякомъ случаѣ видѣли въ этомъ развлеченіе. Но за Г. Овосаву можно было поручиться, что въ немъ въ эту минуту сидѣлъ самъ отецъ лжи, дьяволъ, къ которому онъ насъ, конечно, и посылалъ мысленно. Говорятъ, не въ пору гость хуже татарина: въ этомъ смыслѣ, русскіе были для него дѣйствительно хуже татаръ. Я сказалъ выше, что Овосавѣ оставалось всего какихъ-нибудь два мѣсяца до отъѣзда, когда мы пріѣхали. Событіе это т. е. нашъ приходъ, такъ важно для Японіи, что правительство сочло необходимымъ присутствіе обоихъ губернаторовъ въ Нагасаки. Не правда ли, что Овосава Бунгоно имѣлъ причину сѣтовать на наше посѣщеніе?

Послѣ размѣна учтивостей, губернаторъ всталъ и хо-

тѣлъ было уходить, но адмиралъ предложилъ еще нѣкоторые вопросы. Губернаторъ просилъ отложить ихъ до другаго времени, опасаясь, конечно, всякихъ вопросовъ, на которые, безъ разрѣшенія изъ Едо, не зналъ что̀ отвѣчать. Онъ раскланялся и скрылся. Мы пошли назадъ. За нами толпа чиновниковъ и переводчиковъ. Тутъ былъ и Баба̀ Городзаймонъ. «Здравствуй Баба̀!» сказалъ я, ужь не помню, на какомъ языкѣ. Онъ привѣтливо кивнулъ головой. Тутъ мы видѣли его чуть-ли не въ послѣдній разъ. Его въ тотъ же день услали съ нашимъ письмомъ въ Едо. Онъ былъ счастливъ: онъ тоже отслужилъ годичный срокъ и готовился уѣхать съ губернаторомъ къ семейству, въ объятія супруги, а можетъ быть и супругъ: у нихъ многоженство не запрещено.

Проходя чрезъ *отдыхальню*, мы были остановлены переводчиками. Они заступили намъ дорогу и просили покушать. Въ комнатѣ стоялъ большой, прекрасно сервированный столъ, установленный блюдами, бутылками всѣхъ формъ, съ мадерой, бордо, и чего-чего тамъ не было! И все на европейскій ладъ. Вѣроятно, столъ, посуда и вина, а можетъ быть и кушанья, взяты были у голландцевъ. Адмиралъ приказалъ повторить свое неизбѣжное условіе, то есть, чтобъ губернаторъ участвовалъ въ завтракѣ. Кичибе, кланяясь, разводилъ руками, давился судорожнымъ смѣхомъ, и все двигался къ столу, усердно приглашая и насъ. Другіе не отставали отъ него, улыбались, присѣдали—все напрасно. Мы покосились на завтракъ, но твердо прошли мимо, не слушая переводчиковъ. Едва мы вышли на крыльцо, музыка заиграла, караулъ отдалъ честь полномочному, и мы въ прежнемъ порядкѣ двинулись къ пристани.

На пристани, вдругъ вижу въ рукахъ у Ѳаддеева, и у прочихъ нашихъ слугъ, тѣ самые ящики съ конфектами,

которые ставили передъ нами. — «Что это у тебя?» спросилъ я. — «Коробки какія-то». — «Гдѣ ты взялъ?» — «Китаецъ далъ... то бишь, японецъ». — «Зачѣмъ?» — «Не могу знать». — «Зачѣмъ же ты бралъ, когда не знаешь?» — «Отчего не взять? Онъ сказалъ: на, вотъ, возьми, отнеси домой, господамъ.» — «Какъ же онъ тебѣ сказалъ, на какомъ языкѣ?» — «По своему». — «А ты понялъ?» — Понялъ, ваше высокоблагородіе. Чего не понять? говоритъ, да даетъ коробки, такъ значитъ: отнеси господамъ».

Вонъ этотъ ящикъ стоитъ и теперь у меня на комодѣ. Хотя разрушительная десница Ѳаддеева уже коснулась его, но онъ можетъ доѣхать, пожалуй, до Россіи. Въ немъ лежитъ пока табакъ, японскій же.

— Чего вамъ дали? спросили мы музыкантовъ на пристани.

— По рюмкѣ воды, угрюмо отвѣчало нѣсколько голосовъ.

— Не-уже-ли? спросилъ кто-то.

— Точно такъ, ваше благородіе.

— Что жь вы?

— Выпили.

— Зачѣмъ же?

— Мы думали, что это... не вода.

— Да можетъ-быть вода-то хорошая? спросилъ я.

— Нештò: лучше морской, отвѣчалъ одинъ.

— Это полезно для здоровья, замѣтилъ я.

Трезвые артисты кинули на меня нѣсколько мрачныхъ взглядовъ. Матросы долго не давали прохода музыкантамъ, напоминая имъ японское угощеніе.

Едва мы тронулись въ обратный путь, японскія лодки опять бросились за нами съ крикомъ «оссильянъ», взапуски, стараясь перегнать насъ, и опять напрасно.

ДНЕВНИКЪ

съ 15 сентября по 11 ноября.

15 и 16 сентября. Вчера пріѣзжали японцы, вызванные нами: два оппер-баніоса. Ихъ побранили за то, что лодки японскія осмѣливаются становиться близко; сказали, что будемъ насильно отбуксировывать ихъ дальше и ѣздить кататься за линію лодокъ. Нашъ транспортъ облѣпили лодки, съ распросами, гдѣ онъ былъ, да долго ли, и т. п. Мало этого: переводчики пріѣхали еще къ намъ, вызвали П-та изъ-за обѣда узнать, правду ли объявили имъ. Онъ разсердился и сказалъ, чтобъ они объ этомъ впередъ не спрашивали; что они во зло употребляютъ наше снисхожденіе. Сегодня были японцы съ отвѣтомъ отъ губернатора, что если мы желаемъ, то можемъ стать на внутренній рейдъ, но не очень близко къ берегу, потому-что будто бы помѣшаемъ движенію японскихъ лодокъ на пристани. Говорятъ, сегодня пріѣхалъ новый губернаторъ на смѣну *Овосава Бунгоно*. Новаго зовутъ *Мизно Чикогоно Ками Сама*. У насъ былъ еще новый, пріѣхавшій изъ Едо же переводчикъ, *Эйноске*. Я спалъ и не видалъ никого. Пріѣзжіе и вида не показываютъ, что американцы были у нихъ въ Едо. Они думаютъ, что мы и не знаемъ объ этомъ; что вообще въ Европѣ, какъ у нихъ, можно утаить, что, напримѣръ, цѣлая эскадра идетъ куда-нибудь, или что одно государство можетъ не знать, что другое воюетъ съ третьимъ. Адмиралъ хочетъ посылать транспортъ опять въ Шанхай, узнать: война, или миръ въ Европѣ?

А тепло, хорошо; дѣдъ два раза лукаво заглядывалъ въ мою каюту: «У васъ опять тепло», говорилъ онъ утромъ, «а то было засвѣжѣло». А у меня жарко до духоты. «Отлич-

но, тепло!» говоритъ онъ обыкновенно, войдя ко мнѣ и отирая потъ съ подбородка. Въ-самомъ-дѣлѣ 21° по Реом. тепла въ тѣни.

17-го. Весь день и вчера всю ночь писали бумаги въ Петербургъ: не до посѣтителей было, между-тѣмъ они пріѣзжали опять предложить намъ стать на внутренній рейдъ. Имъ сказано, что хотимъ стать дальше, нежели они указали. Они поѣхали предупредить губернатора и завтра хотѣли быть съ отвѣтомъ. О берегѣ все еще ни слова: выжидаютъ, не уйдемъ ли. Вѣроятно, губернатору велѣно не отводить мѣста, пока въ Едо не прочтутъ письма изъ Россіи и не узнаютъ, въ чемъ дѣло, въ надеждѣ, что, можетъ быть, и на берегъ выходить не понадобится.

18, 19, 20-го. — Пріѣхали *гокейнсы* и переводчики: одинъ гокейнсъ — новый, съ глупымъ лицомъ, пріѣхавшій съ другимъ губернаторомъ изъ Едо. Я познакомился съ новымъ переводчикомъ Эйноске. Онъ говоритъ по-англійски очень мало, но понимаетъ почти все. Онъ научился у голландцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые знаютъ англійскій языкъ. Эйноске учится немного и по-французски. Онъ сказалъ, что у него много книгъ, большею частью голландскихъ; есть и французскія. По-голландски онъ, по словамъ П-та, знаетъ хорошо. Они привезли приглашеніе стать на рейдъ, гдѣ мы хотѣли; даже усердно приглашали, настаивали, чтобъ фрегатъ со втораго рейда перешелъ въ проходъ, ведущій на ближащій къ Нагасаки рейдъ. Адмиралъ, напротивъ, хотѣлъ, чтобъ суда наши растянулись и чтобъ корветъ сталъ при входѣ на внутренній рейдъ, шкуна и транспортъ помѣстились въ самомъ проходѣ, а фрегатъ остался бы на второмъ рейдѣ, который нужно было удержать за собой. Иначе, лишь только фрегатъ вошелъ бы въ проходъ, японцы выстроили бы линію изъ своихъ лодокъ по-

зади его и загородили бы намъ второй рейдъ, на которомъ нельзя было бы кататься на шлюпкахъ; а они этого и добивались. Но мы поняли и не согласились. А какъ упрашивали они, утверждая, что они хлопочутъ только изъ того, чтобъ намъ было покойнѣе! «Вы у насъ гости», говорилъ Эйноске: «представьте, что пошелъ въ саду дождь и старшему гостю (разумѣя фрегатъ) предлагаютъ зонтикъ, а онъ отказывается...» — «Чтобъ уступить его младшимъ (мелкимъ судамъ)», прибавилъ П-тъ.

Японскія лодки вздумали мѣшать нашимъ ѣздить подальше, и даже махали, чтобъ тѣ воротились. Сейчасъ подняли красный флагъ, которымъ у насъ вызываютъ гокейнсовъ: имъ объявили, чтобъ этого не было; что если ихъ лодки будутъ подходить близко, то ихъ отведутъ силой дальше. Вообще ихъ приняли сухо, а адмиралъ вовсе не принялъ, хотя они желали видѣть его. Онъ приказалъ объявить имъ, что «и такъ много дѣлаютъ снисхожденія, исполняя ихъ обычаи: не ѣздятъ на берегъ; пришли въ Нагасаки, а не въ Едо, тогда-какъ могли бы сдѣлать это, а они не цѣнятъ ничего этого, и потому кататься будемъ».

19 числа перетянулись на новое мѣсто. Для буксировки двухъ судовъ, въ случаѣ нужды, пришло 180 лодокъ. Онѣ вплоть стали къ фрегату: гребцы, по обыкновенію, голые; немногіе были въ простыхъ, грубыхъ, синихъ полухалатахъ. Много маленькихъ дѣвчонокъ (эти всѣ одѣты чинно), но женщины ни одной. Мы изъ оконъ бросали имъ хлѣбъ, деньги, роздали по чаркѣ рому: они все хватали съ жадностью. Ихъ много налѣзло на пушки, въ порта. Крикъ, гамъ!

Корветъ перетянулся, потомъ транспортъ, а тамъ и мы, но безъ помощи японцевъ, а сами, на парусахъ. Теперь ближе къ берегу. Я цѣлый день смотрѣлъ въ трубу

на домы, деревья. Все хижины, да дрянныя батареи, съ пушками на развалившихся станкахъ. Видѣлъ я внутренность хижинъ: онѣ безъ оконъ, только со входами; видѣлъ голыхъ мужчинъ, и женщинъ, тоже голыхъ сверху до пояса: у нихъ надѣта синяя простая юбка—и только. На порогахъ, какъ вездѣ, бѣгаютъ и играютъ ребятишки; слышу лай собакъ, но рѣдко.

21-го. Сегодня жарко, а вечеромъ поднялся крѣпкій вѣтеръ; отдали другой якорь. Японцевъ не было: свѣжо, да и не зачѣмъ; притомъ въ послѣдній разъ холодно разстались.

Вечеромъ была славная картина: заходящее солнце вдругъ ударило на дальній холмъ, выглядывавшій изъ-за двухъ ближайшихъ горъ, у подошвы которыхъ лежитъ Нагасаки. Блѣдная зелень ярко блеснула на минуту, лучи покинули ее и освѣтили гору, потомъ пали на городъ, а гора уже потемнѣла; лучи заглядывали въ каждую впадину, ласкали крутизны, которыя, вслѣдъ за тѣмъ, темнѣли, потому облили блескомъ разомъ три небольшіе холма, налѣво отъ Нагасаки, и наконецъ по всему берегу хлынулъ свѣтъ, какъ золото. Маленькія бухты, хижины, батареи, кусты, густо-росшія по окраинамъ скалъ, какъ исполинскіе букеты, вдругъ озарились — все было картина, поэзія, все, кромѣ батарей и японцевъ. Съ этими никакіе лучи не сдѣлали бы ничего.

14-го. Ничего не было, и даже никого: японцы, очевидно, сердятся за нашу настойчивость кататься по рейду, несмотря на караульныя лодки, а можетъ-быть и за холодный пріемъ.

25-го сентября—ровно годъ, какъ на «Палладѣ» подняли флагъ и она вышла на кронштадтскій рейдъ: значитъ походъ начался. У насъ праздникъ, молебенъ и боль-

шой обѣдъ. Вызвали японцевъ: пріѣхалъ *Хагивари-Матаса*, старшій изъ баніосовъ, только-что прибывшій изъ Едо съ новымъ губернаторомъ.

Японцевъ опять погладили по головѣ: позвали въ адмиральскую каюту, угостили наливкой и чаемъ и спросили о мѣстѣ на берегу. Они сказали, что черезъ день или два надѣются получить отвѣтъ изъ Едо. Имъ объявили, что мы не прочь ввести и фрегатъ въ проходъ, если только они снимутъ цѣпь лодокъ, заграждающихъ входъ туда. Они сначала сослались, по обыкновенію, на свои законы, потомъ сказали, что люди, нанимаясь въ караулъ на лодкахъ, снискиваютъ себѣ этимъ пропитаніе. П-тъ, по приказанію адмирала, отвѣчалъ, что вѣдь законы ихъ не вѣчны, а всего существуютъ лѣтъ двѣсти, то-есть, стѣснительные законы относительно иностранцевъ, и что пора ихъ отмѣнить, уступая обстоятельствамъ. Эйноске очень умно и основательно отвѣчалъ: «Вы понимаете, отчего у насъ эти законы таковы (тутъ онъ показалъ рукой, каковы они, т. е. стѣснительны, но сказать не смѣлъ), нѣтъ сомнѣнія, что они должны измѣниться. Но корабли европейскіе», прибавилъ онъ, «начали посѣщать, прилежно и во множествѣ, Нагасаки, всего лѣтъ десять, и потому не было надобности мѣнять».

Вотъ какъ поговариваютъ нынче японцы! А давно ли они не боялись скрутить руки и ноги пріѣзжимъ гостямъ? давно ли называли европейскія правительства дерзкими за то, что тѣ смѣли писать къ нимъ?

У насъ все еще веселятся по поводу годовщины выхода въ море. Музыка играетъ, пѣсенники поютъ. Матросы тоже пировали, получивъ отъ начальства по лишней чаркѣ. Были забавныя сцены. Въ кают-компанію пришелъ къ старшему офицеру писарь, съ жалобой на музыканта Макарова, что

онъ *изломалъ ему спину*. «И больно?» спросили его. «Точно такъ-съ», отвѣчалъ онъ съ той улыбкой человѣка на̀-веселѣ, въ которой умѣщаются и обида и удовольствіе: «писать вовсе не могу», прибавилъ онъ, съ влажными глазами и съ той же улыбкой, и старался водить рукой по воздуху, будто пишетъ. «Да видно Макаровъ пьянъ?» «Точно такъ-съ». Позвали Макарова. Тотъ былъ трезвѣе его и хранилъ важную и угрюмую мину. «За что ты прибилъ его?» былъ вопросъ. «Я не прибилъ, я только ударилъ его въ грудь...» сказалъ онъ. «Точно такъ-съ, въ грудь», подтвердилъ писарь. «За что̀ жь ты его?»—«Съ кулакомъ къ рожѣ лѣзъ!» отвѣчалъ Макаровъ. — «Ты лѣзъ?» — «Точно такъ-съ, лѣзъ», отвѣчалъ писарь. Всѣ хохотали. Прогнали обоихъ и велѣли помириться.

Вечеромъ другая комедія: стали бить зорю: вдругъ тотъ, кто играетъ на рожкѣ, заигралъ совсѣмъ другое. Вахтенный офицеръ строго остановилъ его. Когда все кончили, онъ подошелъ къ нему. Матросъ былъ не очень боекъ отъ природы, что̀ показывало и лицо его. Что̀ ты заигралъ? спросилъ офицеръ. Молчаніе. — Что ты заигралъ?—«Ошибся!» отвѣчалъ тотъ, «забылъ». — «А ѣсть не забываешь?»—«Никакъ нѣтъ-съ».—«Сколько разъ въ день?» — «Два раза». — «Когда?» — За обѣдомъ и за ужиномъ».—«А за завтракомъ».—«И за завтракомъ». — «Стало-быть, сколько же разъ?» — «Два раза».—«Какъ два раза: обѣдъ?» — «Точно такъ». — «Ужинъ?» — «Ужинъ». — «И завтракъ?» — «Точно такъ-съ». — «Сколько же разъ?» — «Два раза...» — «А за завтракомъ?» — «Это не ѣда, это кашица».

27-го. Ни одного японца не было. Утро ясное и свѣжее, вѣтерокъ; не болѣе 15 или 16° тепла. Наши гонялись на шлюпкахъ и заѣзжали далеко, къ неудовольствію японцевъ.

Ихъ маленькія лодки отдѣлились отъ большихъ и пошли, не знаю зачѣмъ, за нашими катерами. Было свѣжо, катера дѣлали длинные и короткіе галсы, вдругъ поворачивали, лавировали и обрѣзали одинъ другаго, т. е. пересѣкали, гоняясь, другъ другу путь. Тѣ остановились и не знали, что имъ дѣлать. Я стоялъ на ютѣ, и одна японская лодка, проходя мимо, показала на нашихъ. Я отвѣчалъ жестомъ, что они далеко будутъ кататься.

Наши и корветные офицеры играли *Женитьбу* Гоголя и *Тяжбу*. Сцена была на шканцахъ корвета. *Тяжба* — на нагасакскомъ рейдѣ! Я зналъ о приготовленіяхъ; шли репетиціи, Б. К. дирижировалъ всѣмъ: мнѣ не хотѣлось ѣхать: я думалъ, что черезчуръ будетъ жалко видѣть. Однако ничего, вышло недурно, М. З. хоть куда: у него природный юморъ, да онъ еще насмотрѣлся на лучшихъ нашихъ комическихъ актеровъ. Смѣшонъ Л. свахой. Все это было чрезвычайно забавно, по оригинальности, самой неловкости актеровъ. Ѣдучи съ корвета, я видѣлъ одну изъ тѣхъ картинъ, которыя видишь въ живописи и не вѣришь: луну надъ гладкой водой, силуэтъ тихо качающагося фрегата, кругомъ темные, спящіе холмы, и огни на лодкахъ и горахъ. Я вспомнилъ картины Айвазовскаго.

28 и 29-го. Японцы пріѣзжали отъ губернатора сказать, что онъ не можетъ совсѣмъ снять лодокъ въ проходѣ: это вчера, а сегодня, т. е. 29-го, объявили, что губернаторъ желалъ бы совсѣмъ закрыть проѣздъ по срединѣ, а открыть съ боковъ, у берега, отведя по одной лодкѣ. Адмиралъ приказалъ сказать, что если это сдѣлаютъ, такъ онъ велитъ своимъ шлюпкамъ отвести насильно лодки, которыя осмѣлятся заставить собою средній проходъ къ корвету. Переводчики, увидѣвъ, что съ ними не шутятъ, тотчасъ убрались и чаю не пили.

Вчера привезли свѣжей и отличной рыбы, похожей на форель, и огромной. Одной стало на тридцать человѣкъ, и десятка три пронсовъ (раковъ, въ родѣ шримсовъ, только большаго размѣра), превкусныхъ. Погода, какъ лѣтняя, въ полдень 17 градусовъ въ тѣни, но по ночамъ холодно.

Мой дневникъ похожъ на журналъ заключеннаго — не правда ли? Что дѣлать! Здѣсь почти тюрьма и есть, хотя природа прекрасная, человѣкъ смышленъ, ловокъ, силенъ, но пока еще не умѣетъ жить нормально и разумно. Странно покажется, что мы здѣсь не умираемъ со скуки, не сходя съ фрегата; некогда скучать: работа есть у всѣхъ. Адмиралъ не можетъ видѣть празднаго человѣка; чуть увидитъ кого-нибудь безъ дѣла, сейчасъ что-нибудь и предложитъ: то бумагу написать, а казалось, можно бы morgen, morgen, nur nicht heute, кому посовѣтуетъ прочесть какую-нибудь книгу; самъ даже возьметъ на себя трудъ выбрать ее въ своей библіотекѣ и укажетъ, что̀ прочесть, или перевести изъ нея.

30-го. Ничего замѣчательнаго. Требовали баніосовъ, но они не явились: разсердились, вѣроятно, на насъ за то, что мы погрозили отбуксировывать ихъ лодки прочь, какъ только они вздумаютъ мѣшать намъ, и вообще съ ними стали дѣйствовать порѣшительнѣе. Они привезли провизію и, между прочимъ, большихъ круглыхъ раковъ, видомъ похожихъ на пауковъ. Но эти раки мнѣ не понравились: клешней у нихъ нѣтъ, и шеи тоже, именно нѣтъ того, что хорошо въ ракахъ; ноги недурны, но крѣпки; въ срединѣ рака много всякой дряни, но есть и бѣлое мясо, которымъ наполненъ низъ всей чашки.

Вечеромъ была всенощная наканунѣ Покрова. Послѣ службы я ходилъ по юту и нечаянно наткнулся на разговоръ м. Б. съ сигнальщикомъ Ѳеодоровымъ, тѣмъ са-

мымъ, который ошибся и, вмѣсто повѣстки къ зарѣ, заигралъ повѣстку къ молитвѣ. Этотъ Ѳеодоровъ отличался крайней простотой. «Смотри въ трубу на луну», говорилъ ему Б., ходившій по юту, «и какъ-скоро увидишь тамъ трехъ, четырехъ человѣкъ, скажи мнѣ». — «Слушаю-съ». Онъ сталъ смотрѣть и долго смотрѣлъ. «Что жь ты ничего не говоришь?» — «Да тамъ всего только двое, ваше благородіе». — «Что̀ жь они дѣлаютъ?» — «Ничего-съ». — «Ну, смотри». — «Что жь это за люди?» спросилъ Б. Тотъ молчалъ. «Говори же!» — «Каинъ и Авель», отвѣчалъ онъ. «Вотъ еще замѣть эти двѣ звѣзды и помни, какъ ихъ зовутъ: вотъ эту Венера, а ту Юпитеръ». — «Слушаю-съ». — «И если что-нибудь съ ними случится, донеси». — «Слушаю-съ». И онъ серьезно сталъ смотрѣть въ ту сторону. Чрезъ минуту я спросилъ его, въ какихъ мѣстахъ онъ бывалъ съ-тѣхъ-поръ, какъ мы вышли изъ Англіи. Онъ молчалъ. «Говори же!» — «На Надеждѣ» (Мысъ Доброй Надежды). — «А до этого?» — «Забылъ». — «Вспомни!» Онъ молчалъ. «Гдѣ же?» Молчалъ. «Ну, припомни названія разныхъ винъ, такъ доберешься». Молчаніе. «Какія же есть вина?» — «Пѣнное». — «Ну, а французскія?» — «Ренское». — «А мадера?» — «Точно-съ, есть и мадера. Мы и сами тамъ были», добавилъ онъ. — «А что же звѣзды?» вдругъ спросилъ Б. Ѳеодоровъ безпокойно оглянулся: хвать — одной нѣтъ; она уже скрылась за горизонтъ. «Гдѣ же?» — «Только одна осталась». — «А гдѣ другая?» — «Не могу знать». — «А какъ ее зовутъ?» Молчаніе. «Ну, какъ?» — «Мадера», подумавъ отвѣчалъ Ѳ. — «А другую? — «Питеръ», сказалъ онъ. И это было намъ развлеченіемъ, за неимѣніемъ другихъ.

Октября 1-го. Праздникъ у насъ, и въ природѣ праздникъ. Вспомните наши ясно прохладные осенніе дни,

когда, гдѣ-нибудь въ рощѣ, или длинной аллеѣ сада, гуляешь по устланнымъ увядшими листьями дорожкамъ; когда въ тѣни такъ свѣжо, а чуть выйдешь на солнышко, вдругъ освѣтитъ и огрѣетъ оно какъ лѣтомъ, даже станетъ жарко; но лишь распахнешься, отъ сѣвера понесется такой пронзительный и пріятный вѣтерокъ, что надо закрыться. А небо синее, все свѣтло, нарядно. Здѣсь тоже, хоть и 32⁰ широты, а погода какъ у насъ. Только вечернее небо, передъ захожденіемъ и восхожденіемъ солнца, великолѣпно и непохоже на наше. Вотъ и сегодня то же: блѣднозеленый, чудесный, фантастическій колоритъ, въ которомъ есть что-то грустное; чрезъ минуту, зеленый цвѣтъ перешелъ въ фіолетовый; въ вышинѣ несутся клочки бурыхъ и палевыхъ облаковъ, и наконецъ весь горизонтъ облитъ пурпуромъ и золотомъ — послѣдніе слѣды солнца; очень похоже на тропики.

Японцевъ, кажется, не было... ахъ, виноватъ — были, были: съ рыбой и раками. Баніосы все не ѣдутъ: они боятся показаться, думая, какъ бы имъ не досталось за то, что не разгоняютъ лодокъ; а можетъ-быть, они, видя нашу кротость, небрежничаютъ и не ѣдутъ. Но стоитъ только сказать, что мы сейчасъ сами пойдемъ на шлюпкахъ въ Нагасаки — тотчасъ явятся, нѣтъ сомнѣнія. Если попугать ихъ и потребовать губернатора — и тотъ пріѣдетъ. Но тогда понадобилось бы измѣнить уже навсегда принятый адмираломъ образъ дѣйствія, т. е. кротость и вѣжливость.

Иногда, однакожь, не мѣшало бы пугнуть ихъ порядкомъ. Вотъ сегодня, напримѣръ, часу въ восьмомъ вечера, была какая-то процессія. Одну большую лодку тащили на буксирѣ двадцать небольшихъ, съ фонарями; шествіе сопровождалось неистовыми криками; лодки шли съ острововъ къ городу; наши К. Н. П. и Н. Н. (бывшій у насъ)

поѣхали на двухъ шлюпкахъ къ корвету, въ проходъ; въ шлюбку П. пустили полѣномъ, а въ Н. хотѣли плеснуть водой, да не попали — грубая выходка простаго народа! Н-тъ сейчасъ же поворотилъ и приблизился къ лодкѣ; тамъ было человѣкъ 20: всѣ присмирѣли, спрятавшись на дно лодки.

2-го и 3-го. Такъ и есть: страхъ сильно можетъ дѣйствовать. Вчера, втораго октября, послали записку къ японцамъ, съ извѣщеніемъ, что если не явятся баніосы, то одинъ изъ офицеровъ посланъ будетъ за ними въ городъ. Поздно вечеромъ пріѣхалъ переводчикъ сказать, что баніосы завтра будутъ въ 12 часовъ.

Явились въ 11 часовъ трое: Ойе-Саброски, другой, прибывшій изъ Едо, и третій, новый. Они извинились, что не ѣхали долго, сваливая все на переводчика, который будто не такъ растолковалъ, и сказали, что этого впередъ уже не случится. Вчера отвели насильно двѣ ихъ лодки дальше отъ фрегата; самъ я не видалъ этого, но, говорятъ, забавно было смотрѣть, какъ они замахали руками, когда наши катера подошли, приподняли ихъ якорь и оттащили далеко. Баніосы ни слова объ этомъ. Имъ сказали о брошенномъ полѣнѣ со шлюпки и о другихъ глупостяхъ: они извинялись, отговариваясь, что не знали объ этомъ. Вчерашняя процессія — шествіе лодокъ — просто визитъ управляющаго князя Физенскаго голландцамъ, а не религіозный праздникъ, какъ мы думали. О берегѣ сказали, что ежедневно ждутъ отвѣта.

Сегодня суббота: по обыкновенію привезли провизію и помѣшали опять служить всенощную. Кромѣ зелени всякаго рода, рыбы и гомаровъ, привезли, между-прочимъ, маленькаго живаго оленя, или лань, за неимѣніемъ свиней; говорятъ, что больше нѣтъ; остались поросята, но тѣ нужны для приплода.

Съ баніосами были переводчики *Льода* и *Сьоза*. Я вслушивался въ японскій языкъ и нашелъ, что онъ очень звученъ. Въ немъ гласныя преобладаютъ, особенно въ окончаніяхъ. Нѣтъ ничего грубаго, гортаннаго, какъ въ прочихъ восточныхъ языкахъ. А баніосы сказали, что русскій языкъ похожъ будто на китайскій — спасибо! Мы заказали привезти много вещей, вѣеровъ, лакированныхъ ящиковъ и тому подобнаго. Не знаемъ, привезутъ ли.

4-го. Воскресенье: началось, по обыкновенію, обѣдней, потомъ пріѣзжали переводчики сказать, что исполнятъ наше желаніе и отведутъ лодки дальше, но только просили, чтобъ мы сами этого не дѣлали. Мы объявили имъ наканунѣ, что видно губернаторскія приказанія не исполняются, такъ мы, пожалуй, возьмемъ на себя трудъ помочь его превосходительству и будемъ отбуксировывать. Вечеръ у насъ былъ замѣчательный. Когда стемнѣло, мы видимъ вдругъ въ проливѣ, ведущемъ къ городу, какъ-будто двѣ звѣзды плывутъ къ намъ; но это не японскіе огни— нѣтъ, что-то яркое, живое, вспыхивающее. Мы стали смотрѣть въ ночную трубу, но все потухло; видимъ только: плывутъ двѣ лодки; онѣ подплыли къ кормѣ, и вдругъ раздалось мелодическое пѣніе... Серенада! это корветскіе офицеры, съ маленькими камчадалами, пѣвчими, затѣяли серенаду изъ русскихъ и цыганскихъ пѣсенъ. Долго плавали они при лунномъ свѣтѣ около фрегата и жгли фальшфейеры; мы стояли на югѣ и молча слушали. Адмиралъ поблагодарилъ, когда они кончили, и позвалъ офицеровъ пить чай. Маленькихъ пѣвчихъ напоили тоже чаемъ. Японская лодка, завидѣвъ яркіе огни, отдѣлилась отъ прочихъ и подошла, но не близко: не смѣла и, вѣроятно, заслушалась новыхъ сиренъ, потому-что остановилась и долго колыхалась на одномъ мѣстѣ.

5-го. Сегодня дождь, но теплый, почти лѣтній, такъ-что даже котъ Васька не уходилъ съ юта, а только сѣлъ подъ гикъ. Мы видѣли, что двѣ лодки, съ значками и пиками, развозили по караульнымъ лодкамъ приказанія, послѣ чего эти отходили и становились гораздо дальше. Адмиралъ не приказалъ уже больше и упоминать о лодкахъ. Только, если послѣднія станутъ преслѣдовать наши, велѣно брать ихъ на буксиръ и таскать съ собой.

6, 7, 8, 9 и 10-го. Зарѣзали лань и ѣли во всѣхъ видахъ: въ котлетахъ, въ жаркомъ—отлично! точно лучшая говядина, только нѣжнѣе и мягче. П. А. Т. косится на лань: онъ не можетъ ѣсть раковъ и зайца и т. п., «не показано», говоритъ, «да и противно». Про лань говоритъ, что это «собака». За десертомъ подавали новый фруктъ здѣшній, по голландски называемый *kakies*, красножелтый, мягкій, сладкій и прохладительный, въ родѣ сливы; но это не слива, а родъ фиги, или *смоквы*, какъ называетъ О. А., привезенной будто-бы сюда еще португальцами и называющейся у нихъ *како-фига*. О. А. говоритъ, что и въ Китаѣ такихъ плодовъ много... Но не до лани и не до плодовъ теперь: много новаго и важнаго.

7-го октября былъ ровно годъ, какъ мы вышли изъ Кронштадта. Этотъ день прошелъ скромно. Я живо вспомнилъ, какъ, годъ назадъ, я въ первый разъ вступилъ на море и зажилъ новою жизнью, какъ, изъ покойной комнаты и постели, перешелъ въ койку и на колеблющуюся подъ ногами палубу, какъ неблагосклонно встрѣтило насъ море, засвисталъ вѣтеръ, заходили волны; вспомнилъ снѣгъ и дождь, зубную боль—и прощанье съ друзьями....

Я видѣлъ наконецъ японскихъ дамъ: тѣ же юбки, какъ и у мужчинъ, закрывающія горло кофты, только не-

бритая голова, и у тѣхъ, которыя попорядочнѣе, сзади булавка поддерживаетъ косу. Всѣ онѣ смуглянки, и куда нехороши собой! Говорятъ, онѣ нескромно ведутъ себя— не знаю, не видалъ и не хочу чернить репутаціи японскихъ женщинъ. Ихъ нынче много ѣздитъ около фрегата: все некрасивыя, чернозубыя; большею частью, смотрятъ смѣло и смѣются; а тѣ изъ нихъ, которыя получше собой и понаряднѣе одѣты, прикрываются вѣеромъ.

Но это все неважное: гдѣ же важное? А вотъ: 9-го октября, послѣ обѣда, сказали, что ѣдутъ гокейнсы. И это не важность: мы привыкли. Вахтенный офицеръ посылаетъ сказать обыкновенно К. Н. П-ту. Гокейнсовъ повели въ капитанскую каюту. Я былъ тамъ. «А! Ойе-Саброски! Кичибе!» встрѣтилъ я ихъ, весело подавая руки; но они молча, едва отвѣчая на поклонъ, брали руку. Что̀ это значитъ? Они, такіе ласковые и учтивые, особенно Саброски: онъ шутникъ и хохотунъ, а тутъ... Да что это у всѣхъ такая торжественная мина; никто не улыбается? «Боленъ, что ли Саброски?» спросилъ я. Нѣтъ... Что̀ жь онъ такой скучный, да и всѣ? Отвѣта не было. Только Кичибе постоянно показывалъ верхніе зубы и суетился, по обыкновенію: то побѣжитъ впередъ баніосовъ, то воротится и крякнетъ, и нехотя улыбается. И Эйноске тутъ. У этого черты лица правильныя, взглядъ смѣлый, не то̀ что̀ у тѣхъ.

Изъ разговоровъ, изъ обнаруживаемой по-временамъ зависти, съ какою глядятъ на насъ и на все европейское, Эйноске, Сьоза, Нарабайоси 2-й, видно, что они чувствуютъ и сознаютъ свое положеніе, грустятъ и представляютъ нѣмую, покорную оппозицію: это jeune Japon. Садагора — нянька, приставленная къ голландцамъ и гроза ихъ, Льода, напротивъ, принадлежатъ, кажется, къ раз-

ряду застарѣлыхъ и закоснѣлыхъ японцевъ. Они похожи на тѣхъ загрубѣвшихъ въ преданіяхъ слугъ, которые придерживаются старины; ихъ ничѣмъ не переломаешь. Они находятъ все старое прекраснымъ, перемѣнъ не желаютъ и все новое считаютъ грѣхомъ. Садагора — старый, грубый циникъ, Льода, напротивъ, льстивый, кланяющійся плутъ. Кичибе составляетъ juste milieu между тѣмъ и другимъ; онъ посвѣжѣе ихъ: у него нѣтъ застарѣлой ненависти къ новому и вѣры въ японскую систему правленія, но ему не угнаться и за новыми. Онъ просто служитъ за жалованье, кому и какъ хотите. Есть еще Ясиро, Кичибе-сынъ, и много подростковъ, все кандидаты въ переводчики. У нихъ наслѣдственныя должности: сынъ по бо̀льшей части занимаетъ мѣсто отца.

Баніосы объявили, что они желаютъ поговорить съ адмираломъ. Мы съ П-мъ давай ломать голову, о чемъ? «Вѣрно о мѣстѣ», говорилъ онъ. «Но нерадостное, должно быть!» прибавилъ я. Я сказалъ адмиралу о ихъ желаніи. Онъ велѣлъ пустить ихъ къ себѣ. Всѣ сѣли; воцарилось молчаніе. Саброски повѣсилъ голову совсѣмъ на грудь; другой баніосъ, подслѣповатый, громоздкій старикъ, съ толстымъ лицомъ, смотрѣлъ осовѣлыми глазами на все, и по-временамъ зѣвалъ; третій, маленькій, совсѣмъ исчезалъ между ними, стараясь поддѣлаться подъ мину и позу своихъ сосѣдей. Эйноске задумчиво молчалъ. Одинъ Кичибе гоголемъ сидѣлъ и ждалъ, когда ему велятъ говорить. Мы ждали, что̀ будетъ.

Наконецъ Саброски, вздохнувъ глубоко и прищуривъ глаза, началъ говорить такъ тихо, какъ духъ, какъ-будто у него не было ни губъ, ни языка, ни горла; онъ говорилъ вздохами; кончилъ, испустивъ продолжительный вздохъ. Кичибе, съ своей улыбкой, съ яснымъ взглядомъ

и наклоненной головой, просто, безъ вздоховъ и печали, объявилъ, что Сіогунъ, ни больше, ни меньше, какъ *gestorven*—умеръ!

Мы окаменѣли на минуту, потомъ — ничего. «Скажите», замѣтилъ адмиралъ чиновникамъ, «что я вполнѣ раздѣляю ихъ печаль». Баніосы поклонились, нѣкоторые опять вздохнули, Ойе вновь заговорилъ шопотомъ. Хи! хи! хи! слышалось только отъ Кичибе, какъ предсмертная икота. Потомъ онъ, потянувъ воздухъ въ себя, началъ переводить, по обычаю, разстановисто, съ спирающимся хохотомъ въ горлѣ—знакъ, что передаетъ какой-нибудь отказъ, и этимъ хохотомъ смягчаетъ его, золотитъ пилюлю. «Изъ Едо... по этому печальному случаю... получить скоро отвѣтъ хо, хо, хо — унмогликъ, «невозможно!» досказалъ онъ наконецъ такъ, какъ-будто изъ него выдавили послѣднія слова.

На это приказано отвѣчать, что возраженіе пришлютъ письменное. «Всѣ заняты похоронами покойнаго и восшествіемъ на престолъ новаго Сіогуна», продолжалъ Кичибе переводить, «все это требуетъ церемоній» и т. п. Велѣно было спросить: скоро ли отведутъ намъ мѣсто на берегу? Долго говорилъ Саброски отвѣтъ. Кичибе, выслушавъ его, сказалъ, что «изъ Едо объ этомъ...» тутъ горло ему совсѣмъ заперло смѣхомъ... «не получено никакого разрѣшенія».—«Однакожь могли получить три раза», строго замѣтили ему, «отчего же нѣтъ отвѣта?» Кичибе перевелъ вопросъ, потомъ, выслушавъ возраженіе, началъ: «Изъ Едо не получено объ этомъ никакого—хо, хо, хо,—разрѣшенія».—«Это мы слышали», переводилъ К. Н. П.; «но будетъ ли разрѣшеніе и скоро ли? намъ надо повѣрять хронометры. Вы не цѣните нашей вѣжливости и вниманія: другіе давно бы съѣхали сами. Теперь мы видимъ,

что Нагасаки просто западня, въ которую заманиваютъ иностранцевъ, чтобъ водить и обманывать. Отъ столицы далеко, переговоры наскучатъ, гости утомятся и уйдутъ— вотъ ваша цѣль! Но объ этомъ узнаетъ вся Европа и ни одно судно не пойдетъ сюда, а въ Едо—будьте увѣрены». Кичибе опять передалъ и опять началъ свое: «Изъ Едо... не получено — хо, хо хо!... никакого...»

Хоть кого изъ терпѣнія выведутъ! «Спросите губернатора: намѣренъ ли онъ дать намъ мѣсто, или нѣтъ? Чтобъ завтра былъ отвѣтъ!» были послѣднія слова, которыми и кончилось засѣданіе.

Потомъ имъ подали чаю и наливки. Они выпили по рюмкѣ, подняли головы, оставили печальный тонъ, заговорили весело, зѣвали кругомъ на стѣны, на картины, на мебель; совсѣмъ развеселились; печали ни слѣда, такъ-что мы стали догадываться, не хитрятъ ли они, не выдумали ли, если не все, такъ эпоху событія. По ихъ словамъ, Сіогунъ умеръ 14 августа, а мы пришли 10-го. Можетъ-быть, онъ умеръ и въ прошломъ году, а они сказали, что теперь, въ надеждѣ, не уйдемъ ли. Повѣрить ихъ трудно: они, можетъ-быть, и отъ своихъ скрываютъ такой случай, по-крайней-мѣрѣ, долго. Мы не знали, что̀ и подумать, толковали и догадывались. Адмиралъ приказалъ написать губернатору, что мы подождемъ отвѣта изъ Едо на письмо изъ Россіи, которое, какъ они сами говорятъ, разошлось въ пути съ извѣстіемъ о смерти Сіогуна. Верховный Совѣтъ не зналъ, въ чемъ дѣло, и потому отвѣта дать не могъ. Но какъ же такое извѣстіе могло идти болѣе двухъ мѣсяцовъ изъ Едо до Нагасаки, тогда-какъ въ три недѣли можно съѣздить взадъ и впередъ? Нечисто! Ясно, что Сіогунъ, или умеръ позже, или они знали раньше, да безъ надобности не объявили намъ объ этомъ, или,

наконецъ, вовсе не умеръ. Послѣднее, однакожь, невѣроятно: народъ, уважающій такъ глубоко своихъ государей, не употребитъ такого предлога для побужденія, и то не навѣрное, иностранцевъ къ отплытію. Адмиралъ, между-прочимъ, приказалъ прибавить въ письмѣ, что «это событіе случилось до полученія первыхъ нашихъ бумагъ и не помѣшало имъ распорядиться принятіемъ ихъ, также опредѣлить церемоніалъ свиданія россійскаго полномочнаго съ губернаторомъ и т. п., стало-быть не помѣшаетъ и дальнѣйшимъ распоряженіямъ, такъ-какъ ходъ государственныхъ дѣлъ въ такой большой имперіи остановиться не можетъ, не смотря ни на какія обстоятельства. Поэтому мы подождемъ отвѣта изъ Горочью, и вообще не покинемъ японскихъ береговъ безъ окончательнаго рѣшенія дѣла, которое насъ сюда привело».

Такъ японцамъ не удалось и это крайнее средство, то-есть, объявленіе о смерти Сіогуна, чтобъ заставить адмирала измѣнить намѣреніе: непремѣнно дождаться отвѣта. Должно быть въ самомъ дѣлѣ *японскому глазу больно видѣть* чужія суда у себя въ гостяхъ! А они, безъ сомнѣнія, надѣялись, что лишь только они сдѣлаютъ такое важное возраженіе, адмиралъ уйдетъ, они отвѣтъ пришлютъ года черезъ два, конечно, отрицательный, и такъ дѣло затянется на неопредѣленный и продолжительный срокъ.

Черезъ день японцы пріѣхали съ отвѣтомъ отъ губернатора о мѣстѣ на берегу, и опять Кичибе началъ: «Изъ Едо... не получено» и т. п. Адмиралъ не принялъ ихъ. П-тъ сказалъ имъ, что онъ передалъ адмиралу отвѣтъ, и не знаетъ, что̀ онъ предприметъ, потому-что его превосходительство ничего не отвѣчалъ. Это пугаетъ нашихъ милыхъ хозяевъ: они ужь разъ пріѣзжали за какими-то пу-

стяками, а собственно затѣмъ, чтобъ увѣриться, не затѣваемъ ли мы что-нибудь, не проговоримся ли о своихъ намѣреніяхъ. И точно затѣваемъ: хотимъ сами съѣхать на берегъ съ хронометрами. П-тъ ужь запустилъ объ этомъ словцо. Они все отзывались, что губернаторъ распорядиться не можетъ, что ему за это достанется. «Ну, а если мы сами съѣдемъ, или другіе сдѣлали бы это, тогда не достанется?» спросилъ онъ. «Это будетъ не дружески», былъ отвѣтъ. «А это по-дружески, когда вамъ говорятъ, что намъ необходимо повѣрить хронометры, что безъ этого нельзя въ море идти, а вы не отводите мѣста?» «Изъ Едо... хо, хо, хо... не получено», началъ Кичибе.

Подите съ ними! Они стали ссылаться на свои законы, обычаи. На другое утро пріѣхалъ Кичибе и взялъ отвѣтъ къ губернатору. Только-что онъ отвалилъ, явились и баніосы, а сегодня, 11 числа, они пріѣхали сказать, что письмо отдали, но что изъ Едо не получено и т. п. Потомъ замѣтили, зачѣмъ мы ѣздимъ кругомъ горы Паппенберга. — «Такъ хочется», отвѣчали имъ

На фрегатѣ ничего особеннаго: баніосы ѣздятъ каждый день вывѣдывать о намѣреніяхъ адмирала. Сегодня были двое младшихъ переводчиковъ и двое ондер-баніосовъ: они просили, нельзя ли намъ не кататься слишкомъ далеко, потому-что имъ велѣно слѣдить за нами, а ихъ лодки не угоняются за нашими. «Да зачѣмъ вы слѣдите?» — «Велѣно», сказалъ высокій старикъ, въ синемъ халатѣ. «Вѣдь вы намъ помѣшать не можете». — Велѣно, что дѣлать! *Мы и сами желали бы, чтобъ это скорѣе измѣнилось»*, прибавилъ онъ.

У меня, между матросами, есть нѣсколько фаворитовъ, между ними *Дьюпинъ*, широкоплечій, приземистый матросъ, артиллеристъ. Онъ широкъ не въ однихъ только

плечахъ. Его называютъ *огневой*, потому-что онъ смотритъ, между-прочимъ, за огнями; и когда крикнутъ гдѣ-нибудь въ углу: *фитиль!* онъ мчится, что̀ есть мо̀чи, по палубѣ подать огня. Спеціальность его, между-прочимъ, состоитъ въ томъ, что онъ беретъ и приподнимаетъ, какъ подносъ, кранецъ съ ядрами и картечью, и поставивъ, только ухнетъ, а кранецъ вѣситъ пудовъ пять. Трудно встрѣтить человѣка, крѣпче и плотнѣе сложеннаго. Я часто разговариваю съ нимъ. «Жарко, Дьюпинъ», говорю я ему. — «Точно такъ, тепло, хорошо, в. в.», отвѣчаетъ онъ. — А такъ тепло, что приходишь въ совершенное отчаяніе, не зная куда дѣться. «Да ты, смотри, не напейся холоднаго послѣ работы», говорю я шутя, «или на сырости не ложись ночью». — «Слушаю, в. в.», отвѣчаетъ онъ серьёзно. «Я подарю тебѣ шерстяные чулки: надѣвай, смотри». И велѣлъ Ѳаддееву дать ему пару. Дьюпинъ еще въ тропикахъ надѣлъ ихъ и, встрѣтивъ меня, сталъ благодарить. «Благодарю покорнѣйше, в. в.; теперь хорошо, тепло», говорилъ онъ. «Холодно что-то Дьюпинъ», сказалъ я ему, когда здѣсь вдругъ наступили холода, такъ-что надо было приниматься за байковые сюртуки.—«Точно такъ, в. в., свѣженько, хорошо».—А самъ былъ босикомъ. «Что же ты босикомъ?» спросилъ я. «Лучше: ноги не горятъ, да и палубы не затопчешь сапогами». Вотъ я на-дняхъ сказалъ ему, что «видѣлъ, ка̀къ японецъ одинъ поворачиваетъ пушку, а васъ тутъ», прибавилъ я, «десятеро возитесь около одной и насилу двигаете ее».—«Точно такъ, в. в., отвѣчалъ онъ, куда намъ! Намедни и я видѣлъ, что волной плеснуло на берегъ, вонъ на ту низенькую батарею, да и смыло пушку, она и поплыла, а японецъ ѣдетъ подлѣ, да и толкаетъ ее къ берегу. Ужь такія пушки у нихъ!» Потомъ, подумавъ немного, онъ сказалъ:

«Еслибъ пришлось драться съ ними, в. в., неужели намъ ружья дадутъ?» — «А какъ же?» — «По лопарю бы довольно». (*Лопарь*—конецъ толстой веревки).

13-го октября. Новаго ничего. Холодно и ясно; превосходная погода: все такъ свѣтло, празднично. Холмы и вòды въ блескѣ; островки и надводные камни въ проливѣ, отъ сильной рефракціи, кажутся совершенно отставшими отъ воды; они какъ будто висятъ на воздухѣ. Зори вечернія (утреннихъ я никогда не вижу) обливаютъ золотомъ весь горизонтъ; зажгутся звѣзды, прежде всего Юпитеръ и Венера. Венера горитъ ярко, какъ большая свѣча. Вчера мы смотрѣли въ трубу на Сатурна: хорошо видѣли и кольца. У Юпитера видны три спутника; четвертый прячется за планетой.

17, 18 и 19 октября. Ждемъ судовъ нашихъ и начинаемъ тревожиться. Ну, пусть транспортъ медлитъ за противнымъ NO муссономъ, лавируя миль по двадцати въ сутки, а шкуна? Вотъ ужь два мѣсяца, какъ ушла; а ей сказано, чтобъ долѣе семи недѣль не быть. Дѣлаютъ разныя предположенія.

Вчера, 18-го, адмиралъ приказалъ дать знать баніосамъ, чтобъ они продолжали, если хотятъ, ѣздить и безъ дѣла, а такъ, въ гости, чтобы какъ можно болѣе сблизить ихъ съ нашими понятіями и образомъ жизни. Младшіе переводчики перепутали все и двое ондер-баніосовъ, не бывшихъ ни разу, явились спросить, чтò намъ нужно, думая, что мы ихъ вызывали за дѣломъ. Сегодня, 19-го, явились опять двое и, между-прочимъ, Ойе-Саброски, «съ маленькой просьбой отъ губернатора», сказали они: «завтра, 20-го, поѣдетъ князь Чикузенъ или Цикузенъ, отъ одной пристани къ другой въ проливѣ, смотрѣть свои казармы и войска, такъ не можетъ ли корветъ немного отодвинуться

въ сторону, потому-что князя будутъ сопровождать до ста лодокъ, такъ имъ трудно будетъ проѣхать». Имъ отвѣчали, что гораздо удобнѣе лодкамъ обойти судно, нежели судну, особенно военному, переходить съ мѣста на мѣсто. Такъ они и уѣхали.

Съ Саброски былъ полный, высокій ондер-баніосъ, но съ такимъ, не-японскимъ лицомъ, что хоть сейчасъ въ надворные совѣтники, лишь только юбку долой, а юбка штофная, голубая: славно бы кресло обить! Когда я сталъ заводить ящикъ съ музыкой и открылъ его, онъ смотрѣлъ подѣтски, и немного глупо, на движеніе вала.

Послѣ обѣда, говорятъ, проѣзжалъ какой-то князь, съ поѣздомъ. Погода была сего-дня такъ хороша, тепла, какъ у насъ въ іюлѣ, и такъ ясна, какъ у насъ никогда не бываетъ. Но по вечерамъ вообще туманно, по ночамъ сыро и очень холодно. Скучновато: новостей нѣтъ и занятія какъ-то идутъ вяло. Почиваемъ, кушаемъ превосходную рыбу ежедневно, въ ухѣ, въ пирогахъ, холодную, жареную; раковъ тоже, съ клешнями, безъ клешней, толстокожихъ, съ усами и безъ оныхъ, круглыхъ и длинныхъ. Ужь нѣкоторые, въ томъ числѣ и я, начинаемъ жаловаться на разстройство желудка отъ этой монашеской пищи. Ѳаддеевъ учится грамотѣ. Я было написалъ ему прописи, но онъ избѣгаетъ учиться у меня. Я застаю его за какой-то замасленной бумагой, на которой написаны преуродливые азы. Ѳаддеевъ копируетъ ихъ усердно и превосходитъ уродливостью; а съ моихъ не копируетъ. «Кто написалъ тебѣ?» спросилъ я. — «Агапка» отвѣчаетъ онъ; «онъ взялся выучить меня писать». «А ты что̀ ему за это?» — «Двѣ чарки водки».

25-го. — Давно я не принимался за свой дневникъ: скучно что-то и боленъ я. Между-тѣмъ много кое-чего бы

надо было записать. Во-первыхъ, съ 20 на 21, ночью была жестокая гроза. Наканунѣ и въ тотъ день шелъ дождь, потомъ къ вечеру начала блистать молнія. Все это къ ночи усиливалось. Ночь темная, ни зги не видно, только молнія вдругъ обливала нестерпимымъ блескомъ весь заливъ и горы. Осмотрѣли громовые отводы. Какіе удары! молнія блеснетъ—и долго спустя глухо загремитъ громъ—значитъ далеко; но чрезъ минуту вдругъ опять блескъ почти кровавый, и въ то же мгновеніе раздается ударъ надъ самой палубой. И поминутно, поминутно, какъ-будто начинаетъ что-то сыпаться съ горъ: сначала въ полтона, потомъ загремитъ цѣлымъ аккордомъ. Смотрѣть больно, слушать утомительно. Началось часовъ съ семи, а кончилось въ 3-мъ часу ночи. Одинъ разъ молнія упала такъ близко, что часовой крикнулъ: «*огонь съ фор-русленей упалъ*!» Въ другой разъ попала въ Пиппенбергъ, въ третій—въ воду, близь кормы. Я видѣлъ самъ. Не даромъ Кемпферъ, Головнинъ и другіе пишутъ, что грозы ужасны въ Японіи. На другой день было очень жарко, парило, потомъ стало прохладно, и до-сихъ-поръ все хорошая погода.

Наконецъ, 23-го утромъ, запалили японскія пушки: «А! судно идетъ!» Которое? Мы взволновались. Кто поѣхалъ на встрѣчу, кто влѣзъ на марсы, на салинги—смотрѣть. Ужь не англичане ли? Вотъ одолжатъ! Нѣтъ, это нашъ транспортъ изъ Шанхая, съ письмами, газетами и провизіей.

21-го пріѣхали, Ойе-Саброски, съ Кичибе, и Эйноске. Послѣдній рѣшительно отказался отъ книгъ, которыя предлагали ему, и адмиралъ, и я: боится. Гокейнсы сказали, что желали бы говорить съ полномочнымъ. Ихъ повели въ каюту. Они объявили, что наконецъ полученъ отвѣтъ изъ Едо! — Grande nouvelle! Мы обрадовались. «Что̀ такое?

какъ? въ чемъ дѣло?» посыпались вопросы. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали, что позовутъ насъ въ Едо, или скажутъ то, другое...

Но вотъ Кичибе потянулъ въ себя воздухъ, улыбнулся самою сладчайшею изъ своихъ улыбокъ—дурной признакъ! «Изъ Едо... началъ онъ давиться и кряхтѣть: «присланъ отвѣтъ». — «Ну?» — «Что письма ваши прибыли туда... благополучно», выговорилъ онъ наконецъ, обливаясь потомъ, какъ-будто дотащилъ возъ до мѣста. «Ну?»—«Что... прибыли... благополучно!...» повторилъ онъ. «Слышали. Еще что?»—«Еще... только и есть!» — «Это не отвѣтъ» замѣтили имъ. Они начали оправдываться, что они невиноваты и т. п. Адмиралъ сказалъ, что онъ надѣется чрезъ нѣсколько дней получить другой отвѣтъ, лучше и толковѣе этого. Потомъ спросили ихъ о мѣстѣ на берегу. «Изъ Едо....» началъ, кряхтя и улыбаясь Кичибе, «не получено...» И запѣлъ свою пѣсню. «Знаемъ. Да что жь, будетъ ли отвѣтъ? Это видно губернаторъ виноватъ: онъ не хотѣлъ представить объ этомъ?» Баніосы оправдывались, что нѣтъ, что ни онъ, ни они не виноваты. «Изъ Едо...» и т. д.

29. — Давно ли мы жаловались на жаръ? давно ли нельзя было ѣсть мяса, выпить рюмки вина? А теперь, хоть и совѣстно, а приходится жаловаться на холодъ! Погода ясная, ночи лунныя, NO муссонъ дуетъ съ рѣзкимъ холодкомъ. Опять всѣмъ захотѣлось на югъ, всѣ бредятъ Маниллой.

Вчера, 28-го, когда я только было собрался уснуть послѣ обѣда, мнѣ предложили кататься на шлюпкѣ въ морѣ. Мы этимъ, нѣтъ-нѣтъ, да и напомнимъ японцамъ, что вода принадлежитъ всѣмъ и что мѣшать въ этомъ они не могутъ, и такимъ образомъ мы удерживаемъ это право за

европейцами. Наши давно дразнятъ японцевъ, катаясь на шлюпкахъ.

Но знаете ли, что̀ значитъ катанье у моряковъ? Вы думаете, можетъ-быть, что это робкое и лѣнивое ползанье нашихъ ялиновъ и лодокъ по соннымъ водамъ прудовъ и озеръ, съ дамами, при звукахъ музыки и т. п.? Нѣтъ: съ такими понятіями о катаньѣ, не совѣтую вамъ принимать приглашенія покататься съ морякомъ: это все-равно, еслибъ васъ посадили верхомъ на бѣшеную лошадь, да предложили прогуляться. Моряки катаются непремѣнно на парусахъ, стало-быть, въ вѣтеръ, чего многіе не любятъ, да еще въ свѣжій вѣтеръ, т. е. когда шлюпка лежитъ на боку и когда бѣлоголовыя волны скачутъ выше борта, а иногда и за бортъ.

Вѣтеръ дулъ NO, свѣжій и порывистый: только нашъ катеръ отвалилъ, сейчасъ же окрылился фокомъ, бизанью и кливеромъ, сильно легъ на бокъ и понесся пуще всякой тройки. Едва мы подошли къ проливцу, между Паппенбергомъ и Ивосима, какъ вслѣдъ за нами, по обыкновенію, съ разныхъ точекъ бросились японскія казенныя лодки, не стоящія уже кругомъ насъ цѣпью, съ тѣхъ-поръ какъ мы отбуксировали ихъ прочь, а кроющіяся подъ берегомъ. Лодки бросались не съ тѣмъ, чтобъ помѣшать намъ — куда имъ! онѣ и не догонятъ, а чтобъ показать только передъ старшими, что исполняютъ обязанности караульныхъ. Онѣ бросаются, гребутъ, торопятся, и лишь-только дойдутъ до крайнихъ мысовъ и скалъ, до выхода въ открытое море, какъ спрячутся въ бухтахъ и ждутъ. А когда наши шлюпки появятся назадъ, японцы опять бросятся за ними и толпой ѣдутъ сзади, съ крикомъ, шумомъ, чтобъ показать своимъ въ гавани, что-будто и они ходили за нашими въ море. Мы хохочемъ.

Едва нашъ катеръ вышелъ за ворота, на третій рейдъ, японскія лодки прижались къ каменьямъ, къ батареямъ, и тамъ остались. Паппенбергъ на-минуту отнялъ у насъ вѣтеръ: сдѣлался маленькій штиль, но лишь только мы миновали гору, катеръ пошелъ чесать. Волненіе было крупное, катеръ высоко забиралъ носомъ, становясь, какъ лошадь, на дыбы, и билъ имъ по волнѣ, перескакивая чрезъ нее, какъ лошадь же. Куда тутъ японскимъ лодкамъ! Матросы молча сидѣли на днѣ шлюпки, мы на лавкахъ, держась руками за бортъ и сжавшись въ кучу, потому-что наклоненное положеніе катера всѣхъ сбивало въ одну сторону.

Но холодно; я пряталъ руки въ рукава, или за пазуху, по карманамъ, носы у насъ посинѣли. Мы осмотрѣли, подойдя вплоть къ берегу, прекрасную бухту, которая лежитъ налѣво, какъ только входишь съ моря на первый рейдъ. Я прежде не видалъ ея, когда мы входили: тогда я занятъ былъ разсматриваніемъ ближнихъ береговъ, батарей и холмовъ.

А бухта отличная: на берегу видна деревня и рядъ террасъ, обработанныхъ до послѣдней крайности, до самыхъ вершинъ утесовъ и вплоть до крутыхъ обрывовъ къ морю, гдѣ уже одни каменья стоймя опускаются въ океанъ и гдѣ никакая дикая коза не влѣзетъ туда. Нѣтъ вершка необработанной земли, и все въ гору, въ гору. Вездѣ посѣянъ рисъ и овощи. Горы изрѣзаны по бокамъ уступами, и чтобъ уступы не обваливались, бока ихъ укрѣплены мелкимъ камнемъ, какъ и весь берегъ, такъ-что вода, въ большомъ обиліи необходимая для риса, можетъ стекать по уступамъ, какъ по лѣстницѣ, не разрушая ихъ. Видѣли скотъ, потомъ множество ребятишекъ; вышло нѣсколько японцевъ изъ хижинъ и дачъ, и стали

въ кучу, глядя, какъ мы, то остановимся, то подъѣдемъ къ самому берегу, то удалимся, лавируя взадъ и впередъ. Мы глядѣли на нѣкоторыя бесѣдки и храмы по высотамъ, любовались длинною, идущею параллельно съ берегомъ, кедровою аллеею.

Не думайте, чтобъ храмъ былъ въ-самомъ-дѣлѣ храмъ, по нашимъ понятіямъ, въ архитектурномъ отношеніи, что-нибудь господствующее, не только надъ окрестностью, но и надъ домами—нѣтъ, это, по нашему, изба, побольше другихъ, съ нѣсколько возвышенною кровлею, или какая-нибудь посѣрѣвшая отъ времени большая бесѣдка, въ старомъ заглохшемъ саду. Немудрено, что Кемпферъ насчиталъ такое множество храмовъ: по высотамъ ихъ дѣйствительно много; но ихъ, безъ трубы, не разглядишь, развѣ подъѣдешь къ самому берегу, какъ мы сдѣлали въ этой бухтѣ.

Какое бы славное предмѣстіе раскинулось въ ней, еслибъ она была въ рукахъ европейцовъ! Да это еще будетъ и, можетъ быть, скоро... Знаете, что̀ на дняхъ сказалъ *Матабе*, одинъ изъ ондер-толковъ, привозящій намъ провизію? Его спросили: отчего у нихъ такія лодки, съ этимъ разрѣзомъ на кормѣ, куда могутъ хлестать волны, и съ этимъ неуклюжимъ, высокимъ рулемъ? Онъ сослался на законъ, потомъ сказалъ, что это худо: «да вѣдь Японія не можетъ долго оставаться въ нынѣшнемъ ея положеніи» прибавилъ онъ,—«скоро надо ожидать перемѣнъ».—Каковъ Матабе? а не бойкій, не взрачный человѣкъ, и съ такимъ простымъ, добрымъ и честнымъ лицомъ! Оттого, можетъ быть, онъ и говоритъ такъ.

Глядя вчера на эти обработанные до-нельзя холмы, я вспомнилъ Гон-Конгъ, и особенно торговое заведеніе Джердина и Маттисона, занимающее цѣлый уголъ. Тамъ

тоже горы, да какія! не чета здѣшнимъ: голый камень, а бухта удобна, берега *приглубы*, суда закрыты отъ вѣтровъ. Что же Джердинъ? нанялъ китайцевъ, взялъ да и срылъ гору, построилъ огромное торговое заведеніе, магазины, а еще выше надъ всѣмъ этимъ — великолѣпную виллу, сдѣлалъ скаты, аллеи, насадилъ всего, что̀ растетъ подъ тропиками, — и живетъ какъ бы жилъ въ Англіи, гдѣ-нибудь на о. Вайтѣ. Я не видалъ въ Гон-Конгѣ ни клочка обработанной земли, а вездѣ срытыя горы для улицъ да для дорогъ, для пристаней. Китайцы — а ихъ тамъ тысячъ тридцать — не боятся умереть съ голоду. Они находятъ выгоднѣе строить европейцамъ дворцы, копать землю, не все для одного посѣва, какъ у себя въ Китаѣ, а работать на судахъ, быть прикащиками, и наконецъ торговать самимъ. Такъ должно быть, и конечно будетъ, и здѣсь, какъ справедливо предсказываетъ Матабе.

Я иззябъ съ этимъ катаньемъ. Былъ пятый часъ въ исходѣ; осеннее солнце спѣшило спрятаться за горизонтъ, а мы спѣшили воротиться съ моря за̀-свѣтло, и проѣхали между каменьями, оторвавшимися отъ горъ, подъ самыми батареями, гдѣ японцы строятъ домики для каждой пушки. Ка̀къ издѣвался надъ этими домиками нашъ артиллеристъ К. И. Л.! Онъ толковалъ, что домикъ мѣшаетъ углу обстрѣла и т. п. Сторожъ японецъ началъ браниться и кидать въ насъ каменья, но они едва падали у ногъ его. Мы хохочемъ. Сзади насъ катеръ—и тому то же, и тамъ хохотъ. Вотъ Паппенбергъ—и опять штиль у его подошвы. Катеръ вышелъ изъ вѣтра и сталъ прямо; парусъ началъ хлестать о мачту; матросы взялись за весла, а я въ это время осматривалъ Паппенбергъ. Съ западной его стороны отвалился большой камень, съ кучей маленькихъ; между ними хлещетъ бурунъ; еще подальше отъ Паппен-

берга есть такая же куча, которую исхлестали, округлили и избороздили волны, образовавъ живописную группу, какъ-будто великановъ, въ разныхъ положеніяхъ, съ дѣтьми.

Когда въ Нагасаки будетъ издаваться иллюстрація, непремѣнно нарисуютъ эти каменья. И *Паппенбергъ* тоже, и *Крысій*, другой, маленькій, пушистый островокъ. Въ текстѣ скажутъ, что съ Паппенберга нѣкогда бросали католическихъ, *папскихъ* монаховъ, отчего и названъ такъ островъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, есть откуда бросать: онъ весь кругомъ въ отвѣсныхъ скалахъ, саженъ въ десять и болѣе вышины. Только съ восточной стороны, на самой *бахрамѣ*, такъ сказать, берега, японцы протоптали тропинки, да поставили батарею, которую, по обыкновенію, и завѣсили, а вершину усадили рѣдкимъ соснякомъ, отчего вся гора, какъ я писалъ, имѣетъ видъ головы, на которой волосы встали дыбомъ. Вообще японцы любятъ утыкать свои холмы рѣдкими деревьями, отчего они походятъ также и на пасхальные куличи, утыканные фальшивыми розанами. На Крысьемъ островѣ избиты были нѣкогда испанцы и сожжены ихъ корабли съ товарами. На немъ, нѣтъ сомнѣнія, будетъ когда-нибудь хорошенькій павильйонъ; для другаго чего-нибудь островъ малъ.

Только-что мы подъѣхали къ Паппенбергу, какъ за нами бросились назадъ таившіяся подъ берегомъ, ожидавшія насъ, японскія лодки и ѣхали съ крикомъ, но не близко, и такъ всѣ дружно прибыли — онѣ въ свои ущелья и затишья, мы на фрегатъ. Я долго дулъ въ кулаки.

Ноябрь. 1, 2, 3.—То дождь, то ясно, то тепло, даже жарко, какъ сегодня, напримѣръ, то вдругъ холодно, какъ на родинѣ.

Японцы еще третьягодня пріѣзжали сказать, что голландское купеческое судно уходитъ наконецъ съ грузомъ

въ Батавію (не знаю, сказалъ ли я, что мы застали его уже здѣсь) и что губернаторъ проситъ — о чемъ бы вы думали? чтобъ мы не ѣздили на судно! А мы велѣли сказать, что дадимъ письма въ Европу, и удивляемся, какъ губернатору могла придти въ голову мысль, мѣшать сношенію двухъ европейскихъ судовъ между собою? Опять переводчики пріѣхали, почти ночью, просить, по-крайней-мѣрѣ, сдѣлать это за Ковальскими воротами, близь моря. Имъ не хочется, чтобъ народъ видѣлъ и заключилъ по этому о слабости своего правительства; ему стыдно, что его не слушаются. Сказано, что нѣтъ. Переводчики объявили, что можетъ-быть, губернаторъ *не позволитъ* пристать къ борту, загородитъ своими лодками. «Пусть попробуетъ, сказано ему: выйдутъ непріятныя послѣдствія—онъ отвѣтитъ за нихъ».

Радость, радость, праздникъ: шкуна пришла! Сегодня, 3-го числа, палятъ японскія пушки. Съ салинговъ завидѣли шкуну. Часу въ 1-мъ она стала на якорь подлѣ насъ. Сколько новостей!...

5-е.—Тоска, несмотря на занятія, несмотря на внѣшнее спокойствіе, на прекрасную погоду. Я вчера къ вечеру уѣхалъ на нашъ транспортъ; туда же поѣхалъ и капитанъ. Я увлекъ и О. А. Мы поужинали; вдругъ является К. Н. П. и говоритъ, что адмиралъ измѣнилъ рѣшеніе: прощай Манилла, Лю-чу! мы идемъ въ Едо. Толки, споры. Говорятъ, сухарей нѣтъ: какъ идти? Адмиралъ думаетъ оттуда уже послать транспортъ въ Шанхай, за полнымъ грузомъ провизіи, на нѣсколько мѣсяцовъ. Но кромѣ недостатка провизіи, въ Едо мѣшаетъ идти противный NO муссонъ. Сегодня вызвали баніосовъ; пріѣхалъ Ойе-Саброски, Кичибе и Сьоза, да еще баніосъ, подъ пару Саброски (баніосы иначе не ѣздятъ, какъ парами). Онъ

смотритъ всякій разъ очень ласково на меня своимъ, довольно тупымъ, простымъ взглядомъ, и напоминаетъ какую-нибудь безусловно-добрую тетку, няньку, или другую женщину-баловницу, отъ которой ума и наставленій не жди, за-то варенья, конфектъ и потворства — сколько хочешь.

Всѣ были въ восторгѣ, когда мы объявили, что покидаемъ Нагасаки; только Кичибе былъ ни скучнѣе, ни веселѣе другихъ. Онъ переводилъ вопросы и отвѣты, самъ ничего не спрашивая и не интересуясь ничѣмъ. Онъ какъ-то сказалъ, на вопросъ П-та, почему онъ не учится англійскому языку, что жалѣетъ, зачѣмъ выучился и по-голландски. «Отчего?»—«Я люблю» говоритъ, *ничего не дѣлать, лежать на боку*».

Но баніосы не обрадовались бы, узнавши, что мы идемъ въ Едо. Имъ объ этомъ не сказали ни слова. Просили только пріѣхать завтра опять, взять бумаги, да подарки губернаторамъ и переводчикамъ, еще прислать, какъ можно больше, воды и провизіи. Они не подозрѣваютъ, что мы сбираемся продовольствоваться этой провизіей — на пути къ Едо! Что-то будетъ завтра?

6-го. — Были сегодня баніосы и утромъ и вечеромъ. Пришла и имъ забота. Губернаторы оба въ тревогѣ. «Отчего вдругъ вздумали идти? Въ какой день идутъ и... куда?» хотѣлось бы еще спросить, да не рѣшаются: сами чувствуютъ, что не скажутъ. Сегодня ужь они не были веселы. Съ баніосами былъ старшій изъ нихъ, *Хагивари*. Ихъ позвали къ адмиралу. Они сказали, что губернаторы рѣшили принять бумаги въ Совѣтъ. Потомъ секретарь и баніосы начали предлагать вопросы: «что̀ насъ заставляетъ идти внезапно?»—«Нечего здѣсь больше дѣлать», отвѣчали имъ. «Объяснена ли причина въ письмѣ къ гу-

бернатору?» — «Въ этихъ бумагахъ объяснены мои намѣренія», приказалъ сказать адмиралъ.

О подаркахъ они сказали, что ихъ не могутъ принять ни губернаторы, ни баніосы, ни переводчики: «унмогликъ!»—«Изъ Едо» началъ давиться Кичибе, «на этотъ счетъ не получено... разрѣшенія». — «Ну, ненадо. И мы никогда не примемъ», сказали мы, «когда нужно имѣть дѣло съ вами».

Кичибе извивался, какъ змѣй, допрашиваясь, когда идемъ, воротимся ли, упрашивая сказать день, когда выйдемъ и т. п. Но ничего не добился. *Спудигъ* (скоро), *зеръ спудигъ*, отвѣчалъ ему П-тъ. Они просили сказать объ этомъ по-крайней-мѣрѣ за день до отхода—и того нѣтъ. На нихъ очевидно напала тоска. Наступила ихъ очередь быть игрушкой. Мы мистифировали ихъ, ловко избѣгая отвѣчать на вопросы. Такъ они и уѣхали въ тревогѣ, не добившись ничего, а мы сѣли обѣдать.

Мы недоумѣвали, отчего такъ вдругъ обезпокоились японцы нашимъ отъѣздомъ? почему просятъ сказать за день? Вѣрно у нихъ есть готовый отвѣтъ, да, по своей привычкѣ, медлятъ объявлять. Вечеромъ явились опять и привезли Эйноске, надѣясь, что онъ потолковѣе: допросится. Но такъ же безполезно. Куда? хотѣлось имъ знать. «Куда вѣтеръ понесетъ», отвѣчали съ улыбкой. Наконецъ сказали, что будемъ гдѣ-нибудь близко, согласно съ тѣмъ, какъ объявилъ адмиралъ, то-есть *что не уйдемъ отъ береговъ Японіи, не окончивъ дѣла*. «Но отвѣтъ вы получите въ Нагасаки», замѣтили они. Мы ничего не сказали. Бѣда имъ, да и только! «Вы представьте», сказалъ Эйноске, «наше положеніе: намъ велѣли узнать, а мы воротимся съ тѣмъ же, съ чѣмъ уѣхали».—«И мое положеніе представьте себѣ, отвѣчалъ П-тъ: адмиралъ мнѣ

не говоритъ ни слова больше о своихъ намѣреніяхъ, и я не знаю, что̀ сказать вамъ».—Такъ они и уѣхали.

7-го.—Комедія съ этими японцами, совершенное представленіе на нагасакскомъ рейдѣ! Только-что пробило восемь склянокъ и подняли флагъ, какъ появились переводчики, за ними и оппер-баніосы, Хагивари, Саброски и еще другой, робкій и невзрачный съ виду. Они допрашивали, не недовольны ли мы чѣмъ-нибудь? потомъ попросили видѣться съ адмираломъ. По обыкновенію, всѣ усѣлись въ его каютѣ и воцарилось глубокое молчаніе.

Хагивари говорилъ долго, минутъ десять: мы думали и конца не будетъ. Кичибе началъ переводить его рѣчь, по-своему, коротко и отрывисто, и передалъ повидимому только мысль, но способъ выраженія, подробности, оттѣнки—все пропало. Онъ и ограниченъ, и упрямъ. Если скажутъ, что-нибудь рѣзко по-голландски, онъ, сколько мы могли замѣтить, смягчитъ въ переводѣ на японскій языкъ, или вовсе умолчитъ. Адмиралъ недоволенъ и хочетъ просить, чтобъ его устранили отъ переговоровъ. Эйноске, напротивъ, все понимаетъ и старается объяснить до тонкости.

Они начали съ того, что «такъ-какъ адмиралъ не соглашается остаться, то губернаторъ не рѣшается удерживать его, но онъ предлагаетъ ему на разсужденіе одно обстоятельство, чтобъ адмиралъ поступилъ сообразно этому, именно: губернатору извѣстно навѣрное, что дней чрезъ десять, и никакъ не болѣе одиннадцати, а, можетъ-быть, и чрезъ семь, придетъ отвѣтъ, который почему-то замедлился въ пути».

На это отвѣчено, что «по трехмѣсячномъ ожиданіи, не важность подождать семь дней: но намъ необходимо имѣть мѣсто на берегу, чтобъ сдѣлать поправки на су-

дахъ, повѣрить хронометры и т. п. Далѣе, если отвѣтъ этотъ подвинетъ дѣло впередъ, то мы останемся, въ противномъ случаѣ уйдемъ... куда намъ надо».

Между-тѣмъ мы замѣтили, бывши еще въ каютѣ капитана, что, то одинъ, то другой переводчикъ, выходили къ своимъ лодкамъ и возвращались. Баніосы отвѣчали, что «они доведутъ объ этомъ заявленіи адмирала до свѣдѣнія губернатора и...»

Вдругъ у дверей послышался шумъ и голоса. Эйноске всталъ, пошелъ къ дверямъ, поспѣшно воротился и сказалъ, что пріѣхали еще двое баніосовъ, но часовой не пускаетъ ихъ. Велѣно впустить. Вошли двое, знакомыя лица, не знаю какъ ихъ зовутъ. Они поклонились, подошли къ Хагивари и подали ему бумагу. Я смекнулъ, что они пріѣхали съ отвѣтомъ изъ Едо. Хагивари, съ видомъ притворнаго удивленія, прочелъ бумагу, подалъ ее Саброски, тотъ прочелъ, передалъ дальше, и такъ она дошла до Кичибе. Они начали ахать, восклицать. Кичибе чуть не подавился совсѣмъ на первомъ словѣ. «Почта... почта... изъ Едо erhalten, получена!»

Я не могъ выдержать, отвернулся отъ нихъ и коекакъ справился съ неистовымъ желаніемъ захохотать. Фарсёры! Какъ хитро: пріѣхали попытаться замедлить, просили десять дней срока, когда уже отвѣтъ былъ присланъ. Бумага состояла, по обыкновенію, всего изъ шести или семи строкъ. «Четверо полномочныхъ, groote herren, важные сановники, сказано было въ ней, ѣдутъ изъ Едо, для свиданія и переговоровъ съ адмираломъ».

Вотъ тебѣ разъ! вотъ тебѣ Едо! У насъ, какъ гора съ плечъ! Идти въ Едо безъ провизіи, стало-быть, на самое короткое время, и уйти!

Спросили, когда будутъ полномочные. «Изъ Едо...

не получено... объ этомъ». Ну, пошелъ свое! Хагивари и Саброски начали дѣлать намъ знаки, показывая на бумагу, что вотъ какое чудо случилось: только заговорили о ней, а она и пришла! Тутъ уже никто не выдержалъ, и они сами, и всѣ мы стали смѣяться. Бумага писана была отъ президента Горочью, *Абе-Исе-но Ками Сама*, къ обоимъ губернаторамъ о томъ, что ѣдутъ полномочные, но кто именно, когда они ѣдутъ, выѣхали ли, въ дорогѣ ли — объ этомъ ни слова.

Японцы уѣхали, съ обѣщаніемъ вечеромъ привезти отвѣтъ губернатора о мѣстѣ. «Стало-быть, о прежнемъ, то-есть объ отъѣздѣ, уже нѣтъ и рѣчи», сказали они, уѣзжая, и стали отирать себѣ ротъ, какъ-будто стирая прежнія слова. А мы начали толковать о предстоящихъ перемѣнахъ въ нашемъ планѣ. Я еще, до отъѣзда ихъ, не утерпѣлъ и вышелъ на палубу. Капитанъ распоряжался привязкой парусовъ. «Напрасно» сказалъ я: «велите опять отвязывать, не пойдемъ».

Послѣ обѣда тотчасъ явились японцы и сказали, что хотя губернаторъ и не имѣемъ разрѣшенія, но беретъ все на себя и отводитъ мѣсто. Къ вечеру опять пріѣхали сказать, не хотимъ ли мы взять бухту *Либачъ*, которую занималъ прежній посланникъ нашъ, Резановъ. Адмиралъ отвѣчалъ, что, во всякомъ случаѣ, онъ пошлетъ осмотрѣть мѣсто прежде, нежели приметъ. Поѣхали осматривать П. К. и Г. и возвратились со смѣхомъ и досадой, сказавъ, что мѣсто не годится: голое, песокъ, каменья. Ну, надо терпѣнія съ этимъ народомъ? Вотъ четвертый день все идутъ толки о мѣстѣ.

Мы хотя и убрали паруса, но адмиралъ предполагаетъ идти, только не въ Едо, а въ Шанхай, чтобы узнать тамъ, что дѣлается въ Европѣ, и запастись свѣжею провизіею на

нѣсколько мѣсяцовъ. Японцамъ объявили, что мѣсто негодится. Губернаторъ отвѣчалъ, что нѣтъ другаго: видно, разсердился. Мы возразили, что вонъ есть тамъ, да тамъ, да вонъ тутъ: мало ли красивыхъ мѣстъ! «Если не дадутъ, уйдемъ» говорили мы, «присылайте провизію».—«Не могу», отвѣчалъ губернаторъ: «требуйте провизію попрежнему, понемногу, отъ голландцевъ». Онъ надѣялся насъ тѣмъ удержать. «Ну, мы пойдемъ и безъ провизіи», отвѣчено ему.

10-го. — Сегодня вдругъ видимъ, что при входѣ въ бухту Кибачъ толпится кучка народу. Тамъ и баніосы и переводчики, смотрятъ, размѣриваютъ, втыкаютъ колышки: ясно, что готовятъ другое мѣсто, но какое! тоже голое, съ зеленью, правда, но это посѣвы риса и овощей; тутъ негдѣ ступить.

Губернаторъ, узнавъ, что мы отказываемся принять и другое мѣсто, отвѣчалъ, что больше у него нѣтъ никакихъ, что указанное нами принадлежитъ князю Омурѣ, на которое онъ не имѣетъ правъ. Оба губернатора послѣ всего этого успокоились: они объявили намъ, что полномочные назначены, мѣсто отводятъ, слѣдовательно, если мы и за этимъ за всѣмъ уходимъ, то они ужь не виноваты.

Адмиралъ просилъ ихъ передать бумаги полномочнымъ, если они прежде насъ будутъ въ Нагасаки. При этомъ приложена была записочка къ губернатору, въ которой адмиралъ извѣщалъ его, что онъ въ «непродолжительномъ времени воротится въ Японію, зайдетъ въ Нагасаки, и если тамъ не будетъ, ни полномочныхъ, ни отвѣта на его предложенія, то онъ немедленно пойдетъ въ Едо».

Баніосы спрашивали, что̀ заключается въ этой записочкѣ, но имъ не сказали, такъ точно, какъ необъявили и губернатору, куда и на долго ли мы идемъ. Мы все ду-

мали, что насъ остановятъ, дадутъ мѣсто и скажутъ, что полномочные ѣдутъ: но ничего не было. Губернаторы, догадавшись, что мы идемъ не въ Едо, успокоились. Мы сказали, что уйдемъ сегодня же, если вѣтеръ будетъ хорошъ.

Часа въ три мы снялись съ якоря, пробывъ ровно три мѣсяца въ Нагасаки: 10 августа пришли и 11 ноября ушли. Я легъ-было спать, но топотъ людей, укладка якорной цѣпи, разбудили меня. Я вышелъ въ ту минуту, когда мы выходили на первый рейдъ, къ Ковальскимъ, такъ называемымъ, воротамъ. Недавно я еще катался тутъ. Вонъ и бухта, которую мы осматривали, вонъ Паппенбергъ, всѣ знакомыя рытвины и ложбины на дальнихъ высокихъ горахъ, вотъ Каменосима, Ивосима, вонъ, налѣво, синѣетъ мысъ Номо, а вотъ и просторъ, безпредѣльность, море!

II.

ШАНХАЙ.

Сѣдельные острова.—Рыбачья флотилія.—Поѣздка въ Шанхай на купеческой шкунѣ.—Гуцлавъ. — Янсекіянъ. — Пожаръ. — Рѣка и мѣстечко Вусунъ. — Военныя джонки и европейскія суда. — Шанхай.—О чаѣ.—Простой народъ.—Таможня.—Американскій консулъ.—Рѣзная китайская работа.—Улицы и базары.—Лавки и продавцы.—Фрукты, зелень и дичь.—Харчевни.—Европейскіе магазины.—Буддійская часовня. — Шанхайскіе доллары и мѣдная китайская монета. — Окрестности, поля, гулянье англичанъ. — Лагерь и инсургенты. — Таутай Самква. — Осада города продавцами провизіи.—Обращеніе англичанъ съ китайцами.—Торговля опіумомъ. — Значеніе Шанхая.—Претендентъ на богдыханскій престолъ.—Успѣхи христіанства въ Китаѣ. — Фермы и земледѣльцы. — Китайскія похороны.—Возвращеніе на фрегатъ.

Съ 11 ноября 1853 года.

Опять пловучая жизнь, опять движеніе по волѣ вѣтра, или покой, по его же милости! Какъ воетъ онъ теперь и какъ холодно! Я отвыкъ въ три мѣсяца отъ моря, и съ большимъ неудовольствіемъ смотрю, какъ всѣ стали по мѣстамъ, какъ четверо рулевыхъ будто приросли къ штурвалу, ухватясь за рукоятки колеса, какъ матросы полѣзли на марсы и какъ фрегатъ распустилъ крылья, а дѣдъ началъ странствовать съ юта къ картѣ, и обратно. Мы пошли по 6 и по 7 узловъ, въ бейдевиндъ. За нами долго слѣдила японская джонка, чтобъ посмотрѣть, куда мы направимся. Я не зналъ, куда дѣться отъ холода и, какъ

былъ одѣтый въ байковомъ пальто, легъ на кровать, покрылся ваточнымъ одѣяломъ — и все было холодно. Въ перспективѣ не теплѣе: въ Шанхаѣ бываютъ морозы, несмотря на то, что онъ лежитъ подъ 31 градусомъ сѣверной широты.

Сегодня выхожу на палубу часу въ девятомъ: налѣво, въ туманѣ, какой-то островъ; надъ нимъ, какъ исполинская ширма, стоитъ сизая туча, съ полосами дождя. Пасмурно; дождь моросить; въ воздухѣ влажно, пахнетъ немного болотомъ. Предчувствуешь насморкъ. Погода совершенно такая же, какая бываетъ въ Финскомъ заливѣ, или на Невѣ, въ концѣ лѣта, въ сѣренькіе дни. «Что это за островъ?» спросилъ я. — «*Гото*» говорятъ. «А это, направо?» — «*Ослиныя уши*».— «Что̀-о?» «почему это уши?» думалъ я глядя на группу, совершенно голыхъ, темныхъ каменьевъ, «да еще и ослиныя?» Но, должно-быть, я подумалъ это вслухъ, потому-что кто-то подлѣ меня сказалъ: «отъ того, что они торчмя высовываются изъ воды—вонъ видите?»— Вижу, да только это похоже, и на шапку, и на ворота, и ни на что̀ не похоже, всего менѣе на уши. Вѣдь говорятъ же, что Столовая гора похожа на столъ, а Львиная на льва: такъ почему жь и эти камни не назвать такъ? А вонъ, правѣе, еще три камня: командиръ нашего транспорта, капитанъ Фуругельмъ, первый замѣтилъ ихъ. Они не показаны на картѣ, и вотъ у насъ отмѣчаютъ ихъ положеніе. Они видны нѣсколько правѣе отъ «Ушей», если идти изъ Японіи, какъ-будто на второмъ планѣ картины. Кто предлагалъ назвать ихъ *Камнями Паллады*, кто *Тремя Стражами*, но они остались безъ названія.

Вѣтеръ сталъ свѣжѣть: убрали брамсели, и вскорѣ взяли рифъ у марселей. Какъ улыбаются мнѣ теперь картины сухопутнаго путешествія, еслибъ вы знали, особенно по

Россіи! Ѣдешь не торопясь, безъ сроку, по своей надобности, съ хорошими спутниками; качки нѣтъ, хотя и тряско, но то не бѣда. Колокольчикъ заглушаетъ вѣтеръ. Въ холодную ночь спрячешься въ экипажѣ, утонешь въ перины, закроешься одѣяломъ — и знать ничего не хочешь. Утромъ поздно уже, переспавъ два раза срокъ, путешественникъ вдругъ освобождаетъ съ трудомъ голову изъ-подъ спуда подушекъ, вскакиваетъ, съ прической à l'imbécile, и дико озирается по сторонамъ, думая: «что это за деревья, откуда они взялись и зачѣмъ онъ самъ тутъ?» Очнувшись, шаритъ около себя, ища картуза, и видитъ, что въ него, вмѣсто головы, угодила нога, или ощупываетъ его подъ собой, а иногда и вовсе не находитъ. Потомъ пойдутъ вопросы: далеко ли отъѣхали, скоро ли пріѣдутъ на станцію, какъ называется вонъ та деревня, что̀ въ оврагѣ? Потомъ станція, чай, легкая утренняя дрожь, Теньеровскія картины; тамъ опять живая и разнообразная декорація лѣсовъ, пашенъ, дальнихъ селъ и деревень, пекущее солнце, оводы, недолгій жаръ, и снова станція, обѣдъ, привѣтливыя лица, да двугривенные; послѣ еще сонъ, наконецъ знакомый шлагбаумъ, знакомая улица, знакомый домъ, а тамъ она, или онъ, или оно... Ахъ! гдѣ вы, милыя, знакомыя явленія? А здѣсь что̀ такое? одной рукой пишу, другой держусь за переборку; бюро лѣзетъ на меня, я лѣзу на стѣну... До свиданія.

14-го. Вотъ и *Saddle-Islands*, гдѣ мы должны остановиться съ судами, чтобъ нейти въ Шанхай и тамъ не наткнуться, или на мель, или на англичанъ, если у насъ съ ними война. Мы еще ничего не знаемъ. Да съ большими судами и не дойдешь до Шанхая: рѣка Янсекіянъ вся усѣяна мелями: надо пароходъ и лоцмановъ. Есть въ Шанхаѣ и пароходъ, «Конфуцій», но онъ беретъ

четыреста долларовъ за то, чтобъ ввести судно въ Шанхай. Что̀ сказалъ бы добродѣтельный философъ, еслибъ предвидѣлъ, что его соименникъ будетъ драть по стольку съ приходящихъ судовъ? проклялъ бы пришельцовъ, конечно. А кто знаетъ: еслибъ у него были акціи на это предпріятіе, такъ, можетъ-быть, самъ бралъ бы вдвое. Здѣсь неимовѣрно дорогъ уголь: тоннъ сто̀итъ десять фунт. стерл., оттого и пароходъ беретъ дорого за буксиръ.

Saddle-Islands лежатъ миляхъ въ сорока отъ бара или устья Янсекіяна, да рѣкой еще миль сорокъ слишкомъ надо ѣхать, потомъ рѣчкой Восунгъ, Усунъ, или Woosung, какъ пишутъ англичане, а вы выговаривайте какъ хотите. Отецъ А., жившій въ Китаѣ, говоритъ, что надо говорить *Вусунъ*, что у китайцевъ нѣтъ звука г.

Saddle-Islands значитъ «Сѣдельные острова:» видно ужь по этому, что тутъ хозяйничали англичане. Во время китайской войны, англійскія военныя суда тоже стояли здѣсь. Я вижу берегъ теперь изъ окна моей каюты: это цѣлая группа островковъ и камней, въ родѣ знаковъ препинанія; они и на картѣ показаны въ видѣ точекъ. Они безплодны, какъ большая часть острововъ около Китая; вѣтры обнажаютъ берега. Впрочемъ, пишутъ, что здѣсь много устрицъ и—чего бы вы думали? нарцисовъ!

Сію минуту К. Н. П. вызвалъ меня посмотрѣть рыбачій флотъ. Я думалъ, что увижу десятка два рыбачьихъ лодокъ и не хотѣлъ выходить: вообразите, мы насчитали до пятисотъ. Онѣ всѣ стоятъ въ линію, на разстояніи около трехъ кабельтовыхъ отъ насъ, т. е. около трехсотъ саженъ — это налѣво. А справа видны острова, точно морскія чудовища, выставившія темные, безцвѣтные хребты: ни зелени, ни возвышенностей не видно; впрочемъ до нихъ еще будетъ миль 12. Я все смотрѣлъ

на частоколъ китайскихъ лодокъ. Что онѣ тамъ дѣлаютъ, эти рыбаки, а при случаѣ, можетъ-быть, и пираты, какъ большая часть живущихъ на островахъ китайцевъ? Надъ ними нѣтъ управы. Китайское правительство слишкомъ слабо, и безъ флота ничего не можетъ съ ними сдѣлать. Англичанъ и другихъ, кто посильнѣе на морѣ, пираты не трогаютъ, слѣдовательно тѣмъ до нихъ дѣла нѣтъ. Даже говорятъ, что англичане употребляютъ ихъ для разныхъ послугъ. За-то небольшимъ купеческимъ судамъ отъ нихъ бѣда. Ихъ уличить трудно: если они одолѣютъ корабль, то утопятъ всѣхъ людей до одного; а не одолѣютъ, такъ быстро уйдутъ, и ихъ не сыщешь въ архипелагахъ этихъ морей. Впрочемъ они нападаютъ только тогда, когда надѣются навѣрное одолѣть. Все затрудненіе поймать ихъ состоитъ въ томъ, что у нихъ не одно ремесло. Сегодня они купцы, завтра рыболовы, а при всякомъ удобномъ случаѣ — разбойники. Наши моряки любуются, какъ они ловко управляются на морѣ съ своими красными, бочкообразными лодками и рогожными парусами: видно, что море — ихъ стихія. Старшаго надъ ними, кажется, никого нѣтъ: сегодня они тамъ, завтра здѣсь, и всегда избѣгнутъ всякаго правосудія. Народонаселеніе лѣзетъ изъ Китая врозь, какъ горохъ изъ переполненнаго мѣшка, и распространяется во всѣ стороны, на всѣ окрестные и дальніе острова, до Явы съ одной стороны, до Калифорніи съ другой. Китайцевъ вездѣ много: они и купцы, и отличные мастеровые, и рабочіе. Я удивляюсь, какъ ихъ еще по-сю-пору нѣтъ на мысѣ Доброй Надежды? Этому народу суждено играть большую роль въ торговлѣ, а можетъ быть, и не въ одной торговлѣ.

Наше двухдневное плаваніе до-сихъ-поръ было хорошо. Въ среду мы снялись съ якоря, сегодня, въ субботу,

уже подходимъ. Всего сдѣлали около 450 миль: это семьсотъ слишкомъ верстъ. Качка была, да не сильная, хотя вчера дулъ свѣжій вѣтеръ, ровный, рѣзкій и холодный. Волненіе небольшое, но злое, постоянное: какъ-будто человѣкъ сердится, бранится горячо, и гнѣву его долго не предвидится конца. Фрегатъ шелъ, накренясь на лѣвую сторону, и отъ напряженія, слегка судорожно вздрагивалъ: подъ ногами чувствуешь точно что-нибудь живое, какія-то натянутыя жилы, которыя ежеминутно готовы разорваться отъ усилія. Такъ замѣтно, особенно для ногъ, давленіе воздуха на мачты, паруса и на весь остовъ судна.

Сегодня встаемъ утромъ: теплѣе вчерашняго; идемъ на фордевиндъ, т. е. вѣтеръ дуетъ прямо съ кормы; ходу пять узловъ и вѣтеръ умѣренный. «Свистать всѣхъ наверхъ— на якорь становиться!» слышу давича, и бѣгу на ютъ. Вотъ мы и на якорѣ. Но что̀ за безотрадныя скалы! какія дикія мѣста! ни кустика нѣтъ. Говорятъ, есть деревня тутъ: да гдѣ же? не видать ничего, кромѣ скалъ.

16-го. Вчера наши уѣхали на шкунѣ въ Шанхай. Я не поѣхалъ, надѣясь, что успѣю: мы здѣсь простоимъ еще съ мѣсяцъ. Меня звали, но я не былъ готовъ, да пусть прежде узнаютъ, что̀ за мѣсто этотъ Шанхай, гдѣ тамъ быть и что дѣлать? пускаютъ ли еще въ китайскій городъ? А если придется жить въ европейской факторіи и видѣть только ее, такъ не стоитъ труда и ѣздить: тѣ же англичане, тотъ же ростбифъ, тѣ же much obliged и thank you. А у китайцевъ суматоха, безпорядокъ. Инсургенты въ городѣ, войска стоятъ лагеремъ вокругъ: нѣтъ надежды увидѣть китайскій театръ, получить приглашеніе на китайскій обѣдъ, попробовать птичьихъ гнѣздъ. Хоть бы подрались они при насъ между собою! Говорили, будто отсюда восемьдесять миль до Шанхая, а выходитъ сто-пять, это сто-восемьдесять-четыре версты.

Наши съѣзжали сегодня на здѣшній берегъ, были въ деревнѣ у китайцевъ, хотѣли купить рыбы, но тѣ сказали, что и настоящій и будущій уловъ проданы. Невесело однако здѣсь. Впрочемъ давно не было весело: нашъ путь лежалъ, или по англійскимъ портамъ, или у такихъ береговъ, на которые выйдти нельзя, какъ въ Японіи, или незачѣмъ, какъ здѣсь на примѣръ.

Наши однако не унываютъ, ѣздятъ на скалы гулять. Вчера даже съ корвета поѣхали на берегъ пить чай на травѣ, какъ, бывало, въ Россіи, въ березовой рощѣ. Только они взяли съ собой туда дровъ и воды: тамъ нѣту. Не правда ли, есть маленькая натяжка въ этомъ сельскомъ удовольствіи?

Въ морѣ. Пришло время каяться, что я не поѣхалъ въ Шанхай. Безъименная скала, у которой мы стали на якорь, защищаетъ насъ только отъ сѣверныхъ, но отнюдь не отъ южныхъ вѣтровъ. Сегодня вдругъ подулъ южный вѣтеръ и барометръ сталъ падать. Скорѣй стали сниматься съ якоря и чрезъ часъ были въ морѣ, вдали отъ опасныхъ камней. Отважныя рыбачьи лодки тоже скрылись по бухтамъ. Мы, то лежимъ въ дрейфѣ, то лѣниво полземъ узелъ, два, впередъ, потомъ назадъ, ходимъ ощупью: тьма ужасная; дождь, какъ въ Петербургѣ, уныло и безпрерывно льетъ, стуча въ кровлю моей каюты, т. е. въ ютъ. Но въ Петербургѣ есть ярко-освѣщенныя залы, музыка, театръ, клубы — о дождѣ забудешь; а здѣсь есть скрипъ снастей, тусклый фонарь на гафелѣ, да одни и тѣ же лица, тѣ же разговоры: зачѣмъ это не поѣхалъ я въ Шанхай!

Сегодня, 19-го, вѣтеръ крѣпкій гналъ насъ назадъ узловъ по девяти. Я не могъ уснуть всю ночь. Часовъ до четырехъ, по обыкновенію, писалъ, и только собрался лечь, какъ начали дѣлать поворотъ на другой галсъ: стали сви-

стать, командовать; бизань-шкотъ и грота-брасъ идутъ чрезъ роульсы, привинченные къ самой крышкѣ моей каюты, и когда потянутъ обѣ эти снасти, точно два экипажа ѣдутъ по самому черепу. Вѣтеръ между-тѣмъ перемѣнился и мы пошли на свое мѣсто. Насъ догналъ корветъ; ночью жгли фальшфейеры. Часовъ въ восемь мы опять были въ желтыхъ струяхъ Янсекіяна. Собственно до настоящаго устья будетъ миль сорокъ отсюда, но вода такъ быстра, что мы за нѣсколько миль еще до этихъ Saddle-Islands встрѣтили уже желтую воду.

Страшно подумать, что съ 5-го августа, т. е. со дня прихода въ Японію, мы не были на берегу, исключая визита къ нагасакскому губернатору. Это ровно три мѣсяца. И когда сойдемъ, еще не знаю. Придетъ ли за нами шкуна сюда, или нѣтъ; буду ли я въ Шанхаѣ — неизвѣстно. Ходишь по палубѣ, слушаешь, особенно по вечерамъ, почти никогда неумолкающій здѣсь вой вѣтра. Слышишь и какіе-то, будто посторонніе, примѣшивающіеся тутъ же голоса, или мелькнетъ въ глаза мгновенный блескъ, не то отдаленнаго пушечнаго выстрѣла, не то блуждающаго по горамъ огонька: или это только такъ, призраки, являющіеся въ тѣ мгновенія, когда въ организмѣ есть ослабленіе, разстроенность... Корветъ сегодня, 21-го, только воротился изъ нашей коротенькой экспедиціи или побѣга отъ южнаго вѣтра.

22-го. Я еще не былъ здѣсь на берегу — не хочется, во-первыхъ, лазить по голымъ скаламъ, а во-вторыхъ, не въ чемъ: сапогъ нѣтъ, или, пожалуй, вонъ ихъ цѣлый рядъ, но ни одни нейдутъ на ногу. Кожа всего скорѣе портится въ морѣ; сначала она отсырѣетъ, заплеснѣвѣетъ, потомъ ссыхается въ жаркихъ климатахъ и рвется почти такъ же легко, какъ писчая бумага. Я совѣтую вамъ ѣхать въ дальній вояжъ безъ сапогъ, или въ тѣхъ только, ко-

торые будутъ на ногахъ; но возьмите съ собой побольше башмаковъ и ботинокъ... и тò ненужно: вездѣ сдѣлаютъ вамъ. Теперь я ношу ботинки китайской работы, сдѣланныя въ Гон-Конгѣ... Вотъ чтò значитъ скука-то: заговоришься à propos des bottes.

23-го. Еще съ утра вчера завидѣли шкуну; думали наша — нѣтъ: черезчуръ высокъ рангоутъ, а лавируетъ къ намъ. Капитанъ, О. Авв. и я, изъ окна капитанской каюты смотрѣли, какъ ее обливало со всѣхъ сторонъ водой, какъ ныряла она; хотѣла поварачивать, не поварачивала, наконецъ поворотила, и часовъ въ пять бросила якорь близь фрегата. Мы никакъ не ожидали, чтобъ это касалось до насъ. На шкунѣ были наши К. Н. П. и С. П. Ш.: они привезли изъ Шанхая зелень, живыхъ быковъ, куръ, утокъ, словомъ, свѣжую провизію и новости, но не свѣжія: отъ августа, а теперь ноябрь.

Въ Китаѣ мятежъ; въ Россіи готовятся къ войнѣ съ Турціей. Частныхъ писемъ привезли всего два. Меня зовутъ въ Шанхай: опять раздумье беретъ, опять нерѣшительность—да кàкъ, да чтò? Холодъ и лѣнь одолѣли совсѣмъ, особенно холодъ, и лѣнь тоже особенно. Вчера я спалъ у капитана въ каютѣ; у меня невозможно раздѣться; я пишу, а другую руку спряталъ за жилетъ: ноги зябнутъ.

Вотъ ужь четвертый день реветъ крѣпкій NW; у насъ травятъ канатъ, шкуну взяли на бакштовъ, то-есть она держится за поданный съ фрегата канатъ, какъ дитя за платье няньки. Это американская шкуна; она, говорятъ, ходила къ южному полюсу, обогнула Горнъ. Ее зовутъ *Точкой*. Относительно къ океану, она меньше точки, или если точка, то математическая. Нельзя подумать, глядя на нее, чтобъ она была у Горна: большая лодка и

всего 12 человѣкъ на ней, и со шкиперомъ. У ней изорвало вчера паруса, подмочило всю нашу провизію, куръ, утокъ, а одного быка совсѣмъ унесло валомъ. Да и путешественники пришли на фрегатъ — точно изъ гостей отъ самого Нептуна.

Такъ и есть, какъ я думалъ: Шанхай запертъ, въ него нельзя попасть: инсургенты не пускаютъ. Они дрались съ войсками — наши видѣли. Надо ѣхать, развѣ потому только, что совѣстно быть въ полутораста верстахъ отъ китайскаго берега и не побывать на немъ. О войнѣ съ Турціей тоже нерѣшено, вмѣстѣ съ этимъ нерѣшено, останемся ли мы здѣсь еще мѣсяцъ, какъ прежде хотѣли, или сейчасъ пойдемъ въ Японію, не смотря на то, что у насъ нѣтъ сухарей.

Янсекіянъ и Шанхай. Всѣ, кто хотѣлъ ѣхать, начали собираться, а я, по своему обыкновенію, продолжалъ колебаться, ѣхать или нѣтъ, и рѣшилъ не ѣхать. Утромъ предполагали отправиться въ восемь часовъ. Я всталъ въ шесть и — поѣхалъ. Погода была порядочная, волненіе умѣренное, для фрегата вовсе незамѣтное, но для маленькой шкуны чувствительное. Я осмотрѣлся на шкунѣ: какая перемѣна послѣ фрегата! Тамъ не знаешь, что̀ дѣлается на другомъ концѣ, по нѣскольку дней съ инымъ и не увидишься; во всемъ порядокъ, чистота. Здѣсь ѣдешь, какъ въ лодкѣ. Палуба завалена всякой дрянью; отъ мачты и парусовъ негдѣ поворотиться; черно, грязно, скользко, ноги прилипаютъ къ палубѣ. Шкиперъ шкуны, англійскій матросъ, служившій прежде на купеческихъ судахъ, нанятъ хозяиномъ шкуны, за 25 долларовъ въ мѣсяцъ, ходить по окрестнымъ мѣстамъ для разныхъ надобностей. На рулѣ сидѣлъ малаецъ, въ чалмѣ; матросы всѣ китайцы.

Насъ было человѣкъ десять: тѣснота такая, что почти

проходу не было. Кромѣ офицеровъ, гг. Посьета, Назимова, Кроуна, Бѣлавенца, Болтина, Овсянникова, кн. Урусова, да насъ троихъ, не офицеровъ, о. Аввакума, О. А. Гошкевича и меня, ѣхали пятеро нашихъ матросовъ, мастеровыхъ, дѣлать разныя починки на шкунѣ «Востокъ». П., пріѣхавшій на этой шкунѣ, ужь зналъ, что ни шкиперъ, не смотря на свое званіе матроса, да еще англійскаго, ни команда его, не имѣли почти никакого понятія объ управленіи судномъ. Рулевой, сидя на кожаной скамеечкѣ, правилъ рулемъ, какъ попало. Онъ очень объ этомъ не заботился: безпрестанно качалъ ногой, набивалъ трубку, выкуривалъ, выколачивалъ тутъ же, на палубу, и опять набивалъ. На компасъ онъ и вниманія не обращалъ; да и стекло у компаса такъ занесло пылью, плѣсенью и всякой дрянью, что ничего невидно на немъ.

Шкиперъ немного больше заботился о суднѣ. Это былъ маленькій, худощавый человѣчекъ, въ байковой курткѣ и суконной шапкѣ, похожей на ночной чепчикъ. Онъ вынесъ изодранную карту Чусанскаго архипелага и острововъ Сэддль, положилъ ее на крышку люка, а самъ сжался отъ холода въ комокъ и сталъ незамѣтенъ, точно пропалъ съ глазъ долой. Положивъ ногу на ногу и спрятавъ руки въ рукава, онъ жевалъ табакъ и по временамъ открывалъ ротъ... что за ротъ! не обращая ни на что вниманія. Его безпрестанно побуждали офицеры, напоминали ему о вѣтрѣ, о теченіи. Онъ крикнетъ что-нибудь на полуанглійскомъ, полукитайскомъ языкѣ и опять пропадетъ. Рулевой правилъ наудачу; китайскіе матросы, сѣвъ на носу въ кружокъ, съ неописаннымъ проворствомъ ѣли двумя палочками рисъ.

Наши офицеры, видя, что съ ними не далеко уѣдешь, принялись хозяйничать сами. Одинъ оттолкнулъ рулеваго,

который давалъ шкунѣ *рыскать*, и началъ править самъ, другой смотрѣлъ на карту. Наши матросы замѣнили китайцевъ, тянули и отдавали по командѣ снасти, сдѣланныя изъ травы и скрипѣвшія, какъ ѣдущій по снѣгу обозъ. Вѣтеръ, къ счастію, былъ попутный, теченіе тоже; мы шли узловъ семь слишкомъ. Вотъ уже миновали знаки препинанія, т. е. Сѣдельные острова. Вдали, налѣво, видѣнъ былъ, имѣющій форму купола, островокъ Гуцлавъ, названный такъ въ честь знаменитаго миссіонера Гуцлава.

Какъ ни холодно, ни тѣсно было намъ, но и это путешествіе, съ маленькими лишеніями и неудобствами, имѣло свою занимательность, можетъ-быть потому, что вносило хоть немного разнообразія въ наши монотонные дни.

Посидѣвъ на палубѣ, мы ушли внизъ и завладѣли каютой шкипера. Она состояла изъ двухъ чуланчиковъ, въ родѣ норъ, и, по чернотѣ и безпорядку, походила въ самомъ-дѣлѣ на какой-то лисятникъ. Всего болѣе мутилъ меня запахъ проклятаго растительнаго масла, употребляемаго китайцами въ пищу; запахъ этотъ преслѣдовалъ меня съ Явы: тамъ я почуялъ его въ первый разъ, въ китайской лавчонкѣ, и съ той минуты возненавидѣлъ. Въ Сингапурѣ и въ Гон-Конгѣ онъ смѣшивался съ запахомъ чесноку и сандальнаго дерева и былъ еще противнѣе; въ Японіи я три мѣсяца его не чувствовалъ, а теперь вотъ опять! Оглядываюсь, чтобъ узнать откуда пахнетъ—и ничего не вижу: на лавкѣ валяется только дождевая кожаная куртка, вѣроятно, хозяйская. Я отворилъ всѣ шкапчики, поставцы: тамъ чашки, чай—больше ничего нѣтъ, а такъ и разитъ!

Мы въ крошечной каютѣ сидѣли чуть не на колѣняхъ другъ у друга, а всего шесть человѣкъ, четверо остались наверху. Къ завтраку придутъ и они. Куда дѣ-

нешься? Только стали звать матроса вынуть наши запасы, какъ и остальные стали сходиться. Вонъ показались изъ люка чьи-то ноги, долго опускались, наконецъ появилось и все прочее, послѣ всего лицо. Потомъ другія ноги, и такъ далѣе. Я сначала, какъ заглянулъ съ палубы въ люкъ, не могъ постигнуть, какъ сходятъ въ каюту: въ трапѣ не доставало двухъ верхнихъ ступеней и потому надо было прежде сѣсть на порогъ или «карлинсы», и спускать ноги внизъ, ощупью отыскивая ступеньку, потомъ, держась за веревку, рискнуть прыгнуть такъ, чтобъ попасть ногой прямо на третью ступеньку. Выходить надо было на рукахъ, это значить выскакивать, т. е. упереться локтями о края люка, прыгнуть и стать сначала колѣнями на окраину, а потомъ уже на ноги. Вообще сходить въ каюту надо было съ рискомъ. Однакожь къ завтраку и къ ужину всѣ рискнули сойти. Отъ обѣда воздержались: его не было.

Кому не случалось обѣдать на травѣ, за городомъ, или въ дорогѣ? Помните, какъ, изъ кулечковъ, корзинъ и коробокъ, вынимались ножи, вилки, хлѣбъ, жареныя индѣйки, пироги? Мнѣ даже показалось, что тутъ подали тѣ же три стакана и двѣ рюмки, которые я будто ужь видалъ гдѣ-то въ подобныхъ случаяхъ. Вилка тоже, съ переломленнымъ среднимъ зубцомъ, подозрительна: она махнула сюда откуда-нибудь изъ-подъ Москвы, или изъ Нижняго. Вонъ соль въ бумажкѣ; есть у насъ ветчина, да горчицу забыли. Вообще тутъ, кажется, отрѣшаются отъ всякихъ правилъ, наблюдаемыхъ въ другое время. Одинъ торопится доѣсть утиное крылышко, чтобъ поспѣть взять пирога, который исчезаетъ съ невѣроятною быстротою. А другой, перебирая вилкой остальные куски, ропщетъ, что любимыя его крылышки улетѣли. Кто начинаетъ только

завтракать, кто пьетъ чай; а этотъ, ожидая, когда удастся, за толпой, подойти къ столу и взять чего-нибудь посущественнѣе, сосетъ пока попавшійся подъ-руку апельсинъ; а кто-нибудь обогналъ всѣхъ и эгоистически куритъ сигару. Двѣ собаки, привлеченныя запахомъ жаркаго, смотрятъ съ верху въ люкъ и жадно вырываютъ изъ рукъ поданную кость. Ничего, все было бы сносно, еслибъ не отравляющій запахъ китайскаго масла! Мнѣ просто дурно; я ушелъ наверхъ.

Одинъ только О. А. Г. не участвовалъ въ завтракѣ, который, по простотѣ своей, былъ достоинъ троянской эпохи. Онъ занятъ другимъ: томится морской болѣзнью. Онъ лежитъ на верху, закутавшись въ шинель, и чуть пошевелится, собаки, невидавшія никогда шинели, съ яростью лаютъ.

Но вотъ наконецъ выбрались изъ архипелага островковъ и камней, прошли и Гуцлавъ. Тутъ, въ открытомъ океанѣ, стало сильно покачивать: вода не разъ плескала на палубу. Пошелъ мелкій дождь. Шкиперъ надѣлъ свою дождевую куртку и—вдругъ около него разлился запахъ противнаго масла. Ахъ, еслибъ я прежде зналъ, что это отъ куртки!... Вода все желтѣе и желтѣе. Вскорѣ вошли за баръ, т. е. за черту океана, и вошли въ рѣку. Я «выскочилъ» изъ каюты посмотрѣть берега.—«Да гдѣ жь они?» —«Да береговъ нѣтъ».—«Вѣдь это рѣка?»—«Рѣка.»— «Янсекіянъ?»—Да, «сынъ океана» по-китайски.—«А берега?...»—«Вонъ, вонъ», говоритъ шкиперъ. Смотрю— ничего нѣтъ.

Наконецъ показалась полоса съ лѣвой стороны, а съ правой вода—и только: праваго берега не видать вовсе. Лѣвый сталъ обозначаться яснѣе. Онъ такъ низменъ, что едва возвышается надъ горизонтомъ воды и состоитъ

изъ сѣрой глины, весь защищенъ плотинами, изъ-за которыхъ видны кровли, съ загнутыми уголками, и рѣдкія деревья, да борозды полей, и то ужь ближе къ Шанхаю, а до-тѣхъ-поръ кругозоръ ограничивается едва замѣтной темной каймой. Вправо остался островокъ. Я спросилъ у шкипера названіе, но онъ пролаялъ мнѣ глухіе звуки, безъ согласныхъ. Пробовалъ я разсмотрѣть на картѣ, но тамъ, кромѣ чертежа острововъ, были какія-то постороннія пятна, покрывающія оба берега. Потомъ ничего не стало видно: сумерки скрыли все и мы начали пробираться по «сыну океана» ощупью. Два китайца безпрестанно бросали лотъ. Одинъ кричалъ: three and half, потомъ half and four, и такъ разнообразилъ крикъ все время. Наши слѣдили карту, повѣряя по ней глубину. Глубина безпрестанно измѣнялась, отъ 8 до $3^1/_2$ саженъ. Какъ только доходило до послѣдней цифры, шкиперъ немного выходилъ изъ апатіи и иногда самъ брался за руль.

Нашимъ мелкимъ судамъ трудно входить сюда, а фрегату невозможно, развѣ съ помощью сильнаго парохода. Фрегатъ сидитъ 23 фута; фарватеръ Янсекіяна и впадающей въ него рѣки Вусунъ, на которой лежитъ Шанхай, имѣетъ самую большую глубину 24 фута, и притомъ онъ чрезвычайно узокъ. Недалеко оставалось до Woosung (Вусуна), мѣстечка при впаденіи рѣчки того же имени въ Янсекіянъ.

У Вусуна обыкновенно останавливаются суда съ опіумомъ и отсюда отправляютъ свой товаръ на лодкахъ въ Шанхай, Нанкинъ и другіе города. Становилось все темнѣе; мы шли осторожно. Погода была пасмурная. «Зарево!» сказалъ кто-то. Въ-самомъ-дѣлѣ, налѣво, надъ горизонтомъ, рдѣло багровое пятно и дѣлалось все больше и ярче. Вскорѣ можно было различить пламя и

вспышки — отъ выстрѣловъ. Въ Шанхаѣ — сраженіе и пожаръ, нѣтъ сомнѣнія! Это помогло намъ опредѣлить свое мѣсто.

Наконецъ, при свѣтѣ зарева, какъ при огненномъ столпѣ израильтянъ, мы, часовъ въ восемь вечера, завидѣли силуэты судовъ, различили нашъ транспортъ и стали саженяхъ въ пятидесяти отъ него на якорь. Китайцы, съ помощью нашихъ матросовъ, проворно убрали паруса и принялись за рисъ, а мы за своихъ утокъ и чай. Нѣкоторые уѣхали на транспортъ. Дремлется. Шкиперъ сошелъ внизъ пить чай и разсказывалъ о своей шкунѣ, откуда она, гдѣ она была. Между прочимъ онъ сказалъ, что вмѣстѣ съ этой шкуной выстроена была и другая, точно такая же, ея «sistership», какъ онъ выразился, но что та погибла въ океанѣ и съ людьми. Потомъ разсказывалъ, какъ эта уцѣлѣвшая шкуна отразила нападеніе пиратовъ, потомъ еще что-то. Я, пробуждаясь отъ дремоты, видѣлъ только— то вдалекѣ, то вблизи, какъ въ туманѣ—суконный ночной чепчикъ, худошавое лицо, оловянные глаза, масляную куртку, еще косу входившаго китайца-слуги, да чувствовалъ запахъ противнаго масла. На лавкѣ, однакожь, дремать не удобно; хозяинъ предложилъ размѣститься по нишамъ, и между-прочимъ на его постели, которая тутъ же была, въ нишѣ, или лучше сказать, на полкѣ. Изъ другой комнаты, или вѣрнѣе — чулана, слышалось храпѣнье. Тамъ, на такихъ же полкахъ, уже успѣли расположиться по двое, да двое на лавкахъ. Это былъ маленькій арсеналъ: вся противоположная двери стѣна убрана была ружьями, пиками и саблями. А утромъ хозяинъ снялъ съ полки пару пистолетовъ, вынесъ ихъ наверхъ и выстрѣлилъ на воздухъ, изъ предосторожности. «Зачѣмъ это оружіе у васъ?» спросилъ я, указывая на пики, сабли и ружья. — «Это

еще старое, сказалъ онъ: я засталъ его тутъ. Въ здѣшнихъ моряхъ иначе плавать нельзя».

Я какъ былъ въ тепломъ пальто, такъ и влѣзъ на хозяйскую постель и легъ въ уголокъ, оставляя мѣсто кому-нибудь изъ товарищей, поѣхавшихъ на транспортъ. Не знаю, что̀ бы вы сказали, глядя, гдѣ и какъ мы улеглись. Вообразите себѣ большой сундукъ, у котораго вынутъ одинъ бокъ — это наше ложе, для двоихъ. Я тотчасъ же заснулъ, лишь только легъ. Ночью, слышу, кто-то сильно возится подлѣ меня, повидимому, укладывается спать. Это А. Е. К., возвратившійся съ транспорта. Все замолчало и мы заснули. Я проснулся потомъ отъ сильной духоты и запаху масла. Ахъ, хотъ бы минуту дохнуть свѣжимъ воздухомъ! Я попробовалъ освободиться—нѣтъ возможности: мой сосѣдъ лежитъ, какъ гранитный камень, и не шелохнется, ка̀къ я ни толкалъ его въ бока: онъ совсѣмъ заперъ мнѣ выходъ. Я думалъ, какъ мнѣ поступить — и заснулъ. Просыпаюсь — утро, свѣтло; мы движемся. Китаецъ ставитъ чашки на столъ; матросъ принесъ горячей воды.

Пасмурно и вѣтрено; моросить дождь: вѣтеръ сильный. Мы идемъ по рѣкѣ Вусуну; она широка, мѣстами съ нашу Оку. Ясно видимъ оба берега, низменные, закрытые плотинами: за плотинами группируются домы, кое-гдѣ видны кумирни, или вообще зданія, имѣющія особенное назначеніе; они выше и наряднѣе прочихъ. Поля всѣ обработаны; хотя хлѣбъ и овощи сняты, но узоръ правильныхъ нивъ красивъ, какъ разрисованный паркетъ. Есть деревья, но рѣдко, и зелени мало на нихъ; мнѣ казалось, что это ивы. Вдали ничего нѣтъ: ни горы, ни холма, ни бугра—плоская и, казалось, топкая долина.

Ближе къ Шанхаю, рѣка замѣтно оживлялась: безпре-

станно встрѣчались джонки, съ своими, краснобураго цвѣта, парусами, изъ какихъ-то древесныхъ волоконъ и коры. Китайскія джонки устройствомъ похожи не много на японскія, только у нихъ нѣтъ разрѣзной кормы. У нѣкоторыхъ китайскихъ лодокъ носъ и корма пустые, а посрединѣ сдѣланъ навѣсъ и каюта; у другихъ, напротивъ, навѣсъ сдѣланъ на носу. Большія лодки выстроены изъ темножелтаго бамбуковаго корня, покрыты цыновками и очень чисты, удобны и красивы, отдѣланы какъ мебель, или игрушки. Багры, которыми они управляются, и весла бумбуковыя же. Между-прочимъ много идетъ на эти постройки камфарнаго дерева: оно не щепится. Его много въ Китаѣ и въ Японіи, но особенно на Зондскихъ островахъ.

Лодки эти превосходны въ морскомъ отношеніи: на нихъ одна длинная мачта съ длиннымъ парусомъ. Борты лодки, при боковомъ вѣтрѣ, идутъ наравнѣ съ линіей воды и носъ зарывается въ волнахъ, но лодка держится какъ утка; китаецъ лежитъ и беззаботно смотритъ вокругъ. На этихъ большихъ лодкахъ рыбаки выходятъ въ море, дѣлая значительные переходы. Отъ Шанхая они ходятъ въ Ниппо, съ товарами и пассажирами, а это составляетъ, кажется, сто-сорокъ морскихъ миль, т. е. около двухсотъ-пятидесяти верстъ.

Мили за три отъ Шанхая, мы увидѣли цѣлый флотъ купеческихъ трехмачтовыхъ судовъ, которыя тѣснились у обоихъ береговъ Вусуна. Я насчиталъ до двадцати рядовъ, по девяти и десяти судовъ въ каждомъ ряду. Въ иныхъ мѣстахъ стояли на якорѣ американскіе, такъ называемые «клиппера», т. е. большія, трехмачтовыя суда, съ острымъ носомъ и кормой, отличающіяся красотою и быстрымъ ходомъ.

Съ полудня начался отливъ: теченіе было намъ про-

тивное, вѣтеръ тоже. Крѣпкій NW дулъ прямо въ лобъ. Шкиперъ началъ лавировать. Мы всѣ стояли наверху. Паруса безпрестанно переносили, то на правый, то на лѣвый галсъ. Надо было каждый разъ нагибаться, чтобъ парусомъ не сшибло съ ногъ. Шкуна возьметъ вдругъ направо и лѣзетъ почти на самый берегъ, того и гляди коснется его: но шкиперъ издастъ гортанный звукъ, китайцы, а болѣе наши люди, кидаются къ снастямъ, отдаютъ ихъ, и освобожденные на минуту паруса хлещутъ, бьются о мачты, рвутся изъ рукъ, потомъ ихъ усмиряютъ, кричатъ: «берегись!» мы нагнемся, паруса переносятъ налѣво, и шкуна быстро поворачиваетъ. Минутъ черезъ десять начинается то же самое. Мокро, скользко; переходя торопливо со стороны на сторону, того и гляди слетишь въ люкъ. Мы сдѣлали уже около десяти поворотовъ.

Вонъ и Шанхай видѣнъ. Суда и джонки, прекрасныя европейскія зданія, раззолоченная кумирня, протестанскія церкви, сады—все это толпится еще неясной кучей, безъ всякой перспективы, какъ-будто церковь стоитъ на водѣ, а корабль на улицѣ. Нетерпѣніе наше усилилось: хотѣлось переодѣться, согрѣться, гулять. Идти бы прямо, а мы еще все направо да налѣво. Вдругъ — о горе! не поворотили во-время—и шкуну потащило теченіемъ назадъ, прямо на огромную, неуклюжую, пеструю джонку: едва-едва отдѣлались и опять пошли лавировать. Вѣтеръ неистово свищетъ; дождь сѣчетъ лицо.

Наконецъ, слава Богу, вошли почти въ городъ. Вотъ подходимъ къ пристани, къ доку, видимъ уже трубу нашей шкуны; китайскіе ялики снуютъ взадъ и впередъ. Въ кучѣ судовъ видны клиппера, поодаль стоитъ, закрытый излучиной, маленькій, двадцати-шести пушечный англійскій фрегатъ *Spartan*, еще далѣе французскіе и англійскіе па-

роходы. На зданіяхъ развѣваются флаги европейскихъ націй, обозначая консульскіе дома.

Мы съ любопытствомъ смотрѣли на все: я искалъ глазами Китая, и шкиперъ искалъ кого-то съ нами вмѣстѣ. «Берегъ очень близко, не пора ли поворачивать?» съ живостью кто-то сказалъ изъ нашихъ. Шкиперъ схватился за руль, крикнулъ—мы быстро нагнулись, паруса перенесли на другую сторону, но шкуна не поворачивала; вѣтеръ ударилъ сильно—она все стоитъ: мы были на мели. «Отдай шкоты!» закричали офицеры нашимъ матросамъ. Отдали, и шкуна, располагавшая лечь на бокъ, выпрямилась, но съ мели уже не сходила.

Шкиперъ сложилъ ногу на ногу, засунулъ руки въ рукава и покойно сѣлъ на лавочку, поглядывая во всѣ стороны. Китайцы проворно убирали паруса, наши матросы ловили разорвавшійся кливеръ, который хлесталъ по бушприту. На насъ, кажется, насмѣшливо смотрѣли прочія суда и джонки. Совершенно то же самое, какъ сломавшаяся среди непроходимой грязи ось: карета передками упирается въ грязь, сломанное колесо лежитъ возлѣ, кучка извощиковъ равнодушно и тупо глядитъ, то на колесо, то на васъ. Вы сидите, а мимо васъ идутъ и скачутъ: иные усмѣхнутся, глядя, какъ вы уныло выглядываете изъ окна кареты, другіе посмотрятъ съ любопытствомъ, а большая часть очень равнодушно—и всѣ обгоняютъ. Точно то же и на мели. Надо было достать лодку. Онѣ вдали ходили взадъ и впередъ, перевозя черезъ рѣку, но на насъ мало обращали вниманія. Выручилъ В. А. Корсаковъ: онъ изъ дока замѣтилъ насъ и тотчасъ же пріѣхалъ. Насъ двое отправились съ нимъ, прочіе остались съ вещами, въ ожиданіи, пока мы пришлемъ за ними лодку.

Подъ проливнымъ дождемъ, при рѣзкомъ холодномъ

вѣтрѣ, въ маленькой крытой китайской лодкѣ, выточенной чисто, какъ игрушка, съ украшеніями изъ бамбука, устланной бѣлыми цыновками, ѣхали мы по рѣкѣ Вусуну. Китаецъ правилъ стоя, однимъ весломъ; онъ съ трудомъ выгребалъ противъ вѣтра и теченія. К. показывалъ мнѣ иностранныя суда: французскіе и англійскіе пароходы, потомъ купленный китайцами европейскій бригъ, которымъ командовалъ англійскій шкиперъ, т. е. дѣйствовалъ только парусами, а въ сраженіяхъ съ инсургентами не участвовалъ. Потомъ ѣхали мы мимо военныхъ джонокъ, назначенныхъ противъ инсургентовъ же. Съ нихъ поднялась пальба: китайскій адмиралъ дѣлалъ ученье. Тутъ я услыхалъ, что во вчерашнемъ сраженіи двѣ джонки взорваны на воздухъ. Китайцы дѣйствуютъ, между-прочимъ, такъ называемыми вонючими горшками (stinkpots). Они съ марсовъ бросаютъ эти горшки, наполненные какими-то особенными горючими составами, на палубу непріятельскихъ судовъ. Вырывающіеся изъ горшковъ газы такъ удушливы, что люди ни минуты не могутъ выдержать и бросаются за бортъ. Китайскіе пираты съ этими же горшками нападаютъ на купеческія, даже на военныя суда.

Чрезъ полчаса мы сидѣли въ чистой комнатѣ отели, у камина, за столомъ, уставленнымъ, по англійскому обычаю, множествомъ блюдъ. Спутники, уѣхавшіе прежде насъ въ Шанхай, не очень однакожь обрадовались намъ. «Васъ много наѣхало!» вмѣсто всякаго привѣтствія встрѣтили они насъ.—«Да мы еще не всѣ: чрезъ часъ придутъ человѣкъ шесть!» въ свою очередь, не безъ удовольствія, отвѣчали мы. «А что?» — «Куда жь вы помѣститесь? комнатъ нѣтъ, всѣ разобраны: мы живемъ по-двое, и даже по-трое». — «Ничего, отвѣчали мы: поживемъ и вчетверомъ». —Такъ и случилось. Хозяинъ, съ наружнымъ отчаяніемъ, но съ вну-

треннимъ удовольствіемъ, твердилъ: «домъ мой приступомъ взяли!» и началъ бѣгать, суетиться. Откуда явились кушетки, диваны, подушки? Нумера гостинницы, и безъ того похожіе на бивуаки, стали походить на контору дилижансовъ.

Гостинница наша, Commercial house, походила, какъ и всѣ домы въ Шанхаѣ, на дачу. Большой, двухъ-этажный каменный домъ, съ каменной же верандой или галереей вокругъ, съ большимъ широкимъ крыльцомъ, окруженъ садомъ, изъ тощихъ миртовыхъ, кипарисныхъ деревьевъ, разныхъ кустовъ и т. п. Окна всѣ съ жалюзи: видно, что, при постройкѣ, принимали въ разсчетъ болѣе лѣто, нежели зиму. Стѣны тоненькія, не болѣе какъ въ два кирпича; окна большія; вездѣ сквозной вѣтеръ: все неплотно. Домъ трясется, когда одинъ человѣкъ идетъ по комнатѣ; черезъ стѣнки слышенъ разговоръ. Но когда мы пріѣхали, было холодно; мы жались къ каминамъ, а изъ нихъ такъ и валилъ черный, горькій дымъ.

Вообще зима какъ-то не къ лицу здѣшнимъ мѣстамъ, какъ не къ лицу нашей родинѣ лѣто. Небо голубое, съ тропическимъ колоритомъ, такъ и млѣетъ надъ головой; зелень свѣжа; многіе цвѣты ни за что не соглашаются завянуть. И всего продолжается холодъ одинъ какой-нибудь мѣсяцъ, много — шесть недѣль. Зима не успѣваетъ воцариться и, ничего не сдѣлавъ, уходитъ.

Цѣлый вечеръ просидѣли мы всѣ вмѣстѣ дома, разговаривали о европейскихъ новостяхъ, о вчерашнемъ пожарѣ, о лагерѣ осаждающихъ, о ихъ неудачномъ покушеніи наканунѣ сжечь городъ, объ осажденныхъ инсургентахъ, о правителѣ шанхайскаго округа, таутаѣ Самква, который былъ въ немилости у двора и которому обѣщано прощеніе, если онъ овладѣетъ городомъ. Въ тотъ же ве-

черъ мы слышали пушечные выстрѣлы, которые повторялись очень часто: это перестрѣлка императорскихъ войскъ съ инсургентами, безвредная для послѣднихъ и безполезная для первыхъ.

На другой день, $\frac{\text{28 Ноября}}{\text{10 Декабря}}$ утромъ, встали и пошли... обѣдать. Вы не повѣрите? Какъ же иначе назвать? Въ столовой накрытъ столъ человѣкъ на двадцать. Передъ однимъ дымится кусокъ ростбифа, передъ другимъ стоитъ яичница съ ветчиной, тамъ сосиски, жареная баранина; послѣ всего ужъ подадутъ вамъ чаю. Это англичане называютъ завтракать. Позавтракаешь—и хоть опять ложиться спать. «Да чай это, или кофе?» спрашиваю китайца, который принесъ мнѣ чашку. «Tea or coffee», безсмысленно повторялъ онъ. «Tea, tea», забормоталъ потомъ, понявши. «Не можетъ быть: отчего же онъ такой черный?» Попробовалъ—въ самомъ дѣлѣ та же микстура, которую я, подъ видомъ чая, принималъ въ Лондонѣ, потомъ въ Капштатѣ. Тамъ простительно: а въ Китаѣ—такой чай, заваренный и поданный китайцемъ!

Что жь, нѣту, что-ли, въ Шанхаѣ хорошаго чаю? Какъ не быть! Здѣсь есть всякій чай, какой только родится въ Китаѣ. Все дѣло въ словѣ *хорошій*. Мы называемъ «хорошимъ» нѣжные, душистые цвѣточные чаи. Не для всякаго носа и языка доступенъ ароматъ и букетъ этого чая: онъ слишкомъ тонокъ. Эти чаи называются здѣсь *Пекое* (Pekoe flower). Англичане хорошимъ чаемъ, да просто чаемъ (у нихъ онъ одинъ) называютъ особый сортъ грубаго, чернаго, или смѣсь его съ зеленымъ, смѣсь очень наркотическую, которая даетъ себя чувствовать потребителю, язвитъ языкъ и нёбо во рту, какъ почти все, что англичане ѣдятъ и пьютъ. Они готовы приправлять свои кушанья щетиной, лишь бы чесало горло. И отъ чая тре-

буютъ того же, чего отъ индійскихъ сой и перцовъ, т. е. чего-то въ родѣ яда. Они клевещутъ еще на насъ, что мы пьемъ не чай, а какіе-то цвѣты, въ родѣ жасминовъ.

Оставляю, кому угодно, опровергать это: англичане въ дѣлѣ гастрономіи—не авторитетъ. Замѣчу только, что нѣкоторые любители въ Китаѣ дѣйствительно подбавляютъ себѣ въ чай цвѣты, или какія-нибудь душистыя специи; въ Японіи кладутъ иногда гвоздику. Кажется, о. Іоакинѳъ тоже говоритъ о подобной противозаконной подмѣси, которую допускаютъ китайцы, кладя въ черный чай жасминные, а въ желтый розовые листки. Но это ужь извращенный вкусъ самихъ китайцевъ, слѣдствіе пресыщенія. Есть и у насъ люди, которые нюхаютъ табакъ съ бергамотомъ или резедой, ѣдятъ селедку съ черносливомъ и т. п. Англичане пьютъ свой черный чай и знать не хотятъ, что чай имѣетъ свои бѣлые цвѣты.

У насъ употребленіе чая составляетъ самостоятельную, необходимую потребность; у Англичанъ, напротивъ, побочную, дополненіе завтрака, почти какъ пищеварительную приправу; оттого имъ все равно, похожъ ли чай на портеръ, на черепашій супъ, лишь бы былъ черенъ, густъ, щипалъ языкъ и не походилъ ни на какой другой чай. Американцы пьютъ одинъ зеленый чай, безъ всякой примѣси. Мы удивляемся этому варварскому вкусу, а англичане смѣются, что мы пьемъ, подъ названіемъ чая, какой-то приторный напитокъ. Китайцы сами, я видѣлъ, пьютъ простой, грубый чай, т. е. простые китайцы, народъ, а въ Пекинѣ, какъ мнѣ сказывалъ О. А., порядочные люди пьютъ только желтый чай, разумѣется, безъ сахару. Но я—русскій человѣкъ и принадлежу къ огромному числу потребителей, населяющихъ пространство отъ Кяхты до Финскаго залива—я за пекое: будемъ пить *не*

съ цвѣтами, а *цвѣточный* чай, и подождемъ, пока англичане выработаютъ свое чутье и вкусъ до способности наслаждаться чаемъ Pekoe flower, и притомъ заваривать, а не варить его, по своему обычаю, какъ капусту.

Впрочемъ всѣмъ другимъ націямъ простительно не умѣть наслаждаться хорошимъ чаемъ: надо знать, что̀ значитъ чашка чаю, когда войдешь, въ трескучій, тридцатиградусный морозъ, въ теплую комнату, и сядешь около самовара, чтобъ оцѣнить достоинство чая. Съ какимъ наслажденіемъ пили мы чай, который привезъ намъ въ Нагасаки капитанъ Фуругельмъ! Ящикъ стоитъ 16 испанскихъ талеровъ; въ немъ около 70 русскихъ фунтовъ; и какой чай! У насъ онъ продается не менѣе 5 руб. сер. за фунтъ.

Послѣ обѣда... виноватъ, послѣ завтрака, мы вышли на улицу: наша отель стояла на углу, на перекресткѣ. Прямо изъ воротъ тянется улица безъ домовъ, только съ безконечными каменными заборами, изъ-за которыхъ выглядываетъ зелень. Направо такая же улица, налѣво — тоже, и всѣ одинакія. Домы всѣ окружены дворами, и большею частью красивые; архитектура у всѣхъ почти одна и та же: все стиль загородныхъ домовъ. Я пошелъ сначала къ А. по службѣ, съ тѣмъ, чтобъ отъ него сдѣлать большую прогулку. Улицы пестрѣли народомъ. Рѣдко встрѣтишь европейца; они всѣ на перечетъ здѣсь. Все азіятцы, индійцы, кучками ходятъ *парси* или *фарси*, съ индійскаго полуострова, или изъ Тибета. Они играютъ здѣсь роль псовъ, питающихся крупицами, падающими отъ трапезы богатыхъ, т. е. промышляютъ мелочами, которыя европейцы не считаютъ достойными вниманія. Этихъ парси, да чуть ли не тѣхъ самыхъ, мы видѣли уже въ Сингапурѣ. Они ходятъ въ длинномъ платьѣ, похожемъ

на костюмы московскихъ грековъ; на головѣ что-то въ родѣ узенькаго кокошника, изъ цвѣтнаго, лоснящагося ситца, похожаго на клеенку. Они сильно напоминаютъ армянъ.

Китайцы—живой и дѣятельный народъ: безъ дѣла почти никого не увидишь. Шумъ, суматоха, движеніе, крики и говоръ. На каждомъ шагу попадаются носильщики. Они бѣглымъ и крупнымъ шагомъ таскаютъ ноши, издавая мѣрные крики и выступая въ тактъ. Здѣсь народъ непохожъ на тотъ, что̀ мы видѣли въ Гон-Конгѣ и въ Сингапурѣ: онъ смиренъ, скроменъ и очень опрятенъ. Всѣ мужики и бабы одѣты чисто, и запаховъ разныхъ меньше по улицамъ, нежели въ Гон-Конгѣ, исключая, однакожъ, рынковъ. Несетъ ли, напримѣръ, носильщикъ груду кирпичей, они лежатъ не непосредственно на плечѣ, какъ у нашего каменьщика; рубашка, или кафтанъ его, не въ грязи отъ этого. У него на плечахъ лежитъ бамбуковое коромысло, которое держитъ двѣ дощечки, въ видѣ вѣсовъ, и на дощечкахъ лежатъ двѣ кучи красиво сложенныхъ сѣрыхъ кирпичей. Съ нимъ нестрашно встрѣтиться. Онъ не толкнетъ васъ, а предупредитъ мѣрнымъ своимъ крикомъ, и если вы не слышите, или не хотите дать ему дороги, онъ остановится и уступитъ ее вамъ. Все это чисто, даже картинно: и бамбукъ, и самые кирпичи, костюмъ носильщика, коса его и легко надѣтая шапочка изъ сѣраго тонкаго войлока, отороченная лентой, или бархатомъ. Заглянешь въ яликъ, къ перевощику: любо посмотрѣть, тянетъ сѣсть туда. Дерево лакировано—это бамбуковый корень; навѣсъ и лавки покрыты чистыми цыновками. Если тутъ и есть какая-нибудь утварь, горшокъ съ похлебкой, чашка, то около все чисто; не боишься прикоснуться и выпачкаться.

Между прочимъ я встрѣтилъ цѣлый рядъ носильщиковъ: каждый несъ по два большихъ ящика съ чаемъ. Я слѣдилъ за ними. Они шли отъ рѣки: тамъ съ лодокъ брали ящики и несли въ купеческіе домы, оставляя за собой дорожку чая, какъ у насъ, таская кули, оставляютъ дорожку муки. Мѣстный колоритъ! Въ амбарахъ ящики эти упаковываются окончательно, герметически, и идутъ на американскіе клиперы, или англійскія суда.

Мы вышли на набережную; тамъ толпа еще дѣятельнѣе и живописнѣе. Здѣсь сближеніе европейскаго съ крайнимъ востокомъ рѣзко. По берегу стоятъ великолѣпные европейскіе домы, съ колоннадами, балконами, аристократическими подъѣздами, а швейцары и дворники—въ своихъ кофтахъ, или халатахъ, въ шараварахъ; по улицѣ бродитъ такая же толпа. То идетъ купецъ, обритый донельзя, съ тщательно-заплетенной косой, въ бѣлой, или сѣрой, маленькой, куполообразной шляпѣ, съ загнутыми полями, въ шелковомъ кафтанѣ, или въ бараньей шубкѣ, въ видѣ кацавейки; то чернорабочій, безъ шапки, обвившій, за недосугомъ чесаться, косу дважды, около вовсе «нелилейнаго чела». Тамъ ихъ стоитъ цѣлая куча, въ ожиданіи найма или работы; они горланятъ на своемъ негармоническомъ языкѣ. Тутъ цирюльникъ, съ небольшимъ деревяннымъ шкапчикомъ, гдѣ лежатъ инструменты его ремесла, раскинулъ свою лавочку, поставилъ скамью, а на ней расположился другой китаецъ и сладострастно жмурится, какъ котъ, въ то время, какъ цирюльникъ брѣетъ ему голову, лицо, чиститъ уши, дергаетъ волосы и т. п. Тутъ ходячая кухня, далѣе, у забора, лавочка съ фарфоромъ. Лодочники групой стоятъ у пристани, вблизи своихъ лодокъ, которыя тѣсно жмутся у берега. Идетъ европеецъ—и толпа полегоньку сторонится, усту-

паетъ мѣсто. На рейдѣ рисуются легкія очертанія военныхъ судовъ, рядомъ стоятъ большія барки, недалеко и военныя китайскія суда, съ тонкими мачтами, которыя смотрятъ въ разныя стороны. Изъ-за стройной кормы европейскаго купеческаго корабля, выглядываетъ писанный рыбій глазъ китайскаго судна. Все копошится, сгружаетъ, нагружаетъ, торопится, говоритъ, перекликается...

Я смотрѣлъ на противоположный берегъ Вусуна, но онъ низменъ, ровенъ и ничего не представляетъ для глазъ. На той сторонѣ поля, хижины; у береговъ отгорожены мѣста для рыбной ловли — и больше ничего не видать. Едва ли можно сыскать однообразнѣе и скучнѣе мѣстность. Говорятъ, многія мѣста кажутся хороши, когда о нихъ вспомнишь послѣ. Шанхай, именно, принадлежитъ къ числу такихъ мѣстъ, которыя покажутся хороши, когда оттуда выѣдешь. Зѣвая на рѣчку, я, междутѣмъ, прозѣвалъ великолѣпные домы многихъ консуловъ, таможню, теперь пустую, занятую постоемъ англійскихъ солдатъ съ военныхъ судовъ. Она была нѣкогда кумирней, и оттого рѣзко отдѣляется отъ прочихъ зданій своею архитектурною пестротою. Я непримѣтно дошелъ до дома американскаго консула. Это послѣдній европейскій домъ съ этой стороны; за нимъ начинается китайскій кварталъ, отдѣляемый отъ европейскаго узенькихъ каналомъ.

Домъ американскаго консула, Каннингама, который въ то же время и представитель здѣсь знаменитаго американскаго торговаго дома Россель и К°., одинъ изъ лучшихъ въ Шанхаѣ. Постройка такого дома обходится 50 т. долларовъ. Кругомъ его паркъ или, вѣрнѣе, дворъ съ деревьями. Широкая веранда опирается на красивую колоннаду. Лѣтомъ, должно-быть, прохладно: солнце не ударяетъ въ стекла, защищаемыя посредствомъ жалюзи, Въ подъѣздѣ,

подъ навѣсомъ балкона, стояла большая пушка, направленная на улицу.

Домъ... но вы знаете, какъ убираются порядочные, т. е. богатые домы: и здѣсь то же, что у насъ. Шелковыя драпри до полу, зеркала, какъ озера, вправленныя въ стѣны, ковры, бронза. Но не все, однакожь, какъ у насъ: boiserie, напримѣръ, массивные шкапы, столы и кровати — здѣшніе, образцы китайскаго искусства, изъ превосходнаго темнаго дерева, съ мозаическими узорами, мелкой, тонкой работы. Если у кого-нибудь изъ васъ есть дѣдовскій домъ, убранный по-старинному, вы найдете тамъ образцы этой мозаической мебели. Кровати особенно изумительно хороши: онѣ обыкновенно двуспальныя, съ занавѣсками, какъ вездѣ въ Англіи. И въ домахъ, и въ гостинницахъ, вездѣ васъ положатъ на двуспальную кровать, будьте вы самый холостой человѣкъ. Дико мнѣ казалось влѣзать подъ катафалкъ англійскихъ постелей, съ пестрыми занавѣсами, и особенно неудобно класть голову на длинную, во всю ширину кровати, и низенькую круглую подушку, располагающую къ аппоплексическому удару. Но чего не дѣлаетъ привычка!

Китайцы, какъ извѣстно, отличные рѣщики на деревѣ, камнѣ, кости. Ни у кого другаго, даже у нѣмца, недостанетъ терпѣнія такъ мелко и чисто выработать вещь, или это будетъ стоить — Богъ знаетъ какихъ денегъ. Здѣсь, повидимому, руки человѣческія и время нипочемъ. Еслибъ еще этотъ трудъ и терпѣніе тратились на что-нибудь важное или нужное, а то они тратятся на такіе пустяки, что не знаешь, чему удивляться: работѣ ли китайца, или безполезности вещи? Напримѣръ, они на корѣ грецкаго, или миндальнаго орѣха, вырѣзываютъ цѣлыя группы фигуръ въ разныхъ положеніяхъ, процесіи,

храмы, домы, бесѣдки, такъ-что вы можете различать даже лица. Изъ толстокожаго миндальнаго орѣха они вырѣжутъ вамъ джонку, со всѣми принадлежностями, съ людьми, со всѣмъ; даже вы отличите рисунокъ рогожки; мало этого: сдѣлаютъ дверцы, или окна, которыя отворяются, и тамъ сидитъ человѣческая фигура. Какихъ бы, кажется, денегъ должно стоить это? а мы, за пять, за шесть долларовъ, покупали цѣлыя связки такихъ орѣховъ, какъ баранки.

Мнѣ приходилось часто бывать въ домѣ г. Каннингама, у котораго остановился адмиралъ, и потому я сдѣлалъ ему обычный визитъ. Китаецъ-слуга, нарядно одѣтый въ національный костюмъ, сказалъ, что г. Каннингамъ въ своемъ кабинетѣ, и мы отправились туда. Маленькій, бѣлокурый, и невидный изъ себя г. Каннингамъ, встрѣтилъ меня очень ласково, непохоже на англійскую встрѣчу: не стиснулъ мнѣ руки и не выломалъ плеча, здороваясь, а такъ обошелся, какъ обходятся всѣ люди между собою, исключая британцевъ. Въ кабинетѣ — это только такъ, изъ приличія, названо кабинетомъ, а скорѣе можно назвать конторой—ничего ни было, кромѣ бюро, за которымъ сидѣлъ хозяинъ, да двухъ-трехъ превысокихъ табуретовъ и неизбѣжнаго камина. Каннингамъ пригласилъ меня сѣсть. Я кое-какъ вскарабкался на антигемороидальное сѣдалище, и г. Каннингамъ тоже; мы съ высотъ свободно обозрѣвали другъ друга. «На чемъ вы пріѣхали?» спросилъ меня г. К. Я только было собрался отвѣчать, но пошевелилъ нечаянно ногой: круглое сѣдалище, съ винтомъ, повернулось, какъ по маслу, подо мной, и я очутился лицомъ къ стѣнѣ. «На шкунѣ», отвѣчалъ я въ стѣну, и въ то же время съ досадой подумалъ: «чье это, англійское, или американское удобство?» и ногами опять приводилъ себя въ прежнее положеніе. «Долго останетесь здѣсь?»—«Смо-

тря по обстоятельствамъ» отвѣчалъ я, держа рукой подушку стула, которая опять-было зашевелилась подо мной. «Сдѣлайте мнѣ честь завтра отобѣдать со мной», сказалъ онъ привѣтливо. «А теперь идите вонъ» могъ бы прибавить, еслибъ захотѣлъ быть чистосердеченъ, и не могъ бы ничѣмъ такъ угодить. Но визитъ кончился и безъ того.

Отъ консула я пошелъ съ Б. К. гулять. «Ну, покажите же мнѣ все, что̀ позамѣчательнѣе здѣсь?» просилъ я моего спутника: «вы здѣсь давно живете. Это куда дорога?» — «Эта?... не знаю» сказалъ онъ, вопросительно поглядывая на дорогу. «Гдѣ жь городъ, гдѣ инсургенты, лагерь? сыпались мои вопросы. — «Тамъ гдѣ-то, въ той сторонѣ» отвѣчалъ онъ, показавъ пальцемъ въ воздушное пространство. «А вонъ тамъ, что̀ это видно въ Шанхаѣ?» продолжалъ я: «повыше другихъ зданій, кумирни, или дворцы?»—«Кажется...» отвѣчалъ Б. К.—«Гдѣ лавки здѣсь? поведите меня: мнѣ надо кое-что купить».—«Вотъ мы спросимъ» говорилъ Б., и искалъ глазами, кого бы спросить. Я засмѣялся и Б. К. закашлялъ, т. е. засмѣялся вслѣдъ за мной. «Что жь вы дѣлали здѣсь десять дней?» сказалъ я.—«Вы завтра у консула обѣдаете?» спросилъ онъ меня.—«Ужинаю, только немного рано, въ семь часовъ».—«У него будетъ особенно хорошій обѣдъ, задумчиво отвѣчалъ Б. К.: званый, и обѣдать будутъ вѣроятно въ большой столовой. Надѣньте фракъ».

Между-тѣмъ мы своротили съ рѣки на каналъ, перешли маленькій мостикъ и очутились среди пестрой, движущейся толпы, среди говора, разнообразныхъ криковъ, толчковъ, запаховъ, костюмовъ, словомъ на базарѣ. Здѣсь представлялась мнѣ полная картина китайскаго народонаселенія, безъ всякихъ прикрасъ, въ натурѣ.

Знаете ли, чѣмъ пораженъ былъ мой первый взглядъ? какое было первое впечатлѣніе? Мнѣ показалось, что я вдругъ очутился на какомъ-нибудь нашемъ московскомъ толкучемъ рынкѣ, или на ярмаркѣ губернскаго города, вдалекѣ отъ Петербурга, гдѣ еще не завелись, ни широкія улицы, ни магазины; гдѣ въ одномъ мѣстѣ и торгуютъ, и готовятъ кушанье, гдѣ продаютъ шелковый товаръ въ лавочкѣ, между кипящимъ огромнымъ самоваромъ и кучей кренделей, гдѣ рядомъ помѣщаются лавка съ фруктами и лавка съ лаптями, или хомутами. Разница въ подробностяхъ: у насъ деготь и лыко—здѣсь шелкъ и чай; у насъ груды деревянной и фаянсовой посуды—здѣсь фарфоръ. Но китайская простонародная кухня, обиліемъ блюдъ, видомъ, вонью и затѣйливостью, перещеголяла нашу. Чего тутъ нѣтъ? Жаль, что нельзя разглядѣть всего: «съ души рветъ», какъ говоритъ Ѳаддеевъ, а есть чего поглядѣть! Море, рѣки, земля, воздухъ — спорятъ здѣсь, кто больше принесъ въ даръ человѣку—и все это бросается въ глаза... это бы еще не бѣда, а то и въ носъ.

Длинные, безконечные, крытые переулки, или, лучше сказать, корридоры, тянутся по всѣмъ направленіямъ и образуютъ совершенный лабиринтъ. Если хотите, это все домы, выстроенные сплошь, съ жильемъ вверху, съ лавками внизу. Навѣсы крышъ едва не касаются съ обѣихъ сторонъ другъ друга, и оттого тамъ постоянно господствуетъ полумракъ. Въ этомъ-то лабиринтѣ вращается огромная толпа. Отъ однихъ купцовъ тѣснота, а съ продавцами, кажется бы, и прохода не должно быть. Междутѣмъ тутъ постоянно приливъ и отливъ народа. Тутъ съ удивительною ловкостью пробираются носильщики, съ самыми громоздкими ношами, съ ящиками чая, съ тюками шелка, съ охабкой хлопчатой бумаги, чуть не со стогъ

сѣна. А вонъ пронесли двое покойника, не на плечахъ, какъ у насъ, а на рукахъ; тамъ бѣжитъ *кули* съ письмомъ, здѣсь тащатъ корзину съ курами. И всѣ бѣгутъ, съ криками, съ напѣвами, чтобъ посторонились. Этотъ колотитъ палочкой въ дощечку: значитъ, продаетъ полотно; тотъ несетъ живыхъ дикихъ утокъ, и мертвыхъ, висящихъ чрезъ плечо, фазановъ, или наоборотъ. Разнощики кричатъ, какъ и у насъ. Вы только отсторонились отъ одного, а другой слегка трогаетъ за плечо, вы пятитесь, но тамъ торопливо кричитъ третій — вы отскакиваете, потому-что у него въ обѣихъ рукахъ какія-то кишки, или длинная, волочащаяся по землѣ рыба. — «Куда намъ дѣться? двѣ коровы идутъ», сказалъ Б. К., и мы кинулись въ лавочку, а коровы прошли дальше. Въ лавочкахъ, у открытыхъ дверей, расположены припасы на показъ: рыбы разныхъ сортовъ и видовъ—вяленая, соленая, сушеная, свѣжая, одна въ видѣ сабли, такъ и называется саблей, другая съ раздвоенной головой, тамъ круглая, здѣсь плоская, далѣе раки, шримсы, морскіе плоды. Дичи неимовѣрное множество, особенно фазановъ и утокъ; они висятъ на дверяхъ, лежатъ кучами на полу.

Вотъ обширная въ глубину лавка, вся наполненная мужиками, и бабами тоже. Это харчевня. Ну, такъ и хочется сказать: «здорово, хлѣбъ да соль!» Народъ группами сидитъ за отдѣльными столами, какъ и у насъ. Изъ маленькихъ синихъ чашекъ, безъ ручекъ, пьютъ чай, но не прикусываетъ широкоплечій ямщикъ по крошечкѣ сахаръ, какъ у насъ: сахару нѣтъ и не употребляютъ его съ чаемъ. За-то всѣ курятъ изъ маленькихъ трубокъ, съ длинными, тоненькими чубуками; это опять противно нашему: у насъ курятъ изъ коротенькихъ чубуковъ и предлинныхъ трубокъ. Надъ ними клубится облакомъ паръ,

отъ небольшихъ, поставленныхъ въ разныхъ углахъ лавки печей, и, поклубившись по харчевнѣ, вырывается на улицу, обдаетъ неистовымъ, крѣпкимъ запахомъ прохожаго и исчезаетъ — яко дымъ. Чего тутъ нѣтъ! лепешки изъ тѣста лежатъ au naturel, потомъ, по востребованію, опускаются въ кипятокъ и подаются чрезъ нѣсколько минутъ готовыя. Рядомъ варится какая-то черная похлебка, едва-ли лучше спартанской, съ кусочками свинины, или рыбы. Я видѣлъ даже щи—дà, лѣнивыя щи: въ кипяткѣ варится кочанъ отличной зеленой капусты и кусокъ, кажется, баранины. Есть и оладьи, и жареная свинина, и пирожки.

Много знакомаго увидѣлъ я тутъ, но много и невиданнаго увидѣлъ, и особенно обонялъ. Боже мой, чего не ѣстъ человѣкъ! Конечно, я не скажу вамъ чтò, видѣлъ я, ѣлъ одинъ китаецъ на рынкѣ, всенародно... Я думалъ прежде, что много прибавляютъ путешественники, но теперь на опытѣ вижу, что кое-что приходится убавлять.— Какихъ соусовъ нѣтъ тутъ! все это варится, жарится, печется, кипитъ, трещитъ, и теплымъ, пахучимъ паромъ разносится повсюду. Напрасно стали бы вы заглушать запахъ чѣмъ-нибудь: ни пачули, ни сами четыре разбойника не помогутъ; особенно два противные запаха преслѣдуютъ: отвратительнаго растительнаго масла, кажется, кунжутнаго, и чесноку.

Отдохнешь у лавки съ плодами: тутъ и для глазъ и для носа хорошо. Съ удивленіемъ взглянете вы на исполинскіе лимоны — апельсины, которые англичане называютъ памиль-муссъ. Они величиной съ голову шести-семилѣтняго ребенка; кожа въ полтора пальца толщины. Ихъ подаютъ къ дессерту, но не знаю, зачѣмъ: ѣсть нельзя. Мы попробовали-было, да никуда негодится: ни кислоты лимона нѣтъ, ни сладости апельсина. Говорятъ, они теперь неспѣ-

лые, что, созрѣвши, кожа дѣлается тоньше и плодъ тогда сладокъ: развѣ такъ. Потомъ цѣлыми грудами лежатъ, какъ у насъ какой-нибудь картофель, *мандарины*, родъ мелкихъ, но очень сладкихъ и пахучихъ апельсиновъ. Они еще хороши тѣмъ, что кожа отдѣляется отъ нихъ съ разу со всѣми волокнами, и вы получаете плодъ облупленный, какъ яйцо, сочный, почти прозрачный. Тутъ былъ и еще плодъ овальный, похожій на померанецъ, поменьше грецкаго орѣха; я забылъ его названіе. Я взялъ попробовать, раскусилъ и выбросилъ: еще хуже памплъ-мусса. Китайцы засмѣялись вокругъ, и не даромъ, какъ я узналъ послѣ. Были еще такъ называемые жужубы, мелкія, сухія фиги, съ одной маленькой косточкой внутри. Онѣ сладки — про нихъ больше нечего сказать; развѣ еще, что они напоминаютъ собой немного вкусъ финиковъ: та же приторная, безхарактерная сладость, такъ же вязнетъ въ зубахъ. Орѣховъ множество: грецкихъ, миндальныхъ, фисташковыхъ и другихъ. Зелень превосходная; особенно свѣжи зеленые, продолговатые кочни капусты, еще длинная и красная морковь, крупный лукъ и т. п.

Мы продолжали пробираться по рядамъ и вышли — среди криковъ и стука рабочихъ, которые, совершенно голые, немилосердно колотили хлопчатую бумагу въ своихъ мастерскихъ—къ магазину американца Фога. Тамъ все есть: готовое платье, посуда, матеріи, вина, сыръ, сельди, сигары, фарфоръ, серебро. Между съѣстными лавками мы наткнулись на китайскую лавочку, въ родѣ галантерейной. Тутъ продавались всякія мелочи. Я купилъ до тридцати рѣзныхъ фигуръ, изъ мягкаго, разноцвѣтнаго камня *агальматолита* (agalmatolite, fragodite, pierre à magots ou à sculpture; Bildstein, Speckstein aus China), попросту называемаго *жировикомъ*. Камень этотъ, кромѣ Китая, находятъ мѣстами въ Венгріи и Саксоніи.

*

Нѣтъ, я вижу, уголка въ мірѣ, гдѣ бы не запрашивали неслыханную цѣну. Китаецъ запросилъ за каменныя издѣлія двадцать два доллара, а уступилъ за восемь. Этой слабости подвержены, и просвѣщенные, и полупросвѣщенные народы, и наконецъ дикари. Кто у кого занялъ: мы ли у востока, онъ ли у насъ?

Наконецъ мы вышли на маленькую, мутную рѣчку, къ деревянному, узенькому, дугообразному мостику. Тутъ стояла небольшая часовня; въ ней идолъ Будды. У подножія нищій собиралъ милостыню. На мосту, въ фуражкѣ, въ матросской рубашкѣ, съ ружьемъ на плечѣ, ходилъ часовой съ англійскаго парохода *Спартанъ*. При сходѣ съ моста сидѣлъ китаецъ, передъ котломъ вареннаго риса. Народъ толпился у котла. Всякій клалъ нѣсколько *кашей* (мелкихъ мѣдныхъ монетъ) на доску, которою прикрытъ былъ котелъ. Китаецъ поднималъ тряпицу, доставалъ изъ котла рукой горсть рису, клалъ въ свой фартукъ, выжималъ воду и, уже сухой, подавалъ покупателю. Непривлекательна китайская кухня, особенно при маслѣ, которое они употребляютъ въ пищу! Коровьяго масла у нихъ нѣтъ: его привозятъ сюда для европейцевъ изъ Англіи, и то, которое подавали въ Шанхаѣ, было несвѣжо. Иногда китайцы употребляютъ свиное сало.

Кстати о монетѣ. Въ Шанхаѣ ходитъ двухъ родовъ монета: испанскіе и американскіе доллары и мѣдная китайская монета. Испанскіе, и именно Карла IV, предпочитаются всѣмъ прочимъ и называются, не знаю почему, шанхайскими. На нихъ даже кладется отъ общества шанхайскихъ купцовъ китайская печать, въ знакъ того, что они не фальшивые. По случаю междоусобной войны, банкиры необыкновенно возвысили курсъ на доллары, такъ что долларъ, на наши деньги, вмѣсто обыкновенной цѣны

1 р. 33 к., стоитъ теперь около 2 р. Но это только при полученіи отъ банкировъ, а въ обращеніи онъ въ сущности стòитъ все то же, т. е. вамъ на него не дадутъ товара больше того, чтò давали прежде. Всѣ бросились мѣнять т. е. повезли со всѣхъ сторонъ сюда доллары, и брали за нихъ векселя на Лондонъ и другія мѣста, выигрывая по два шиллинга на долларъ. При покупкѣ вещей, за все приходилось платить чуть не вдвое дороже; а здѣсь и безъ того дорого все, чтò привозится изъ Европы. Бѣда, кому нужно дѣлать большіе запасы: потеря огромная! Прочіе доллары т. е. испанскіе же, но не Карла IV, а Фердинанда и другихъ, и мексиканскіе тоже, ходятъ по 80-ти центовъ. Кромѣ того, ходятъ полкроны и шиллинги, но ихъ очень мало въ обращеніи. За то мѣдной монеты, или *кашей*, множество. Она чеканится изъ неочищенной мѣди, чуть не изъ самородка, и очень грязна на видъ; величиной монета съ четвертакъ, на ней грубая китайская надпись, а по срединѣ отверстіе, чтобы продѣвать бичовку. Я сначала не вдругъ понялъ, чтò значатъ эти длинныя связки, которыя китайцы таскаютъ въ рукахъ, чрезъ плечо и на шеѣ, въ видѣ ожерелья.

Я что-то купилъ въ лавочкѣ, центовъ на 30, и вдругъ мнѣ дали сдачи до тысячи монетъ. Ихъ въ долларѣ считаютъ до 1,500 штукъ. Я не зналъ, что дѣлать, но выручили нищіе: я почти все роздалъ имъ. Остатки, штукъ 50, въ числѣ любопытныхъ вещей, привезу показать вамъ.

— «Однакожъ часъ, сказалъ Б.: пора домой; мнѣ завтракать (онъ жилъ не въ отели), вамъ обѣдать». Мы пошли не прежней дорогой, а по каналу, и повернули въ первую длинную, и довольно узкую улицу, которая вела прямо къ трактиру. На ней тоже купеческіе домы, съ высокими заборами и садиками, тоже бѣжали въ припрыжку

носильщики съ ношами. Мы пришли еще рано; наши не всѣ собрались: кто пошелъ по дѣламъ службы, кто фланировать, другіе хотѣли пробраться въ китайскій лагерь.

Чрезъ часъ по всему дому раздался звукъ гонга: это повѣстка готовиться идти въ столовую. Чрезъ полчаса мы сошли къ столу, около котораго суетились слуги, все китайцы. Особенно весело было смотрѣть на мальчишекъ. На ихъ маленькихъ лицахъ, съ немного заплывшими глазками, выгнутымъ татарскимъ лбомъ и висками, было много сметливости и плутовства; они живо бѣгали, мѣняли тарелки, подавали хлѣбъ, воду, и еще коверкали, и безъ того исковерканный, англійскій языкъ. Между-прочимъ мы увидали тутъ темнокоричневое лицо, въ бѣлой чалмѣ, и съ зубами еще бѣлѣе. Мнѣ что-то лицо показалось знакомо, да и онъ глядѣлъ на насъ съ привѣтливой улыбкой. Я спросилъ его, кто онъ, откуда. «Madrasman, отвѣчалъ онъ: я васъ знаю, я видѣлъ васъ въ Сингапурѣ». — «Какъ же ты сюда попалъ?» — «Такъ, пріѣхалъ служить».—«Что жь тамъ дѣлалъ, чѣмъ былъ?»—«Купецъ». — «О, лжешь, думалъ я, хвастаешь, а еще полудикій сынъ природы!» Я сейчасъ же вспомнилъ его: отъ тамъ ѣздилъ съ маленькой каретой по городу, и однажды цѣлую улицу прошелъ рядомъ со мною, прося запомнить нумеръ его кареты и не брать другой. А здѣсь онъ былъ буфетчикомъ, раздавалъ гостямъ кушанья, китайскимъ мальчишкамъ — щелчки.

Второй обѣдъ былъ полнѣе перваго. Тутъ, кромѣ супа, была вареная баранина и жареная баранина, вареная говядина и жареная говядина, вареныя куры и жареныя куры, fowl, потомъ гусь, ветчина, зелень. Это только первая перемѣна. Вторая и послѣдняя состояла изъ дичи и пирожнаго. И то и другое подается вмѣстѣ,

мнѣ кажется, между прочимъ съ тою цѣлью, чтобъ гости раздѣлились на партіи, одни за пирожное, другіе за жаркое. Пирожное то же самое, что̀ я ѣлъ въ Лондонѣ, въ въ Портсмутѣ и на мысѣ Д. Н.: applepay, сладкая яичница и пуддингъ съ коринкой.

Послѣ обѣда пришелъ Б. К. и я же повелъ его показывать ему городъ и окрестности. Мы вышли на набережную Вусуна и пошли налѣво, мимо великолѣпнаго дома англійскаго консула, потомъ португальскаго, датскаго и т. д. По дорогѣ встрѣчались, съ мѣрнымъ крикомъ а-а! а-а!, носильщики съ чаемъ и щедро сыпали его по улицѣ. Тутъ матросы съ французскихъ судовъ играли въ пристѣнокъ: красивый, рослый и хорошо одѣтый народъ. Мы подошли къ впадающей въ Вусунъ рѣчкѣ и къ перевозу. Множество возвращающагося съ работы простаго народа толпилось на пристани, ожидая очереди попасть на паро̀мъ, перевозившій на другую сторону, гдѣ первая кидалась въ глаза куча навозу, грязный берегъ, двѣ-три грязныя хижины, два-три тощія дерева, и за всѣмъ этимъ — вспаханныя поля.

Мимо плетней, огородовъ, чрезъ поля, поросшія кустарниками хлопчатой бумаги и засѣянныя разнымъ хлѣбомъ, выбрались мы, сначала въ деревушку, ближайшую къ городу. Хижины изъ бамбука, безъ окошекъ, съ одними дверями, лѣпились другъ къ другу. По деревнѣ извивалась грязная канавка, стояли кадки съ навозомъ, для удобренія полей. Некуда было дѣться отъ запаха; мы не рады были что зашли. Ноги у насъ ползли по влажной, глинистой почвѣ. На насъ бросились лаять собаки, а на нихъ бросилась старая китаянка унимать. Нѣкоторые китайцы ужинали на порогѣ, проворно перекладывая двумя палочками рисъ изъ чашекъ въ ротъ, и до того набивали его, что не

могли отвѣчать на наше привѣтствіе *чинь-чинь* (здравствуй), а только ласково кивали.

Но несмотря на запахъ, на жалкую бѣдность, на грязь, нельзя было не замѣтить ума, порядка, отчетливости, даже въ мелочахъ полеваго и деревенскаго хозяйства. Простыми глазами, съ разу увидишь, что находишься по-преимуществу въ земледѣльческомъ государствѣ и что не даромъ рука богдыхана касается однажды въ годъ плуга, какъ главнаго, великаго дѣятеля страны: всякая вещь, обдуманно, не какъ-нибудь, примѣнена къ дѣлу; все обработано, окончено; не увидишь кучки соломы, небрежно и не у мѣста брошенной, нѣтъ упадшаго плетня и блуждающей среди посѣвовъ козы или коровы; не валяется нигдѣ оставленное безъ умысла и безполезно гніющее бревно, или какой-нибудь подобный, годный въ дѣло предметъ. Здѣсь, кажется, каждая щепка, камешекъ, соръ — все имѣетъ свое назначеніе и идетъ въ дѣло.

Почва, по природѣ, болотистая, а ни признака болота нѣтъ, нѣтъ также какого-нибудь недопаханнаго аршина земли; одна гряда и борозда никакъ не шире и не уже другой. Самые домики, какъ ни бѣдны и ни грязны, но выстроены умно; все разсчитано въ нихъ; каждымъ уголкомъ умѣютъ пользоваться: все на мѣстѣ и все въ возможномъ порядкѣ.

Мы выбрались изъ деревеньки и вышли на такъ называемую променаду, отведенное европейцамъ загородное мѣсто для ѣзды и для прогулокъ. Это широкая дорога, идущая отъ города, между полей, мимо вала, отдѣляющаго лагерь имперіялистовъ отъ городской земли. Все это мѣсто похоже на арену какого-нибудь цирка: земля такъ же рыхла, вспаханная лошадиными копытами. Мы застали и самое ристалище. Шанхайскіе европейцы и европейки скакали здѣсь взадъ и впередъ: одни на прекрасныхъ

лошадяхъ лучшей англійской породы, привезенныхъ изъ Англіи, другіе на малорослыхъ китайскихъ лошадкахъ. Только одно семейство каталось въ шарабанѣ, да еще одну леди, кажется, жену пастора, несли четыре китайца въ желѣзныхъ креслахъ, поставленныхъ на двухъ бамбуковыхъ жердяхъ. Нѣсколько пѣшеходовъ, офицеровъ съ судовъ, да мы всѣ, составляли публику, или, лучше сказать, мы всѣ были дѣйствующими лицами. Настоящую публику составляли китайцы, мирные городскіе, или деревенскіе жители, купцы и земледѣльцы, кончившіе дневной трудъ. Тутъ была смѣсь одеждъ: видна шелковая кофта и шаравары купца, синій халатъ мужика, камзолъ и панталоны имперіялиста, съ вышитымъ кружкомъ, или буквой на спинѣ. Вся эта публика, буквально спустя рукава, однакожь съ любопытствомъ, смотрѣла на пришельцовъ, которые силою ворвались въ ихъ предѣлы, и мало-того, что сами свободно разгуливаютъ среди ихъ полей, да еще наставили столбовъ съ надписями, которыми запрещается тутъ разъѣзжать хозяевамъ. Китайцы встрѣчали или провожали замѣчаніемъ каждаго проѣзжаго, и смѣялись. Особенно скачущія женщины возбуждали ихъ вниманіе: небывалое у нихъ явленіе! Ихъ женщины—пока еще такъ-себѣ, хозяйственная принадлежность: имъ далеко до львицъ.

Къ намъ присоединились другіе наши спутники. Мы, сквозь эту фалангу любопытныхъ, подошли къ валу, взошли на мостикъ, брошенный дугой черезъ канавку, и стали смотрѣть на лагерь. Туда и оттуда безпрестанно носили мимо насъ въ паланкинахъ китайскихъ чиновниковъ и купцовъ. Надъ сбитыми въ кучу палатками насажены были тысячи разноцвѣтныхъ флаговъ и значковъ, все фамильные гербы и отличія этого чиновно-аристократическаго царства. По временамъ изъ лагеря попаливали, но

больше холостыми зарядами, для того, какъ сказывали намъ англійскіе офицеры, чтобъ показать, что они бдятъ. Въ-самомъ-дѣлѣ только бдятъ и пугаютъ другъ друга. Они палятъ и въ туманъ, ночью, не видя непріятеля. Хоть бы ночное нападеніе и пожаръ, который мы видѣли съ рѣки Вусуна — жалкая каррикатура на сраженіе.

Имперіялистами командуетъ здѣсь правитель шанхайскаго округа, Таутай Самква. Онъ собралъ войско и расположилъ его лагеремъ у городскихъ стѣнъ, а самъ жилъ на джонкахъ и дѣйствовалъ съ рѣки. Какъ бы, кажется, не выгнать толпу бродягъ и оборванцовъ? Но до-сихъ-поръ всѣ его усилія напрасны, европейцы сохраняютъ строгій нейтралитетъ, несмотря на то, что онъ предлагаетъ каждому европейцу по двадцати, кажется, долларовъ въ сутки, если кто пойдетъ къ нему на службу. Охотниковъ до-сихъ-поръ является мало. Ночное нападеніе ему не удалось. Онъ пробовалъ зажечь городъ, но и то неудачно: выгорѣло одно предмѣстье, потому-что городъ зажженъ былъ противъ вѣтра и огонь не распространился. А сколько мелкихъ и безполезныхъ жестокостей употреблено было! И это неустрашаетъ инсургентовъ. Тѣ заперлись-себѣ въ крѣпости, получаютъ съѣстные припасы черезъ стѣны изъ города—и знать ничего не хотятъ.

Пока я стоялъ на валу, нѣсколько имперіялистовъ вдругъ схватили изъ толпы одного человѣка, на видъ очень смирнаго, и потащили къ лагерю. Я думалъ, что это обыкновенная, уличная сцена, ссора какая-нибудь: но тутъ случился англичанинъ, который растолковалъ мнѣ, что имперіялисты хватаютъ всякаго, кто оплошаетъ, и, въ качествѣ мятежника, ведутъ въ лагерь, повязавъ ему что-нибудь красное на голову, какъ признакъ возмущенія. А тамъ ему рубятъ голову и втыкаютъ на пику. За всякаго

приведеннаго инсургента даютъ награду. «Oh, that's bad, very bad!» (худо!), заключилъ англичанинъ, махнулъ рукой и пошелъ прочь.

Но и инсургенты платятъ за это хорошо. На-дняхъ они объявили, что готовы сдать городъ и просятъ прислать полномочныхъ для переговоровъ. Таутай обрадовался и послалъ къ нимъ девять чиновниковъ или мандариновъ, со свитой. Едва они вошли въ городъ, инсургенты предали ихъ тѣмъ ужаснымъ, утонченнымъ мученіямъ, которыми ознаменованы всѣ междоусобныя войны.

Англичанинъ этотъ, про котораго я упомянулъ, ищетъ впечатлѣній и приключеній. Онъ каждый день съ утра отправляется, съ заряженнымъ револьверомъ въ карманѣ, то въ лагерь, то въ осажденный городъ, посмотрѣть, что̀ тамъ дѣлается, нужды нѣтъ, что китайское начальство устранило отъ себя отвѣтственность за все непріятное, что можетъ случиться со всякимъ европейцемъ, который, безъ особенныхъ позволеній и предосторожностей отправится на мѣсто военныхъ дѣйствій.

Наши вздумали тоже идти въ лагерь; я предвидѣлъ, что они недолго проходятъ, и не пошелъ, а сѣлъ, въ ожиданіи ихъ, на бревно подлѣ дороги и смотрѣлъ, какъ ѣздили англичанки. Вотъ несется полная, величавая, одна изъ тѣхъ великолѣпныхъ, драпирующихся въ большую шаль, женщинъ, съ побѣдоносной походкой, отъ которыхъ невольно сторонишься. Она, какъ монументъ, крѣпко сидѣла на рослой лошади, и та, какъ будто чувствуя, кого несетъ на хребтѣ, скакала плавно. Подлѣ нея, свѣсивъ до полу ноги, ѣхалъ англичанинъ, такой жидкій и невеличественный, какъ полна и величественна была его супруга. Другая, низенькая и невзрачная женщина, точно мальчишка, тряслась на сѣдлѣ, на маленькой, рыжей лошадёнкѣ, коло-

тя по немъ своей особой, такъ-что слышно было. Третья— писанная, что называется красавица: румяная, съ алымъ ротикомъ, въ видѣ сердечка, и ограниченностью въ синихъ глазахъ. Всѣ эти барыни были съ такими тоненькими, не скажу стройными, таліями, такъ обтянуты амазонками, что китайская публика, кажется, смотрѣла на нихъ, больше съ состраданіемъ, нежели съ удовольствіемъ.

Я не долго ждалъ своихъ; какъ я думалъ, такъ и вышло: ихъ не пустили, и мы отправились другой дорогой домой, опять мимо полей и огородовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поливали ведрами навоза поля: мы бѣжали, что стало силъ, отъ этой пахучей идилліи. Ужь вечерѣло. Солнце опустилось: я взглянулъ на небо и вспомнилъ отчасти тропики: та же блѣдно-зеленая чаша, съ золотымъ отливомъ надъ головой, но не было живописнаго узора облаковъ, млѣющихъ въ страстной тишинѣ воздуха; только кое-гдѣ, дрожа, искрились бѣлыя звѣзды. Луна раздѣлила улицы и дороги на двѣ половины, черную и бѣлую. «Вотъ зима-то! Ахъ, еслибъ намъ этакую!» говорилъ я, пробираясь между изсохшими кустами хлопчатой бумаги, клочья которой оставались еще кое-гдѣ на сучьяхъ и бѣлѣли, какъ снѣжный пухъ. Въ байковомъ пальто было жарко идти. Вдали скакали въ городъ джентльмены и лэди, торопясь обѣдать.

Въ шесть часовъ мы были уже дома и сѣли за третій обѣдъ — съ чаемъ. Отличительнымъ признакомъ этого обѣда, или «ужина», какъ упрямо называлъ его О. А., было отсутствіе супа и присутствіе сосисекъ съ перцомъ, или, лучше, перца съ сосисками — такъ было его много положено. Чай тоже, кажется, съ перцомъ. Ѣсть мы однакожь не могли: только шкиперскіе желудки флегматически поглощали мяса, черезъ три часа послѣ обѣда.

Вечеромъ мы собрались въ *клубѣ*, т. е. въ одной изъ самыхъ большихъ комнатъ, гдѣ жило больше постояльцевъ, гдѣ свѣтлѣе горѣла лампа, не дымилъ каминъ, и куда приносили больше каменнаго угля, нежели въ другіе номера. Театра нѣтъ здѣсь, общества тоже, если хотите въ строгомъ смыслѣ, нѣтъ. Всюду, куда забрались англичане, вы найдете чистую комнату, каминъ съ каменнымъ углемъ, отличный кусокъ мяса, хересъ и портвейнъ, но не общество. И не ищите его. Англичане всюду умѣютъ внести свою чопорность, негибкіе нравы и скуку. Васъ пригласятъ обѣдать; вы, во фракѣ и бѣломъ жилетѣ, являетесь туда; если есть аппетитъ—ѣдите, какъ ѣдали баснословные герои, или какъ новѣйшіе извощики, пьете еще больше, но говорите мало, ce n'est pas pe rigueur, потомъ тихонько исчезаете. Но не думайте придти сами, безъ зову. По дѣлу можете, и то въ указанный часъ; а просто побесѣдовать сами — нельзя. Да и день такъ расположенъ: утро всѣ заняты, потомъ гуляютъ, съ семи и до десяти и одиннадцати часовъ обѣдаютъ, а тамъ спятъ. Въ Англіи есть клубы; тамъ вы видитесь съ людьми, съ которыми привыкли быть вмѣстѣ, а здѣсь европейская жизнь такъ быстро перенеслась на чужую почву, что не успѣла пустить корней, и отъ того должно быть скучно. Не знаю, что дѣлаютъ молодые люди; немолодые наживаютъ деньги. Какой-нибудь мистеръ Каннингамъ, или другой, подобный ему представитель торговаго дома, проживетъ лѣтъ пять, наживетъ тысячь двѣсти долларовъ, и уѣзжаетъ, откуда пріѣхалъ, уступая мѣсто другому члену того же торговаго дома.

Мы очень разнообразили время въ своемъ клубѣ: одинъ писалъ, другой читалъ, кто разсказывалъ, кто молча курилъ и слушалъ, но всѣ жались къ камину, потому-что

какъ ни красиво было небо, какъ ни ясны ночи, а зима давала себя чувствовать, особенно въ здѣшнихъ домахъ.

Только П. А. Т., оставаясь одинъ въ Шанхаѣ, перебрался въ лучшую комнату и, общій баловень на фрегатѣ, пріобрѣлъ и тутъ какъ-то вниманіе цѣлаго дома. У него лучше и раньше прибиралась комната, въ корзинкѣ было больше угля, нежели у другихъ. У насъ, у всѣхъ, принесутъ горсть угля и потомъ не допросишься. Явная несправедливость! Мы вчетверомъ составили компанію на акціяхъ для добыванія каменнаго угля изъ нумера П. А. Такъ попросить — онъ бы, или вовсе отказалъ, или далъ бы *самую малость*, какъ онъ говоритъ. А намъ нужно было натопить два нумера. Мы положили такъ: И. В. Ф. заговоритъ съ Т. о хозяйствѣ — это любимая его тема, а В. А. К. и А. Е. К. въ это время понесутъ корзину съ углемъ. Мнѣ досталась самая легкая роль: прикрыть отступленіе В. А. и А. Е., что̀ я сдѣлалъ, ставъ къ камину спиной и раздвинувъ немного, какъ дѣлаютъ, не знаю зачѣмъ, англичане, полы фрака. Фур. заговорилъ о шанхайской капустѣ, о томъ, какая она зеленая, сочная, распрашивалъ, годится ли она во щи и т. п. Уголь давно уже пылалъ въ каминахъ, а П. А. все еще разсказывалъ о капустѣ. Мы дослушали изъ приличія, Фур. внимательно, я — разсѣянно.

На другой день, вставши и пообѣдавши, я пошелъ, уже по знакомымъ улицамъ, въ магазины купить и заказать кое-что. Въ улицѣ, налѣво отъ гостинницы, сказали мнѣ, есть магазинъ: четвертый или пятый домъ. Я прошелъ шестой, а все магазина не вижу, и раза два ходилъ взадъ и впередъ, не подозрѣвая, что одно широкое, осѣненное деревьями крыльцо и есть входъ въ магазинъ. Меня встрѣтилъ пожилой мужчина, черноволосый, съ клинообразной бородой,

въ длинномъ шлафорѣ-сюртукѣ, несовсѣмъ чистымъ англійскимъ выговоромъ. «Жидъ!» шепнулъ мнѣ бывшій со мной Г., успѣвшій уже обѣгать европейскій кварталъ. Тутъ, какъ и у Фога и какъ во всякой провинціи, было все въ магазинѣ. Мы накупили сапогъ, башмаковъ, и отправились къ Фогу за сигарами, но въ дверяхъ столкнулись съ высокимъ, черноволосымъ мужчиной. «Вотъ самъ Фогъ, сказалъ опять Г.: онъ—жидъ!» Онъ, какъ лягавая собака дичь, чуялъ жидовъ.

Мы пошли прямо и вышли на рѣчку. Я зашелъ за Б. К.—«Пойдемте, я вамъ буду показывать городъ», сказалъ я. Онъ молча послѣдовалъ за мною. Рѣчка, раздѣляющая европейскій кварталъ отъ китайскаго, шириной всего саженъ пять, мутна какъ и самъ Янсекіянъ, какъ и Вусунъ. На рѣчкѣ толпятся джонки, на которыхъ живутъ китайскія семейства; по берегамъ движется цѣлое народонаселеніе купцовъ, лодочниковъ, разнаго рода мастеровыхъ. Въ одномъ мѣстѣ насъ остановилъ пріятный запахъ: это была мастерская издѣлій изъ камфарнаго дерева. Мы зашли въ сарай и лавку и очутились среди гробовъ, сундуковъ и ларцовъ. Когда мы вошли, запахъ камфары, издали очень пріятный, такъ усилился, что казалось, какъ будто къ щекамъ нашимъ вдругъ приложили по подушечкѣ съ камфорой. Мы хотѣли купить сундуки изъ этого дерева, но не было возможности объясниться съ китайцами. Мы имъ по-англійски, они по-своему; прибѣгали къ пальцамъ, но ничего изъ этого не выходило. Двѣ дѣвки, работавшія тутъ же, и одна прехорошенькая, смѣялись исподтишка, глядя на насъ; рыжая собака съ ворчаньемъ косилась: запахъ камфары сильно щекоталъ нервы въ носу. Мы, шагая по стружкамъ, выбрались и пошли къ Фогу, а потомъ отправились отыскивать еще магазинъ, французскій, о существованіи котораго по-

сились темные слухи и который не давался намъ другой день.

Мы быстро миновали базаръ и всѣ запахи, прошли мимо хлопчато-бумажныхъ прядилень, харчевень, разнощиковъ, часовни съ Буддой, и перебѣжали мостикъ. — «Куда же теперь, налѣво или направо?» спросилъ я Б.— «Да куда-нибудь, хоть налѣво!» Прямо передъ нами былъ узенькій-преузенькій переулочекъ, темный, грязный, откуда, какъ тараканы изъ щели, выходили китайцы, направо большой европейскій каменный домъ; настежь отворенныя ворота вели на чистый дворъ, съ деревьями, къ широкому чистому крыльцу. Налѣво открылся намъ цѣлый новый китайскій кварталъ, новый лабиринтъ лавокъ, почище и побогаче, нежели на той сторонѣ. Тутъ были лавки съ матеріями, мебельныя; я любовался на китайскую мебель, о которой говорилъ выше, съ рельефами и деревянной мозаикой. Здѣсь нѣтъ харчевень, и меньше толкотни. Лавки начали рѣдѣть; мы шли мимо превысокихъ, какъ стѣны крѣпости, заборовъ изъ бамбука, за которыми лежали груды кирпичей, и наконецъ прошли черезъ огромный дворъ, весь изрытый и отчасти заросшій травой, и очутились подъ стѣнами осажденнаго города.

Извѣстно, что китайцы — ужасные педанты, не признаютъ городомъ того, который *не огороженъ*; оттого у нихъ каждый городъ окруженъ стѣной, между-прочимъ и Шанхай.

Но какая картина представилась намъ! Еще издали мы слышали смѣшанный шумъ человѣческихъ голосовъ и не могли понять, что̀ это такое. Теперь поняли. Насъ отъ стѣнъ раздѣлялъ ровъ; по ту сторону рва, подъ самыми стѣнами, толпилось болѣе тысячи человѣкъ народу и горланили во всю мочь. На стѣнѣ, облѣпивъ ее, какъ мухи,

горланила другая тысяча человѣкъ, инсургентовъ. Внизу были разнощики. Они принесли изъ города все, что̀ только можно принести, притащить, привезти и приволочь. Живность, зелень, фрукты, дрова, цѣлыя бревна, медленно ползли по стѣнамъ вверхъ. Стѣна, изъ сѣраго кирпича, очень высока, на глазомѣръ саженъ въ шесть вышиною, и претолстая. Осажденные во все горло требовали — одинъ свинью, другой капусты, третій курицу, торговались, бранились, наконецъ условливались; сверху спускалась по веревкѣ корзина съ деньгами и поднималась съ курами, апельсинами, съ платьемъ; тамъ тащили доски, тутъ спорили. Кутерьма ужасная! Постороннимъ ничего нельзя было разобрать. Я убѣдился только, что продавцы осаждаютъ городъ гораздо дѣятельнѣе и успѣшнѣе имперіялистовъ. Тамъ слышны лѣнивые выстрѣлы: тѣ осаждаютъ, чтобъ истребить осажденныхъ, а эти — чтобы продлить ихъ существованіе.

Наши проникли-таки потомъ въ лагерь, въ обществѣ англійскихъ офицеровъ, и видѣли груды жареныхъ свиней, куръ, лепешекъ и т. п., принесенныхъ въ жертву пушкамъ и разставленныхъ у жерлъ.

Осаждающіе могли бы конечно помѣшать снабженію города съѣстными припасами, еслибъ сами имѣли больше свободы, нежели осажденные. Но они не смѣютъ почти показываться изъ лагеря, тогда-какъ мы видѣли ежедневно инсургентовъ, свободно разгуливавшихъ по европейскому городу. У этихъ и костюмъ другой; лба уже они не брѣютъ, какъ унизительнаго, введеннаго манчжурами, обычая. Но и тѣхъ и другихъ англичане и американцы держатъ въ рукахъ. П—тъ видѣлъ, какъ два всадника, возвращаясь изъ города въ лагерь, проѣхали по землѣ, отведенной для прогулокъ англичанамъ, и какъ англійскій офицеръ съ

Спартана поколотилъ ихъ обоихъ палкой за это, такъ-что одинъ свалился съ лошади. Ровъ и стѣна, гдѣ торгуютъ разнощики, обращены къ городу; и еслибъ одно ядро попало въ европейскій кварталъ, тогда и осажденные и осаждающіе не раздѣлались бы съ консулами. Одно и такъ попало нечаянно въ колесо французскаго парохода: командиръ хотѣлъ открыть огонь по городу. Не знаю, какъ уладили дѣло.

Вообще обращеніе англичанъ съ китайцами, да и съ другими, особенно подвластными имъ народами, не то чтобъ было жестоко, а повелительно, грубо, или холодно-презрительно, такъ-что смотрѣть больно. Они не признаютъ эти народы за людей, а за какой-то рабочій скотъ, который они, пожалуй, не бьютъ, даже холятъ, т. е. хорошо кормятъ, исправно и щедро платятъ имъ, но не скрываютъ презрѣнія къ нимъ. Къ намъ повадился ходить въ отель офицеръ, не флотскій, а морскихъ войскъ, съ *Спартана*, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати: онъ, кажется, тоже не прочь отъ приключеній. Его звали Стоксъ: онъ безпрестанно ходилъ, и въ осажденный городъ, и въ лагерь. Мы съ нимъ гуляли по улицамъ, и если впереди насъ шелъ китаецъ и, не замѣчая насъ, долго не сторонился съ дороги, Стоксъ безъ церемоніи бралъ его за косу и оттаскивалъ въ сторону. Китаецъ, сначала оторопѣетъ, потомъ съ улыбкой подавленнаго негодованія посмотритъ въ слѣдъ. А нѣтъ конечно народа смирнѣе, покорнѣе и учтивѣе китайца, исключая кантонскихъ: тѣ, какъ и всякая чернь въ большихъ городахъ, груба и бурлива. А здѣсь я не видалъ насмѣшливаго взгляда, который бы китаецъ кинулъ на европейца: на лицахъ видишь почтительное и робкое вниманіе. Англичане вотъ какъ платятъ за это: на ихъ же счетъ обогащаются, отравляютъ ихъ, да еще и презираютъ свои

жертвы! Нашъ хозяинъ, Дональдъ—конечно плюгавѣйшій изъ англичанъ, вѣроятно нищій въ Англіи, иначе какъ рѣшиться отправиться на чужую почву заводить трактиръ, безъ видовъ на успѣхъ—и этотъ Дональдъ, сказывалъ Т., такъ билъ одного изъ китайцевъ, слугъ своего трактира, что «меня даже жалость взяла», прибавилъ добрый П. А.

Не знаю, кто изъ нихъ кого могъ бы цивилизовать: не китайцы ли англичанъ, своею вѣжливостью, кротостью, да и умѣньемъ торговать тоже.

Полюбовавшись на осаду продавцовъ, мы пошли по берегу рва искать домъ французскаго консула и французскій магазинъ. Утромъ шелъ дождь, и ноги вязли въ клейкой грязи. Мы кое-какъ выбрались къ мостику, видѣли вѣющій надъ кучей кровель французскій флагъ, и все не знали, какъ попасть къ нему. Мы остановились въ нерѣшительности у мостика, подлѣ большаго каменнаго европейскаго дома, съ настежь-отворенными воротами. Я вошелъ на дворъ, отворилъ дверь въ домъ и очутился въ свѣтломъ, чистомъ, прекрасномъ магазинѣ, похожемъ на всѣ европейскіе столичные магазины. «Гдѣ это я?» спросилъ я вслухъ. — «Во французскомъ магазинѣ Реми», отвѣчалъ забравшійся туда прежде насъ Г. Ко мнѣ подошелъ пожилой, невысокій брюнетъ, и заговорилъ по французски. «Посмотрите-ка на хозяина», сказалъ мнѣ Г. по-русски. Я посмотрѣлъ. — «А что?» — «Развѣ не видите?»—«Вижу... Да что такое?»—«Жидъ»! отвѣчалъ онъ.

Изъ этого очерка одного изъ пяти открытыхъ англичанамъ портовъ, вы никакъ не заключите, какую блистательную роль играетъ теперь, и будетъ играть еще современемъ, Шанхай! И въ настоящее время онъ въ здѣшнихъ моряхъ затмилъ, колоссальными цифрами своихъ

торговыхъ оборотовъ, Гон-Конгъ, Кантонъ, Сидней, и занялъ первое мѣсто послѣ Калькуты, или «Калькатты», какъ ее называютъ англичане. А все опіумъ! За него китайцы отдаютъ свой чай, шелкъ, металлы, лекарственныя, красильныя вещества, потъ, кровь, энергію, умъ, всю жизнь. Англичане и американцы хладнокровно берутъ все это, обращаютъ въ деньги, и такъ же хладнокровно переносятъ старый, уже заглохнувшій упрекъ за опіумъ. Они, не краснѣя, слушаютъ его и ссылаются одни на другихъ. Англійское правительство молчитъ — одно, что̀ остается ему дѣлать, потому-что многіе, стоящіе во главѣ правленія лица, сами разводятъ макъ на индійскихъ своихъ плантаціяхъ, сами снаряжаютъ корабли и шлютъ въ Янсекіянъ. За 16-ть миль до Шанхая, въ Вусунѣ, стоитъ цѣлый флотъ, такъ называемыхъ опіумныхъ судовъ. Тамъ складочное мѣсто отравы. Другія суда привозятъ и сгружаютъ, а эти только сбываютъ грузъ. Торгъ этотъ запрещенъ, даже проклятъ китайскимъ правительствомъ: но что толку въ проклятіи безъ силы? Въ таможню опіума, разумѣется, не повезутъ, но если кто провезетъ тайкомъ, тому, кромѣ огромныхъ барышей, ничего не достается.

Мало толку правительству и отъ здѣшней таможни, даромъ что таможенные чиновники засѣдаютъ въ томъ же зданіи, гдѣ засѣдалъ прежде Будда т. е. въ кумирнѣ. Китайцы съ жадностью кидаются на опіумъ и быстро сбываютъ товаръ внутрь. Китайское правительство имѣетъ право осматривать товаръ на судахъ только тогда, когда увѣрено, что найдетъ его тамъ. А оно никогда не найдетъ, потому-что подкупленные агенты всегда умѣютъ заблаговременно предупредить хозяина, и грузъ бросятъ въ рѣку, или свезутъ: тогда правительство, за фальшивое подозрѣніе, не раздѣлается съ иностранцами, и оттого осмо-

тра никогда не бываетъ. Англійское правительство оправдывается тѣмъ, что оно не властно запретить сѣять въ Индіи макъ, а присматривать-де за неводвореніемъ опіума въ Китаѣ—не его дѣло, а обязанность китайскаго правительства. Это говоритъ то же самое правительство, которое участвуетъ въ святомъ союзѣ противъ торга неграми!

Но что понапрасну бросать еще одинъ слабый камень въ зло, въ которое брошена безполезно тысяча? Не странно ли: дѣло такъ ясно, что и спору не подлежитъ; обвиняемая сторона молчитъ, сознавая преступленіе, и судъ изреченъ, а приговора исполнить некому!

Безстыдство этого скотолюбиваго народа доходитъ до какого-то героизма, чуть дѣло коснется до сбыта товара, какой бы онъ ни былъ, хоть ядъ! Другой примѣръ меркантильности англичанъ еще разительнѣе: не будь у каффровъ ружей и пороха, англичане одною войной навсегда положили бы предѣлъ ихъ грабежамъ и возмущеніямъ. Поэтому и запрещено, подъ смертною казнью, привозить имъ порохъ; между-тѣмъ каффры продолжали дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ. Долго не подозрѣвали, откуда они берутъ военные припасы: да однажды, на пути отъ одного изъ портовъ, взорвало нѣсколько ящиковъ съ порохомъ, который везли, вмѣстѣ съ прочими товарами, къ каффрамъ—*съ англійскихъ* же судовъ! Они возили это угощеніе для своихъ же соотечественниковъ: это ужь—изъ рукъ вонъ—торговая нація!

Страшно и сказать вамъ итогъ здѣшней торговли. Тридцать-пять лѣтъ назадъ, въ цѣлый Китай привозилось европейцами товаровъ всего на сумму около пятнадцати мильйоновъ серебромъ. Изъ этого опіумъ составлялъ немного болѣе четвертой части. Лѣтъ двѣнадцать назадъ, еще до китайской войны, привозъ увеличился вдвое, т. е. болѣе, не-

жели на сумму тридцать мильйоновъ серебромъ, и привозъ опіума составлялъ уже четыре-пятыхъ, и только одну пятую другихъ товаровъ. Это въ цѣломъ Китаѣ. А теперь гораздо больше привозится въ одинъ Шанхай. Шанхай играетъ безспорно первостепенную роль въ китайской торговлѣ. Онъ возвысился не насчетъ сосѣднихъ городовъ: Амоя, Нингпо и Фу-Чу-Фу; эти мѣста имѣли свой кругъ дѣятельности, свой родъ товаровъ, и все это имѣютъ досихъ-поръ.

Но Кантонъ и Гон-Конгъ не могли не потерять отчасти своего значенія съ-тѣхъ-поръ, какъ открылась торговля на сѣверѣ. Многія произведенія сѣвернаго края нашли ближайшую точку отправленія, и притокъ ихъ къ этимъ двумъ мѣстамъ уменьшился. Но опасеніе насчетъ предполагаемаго совершеннаго упадка — неосновательно. Заключая въ своихъ стѣнахъ около мильйона жителей и не одинъ десятокъ въ подвѣдомственныхъ ему и близлежащихъ областяхъ, Кантонъ будетъ всегда служить рынкомъ для этихъ жителей, которымъ нѣтъ надобности искать работы и сбыта товаровъ въ другихъ мѣстахъ. Притомъ онъ мануфактурный городъ: нелегко широкій притокъ товаровъ его къ южному порту поворотить въ другую сторону, особенно когда этотъ портъ имѣетъ еще на своей сторонѣ право старшинства. Гон-Конгъ тоже не падетъ отъ возвышенія Шанхая, а только потеряетъ нѣсколько, и потерялъ уже, какъ складочное мѣсто: теперь многія суда обращаются непосредственно въ Шанхай, тогда-какъ прежде обращались, съ грузами, или за грузами, въ Гон-Конгъ.

Причины возвышенія Шанхая заключаются въ выгодномъ его географическомъ положеніи на огромной рѣкѣ, на которой выше его лежитъ нѣсколько многолюдныхъ тор-

говыхъ мануфактурныхъ городовъ, между прочимъ, Нанкинъ и Сучеу-Фу. Шанхай самъ по себѣ ничтожное мѣсто по народонаселенію; въ немъ всего (было до осады) до трехъ сотъ тысячъ жителей: это мало для китайскаго города, но онъ служитъ торговымъ предмѣстьемъ этимъ городамъ, и особенно провинціямъ, гдѣ родится лучшій шелкъ и чай—двѣ самыя важныя статьи, которыми пока расплачивается Китай за бумажныя, шерстяныя, и другія европейскія и американскія издѣлія. Только торговля опіумомъ производится на звонкую, больше на серебряную монету.

Одинъ изъ новыхъ путешественниковъ, именно г. Нопичъ, сдѣлавшій путешествіе вокругъ свѣта на датскомъ корветѣ *Галатея*, подъ командою г. Стенъ-Билля, издалъ въ особой книгѣ собранныя имъ свѣдѣнія о торговлѣ посѣщенныхъ имъ мѣстъ. Это добросовѣстный и полезный трудъ. Хотя Нопичъ былъ въ Китаѣ въ 1847—1848 годахъ, а съ-тѣхъ-поръ торговая статистика много измѣнилась, особенно въ итогахъ; но нѣкоторые общіе выводы и данныя сохраняютъ силу до-сихъ-поръ. Между-прочимъ нельзя не привести дѣльнаго его совѣта: при отправленіи товаровъ въ Китай, строго сообразоваться со вкусомъ и привычками китайцевъ: сукна, напримѣръ, и прочія подобныя издѣлія, должны быть изготовляемы по любимымъ ихъ образцамъ, извѣстныхъ цвѣтовъ, извѣстной мѣры. Онъ даже даетъ мелочныя, но полезныя наставленія, какъ укладывать матеріи, какими ярлыками снабжать и т. п. Совѣтуетъ еще не подчивать китайцевъ образчиками, съ обѣщаніемъ, если понравится товаръ, привезти въ другой разъ: «китайцы», говоритъ онъ, «любятъ, увидѣвши вещь, купить тотчасъ же, если она приходится по вкусу».

Теперь, послучаю волненій въ Китаѣ, торговля сто-

нетъ, кризисъ въ полномъ разгарѣ. Далеко отзовется этотъ ударъ, нанесенный торговлѣ; его, какъ ударъ землетрясенія, почувствуютъ Гон-Конгъ, Сингапуръ, Индія, Англія и Соединенные Штаты. Хотя торгъ, особенно опіумомъ, не прекратился, но всѣ китайскіе капиталисты разбѣжались, ушли внутрь, и сбытъ производится лѣниво, сравнительно съ прежнимъ, и все-таки громадно само-по-себѣ. Въ самомъ Шанхаѣ лавки и домы заперты, богатые купцы выбрались, а оставшіеся заплатили контрибуцію инсургентамъ. Одинъ изъ этихъ купцовъ оказался католикомъ и былъ обложенъ пошлиною въ восемьдесятъ тысячъ испанскихъ піастровъ; но дѣло кончилось, кажется, на шести или семи тысячахъ.

Суда, хотя и не въ прежнемъ числѣ, продолжаютъ подвозить товары въ городъ и окрестности, мимо таможни. Таутай однакожъ протестовалъ противъ явнаго нарушенія таможенныхъ правилъ и отнесся къ англійскому консулу, требуя уплаты пошлинъ. Тотъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, имѣетъ ли право мѣстная власть требовать пошлинъ, когда она не въ силахъ ограждать торговлю, о которой купцы должны заботиться сами. Во всякомъ случаѣ, рѣшеніе дѣла оставлено до конца войны, а конца войны не предвидится, судя по началу; по-крайней-мѣрѣ шанхайская война скоро не кончится.

Въ Нанкинѣ, лежащемъ повыше на Янсекіянѣ, теперь главный пунктъ инсургентовъ. Тамъ же живетъ и главный начальникъ ихъ, и вмѣстѣ претендентъ на престолъ, Тайпинъ-Ванъ. Нанкинскіе инсургенты считаютъ Шанхай слишкомъ ничтожнымъ пунктомъ, и оттого не посылаютъ туда подкрѣпленія. Французскій полномочный Бурбулонъ, ѣздилъ, со свитою на пароходѣ, въ Нанкинъ: Тайпинъ-Ванъ не принялъ его, а предоставилъ видѣться

съ нимъ своему секретарю. На вопросъ француза, какъ намѣрено дѣйствовать новое правительство, если оно утвердится, Тайпинъ-Ванъ отвѣчалъ, что подданные его, *какъ христіане*, приходятся европейцамъ братьями и будутъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, но что обязательствами себя никакими не связываютъ. Тотъ такъ и воротился, съ чѣмъ поѣхалъ. Но отвѣтъ этотъ принятъ европейцами глубоко къ свѣдѣнію. Вся эта возставшая сволочь объявляетъ себя христіанами. Христіанство это водворено протестантами, или пробравшимися съ востока несторіянами, и смѣшалось съ буддизмомъ.

Впрочемъ оно пробирается туда всѣми возможными путями. И знаете ли, что̀ содѣйствуетъ его водворенію? религіозный индефферентизмъ китайцевъ! У нихъ нѣтъ фанатизма, они не заразились имъ даже отъ буддистовъ. Ученіе Конфуція—не религія, а просто обиходная нравственность, практическая философія, немѣшающая никакой религіи. Католическое духовенство, правда, не встрѣтитъ въ массѣ китайскаго народа той пылкости, какой оно требуетъ отъ своихъ послѣдователей, развѣ этотъ народъ перевоспитается совсѣмъ, но этого долго ждать: за-то не встрѣтитъ, и не встрѣчаетъ, до сихъ поръ, и фанатическаго сопротивленія, а только лѣнивое, систематическое противодѣйствіе со стороны правительства, какъ политическую предосторожность.

Практическому и промышленному духу китайцевъ, кажется, болѣе по плечу духъ протестанской, нежели католической проповѣди. Протестанты начали торговлей и привели напослѣдокъ религію. Китайцы обрадовались первой и незамѣтно принимаютъ вторую, которая ни въ чемъ имъ не мѣшаетъ. Католики, напротивъ, начинаютъ религіей и хотятъ преподавать ее съ-разу, со всею ея чисто-

тою и безкорыстнымъ поклоненіемъ, тогда-какъ у китайцевъ не было до-сихъ-поръ ничего, похожаго на религіозную идею. Есть у нихъ, правда, поклоненіе небеснымъ духамъ, но это поклоненіе, не только не вмѣняется въ долгъ народной массѣ, но составляетъ, какъ я уже, кажется, замѣтилъ однажды, привиллегію и обязанность только богдыхана.

Мнѣ въ Шанхаѣ подарили три книги на китайскомъ языкѣ: новый завѣтъ, географію и езоповы басни — это забота протестанскихъ миссіонеровъ. Они переводятъ и печатаютъ книги въ Лондонѣ — страшно сказать, въ какомъ числѣ экземпляровъ: въ мильйонахъ, привозятъ въ Китай и раздаютъ даромъ. Мнѣ называли имя англійскаго богача, который пожертвовалъ, вмѣстѣ съ другими, огромныя суммы на эти изданія. Медгорстъ—одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ миссіонеровъ: онъ живетъ тридцать лѣтъ въ Китаѣ и безпрерывно подвизается въ пользу распространенія христіанства; переводитъ европейскія книги на китайскій языкъ, ѣздитъ изъ мѣста на мѣсто. Онъ теперь живетъ въ Шанхаѣ. Наши синологи были у него и пріобрѣли много изданныхъ имъ книгъ, довольно-рѣдкихъ въ Европѣ. Нѣкоторыя онъ имъ подарилъ.

Одно заставляетъ бояться за успѣхъ христіанства: это соперничество между распространителями; оно, къ сожалѣнію, отчасти уже существуетъ. Католическіе миссіонеры запрещаютъ своимъ ученикамъ имѣть книги, издаваемыя протестантами, которые привезли и роздали, между-прочимъ въ Шанхаѣ, нѣсколько десятковъ тысячъ своихъ изданій. Изданія эти достались, большею частью, китайцамъ-католикамъ, и они принесли ихъ своимъ наставникамъ, а тѣ сожгли.

Былъ ужь седьмой часъ, когда я и К. стали сбираться

обѣдать къ американскому консулу. Надо было бриться, одѣваться, и все это въ холодѣ, въ тѣснотѣ, на бивуакахъ. «Вы вѣрно мои бритвы взяли?» скажетъ мнѣ К., шаря по всѣмъ угламъ. «Нѣтъ, не бралъ; а вотъ вы не надѣли ли мои сапоги: я что-то не вижу ихъ? Тутъ ихъ цѣлая куча лежала, а теперь нѣтъ». Тяжело, кажется, безъ слуги, доставать платье изъ глубины туго набитаго чемодана.—«Ну, ужь эти путешествія!» слышится изъ сосѣдней комнаты, гдѣ такой же труженикъ, какъ мы, собирался тоже на обѣдъ, и собственноручно, охая, со стономъ, чиститъ фракъ. Щетка вырывается изъ непривычныхъ рукъ, вмѣстѣ съ платьемъ, и сопровождаемая бранью, падаетъ на полъ.

Мы пришли въ самую пору, т. е. послѣдніе. Въ гостинной собралось человѣкъ восемь. Кромѣ насъ четверыхъ, или пятерыхъ, тутъ были командиры англійскихъ и американскихъ судовъ, и еще какіе-то негоціанты, да молодые люди, служащіе въ конторѣ Каннингама, тоже будущіе негоціанты.

Столъ былъ заставленъ блюдами. «Кому ѣсть всю эту массу мясъ, птицъ, рыбъ?»—вотъ вопросъ, который представится каждому, не-англичанину и не-американцу. Но надо знать, что въ Англіи и въ Соединенныхъ Штатахъ, для слугъ особеннаго стола не готовится: они ѣдятъ то же самое, что̀ и господа, оттого нечего удивляться, что чуть не цѣлые быки и бараны подаются на столъ.

Кругомъ по столу ходили постоянно три графина, съ портвейномъ, хересомъ и мадерой, и останавливались на минуту передъ каждымъ гостемъ. Всякій нальетъ себѣ, чего ему вздумается. Шампанское человѣкъ разносилъ въ теченіе цѣлаго обѣда и наливалъ сейчасъ же, какъ только замѣтитъ у кого-нибудь пустую рюмку. «Г. Каннингамъ же-

лаетъ выпить съ вами рюмку вина», сказалъ, чисто по-англійски, наливая мнѣ шампанскаго, китаецъ, одѣтый очень порядочно и похожій, въ своемъ костюмѣ, немного на нашихъ богатыхъ ярославскихъ бабъ. Онъ говорилъ это почти каждому гостю. Выпить съ кѣмъ-нибудь рюмку вина — значитъ поднять свою рюмку, показать ее тому, съ кѣмъ пьешь, а онъ покажетъ свою, потомъ оба кивнутъ другъ другу и выпьютъ. Черезъ минуту сосѣди мои стали пить со мной по рюмкѣ, а тамъ пошло наперекрестъ, кто съ кѣмъ хотѣлъ.

Это была бы сущая напасть для непьющихъ, еслибъ надо было выпивать по цѣлой рюмкѣ: но никто не обязывается къ этому. Надо только налить, или долить рюмку, а выпить можно хоть каплю.

Вино у Каннингама, разумѣется, было прекрасное; ему привозили изъ Европы. Вообще же въ продажѣ въ этихъ мѣстахъ, т. е. въ Сингапурѣ, Гон-Конгѣ и Шанхаѣ, вина никуда не годятся. Хересъ, мадера и портвейнъ, сильно приправлены алькоголемъ, заглушающимъ нѣжный букетъ винъ Пиринейскаго полуострова. Да ихъ большею частью возятъ не оттуда, а съ мыса Д. Н. Шампанское идетъ изъ Америки, и просто никуда не годится. Это американское шампанское свирѣпствуетъ на Сандвичевыхъ островахъ, и вотъ теперь проникло въ Китай.

Все убрали, кромѣ вина, и поставили десертъ: все то же, что и въ трактирѣ, т. е. гранаты, сухія фиги или жужубы, орѣхи, мандарины, памиль-муссъ, и наконецъ тѣ маленькіе апельсины или померанцы, которые я такъ неудачно попробовалъ на базарѣ. «Развѣ это ѣдятъ?» спросилъ я своего сосѣда. «Yes, o yes!» отвѣчалъ онъ, взялъ одинъ померанецъ, срѣзалъ верхушку, выдавилъ всю внутренность, съ косточками, на тарелку, а пустую кожу съѣлъ.—

«Что такое, развѣ это хорошо?»—«Попробуйте!»—Я попробовалъ: кожа сладкая и ароматическая, между-тѣмъ какъ внутри кисло. Все навыворотъ: у фруктовъ ѣдятъ кожу, а внутренность бросаютъ!

Я далъ сильный промахъ и едва-едва поправился. Подали кофе и сигары. «Мнѣ очень нравятся англійскіе обычаи», сказалъ я, «по окончаніи обѣда остаются за столомъ, ѣдятъ фрукты, пьютъ вино, курятъ и разговариваютъ...» — «У англичанъ не курятъ», живо перебилъ мой сосѣдъ: «это нашъ обычай». Я смотрю на него, что̀ онъ такое говоритъ. Я попался: онъ не англичанинъ, я въ гостяхъ у американцевъ, а хвалю англичанъ. Сидѣвшій напротивъ меня Б. К. закашлялся своимъ смѣхомъ. Но кто жь ихъ разберетъ: говорятъ, молятся, ѣдятъ одинаково и одинаково ненавидятъ другъ друга!

Послѣ обѣда насъ повели въ особыя галлереи играть на бильярдѣ. Хозяинъ и нѣкоторые гости, узнавъ, что мы собираемся играть русскую, пятишаровую партію, пришли было посмотрѣть, что̀ это такое, но какъ мы съ П., въ теченіе получаса, не сдѣлали ни одного шара, то они постояли, да и ушли, составивъ себѣ, вѣроятно, не совсѣмъ выгодное понятіе о русской партіи.

Третій, пятый, десятый, и такъ далѣе, дни текли однообразно. Мы читали, гуляли, разсѣянно слушали пальбу инсургентовъ и имперіялистовъ, обѣдали три раза въ день, передѣлали всѣ свои дѣла, отправили почту, и между-прочимъ адмиралъ отправилъ, курьеромъ въ Петербуртъ, лейтенанта Кроуна, съ донесеніями, образчиками товаровъ, и прочими результатами нашего путешествія до сихъ мѣстъ. Стало скучно. Куда бы нибудь въ другое мѣсто пора! твердили мы. Всѣхъ здѣсь знаемъ и всѣ знаютъ насъ. Со всѣми кланяемся и разговариваемъ.

Утромъ, 6-го декабря, въ самый зимній и самый великолѣпный солнечный день, съ 15° тепла, собрались мы вчетверомъ гулять на цѣлый день: О. А. В. А. К., П—тъ и я. Мы долго шли берегомъ до самаго дока, противъ котораго стояла шкуна. На плоту переѣхали рукавъ Вусуна, тамъ же переѣзжало много китайцевъ на другомъ плоту. Какой-то старый купецъ хотѣлъ прыгнуть къ намъ на плотъ, когда этотъ отвалилъ уже отъ берега, но не попалъ и бухнулся въ воду, къ общему удовольствію собравшейся на берегу публики. Старикъ держалъ за руку сына, или внука, мальчика лѣтъ семи: и тотъ упалъ. Тата, тата! (тятя) кричалъ онъ въ водѣ. П—тъ, пылкій мой сосѣдъ, являющійся всегда, когда надо помочь кому-нибудь, явился и тутъ и вытащилъ мальчика, а другіе—старика.

Мы заѣхали на шкуну. Тамъ, у борта, застали большую китайскую лодку, съ разными бездѣлками: рѣзными вещами изъ дерева, вазами, тростями изъ бамбука, каменными изваяніями идоловъ и т. п. Я хотя и старался пройти мимо искушенія, закрывъ глаза и уши, однако купилъ этихъ пустяковъ долларовъ на десять. Мы слегка позавтракали на шкунѣ и, воротясь на берегъ, прошли чрезъ докъ. Докъ безъ шлюзъ, а просто съ проходомъ, который закладывается иломъ, когда судно впустятъ туда; а надо выпустить—илъ выкидывается на берегъ, въ кучу: работа нелегкая! Но что̀ значитъ трудъ для китайцевъ? Докъ принадлежитъ частному человѣку, англичанину, кажется. Большое пространство около дока завалено камфарными деревьями, необыкновенно длинными и толстыми. Этотъ лѣсъ идетъ на разныя корабельныя надобности.

Оттуда мы вышли въ слободку, окружающую докъ, и по узенькой улицѣ, наполненной лавчонками, дымящимися харчевнями, толпящимся, продающимъ, покупающимъ на-

родомъ, вышли на рѣчку, прошли чрезъ съѣстной рынокъ, кое-гдѣ останавливаясь. Видѣли какіе-то неизвѣстные намъ фрукты, или овощи, темные, сухіе, немного похожіе видомъ на каштаны, но съ рожками. О. А. указалъ еще на орѣхи, называя ихъ «водяными грушами».

В. А. К., который способенъ ѣсть все не морщась, что̀ попадетъ подъ-руку—китовину, сивуча, что̀ хотите, пробуетъ все съ рѣдкимъ самоотверженіемъ и не нахвалится. Много разныхъ подобныхъ лакомствъ, орѣховъ, пряниковъ, пастилъ и т. п. продается на китайскихъ улицахъ.

Съ рѣчки мы повернули направо и углубились въ поля. Точно залы, а не нивы. Мы шли по маленькимъ, возвышающимся надъ нивами тропинкамъ, которыя разграничиваютъ поля. На межахъ растутъ большія деревья. Деревень нѣтъ, все фермы. Каждый крестьянинъ живетъ отдѣльно въ огороженномъ домѣ, среди своего поля, которое и обработываетъ. Похоже на Англію. На многихъ поляхъ видѣли надгробные памятники, то черезчуръ простые, то слишкомъ затѣйливые. Больше все квадратные, или продолговатые камни, а на одномъ полѣ видѣли изваянныя, изъ бѣлаго камня, группы лошадей и всадниковъ. Грубо сдѣлано. Надо вспомнить, что̀ и за артисты работаютъ эти вещи!

Пробираясь чрезъ большое поле гуськомъ, по узенькой тропинкѣ, мы вдругъ остановились всѣ четверо. Вдали шла процессія: носильщики несли... сундукъ не сундукъ — «гробъ» сказалъ кто-то. Мы бросились въ ту же сторону: она остановилась на одномъ полѣ. За гробомъ шло нѣсколько женщинъ, всѣ въ широкихъ бѣлыхъ платьяхъ, повязанныя бѣлыми же платками, нѣсколько дѣтей и собака. Носильщики поставили гробъ, женщины выли, или «вопили», какъ говорятъ у насъ въ деревняхъ. Четыре

изъ нихъ дѣлали это равнодушно, какъ-будто по долгу приличія, а можетъ-быть онѣ были и нанятыя плакальщицы; за то пятая, пожилая, заливалась горькими слезами. Тѣ, замѣтя насъ, застыдились и понизили голоса; дѣти робко смотрѣли на гробъ, собака съ повисшимъ хвостомъ, увидя насъ, тихо заворчала. Пятая женщина не обращала ни на что̀ вниманія; она была поглощена горемъ. Рыдая, она что-то приговаривала; мы, конечно не понимали словъ, но языкъ скорби одинъ вездѣ. Она бросалась на гробъ, обнимала его руками, клала на него голову, на минуту умолкала, потомъ, со стономъ начинала опять свою плачевную пѣснь. Тяжело было смотрѣть: мы еще скорѣе пошли прочь, нежели пришли, но насъ далеко провожалъ голосъ ея, прерываемый всхлипываніями и рыданіями. На мѣстѣ, гдѣ поставили гробъ, не было могилы. Китайцы сначала оставляютъ гробы просто, иногда даже открытыми, и потомъ уже хоронятъ.

Мы шли по полямъ, засѣяннымъ разными овощами. Фермы разсѣяны саженяхъ во стапятидесяти или двухстахъ другъ отъ друга. Заглядывали въ домы; «чинь-чинь» говорили мы жителямъ: они улыбались и просили войти. Изъ дверей одной фермы выглянулъ китаецъ, сѣдой, въ очкахъ, съ огромными круглыми стеклами, державшихся только на носу. Въ рукахъ у него была книга. О. А. взялъ у него книгу, снялъ съ его носа очки, надѣлъ на свой, и сталъ читать вслухъ по-китайски, какъ по-русски. Китаецъ и ротъ разинулъ. Книга была — Конфуцій.

Мы пошли обратно къ городу, повременамъ останавливаясь и любуясь яркой зеленью посѣвовъ и правильно изрѣзанными полями, засѣянными рисомъ и хлопчато-бумажными кустарниками, которые очень некрасивы безъ

бумаги: просто сухіе, черные прутья, какіе остаются на выжженномъ мѣстѣ. Голоногіе китайцы, стоя по колѣно въ водѣ, вытаскивали пучки рисовыхъ колосьевъ и пересаживали ихъ на другое мѣсто.

Въ предмѣстьи мы опять очутились въ чаду китайской городской жизни; опять охватили насъ разные запахи, въ ушахъ раздавались крики разнощиковъ, трещанье и шипѣнье кухни, хлопанье на бумаго-прядильняхъ. Ахъ, какая духота! вонъ, вонъ, скорѣй на чистоту, мимо интересныхъ сценъ! Однакожь я успѣлъ замѣтить, что у одной лавки купецъ, со всѣми признаками нѣги, сидѣлъ на улицѣ, зажмуривъ глаза, а жена чесала ему сѣдую косу. Другіе у лавокъ ѣли, брились.

Подходя къ перевозу, мы остановились посмотрѣть прелюбопытную машину, которая качала изъ бассейна воду вверхъ на террасы; для орошенія полей. Это — длинная, движущаяся на своей оси лѣстница, ступеньки которой загребали воду и тащили вверхъ. Машину приводила въ движеніе корова, ходя по вороту кругомъ. Здѣсь, какъ въ Японіи, говядину не ѣдятъ: не достало бы мѣстъ для пастбищъ; скота держатъ столько, сколько нужно для работы, отъ этого и коровы не избавлены отъ ярма.

Мы скучно и безпечно жили до 15-го декабря, какъ вдругъ получены были съ почтой извѣстія о близкомъ разрывѣ съ западными державами. Съ часу на часъ ждали парохода съ ост-индской почтой; и еслибъ она пришла съ извѣстіемъ о войнѣ, нашу шкуну могли бы захватить англійскія военныя суда. Нашъ 52-пушечный фрегатъ и 20-пушечный корветъ, конечно, сильнѣе здѣшнихъ судовъ, но они за 90 миль, а въ Вусунъ войти, по мелководью, не могутъ. Командиру шкуны и бывшимъ въ Шанхаѣ офицерамъ отдано было приказаніе торопиться къ Saddle Islands,

для соединенія съ отрядомъ. Мнѣ предоставлено на волю: остаться, или воротиться потомъ на китайской лодкѣ. Это крытыя и большія лодки, изъ бамбука, гладкія, лакированныя, съ рѣзьбой и разными украшеніями. Но ѣхать на нихъ девяносто миль — мученье: тѣсно и безпокойно, да и окатитъ соленой водой не одинъ разъ.

Я не зналъ, на что̀ рѣшиться, и мрачно сидѣлъ на своемъ чемоданѣ, пока товарищи мои шумно выбирались изъ трактира. Кули приходили и выходили, таская поклажу. Всѣ ушли; девятый часъ, а шкунѣ въ 10 часу велѣно уйти. Многіе изъ нашихъ обѣдаютъ у Каннингама, а другіе отказались, въ томъ числѣ и я. Это прощальный обѣдъ. Наконецъ я быстро собрался, позвалъ писаря нашего, который жилъ въ трактирѣ, для переписки бумагъ, велѣлъ привести двухъ кули и мы отправились.

Они на толстой бамбуковой жерди, съ большими крашеными фонарями, понесли мой чемоданъ, покрикивая «аа-аа-аа». Я и писарь едва успѣвали слѣдовать за ними. Пришли къ пристани: темнота; ни души тамъ, ни одной лодки. Кули крикнулъ: изъ кучи джонокъ, слабо отозвался кто-то и замолчалъ, но никто не ѣхалъ. Кули обернулся въ другую сторону и крикнулъ громче. Около одного судна послышалась возня и зашевелилось весло: плыла лодка. Въ это же время послышалось сильное движеніе веселъ и отъ джонокъ. Наконецъ мы поѣхали; все темно; только рѣка блистала отъ звѣздъ, какъ стекло. Мы чрезъ полчаса едва добрались до шкуны. Вдали, въ городѣ, попаливали.

На шкунѣ биткомъ набито народу: нѣкоторымъ и сѣсть было негдѣ. Но въ Вусунѣ многіе отдѣлились на транспортъ и стало посвободнѣе. Спали на полу, по каютамъ, по лавкамъ — вездѣ, гдѣ только можно. Я легъ въ капи-

танской каютѣ, гдѣ горой лежали ящики, узлы, чемоданы. Бараны и куры, натисканные въ клѣткахъ, крикомъ безпрестанно напоминали о себѣ. Между ними была пара живыхъ фазановъ, которые, вѣроятно, въ первый разъ попали въ такое демократическое общество. Противъ меня лежалъ О. А. Онъ видно разсуждалъ о чемъ-нибудь, хотѣлъ, кажется, сказать что-то, да неуспѣлъ и заснулъ. На лицѣ осталось раздумье, ротъ отворенъ, онъ опирается на локоть и табакерка въ рукѣ. «Непремѣнно упадетъ, думалъ я, лишь только качнетъ посильнѣе». А покачивало. Я все ждалъ, какъ это случится, да и самъ заснулъ. Въ просонкахъ видѣлъ, какъ пришелъ К., посмотрѣлъ на насъ, на оставленное ему мѣсто, втрое меньше того, что̀ ему нужно по его росту, подумалъ и легъ, положивъ ноги на полъ, а голову куда-то, кажется, на полку. Пришелъ П. А. Т., учтиво попросилъ у насъ позволенія лечь на полу: «надѣюсь, что вы позволите мнѣ», началъ онъ, по своему обыкновенію, краснорѣчиво, «занять мѣстечко: я не намѣренъ никого обременять, но въ подобномъ случаѣ тѣснота неизбѣжна, и потому» и т. д. Ему никто не отвѣтилъ, всѣ спали или дремали; онъ вздохнулъ, разостлалъ какую-то кожу, потомъ свое пальто, и легъ съ явнымъ прискорбіемъ. Утромъ онъ горько жаловался мнѣ, что мое одѣяло падало ему на голову и щекотало по лицу.

Лишь только вышли за баръ, въ открытое море, Г. отдалъ обычную свою дань океану; глядя на него то же сдѣлалъ, съ великимъ неудовольствіемъ, О. А. Изъ неморяковъ, меня только одного ни разу не потревожила морская болѣзнь: я не испыталъ и непонялъ ее.

Къ вечеру мы завидѣли наши, качающіяся на рейдѣ суда, а часовъ въ семь бросили якорь и были у себя—дома. Дома! Что̀ называется иногда домомъ? Какая насмѣшка!

*

Прощайте. Не сѣтуйте, если это письмо покажется вамъ вяло, скудно наблюденіями, или фактами, и сухо: пеняйте столько же на меня, сколько и на Янсекіянъ и его берега: они тоже скудны и незанимательны, нельзя сказать только сухи: немудрено, что они такъ отразились и въ моемъ письмѣ.

III.

РУССКІЕ ВЪ ЯПОНІИ.

Взаимные подарки.—Новыя лица.—Извѣстія о японскихъ полномочныхъ.—Условія свиданія съ ними.—Новый годъ.—Опять поѣздъ въ Нагасаки.—Салютъ.—Полномочные и оба губернатора.—Привѣтствія; обѣдъ; разговоры.—Междометія.—Посѣщеніе полномочными фрегата.—Встрѣча; обѣдъ.—Подарки.—Японскія сабли.—Парадный пріемъ и обѣдъ у японцевъ.—Подарки отъ сіогуна.—Письма отъ верховнаго совѣта.—Частыя поѣздки въ Нагасаки для конференцій.—Японскій новый годъ.—Вторичное посѣщеніе фрегата полномочными.—Прощальный обѣдъ у нихъ.—Отъѣздъ.

Опять нагасакскій рейдъ.

Четверо сутокъ шли мы назадъ, отъ Saddle-Islands *домой* — такъ называли мы Нагасаки, гдѣ обжились въ три мѣсяца, какъ дома, хотя и разсчитывали придти въ два дня. Но мы не разсчитывали на противный вѣтеръ, а онъ продержалъ насъ часовъ сорокъ почти на одномъ мѣстѣ. На этомъ коротенькомъ переходѣ не случилось ничего особеннаго. Я не упоминаю о качкѣ: это не особенное въ морѣ. Въ концѣ четвертыхъ сутокъ, увидѣли

острова Гото, потомъ все скрылось въ темнотѣ. До-сихъ-поръ хлопотали, какъ бы скорѣе придти, а тутъ начали стараться не приходить скоро. Убавили парусовъ, и стали дѣлать около пяти миль въ часъ, чтобы у входа быть не прежде разсвѣта. Мы незамѣтно подкрались къ Нагасаки.

Рано утромъ услыхалъ я шумъ, топотъ; по временамъ мелькала въ мое окошечко облитая солнцемъ, зеленая вершина знакомаго холма. Ѳаддеевъ принесъ чай и сказалъ, что японецъ пріѣзжалъ ужь съ бумагой, съ которой, по формѣ, является на каждое иностранное судно. «Да мы на якорѣ, что ли?» спросилъ я. — «Никакъ нѣтъ еще». — «Вѣдь мы на рейдѣ?» — «Точно такъ». — «Зачѣмъ же дѣло стало?» — «Лавируемъ: противный вѣтеръ, не подошли съ полверсты». — Но вотъ и дошли, вотъ раздалась команда: «изъ бухты вонъ!» потомъ «якорь отдать!» Стали; я вышелъ на палубу.

Немного холодно, какъ у насъ въ сентябрскій день съ солнцемъ, но тихо. Нагасакскій ковшъ синѣетъ, какъ само небо; вода чуть-чуть плещется. Холмы тѣ же, да не тѣ: бурые, будто выжженные солнцемъ. Такіе точно въ прошломъ году, мѣсяцомъ позже, явились мнѣ горы Мадеры. И здѣсь, какъ тамъ, молодая зелень проглядываетъ мѣстами, но какая разница! Тамъ цвѣтущіе сады, плющъ и виноградъ вьются фестонами по стѣнамъ, цвѣты стыдливо выглядываютъ изъ-за заборовъ, въ январѣ вѣетъ теплый воздухъ, растворенный кипарисомъ, миртомъ и эліотропомъ; тамъ храмы, виллы, вино, женщины — полная жизнь! Здѣсь — огороды съ рѣдькой и морковью, заборы, но безъ цвѣтовъ, деревянныя кумирни, а не храмы, вмѣсто вина — саки; есть и женщины, но какія? Первая страница жизни — и въ добавокъ холодъ!

Опять пошло попрежнему. Вотъ и японцы ѣдутъ: баніосы: съ ними Сьоза. Они пріѣхали поздравить съ пріѣздомъ. Поговоривъ съ П—мъ въ капитанской каютѣ, явились на ютъ къ адмиралу, съ почтеніемъ. Ойе-Саброски, съ дѣтскимъ личикомъ своимъ, былъ тутъ старшій. Присѣвъ передъ адмираломъ, онъ ужь искалъ вокругъ глазами, какъ бы сшалить что-нибудь.—«А! Г.! Г.!» закричалъ онъ дѣтскимъ голосомъ, увидѣвъ меня, и засмѣялся; но его остановилъ серьёзный вопросъ: «тутъ ли полномочные?»—«Будутъ, чрезъ три дня», отвѣчалъ онъ чрезъ Сьозу.—«Если не будутъ», приказано было прибавить, «мы идемъ, куда располагали, въ Едо. Время дорого и терять его не станемъ. Полномочные, можетъ-быть, ужь здѣсь, да вы не хотите намъ сказать».—«Нѣтъ, ихъ нѣтъ», начали они увѣрять. Угроза такъ подѣйствовала на нихъ, что они сейчасъ же скрылись.

Вечеромъ я читалъ у себя, въ каютѣ: слышу, за стѣной какъ-будто колятъ лучину. «Что тамъ?» спрашиваю. — «Да японцы тутъ».—«Опять? Кто жь это лучину ломаетъ?»—Это разговариваетъ Кичибе. Я пошелъ въ капитанскую каюту и засталъ тамъ Эйноске, Кичибе, старшаго изъ баніосовъ, *Хагивари Матаса*, опять Ойе-Саброски, и еще двухъ подставныхъ: все знакомыя лица. «Здравствуй, Эйноске! здравствуй, Кичибе!»—Кичибе загорланилъ мое имя, Эйноске подалъ руку, Ойе засмѣялся, а Хагивари потупился, какъ быкъ, и подалъ мнѣ кулакъ. Тутъ же былъ и тотъ подставной баніосъ, который однажды такъ ласково, какъ добрая тётка, смотрѣлъ на меня.

Ихъ повели къ адмиралу. «Губернаторы приказали кланяться и поздравить съ благополучнымъ пріѣздомъ», сказалъ Хагивари. Кичибе четыре раза повернулся на стулѣ, крякнулъ и началъ давиться смѣхомъ, произнося каждый

слогъ отдѣльно. «Благодарите губернаторовъ за вниманіе», отвѣчали имъ. Кичибе перевелъ отвѣтъ: всѣ четыре бритыя головы баніосовъ наклонились разомъ. Опять Хагивари сказалъ что-то. «Ихъ превосходительства, губернаторы, приказали освѣдомиться о здоровьѣ», переводилъ Кичибе. — «Благодарите. Надѣемся, что и они здоровы», приказано отвѣчать. — Поклонъ и отвѣтъ: «совершенно здоровы». — «Губернаторы желаютъ», продолжалъ Кичибе, «чтобы впредь здоровье полномочнаго было удовлетворительно».—Имъ пожелали того же самаго.

Богъ знаетъ, когда бы кончился этотъ разговоръ, еслибъ баніосамъ не подали наливки и не повторили вопросъ: тутъ ли полномочные? Они объявили, что полномочныхъ нѣтъ и что они будутъ, не чрезъ три дня, какъ ошибкой сказали намъ утромъ, а чрезъ пять, и притомъ эти пять дней надо считать съ 8 или 9-го декабря... Имъ не дали договорить. — «Если въ субботу, сказано имъ (а это было въ среду) они не пріѣдутъ, то мы уйдемъ».—Они стали торговаться, упрашивать подождать только до ихъ пріѣзда, «а тамъ дѣлайте, какъ хотите», прибавили они.

Очевидно, что губернатору велѣно удержать насъ и онъ ждалъ высшихъ лицъ, чтобы сложить съ себя отвѣтственность во всемъ, что̀ бы мы ни предприняли. Впрочемъ положительно сказать ничего нельзя: можетъ-быть полномочные и дѣйствительно тутъ — какъ добраться до истины? всѣ средства къ обману на ихъ сторонѣ. Они могутъ сказать намъ, что одинъ какой-нибудь полномочный заболѣлъ въ дорогѣ и что трое не могутъ начать дѣла безъ него и т. п.—повѣрить ихъ невозможно.

Мы еще съ утра потребовали у нихъ воды и провизіи въ такомъ количествѣ, чтобъ намъ стало надолго, еслибъ мы пошли въ Едо. Баніосы привезли съ собой

много живности, овощей, фруктовъ и—не ящики, а цѣлые сундуки конфектъ, въ подарокъ отъ губернаторовъ. Имъ замѣтили, что ужь разъ было отказано въ принятіи подарка, потому-что губернаторъ не хотѣлъ самъ принимать отъ насъ ничего. Начались опять упрашиванья. Кичибе вылѣзалъ совсѣмъ изъ своихъ халатовъ, которыхъ, по случаю зимы, было на немъ до пяти, чтобъ убѣдить, но напрасно. Провизію велѣно было сгрузить назадъ въ шлюпки.

Тогда переводчики попросили позволенія съѣздить къ губернаторамъ, узнать ихъ отвѣтъ. Баніосы остались. Имъ показывали картинки, заводили маленькій органъ, всячески старались занять ихъ, а между-тѣмъ губернаторскій подарокъ пирамидой лежалъ на палубѣ. Свиньи, съ связанными ногами, дѣлали отчаянныя усилія встать и издавали пронзительный визгъ; пѣтухи, биткомъ набитые въ плетеную корзинку, дрались между собою, несмотря на тѣсноту; куры неистово кудахтали. По палубѣ носился запахъ чесноку, рѣдьки и апельсиновъ. «Хи, хи, хи!» твердилъ попрежнему въ каютѣ Кичибе, а Эйноске, тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ, распрашивалъ меня англійскимъ ломанымъ языкомъ, гдѣ мы были. «Въ Китаѣ», сказалъ я. —«Что видѣли?»—«Много, между прочимъ войну инсургентовъ съ имперіялистами». — «А еще?» — «Еще...» Я зналъ, чего онъ добивается, но мнѣ хотѣлось помучить его.—«Еще американцевъ», сказалъ я. «Кого же?» живо перебилъ онъ. — «Коммодора Перри»... — «Коммодора Перри?...» повторилъ онъ еще живѣе. — «Не видали, а видѣли капитана американскаго корвета «Саратога!» — «Саратога!...» Все это знакомыя японцамъ имена судовъ, бывшихъ въ Едо. — «Гдѣ жь Перри? въ Соединенныхъ Штатахъ?» спросилъ онъ, подвинувъ носъ свой почти

вплоть къ моему носу. — «Нѣтъ, не въ Соединенныхъ Штатахъ, а въ Амоѣ». — «Въ Амоѣ?» — «Или въ Нинпо». — «Въ Нинпо?» — «А можетъ-быть и въ Гон-Конгѣ», замѣтилъ я равнодушно.

Чрезъ полчаса онъ передалъ этотъ разговоръ Хагивари: я слышалъ названія: «Амой, Нинпо, Гон-Конгъ». Тотъ записалъ.

— Что бы вамъ съѣздить хоть въ Шанхай, сказалъ я Эйноске: — тамъ бы вы увидѣли образчикъ европейскаго города.

— О, да̀, отвѣчалъ онъ: — мнѣ бы хотѣлось больше: я желалъ бы ѣхать вокругъ свѣта. Эта мысль обольщаетъ меня.

— Да вотъ въ Россію поѣдемъ: — говорилъ я. Какіе города, храмы, дворцы! какое войско увидѣлъ бы тамъ!

— Въ Россію, нѣтъ, живо перебилъ онъ: — тамъ женщинъ нѣтъ!

— Кто это вамъ сказалъ? замѣтилъ я: — какъ женщинъ нѣтъ: plenty (много)! Да вы женаты?

— Да̀; у меня есть десятимѣсячная дочка; на дняхъ ей оспу прививали.

— Такъ что жь вамъ за дѣло до женщинъ? спросилъ я.

Онъ усмѣхнулся. Каковъ японскій донъ-Жуанъ!

Къ вечеру пришло отъ губернатора согласіе принять подарки. На счетъ пріѣзда полномочныхъ губернаторъ опять просилъ дать срокъ, вмѣсто субботы, до четверга, прибавивъ, что они имѣютъ полное довѣріе отъ правительства и большія права. Это все затѣмъ, чтобъ заинтересовать насъ ихъ пріѣздомъ. Баніосы сказали, что полномочные имѣютъ до шестисотъ человѣкъ свиты съ собой, и потому ѣдутъ медленно и не всѣ четверо вдругъ, а по одному. На это приказано отвѣчать, что если губернаторъ

поручится, что въ четвергъ назначено будетъ свиданіе, тогда мы подождемъ, въ противномъ случаѣ уйдемъ въ Едо.

Такое рѣшеніе, повидимому, очень обрадовало ихъ; поэтому, можно было заключить, что если не всѣ четверо, то хоть одинъ полномочный да былъ тутъ.

Живо убрали съ палубы привезенныя отъ губернатора конфекты и провизію и занялись распредѣленіемъ подарковъ съ нашей стороны. Въ этотъ же вечеръ съ баніосами отправили только подарокъ первому губернатору, Овосавѣ Бунгоно: малахитовые столовые часы, съ группой бронзовыхъ фигуръ, да двѣ хрустальныя вазы. Кромѣ того, послали ликеровъ, хересу и нѣсколько головъ сахару. У нихъ рафинаду нѣтъ, а есть только сахарный песокъ.

Надо было прибрать подарокъ другому губернатору, оппер-баніосамъ, двумъ старшимъ и всѣмъ младшимъ переводчикамъ, всего человѣкамъ двадцати. Хлопотъ бездна: нужно было перевернуть весь трюмъ на транспортѣ, достать зеркала, сукна, матеріи, карманные часы и т. п., потомъ назначать, кому что̀. Въ этомъ предстояло немалое затрудненіе: всѣхъ главныхъ лицъ мы знали по имени, а прочихъ нѣтъ; ихъ помнили только въ лицо; оттого въ спискѣ у насъ они значились подъ именами: косаго, тощаго, рябаго, колченогаго, а другіе носили названіе нѣкоторыхъ нашихъ земляковъ, на которыхъ походили. Кое-какъ уладили и это. Дня два возились съ подарками. Другому губернатору подарили трюмо, коврикъ и два разноцвѣтные, комнатные фонаря. Баніосамъ по зеркалу, еще сукна и матеріи на халаты. Никто не былъ забытъ, кто чѣмъ-нибудь былъ полезенъ. Самымъ мелкимъ чиновникамъ, подъ надзоромъ которыхъ возили воду и провизію, и тѣмъ дано было по халату и по какой-нибудь вещицѣ.

Сукна̀ у японцевъ нѣтъ и не всѣ они знаютъ о его употребленіи. Имъ нарочно дарили его, чтобъ они узнавали, что̀ это такое, и привыкали носить. Потребность есть: зимой они носятъ по три, по четыре халата изъ льняной матеріи, которые не замѣнятъ и одного суконнаго. А простой народъ ходитъ, когда солнце грѣетъ, совсѣмъ нагой, а въ холодъ накидываетъ на плечи какую-то тряпицу. Жалко было смотрѣть на бѣдняковъ, какъ они, съ обнаженною грудью, плечами и ногами, тряслись, посинѣлые отъ холода, ожидая часа по три на своихъ лодкахъ, пока баніосы сидѣли въ каютѣ.

Еще дарили имъ зеркала, вмѣсто которыхъ они употребляютъ полированный металлъ, или даже фарфоръ; раздавали картинки, термометры, компасы, дамскіе несессеры, словомъ, все, что̀ могло возбудить любопытство и обратиться въ потребность.

На другой день, 24-го числа, въ рождественскій сочельникъ, погода была великолѣпная: трудно забыть такой день. Небо и море—это одна голубая масса; воздухъ теплый, безъ движенія. Какъ хорошъ Нагасакскій заливъ! и самые Нагасаки, облитые солнечнымъ свѣтомъ, походили на что-то путное. Между бурыми холмами, кое-гдѣ ярко зеленѣли молодые всходы новаго посѣва риса, пшеницы, или овощей. Поглядишь къ морю — это безконечная лазоревая пелена.

Въ этотъ день, вмѣстѣ съ баніосами, явился новый чиновникъ, по имени *Синоуара Томотаро*, принадлежащій къ свитѣ полномочныхъ и пріѣхавшій будто бы впередъ, а вѣроятнѣе вмѣстѣ съ ними. Всѣ они привезли увѣреніе, что губернаторъ отвѣчаетъ за свиданіе, т. е. что оно состоится въ четвергъ. И такъ мы остаемся.

Настала наконецъ самая любопытная эпоха нашего

пребыванія въ Японіи: завязывается путемъ дѣло, за которымъ прибыли, въ одно время, экспедиціи отъ двухъ государствъ. Мы толкуемъ, споримъ между собой о томъ, что̀ будетъ: вѣрнаго вывода сдѣлать нельзя съ этимъ младенческимъ, отсталымъ, но лукавымъ народомъ. Въ одномъ изъ прежнихъ писемъ, я говорилъ о способѣ ихъ дѣйствія: тутъ, какъ ни знай сердце человѣческое, какъ ни будь опытенъ, а трудно дѣйствовать, по обыкновеннымъ законамъ ума и логики, тамъ, гдѣ нѣтъ ключа къ міросозерцанію, нравственности и нравамъ народа, какъ трудно разговаривать на его языкѣ, не имѣя грамматики и лексикона.

Вчера предупредили японцевъ, что намъ должно быть отведено хорошее мѣсто, но ни одно изъ тѣхъ, которыя они показывали прежде. Они были готовы къ этому объясненію. Хагнвари сейчасъ же вынулъ и планъ изъ-за пазухи и указалъ, гдѣ будетъ отведено мѣсто: подлѣ города гдѣ-то.

«Тамъ есть кумирня» прибавилъ онъ: «бонзы на время выберутся оттуда». Кромѣ того, есть домъ, или два, откуда тоже выгоняютъ какихъ-то чиновниковъ. Завтра К. Н. П—тъ, по приказанію адмирала, ѣдетъ осмотрѣть. Губернаторы, кажется, всѣ силы употребляютъ угодить намъ, или, по-крайней-мѣрѣ, показываютъ видъ, что угождаютъ. Совсѣмъ противное тому, что̀ было три мѣсяца назадъ! Впечатлѣніе, произведенное въ Едо нашимъ прибытіемъ, назначеніе оттуда, для переговоровъ съ нами, высшихъ сановниковъ и, наконецъ, вѣроятно, данныя губернаторамъ инструкціи, какъ обходиться съ нами — все это много сбавило спѣси у ихъ превосходительствъ.

Мы на этотъ разъ подошли къ Нагасаки такъ тихо въ темнотѣ, что насъ съ мыса Номо и не замѣтили, и стали давать знать съ батарей въ городъ выстрѣлами о нашемъ приходѣ въ то время, когда уже мы становились

на якорь. Мы застали японцевъ въ расплохъ. Ни одной караульной лодки не было на рейдѣ; часа черезъ три онѣ стали-было являться, и довольно близко отъ насъ, но мы послали катеръ отбуксировать ихъ дальше. Шкуна и транспортъ вошли далеко въ нагасакскій заливъ и мы расположились какъ у себя дома. Лодки исчезли и уже не появлялись болѣе. Губернаторы предупреждаютъ наши желанія.

Сегодня, 26-го, чиновники пріѣзжали опять благодарить за подарки и опять показывали планъ мѣста. Ихъ тоже поблагодарили за провизію.

Рождество у насъ прошло, какъ-будто мы были въ Россіи. Проводивъ японцевъ, отслушали всенощную, вчера обѣдню и молебствіе, поздравили другъ друга, потомъ обѣдали у адмирала. Послѣ играла музыка. Эйноске, видя всѣхъ въ парадной формѣ, спросилъ, какой праздникъ. Хотя съ ними избѣгали говорить о христіанской религіи, но я сказалъ ему (надо же пріучать ихъ понемногу ко всему нашему): затѣмъ сюда пріѣхали.

Кажется, недалеко время, когда опять проникнетъ сюда Слово Божіе и водрузится крестъ, но такъ, что уже никакія силы не исторгнутъ его. Когда-то? Не дастъ ли Богъ намъ сдѣлать хотя первый и робкій шагъ къ тому? Хлопотъ будетъ не мало съ здѣшнимъ правительствомъ—такъ прочна (правительственная) система отчужденія отъ цѣлаго міра! Приняты всѣ мѣры противъ сближенія: не легко познакомить народъ съ нашимъ бытомъ и склонить его на сторону европейцевъ. Пока нѣтъ приманки, нѣтъ и искушеній: правительство понимаетъ это и строго запрещаетъ привозъ всякихъ предметовъ роскоши, и особенно новыхъ. Нашихъ подарковъ не дали чиновникамъ въ руки. Эйноске сказывалъ вчера, что списокъ ве-

щамъ отправляютъ въ Едо, и если оттуда пришлютъ разрѣшеніе, тогда и раздадутъ ихъ. На все у нихъ запрещеніе: Сегодня П—тъ даетъ баніосамъ серебряные часы, которые забыли отослать третьяго дня въ числѣ прочихъ подарковъ: чего бы, кажется, проще, какъ взять да прибавить къ прочимъ? Нѣтъ, нельзя, надо губернатора спросить, а тотъ отнесется въ совѣтъ, совѣтъ къ сіонуну, тотъ къ микадо—и пошло! Еще сказали имъ сегодня, что мѣсто поѣдутъ посмотрѣть съ П—мъ трое, вмѣсто двоихъ, какъ сказано прежде. Опять сомнѣніе и въ этихъ пустякахъ: даже готовились, послѣ долгихъ совѣщаній, отказать, да ихъ не послушали.

Итакъ во всемъ одинъ неизмѣнный порядокъ. Нарушить это, обратить ихъ къ здравому смыслу, ничѣмъ другимъ нельзя, какъ только силой. Они долго не допустятъ свободно ходить по своимъ городамъ, ѣздить внутрь страны, заводить частныя сношенія, даже и тогда, когда рѣшатся начать торговлю съ иностранцами. Если теперь японцамъ уже нельзя подчинить эту торговлю такимъ же ограниченіямъ, какимъ подчинены сношенія съ голландцами, то, съ другой стороны, иностранцамъ нельзя добровольно склонить ихъ дѣйствовать совершенно на европейскій ладъ. Ни хитрость, ни убѣжденія — не помогутъ. Одна надежда на ихъ трусость. Угроза со стороны европейцевъ и желаніе мира со стороны японцевъ, помогутъ выторговать у нихъ отмѣну нѣкоторыхъ стѣсненій. Словомъ, только внѣшнія чрезвычайныя обстоятельства, какъ я сказалъ прежде, могутъ потрясти ихъ систему, хотя народъ самъ-по-себѣ и способенъ къ реформамъ.

Сегодня, 28-го декабря, русскаго стиля, пріѣхали, Хагивари, Ойе-Саброски и Сабро, сказать, что полномочные прибыли. Эйноске и Кичибе, и тѣ были въ парадныхъ шел-

ковыхъ халатахъ, въ новыхъ кофтахъ (всегда черныхъ) и въ шелковыхъ юбкахъ. Первое свиданіе назначено въ четвергъ. Адмиралъ желаетъ, чтобы полномочные пріѣхали на фрегатъ, такъ какъ онъ уже былъ на берегу и передалъ бумаги отъ своего правительства, слѣдовательно теперь они, имѣя сообщить адмиралу отвѣтъ, должны также привезти его сами. Но еще не рѣшено, какъ это должно произойти.

Мѣсто видѣли: говорятъ, хорошо. Съ К. Н. Посьетомъ ѣздили: В. А. Римскій-Корсаковъ, И. В. Фуругельмъ и К. И. Лосевъ. Мѣсто отведено на лѣвомъ мысу, при входѣ изъ пролива на внутренній рейдъ. Сегодня говорили баніосамъ, что надо фрегату подтянуться къ берегу, чтобъ недалеко было ѣздить туда. Опять затрудненія, совѣщанія и наконецъ всегдашній отвѣтъ «спросимъ губернатора».

Спросили и губернатора, тотъ говоритъ, что надо еще кое-что убрать, что чиновники и бонзы не перебрались оттуда. Вчера и сегодня шли толки о свиданіи. Адмиралъ объявилъ, что не останется въ Нагасаки, если 1 (13) января не будетъ свиданія. Онъ приказалъ сказать, что ждетъ полномочныхъ къ себѣ, а они отвѣчали, что просятъ къ себѣ, говоря, что устали съ дороги. Адмиралъ предложилъ имъ нѣкоторыя условія, и подозрѣвая, что они не упустятъ случая, по обыкновенію, промедлить, объявилъ, что даетъ имъ сроку до вечера. Баніосы вечеромъ пріѣхали сказать, что полномочные согласны и просили дать имъ записку объ этихъ условіяхъ. Дали.

Сегодня, 30, просыпаемся, говорятъ, что Кичибе и Эйноске сидятъ у насъ съ шести часовъ утра—вотъ какъ живо стали поворачиваться! Первому особенно — бѣда: «люблю лежать и ничего не дѣлать!» твердитъ онъ. Пріѣхали ба-

ніосы и привезли бумагу, на голландскомъ и японскомъ языкахъ, въ которой изъявлено согласіе на всѣ условія, за исключеніемъ только двухъ: что, 1-е, *команда наша съѣдетъ на указанное мѣсто завтра же*. Говорятъ: еще несовсѣмъ готово мѣсто и просятъ подождать три дня; 2-е, *полномочные пріѣдутъ не на другой день къ намъ, а черезъ два дня*.

Адмиралъ не взялъ на себя труда догадываться, зачѣмъ это, тѣмъ болѣе, что японцы вѣрятъ въ счастливые и несчастные дни, и согласился лучше поѣхать къ нимъ, лишь бы за пустяками не медлить, а заняться дѣломъ.

Главныя условія свиданія состояли въ томъ, чтобы *одинъ изъ полномочныхъ встрѣтилъ адмирала при входѣ въ домъ, чтобы при угощеніи обѣдомъ или завтракомъ, присутствовали и они*, а не какъ хотѣлъ Овосава: накормить безъ себя. Далѣе, что *караулъ нашъ будетъ состоять изъ сорока человѣкъ, кромѣ музыкантовъ; офицеровъ будетъ втрое больше прежняго; что поѣдемъ мы на девяти шлюпкахъ. Наконецъ, мы съ своей стороны, встрѣтимъ полномочныхъ у себя съ должнымъ почетомъ, и между прочимъ будемъ салютовать пушечными выстрѣлами, если только они этого пожелаютъ*.

На послѣднее полномочные сказали, что дадутъ знать о салютѣ за день до своего пріѣзда. Но адмиралъ рѣшилъ, не дожидаясь отвѣта о томъ, примутъ ли они салютъ себѣ, салютовать своему флагу, какъ только наши катера отвалятъ отъ фрегата. То-то будетъ переполохъ у нихъ! Все остальное будетъ попрежнему, т. е. суда разцвѣтятся флагами, люди станутъ по реямъ и—такъ далѣе.

1854 годъ.

1 (13) января. Съ новымъ годомъ! Кàкъ вы проводили старый и встрѣтили новый годъ? Какъ всегда: собрались, по обыкновенію, танцовали, шумѣли, играли въ карты, потомъ зѣвнули не разъ, ожидая боя полночи, поймали наконецъ вожделѣнную минуту и взялись за бокалы — все одно, какъ пять, десять лѣтъ назадъ?

Въ первый разъ въ жизни случилось мнѣ провести послѣдній день стараго года какъ-то иначе, непохоже ни на чтò прежнее. Я обѣдалъ въ этотъ день у японскихъ вельможъ! Слушайте же, если вамъ не скучно, подробный разсказъ обо всемъ, чтò я видѣлъ вчера. Не берусь одѣвать всѣ вчерашнія картины и сцены въ ихъ оригинальный и яркій колоритъ. Обѣщаю одно: вѣрное, до добродушія, сказаніе о томъ, кàкъ мы провели вчерашній день.

Назначено было отвалить намъ отъ фрегата въ одиннадцать часовъ утра. Но извѣстно, что часъ и назначаютъ затѣмъ, чтобъ только знать, на сколько пріѣхать позже назначеннаго времени—такъ заведено въ хорошемъ обществѣ. И мы, какъ люди хорошаго общества, отвалили въ половинѣ перваго.

Вы улыбаетесь при словѣ *отваливать*: въ хорошемъ обществѣ оно не въ ходу; но у насъ, здѣсь, *отваливай*— фешёнэбльное слово.

Мы отвалили. Ѣхали на девяти шлюпкахъ, которыя растянулись на версту. Порядокъ тотъ же, какъ и въ первую поѣздку въ городъ, т. е. впереди ѣхалъ капитанъ-лейтенантъ Посьетъ, на адмиральской гичкѣ, чтобъ встрѣтить и разставить на берегу караулъ; далѣе, на барказѣ, самый караулъ, въ числѣ пятидесяти человѣкъ; за нимъ

катеръ съ музыкантами; потомъ катеръ со стульями и слугами, слѣдующіе два занимали офицеры: человѣкъ пятнадцать со всѣхъ судовъ. Наконецъ адмиральскій катеръ: въ немъ, кромѣ самого адмирала, помѣщались командиры со всѣхъ четырехъ судовъ: И. С. Уньковскій, капитанъ-лейтенанты, Р. Корсаковъ, Назимовъ и Фуругельмъ, лейтенантъ баронъ Крюднеръ, переводчикъ съ китайскаго языка, О. А. Гошкевичъ, и вашъ покорнѣйшій слуга. За тѣмъ ѣхали два вельбота и еще гичка, съ нѣкоторыми офицерами.

Люди стали по реямъ и проводили насъ, попрежнему, троекратнымъ «ура»; разноцвѣтные флаги, опять въ одно мгновеніе развязались и пали на снасти, какъ внезапно брошенная сверху куча цвѣтовъ. Музыка заиграла народный гимнъ. Впечатлѣніе было все то же, что̀ и въ первый разъ. Я ждалъ съ нетерпѣніемъ салюта: это была новость. Мнѣ хотѣлось видѣть, что̀ японцы?

Да, я забылъ сказать, что, за полчаса до назначеннаго времени, пріѣхалъ, какъ и въ первый разъ, старшій послѣ губернатора въ городѣ чиновникъ сказать, что полномочные ожидаютъ насъ. За нимъ, по японскому обычаю, тянулся цѣлый хвостъ баніосовъ и прочаго всякаго чина. Чиновникъ выпилъ чашку чаю, двѣ рюмки sherry brandy (вишневой наливки) и уѣхалъ.

Только японцы стали садиться на лодки, какъ адмиралъ поручилъ К. Н. Посьету сказать переводчикамъ, чтобы баніосы велѣли всѣмъ японскимъ лодкамъ подальше отойти отъ фрегата: салютовать, дескать, будутъ. Заранѣе онъ извѣщать объ этомъ не хотѣлъ, предвидя со стороны губернаторовъ возраженія и просьбы не салютовать. Баніосы такъ и оцѣпенѣли отъ этой неожиданной новости. Одинъ занесъ было ногу на трапъ, чтобъ сойти, да

и остался на нѣсколько секундъ съ поднятой ногой. Вся толпа остановилась за нимъ, а старшій чиновникъ сидѣлъ ужь въ своей лодкѣ и ждалъ другихъ. Очнувшись, баніосъ побѣжалъ къ нему передать новость и тотчасъ же воротился съ просьбою не салютовать, подождать, пока они дадутъ знать губернатору. Этого-то и не хотѣли. «Некогда, некогда», торопили мы ихъ: «поѣзжайте скорѣе, мы сейчасъ сами ѣдемъ». Нейдутъ съ лодки, да и только, все стоятъ у трапа, упрашиваютъ.

Мы предвидѣли смущеніе японцевъ и не могли удерживаться отъ смѣха. Я слышу слово «misverstand» отъ переводчика и подхожу узнать, что̀ такое: онъ говоритъ, что на ихъ батареяхъ люди не предупреждены о салютѣ, и оттого выйдетъ *недоразумѣніе*: станутъ, пожалуй, палить и они. «Нужды нѣтъ, пусть палятъ», говорятъ имъ: «такъ и слѣдуетъ—отвѣчать на салютъ». Все не рѣшаются уходить. «Пора, пора», торопили ихъ: «сейчасъ будутъ палить: вонъ ужь пошли по орудіямъ». Давно бы надо было сказать такъ. Раздалось такое дружное щелканье соломенныхъ сандалій по трапу, какого еще, кажется, не было. Они уѣхали и увели съ собой всѣ лодки.

Тронулись съ мѣста и мы. Только зашли наши шлюпки за носъ фрегата, какъ изъ бока послѣдняго вырвался клубъ дыма, грянулъ выстрѣлъ, и вдругъ горы проснулись и разомъ затрещали эхомъ, какъ-будто какой-нибудь гигантъ закатился хохотомъ. Другой выстрѣлъ, за нимъ выстрѣлъ на корветѣ, опять у насъ, опять тамъ: хохотъ въ горахъ удвоился. Выстрѣлы повторялись: то раздавались на обоихъ судахъ въ одно время, то перегоняли другъ друга: горы выходили изъ себя, а губернаторы, вѣроятно, пуще ихъ.

Если *японскому глазу больно*, какъ выразился губерна-

торъ въ первое свиданіе, видѣть чужія суда въ портахъ Японіи, то японскому уху еще, я думаю, больнѣе слышать ревъ чужихъ пушекъ. Ихъ пушки малы и выстрѣлы не будили горъ. Я смотрѣлъ на лодки, на японскія батареи: нигдѣ никакого движенія, только двѣ собаки мечутся взадъ и впередъ и ищутъ мѣста спрятаться, да негдѣ: побѣгутъ отъ выстрѣла къ горамъ, а оттуда гонитъ ихъ эхо. Но кончилось: пушки замолчали, горы опять заснули, собаки успокоились, на высотахъ показалось нѣсколько длиннополыхъ японскихъ фигуръ. Гребцы наши молчаливо, но сильно налегали грудью на весла. Мы углубились уже далеко въ заливъ, а дымъ отъ выстрѣловъ все еще лѣнивымъ узоромъ крался по водѣ, направляясь тихонько къ морю. Издали, съ передоваго катера, слабо доносились къ намъ звуки музыки.

Мы быстро двигались впередъ мимо знакомыхъ уже прекрасныхъ бухтъ, холмовъ, скалъ, лѣсковъ. Я занялся тѣмъ же, чѣмъ и въ первый разъ т. е. мысленно уставлялъ всѣ эти пригорки и рощи храмами, дачами, бесѣдками и статуями, а воды залива — пароходами и чащей мачтъ; берега населялъ европейцами: мнѣ ужь видѣлись дорожки парка, скачущія амазонки; а ближе къ городу, снились факторіи, русская, американская, англійская...

Японскія лодки кучей шли и опять выбивались изъ силъ, торопясь перегнать насъ, особенно ближе къ городу. Ихъ гребцы, то примолкнутъ, то вдругъ заголосятъ отчаянно: «оссильянъ! оссильянъ!» Наши невольно заразятся ихъ крикомъ, пріударятъ веслами, да вдругъ какъ-будто одумаются и начнутъ опять покойно рыть воду.

Наконецъ надо же и совѣсть знать, пора и пріѣхать. Въ этомъ японскомъ, по преимуществу тридесятомъ государствѣ, можно еще оправдываться и тѣмъ, что «скоро

сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается». Чуть ли эта поговорка не здѣсь родилась и перешла по сосѣдству съ Востокомъ, и къ намъ, какъ и многое другое... Но мы выросли и поговорка осталась у насъ въ сказкахъ.

Въ Японіи, напротивъ, еще до-сихъ-поръ скоро дѣла не дѣлаютъ и не любятъ даже тѣхъ, кто имѣетъ эту слабость. Отъ нашихъ судовъ до Нагасаки три добрыя четверти часа ѣзды. Японцы часто къ намъ ѣздятъ: ну что бы пригласить насъ стать у города, чтобъ самимъ не терять попустому время на переѣзды? Нельзя. Почему? Надо спросить у верховнаго совѣта, верховный совѣтъ спроситъ у сіогуна, а тотъ пошлетъ къ микадо.

Японскія лодки непремѣнно хотѣли пристать всѣ вмѣстѣ съ нашими: можете себѣ представить, что̀ изъ этого вышло. Одна лодка становилась поперегъ другой, и всѣ стѣснились такъ, что еслибъ имъ поручили не пустить насъ на берегъ, то онѣ лучше бы сдѣлать не могли того, какъ сдѣлали теперь, чтобъ пустить.

Потомъ пошло все попрежнему, т. е. музыканты, караулъ, все стояло на своихъ мѣстахъ. И японскія войска разставлены были по обѣимъ сторонамъ дороги т. е. тѣ же солдаты, съ картонными шапками на головахъ и ружьями, или quasi-ружьями въ чехлахъ, ноги врозь и колѣни впередъ. И лошадь была тутъ, которой я опять не замѣтилъ, и норимоны, и старикъ съ сонными глазами, и толпа переводчиковъ, и баніосы. Японцы, подобравъ халаты, забывъ важность, пустились за нами въ припрыжку, бѣгомъ, теряя туфли, чтобъ поспѣть къ дому прежде насъ. Въ сѣняхъ сидѣли на пяткахъ тѣ же лица, но на крыльцѣ стоялъ, по уговору, младшій изъ полномочныхъ, въ какомъ-то странномъ головномъ уборѣ.

Мы не успѣли разсмотрѣть его хорошенько. Онъ по-

шелъ впередъ и мы за нимъ. По амфиладѣ разсажено было менѣе чиновниковъ, нежели въ первый разъ. Мы толпой вошли въ пріемную залу. По этимъ мирнымъ галлереямъ не раздавалось, можетъ-быть, никогда такого шума и движенія. Здѣсь, въ бѣлыхъ бумажныхъ чулкахъ, скользили доселѣ, точно тѣни, незамѣтно отъ самихъ себя, японскіе чиновники, пробираясь иногда ползкомъ: а теперь вотъ уже въ другой разъ раздаются такіе крѣпкіе шаги!

Въ ту минуту, какъ мы вошли въ пріемную залу, отодвинулись, точно кулисы, ширмы съ противоположной стороны, и оттуда выдвинулись медленно, одинъ за другимъ, всѣ полномочные. Показался нѣсколько-согбенный старикъ; отъ старости ротъ у него постоянно былъ немного открытъ. За нимъ другой, лѣтъ сорока-пяти, съ большими карими глазами, съ умнымъ и бойкимъ лицомъ. Третій, очень пожилой человѣкъ, худощавый и смуглый, съ поникшимъ взоромъ, какъ-будто проведшій всю жизнь въ затворничествѣ, и немного съ птичьимъ лицомъ. Четвертый — среднихъ лѣтъ: у этого было очень обыкновенное лицо, какихъ много, невыражающее ничего, какъ лопата. На такихъ лицахъ можно сразу прочесть, что, кромѣ ежедневныхъ будничныхъ заботъ, они о другомъ думаютъ мало.

Они стали всѣ четверо въ рядъ—и мы взаимно раскланялись. Съ правой стороны, подлѣ полномочныхъ, помѣстились оба нагасакскіе губернатора, а по лѣвую еще четыре, пріѣхавшіе изъ Едо, повидимому, важныя лица. Сзади полномочныхъ сѣли ихъ оруженосцы, держа богатыя сабли въ рукахъ; налѣво, у оконъ, усажены были въ рядъ чиновники, вѣроятно тоже изъ Едо: по-крайней-мѣрѣ мы знакомыхъ лицъ между ними не замѣтили.

Всѣ четверо полномочные были въ широкихъ мантіяхъ, изъ богатой, толстой, какъ лубокъ, шелковой съ узорами

матеріи, которая едва сжималась въ складки; рукава у кисти были чрезвычайно широкіе; спереди, отъ самаго подбородка до пояса, висѣлъ изъ той же матеріи нагрудникъ; подъ мантіей обыкновенный халатъ и юбка, конечно, шелковые же. У старика матерія зеленая, у втораго бѣлая, въ родѣ моаръ, только съ рѣдкими полосами. У всѣхъ четырехъ полномочныхъ, и у губернаторовъ тоже, на головѣ наставлена была на маковку, вверхъ дномъ, маленькая, черная, съ гранью, коронка, очень похожая формой на дамскія рабочія корзиночки и, пожалуй, на кузовки, съ которыми у насъ бабы ходятъ за грибами. Коронки эти дѣлаются, какъ я послѣ узналъ, изъ папье маше. У двоихъ чиновниковъ, помѣщавшихся налѣво отъ полномочныхъ, коронки были одинаковой съ ними формы, а у слѣдующихъ двухъ, одна треугольная, другая квадратная, обѣ плоскія. У старшихъ коронки прикрѣплялись пропущенными подъ подбородокъ бѣлыми, а у младшихъ черными снурками. Все бы еще ничего; но у третьяго полномочнаго, у обоихъ губернаторовъ и еще у одного чиновника, шелковые панталоны продолжались на аршинъ далѣе ногъ. Губернаторы едва шли, съ трудомъ поднимая ноги.

Эта одежда присвоена какому-то чину или должности. Вообще весь этотъ костюмъ былъ самый парадный, какъ наши полные мундиры. Глядя на фигуру стоящаго въ полной формѣ японца, съ нѣсколько-поникшей головой, въ этой мантіи, съ коробочкой на лбу и въ безконечныхъ панталонахъ, поневолѣ подумаешь, что какой-нибудь проказникъ когда-то задалъ себѣ задачу одѣть человѣка какъ можно неудобнѣе, чтобъ ему нельзя было, не только ходить и бѣгать, но даже шевелиться. Японцы такъ и одѣты: шевелиться въ этой одеждѣ мудрено. Она выдумана затѣмъ, чтобъ сидѣть и важничать въ ней. И когда

видишь японцевъ, сидящихъ на пяткахъ, то скажешь только, что эта вся аммуниція какъ нельзя лучше пригнана къ сидячему положенію и что тогда она не лишена своего рода величавости, и даже красива. Эти куски богатой шелковой матеріи, волнами обильно обвивающіе тѣло, прекрасно драпируются около лѣнивой живой массы, сохраняющей важность и неподвижность статуи.

Обѣ стороны молча съ минуту поглядѣли другъ на друга, измѣряя глазами съ ногъ до головы — мы ихъ, они насъ. Нашъ знакомый, Овосава Бунгоно, недавно еще съ такимъ достоинствомъ и гордостью принявшій насъ, перешелъ на второй планъ, онъ лицомъ приходился прямо въ ухо старику и стоялъ, потупя взглядъ, не поворачиваясь, ни направо, ни налѣво. Только изрѣдка, украдкой, онъ косился на насъ. И было за что: ему оставалось отдежурить всего какой нибудь мѣсяцъ и ѣхать въ Едо, а теперь онъ, по милости нашей, сидитъ полтора года, и Богъ знаетъ, сколько времени еще просидитъ! Другой губернаторъ, Мизно Чикогоно, былъ съ лица не мудрецъ, но съ сердитымъ выраженіемъ.

Полномочные сдѣлали знакъ, что хотятъ говорить, и мгновенно, откуда ни возьмись, подползли къ ихъ ногамъ, изъ двухъ разныхъ угловъ, какъ два ужа, Эйноске и Кичибе.

Они приложили лбы къ полу и слушали въ этомъ положеніи, едва дыша. Началъ старикъ. Мы такъ и впились въ него глазами: старикъ очаровалъ насъ съ перваго раза: такіе старички есть вездѣ, у всѣхъ націй. Морщины лучами окружали глаза и губы; въ глазахъ, голосѣ, во всѣхъ чертахъ, свѣтилась старческая, умная и привѣтливая доброта—плодъ долгой жизни и практической мудрости. Всякому, кто ни увидитъ этого старичка, захотѣлось бы выбрать его въ дѣдушки. Кромѣ того, у него были манеры,

обличающія порядочное воспитаніе. Онъ началъ говорить, но губы и языкъ уже потеряли силу: онъ говорилъ медленно; говоръ его походилъ на тихое и ровное переливанье изъ бутылки въ бутылку жидкости.

Кичибе приподнялъ голову, подавился немного и потомъ уже перевелъ привѣтствіе. Старикъ поздравлялъ адмирала съ пріѣздомъ и желалъ ему добраго здоровья. Адмиралъ отвѣчалъ тоже привѣтствіемъ. Кичибе поклонился въ землю и перевелъ. Старикъ заговорилъ опять такое же форменное привѣтствіе командиру судна; но эти офиціяльныя выраженія чувствъ, очень хорошія въ устахъ Овосавы, какъ-то не шли къ нему. Онъ смотрѣлъ такъ ласково и доброжелательно на насъ, какъ-будто хотѣлъ сказать что-нибудь другое, искреннѣе. И дѣйствительно, послѣ сказалъ. Но теперь онъ продолжалъ привѣтствія К. Н. Посьету, взявшему на себя трудъ быть переводчикомъ, наконецъ всѣмъ офицерамъ.

Лишь только кончилъ старикъ, какъ чиновникъ, стоявшій съ лѣвой стороны и бывшій чѣмъ-то въ родѣ церемоніймейстера, кликнулъ шопотомъ: «Эйноске!» и показалъ на втораго полномочнаго. Эйноске быстро подползъ къ ногамъ втораго и приложилъ лобъ къ полу; тотъ повторилъ тѣ же привѣтствія и въ такомъ же порядкѣ. Переводчики ползкомъ подскочили къ третьему и четвертому полномочнымъ, и наконецъ къ губернаторамъ. Всѣ они поочереди повторяли поздравленіе, твердо произнося русскія имена. Имъ отвѣчено было адмираломъ благодарственнымъ привѣтствіемъ отъ себя и отъ всѣхъ.

Все это дѣлалось стоя, всѣ были въ парадѣ: шелковыхъ юбокъ не оберешься. Видно, что собраніе было самое торжественное. Кичибе и Эйноске были тоже въ шелку: креповая черная, или голубая мантильи, съ бѣлыми гербами

на спинѣ и плечахъ, шелковый халатъ, такая же юбка и бѣлые бумажные чулки.

Пока говорились привѣтствія, я опять забылся, какъ въ первое свиданіе съ губернаторомъ: это было только второе въ томъ же родѣ, но съ болѣе яркимъ колоритомъ. Глазъ и мысль не успѣли привыкнуть къ новости зрѣлища. Мнѣ не вѣрилось, что все это дѣлается на яву. Въ иную минуту казалось, что я ребенокъ, что няня разсказала мнѣ чудную сказку о неслыханныхъ людяхъ, а я заснулъ у ней на рукахъ и вижу все это во снѣ. Да гдѣ же это я въ самомъ дѣлѣ? кто кругомъ меня, съ этими бритыми лбами, смуглыми, какъ у мумій щеками, съ поникшими головами и полуопущенными вѣками, въ длинныхъ, широкихъ одеждахъ, неподвижные, едва шевелящіе губами, изъ-за которыхъ, съ подавленными вздохами, вырываются, неуловимые для нашего уха, глухіе звуки? Ужь не древніе ли покойники встали изъ тысячелѣтнихъ гробницъ и собрались на совѣщаніе? Ходятъ ли они, улыбаются ли, поютъ ли, пляшутъ ли? знаютъ ли нашу человѣческую жизнь, наше горе и веселье, или забыли въ долгомъ снѣ, какъ живутъ люди? Что это за домъ, за комната: окна заклеены бумагой, въ комнатѣ тускло и сыро, какъ въ склепѣ; кругомъ золоченыя ширмы, съ изображеніемъ аистовъ —эмблемы долголѣтія? Крышу поддерживаетъ рядъ простыхъ, четыреугольныхъ, деревянныхъ столбовъ; она безъ потолка, изъ тесанныхъ досокъ, домъ первобытной постройки, какъ его выдумали первые люди. Гдѣ же я?

Иллюзія, которою я тѣшилъ себя, продолжалась недолго: вонъ одинъ отжившій, самый древній, именно старикъ, вынулъ изъ-за пазухи пачку тонкой бумаги, отодралъ листъ и высморкался въ него, потомъ бросилъ бумажку, какъ въ бездну, въ свой неизмѣримый рукавъ. «А! это живые!»

Насъ попросили *отдохнуть* и выпить чашку чаю въ ожиданіи, пока будетъ готовъ обѣдъ. Ну, слава Богу! мы среди живыхъ людей: здѣсь ѣдятъ. Японскій обѣдъ! Съ какою жадностью читалъ я, бывало, описаніе чужихъ обѣдовъ, т. е. чужихъ народовъ, вникалъ во всѣ мелочи, говорилъ, помните и вамъ, какъ бы желалъ пообѣдать у китайцевъ, у японцевъ! И вотъ и эта мечта моя исполнилась. Я pique-assiette отъ Лондона до Едо. Что̀ будетъ, ка̀къ подадутъ, ка̀къ сядутъ—все это занимало насъ.

Въ «отдыхальнѣ» подали чай, на который просили обратить особенное вниманіе. Это толченый чай, самаго высокаго сорта: онъ родится на одной горѣ, о которой подробно говоритъ Кемпферъ. Часть этаго чая идетъ собственно для употребленія двора сіогуна и микадо, а часть, пониже сортъ, для высшихъ лицъ. Его толкутъ въ порошокъ, кладутъ въ чашку съ кипяткомъ—и чай готовъ. Чай превосходный, крѣпкій и ароматическій: но намъ онъ показался не совсѣмъ вкусенъ, потому-что былъ безъ сахара. Мы однакожь превознесли его до небесъ.

Послѣ чая подали трубки и табакъ, потомъ конфекты, опять въ такихъ же, чрезвычайно гладко обтесанныхъ, сосновыхъ ящикахъ, у которыхъ даже углы были не составные, а цѣльные. Что за чистота, за тщательность въ отдѣлкѣ! А между-тѣмъ ящикъ этотъ дѣлается почти на одну минуту: чтобъ подать въ немъ конфекты и потомъ отослать къ гостю домой, а тотъ конечно броситъ. Конфекты были — тертый горошекъ съ сахарнымъ пескомъ, опять морковь, кажется, да еще что-то въ этомъ родѣ, потомъ разныя подобія рыбы, яблока и т. п., все изъ краснаго и бѣлаго риса.

Около насъ сидѣли на полу переводчики; изъ баніосовъ я видѣлъ только Хагивари, да Ойе-Саброски. При

губернаторѣ они боялись взглянуть на насъ, а можетъ-быть и не очень уважали, пока изъ Едо не прислали полномочныхъ, которые дѣлаютъ намъ торжественный и почетный пріемъ. Тогда и прочіе зашевелились, не знаютъ гдѣ посадить, жмутъ руку, улыбаются, угощаютъ.

Черезъ полчаса церемоніймейстеръ пришелъ звать насъ къ обѣду. Онъ извинялся, что тѣснота не позволяетъ обѣдать всѣмъ вмѣстѣ и что общество разсядется по разнымъ комнатамъ. Адмирала, И. С. У., К. Н. П. и меня, ввели опять въ пріемную залу; съ нами обѣдали только два старшихъ полномочныхъ, остальные вышли вонъ. Зала такъ просторна, что въ ней могли бы пообѣдать, безъ всякой тѣсноты, человѣкъ шестьдесятъ; но японцы для каждаго изъ насъ поставили по особому столу. Полномочные сидѣли на своихъ возвышеніяхъ, на которыя имъ и ставили блюда.

Вотъ появилось ровно шесть слугъ, по числу гостей, каждый съ подносомъ, на которомъ лежало что-то завернутое въ бумагѣ, рыба, какъ мнѣ казалось. Они поставили подносы, вышли на минуту, потомъ вошли и унесли ихъ: передъ нами остались пустые, ничѣмъ не накрытые столы, сдѣланные, нарочно для насъ, изъ кедроваго дерева. «Ну, обычай не совсѣмъ патріархальный «подумалъ я: что̀ бы это значило?» — «Это нашъ обычай» сказалъ старикъ: «подавать блюдо съ «этимъ» на столъ и сейчасъ уносить: *это* у насъ—символъ 'пріязни». А *это*—была не рыба, какъ мнѣ показалось сначала, а какая-то тесьма, видомъ похожая на вязигу. Я принялъ было ее за морскую траву, но она оказалась перепонкой какой-то улитки, прилипающей, посредствомъ ея, къ скаламъ. Такъ вотъ видите: это у нихъ и есть символъ симпатіи, привязанности, или буквально «прилипчивости».

Опять появилось шестеро, точно въ сказкѣ — молодцовъ, сказалъ бы я, еслибъ была малѣйшая тѣнь молодцоватости. Я былъ бы снисходителенъ, не требовалъ бы многаго, но не было ничего, похожаго по нашимъ понятіямъ, на человѣческую красоту въ цѣломъ собраніи. Старикъ былъ красивѣе всѣхъ своею старческою, обворожительною красотою ума и добродушія, да второй полномочный еще могъ нравиться умомъ и смѣлостью лица, пожалуй и Овосава хорошъ, съ затаенною мыслію, или чувствомъ на лицѣ, и если съ чувствомъ, то вѣрно непріязни къ намъ. Остальные же всѣ — хоть не смотрѣть. Эйноске развѣ недуренъ, и то потому, что похожъ на европейца и носитъ на лицѣ слѣдъ мысли и образованія. Но Боже мой! въ какомъ онъ положеніи, и Кичибе тоже! Они распростерлись на полу между нами и полномочными, какъ двѣ лягавыя собаки, готовясь... ѣсть—вы думаете? нѣтъ, переводить.

Слуги между-тѣмъ продолжали ставить передъ каждымъ гостемъ красныя лакированныя подставки, величиной со скамеечки, что̀ дамы ставятъ у насъ подъ ноги. Слуга подходилъ, ловко и мѣрно поднималъ подставку, въ знакъ почтенія, наравнѣ съ головой, падалъ на колѣни, и съ ловкимъ, мѣрнымъ движеніемъ, ставилъ тихонько передъ гостемъ. Шесть разъ подходили слуги и поставили шесть подставокъ. Но никто ничего еще не трогалъ. Всѣ подставки тѣсно уставлены были деревянными, лакированнымъ чашками, величиной и формой похожими на чайныя, только безъ ручки; каждая чашка покрыта деревяннымъ же блюдечкомъ. Тутъ были также синія, фарфоровыя, обыкновенныя чашки, все съ кушаньемъ, и еще не большія, съ соей. Ко всему этому поданы были двѣ палочки.

«Ну, это значитъ быть безъ обѣда», думалъ я, погляды-

вая на двѣ гладкія, бѣлыя, совсѣмъ тупыя спицы, которыми нельзя взять, ни твердаго, ни мягкаго кушанья. Какъ же и чѣмъ есть? На сосѣда моего У., видно, нашло такое же раздумье, а можетъ-быть, заговорилъ и голодъ, только онъ взялъ обѣ палочки и грустно разглядывалъ ихъ. Полномочные разсмѣялись, и наконецъ рѣшились приняться за обѣдъ. Въ это время вошли опять слуги, и каждый несъ на подносѣ серебряную ложку и вилку, для насъ.

«Въ доказательство того, что все поданное употребляется въ пищу» сказалъ старикъ, «мы начнемъ первые. Не угодно ли открыть чашки и кушать, что̀ кому понравится?»

«Ну-ка, что̀ въ этой чашкѣ?» шепнулъ я сосѣду, открывая чашку: рисъ вареный, безъ соли. Соли нѣтъ, не видать, и хлѣба тоже нѣтъ.

Я подержалъ чашку съ рисомъ въ рукахъ и поставилъ на свое мѣсто. «Вотъ въ этой что̀?» думалъ я, открывая другую чашку: въ ней была какая-то темная похлебка; я взялъ ложку и попробовалъ—вкусно, въ родѣ нашихъ бураковъ, и коренья есть.

«Мы употребляемъ рисъ при всякомъ блюдѣ» замѣтилъ второй полномочный: «не угодно ли кому нибудь перемѣнить, если поданный уже простылъ?» Церемоній-мейстеръ, съ широкимъ, круглымъ лицомъ, съ плоскимъ, и нѣсколько вздернутымъ, широкимъ же, арабскимъ носомъ, стоя подлѣ возвышенія, на которомъ сидѣли оба полномочные, взглядомъ, и едва замѣтнымъ жестомъ, распоряжался прислугою.

Сзади Эйноске сидѣли на пяткахъ двое слугъ, одинъ съ чайникомъ, другой съ деревянной лакированной кружкой, въ которой былъ горячій рисъ.

Мы между-тѣмъ переходили отъ чашки къ чашкѣ,

изрѣдка перекидываясь другъ съ другомъ словомъ. «Попробуйте» говорилъ мнѣ въ полголоса П., «какъ хорошъ винегретъ изъ раковъ въ синей чашкѣ. Раки посыпаны тертой рыбой, или икрой; тамъ зелень, еще что-то».— «Я ее всю съѣлъ, отвѣчалъ я; а вы пробовали сырую рыбу?» — «Нѣтъ, гдѣ она?» — «Да вотъ нарѣзана длинными тесьмами... — «Ахъ! не-уже-ли это сырая рыба? а я почти половину съѣлъ!» говорилъ онъ съ гримасой.

Въ другой чашкѣ была похлебка съ рыбой, въ родѣ нашей селянки. Я открылъ, не помню, пятую или шестую чашку: въ ней кусочекъ рыбы плавалъ совершенно въ чистомъ и свѣтломъ бульонѣ, какъ горячая вода. Я думалъ, что это уха, и проглотилъ ложки четыре, но мнѣ показалось невкусно. Это дѣйствительно была горячая вода—и больше ничего.

Сосѣдъ мой старался ѣсть палочками и возбуждалъ, да и мы всѣ тоже, не одну улыбку окружавшихъ насъ японцевъ. Не разъ многіе закрывали ротъ рукавомъ, глядя, какъ недовѣрчиво и пытливо мы вглядываемся въ кушанья, и какъ сначала осторожно пробуемъ ихъ. Но я съ третьей чашки пересталъ пробовать и съѣлъ остальное безъ всякаго анализа, и все одной и той же ложкой, прибѣгая часто къ рису, за недостаткомъ хлѣба. Помню, что была жареная рыба, вареныя устрицы, а можетъ быть и моллюскъ какой-нибудь, похожій вкусомъ на устрицу. О. А. Г. сказывалъ, что тутъ были трепанги; я ѣлъ что-то черное, хрупкое и слизистое, но не знаю что̀. Попадалось мнѣ что-то сладкое, груша, кажется, облитая краснымъ, сладкимъ соусомъ, потомъ хрустѣло на зубахъ соленое и моченое: соленое—рѣдька, замѣняющая японцамъ соль. Въ синей фарфоровой чашкѣ натискано было какое-то тѣсто, отзывавшееся яич-

ницей, тутъ же вареная морковь. Потомъ въ горячей водѣ плавало крылышко утки, съ вареной зеленью.

Сзади всѣхъ подставокъ, поставлена была особо еще одна подставка передъ каждымъ гостемъ, и на ней лежала цѣлая жареная рыба, съ загнутыми къ верху хвостомъ и головой. Давно я собирался придвинуть ее къ себѣ и протянулъ-было руку, но второй полномочный замѣтилъ мое движеніе. «Эту рыбу почти всегда подаютъ у насъ на обѣдахъ» замѣтилъ онъ, «но ее никогда не ѣдятъ тутъ, а отсылаютъ гостямъ домой, съ конфектами». Одно путное блюдо и было, да и то не ѣдятъ! Охъ, ужь эти мнѣ эмблемы да символы!

Слуга подходилъ ко всѣмъ и протягивалъ руку: я думалъ, что онъ хочетъ отбирать пустыя чашки, отдалъ ему три, а онъ чрезъ минуту принесъ мнѣ ихъ опять съ тѣми же кушаньями. Что мнѣ дѣлать? Я подумалъ, да и принялся опять за похлебку, сталъ-было приниматься вторично за вареную рыбу, но собесѣдники мои перестали дѣйствовать и я унялся. Хозяевамъ очень нравилось, что мы ѣдимъ; старикъ ласково поглядывалъ на каждаго изъ насъ и отъ души смѣялся усиліямъ моего сосѣда ѣсть палочками.

Къ концу обѣда слуги явились съ дымившимися чайниками. Мы съ любопытствомъ смотрѣли, что тамъ такое. — «Теперь надо выпить саки́», сказалъ старикъ, и слуги стали наливать, въ красныя, почти плоскія лакированныя чашки, разогрѣтый напитокъ. Мы выпили по чашечкѣ. Намъ еще прежде, между прочей провизіей, доставлено было нѣсколько кувшиновъ этого саки, и тогда оно намъ не понравилось. Теплый онъ лучше; похоже вкусомъ на слабый, выдохшійся ромъ. *Саки* — перегнанное вино изъ риса. Потомъ налили опять. Мы стали было отго-

вариваться, но старикъ объявилъ, что надо выпить до трехъ разъ. Мы выпили и въ третій разъ, и наши хозяева тоже. Пока мы ѣли, намъ безпрестанно подбавляли горячаго риса. Послѣ саки вновь принесли дымившійся чайникъ: я думалъ, не опять ли саки, но старикъ предложилъ, не хотимъ ли мы теперь выпить—«горячей воды!» Это что за шутка? Нашолъ лакомство! «Нѣтъ, не хотимъ», отвѣчали ему. Однакожь я подумалъ, что ужь если обѣдать по-японски, такъ надо вполнѣ обѣдать, и потому попробовалъ и горячей воды: все такъ же нехорошо, какъ еслибъ я попробовалъ ее и за русскихъ столомъ. «Ну, не хотите ли полить рисъ горячей водой и съѣсть?» предложилъ старикъ. И этого не хотимъ. Между-тѣмъ оба полномочные подставили плоскодонныя чашки, имъ налили кипятку и они выпили. Они объяснили, что они утоляютъ жажду горячей водой.

Хозяева были любезны. Пора назвать ихъ: старика зовутъ Тсутсуй Хизе-но-Ками Сама, втораго Кавадзи Сойемон-но-Ками... нѣтъ, не Ками, а Дзіо Сама, это все равно: Дзіо и Ками означаютъ равный титулъ; третій Алао Тосанно Ками Сама; четвертаго... забылъ, послѣ скажу. Впрочемъ оба послѣдніе приданы только для числа и бо̀льшей важности, а въ сущности они сидѣли съ поникшими головами и молча слушали старшихъ двухъ, а можетъ быть и не слушали, а просто засѣдали.

Послѣ обѣда подали чай, съ какимъ-то оригинальнымъ запахомъ; гляжу: на днѣ гвоздичная головка—какое варварство, и еще въ странѣ чая!

Старикъ все поглядывалъ на насъ дружески, съ улыбкой.

«Мы пріѣхали изъ-за многихъ сотенъ», началъ онъ мямлить, «а вы изъ-за многихъ тысячъ миль: мы никогда другъ друга не видали, были такъ далеки между со-

бою, а вотъ теперь познакомились, сидимъ, бесѣдуемъ, обѣдаемъ вмѣстѣ. Какъ это странно и пріятно!» Мы не знали, какъ благодарить его за это привѣтливое выраженіе общаго тогда намъ чувства. И у насъ были тѣ же мысли, то же впечатлѣніе отъ странности такихъ сближеній. Мы благодарили ихъ за пріемъ, хвалили обѣдъ. Я сдѣлалъ замѣчаніе, что нахожу въ нѣкоторыхъ блюдахъ сходство съ европейскими, и вижу, что японцы, какъ люди порядочные, кухней не пренебрегаютъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, рыба подъ бѣлымъ соусомъ—хоть куда. Еслибъ ко всему этому дать хлѣба, такъ можно даже наѣсться почти досыта. Безъ хлѣба какъ-то странно было на желудкѣ: сытъ не сытъ, а ѣсть больше нельзя. Послѣ обѣда одолѣваетъ не дремота, какъ обыкновенно, а только задумчивость. Но я смѣялся, вспомнивъ, что̀ пишутъ о японскомъ столѣ и, между прочимъ, что они будто готовятъ кушанье на касторовомъ маслѣ. А у нихъ и обыкновенное деревянное масло употребляется рѣдко, и только съ зеленью; все же прочее жарится и варится на водѣ, съ примѣсью саки и сои. Потомъ сказали мы хозяевамъ, что изъ всѣхъ народовъ крайняго востока, японцы считаются у насъ, по описаніямъ, первыми—по умѣнью жить, по утонченности нравовъ, и что мы теперь видимъ это на опытѣ.

Наконецъ кончился обѣдъ. Все унесли и чрезъ пять минутъ подали чай и конфекты, въ знакомыхъ уже намъ ящикахъ. Тамъ были подобія бамбуковыхъ вѣтвей изъ леденца, лентъ, сердецъ, потомъ рыбы, этой альфы и омеги японскаго стола, отъ нищаго до вельможи, далѣе, какой-то тертый горошекъ съ сахарнымъ пескомъ и рисовыя конфекты.

Когда убрали наконецъ все, адмиралъ сказалъ, что онъ желалъ бы сдѣлать полномочнымъ два вопроса по дѣлу,

которое его привело сюда, и проситъ отвѣчать сегодня же. Старикъ вынулъ пачку бумаги, тщательно отодралъ одинъ листокъ, высморкался, спряталъ бумажку въ рукавъ, потомъ кротко возразилъ, что, по японскимъ обычаямъ, при первомъ знакомствѣ, разговоры о дѣлахъ обыкновенно откладываются, что этого требуютъ приличія и законы гостепріимства. Адмиралъ замѣтилъ, что это отнюдь не помѣшаетъ возникающей между нами пріязни; что вопросы эти не потребуютъ какихъ-нибудь мудреныхъ отвѣтовъ, а просто двухъ словъ, *да* или *нѣтъ*. Мы видѣли, что имъ лѣнь говорить о дѣлѣ. Вообще, и важные сановники, и неважные, послѣ обѣда выражались больше междометіями, которыхъ невозможно передать словами. Грудные звуки раздавались изъ всѣхъ угловъ. О дѣлѣ неприлично говорить, а это ничего!

Адмиралъ согласился прислать два вопроса на другой день, на бумагѣ, но съ тѣмъ, чтобъ они къ вечеру же отвѣчали на нихъ. «Какъ же мы можемъ обѣщать это», возразили они, когда не знаемъ, въ чемъ состоятъ вопросы?» Имъ сказано, что мы знаемъ вопросы и знаемъ, что можно отвѣчать. Они обѣщали сдѣлать, что̀ можно, и мы разстались большими друзьями.

Съ музыкой, въ такомъ же порядкѣ, какъ пріѣхали, при ясной и теплой погодѣ, воротились мы на фрегатъ. Дорогой къ пристани мы заглядывали за занавѣски и видѣли узенькую улицу, тощія деревья и прятавшихся женщинъ. «И хорошо дѣлаютъ, что прячутся, чернозубыя!» говорили нѣкоторые. «Киселъ виноградъ...» скажете вы. А женщины дѣйствительно чернозубыя: только до замужства хранятъ онѣ естественную бѣлизну зубовъ, а по вступленіи въ бракъ, чернятъ ихъ какимъ-то составомъ.

Ѳаддеевъ, бывшій въ числѣ нашихъ слугъ, сказалъ,

что и ихъ всѣхъ угостили, и на этотъ разъ хорошо. «Чего жь вамъ дали?» спросилъ я.—«Красной и бѣлой каши:— да что̀, в. в., съ души рветъ».—«Отчего?»—«Да рыба— словно кисель, безъ соли, хлѣба нѣтъ!»

Вслѣдъ за нами явилось къ фрегату множество лодокъ, и старшій чиновникъ спросилъ, довольны ли мы: это только предлогъ, а собственно ему поручено проводить насъ и донести, что онъ *доставилъ насъ* въ цѣлости на фрегатъ. Случись съ нами что-нибудь, несчастіе, непріятность, хотя бы отъ провожатыхъ и не зависѣло отвратить ее, имъ бы досталось.

Чрезъ часъ каюты наши завалены были ящиками: въ большомъ рыба, что̀ подавали за столомъ, старая знакомая, въ другомъ сладкій, и очень вкусный хлѣбъ, въ третьемъ конфекты. «Вынеси рыбу вонъ», сказалъ я Ѳаддееву. Вечеромъ я спросилъ, «куда онъ ее дѣлъ?» — «Съѣлъ съ товарищами», говоритъ.—«Что жь, хороша?» — «Есть душокъ, а хороша», отвѣчалъ онъ.

На другой день, 1-го января 1854 г., пріѣхалъ Эйноске условиться о завтрашнемъ днѣ. Увидя насъ всѣхъ въ праздничныхъ платьяхъ, онъ спросилъ о причинѣ. Ему сказали, что у насъ наступилъ новый годъ. Онъ поздравилъ; мы велѣли подать шампанскаго, до котораго онъ, кажется, большой охотникъ. И онъ, и два бывшіе съ нимъ баніоса, подпили: тѣ покраснѣли, а Эйноске, смѣсью англійскаго, голландскаго и французскаго языковъ съ нагасакскимъ нарѣчіемъ, извинялся, что много пилъ и, въ подтвержденіе этого, забылъ у насъ свою мантилью на собачьемъ мѣху. Онъ выучился пить шампанское у американцевъ, и ка̀къ скоро: тѣ пробыли всего шесть дней!

А свѣжо: зима въ полномъ разгарѣ, всего шесть градусовъ тепла. Небо ясно; ночи свѣтлыя; вода сильно

искрится. Вообще, судя по тому, что̀ мы до-сихъ-поръ испытали, можно заключить, что Нагасаки — одинъ изъ благословенныхъ уголковъ міра по климату. Ровная погода: когда вѣтеръ съ сѣвера—ясно и свѣжо, съ юга—наноситъ дождь. Но мы видѣли больше яснаго времени.

Завтрешняго дня не было, то-есть, у насъ готовился неслыханный и невиданный праздникъ и не состоялся. Праздникъ этотъ важный фактъ, доказывающій, что все безсильно передъ временемъ и обстоятельствами. Давно ли всѣ крайневосточные народы, японцы особенно, считали насъ, европейцевъ, немного хуже собакъ? не хотѣли знаться, дичились, чуждались? И насъ губернаторъ хотѣлъ принять съ такимъ, съ такою... глупостью, слѣдовало бы сказать, съ гордостью, скажу учтивѣе: а теперь четыре важные японскіе сановника сами ѣдутъ къ намъ въ гости! Кажется, небывалый еще примѣръ въ сношеніяхъ японцевъ съ иностранцами! Они просили отсрочки на два дня и, вмѣсто пятницы, какъ обѣщали-было сначала, назначили воскресенье. У нихъ случились тутъ какіе-то праздники и оттого они отложили.

Да, Эйноске, между прочимъ, пріѣзжалъ съ Хагивари, объясниться насчетъ салюта. Мы ожидали, что вчера, при свиданіи, скажутъ намъ что-нибудь объ этомъ. Но ни слова: хозяева вполнѣ уважили законы гостепріимства. За-то теперь Хагивари пріѣхалъ съ упрекомъ отъ губернатора за салютъ. Ему отвѣчали сначала шуткой, потомъ замѣтили, что они сами не сказали ничего рѣшительнаго о томъ, принимаютъ ли нашъ салютъ, или нѣтъ, оттого мы, думая, что они примутъ его, салютовали и себѣ. Они стали просить не палить больше. «Теперь нѣтъ повода—и не станемъ, если только полномочные не хотятъ, чтобъ имъ палили», отвѣчалъ П—тъ. «Не хотятъ,

не хотятъ!» подтвердили они. «А если другой адмиралъ придетъ сюда», спросилъ Эйноске заботливо, «тогда будете палить?» — «Мы не предвидимъ, чтобы пришелъ сюда какой-нибудь адмиралъ», отвѣчали ему, «оттого и не полагаемъ, чтобъ понадобилось палить».

Въ этомъ вопросѣ крылся, кажется, другой: не придутъ ли англичане? Японцы уже выразили однажды предположеніе, что въ слѣдъ за нами вѣроятно придутъ и другія націи, съ предложеніями о торговлѣ.

Въ новый годъ, вечеромъ, когда у насъ всѣ уже легли, пріѣхали два чиновника отъ полномочныхъ, съ двумя второстепенными переводчиками, Сьозой и Льодой, и привезли отвѣтъ на два вопроса. К. Н. П—тъ спалъ; я ходилъ по палубѣ и встрѣтилъ ихъ. Въ бумагѣ сказано было, что полномочные теперь не могутъ отвѣчать на предложенные имъ вопросы, потому-что у нихъ есть отвѣтъ верховнаго совѣта на письмо изъ Россіи, и что, по прочтеніи его, адмиралу, можетъ-быть, отвѣты на эти вопросы и не понадобятся. Нечего дѣлать, надо было подождать.

Мы занялись приготовленіями къ встрѣчѣ невиданныхъ на европейскихъ судахъ гостей. Сколько возни, хлопотъ, соображеній, истратилось въ эти два дня! Смѣшать и посадить всѣхъ гостей за одинъ столъ, какъ бы сдѣлали въ Европѣ, невозможно. Здѣсь соблюдается такая строгая постепенность въ званіяхъ, что несоблюденіемъ ея, какъ разъ, наживешь враговъ. Вообще нужна большая осторожность въ обращеніи съ ними, тѣмъ болѣе, что изученіе приличій составляетъ у нихъ важную науку, за неимѣніемъ пока другихъ. Еще Гвальтьери, говоря о японцахъ, замѣчаетъ, что наша вѣжливость у нихъ—невѣжливость, и наоборотъ. Напримѣръ: встать передъ гостемъ, говоритъ онъ, у нихъ не-

вѣжливо, а надо сѣсть. Мы, снимаемъ шляпу въ знакъ уваженія, а они—туфли. Мы, выходя изъ дома, надѣваемъ плащъ, а они — широкіе панталоны, или юбку, которую будто-бы снимаютъ при входѣ въ домъ. (Посѣщая насъ, они не снимали ее: не измѣнился ли обычай и въ самой Японіи со времени Гвальтьери?) Наши русые волосы и бѣлые зубы имъ противны; у нихъ женщины сильно чернятъ зубы; чернили бы и волосы, еслибъ они и безъ того не были чернѣе сажи. У насъ женщины, въ *интересномъ положеніи*, какъ это называютъ нѣкоторые, надѣваютъ широкія блузы, а у нихъ сильно стягиваются; по разрѣшеніи отъ бремени, у насъ, и мать, и дитя, моютъ теплой водой (кажется, такъ?), а у нихъ холодной. Не знаю, отчего Гвальтьери, приводя эти противоположности, тутъ же кстати не упомянулъ, что за обѣдомъ у нихъ запиваютъ кушанья, какъ сказано выше, горячей водой, а у насъ холодной. Или это они недавно выдумали?

Да, это все такъ; эту параллель можно продолжать, пожалуй, еще. Мнѣ, напримѣръ, не случалось видѣть, чтобъ японецъ прямо ходилъ, или стоялъ, а непремѣнно полусогнувшись, руки постоянно держитъ на готовѣ, наколѣняхъ, и такъ и смотритъ по сторонамъ, нельзя ли кому поклониться. Лишь только завидитъ кого-нибудь равнаго себѣ, сейчасъ колѣни у него начинаютъ сгибаться, онъ точно извиняется, что у него есть ноги, потомъ онъ быстро наклонится, будто переломится пополамъ, руки вытянетъ по колѣнямъ, и на нѣсколько секундъ оцѣпенѣетъ въ этомъ положеніи; послѣ вдругъ выпрямится и опять согнется, и такъ до трехъ разъ, и больше. А иногда два японца, при встрѣчѣ, такъ и разойдутся въ этомъ положеніи, т. е. согнувшись, если не нужно остановиться и поговорить. Слуги у нихъ бѣгаютъ тоже полусогнувшись и приложивъ

обѣ ладони къ колѣнямъ, чтобъ недолго было падать на полъ, когда понадобится. Передъ высшимъ лицомъ японецъ быстро падаетъ на полъ, садится на пятки и поклонится въ землю. У самихъ полномочныхъ тоже голова всегда клонится долу: всѣ они сидятъ съ поникшими головами, попривычкѣ, въ свою очередь, падать ницъ передъ высшими лицами. Полномочнымъ, конечно, не приходится упражнять себя въ этомъ, пока они въ Нагасаки; а въ Едо?

Утромъ 4-го января, фрегатъ принялъ праздничный видъ: вымытая, вытертая пескомъ и камнями, въ ущербъ моему ночному спокойствію, палуба бѣлѣла какъ полотно; мѣдь ярко горѣла на солнцѣ; снасти уложены были красивыми бухтами, изъ которыхъ въ одной помѣстился общій баловень нашъ, котъ Васька. Всѣ нарядились. На ютѣ устроили, изъ сигнальныхъ флаговъ, палатку, и въ ней сѣдалища изъ ковровъ для четырехъ полномочныхъ, и стулья для ихъ свиты. Въ адмиральской каютѣ, роскошно и безъ того убранной, устроены были такія же сѣдалища, для нихъ же, за особымъ столомъ. Другой столъ приготовленъ былъ для адмирала и для троихъ изъ его свиты. За маленькимъ столикомъ, особо, долженъ былъ помѣщаться японскій церемоніймейстеръ. Для переводчиковъ приготовили было два стула, но они, ни сѣсть на нихъ, ни обѣдать не смѣли, а расположились на пяткахъ, на полу.

Часовъ въ 11 пріѣхали баніосы, съ подарками отъ полномочныхъ адмиралу. Всѣ вещи помѣщались въ простыхъ деревянныхъ ящикахъ, а ящики поставлены были на деревянныхъ же подставкахъ, похожихъ на носилки съ ножками. Эти подставки замѣняютъ отчасти наши столы. Японцамъ кажется неуважительно поставить подарокъ на полъ. На каждомъ ящикѣ положены были свертки бумаги, опять съ символомъ «прилипчивости».

Но что̀ за вещи прислали они—заглядѣнье! Одинъ прислалъ шкатулку, черную, лакированную, съ золотыми рельефами храмовъ, бесѣдокъ, горъ, деревьевъ. Лакъ необыкновенно густъ, черенъ, не сходитъ, говорятъ, десятки лѣтъ, и чистъ какъ зеркало. Такихъ лакированныхъ вещей нигдѣ нѣтъ. Другая коробочка испещрена красно-золотистыми, потонувшими въ лакѣ, искрами. При шкатулкѣ были разныя бездѣлки: курительница для порошковъ, которую японцы носятъ на поясѣ, и еще какія-то принадлежности. Другой подарилъ чернильницу, съ золотыми украшеніями, со всѣмъ приборомъ для письма, съ тушью, кистями, стопой бумаги, и даже съ восковыми раскрашенными свѣчами.

Но самымъ замѣчательнымъ и дорогимъ подаркомъ была сабля, и по достоинству, и по значенію. Подарокъ сабли у нихъ служитъ несомнѣннымъ выраженіемъ дружбы. Японскіе сабельные клинки, безспорно, лучшіе въ свѣтѣ. Ихъ строго запрещено вывозить. Клинки у нихъ испытываются, если Эйноске не лгалъ, палачомъ надъ преступниками. Мастеръ отдаетъ ихъ, по выдѣлкѣ, прямо палачу, а тотъ пробуетъ, сколько головъ (!?) можно перерубить разомъ. Мастеръ чеканитъ число головъ на клинкѣ. Это будто бы и служитъ у нихъ оцѣнкою достоинства сабли. Подаренная адмиралу перерубаетъ, какъ говорилъ Эйноске, три головы. Сабли считаются драгоцѣнностью у японцевъ. Клинокъ всегда блеститъ какъ зеркало; на него какъ говорятъ, не надышатся. У Эйноске сабля, подаренная ему другомъ, существуетъ, по словамъ его, около пятисотъ лѣтъ.

Я не знаю толку въ сабляхъ, но не могъ довольно налюбоваться на блескъ и отдѣлку клинка, подарка Кавадзи. Ножны у ней сдѣланы, кажется, изъ кожи акулы, и всѣ зашиты въ шелкъ, чтобъ предостеречь отъ ржавчины. Ста-

рикъ Тсутсуй подарилъ дорогія украшенія къ этой саблѣ, насѣчки и т. п. Подарокъ знаменательный, особенно при началѣ дѣлъ нашихъ! Полномочные сами не разъ давали понять намъ, что подарокъ этотъ выражаетъ отношенія Японіи къ Россіи. Оно тѣмъ болѣе замѣчательно, что подарокъ сдѣланъ, конечно, съ согласія, и даже по повелѣнію правительства, безъ воли котораго ни одинъ японецъ, кто-бы онъ ни былъ, ни принять, ни дать ничего не смѣетъ. Одинъ разъ Эйноске тихонько сказалъ П—ту, что нашъ матросъ подарилъ одному японцу пустую бутылку.—«Ну, такъ что жь?» спросилъ тотъ. «Позвольте прислать ее назадъ» убѣдительно просилъ Эйноске, «иначе худо будетъ: достанется тому, кто принялъ подарокъ».—«Да вы бросьте въ воду». — «Нельзя: мы привеземъ, а вы ужь и бросьте, пожалуй, сами».

Каковъ народъ! какова система огражденія отъ контрабанды всякаго рода! Какая бы, кажется, могла быть надежда на торговлю, на введеніе христіанства, на просвѣщеніе, когда такъ глухо заперто зданіе и ключъ потерянъ? Какъ и когда придетъ все это? А придетъ, нѣтъ сомнѣнія, хотя и нескоро.

Въ Китаѣ началось и дѣятельно продолжается. Когда я ѣхалъ въ Шанхай, я думалъ, что тамъ, согласно нанкинскому трактату, далѣе опредѣленной черты, европейцу нельзя и шагу сдѣлать: а между-тѣмъ мы исходили всѣ окрестности и знаемъ ихъ почти, какъ петербургскія. Всего десять лѣтъ прошло съ открытія пяти портовъ въ Китаѣ — и европейцы почти совсѣмъ овладѣли ими. Все дѣлается исподоволь, понемногу. Напримѣръ, въ Китаѣ иностранцамъ позволено углубляться внутрь страны на такое разстояніе, чтобы въ одинъ день можно было на лошади вернуться домой: а американ-

скій консулъ въ Шанхаѣ выстроилъ себѣ дачу гдѣ-то въ горахъ, миль за восемьдесятъ отъ моря. Когда губернаторъ провинціи протестовалъ противъ этого, консулъ отвѣчалъ, что католическіе миссіонеры, въ разныхъ мѣстахъ, еще дальше имѣютъ монастыри: пусть губернаторъ выгонитъ ихъ оттуда, тогда и онъ откажется отъ дачи. А выгнать миссіонеровъ нельзя: они глубоко пустили корни. Католическій епископъ въ Гон-Конгѣ сказывалъ, что между китайцами считается до пятисотъ тысячъ католиковъ. Всѣ они тайно покровительствуютъ миссіонерамъ, укрываютъ ихъ отъ взоровъ правительства, даютъ селиться среди себя и всячески помогаютъ. Начальство подкуплено и миссіонеры дѣлаютъ свое дѣло явно. Губернаторъ зналъ о миссіонерахъ, и потому замолчалъ на возраженіе консула.

Въ другой разъ, къ этому же консулу присталъ губернаторъ, зачѣмъ онъ снаряжаетъ судно, да еще, кажется, съ опіумомъ, въ какой-то шестой портъ, чуть ли не въ самый Пекинъ, когда открыто только пять? «А зачѣмъ» возразилъ тотъ опять, «у о. Чусана, который не открытъ для европейцевъ, давно стоятъ англійскіе корабли? Выгоните ихъ, и я не пошлю судно въ Пекинъ». Губернаторъ зналъ, конечно, зачѣмъ стоятъ англійскіе корабли у Чусана, и не выгналъ ихъ. Такъ судно американское и пошло, куда хотѣло.

Сдѣлавши одно послабленіе, губернаторъ долженъ былъ допустить десять и молчать, иначе ему не сдобровать. Онъ самъ первый нарушитель законовъ. А европейцы берутъ все больше и больше воли, и въ Пекинѣ узнаютъ объ этомъ тогда, когда уже они будутъ подъ стѣнами его и когда помѣшать разливу чужаго вліянія будетъ трудно.

Впрочемъ этого ожидать скоро нельзя по другимъ обстоятельствамъ: во всякомъ другомъ мѣстѣ жители, по лѣности и невѣжеству, охотно отдаютъ себя въ опеку

европейцамъ, и тѣ скоро дѣлаются хозяевами у нихъ. Китайцы, напротивъ, сами купцы попреимуществу, и, по меркантильному духу и спекулятивнымъ способностямъ, превосходятъ англичанъ и американцевъ, и не выпустятъ изъ своихъ рукъ внутренней торговли. Оттого, ни тѣ, ни другіе, не имѣютъ успѣха внутри Китая, и даже не завязываютъ тамъ никакихъ прямыхъ сношеній. Торговля производится чрезъ китайскихъ коммисіонеровъ, которые и ѣздятъ внутрь, для закупки товаровъ отъ самихъ плантаторовъ чая и фабрикантовъ шелка.

Если и Японіи суждено отворить настежь ворота передъ иностранцами, то это случится еще медленнѣе; развѣ принудятъ ее къ тому войной. Но и въ этомъ отношеніи она имѣетъ огромныя преимущества передъ Китаемъ. Если она перейметъ у европейцевъ военное искусство и укрѣпитъ свои порты, тогда она безопасна отъ всякаго вторженія. Одна измѣна можетъ погубить ее: то есть, если кому-нибудь удастся зажечь въ ней междоусобную войну, вооружить удѣльныхъ князей противъ метрополіи—тогда ей не сдобровать. Но пока она будетъ держаться нынѣшней своей системы, увертываясь отъ вліянія иностранцевъ, уступая имъ кое-что и держа своихъ, попрежнему, въ страхѣ, не позволяя имъ брать безъ позволенія, даже пустой бутылки, она еще будетъ жить старыми своими началами, старой религіей, простотой нравовъ, скромностью и умѣренностью образа жизни. Въ настоящую минуту можно и ее отпереть разомъ: она такъ слаба, что никакой войны не выдержитъ. Но для этого надо поступить по-англійски, то есть пойти, напримѣръ, въ японскіе порты, выйти безъ спросу на берегъ, и когда станутъ не пускать, начать драку, потомъ самимъ же пожаловаться на оскорбленіе и начать войну. Или другимъ способомъ: привезти опіумъ, и

когда станутъ принимать противъ этого строгія мѣры, тоже объявить войну.

Долго заставили себя ждать полномочные. Мы ужь давно расхаживали по юту и по шканцамъ, раза по два бѣгали къ камбузу съѣсть по горячему пирожку, или по котлеткѣ, а ихъ все нѣтъ!

Въ первомъ часу, наконецъ, отъ берега тронулась цѣлая флотилія къ намъ. Посреди пятидесяти или шестидесяти лодокъ, медленно плыли двѣ огромныя, крытыя лодки или барки, какъ два гроба, обтянутыя, какъ гробы же, красной матеріей, утыканныя золочеными луками, стрѣлами, пиками и булавами. Лодки были въ два этажа, съ галлереею вокругъ, для гребцовъ. Вверху помѣщалась свита, внизу сами полномочные. Множество мелкихъ лодокъ вели большія на буксирѣ. На носу большой лодки стоялъ японецъ, съ какой-то бѣлой метелкой, и махая ею, управлялъ буксиромъ, подъ мѣрный звукъ гонга и криковъ. Шумъ былъ страшный. Оба гроба пристали къ парадному трапу и стали рядомъ.

Баніосы, переводчики, поползли, какъ изъ мѣшка, и затопили палубу. За ними вышло до шестидесяти человѣкъ караула. Японцы не хотѣли уступить намъ въ церемоніалѣ. Для угощенія свиты и людей и для соблюденія порядка, назначено было нѣсколько офицеровъ. Наконецъ вышли и полномочные. К. Н. П. и я встрѣтили ихъ при входѣ, адмиралъ—у дверей своей каюты. На шканцы былъ вызванъ караулъ, съ музыкой. Имъ предложили посмотрѣть фрегатъ, и они съ удовольствіемъ согласились. Я никакъ не думалъ, чтобъ старикъ пріѣхалъ. Куда бы, кажется, ему? А онъ оказалъ удивительную бодрость, обошелъ палубы, спустился въ самую нижнюю, въ арсеналъ, и не обнаруживалъ никакихъ признаковъ усталости. Они

на всемъ останавливались, распрашивали, и если находили что-нибудь покрытое, или завѣшенное, приподнимали и спрашивали, что̀ тамъ такое, зачѣмъ.

Ихъ повели въ адмиральскую каюту. Она была очень ярко убрана: стѣны въ ней, или, по-морскому *переборки*, и двери, были краснаго дерева, полъ, или палуба, устлана ковромъ; на окнахъ красныя и зеленыя драпри. Для четырехъ полномочныхъ приготовленъ былъ широкій и невысокій диванъ, покрытый пестрыми англійскими коврами. Посидѣвъ нѣсколько минутъ, всѣ пошли наверхъ, въ палатку. Полномочные вели себя, какъ тонкіе, вѣкъ жившіе въ свѣтѣ, люди; все должно было поражать ихъ, невидавшихъ никогда европейскаго судна, мебели, украшеній. Что̀ шагъ, то̀ новое для нихъ. Они сознались въ этомъ на другой день, но тутъ не показали, ни жестомъ, ни взглядомъ, удивленія, или восторга. Музыку они тоже слышали въ первый разъ, и только одинъ изъ нихъ качалъ головой въ тактъ, какъ дѣлаютъ у насъ меломаны, сидя въ оперѣ.

Имъ подали чай. Между-тѣмъ вся команда выстроилась на палубѣ; началось ученье ружьемъ, потомъ маршировка. Четыреста человѣкъ маршировали вокругъ мачтъ, отъ юта до бака и обратно. Но всего эффектнѣе было, когда пробили тревогу: изъ всѣхъ люковъ сыпались люди и разбѣгались, какъ мыши, по всѣмъ направленіямъ, каждый къ своему орудію. Я ужь привыкъ къ этому, но и мнѣ зрѣлище это показалось интересно; а людямъ, невидавшимъ никогда ничего подобнаго! Имъ показали дѣйствіе орудіями. Они благодарили адмирала и попросили поблагодарить людей.—«Спасибо, ребята», сказалъ адмиралъ.—«Ради стараться!» раздалось четыреста голосовъ. Опять эффектъ.

Накрыли столы. Для полномочныхъ и церемоніймейстера въ гостинной адмиральской каюты. За другимъ столомъ сидѣлъ адмиралъ и трое насъ. Въ столовой посадили одиннадцать человѣкъ свиты полномочныхъ, и еще десять человѣкъ въ кают-компаніи. Для караула отведено было мѣсто въ батарейной палубѣ.

Хотя японцы и просили устроить обѣдъ на европейскій ладъ, однакожь нельзя было заставить ихъ ѣсть вилками и ножами, и потому надѣлали палочекъ. Хлѣба они не ѣдятъ, и имъ безпрестанно ставили горячій рисъ. Съ тарелокъ они тоже не привыкли ѣсть: имъ подавали супъ и уху въ чайныхъ чашкахъ. Въ столовой, гдѣ обѣдала свита, на столѣ разставлены были тарелки съ вареньемъ и пирожнымъ. Гости начали съ этого и до супу уничтожили всѣ сладкіе пирожки и конфекты, полагая, что если поставлено, то медлить нечего. — «Что это?» спрашивали они, при каждомъ блюдѣ, и чего-то казалось, ожидали. Имъ подавали больше рыбы, но переводчикъ сказалъ, что они ждутъ мяса, которое ѣдятъ, какъ рѣдкость. Отвращенія они къ нему не имѣютъ, напротивъ, очень любятъ, а не ѣдятъ только потому, что не велѣно, за недостаткомъ скота, который употребляется на работы. У насъ изъ мясныхъ блюдъ приготовленъ былъ для нихъ нарочно пилавъ изъ баранины, ветчина и, кажется, только. Говядины на фрегатѣ въ то время не было. Прочія блюда были изъ рыбы, или живности. Они съ удовольствіемъ ѣли баранину, особенно четвертый полномочный. Кончивъ тарелку, онъ подалъ ее человѣку самъ: знакъ, что желаетъ повторенія. Скатерти, салфетки, солонки — все обращало ихъ вниманіе. И надо было отдать имъ справедливость: они такъ приглядѣлись къ нашему порядку, что едва можно было замѣтить разницу между ними и европейцами. Только

одинъ изъ нихъ, Кавадзи, на минуту придержался японскаго обычая. Подали какое-то жидкое пирожное, въ родѣ крема, съ бисквитами: онъ попробовалъ, должно быть, ему понравилось; онъ вынулъ изъ кармана бумажку, переложилъ въ нее все, что̀ осталось на тарелкѣ, стиснулъ и спряталъ за пазуху.—«Не подумайте, что я беру это для какой-нибудь красавицы», замѣтилъ онъ: «нѣтъ, это для своихъ подчиненныхъ».

При этомъ случаѣ разговоръ незамѣтно перешелъ къ женщинамъ. Японцы впали было въ легкій цинизмъ. Они, какъ всѣ азіятскіе народы, преданы чувственности, не скрываютъ и не преслѣдуютъ этой слабости. Если хотите узнать объ этомъ что-нибудь подробнѣе, прочтите Кемпфера, или Тунберга. Послѣдній посвятилъ этому цѣлую главу въ своемъ путешествіи. Я не былъ внутри Японіи и не жилъ съ японцами, и потому могъ только кое-что уловить изъ ихъ разговоровъ объ этомъ предметѣ.

Я и П-тъ безпрестанно выходили изъ-за стола, то подлить имъ шампанскаго, то показать, ка̀къ надо ѣсть какое-нибудь блюдо, или растолковать, изъ чего оно приготовлено. Они смущались нашею вѣжливостью и внимательностью и не знали, какъ благодарить.

Пили они умѣренно. Они пробовали съ большимъ любопытствомъ вино, отпивая понемногу, но бокала не доканчивали, кромѣ, однакожь, четвертаго полномочнаго, мужчины рослаго и полнаго. Тотъ выпилъ бокала четыре.

Имъ намекнули было о дѣлѣ, о завтрешнемъ свиданіи; но полномочные отвѣчали, что они увлеклись нашимъ праздникомъ, сдѣланнымъ имъ пріемомъ и пріятной бесѣдой, а о дѣлѣ и забыли совсѣмъ.

Переводчики ползали по полу: напрасно я приглашалъ ихъ въ другую комнату, они и руками и ногами уклони-

лись отъ обѣда, какъ отъ дѣла, совершенно невозможнаго въ присутствіи grooten herren, важныхъ особъ. Но у нихъ въ горлѣ пересохло. Кичибе вертѣлся на полу во всѣ стороны, какъ будто его кругомъ рвали собаки. «Хи, хи!» безпрестанно откликался онъ, то тому, то другому. Подъ конецъ обѣда, въ которомъ не участвовалъ, онъ совсѣмъ охрипъ и осовѣлъ. Я налилъ ему и Эйноске по бокалу шампанскаго: они стали было отнѣкиваться и отъ этого, но Кавадзи махнулъ головой, и они, поклонившись ему до земли, выпили съ жадностью, потомъ обратили признательный взглядъ ко мнѣ и подняли бокалы ко лбу, въ знакъ благодарности.

Я заглянулъ въ другую комнату: тамъ пиръ былъ въ полномъ разгарѣ. Нѣсколько раскраснѣвшихся лицъ и пріятныхъ улыбокъ доказывали, что собесѣдники тоже пробовали наши вина. Между ними я замѣтилъ одну, совсѣмъ бритую голову, безъ косички: это докторъ. Доктора и жрецы не носятъ вовсе волосъ. Онъ рекомендовался нашимъ докторамъ, былъ очень живъ и говорилъ немного по-голландски. За дессертомъ, въ подражаніе горячему саки, подали имъ глентвейнъ. Полномочные хлебнули немного, болѣе изъ любопытства. Потомъ мы, подражая тоже ихъ обычаю, поставили передъ каждымъ полномочнымъ по ящику конфектъ. Они уже тутъ не могли скрыть своего удовольствія, или удивленія, и ахнули—такъ хороши были ящики, изъ дорогаго красиваго дерева, съ деревянной же мозаикой. Да и конфекты, пестротой своей, бросались въ глаза. Потомъ имъ показали и подарили множество раскрашенныхъ гравюръ, съ изображеніемъ видовъ Москвы, Петербурга, нашихъ войскъ, еще купленныхъ въ Англіи картинокъ женскихъ головокъ, плодовъ, цвѣтовъ и т. п. Новые ахи удовольствія и изумленія!

Наконецъ, около сумерекъ, все это нашествіе иноплеменныхъ исчезло отъ насъ, съ просьбою посѣтить ихъ.

На другой день, 5-го января, рано утромъ, пріѣхали переводчики спросить о числѣ гостей, и когда сказали, что будетъ немного, они просили пригласить побольше, по-крайней-мѣрѣ хоть всѣхъ старшихъ офицеровъ. Они сказали, что настоящій, торжественный пріемъ назначенъ именно въ этотъ день, и что будетъ большой обѣдъ. Какъ нейдти на большой обѣдъ? Многіе, кто не хотѣлъ ѣхать, поѣхали.

Въ самомъ дѣлѣ, на пристани ожидала насъ толпа гуще, было больше суматохи; на встрѣчу вышли важнѣе чиновники, въ самыхъ пестрыхъ юбкахъ. Еще я замѣтилъ на этотъ разъ, кромѣ солдатъ въ коническихъ шапкахъ, какую-то прислугу, несшую бѣлые фонари изъ рыбьихъ пузырей, на высокихъ бамбуковыхъ шестахъ. Прямо противъ пристани выстроена была новенькая, только-что съ иголочки, галлерея, въ родѣ гауптвахты. Тамъ, на пяткахъ, сидѣло въ четыре ряда человѣкъ пятьдесятъ японцевъ. Наверху, на террасѣ, налѣво и прямо—вездѣ такія же галлереи: не помню, были ли онѣ прежде тутъ, или нѣтъ? А! вотъ и лошадь! наконецъ я увидѣлъ и ее: дрянная буланая лошадёнка пугалась музыки, прыгала и рвалась къ лѣстницѣ. Всадникъ едва удерживалъ ее; кажется, онъ былъ представитель японской кавалеріи. Но съ нами караула было меньше и шествіе не такъ торжественно.

Японскіе полномочные и свита одѣты были, попрежнему, очень парадно. Тсутсуй и Кавадзи объявили, что они имѣютъ вручить письмо отъ верховнаго совѣта. «Пожалуйте, гдѣ оно?» спросили ихъ. «А вотъ», отвѣчали они, указывая на окованный желѣзомъ, бѣлый сундукъ, какіе у насъ увидишь во всякомъ старинномъ купеческомъ домѣ,

и на шелковый, съ кистями, тутъ же стоящій ящикъ. «Кто приметъ письмо?» О. А. Г., по приказанію адмирала, вышелъ на средину. Церемоніймейстеръ, съ поклономъ, подошелъ и открылъ шелковый ящикъ. «Ужели такое большое письмо?» думалъ я, глядя съ любопытствомъ на ящикъ. —«Извольте же принимать», сказалъ переводчикъ. Г. взялъ ящикъ и насилу держалъ въ рукахъ. Онъ пошелъ въ «отдыхальню» и мы за нимъ, а за нами понесли сундукъ. «Зачѣмъ же большой сундукъ?» подумалъ я еще, глядя въ недоумѣніи на сундукъ. Открыли его: тамъ стоялъ другой сундукъ, поменьше, потомъ третій, четвертый, все меньше и меньше. И вотъ въ этотъ-то четвертый сундукъ и вставлялся шелковый, по счету пятый ящикъ. Но отчего жь онъ тяжелый? Подняли крышку и увидѣли въ немъ еще шестой и послѣдній ящикъ, изъ бѣлаго лакированнаго дерева, тонкой отдѣлки, съ окованными серебромъ углами. А ужь въ этомъ ящикѣ и лежала грамота отъ Горочью, въ отвѣтъ на письмо изъ Россіи, писанная на золоченой, толстой, какъ пергаментъ, бумагѣ, и завернутая въ нѣсколько шелковыхъ чехловъ. Какіе затѣйники!

Послѣ этого церемоніймейстеръ пришелъ и объявилъ, что е. в. сіогунъ прислалъ россійскому полномочному подарки и просилъ принять ихъ. Въ знакъ того, что подарки принимаются съ уваженіемъ, нужно было дотронуться до каждаго изъ нихъ обѣими руками. «Вотъ подарятъ рѣдкостей!» думали всѣ: «отъ самого сіогуна!»—«Что̀ подарили?» спрашивали мы шопотомъ у П-та, который ходилъ въ залу за подарками. «Ваты», говоритъ.—«Какъ ваты?» «Такъ, ваты шелковой, да шелковой матеріи».—«Что жь, шелковая матерія—это хорошо!»

Въ это время слуги внесли подставки, въ родѣ постелей, и на нихъ разложены были куски матерій и ваты.

Матерія двухъ цвѣтовъ, бѣлая и красная, съ тканными узорами, но такъ проста, что въ порядочномъ домѣ нельзя и драпри къ окну сдѣлать. «Что жь, нѣтъ у нихъ лучше, или не можетъ дать сіогунъ?» Какъ нѣтъ! едва ли въ Ліонѣ дѣлаютъ матеріи лучше тѣхъ, которыя мы видѣли на платьяхъ полномочныхъ. Но японцы не дарятъ и не показываютъ ихъ, чтобы не привлекать на свое добро чужихъ взглядовъ и отбить охоту торговать. Притомъ шелкъ у нихъ запрещено вывозить, наравнѣ съ металлами. Въ Японіи его мало. Имъ сырецъ привозится изъ Китая и они выдѣлываютъ матерію для собственнаго употребленія. Лучшія и богатыя матеріи дѣлаются ссыльными, на маленькой неприступной скалѣ, къ югу отъ Японіи. Тамъ ни одна лодка не можетъ пристать къ скаламъ, и преступникамъ въ извѣстные сроки привозятъ провизію, а они на веревкахъ втаскиваютъ ее вверхъ. Самъ островъ малъ и безплоденъ.

Наконецъ сундукъ съ письмомъ и подарки — все убрали, церемоніймейстеръ пришелъ опять сказать, что е. в. сіогунъ повелѣлъ угостить насъ обѣдомъ. Обѣдъ готовили, какъ видно, роскошный. Вмѣсто шести, было поставлено по двѣнадцати подставокъ или скамеечекъ, передъ каждымъ изъ насъ. На каждой скамеечкѣ—по двѣ, по три, а на иныхъ и больше чашекъ съ кушаньями. Кромѣ того были наставлены разные миніатюрные столики, коробки, какъ игрушки; на нихъ воткнуты цвѣты, сдѣланные изъ овощей и изъ матерій очень искусно. Подъ цвѣтами лежала закуска: кусочки превкусной, прессованной желтой икры, сырая рыба, красная пастила, еще что-то изъ рыбы, въ родѣ сыра.

На особомъ миньятюрномъ столикѣ, отдѣльно, посажена на деревянной палочкѣ цѣлая птичка, какъ есть

въ натурѣ, съ перьями, съ хвостомъ, съ головой, похожая на бекаса. Когда я задумался, не зная за что̀ приняться, Накамура Тамея, церемоніймейстеръ, подошелъ ко мнѣ и показалъ на птичку, предлагая попробовать ее. «Да какъ же ее ѣсть, когда она въ перьяхъ?» думалъ я, взявъ ее въ руки. Но между перьями накладено было мясо птички, изжаренное и нарѣзанное кусочками. Дичь была очень вкусна. Я съѣлъ всю птичку. Накамура знаками спросилъ, не хочу ли я другую? «Гм!» сдѣлалъ я утвердительно. Слуга вскочилъ, взялъ миньятюрную подставку, съ бывшей птичкой, и принесъ другую. А я между-тѣмъ обратилъ вниманіе на прочее: съѣлъ похлебку сладкую, съ какими-то клёцками, похожими немного и на макароны. Что̀ тамъ было еще—я и вникнуть не могъ. Далѣе была похлебка изъ грибовъ, вареныхъ цѣликомъ, рыба съ бульономъ, и подъ соусами, вареная зелень, раки и вареныя устрицы, множество соленыхъ и моченыхъ овощей: все тоже, что̀ въ первый разъ, но со многими прибавленіями.

Рыба, съ загнутымъ хвостомъ и головой, была, какъ и въ первый разъ, тутъ же, но только гораздо больше прежней. Это красная толстая рыба, называемая steinbrassen по голландски, по-японски *тай* — лакомое блюдо у японцевъ; она и въ-самомъ-дѣлѣ хороша.

Цвѣты искусственные и дичь съ перьями напомнили мнѣ старую европейскую, затѣйливую кухню, которая щеголяла такими украшеніями. Давно ли перестали изъ моркови и свеклы вырѣзывать фигуры, узоромъ располагать кушанья, строить храмы изъ леденца и т. п.? Еще и нынче по мѣстамъ водятся такія утонченности. Новѣйшая гастрономія чуждается украшеній, нельстящихъ вкусу. Угождать зрѣнію—не ея дѣло. Она презираетъ мелкимъ

искусствомъ—изъ окорока дѣлать конфетку, а изъ майонеза цвѣтникъ.

Опять мы пили саки, а японцы, сверхъ того, горячую воду; опять наставили сластей, только гораздо больше прежняго. Особенно усердно приглашали насъ наши амфитріоны ѣсть сладкое тѣсто изъ какого-то горошка. Были тутъ синія, бѣлыя и красныя конфекты, похожія вкусомъ, частью на картофель, частью на толокно. Макъ тоже игралъ роль, но всего болѣе рисъ: изъ него сдѣланы были звѣздочки, треугольники, параллелограмы и т. п. Было изъ тѣста что-то въ родѣ блина, съ начинкой изъ сахарнаго песку, въ первобытномъ видѣ, какъ онъ добывается изъ тростника: были клейкія витушки и проч. Потомъ подали еще толченаго, дорогаго чая, взбитаго съ пѣной, какъ шоколадъ.

Меня особенно помирило съ этой кухней отсутствіе всякаго растительнаго масла. Японцы ѣдятъ три раза въ сутки и очень умѣренно. Утромъ, когда встаютъ—а они встаютъ прерано, раньше даже утра—потомъ около полудня, и наконецъ въ 6 часовъ. Порціи ихъ такъ малы, что человѣку съ хорошимъ апетитомъ ихъ обѣда не достанетъ на закуску. Чашки, изъ которыхъ японцы ѣдятъ, очень малы, а ихъ подаютъ неполныя. Въ цѣлой чашкѣ лежитъ маленькій кусочекъ рыбы, въ другой три гриба плаваютъ въ горячей водѣ, тамъ опять подъ соусомъ рыбы столько, что мало одинъ разъ въ ротъ взять. И всѣ блюда такъ. Головнинъ правъ, говоря, что бывшимъ съ нимъ въ плѣну матросамъ давали мало ѣсть. По своему японцы давали довольно, а тѣмъ мало.

Мы послѣ узнали, что, для изготовленія этого великолѣпнаго обѣда, былъ приглашенъ поваръ симабарскаго удѣльнаго князя. Симабара — большой заливъ по ту сто-

рону мыса Номо, миляхъ въ двадцати отъ Нагасаки. Когда князь Симабара ѣдетъ ко двору, поваръ, говорили японцы, сопутствуетъ ему туда щеголять своимъ искусствомъ.

Въ сумерки мы простились съ хозяевами, и съ музыкой воротились домой. Вслѣдъ за нами пріѣхали чиновники узнать, довольны ли мы, и привезли гостинцы. Какое наказаніе съ этими гостинцами! побросать ящики въ воду неловко: японцы увидятъ, скажутъ, что пренебрегаемъ подарками, беречь—мѣста нѣтъ. Для большой рыбы также сдѣланы ящики, для конфектъ особо, для сладкаго хлѣба опять особо. Я сберегъ нѣсколько миньятюрныхъ подставокъ; если довезу, то увидите обращикъ терпѣнія, и въ то же время мелочности.

Привезли подарки отъ сіогуна, вату и проч., и все сложили на палубѣ: пройти негдѣ. Ее было такое множество, что можно было, кажется, обложить ею весь фрегатъ.

На другой же день начались и переговоры, и наши постоянныя поѣздки въ Нагасаки. Мы ѣздили безъ всякаго уже церемоніала, въ двухъ катерахъ. Въ одномъ адмиралъ и четверо изъ насъ: П—тъ, Г., П—въ и я, въ другомъ слуги со стульями. Когда мы предложили оставлять стулья на берегу, въ домѣ губернатора, его превосходительство—и руками и ногами противъ этого. Онъ сказалъ, что ему придется самому тамъ спать и караулить стулья. «Пожаръ будетъ, сгорятъ пожалуй», говорилъ онъ, «и крысъ тоже много въ этомъ домѣ: попортятъ». Мы всѣ засмѣялись, и онъ не выдержалъ и тоже осклабился. «Да мы не взыщемъ, у насъ еще есть», возразилъ адмиралъ. «Вы не взыщете, а я все-таки долженъ буду отвѣчать, если хоть одинъ стулъ попортится» за-

мѣтилъ онъ и не согласился, а предложилъ, если намъ скучно возить ихъ самимъ, брать ихъ и доставлять обратно въ японской лодкѣ, что̀ и дѣлалось.

Не знаю, писалъ ли я, что мѣсто велѣно дать и что губернаторъ просилъ только сроку для отдѣлки дома тамъ и т. п. Но день за днемъ проходилъ, а отговорка все была одна и таже, то есть, что помѣщеніе для насъ еще не готово. Онъ улыбался, когда ему изъявляли неудовольствіе: видно было, что онъ дѣйствовалъ не самъ собою. Ему, конечно, поручено было протянуть дѣло до нашего ухода, и онъ исполнялъ это отлично. Наконецъ тянуть долѣе было нельзя и онъ сказалъ, что мѣсто готово, но предложилъ пользоваться имъ на такихъ условіяхъ, что согласиться было невозможно: напримѣръ, чтобы баніосы провожали насъ на берегъ, и обратно къ судамъ. Адмиралъ приказалъ имъ сказать, что мѣста ненадо и отослалъ бумагу объ этихъ условіяхъ назадъ. Японцы того и хотѣли. Имъ нужно было не давать повадки иностранцамъ съѣзжать на берегъ: еслибъ они дали мѣсто намъ, надо было бы давать и другимъ: а они надѣялись, или вовсе уклониться отъ этой необходимости, или, по возможности, ограничить ее, наконецъ хоть отдалить, сколько можно, это событіе.

Не касаюсь предмета нагасакскихъ конференцій адмирала съ полномочными: переговоры эти могутъ послужить со временемъ матеріаломъ для описаній другаго рода, важнѣе, а не этихъ скромныхъ писемъ, гдѣ я, какъ въ панорамѣ, взялся представить вамъ только внѣшнюю сторону нашего путешествія.

Мы часто повадились ѣздить въ Нагасаки, почти черезъ день. Чиновники пріѣзжали *за нами* всякій разъ, хотя мы просили не дѣлать этого, благо узнали дорогу. Но имъ все еще хочется показывать народу, что ино-

странцы, не иначе, какъ подъ ихъ прикрытіемъ, могутъ выходить на берегъ.

Что съ ними дѣлать? Имъ велятъ удалиться, они отойдутъ на лодкахъ отъ фрегата, станутъ въ нѣкоторомъ разстояніи; и только мы отвалимъ, гребцы затянутъ свою пѣсню: осильянъ! осильянъ! и начнутъ стараться перегнать насъ.

Въ день, назначенный для второй конференціи, погода была ужасная: вѣтеръ штормовой ревѣлъ съ ночи, дождь лилъ, какъ изъ ведра. Японцы никакъ не воображали, что мы пріѣдемъ, не являлись *за нами* и не ждали насъ на берегу. А мы надѣли непромокаемыя пальто, взяли зонтики, да и отправились. Вода ручьемъ текла съ насъ, мы ничего, ѣдемъ себѣ. Японцы и рты разинули. Они, какъ мухи въ непогоду, сидѣли по своимъ угламъ. Въ домѣ поставили *мангалы*, небольшія жаровни, для нагрѣванія воздуха. Но воздухъ не нагрѣвался; а можно было погрѣть только руки, да угорѣть. Я не понимаю, какъ они сами терпятъ это? Мы почти всякій разъ, во время засѣданій, надѣвали шинели и пальто. Это подало поводъ почти каждому японцу подойти ко мнѣ и погладить бобровый воротникъ. На вопросъ, есть ли у нихъ мѣха, они отвѣчали, что есть звѣри: выдры и лисицы, но что мѣховъ почти никто не носитъ.

Назначать время свиданія предоставлено было адмиралу. Одинъ разъ онъ назначилъ чрезъ два дня, но, къ удивленію нашему, японцы просили назначить раньше т. е. на другой день. Дѣло въ томъ, что Кавадзи хотѣлось въ Едо, къ своей супругѣ, и онъ торопилъ переговорами. «Тѣло здѣсь, а душа въ Едо», говорилъ онъ не разъ.

Кавадзи этотъ всѣмъ намъ понравился, если не больше, такъ по-крайней-мѣрѣ столько же, сколько и старикъ Тсут-

суй, хотя иначе, въ другомъ смыслѣ. Онъ былъ очень уменъ, а этого не уважать мудрено, несмотря на то, что умъ свой онъ обнаруживалъ искусной діалектикой противъ насъ же самихъ. Но каждое слово его, взглядъ, даже манеры—все обличало здравый умъ, остроуміе, проницательность и опытность. Умъ вездѣ одинаковъ: у умныхъ людей есть одни общіе признаки, какъ и у всѣхъ дураковъ, несмотря на различіе націй, одеждъ, языка, религій, даже взгляда на жизнь.

Мнѣ нравилось, какъ Кавадзи, опершись на богатый вѣеръ, смотрѣлъ и слушалъ, когда рѣчь обращена была къ нему. До половины рѣчи ротъ его былъ полуоткрытъ, взглядъ немного озабоченъ — признаки напряженнаго вниманія. На лбу, въ мѣняющихся узорахъ легкихъ морщинъ, замѣтно отражалось, какъ собирались въ головѣ у него, одни за другимъ, понятія, и какъ формировался изъ нихъ общій смыслъ того, что̀ ему говорили. Послѣ половины рѣчи, когда, повидимому, онъ схватывалъ главный смыслъ ея, ротъ у него сжимался, складки исчезали на лбу, все лицо свѣтлѣло: онъ зналъ уже, что̀ отвѣчать. Если вопросъ противной стороны заключалъ въ себѣ, кромѣ сказаннаго, еще другой, скрытый смыслъ, у Кавадзи невольно появлялась легкая улыбка. Когда онъ самъ начиналъ говорить и говорилъ долго, онъ весь былъ въ своей мысли, и тогда въ глазахъ прямо свѣтился умъ. Если говорилъ старикъ, Кавадзи потуплялъ глаза и не смотрѣлъ на старика, какъ будто не его дѣло, но живая игра складокъ на лбу и содроганіе вѣкъ и рѣсницъ, показывали, что онъ слушалъ его еще больше, нежели насъ. Переговоры всѣ, повидимому, были возложены на него, Кавадзи, а Тсутсуй былъ посланъ такъ, больше для значенія и, можетъ-быть, тоже по своему пріятному характеру.

Однажды, въ частной бесѣдѣ, адмиралъ доказывалъ, что японцы напрасно боятся торговли; что торговля можетъ только разлить довольство въ народѣ и что никакая нація отъ торговли не приходила въ упадокъ, а напротивъ, богатѣла.

Приводили имъ въ примѣръ, чѣмъ бы иностранцы могли торговать съ ними. «Вонъ, напримѣръ, у васъ замѣтенъ недостатокъ въ первыхъ домашнихъ потребностяхъ: окна заклеены бумагой» говорилъ адмиралъ, глядя вокругъ себя, «отъ этого въ комнатахъ и темно, и холодно: вамъ привезутъ стекла, научатъ, какъ его дѣлать. Это лучше бумаги и дешево стоитъ. «У насъ» далѣе говорилъ онъ, «въ Камчаткѣ, и другихъ мѣстахъ, около лежащихъ, много рыбы, а соли нѣтъ; у васъ есть соль: давайте намъ ее и мы вамъ же будемъ возить соленую рыбу, которая составляетъ главную пищу въ Японіи. Зачѣмъ употреблять вамъ всѣ руки на воздѣлываніе риса? употребите ихъ на добываніе металловъ, а рису вамъ привезутъ съ Зондскихъ острововъ — и вы будете богаче...» — «Да», прервалъ Кавадзи, вдругъ поднявъ свои широкія вѣки, «хорошо, еслибъ иностранцы возили рыбу, стекло, да рисъ, и тому подобные, необходимые предметы: а какъ они будутъ возить вонъ этакіе часы, какіе вы вчера подарили мнѣ, на которые у насъ глаза разбѣжались, такъ вѣдь японцы вамъ отдадутъ послѣднее...» А ему подарили прекрасные столовые, астрономическіе часы, гдѣ, кромѣ обыкновеннаго циферблата, обозначены перемѣны луны и вставлены два термометра. Мы всѣ засмѣялись, и онъ тоже. «Впрочемъ примите эти слова, какъ доказательство только того, что мнѣ очень нравятся часы», прибавилъ онъ.

Хотѣли было послѣ этого говорить о дѣлѣ, но что-то не клеилось. «Нѣтъ, видно намъ уже придется кончить

эту бесѣду смѣючись», прибавилъ Кавадзи, приподнимаясь аристократически — лѣниво съ пятокъ.

Ну, чѣмъ онъ не европеецъ? Тѣмъ, что однажды за обѣдомъ спряталъ въ бумажку пирожное, а въ другой разъ слизнулъ съ тарелки сою изъ анчоусовъ, которая ему очень понравилась? это мѣстные нравы — больше ничего. Онъ до сихъ поръ не видалъ тарелки и ложки, ѣлъ двумя палочками, похлебку свою пилъ непосредственно изъ чашки. Можно ли его укорять еще и за то, что онъ, отвѣдавъ какого-нибудь кушанья, отдавалъ небрежно тарелку Эйноске, который, какъ пудель, сидѣлъ у ногъ его? Переводчикъ бралъ, съ земнымъ поклономъ, тарелку и доѣдалъ остальное.

Я вглядывался во все это и—какъ въ Китаѣ—базары и толкотня на нихъ поразили меня сходствомъ съ нашими старыми базарами, такъ и въ этихъ обычаяхъ поразило меня сходство съ нашими же старыми нравами. И у насъ, у ногъ старинныхъ баръ и барынь, сидѣли любимые слуги и служанки, шуты, и у насъ также кидали имъ куски, называемые подачкой; у насъ привозили изъ гостей разныя сласти или гостинцы. Давно ли еще Грибоѣдовъ посмѣялся, въ своей комедіи, надъ «подачкой?» Въ эпоху нашего младенчества, изъ азіятской колыбели попало въ наше воспитаніе нѣсколько замашекъ и обычаевъ, и теперь еще не совсѣмъ изгладившихся, особенно въ простомъ быту.

Послѣ восьми или десяти совѣщаній, полночные объявили, что имъ пора ѣхать въ Едо. По нѣкоторымъ вопросамъ они просили отсрочки, опираясь на то, что у нихъ скончался государь, что новый сіогунъ очень молодъ, и потому ему предстоитъ сначала показать въ глазахъ народа уваженіе къ старымъ законамъ, а не съ разу нарушать ихъ, и уже впослѣдствіи какъ-будто уступитъ необ-

ходимости. Далѣе нужно ему, говорили они, собрать на совѣтъ всѣхъ своихъ удѣльныхъ князей, а ихъ шестьдесять человѣкъ.

Однажды, на вопросъ, кажется, о томъ, отчего они такъ медлятъ торговать съ иностранцами, Кавадзи отвѣчалъ: «торговля у насъ дѣло новое, несозрѣлое; надо подумать, какъ, гдѣ, чѣмъ торговать. Дѣвицу отдаютъ замужъ, прибавилъ онъ, когда она выростетъ: торговля у насъ не выросла еще...»

Послѣ семи или восьми засѣданій, началъ уже ѣздить на фрегатъ церемоніймейстеръ Накамура Тамея, съ Эйноске, и съ четырьмя секретарями, записывавшими все, что̀ говорилось. Ка̀къ быстро подчиненный усвоиваетъ здѣсь роль начальника, да и не здѣсь только! Накамура, какъ медвѣдь, неловко влѣзалъ на мѣсто, гдѣ сидѣли полномочные, сжималъ, по привычкѣ многихъ японцевъ, руки въ кулаки и опиралъ ихъ о колѣни, морщилъ лобъ и говорилъ съ важностью. Но его постигла-было вотъ какая бѣда: адмиралъ отдалъ ему, для передачи полномочнымъ, запечатанный пакетъ, заключавшій важныя бумаги.

Накамура преблагополучно доставилъ его по адресу. Но на другой день вдругъ явился, въ ужасной тревогѣ, съ пакетомъ, умоляя взять его назадъ... Какъ взять? Это не водится, да и ненужно, причины нѣтъ! приказалъ отвѣчать адмиралъ. «Есть, есть», говорилъ онъ: «мнѣ не велѣно возвращаться съ пакетомъ, и я не смѣю уѣхать отъ васъ. Сдѣлайте милость, возьмите!»

И сами полномочные перепугались: «въ бумагахъ говорится что-то такое», прибавилъ Накамура, «о чемъ имъ не дано никакихъ приказаній въ Едо: тамъ подумаютъ, что они какъ-нибудь сами напросились на то, что̀ вы пишете». Видя, что бумагъ не берутъ, Накамура просилъ адресовать ихъ прямо въ Горочью. На это согласились.

Какъ онъ обрадовался, когда П-тъ, по приказанію адмирала, дотронулся до бумаги рукой: это значило—взялъ. Онъ, съ радости, отвязалъ отъ пояса бронзовый флакончикъ для духовъ, который они всѣ носятъ (т. е. кто важнѣе), и подалъ его П-ту. Мы всѣ засмѣялись. Въ этомъ Накамурѣ есть еще что-то дикое, впрочемъ только въ наружности. Онъ похожъ немного, взглядами, голосомъ и движеніями, на звѣря. Онъ полюбилъ П—та и меня, безпрестанно гладилъ насъ по плечу, подавалъ руку. Еще въ первое посѣщеніе фрегата, когда четверо полномочныхъ и онъ сидѣли съ нами за обѣдомъ въ адмиральской каютѣ, онъ выказалъ мнѣ расположеніе: предлагали тосты, и онъ предложилъ, сказавъ, что очень радъ *видѣть всѣхъ, особенно меня*. Мы всѣ засмѣялись. Впрочемъ я и П — тъ, можетъ-быть, обязаны его вниманіемъ тому, что мы усердно хозяйничали, потчивали гостей, подливали имъ шампанское, въ томъ числѣ и ему. «Мы не умѣемъ такъ угостить васъ», задумчиво говорили они, какъ-будто съ завистью. Накамурѣ понравилось очень пьянино въ каютѣ капитана. Когда стали играть, онъ пришелъ въ восторгъ. «Кото, кото!» отрывисто твердилъ онъ, показывая на фортепьяно. Такъ называется, похожій съ виду на фортепьяно, японскій музыкальный инструментъ, въ родѣ гуслей, на которыхъ играютъ японки.

Чтобъ занять его чѣмъ-нибудь, пока адмиралъ читалъ привезенную имъ бумагу, я показывалъ ему разныя картинки, между-прочимъ прошлогоднихъ женскихъ модъ. Картинки эти вшиты были въ журналы. Женскія фигуры и платья произвели большой эффектъ. Замѣтивъ это, я выдралъ картинки изъ журналовъ и подарилъ ему. Онъ былъ въ восторгѣ. Еще я подарилъ ему видъ Лондона, въ сверткѣ, величиной въ восьмнадцать футовъ, купленный мною въ

туннелѣ подъ Темзой. Накамура обрадовался, и на другой же день привезъ мнѣ коробку лучшаго табаку, двѣ трубки и два маленькіе кисета. Отдавая, онъ повторялъ: «табакко, табакко». Португальцы завезли имъ это слово вмѣстѣ съ табакомъ.

Занимая Накамура, я взялъ маленькій японскій словарь Тунберга и разговоры, и началъ читать японскія фразы, писанныя латинскими буквами. Неимовѣрный хохотъ поднялся между Накамурой и другими японскими собесѣдниками. Между прочимъ тамъ есть фраза: «покажи мнѣ домъ Миссури». Я, вмѣсто Миссури, вставилъ имя губернатора Овосава и привелъ гостей въ крайнее недоумѣніе, даже въ испугъ. Накамура, собесѣдники его и два переводчика, стали заглядывать въ книгу, чтобъ узнать, какъ попало туда имя губернатора. Узнавъ мою хитрость, Накамура грозилъ мнѣ пальцемъ и хохоталъ. Впрочемъ видно, что онъ смышленый и распорядительный человѣкъ, хотя и медвѣжьей наружности.

Противнѣе всѣхъ велъ себя Эйноске. Онъ былъ переводчикомъ при Кавадзи, и потому переводилъ важнѣйшую часть переговоровъ. Онъ зазнался, едва слушалъ другихъ полномочныхъ; когда Кавадзи не было, онъ сидѣлъ на стулѣ развалившись. Вообще не скрывалъ, что онъ выросъ, и подъ конецъ переговоровъ велъ себя гораздо хуже, нежели въ началѣ. Онъ не прочь и покутить: часто просилъ шампанскаго, и одинъ разъ, при Накамурѣ, такъ напился съ четырехъ бокаловъ, что вздумалъ-было разсуждать самъ, не переводить того, что̀ ему говорили: но ему сказали, что возьмутъ другаго переводчика. Кичибе не забывался: онъ показывалъ зубы, сидѣлъ въ уголку и хикалъ на всѣ стороны. «Хи!» откликался онъ, быстро оборачиваясь, то къ тому, то къ другому японцу, когда кли-

кали «Кичибе!» — «Кичибе!» кликнулъ я однажды въ шутку. «Хи!» отозвался онъ на мою сторону и поползъ ко мнѣ, но увидѣвъ ошибку, добродушно засмѣялся и поползъ назадъ.

Когда мы ѣздили въ Нагасаки, намъ каждый день давали въ полдень закуску, а часа въ три, такъ называемый *банкетъ*, т. е. чай и конфекты. Мы тоже угощали Накамуру и всю свиту его, и они охотно ѣздили къ намъ. Губернаторскіе чиновники не показывались больше, такъ-какъ дѣла велись уже съ полномочными и пріѣхавшими съ ними чиновниками. Особенно съ удовольствіемъ ѣли они мясо и пили вишневку. Ихъ всячески забавляли: показывали волшебный фонарь, модель паровоза, рельсы. Съ разинутыми ртами смотрѣли они, какъ мчится самасобою машинка, испуская паръ; играли для нихъ на маленькихъ органахъ, наконецъ гремѣла наша настоящая музыка.

Адмиралъ приказалъ сказать Накамурѣ, что онъ проситъ полномочныхъ на второй прощальный обѣдъ, на фрегатъ. Между-тѣмъ наступилъ ихъ новый годъ, начинающійся съ январскимъ новолуніемъ. Это было 17 января. Адмиралъ послалъ двумъ старшимъ полномочнымъ двѣ свои визитныя карточки и подарки, состоящіе изъ вишневки, ликеровъ, части быка, пирожнаго, потомъ послали имъ маленькіе органы, картинки, альбомы и т. п.

20 января нашего стиля, обѣщались опять быть и сами полномочные, и были. Пріѣхавъ, они сказали, что ѣхали на фрегатъ съ большимъ удовольствіемъ. Имъ подали чаю, потомъ адмиралъ сталъ говорить о дѣлахъ.

Передъ обѣдомъ имъ опять показали тревогу въ батарейной палубѣ, но у нихъ отъ этого, кажется, душа въ пятки ушла. Въ-самомъ-дѣлѣ, для непривычнаго человѣка

покажется жутко, когда вдругъ четыреста человѣкъ, по барабану, бѣгутъ къ пушкамъ, такъ-что не подвертывайся: сшибутъ съ ногъ; раскрѣпляютъ ихъ, отодвигаютъ, заряжаютъ, палятъ (примѣрно только, ударными трубками, т. е. пистонами) и опять придвигаютъ къ борту. Почти пяти-аршинныя орудія летаютъ, какъ игрушки. Грохотъ орудій, топотъ людей, вспышки и удары пистоновъ, слова команды—все это *больно видѣть* и не *японскому глазу*. Видно было, что нашимъ гостямъ это удовольствіе не совсѣмъ понравилось. Старикъ Тсутсуй испугался до дурноты. Велѣли скорѣе прекратить. Наканунѣ они засылали Эйноске просить, будто для себя, а въ-самомъ-дѣлѣ, конечно, по приказанію изъ Едо, подарить одно ружье съ новымъ прицѣломъ, да нѣсколько пушечныхъ пистоновъ. Но адмиралъ отказалъ, замѣтивъ, что такіе предметы можно дарить только тѣмъ, съ кѣмъ находишься въ самыхъ дружескихъ и постоянныхъ сношеніяхъ.

Послѣ тревоги показали парусное ученье: въ нѣсколько минутъ отдали и убрали паруса.

Потомъ сѣли за столъ, уже не попрежнему, а всѣ вмѣстѣ, на европейскій ладъ, т. е. всѣ четверо полномочныхъ, потомъ Тамея, да насъ семь человѣкъ. Остальнымъ накрытъ былъ столъ въ кают-компаніи. Кичибе и Эйноске сѣли опять на полу, у ногъ старшихъ двухъ полномочныхъ. Блюда всѣ подавали по европейски. Я помогалъ управляться съ ними Кавадзи, а П—тъ Тсутсую. Кавадзи ѣлъ все съ разборомъ, спрашивалъ о каждомъ блюдѣ, а старикъ жевалъ, кажется, безсознательно, что̀ ему ни подавали. Они охотнѣе и больше пили, нежели въ первый разъ, выучились у насъ провозглашать здоровье и безпрестанно подливали вино, и намъ, и себѣ. Мы отпивали по-

немногу, а они добродушно каждый разъ выпивали всю рюмку.

Въ срединѣ обѣда Кавадзи сталъ немного волноваться; старикъ ничего. Подали шампанское. Когда пробка выскочила и вино брызнуло вонъ, они сдѣлали большіе глаза. Эйноске, какъ человѣкъ опытный, поспѣшилъ растолковать имъ свойство этого вина. Адмиралъ предложилъ тостъ: «за успѣшный ходъ нашихъ дѣлъ!» Кавадзи, послѣ бокала шампанскаго и трехъ рюмокъ наливки, положилъ голову на столъ, пробылъ такъ сѣ минуту, потомъ отряхнулъ хмѣль, какъ сонъ, отъ глазъ, и быстро спросилъ: «когда онъ будетъ имѣть удовольствіе угощать адмирала и насъ въ послѣдній разъ у себя?»—«Когда угодно, лишь бы это не сдѣлало ему много хлопотъ», отвѣчено ему. Но онъ просилъ назначить день, и когда адмиралъ назначилъ чрезъ два дня, Кавадзи прибавилъ, что къ этому сроку и послѣднія, требованныя адмираломъ бумаги, будутъ готовы. Кавадзи все твердилъ: «до свиданія, когда увидимся?» Онъ надѣялся, не выскажемся ли мы, куда пойдемъ изъ Нагасаки, т. е. не воротимся ли въ Россію. Эйноске однажды началъ мѣрять столъ въ адмиральской каютѣ. «Зачѣмъ?» спросили его. «А чтобъ сдѣлать такой же, отвѣчалъ онъ, когда придется угощать васъ опять». Онъ думалъ, не обнаружимъ ли мы при этомъ случаѣ нашихъ намѣреній; но имъ ничего не сказали; говорили только «до свиданія», а гдѣ, когда — ни слова.

Это пугало ихъ: ну, какъ нагрянемъ въ Едо? тогда весь трудъ полномочныхъ пропалъ, и ихъ пріѣздъ въ Нагасаки былъ напрасенъ. Имъ хотѣлось отвратить насъ отъ Едо, между-прочимъ для того, чтобъ мы не стакнулись съ американцами, да не стали открывать торговлю сейчасъ же, и, пожалуй, чего добраго, не одними перего-

ворами. Вы, конечно, знаете изъ газетъ, что японцы открыли три порта для американцевъ. Адмиралъ полагаетъ, что послѣ этого затворничество Японіи должно кончиться само собою, безъ трактатовъ. Китоловы не упустятъ случая ходить по портамъ, тѣмъ болѣе, что японцы, не желая допускать ничего похожаго на торговлю, по-крайней-мѣрѣ теперь, пока зрѣло не обдумаютъ и не рѣшатъ этотъ вопросъ между собою, не хотятъ и слышать о платѣ за дрова, провизію и доставку за воды. А китоловамъ то и на руку, особенно дрова важны для нихъ: извѣстно, что они, поймавъ кита, на океанѣ же топятъ и жиръ изъ него. Теперь плаваетъ множество китолововъ: какъ усмотрѣть, чтобъ они не торговали въ японскихъ портахъ, которые открыты только для того, чтобъ суда могли забѣжать, взять провизіи, воды, да и вонъ скорѣй? Японцы будутъ мѣшать съѣзжать на берегъ, свозить товары; затѣется не разъ ссора, можетъ-быть драка, сначала частная, а тамъ... Извѣстно, къ чему все это ведетъ.

За обѣдомъ я взялъ на минуту вѣеръ изъ рукъ Кавадзи посмотрѣть: простой, пальмоваго дерева, обтянутый бумажкой. Я хотѣлъ отдать ему назадъ, но онъ просилъ знаками удержать у себя «на память», какъ перевелъ Эйноске слова его. Я поблагодарилъ, но не желая оставаться въ долгу, отвинтилъ золотую цѣпочку отъ своихъ часовъ и подалъ ему. Онъ на минуту остановился, выслушалъ переведенное ему мое привѣтствіе и сказалъ, что благодаритъ и принимаетъ мой подарокъ. Потомъ вышелъ изъ-за стола и что-то шепнулъ Эйноске. Это вотъ что̀: Кавадзи и Тсутсуй приготовили мнѣ и П—ту по два ящика съ трубками, въ подарокъ. Принявъ отъ меня золотую цѣпочку, онъ вѣроятно нашелъ, что подарокъ его слишкомъ ничтоженъ. Кичибе, не зная ничего этого, послѣ обѣда

началъ вертѣться подлѣ меня и, по своему обыкновенію, задыхаться смѣхомъ и кряхтѣть. Онъ раза два принимался было говорить со мною, и наконецъ не вытерпѣлъ, и въ третій разъ заговорилъ, нужды нѣтъ, что я не знаю по-голландски. «Ихъ превосходительства, Тсутсуй и Кавадзи просятъ васъ и П—та принять по маленькому подарку...» Эйноске не далъ ему кончить и увелъ въ столовую. Трубки всѣ подарили П — ту, который, благодаря мнѣ, получилъ подарокъ въ двойномъ количествѣ.

На другой день Кавадзи прислалъ мнѣ три куска шелковой матеріи и четыре пальмовые чубука, съ мѣдными мундштуками и трубками. Мѣдь блещетъ, какъ золото; и въ-самомъ-дѣлѣ въ японской мѣди много его. Тсутсую я подарилъ серебряную позолоченную ложку, съ черньюю, фасона нашихъ деревенскихъ ложекъ, и пожелалъ, чтобъ онъ привыкъ ѣсть ею и пріучилъ бы дѣтей своихъ, «въ надеждѣ почаще обѣдать съ русскими». Онъ прислалъ мнѣ въ отвѣтъ два маленькіе ящика, одинъ лакированный, съ инкрустаціей изъ перламутра, другой деревянный, обтянутый кожей акулы, миньятюрный поставецъ, въ какомъ возятъ въ дорогѣ пищу. Это очень оригинальная вещь. Третій полномочный, которому я подарилъ porte-monnaie, отдарилъ меня полдюжиной кошельковъ для табаку и черенковъ для ножа. Японцы носятъ разныя насѣчки на своихъ сабляхъ, и между прочимъ небольшіе ножи. Подаренный мнѣ стальной черенокъ былъ тонкой отдѣлки, съ рисованными цвѣтами, птицами и съ японскою надписью. Накамура прислалъ мѣдную японскую чернильницу, съ кистью и тушью.

Подарки, присланные адмиралу, завалили всю палубу, всю каюту. Сами вещи не слишкомъ громоздки, но для всякой сдѣланъ особый ящикъ, и такъ отчетливо, какъ-будто долженъ служить цѣлый вѣкъ. Многіе подарки были

очень замѣчательны, одни по изяществу, другіе по рѣдкости у насъ. Вазы и чашки фарфоровыя прекрасны, лакированныя вещи еще лучше. Прислали столиковъ, шкапчиковъ, этажерокъ, даже цѣлыя ширмы; далѣе, куколъ, въ полномъ японскомъ костюмѣ, кинжалъ, украшенія къ нему и прочее. Еще прислали сои — это просто наказаніе! Одинъ изъ чиновниковъ подарилъ до пятнадцати кадочекъ съ соей. Прислали саки, какой-то сушеной рыбы, икры; губернаторъ—опять зелени, все это на прощанье.

Послѣ обѣда адмиралъ подалъ Кавадзи золотые часы «къ цѣпочкѣ, которую вамъ сейчасъ подарили», добавилъ онъ. Кавадзи былъ въ восторгѣ: онъ еще и въ засѣданіяхъ какъ-будто напрашивался на такой подарокъ и все показывалъ свои толстые, неуклюжіе серебряные часы, какихъ у насъ не найдешь теперь даже у деревенскаго дьячка. Тсутсую подарили часы поменьше, тоже золотые, и два куска шелковой матеріи. Прочимъ двумъ по куску матеріи.

Въ 8 часовъ они отправились. Едва они отъѣхали сажень десять отъ фрегата, какъ вдругъ на концахъ всѣхъ рей показались, сначала искры, потомъ затеплились огоньки, пока слабо, потомъ внезапно весь фрегатъ будто вспыхнулъ, и окрестность далеко озарилась фантастическимъ заревомъ бенгальскихъ огней. На палубѣ можно было увидѣть иголку — такъ ярко обливало зарево фрегатъ и удалявшіяся японскія лодки, и еще ярче отражалось оно въ водѣ. Это произвело эффектъ: на другой день у японцевъ только и разговора было, что объ этомъ: они спрашивали, ка̀къ, что̀, изъ чего, просили показать, ка̀къ это дѣлается.

Въ субботу мы были у нихъ. Мрачно, сыро, холодно въ комнатахъ, несмотря на то, что день былъ порядочный.

До обѣда время прошло въ привѣтствіяхъ, изъявленіяхъ дружбы. И съ губернаторами заключенъ былъ миръ. Адмиралъ сказалъ имъ, что хотя отношенія наши съ ними были не совсѣмъ пріятны, касательно отведенія мѣста на берегу, но онъ понимаетъ, что губернаторы ничего безъ воли своего начальства не дѣлали и потому противъ нихъ собственно ничего не имѣетъ, напротивъ, благодаритъ ихъ за нѣкоторыя одолженія, доставку провизіи, воды и т. п.; но проситъ только ихъ представить своему начальству, что если оно намѣрено вступить въ какіе бы то ни было сношенія съ иностранцами, то пора ему подумать объ отмѣнѣ всѣхъ этихъ стѣсненій, которыя всякой благородной націи покажутся оскорбительными. Губернаторъ отвѣчалъ, что онъ объ этомъ извѣститъ свое начальство, а его проситъ извинить только въ томъ, что провизія иногда доставлялась не вполнѣ, сколько требовалось, по причинѣ недостатка. Губернаторамъ послали по куску шелковой матеріи; они отдарили, ужъ не знаю чѣмъ: ящиковъ возили такъ много, что намъ надоѣло даже любопытствовать, что̀ въ нихъ такое.

Прощальный обѣдъ у полномочныхъ былъ полный, хорошій. Похлебка съ лукомъ, приправленная соей и пряностями, очень вкусна. Въ ней плавали фрикадельки, только не знаю изъ чего. Я опять съ удовольствіемъ поѣлъ красной прессованной икры, рыбы подъ соусомъ, съѣлъ двѣ чашки горячаго рису. Накамура, въ подражаніе намъ, безпрестанно подходилъ ко всѣмъ намъ и усердно потчивалъ. «Не угодно ли еще чего нибудь?» спрашивали хозяева. «Нѣтъ, ничего, благодаримъ». «Можетъ быть, рису, или саки чашечку?» — «Нѣтъ, нѣтъ; мы сыты». — «Ну, не выпьете ли горячей воды?» ласково спросилъ старикъ. Мы отказались и отъ этого. «Стало-быть, можно убирать?» —«Сдѣлайте милость».

Послѣ обѣда подали «банкетъ». Конфекты такъ и блестѣли на широкой тарелкѣ синяго фаянса. И какихъ тутъ не было! желтыя, красныя, осыпанныя рисовой пылью, а все ѣсть нельзя. Все это завернули, вмѣстѣ съ тарелкой, и отослали къ намъ: Ѳаддееву праздникъ! Послѣ поставили передъ каждымъ изъ насъ по подставкѣ, на которой лежали куски матеріи, еще подарки отъ Сіогуна. Матеріи льняныя, шелковыя и, кажется, бумажныя. Офицерамъ всѣмъ принесли по ящику, съ дюжиной чашекъ, тонкаго, почти прозрачнаго фарфора—тоже отъ имени японскаго государя. Матеріи, кажется, считаются, какъ подарокъ, выше; но ихъ охотно можно промѣнять на эти легкія, почти прозрачныя, оригинальныя чашки.

Полномочные опять пытались узнать, куда мы идемъ, между прочимъ, не въ Охотское ли море, т. е. не скажемъ ли, въ Петербургъ. «Теперь пока въ Китай, сказали имъ: въ Охотскомъ морѣ—льды, туда нельзя». Эта скрытость очевидно не нравилась имъ. Напрасно Кавадзи прищуривалъ глаза, закусывалъ губы: на него смотрѣли съ улыбкой. Бѣда ему, если мы идемъ въ Едо!

Адмиралъ не хотѣлъ однакожь напрасно держать ихъ въ страхѣ: онъ предполагалъ объявить имъ, что мы воротимся не прежде весны, но только хотѣлъ сказать это, уходя, чтобы они не дѣлали возраженій. Оттого имъ послали объявить объ этомъ, когда мы уже снимались съ якоря. На прощаньѣ, Тсутсуй и губернаторы прислали еще недосланные подарки, первый бездну ящиковъ адмиралу, П-ту, капитану и мнѣ, вторые—живности и зелени, для всѣхъ.

Вѣтеръ былъ попутный, погода тихая. Намъ ненужно было уже держаться вмѣстѣ съ другими судами. Адмиралъ отпустилъ ихъ, приказавъ идти на Ликейскіе острова, и

мы, поставивъ всѣ паруса, 24-го января, покатили по широкому раздолью на югъ. Шкуна ушла еще прежде, за извѣстіями въ Шанхай о томъ, что̀ дѣлается въ Европѣ, въ Китаѣ. Ей тоже велѣно придти на Лю-чу. Не привезетъ ли она писемъ отъ васъ? Я что-то отчаяваюсь, получаете ли вы мои? Манилла! Манилла! вотъ наша мечта, наша обѣтованная земля, куда стремятся напряженныя наши желанія. Это та же Испанія, съ монахами, синьорами, покрывалами, дуэньями, боемъ быковъ, да еще, въ добавокъ, Испанія тропическая!

IV.

ЛИКЕЙСКІЕ ОСТРОВА.

Видъ берега. — Бо-Тсунгъ. — Базиль Галль. — Идиллія. — Дорога въ столицу. — Столица Чуди. — Каменныя работы. — Пейзажи. — Жители, домы и храмы. — Поля. — Королевскій замокъ. — Зависимость острововъ. — Протестантскій миссіонеръ. — Другая сторона идилліи. — Напа-Кіянъ. — Жилище миссіонера. — Напакіянскій губернаторъ. — Корабль съ китайскими эмигрантами. — Прогулки и отплытіе.

Портъ Напа-Кіянъ, съ 31-го января по 9-е февраля 1854 г.

Я все время поминалъ васъ, мой задумчивый артистъ: войдешь, бывало, утромъ къ вамъ въ мастерскую, откроешь васъ гдѣ-нибудь за рамками, передъ полотномъ, подкрадешься такъ, что вы, углубившись въ вашу творческую мечту, не замѣтите, и смотришь, ка̀къ вы набрасываете очеркъ, сначала легкій, блѣдный, туманный; все мѣшается въ одномъ свѣтѣ: деревья съ водой, земля съ небомъ...

Придешь потомъ черезъ нѣсколько дней—и эти блѣдные очерки обратились уже въ опредѣлительные образы: берега дышатъ жизнью, все ярко и ясно...

Въ такихъ блѣдныхъ очертаніяхъ, какъ ваши эскизы, явились сначала мнѣ Ликейскіе острова. Масса земли, не то синей, не то сѣрой, мѣстами лежала горбатой кучкой, мѣстами полосой тянулась по горизонту. Насъ отдѣляли отъ берега пять-шесть миль и гряда коралловыхъ рифовъ. Объ эту каменную стѣну яростно била вода, и буруны, или разстилались далеко гладкой пеленой, или высоко вскакивали и облаками снѣжной пыли сыпались въ стороны. Издали казалось, что изъ воды вырывались клубы густаго бѣлаго дыма; а кругомъ синее-пресинее море, въ которое съ рифовъ потоками катился жемчугъ да изумруды. Берегъ теменъ; но вдругъ лучъ падалъ на какой-нибудь клочокъ, покрытый свѣжимъ всходомъ, и какъ ярко зеленѣлъ этотъ клочокъ!

Послѣдніе два дня дулъ крѣпкій, штормовой вѣтеръ; наконецъ онъ утихъ и позволилъ намъ зайдти за рифы, на рейдъ. Это было сдѣлано съ разсвѣтомъ; я спалъ и ничего не видалъ. Я вышелъ на палубу, и берегъ представился мнѣ вдругъ, какъ уже оконченная, полная картина, прихотливо-изрѣзанный красивыми линіями, со всѣми своими очаровательными подробностями, въ краскахъ, въ блескѣ.

Берегъ, особенно въ сравненіи съ Нагасакскимъ, казался низменнымъ; но за-то какъ онъ разнообразенъ! Налѣво отъ насъ выдающаяся въ море часть вывѣтрилась. Тамъ росла скудная трава, изъ за которой, какъ лысина сквозь рѣдкіе волосы, проглядывали кораллы, посѣрѣвшіе отъ непогодъ, кое-гдѣ кусты, да глинистыя отмели. Прямо передъ нами, берега далеко отступили отъ мели назадъ,

представляя коллекцію пейзажей, одинъ другаго лучше. Низменная часть тонетъ въ густыхъ садахъ; холмы покрыты нивами, точно красивыми разноцвѣтными заплатами; вершины холмовъ увѣнчаны кедрами, которые стоятъ дружными кучками, съ своими горизонтальными вѣтвями.

Что̀ за зелень тамъ, въ этой кучѣ деревьевъ? чѣмъ засѣяны поля? каковы домы?... Скорѣй, скорѣй, на берегъ! Двѣ коралловыя сѣрыя скалы выступаютъ далеко изъ береговъ и висятъ надъ водой; на вершинѣ одной изъ нихъ видна кровля протестантской церкви, а рядомъ съ ней тяжело залегли въ густой травѣ и кустахъ каменныя массивныя глыбы разныхъ формъ, цилиндры, полукруги, овалы: издалека примешь ихъ за зданія—такъ велики они. Это памятники кладбища. Далѣе направо берегъ опять немного выдался къ морю и идетъ, то холмами, то тянется низменной, песчаной отмелью, заливаемой приливомъ. Вплоть почти подъ самымъ берегомъ идетъ гряда рифовъ, черезъ которые скачутъ буруны; мѣстами высунулись изъ воды камни; во время отлива они видны, а въ приливъ прячутся.

Вообще весь рейдъ усѣянъ мелями и рифами. Бѣда входить на него безъ хорошихъ картъ! а тутъ одна только карта и есть порядочная—Бичи. Черезъ часъ катеръ нашъ, чуть-чуть задѣвая килемъ за каменья обмелѣвшей при отливѣ пристани, уперся въ глинистый берегъ. Мы выскочили изъ шлюпки и очутились—въ саду не въ саду, и не въ лѣсу, а въ какомъ-то паркѣ, подъ непроницаемымъ сводомъ, отчасти знакомыхъ и отчасти незнакомыхъ деревьевъ и кустовъ. Изъ нашихъ сѣверныхъ знакомцевъ было тутъ немного сосенъ, а то все новое, у насъ невиданное.

Меня опять поразилъ, какъ на Явѣ и въ Сингапурѣ, сильный, приторный и пряный запасъ тропическихъ лѣ-

совъ, охватила теплая влажность ароматическихъ испареній. Мимо лѣса краснаго дерева и другихъ, которые толпой жмутся къ самому берегу, какъ-будто хотятъ столкнуть другъ друга въ воду, пошли мы по тропинкѣ къ другому большому лѣсу, или саду, манившему издали къ себѣ. Мы прошли по глинистой отмели, мимо ямъ и врытыхъ туда сосудовъ, для добыванія изъ морской воды соли. За отмелью начиналась аллея, или улица—какъ хотите, маленькой деревушки Бо-Тсунгъ.

Возьмите путешествіе Базиля Галля (въ 1816 г.): онъ въ числѣ первыхъ посѣтилъ Ликейскіе острова, и взгляните на приложенную къ книгѣ картину, видъ острова: это именно тотъ, гдѣ мы пристали. Вы посмѣетесь надъ этимъ сказочнымъ ландшафтомъ, надъ огромными деревьями, спрятавшимися въ лѣсу хижинами, красивымъ ручейкомъ. Все это покажется похожимъ на пейзажи—съ деревьями изъ моху, съ стеклянной водой и съ бумажными людьми. Но когда увидите оригиналъ, тогда посмѣетесь только безсилію картинки сдѣлать что-нибудь похожее на дѣйствительность.

Что это такое «Ликейскіе острова», или, какъ писали у насъ въ старыхъ географіяхъ «Ліеу-Кіеу», или какъ иностранцы называютъ ихъ «Лю-чу» (Loo-Choo), а по выговору житетей «Ду-чу?» Развертываете того же Галля, думаете прочесть путешествіе и читаете—идиллію. Да̀, это идиллія, брошенная среди безконечныхъ водъ Тихаго океана. Слушайте теперь сказку: дерево къ дереву, листокъ къ листку такъ и прибраны, не спутаны, не смѣшаны въ неумышленномъ безпорядкѣ, какъ обыкновенно дѣлаетъ природа. Все будто размѣрено, расчищено и красиво разставлено, какъ на декораціи, или на картинахъ Вато. Читаете, что люди, лошади, быки—здѣсь карлики, а куры и

пѣтухи—великаны; деревья колоссальныя, а между ними чуть-чуть журчатъ серебряныя нити ручейковъ, да пріятно шумятъ театральные каскады. Люди добродѣтельны, питаются овощами и ничего между собою, кромѣ учтивостей, не говорятъ: иностранцы ничего, кромѣ дружбы, ласкъ да земныхъ поклоновъ, отъ нихъ добиться не могутъ. Живутъ они патріархально, толпой выходятъ на встрѣчу путешественникамъ, берутъ за руки, ведутъ въ домы и съ земными поклонами ставятъ передъ ними избытки своихъ полей и садовъ... Что̀ это? гдѣ мы? среди древнихъ пастушескихъ народовъ, въ золотомъ вѣкѣ? Уже ли Ѳеокритъ въ-самомъ-дѣлѣ правъ?

Все это мнѣ приходило въ голову, когда я шелъ подъ тѣнью акацій, миртовъ и баніановъ; между ними видны кое-гдѣ пальмы. Я заходилъ въ сторону, шевелилъ въ кустахъ, разводилъ листья, смотрѣлъ на ползучія растенія, и потомъ бѣжалъ догонять товарищей.

Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ меньше вѣрилось глазамъ. Между деревьями, въ-самомъ-дѣлѣ какъ на картинкѣ, жались хижины, окруженныя каменнымъ заборомъ изъ коралловъ, сложенныхъ такъ плотно, что любая пушка задумалась бы передъ этой крѣпостью: и это только, чтобъ оградить какую-нибудь хижину. Я заглядывалъ за заборъ: миньятюрные домы окружены огородомъ и маленькимъ полемъ. Въ деревнѣ заборъ былъ сплошной: на стѣнѣ, за стѣной, росли деревья; изъ-за нихъ выглядывали цвѣты. Еще издали завидѣлъ я, у воротъ стояли, опершись на длинные бамбуковые посохи, жители; между ними, съ важной осанкой, съ задумчивыми, серьезными лицами, въ широкихъ, простыхъ, но чистыхъ халатахъ, съ широкимъ поясомъ, видѣлись — совѣстно и сказать «старики», непремѣнно скажешь, «старцы», съ длинными сѣдыми бо-

родами, съ зачесанными кверху и собранными въ пучокъ на маковкѣ волосами. Когда мы подошли поближе, они низко поклонились, преклоняя головы и опуская внизъ руки. За нихъ боязливо прятались дѣти.

«Что это такое?» твердилъ я, удивляясь все болѣе и болѣе: «этакъ, не только Ѳеокриту, повѣришь и мадамъ Дезульеръ и Геснеру, съ ихъ Меналками, Хлоями и Дафнами; недостаетъ барашковъ на ленточкахъ. А тутъ кстати, какъ нарочно, нашихъ барановъ велѣно свезти на берегъ погулять, будто въ дополненіе къ идилліи.

— «Куда же мы идемъ?» вдругъ спросилъ кто-то изъ насъ, и всѣ мы остановились.—«Куда эта дорога?» спросилъ я одного жителя по-англійски. Онъ показалъ на ухо, помоталъ головой и сдѣлалъ отрицательный знакъ. — «Пойдемте въ столицу», сказалъ И. В. Ф.: – въ Чую или Чуди (Tshudi, Tshue—по-китайски Шоу-ли, главное мѣсто, но жители произносятъ *Шули*); до нея часъ ходьбы, по прекрасной дорогѣ, среди живописныхъ пейзажей. — «Пойдемте».

Я любовался тѣмъ, что̀ вижу, и дивился, не тропической растительности, не теплому, мягкому и пахучему воздуху — это все было и въ другихъ мѣстахъ, а этой стройности, прибранности лѣса, дороги, тропинокъ, садовъ, простотѣ одеждъ и патріархальному, почтенному виду стариковъ, строгому и задумчивому выраженію ихъ лицъ, нѣжности и застѣнчивости въ чертахъ молодыхъ; дивился также я этимъ землянымъ и каменнымъ работамъ, стоившимъ столькихъ трудовъ: это муравейникъ, или въ самомъ дѣлѣ идиллическая страна, отрывокъ изъ жизни древнихъ. Здѣсь ка̀къ все родилось, та̀къ, кажется, и не мѣнялось цѣлыя тысячелѣтія. Что̀ у другихъ смутное преданіе, то̀ здѣсь современность, чистѣйшая дѣйствительность. Здѣсь еще возможенъ золотой вѣкъ.

Лѣсъ какъ садъ, какъ паркъ царя, или вельможи. Вездѣ видѣнъ бдительный глазъ и заботливая рука человѣка, которая беретъ обильную дань съ природы, не искажая и не оскорбляя ея величія. Глядя на эти коралловые заборы, вы подумаете, что за ними прячутся такіе же крѣпкіе каменные домы — ничего не бывало: тамъ скромно стоятъ игрушечные домики, крытые черепицей, или бѣдныя хижины, въ родѣ хлѣвовъ, крытыя рисовой соломой, о трехъ стѣнкахъ изъ тонкаго дерева, заплетеннаго бамбукомъ; четвертой стѣны нѣтъ: одна сторона дома открыта; она задвигается, въ случаѣ нужды, рамой, заклеенной бумагой, за неимѣніемъ стеколъ; это у зажиточныхъ домовъ, а у хижинъ вовсе не задвигается. Мы подошли къ красивому, объ одной аркѣ, надъ ручьемъ, мосту, сложенному плотно и массивно, тоже изъ коралловыхъ большихъ камней... Кто училъ этихъ дѣтей природы строить? невольно спросишь себя: здѣсь никто не былъ; какихъ-нибудь сорокъ лѣтъ назадъ узнали о ихъ существованіи и въ первый разъ заглянули къ нимъ люди, умѣющіе строить такіе мосты; сами они нигдѣ не были.

Это единственный, уцѣлѣвшій клочокъ древняго міра, какъ изображаютъ его Библія и Гомеръ. Это не дикари, а народъ — пастыри, питающіеся отъ стадъ своихъ, патріархальные люди, съ полнымъ, развитымъ понятіемъ о религіи, объ обязанностяхъ человѣка, о добродѣтели. Идите сюда повѣрять описанія библейскихъ и одиссеевскихъ мѣстностей, жилищъ, гостепріимства, первобытной тишины и простоты жизни. Васъ поразитъ мысль, что здѣсь живутъ, какъ жили двѣ тысячи лѣтъ назадъ, безъ перемѣны. Люди, страсти, дѣла—все просто, несложно, первобытно. Въ природѣ тоже красота и покой: солнце свѣтитъ жарко и румяно, воды льются тихо, плоды висятъ готовые. Книгъ,

пороху, и другаго подобнаго разврата, нѣтъ. Посмотримъ, что будетъ дальше. Ужели новая цивилизація тронетъ и этотъ забытый, древній уголокъ?

Тронетъ, и ужь тронула. Американцы, или *люди Соединенныхъ Штатовъ*, какъ ихъ называютъ японцы, за два дня до насъ ушли отсюда, оставивъ здѣсь больныхъ матросовъ, да двухъ офицеровъ, а съ ними бумагу, въ которой увѣдомляютъ суда другихъ націй, что они взяли эти острова подъ *свое покровительство* противъ ига японцевъ, на которыхъ имѣютъ какую-то претензію, и потому просятъ другихъ не распоряжаться. Они выстроили и сарай для склада каменнаго угля, и послѣ этого *человѣкъ Соединенныхъ Штатовъ*, коммодоръ Перри, отплылъ въ Японію.

— «Куда ведетъ мостъ?» спросили мы И. В. Ф., который прежде насъ пришелъ съ своимъ судномъ «Князь Меньшиковъ» и успѣлъ ознакомиться съ мѣстностью острова.

«Въ Напу или въ Напа-Кіянъ: вонъ онъ!» отвѣчалъ Ф., указывая, черезъ ручей, на кучу черепичныхъ кровель, которыя жались къ берегу и совсѣмъ пропадали въ зелени.

Мы продолжали идти въ столицу по деревнѣ, между деревьями, которыя у насъ растутъ за стекломъ, въ кадкахъ. При выходѣ изъ деревни былъ маленькій рынокъ. Косматыя и черныя, какъ чертовки, женщины сидѣли на полу на пяткахъ, подъ воткнутыми въ землю, на длинныхъ бамбуковыхъ ручкахъ, зонтиками, и продавали табакъ, пряники, какое-то бѣлое тѣсто изъ бобовъ, которое тутъ же поджаривали на жаровняхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ, завидя насъ, шмыгнули въ ближайшія ворота, или узенькіе переулки, бросивъ свои товары; другія не успѣли, и только за-

крывались рукавомъ. Боже мой, какое безобразіе! И это женщины: матери, жены! Да кто же женится на нихъ? Мужчины красивы, стройны: любой изъ нихъ годится въ Меналки, а Хлои ихъ ни на что не похожи! Нѣтъ, жаркіе климаты неблагопріятны для дамъ, и прекраснымъ поломъ слѣдовало бы называть здѣсь нашего брата, ликейцовъ или лу-чинцовъ, а не этихъ обожженныхъ солнцемъ лу-чинокъ.

Вы знаете дорогу въ Парголово: вотъ такая же крупная мостовая ведетъ въ столицу; только, вмѣсто булыжника, здѣсь кораллы: они мѣстами такъ остры, что чувствительно даже сквозь подошву. Я не понимаю, какъ ликейцы ходятъ по этимъ дорогамъ босикомъ? За-то мѣстами кораллъ обтерся совсѣмъ, и нога скользитъ по немъ, какъ по паркету. Выйдя изъ деревни, мы вступили въ великолѣпнѣйшую аллею, которая окаймлена двумя сплошными стѣнами зелени. Кромѣ банiановъ, замѣчательны вышиной и красотой толстыя деревья, изъ волоконъ которыхъ японцы дѣлаютъ свою писчую бумагу; потомъ разныя породы миртъ; изрѣдка видна въ саду кокосовая пальма, съ орѣхами, и вѣерная. Но пальма что-то показалась мнѣ невзрачна противъ видѣнныхъ нами на Явѣ и въ Сингапурѣ: видно, ей холодно здѣсь—листья жидки и малы. Мы прошли мимо какого-то, загороженнаго высокой каменной и массивной стѣной, зданія, съ тремя входами, наглухо-заколоченными, съ китайскими надписями на воротахъ: это буддійскій монастырь. Въ щели, изъ-за стѣны, выглядывало нѣсколько бонзъ, съ бритыми головами.

Все это мѣсто напомнило мнѣ наши старые и извѣстные европейскіе сады. Отъ аллей шло множество дорожекъ и переулковъ, налѣво—въ лѣсъ и къ тѣснящимся въ немъ частымъ хижинамъ и фермамъ, направо — въ обработанныя поля. Дорога змѣеобразно вилась по хол-

мамъ и долинамъ... Ахъ, какая мѣстность вдругъ распахнулась передъ нами, когда мы миновали лѣсъ! Точно вдругъ приподнялся занавѣсъ: вдали открылись холмы, долины, овраги, скаты, обрывы, темнѣли лѣса, а вблизи пестрѣли поля, убранныя террасами и засѣянныя рисомъ, плантаціи сахарнаго тростника, гряды съ огородною зеленью, то блѣдною, то изумрудно-темною!

Все открывшееся передъ нами пространство, съ лѣсами и горами, было облито горячимъ блескомъ солнца; кое-гдѣ въ поляхъ работали люди, разсаживали рисъ, или собирали картофель, капусту и проч. Надъ всѣмъ этимъ покоился такой колоритъ мира, кротости, сладкаго труда и обилія, что мнѣ, послѣ долгаго, труднаго, и подъ-конецъ даже опаснаго плаванія, показалось это мѣсто самымъ очаровательнымъ и надежнымъ пріютомъ.

Все это не деревья, не хижины: это древнія *веси*, *сѣни*, *кущи* и *пажити*; иначе о нихъ неприлично и выражаться. Странно мнѣ было видѣть себя и товарищей, въ нашихъ короткихъ, обтянутыхъ платьяхъ, быстро и звонко шагающихъ подъ тѣнью исполинскихъ баніановъ. Маленькія, хорошенькія лошадки, непривыкшія видѣть европейцевъ, пугались при встрѣчѣ съ нами; онѣ брыкались и бросались въ сторону. Вожатые, завидя насъ, закрывали имъ глаза соломенной шляпой и торопились пройдти мимо. Встрѣчныя женщины, хотя и не брыкались, но тоже закрывались, а если успѣвали, то и онѣ бросались въ сторону. Только одна дѣвочка, лѣтъ тринадцати, и, сверхъ ожиданія, хорошенькая, вышла изъ сада на дорогу и смѣло, съ любопытствомъ, во всѣ глаза смотрѣла на насъ, какъ смотрятъ бойкія дѣти. «Какой большой пѣтухъ!» показывая на пѣтуха сказалъ кто-то:» по крайней-мѣрѣ въ полтора раза выше нашихъ».

Мы шли въ тѣни сосенъ, баніановъ, или блѣдно-зеленыхъ бамбуковъ, изъ которыхъ П. выломалъ тутъ же себѣ славную зеленую трость. Бамбуки смѣнялись выглядывавшимъ изъ-за забора бананникомъ, потомъ строемъ красивыхъ деревьевъ и такъ далѣе. «Что̀ это, ячмень, кажется?» спросилъ кто-то. Въ-самомъ-дѣлѣ, нашъ кудрявый ячмень! По террасамъ, съ одной на другую, текли нити воды, орошая посѣвы риса.

Глаза разбѣгались у насъ, и мы не знали, на что̀ смотрѣть: на пѣшеходовъ ли, спѣшившихъ, съ маленькими лошадками и клажей на нихъ, изъ столицы и въ столицу; на дальнюю ли гору, которая, мягкой зеленой покатостью, манила войдти на нее и посидѣть подъ кедрами; солнце ярко выставляло ее на показъ, а тутъ же рядомъ пряталась въ прохладной тѣни долина, съ огороженнымъ, высокимъ заборомъ, хижинами, почти совсѣмъ закрытыми вѣтвями. Что это за сила растительности! какое разнообразіе почвы! И всюду чистота, порядокъ. Таково богатство и разнообразіе видовъ, что перестаешь наконецъ дорожить увидѣть то, не прозѣвать это, запомнить третье. Разсѣянно смотришь вокругъ: все-равно, куда ни смотри, одно и то же— все прекрасно, игриво, зелено.

Дорога пошла въ гору. Жарко. Мы сняли пальто: наши узкіе костюмы, изъ сукна и другихъ плотныхъ матерій, просто невозможны въ этихъ климатахъ. Каковъ жаръ долженъ быть лѣтомъ! Хорошо еще, что вѣтеръ съ моря приноситъ со всѣхъ сторонъ постоянно прохладу! А всего въ 26-мъ градусѣ широты лежатъ эти благословенные острова. Какъ не взять ихъ подъ *покровительство*? Люди Соединенныхъ Штатовъ совершенно правы, съ своей стороны.

На горѣ начались хижины—все какъ-будто игрушки; жаль, что онѣ прячутся за эти сплошные заборы; но иначе

нельзя: ураганы или тай-фуны, въ полосу которыхъ входятъ и Лу-чу, разметали бы, какъ соръ, эти птичьи клѣтки, не будь они за такой крѣпкой оградой. По горѣ лѣсу уже не было, но за то чего не было въ долинѣ, которая простиралась далеко отъ подошвы ея въ сторону! Я усталъ любоваться, равнодушно смотрѣлъ на персиковыя деревья въ полномъ цвѣту, на миртовые и кипарисные кусты! Мы вошли на гору, окинули взглядомъ все пространство и молчали, теряясь въ красотѣ и разнообразіи видовъ. Глазъ видитъ далеко: съ обѣихъ сторонъ острова видно море на третьемъ планѣ. Вонъ и рифъ, съ пѣной буруновъ, еще вчера грозившій намъ смертью! «Я въ бурю всю ночь не спалъ и молился за васъ», сказалъ намъ одинъ изъ оставшихся американскихъ офицеровъ, кажется, методистъ: «я поминутно ждалъ, что услышу пушечные выстрѣлы». Время было бурное, а входъ на рейдъ, какъ я сказалъ выше, считается очень-опаснымъ.

Наконецъ мы пришли. «Э! да не шутя столица!» подумаешь, глядя на широкія ворота, съ фронтономъ въ китайскомъ вкусѣ, съ китайскою же надписью.

— Что̀ тамъ написано? прочтите, спросили мы Г. — Не вижу, высоко, отвѣчалъ онъ. Мы забыли, что онъ былъ близорукъ.

Мы прошли ворота: передъ нами тянулась безконечная широкая улица, или та же дорога, только немощенная крупными кораллами, а убитая мелкими каменьями, какъ шоссе, съ сплошными, по обѣимъ сторонамъ, садами, или парками, съ великолѣпною растительностью. Изъ-за заборовъ мѣстами выглядывали красныя черепичныя кровли. Никто насъ не встрѣтилъ, никто даже не показывался: всѣ какъ-будто выѣхали изъ города. Немногіе встрѣчные, и между прочимъ одинъ докторъ, или бонзъ,

съ бритой головой, въ халатѣ изъ травянаго холста, торопливо шли мимо, а если мы пристально вглядывались въ нихъ, они, съ выраженіемъ величайшей покорности, а больше, кажется, страха, кланялись почти до земли и спѣшили дальше. У нѣкоторыхъ воротъ показывались и исчезали люди, или смотрѣли въ щели. Видно, что въ этой улицѣ жилъ высшій, или зажиточный классъ: къ домамъ ихъ вели широкіе, каменные корридоры. Мы крупнымъ шагомъ шли все далѣе; улица заворотилась налѣво, и мы очутились передъ дворцомъ.

Это зàмокъ, съ каменной, массивной стѣной, сажени въ четыре вышины, мѣстами поросшей мохомъ и ползучими растеніями. Широкое каменное крыльцо, грубой работы, вело къ высокому порталу, заколоченному на-глухо досками. У воротъ по обѣимъ сторонамъ, на пьедесталахъ, сидѣли коралловыя животныя, въ родѣ сфинксовъ. Нигдѣ ни признака жизни; все окаменѣло, точно въ волшебной сказкѣ, а мы пришли изъ-за тридевяти земель какъ-будто доставать жаръ-птицу. У воротъ, въ сторонѣ, выстроена деревянная галлерея, въ родѣ гауптвахты, какія мы видѣли въ Нагасаки. Въ ней на цыновкахъ сидѣли на пяткахъ ликейцы, вѣроятно слуги дворца: и тѣ не шевелились, тоже — какъ каменные. Мы присѣли тутъ немного отдохнуть, потомъ спустились подъ гору, куда вела покатая терраса, усаженная баніанами, кедрами, между которыми змѣились во всѣ стороны тропинки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сочились и чуть-чуть журчали каскады. Вонъ огороженная заборомъ и окруженная бассейномъ кумирня; вдали узкія, но правильныя улицы; кровли домовъ и шалашей, разбросанныхъ на горѣ и по покатости — рѣшительно кущи да сѣни древняго міра!

Это не жизнь дикарей, грязная, грубая, лѣнивая и буй-

ная, но и не царство жизни духовной: нѣтъ слѣдовъ просвѣтленнаго бытія. Воздѣланныя поля, чистота хижинъ, сады, груды плодовъ и овощей, глубокій миръ между людьми—все свидѣтельствовало, что жизнь доведена трудомъ до крайней степени матеріальнаго благосостоянія; что самыя заботы, страсти, интересы, не выходятъ изъ круга немногихъ житейскихъ потребностей; что область ума и духа цѣпенѣетъ еще въ сладкомъ, младенческомъ снѣ, какъ въ первобытныхъ языческихъ пастушескихъ царствахъ; что жизнь эта дошла до того рубежа, гдѣ начинается царство духа, и не пошла далѣе... Но все готово: у однѣхъ дверей стоитъ религія, съ крестомъ и лучами свѣта, и кротко ждетъ пробужденія младенцовъ; у другихъ—«люди Соединенныхъ Штатовъ», съ бумажными и шерстяными тканями, ружьями, пушками, и прочими орудіями новѣйшей цивилизаціи...

Мы сошли съ террасы и обошли замокъ вокругъ, взбираясь обратно вверхъ по крутой каменной тропинкѣ, все изъ коралловъ. Другихъ тропинокъ я не видалъ; и тѣ, которыя ведутъ изъ улицъ въ поля, всѣ идутъ лѣстницами, выложенными изъ камня. Ликейцы слѣдовали за нами, но издали, робко. И. В. Ф., которому не нравилось это провожанье, махнулъ имъ рукой, чтобъ шли прочь: они въ ту же минуту согнулись почти до земли и оставались въ этомъ положеніи, пока онъ пересталъ обращать на нихъ вниманіе, а потомъ опять шли за нами, прячась въ кусты, а гдѣ кустовъ не было, слѣдовали по дорогѣ, и все издали. Я однакожь знаками подозвалъ одного къ себѣ. Онъ не вдругъ подошелъ: сдѣлаетъ два шага и остановится въ нерѣшимости; наконецъ подошелъ. Въ это время надо было спускаться по чрезвычайно-крутой и извилистой, каменной тропинкѣ, проложенной сквозь чащу лѣса, надъ обрывами

и живописными оврагами, сплошь-заросшими пальмами, миртами и кедрами. Я оперся на ликейца, и онъ былъ, кажется, очень доволенъ этимъ, шелъ ровно и осторожно, и всякій разъ бросался поддерживать меня, когда я оступался, или нога моя скользила по гладкому кораллу. Я, имѣя надежную опору, не безъ смѣха смотрѣлъ, какъ кто-нибудь изъ нашихъ поскользнется, спохватится и начнетъ упираться по скользкому мѣсту, а другой помчится вдругъ по крутизнѣ, напрасно желая остановиться, и бѣжитъ до перваго большаго дерева, за которое и уцѣпится.

Внизу мы прошли чрезъ живописнѣйшій лѣсокъ — нельзя нарочно разположить такъ красиво рощу — подъ развѣсистыми баніанами и кедрами, и вышли на поляну. Здѣсь лежала, вѣроятно занесенная землетрясеніемъ, громадная глыба коралла, вся обросшая мохомъ и зеленью. Романтики тутъ же объявили, что хорошо бы пріѣхать сюда на цѣлый день съ музыкой; «съ закуской и обѣдомъ» прибавили положительные люди. Мы вышли въ одну изъ боковыхъ улицъ, съ маленькими домиками: около каждаго тѣснилась кучка банановъ и цвѣты.

Изъ нея вышли въ другую улицу, прошли нѣсколько домовъ; улица вдругъ раздвинулась Съ одной стороны домовъ не стало, и мы остановились, очарованные несравненнымъ видомъ. Представьте прудъ, въ родѣ Марли, гладкій и чистый, какъ зеркало; съ противоположной стороны смотрѣлась въ него цѣлая гора, покрытая густо, какъ щетка, или какъ шуба, зеленью самыхъ темныхъ и самыхъ яркихъ колоритовъ, самыхъ нѣжныхъ, мягкихъ, узорчатыхъ листьевъ и острыхъ иглъ. Этотъ исполинскій букетъ такъ тѣсно былъ сжатъ, что нельзя было видѣть почвы, на которой онъ растетъ.

Мы продолжали путь по улицѣ, взглянули впередъ —

другое, неожиданное зрѣлище привлекло наше вниманіе. Это была, повидимому, самая населенная и торговая улица. Но что̀ дѣлаютъ жители? Они съ испугомъ указываютъ на насъ: кто успѣваетъ, запираетъ лавки, а другіе бросаютъ ихъ незапертыми и бѣгутъ въ разныя стороны. Напрасно мы манимъ ихъ руками, кланяемся, машемъ шляпами: они пуще бѣгутъ. Я видѣлъ ка̀къ по кровлѣ одного дома, со всѣми признаками ужаса, бѣжала женщина: только развѣвались полы синяго ея халата; разсыпавшееся зданіе косматыхъ волосъ обрушилось на спину; рѣзво работала она голыми ногами. Но не всѣ успѣли убѣжать: оставшіеся мужчины недовѣрчиво смотрѣли на насъ: женщины закрылись. Товаръ все тотъ же, что̀ и на первомъ рынкѣ. Тутъ видѣли мы кузницу, еще пилили дерево, красили простую матерію, продавали зелень, табакъ, да разныя сласти.

Мы походили еще по парку, подошли къ кумирнѣ, но она была заперта. Сидѣвшій у воротъ старикъ предложилъ намъ горшечекъ съ горячими угольями закурить сигары. Мы показывали ему знаками, что хотимъ войти, но онъ ласково улыбался и отрицательно моталъ головой. У воротъ кумирни, въ деревянныхъ нишахъ, стояли два, деревянные же, раскрашенные идола, безобразной наружности, напоминавшіе, какъ у насъ рисуютъ дьявола. Я зашелъ было на островокъ, въ другую кумирню. которую видѣлъ съ террасы дворца, но жители, пока мы шли внизъ, успѣли запереть и ее. Между народомъ я замѣтилъ нѣсколько бритыхъ бонзъ, все молодыхъ; одинъ былъ просто мальчикъ: вѣроятно, это служители храмовъ.

Заглянувъ еще въ нѣкоторыя улицы и переулки, мы вышли на большую дорогу и отправились домой. Я усталъ и съ удовольствіемъ поглядывалъ на хребетъ каждой лошад-

ки; но жители не даютъ лошадей, хотя я видѣлъ у одного забора множество ихъ осѣдланныхъ и привязанныхъ. Сходя съ горы, мы увидали чистенькій дворикъ; я подошелъ къ воротамъ. Старикъ, котораго я тутъ засталъ, съ краснымъ носомъ и красными шишками по всему лицу, поклонился и вошелъ въ домъ; я за нимъ, со мной нѣкоторые изъ товарищей. Домъ оказался кумирней, но идола не было, а только жертвенникъ, съ китайскими надписями на стѣнахъ и столбахъ, да бѣдная домашняя утварь. Тутъ, кажется, молились не буддисты, а приверженцы древней китайской религіи. Мы заглянули въ другую комнату, повидимому, парадную, устланную до того чистыми матами, что совѣстно было ступить ногой. Хозяева, кажется, обѣдали. Они зашевелились-было готовить намъ чай, но мы, чтобъ не тревожить ихъ, удалились.

Говорятъ, жители не показывались намъ болѣе потому, что передъ нашимъ пріѣздомъ умерла вдовствующая королева, мать регента, управляющаго островами, вмѣсто малолѣтняго короля. По этому случаю наложенъ трауръ на пятьдесятъ дней. Мы видѣли многихъ въ бѣлыхъ травяныхъ халатахъ. Извѣстно, что бѣлый цвѣтъ—траурный на Востокѣ.

Ликейскіе острова управляются королемъ. Около трехъсотъ лѣтъ назадъ, прибыли сюда японскія суда, а именно князя Сатсумскаго, взяли острова въ свое владѣніе и обложили данью, которая, по словамъ здѣшняго миссіонера, простирается до двухсотъ тысячъ рублей на наши деньги. Но по показанію другихъ, острова могутъ приносить впятеро больше. По этимъ цифрамъ можно судить о плодородіи острова. Не даромъ князь Сатсумскій считается самымъ богатымъ изъ всѣхъ японскихъ князей.

Но дань платится натурою: рисомъ, который выше

всѣхъ сортовъ, и даже японскаго, также табакомъ, амброй, тканями изъ банановыхъ волоконъ и саки. Саки тоже считается лучшимъ, и японцы вымѣниваютъ много своего риса на здѣшній, какъ лучшій для выдѣлки саки.

Послѣ ликейцы думали-было отложиться отъ Японіи, но были покорены вновь. Ликейскій король, въ началѣ царствованія, отправляется обыкновенно въ Японію и тамъ утверждается окончательно.

Нынѣшнему королю всего двѣнадцать лѣтъ. Онъ поѣдетъ въ Японію по достиженіи пятнадцатилѣтняго возраста. Король живетъ здѣсь какъ плѣнникъ, въ крѣпкомъ своемъ зàмкѣ, который мы видѣли, и никому не показывается. Показываться народу, какъ вамъ извѣстно, считается для верховной власти неприличнымъ на Востокѣ. Здѣшній миссіонеръ проникъ однакожь нечаянно, въ китайскомъ платьѣ, въ замокъ и, незамѣченный, дошелъ до покоевъ короля. Король игралъ въ мячикъ и долго не замѣчалъ посторонняго; потомъ увидѣлъ и скрылся. Придворные съ поклонами окружили нескромнаго посѣтителя и показали дорогу вонъ.

Ликейцы находились въ зависимости и отъ китайцевъ, платили прежде и имъ дань; но японцы, уничтоживъ въ XVII-мъ столѣтіи китайскій флотъ и десантъ, посланный изъ Китая для покоренія Японіи, избавили и ликейцевъ отъ китайской зависимости. Однакожь послѣдніе все-таки ѣздятъ въ Пекинъ довершать въ тамошнихъ училищахъ образованіе, и оттого знаютъ всѣ по-китайски. Письменнаго своего языка у нихъ нѣтъ: они пишутъ японскими буквами. Ѣздятъ они туда не съ пустыми руками, но и не съ данью, а съ подарками — такъ сказалъ намъ миссіонеръ, междутѣмъ какъ сами они отрекаются отъ дани японцамъ, а говорятъ, что они въ зависимости отъ китайцевъ. Кажется,

они говорятъ это по наущенію японцевъ; а можетъ-быть, услышавъ отъ американцевъ, что съ японцами могутъ возникнуть у нихъ и у европейцевъ несогласія, ликейцы, чтобъ не возстановить противъ себя, ни тѣхъ, ни другихъ, заранѣе отрекаются отъ японцевъ.

Г. и о. А. отыскали между ликейцами одного знакомаго, съ которымъ видѣлись, лѣтъ двѣнадцать назадъ, въ Пекинѣ и размѣнялись подарками. Вотъ стеченіе обстоятельствъ! «Вы мнѣ подарили графинъ», сказалъ ликеецъ о. А. Послѣдній вспомнилъ, что это дѣйствительно такъ было.

Однакожь ликейцы не производятъ себя, ни отъ японцевъ, ни отъ китайцевъ, ни отъ корейцевъ. Съ перваго раза видно, что въ существованіи ликейцевъ не учавствовали китайцы. Корейцевъ я еще не видалъ, и потому не знаю, есть ли сходство у нихъ съ ликейцами, или нѣтъ. У ликейцовъ глаза большіе, не угловатые, какъ у китайцевъ, овалъ лица правильный, скулы не выдаются. Языкъ у нихъ, по словамъ миссіонера, съ-родни японскому и составляетъ, кажется, его идіомъ. Ликейцы и японцы понимаютъ другъ друга. Ближе всего предположить, что они родня между собою.

Мы лѣниво возвращались домой, не переставая распространять по дорогѣ чувство, въ родѣ безотчетнаго ужаса. Мальчишка лѣтъ десяти, съ вязанкой зелени, велъ другаго мальчика лѣтъ шести: завидя насъ, онъ бросилъ вязанку и маленькаго своего товарища и кинулся безъ оглядки бѣжать по боковой тропинкѣ въ поля. Возвратясь въ деревню Бо-Тсунгъ, мы втроемъ, П., А. и я, зашли въ ворота одного дома, думая, что сейчасъ за воротами увидимъ и крыльцо: но заборъ шелъ лабиринтомъ и былъ не одинъ, а два, образуя вмѣстѣ корридоръ. Мы поворотили направо, по-

томъ налѣво... Конецъ, что ли? нѣтъ, опять корридоръ направо, точно западня для волковъ, еще налѣво — и мы очутились въ маленькомъ садикѣ, передъ домикомъ, огороженнымъ еще третьимъ, бамбуковымъ, и послѣднимъ заборомъ. Мы, входя, наткнулись на низенькую, чорную, какъ головешка, старуху, съ плоскимъ лицомъ. Она, какъ мальчишка же, перепугалась и бросилась бѣжать по грядамъ къ лѣсу, работая во всѣ лопатки. Мы покатились со смѣху; она ускорила шаги. Мы хотѣли отворить ворота — заперты; зашли съ другой стороны къ калиткѣ — тоже заперта. Оставалось уйдти. Мы посмотрѣли опять на бѣгущую все еще вдали старуху и повернули къ выходу, какъ вдругъ изъ домика торопливо вышелъ заспанный старикъ и отперъ намъ калитку, низко кланяясь и прося войдти. Мы вошли въ палисадникъ; онъ отодвинулъ одну стѣну или раму домика, и намъ представились миньятюрныя комнаты, совершенно какъ клѣтки попугая, съ своей чистотой, лакированными вещами и бѣлыми цыновками. Мы туда не вошли, а попросили огня. Сейчасъ другой, молодой ликеецъ, принесъ намъ горшокъ съ золой и угольями. Мы взглянули кругомъ себя — цвѣты, алоэ, бананы, больше ничего; поблагодарили хозяина и вышли вонъ. Я посмотрѣлъ, что̀ старуха? Она въ это время добѣжала до первыхъ деревьевъ лѣса, забѣжала за бананъ, остановилась и, какъ орангъ-утангъ, глядѣла сквозь вѣтви на насъ. Увидя, что мы стоимъ и съ хохотомъ указываемъ на нее, она пустилась бѣжать дальше въ лѣсъ.

Мы догнали товарищей, которые уже садились въ катеръ. Но во время нашей прогулки вода сбыла и катеръ трогалъ килемъ дно. Мы стянулись кое-какъ и добрались до нашего судна, гдѣ застали гостей: трехъ длиннобородыхъ старцевъ, въ бѣлыхъ, съ черными полосками, ха-

латахъ и сандаліяхъ на босу-ногу. Они пріѣхали отъ напайскаго губернатора поздравить съ пріѣздомъ и привезли въ подарокъ зелени, яицъ и куръ. Ихъ угостили чаемъ. Одинъ свободно говорилъ съ Г., на бумагѣ, по-китайски, а другой по-англійски, но очень-мало. И то успѣхъ, когда вспомнишь, что наши европейскіе языки чужды имъ, и по духу, и по формамъ. Давно ли «человѣкъ Соединенныхъ Штатовъ покровительствуетъ» этимъ младенцамъ, а ужь кое-чему научилъ... Ликейцы обѣщали привезти быковъ, рыбы, зелени, за деньги, и уѣхали.

На другой день, 2-го февраля, мы только собрались-было на берегъ, какъ явился къ намъ англійскій миссіонеръ Беттельгеймъ, худощавый человѣкъ, съ еврейской физіономіей, не съ блѣднымъ, а съ выцвѣтшимъ лицомъ, съ руками, похожими немного на птичьи когти; большой говорунъ. Въ немъ не было ничего привлекательнаго, да и въ разговорѣ его, въ тонѣ, въ разсказахъ, въ привѣтствіяхъ, была какая-то сухость, скрытность, что̀-то нерасполагающее въ его пользу. Онъ восемь лѣтъ живетъ на Лю-чу, и въ маѣ отправляется въ Англію печатать книги св. писанія на ликейскомъ и японскомъ языкахъ. Жену и дѣтей онъ уже отправилъ въ Китай и самъ отправится туда же съ Перри, который обѣщалъ взять его съ собою, лишь только другой миссіонеръ пріѣдетъ на смѣну.

Восемь лѣтъ на Лю-чу — это подвигъ, истинно-христіанскій! Миссіонеръ говорилъ по-англійски, по-нѣмецки, и весьма-плохо по-французски. Мы пустились въ распросы о жителяхъ, о народонаселеніи, о промышленности, о нравахъ, обо всемъ.

— Что̀ за мѣсто, что̀ за жители! говорили мы: — не вѣришь Базилю Галлю, а выходитъ на повѣрку, что онъ еще скроменъ.

— Да, мѣсто точно прекрасное, сказалъ Беттельгеймъ: —надо еще осмотрѣть заливъ Мельвиль, да одинъ пунктъ на сѣверной сторонѣ — это рай.

— А жители? Какая простота нравовъ, гостепріимство! Странствуешь точно съ Улиссомъ къ одному изъ гостепріимныхъ царей-пастырей, которые выходили путникамъ на встрѣчу, угощали...

— Развѣ они встрѣчали и угощали васъ? спросилъ пасторъ.

— Нѣтъ, встрѣчали мало, больше провожали...

— Да, они дѣйствительно охотнѣе провожаютъ, нежели встрѣчаютъ: вѣдь это полицейскіе, шпіоны.

— Какъ полицейскіе? Развѣ здѣсь есть они?

— Какъ же! Чтобъ наблюдать, куда вы пойдете, что̀ будете дѣлать, замѣчать, кто къ вамъ подойдетъ, станетъ разговаривать, чтобъ потомъ расправиться съ тѣмъ по своему...

— Что̀ вы? возможно ли? Кажется, жители такъ кротки, простодушны, такъ привѣтливы: это видно изъ ихъ поклоновъ...

— Боятся, такъ и привѣтливы. Если японцы стали вдругъ привѣтливы, когда вы и американцы появились съ большой силой, то какъ же не быть привѣтливыми ликейцамъ, которыхъ всего отъ шестидесяти до восьмидесяти тысячъ на островѣ!

— Мнѣ нравится простота и трудолюбіе, сказалъ я. — Есть же уголокъ въ мірѣ, который не нуждается ни въ какомъ сосѣдѣ, ни въ какой помощи! Кажется, еслибъ этимъ дѣтямъ природы предоставлено было просить чего-нибудь, то они, какъ Діогенъ, попросили бы не загораживать имъ солнца. Они умѣренны, воздержны...

— Они точно простоваты, замѣтилъ миссіонеръ:—но

на счетъ воздержанія... нельзя сказать: они сильно пьютъ.

— Пьютъ! что вы? помилуйте: защищали мы съ жаромъ (намъ очень хотѣлось отстоять идиллію и мечту о золотомъ вѣкѣ):—у нихъ и вина нѣтъ: что̀ имъ пить?

— А саки? отвѣчалъ Беттельгеймъ:—оно здѣсь лучше, нежели въ Японіи, и крѣпкое, какъ ромъ.

— Пьютъ! говорилъ я въ недоумѣніи.

— И играютъ, прибавилъ пасторъ.

— Нѣтъ, ужь это слишкомъ! уже-ли въ-самомъ-дѣлѣ? Да во что̀ же: въ какія нибудь невинныя игры: борются, бѣгаютъ, какъ древніе на олимпійскихъ играхъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! настойчиво твердилъ Беттельгеймъ: — играютъ въ азартныя игры...

— Скажите, пожалуйста: эти добродѣтельные, мудрые старцы — шпіоны, картежники, пьяницы! Кто бы это подумалъ!

— Да̀: у нихъ есть что̀-то въ родѣ картъ, сказалъ онъ: — даже нищіе, и тѣ играютъ какъ-то стружками, или щепками, и проигрываются до тла.

— Вотъ тебѣ и идиллія, и золотой вѣкъ, и Одиссея! Да у кого они переняли? хотѣлъ-было я спросить, но вспомнилъ, что есть у кого перенять: они просвѣщеніе заимствуютъ изъ Китая, а тамъ, на базарѣ, я видѣлъ непроходимую кучу народа, толпившагося около другой кучи сидѣвшихъ на полу игроковъ, которые кидали, помнится, кости. Каждый ставилъ деньги; одинъ счастливый загребалъ потомъ у всѣхъ. Игра начиналась снова; игроки такъ углубились въ свое дѣло, что не замѣчали зрителей, и зрители, въ свою очередь, не замѣчали игроковъ и слѣдили за костями. Вспомнилъ я еще, что недалеко отъ ликейцевъ— Манилла, что тамъ проматываются на пари за бои пѣтуховъ; что еще на нѣкоторыхъ островахъ Тихаго Океана

страсть къ игрѣ свирѣпствуетъ, какъ въ любомъ европейскомъ клубѣ.

— Удивительно, сказалъ я: — что такіе кроткіе люди заражены самою задорною изъ страстей!

— Нельзя сказать, чтобъ они были кротки, замѣтилъ пасторъ: — здѣсь жили католическіе миссіонеры: жители преслѣдовали ихъ, и недавно еще они... поколотили одного миссіонера, некатолическаго...

— Кого же это?

— Меня, кротко и скромно отвѣчалъ Беттельгеймъ (но подъ этой скромностью таилось, кажется, не смиреніе). Потомъ, продолжалъ онъ: — ужъ постоянно стали заходить сюда корабли христіанскихъ націй, и именно отъ англійскаго правительства разрѣшено разъ въ годъ посылать одно военное судно, съ китайской станціи, на Лю-чу, наблюдать, какъ поступаютъ съ нами, и вотъ жители кланяются теперь въ-поясъ. Они невѣжественны, грязны, грубы...

Мнѣ стало подозрительно это поголовное порицаніе бѣдныхъ ликейцевъ. Наши сказывали, что когда они спрашивали ликейцевъ, гдѣ живетъ миссіонеръ, то послѣдніе обнаружили знаки явнаго нерасположенія къ нему, и одинъ по-англійски сказалъ про него: «Bad man, very bad man!» (дурной, очень дурной человѣкъ).

Платя за нерасположеніе нерасположеніемъ, что̀ было несовсѣмъ похристіански, пасторъ, можетъ-быть, немного преувеличивалъ миньятюрные пороки этихъ пигмеевъ. Они дѣйствительно неласковы были всегда къ миссіонерамъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ, здѣсь поселились два католическіе монаха. Жители, не зная ихъ званія, обходились съ ними очень-дружелюбно, всѣмъ ихъ снабжали; но узнавъ, кто они, стали чуждаться ихъ. Они не

оскорбляли ихъ, напротивъ, кланялись имъ; но лишь только тѣ открывали ротъ, чтобъ заговорить о религіи, ликейцы зажимали уши и бѣжали прочь. Такъ тѣ, не успѣвъ ни въ чемъ, и уѣхали на французскомъ военшомъ суднѣ, подъ командою, кажется, адмирала Сесиля, назадъ, въ Китай.

Беттельгеймъ однакожь сказывалъ, что онъ безпрепятственно проповѣдуетъ ликейцамъ въ ихъ домахъ, и будто они слушаютъ его. Сомнѣваюсь, судя по тому, какъ съ нимъ здѣсь поступаютъ. Онъ говоритъ даже, что ему удалось нѣсколько человѣкъ крестить.

— Я бы успѣлъ и больше, заключилъ онъ:—еслибъ не мѣшали японцы. Тѣ ежегодно пріѣзжаютъ сюда на шестидесяти лодкахъ, за данью и за товарами, а ликейцы посылаютъ въ Японію до шестнадцати. Японцы живутъ здѣсь подолгу и поддерживаютъ въ народѣ свою систему отчужденія отъ иностранцевъ, и между-прочимъ ненависть къ христіанамъ. И теперь ихъ здѣсь до 600 человѣкъ. Они отростили себѣ волосы, одѣлись въ здѣшній костюмъ и прячутся, наблюдая, и за жителями, и за иностранцами. Вы видите, что здѣсь все японское: пришедшая оттуда религія, нравы, обычаи, даже письменный языкъ, на половину, однакожь, съ китайскимъ. Одни и тѣ же произведенія почвы и та же промышленность. Они дѣлаютъ такія же матеріи, такія же лакированныя вещи, только все грубѣе и проще; ѣдятъ то же самое, какъ тѣ — вся японская жизнь и сама Японія въ миньятюрѣ. Не вѣрьте Базилю Галлю, заключилъ онъ, отодвигая лежавшую передъ нимъ книгу Галля: — въ ней ни одного слова правды нѣтъ, все діаметрально-противоположно истинѣ!

Я дѣйствительно не вѣрю Галлю, но не вѣрю также и ему: перваго слишкомъ-ласково встрѣчали, а другаго... поколотили; отъ этого два разные голоса.

Я выразилъ ему только опасеніе, чтобъ онъ и его преемники торопливостью не испортили всего дѣла. «Если Японія откроетъ свои порты для торговли всѣмъ націямъ» сказалъ я: «можетъ-быть, вы поспѣшите, вмѣстѣ съ товарами, послать туда и ваши переводы Новаго Завѣта. Предсказываю вамъ, что вы закроете опять Японію, ничего не сдѣлаете для религіи и испортите торговлю. Японцы осматривали до-сихъ-поръ каждое судно, записывали каждую вещь, не въ видахъ торговаго соперничества, а чтобъ не прокралась къ нимъ христіанская книга, крестъ— все, что относится до религіи; замѣчали число людей, чтобъ не пробрался въ Японію священникъ проповѣдывать религію, которой они такъ боятся. И долго еще не отступятъ они отъ этихъ строгостей, развѣ когда замѣнятъ свою жизнь европейскою. Вы лучше подождите, заключилъ я, когда учредятся европейскія факторіи, которыя, конечно, выговорятъ себѣ право отправлять дома богослуженіе, и вы сначала везите священныя книги и предметы въ эти факторіи, чего японцы, par le temps qui court, запретить уже не могутъ, а отъ нихъ исподоволь, понемногу, перейдутъ они и къ японцамъ».

Пока мы разсуждали въ каютѣ, на палубѣ сигнальщикъ объявилъ, что трехмачтовое судно идетъ. Всѣ пошли вверхъ. Съ правой стороны, изъ-за острова, показалось большое купеческое судно, мчавшееся подъ всѣми парусами прямо на рифъ.

Былъ туманъ и свѣжій вѣтеръ, потомъ пошелъ дождь. Однакожь мы въ трубу разсмотрѣли, что судно было подъ англійскимъ флагомъ. Адмиралъ сейчасъ отправилъ на встрѣчу къ нему шлюпку и штурманскаго офицера, отвести отъ мели. Часа черезъ два корабль стоялъ уже близь насъ, на якорѣ.

Но что̀ это у него на палубѣ? Ужаснѣйшая толпа народа, непроходимой кучей, какъ стадо барановъ, жалась на палубѣ. Безъ справокъ можно было догадаться, что это эмигранты. Точно такое судно видѣли мы у острова Мадеры, съ эмигрантами, отправлявшимися въ Австралію. Но откуда и куда ихъ везутъ? Беттельгеймъ сказалъ, что вѣрно тутъ же пріѣхалъ другой миссіонеръ, на смѣну ему, и поѣхалъ туда развѣдать. Чрезъ полчаса онъ вернулся съ молодымъ человѣкомъ, лѣтъ 26-ти, котораго и представилъ адмиралу, какъ своего преемника. Оба они обѣдали у насъ. Вновь прибывшій пасторъ, англичанинъ же, объявилъ, что судно пришло изъ Гон-Конга, употребивъ ровно мѣсяцъ на этотъ переходъ, что идетъ оно въ Сан-Франциско, съ пятью стами китайцевъ, мужчинъ и женщинъ. Кого и чего нѣтъ теперь въ Сан-Франциско? Начало этого города напоминаетъ начало Рима: оба составились изъ бродягъ.

Послѣ обѣда наши уѣхали на берегъ чай пить in's Grüne. Я прозѣвалъ, но за-то, изъ привезенной съ англійскаго корабля, газеты узналъ много новостей изъ Европы, особенно интересныхъ для насъ. Дѣла съ Турціей завязались; Англія съ Франціей продолжаютъ интриговать противъ насъ. Вся Европа въ трепетномъ ожиданіи...

Часовъ въ семь за мной прислали шлюпку. Ужь было темно. Заставъ нашихъ на мысѣ, около рощи, у костра, я разсказалъ имъ на̀-скоро новости и самъ пошелъ по тропинкѣ къ лѣсу, оставивъ ихъ разсуждать. Хорошо! Я наслаждался неизвѣстными вамъ впечатлѣніями, свѣтлымъ сумракомъ лунной, томной и теплой ночи, шелестомъ листьевъ рощи, полной мрака. Баніаны, пальмы и другіе чужеземцы, шумѣли при тихомъ вѣтрѣ иначе, нежели наши березы и осины, мягче, на чу-

жомъ языкѣ; и лягушки квакали по другому, крѣпче нашихъ, какъ кастаньеты. Вблизи плескалъ приливъ, вдали глухо ревѣли буруны на рифахъ. До меня доносился живой говоръ товарищей. Меня позвали ѣхать, я поспѣшилъ на зовъ и въ темнотѣ наткнулся на кучку ликейцевъ, которые изъ-за шалаша наблюдали за нашими. Они вдругъ низко поклонились и, не разгибаясь, дали мнѣ пройдти.

На другой день мы отправились на берегъ съ визитами, сначала къ американскимъ офицерамъ, которые заняли для себя и для матросовъ—не знаю какъ, посредствомъ ли покупки, или просто «покровительства»—препорядочный домикъ и большой огородъ, съ сладкимъ картофелемъ, таро, горохомъ и табакомъ. Я не пошелъ къ нимъ, а отправился по берегу моря, по отмели, влѣзъ на холмъ, пробрался въ гротъ, гдѣ расположились бивуакомъ матросы съ нашихъ судовъ, потомъ посѣтилъ въ лѣсу нашу идиллію: матросъ Кормчинъ пасъ тамъ овецъ. Вездѣ, даже въ лѣсу, видѣлъ я каменныя постройки, заборы, плетни и хижины, съ огородами и полями. Все обработано, всюду протоптаны чистыя дорожки, или сдѣланы каменныя тропинки.

Островъ, судя по пространству, очень заселенъ; онъ длиной верстъ восемьдесятъ, а шириной, отъ шести до пятнадцати и восемнадцати верстъ: и на этомъ пространствѣ живетъ отъ шестидесяти до семидесяти тысячь. Въ Напѣ, говорилъ миссіонеръ, до двадцати, и въ Чуди столько же тысячъ жителей.

Я дождался нашихъ на мосту, ведущемъ въ Напу, и мы пошли въ городъ искать миссіонеровъ.

Тамъ то же почти, что̀ и въ Чуди: длинныя, загороженныя, каменными, массивными заборами, улицы, съ густыми, прекрасными деревьями: такъ-что идешь по ал-

лесамъ. У воротъ домовъ стоятъ жители. Они, кажется, немного перестали бояться насъ, видя, что мы ничего худаго имъ не дѣлаемъ. Въ городѣ, при такомъ большомъ народонаселеніи, было живое движеніе. Много народа толпилось, ходило взадъ и впередъ; носили тяжести, и довольно-большія, особенно женщины. У нѣкоторыхъ были дѣти за спиной, или за пазухой.

Мы не знали, въ которую сторону идти: улицъ множество и переулковъ тоже. Съ нами толпа народа; спрашиваемъ по-англійски, называемъ миссіонера по имени— жители указываютъ на ухо и мотаютъ головой: «глухи, дескать, не слышимъ». Нѣкоторые, при нашихъ вопросахъ, переговорятъ между собою, и вотъ одинъ пойдетъ впередъ и выведетъ насъ къ морю. Опять толки, и опять явится провожатый. Одинъ водилъ, водилъ по грязи, наконецъ повелъ въ перелѣсокъ, въ густую траву, по тропинкѣ, совсѣмъ спрятавшейся среди кактусовъ и другихъ кустовъ, и вывелъ на холмъ, къ кладбищу, къ тѣмъ огромнымъ камнямъ, которые мы видѣли съ моря и приняли сначала за городъ. Меня зло взяло.

— Ну, теперь вижу, что вы пьяницы и картёжники... ворчалъ я на ликейцевъ.

— Да и мошенники ужь кстати, прибавилъ другой товарищъ: — вѣдь они нарочно водятъ насъ.

Третій товарищъ смѣялся, слыша ропотъ. Наконецъ одинъ ликеецъ привелъ насъ вторично къ морю, на отмель, и ушелъ, какъ и прочіе, въ толпу. Тогда мы насильно вывели одного изъ толпы за руки и послали впередъ показывать дорогу. Дѣлать было нечего. Онъ привелъ насъ къ сѣрой, нависшей надъ водой скалѣ, и указалъ на зеленый, бывшій рядомъ съ ней холмъ и тропинку въ кустахъ. «Опять вверхъ!» ворчали мы, теряя

терпѣніе, и пошли на холмъ, подошли къ протестантской церкви, потомъ спустились съ холма и очутились у сада и домика миссіонеровъ. Оказалось, что мы блуждали все время около этого мѣста. На насъ бросились лаять двѣ большія собаки, лишь только мы вошли въ садикъ.

Миссіонеръ встрѣтилъ насъ на крыльцѣ и ввелъ въ такую же комнату, съ рамой, заклеенной бумагой, какъ и въ ликейскихъ домахъ. Тутъ мы застали шкипера вновь-прибывшаго англійскаго корабля, съ женой, страдающей зубной болью женщиной, но еще молодой и некрасивой; тутъ же была жена новаго миссіонера, тоже молодая и некрасивая, безъ переднихъ зубовъ. Въ одномъ только кабинетѣ пастора, наполненномъ книгами и рукописями, были два небольшія окна со стеклами, подаренными ему, кажется, *человѣкомъ Соединенныхъ Штатовъ*. Надъ дверью былъ другой подарокъ, отъ него же: большая серебряная ваза. Все остальное было болѣе, нежели просто: грубый, деревянный столъ, такіе же стулья и диванъ — не лучше ихъ.

Миссіонеръ предложилъ намъ вина и какихъ-то сдобныхъ сухарей, извиняясь, что у него только и есть двѣ рюмки и два стакана. Ему на другой же день адмиралъ послалъ дюжину вина, и по дюжинѣ, или по двѣ, рюмокъ и стакановъ—пей не хочу! Онъ намъ показывалъ много лакированныхъ вещей, работы здѣшнихъ жителей: чашки для кушанья, поставцы, судки, подносы и т. п.; но послѣ японскихъ вещей въ этомъ родѣ, на эти и глядѣть было нельзя. Беттельгеймъ просилъ адмирала взять нѣсколько вещей отъ него на память. Что̀ было лучше всего, такъ это великолѣпный баніанъ у самаго крыльца, бросавшій тѣнь на весь дворикъ, да множество разныхъ кустовъ и

цвѣтовъ. Жаль только, что на Лю-чу есть ядовитыя змѣи. Миссіонеръ сказывалъ, что онъ поймалъ двухъ у себя въ комнатахъ. Въ галереѣ, выходящей на дворъ, помѣщалась небольшая аптека и большая библіотека. Нѣсколько лицейцевъ собралось у воротъ и заглядывало на насъ во дворъ; но миссіонеръ махнулъ имъ рукой не очень ласково, чтобъ они шли прочь. «Не можетъ забыть побоевъ!» шепнулъ мнѣ одинъ изъ товарищей. Миссіонеръ проводилъ насъ назадъ до самаго фрегата на нашей шлюбкѣ.

Дорогой адмиралъ послалъ сказать начальнику города, что онъ желаетъ видѣть его у себя и удивляется, что тотъ не хочетъ показаться. Велѣно прибавить, что мы пойдемъ сами въ замокъ видѣть ихъ дворъ. Это очень подѣйствовало. Чиновникъ, или секретарь начальника, отвѣчалъ: что если мы имѣемъ сказать что-нибудь важное, такъ онъ, пожалуй, и пріѣдетъ.

— Очень-важное, сказали ему.

Онъ хотѣлъ быть на другой день, но шелъ проливной дождь. Наконецъ вчера, 7-го февраля, начальникъ пріѣхалъ на фрегатъ, съ секретаремъ, помощникомъ, переводчикомъ китайскаго языка и маленькою свитою. Онъ былъ высокій, сѣдой старикъ, не совсѣмъ патріархальной наружности, съ краснымъ носомъ, и вообще — увы, прощай идиллія! — съ слѣдами сильнаго невоздержанія на лицѣ, съ изломанными чертами, синими и красными жилками на носу и около. Онъ говорилъ сиплымъ и пискливымъ голосомъ. Товарищъ его, высокій и здоровый мужчина, лѣтъ 50-ти. съ черной, длинной и жидкой, начинающейся съ подбородка, какъ у всѣхъ у нихъ, бородой. Прочіе, такъ-себѣ, всѣ здоровой наружности, свѣжіе. У губернатора пучокъ на головѣ былъ проткнутъ золотой, у помощника и переводчика серебряной, а у прочихъ мѣдной

шпилькой. За первымъ сидѣлъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати и безпрестанно набивалъ ему трубку, а тотъ давалъ ему подачки: бисквиты, наливку, которою его потчивали. Онъ подарилъ адмиралу два какіе-то торта, а ему дали большой самоваръ, стеклянной посуды, и еще прежде послали сукна̀ на халатъ, за присланную живность и зелень. Показывали ему японскіе подарки и, между-прочимъ, подаренную адмиралу саблю.

— А у васъ есть сабли? спросили его.

— Нѣтъ.

— Какое же у васъ оружіе?

— А вотъ, отвѣчалъ онъ, показывая вѣеръ.

Его поблагодарили за доставку провизіи, и особенно быковъ и рыбы, и просили доставлять — разумѣется, за деньги — впередъ русскимъ судамъ все, что̀ понадобится. Между-прочимъ ему сказано, что такъ-какъ на островѣ добывается соль, то можетъ случиться, что суда будутъ заходить за нею, за рисомъ, или другими предметами: такъ нельзя ли завести торговлю?

— Нѣтъ, нѣтъ! у насъ производится всего этого только для самихъ себя, съ живостью отвѣчалъ онъ: — и то рисъ ѣдимъ мы, старшіе, а низшій классъ питается бобами и другими овощами.

— Да еще мы просимъ сказать жителямъ, продолжали мы: — чтобъ они не бѣгали отъ насъ: мы имъ ничего не сдѣлаемъ.

— Они бѣгаютъ оттого, что европейцы рѣдко заходятъ сюда, и наши не привыкли видѣть ихъ. Притомъ американцы, бывши здѣсь, брали иногда съ полей горохъ, бобы: еслибъ одинъ или нѣсколько человѣкъ сдѣлали это, такъ оно бы ничего, а когда всѣ...

Мы увѣрили его, что наши не дотронутся ни до чего.

— Да, сдѣлайте милость, продолжалъ переводчикъ: — на счетъ женщинъ тоже.... Одинъ американецъ взялъ нашу женщину за руку; у насъ такъ строго на этотъ счетъ, что мужъ, пожалуй, и разведется съ нею. Отъ этого онѣ и бѣгаютъ отъ чужихъ.

Какова нравственность: за руку нельзя взять! Въ золотой вѣкъ, особенно въ библейскія времена и при Гомерѣ, было на этотъ счетъ проще!

Мы съѣхали послѣ обѣда на берегъ, лѣниво и задумчиво бродили по лѣсамъ, или, лучше сказать, по садамъ, зашли куда-то въ сторону, нашли холмъ между кедрами, полежали на травѣ, зашли въ кумирню, напились воды изъ колодца, а вечеромъ пили чай на берегу, подъ навѣсомъ миртъ и папирусовъ — словомъ, провели вечеръ совершенно-идиллически.

Погода здѣсь во все время нашего пребыванія была непостоянная: то дуетъ сѣверный муссонъ, иногда свѣжій до степени шторма, то идетъ проливной, безотрадный дождь. За-то чуть проглянетъ солнце—все становится такъ прозрачно, ясно, такъ млѣетъ въ радости... У насъ однакожь было довольно дурной погоды—такой ужь февраль здѣсь.

Съ кораблемъ, везущимъ эмигрантовъ, все исторіи. Третьяго-дня онъ сталъ-было сниматься съ якоря и сѣлъ на мель. Съ нашихъ судовъ подали ему немедленную помощь: не будь этого, онъ бы скоро не снялся и при первомъ свѣжемъ вѣтрѣ разбился бы въ щепы; онъ и самъ засвидѣтельствовалъ это. Наши ѣздили туда на корабль и разсказываютъ, что такой нечистоты, неурядицы, шума, хаоса, и представить себѣ нельзя. Корабль большой, а матросовъ всего человѣкъ двадцать, и то инвалиды. Едва достаетъ рукъ управляться съ парусами, а толпящіеся на па-

лубѣ китайцы мѣшаютъ имъ пошевелиться. Крикъ и шумъ такъ велики, что слышно у насъ. Чтобъ облегчить судно и помочь ему сняться съ мели, всѣхъ китайцевъ и китаянокъ перевезли часа на два къ намъ. Ихъ помѣстили на бакѣ и шкафутѣ, и отгородили веревкой. Много очень высокихъ и хорошо-сложенныхъ мужчинъ. Женщины большею частью молодыя и все дѣвицы, отъ четырнадцати до двадцати лѣтъ. Одна обращала на себя особенное вниманіе. Она, какъ кажется, была тутъ старшая, въ родѣ начальницы, какъ и у мужчинъ были тоже старшины. Звали ее Ача. Она нехороша собой, но лицо, однакожь, привлекательно. Она была бойкая женщина и говорила по-англійски почти какъ англичанка. На ней было широкое и длинное шелковое голубое платье, надѣтое какъ-то на плечо, въ родѣ цыганской шали, бѣлые чистые шаравары; прекрасная, маленькая, но не до уродливости нога, обутая по-европейски. Она сидѣла на станкѣ пушки, бойко глядѣла вокругъ и безпрестанно кокетничала ногой, выставляя ее на-показъ. Прочія женщины сидѣли въ кучѣ, на полу. Мужчины, которыхъ было гораздо-больше, толпились, какъ стадо. Мы распрашивали Ачу, гдѣ она выучилась по-англійски и зачѣмъ ѣдетъ въ Калифорнію. Она сказала, что ѣдетъ обратно, что прожила ужь три года въ Сан-Франциско; теперь ѣздила на четыре мѣсяца въ Гон-Конгъ навербовать женщинъ для какого-то магазина... Мужчины ѣхали для грубыхъ работъ.

Наконецъ корабль сошелъ съ мели, и китайцевъ увезли обратно. Онъ однакожь не ушелъ за противнымъ вѣтромъ.

Третьяго-дня оба миссіонера явились въ бѣлыхъ холстинныхъ шляпахъ, въ бѣлыхъ галстухахъ и въ черныхъ фракахъ, очень серьёзные, и сказали, что они имѣютъ сообщить что-то важное. «На купеческомъ суднѣ китайцы

не слушаются шкипера», объявили они и просили потребовать китайскихъ старшинъ и спросить, чѣмъ они недовольны. По вызову адмирала, явились трое китайцевъ, нарядно-одѣтые, благовидной наружности. Они сказали, что имъ отказываютъ въ водѣ; что когда они подходили къ бочкѣ, матросы кулаками толкали ихъ прочь. «Отъ этого вышли ссоры, прибавили они, и больше ничего». Имъ представили всю опасность ихъ положенія, еслибъ они не исполняли требованій шкипера, прибавивъ, что въ морѣ надо безъ разсужденій дѣлать все, чего онъ потребуетъ.

— Такъ, знаемъ, отвѣчали они:—мы просимъ только раздавать сколько слѣдуетъ воды, а онъ даетъ мало, безъ всякаго порядка; бочки у него текутъ, вода пропадаетъ, а онъ, отсюда до Золотой Горы (Калифорніи), никуда не хочетъ заходить, между-тѣмъ мы заплатили деньги за переѣздъ по семидесяти долларовъ съ человѣка.

Ихъ помирили, заставивъ китайцевъ подписать условіе слушаться, а шкиперу посовѣтовали завести побольше порядка и воды, да не идти прямо въ Сан-Франциско, а зайти на Сандвичевы острова. Такъ и разстались съ ними. Вечеромъ видѣли еще, какъ Ача прогуливалась съ своими подчиненными по берегу. Третьяго-дня корабль ушелъ; шкиперъ и миссіонеры не знали, какъ и благодарить начальство нашего судна. Наши матросы помогли ему сняться и съ якоря: онъ одинъ не управился бы. Когда эта громада, биткомъ-набитая народомъ, нечистая, некрашенная, въ безпорядкѣ, какъ наружномъ, такъ и внутреннемъ, тихо неслась мимо насъ, мы стояли на верху и слѣдили за ней глазами.

— Дойдетъ ли? сказалъ я съ сомнѣніемъ.

— Дойдетъ, съ увѣренностью отвѣчалъ стоявшій подлѣ меня матросъ, сильно ударяя на о: — отчего не дойдти, дойдетъ!

Вчера, 8-го, и мы въ послѣдній разъ съѣхали на берегъ. Романтики, взявъ по буттерброту, отправились съ ранняго утра, другіе въ полдень, я, съ капитаномъ Л., послѣ обѣда, и всѣ разбрелись по острову. Мы не пошли, ни въ деревню Бо-Тсунгъ, ни на большую дорогу, а взяли налѣво, прорѣзали рощу и очутились въ обработанныхъ поляхъ, идущихъ неровно, холмами, во всѣ стороны. Съ одного холма мы любовались окрестностью; мы очутились какъ-будто среди зеленаго волнующагося моря: ничего кругомъ, кромѣ зелени. Мы шли по тропинкамъ, мимо воздѣланныхъ полей, бѣдныхъ хижинъ, состоявшихъ изъ бамбуковыхъ загородокъ. Кругомъ ихъ огороды. У хижинъ, на рогожкахъ, кучами лежали овощи и сушились на солнцѣ, между-прочимъ табакъ, назначенный для жвачки. Табакъ здѣсь очень-хорошъ: онъ нѣсколько крѣпче и темнѣе японскаго; тотъ черезчуръ нѣженъ и слабъ. Мы шли одни. Сначала за нами по улицѣ слѣдила толпа какихъ-то провожатыхъ, но они кинули насъ, лишь только мы поворотили въ поля. Тропинки шли то вверхъ, на холмы, то спускались въ овраги. Жаръ заставилъ насъ оставить поля и искать тѣни въ густыхъ аллеяхъ. Мы вошли въ переулки деревенекъ—вездѣ одно и то же. Жители пугались менѣе прежняго; ребятишки съ улыбкой кланялись въ-поясъ, заигрывали и вдругъ съ хохотомъ разбѣгались въ стороны, лишь только тронешь одного.

Мы вышли къ большому монастырю, въ главную аллею, которая ведетъ въ столицу, и сѣли тамъ на парапетѣ моста. Дорога эта оживлена особеннымъ движеніемъ: безпрестанно идутъ съ ношами овощей взадъ и впередъ, или ведутъ лошадей, съ перекинутыми черезъ спину кулями риса, съ папушами табаку и т. п. Лошади фыркали и пятились отъ насъ. Въ поляхъ вездѣ работаютъ. Мы по-

шли на сахарную плантацію. Она отдѣлялась отъ большой дороги полями съ рисомъ, которыя были наполнены водой и походили на пруды съ зеленой, стоячей водой.

Мы обошли поле сахарнаго тростника вокругъ. Онъ растетъ слишкомъ-часто; въ другихъ мѣстахъ его сажаютъ рѣже. Онъ высокъ, какъ добрый кустарникъ. Тутъ же его рѣзали и таскали на ближайшій холмъ, въ прессъ, приводимый въ движеніе быкомъ. За тростникомъ я увидѣлъ кучу народа. «Что тамъ такое дѣлается?» спросили мы другъ друга. Приглядѣлись и видимъ, что двое нашихъ матросовъ взяли изъ рукъ ликейцевъ инструментъ, въ родѣ согнутаго подъ прямымъ угломъ заступа, и преусердно взрывали имъ гряды съ сладкимъ картофелемъ. Комы земли и картофель такъ и летѣли по сторонамъ, а ликейцы, окруживъ ихъ, смотрѣли внимательно на работу.

«Вотъ, ишь ты! вотъ! вотъ!» слышалось при каждомъ ударѣ.

Мы отправились на холмъ, гдѣ были вчера, къ кумирнѣ. По дорогѣ встрѣтили толпу крестьянъ, съ прекрасными, темными и гладкими, претолстыми бамбуковыми жердями, на которыхъ таскаютъ тяжести.

Мнѣ хотѣлось поближе разглядѣть такую жердь. Я протянулъ къ одному руку, чтобъ взять у него бамбукъ, но вся толпа вдругъ смутилась. Ликейцы краснѣли, дѣлали глупыя рожи, глядѣли одинъ на другаго и пятились. Такъ и не дали.

Я не знаю, съ чѣмъ сравнить у насъ бамбукъ, относительно пользы, какую онъ приноситъ тамъ, гдѣ родится. Какихъ услугъ не оказываетъ онъ человѣку! чего не дѣлаютъ изъ него, или имъ! Развѣ береза наша можетъ, и то куда не вполнѣ, стать съ нимъ рядомъ. Нельзя перечесть, какъ и гдѣ употребляютъ его. Изъ него строятъ за-

боры, плетни, стѣны домовъ, лодки, дѣлаютъ множество посуды, разныя мелочи, зонтики, вѣеры, трости и проч.; имъ бьютъ по пяткамъ, наконецъ его ѣдятъ въ вареньѣ, въ родѣ инбирнаго, которое дѣлаютъ изъ молодыхъ вѣтокъ.

Едва мы взошли на холмъ и сѣли въ какой-то бесѣдкѣ, предшествующей кумирнѣ, какъ вдругъ тутъ же, откуда-то изъ чащи, выползъ ликеецъ, сорвалъ въ палисадникѣ ближайшаго дома два цвѣтка шиповника, потомъ сжался, въ знакъ уваженія къ намъ, въ комокъ, и поднесъ намъ съ поклономъ. Онъ, конечно, имѣлъ приказаніе слѣдить за нами издалека. Еще къ намъ пришелъ изъ дома мальчикъ, лѣтъ двѣнадцати, и оба они сѣли передъ нами на пяткахъ и разсматривали пристально насъ, платья наши, вещи. Л. вынулъ записную книжку, а я нарисовалъ въ ней фигуру мальчика, вырвалъ рисунокъ изъ книжки и отдалъ ему. Что это за рисунокъ! Моему рисовальному учителю конечно и въ голову не приходило, чтобъ я показывалъ свое искусство на ликейскихъ островахъ. Мальчикъ былъ въ восторгѣ. Мы дали имъ сигаръ, отдали огниво, сверхъ-того я далъ старшему долларъ. Онъ вынулъ изъ-за пазухи кашъ (маленькую мѣдную китайскую монету) и смотрѣлъ, то на нее, то на долларъ. Я старался объяснить ему, что такихъ монетъ въ долларѣ тысяча четыреста. Ни въ Китаѣ, ни у нихъ, другой монеты не водится. Американцы стали вводить испанскіе доллары въ употребленіе. Мы долларами платили въ Китаѣ за провизію. Мальчикъ принесъ въ маленькомъ чайникѣ чаю, который впрочемъ не имѣлъ никакого вкуса. Мы посидѣли съ полчаса въ бесѣдкѣ, окруженной рядомъ высокихъ померанцовыхъ и другихъ деревъ, изъ породы миртъ.

Уже вечерѣло, когда мы вышли на большую дорогу. Здѣсь встрѣтилъ насъ У. и подговорилъ ѣхать съ нимъ

въ вельботѣ, который ждалъ его въ Напѣ. «Недалеко», сказалъ онъ. Мы пошли налѣво, черезъ другой мостъ, черезъ лѣсъ, поле, наконецъ по улицамъ — конца не было. Идучи мимо этихъ полей, гдѣ прорыты канавки, сдѣланы стоки, глядя на эту правильность и порядокъ, вы примете островъ за образцовую ферму, или отлично-устроенное помѣщичье имѣніе. Въ поляхъ, и изъ нѣкоторыхъ домовъ несло, какъ въ Китаѣ, удобреніемъ, которое заготовляется въ ушатахъ. Удобреніе это состоитъ изъ всякаго рода нечистотъ, которыя сливаются въ особыя мѣста, гніютъ, и потомъ, при посѣвахъ, ими поливаютъ поля, какъ я видѣлъ въ Китаѣ. Говорятъ, это лучше нашего способа удобренія: «сорныхъ травъ меньше», сказалъ Л., большой агрономъ.

Мы шли, шли въ темнотѣ, а проклятыя улицы не кончались: все заборы, да сады. Ликейцы, какъ тѣни, неслышно скользили во мракѣ. Насъ провожалъ тотъ же самый, который принесъ намъ цвѣты. Гдѣ было грязно, или острые кораллы мѣшали свободно ступать, онъ велъ меня подъ-руку, обводилъ мимо лужъ, которыя, видно, зналъ наизусть. Къ несчастью, мы не туда попали, и еслибъ не провожатый, мы проблуждали бы цѣлую ночь. Наконецъ добрались до рѣчки, до вельбота, и вздохнули свободно, когда выѣхали въ открытое море.

Адмиралъ хотѣлъ отдать визитъ напакіянскому губернатору, но онъ у себя принять не могъ, а далъ знать, что приметъ, если угодно, въ *правительственномъ домѣ*. Онъ отговаривался тѣмъ, что у нихъ частныя сношенія съ иностранцами запрещены. Этимъ же объясняется, почему не хотѣлъ принять насъ и нагасакскій губернаторъ иначе, какъ въ казенномъ домѣ.

Но довольно ликейскихъ острововъ и о ликейскихъ

островахъ, довольно и для меня и для васъ! Если захотите знать подробнѣе долготу, широту мѣста, пространство, число острововъ, не полѣнитесь сами взглянуть на карту, а о нравахъ жителей, объ обычаяхъ, о произведеніяхъ, объ исторіи—прочтите у Бичи, у Бельчера. Помните условіе: я пишу только письма къ вамъ о томъ, что̀ вижу самъ и что̀ переживаю изо дня въ день.

Сегодня мы ушли, и вотъ качаемся теперь въ Тихомъ океанѣ; но еслибъ и остались здѣсь, едва ли бы я собрался на берегъ. Одна природа, да животная, хотя и своеобразная жизнь, не наполнятъ человѣка, не поглотятъ вниманія: остается большая пустота. Для того даже, чтобъ испытывать глубже новое, непохожее ни на что̀ свое, нужно, чтобъ тутъ же рядомъ, для сравненія, была параллель другой, развитой жизни.

V.

МАНИЛЛА.

ОТЪ ЛЮ-ЧУ ДО МАНИЛЛЫ.

Манильскій заливъ.—Островки *Коррехидоръ*, *Конь* и *Монахиня*.—Входъ на рейдъ. — Рѣка Пассигъ. — Улицы, лавки, отель. — Предмѣстье Бинондо и старый городъ. — Тагалы, китайцы, метисы и испанцы. — Окрестности. — Растительность.— Плантаціи. — Кальсадо.—Французскіе миссіонеры.—Издѣлія изъ соломы и ананасныхъ волоконъ.—Церкви Санта-Круцъ и Мигель.—Ученье солдатъ.—Женщины.—Ящерицы въ домахъ.—Ванны.—Визиты къ испанцамъ.—Табачная фабрика. — Французскій епископъ. — Испанскій монастырь.—Соборъ.—Богомольцы и проповѣдники.—Пѣтушьи бои — Породы деревьевъ.—Канатная фабрика.—Запасъ сигаръ.—Дамы на фрегатѣ.—Происхожденіе словъ *Люсонъ* и *Манилла*.—Красота природы.—Географическая, историческая и статистическая замѣтка о Филиппинскихъ островахъ.

9-го февраля, рано утромъ, оставили мы напакіанскій рейдъ и лавировали, за противнымъ вѣтромъ, между большимъ Лю-чу и другими, мелкими Ликейскими островами, изъ которыхъ одинъ путешественники назвали Амакерима, а миссіонеръ Беттельгеймъ говоритъ, что Ама-Керима на языкѣ Ликейцевъ значитъ: *вонъ тамъ дальше — Керима*. Сколько по бѣлу свѣту ходитъ переводовъ и догадокъ, похожихъ на это!

Транспортъ «Князь Меншиковъ» и корветъ «Оливуца» получили приказаніе идти впередъ, а шкуна «Востокъ» послана осмотрѣть и, по возможности, описать

островокъ, открытый лейтенантомъ Панафидинымъ подъ 25° широты. 10-е число мы все лавировали день и ночь противъ S вѣтра и подались впередъ не болѣе сорока миль; за то 11-го, въ 8 часовъ утра, подулъ черезчуръ-свѣжій NO. Началась качка. У марселей взяли три рифа и спустили брамстеньги. Неслись по одиннадцати узловъ на фордевиндъ. Не люблю я фордевинда или *фордака*, какъ Ѳаддеевъ называетъ этотъ вѣтеръ: онъ дуетъ съ кормы, слѣдовательно реи и паруса ставятся тогда прямо. Судно, держась на одномъ килѣ, падаетъ то на правую, то на лѣвую сторону.

11-го числа, часовъ въ 9 вечера, мы пересѣкли сѣверный тропикъ. Становилось темно. Ночью ни зги не видать; небо заволокло тучами; вѣтеръ реветъ; а часа въ два ночи надо было проходить сквозь группу острововъ Баши, ту самую, у которой, 9-го и 10-го іюля прошлаго года, насъ встрѣтилъ ураганъ. Хотя проливъ, черезъ который слѣдовало идти, имѣетъ въ ширину до 19 миль, но въ темнотѣ по неволѣ въ голову приходятъ разныя сомнѣнія, напримѣръ, что могла быть погрѣшность въ картѣ, или теченіемъ отнесло отъ курса, тогда можно наткнуться... Къ счастью утромъ погода была ясная и позволила сдѣлать вѣрную обсервацію. Въ сказанный часъ, даже въ темнотѣ, увидѣли берегъ, промчались черезъ проливъ благополучно — и вотъ мы опять въ Китайскомъ морѣ.

Сегодня, 12, какая погода! Море еще у Лю-чу было синее, а теперь, въ тропикахъ, и подавно. Солнце печетъ иногда до утомленія, какъ у насъ бываетъ передъ грозой. Теплота здѣсь напитана разными запахами; солнце проникаетъ всюду. Появились летучія рыбы, съ сельдь величиною; онѣ летаютъ во множествѣ, стаями и по одиночкѣ.

Ночью нѣсколько стихло; мы отдохнули отъ качки и

спали хорошо. Шли узловъ по девяти, при мягкомъ и тепломъ вѣтрѣ, который нѣжитъ нервы, какъ купанье. Послѣ обѣда вдругъ, откуда ни возьмись, задулъ крѣпкій, но попутный вѣтеръ съ берега, который былъ видѣнъ влѣво: это берегъ Люсона. Островъ этотъ очень великъ; отъ сѣверной его оконечности до Маниллы считаютъ слишкомъ триста миль, а еще сколько отъ Маниллы до южной оконечности! У кого ни посмотришь, описаніе Маниллы въ рукахъ. Всѣ заранѣе обольщаютъ себя мечтами, кто—увидѣть природу, еще роскошнѣе видѣнной, кто—новыхъ жителей, новые нравы, кто льстится встрѣтиться съ крокодиломъ, кто съ креолкой, иной разсчитываетъ на сигары; тотъ хочетъ заказать бѣлье изъ травянаго холста; у всѣхъ различныя желанія. Б. К. заглядываетъ во всѣ путешествія и мучится, что ничего нѣтъ объ отеляхъ: чего добраго, пожалуй, ихъ нѣтъ совсѣмъ!

Звѣзды великолѣпны; море блещетъ фосфоромъ. На небѣ первый бросился мнѣ въ глаза Южный Крестъ, почти на горизонтѣ. Давно я не видалъ его. Вотъ и наша Медвѣдица; подальше Оріонъ. Небо не вездѣ такъ богато: здѣсь собрались аристократы обоихъ полушарій.

Часовъ съ шести вечера вдругъ заштилѣло, и мы, вмѣсто 11 и 12 узловъ, тащимся по $1^1/_2$ узла. Здѣсь мудреныя мѣста: то буря, даже ураганъ, то штиль. Почти всѣ мореплаватели испытывали остановку на этомъ пути; а кто-то изъ нашихъ, отъ Баши до Маниллы, шелъ девять сутокъ: это какихъ-нибудь четыреста пятьдесятъ миль. Намъ остается миль триста. Мы думали-было послѣ завтра придти, а вотъ...

Вамъ конечно случалось осматривать картинную галерею какого-нибудь любителя: онъ передъ нѣкоторыми своими дорогими картинами останавливаетъ васъ такъ долго,

что картина даже... надоѣдаетъ. Вотъ этакъ, подъ-часъ, казалось и намъ въ штиль, при тишинѣ моря и синевѣ неба. А вѣдь какъ хорошо, красиво это, безукоризненно-чистое и голубое небо, синяя, безпредѣльная гладь моря, влажно-теплый, береговой воздухъ! Но и морская поэзія надоѣстъ, и тропическое небо, яркія звѣзды: помянешь и майскія петербургскія ночи, когда, къ полупочи, небо захочетъ будтобы стемнѣть, да вдругъ опять засвѣтлѣетъ, точно ребенокъ нахмурится: того и гляди заплачетъ, а онъ вдругъ засмѣялся и пошелъ опять играть!...

Вдали, видишь, качаются три судна, какъ мы же, обезвѣтренныя, да синѣетъ, какъ туча, берегъ Люсона. На палубѣ бездѣйствіе; паруса стоятъ неподвижно; ученье дѣлать нѣтъ возможности отъ жара. Сегодня воскресенье; послѣ обѣдни мы стояли на ютѣ и смотрѣли въ даль. Вотъ мимо пронеслось стадо дельфиновъ: сначала плылъ одинъ—наружѣ видно было только острое черное перо. Вскорѣ появились они во множествѣ, переваливаясь съ волны на волну. Еще большая акула долго слѣдила за фрегатомъ. Ей два раза бросали крюкъ съ наживой; два раза она хватала его, и одинъ разъ уже потащили-было ее вверхъ, но крюкъ сломался. Среди бездѣйствія и эти мелочи кажутся занимательны! Завтра новолуніе: ожидаютъ перемѣнъ, крѣпкихъ вѣтровъ. Сегодня началась масляница; всѣ жалѣютъ, что не поспѣютъ на карнавалъ въ Маниллу.

16-го, мы наконецъ были у входа въ Манильскій заливъ, одинъ изъ огромнѣйшихъ въ мірѣ. Посрединѣ входа лежитъ островокъ *Коррехидоръ*, съ маякомъ. Слѣва подлѣ него торчатъ, въ нѣкоторомъ отъ него и другъ отъ друга разстояніи, голые камни *Конь* и *Монахиня*; справа сплошная гряда мелкихъ камней. Мы, лавировкой, часовъ въ

шесть вечера, вошли въ заливъ. Отъ Коррехидора отдѣлилась-было шлюпка и пошла на насъ, чтобъ вѣроятно «узнать о здоровьѣ». Но гдѣ ей за нами! Мы шли по 9-ти узловъ, обогнали какое-то странное, не то китайское, не то индійское судно, и часу въ десятомъ бросили якорь на манильскомъ рейдѣ, верстахъ въ пяти отъ берега.

Мы подбирались къ рейду тихо, осторожно, и вѣтеръ притихъ; настала ночь. Вы не знаете тропическихъ ночей, свѣтлыхъ безъ свѣта, теплыхъ, кроткихъ и безмолвныхъ. Ни вѣтерка, ни звука. Дрожатъ только звѣзды. Между Южнымъ Крестомъ, Конопусомъ, нашей Медвѣдицей и Оріономъ, точно золотая пуговица, желтымъ свѣтомъ горитъ Юпитеръ. Конопусъ блеститъ какъ брильянтъ, и въ его блескѣ тонутъ другія блѣдныя звѣзды корабля Арго, а все вмѣстѣ тонетъ въ пучинѣ млечнаго пути. Что̀ это за роскошь!... Но, чу! колоколъ! Давно я не слыхалъ благовѣста. Густые и протяжные звуки разнеслись по рейду и смолкли. Я смотрѣлъ на городскіе огни: все кругомъ ихъ таилось въ сумракѣ. У меня на душѣ зашевелилось пріятное, чувство любопытства; въ воображеніи поднялись изъ праха забвенія картины и о̀бразы католическаго юга. Мнѣ захотѣлось вдругъ побывать въ древнемъ монастырѣ, побродить въ сумракѣ церквей, поглядѣть на развалины, рядомъ съ свѣжей зеленью, на нищету въ золотыхъ лохмотьяхъ, на лѣнь испанца, на красоту испанки—чувства и картины, отъ которыхъ я было сталъ уставать и отвыкать.

Но говорятъ и пишутъ, между прочимъ американецъ Вильксъ, французъ Малля (Mallat), что здѣсь нѣтъ отелей; что иностранцы, послѣ 11-ти часовъ, удаляются изъ города, который на ночь запирается, что остановиться негдѣ, но что за-то всѣ гостепріимны и всякій домъ къ вашимъ услугамъ. Это заставляетъ задумываться: гдѣ же

остановиться, чтобъ не быть обязаннымъ никому? есть ли необходимыя для путешественника удобства?

Усталъ я. До свиданія; авось завтра увижу и узнаю, что̀ такое Манилла. Мы сдѣлали отъ Лю-чу тысячу шестьсотъ верстъ отъ 9-го до 16-го февраля... Манилла! добрались и до нея, а какъ кажется это недосягаемо изъ Петербурга! точно такъ же, какъ отсюда теперь кажется недосягаемъ Петербургъ—ни больше, ни меньше. До свиданія. Разскажу вамъ, что̀ увижу въ Маниллѣ.

Февраль, 1854 г.

Лишь-только встали мы утромъ 16 февраля, я вышелъ на ютъ смотрѣть Маниллу. «Гдѣ же она?» думалъ я, поглядѣвъ вокругъ себя: пусто! Мы, по-вчерашнему, въ морѣ; вдали синѣютъ берега; это мы видѣли всякій день, идучи подъ берегомъ Люсона. «Да гдѣ же Манилла?» спрашиваю. — «А вонъ, вонъ» говоритъ дѣдъ, показывая пальцомъ въ даль. «Да вы не туда смотрите; вонъ гдѣ!» прибавляетъ онъ, повертывая меня за плечо. Вижу едва-замѣтную кайму берега; на немъ что-то бѣлѣетъ: не то домы, не то церкви; сзади, вдалекѣ, горы. «Такъ это Манилла?» — «Да; а вонъ Кавита» говоритъ дѣдъ, повертывая меня опять плечомъ вправо, почти назадъ отъ Маниллы. Но тамъ ужь ничего не видать: ни домовъ, ни церквей. Снится какъ-будто во снѣ полоса берега, да между этой полосой и нашимъ фрегатомъ видѣнъ трепещущій парусъ рыбачьей лодки, Недалеко отъ насъ стоялъ французскій военный пароходъ «Colbert» и нѣсколько купеческихъ судовъ. «А Маниллы все таки не видать!» сказалъ я.— «Еще бы видѣть!» возразилъ дѣдъ: «мы въ двухъ съ половиною миляхъ отъ нея».—«А ближе развѣ нельзя стать?»

спросилъ я. «Съ нашимъ фрегатомъ... что̀ вы! тутъ глубина пойдетъ шесть да пять саженъ. Другое дѣло купеческія суда—тѣ и въ рѣку входятъ».

«На берегъ кому угодно!» говорятъ часу во второмъ: «сейчасъ шлюпка идетъ». Насъ нѣсколько человѣкъ сѣло въ катеръ, всѣ въ бѣломъ — иначе подъ этимъ солнцемъ показаться нельзя — и поѣхали, прикрывшись холстиннымъ тентомъ; но и то жарко: выставишь нечаянно руку, ногу, плечо — жжетъ. Голубая вода не струится нисколько; суда, мимо которыхъ мы ѣхали, будто спятъ: ни малѣйшаго движенія на нихъ; на палубѣ ни души. По огромному заливу кое-гдѣ ползаютъ лодки, какъ сонныя мухи.

По мѣрѣ нашего приближенія, берегъ сталъ обрисовываться: обозначилась сѣрая, длинная стѣна, за ней колокольни, потомъ тѣсная куча домовъ. Открылся входъ въ рѣку, одѣтую каменной набережной. На правомъ берегу, у самаго устья, стоитъ высокая башня маяка.

Рѣка Пассигъ—славная, быстрая рѣка; на ней много движенія. Берега заставлены, въ два-три ряда, судами, джонками, лодками, такъ-что мы съ трудомъ пробирались и не разъ принуждены были класть весла по борту. На судахъ дѣятельность: выгрузка, нагрузка: сейчасъ видно, что это большой портъ. Нѣкоторые корабли лежатъ почти на боку и чинятся. Всюду гомозятся за работой красносмуглыя, голыя тѣла: все индійцы. На лѣвомъ берегу крѣпость. «Вотъ Манилла и есть!» сказалъ, указывая на крѣпость, Б. К., который ужь былъ у губернатора: «это испанскій городъ; тутъ всѣ власти». — «А это что жь?» спросили мы, указывая на противоположный берегъ. «Это предмѣстье Бинондо; тутъ торговля, иностранцы». Вотъ пока все, что̀ я узналъ.

«Куда жь пристать?»—«Вотъ одна пристань, а другая тамъ, дальше гдѣ-то, у моста».—«Такъ пристанемъ къ ближайшей! сказалъ кто-то. — «Отчегожь къ ближайшей?» возразилъ другой; «ужь заберемся подальше». — «И здѣсь хорошо». Стали спорить; бо́льшинство рѣшило пристать немедленно; но тутъ теченіемъ потащило насъ на мель, на праздно-валявшіеся въ тинѣ якоря. «Клади лѣво руля! лѣво руля!» говорилъ одинъ. «Отталкивайся, бери правѣй... командовалъ другой: вотъ такъ! теперь пристанемъ». — «Да нѣтъ, поѣдемте туда, къ той пристани!» рѣшили многіе—и поѣхали. А пристать слѣдовало тутъ, какъ мы послѣ увидѣли.

Мы продолжали плыть по рѣкѣ. На одномъ берегу рядъ грязноватыхъ пакгаузовъ, домовъ, длинныхъ заборовъ; зелени нигдѣ не видать; изрѣдка выбѣгаютъ на солнце изъ-за каменной ограды два-три банановые листа. Направо, у крѣпости, растетъ мелкая трава; тамъ бѣгаютъ съ крикомъ ребятишки: въ тѣни лежатъ буйволы, съ ужаснѣйшими, закинутыми на спину рогами, или стоятъ по горло въ водѣ. На стѣнѣ ходятъ часовые, съ большими эполетами изъ красной бахрамы, въ уланскихъ киверахъ и въ суконныхъ мундирахъ, съ перевязью. «Крѣпость славно укрѣплена» говорили наши, разсматривая артиллерію и толщину стѣнъ.

Но вотъ и мостъ. Насилу продрались мы, между судовъ и лодокъ, къ каменнымъ ступенямъ пристани, и вышли на улицу. Ухъ, какъ душно! Насъ охватилъ горячій и удушливый воздухъ: точно въ пекарню вошли. «Уже-ли это Манилла?» говорилъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ, помоложе, привыкшій, съ именемъ Маниллы, соединять что-то цвѣтущее: «да гдѣ же роскошь, поэзія?... Ахъ, какъ нехорошо пахнетъ!» вдругъ при-

бавилъ онъ. Пахло въ самомъ дѣлѣ нехорошо. Мы вошли въ улицу, состоящую изъ сплошнаго ряда лавокъ, и вдругъ угадали причину запаха: изъ лавокъ выглядывали бритыя до-синя, китайскія головы и лукавыя физіономіи. Прямые азіятскіе жиды: гдѣ ихъ нѣтъ? и всюду разносятъ они запахъ чесноку, сандальнаго дерева и растительнаго масла. Здѣсь они однакожь почище, нежели въ Сингапурѣ и Гон-Конгѣ, и лавки у нихъ поопрятнѣе, похожи на наши гостиные дворы, только съ жильемъ вверху. Здѣсь меньше кузнецовъ, столяровъ; не видать, чтобъ жарили и пекли на улицѣ. Но голыхъ много. Непріятно видѣть эти бѣлыя и дряблыя тѣла: точно провизія какая-нибудь выставлена на показъ, между частью баранины и окорокомъ ветчины.

Мы искали, кого бы спросить о французской отели, о которой слышали утромъ, о томъ, можно ли поселиться въ ней, имѣть экипажъ и т. п. На улицѣ никого; рѣдко пробѣжитъ индіецъ, или китаецъ съ ношей, и опять улица опустѣетъ. Только собаки, да свиньи, лежатъ кое-гдѣ у забора, въ тѣни. Мы обращались и къ китайцамъ, и къ индійцамъ, съ вопросомъ по англійски и по-французски: «гдѣ отель?» Встрѣчные тупо глядѣли на насъ, или отвѣчали вопросомъ же «signor?» Мы стали ухитряться, какъ бы, не зная ни слова по-испански, сочинить испанскую фразу. Послѣ довольно-продолжительной конференціи, наконецъ сочинили пять словъ, которыя долженствовали заключать въ себѣ вопросъ: «гдѣ здѣсь французская отель?» Съ этимъ обратились мы къ солдату, праздно-стоявшему въ тѣни какого-то желтаго зданія, похожаго на казармы. Другой солдатъ стоялъ на часахъ. Первый поглядѣлъ на насъ, подумалъ и повелъ по китайскимъ рядамъ. Изъ лавокъ на насъ несло попеременно, мыломъ, сапожнымъ то-

варомъ, пряностями, чаемъ, и т. п. Наконецъ солдатъ привелъ насъ на какой-то дворъ, на которомъ было множество колясокъ и лошадей. Кучера, чистившіе ихъ, посмотрѣли вопросительно на насъ, а мы на нихъ, потомъ всѣ вмѣстѣ на солдата: «Что это мы сказали ему?» спросилъ одинъ изъ насъ въ тоскѣ отъ жара, духоты и дурнаго запаха на улицахъ. — «Вѣрно что-нибудь хорошее, что онъ насъ въ конюшню привелъ!» — «А все же вышло что-нибудь да по-испански: не даромъ же онъ привелъ сюда», прибавилъ кто-то въ утѣшеніе. «Франческа, франческа» повторили мы солдату. Одинъ изъ кучеровъ тоже что-то сказалъ ему, и тотъ повелъ насъ опять по рядамъ. Улица была прекрасная; лавки, чѣмъ дальше шли, тѣмъ лучше. Наконецъ проводникъ остановился передъ одной дверью и указалъ намъ войдти туда.

Мы очутились въ европейскомъ магазинѣ, но въ немъ царствовалъ такой эклектизмъ, что ни за что̀ не скажешь сразу, чѣмъ торгуетъ хозяинъ. Тутъ стояло двое-трое столовыхъ часовъ, коробка съ перчатками, нѣсколько ящиковъ съ виномъ, фортепьяно; лежали матеріи, висѣли золотыя цѣпочки, тѣснились въ кучѣ этажерки, красивые столики, шкапы и диваны, на окнахъ вазы, на столѣ какая-то машина, потомъ бумага, духи. Мы имѣли время разсмотрѣть все, потому-что въ магазинѣ никого не было и никто не шелъ къ намъ. Минутъ черезъ пять уже появился молодой, высокій, бѣлокурый, очень-красивый французъ, по обыкновенію, изысканно-одѣтый, и удивился, найдя насъ тутъ. За нимъ вышла немолодая, невысокая, очень некрасивая француженка, одѣтая еще изысканнѣе. Она тоже съ удивленіемъ посмотрѣла на насъ. Мы заговорили всѣ вмѣстѣ, и хозяева тоже. Мы стали горько жаловаться на жаръ, на духоту, на пустоту на улицахъ, на то, что

никто, кромѣ испанскаго, другаго языка не разумѣетъ, и что мы никакъ не можемъ найти отели. Они усердно утѣшали насъ тѣмъ, что теперь время съесты — всѣ спятъ, оттого никто по улицамъ, кромѣ простаго народа, не ходитъ, а простой народъ, ни по французски, ни по-англійски не говоритъ, но за-то говоритъ по-испански, по-китайски и по-португальски, что, передъ съестой и послѣ съесты, по улицамъ, кромѣ простаго народа, опять-таки никто не ходитъ, а непростой народъ все ѣздитъ въ экипажахъ и говоритъ только по-испански. «Отель», прибавили они въ послѣднее утѣшеніе намъ, «точно есть: содержитъ ее французъ M-r Демьенъ, очень-хорошій человѣкъ, но это предалеко отсюда. «Вотъ, не угодно ли, васъ проводитъ туда кули, а вы заплатите ему за это реалъ, или пожалуй, больше».

Француженка, въ видѣ украшенія, прибавила къ этимъ практическимъ свѣдѣніямъ, что въ Маниллѣ всего человѣкъ шесть французовъ, да очень-мало американскихъ и англійскихъ негоціантовъ, а то все испанцы; что они все спятъ да ѣдятъ; что сама она католичка, но терпитъ и другія религіи, даже лютеранскую, и что хотѣла бы очень побывать въ испанскихъ монастыряхъ, но туда женщинъ не пускаютъ—и при этомъ вздохнула изъ глубины души. «А много монаховъ въ Маниллѣ?» спросилъ я. — «On ne voit que ça, mr», отвѣчала она. На прощаньѣ хозяева просили удостоить ихъ посѣщеніемъ, если понадобится намъ — мёбель.

Опять пошли мы кочевать, подъ предводительствомъ индійца или, какъ называетъ Ѳаддеевъ, цыгана, въ бѣлой рубашкѣ, выпущенной на синіе панталоны, въ соломенной шляпѣ, босикомъ, по пустымъ улицамъ, стараясь отворачиваться отъ многихъ лавочекъ, откуда ужь слишкомъ пахло китайцами.

Пока мы шли подъ каменными сводами лавокъ, было сносно, но лавки кончились; началась другая улица, пошли перекрестки, площади; надо было проходить по открытымъ мѣстамъ. Зонтикъ оказался слабою защитою; ноги горѣли въ ботинкахъ. Мы прошли мимо моста, у котораго пристали; за нимъ видна большая церковь; впереди, по новой улицѣ, опять ряды лавокъ, гораздо хуже, чѣмъ въ той, гдѣ мы были. Попадались все тѣ же индійцы и китайцы, изрѣдка метисы, и одна метиска, съ распущенной по спинѣ мокрой косой, которую она подставляетъ подъ солнце посушить послѣ купанья.

Метисы — это пересаженные на манильскую почву, съ разныхъ другихъ мѣстъ, цвѣтки, то-есть, смѣсь китайцевъ, испанцевъ, и другихъ племенъ, съ индійцами. Испанскіе метисы одержимы желаніемъ прослыть, гдѣ есть случай, испанцами — но это невозможно: черезчуръ смуглыя лица, черезчуръ черные волосы, обличаютъ неиспанскую кровь на каждомъ шагу. Они и сами понимаютъ это и смиряются. Женщины присвоили себѣ и особенный костюмъ: ярко-полосатую, и даже пеструю юбку, и бѣлую головную мантилью, въ отличіе отъ черной, исключительнаго головнаго убора испанокъ pur sang. Испанцы такъ дорожатъ привилегіей родиться и получить воспитаніе на своемъ полуостровѣ, что уже родившіеся здѣсь, отъ испанскихъ же родителей, дѣти, на нѣсколько процентовъ, цѣнятся ниже противъ европейскихъ испанцевъ въ здѣшнемъ обществѣ. Одна молодая испанка... Но вѣдь это я все узналъ не дорогой къ трактиру, а послѣ: зачѣмъ же забѣгать? Разскажу, когда дойдетъ очередь, если не... забуду.

Улицы, домы, лавки — все это провинціально и похоже на всѣ въ мірѣ, какъ я теперь погляжу, провинціальные города, въ томъ числѣ и на наши: такіе же длинные

заборы, длинные переулки безъ домовъ, заросшіе травой, пустота, эклектизмъ въ торговлѣ и отсутствіе движенія.

У одного переулка нашъ вожатый остановился, давъ догнать себя, и пошелъ между двумя заборами, изъ-за которыхъ выглядывали жарившіеся на солнцѣ бананы. Въ этомъ переулкѣ совсѣмъ не видно было домовъ, за-то расло гораздо больше травы, въ тѣни лежало гораздо болѣе свиней и собакъ, нежели въ другихъ улицахъ. Наконецъ вотъ и домъ, одинъ, вдали, ужь на загибѣ, другой — и только. «Да скоро ли кончится этотъ путь?» говорили мы, до-нельзя утомленные жаромъ. Тагалъ остановился у перваго изъ домовъ, у довольно грязныхъ воротъ. «Fonda!» сказалъ онъ, указывая рукой во дворъ. Мы недовѣрчиво заглянули туда — и что̀ же: опять коляски и лошади. Чтожъ это значитъ: смѣются, что ли, надъ нами?» ворчали мы. «Fonda!» твердилъ упрямо тагалъ. «Такъ что жь, что fonda? веди насъ въ отель!» кричали мы, кто по-французски, кто по-англійски. Къ счастью, вышелъ какой-то молодой человѣкъ и объявилъ по-англійски, что-это фунда, то есть отель и есть. «А лошади, коляски — что̀ это значитъ?» сердито спрашивали мы. «Хозяинъ содержитъ и экипажи» отвѣчалъ онъ.

Мы успокоились и спрятались подъ спасительную тѣнь, пробѣжавъ дворъ, наполненный колясками и лошадьми, взошли на лѣстницу и очутились въ огромной столовой залѣ, изъ которой открытая со всѣхъ сторонъ галерея вела въ другія комнаты; далѣе слѣдовали корридоры съ нумерами. О роскошь! солнца нѣтъ; вездѣ сквозной вѣтеръ; но, къ сожалѣнію, онъ не всегда здѣсь къ вашимъ услугамъ. У насъ, на сѣверѣ, велятъ избѣгать его, а здѣсь искать. Отель напоминала намъ Сингапуръ: такія же длинныя залы, длинный столъ и огромный вѣеръ, прикрѣплен-

ный къ потолку. Вездѣ задвижныя рамы во всю величину окна. Есть и балконъ, или просто крыша надъ сараями, огороженная бортами, какъ на корабляхъ, или, лучше сказать, какъ на... балконахъ.

На насъ съ любопытствомъ поглядывала толпа слугъ, индійцевъ, большею частью мальчишекъ. Впрочемъ тагалы вообще невысоки ростомъ и моложавы на видъ. «Лимонаду!» спросили мы, и вся толпа слугъ разомъ бросилась вонъ, такъ-что полъ, столы, стулья—все заходило въ залѣ. Тутъ я разглядѣлъ, что полы, потолки—все это выстроено черезчуръ на живую нитку. Я сквозь щели досокъ на полу видѣлъ, что̀ дѣлается на дворѣ; каждое слово, сказанное внизу, слышно въ комнатѣ, и обратно. Разглядѣлъ я еще, что въ рамахъ нѣтъ ни одного стекла, а вмѣсто нихъ что-то другое. «Слюда», сказалъ одинъ изъ насъ.—«Нѣтъ, это жесть, рѣшилъ другой: «посмотрите, какая крѣпкая!»

Слуги вбѣжали, какъ лошади, съ такимъ же шумомъ, съ какимъ ушли, и принесли нѣсколько бутылокъ лимонаду. Мы жадно напали на лимонадъ и потомъ уже спросили, гдѣ хозяинъ и можно ли его видѣть. Опять они съ оглушительнымъ топотомъ шарахнулись вонъ. Явился хозяинъ, m-r Demien, лѣтъ 35-ти, пріятной наружности, съ добрымъ лицомъ, въ бѣлой курткѣ и соломенной шляпѣ, вѣжливый, но не суетливый, держитъ себя очень-просто, но съ достоинствомъ, не болтунъ и не хвастунъ, что̀ рѣдко встрѣтишь въ французѣ. Онъ объявилъ, что за полтора піастра въ сутки даетъ комнату, со столомъ, то-есть съ завтракомъ, обѣдомъ, ужиномъ; что онъ содержитъ также и экипажи; что коляска и пара лошадей сто̀ятъ въ день два піастра съ половиной, а за полдня піастръ съ четвертью; что завтракаютъ у него въ десять часовъ, обѣдаютъ въ четыре, а чай пьютъ и ужинаютъ въ восемь. «Впрочемъ у

меня когда хотите, тогда и дадутъ ѣсть, comme chez tous les mauvais gargotiers», прибавилъ онъ. — «Excellent m-r Demien!» сказалъ Б. К. въ умиленіи.

«Скажите, пожалуйста», начали мы распрашивать хозяина: «какъ бы посмотрѣть городъ? — «Можно», отвѣчалъ онъ: «вы что хотите видѣть?»—Прежде всего испанскій городъ, достопримѣчательности». — «Можно». «Церкви, напримѣръ?» — «Можно». — «Такъ велите же дать лошадей, мы бы поѣхали»... — «Церкви видѣть нельзя: онѣ заперты», сказалъ Демьенъ.—«Когда жь служатъ въ нихъ?»—«До восьми часовъ утра; позже—жарко»—«Ну, фабрику сигаръ можно видѣть?» — «Нѣтъ, надо до одиннадцати часовъ утра; къ полудню всѣ расходятся отдыхать: жарко. Да у васъ есть позволеніе отъ губернатора?» — «Позволеніе?» спросили мы. — «Да?» — «Нѣтъ». — «Впрочемъ если у васъ есть кто-нибудь знакомый въ городѣ, то васъ проведутъ, по знакомству съ директоромъ».

Мы призадумались передъ этими неожиданными помѣхами. «Еще намъ хотѣлось бы съѣздить внутрь острова: посмотрѣть, напримѣръ, гротъ св. Маттео, лагуны... можно ли у васъ достать лошадей?» спрашивали мы далѣе.— «Можно, сколько хотите; только здѣшнее начальство неохотно пускаетъ иностранцевъ внутрь... Впрочемъ для васъ, можетъ быть, губернаторъ разрѣшитъ: вы рѣдкіе гости».—«Чѣмъ же это лучше Японіи?» съ досадой сказалъ я: «нечего дѣлать, велите мнѣ заложить коляску», прибавилъ я: «я проѣдусь по городу, кстати куплю сигаръ»...—«Коляски дать теперь нельзя»...—«Вы шутите, г. Демьенъ?»—«Нимало: здѣсь ѣздятъ съ ранняго утра до полудня, потомъ съ пяти часовъ до десяти и одиннадцати вечера; иначе заморишь лошадей».—«Гдѣ жь магазинъ съ сигарами? покажите, мы пѣшкомъ пойдемъ». —

«Есть одинъ магазинъ казенный, да тамъ не всегда бываютъ сигары... надо на фабрикѣ»... — «Это изъ рукъ вонъ! вѣдь на фабрику попасть нельзя»? — «Трудно». — «Гдѣ жь берутъ сигары? мы на улицѣ видѣли, всѣ курятъ». — «Въ частныхъ лавкахъ есть, да дрянныя». — «Нѣтъ ли у васъ?» — «Нѣтъ, я не держу, потому-что здѣсь всякій самъ запасаетъ себѣ».

Мы пожали плечами, а Демьенъ улыбался: онъ наслаждался нашимъ положеніемъ. «Что̀ жь намъ дѣлать теперь— научите» — «А вотъ отдохните здѣсь, теперь три часа, въ четыре подадутъ обѣдъ: обѣдайте, если хотите, а послѣ я тотчасъ велю закладывать экипажи, пораньше, для васъ, и вы поѣдете кататься. Сигаръ я пошлю купить сейчасъ же». — «Мы обѣдали», отвѣчали мы. — «Завтракали» поспѣшно добавилъ Б.: «почему жь не отобѣдать? Надо же изучать нравы, обычаи...» — «А что̀ это у васъ вставлено въ рамы вмѣсто стеколъ? спросилъ я хозяина. — «Перламутровыя раковины». — «Зачѣмъ же?» — «Онѣ мало свѣта пропускаютъ въ комнаты и не принимаютъ въ себя жара. Да стеколъ здѣсь не напасешься отъ однихъ землетрясеній» прибавилъ онъ.

Мы сѣли у окна, на самомъ сквозномъ вѣтру, и смотрѣли на огороженный заборомъ плацъ, съ аллеею большихъ тѣнистыхъ деревьевъ, назначенный, повидимому, для ученья солдатъ. Дальше виднѣлись крыши домовъ, съ рѣдкою, выглядывавшею изъ-за нихъ зеленью. Съ другой стороны, съ балкона, видъ былъ лучше. Балконъ выходилъ на Пассигъ, съ движущейся по ней живой панорамой судовъ, странныхъ лодокъ, индійцевъ. Изъ-за крѣпостной стѣны глядѣли куполы и кресты церквей. Въ трактиръ приходили и уходили разныя лица, все въ бѣлыхъ курткахъ, индійцы въ грязныхъ рубашкахъ, ки-

тайцы, безъ того и безъ другаго. Мимо везли на буйволахъ разныя клади: видно, буйволы, насчетъ ѣзды по жарѣ, не входили въ одну категорію съ лошадьми.

Въ трактирѣ къ обѣду стало поживѣе: изъ нумеровъ показались сонныя лица жильцовъ: какой-то очень благообразный, высокій, сѣдой старикъ, въ свѣтло-зеленомъ сюртукѣ, ирландецъ, какъ намъ сказали, полковникъ испанской службы, французъ, блѣдный, до-нельзя съ черными волосами, до-нельзя въ бѣлой курткѣ и панталонахъ, какъ-будто завернутый въ хлопчатую бумагу, съ нѣжнымъ фальцетто, безъ грудныхъ нотъ. Потомъ, не смотря на жаръ, пришло съ улицы нѣсколько англійскихъ шкиперовъ: что̀ за широкоплечесть! что̀ за приземистость! ноги, вогнутыя внутрь или дугой наружу. Они вчетверомъ, какъ толпа буйволовъ, прошли по галереѣ мѣрно, основательно, такъ-что полъ заходилъ ходенемъ. Посмотришь ли на индивидуума этой породы спереди, только и увидишь синюю, толстую, суконную куртку, такія же панталоны, шляпу, и подъ ней, вмѣсто лица, кругъ краснаго мяса, съ каймой рыжихъ, жесткихъ волосъ, да огромные, жесткіе, почти неразжимающіеся кулаки: горе, кому этакой кулакъ окажетъ знакъ вражды или дружбы! Взглянешь сзади — то же самое, только шляпа вплоть приходится къ плечамъ. Онъ неизмѣнимъ всегда и вездѣ: ни бѣлыхъ куртокъ, ни соломенныхъ шляпъ, никакихъ этихъ нѣжностей не знаетъ. Явилось еще нѣсколько лицъ, всего человѣкъ двадцать. Слуги проявляли необыкновенную дѣятельность: они продолжали бросаться вонъ и возвращаться бѣгомъ, каждый съ какимъ-нибудь блюдомъ, и скоро заставили весь столъ, такъ-что скатерти стало невидно.

Чего не было за столомъ! Мяса рѣшительно всѣ и

во всѣхъ видахъ, живность тоже; зелени цѣлый огородъ, между прочимъ кукуруза съ масломъ. Но фруктовъ мало: не сезонъ имъ.

Столъ—смѣсь англійскаго съ французскимъ: зелень, напримѣръ, вся приготовлена по-французски, а мясо и рыба поданы по-англійски, неразрѣзанными: къ нимъ особо опять французскіе рагу, тутъ же и сои, пикули. Хотя всѣ кушанья разомъ поставлены на столъ, но собесѣдники другъ друга не безпокоили просьбою отрѣзать того, другаго, какъ принято у англичанъ. «Зачѣмъ такъ много всего этого?» скажешь невольно, глядя на эти двадцать, тридцать блюдъ: «не лучше ли два-три блюда, какъ у насъ?...» Впрочемъ, я не знаю, что̀ лучше: попробовать ли понемногу отъ двадцати блюдъ, или наѣсться двухъ такъ, что человѣкъ послѣ обѣда часа два томится сомнѣніемъ, будетъ ли онъ живъ къ вечеру, какъ это дѣлаютъ иные...

Слуги и за обѣдомъ суются, какъ угорѣлые, сталкиваютъ другъ друга съ ногъ, бѣснуются и вдругъ становятся неподвижно и глядятъ на васъ, прося глазами приказать что-нибудь еще.

Послѣ обѣда стало посвѣжѣе; всѣ разъѣхались. Мнѣ подали прекрасную небольшую коляску, запряженную парой мелкихъ, но прехорошенькихъ, круглыхъ и рѣзвыхъ лошадей. «Велите кучеру ѣхать, сначала въ Маниллу», сказалъ я хозяину: «потомъ въ окрестности, только подальше и позанимательнѣе». — «А на кальсадо хотите ѣхать?» спросилъ онъ. — «Что̀ это такое кальсадо?» — Это гулянье около крѣпости и по взморью: туда по вечерамъ собираются всѣ кататься». — «Ужо, попозднѣе», сказалъ я. Онъ долго что̀-то говорилъ кучеру и тотъ погналъ лошадей, еще по горячимъ улицамъ, по которымъ мы утромъ тащились пѣшкомъ до отели. Я

прилежно глядѣлъ кругомъ, чтобъ скорѣе освоиться въ городѣ.

Мы промчались по предмѣстью, теперь уже наполненному толпами народа, большею-частію тагалами и китайцами, отчасти также метисами: весь этотъ людъ шелъ на работу или съ работы; другіе, казалось, просто обрадовались наступавшей прохладѣ, и вышли изъ домовъ гулять, ходили по лавкамъ, стояли толпами и разговаривали.

Тагалы нехороши собой: лица большею-частью плоскія, овальныя, носъ довольно-широкій, глаза небольшіе, цвѣтъ кожи нечисто-смуглый. Они стригутся по-европейски, одѣваются въ бумажныя панталоны, сверху выпущена бумажная же рубашка; у франтовъ кисейная, съ вышитою на европейскій фасонъ манишкой. Въ шляпахъ большое разнообразіе: много соломенныхъ, но еще больше европейскихъ, шелковыхъ, особенно сѣрыхъ. Метисы ходятъ въ такомъ же, или уже совершенно въ европейскомъ платьѣ.

Женщины, т. е. тагалки, гораздо-лучше мужчинъ: лица у нихъ правильнѣе, глаза смотрятъ живѣе, въ чертахъ больше смышлености, лукавства, игры, какъ оно и должно быть. Онѣ большія кокетки: это видно сейчасъ по взглядамъ, которыми онѣ отвѣчаютъ на взгляды любопытныхъ, и по подавляемымъ улыбкамъ. Какъ хорошъ смуглый цвѣтъ, при живыхъ, страстныхъ глазахъ и густой черной косѣ, которая плотнымъ узломъ громоздится на маленькой головѣ, напоказъ всѣмъ, безъ всякаго убора! Васъ поразила бы еще стройность этихъ женщинъ: онѣ не высоки ростомъ, но сложены прекрасно, тѣмъ прекраснѣе, что никто, кромѣ природы, не трудился надъ этимъ станомъ. Нѣтъ ни пояса, ни тесемки около по-

ясницы, ничего, что̀ намекало бы на шнуровку и корсетъ. Весь костюмъ состоитъ изъ бумажной, плотно-обвитой около тѣла юбки, безъ рубашки; юбка прикрыта еще большимъ платкомъ—это нижняя часть одежды; верхняя состоитъ изъ одного только спенсера, большею-частью кисейнаго, безъ всякой подкладки, ничѣмъ-несоединяющагося съ юбкою: отъ этого, при скорой походкѣ, отъ граціозныхъ движеній тагалки, часто бросается въ глаза полоса смуглаго тѣла, внезапно-открывающаяся между спенсеромъ и юбкой.

У многихъ, особенно у старухъ, на шеѣ, на мѣдной цѣпочкѣ, сверхъ платья, висятъ мѣдные же, или серебряные кресты, или медальйоны, съ изображеніями святыхъ. Нѐчего прибавлять, что всѣ здѣшніе индійцы — католики. Въ дальнихъ мѣстахъ, внутри острова, есть еще малочисленныя племена, или, лучше сказать, толпы необращенныхъ дикарей; ихъ называютъ негритами (negritos). Испанское правительство иногда посылаетъ за ними небольшіе отряды солдатъ, какъ на охоту за звѣрями.

Между этими стройными женскими фигурами толкались, кромѣ тагаловъ, китайцы въ своихъ кофтахъ, съ длинною, путавшеюся въ ногахъ косою, или пробирались монахи. И мужчины, и женщины почти всѣ курили сигары.

Мы выѣхали изъ предмѣстья, и по длинному, но довольно-узкому мосту черезъ Пассигъ, потомъ мимо казармъ, въѣхали въ крѣпость, окруженную широкимъ, наполненнымъ водой рвомъ, и сѣрой, массивной стѣной изъ дикаго камня. Проѣхали еще чрезъ ворота за внутреннюю, выбѣленную кирпичную стѣну и очутились въ длинной, узенькой, мрачной улицѣ испанскаго города. Домы шли сплошной массой въ два этажа, съ непре-

рывной каймой висячихъ балконовъ, похожихъ на шкапы съ плотно-затворенными дверцами. Нижніе этажи первой улицы заняты китайскими лавками, все почти съ европейскими товарами.

Мы мчались изъ улицы въ улицу, такъ-что предметы рябили въ глазахъ: то выскочимъ на какую-нибудь открытую площадку—и все обольется лучами свѣта: церковь, мостовая, садъ передъ церковью, съ яркою и нѣжною зеленью на деревьяхъ, и мы сами, то погрузимся опять во тьму кромѣшную длиннаго переулка. Въ глазахъ мелькнетъ вывѣска лавки, отворенное жалюзи и заспанное лицо стараго испанца; тамъ арфа у окна; тамъ дѣтская головка, солдатъ на часахъ. Сказалъ бы кучеру: *стой, тише!* да какъ ему скажешь? Выйдетъ такая же исторія, пожалуй, какъ давича *съ фондой*. Мы доскакали до большой площади, съ скверомъ посрединѣ и бронзовымъ монументомъ. «Stop, halt», говорилъ я. Кучеръ все мчалъ дальше. Я потерялъ терпѣніе и тростью тронулъ его въ спину. Онъ быстро обернулся ко мнѣ и смотрѣлъ на меня вопросительно, а лошади все ѣхали. Насилу я знаками объяснилъ ему, что хочу выйдти.

Я пошелъ по площади кругомъ; она образуетъ параллелограмъ: съ одной стороны дворецъ генералъ-губернатора—большое двухъэтажное каменное зданіе новѣйшей постройки; внизу, въ окнахъ, вмѣсто рамъ, большія желѣзныя рѣшетки. Здѣсь всѣ домы въ два этажа; въ нижнихъ этажахъ помѣщаются лавки и кладовыя, но не жилые покои, по причинѣ землетрясеній. Зданія строятся по двумъ способамъ: или чрезвычайно-массивно, какъ строятся монастыри, казармы, казенные домы, такъ-что надо необыкновенное землетрясеніе, чтобъ поколебать громадныя стѣны этихъ зданій; или же сколачиваются на живую нитку,

въ родѣ балагановъ, какъ выстроена фонда, и почти всѣ другіе частные домы. Въ нихъ потолки и полы такъ легки и эластичны, что покоряются движенію почвы и, пошатавшись немного, остаются на своемъ мѣстѣ. Здѣсь, говорятъ, всѣ привыкли къ землетрясеніямъ: и домы, и люди. Напротивъ дворца—ратуша съ башенкой наверху. Съ третьей стороны соборъ, на четвертой рядъ большихъ, выстроенныхъ въ линію, частныхъ домовъ.

Площадь вся такъ и горѣла жаромъ — нужды нѣтъ, что былъ уже въ исходѣ пятый часъ. Домы стоятъ, точно необитаемые, съ закрытыми жалюзи. Церковь, съ сѣрыми, обросшими мохомъ стѣнами, покоится мертво и нѣмо. Нигдѣ ни звука, ни движенія; птичка даже не пролетитъ, и солдатъ у воротъ дворца точно приросъ къ землѣ, какъ эта статуя Карла IV. Около монумента, на скверѣ, только-что посажены, не сегодня такъ вчера, кустики съ голыми прутьями—будущія деревья; они смотрѣли такъ жалко и сухо, какъ-будто отчаявались вырости подъ этимъ солнцемъ.

Я хотѣлъ обойдти кругомъ сквера, но подвигъ былъ не по силамъ: сдѣлавъ шаговъ тридцать, я сѣлъ въ коляску, и кучеръ опять безпощадно погналъ лошадей, опять замелькали предметы. Но городъ уже понемногу оживалъ: кое-гдѣ отодвигались жалюзи; появлялись люди. На одномъ балконѣ, опершись локтями о рѣшетку, сидѣла молодая женщина, съ матовымъ лицомъ, съ черными глазами; она смотрѣла бойко: видно, что не спала совсѣмъ. Вотъ вечеромъ тутъ, пожалуй, явится кто-нибудь съ *отвагой* и *шпагой*, а, можетъ быть, и съ *шелковыми петлями*. Я сталъ вглядываться попристальнѣе въ нее, и она скрылась. Кое-гдѣ отворяли рѣшетчатыя желѣзныя ворота въ домахъ; слышался стукъ колесъ; тамъ, на балконѣ, со-

бралось цѣлое семейство наслаждаться чуть-чуть повѣявшей прохладой.

Проѣхавъ множество улицъ, замковъ, домовъ, я выѣхалъ въ другія ворота крѣпости, ко взморью, и успѣлъ составить только пока заключеніе, что испанскій городъ— городъ большой, городъ сонный и городъ очень-пріятный. Ѣдучи туда, я думалъ, правду сказать, что на меня повѣетъ духъ падшей, обѣднѣвшей державы, что я увижу запустѣніе, отсутствіе строгости, порядка, словомъ, поэзію раззоренія, но меня удивилъ видъ благоустроенности, чистоты: вездѣ видны слѣды заботливости, даже обилія.

За городомъ дорога пошла берегомъ. Я смотрѣлъ на необозримый заливъ, на наши суда, на озаряемыя солнцемъ горы, однѣ, поближе, пурпуровыя, подальше—лиловыя; самыя дальнія синѣли въ туманѣ небосклона. Картина впереди — еще лучше: мы мчались по большому зеленому лугу, съ декораціей индійскихъ деревень, прячущихся въ тѣни банановъ и пальмъ. Это одна безконечная шпалера зелени — на бананахъ нѣжной, яркой до желтизны, на пальмахъ темной и жесткой.

Кучеръ мчитъ неистово; я только успѣваю кидать быстрые взгляды направо и налѣво. Тутъ стѣна бамбуковъ; я нигдѣ не видалъ такихъ большихъ и стройныхъ деревьевъ: они растутъ исполинскими кустами или букетами, устремляясь, какъ пучки стрѣлъ, вверхъ, и тамъ разбѣгаются вѣтвями въ разныя стороны. Дальше густая, непроницаемая масса смѣшанной зелени, въ которой мѣстами прячутся кисти хлѣбныхъ плодовъ, фигъ, или гранатъ, какъ мнѣ казалось при такой быстрой ѣздѣ. Изъ чащи зелени мы вдругъ вторгались въ тагальскую деревню, проскакивали мимо хижинъ безъ стѣнъ, съ однѣми рѣшетками, сплетенными изъ растущаго тутъ же рядомъ бам-

бука, крытыхъ банановыми листьями, и безъ того, впрочемъ, осѣняющими круглый годъ всю хижину. Деревня замѣнялась опять сплошнымъ лѣсомъ-садомъ, который тянется долго, цѣлыя мили. Потомъ зеленая шпалера внезапно раздвинется, открывая поля съ грядами, покосами, фермами, стадами, съ пестрыми нивами, какъ заплатами, которыя стелются далеко, вплоть до синѣющаго на горизонтѣ лѣса. Мѣстами декорація лѣса прячетъ за собой табачную, кофейную или, наконецъ, сахарную плантацію. Одно цвѣтетъ, съ другаго уже собраны плоды, третье едва всходитъ. Но бананы превозмогаютъ все: вездѣ, изъ всѣхъ угловъ и щелей, торчатъ ихъ нескромные, ярко-свѣжіе листья, осѣняющіе крупныя и тяжелыя кисти плодовъ. Все здѣсь заросло, все зелень, все садъ, какъ на Явѣ; нѣтъ пустаго клочка голой земли.

Сколько мостиковъ и рѣчекъ перемахнули мы! Вездѣ на нихъ жилье, затишья, углубленія въ сторону: тамъ, въ сонныя воды заблудившейся въ лѣсу и ставшей неподвижно рѣчки, смотрятся дачи, во всемъ убранствѣ зелени и цвѣтовъ; черезъ воды переброшенъ мостъ, игрушечной постройки, какихъ много видишь на театрѣ, отчасти на Черной рѣчкѣ тоже.

На балконахъ уже сидятъ, въ праздномъ созерцаніи чудесъ природы, заспанныя, худощавыя фигуры испанцевъ de la vielle roche, напоминающихъ Дон-Кихота: лицо овальное, книзу уже, съ усами и бородой, похожей тоже на усъ, въ ермолкахъ, съ извѣстными крупными морщинами, съ выражающимъ одно и то же взглядомъ тупаго, даже отчасти болѣзненнаго раздумья, какъ-будто печати страданія, котораго, кажется, не умѣетъ эта голова высказать, за неумѣньемъ грамотѣ. На всѣхъ картинкахъ испанской школы увидите такія лица. Другія еще

почиваютъ, или, проснувшись, кушаютъ. Быстроглазыя тагалки, занятыя чѣмъ-нибудь въ хижинахъ или около, вдругъ поднимаютъ на проѣзжихъ глаза, и непремѣнно что-нибудь высказываютъ ими: или вопросъ, или насмѣшку, или другое, но во всякомъ случаѣ краснорѣчиво. Мужчины—тѣ ничего не говорятъ: смотрятъ на васъ съ равнодушнымъ любопытнымъ, медленно, почесывая грудь, спину, или что-нибудь другое, какъ дѣлаютъ и у насъ мужчины въ поляхъ, отрываясь на минуту отъ плуга или косы, чтобъ поглядѣть на проѣзжаго. Одни изъ нихъ возятся около воловъ, другіе работаютъ по полямъ и огородамъ, третьи сидятъ въ лавочкѣ и продаютъ какую-нибудь дрянь; прочіе покупаютъ ее, ѣдятъ, курятъ, наконецъ многіе бо̀льшею частью сидятъ кучками всюду на улицѣ, въ садахъ, въ переулкахъ, въ полѣ, и почти всѣ съ пѣтухомъ подъ-мышкой.

Это вѣчный товарищъ тагала: онъ съ нимъ всюду. Я видѣлъ пѣтуховъ, привязанныхъ къ дверямъ лавокъ: хозяинъ торгуетъ — пѣтухъ долженъ быть тутъ же. Я останавливался, выходилъ изъ коляски посмотрѣть, что̀ они тутъ дѣлаютъ; думалъ, что увижу знаменитые манильскіе пѣтушьи бои, но видѣлъ только боевыя экзерциціи; пѣтуховъ раздражали, спуская другъ на друга, но тотчасъ же и удерживали за хвостъ, какъ только рыцари слишкомъ ощетинятся. Тутъ лишь пробовали ихъ силу, цѣнили качества и готовили къ настоящимъ сраженіямъ. А сраженія происходятъ въ особыхъ циркахъ, по праздникамъ. Странно видѣть взрослыхъ людей, съ задумчивыми, иногда съ такими дѣловыми физіономіями, за ребяческой забавой. Мнѣ невольно пришла на память Европа, карты, и дѣловыя физіономіи тоже...

Когда я выѣзжалъ изъ города въ окрестности, откуда-то взялась и поѣхала, то обгоняя насъ, то отставая, ко-

ляска; въ ней на первыхъ мѣстахъ сидѣлъ августинецъ, съ умнымъ лицомъ, черными, очень-выразительными глазами, съ выбритой маковкой, безъ шляпы, въ бѣлой полотняной, или коленкоровой широкой одеждѣ; это бы ничего: on ne voit que ça, говоритъ француженка; но рядомъ съ монахомъ сидѣлъ китаецъ — и это не рѣдкость въ Маниллѣ. У этого китайца были свѣтлорусые волосы, голубые, или, по-крайней-мѣрѣ, сѣрые глаза, бѣлое, или, скорѣе, красноватое лицо, начиная съ носа, совершенно какъ у европейца. Подумавъ хорошенько, я снизошелъ и къ этому явленію. «Почему жь», думалъ я: «не быть у китайца русымъ волосамъ и красному носу, какъ у европейца? вѣдь англичане давно ужь распространяютъ въ Китаѣ просвѣщеніе и завели много своего. Между прочимъ и носы, и русые волосы...» Но зачѣмъ у этого китайца большой золотой крестъ на груди? Если онъ христіанинъ, какъ надо полагать, зачѣмъ онъ въ китайскомъ платьѣ? — боится своихъ, прячется? не думаю: тогда бы онъ боялся носить и крестъ. Наконецъ, зачѣмъ онъ сидитъ съ католическимъ монахомъ? Кто это противъ нихъ, весь въ черномъ, свѣтскомъ платьѣ, худощавый мужчина, который не надѣваетъ шляпы, а держитъ ее въ рукахъ? Потомъ, отчего они всѣ молчатъ и смотрятъ въ разныя стороны?

Это очень интриговало меня; я поминутно обращалъ взгляды на коляску, до-того, что августинскій монахъ вышелъ изъ терпѣнія и поклонился мнѣ, полагая, вѣроятно, по моимъ вопросительнымъ и настойчивымъ взглядамъ, что я добивался поклона. Мнѣ стало совѣстно, и я уже не взглянулъ ни разу на коляску, и не знаю, гдѣ и какъ она отстала отъ насъ.

Солнце ужь скрывалось; мертвый полуденный сонъ миновалъ; бездѣйствіе кончилось. По деревьямъ, по до-

рогѣ и по водѣ запгралъ вѣтерокъ, подувшій съ моря, но такъ мягко, нѣжно, осторожно, какъ развѣ только мать дуетъ въ лицо спящему ребёнку, чтобъ согнать докучливую муху. Почти не слыхать его, а прохладно, тепло и покойно; вѣтви не качаются взадъ и впередъ и не хлещутъ одна другую, какъ въ нашихъ сѣверныхъ дубравахъ; онѣ не движутся, только листья шепчутъ, и то не всѣ: иной съ подошву толщиной — гдѣ ему шептать! зефиры не скоро раскачаютъ его.

А кучеръ все мчалъ да мчалъ меня, то по глухимъ переулкамъ, съ бѣдными, но чистыми хижинами, по улицамъ, то опять по полянамъ, по плантаціямъ. Изъ-за деревьевъ продолжали выглядывать идилліи въ такихъ краскахъ, какія конечно не снились самому отцу Ѳеокриту. Вездѣ толпы; на балконахъ множество головъ.

Мы проѣзжали мимо развалинъ массивнаго зданія, упавшаго отъ землетрясенія, какъ надо полагать. Я вышелъ изъ экипажа, заглянулъ за каменную ограду и видѣлъ стѣну съ двумя-тремя окнами, да кучу щебня и кирпичей, заросшихъ травой.

Въ тагальскихъ деревняхъ между хижинами много красивыхъ домовъ легкой постройки — это дачи горожанъ, которые бѣгутъ сюда, между прочимъ, тотчасъ послѣ первыхъ приступовъ землетрясенія, какъ сказалъ мнѣ утромъ мсьё Демьенъ. Здѣсь нѐчему раздавить человѣка: все изъ жердочекъ, изъ прутьевъ; стѣнъ нѣтъ: мѣсто ихъ занимаютъ окна, задвигаемыя посредствомъ жалюзи. Жалюзи открывались къ вечеру и обнаруживали внутренность домовъ. У тагаловъ нѐчего смотрѣть: нѣсколько посуды для приготовленія пищи, лавки и семейство, сидящее на полу. Хижины строятся на подставкахъ, для защиты отъ періодически-разливающихся рѣкъ,

отъ дождей; подъ хижиной помѣщаются свиньи, куры, все домашнее хозяйство. Побогаче хижины окружены двориками, огороженными бамбукомъ, а чаще кустами банановъ. Во многихъ хижинахъ я видѣлъ висящіе мундиры, а иногда и самъ смуглый воинъ изъ тагаловъ, въ родѣ Отелло, сидѣлъ тутъ же, среди семейства.

Да̀, прекрасны окрестности Маниллы, особенно при вечернемъ солнцѣ: днемъ, въ полдень, онѣ ослѣпительны и знойны, какъ степь. Еслибъ не онѣ, не эта растительность и не веселый, всегда праздничный видъ природы, не стоило бы, кажется, и ѣздить въ Маниллу, развѣ только за сигарами.

Мы въѣхали въ городъ съ другой стороны; тамъ ужь кое-гдѣ зажигали фонари: начинались сумерки. Китайскія лавки сіяли цвѣтными огнями. Въ полумракѣ двигалась по троттуарамъ толпа гуляющихъ; по мостовой мчались коляски. Мы опять черезъ мостъ поѣхали къ крѣпости, но на мосту была такая тѣснота отъ экипажей, такая толкотня между пѣшеходами, что я ждалъ минутъ пять въ линіи колясокъ, пока можно было проѣхать. Наконецъ мы высвободились изъ толпы и мимо крѣпостной стѣны пріѣхали на гласисъ и вмѣшались въ ряды экипажей.

Гдѣ это я? Подъ Новинскимъ, или въ Екатерингофѣ 1-го мая? По гласису тянутся двѣ аллеи большихъ широколиственныхъ деревьевъ; между аллеями, по широкой дорогѣ, движется безконечная нить двумѣстныхъ и четверомѣстныхъ колясокъ, съ синьйорами и синьйоринами, съ джентльменами, джентльменками, и огибаетъ огромное пространство отъ предмѣстій, мимо крѣпости, до самаго взморья. На берегу залива собралось до сотни экипажей: гуляющіе любовались моремъ и слушали прекрасную музыку. Играли полковые музыканты. Я остановился послу-

шать знакомые мотивы изъ оперъ и незнакомыя польки, мазурки. Многіе мужчины—въ бѣломъ, исключая львовъ: тѣ—въ суконномъ платьѣ и черныхъ шелковыхъ шляпахъ. Весь шикъ заключается въ томъ, чтобъ—хоть задохнуться, да казаться европейцемъ, не измѣнять европейскаго костюма и обычаевъ. Женщины—испанки—всѣ съ открытой головой, и даже безъ мантильи; англичанки и американки въ шляпкахъ. Лицъ не видать: темно. Мѣстами разставлены жандармы, въ треугольныхъ шляпахъ, темныхъ мундирахъ съ бѣлою перевязью, верхомъ на небольшихъ, но крѣпкихъ, коренастыхъ лошадяхъ. Порядокъ строгій; ни одна коляска не смѣетъ обогнать другую, ни остановиться въ рядахъ.

Это и есть знаменитое кальсадо или гулянье, о которомъ говорилъ M-r Demien.

Проѣхавъ раза два по немъ взадъ и впередъ, я отправился въ отель. Кальсадо не уйдетъ: да хоть бы и ушло—не бѣда: это та же Москва, Петербургъ, Берлинъ, Парижъ и т. д. Въ «фондѣ» ужь опять накрытъ длинный столъ, опять заставили его двадцатью блюдами, все почти тѣми же, что и за обѣдомъ, кромѣ супа. Это называется *пить чай*, а чаю не видать. Вскорѣ, одинъ за другимъ, собрались всѣ—и наши и чужіе. Завязался живой и шумный разговоръ, разсказъ, кто что̀ видѣлъ, слышалъ. Я ушелъ на балконъ и велѣлъ туда принести себѣ чай. Боже мой, какая микстура! Полухолодный, темный и мутный настой, мутный отъ грязнаго сахарнаго песку. Въ Маниллѣ родится прекрасный сахаръ и нѣтъ ни одного завода для рафинировки. Все идетъ отсюда вонъ, больше въ Америку, на мысъ Доброй Надежды, по китайскимъ берегамъ, и оттого не достанешь куска бѣлаго сахару. Нужды нѣтъ, что въ двухъ шагахъ отъ Китая, но не достанешь и

чашки хорошаго чаю. Я убѣждаюсь болѣе-и-болѣе, что иностранцы не знаютъ, что̀ такое чай, и что одни русскіе знаютъ въ немъ толкъ.

Ночь была лунная. Я смотрѣлъ на Пассигъ, который текъ въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ балкона, на темные силуеты монастырей, на чуть-чуть-качающіяся суда, слушалъ звуки долетавшей какой-то музыки, кажется, арфы, только не фортепьянъ, и женскій голосъ. Глядя на все окружающее не умѣешь представить себѣ, какъ хмурится это небо, какъ блѣднѣютъ и пропадаютъ эти краски, какъ природа разстается съ своимъ праздничнымъ уборомъ.

— «Ваше высокоблагородіе!» прервалъ голосъ мое раздумье: передо мной матросъ.—«Катеръ отваливаетъ сейчасъ; меня послали за вами». На рейдѣ было совсѣмъ не такъ тихо и спокойно, какъ въ городѣ. Катеръ мчался стрѣлой подъ парусами. Изъ-подъ него фонтанами вырывалась золотая пѣна и далеко озаряла воду. Черезъ полчаса мы были дома.

24-го февраля. Я ужь давно живу у Демьена въ отели. Наши пріѣзжаютъ утромъ и къ вечеру возвращаются на фрегатъ. На другой день прихода нашего хотѣлъ-было я перебраться въ городъ, но къ намъ пріѣхали съ визитомъ испанцы. Дома были только вахтенный офицеръ, да еще очень немногіе, кого удерживала служба. Я съ Ѳаддеевымъ укладывался у себя въ каютѣ, чтобъ ѣхать на берегъ; вдругъ К. просунулъ ко мнѣ голову въ дверь. «Испанцы ѣдутъ», сказалъ онъ.—«Богъ съ ними!» отвѣчалъ я. «Примите ихъ, сдѣлайте одолженіе», просилъ онъ. «Что̀ я съ ними буду дѣлать?» — «А я еще меньше васъ». Но разговаривать было нѐкогда: на палубу вошло человѣкъ шесть гидальго, но не такихъ, какихъ я видѣлъ на балконахъ и еще на портретахъ Веласкеца и другихъ; они были столько

же гидальго, сколько и джентльмены: всѣ во фракахъ, пальто и сюртукахъ, нѣкоторые въ бѣлыхъ курткахъ. — «Commendante de bahia!» сказалъ мнѣ одинъ изъ гидальго, показывая на высокаго и красиваго мужчину съ усами. Но commendante de bahia, ни по-французски, ни по-англійски не говорилъ, по-русски ни слова, а я зналъ по-испански одно: fonda, да, пожалуй, еще другое — muchacho, которое узналъ въ отели и которое значитъ «мальчикъ». Теперь къ моему лексикону прибавились еще два слова: fuego—огонь, anda—пошелъ! Къ счастью, съ нимъ были между-прочимъ два молодые человѣка, которые, хотя очень-дурно, но за-то очень-скоро говорили по-французски. Одинъ Vincento d'Abello, сынъ редактора здѣшней газеты, сборщика податей тожь, другой Carmena; оба они служили, и по редакціи, и по сбору податей.

Я до-сихъ-поръ имѣю темное понятіе о томъ, что̀ такое «commendante de bahia» — начальникъ залива, въ переводѣ. Вчера утромъ ужь былъ у насъ какой-то *капитанъ надъ портомъ*, только не этотъ. Что жь это еще? Имъ показали фрегатъ, вызвали музыку, угощали чаемъ, только не микстурой, а нашимъ, благовоннымъ чаемъ. Они заговорили о туркахъ, объ англичанахъ, о синопскомъ дѣлѣ, о которомъ только-что получено было извѣстіе. А я имъ о Коррехидорѣ, островѣ, лежащемъ у входа въ заливъ, потомъ о сигарахъ. Они обѣщали мнѣ полное покровительство для осмотра фабрики и для покупки сигаръ.

Только на другой день утромъ могъ я переселиться въ городъ. Пріѣхалъ баронъ К. съ берега, съ какимъ-то китайцемъ. Но какой молодецъ этотъ китаецъ! большіе каріе глаза такъ и горятъ, лицо румяное, носъ большой, нѣсколько съ горбомъ. Они проходятъ по палубѣ и говорятъ чистѣйшимъ французскимъ языкомъ. «Вотъ фран-

цузскій миссіонеръ, живущій въ Китаѣ», сказалъ баронъ, знакомя насъ. Мнѣ объяснилось вчерашнее явленіе за городомъ.—«Вы здѣсь не одни» сказалъ я французу: «я видѣлъ вчера кого-нибудь изъ вашихъ, тоже въ китайскомъ платьѣ, съ золотымъ наперснымъ крестомъ...»—Круглолицый, съ красноватымъ лицомъ и отчасти носомъ... figure rubiconde?» спросилъ французъ.—«Да! да!»—«Это нашъ епископъ, monseigneur Dinacourt: онъ завѣдываетъ христіанами провинціи Джеджіанъ (или Чечіанъ, или Шешіанъ) въ Китаѣ; теперь пріѣхалъ сюда отдохнуть въ здѣшнемъ климатѣ: онъ страдаетъ приливами къ головѣ. Хотите побывать у него? Онъ будетъ очень-радъ и самъ явится къ вамъ». — «Очень рады». — «И къ испанскому епископу». — «Мы бы очень желали... особенно интересно посмотрѣть здѣшніе монастыри». — «И прекрасно: monseigneur Dinacourt живетъ самъ въ испанскомъ монастырѣ. Завтра, или—нѣтъ, завтра мнѣ надо съѣздить въ окрестности, въ pueblo—послѣ завтра пріѣзжайте ко мнѣ, въ домъ португальскаго епископа; я живу тамъ, и мы отправимся».

Отель былъ единственное сборное мѣсто въ Маниллѣ для путешественниковъ, купцовъ, шкиперовъ. Безпрестанно по комнатамъ проходятъ испанцы, американцы, французскіе офицеры, объ одномъ эполетѣ, и наши. Французы, по обыкновенію, кланяются всѣмъ и каждому; англичане, по такому же обыкновенію, стараются ни на кого не смотрѣть; наши дѣлаютъ и то и другое, смотря по надобности, и въ этомъ случаѣ они лучше всѣхъ.

Мнѣ не разъ случалось слышать упреки, что мы не очень разговорчивы въ публичныхъ мѣстахъ съ незнакомыми, что вотъ французы любезнѣе всѣхъ и т. п. Справедливы ли такіе упреки? Для чего навязывать ка-

кому-нибудь народу черту, какой у него нѣтъ въ нравахъ? Англичане вовсе не говорятъ въ публичныхъ мѣстахъ между собою. «Оттого у нихъ и скучно, въ ихъ собраніяхъ» скажете вы. Совершенно справедливо: ѣдешь ли по желѣзной дорогѣ, сидишь ли въ таверне, за обѣдомъ, въ театрѣ—молчаніе. Но за-то англичане не безпокоятъ другъ друга въ публичныхъ мѣстахъ. Уваженіе къ общественному спокойствію простерто до тонкости и... дѣйствительно до скуки. А вотъ мой пріятель, Б. К., воротясь изъ Парижа, разсказывалъ, что ему на парижской дорогѣ, въ одномъ вагонѣ, было до крайности весело, а въ другомъ до крайности страшно. Въ послѣдній забралось нѣсколько, черезчуръ-разговорчивыхъ и «любезныхъ», людей: одни пѣли, другіе хохотали, третьи курили; но были и такіе, которые не пѣли, не хохотали и не курили. Безпрестанно слышалось: «Laissez-moi tranquille, je veux dormir». — «Dormez, si vous pouvez. Quant á moi, j'ai payê mon argent aussi bien que vous, je veux chanter».—«Au diable les fumeurs!»—«Tenez-vous tranquille ou bien je vous dirai deux mots...»

Ужь не знаю, что̀ хуже: молчать, или разговаривать вотъ этакъ? Впрочемъ, если заговоришь вотъ хоть съ этимъ американскимъ кэптеномъ, въ синей курткѣ, который наступаетъ на васъ съ сжатыми кулаками, съ стиснутыми зубами и съ звѣрскимъ взглядомъ своихъ глазъ, цвѣта морской воды, онъ сейчасъ разожметъ кулаки, и начнетъ говорить, разумѣется, о томъ, откуда идетъ, куда, чѣмъ торгуетъ, что̀ выгоднѣе, привозить или вывозить и т. п. Болтовни, остротъ, отъ него не ждите. Отъ француза вы не требуете же, чтобъ онъ также занимался своими лошадьми, такъ же скакалъ по полямъ и лѣсамъ, какъ англичане, ѣздилъ куда-нибудь въ Америку бить медвѣдей, или

сидѣлъ цѣлый день съ удочкой надъ рѣкой... словомъ, чтобъ былъ преданъ страстно спорту. «Этотъ спортъ, замѣтилъ мнѣ баронъ К., которому я все это говорилъ, служитъ только маской скудоумія, или по-крайней-мѣрѣ неспособности употребить себя какъ-нибудь лучше...» Можетъ быть это правда: но за то какъ англичане здоровы отъ этихъ упражненій спорта, который входитъ у нихъ въ систему воспитанія юношества!

Мы пошли ходить по лавкамъ, накупили тонкихъ соломенныхъ шляпъ и сигарочницъ. Замѣтивъ большое требованіе, купцы, особенно китайцы, набивали цѣну на свой товаръ. Дюжину посредственныхъ сигарочницъ они продавали за три доллара—это еще дешево; но за другія, побольше, мягкія, тонкія и изящныя, просили по три доллара за штуку и едва соглашались брать по полтора. Что̀ можетъ быть лучше манильской соломенной шляпы? Она тонка и гладка, какъ листъ атласной почтовой бумаги—на головѣ не слыхать—и плотна, солнце не пропекаетъ черезъ нее: между-тѣмъ ея ни на комъ не увидишь, кромѣ тагаловъ да ремесленниковъ, потому-что шляпы эти—*свое*, туземное издѣлье и сто̀итъ всего долларъ, много полтора. Львы носятъ черныя шелковыя, какъ я сказалъ; просто джентльмены—низенькія некрасивыя шляпы, грубой китайской соломы, которыя продаются по три доллара. Манилла знаменита еще издѣліями изъ волоконъ *пины*, ананасовыхъ кореньевъ. Изъ этихъ воло̀конъ дѣлаютъ матеріи, въ родѣ кисеи, легкія, прозрачныя, и потомъ носовые платки, тѣ дорогіе лоскутки, которые барыни возятъ въ вечернія собранія на-показъ и въ которые сморкаться не положено. Я долго не догадывался, что̀ это за товаръ продаетъ всякій день индіянка на полу, въ галереѣ нашей отели. Около

нея всегда толпились нѣкоторые изъ женатыхъ моихъ спутниковъ.

Мы ходили изъ лавки въ лавку, купили нѣсколько пачекъ сигаръ — оказались дрянныя. Спрашивали, по порученію одного изъ товарищей, оставшихся на фрагатѣ, нюхательнаго табаку — намъ сказали, что во всей Маниллѣ нельзя найти ни одного фунта. Насъ все потчивали европейскими издѣліями: сукнами, шелковыми и другими матеріями, часами, цѣпочками; особенно французъ въ мебельномъ магазинѣ такъ приставалъ, чтобъ купили у него цѣпочку, какъ-будто отъ этого зависѣло все его благополучіе.

Измученные, мы воротились домой. Было еще рано, я ушелъ въ свою комнату и сѣлъ писать письма. Невозможно: мною овладѣло утомленіе; меня гнело; перо падало изъ рукъ; мысли не связывались однѣ съ другими; я засыпалъ надъ бумагой, и поневолѣ послѣдовалъ полуденному обычаю: легъ и заснулъ крѣпко до обѣда.

Послѣ обѣда мы съ барономъ К. отправились въ окрестности. По дорогѣ мы останавливались въ двухъ церквахъ. Въ одной—въ предмѣстіи Бинондо, за мостомъ, да въ другой—уже за городомъ, при въѣздѣ въ индійскія деревни. У ограды первой встрѣтился намъ іезуитъ, въ черной рясѣ, въ черной шляпѣ, съ длинными-предлинными полями—вы знаете эту шляпу. Іезуитъ поклонился намъ. «Don Basilio!» протяжно пропѣлъ мой спутникъ, отдавая поклонъ. Церковь совсѣмъ новаго стиля, чисто-итальянскаго, безъ всякой примѣси готическаго и мавританскаго. Внутренность расположена крестомъ. Образовъ меньше, нежели скульптурныхъ изображеній. Іисусъ Христосъ, въ фіолетовой бархатной рясѣ, несущій крестъ, съ терновымъ вѣнкомъ на головѣ. Божія Матерь съ Младенцемъ—всѣ эти изобра-

женія сдѣланы изъ воска, иныя, кажется, изъ дерева. Я не скажу, чтобъ это возбуждало благоговѣніе... напротивъ. Вечерняя молитва кончилась, но въ церкви было довольно молящихся. Нѣсколько испанокъ, въ черныхъ, метиски въ бѣлыхъ мантильяхъ и полосатыхъ юбкахъ; онѣ стояли на колѣняхъ по двѣ, по три, уткнувшись носами въ книгу и совсѣмъ закрывшись мантильями. Напрасно мы ждали, не взглянутъ ли онѣ кругомъ себя, но ни одна не шевельнулась и мы не могли прочесть благоговѣнія, или чего-нибудь другаго, на лицахъ ихъ. Мальчишки стояли на колѣняхъ по трое въ рядъ; одинъ читалъ молитвы, другіе повторяли на-распѣвъ, да тутъ же кстати и шалили — все тагалы; взрослыхъ мужчинъ не было ни одного. Священникъ исповѣдывалъ мальчика лѣтъ десяти, который, стоя на колѣняхъ, шепталъ ему на ухо. Священникъ задумчиво слушалъ, и какъ долго: все время, пока мы были въ церкви! Въ другой церкви то же самое, только побѣднѣе. Ни одной испанки, или метиски, все тагалки. Также много деревянныхъ фигуръ, работы очень грубой.

Мы вышли... Какое богатство, какое творчество и величіе кругомъ въ природѣ! Мы ѣхали черезъ предмѣстье Санта-Круцъ, Мигель, и выѣхали черезъ каналъ, на который выходятъ балконы и крыльца домовъ, черезъ маленькій мостикъ, черезъ глухія улицы и переулки, на Пассигъ.

Тутъ только увидалъ я, какъ великъ городъ, какая сѣть кварталовъ и улицъ лежитъ по берегамъ Пассига, пересѣкая его нѣсколько разъ! Послѣ этого не удивишься, что здѣсь до ста-пятидесяти тысячъ жителей. Мы остановились на минуту въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дорога направо идетъ черезъ цѣпной мостъ къ крѣпости, мимо обелиска Магеллану, а на лѣво... Ахъ, какъ хорошо налѣво! Когда будете въ

Маниллѣ, велите везти себя черезъ Санта-Круцъ въ Мигель: тутъ рѣка образуетъ островокъ, одинъ изъ тѣхъ, которые снятся только во снѣ, да изображаются на картинахъ; на немъ какая-то миньятюрная хижина въ кустахъ; съ одной стороны берега смотрятся въ рѣку ряды домовъ, лачужекъ, дачъ; съ другой—зеленѣетъ лугъ, за нимъ плантаціи. Что за картины! что за вечеръ! «А у насъ-то теперь», сказалъ я Б.: «шубы, сани, визгъ полозьевъ...»— «И опера», договорилъ онъ. — «Нѣтъ, великій постъ и война!»

Мы помчались вдаль, но мѣста были такъ хороши, что спутникъ мой остановилъ кучера и какъ-то ухитрился растолковать ему, что мы не держали ни съ кѣмъ пари объѣхать окрестности какъ можно скорѣе, а хотимъ гулять. Мы поѣхали тихой рысью; кучеръ былъ, кажется, не совсѣмъ доволенъ, но за-то лошади и мы съ Б. совершенно счастливы. Мѣста—что̀ дальше, то̀ лучше. Мальчишки бѣжали за коляской, прося милостыни: видно было, что они дѣлали это изъ баловства. Взрослые стояли тутъ же, у своихъ хижинъ, и не просили ничего. Мнѣ напомнило дѣтство и наши провинціи множество бумажныхъ змѣй, которые мальчишки спускали за городомъ на каждомъ шагу. Только у насъ, отъ одного конца Россіи до другаго, змѣи все одни и тѣ же, съ знаменитымъ мочальнымъ хвостомъ и трещоткой, а здѣсь они въ видѣ бабочекъ, птицъ и т. п. Нѣкоторыя хижины едва походили на человѣческое жилье. У иной подставки покривились такъ, что нельзя и угадать, какъ она держится. Изъ нея вылѣзетъ ребенокъ, выскочитъ курица, или прыгнетъ туда же собака и сидитъ тамъ, рядомъ съ цыпленкомъ и съ самимъ хозяиномъ. Въ другомъ мѣстѣ все жилище состоитъ изъ очага, который даже нельзя назвать *домашнимъ*, за отсутствіемъ самаго дома; на очагѣ

жарится что-нибудь; около возится старуха; вблизи есть всегда готовый бананъ, или гряда таро, картофелю. Здѣсь больше и не нужно.

Возвращаясь въ городъ, мы, между деревень, наткнулись на казармы и на плацъ. Большія желтыя зданія, въ которыхъ помѣстится до тысячи человѣкъ, шли по обѣимъ сторонамъ дороги. Полковникъ сидѣлъ въ креслахъ на открытомъ воздухѣ, на большой, расчищенной луговинѣ, у гауптвахты; молодые офицеры учили солдатъ. Ученье дѣлаютъ здѣсь съ десяти часовъ до двѣнадцати утра и съ пяти до восьми вечера.

Солдаты все тагалы. Ихъ, кто говоритъ, до шести, кто—до девяти тысячъ. Офицеры и унтеръ-офицеры — испанцы. По всему плацу босые индійскіе рекруты маршировали повзводно; ихъ велъ унтеръ-офицеръ, а офицеръ, съ бамбуковой палкой, какъ коршунъ, вился около. Палка дѣйствовала неутомимо, удары сыпались, то на голыя пятки, то на плечи, иногда на затылокъ провинившагося... Я поскорѣй уѣхалъ.

На кальсадо гулянье было въ полномъ разгарѣ. Весь городъ пріѣхалъ туда, а деревни пришли. Есть много хорошенькихъ лицъ, блѣдныхъ, черноглазыхъ синьйоръ, съ открытой головой и волшебнымъ вѣеромъ въ рукахъ. Онѣ отличаются отъ всѣхъ гордостью во взглядѣ, во всей позѣ, держатъ себя аристократически-строго. Вотъ метиски — другое дѣло: онѣ бойко врываются, въ наемной коляскѣ, въ ряды экипажей, смѣло глядятъ по сторонамъ, на взгляды отвѣчаютъ повторительными взглядами, пересмѣиваются съ знакомыми, а можетъ быть, и съ незнакомыми... Среди круга многіе катались верхомъ, а по обѣимъ сторонамъ экипажей, по аллеѣ и по полю, шли непрерывной толпой тагалы и тагалки домой изъ гавани, съ фабрикъ, съ работы. Нѣкоторыя женщины ѣхали на волахъ.

Вдругъ раздался съ колокольни ближайшаго монастыря благовѣстъ, и все—экипажи, пѣшеходы—мгновенно стало и оцѣпенѣло. Мужчины сняли шляпы, женщины стали креститься, многія тагалки преклонили колѣни. Только два англичанина, или американца, промчались въ коляскѣ въ кругу, не снимая шляпъ. Черезъ минуту все двинулось опять. Это Angelus. Мы объѣхали разъ пять площадь. Стало темно; многіе разъѣзжались. Мы поѣхали на Эскольту, ѣсть сорбетто, то-есть мороженое.

Въ длинной-предлинной залѣ нижняго этажа, съ каменнымъ поломъ, за длиннымъ столомъ и маленькими круглыми столиками, сидѣли наши и не наши, англичане, испанцы, американцы, метисы, и ѣли мороженое, пили лимонадъ. Человѣкъ десять тагаловъ и одинъ негръ бросились на насъ, какъ-будто съ намѣреніемъ сбить съ ногъ, а они хотѣли только узнать, чего мы хотимъ. Я спросилъ того-другаго, попробовалъ—нѣтъ, развѣ только тагаламъ впору ѣсть такое мороженое. Кто пріѣхалъ изъ Европы, тому трудно глотать этотъ подслащенный снѣгъ. Я закурилъ сигару и пошелъ по Эскольтѣ. Это лучшая улица здѣсь; она по вечерамъ ярко освѣщена и оживлена гуляющими высшаго класса; они только вечеромъ и посѣщаютъ лавки.

Дома, послѣ чаю, послѣ долгаго сидѣнья на верандѣ, я заперся въ свою комнату и хотѣлъ писать; но мнѣ, какъ и всѣмъ, дали ночникъ изъ кокосоваго масла. Онъ горѣлъ тускло и наконецъ сталъ мерцать такъ слабо, что я почти ощупью добрался до кровати и залѣзъ подъ синій кисейный занавѣсъ. Онъ опускается подъ тюфякъ и не раздвигается. Несмотря на эти предосторожности, москиты пробираются за кисею, и если заберутся два-три, они такъ отдѣлаютъ, что на другой день встанешь съ десяткомъ

красныхъ пятенъ, которыя не сходятъ по нѣскольку дней. Я какъ-то на-дняхъ увидѣлъ, что изъ корридора вечеромъ ко мнѣ въ комнату проползла ящерица, вершка въ два длины, и скрылась, лишь-только я зашевелился, чтобъ поймать ее. На другой день я пожаловался на нее мсьё Демьену и просилъ велѣть отъискать и извлечь ее вонъ. «Pourquoi?» спросилъ онъ своимъ отрывистымъ голосомъ: «il ne mord pas». — «Такъ, да все-таки вѣдь это ящерица, гадина, такъ-сказать, заползетъ на постель — нехорошо». — «Напротивъ, очень-хорошо», сказалъ онъ: «у меня въ постели семь мѣсяцевъ жила ящерица, и я не зналъ, что̀ такое укушеніе комара—такъ она ловко ловитъ ихъ. И васъ не укуситъ, когда она тамъ, ни одинъ комаръ»...—«Куда жь она дѣлась потомъ?» спросилъ я, заинтересованный исторіей ящерицы.—«Околѣла». — «Какъ, сама собой?»—«Нѣтъ, я во снѣ задавилъ ее». Меня въ самомъ дѣлѣ почти не кусали комары, но я все-таки лучше бы, ужь такъ и быть, допустилъ двухъ-трехъ комаровъ въ постель, нежели ящерицу. Однакожь я ни разу не видалъ ее. «Вотъ скорпіоны—другое дѣло», говорилъ Демьенъ: «c'est très mauvais; я часто находилъ ихъ у себя въ кухнѣ: съ дровами привозили. А съ-тѣхъ-поръ, какъ топлю каменнымъ углемъ, не видать ни одного».

Какое наслажденіе, послѣ долгаго странствованія по морю, лечь спать на берегу, въ постель, которая не качается, гдѣ со столика ничего не упадетъ, гдѣ надъ вашей головой не загремитъ, ни бизань-шкотъ, ни грото-брассъ, гдѣ ничто не шелохнется!... думалъ я... и вдругъ вспомнилъ, что здѣсь землетрясенія—обыкновенное, ежегодное явленіе. Избави Боже отъ такой качки!

Утромъ вамъ приносятъ чай, или кофе, или шоколадъ, когда вы еще въ постели. Потомъ вы можете завтракать

раза три, потому-что иные завтракаютъ, по положенію, въ десять часовъ, а другіе въ это время еще гуляютъ и завтракаютъ позже, и все это за полтора доллара. Въ добавокъ ко всему, вы можете взять ванну, какую хотите. За теплую платите четыре реала, за холодную ничего—такъ написано въ объявленіи, выставленномъ въ залѣ, на стѣнѣ. Вода прямо изъ Пассига. Ванны устроены на верандѣ, выходящей на дворъ. Въ первый разъ меня привелъ muchacho, мальчикъ. «Гдѣ жь вода, agua?» спросилъ я. Онъ показалъ шнурокъ, сдѣлалъ знакъ, что надо дернуть, и ушелъ. Я сталъ въ ванну, подъ дождь, дернулъ за снурокъ—воды нѣтъ; еще—все нѣтъ; я дернулъ изъ всей мочи: на меня упало пять капель счетомъ, четыре скоро, одна за другой, пятая немного погодя, шестая показалась и повисла. Какъ я ни дергалъ, не могъ добыть больше. Досадно. Я одѣлся и пошелъ вонъ. Рядомъ, вижу, другая дверь; отворяю—точно такое же маленькое помѣщеніе для ванны, но ванны нѣтъ, а снурокъ есть, и лейка вверху для дождя. Есть ли только дождь? «Дай-ко я попробую здѣсь», подумалъ я: «что за нужда, что ванны нѣтъ: тѣмъ лучше, полъ каменный»! И точно такъ же сталъ подъ дождь. Только я дотронулся до снурка, на меня посыпался, сначала частый, крупный дождь и въ минуту освѣжилъ меня. Я дернулъ сильнѣе, и дождь обратился въ сплошной каскадъ. «Славно, чудесно!» твердилъ я вслухъ, а самъ все подергивалъ снурокъ. На меня низвергались потоки; вверху, надъ потолкомъ, раздавался ревъ и клокотанье, какъ-будто вся рѣка притекла къ этому мѣсту. «Ну, теперь довольно». Я пересталъ дергать, но вода не переставала течь, напротивъ, все неистовѣе и неистовѣе вторгалась ко мнѣ и обдавала облакомъ брызгъ и меня, и стѣны, и кресло, а на креслѣ мое бѣлье и платье. «Что жь это такое будетъ?» думалъ я,

отъискивая съ безпокойствомъ, нѣтъ ли какой пружины остановить это наводненіе. Ничего нѣтъ. Я дернулъ снурокъ въ противную сторону, думая, что остановится; нѣтъ, пуще хлещетъ, только дотронешься. Я не зналъ, что̀ дѣлать: одѣться нельзя; выйдти—да ка̀къ безъ платья? Мнѣ ужь приходило въ голову забрать бѣлье и платье, да удариться бѣгомъ до своего нумера. Но все это можно сдѣлать въ крайности, въ случаѣ пожара, землетрясенія, или когда вода дойдетъ развѣ до горла, а она еще и до колѣнъ не дошла. Я подумалъ, что̀ мнѣ дѣлать, да потомъ наконецъ рѣшилъ, что мнѣ не о чемъ слишкомъ тревожиться: утонуть нельзя, простудиться еще меньше—на заказъ не простудиться; завтракать рано, да и послѣ дадутъ; пусть себѣ льетъ: кто-нибудь да прійдетъ же. Я скрестилъ руки на груди, предоставивъ водѣ литься, сколько она хочетъ.

Минуты черезъ три вдругъ дверь начала потихоньку отворяться. «Muchacho!» закричалъ я сердито. Вмѣсто индійца, показалось лицо Ѳаддеева. Ка̀къ я обрадовался ему! «Ты ка̀къ?»—«Бѣлье и платье принесъ вашему высокоблагородію».—«Уйми, братецъ, воду какъ-нибудь», жаловался я ему: «смотри, вѣдь я тону». Ѳаддеевъ тутъ только вникнулъ въ мое положеніи и, вѣрный своему характеру, предался необузданной радости. Напрасно онъ кусалъ губы —подавленный смѣхъ вырывался наружу, и онъ, раза два, подъ предлогомъ остановить машину, дернулъ снурокъ. «Нѣтъ, постой, ваше высокоблагородіе, я цыгана приведу», сказалъ онъ послѣ тщетныхъ усилій остановить воду. «Цыганъ» подергалъ какъ-то снурокъ, сбѣгалъ въ другую ванну, рядомъ, влѣзалъ зачѣмъ-то наверхъ, и вода остановилась.

Черезъ часъ я, сквозь полъ своей комнаты, слышалъ, какъ Ѳаддеевъ на дворѣ разсказывалъ анекдотъ о ку-

паньѣ двумъ своимъ товарищамъ. Я сказалъ Демьену, и онъ засмѣялся. «Испортились жолобы у обѣихъ ваннъ; надо поправить», сказалъ онъ вскользь.—«А давно испортились? «спросилъ я.—«Нѣтъ, нынѣшней зимой»... Опять мнѣ пришло въ голову, какъ въ Welch's hotel, въ Капштатѣ, по поводу разбитаго стекла, что на насъ сваливаютъ вотъ этакія неисправности и говорятъ, что безпечность въ характерѣ русскаго человѣка: полноте, она въ характерѣ—просто человѣка.

Наконецъ мы собрались пораньше утромъ, то-есть часу въ девятомъ, отдать визитъ молодымъ людямъ, Авелло и Кармена. Подъ этой учтивостью крылся умыселъ осмотрѣть королевскую сигарную фабрику и купить сигаръ. Кучеръ привезъ насъ въ испанскій городъ, на квартиру отца Авелло, редактора здѣшней газеты. Мы вошли подъ ворота, на крытый дворъ, и очутились въ редакціи. Въ углу подъ навѣсомъ, у самыхъ воротъ, сидѣли двое или трое молодыхъ людей, должно-быть, сотрудники, одинъ за особымъ пюпитромъ, повидимому, главный, и писали. Тутъ же неподалеку тагалы складывали листы только-что отпечатанной газеты. Старшій сотрудникъ говорилъ по-французски. Мы спросили Авелло и Кармена: онъ сказалъ, что они уже должны быть на службѣ, въ администраціи сборовъ, и послалъ за ними тагала, а насъ попросили войти вверхъ, въ комнаты, и подождать минуту.

Мы вошли по деревянной, чистой, лощеной лѣстницѣ темнаго дерева, прямо въ безконечную галерею-залу, убранную очень-хорошо, съ прекрасными драпри, затѣйливою новѣйшею мѣбелью. Вездѣ уголки съ диванами, пате, столики, уставленные бездѣлками, какъ у редактора хорошаго журнала. Тагалка встала изъ-за работы и пошла сказать о насъ господамъ. Черезъ минуту появилась вы-

сокая, полная старушка, съ сѣдой головой, безъ чепца, съ блѣднымъ лицомъ, черными, кротко-мерцавшими глазами, съ ласковой улыбкой, вся въ бѣломъ: совершенно-старинный портретъ, бѣжавшій со стѣны картинной галереи: это редакторша. Мы раскланялись и заговорили, она по-испански, мы сначала по-французски, потомъ по-англійски, но это ровно ни къ чему насъ не повело, или, пожалуй, повело къ креслу только, которое указала старуха, прося сѣсть. Мы повторили опытъ объясниться, но также безуспѣшно. Старушка наконецъ ушла, сказавъ намъ что-то, вѣроятно прося подождать. Мы подождали минутъ пять, употребивъ это время на разсматриваніе залы. Между прочимъ мы видѣли и тутъ въ полу такія же щели, какъ и въ фондѣ; потолокъ тоже весь собранъ изъ небольшихъ дощечекъ, выбѣленныхъ мѣломъ. Видно, землетрясенія не шутятъ здѣсь и всѣхъ держатъ въ постоянномъ страхѣ. Но эти наблюденія наскучили намъ, и мы рѣшились уйти.

На цыпочкахъ благополучно выбрались мы изъ залы, сошли съ лѣстницы и въ дверяхъ наткнулись на Авелло и Кармена. Они воротили насъ, усадили, подали сигаръ, предлагая позавтракать, освѣжиться, и потомъ показали вчерашнюю газету, въ которой былъ сдѣланъ пріятный отзывъ о нашемъ фрегатѣ, о пріемѣ, сдѣланномъ тамъ испанцамъ, и проч. Мы напомнили имъ обѣщаніе показать намъ фабрику и помочь купить сигаръ. Авелло пошелъ къ своему отцу и, воротясь, велѣлъ закладывать карету. Онъ почти насильно усадилъ насъ туда, вмѣстѣ съ собой и Кармена, а нашему кучеру велѣлъ ѣхать за нами.

Фабрика — огромное квадратное зданіе въ предмѣстіи Бинондо, въ два этажа, съ нѣсколькими флигелями, пристройками, со многими воротами и дверями, съ большимъ

дворомъ внутри. У главныхъ воротъ Авелло поговорилъ съ караульными, и тѣ насъ — не пустили. Тутъ подъѣхалъ таможенный офицеръ верхомъ: Авелло обратился къ нему — и тотъ не пустилъ. «Этого можно бы добиться и безъ протекціи», замѣтилъ я барону. Всѣ говорили, что надо имѣть билетъ отъ фабричной дирекціи. Мы отправились туда, къ-счастью, недалеко, и, послѣ хожденія по разнымъ комнатамъ и отдѣленіямъ, наконецъ получили записку и отправились. Тутъ еще караульные стали передавать ее изъ рукъ въ руки, оглядывать со всѣхъ сторонъ, понесли вверхъ, и минутъ черезъ пять какой-то старый тагалъ принесъ назадъ, а мы пока жарились на солнцѣ. Впрочемъ это послѣднее обстоятельство относилось болѣе къ кучеру и лошадямъ, потому-что сами мы сидѣли въ каретѣ. Тагалъ пригласилъ насъ идти; съ нами пошелъ еще одинъ изъ караульныхъ.

По мѣрѣ того, какъ мы шли черезъ ворота, дворомъ и по лѣстницѣ, изъ дома все сильнѣе и чаще раздавался стукъ, какъ-будто множества молотковъ. Мы прошли нѣсколько сѣней, заваленныхъ кипами табаку, пустыми ящиками, обрѣзками табачныхъ листьевъ и т. п. Потомъ поднялись вверхъ и вошли въ длинную залу, съ такимъ же жиденькимъ потолкомъ, какъ вездѣ, поддерживаемымъ рядомъ деревянныхъ столбовъ.

Въ залѣ, на полу, передъ низенькими, длинными, деревянными скамьями, сидѣло рядами до шести или семисотъ женщинъ, тагалокъ, отъ пятнадцатилѣтняго возраста до зрѣлыхъ лѣтъ: у каждой было по круглому, гладкому камню въ рукахъ, а рядомъ, на полу, лежало по кучѣ листоваго табаку. Эти дамы выбирали изъ кучи по листу, раскладывали его передъ собой на скамьѣ и колотили каменьями такъ неистово, что нельзя было, не только слы-

шать другъ друга, даже мигнуть. Сколько головъ повернулось къ намъ, сколько черныхъ лукавыхъ глазъ обратилось на насъ! Всѣ молчали, никто ни слова, но глазами дѣйствовали сильно, а руками еще сильнѣе. Вѣроятно онѣ замѣтили, по нашимъ гримасамъ, что непривычнымъ ушамъ неловко отъ этого стука, и пріударили, что̀ было силъ; большая часть едва удерживали смѣхъ, видя, что вмѣстѣ съ усиленнымъ стукомъ усилились и страдальческія гримасы на нашихъ лицахъ. Это для нихъ было неожиданнымъ развлеченіемъ, кокетствомъ въ своемъ родѣ.

Молодые мои спутники не очень однакожь смущались шумомъ; они останавливались передъ нѣкоторыми работницами и ухитрялись какъ-то, не только говорить между собою, но и слышать другъ друга. Я хотѣлъ-было что̀-то спросить у Кармена, но не слыхалъ и самъ, что̀ сказалъ. Къ этому еще въ добавокъ въ залѣ разливался запахъ какого-то масла, конечно, табачнаго, довольно-непріятный.

Но вотъ ужь мы выходимъ изъ залы. «Сейчасъ это кончится», утѣшалъ я себя: мы въ-самомъ-дѣлѣ вышли, но опять въ другую, точно такую же залу, за ней, въ дальней перспективѣ, видна была еще зала; съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ открывались еще-и-еще. «Да сколько же тутъ женщинъ?» спросилъ я, остановившись въ маленькомъ пустомъ промежуткѣ между двухъ залъ. «Отъ восьми до девяти тысячъ», сказалъ Авелло. — «Что̀ вы!» — «Да. Нынѣшній губернаторъ хочетъ увеличить и улучшить фабрику: очень-выгодно». — «Восемь-девять тысячъ!» повторилъ я въ изумленіи, глядя на эти, большею-частью, недурныя головки и коричневыя лица, сидѣвшія плотными рядами, какъ на смотру.

Во всѣхъ залахъ повторялся тотъ же маневръ при нашемъ появленіи: то-есть со стороны индіянокъ — сна-

чала взгляды любопытства, потомъ усиленный стукъ и подавляемыя улыбки, съ нашей — разсѣянные взгляды, страдальческія гримасы и нетерпѣніе выйти. Впрочемъ на фабрикѣ соблюдается строгое приличіе. Индіянки не смѣются, не разговариваютъ: имъ предоставлено только право стучать. Говорятъ, онѣ тутъ очень-скромно ведутъ себя: для этого приняты всѣ мѣры. Кромѣ двухъ-трехъ старыхъ тагаловъ, да двухъ-трехъ чиновниковъ-надзирателей, тутъ нѣтъ ни одного мужчины.

Въ другихъ комнатахъ, однѣ старухи скатывали сигары, другія обрѣзывали ихъ, третьи взвѣшивали, считали и т. д. Мы не ходили по всѣмъ отдѣленіямъ: довольно и этого образчика.

Въ послѣдней комнатѣ, передъ выходомъ, за бюро, сидѣлъ *альфорадоръ*, завѣдывающій однимъ изъ отдѣленій. Онъ говорилъ по-англійски, и прежде всего узнавъ, что мы русскіе, сказалъ, что есть много заказовъ изъ Петербурга, потомъ объяснилъ, что онъ, нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, выписанъ изъ Гаванны, чтобъ ввести гаванскій способъ свертывать сигары, вмѣсто манильскаго, который оказывается по многимъ причинамъ неудобенъ. Онъ сказалъ, что табакъ манильскій отнюдь не хуже гаванскаго и что здѣсь только недостаетъ многихъ пріемовъ приготовленія и, между-прочимъ, свертка нехороша. Онъ много важности придавалъ сверткѣ, говорилъ даже, что она измѣняетъ до нѣкоторой степени вкусъ самаго табаку. «Вотъ двѣ сигары одного табаку и разныхъ свертокъ, попробуйте», сказалъ онъ, сунувъ намъ въ руки по два полѣна изъ табаку: «это лучшіе сорты, одна свернута погавански, круче и косѣе, другая по-здѣшнему, прямо. Одна сдѣлана сегодня, другая вчера», заключилъ онъ, какъ-будто для бо̀льшей похвалы сигарамъ.

Я вертѣлъ въ рукахъ обѣ сигары съ крайнею недовѣрчивостью: «сдѣланы вчера, сегодня», говорилъ я: «нашелъ чѣмъ угостить!» и готовъ былъ бросить за окно, но изъ учтивости спряталъ въ карманъ, съ намѣреніемъ бросить, лишь-только сяду въ карету. «Нѣтъ, нѣтъ, покурите», настаивалъ альфорадоръ. Нѐчего дѣлать, я закурилъ—и вдругъ заструился легкій благовонный дымъ. Сигара, къ удивленію моему, закурилась легко, табакъ былъ прекрасный, хотя пепелъ и несовсѣмъ бѣлъ. «Да это прекрасная сигара!» сказалъ я: «нельзя ли купить такихъ?»—«Нѣтъ, это гаванской свертки: готовыхъ нѣтъ, недѣли черезъ двѣ можно», прибавилъ онъ тише, оборачиваясь спиной къ нѣсколькимъ старухамъ, которыя въ этой же комнатѣ, на полу, свертывали сигары: «я могу вамъ приготовить нѣсколько тысячъ»...—«Мы едва-ли столько времени останемся здѣсь. Отчего жь ихъ въ магазинѣ нѣтъ?» сказалъ я. «Здѣшнія женщины привыкли къ своей сверткѣ, и оттого по гаванскому способу работаютъ медленно. Вотъ теперь покурите другую сигару, здѣшней свертки». Я закурилъ, и та хороша, хотя въ самомъ дѣлѣ не такъ, какъ первая: или это такъ показалось, потому-что альфорадоръ подсказалъ. «Ну, нельзя ли хоть такихъ?» спросилъ я.—«Такихъ, и гораздо меньше, втораго сорта, вы найдете въ магазинѣ».—«А обрѣзанныхъ съ обѣихъ сторонъ сигаръ можно найти тамъ?»—«*Чирутъ?* Plenty, o plenty» (много!) отвѣчалъ онъ: то̀ третій и четвертый сортъ, обыкновенныя, которыя всѣ курятъ, начиная отъ Индіи до Америки, по всему Индійскому и Восточному океанамъ».

Въ-самомъ-дѣлѣ, мы въ Сингапурѣ, въ Китаѣ, другихъ сигаръ, кромѣ чирутъ, не видали. Альфорадоръ обѣщалъ постараться приготовить сигары ранѣе двухъ недѣль и далъ намъ записку для предъявленія при входѣ, когда

захотимъ его видѣть. Мы ушли, поблагодаривъ его, потомъ гг. Авелло и Кармена, и поѣхали домой, очень-довольные осмотромъ фабрики, любезными испанцами, но безъ сигаръ.

Дома мы узнали, что генералъ-губернаторъ приглашаетъ насъ къ обѣду. Парадное платье мое было на фрегатѣ, и я не поѣхалъ. Я сначала пожалѣлъ, что не попалъ на обѣдъ въ испанскомъ вкусѣ, но мнѣ сказали, что обѣдъ былъ длиненъ, дуренъ, скученъ, что испанскаго на этомъ обѣдѣ только и было, что самъ губернаторъ, да хересъ. Губернатора я видѣлъ на прогулкѣ, съ жокеями, въ коляскѣ, со взводомъ уланъ; хересъ пивалъ, и потому я пересталъ жалѣть.

Вечеромъ я предложилъ въ своей коляскѣ мѣсто французу, живущему въ отели, и мы отправились далеко въ поле, черезъ С. Мигель, оттуда заѣхали на Эскольду, въ наше вечернее собраніе, а потомъ къ губернаторскому дому, на музыку. На площади, кругомъ сквера, стояли экипажи. Въ нихъ сидѣли гуляющіе. Здѣсь большею частью гуляютъ сидя. Я не послѣдовалъ этому примѣру, вышелъ изъ коляски и пошелъ бродить по площади.

Какой вечеръ! что̀ за видъ! Церковь и ратуша облиты были луннымъ свѣтомъ, а дворецъ прятался въ тѣни; бронзовая статуя стояла, какъ привидѣніе, въ блескѣ лунныхъ лучей. Ка̀къ кротокъ и мягокъ этотъ свѣтъ, какая нѣга въ тепломъ воздухѣ—и въ добавокъ ко всему—прекрасная музыка. Здѣсь восемь полковыхъ оркестровъ и, кромѣ-того, множество частныхъ—до трехъ сотъ, сказалъ кто-то: пошутилъ вѣрно. А кто знаетъ, можетъ-быть и правда. Говорятъ, здѣсь только и дѣлаютъ, что танцуютъ, и намъ бы предстояло множество вечеровъ и собраній, еслибъ мы пришли не постомъ. Танцуютъ, здѣсь! Вотъ, говорятъ,

съ инквизиціей уничтожились всѣ пытки въ Испаніи. Нѣтъ, не всѣ! Даже музыкой заниматься — и то жарко, а они танцуютъ!

Музыканты всѣ тагалы; они очень-способны къ искусствамъ вообще. У нихъ отличный слухъ: въ полкахъ ихъ учатъ будто-бы безъ нотъ. Не знаю, сколько правды во всемъ этомъ, но знаю только, что игра ихъ сдѣлала бы честь любому оркестру гдѣ бы то ни было — чистотой, отчетливостью и выразительностью.

Оркестры, одинъ за другимъ, становились у дворца, играли двѣ-три пьесы и потомъ шли въ казармы.

Играли много, между-прочимъ, изъ Верди, котораго здѣсь предпочитаютъ всѣмъ, я не успѣлъ разобрать почему: за его оригинальность, смѣлость, или только потому, что онъ новѣе всѣхъ.

Послѣдній оркестръ, оглашая звуками торжественнаго марша, узкія, прятавшіяся въ тѣни улицы, шелъ домой. Экипажи зашевелились и помчались по разнымъ направленіямъ. Мы съ французомъ выѣхали изъ крѣпости опять на взморье, промчались по опустѣвшему кальсадо и вернулись въ городъ. Онъ просилъ у одного дома выпустить его: »J'ai une petite visite à faire» пропѣлъ онъ своимъ фальцетто и скрылся въ дверь. Въ это же время вверху, у окна, мелькнулъ очеркъ женской головы и захлопнулось жалюзи... Я никого не засталъ въ отели: одни уѣхали на рейдъ, другіе на вечеръ, на который Кармена насъ звалъ съ утра, третьи залегли спать. Я сѣлъ за письма.

Наконецъ мы собрались къ миссіонерамъ и поѣхали въ домъ португальскаго епископа. Тамъ, у молодаго миссіонера, застали и монсиньйора Динакура, епископа въ китайскомъ платьѣ, и еще монаха, съ знакомымъ мнѣ лицомъ. «Настоятель августинскаго монастыря,—по-французски не

говоритъ, но все разумѣетъ» — такъ рекомендовалъ намъ его епископъ. Я вспомнилъ, что это тотъ самый монахъ, котораго я видѣлъ въ коляскѣ, на прогулкѣ за городомъ.

Намъ подали сигаръ, и епископъ, привѣтливо и весело, какъ настоящій французъ, началъ, послѣ двухъ-трехъ вопросовъ, которые сдѣлалъ намъ о нашемъ путешествіи, разсказывать о себѣ. Онъ сказалъ, что живетъ двадцать лѣтъ въ Китаѣ, завѣдываетъ христіанскою паствою въ провинціи Джедзіанъ, въ которой считается до пятнадцати мильйоновъ жителей. Онъ говоритъ, что цифра триста мильйоновъ, которою опредѣляютъ народонаселеніе Китая, не преувеличена: въ его провинціи есть нѣсколько городовъ, гдѣ считаютъ отъ двухъ до трехъ мильйоновъ жителей, и, между-прочимъ, знаменитый городъ Сучеу. «А сколько христіанъ?» спросилъ я. «До пятисотъ тысячъ во всемъ Китаѣ».—«Мало», сказалъ я. «Дà, немного; но теперь обращеніе пошло скорѣе», отвѣчалъ епископъ: «особенно въ среднемъ и низшемъ классахъ. Главное препятствіе встрѣчается въ буддійскихъ бонзахъ и въ ученыхъ. На нихъ ничто не дѣйствуетъ: одни — слѣпые фанатики, другіе — педанты, схоластики: они въ мертвой буквѣ видятъ ученость и свѣтъ. Вся трудность состоитъ въ томъ, чтобъ увѣрить ихъ, что мы пришли и живемъ тутъ для ихъ пользы, а не для выгодъ. Они представить себѣ этого не могутъ и не вѣрятъ». — «Вотъ христіанскимъ миссіонерамъ, можетъ-быть, скоро предстоятъ новые подвиги», сказалъ я: «возобновить подавленное христіанство въ Японіи, которая, не сегодня, такъ завтра, непремѣнно откроется для европейцевъ...» «A coups des canons, monsieur, à coups des canons!» прибавилъ епископъ.

Въ это время прервали насъ два монаха, іезуиты, кажется. Они вошли, преклонили предъ епископомъ колѣна,

приняли благословеніе и сѣли. Епископъ пригласилъ насъ къ себѣ на квартиру, въ монастырь Св. Августина. Монастырь занимаетъ большой уголъ въ испанскомъ городѣ и одной стороной обращенъ къ морю. Это настоящее аббатство, обширное, съ галлереями, безконечными корридорами, кельями, въ которомъ можно потеряться. Мы отдохнули въ квартирѣ епископа, а настоятель ушелъ на короткую молитву въ церковь, по звону колокола. Намъ предложили-было завтракъ, но мы отказались.

Вскорѣ настоятель воротился и принесъ только-что присланное къ нему офиціальное объявленіе отъ губернатора, что испанская королева разрѣшилась отъ бремени дочерью.

Онъ скрылся опять, а мы пошли по сводамъ и галлереямъ монастыря. Въ галлереяхъ вездѣ плохая живопись на стѣнахъ: изображенія святыхъ и портреты испанскихъ епископовъ, жившихъ и умершихъ въ Маниллѣ. Въ церковныхъ преддверіяхъ видны большія картины какой-то старой живописи. «Откуда эта живопись здѣсь?» спросилъ я, показывая на картину, изображающую *Обращеніе св. Павла*. Ни епископъ, ни нашъ пріятель, молодой миссіонеръ, не знали: они были только гости здѣсь.

По узенькой, извилистой лѣстницѣ, вошли мы прямо на хоры главной церкви и были поражены тонкостью и изяществомъ деревянной рѣзьбы, которая покрывала всѣ стѣны на хорахъ, каѳедру, органъ, — все. Дерево темное, съ нѣжными оттѣнками. «Кто это работалъ?» спросилъ я съ изумленіемъ: «уже-ли изъ Европы привезли? въ Европѣ это буазери стоило бы неимовѣрныхъ цѣнъ». — «Все индійцы, тагалы», сказали они. «Вонъ смотрите: они работаютъ и теперь. Церковь пострадала отъ землетрясенія въ прошедшемъ году и ее теперь поправ-

ляютъ, и живопись здѣсь — все тагаловъ же». Я бросилъ бѣглый взглядъ на образа́ — нѣтъ, живопись еще въ младенческомъ состояніи у тагаловъ. Въ музыкѣ, лѣпныхъ и рѣзныхъ работахъ, они далеко впереди. Что касается до картинъ, то онѣ мало чѣмъ лучше тѣхъ, что́ у насъ иногда продаютъ на троттуарѣ, на улицахъ». — «Но вѣдь это въ Маниллѣ», сказалъ молодой миссіонеръ, прочитавшій, должно-быть, у меня на лицѣ впечатлѣніе отъ этихъ картинъ: «между дикими индійцами, которые, триста лѣтъ назадъ, были почти звѣри...» — «Да̀: но триста лѣтъ назадъ!» сказалъ я. «И этотъ храмъ — ровесникъ стѣнамъ города: можно бы, кажется, украсить его живописью соотечественникамъ Мурильо».

Мы пошли внизъ. Епископъ показывалъ мѣстами трещины по стѣнамъ, мѣстами обвалившуюся штукатурку, раздвинувшіеся столбы — все слѣды землетрясенія. «Да развѣ часто бываютъ они?» спросилъ я. «Каждый годъ что нибудь да бываетъ, хоть немного, слегка», сказалъ онъ. «Вотъ іезуитская церковь лежитъ теперь вся въ развалинахъ». Войдя въ большую церковь, епископъ, а за нимъ и молодой миссіонеръ, преклонили колѣна, сложили на груди руки, поникли головами и на минуту задумались. Потомъ встали и начали опять живо разговаривать. Это была лучшая церковь въ Маниллѣ, по ихъ словамъ. Она въ самомъ-дѣлѣ хороша: прекрасные размѣры главнаго и побочнаго придѣловъ кажутъ ее больше, нежели она есть. Она очень хорошо освѣщена сверху: свѣтъ отъ алтаря разливается ровно до самыхъ дальнихъ угловъ. Еслибъ не тагальская живопись, то можно было бы увлечься этими стройными, высокими арками, легкимъ куполомъ. Но живопись мѣшаетъ, колетъ глаза; такъ и преслѣдуютъ васъ эти яркія, то красныя, то синія пятна; скульптура

еще больше. Является какое-то артистически-болѣзненное раздраженіе нервъ, нужды нѣтъ, что вамъ говорятъ, чье это произведеніе. Никакой терпимости, никакого снисхожденія нѣтъ въ человѣкѣ, когда оскорблено его эстетическое чувство. Въ добавокъ къ этому, еще всѣ стѣны и столбы арокъ были заставлены тяжелыми и мрачными иконостасами, съ позолотой, тогда-какъ стиль требуетъ бѣлыхъ, чистыхъ пространствъ, съ рѣдкимъ и строго обдуманнымъ размѣщеніемъ картинъ высокаго достоинства. Бываютъ примѣры, что архитектура зданія подавляетъ или поглощаетъ живопись; а здѣсь наоборотъ. Я старался не смотрѣть на живопись и не спускалъ глазъ съ буазери.

Потомъ насъ повели въ ризницу. Предъ ней, въ комнатѣ, стояли лавки, пюпитры—это что-то въ родѣ класса для тагаловъ. Нѣсколько ихъ сидѣло тутъ, съ флейтами и кларнетами. Они бросились къ рукѣ епископа, какъ всѣ тагалы, которые встрѣчались намъ на дворѣ, на дорогѣ къ монастырю. Нѣкоторые становились на колѣни. Епископъ велѣлъ музыкантамъ сыграть что-нибудь. Они заиграли что-то въ родѣ марша, но несовсѣмъ-стройно, несовсѣмъ-чисто, особенно послѣ того, что̀ мы слышали у дворца. «Видно, этихъ учатъ по нотамъ: не они ли расписывали церковь?» подумалъ я. Мы съ Б. дали артистамъ денегъ и ушли, сначала въ ризницу, всю заставленную шкапами съ церковною утварью—вездѣ золото, куда ни поглядишь; потомъ пошли опять въ коридоры, по кельямъ. Вездѣ до насъ долетали звуки флейтъ и кларнетовъ: артисты, отъ избытка благодарности, не могли перестать сами собою, какъ испорченная шарманка.

Мы проходили мимо дверей, съ надписями: *экономъ*, *ризничій*, и остановились у эконома. «C'est un bon en-

fant», сказалъ епископъ: entrons chez lui pour nous reposer un moment». — «Il a une excellente bière, monseigneur», прибавилъ молодой миссіонеръ нѣжнымъ голосомъ.

Они постучались, и намъ отперъ дверь пожилой монахъ, весь въ бѣломъ, волоса съ просѣдью, все лицо въ изломанныхъ чертахъ, но не безъ доброты. Келья была темна, завалена всякой всячиной, узлами, ящиками; вездѣ пыль; мебель разнохарактерная; въ углу, изъ-за пестраго занавѣса, выглядывала постель. На большомъ кругломъ столѣ лежали счеты, реестры, за которыми мы и застали эконома. Онъ черезъ епископа спросилъ насъ кое-что о путешествіи, на долго ли пріѣхали, а потомъ, не хотимъ ли мы чего-нибудь. «Пива», сказали оба француза. Монахъ засуетился и велѣлъ тагалу вскрыть бывшіе тутъ же гдѣ-то въ углу два ящика и подать нѣсколько бутылокъ англійскаго элю и портера. Но прежде всего подалъ огромный подносъ съ сигарами. Какихъ тутъ не было! всякихъ размѣровъ и сортовъ, и гаванской, и манильской свертки... Вотъ гдѣ водятся хорошія-то сигары въ Маниллѣ!

Мы сидѣли съ полчаса; говорилъ все епископъ. Онъ разсказывалъ о чусанскомъ архипелагѣ и называлъ его перломъ Китая. «Климатъ, почва, какъ въ раю», выразился онъ. — «Я жилъ тамъ восемь лѣтъ», продолжалъ онъ: «тамъ есть колонія ирландскихъ католиковъ: они имѣютъ значительное вліяніе на китайцевъ, ввели много европейскихъ обычаевъ и живутъ прекрасно. Чусанскіе китайцы снабжаютъ почти всѣ берега Китая рыбою, за которою выѣзжаютъ на нѣсколькихъ тысячахъ лодокъ далеко въ море». При этой цифрѣ меня взяло сомнѣніе; я хотѣлъ выразить его Б. К — у, и вдругъ выразилъ, въ разсѣянности, по-французски. Эта разсѣянность произо-

шла оттого, что епископъ, не знаю почему, ни съ того, ни съ сего, принялся разсказывать о Чусанѣ по-англійски. «Да̀, нѣсколько тысячъ», подтвердилъ настойчиво епископъ по-французски.

Отъ эконома повели насъ на самый верхъ, въ рекреаціонную залу. «Я вамъ покажу прекрасный видъ», сказалъ епископъ. Мы зашли къ монаху, у котораго хранился ключъ отъ залы — это самый полный и красивый монахъ, какого я только видѣлъ гдѣ-нибудь, съ постоянной улыбкой, съ румянцомъ. Я увидѣлъ у него на стѣнѣ прекрасную небольшую картину: «Снятіе со креста» и «Божію Матерь». Я отдохнулъ на этой живописи отъ всѣхъ видѣнныхъ картинъ. Напрасно я старался прочесть имя живописца: едва видно было нѣсколько бѣлыхъ точекъ на темномъ фонѣ. «Откуда эта картина?»—«Изъ Италіи, изъ монастыря». Вотъ все, что̀ я узналъ о ней.

Опять по извилистой лѣстницѣ поднялись мы и въ рекреаціонную залу. Это была длинная, крытая галерея, съ окошками на три стороны. Полъ простой, деревянный; половицы такъ и ходили подъ ногами. Все въ запустѣніи. Видно, что никто не бываетъ здѣсь. Ни на одно кресло сѣсть нельзя: пыль лежала густыми слоями. Можно подумать, что августинцы совсѣмъ не любятъ отдыхать, а проводятъ все время въ трудахъ и богомысліи. Посрединѣ стоялъ бильярдъ, для моціона; у оконъ, на треножникѣ, поставлена большая зрительная труба. Видъ изъ окошекъ въ-самомъ-дѣлѣ прекрасный: съ одной стороны весь заливъ передъ глазами, съ другой испанскій городъ, съ третьей лѣса и деревни. И они не сидятъ здѣсь день и ночь, не наслаждаются ничѣмъ этимъ! Мы едва оторвались отъ окошекъ. Епископъ поочереди съигралъ съ нами обоими на бильярдѣ и оказался не слабымъ игрокомъ.

Обратясь спиной къ дверямъ, я вдругъ услышалъ шелестъ женскаго платья, мягкую походку — живо оборачиваюсь—бѣлыя кисейныя блузы... Толпа августинцевъ, человѣкъ двѣнадцать, все молодые, съ сигарами. Одни, немного-заспанные, съ горячими щеками, другіе, съ живымъ взглядомъ, съ любопытствомъ смотрѣли на насъ, пришельцевъ издалека, и были очень-внимательны. Къ-сожалѣнію, никто изъ нихъ не зналъ никакого другаго языка, кромѣ испанскаго. «Мы виноваты, что не можетъ говорить съ вами», сказали они чрезъ молодаго француза: «Русскіе говорятъ по-французски, по-англійски и по-нѣмецки; намъ слѣдовало бы знать одинъ изъ этихъ языковъ».—«Мы говорили бы и по-испански, еслибъ Испанія была поближе къ намъ», отвѣчалъ я.

Вдругъ послышались пушечные выстрѣлы. Это суда на рейдѣ салютуютъ въ честь новорожденной принцессы. Мы поблагодарили епископа и простились съ нимъ. Онъ проводилъ насъ на крыльцо и сказалъ, что непремѣнно побываетъ на рейдѣ. «Не хотите ли къ испанскому епископу?» спросилъ миссіонеръ; но былъ уже часъ утра, и мы отложили до другаго дня.

«Что̀ они здѣсь дѣлаютъ, эти французы?» думалъ я, идучи въ отель: епископъ говоритъ, что пріѣхалъ лечиться отъ приливовъ крови въ головѣ: «въ Нинпо, говоритъ, жарко»; какъ-будто въ Маниллѣ холоднѣе! А молодой все ѣздитъ по окрестнымъ *пуэбло*, по какимъ-то дѣламъ...»

Мы рано поднялись на другой день, въ воскресенье, чтобъ побывать въ церквахъ. Заѣхали въ три церкви, между-прочимъ, въ манильскій соборъ, старое зданіе, постройки XVI столѣтія. Онъ только величиной отличается отъ другихъ приходскихъ церквей. Украшенія въ немъ такъ же безвкусны, живопись такъ же дурна, какъ и въ

церкви предмѣстья и въ монастыряхъ. Органъ плохъ, а въ другихъ церквахъ онъ замѣняется віолончелью и флейтой.

Одна церковь впрочемъ лучше другихъ, побогаче, чище, свѣтлѣе. Въ ней мало живописи и тусклой позолоты; она не обременена украшеніями; и прихожане въ ней получше, чище одѣты и приличнѣе на видъ, нежели въ другихъ мѣстахъ.

Испанцовъ въ церквахъ совсѣмъ нѣтъ; испанокъ немного больше. Все метисы, тагалы, да заѣзжіе европейцы разныхъ націй. Мы вездѣ застали проповѣдь. Проповѣдники говорили съ жаромъ, но этотъ жаръ мнѣ показался поддѣльнымъ; манеры и интонація голоса у всѣхъ заученыя.

Послѣ обѣдни мы отправились въ циркъ, смотрѣть пѣтушій бой. Намъ взялся показать его французъ Pl., жившій въ трактирѣ, очень-любезный и обязательный человѣкъ. Мы заѣхали за нимъ въ отель. Цирковъ много. Мы отправились сначала въ предмѣстье Бинондо, но тамъ не было никого, не знаю почему; мы—въ другой, въ предмѣстьи Тондо. Съ полчаса колесили мы по городу и наконецъ пріѣхали въ предмѣстье. Оно все застроено избушками на курьихъ ножкахъ и заселено тагалами.

Французъ дорогой подтвердилъ намъ, что тагалы самый счастливый народъ въ свѣтѣ. «Они ни въ чемъ не нуждаются», сказалъ онъ: «работаютъ мало, и если выработаютъ какой-нибудь реалъ въ сутки, то-есть восьмую часть талера (около 14 коп. сер.), то имъ слишкомъ довольно на цѣлый день. Индіецъ купитъ себѣ рису; бананъ у него есть, сладкій картофель, или таро тоже—и обѣдъ готовъ. Еще останется ему на что купить кокосовой водки. Испанцы обходятся съ ними хорошо, кротко, и тагалы благословляютъ свою участь. Конечно они могли бы быть еще дѣятельнѣе,

слѣдовательно жить въ бо̀льшемъ довольствѣ, не витать въ этихъ хижинахъ, какъ птицы: но для этого надобно, чтобъ и повелители ихъ, т. е. испанцы, были подѣятельнѣе; а они сто̀ятъ другъ друга: «tel maitre, tel valet».

То же подтвердилъ наканунѣ и епископъ. «Ахъ, еслибъ Филиппинскіе острова были въ другихъ рукахъ!» сказалъ онъ: «какія сокровища можно было бы извлекать изъ нихъ! Mais les espagnols sont indolents, paresseux, trés paresseux!» прибавилъ онъ со вздохомъ.

Отъ новаго губернатора, маркиза Новичелиса, ждутъ много добраго. Онъ затѣваетъ разныя реформы; ему дано больше правъ и власти, нежели его предшественникамъ: онъ нѣчто въ родѣ вице-короля. Поводъ къ увеличенію его власти подали нѣкоторыя опасенія на счетъ духовенства, вліяніе котораго стало слишкомъ ощутительно въ этой колоніи. Слухи объ этомъ дошли до метрополіи; притомъ индійцы на прочихъ островахъ стали пошаливать. Незадолго передъ нашимъ прибытіемъ, они, на островѣ Минданао, умертвили человѣкъ двадцать солдатъ. Потребовались строгія мѣры, и то судно, которое мы встрѣтили въ Анжерѣ, везло новыя войска. На томъ же суднѣ былъ и Кармена, съ которымъ мы увидѣлись какъ съ старымъ знакомымъ. Въ губернаторѣ находятъ пока одинъ недостатокъ: онъ слишкомъ исполненъ своего достоинства, гордится древностью рода и тѣмъ, что жена его—первая штатсъдама при королевѣ, отъ этого онъ важничаетъ, какъ пѣтухъ...

Но вотъ и циркъ, вотъ и пѣтухи. Циркъ—это исполинская бамбуковая клѣтка, въ какую сажаютъ попугаевъ, вся сквозная: снаружи издалека можно видѣть, что̀ въ ней дѣлается. Въ ней три яруса галерей для зрителей, а посрединѣ круглая арена для бойцовъ. Крыша коническая,

сплетена тоже изъ бамбуковыхъ жердей, и потому сквозная, но въ ней сверхъ-того есть нѣсколько люковъ для воздуха. Мы съ трудомъ пробрались сквозь густую толпу народа ко входу, заплатили по реалу и вошли въ клѣтку. Зрителей было человѣкъ до пятисотъ въ самой клѣткѣ, да человѣкъ тысяча около. Послѣдніе не зрители, а участники. У всякаго подъ-мышкой былъ пѣтухъ. Публика вся состояла изъ тагаловъ, китайцевъ и метисовъ. Мы пробрались въ верхнюю галерею и съ трудомъ отъискали три свободныя мѣста. Женщинамъ нельзя сидѣть въ этихъ сквозныхъ галереяхъ, особенно въ верхнихъ этажахъ: поэтому въ циркѣ были только мужчины да пѣтухи—ни женщинъ, ни куръ ни одной. Но за-то какое множество пѣтуховъ! какое свирѣпое, непрерывное пѣніе раздавалось въ клѣткѣ и около нея!

На аренѣ ничего еще не было. Тамъ ходилъ какой-то распорядитель изъ тагаловъ, въ розовой кисейной рубашкѣ, и собиралъ деньги на ставку и за пари. Я удивился, съ какою небрежностью индійцы бросали пригоршни долларовъ, между которыми были и золотые дублоны. Распорядитель раскладывалъ деньги по кучкамъ на полу, на пескѣ арены. На ней, въ одномъ углу, на корточкахъ, сидѣли тагалы съ пѣтухами, которымъ предстояло драться.

Вотъ явились двое тагаловъ и стали стравливать пѣтуховъ, сталкивая ихъ между собою, чтобъ показать публикѣ степень силы и воинственнаго духа бойцовъ. Пѣтухи немного-было надулись, но потомъ равнодушно отвернулись другъ отъ друга. Ихъ унесли, и арена опустѣла. «Что̀ это значитъ?» спросилъ я француза.—«Пѣтухи не внушаютъ публикѣ довѣрія, и оттого никто не держитъ за нихъ пари».

Изъ угла отдѣлились двое другихъ состязателей и стали также стравливать бойцовъ, держа ихъ за хвостъ, чтобъ они не подрались преждевременно. Пѣтухи надулись, гребни у нихъ побагровѣли, они только-что бросились одинъ на другаго, какъ хозяева растащили ихъ за хвосты. Пѣтухи были надежны; между зрителями обнаружилось сильное волненіе. Толпа заколебалась; поднялся говоръ, какъ внезапный шумъ волнъ, и шелъ crescendo. Всѣ протягивали другъ къ другу руки съ долларами, перекликались, переговаривались, предлагали пари, кто за желтаго, кто за бѣлаго пѣтуха. И къ намъ протянулось нѣсколько рукъ; насъ трогали со всѣхъ сторонъ за плечи, за спину, предлагая пари.

Между-тѣмъ хозяева пѣтуховъ сняли съ стальной шпоры, прикрѣпленной къ одной ногѣ бойца, кожаныя ножны. Распорядитель подалъ знакъ—все умолкло. Пѣтуховъ бросили другъ на друга. Одинъ изъ нихъ воспользовался первой минутой свободы, хлопнулъ раза три крыльями и пропѣлъ, какъ-будто хотѣлъ душу отвести; другіе, менѣе-терпѣливые, поютъ, сидя у хозяевъ подъ-мышками. Пропѣвъ, онъ обратился-было къ своимъ мирнымъ занятіямъ, началъ искать около себя на полу, чего бы поклевать, и поскребъ раза два землю ногой. Но хозяинъ схватилъ его, погладилъ, дернулъ за подбородокъ и бросилъ на другаго, который рвался изъ рукъ хозяина. Тогда у обоихъ бойцовъ образовались изъ перьевъ около шеи манжеты, оба нагнули головы и стали мѣтить другъ въ друга. Долго щетинились они, наконецъ оба вспрыгнули вдругъ, и одинъ перескочилъ черезъ другаго, и тотчасъ же опять построились въ боевую позицію, и опять нагнулись. Потомъ раза три сильно сшиблись; полетѣло нѣсколько перьевъ по сторонамъ. Опять одинъ перескочилъ черезъ другаго, царап-

нулъ того шпорой, другой тоже перескочилъ и царапнулъ противника такъ, что онъ упалъ на бокъ, но въ ту же минуту всталъ и съ новой яростью бросился на врага. Тутъ ужь ничего больше разобрать было нельзя: рыцари дрались въ общей свалкѣ, сшибались часто и сильно впивались другъ другу въ гребень, то одинъ повалитъ другаго, то другой перваго.

«Это все и у насъ увидишь каждый день въ любой деревнѣ», сказалъ я Б—ну: «только у насъ, при такомъ побоищѣ, обыкновенно баба побѣжитъ съ кочергой, или кучеръ съ кнутомъ, разнимать драку, или мальчишка броситъ камешкомъ». Вскорѣ бѣлый пѣтухъ упалъ на одно крыло, вскочилъ, побѣжалъ хромая, упалъ опять, и наконецъ поползъ по аренѣ. Крыло волочилось по землѣ, оставляя дорожку крови.

Всякій разъ, при сильномъ ударѣ того или другаго пѣтуха, раздавались отрывистыя восклицанія зрителей; но когда побѣжденный побѣжалъ, толпа завыла дико, неистово, продолжительно, такъ-что стало страшно. Всѣ привстали съ мѣстъ, всѣ кричали. Какія лица, какія страсти на нихъ! и все это по поводу пѣтушьей драки! «Нѣтъ, этого у насъ не увидите», сказалъ Б. Дѣйствительно, этотъ моментъ былъ самый замѣчательный для посторонняго зрителя.

Хозяинъ побѣдителя схватилъ своего пѣтуха и взялъ деньги; противникъ его молча удалился въ толпу. Зрители тоже молча передавали другъ другу проигранные доллары. Явились двое другихъ и повторили тѣ же продѣлки, то-есть дразнили пѣтутовъ, вооружили ихъ шпорами: то же волненіе, тотъ же говоръ повторились между зрителями, что̀ ваша жидовская синагога! Пѣтухи рванулись—и черезъ минуту большой красный пѣтухъ разорвалъ шпорами ноги сѣ-

рому, такъ-что тотъ упалъ на спину, а ноги протянулъ кверху. Кругомъ кровь и перья. Побѣжденнаго пѣтуха бралъ какой-то запачканный тагалъ, сдиралъ у него съ груди горсть перьевъ и клалъ ихъ въ большой мѣшокъ, а пѣтуха отдавалъ хозяину. «Что̀ они дѣлаютъ съ своими пѣтухами потомъ?» спросилъ я француза: «лечатъ что ли?» — «Нѣтъ, ѣдятъ съ салатомъ», отвѣчалъ онъ. «А перья зачѣмъ?» — «Не знаю», сказалъ французъ. Я обратился съ этимъ вопросомъ къ своему сосѣду съ лѣвой стороны, къ китайцу. «Signor?» отвѣчалъ онъ мнѣ вопросомъ же. Я забылъ, что я не въ Гон-Конгѣ, не въ Сингапурѣ, наконецъ не въ Китаѣ, гдѣ китайцы говорятъ по-англійски.

Иногда хозяинъ побѣжденнаго пѣтуха бралъ его на руки, доказывалъ, что онъ можетъ еще драться и требовалъ продолженія боя. Такъ и случилось, что одинъ побѣжденный выигралъ ставку. Пѣтухъ его, оправившись отъ удара, свалилъ съ ногъ противника, забилъ его подъ загородку и такъ разсвирѣпѣлъ, что тотъ уже лежалъ и едва шевелилъ крыльями, а онъ все продолжалъ бить его и клёвомъ и шпорами.

Мы ушли, просидѣвъ съ часъ. Говорятъ, забава продолжается до солнечнаго заката. Правительство отдаетъ цирки на откупъ и беретъ огромныя деньги. Я выше, кажется, сказалъ, какія суммы получаются отъ боя пѣтуховъ. Въ провинціи Тондо казна получаетъ до 80,000 долларовъ подати, въ другихъ—гдѣ 20, гдѣ 15,000. Тагалы иногда ставятъ до тысячи долларовъ на пари. «Я слышалъ, что здѣсь ѣсть бои быковъ», спросилъ я француза: «нельзя ли посмотрѣть?»—«Не сто̀итъ», отвѣчалъ онъ: «это пародія на испанскіе бои. Здѣсь торреадоры—унтеръ-офицеры, дерутся съ дряными, измученными быками»...

Въ гостинницу пришли обѣдать Кармена, Авелло, адъютантъ губернатора и много другихъ. Авелло, отъ имени своей матери, изъявилъ сожалѣніе, что она, по незнанію никакого другаго языка, кромѣ испанскаго, не могла принять насъ, какъ слѣдуетъ. Онъ сказалъ, что она ожидаетъ насъ опять, проситъ считать ея домъ своимъ, и т. д.

Послѣ обѣда мы всѣ разъѣхались. Я опять ударился въ окрестности одинъ, останавливался, гдѣ мнѣ нравилось, заглядывалъ въ рощи, уходилъ по дорожкамъ въ плантаціи кофе и табаку. Дорога прекрасная; синій, туманный цвѣтъ дальнихъ горъ опредѣлялся все болѣе и болѣе, по мѣрѣ приближенія къ нимъ. Въ одной деревенькѣ я пошелъ вдоль по ручью, въ кусты, между деревьевъ; я любовался ими, хотя не умѣлъ назвать почти ни одного по имени. Французъ показывалъ мнѣ въ своемъ магазинѣ до десяти изящнѣйшихъ породъ дерева, начиная отъ самаго краснаго до самаго чернаго. Коричневыя, розовыя, желтыя, темныя: съ какими нѣжными струями и оттѣнками и какія массивныя! Онъ показывалъ круглые столы, аршина полтора въ діаметрѣ, сдѣланные изъ одного куска. Говорятъ, въ Маниллѣ до тысячи породъ деревьевъ.

Кучеръ мой, по обыкновенію всѣхъ кучеровъ въ мірѣ, побѣжалъ въ деревенскую лавочку съѣсть или выпить чего-нибудь, пока я бродилъ по ручью. Я воротился—его нѣтъ; около коляски собрались мальчишки, нищіе, и такъ-себѣ тагалы, съ пѣтухами подъ мышкой. Я доѣхалъ до рѣчки и воротился въ Маниллу, къ дворцу, на музыку.

Шкуна пришла 23-го февраля (7-го марта), и наше общество нѣсколько увеличилось. П—тъ уѣхалъ на озера, Г. въ мѣстечко С. Маттео, смотрѣть тамошній гротъ.

Говорятъ, на озерахъ, вдали отъ жилыхъ мѣстъ, въ

глуши, на вершинѣ одной горы, есть, образовавшійся въ кратерѣ потухшаго вулкана, бассейнъ стоячей воды, наполненной кайманами. Кругомъ бассейна, по лѣсу, гнѣздятся на деревьяхъ летучія мыши, величиной съ ястреба и больше. Туда проникаютъ смѣлые охотники. Животныхъ изъ породъ ящерицъ здѣсь множество; недавно будто-бы поймали каймана въ 21 футъ длиной. Мнѣ одинъ изъ здѣшнихъ жителей совѣтовалъ остерегаться, не подходить близко къ развалинамъ, говоря, что тамъ гнѣздятся ящерицы, около фута величиной, которыя кидаются на грудь человѣку и вцѣпляются когтями такъ сильно, что скорѣе готовы оставить на мѣстѣ лапы, чѣмъ отстать. Есть одно средство отцѣпить ихъ, это подставить имъ зеркало: тогда онѣ бросаются на свое отраженіе. Онъ сказывалъ, что, вдвоемъ съ товарищемъ, они убили изъ ружья двухъ такихъ ящерицъ.

Однако намъ объявили, что мы скоро снимаемся съ якоря, дня черезъ четыре. «Да какъ же это? да что жь это такъ скоро?...» говорилъ я, не зная, зачѣмъ бы я оставался долѣе въ Луконіи. Мы почти все видѣли; ѣхать дальше внутрь — надо употребить по-крайней-мѣрѣ недѣлю, да и здѣшнее начальство неохотно пускаетъ туда. А все жаль было покидать Маниллу!

Утромъ, дня за три до отъѣзда, пришелъ ко мнѣ П—тъ. «Не хотите ли осмотрѣть канатный заводъ нашего банкира?» сказалъ онъ мнѣ: «насъ повезетъ одинъ изъ хозяевъ банкирскаго дома, американецъ Мегфоръ». Мнѣ нѣсколько-неловко было ѣхать на фабрику банкира: я не былъ у него самого даже съ визитомъ, несмотря на его желаніе видѣть всѣхъ насъ, какъ можно чаще у себя; а не былъ потому, что за визитомъ неминуемо слѣдуютъ приглашенія къ обѣду, за который садятся въ пять часовъ,

именно тогда, когда настаетъ въ Маниллѣ лучшая пора глотать, не мясо, не дичь, а здѣшній воздухъ, когда надо ѣхать въ поля, на взморье, гулять по цвѣтущимъ зеленымъ окрестностямъ, словомъ, жить. А тутъ сиди за обѣдомъ!

Однакожь я поѣхалъ съ П—мъ и Мегфоромъ, особенно когда узналъ, что до фабрики надо ѣхать по незнакомой мнѣ дорогѣ. Дорога эта довольно глуха и уединенна, и оттого еще болѣе понравилась мнѣ. Я удивился, что по близости Маниллы еще такъ много лежитъ нетронутыхъ полей, мѣстъ, повидимому, совсѣмъ забытыхъ. «Или они *подъ пàромъ*, эти поля», думалъ я, глядя на пустыя, большія пространства: «здѣшняя почва такъ же ли нуждается въ отдыхѣ, какъ и наши сѣверныя нивы, или это нерадѣніе, лѣнь?» Некого было спросить; съ нами ѣхалъ К. И. Л., хорошій агрономъ и практическій хозяинъ, много лѣтъ завѣдывавшій большимъ имѣніемъ въ Россіи, но знанія его останавливались на пшеницѣ, клеверѣ, и далѣе не шли. О тропической почвѣ онъ зналъ не болѣе меня.

Мы пріѣхали на фабрику, занимающую большое пространство и нѣсколько строеній. Самое замѣчательное на этой фабрикѣ то, что веревки на ней дѣлаются не изъ того, изъ чего дѣлаютъ ихъ въ цѣломъ мірѣ, не изъ пеньки, а изъ волоконъ дерева, похожаго нѣсколько на банановое. Мегфоръ называетъ его plantin. Мочала или волокна — цвѣта... кàкъ бы назвать его? да свѣтло-мочальнаго — доставляются изнутри острова, въ тюкахъ, и идутъ прежде всего въ расческу. При расческѣ матеріалъ чуть-чуть смазываютъ кокосовымъ масломъ. Мы едва шагали между кучами мочалъ, отъ которыхъ припахивало постнымъ масломъ. Разчесываютъ ихъ раза три, сначала грубыми, большими зубцами, потомъ тонкими, на длинныя пряди, и тогда уже машинами вьютъ веревки.

Машины привезены изъ Америки: вы видали на фабрикахъ эти стальные станки, колеса; знаете, какъ они отдѣланы, выполированы, какъ красивы — и тутъ тоже: взялъ бы да и поставилъ гдѣ-нибудь въ залѣ, какъ украшеніе. Сараи, гдѣ по рельсамъ ходитъ машина, вьющая канаты, имѣютъ до пятисотъ шаговъ длины; рабочіе всѣ тагалы, мастера — американцы. Мальчикамъ платятъ по полуреалу въ день (около семи коп. сереб.), а работать надо отъ шести часовъ утра до шести вечера; взрослымъ по реалу; когда понадобится, такъ за особую плату работаютъ и ночью. «Дешево, конечно», говоритъ агрономъ Л.: «но вѣдь за-то имъ не надо, ни полушубковъ, ни сапогъ, ни рукавицъ круглый годъ, притомъ ихъ кормятъ на фабрикѣ». Мастера, трое, получаютъ тысячу-восемьсотъ, тысячу-пятьсотъ и тысячу долларовъ въ годъ. Отправляютъ товаръ больше въ Америку, частью въ канатахъ, частью тюками, въ волокнахъ. Тамъ эти веревки изъ «плянтина» предпочитаются на судахъ пеньковымъ, но только въ бѣгучемъ такелажѣ, то-есть, для подвижныхъ снастей, а стоячій такелажъ или смоленыя неподвижныя снасти, дѣлаются изъ пеньковыхъ.

Въ Маниллѣ, какъ и въ Сингапурѣ, въ магазинѣ корабельныхъ запасовъ, продаются *русскія* пеньковыя снасти, предпочитаемыя всякимъ другимъ на свѣтѣ; но онѣ дороже древесныхъ. У насъ на суда взяли нѣсколько манильскихъ снастей: при постановкѣ парусовъ, отъ нихъ раздавалась такая музыка, что всѣ зажимали уши: точно тысяча саней скрипѣли по морозу. Говорятъ, что пройдетъ со временемъ, обшаркается. Фабрика производитъ на 130,000 долларовъ въ годъ. Она принадлежитъ Старджису, представителю въ настоящее время американскаго дома Russel и С° въ Маниллѣ, еще Мегфору, который насъ возилъ, и

вдовѣ его брата. Братъ этотъ, года два назадъ, былъ убитъ индійцами, которые напали на фабрику и хотѣли ограбить. Испанское правительство до-сихъ-поръ не можетъ найти виновныхъ. Говорятъ, американскій коммодоръ Перри придетъ сюда съ своей эскадрой помогать отъискивать ихъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, на фабрикѣ случился пожаръ, и отчего? Тамъ запрещено работникамъ курить сигары: одинъ мальчикъ, которому вѣроятно неестественно казалось не курить сигаръ въ Маниллѣ, потихоньку закурилъ. Пришелъ смотритель: тагалъ, не зная, какъ скрыть свой грѣхъ, сунулъ сигару въ кипу мочалъ.

Черезъ предмѣстье Санта-Круцъ мы воротились въ городъ. Мои товарищи поѣхали къ какой-то Маргаритѣ, покупать платки и матерію изъ ананасовыхъ волоконъ, а я домой.

Насъ торопили собираться къ отплытію; надо было подумать о сигарахъ. Я съ запиской отправился на фабрику въ альфорадору. У воротъ мнѣ встрѣтился какой-то молодой чиновникъ, какіе есть, кажется, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ цѣлаго міра: безъ дѣла, скучающій, незнающій куда дѣваться, словомъ, лишній. Онъ шелъ-было вонъ; а когда я показалъ ему записку, онъ воротился — и такъ, отъ нечего же дѣлать, — повелъ меня къ альфорадору. Опять я, идучи по заламъ, наслушался адскаго стука, нанюхался табачнаго масла и достигъ наконецъ до альфорадора.

Онъ прежде всего предложилъ мнѣ сигару гаванской свертки, потомъ на мой вопросъ отвѣчалъ, что сигары не готовы: «дня черезъ четыре приготовимъ». — «Я черезъ день ѣду», замѣтилъ я. Онъ пожалъ плечами. «Возьмите въ магазинѣ, какія найдете», прибавилъ онъ: «или обратитесь къ инспектору».

*

Праздный чиновникъ повелъ меня къ инспектору. Тотъ посовѣтовалъ обратиться въ магазинъ. Мы пошли (все съ чиновникомъ) туда. Магазинъ помѣщался въ домѣ фабричной администраціи. Мы зашли прежде въ администрацію. Одинъ изъ администраторовъ, толстый испанецъ, столько же похожій на испанца, столько на нѣмца, на итальянца, на шведа, на кого хотите, всталъ съ своего мѣста, поднявъ очки на лобъ, долго говорилъ съ чиновникомъ, не спуская съ меня глазъ, потомъ поклонился и сѣлъ опять за бумаги. Около него толпились тагалы и тагалки, дожидавшіеся платы. «Ну, что̀?» спросилъ я своего провожатаго. Онъ началъ мнѣ длинную какую-то рѣчь по-французски, и хотя говорилъ очень-сносно на этомъ языкѣ, но я почти ничего не понялъ, можетъ-быть, оттого, что онъ къ каждому слову прибавлялъ: «je vous parle franchement, vous comprenez?»

Хотѣлъ ли онъ подарка себѣ, или кому другому — не похоже, кажется: но онъ говорилъ о злоупотребленіяхъ, да тутъ же кстати и о строгости. Между-прочимъ смыслъ одной фразы былъ тотъ, что офиціально, обыкновеннымъ путемъ, черезъ начальство, трудно сдѣлать что-нибудь, что надо «просто придти», такъ все и получишь за ту же самую цѣну. «Je vous parle franchement, vous comprenez?» заключилъ онъ.

— «Сигаръ?» спросилъ я въ магазинѣ. — «Сигаръ нѣтъ», отвѣчалъ индіецъ-прикащикъ. «Новаго приготовленія, гаванской свертки, первый сортъ», говорилъ я. Чиновникъ переводилъ мой вопросъ и отвѣтъ тагала — *нѣтъ*. «Ихъ такъ немного дѣлаютъ, что въ магазинъ онѣ и не поступаютъ», сказалъ онъ.—«Ну, перваго сорта здѣшней свертки, крупныхъ». — «Всѣ вышли», былъ отвѣтъ. — «Сегодня пришлютъ», прибавилъ онъ. — «Ну,

втораго сорта?» спросилъ я. Тагалъ порылся въ ящикахъ, вынулъ одну пачку въ бумагѣ, 125 штукъ, и положилъ передо мной. «Una peso» (одинъ піастръ), сказалъ онъ. — «Да мнѣ надо по-крайней-мѣрѣ пачекъ двадцать одного этого сорта», замѣтилъ я. Тагалъ опять заглянулъ въ ящикъ. «Больше нѣтъ», сказалъ онъ: «всѣ вышли; сегодня будутъ».

Тутъ слѣдовало бы пожать плечами, но я былъ очень сердитъ, не до того было, чтобъ прибѣгать къ этимъ общимъ мѣстамъ, для выраженія досады. Вотъ подите же: гдѣ послѣ этого доставать сигары? Я думаю, на Невскомъ проспектѣ, у Тенкате: это всего вѣрнѣе. Кто-то искалъ счастья по всему міру и нашелъ же его, воротясь, у своего изголовья. Не былъ ли въ Маниллѣ этотъ путешественникъ и не охотникъ ли онъ курить сигары? Видно ужь такъ заведено въ мірѣ, что на Волгѣ и Уралѣ не купишь на рынкахъ хорошей икры; въ Эперне не удастся выпить бутылки хорошаго шампанскаго, а въ Торжкѣ не найдешь теперь и знаменитыхъ пожарскихъ котлетъ: ихъ лучше дѣлаютъ въ Петербургѣ.

«Что жь у васъ есть въ магазинѣ?» спросилъ я наконецъ: «вѣдь эти ящики не пустые же: тамъ сигары? — «Чируты», сказалъ мнѣ прикащикъ, то-есть, обрѣзанныя съ обѣихъ сторонъ (которыя, кажется, только и привозятся изъ Маниллы къ намъ, въ Петербургъ): этихъ сколько угодно! Есть изъ нихъ третій и четвертый сорты, то-есть, однѣ большія, другія меньше.

А провожатый мой все шепталъ мнѣ, отворотясь въ сторону, что надо придти «прямо и просто», а куда — все не говорилъ, прибавилъ только свое: «je vous parle franchement, vous comprenez?» — «Да не надо ли подарить кого-нибудь?» сказалъ я ему наконецъ, выведенный изъ

терпѣнія. Non, non!» сильно заговорилъ онъ; но вы знаете сами, злоупотребленія, строгости... но это ничего; вы можете все достать... васъ принималъ у себя губернаторъ— оно такъ, я видѣлъ васъ тамъ: но все-таки надо придти... просто: «vous comprenez?» «Я приду сюда вечеромъ», сказалъ я рѣшительно, уставъ слушать эту болтовню, «и надѣюсь найти сигары всѣхъ сортовъ...»—«Кромѣ перваго сорта гаванской свертки», прибавилъ чиновникъ и сказалъ что-то тагалу по-испански... Я довезъ его до фабрики и вернулся домой.

Смыслъ этихъ таинственныхъ рѣчей былъ, кажется, тотъ, что все количество заготовляемыхъ на фабрикѣ сигаръ быстро расходится офиціальнымъ путемъ по купеческимъ конторамъ, оптомъ, и въ магазинъ почти не поступаетъ; что туземцы курятъ чируты, и потому трудно достать готовыя сигары высшихъ сортовъ. Но если кто пожелаетъ непремѣнно имѣть хорошія сигары не въ большомъ количествѣ, тотъ, безъ всякихъ фактуръ и заказовъ, обращается къ кому-нибудь изъ служащихъ на фабрикѣ, или *приходитъ прямо и просто*, какъ говорилъ мой провожатый, заказываетъ, сколько ему нужно, и получаетъ за ту же цѣну, мимо администраціи, мимо магазина, куда деньги за эти сигары, конечно, уже не поступаютъ.

По крайней мѣрѣ я такъ понялъ загадочныя рѣчи моего провожатаго. Et vous, mes amis, vous comprenez? je vous parle franchement.

Насилу-то наконецъ вечеромъ я запасся, для себя и для нѣкоторыхъ товарищей, нѣсколькими тысячами сигаръ, почти всѣхъ сортовъ, всѣхъ величинъ, и притомъ самыми *свѣжими*. На ящикахъ было вездѣ клеймо: *Febrero* (февраль), то-есть, мѣсяцъ нашего тамъ пребыванія. Запросъ такъ великъ, что не успѣваютъ дѣлать. Дру-

гіе мои спутники запаслись чрезъ нашего банкира, но только однѣми чирутами. За *тысячу* сигаръ лучшаго сорта платятъ здѣсь четырнадцать долларовъ (около 19 р. сер.), а за чируты восемь долларовъ. Въ Петербургѣ первыхъ совсѣмъ нѣтъ, а вторыя продаются, если не ошибаюсь, по шести, и никакъ не менѣе пяти р. сер. за *сотню*. Каковъ процентъ! Табакъ не въ сигарахъ не продается въ Маниллѣ; онъ дозволенъ только къ вывозу. Говорятъ, есть еще нѣсколько меньшихъ фабрикъ, но я тѣхъ не видалъ, также какъ и фабрики сигаретокъ или папиросъ.

Наконецъ объявлено, что не сегодня, такъ завтра снимаемся съ якоря. Надо было перебраться на фрегатъ. Я послѣдніе два дня еще разъ объѣхалъ окрестности, былъ на кальсадо, на Эскольтѣ, на Розаріо, въ лавкахъ. Вчера отправилъ свои чемоданы *домой*, а сегодня, послѣ обѣда, на катерѣ отправился и самъ. Съ нами поѣхалъ французъ Pl. и еще испанецъ, нѣкогда морякъ, а теперь commandant des troupes, какъ онъ называлъ себя. Въ этотъ день обѣщали быть на фрегатѣ нѣсколько испанскихъ семействъ, въ которыхъ были приняты наши молодые люди.

Когда мы садились въ катеръ, вдругъ пришли сказать намъ, что гости ужь ѣдутъ, что часть общества опередила насъ. А мы еще не отвалили! Какъ засуетились наши молодые люди! Только-что мы выгребли изъ Пассига, велѣли поставить паруса и понеслись. Подъ берегомъ было довольно тихо и катеръ шелъ покойно, но мы видѣли вдали, какъ кувыркалась въ волнахъ крытая барка съ гостями.

Часовъ съ трехъ пополудни до шести, на неизмѣримомъ манильскомъ рейдѣ, почти всегда дуетъ вѣтеръ свѣжѣе, нежели въ другіе часы сутокъ; а въ этотъ день

онъ дулъ свѣжѣе всѣхъ прочихъ дней и развелъ волненіе. «Мы ихъ догонимъ», говорилъ Б., «тяни шкотъ! тяни шкотъ!» командовалъ онъ безпрестанно. Паруса надулись такъ, что шлюпка однимъ бортомъ лежала совершенно на водѣ; нельзя было сидѣть въ катерѣ, не держась за противоположный бортъ. Мы ногами упирались, то въ кадку съ мороженымъ, то въ корзины съ конфектами, апельсинами и мангу, назначенными для гостей и стоявшими въ безпорядкѣ на двѣ шлюбки, а насъ такъ и тащило съ лавокъ долой. «Не взять ли рифы?» спросилъ Б. К.—«Надо бы; да тогда тише пойдемъ, не поспѣемъ прежде гостей», сказалъ Б.: «вотъ ужь они гдѣ, за французскимъ пароходомъ: экъ ихъ валяетъ!»

Нашъ катеръ вставалъ на дыбы, билъ носомъ о̀-воду, загребалъ ее, какъ ковшомъ, и разбрасывалъ по сторонамъ, съ брызгами и пѣной. Мы-таки перегнали, хотя и рисковали, если не перевернуться совсѣмъ, такъ *черпнуть* порядкомъ. А послѣднее чуть-ли не страшнѣе было перваго для Б.: чѣмъ было бы тогда подчивать испанокъ, еслибъ въ мороженое, или конфекты, вкатилась соленая вода?

Приставать въ качку къ борту—тоже задача. Шлюпку приподниметъ чуть не до борта, тутъ сейчасъ и пользуйтесь мгновеніемъ: прыгайте на трапъ, а прозѣвали, волна отступитъ и утащитъ шлюпку опять въ преисподнюю.

Мы только что вскочили на палубу, какъ и гости пристали вслѣдъ за нами. Ихъ всего было человѣкъ семь испанцовъ, да три дамы, двѣ испанки, мать съ дочерью, и одна англичанка. Прочія приглашенныя не поѣхали, побоявшись качки. Гостей угощали чаемъ, мороженымъ и фруктами, которые были, кажется, не безъ соли, какъ замѣтилъ я, потому-что одинъ изъ гостей довѣрчиво запустилъ зубы въ мангу, но вдругъ остановился и сталъ разсматривать плодъ,

потомъ поглядывалъ на насъ. Хотя мы не черпнули, но все-таки нельзя было запретить морской водѣ брызгать въ шлюбку.

Съ англичанкой кое-какъ разговоръ вязался, но съ испанками—плохо. Дѣвица была не дурна собой, очень любезна; она играла на фортепьяно плохо, а англичанка пѣла нехорошо. Я сказалъ дѣвицѣ что-то о погодѣ, на половину по-французски, на половину по-англійски, въ надеждѣ, что она что-нибудь пойметъ, если не на одномъ, такъ на другомъ языкѣ, а она мнѣ отвѣтила, кажется, о музыкѣ, вполовину по-испански, вполовину... по-тагальски, я думаю.

Наконецъ мы простились съ Маниллой, да вотъ теперь и заштилѣли въ виду Люсона. Я вошелъ въ свою каюту, въ которой не былъ ни разу съ-тѣхъ-поръ, какъ переѣхалъ на берегъ. Въ ней горой громоздились ящики съ сигарами, кучи бѣлья, платья. Кое-какъ мы съ Ѳаддеевымъ разобрали все по угламъ, но каюта моя уменьшилась наполовину. «А гдѣ соломенныя шляпы?» спросилъ я.—«А вотъ онѣ», сказалъ Ѳаддеевъ, показывая на потолокъ.—«Да какъ ты ихъ укрѣпилъ?» спросилъ я, недоумѣвая, какъ онѣ тамъ держались. А очень-просто: онъ вставилъ три или четыре шляпы одну въ другую и поля гвоздиками прибилъ къ потолку: прочно, не правда ли?

«Только-то?» скажете вы: «Тутъ и все о Маниллѣ?» Вы недовольны? И я тоже. Я самъ ожидалъ чего-то больше. А чего? Можетъ-быть, ярче и жарче колорита, болѣе грёзъ поэзіи и побольше жизни, незнакомой намъ всѣмъ, европейцамъ, жизни своеобычной: и нашелъ, что здѣсь танцуютъ, и много танцуютъ, спятъ тоже много, и краснѣютъ всего, что похоже на свое. Выше я уже сказалъ, что, вопреки климату, здѣсь на обѣды ѣздятъ въ сукон-

номъ платьѣ, бѣлое надѣваютъ только по утрамъ, ходятъ въ черныхъ шляпахъ, предпочитаютъ нѣжнымъ издѣліямъ манильской соломы грубыя издѣлія Китая, что даже индіецъ рядится въ суконное пальто, вмѣсто своей воздушной ткани, сдѣланной изъ растенія, которое выросло на его родной почвѣ, и старается походить на метиса, метисъ на испанца, испанецъ на англичанина.

Люди измѣняются до конца, до своей плоти и крови: и на этомъ благодѣтельномъ островѣ, какъ и вездѣ, они перерождаются и мѣняютъ нравы, сбрасываютъ указанный природою костюмъ, забываютъ свой языкъ, забыли измѣнить только названіе острова и города. Васъ, можетъ-быть, вводятъ въ заблужденія звучныя имена Маниллы, Люсона; они напоминаютъ Испанію. Разочаруйтесь: эти имена не испанскія, а индійскія. Слово Манилла, или, правильнѣе, Манила, выработано изъ двухъ тагальскихъ словъ: *tayron nila*, что̀ слово-въ-слово значитъ: *тамъ есть нила*, а *нилой* называется какая-то трава, которая растетъ по берегамъ Пассига. *Майронъ-нила* называлось индійское мѣстечко, бывшее на мѣстѣ нынѣшней Маниллы. Люсонъ взято отъ тагальскаго слова *лосонгъ*: такъ назывались ступки, въ которыхъ жители этого острова толкли рисъ, когда пришли туда первые испанцы, а эти послѣдніе и назвали островъ Лосонгъ. Почему нѣтъ? вѣдь наши матросы называютъ же англичанъ *асеи*, отъ слова J say, то-есть «ей, послушай!» которое безпрестанно слышится въ англійскомъ разговорѣ. *Тагалъ* или *тагаилогъ* значитъ *житель рѣкъ*.

За-то природа на Люсонѣ неизмѣнна, какъ вездѣ, и богата, какъ нигдѣ. Ка̀къ прекрасенъ этотъ союзъ сѣвернаго и южнаго неба, будто встрѣча и объятія двухъ красавицъ! Крестъ и Медвѣдица, Оріонъ и Конопусъ такъ

близко кажутся другъ отъ друга... Необыкновенны переливы вечерняго свѣта на небѣ—яшмовые, фіолетовые, лазурные, наконецъ такіе странные, томные и прекрасные тоны, подъ какіе ни за что не поддѣлаться человѣку! Гдѣ онъ возьметъ цвѣта для этого пронзительно-бѣлаго луча здѣшнихъ звѣздъ? какъ нарисуетъ это млѣніе вечерняго, только-что покинутаго солнцемъ и отдыхающаго неба, эту теплоту и кротость лунной ночи? Чудесенъ и голубой заливъ, и зеленый берегъ, дальнія горы, и всѣ эти пальмы, бананы, кедры, бамбуки, черное, красное, коричневое деревья, эти ручьи, островки, дачи — все такъ ярко, такъ обворожительно, фантастически прекрасно!...

И при всемъ томъ ни за что̀ не остался бы я жить среди этой природы! Есть отрадныя мгновенія — утромъ, напримѣръ, когда, вставши рано, отворишь окно и впустишь прохладу въ комнату; но не надолго оживитъ она: едва сдунетъ только дремоту, возбудитъ въ организмѣ игру силъ и расположитъ къ дѣятельности, какъ вслѣдъ за ней, изъ того же окна дохнетъ на васъ теплый паръ раскаленной атмосферы. Въ даль посмотрѣть нельзя: волны сверкаютъ какъ горячіе угли, стѣны зданій ослѣпительно-бѣлы, воздухъ какъ пламя—больно глазамъ. Часовъ въ 10, 11, не говоря уже о полуднѣ, сидите ли вы дома, поѣдете ли въ каретѣ, вы изнеможете: жаръ сморитъ: напрасно будете противиться сну. Хотите говорить — и на полусловѣ зѣвнете; мысль не успѣла сформироваться, а вы ужь уснули. Но и сонъ не отрада: подушка душитъ васъ, легчайшая ткань кажется кандалами. Дышешь горячо, ищешь вѣтра—его нѣтъ. Хочешь освѣжить высохшій языкъ—вода теплая, положишь льду въ нее — жди воспаленія. Къ вечеру оживаешь, наслаждаешься, но и то въ декабрѣ, январѣ и февралѣ: даль-

ше, говорятъ, житья нѣтъ. Въ лѣтніе мѣсяцы льются потоки дождя, свирѣпствуютъ грозы, время отъ времени ураганы и землетрясенія. Въ дождь, ни выйдти, ни выѣхать нельзя: въ городѣ и окрестностяхъ наводненіе; въ землетрясеніе происходитъ въ домахъ и на улицахъ то же, что̀ въ качку на корабляхъ: все въ ужасѣ; индійцы падаютъ ницъ...

Но и вечеромъ, въ этомъ душномъ томленіи воздуха, въ этомъ лунномъ пронзительномъ лучѣ, въ тихо-качающихся пальмахъ, въ безмятежномъ покоѣ природы, есть что-то такое, что̀ давитъ мозгъ, шевелитъ нервы, тревожитъ воображеніе. Сидя по вечерамъ на верандѣ, я чувствовалъ такую же тоску, какъ въ прошломъ году въ Сингапурѣ. Наслаждаешься и страдаешь, нѣга и боль! Эта жаркая природа, обласкавъ васъ страстно, напутствуетъ сонъ вашъ такими богатыми грёзами, какихъ не приснится на Сѣверѣ.

И все-таки не останешься жить въ Маниллѣ, все захочешь на Сѣверъ, пусть тамъ, кромѣ снѣга, не приснится ничего! Не нашимъ нервамъ выносить эти жаркія ласки и могучія изліянія силъ здѣшней природы.

А развѣ, скажете вы, нѣтъ никогда такихъ жаркихъ дней и обаятельныхъ вечеровъ и у насъ?... Выдаются дни безпощадные, жаркіе, и у насъ, хотя безъ пальмъ, безъ фантастическихъ оттѣнковъ неба: природа, непрерывно-творческая здѣсь и подолгу бездѣйствующая у насъ, тамъ кладетъ бездну силъ, чтобъ вызвать въ какіе-нибудь три мѣсяца жизнь изъ мертвой земли. Но у насъ она даетъ пиръ, какъ бѣднякъ, отдающій все до копѣйки на пышный праздникъ, который въ кои-то вѣки собрался дать: послѣ онъ обречетъ себя на долгую будничную жизнь, на лишенія. И природа наша также: въ палящемъ днѣ на сѣ-

верѣ, вы уже чувствуете удушливое дыханіе земли, предвѣщающее къ ночи грозу, потоки дождя и перемѣну надолго. А здѣсь дни за днями идутъ, какъ близнецы, похожіе одинъ на другой, жаркіе, страстные, но сильные, ясные и безмятежные—въ теченіе долгихъ мѣсяцевъ.

Можетъ-быть, вы все будете недовольны моимъ эскизомъ и потребуете чего-нибудь еще: да чего же? Кажется, я догадываюсь. Вамъ лѣнь встать съ покойнаго кресла, взять съ полки книгу и прочесть, что Филиппинскіе острова лежатъ между 114 и 134° в. долг., 5 и 20° сѣверн. шир., что самый большой островъ—Люсонъ, съ столичнымъ городомъ Манилла, потомъ слѣдуютъ острова: Магинданао, Сулу, Палауанъ; меньшіе: Самаръ, Панай, Лейтъ, Миндоро и многіе другіе.

Въ 1521 году, Магелланъ, первый, съ своими кораблями, присталъ къ юго-восточной части острова Магинданао, и подарилъ Испаніи новую, цвѣтущую колонію, за что̀ и поставленъ ему монументъ на берегу Пассига. Вторая экспедиція приставала къ Магинданао въ 1524 году, подъ начальствомъ Хуана Гарсія Хозе де-Лоаиза. Спустя недолго, приходилъ мореплаватель Виллалобосъ, который и далъ островамъ названіе «Филиппинскихъ», въ честь наслѣдника престола, Филиппа II-го, тогда еще принца астурійскаго.

Въ 1664 году, Мигель Лопецъ Легаспи пришелъ, съ пятью монахами ордена августинцевъ и съ пятью судами, покорять острова силою креста и оружія. Индійцы нѣкоторыхъ, вновь открытыхъ острововъ, куда еще не проникали, ни Магелланъ, ни Лоаиза, перепугались, увидя европейцевъ. Они донесли своему начальству, что пріѣхали люди «съ тоненькимъ и острымъ хвостомъ, что они бросаютъ громъ, ѣдятъ камни, пьютъ огонь, который выхо-

дитъ дымомъ изъ носа, а носы у нихъ», прибавили они: «предлинные». Индійцы приняли морскіе сухари за камни, шпагу—за хвостъ, трубку съ табакомъ—за огонь, а носы —за носы тоже, только длинные: не оттого, что у испанцевъ носы были особенно-длинны, а оттого, что послѣдніе у самихъ индійцевъ черезчуръ коротки и плоски.

Легаспи, по повелѣнію короля, покорилъ и островъ Лосонгъ или Люсонъ. Онъ на Пассигѣ основалъ нынѣшній городъ, удержавъ ему названіе бывшаго на этомъ мѣстѣ селенія Мейрон-Нила или, сокращенно, Mai-Nila. Легаспи привлекъ китайцевъ, завелъ съ ними торговлю, которая процвѣтаетъ и понынѣ. Вскорѣ наѣхали францисканцы, доминиканцы, настроили церквей, изъ которыхъ августинскій монастырь древнѣйшій, построенный по плану архитектора, строившаго Эскуріалъ.

Послѣ того Манилла не разъ подвергалась нападеніямъ китайцевъ, даже японскихъ пиратовъ, далѣе голландцевъ, которые завистливымъ окомъ заглянули и туда, наконецъ англичанъ. Эти послѣдніе, воюя съ испанцами, напали, въ 1762 году, и на Маниллу и въ-конецъ раззорили ее. Черезъ годъ и семь мѣсяцовъ миръ былъ заключенъ и колонія возвращена Испаніи.

Жидко объ исторіи, скажете вы, можетъ-быть. Но стòитъ ли больше говорить о ней? Филиппинскій архипелагъ, какъ parvenu какой-нибудь, еще не имѣетъ права на генеалогическое дерево. Говорить больше о немъ, значитъ говорить объ исторіи испанскаго могущества XV, XVI и XVII столѣтій. Оно отозвалось и въ здѣшнихъ отдаленныхъ углахъ, но глухо. Міръ тогда сжался на маленькомъ лоскуткѣ: надъ нимъ и играло всей силой своей солнце судьбы, и сюда чуть-чуть долетали его лучи. Можетъ-быть, заиграетъ оно когда-нибудь и здѣсь, какъ надъ старой Евро-

пой: тогда на путешественникѣ будетъ лежать тяжелая обязанность рыться въ здѣшнихъ архивахъ и съ важностью повѣствовать лѣнивымъ друзьямъ о событіяхъ края.

О торговлѣ три слова:

Изъ Маниллы вывозятся въ Америку, въ Китай, въ Европу, и особенно въ Англію: сахаръ, индиго, пенька, сигары, ромъ, дерево; а привозятся бумажныя и шерстяныя издѣлія, желѣзо, корабельные припасы, провизія, стальныя издѣлія, стекло, глиняная посуда.

Ежегодно приходитъ до двухсотъ испанскихъ и чужихъ кораблей и столько же отходитъ.

Сумма привоза простирается свыше полутора-мильйона піастровъ, иногда доходитъ до двухъ; вывозится мильйона на три...

(Зри Kaufmännische Berichte, gesammelt auf einer Reise um die Welt von W. N. Nopitsch).

Ну, теперь, кажется все!

VI.

ОТЪ МАНИЛЛЫ ДО БЕРЕГОВЪ СИБИРИ.

Качающаяся мачта.—Островъ Батанъ.—Padre и алькадъ.—Сулой.—Островъ Камигуинъ, портъ Піо-квинто.—Красное дерево.—Птицы и насѣкомыя.—Бананы.—Драконъ, пожирающій утокъ.—Обѣдъ въ тропическомъ лѣсу.—Китъ.—Акула.—Островъ Гамильтонъ.—Камеліи.—Корейцы.—Вѣсти изъ Шанхая.—Нагасаки.—Второй губернаторъ. — Подарки. — Провизія. — Острова Гото. — Берега Кореи; опись ихъ и повѣрка картъ.—Заливъ Лазарева.—Прогулки по берегу.—Сильные туманы.—Змѣя.—Сношенія съ жителями.—Непріятность.—Рѣка Тайманьга.—Историческая замѣтка о Кореѣ.—Татарскій проливъ. — Шквалъ. — Большой заливъ. — Жители. — Тунгусъ Аѳонька.—Гиляки.

Съ 27 февраля по 22 мая, 1854.

Мы вышли изъ Маниллы 27-го февраля вечеромъ и поползли опять тѣми же штилями вдоль Люсона, какими пришли туда.

Тащились дней пять, но за то чуть вышли изъ-за острова, какъ крѣпкій норд-остовый муссонъ задулъ намъ въ лобъ.

Сначала взяли было одинъ, а потомъ постепенно и всѣ четыре рифа. Медленно, туго шли мы, или, лучше сказать, толклись на одномъ мѣстѣ. Долго шли однимъ галсомъ, и 8-го числа воротились опять на то же мѣсто, гдѣ были седьмаго. Килевая качка несносная, для меня впрочемъ

она лучше боковой, не толкаетъ изъ угла въ уголъ, но кого укачиваетъ, тѣмъ невыносимо.

Суда наши держались съ нами, но адмиралъ разослалъ ихъ: транспортъ «Князь Меншиковъ» въ Шанхай, за справками, шкуну къ о. Батану, отъискать якорное мѣсто и заготовить провизію, корветъ—еще куда-то. Сами идемъ на островокъ Гамильтонъ, у корейскаго берега, и тамъ дождемся транспорта.

Только мы разстались съ судами, какъ вѣтеръ усилился и вдругъ оказалось, что наша фок-мачта клонится совсѣмъ назадъ, еще хуже, нежели грот-мачта. Общая тревога; далѣе идти было бы опасно: на сѣверѣ могли встрѣтиться крѣпкіе вѣтра и тогда ей не сдобровать. Третьяго-дня она вдругъ треснула; поскорѣй убрали фокъ. Надо зайти въ портъ, а куда? Въ Гон-Конгъ всего бы лучше, но это значить прямо въ гости къ англичанамъ. Рѣшили спуститься назадъ, къ группѣ острововъ Бабуянъ, на островокъ Камигуинъ, въ портъ Піо-Квинто, недалеко отъ Люсона.

Но прежде надо зайти на Батанъ, дать знать шкунѣ, чтобъ она не ждала фрегата тамъ, а шла бы далѣе, къ сѣверу. Мы все лавировали къ Батану; вѣтеръ воетъ во всю мочь, такъ-что я у себя не могъ спать: затворишься—душно, отворишь вполовину дверь, шумитъ какъ въ лѣсу.

Вчера, съ 9-го на 10-е ночью, теченіемъ отнесло насъ на 35 миль въ сутки, противъ счисленія, къ норду, несмотря на то, что наканунѣ была хорошая обсервація, и мы очутились выше Батана. За то какъ живо спустились къ нему попутнымъ вѣтромъ! Это тотъ самый Батанъ, у котораго насъ прихватилъ, въ прошломъ году въ іюлѣ мѣсяцѣ, тифонъ или «тай-фунъ» по-китайски, то-есть сильный вѣтеръ. Мы тогда напрасно искали на восточномъ берегу пристани: нѣтъ ея тамъ; за то теперь тотчасъ отъискали

на югозападномъ. Шкуна стояла уже тамъ и еще китоловъ американскій.

Островокъ недуренъ, весь въ холмахъ, холмы въ зелени. Бухта не закрыта отъ зюйда и остановиться въ ней на якорь опасно, хотя въ это время года, то-есть при норд-остовомъ муссонѣ, въ ней хорошо; зюйдовыхъ вѣтровъ нѣтъ. Но положиться на это нельзя. А какъ вдругъ задуетъ? Между скалъ (тоже зеленыхъ) есть затишье и пристань. Глубина неровная: 50 саженъ, потомъ 38, и вдругъ семь, почти рядомъ. Намъ открылся монастырь, потомъ домъ испанскаго алькада и деревня въ зелени. Хорошо, пріятно и весело смотрѣть на берегъ. Наши поѣхали, я нѣтъ. Меня, кажется, прихватила немного болѣзнь, которую нѣмцы называютъ Heimweh. Просто домой хочется. Дастъ ли Богъ силъ выдержать! Прелесть того, что манило въ даль—новизны, утратилась; впереди только безпокойства и неизвѣстность.

У насъ сегодня утромъ завтракали padre и алькадъ. Я не выходилъ изъ каюты, не хотѣлось, но смотрѣлъ изъ окна съ удовольствіемъ, какъ пріѣхавшіе съ ними двое индійскихъ мальчишекъ, слугъ, разинули вдругъ ротъ и обомлѣли, когда заиграли наши музыканты. Скоро удивленіе смѣнилось удовольствіемъ: они сѣли рядомъ на палубѣ и не спускали глазъ съ музыкантовъ. Мальчишекъ укачивало. У меньшаго желтенькое лицо позеленѣло и онъ спрятался за пушку. Вдругъ padre позвалъ его: тотъ не слыхалъ, и padre далъ ему такого подзатыльника, что въ пору пирату такого дать, а не пастырю.

Намъ прислали быковъ и зелени. Когда поднимали съ барказа одного быка, вдругъ петля сползла у него съ брюха и остановилась у шеи; быкъ сталъ было задыхаться, но его быстро подняли на палубу и освободили. Одинъ матросъ

на барказѣ, вообразивъ, что быкъ упадетъ назадъ въ барказъ, предпочелъ лучше броситься въ воду и плавать, пока быкъ будетъ падать; но паденіе не состоялось и предосторожность его возбудила общій хохотъ, въ томъ числѣ и мой, какъ мнѣ ни было скучно.

Принявъ провизію, мы снялись съ якоря и направляемся теперь на островокъ Камигуинъ, поправить немного мачты.

Мы вышли ночью; и какъ тутъ кое-гдѣ разсѣяны островки, то, для безопасности, мы удержались до разсвѣта подъ малыми парусами у островов Баши. Я спалъ, но къ утру слышалъ сквозь сонъ, какъ фрегатъ взялъ большой ходъ на фордевиндъ. Этотъ ходъ сопровождается всегда боковой качкой. Мы полагали стать къ часамъ четыремъ на якорь; всего было миль шестьдесятъ, а ходу около десяти узловъ, т. е. по десяти миль, или семнадцать слишкомъ верстъ въ часъ. Но въ такихъ разсчетахъ надо имѣть въ виду теченія; здѣсь теченіе было противное; попутный вѣтеръ несъ насъ узловъ десять, а теченіемъ относило назадъ узловъ пять. Часамъ къ пяти мы подошли къ Камигуину, но подвигались такъ медленно, что солнце садилось, а мы еще были все у входа.

Въ добавокъ ко всему у острова встрѣтили мы сулой и попали прямо въ него. Вы не знаете, что̀ такое «сулой?» И дай Богъ вамъ не знать. Сулой—встрѣча вѣтра и теченія. У насъ былъ норд-остовый вѣтеръ, а теченіе отъ SW. Что это за наказаніе! Никогда не испытывали мы такой огромной и безпокойной зыби. Вѣтеръ не свѣжій, а волны, сшибаясь съ двухъ противныхъ сторонъ, вздымаются какъ горы, самыми разнообразными формами. Одна волна встаетъ, образуетъ правильную пирамиду и только хочетъ разсыпаться на всѣ стороны, какъ ей и слѣдуетъ, другая

вдругъ представляетъ ей преграду, привскакиваетъ выше сѣтокъ судна, потомъ отливается прочь, образуя глубокій оврагъ, куда стремительно падаетъ корабль, неподдерживаемый на ходу вѣтромъ. Взадъ подтолкнетъ его побѣдившая волна и онъ падаетъ на бокъ и лежитъ такъ томительную минуту. Волны хлещутъ на палубу, корабль черпаетъ бортами. Бѣда судамъ: мелкія заливаетъ нерѣдко, да и большія могутъ потерять мачты. Къ счастью, вѣтеръ скоро вынесъ насъ на чистое мѣсто, но войти мы не успѣли и держались опять ночь въ открытомъ морѣ; а надѣялись было стать на якорь, выкупаться и лечь спать.

Утромъ уже на другой день, 11-го марта, мы вошли въ бухту Піо-Квинто сѣвернымъ входомъ и стали за островкомъ того же имени, защищающимъ рейдъ. Бухта большая; берега покрыты непроходимою кудрявою зеленью. На островѣ есть потухшій волканъ; есть пальмы, бананы; раковинъ множество; при мнѣ матросы привезли П—ту набранный ими цѣлый мѣшокъ. Я заказалъ и себѣ. Докторъ убилъ до шести птицъ, золотистыхъ, красныхъ, желтыхъ: ихъ потрошатъ и набиваютъ хлопчатой бумагой. Г-чу раздолье. Мнѣ нельзя на берегъ: ревматизмъ въ вискѣ напоминаетъ о себѣ живою болью. Я съ фрегата смотрю, какъ буруны стѣною нападаютъ на берегъ, хлещутъ высоко и разсыпаются широкой бѣлой бахрамой. Океанъ какъ-будто лелѣетъ эти островки: онъ играетъ съ берегами, то реветъ, сердится, то ласково обнимаетъ любимцовъ со всѣхъ сторонъ, жемчужится, кипитъ у береговъ и приноситъ блестящую раковину, или морскаго ежа, или красивый, выработанный имъ кораллъ, какъ-будто игрушки для дѣтей.

Оаддеевъ сегодня былъ на берегу и притащилъ мнѣ раковинъ, одна другой хуже и, между прочимъ, въ одной

былъ живой ракъ, который таскалъ за собой претяжелую раковину. «Смѣхъ какой!» сказалъ онъ. Вѣрно съ кѣмъ-нибудь непріятность случилась, подумалъ я, зная его характеръ. Такъ и есть. «Наши ребята», продолжалъ онъ, «наѣлись какихъ-то стручковъ, словно бобы, и я одинъ съѣлъ — ничего, годится, только ротъ совсѣмъ свело, не разожмешь, а у нихъ животы подвело, ихъ съ души рветъ: теперь стонутъ».—Какъ же можно ѣсть неизвѣстныя растенія? замѣтилъ я, «вѣдь здѣсь много ядовитыхъ». — «Еще мы нашли», продолжалъ Ѳаддеевъ, «какіе-то... орѣхи не орѣхи, похожи и на яблоки, одни красныя, другія зеленыя. Мы съѣли по штукѣ красной — кисло таково; хотѣли было зеленое попробовать, да тутъ ребятъ-то и схватило, застонали—смѣхъ! И съ господами смѣхъ» прибавилъ онъ, стараясь не смѣяться: «въ буруны попали; какъ стали приставать, шлюпку повернуло, всѣхъ валъ и покрылъ, всѣ словно купались... да вонъ они!» прибавилъ онъ, указывая въ окно. Въ самомъ дѣлѣ всѣ мокрые.

16-е марта. Меня все одолѣвала, то зубная боль, то хандра. А что̀ за время! зелено, сине, солнечно, ярко и жарко, съ легкой прохладой. Я все лѣнился ѣхать на берегъ; я безпрестанно слышалъ, ка̀къ одинъ шелъ по поясъ въ водѣ, другой пробирался по каменьямъ, третій не могъ продраться сквозь ліаны. Все это мало давало мнѣ охоты ѣхать туда. Но сегодня утромъ, лишь только я вышелъ на палубу, встрѣтилъ меня У. и звалъ ѣхать. «Смотрите, буруновъ совсѣмъ нѣтъ, вѣтеръ съ берега», говорилъ онъ: «вамъ не придется по водѣ идти, ногъ не замочите и зубы не заболятъ». Я взялъ зонтикъ, надѣлъ соломенную шляпу и мы отправились на вельботѣ.

Въ самомъ дѣлѣ буруновъ не было, и мы въѣхали въ ручеекъ, какъ на саняхъ. Матросы соскочили въ воду и по-

тащили вельботъ на себѣ, такъ что мы выскочили прямо на песчаный берегъ. Въ ручейкѣ были раковины, камешки, кораллы—все, кромѣ воды. Мы вошли подъ сводъ развѣсистыхъ деревьевъ и насъ охватилъ влажный, горячій паръ. Берегъ весь заросъ сплошной чащей, большею частью краснымъ деревомъ. Зелень густа, какъ волосы. Красное дерево и придаетъ эту кудрявую наружность всему острову. У дерева крѣпкіе и масляные, ярко-зеленые листья, у однихъ небольшіе, у другихъ болѣе четверти аршина длиной, и такіе толстые, что годились бы на подошву.

Мы подошли къ нашимъ палаткамъ, разбитымъ на самомъ берегу, подъ деревьями, и застали Г-ча среди букашекъ, бабочекъ, раковъ — живыхъ и мертвыхъ, потрошенныхъ и непотрошенныхъ птицъ, змѣй и ящерицъ. Посидѣвши минутъ пять въ тѣни, мы пошли дальше, по берегу, къ другой рѣчкѣ, очень живописной. Чаща не позволяла пробираться лѣсомъ: ліаны сѣтью опутали деревья, и иногда ни перешагнуть, ни прорвать ихъ не было никакой возможности. Надо было идти по берегу, усыпанному крупными и мелкими каменьями, періодически покрываемыми приливомъ. Каменья, или вонзались въ подошву, или разступались подъ ногами и катились во всѣ стороны. Упасть, правду сказать, было нельзя, но сломать ногу и, пожалуй, обѣ, можно. Такъ мы шли версты двѣ и я отчаялся уже дойти, какъ вдругъ увидѣли нашихъ людей. Они срубили дерево и очищали его отъ коры. Что это за чудовищный стволъ краснаго дерева! Только дубы на мысѣ Доброй Надежды, да камфарныя деревья въ Китаѣ, видѣлъ я такого объема. Здѣсь мы, по тѣнистой и сырой тропинкѣ, дошли до пустаго шалаша, отдохнули, переправились по доскѣ черезъ рѣчку, до того быструю, что когда я, переходя по зыбкому мостику, уперся въ дно

ручья длинной палкой, у меня мгновенно вырвало ее теченіемъ изъ рукъ и вынесло въ море.

Далѣе мы шли лѣсомъ все по рѣчкѣ. Я не могъ надивиться этой растительности: насъ покрывалъ совершенно сводъ зелени отъ солнца. Деревья, одно другаго красивѣе, выше, гуще и кудрявѣе, тѣснились какъ колосья, въ кучу. Множество птицъ, красныхъ, желтыхъ, зеленыхъ, летало въ вѣтвяхъ, мелькало изъ куста въ кустъ. Что̀ за крики! Вверху раздавался, то стонъ, то щелканье, а одна какая-то горланила такъ, что хоть уши зажми. Насѣкомыхъ было неменьше. Я замѣтилъ много исполинскихъ бабочекъ, потомъ что-то въ родѣ осъ, синихъ, съ шерстью, и съ пятномъ на головѣ. Одна такая, наканунѣ, сидя уже на булавкѣ, въ ящикѣ у Г., прокусила на сквозь сигару, которую я ей подставилъ. Бабочки тоже до безконечности разнообразны; есть съ ладонь величиной. Мухи мелкія, простыя, и тѣ отличаются необыкновенной формой и красками.

Мы вышли на поляну, къ шалашамъ индійцевъ и къ ихъ плантаціямъ. Это тѣ же тагалы, что̀ и въ Маниллѣ, частью бѣглые, частью добровольно удалившіеся съ Люсона. Всѣ они говорятъ по испански. Ихъ до двухсотъ человѣкъ на островѣ. Жилища ихъ разбросаны въ разныхъ мѣстахъ. Ну, жилища! Четыре столба, аршина въ полтора вышиной, на нихъ настилка изъ досокъ, потомъ съ трехъ сторонъ стѣнки изъ бамбуковыхъ жердей, крытыя пальмовыми листьями, четвертая сторона открыта. Тамъ бѣдная утварь, кругомъ куры и собаки. Жители выжгли лѣсъ на далекое разстояніе, для плантацій. Я затерялся между бананами, кукурузой, таро и табакомъ. Бананы великолѣпны, пока еще будущіе плоды не сформировались и таятся въ большой, висящей книзу почкѣ фіоле-

товаго цвѣта. Листья почки, вскрываясь, принимаютъ красный цвѣтъ, и потомъ, падая, обнаруживаютъ цѣлую кисть плодовъ. Кокосовъ здѣсь я не видалъ. Пальмъ другаго рода я видѣлъ много, особенно арека.

Усталый сѣлъ я на пень у шалашей, и смотрѣлъ на веселую рѣчку: она вся усажена кустами, тростникомъ, и разливается широкимъ бассейномъ. Вода, какъ хрусталь, прозрачна. Тутъ наши матросы мыли бѣлье, развѣшивая его по ліанамъ. Одно огромное дерево было опутано ліанами и походило на великана, который простираетъ руки вверхъ, какъ Лаокоонъ, стараясь освободиться отъ сѣтей, но напрасно. Внизу, вокругъ ствола и вдоль, огибали его и вростали въ дерево толстыя растительныя веревки; кверху онѣ тонки, какъ нитки. К. пробовалъ разорвать одну и не могъ, и насилу разрѣзалъ ножомъ. Птицы такъ и заливались на разные голоса, но онѣ такъ прятались въ тѣни, что я видѣлъ немногихъ. «Ночью спокоя не даютъ в. в.», сказалъ матросъ, ночевавшій на берегу: «забьются подъ шалашъ и кричатъ изо всей мочи». Пронесся надъ нами здѣшній голубь, съ бѣлой головой, зеленоватой спиной, больше нашего. Вороны (я сужу по устройству крыльевъ), напротивъ, меньше нашихъ: синія, голубыя, но съ черными крыльями и съ бѣлыми, симметрическими пятнами на крыльяхъ, какъ и наши.

Съ часъ отдохнули мы въ прохладѣ и пошли назадъ. На этотъ разъ путешествіе по каменьямъ показалось мнѣ пыткой: идешь, идешь, думаешь, вотъ скоро конецъ, взглянешь впередъ, а ихъ цѣлая необозримая площадь. Неумолимый полдень жжетъ; зонтикъ и толстая соломенная шляпа мало защищаютъ. Пойдешь въ тѣнь, подъ деревья—ноги путаются въ ліанахъ. Буруны стѣной, точно войско, шли на берегъ и разбивались у нашихъ ногъ. Издали шумъ

отъ нихъ походилъ на громъ. Мы разбрелись врознь, и я, отъ скуки, собиралъ дорогой раковины, оставленныя приливомъ, особенно мелкія, чрезвычайно красивыя. Нѣкоторыя изъ нихъ двигались: раки были живы въ нихъ. Неся ихъ, чуть зазѣваешься, раки выползаютъ и щупальцами цѣпляются за руки.

19-е. Сегодня положено обѣдать на берегу. Въ воздухѣ невозмутимая тишина и нестерпимый жаръ. Чѣмъ ближе подъѣзжаешь къ берегу, тѣмъ сильнѣе пахнетъ гнилью отъ сырыхъ коралловъ, разбросанныхъ по берегу и затопляемыхъ приливомъ. Запахъ этотъ, вмѣстѣ съ кораллами, перенесли и на фрегатъ. Всѣ натащили себѣ ихъ кучи. Ѳаддеевъ приводитъ меня въ отчаяніе: онъ каждый разъ приноситъ мнѣ раковины; улитки околѣваютъ и гніютъ. Хоть вонъ бѣги изъ каюты!

Уже дня три разсказываютъ, что изъ болотистой рѣчки, недалеко отъ нашихъ палатокъ, появляется ежедневно какое-то животное, аршина два длиной. Вчера оно съѣло мертвую утку. Утки, куры и бараны—всѣ свезены съ фрегата на берегъ. Одна околѣла и досталась животному. «Да какое животное?» спрашивали у матросовъ. «Съ змѣинымъ хвостомъ, на двухъ ножкахъ», говорилъ одинъ, «и съ двумя стрѣлками во рту», сказалъ другой. «Это драконъ, в. в.», заключилъ, подумавши, одинъ унтеръ-офицеръ. «Дня три мы ужь караулимъ его, да все схватить нельзя: часто, да ненадолго выходитъ. Сегодня удалось только ударить его весломъ по спинѣ. Теперь сидитъ тамъ Мехелька Кернъ, скотникъ, съ ружьемъ».

Я побѣжалъ къ рѣчкѣ, сунулся-было въ двухъ мѣстахъ, да чрезъ лѣсъ продраться нельзя: папоротники и толстые стволы краснаго дерева стояли стѣной, а ліаны раскинуты какъ сѣти. Матросъ указалъ мнѣ тропинку и я подошелъ

къ рѣчкѣ. Въ одномъ мѣстѣ она образовала бассейнъ, заваленный пнями, увядшими вѣтвями и сухими листьями. Сквозь кусты я увидѣлъ человѣка, неподвижно стоявшаго съ ружьемъ. «Что ты тутъ дѣлаешь?» спросилъ я. «Жду дракона, в. в.», почти не дыша прошепталъ онъ. Близь него валялись двѣ утки, одна съ выѣденнымъ желудкомъ; кругомъ ея тучей носились и жужжали мухи, лакомыя до падали; другая была еще не тронута; на ней-то Михелька Кернъ основывалъ свои надежды. И я сталъ съ нимъ ждать. Но какъ ему обѣщали награду, если онъ дождется, а мнѣ ничего, то я потерялъ терпѣніе и выдрался опять на чистое мѣсто, къ палаткамъ.

У одной изъ нихъ собралась толпа нашихъ и кого-то окружила. Я удвоилъ шаги, смотрю, въ кружкѣ стоитъ Г. и держитъ что-то въ рукахъ. «Что̀ это у васъ?» спросилъ я. «А вотъ смотрите», отвѣчалъ онъ и поднесъ мнѣ къ самому носу ящерицу, въ аршинъ длиной. Переднія и заднія лапы связаны были у ней ліаной на спинѣ. Она болѣзненно мигала и по временамъ высовывала и мгновенно опять прятала длинный, тонкій языкъ. «Такъ вотъ кто ѣстъ утокъ!» сказалъ я. «Нѣтъ, какъ можно: та гораздо больше!» закричали на меня нѣсколько голосовъ: «и не такая совсѣмъ», сказалъ кто-то изъ толпы. «Съ крильями», прибавилъ матросъ изъ малороссіянъ. Я не сталъ спорить и ушелъ въ палатку. Тамъ негдѣ было ступить: цѣлый музеумъ раковинъ, всѣхъ цвѣтовъ и величинъ, раковъ, между которыми были нѣкоторые чудовищныхъ размѣровъ и удивительно-яркихъ красокъ, какъ и все здѣсь, подъ этимъ щедрымъ солнцемъ. Тутъ сидѣли три индійца на полу. Они, за платокъ, за старую рубашку, за изношенные башмаки, несли Г-чу все, чѣмъ богата здѣшняя природа. Одинъ тащилъ живую змѣю, дру-

гой—мѣшокъ раковинъ, за которыми, съ сѣткой на плечахъ, отправлялся въ буруны, третій птицу, или жука.

Я бросилъ кончикъ закуренной сигары на землю: они съ жадностью схватили ее и начали поочереди курить. Я далъ имъ всѣмъ по сигарѣ: съ какою радостью и поклонами приняли они подарокъ! Я потомъ захотѣлъ полежать на доскѣ, внѣ палатки: они бросились услуживать, отирать доску, подставлять подъ нее камешки.

Какъ ни привыкъ глазъ смотрѣть на эти берега, но всякій разъ, оглянешь ли кругомъ всю картину лѣсистаго берега, остановишься ли на одномъ деревѣ, кустѣ, рогатомъ стволѣ, невольно трепетъ охватитъ душу, и какъ ни зачерствѣй, заплатишь обильную дань удивленія этимъ чудесамъ природы. Какой избытокъ жизненныхъ силъ! какая дивная работа совершается почти въ глазахъ! какое обиліе изящнаго творчества пролито на каждую улитку, муху, на кривой сучокъ, одѣтый въ роскошную одежду!

Мы обѣдали въ палаткѣ; запахъ отъ коралловъ такъ силенъ, что почти ѣсть нельзя. Обѣдъ весь состоялъ изъ рыбы: уха, жареная рыба и гомаръ чудовищныхъ размѣровъ и блестящихъ красокъ; но его оставили къ ужину. Шея у него—самаго чистаго, дикаго цвѣта, какъ-будто изъ шелковой матеріи, съ коричневыми полосами; спина синяя, двуличневая, съ блескомъ; усы въ четверть аршина длиной, красноватые.

Рыбы здѣсь такъ же разнообразны, блестящи и странны, какъ все прочее. Г-чу принесли ихъ бездну; онѣ нанизаны были на ниткѣ. Какихъ странностей не было тутъ? У одной только и есть что голова, а ротъ такой, что комаръ не пролѣзетъ; у другой одно брюхо, третья вся состоитъ изъ спины, четвертая въ какихъ-то шипахъ, у иной глаза посреди тѣла, въ равномъ разстоя-

ніи отъ хвоста и рта; другую примешь съ перваго взгляда за кожанный портмоне, и такъ далѣе. Всѣ онѣ покрыты пестрымъ узоромъ красокъ. Къ десерту подали бананы; нѣкоторые любятъ ихъ, я не могу ѣсть: они мучнисты, приторны, напоминаютъ немного пряники на суслѣ.

Послѣ обѣда всѣ разбрелись: кто купаться къ другой рѣчкѣ, кто брать пелинги по берегамъ, а нѣкоторые остались въ палаткѣ уснуть. Я съ захожденіемъ солнца уѣхалъ домой.

Ѳаддеевъ встрѣтилъ меня съ раковинами. «Отстанешь ли ты отъ меня съ этою дрянью?» сказалъ я, отталкивая ящикъ съ раковинами, который онъ, какъ блюдо съ устрицами, поставилъ передо мной. «Извольте посмотрѣть, какія есть хорошія», говорилъ онъ, выбирая изъ ящика, то рогатую, то красную, то синюю съ пятнами. «Вотъ эта, вотъ эта; а эта какая славная!» И онъ сунулъ мнѣ къ носу. Отъ нея запахло падалью. «Что̀ это такое?» — «Это я чистилъ: тамъ улитки были», сказалъ онъ, «да видно прокисли».—«Вонъ, вонъ! неси къ Г!»

Сегодня всѣ перебираются съ берега: работы кончены на фрегатѣ, шкалы подняты и фокъ-мачту какъ-будто зашнуровали. Въ лѣсу нарубили деревьевъ, все, разумѣется, красныхъ, для будущихъ какихъ-нибудь починокъ. Съ берега забираютъ барановъ, утокъ, куръ; не знаю, заберутъ ли дракона, или онъ останется на свободѣ доѣдать трупы утокъ.

Третьяго дня бросали съ фрегата, въ устроенный на берегу щитъ, ядра, бомбы и брандскугели. Завтра, снявшись, хотятъ повторить то же самое, чтобъ видѣть дѣйствіе артиллерійскихъ снарядовъ, въ случаѣ встрѣчи съ англичанами.

Какъ ни привыкнешь къ морю, а всякій разъ, какъ

надо сниматься съ якоря, переживаешь минуту скуки: недѣли, иногда мѣсяцы подъ парусами—не удовольствіе, а необходимое зло. Въ продолжительномъ плаваніи и сны перестаютъ сниться береговые. То снится, что лежишь на окнѣ каюты, на аршинъ отъ кипучей бездны, и любуешься узорами пѣны, а другой бокъ судна поднялся сажени на три отъ воды; то видишь въ туманѣ какой-нибудь новый островъ, хочется туда, да рифы мѣшаютъ...

Сегодня два событія, слѣдовательно два развлеченія: китъ зашелъ въ бухту и игралъ у береговъ, да наши куры, которыхъ свезли на берегъ, разлетѣлись, штукъ сто. Странно: способность летать вдругъ въ нѣсколько дней развилась въ лѣсу такъ, что не было возможности поймать ихъ; онѣ летали по деревьямъ, какъ лѣсныя птицы. Нѣтъ сомнѣнія, что если онѣ одичаютъ, то пріобрѣтутъ всѣ способности для летанья, когда-то, вѣроятно, утраченныя ими въ порабощенномъ состояніи.

Снялись съ якоря, вышли попутнымъ вѣтромъ, и только отошли мили три, какъ подулъ противный. Пошли въ бокъ, потомъ въ другой — лавируемъ. Третьягодня прошли Батанъ, вчера утромъ были въ группѣ сѣверныхъ острововъ Баши, Байетъ и друг.; сегодня другой день штиль; идемъ узелъ, два. Слава Богу, что облачно, а то бы жаръ былъ невыносимъ. Скоро ли дойдемъ — Богъ вѣсть: кто сулитъ двѣ недѣли, кто шесть. Утромъ еще я говорилъ, ходя по юту съ П.: «скучно, хоть бы случилось что-нибудь, чтобъ развлечься немного». Судьба какъ-будто услышала мой ропотъ и дала намъ спектакль, возможный только въ тропическихъ моряхъ, даже довольно-обыкновенный тамъ, но всегда занимательный. Объ этомъ писали такъ много разъ, что я не хотѣлъ ничего упоминать, еслибъ не былъ такимъ близкимъ свидѣтелемъ, почти участникомъ зрѣлища.

Мы только-что отобѣдали, я пришелъ, по обыкновенію, въ капитанскую каюту выкурить сигару и сѣлъ на диванъ, въ ожиданіи, пока принесутъ огня. Капитанъ сидѣлъ въ креслѣ: жàрко, дверь и окна были открыты. Не просидѣли мы пяти минутъ, какъ наверху, надъ нашими головами, сдѣлалось какое-то движеніе, суматоха; люди засуетились и затопали. Капитанъ поспѣшилъ, по своей обязанности, вонъ изъ каюты, но прежде выглянулъ въ окно, чтобъ узнать, чтò такое случилось, да такъ и остался у окна. Я думалъ, не оборвалась ли снасть, или что-нибудь въ этомъ родѣ, и не трогался съ мѣста; но вдругъ слышу, многіе голоса кричатъ на ютѣ: «ташши, ташши!» а другіе: «нѣтъ, стой! не ташши, оборвется!»

Я бросился къ окну и вижу, на меня снизу смотритъ страшное, тупое рыло чудовища. Аршинахъ въ двухъ или трехъ отъ окна висѣла надъ водой пойманная, на толстый, пальца въ полтора, крюкъ, акула. Крюкъ вонзился ей въ верхнюю челюсть: она, отъ боли, открыла ротъ настежь. Мнѣ сверху далеко было видно въ глубину пасти, усаженной кругомъ бѣлыми, небольшими, но тонкими и острыми зубами. Вся челюсть походила на пилу. Акула была въ добрую сажень величиной. Хвостъ ея болтался въ водѣ, а все остальное выходило на поверхность. Она тихо покачивалась, отъ движенія веревки, оборачиваясь къ намъ, то спиной, то брюхомъ. Спина у ней темносиняго цвѣта, съ фіолетовымъ отливомъ, а брюхо ярко-бѣлое, точно густо-окрашенное мѣломъ. Она минутъ пять висѣла неподвижно, какъ-будто хотѣла дать намъ случай разглядѣть себя хорошенько; только большіе, черные, круглые глаза сильно ворочались, конечно отъ боли. Около хвоста безпокойно плавали взадъ и впередъ обычные спутники акулы, двѣ желтыя, съ черными полосами, небольшія

рыбы, прозванныя «лоцманами». Иногда ихъ плаваетъ съ нею по три и по четыре. Вдругъ акула зашевелилась, затряслась, далеко разбрасывая хвостомъ воду вокругъ. Она сгибалась въ кольцо, билась о корму, опять объ воду и снова повисла неподвижно.

Я съ жадностью смотрѣлъ на это зрѣлище, за которое, Богъ знаетъ, что̀ дали бы въ Петербургѣ. Я былъ, такъ сказать, въ первомъ ряду зрителей, и еслибъ дѣйствующимъ лицомъ было не это тупое, крѣпко-обтянутое непроницаемой кожей рыло, одаренное только способностью глотать, то я могъ бы читать малѣйшее ощущеніе страданія и отчаянія на сколько-нибудь болѣе органически развитой физіономіи.

Отъ тяжести акулы и отъ усилій ея освободиться, желѣзный крюкъ началъ по немногу разгибаться, веревка затрещала. Еще одно усиліе со стороны акулы—веревка не выдержала бы, и акула унесла бы въ море крюкъ, часть веревки и растерзанную челюсть. «Держи! держи! тащи скорѣе!» раздавалось между-тѣмъ у насъ надъ головой. «Нѣтъ, постой тащить!» кричали другіе, «оборвется; давай конецъ!» (*Конецъ* — веревка, которую бросаютъ съ судна шлюпкамъ, когда пристаютъ, и въ другихъ подобныхъ случаяхъ).

Акула пока отдыхала. Внутри ея, въ глубинѣ пасти, виднѣлись кости челюсти, потомъ блѣдноорозовое мясо, а далѣе пустое, темное пространство. Изъ конца сдѣлали широкую петлю и надѣли на акулу. «Вотъ такъ, вотъ такъ!» кричали одобрительно голоса наверху; «подъ крылья-то подцѣпи ей!» (Подъ крыльями матросы разумѣли плавательные ласты, которые, формой и величиной, въ-самомъ-дѣлѣ походятъ на крылья). Только лишь зацѣпили за крылья, акула была уже поймана. Ее стали тянуть кверху.

Тутъ она собрала всѣ силы и начала изгибаться и хлестать хвостомъ по воздуху, о корму, о висѣвшую у кормы шлюпку, обо все, что̀ было на пути. Я долженъ былъ посторониться отъ окна, потому-что конецъ хвоста попалъ и въ окно.

Но ничто не спасло ее, часъ ея пробилъ. «Прочь, прочь!» кричали на ютѣ, втаскивая туда акулу. Раздался тревожный топотъ людей, потомъ паденье тяжелаго тѣла и вслѣдъ затѣмъ удары въ палубу.

Мы съ К. бросились къ двери, чтобъ бѣжать на ютъ, но, отворивъ ее, увидѣли, что матросы кучей отступили отъ юта, ожидая, что акула сейчасъ упадетъ на шканцы. Ка̀къ выскочить? Ну, ежели она въ эту минуту... Но любопытство преодолѣло; мы выскочили и вбѣжали на ютъ.

Тамъ человѣкъ двадцать держали концы веревокъ, которыми было опутано чудовище. Оно билось о палубу, ползало и махало хвостомъ; всѣ разступались. А. А. К. схватилъ топоръ и нанесъ акулѣ ударъ ниже пасти — хлынула кровь и залила палубу; образовалась широкая, почти въ ладонь, рана. Кто-то еще проворно черкнулъ ее большимъ ножомъ по животу: оттуда вывалились внутренности, въ видѣ какихъ-то грязныхъ тряпокъ. Акула вдругъ присмирѣла. Тогда Б. Ш. взялъ гандшпугъ (это, почти въ руку толщиной, деревянный колъ, которымъ ворочаютъ пушки) и воткнулъ ей въ пасть: гандшпугъ ушолъ туда чуть не весь. Пасть оскалила четыре ряда зубовъ; нижняя челюсть судорожно шевелилась. Животное перевернули на спину и веревками привязали къ гику.

Мы толпой стояли вокругъ, матросы тѣснились тутъ же, другіе взобрались на ванты, всѣ наблюдали, не обнаружитъ ли акула признаковъ жизни, но признаковъ не

было. «Нѣтъ, ужь кончено», говорили нѣкоторые: «она вся изранена и издохла». Другіе, напротивъ, сомнѣвались и приводили примѣры живучести акулъ, и именно, что онѣ иногда, черезъ три часа послѣ мнимой смерти, судорожно откусывали руки и ноги неосторожнымъ.

Велѣли смыть съ палубы кровь. Явились матросы, съ водой и швабрами. Послѣ того одинъ изъ насъ взялъ топоръ и началъ рубить у акулы по немногу ласты, другой ножемъ дѣлалъ въ разныхъ мѣстахъ надрѣзы, такъ, ихъ любознательности, посмотрѣть, толста ли кожа и что̀ подъ ней. Пришелъ нашъ любитель-натуралистъ, присѣлъ около акулы и началъ щупать кожу, разсматривать подробно голову, глаза. Колъ изъ пасти вынули и полили окровавленную морду водой. Многіе, кому наскучило смотрѣть, разошлись. Пора бы убрать ее. Веревки развязали, перевернули акулу опять на животъ и хотѣли нести прочь. Кто-то вздумалъ еще поскоблить ножомъ ей спину: вдругъ она встрепенулась, хлестнула хвостомъ направо, налѣво; всѣ отскочили прочь; одинъ матросъ не успѣлъ, и ему достались два порядочные туза: одинъ по икрамъ, другой повыше... Онъ слетѣлъ съ ногъ; всѣ захохотали и снова принялись укрощать звѣря.

Но это не такъ легко было сдѣлать теперь, когда сняли съ него веревки и вынули изъ пасти колъ. Истерзанная, исколотая, съ висящими внутренностями, акула билась о палубу, извивалась змѣей, быстро и сильно описывала хвостомъ круги и все подвигалась къ краю. Никто не рѣшался подступить. Это было послѣднее благопріятное мгновеніе, которымъ она могла воспользоваться. Еще одинъ изгибъ, одинъ взмахъ хвоста посильнѣе, пока ходили за гандшпугомъ и топоромъ, она полетѣла бы за бортъ, и по-крайней-мѣрѣ околѣла бы въ своей стихіи. Но она на минуту при-

тихла, а наши снова принялись за колъ и топоръ. «Бей ее по головѣ!» кричали голоса, «да береги ноги: прочь, прочь!»

Ближе всѣхъ около нея вертѣлся тотъ матросъ, котораго она угостила двумя пинками. Онъ разсердился, или боль еще отъ пинковъ не прошла, только онъ съ коломъ гонялся за акулой, стараясь ударить ее по головѣ и забывая, что онъ былъ босикомъ и что ноги его чуть не касались пасти. Но взмахи хвоста были такъ порывисты, что попасть въ голову было трудно и удары все приходились по спинѣ, а это ей, повидимому, ни почемъ. Наконецъ матросу удалось попасть два раза и въ голову: акула измѣнила только направленіе, но все изгибалась и ползла такъ же скоро и сильно, какъ и прежде. Другой ударилъ топоромъ ниже головы: животное присмирѣло и поползло медленнѣе. «Руби голову, руби голову!» кричали ему. Матросъ нанесъ другой ударъ: она сильно рванулась впередъ; онъ ударилъ въ третій разъ: она рванулась еще, но слабѣе. «Нѣтъ, теперь шабашъ!» сказалъ онъ, отдѣляя четвертымъ ударомъ голову отъ туловища. Но и то не шабашъ: туловище еще продолжало неровно и медленно изгибаться, но все слабѣе и слабѣе, а голова судорожно шевелила челюстями. Въ туловище воткнули гандшпугъ и унесли. Всѣ разошлись.

Этимъ спектаклемъ ознаменовалось наше прощаніе съ тропиками, изъ которыхъ мы выходили въ то время и куда болѣе уже не возвращались.

Вечеромъ, идучи къ адмиралу пить чай, я остановился надъ люкомъ общей каюты посмотрѣть, съ чѣмъ это большая сковорода стоитъ на столѣ. «Не хотите ли попробовать жареной акулы?» спросили сидѣвшіе за столомъ. «Нѣтъ». —«Ну, такъ ухи изъ нея?»—«Вы шутите, сказалъ я, развѣ она годится?» «Отлично!» отвѣчали нѣкоторые. Но я послѣ узналъ, что тѣ именно и не дотрогивались до «отличнаго» блюда, которые хвалили его.

Кожа акулы очень цѣнится столярами для полировки дерева; кромѣ того, ею обиваютъ разныя вещи; въ Японіи обтягиваютъ сабли. Мнѣ одинъ японецъ подарилъ маленькій баулъ, обтянутый кожей акулы; очень красиво, похоже немного на тисненный сафьянъ. Мнѣ показали потомъ маленькую рыбку, въ четверть аршина величиной, найденную прилипшею къ спинѣ акулы и одного цвѣта со спиной. У насъ попросту называли ее «прилипалой». На одной сторонѣ ея былъ видѣлъ оттискъ шероховатой кожи акулы.

Вчера, 25 марта, видѣли китолова: топитъ печь, для выварки жира изъ пойманнаго кита. Пламя и дымъ далеко видны, какъ на пожарѣ. Сегодня вышли изъ тропиковъ, но все жарко. За-то штиль смѣнился попутнымъ вѣтромъ: летимъ до одинадцати узловъ. Что еще? да! обезьяна упала за бортъ и въ одно мгновеніе исчезла въ волнахъ. Ихъ всѣхъ три у насъ. Сегодня въ сумерки летала около фрегата какая-то птица, описывая круги все ближе и ближе. Видно, что она была утомлена и, вѣроятно, не надѣялась добраться домой. Два раза опускалась она въ шлюпку и опять улетала. Я ходилъ съ К. по юту. Птицы не стало видно. Вдругъ видимъ, ее несетъ уже къ намъ матросъ, сжавъ ей одной рукой шею, другой ноги. Птица оказалась «глупышъ», родъ морской утки, никуда негодной. Ее велѣли отнести къ Г.; тотъ отравляетъ животныхъ мышьякомъ и потомъ потрошитъ. Я возсталъ, назвавъ это предательствомъ, т. е. относительно глупыша: онъ искалъ убѣжища, а его хотятъ умертвить! Не слѣдуетъ. Пока его заперли въ курятникъ. Завтра, можетъ-быть, выпустятъ.

29 марта. Мы плаваемъ, плаваемъ, и все еще около трехсотъ миль остается до Гамильтона, маленькаго корейскаго острова, съ удобнымъ портомъ, гдѣ назначено ран-

деву шкунѣ. То дунетъ попутный вѣтеръ и мы пронесемся миль двѣсти впередъ, то настанетъ штиль, идемъ по три узла. Теперь вотъ третій день льетъ проливной дождь; выйти на *улицу* (такъ мы называли верхнюю палубу) нельзя. За-то тихо. Я радъ, что могу заняться дѣломъ. Стало замѣтно холоднѣе, какъ мы подвигаемся къ сѣверу, и дождь не южный, не лѣтній. Всѣ достаютъ суконныя платья.—Вчера матросъ поймалъ въ жилой палубѣ ядовитѣйшее изъ тропическихъ насѣкомыхъ—centipes, стоножку. Она красновата, длиной вершка полтора, суставчатая; у ней, однакожь, не сто ногъ, а всего двадцать четыре. Сначала я думалъ, что это шея рака. Укушеніе ея, если не принять скорыхъ мѣръ, смертельно. Она страшна людямъ; большія животныя бѣгутъ отъ нея; а ей самой страшенъ цыплёнокъ: онъ, завидѣвъ стоножку, бѣжитъ къ ней, начинаетъ клевать и съѣдаетъ всю, оставляя однѣ ноги.

У насъ, впрочемъ, есть всего понемножку, и особенно много развелось таракановъ; мы, вѣроятно, ихъ захватили въ Маниллѣ, или на Камигуинѣ. А теперь вотъ налетѣло къ намъ, въ туманъ и дождь, множество ласточекъ. Онѣ пробирались къ сѣверу, изъ жаркихъ мѣстъ въ умѣренныя. Непогода и ночь захватили ихъ далеко въ морѣ и онѣ стаей долго кружились около фрегата, каждый разъ все ближе и ближе, наконецъ сѣли, обезсиленныя, на палубу, въ шлюпки, на снастяхъ. Ихъ набрали множество и на другой день большую часть выпустили, накормивъ тараканами. Было довольно-ясно; онѣ кружились весело около фрегата и мало-по-малу исчезли. Тутъ же показались и воробьи: этимъ посыпали на шлюпку крупы; они наѣлись и улетѣли.

Но дунулъ холодъ, свѣжій вѣтеръ, и стоножки, тара-

каны — все исчезло. Взяли три рифа, а сегодня, 31-го марта утромъ, и четвертый. Гротъ взяли на гитовы и поставили грот-трисель. NO дуетъ съ холодомъ: вдругъ изъ тропиковъ, черезъ пять дней — чуть не въ морозъ! Нѣтъ и 10° тепла. Стихаетъ—слава Богу!

Мы въ шестидесяти миляхъ отъ Нагасаки; и туда дуетъ попутный вѣтеръ: но намъ не разсчетъ заходитъ теперь: надо прежде идти на Гамильтонъ.

4-е апрѣля. Наконецъ, 2-го апрѣля, пришли и на Гамильтонъ. Шкуна была ужь тамъ, а транспорта, который посланъ въ Шанхай, еще нѣтъ. Я вышелъ на ютъ, когда стали становиться на якорь, и смотрѣлъ на берегъ. Портъ, говорятъ наши моряки, очень удобный, а береговъ почти нѣтъ. Островишка весь три мили, скалистый, въ каменьяхъ, съ тощими кое-гдѣ кустиками и рѣденькими группами деревьевъ. «Это все камеліи», сказалъ К., командиръ шкуны: «матросы камеліями парятся въ банѣ, устроенной на берегу». Нѣкоторые изъ нашихъ тотчасъ поѣхали на берегъ. Я видѣлъ его издали—не заманчиво и я не торопился на него. Кое-гдѣ надъ сонными водами маленькихъ бухтъ жались въ кучу хижины корейцовъ. Видны были только соломенныя крыши, да изрѣдка кое-гдѣ бродили жители, всѣ въ бѣломъ, какъ въ саванахъ. Наконецъ намъ довелось увидѣть и этотъ послѣдній, принадлежащій къ крайневосточному циклу народъ.

Корею, въ политическомъ отношеніи, можно было бы назвать самостоятельнымъ государствомъ; она управляется своимъ государемъ, имѣетъ свои постановленія, свой языкъ: но государи ея, достоинствомъ равные степени королей, утверждаются на престолѣ китайскимъ богдыханомъ. Этимъ утвержденіемъ только и выражается зависимость Кореи отъ Китая, да развѣ еще тѣмъ, что изъ

Кореи ѣздятъ до двухсотъ человѣкъ ежегодно въ Китай поздравить богдыхана съ новымъ годомъ. Это похоже на зависимость отдѣленнаго сына, живущаго своимъ домомъ, отъ дома отца.

Къ сожалѣнію, до сихъ-поръ мало свѣдѣній о внутреннемъ состояніи и управленіи Кореи, о богатствѣ и произведеніяхъ страны, о нравахъ и обычаяхъ жителей.—О. А. сказывалъ мнѣ только, что обычай утвержденія корейскаго короля китайскимъ богдыханомъ досихъ-поръ соблюдается свято. Посланные изъ Кореи являются въ Пекинъ съ подарками и съ просьбою утвердить новаго государя. Богдыханъ обыкновенно утверждаетъ и, принявъ подарки, отдариваетъ посланныхъ гораздо щедрѣе. Впрочемъ онъ не впутывается въ ихъ дѣла. Когда однажды корейское правительство донесло китайскому, что оно велѣло прибывшимъ къ берегамъ Кореи, какимъ-то европейскимъ судамъ, кажется, англійскимъ, удалиться, въ подраженіе тому, какъ поступило съ этими же судами китайское правительство, богдыханъ приказалъ объявить корейцамъ, что «ему дѣла до нихъ нѣтъ и чтобы они распоряжались, какъ хотятъ».

Еще извѣстно, что китайцы и корейцы уговорились оставить нѣкоторое количество земель между обоими государствами незаселенными, чтобъ избѣжать близкаго между собою сосѣдства, и вмѣстѣ съ тѣмъ всякихъ поводовъ къ непріятнымъ столкновеніямъ и несогласіямъ обоихъ народовъ.

Когда наша шлюпка направилась отъ фрегата къ берегу, мы увидѣли, что изъ деревни бросилось бѣжать множество женщинъ и дѣтей къ горамъ, со всѣми признаками боязни. При выходѣ на берегъ, мужчины толпой старались не подпускать нашихъ къ деревнѣ, удер-

живая за руки и за полы. Но имъ написали по-китайски, что женщины могутъ быть покойны, что русскіе съѣхали затѣмъ только, чтобъ посмотрѣть берегъ и погулять. Корейцы уже не мѣшали ходить, но только старались удалить нашихъ отъ деревни.

Черезъ часъ наши воротились и привезли съ собой двухъ стариковъ, повидимому, старшинъ. За ними вслѣдъ пріѣхала корейская лодка, похожая на японскую, только безъ разрубленной кормы, съ другими тремя или четырьмя стариками и множествомъ простаго, босоногаго, нечесаннаго и неопрятнаго народа. И простой и непростой народъ—всѣ были одѣты въ бѣлые бумажные, или травяные (grasscloth) широкіе халаты, подъ которыми надѣты были другіе, замѣнявшіе бѣлье; кромѣ того, на всѣхъ надѣто было что-то въ родѣ шароваръ изъ тѣхъ же матерій, какъ халаты, у высшихъ бѣлые и чистые, а у низшихъ бѣлые, но грязные. На нѣкоторыхъ, впрочемъ немногихъ, были свѣтло-желтые, или синіе халаты.

Сандаліи у нихъ похожи на японскія, у однихъ тростниковыя, или соломенныя, у другихъ бумажныя. Всего замѣчательнѣе головной уборъ. Волосы они зачесываютъ, какъ ликейцы, со всѣхъ сторонъ кверху въ одинъ пучокъ, на который надѣваютъ шляпу. Что за шляпа! Тулья у ней такъ мала, что только и покрываетъ пучокъ, за то поля широки, какъ зонтикъ. Шляпы дѣлаются изъ какого-то тростника, сплетеннаго мелко, какъ волосъ, и въ-самомъ-дѣлѣ похожи на волосяныя, тѣмъ болѣе, что онѣ черныя. Трудно догадаться, зачѣмъ имъ эти шляпы? Онѣ прозрачны, не защищаютъ головы, ни отъ дождя, ни отъ солнца, ни отъ пыли. Впрочемъ много шляпъ и другихъ формъ и видовъ: есть и мочальныя, и колпаки изъ морскихъ растеній.

Я очень пристально вглядывался въ лица нашихъ гостей: какъ хотите, а это все дѣти одного семейства, т. е. китайцы, японцы, корейцы и ликейцы. Китайское семейство, какъ старшее и болѣе многочисленное, играетъ между ними первенствующую роль. Ошибиться въ этомъ сходствѣ трудно. Тогда какъ при первомъ взглядѣ на малайцовъ, напримѣръ, ни за что̀ не причтешь ихъ къ одному племени съ этими четырьмя народами. Корейцы болѣе похожи на ликейцевъ, но только тѣ малы, а эти, напротивъ, очень крупной породы. Они носятъ бороду; она у нихъ большею частью длинная и жесткая, какъ-будто изъ конскаго волоса; у однихъ она покрываетъ щеки и всю нижнюю часть лица, у другихъ, напротивъ, растетъ на самомъ подбородкѣ. Многіе носятъ большія очки въ мѣдной оправѣ, съ тесемкой вокругъ головы. Кажется, они носятъ ихъ не отъ близорукости, а отъ глазной болѣзни. Въ толпѣ я замѣтилъ множество страждущихъ глазами.

Въ 1786 году появилось въ Едо сочиненіе японца *Ринсифе*, подъ заглавіемъ: *Главное обозрѣніе трехъ царствъ*, ближайшихъ къ Японіи — *Кореи*, *Лю-цю* (Лю-чу) и *Есо* (Матсмая). Клапротъ какъ-то досталъ сочиненіе, обогатилъ разными прибавленіями изъ китайскихъ географій и перевелъ на французскій языкъ. Между-прочимъ тамъ о корейцахъ сказано: «корейцы роста высокаго и сложенія гораздо крѣпче японцевъ и китайцевъ и другихъ народовъ. Замѣчено, что кореецъ ѣстъ вдвое больше японца. Корейцы отличаются лукавствомъ, лѣностью, упрямствомъ и не любятъ *усилій*».

Гостей посадили за столъ и стали подчивать чаемъ, хлѣбомъ, сухарями и ромомъ. Потомъ завязалась съ ними живая, письменная бесѣда на китайскомъ языкѣ. Они такъ проворно писали, что глаза не поспѣвали слѣдить за кистью.

Прежде всего они спросили «какіе мы вар[illegible] сѣверные или южные?» А мы имъ написали, чтобъ они привезли намъ куръ, зелени, рыбы, а у насъ взяли бы деньги за это, или же ромъ, полотно и тому подобные предметы. Старикъ взялъ эту записку, надулся, какъ пѣтухъ, и съ комическою важностью, съ амфазомъ, на-распѣвъ, началъ декламировать написанное. Это отчасти напоминало мѣрное пѣніе нашихъ нищихъ о Лазарѣ. Потомъ прочитавъ, старикъ написалъ по-китайски въ отвѣтъ, что «*почтенныхъ* куръ у нихъ нѣтъ». А неправда: наши видѣли куръ.

Прочіе между-тѣмъ ѣли хлѣбъ и пили чай. Одинъ пальцомъ полѣзъ въ масло, другой откусивъ кусочекъ хлѣба, совалъ остатокъ кому-нибудь изъ насъ въ ротъ. Третій выпилъ двѣ рюмки голаго рома, одну за другою, и не поморщился. Прочіе трогали насъ за платье, за бѣлье, за сапоги, гладили рукой сукно, которое, повидимому, очень нравилось имъ. Особенно обратили они вниманіе на бѣлизну нашей кожи. Они брали насъ за руки и не могли отвести отъ нихъ глазъ, хотя у самихъ руки были слегка смуглы и даже чисты, то-есть у высшаго класса. У простаго, рабочаго народа—другое дѣло: какъ вездѣ.

Старику повторили, что мы не даромъ хотимъ взять провизію, а вотъ за такія-то вещи. Онъ прочиталъ опять названіе этихъ вещей, поглядѣлъ на насъ немного, потомъ сказалъ: «пудди». Что это значитъ: нельзя? не хочу? Его попросили написать слово это по-китайски. Онъ написалъ: вышло «не знаю». Думали, что онъ не понялъ, и показали ему кусокъ коленкора, ромъ, сухари: «пудди, пудди», твердилъ онъ. Обратились къ другому, бойкому и рябому корейцу, который съ удивительнымъ проворствомъ писалъ по-китайски. Онъ прочиталъ записку и, сосчитавъ пальцомъ всѣ слова въ запискѣ, которыми означались матерія, хлѣбъ, водка, сказалъ: «пудди».

Передали записку третьему. «Пудди, пудди», твердилъ тотъ задумчиво. О. А. пустился въ новыя объясненія: старикъ долго и внимательно слушалъ, потомъ вдругъ живо замахалъ рукой, какъ-будто догадался, въ чемъ дѣло. «Ну, понялъ наконецъ», обрадовались мы. Старикъ взялъ О. А. за рукавъ и, схвативъ кисть, опять написалъ «пудди». «Ну, видно не хотятъ дать», рѣшили мы, и больше къ нимъ уже не приставали.

Вообще они грубѣе видомъ и пріемами японцевъ и ликейцевъ, несмотря на то, что у всѣхъ одна цивилизація —китайская. Впрочемъ мы въ Кореѣ не видали людей высшаго класса. Говоря о бытѣ этихъ народовъ, упомяну мимоходомъ, между прочимъ о существенной разницѣ, во внутреннемъ убранствѣ домовъ китайскихъ, съ домами прочихъ трехъ народовъ. Китайцы въ домахъ у себя имѣютъ мёбель, столы, кресла, постели, табуреты, скамеечки и проч., тогда-какъ прочіе три народа сидятъ и обѣдаютъ на полу. Оттого эти, чтобъ не запачкать пола, который служитъ имъ вмѣстѣ и столомъ, при входѣ въ комнаты, снимаютъ туфли, а китайцы нѣтъ.

Корейцы увидѣли образъ Спасителя въ каютѣ; и когда, на вопросъ ихъ, «кто это», успѣли кое-какъ отвѣчать имъ, они встали съ мѣстъ своихъ и начали низко и благоговѣйно кланяться образу. Между-тѣмъ набралось на фрегатъ около ста человѣкъ корейцовъ, такъ-что принуждены были больше не пускать. Долго просидѣли они и наконецъ уѣхали.

Довольно бы и этого. Однако нужно было хоть разъ съѣздить на берегъ, ступить ногой на корейскую землю. Вчера насъ человѣкъ шесть, семь, отправились въ катерѣ къ одной изъ деревень. У двоихъ изъ насъ были ружья стрѣлять птицъ, третій взялъ пару пистолетовъ. На бе-

регу густая толпа сжалась около насъ, стараясь отклонить отъ деревни. Но мы легко раздвинули ихъ, давъ знать, что цѣль наша была только пройти черезъ деревню въ поля, на холмы. Видя, что съ нами нѐчего дѣлать, они предпочли вести насъ добровольно, нежели предоставить намъ бродить, гдѣ вздумается. Мы все хотѣли идти внутрь села, а они вели насъ по окраинамъ. Впрочемъ у насъ у самихъ тотчасъ же пропала охота углубляться въ улицы, шириною въ два шага.

Мы шли между двухъ заборовъ, грубо сложенныхъ изъ неровныхъ камней, безъ всякаго цемента. Изъ-за заборовъ видны были только соломенныя крыши и больше ничего. Какая разница въ этихъ заборахъ съ постройками этого рода у ликейцевъ! Тамъ тщательность, терпѣніе, порядокъ и искусство; здѣсь лѣнь, небрежность и неумѣнье. Должно быть, корейцы въ самомъ дѣлѣ не любятъ «усилій». Когда мы пытались заглянуть за заборъ, или входили въ ворота— какой шумъ поднимали корейцы! Они даже удерживали насъ за полы, а иногда и толкали довольно-грубо. Но за это ихъ били по рукамъ и они тотчасъ же смирялись и походили на собакъ, которыя идутъ сзади прохожихъ, сгорая желаніемъ укусить, да не смѣютъ.

Они успокоились, когда мы вышли черезъ узенькіе переулки въ поле и стали подниматься на холмы. Большая часть послѣдовала за нами. Они стали тутъ очень услужливы, указывали удобныя тропинки, рвали намъ цвѣты, показывали хорошіе виды.

Мы шли по полямъ, засѣяннымъ пшеницей и ячменемъ; кое-гдѣ, но очень мало, видѣнъ былъ рисъ, да кусты камелій, а то все утесы и камни. Все обнажено и смотритъ бѣдно и печально. Немудрено, что жители не могли дать намъ провизіи: едва-ли у нихъ столько

было у самихъ, чтобъ не умереть съ голоду. Они мочатъ и ѣдятъ морскую капусту, выбрасываемую приливомъ, также ракушки. Сегодня привезли намъ десятка два рыбъ, четыре боченка воды, да старикъ вынулъ изъ-за пазухи свертокъ бумаги, съ сушеными трепангами (родъ морскихъ слизняковъ, съ шишками). Ему подарили кусокъ синей бумажной матеріи и примочку для сына, у котораго болятъ глаза.

Погулявъ по сѣверной сторонѣ островка, гдѣ есть двѣ красивыя, какъ два озера, бухты, обсаженныя деревьями, мы воротились въ село. Охотники наши застрѣлили дорогой три, или четыре птицы. Въ селѣ на берегу разостланы были цыновки; на нихъ сидѣли два старика, бывшіе уже у насъ, и пригласили сѣсть и насъ. Почти всѣ жители села сбѣжались смотрѣть на рѣдкихъ гостей.

Они опять подробно осматривали насъ, трогали платье, волосы, кожу на рукахъ; съ меня сняли ботинки, осмотрѣли ихъ, потомъ чулки, зонтикъ, фуражку. Разговоръ шелъ по-китайски, письменно, чрезъ О. А. и Г. «Сколько вамъ лѣтъ?» спрашивали они кого-нибудь изъ нашихъ. «Лѣтъ 30—40», отвѣчали имъ. «Помилуйте», заговорили они «мы думали, вамъ лѣтъ 60 или 70». Это крайне—восточный комплиментъ. «Вамъ должно быть лѣтъ 80, вы мнѣ годитесь въ отцы и въ дѣды» — сказать такъ, значитъ польстить. Они, между-прочимъ, спросили, долго ли мы останемся. «Если долго», сказали они, «то мы, по закону нашей страны, обязаны угостить васъ, отъ имени правительства, обѣдомъ». Совершенно какъ у японцевъ; но имъ отвѣчали, что чрезъ два дня мы уйдемъ и потому угощенія ихъ принять не можемъ.

Въ толпѣ я видѣлъ одного корейца, съ четками въ ру-

кахъ: кажется, буддійскій бонзъ. На головѣ у него мочальная шапка.

5-е апрѣля. Вчера случилась маленькая непріятность. Трое изъ нашихъ отправились на берегъ. Толпа корейцовъ окружила ихъ и не пускала идти отъ берега далѣе. Они грозили имъ и даже толкали ихъ въ ровъ. Наши воротились на фрегатъ, но отправились обратно уже въ сопровожденіи вооруженныхъ матросовъ; надо было прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Сегодня старикъ пріѣхалъ рано утромъ и написалъ предлинное извиненіе, говоря, что онъ огорченъ случившимся; жалѣетъ, что мы не можетъ указать виновныхъ, что ихъ бы наказали весьма строго; просилъ не сердиться и оправдывался незнаніемъ корейцевъ о томъ, что̀ дѣлается «внутри четырехъ морей», т. е. на бѣломъ свѣтѣ. Его и товарищей, бывшихъ съ нимъ, угостили чаемъ, водкой и сухарями, и простились съ ними надолго, если не навсегда.

Въ-самомъ-дѣлѣ, имъ не откуда знать, что̀ дѣлается «внутри четырехъ морей». Европейцы почти не посѣщали Корею. Послѣдній былъ здѣсь Бельчеръ, кажется, въ 1842 году. Это отважный путешественникъ и бойкій писатель: онъ живо описываетъ свои путешествія. Онъ два раза обошелъ вокругъ земли и теперь странствуетъ въ полярныхъ странахъ. Путешествія его—рядъ приключеній, одно занимательнѣе другаго. Чего съ нимъ не было? Никто столько не выдерживалъ штормовъ; въ ураганъ онъ долженъ былъ срубить въ Гон-Конгѣ мачты; гдѣ-то на Борнео его положило на бокъ, и онъ, недѣли въ три, безъ посторонней помощи, всталъ опять. Это настоящій морской волкъ. Кромѣ того, онъ увлекательно разсказываетъ свои приключенія. Онъ всюду совался съ своимъ фрегатомъ; между-прочимъ заходилъ и въ Корею, описалъ островокъ Гамильтонъ,

былъ на сосѣднемъ большомъ островѣ Квельпартъ, гдѣ, говоритъ онъ, есть города, крѣпости и большое народонаселеніе. Кругомъ насъ по горизонту вездѣ разбросаны острова. Корейскій архипелагъ неисчислимъ. Корея еще представляетъ обширную, почти нетронутую почву, для мореходцевъ, купцовъ, миссіонеровъ и ученыхъ.

Наконецъ мы, болѣе или менѣе, видѣли четыре націи, составляющія почти весь крайній востокъ. Съ однѣми имѣли ежедневныя и важныя сношенія, съ другими познакомились поверхностно, у третьихъ были въ гостяхъ, на четвертыхъ мимоходомъ взглянули. Всѣ четыре народа принадлежатъ къ одному семейству, если не по происхожденію, какъ увѣряютъ нѣкоторые, производя, напримѣръ, японцевъ отъ курильцовъ, то по воспитанію, этому второму рожденію, по культурѣ, потомъ по нравамъ, обычаямъ, отчасти языку, вѣрѣ, одеждѣ и такъ далѣе.

Всѣ эти народы образуютъ одну общую физіономію, характеръ, складъ ума, словомъ, общую нравственную жизнь въ главныхъ ея чертахъ, но съ безчисленными оттѣнками, которыми одинъ народъ отличается отъ другаго. Но что̀ это за физіономія! что̀ за жизнь! Я съ бо̀льшей отрадой смотрѣлъ на каффровъ и негровъ въ Африкѣ, на малайцевъ по островамъ Индійскаго океана, но съ глубокой тоской слѣдилъ въ китайскихъ кварталахъ за общимъ потокомъ китайской жизни, наблюдалъ подробности и попадавшіяся мнѣ ближе личности, слушалъ разсказы другихъ, бывалыхъ и знающихъ людей. Каффры, негры, малайцы—нетронутое поле, ожидающее посѣва; китайцы и ихъ родственники японцы—истощенная, непроходимо-заглохшая нива. Китайцы старшіе братья въ этой семьѣ; они надѣлили цивилизаціею младшихъ. Вы знаете, что̀ такое эта цивилизація, на чемъ

она остановилась, какъ одряхлѣла и разошлась съ жизнью и парализуетъ до-сихъ-поръ всѣ силы огромнаго народонаселенія юговосточной части азіатскаго материка съ японскими островами.

Что̀ можетъ оживить эту истощенную почву? какія новыя силы нужно, чтобъ вновь дать броженіе огромной, перегнившей массѣ силъ? Вспомните, сколько различныхъ элементовъ столпилось на нашемъ маленькомъ европейскомъ материкѣ, когда старые соки перебродились, сколько новыхъ жилъ открылось и впустило туда свѣжей и молодой крови? Теперь посмотрите, какая работа кипитъ ближе къ намъ, чтобъ растолкать уснувшій и обезсилѣвшій Востокъ, отъ Босфора до Аравійскаго залива. Что̀ это передъ здѣшней массой народонаселенія? Однако работа начинается, но трудная, и пока неблагодарная. Она началась выбрасываніемъ старыхъ, сгнившихъ корней, сорныхъ травъ.

Нельзя было Китаю жить долѣе, какъ онъ жилъ досихъ-поръ. Онъ не шелъ, не двигался, а только конвульсивно дышалъ, павъ подъ бременемъ своего истощенія. Нѣтъ единства и цѣлости, нѣтъ условій органической государственной жизни, необходимой для движенія такого огромнаго цѣлаго. Политическое начало не скрѣпляетъ народа въ одно нераздѣльное тѣло, присутствіе религіи не согрѣваетъ тѣла внутри.

У китайцевъ нѣтъ національности, патріотизма и религіи — трехъ началъ, необходимыхъ для непогрѣшительнаго движенія государственной машины. Есть китайцы, но націи нѣтъ; въ ихъ языкѣ нѣтъ даже слова *отечество*, какъ сказывалъ мнѣ одинъ нашъ синологъ.

Все это странно, хотя не совсѣмъ ново, если вспомнить браминскую Индію и языческій Египетъ: они одрях-

лѣли, и надо было занять имъ силъ и жизни у другихъ, какъ истощенному полю нужно перемѣнить посѣвъ. Вы знаете, что̀ сдѣлалось или что̀ дѣлается съ Индіей; подъ какимъ посѣвомъ и ка̀къ трудно возраждается это поле для новыхъ всходовъ, и Египетъ тоже. Китай дряхлѣе ихъ обоихъ и, слѣдовательно, еще менѣе подаетъ надежды на возрожденіе самъ собой. Напутствованные на жизнь немногими, скоро оскудѣвшими при развитіи жизненныхъ началъ, нравственными истинами, китайцы едва достигли отрочества и состарѣлись. Въ нихъ успѣло развиться и закоренѣть индивидуальное и семейное начало и не дозрѣло до жизни общественной и государственной, или если и созрѣло когда-нибудь, то, можетъ быть, затерялось въ безграничномъ размноженіи народной массы, дѣлающемъ невозможною—ни государственную, никакую другую централизацію.

Послѣ семейства, китаецъ преданъ кругу частныхъ своихъ занятій. Нигдѣ такъ не примѣнима русская пословица: «до Бога высоко, до царя далеко», какъ въ Китаѣ, нужды нѣтъ, что богдыханъ собственноручно запахиваетъ каждый годъ однажды землю, экзаменуетъ ученыхъ и т. п. Китайцы знаютъ, что это шутка, и что между правительствомъ и народомъ лежитъ бездна. Законовъ правда множество, а исполнителей ихъ еще больше, но и это опять-таки шутка, комедія, сознательно разыгрываемая обѣими сторонами. Законы давно умерли, до того разошлись съ жизнію, что мѣсто ихъ заступила цѣлая система, своего рода тарифъ оплаты за отступленія отъ законовъ. Отъ того, китаецъ дѣлаетъ, что хочетъ: если онъ чиновникъ, онъ беретъ взятки съ низшихъ и даетъ самъ ихъ высшимъ; если онъ солдатъ, онъ беретъ жалованье и лѣнится и съ поля сраженія бѣгаетъ: онъ не думаетъ, что онъ служитъ,

чтобы воевать, а чтобъ содержать свое семейство. Купецъ знаетъ свою лавку, земледѣлецъ—поле и тѣхъ, кому сбываетъ свой товаръ. Всѣ они дѣйствуютъ безъ соображеній о цѣлости и благѣ государства, оттого у нихъ нѣтъ ни корпорацій, нѣтъ никакихъ общественныхъ учрежденій, оттого у нихъ такая склонность къ эмиграціи. Провинціи мало сообщаются между собою; дорогъ почти нѣтъ, за исключеніемъ рѣкъ и нѣсколька каналовъ. Если надо везти товаръ, купецъ нанимаетъ людей и кое-какъ прокладываетъ себѣ тропинку. Затѣмъ уже китайцы равнодушны ко всему. На лицѣ апатія, или мелкія будничныя заботы. Да и о чемъ заботиться? Двигаться впередъ не нужно: все готово...

Отъ Бога китайцы еще дальше, нежели отъ царя. Послѣдователи древней китайской религіи не смѣютъ молиться небеснымъ духамъ: это запрещено. Молится за всѣхъ богдыханъ. А буддисты нанимаютъ молиться бонзъ и затѣмъ уже сами въ храмы не заглядываютъ.

Въ наукѣ и искусствѣ отразилась та же мелочность и неподвижность. Ученость съ-поконъ-вѣка одна и та же; истины написаны разъ, выучены и не измѣняются никогда. У ученыхъ перемололся языкъ; они впали въ дѣтство и стали посмѣшищемъ у простаго, живущаго безъ ученыхъ, а только здравымъ смысломъ народа. Художники корпятъ надъ пустяками, вырѣзываютъ изъ дерева, изъ орѣховой скорлупы, свои сады, бесѣдки, лодки, рисуютъ, точно иглой, цвѣты, да разноцвѣтныя платья, что̀ рисовали пятьсотъ лѣтъ назадъ. Занять иныхъ образцовъ не откуда. Всѣ собственные источники исчерпаны, и жизнь похожа на однообразный, тихо, по каплѣ льющійся каскадъ, подъ журчанье котораго дремлется, а не живется.

Но я гулялъ по узкой тропинкѣ между Европой и Ки-

таемъ, и видѣлъ какъ сходятся двѣ руки: одна рука слѣпца, ищетъ уловить протянутую ей руку зрячаго; я гулялъ между европейскими домами и китайскими хижинами, между кораблями и джонками, между христіанскими церквами и кумирнями.—Работа кипитъ: одни корабли приходятъ съ экземплярами Новаго Завѣта, курсами наукъ на китайскомъ языкѣ, другіе съ ядами всѣхъ родовъ, отъ самыхъ грубыхъ до тонкихъ. Я слышалъ выстрѣлы; съ обѣихъ сторонъ мѣнялись ядрами. Что будетъ изъ всего этого? Что привьется скорѣе: спасеніе, или ядъ — неизвѣстно, но, во всякомъ случаѣ, реформа начинается. Инсургенты уже идутъ тучей возстановлять старую, законную династію, называютъ себя христіанами, очень сомнительными конечно, какими-то эклектиками; но наконецъ поняли они, что успѣхъ возможенъ для нихъ не иначе, какъ подъ знаменемъ христіанской цивилизаціи — и то много значитъ. Они захватили христіанство, и съ востока и съ запада, отъ католическихъ монаховъ, и отъ протестантовъ, и отъ бродягъ, пробравшихся чрезъ азіятскій материкъ.

Японцы народъ болѣе тонкій, и пожалуй, болѣе развитой: и не мудрено — ихъ вдесятеро меньше, нежели китайцевъ. Притомъ они замкнуты на своихъ островахъ — и для правительственной власти не особенно трудно стройно управлять государствомъ. Тамъ хитро созданная и глубоко обдуманная система государственной жизни несокрушима безъ внѣшняго вліянія. И всѣ зависятъ отъ этой системы, и самая верховная власть. Она первая падетъ, если начнетъ сокрушать систему. Китайцы заразили, и ихъ, и корейцевъ, и ликейцевъ, своею младенчески-старческою цивилизаціею и тою же системою отчужденія, отъ которой сами, живучи на материкѣ, освободились раньше. Японцы надежнѣе китайцевъ къ воздѣланію: если падетъ ихъ си-

стема, они быстро очеловѣчатся и теперь сколько залоговъ на успѣхъ! Молодые сознаютъ, что все свое перебродилось у нихъ и требуетъ освѣженія извнѣ.

Японецъ имѣетъ общее съ китайцемъ то, что онъ тоже эгоистъ, но съ другой точки зрѣнія: какъ у того нѣтъ сознанія о государственномъ началѣ, о центральной, высшей власти, такъ у этого, напротивъ, оно стоитъ выше всего; но это только отъ страха. У него сознаніе это происходитъ, не изъ свободнаго стремленія содѣйствовать общему благу и проистекающаго отъ того чувства любви и благодарности къ той власти, которая несетъ на себѣ заботы объ этомъ благѣ. Ему просто страшно; онъ всегда боится чего-нибудь: промаха съ своей стороны, или клеветы, и боится неминуемаго, слѣдующаго за тѣмъ наказанія. Онъ знаетъ, что правительственная система дѣйствуетъ непогрѣшительно, что за нимъ слѣдятъ и смотрятъ строго и что ему не избѣжать кары. Китаецъ немного заботится объ этомъ, потому-что эта система тамъ давно подорвана равнодушіемъ къ общему благу и эгоизмомъ: тамъ одинъ не боится другаго: подчиненный, какъ я сказалъ выше, беретъ подарки съ своего подчиненнаго, а тотъ съ своего, и всѣ дѣлаютъ что̀ хотятъ.

Что касается ликейцевъ, то для нихъ много пятнадцати, двадцати лѣтъ, чтобъ сбросить свои халаты и перемѣнить бамбуковыя палки и вѣера на ружья и сабли и стать людьми, какъ всѣ. Ихъ мало; они слабы; оторвись только отъ Японіи, которой они теперь еще боятся—и все быстро измѣнится, какъ измѣнилось на Сандвичевыхъ островахъ, напримѣръ.

Вотъ какія мысли приходили мнѣ въ голову, когда, вспоминая читанное и слышанное о Китаѣ, я взглядывался въ житье-бытье этихъ народовъ! Можетъ-быть, сино-

логи, особенно синофилы, возразятъ многое на это, но я не выдаю сказаннаго за непремѣнную истину. Мнѣ такъ казалось...

Завтра снимаемся съ якоря и идемъ на недѣлю въ Нагасаки, а потомъ, мимо корейскаго берега, въ Сахалину и далѣе, въ наши владѣнія. Теперь рано туда: тамъ еще льды. Здѣсь даже, на южномъ корейскомъ берегу, подъ 34 градусомъ широты, такъ холодно, какъ у насъ въ это время въ Петербургѣ, тогда-какъ въ этой же широтѣ на западѣ, на Мадерѣ напримѣръ, въ январѣ прошлаго года было жарко. На то востокъ.

Я забылъ сказать, что 2-го же апрѣля, въ одинъ день съ нами, пришелъ на островъ Гамильтонъ и нашъ транспортъ. Новости изъ Европы всѣ тѣ же, что̀ мы получили и въ Маниллѣ, за-то изъ Шанхая много новаго. Я предвидѣлъ, что безъ вмѣшательства европейцевъ не обойдется; такъ и вышло: войска Таутая-Самква надѣлали безпорядковъ. Это куча сволочи безъ дисциплины; скорѣе разбойники, нежели войска. Въ Шанхаѣ стало небезопасно ходить по вечерамъ: изъ лагеря приходили въ европейскій кварталъ кучами солдаты и нападали на прохожихъ; между-прочимъ они напали на одного англичанина, который вечеромъ гулялъ съ женой. Они потащили лэди въ лагерь; англичанинъ сталъ защищать жену и получилъ одиннадцать ранъ, между-прочимъ одну довольно-опасную. Къ нему подоспѣли на помощь другіе европейцы и прогнали негодяевъ. Это подняло на ноги всѣхъ англичанъ, моряковъ и молодыхъ конторщиковъ. Они вооружились винтовками, пистолетами, даже взяли одно орудіе и отправились къ лагерю, бросили въ него нѣсколько гранатъ и многихъ убили.

Потомъ всѣ европейскіе консулы, и американскій тоже,

дали знать Таутаю, чтобъ онъ снялъ свой лагерь и перенесъ на другую сторону. Теперь около осажденнаго города и европейскаго квартала все чисто. Но европейцы уже не считаютъ себя въ безопасности: они ходятъ не иначе, какъ кучами и вооруженные. Купцы въ своихъ конторахъ сидятъ за бюро, а подлѣ лежитъ заряженный револьверъ. Богъ знаетъ, чѣмъ это все кончится.

Сегодня хотѣли сняться, да вѣтеръ противный. Мы говѣемъ: теперь страстная недѣля.

Снялись на другой день, 7-го апрѣля, въ 3 часа пополудни, а 9-го, во второмъ часу, бросили якорь на нагасакскомъ рейдѣ. Переходъ былъ отличный, тихо, какъ въ рѣкѣ. Японцы вѣрить не хотѣли, что мы такъ скоро пришли; а тутъ всего 180 миль разстоянія.

Оппер-баніосъ *Ойе-Саброски* захохоталъ, частью отъ удовольствія, частью отъ глупости, опять увидя всѣхъ насъ. *Кичибе*, по прежнему, присѣдалъ, кряхтѣлъ и заливался истерическимъ смѣхомъ, передавая намъ просьбу нагасакскаго губернатора не подъѣзжать на шлюпкахъ къ батареямъ. Онъ также, на вопросъ нашъ, не имѣетъ ли губернаторъ объявить намъ чего-нибудь отъ своего начальства, сказалъ, что «изъ Едо.... отвѣта.... nit erhalten, не получено».

Другой переводчикъ, *Эйноске*, былъ въ Едо и возился тамъ «съ людьми Соединенныхъ-Штатовъ». Мы узнали, что эти «люди» ведутъ переговоры мирно; что ихъ точно такъ же провожаютъ въ прогулкахъ лодки и не пускаютъ на берегъ и т. п. Еще узнали, что у нихъ одинъ пароходъ приткнулся къ мели и началъ было погружаться на рейдѣ; люди уже бросились на японскія лодки, но пробитое отверстіе успѣли заткнуть. Американцы въ Едо не были, а только въ его заливѣ, который мелководенъ, ..

на судахъ къ столицѣ верстъ за тридцать подойти нельзя.

Между-тѣмъ въ Маниллѣ, въ англійской или американской газетѣ, я видѣлъ рисунки домовъ и храмовъ въ Едо, срисованныхъ будто бы офицеромъ съ эскадры Перри, срисованныхъ, забыли прибавить, съ картинокъ Зибольда. Не говорю уже о томъ, какъ раскудахтались газеты объ успѣхахъ американцевъ въ Японіи, о торговомъ трактатѣ. Имъ открыли три порта — это можетъ-быть, даже вѣроятно, правда: открыли порты для снабженія водой, углемъ, провизіею; но отъ этого до настоящей, правильной торговли еще не одинъ шагъ. Что̀ еслибъ мы заголосили о своихъ успѣхахъ въ Японіи и представили ихъ въ квадратѣ? вѣдь вышло бы, что ужь давно и торгуемъ тамъ.

Провизію губернаторъ рѣшилъ доставлять самъ, а не чрезъ голландцевъ, и притомъ безъ платы; все это затѣмъ, чтобъ доставка провизіи какъ можно менѣе походила на торговлю. Японцамъ страхъ хотѣлось поправить первый свой промахъ; словомъ, онъ хотѣлъ мѣрами своими противъ насъ выслужиться у своего начальства. Это былъ второй губернаторъ, *Мизно Чикогоно ками-сама*, который до-сихъ-поръ дѣйствовалъ, какъ подъ опекой перваго, *Овосавы Бунгоно ками-сама*. Тотъ уѣхалъ съ полномочными въ Едо, а этому хотѣлось показать, что онъ и одинъ умѣетъ распорядиться. Но ему объявили, что провизію мы желаемъ получать по прежнему т. е. съ платою, чрезъ голландцевъ, а если прямо отъ японцевъ, то не иначе, какъ чтобъ и они принимали каждый разъ равноцѣнные подарки.

Такой способъ перепугалъ губернатора, потому-что походилъ на мѣновую торговлю непосредственно съ са-

мими японцами. Нечего было дѣлать: его превосходительство прислалъ сказать, что переводчики перепутали — это обыкновенная ихъ отговорка, когда они попробуютъ какую-нибудь мѣру и она не удается — что онъ согласенъ на доставку провизіи голландцами, по прежнему, и проситъ только принять нѣкоторое количество ея въ подарокъ, за который онъ готовъ взять контр-презентъ. Онъ не упомянулъ ни слова о томъ, что вчера японскія лодки вздумали мѣшать кататься нашимъ шлюпкамъ и стали тѣснить ихъ. Наши отталкивались, пока могли, наконецъ З. врѣзался съ своей шлюпкой въ средину ихъ лодокъ, такъ-что у одной отвалился носъ, который и былъ привезенъ на фрегатъ.

Ночью въ первомъ часу пріѣхалъ Ойе Саброски объясниться по этому случаю.

Нагасаки на этотъ разъ смотрѣли какъ-то печально. Зелень на холмахъ блѣдная, на деревьяхъ тощая, да и холодно, нужды нѣтъ что апрѣль, холоднѣе, нежели въ это время бываетъ даже у насъ, на сѣверѣ. Мы начинаемъ гулять въ легкихъ пальто, а здѣсь еще зимній воздухъ, и Кичибе вчера сказалъ, что теплѣе будетъ не раньше, какъ черезъ мѣсяцъ.

Сегодня 11-е апрѣля—Пасха; была служба какъ слѣдуетъ: собрались къ обѣднѣ со всѣхъ трехъ судовъ; потомъ разгавливались. Выписали яицъ изъ Нагасаки, выкрасили и христосовались. На столѣ появились окорока, ростбифы, куличи—праздникъ, какъ праздникъ, точно на берегу!

12-го апрѣля, кучами возятъ провизію. Сегодня пригласили Ойе Саброски и переводчиковъ обѣдать, но они, вмѣсто двухъ часовъ, пріѣхали въ пять. Я не видалъ ихъ; говорятъ, ѣли много. Ойе ѣлъ мясо въ первый разъ въ

жизни и въ первый же разъ, видя горчицу, вдругъ, прежде нежели могли предупредить его, съѣлъ ея цѣлую ложку: у него покраснѣлъ лобъ и выступили слезы. Губернатору послали четырнадцать аршинъ сукна, мѣдный самоваръ и боченокъ солонины, вмѣсто его подарка. Послѣ завтра хотятъ сниматься съ якоря, идти къ берегамъ Сибири.

14-е. Вчера привезли остальную провизію и прощальные подарки отъ губернатора: зелень, живность и проч. Японцы пили у адмирала чай. Имъ показывали, какъ употребляютъ самовары, которыхъ подарили имъ нѣсколько.

Вечеромъ наши матросы плясали и пѣли. Съ лодокъ набралось много простыхъ японцевъ, гребцовъ и слугъ; они съ удивленіемъ, разинувъ рты, смотрѣли. какъ двое, рулевой, съ русыми, загнутыми кверху усами и строгимъ, неулыбающимся лицомъ, и другой, съ черными бакенбардами, пожилой боцманъ, съ гремушками въ рукахъ, плясали долго и неистово, какъ-будто работали трудную работу. Одинъ, уставъ, останавливался, какъ вкопаный; другой въ ту жь минуту начиналъ припрыгивать, сначала тихо, потомъ все скорѣе и скорѣе, глядя внизъ и переставляя ноги, одну вмѣсто другой, потомъ быстро падалъ и прыгалъ въ присядку; изрѣдка вскрикивая; хоръ пѣлъ: прочіе всѣ молча и серьезно смотрѣли. Японцы не отходили. По окончаніи, и они также молча, безъ улыбки, разошлись, какъ и самые пѣвцы и плясуны.

15-е. Вчера одинъ японецъ увидѣлъ у меня сигарочницу изъ манильской соломы; онъ долго любовался ею. Я предложилъ ее въ подарокъ ему; онъ сначала отнѣкивался, потомъ, по моему настоянію, взялъ и положилъ за пазуху. Мы съ П. удивились, какъ это онъ рѣшился взять, да еще при другихъ. Но скоро перестали удив-

ляться: воротясь въ каюту, мы нашли сигарочницу на диванѣ, на которомъ сидѣли японцы. Скучный народъ: нельзя ничего спросить—соврутъ, или промолчатъ. Заболѣлъ Кичибе и не пріѣхалъ. Мы спросили, чѣмъ онъ болѣнъ. Сынъ его сказалъ, что у него желудокъ разстроенъ, другой японецъ—что голова болитъ, третій—ноги, а самъ онъ на другой день сказалъ, что у него болѣло горло: и въ-самомъ-дѣлѣ онъ кашлялъ. Первое движеніе у нихъ, когда ихъ о чемъ-нибудь спросишь, не сказать, второе—солгать, какъ у Талейрана, который не совѣтовалъ слѣдовать первому движенію сердца, потому-что оно иногда бываетъ хорошо. Мы спросили разъ: какой у нихъ первый по торговлѣ городъ? — «Осаки» отвѣчали они, второй «Ясико» (на запад. берегу Нифона), третій «Міако», четвертый... Вдругъ они спохватились, что ужь и такъ много сказали, и робко замолчали. Сталъ я показывать Саброски стереоскопъ: «Хочешь видѣть японскій пейзажъ? спросилъ я его чрезъ переводчика, смѣсью нѣмецкаго, англійскаго и голландскаго языковъ, и показалъ какой-то, взятый, кажется, изъ Зибольда видъ. «Фирандо, Фирандо!» съ удивленіемъ замѣтилъ переводчикъ *Гейстра*, или иначе *Нарбайоси 1-й*. Фирандо — мѣстечко, гдѣ прежде торговали португальцы и испанцы; оно лежитъ западнѣе Нагасаки. Ойе, съ сердцемъ, быстро что-то проговорилъ ему и тотъ боязливо замолчалъ. Всюду, и въ мелочахъ, систематическая ложь и скрытность, основанная на постоянномъ страхѣ, чтобъ не проложили пути въ Японію. Мнѣ все слышится отвѣтъ французскаго епископа, когда говорили въ Маниллѣ, что Японія скоро откроется: «à coups des canons, messieurs, à coups des canons», замѣтилъ онъ.

Сегодня опять японцы взяли контрпрезенты и уѣ-

хали. Мы въ эту минуту снимаемся съ якоря. Шкуна идетъ дѣлать опись ближайшимъ къ Японіи островамъ, потомъ въ Шанхай, а мы къ берегамъ Сибири; но прежде, кажется, хотятъ зайти къ корейскимъ берегамъ. Транспортъ идетъ съ нами. Въ Едо послано письмо, съ приглашеніемъ полномочнымъ прибыть въ Аниву, для дальнѣйшихъ переговоровъ.

Я забылъ сказать, что губернаторъ ужасно обрадовался, когда объявили ему, что мы уходимъ. Онъ, съ радости, прислалъ въ подарокъ отъ себя множество картофелю, рыбы, лакированный столъ и ящикъ. Его отдарили столовыми часами. Но всего важнѣе былъ ему подарокъ, когда, уходя, послали сказать, что идемъ не въ Едо. «Скоро ли воротитесь домой?» спросилъ меня Ойе. Ему хотѣлось поймать меня врасплохъ. «Когда кончатся дѣла въ Японіи» отвѣчалъ я. «А вы когда въ Едо, къ женѣ?» — «Не знаю, не назначено», сказалъ онъ. Лжетъ: вѣрно знаетъ и часъ, и день, и минуту своего отъѣзда; но нельзя сказать правды, а почему—вотъ этого онъ, можетъ-быть, въ самомъ дѣлѣ не знаетъ. Лганье не приноситъ японцамъ никакой пользы, потому-что имъ въ возвратъ лгутъ еще больше; иначе нельзя. Только лишь мы пришли, они приступили съ распросами: гдѣ мы были, откуда теперь, на какіе берега выходили и т. п. Имъ сказали, что были на Лю-чу, да въ Батанѣ. И вотъ они давай искать, гдѣ это Батанъ, и вчера сознались, что не могутъ найти на картѣ и просятъ показать. На генеральныхъ картахъ этотъ островъ не названъ по имени; вся группа называется общимъ именемъ Баши. Имъ показали на морской картѣ. Они срисовали фигуру острова, затѣмъ конечно, чтобъ подробно донести въ Едо. Итакъ взаимной лжи конца не будетъ. Видя ихъ подозрительность и старинную нена-

висть къ испанцамъ, имъ не сказали, что мы были въ Маниллѣ: Богъ знаетъ, какое заключеніе вывели бы они о нашемъ посѣщеніи Люцона.

Третьягодня однакожъ, говоря о городахъ, они, не знаю какъ, опять проговорились, что Ясико или Ессико, лежащій на западномъ берегу о. Нифона, одинъ изъ самыхъ богатыхъ городовъ въ Японіи: что находящійся противъ него островокъ Садо изобилуетъ неистощимыми минеральными богатствами. Адмиралъ хочетъ теперь же, дорогой, заглянуть туда.

16-е. Вотъ ужь другія сутки огибаемъ острова Гото, съ окружающими ихъ каменьями. Дѣлаютъ опись берегамъ, но теченіе мѣшаетъ: относитъ въ сторону. Не даромъ у китайцевъ есть поговорка: «хороши японскіе товары, да трудно обойти Гото». Особенно для ихъ судовъ—это задача. Всѣхъ острововъ Гото, кажется, пять.

Штиль, погода прекрасная: ясно и тепло; мы лавируемъ подъ берегомъ. Наши на Гото пеленгуютъ берега. Вдали видны японскія лодки; на берегахъ никакой растительности. Множество красной икры, точно толченый кирпичъ, пятнами покрываетъ въ разныхъ мѣстахъ море. Икра эта сіяетъ по ночамъ нестерпимымъ фосфорическимъ блескомъ. Вчера свѣтъ такъ былъ силенъ, что изъ-подъ судна какъ-будто вырывалось пламя; даже на парусахъ отражалось зарево; сзади кормы стелется широкая огненная улица; кругомъ темно; невстревоженная вода не свѣтится.

18-е. Прошли островъ Чу-сима. Съ него въ хорошую погоду видно и на корейскій и на японскій берега. Кое-гдѣ плавали рыбацкія лодчонки, больше ничего не видать; нѣтъ жизни, все мертво на этихъ водахъ. Японцы говорятъ, что Корейцы рѣдко, только случайно, заходятъ къ нимъ, съ товарами, или за товарами.

А какое бы раздолье для европейской торговли и мореплаванія здѣсь, при этой близости Японіи отъ Кореи и обѣихъ странъ отъ Шанхая! Корея отъ Японіи отстоитъ, гдѣ миль на сто, гдѣ дальше, къ сѣверу, на сто-семьдесятъ пять, на двѣсти, т. е. на сто-семьдесять-пять, на триста и на триста-пятьдесятъ верстъ, а отъ Японіи до Шанхая семьсотъ съ небольшимъ верстъ. Изъ Англіи въ Японію почта можетъ ходить въ два мѣсяца, чрезъ Ост-Индію. Скоро ли же и эти страны свяжутся въ одну цѣпь и будутъ посылать въ Европу письма, товары и т. п.? Что за жизнь кипѣла бы тутъ, въ этихъ заливахъ, которыми изрѣзаны японскіе берега на Нипонѣ и на Чусимѣ, дай только волю морскимъ націямъ!

Сегодня, 19-го, штиль вдругъ превратился почти въ штормъ; сначала налетѣлъ отъ NO шквалъ, потомъ задулъ постоянный, свѣжій, а наконецъ и крѣпкій вѣтеръ, такъ-что у марселей взяли четыре рифа. Качка сдѣлалась какая-то странная, діагональная, очень непріятная: и привычныхъ къ морю немного укачало. Меня все-таки нѣтъ, но голова немного заболѣла, можетъ-быть, отъ этого. Вечеромъ и ночью стало тише.

Вчера и сегодня, 20 и 21-го, мы шли верстахъ въ двухъ отъ корейскаго полуострова; въ 36° широты. На ютѣ дѣлали опись ему: а смотрѣть нечего: все пустынные берега, кое-гдѣ покрытые скудной травой и деревьями. Видны изрѣдка деревни: тамъ такія же хижины и такъ же жмутся въ тѣсную кучу, какъ на Гамильтонѣ. Кое-гдѣ по берегу бродятъ жители. На морѣ много лодокъ, должно-быть, рыбацкія.

Часовъ въ пять вечера стали на якорь въ бухтѣ. Говорятъ, карты корейскаго берега—а ихъ всего одна, или двѣ—невѣрны. И въ-самомъ-дѣлѣ вдругъ передъ нами къ

сѣверу выросъ берегъ, а на картѣ его нѣтъ. Ночью признано неудобнымъ идти далѣе у неизвѣстныхъ береговъ, и мы остановились до разсвѣта. Вѣтеръ былъ попутный къ сѣверу; погода теплая и солнечная. Одинъ изъ нашихъ катеровъ приставалъ къ берегу: жители забѣгали, засуетились, какъ на Гамильтонѣ, и сдѣлали такой же пріемъ т. е. собрались толпой на берегъ, съ дубьемъ, чтобъ не пускать, и разступились, когда увидѣли у нѣкоторыхъ изъ нашихъ ружья. Они написали на бумагѣ по-китайски: «что̀ за люди? какого государства, города, селенія? куда идутъ?» На катерѣ никто не зналъ по-китайски и написали имъ по русски имя фрегата, годъ, мѣсяцъ и число. Жители знаками спрашивали, не за водой ли мы пришли. Отвѣчали, что нѣтъ. Такъ и разошлись.

25-е. Корейскій берегъ, да и только. Опись продолжается. мы ужь въ 39° широты; могли бы быть дальше, но вѣтра̀ двое сутки были противные и качали насъ попустому на одномъ мѣстѣ. Берега скрывались въ туманѣ. Вчера вдругъ показались опять.

Про Корею пишутъ, что, отъ сильныхъ холодовъ зимой и отъ сильныхъ жаровъ лѣтомъ, она безплодна и бѣдна. Кажется такъ, по-крайней-мѣрѣ берега подтверждаютъ это какъ нельзя больше. Берегъ съ 37° пошелъ гористый; вдали видны громады пиковъ, одинъ другаго выше, съ такими сморщенными лбами, что смотрѣть грустно. По вершинамъ кое-гдѣ бѣлѣетъ снѣгъ, или песокъ; ближайшій къ морю берегъ низменъ, песчанъ, пустъ; зелень—скудная трава; мѣстами кусты; кое-гдѣ лѣпятся деревеньки; у береговъ уныло скользятъ изрѣдка лодки: вѣрно добываютъ дневное пропитаніе, ловятъ рыбу, трепанговъ, моллюсковъ.

Сегодня вдругъ одна изъ лодокъ направилась къ намъ.

На ней сидѣло человѣкъ семь корейцевъ, всѣ въ своихъ грязно-бѣлыхъ халатахъ, надѣтыхъ на такія же куртки, или камзолы. На всѣхъ были того же цвѣта шаравары на ватѣ; одинъ въ шляпѣ. Издали мы заслышали ихъ крики. Имъ дали знать, чтобъ они вошли на палубу: но когда они вошли, то мы и не рады были посѣщенію. Объясниться съ ними было нельзя: они не умѣли ни говорить, ни писать по китайски, да къ тому же еще всѣ пьяны. Матросы кучей окружили ихъ и дѣлали разныя замѣчанія, глядя на ихъ халаты и собранные въ пучекъ волосы. «Хуже Литвы!» слышу я, говоритъ одинъ матросъ. «Чего Литвы: хуже черкесъ!» возразилъ другой: «этакая, подумаешь, нація!» Имъ дали сухарей и они уѣхали. Одинъ изъ нихъ, уходя, обнялъ и поцаловалъ О. А. Г., который пробовалъ было объясниться съ ними по-китайски. Мы засмѣялись, а бѣдный Осипъ Антоновичъ не зналъ, какъ стереть слѣды непрошенной нѣжности.

У насъ идетъ дѣятельная повѣрка карты Броутона, путешествовавшаго въ концѣ прошлаго столѣтія, вмѣстѣ съ Ванкуверомъ, только на другомъ суднѣ. Ванкуверъ описывалъ западные берега Америки, Броутонъ ходилъ у азіатскаго материка. Онъ разбился у острововъ Меджико-Сима, близь Ликейскихъ острововъ, спасся и былъ хорошо принятъ жителями. Карта его невѣрна: безпрестанно надо поправлять, такъ-что фигура Кореи должна значительно измѣниться противъ обыкновенно-показываемой до-сихъ-поръ на картахъ. Искали все глубокой, показанной у Броутона бухты, но подъ той широтой, подъ которой она у него назначена, не нашли. За-то вчера, сѣвернѣе противъ карты, открылся большой заливъ. Входя въ него, не подозрѣвали, до какой степени онъ великъ. Онъ весь уставленъ островками. По мѣрѣ того, какъ мы двигались, открывались все

новые, меньшіе заливы; глубина вездѣ прекрасная. Войдя въ средину залива, въ шхеры, мы бросили якорь. Моря уже не видать: оно со всѣхъ сторонъ заперто берегами; отъ волненія безопасно, а бассейнъ огромный. Здѣсь помѣстятся цѣлые военные и купеческіе флоты. Со всѣхъ сторонъ глядятъ на насъ мысы, тамъ и сямъ видны маленькіе побочные заливы, скалы, и кое-гдѣ брошенные въ одиночку голые камни. Все это немного похоже на Нагасаки, только берега не такъ зелены и не такъ унылы, какъ кажутся издали. Зелень, кажущаяся мили за двѣ, за три, скуднымъ мохомъ, оказалась вблизи деревьями и кустами. Много зеленыхъ посѣвовъ, кое-гдѣ деревеньки, то на скатахъ горъ, то у отмелей, близь самыхъ береговъ.

Сегодня, часу въ пятомъ послѣ обѣда, мы впятеромъ поѣхали на берегъ, взяли съ собой самоваръ, неводъ и ружья. Наконецъ мы ступили на берегъ, на которомъ вѣроятно никогда не была нога европейца. Миссіонерамъ сюда забираться было незачѣмъ: далеко и пусто. Броутонъ говоритъ, или о другой бухтѣ, или, если и заглянулъ сюда, то на берегъ, повидимому, не выходилъ, иначе бы онъ опредѣлилъ его вѣрно.

Шлюпка наша остановилась у подошвы высокихъ холмовъ, на песчаной отмели. Тутъ, на шестахъ, раскинуты были сѣти для рыбы; текла рѣчка аршина въ два шириною. Весь берегъ усѣянъ раковинами. Кромѣ сосны, около деревень росли разныя деревья, которыхъ я до-сихъ-поръ нигдѣ еще не видалъ. У одного зелень была не зеленая, а пепельнаго цвѣта, у другаго слишкомъ зеленая, какъ у молодаго лимоннаго дерева, потомъ были какія-то, совсѣмъ голыя деревья, съ изсохшимъ сѣрымъ стволомъ, съ изсохшими сучьями, какъ у проклятой смоковницы, но на этомъ сѣромъ стволѣ и сучьяхъ росли другіе, посторонніе кусты,

самой свѣжей весенней зелени. Красиво, но и странно: неестественность, натяжка, точно нарумяненная и разряженная старуха!

Къ сожалѣнію, съ нами не было никого изъ нашихъ любителей-натуралистовъ и некого было спросить объ этихъ деревьяхъ. Мы шли по вязкому песку прилива къ хижинамъ, которыя видѣли подъ деревьями. Жители между-тѣмъ собирались вдали толпой; четверо изъ нихъ, и между прочимъ одинъ старикъ, съ длиннымъ посохомъ, сѣли рядомъ на травѣ и, кажется, готовились къ церемоніальной встрѣчѣ, къ рѣчамъ, привѣтствіямъ, или чему-нибудь подобному. Всѣ младенцы человѣчества любятъ напыщенность, декораціи и ходули. Но мы, бѣглю взглянувъ на нихъ и кивнувъ имъ головой, равнодушно прошли дальше по берегу, къ деревнѣ. Какими варварами и невѣжами сочли они насъ! Они забыли всякую важность и бросились вслѣдъ за нами съ крикомъ и, повидимому, съ бранью, показывая знаками, чтобъ мы не ходили къ деревнямъ; но мы и не хотѣли идти туда, а дошли только до горы, которая заграждала намъ путь по берегу.

Мы видѣли, однакожь, что хижины были обмазаны глиной, не то, что въ Гамильтонѣ; видно зима не шутитъ здѣсь; а теперь, пока было жарко такъ, что мы сняли сюртуки и шли въ жилетахъ, но все нестерпимо, хотя солнце клонилось уже къ западу. Корейцы шли за нами. Рослый, здоровый народъ, атлеты, съ грубыми, смуглокрасными лицами и руками: безъ всякой изнѣженности въ манерахъ, безъ изъисканности и вкрадчивости, какъ японцы, безъ робости, какъ ликейцы, и безъ смышлёности, какъ китайцы. Славные солдаты вышли бы изъ нихъ: а они заражены китайскою ученостью и пишутъ стихи! О. А. написалъ имъ на бумажкѣ по-китайски, что мы,

русскіе, вышли на берегъ погулять и трогать у нихъ ничего не будемъ. Одинъ изъ нихъ прочиталъ и самъ написалъ вопросъ: «русскіе люди, за какимъ дѣломъ пришли вы въ наши края, по волѣ вѣтровъ, на парусахъ? и все ли у васъ здорово и благополучно? Мы люди низшіе, второстепенные, видимъ, что вы особые, высшіе люди». И все это въ стихахъ.

Я ушелъ съ Б. К. впередъ и не знаю, что̀ имъ отвѣчали. Корейцы окружили насъ тотчасъ, лишь только мы остановились. Они тоже, какъ жители Гамильтона, разсматривали съ большимъ любопытствомъ наше платье, трогали за руки, за голову, за ноги, и живо бормотали между собою.

Между-тѣмъ наши закинули неводъ и поймали одну камбалу, одну морскую звѣзду и одинъ трепангъ. Вдругъ подулъ сильный норд-вестъ и повѣялъ такимъ холодомъ и такъ быстро смѣнилъ зной, что я едва успѣлъ надѣть сюртукъ. Горы покрылись разорванными клочьями облаковъ, вода закипѣла, волны глухо зашумѣли.

Около насъ во множествѣ летали по взморью огромныя утки, красноносые кулики, чайки, голуби и много мелкой дичи. То тамъ, то сямъ раздавались выстрѣлы и къ вечеру за ужиномъ явилось лишнее и славное блюдо. Я подумывалъ однакожь, какъ бы воротиться поскорѣе на фрегатъ: приготовленій къ чаю никакихъ еще не было, а солнце ужь закатывалось. У насъ не было ничего, кромѣ сюртуковъ, а холодъ насталъ такой, что въ-пору одѣться въ мѣхъ. По лугу паслись лошади, ростомъ съ жеребятъ, между-тѣмъ это не жеребята, а взрослыя. Мы видѣли слѣды рогатаго скота, колеи телѣгъ: видно, что корейцы домовитые люди.

Я пошелъ берегомъ къ барказу, который ушелъ за мысъ, почти къ морю, такъ-что пришлось идти версты

три. Вскорѣ ко мнѣ присоединились Б. Ш. и Г., у котораго въ сумкѣ шевелились что-то живое: ужь онъ успѣлъ набрать всякой всячины; въ рукахъ онъ несъ пучокъ цвѣтовъ и травы.

Наконецъ завидѣли барказъ и пришли, когда онъ подымалъ уже верпъ и готовился отвалить. Мы были покрайней-мѣрѣ верстахъ въ трехъ отъ фрегата. Луна взошла, но туманъ былъ такъ силенъ, что фрегатъ, то пропадалъ изъ глазъ, то вдругъ появлялся; не разъ мы его совсѣмъ теряли изъ виду и тогда правили по звѣздамъ, но и тѣ закрывались. Мы плыли въ облакѣ, которое неслось съ неимовѣрной быстротою, закрывая горы, берега, воду, наконецъ небо и луну. Сырость ужасная: фуражки и сюртуки были мокрые. На берегу мелькнулъ яркій огонь: упрямые товарищи наши остались пить чай.

Полтора часа тащились мы домой. Съ какимъ удовольствіемъ усѣлись потомъ около чайнаго стола въ каютѣ! Тутъ Г-чу торжественно принесли змѣю, такую большую, какой, за исключеніемъ удавовъ, мы не видали: аршина два длины и толстая. Она шевелилась въ жестяномъ ящикѣ; ее хотѣли пересадить оттуда въ большую стеклянную банку со спиртомъ; она долго упрямилась, но когда выгнали, то и сами не рады были: она вдругъ заскользила по полу и ее поймали съ трудомъ. Матросъ нашелъ ее въ кустѣ, на которомъ сидѣли еще аистъ и сорока. Зачѣмъ они собрались — неизвѣстно; можетъ быть разыгрывали какую-нибудь ненаписанную Крыловымъ басню.

28-е. Сегодня туманъ не позволилъ дѣлать промѣровъ и осматривать берега. За-то корейцовъ цѣлая толпа у насъ. Мнѣ видно изъ своей каюты, какія лица сдѣлали они, когда у насъ заиграла музыка. Одинъ, услышавъ фортепьяно въ каютѣ, растянулся, отъ удивленія, на полу.

Съ 1-го мая. *Японское море и берега Кореи.*

Наши съѣзжали всякій день для измѣренія глубины залива, а не то такъ поохотиться; поднимались по рѣкамъ внутрь, верстъ на двадцать, искали города. Я не участвовалъ въ этихъ прогулкахъ: путешествіе—это книга; въ ней останавливаешься на тѣхъ страницахъ, которыя больше нравятся, а другія пробѣгаешь только для общей связи. «Какъ, новыя, неизслѣдованныя мѣста: да это находка! скоро совсѣмъ не будетъ такихъ мѣстъ» скажутъ мнѣ. И слава Богу, что не будетъ. Скучно съ этими дѣтьми. Притомъ корейцы не совсѣмъ новость для насъ. Я выше сказалъ, что они моральную сторону заняли у китайцевъ; не знаю, кто далъ имъ вещественную. Увидишь одну, двѣ деревни, одну, двѣ толпы — увидишь и все: тѣ же тѣсныя кучи хижинъ, съ вспаханными полями вокругъ, тѣ же бѣлые, широкіе халаты на всѣхъ, широкія скулы, носы, похожіе на трефовый тузъ, и клочекъ какъ-будто конскихъ волосъ вмѣсто бороды, да разинутые рты и тупые взгляды; пишутъ стихами, читаютъ на-распѣвъ. На чемъ же тутъ долго останавливаться?

Еслибъ еще можно было свободно проникнуть въ города, посмотрѣть другихъ жителей, ихъ бытъ, а то не пускаютъ. Въ природѣ нѣтъ никакихъ яркихъ особенностей: мѣстность интересна на столько или *потолику*, сказалъ бы ученый путешественникъ, *поколику* она нова, какъ всякая новая мѣстность.

Одну особенность замѣтилъ я у корейцовъ: на распросы о положеніи ихъ страны, городовъ, они отвѣчаютъ правду, охотно разсказываютъ, что̀ они дѣлаютъ, чѣмъ занимаются. Они назвали заливъ, гдѣ мы стояли, по имени, также и всѣ его берега, мысы, острова, деревни, сказали даже, что здѣсь родина ихъ нынѣшняго короля; еще

объявили, что южнѣе отъ нихъ, на день ѣзды, есть мѣсто, мимо котораго мы уже прошли, большое и торговое, куда свозятся товары въ государствѣ. «Какіе же товары?» спросили ихъ. Хлѣбъ, т. е. пшеница, рисъ, потомъ металлы: желѣзо, золото, серебро, и много разныхъ другихъ продуктовъ.

Даже на наши вопросы, можно ли привезти къ нимъ товары на обмѣнъ, они отвѣчали утвердительно. Сказали ли бы все это японцы, ликейцы, китайцы? — ни за что. Видно корейцы еще не научены опытомъ, не жили внѣшнею жизнью и не успѣли выработать себѣ политики. Да лучше, еслибъ и невыработали: скорѣе и легче переступили бы неизбѣжный шагъ къ сближенію съ европейцами и къ перевоспитанію себя.

Впрочемъ мы видѣли только поселянъ и земледѣльцевъ; высшіе классы и правительство конечно имѣютъ понятіе о государственныхъ сношеніяхъ, слѣдовательно и о политикѣ: они сносятся же съ китайцами, съ японцами и съ ликейцами. Образъ европейскихъ сношеній и жизни конечно имъ извѣстенъ. Здѣсь сказали намъ жители, что о русскихъ и о странѣ ихъ они никогда не слыхивали. Мы не обидѣлись: они не слыхивали, и объ англичанахъ, и о французахъ тоже. Да спросите у насъ, въ степи гдѣ-нибудь, любаго мужика, много ли онъ знаетъ объ англичанахъ, испанцахъ, или итальянцахъ? не мѣшаетъ ли онъ ихъ подъ общимъ именемъ нѣмцевъ, какъ корейцы мѣшаютъ всѣ народы, кромѣ китайцевъ и японцевъ, подъ именемъ «варваровъ?» Впрочемъ корейцы должны имѣть понятіе о насъ, т. е. не здѣшніе поселяне, а правительство ихъ. Корейцы бываютъ въ Пекинѣ: наши О. А. и Г., видали ихъ тамъ и даже, кажется, по просьбѣ ихъ, что-то выписывали для нихъ изъ Россіи.

Здѣсь же намъ сказали, что въ корейской столицѣ есть что-то въ родѣ японскаго подворья, на которомъ живетъ до трехсотъ человѣкъ японцевъ; они торгуютъ своими товарами. А японцы каковы? На вопросъ нашъ, торгуютъ ли они съ корейцами, отвѣчали, что торгуютъ случайно, когда будто-бы тѣхъ занесетъ бурей къ ихъ берегамъ.

Корейцы называютъ себя, или страну свою, *Чаосинъ* или *Чаусинъ*, а названіе Корея принадлежитъ одной изъ ихъ старинныхъ династій.

Мнѣ кажется, всего бы удобнѣе завязывать сношенія съ ними теперь, когда они еще не закоренѣли въ недовѣрчивости къ европейцамъ и не заперлись отъ нихъ, и когда правительство не приняло сильныхъ мѣръ противъ иностранцевъ и ихъ торговли. А народъ очень склоненъ къ мѣнѣ. Какъ они бросились на стеклянную посуду, на мѣдныя пуговицы, на фарфоръ—на все, что видѣли! На наши суконные сюртуки у нихъ такъ и разбѣгались глаза; они гладили сукно, трогали сапоги. За пустую бутылку охотно отдавали свои огромныя тросниковыя шляпы. Всѣ у насъ намѣняли этихъ шляпъ. Вонъ Фаддеевъ и мнѣ вымѣнялъ одну, какъ я ни упрашивалъ его не дѣлать этого, и повѣсилъ въ каютѣ. «У всѣхъ господъ есть, у в. в. только нѣтъ», упрямо отвѣчалъ онъ и повѣсилъ шляпу на гвоздь. Она заняла цѣлую стѣну. Намѣняли тоже множество трубокъ мѣдныхъ, съ чубуками изъ тростника. Больше имъ нечего мѣнять. Требовали отъ нихъ провизіи, но они, подумавъ, опять попотчивали своимъ *пудди*, и привезли только трехъ пѣтуховъ, но ни быковъ, ни барановъ, ни свиней.

Третьяго дня наши ѣздили въ рѣчку и видѣли тамъ какого-то начальника, который пріѣхалъ верхомъ, съ музыкантами. Его потчивали чаемъ, хотѣли подарить сук-

на, но онъ, поблагодаривъ, отказался, сказавъ, что не смѣетъ принять безъ разрѣшенія высшаго начальства, что у нихъ законы строги и по этимъ законамъ не должно брать подарковъ.

Толпа смѣняла другую съ утра до вечера, пока мы стояли на якорѣ. Какъ еще дѣти натуры, съ примѣсью значительной дозы дикости, они не могли не взглянуть и враждебно на новыхъ пришельцовъ, что̀ и случилось. Третьягодня вечеромъ корейцы собрались толпой на скалѣ, около которой одинъ изъ нашихъ измѣрялъ глубину, и стали кидать каменья въ шлюпку. По нимъ выстрѣлили холостымъ зарядомъ, но они, повидимому, мало имѣютъ понятія объ огнестрѣльномъ оружіи. Утромъ вчера послали въ ближайшую къ этой скалѣ деревню бумагу, съ требованіемъ объясненія. Они вечеромъ прислали отвѣтъ, въ которомъ просили извѣненія, сказали, что кидали каменья мальчишки, «у которыхъ нѣтъ смысла». Это не правда: мальчишки эти были вершковъ четырнадцати ростомъ, съ бородой, съ волосами, собранными въ густой пучокъ на маковкѣ, а мальчишки у нихъ ходятъ, какъ наши дѣвчонки, съ косой и проборомъ среди головы.

Только лишь прочли этотъ отвѣтъ, какъ вдругъ воротилась партія нашихъ изъ поѣздки въ рѣку, верстъ за десять. Всѣ они были очень взволнованы: имъ грозила большая опасность. На одномъ берегу собралось множество народа; нѣкоторые просили знаками нашихъ пристать, показывая какую-то бумагу, и когда они пристали, то корейцы бумаги не дали, а привели одного мужчину, положили его на землю и начали бить какой-то палкой, въ видѣ лопатки. Послѣ этого положили точно также и того, который билъ лопаткою, и стали бить и его. Наши нашли эту комедію очень глупой и пошли прочь; тогда одинъ изъ би-

тыхъ бросился за ними, схватилъ одного изъ матросовъ и потащилъ въ толпу. Тамъ его стали было тащить въ разныя стороны, но матросы бросились и отбили. Корейцы стали нападать и на этихъ, но они, съ такою силою, ловкостью и яростью, схватили нѣсколько человѣкъ и такую задали имъ потасовку, что прочіе отступили. Когда наши стали садиться въ катеръ, корейцы начали бросать каменья и свинчатки, и нѣкоторыхъ ушибли до крови; тогда въ нихъ выстрѣлили дробью, которая назначалась для дичи, и, кажется, одного ранили. Этимъ нѣсколько остановили нападеніе, но корейцы продолжали бросать каменья, пока наши успѣли отвалить.

На другой день рано утромъ отправленъ былъ барказъ и катера, съ вооруженными людьми, къ тому мѣсту, гдѣ это случилось. Изъ деревни всѣ выбрались вонъ, съ женами и съ имуществомъ; остались только старики. Ихъ-то и надо было. Отъ нихъ потребовали объясненія о случившемся. Старики, съ поклонами, объяснили, что нѣсколько негодяевъ смутили толпу и что они, старшіе, не могли унять, и просили, чтобы на нихъ не взыскали, «отцы за дѣтей не отвѣчаютъ» и т. п. Они прибавили еще, что виновные ранены, и одинъ даже будто бы смертельно — и уже тѣмъ наказаны. Дѣлать съ ними нечего, но положено отдать въ первомъ мѣстѣ, гдѣ мы остановимся, для отсылки въ ихъ столицу, бумагу о случившемся.

Сегодня, часу во второмъ пополудни, мы снялись съ якоря и вотъ теперь покачиваемся легонько въ морѣ. Ночь лунная, но холодная, хоть бы и въ Россіи въ пору.

Я забылъ сказать, что большой заливъ, который мы только-что покинули, описавъ его подробно, назвали, въ честь покойнаго адмирала Лазарева, его именемъ.

5 мая. *Японское море*; *Корейскій берегъ*. Мы только-что сегодня вступили въ 41° широты, и то двинулъ насъ внезапно-подувшій попутный вѣтеръ. Идемъ все подлѣ берега; опись продолжается. Корея кончается въ 43 градусѣ. Тамъ начинается манчжурскій берегъ. Сегодня, съ кочующихъ по поморю лодокъ, опять набралась на фрегатъ куча корейцевъ. Я не выходилъ; ко мнѣ въ каюту заглянули двѣ-три косматыя головы и смугло-желтыя лица. Крику, шуму! Когда у насъ всѣ четыреста человѣкъ матросовъ въ дѣйствіи, наверху такого шуму нѣтъ. Одинъ укралъ у П. серебряную ложку и спряталъ въ свои широкіе панталоны. Ложку отняли, а вора за чубъ вывели изъ каюты.

Послѣ обѣда я смотрѣлъ на берега, мимо которыхъ мы шли: крутыя, обрывистыя скалы, всѣ изъ базальта, громадами тѣснятся одна надъ другой. Обрывисто, круто. Горе плавателямъ, которые разобьются тутъ: спасенія нѣтъ. Если и достигнешь берега, влѣзть на него все-равно, что на гладкую, отвѣсную стѣну. Нигдѣ не видать ни жилья, ни лѣса. Блѣдная зелень кое-гдѣ покрываетъ крутыя ребра горъ. Берегъ вдругъ заворотилъ къ W, и мы держимъ вслѣдъ за изгибами. Скоро должна быть пограничная съ Маньчжуріею рѣка Тамань или Тюймэнъ или Тай-мень, что-то такое.

Часа два назадъ, около полуночи, К. вдругъ позвалъ меня на ютъ послушать, какъ *дышетъ китъ*. «Я, кромѣ скрипа снастей, ничего не слышу», сказалъ я, послушавши немного. «Погодите, погодите... слышите?» сказалъ онъ. «Право нѣтъ; это манильскія травяныя снасти съ музыкой...» Но въ это время вдругъ подъ самой кормой раздалось густое, тяжелое и продолжительное дыханіе, какъ-будто рядомъ съ нами шелъ паровозъ. «Что, слышите?»

сказалъ К. «Да; только не-уже-ли это китъ?...» Вдругъ опять вздохъ, еще сильнѣе, раздался внизу, прямо подъ нашими ногами. «Что̀ это такое, не знаешь ли ты?» спросилъ я моего фаворита, сигнальщика Ѳедорова, который стоялъ тутъ же. «Это не китъ, отвѣчалъ онъ, это все водяные: ихъ тутъ много!...» прибавилъ онъ, съ пренебреженіемъ махнулъ рукой на бездну, и повернувшись къ ней спиной, самъ вздохнулъ немного легче кита.

9-е мая. Наконецъ отъискали и пограничную рѣку *Тайманьга*; мы остановились миль за шесть отъ нея. Наши вчера цѣлый день ѣздили промѣрять и описывать ее. Говорятъ, что это широкая, версты въ двѣ съ половиной, рѣка, съ удобнымъ фарватеромъ. Вы конечно съ жадностью прочтете современемъ подробное и спеціальное описаніе всего корейскаго берега и рѣки, которое, вотъ въ эту минуту, за стѣной, дѣлаетъ сосѣдъ мой П., сильно участвующій въ описи этихъ мѣстъ. Я передаю вамъ только самое общее и поверхностное понятіе, неповѣренное циркулемъ и линейкой.

Не безъ удовольствія простимся мы, не сегодня, такъ завтра, съ Кореей. Ужь наши видѣли пограничную стражу на противоположномъ отъ Кореи берегу рѣки. Тутъ начинается Маньчжурія, и берегъ съ этихъ мѣстъ изслѣдованъ Лаперузомъ.

Кто знаетъ что-нибудь о Кореѣ? Только одни китайцы занимаются отчасти ею, т. е. берутъ съ нея годичную дань, да еще японцы ведутъ небольшую торговлю съ нею; а между-тѣмъ посмотрите, что̀ отецъ Іакинѳъ разсказываетъ, во 2-й части статистическаго описанія Маньчжуріи, Монголіи и проч., объ этой землѣ, занимающей 8° по меридіану.

Корейское государство, или *Чао-сянъ*, формировалось

въ эпоху троянъ, первобытныхъ грековъ. Здѣсь разъигрывались свои Иліады, были Аяксы, Гекторы, Ахиллесы. За Гомеромъ дѣла никогда не станетъ. Я уже сказалъ, какіе охотники корейцы сочинять стихи. Даже одна корейская королева, покоривъ сосѣднюю область, сама сочинила оду на это событіе и послала ко двору китайскаго богдыхана, который, пишетъ о. Іакинѳъ, былъ этимъ *очень доволенъ*. Только имена здѣшнихъ Агамемноновъ и Гекторовъ никакъ не пришлись бы въ наши стихи, а впрочемъ попробуйте: Вэй-мань, Цицзы, Вэй-ю-цюй и т. д. Городъ, въ родѣ Иліона, называли Пьхинъ-сянъ.

Но это все темныя времена корейской исторіи; она проясняется немного съ третьяго вѣка по Р. Х. Первобытные жители въ ней были однихъ племенъ съ маньчжурами, которыхъ сибиряки называютъ тунгусами. Къ нимъ присоединились китайскіе выходцы. Послѣ Р. Х. одинъ изъ тунгусъ, *Гао*, основалъ царство *Гао-ли*.

О. Іакинѳъ говоритъ, что европейцы это имя какъ-то ухитрились передѣлать въ *Корею*. Это правдоподобно. Досихъ-поръ жители многихъ острововъ Восточнаго океана, въ томъ числѣ японцы, канаки (на Сандвичевыхъ островахъ) и ликейцы, букву *л* замѣняютъ буквой *р*. Одни называютъ японскую и китайскую милю *ли*, другіе—*ри*; одни, Ликейскіе острова зовутъ *Ліу-кіу*, другіе—*Ріу-кіу*, третьи, наконецъ, *Ру-ку*; *Гонолюлю* многіе зовутъ и пишутъ *Гонорурру*. Отчего жь не передѣлать Гао-ли въ Ко-ри? И въ передѣлкѣ этой виноваты не европейцы, а сами же корейцы. Когда я при нихъ произнесъ *Корея*, они толпой повторили *Кори, Кори*! и тутъ же, чрезъ О. А. объяснили, что это имя ихъ древняго королевскаго дома. Поэтому вся передѣлка европейцевъ состоитъ въ томъ, что они изъ *Ко-ри* сдѣлали *Корея*. Да много ли тутъ оставалось сдѣлать?

По основаніи царства Гао-ли, судьба, въ видѣ китайцевъ, японцевъ, монголовъ, пошла играть имъ т. е. покорять, разорять, низвергать старыя и утверждать новыя династіи. Корейскіе короли, не имѣя довольно силы бороться съ судьбой, предпочли добровольно подчиниться китайской державѣ. Китайцы, то сдѣлаютъ Корею своею областью, то посовѣстятся и возстановятъ опять ея самостоятельность. А когда на Китай, въ V вѣкѣ, хлынули монголы, корейцы покорились и имъ. Иногда же они вдругъ обидятся и вздумаютъ отдѣлиться отъ Китая, но не надолго: китайцы, или покорятъ ихъ, или они сами же опять попросятъ взять себя въ опеку.

За эту покорность и признаніе старшинства Китая, китайцы наградили данниковъ своими познаніями, отчасти языкомъ, такъ-что корейцы пишутъ, чуть что̀ поважнѣе и поученѣе, китайскимъ, а что̀ попроще — своимъ языкомъ. Я видѣлъ ихъ книги: письмена не такія кудрявыя и сложныя, какъ у китайцевъ. Далѣе китайцы наградили ихъ издѣліями своихъ мануфактуръ и искусствомъ писать стихи. Иногда случалось даже такъ, что китайцы покровительствовали корейцамъ и въ то же время не мѣшали брать съ нихъ дань монголамъ и тунгусамъ. Наконецъ, въ исходѣ XIV вѣка, вступилъ на престолъ домъ *Ли*, который царствуетъ и теперь, платя дань, или посылая подарки маньчжурской, царствующей въ Китаѣ династіи.

Корея раздѣляется на восемь областей или *дорогъ*, по сказанію о. Іоакинѳа. Пощажу вашъ слухъ отъ названій; если полюбопытствуете, загляните сами въ книгу знаменитаго синолога. Читая эти страницы, испещренныя названіями какого-то птичьяго языка, исполненныя этнографическихъ, географическихъ, филологическихъ данныхъ о краѣ, извѣстномъ намъ только по имени, благоговѣю пе-

редъ всесокрушающею любознательностью и громаднымъ терпѣніемъ ученаго отца и робко краду у него вышеприведенныя отрывочныя свѣдѣнія о Кореѣ — все для васъ. Можетъ-быть вы удовольствуетесь этимъ и не пойдете сами въ лабиринтъ этихъ именъ: когда вамъ? того гляди, пропадетъ впечатлѣніе отъ вчерашней оперы.

18 мая мы вошли въ Татарскій проливъ. Насъ сутки хорошо несъ попутный вѣтеръ, потомъ задержали штили, потомъ подули противные N и NO вѣтра, нанося съ матсмайскаго берега холодъ, дождь и туманъ. Какой скачокъ отъ тропиковъ! Не знаемъ куда спрятаться отъ холода. Придетъ ночь — мученье раздѣваться и ложиться, а вставать еще хуже.

По-временамъ мы видимъ берегъ, вдоль котораго идемъ къ сѣверу, потомъ опять туманъ скроетъ его. По ночамъ иногда слышится визгъ: кто говоритъ — сивучата пищатъ, кто — тюлени. Похоже на послѣднее, если только тюлени могутъ пищать, похоже потому, что днемъ иногда они цѣлыми стадами играютъ у фрегата, выставляя свои головы, гоняясь точно взапуски между собою. Во всякомъ случаѣ это *водяные*, какъ и сигнальщикъ Ѳедоровъ полагаетъ.

Вчера, 17-го, какая встрѣча: обѣдаемъ; говорятъ, шкуна какая-то видна. Велѣно поднять флагъ и выпалить изъ пушки. Она подняла нашъ флагъ. Браво! Шкуна «Востокъ» идетъ къ намъ, съ вѣстями изъ Европы, съ письмами... Все ожило. Черезъ часъ мы читали газеты, знали все, что случилось въ Европѣ по мартъ. Пошли толки, разсужденія, ожиданія. Нашимъ судамъ велѣно идти къ русскимъ берегамъ. Что-то будетъ? Скорѣй бы добраться: всего двѣсти пятьдесятъ миль осталось до мѣста, гдѣ предположено ждать дальнѣйшихъ приказаній.

Холодно, скучно, какъ осенью, когда у насъ, на сѣ-

верѣ, все сжимается, когда и человѣкъ уходитъ въ себя, надолго отказываясь отъ воспріимчивости внѣшнихъ впечатлѣній, и дѣлается грустенъ по-неволѣ. Но это передъ зимой, а тутъ и весной то же самое. Нѣтъ ничего, что̀ бы предвѣщало въ природѣ возобновленіе жизни, со всею ея прелестью. Всѣмъ бы хотѣлось на берегъ, между прочимъ и потому, что провизія на исходѣ. На столѣ чаще стала появляться солонина и овощи. Изъ животнаго царства осталось на фрегатѣ два-три барана, которые не могутъ стоять на ногахъ, двѣ-три свиньи, которыя не хотятъ стоять на ногахъ, пять-шесть куръ, одна утка и одинъ котъ. Пора, пора...

20-го числа. «Что̀ новаго?» спросилъ я Ѳаддеева, который пришелъ будить меня. «Сейчасъ на якорь будемъ становиться, сказалъ онъ: канатъ велѣно доставать». Въ-самомъ-дѣлѣ я услышалъ пріятный, для утомленнаго путешественника, звукъ: грохотанье доставаемаго изъ трюма якорнаго каната.

Вы не совсѣмъ довѣряйте, когда услышите отъ моряка слово *канатъ*. Канатъ—это цѣпь, на которую можно привязать полдюжины слоновъ — не сорвутся. Онъ держитъ якорь въ сто-пятьдесятъ пудъ. Вотъ когда скажутъ «пеньковый канатъ», такъ это въ-самомъ-дѣлѣ канатъ.

Утро чудесное, море синее, какъ въ тропикахъ, прозрачное; тепло, хотя не такъ, какъ въ тропикахъ, но однакожь такъ, что въ байковомъ пальто сносно ходить по палубѣ. Мы шли все въ виду берега. Въ полдень оставалось миль десять до мѣста; всѣ вышли, и я тоже, наверхъ, смотрѣть ка̀къ будемъ входить въ какую-то бухту, наше временное пристанище. Главное только усмотрѣть входъ, а въ бухтѣ ошибиться нельзя: промѣры показаны.

«Вотъ за этимъ мысомъ долженъ быть входъ», говоритъ

дѣдъ: «надо только обогнуть его». — «Прàво! куда лѣво кладешь?», прибавилъ онъ, обращаясь къ рулевому. Минутъ черезъ десять кто-то пришелъ снизу. «Гдѣ входъ?», спросилъ вновь пришедшій. «Да вотъ мысъ...» хотѣлъ показать дѣдъ — глядь, а мыса нѣтъ. «Что за чудо! Гдѣ жь онъ? сію минуту былъ», говорилъ онъ. «Марсо-фалы отдать!», закричалъ вахтенный. Порывъ вѣтра нагналъ холодъ, дождь, туманъ, фрегатъ сильно накренило — и береговъ какъ не бывало: все закрылось бѣлой мглой; во ста саженяхъ не стало видно ничего, даже шкуны, которая все время качалась, то съ одного, то съ другаго бока у насъ. Ну, поскорѣй отлавировываться отъ берега! Надѣялись, что шквалъ пройдетъ и мы войдемъ. Нѣтъ: вѣтеръ установился, и туманъ тоже, да такой, что закуталъ верхніе паруса.

Вечеръ такъ и прошелъ; мы были, вмѣсто десяти, уже въ шестнадцати миляхъ отъ берега. «Ну, завтра, чѣмъ свѣтъ, войдемъ» говорили мы, ложась спать. «Чтò новаго?», спросилъ я опять, проснувшись утромъ, Ѳаддеева. «Васька жаворонка съѣлъ», сказалъ онъ. «Чтò ты, гдѣ жь онъ взялъ?» — «Поймалъ на сѣткахъ». — «Ну что жь не отняли?» — «Ушелъ въ ростры, не могли отыскать». — Жаль! Ну, а еще что?» — «Еще — ничего». — «Какъ ничего: а на якорь становиться?» — «Куда-те становиться: ишь какая погода! со шканцевъ на бакъ не видать».

Мы проскитались опять цѣлый день, лавируя по проливу и удерживая позицію. Вѣтеръ дулъ свирѣпо, волна не слишкомъ большая, но острая, производила непріятную качку, неожиданно толкая въ бока. На другой день къ вечеру я вышелъ наверхъ; смотрю: всѣ толпятся на ютѣ. «Что такое?» спрашиваю. «Входимъ», говорятъ. Въ самомъ-дѣлѣ мы входили въ широкія ворота гладкаго бассейна, обставленнаго крутыми, точно обрубленными берега-

ми, поросшими непроницаемымъ для взгляда мелкимъ лѣсомъ — сосенъ, березъ, пихты, лиственницы. Насъ охватилъ крѣпкій смоляной запахъ. Мы прошли большой заливъ и увидѣли двѣ другія бухты, направо и налѣво, длинными языками вдающіяся въ берега, а большой заливъ шелъ самъ-по-себѣ еще мили на двѣ дальше. Вода не шелохнется, воздухъ покоенъ, а въ морѣ, за мысами, свирѣпствуетъ вѣтеръ. Въ маленькой бухтѣ, куда мы шли, стояло уже опередившее насъ наше судно «Кн. Меншиковъ», почти у самаго берега. На берегу успѣли разбить палатки. Около нихъ толпится человѣкъ десять людей, съ судовъ же; бѣгаютъ собаки. Мы стали на якорь.

Что̀ это за край: гдѣ мы? самъ не знаю, да и никто не знаетъ: кто тутъ бывалъ и кто пойдетъ въ эту дичь и глушь?

Кто тутъ живетъ? что̀ за народъ? Народовъ много, а не живетъ никто.

Здѣшніе народы, съ которыми успѣли поговорить, не знаю на какомъ языкѣ, наши матросы, умѣющіе объясняться по-своему со всѣми народами міра, называютъ себя *Орочаны*, *Мангу*, *Кекель*. Что̀ это, племена, или фамильныя названія? И этого незнаю. Наши, большую часть изъ нихъ, называютъ общимъ именемъ тунгусовъ. Они не живутъ тутъ, а бродятъ съ мѣста на мѣсто, приходятъ къ морю ловить рыбу. За ними же скоро, говорятъ, придутъ медвѣди, за этимъ же. Мы пока дѣлаемъ то же: рыбы пропасть, камбала, бычки, форели, родъ налимовъ. Скоро пойдетъ періодическая рыба, изъ породы красныхъ, сельди и т. п. У насъ теперь рыба и рыба на столѣ. Вмѣсто лошадей, на берегу бродятъ десятка три тощихъ собакъ: но тутъ же съ береговъ выглядываетъ изъ чащи лѣса полная невозможность ѣздить, ни на собакахъ, ни на лошадяхъ, ни даже ходить пѣшкомъ. Я пробовалъ и вязъ въ болотѣ, спотыкался о пни и сучья.

Какой же это берегъ? что̀ за бухта? спросите вы. Да все тянется глухой, маньчжурскій, слѣдовательно принадлежащій китайцамъ берегъ.

Іюнь.—Нѣтъ, берегъ, видно, нездоровъ мнѣ. Пройдусь по лѣсу, чувствую утомленіе, тяжесть; вчера заснулъ въ лѣсу, на разостланномъ брезентѣ, и схватилъ лихорадку. Отвыкъ совсѣмъ отъ берега. На фрегатѣ, въ морѣ лучше. Мнѣ хорошо въ моей маленькой каютѣ: я привыкъ къ своему уголку, гдѣ повернуться трудно; можно только лечь на постели, сѣсть на стулъ, а затѣмъ сдѣлать шагъ къ двери — и все тутъ. Привыкъ видѣть бизань-мачту, кучу снастей, а черезъ бортъ море.

Хожу по лѣсу, да лѣсъ такой безтолковый, не то, что̀ тропическій: тамъ, или вовсе не продерешься сквозь чащу, а если продерешься, то не налюбуешься красотой деревьевъ, ихъ группировкой, разнообразіемъ; а здѣсь можно продраться вездѣ, но деревья стоятъ такъ однообразно, прямо, какъ свѣчки: пихта, лиственница, ель; ель, лиственница, пихта, изрѣдка береза; куда ни взглянешь, вездѣ этотъ частоколъ; взглядъ теряется въ печальной безконечности лѣса. Здѣсь всѣ деревья мѣшаютъ другъ другу рости и ни одно не выигрываетъ на счетъ другаго. Въ тропикахъ, если одно дерево убиваетъ жизнь вокругъ, за-то разрастется само такъ широко, великолѣпно!

Мы успѣли войти кое-въ какія сношенія съ бродячими Мангунами, Ороча, или, по-сибирски, тунгусами. Къ намъ часто ѣздитъ тунгусъ Аѳонька, съ товарищемъ своимъ, Иваномъ—такъ ихъ называли наши. Онъ подряженъ бить лосей или *сохатыхъ*, по-сибирски, и доставлять намъ мясо. Онъ уже убилъ трехъ: всего двадцать пять пудъ мяса. Оно показалось мнѣ вкуснѣе говяжьяго. Онъ бьетъ и медвѣдей. Недавно провожалъ одного изъ нашихъ по лѣсу на охоту.

«Чего ты хочешь за труды, Аѳонька?» спросилъ тотъ его: «денегъ?»—«Нѣтъ», былъ отвѣтъ. «Ну, коленкору, холста?»—«Нѣтъ».—«Чего же?»—«Бутылочку».

А чѣмъ онъ сражается со звѣрями? Я замѣтилъ, что всѣ тѣ, которые отправляются на рыбную ловлю, съ блестящими стальными удочками, съ щегольскимъ краснаго дерева поплавкомъ, и тому подобными затѣями, а на охоту съ выписанными изъ Англіи и Франціи ружьями, почти всегда приходятъ домой съ пустыми руками. Аѳонька бьетъ лосей и медвѣдей изъ ружья съ кремнемъ, которое сдѣлалъ чуть ли не самъ, или, можетъ-быть, вымѣнялъ въ старину у китобоевъ, и которое безпрестанно распадается, такъ-что его чинятъ наши слесаря всякій разъ, какъ онъ возвратится съ охоты. Надняхъ дали ему хорошее двуствольное ружье, съ пистономъ. Онъ пошелъ въ лѣсъ и скоро воротился. «Что жь ты?» спрашиваютъ. «Возьмите, говоритъ, ружье: не умѣю изъ него стрѣлять». Онъ обѣщалъ мнѣ принести медвѣжьихъ шкуръ — «за бутылочку».

Про семейства Гиляковъ разсказываютъ, что они живутъ здѣсь зимой при 36° мороза, подъ кустами валежнику, даже матери съ грудными дѣтьми, а захотятъ погрѣться, такъ разводятъ костры, благо лѣсу много. Ѣдятъ рыбу *горбушу* и черемшу (родъ чесноку).

Но ихъ мало, жизни нѣтъ, и пустота вездѣ. Мимо фрегата рѣдко и робко скользятъ въ байдаркахъ полудикіе туземцы. Только Аѳонька, доходившій, въ своихъ охотничьихъ подвигахъ, черезъ лѣса и рѣки, и до китайскихъ, и до нашихъ границъ, и говорящій понемногу на всѣхъ языкахъ, больше смѣсью всѣхъ, между-прочимъ и нарѣчіями дикихъ, не робѣя, идетъ къ намъ, и всегда норовитъ придти къ тому времени, когда командѣ раздаютъ вино. Кто-нибудь поднесетъ и ему: онъ выпьетъ

и не благодаритъ выпивши, не скажетъ ни слова, оборотится и уйдетъ.

Я пробрался какъ-то сквозь чащу и увидѣлъ двухъ человѣкъ, сидѣвшихъ верхомъ на обоихъ концахъ толстаго бревна, которое понадобилось для какой-то починки на нашихъ судахъ. Одинъ, высокаго роста, красивый, съ покойнымъ, безстрастнымъ лицомъ: это изъ нашихъ. Другой, невысокій, смуглый, съ волосами, похожими, и цвѣтомъ и густотой, на медвѣжью шерсть, почти съ плоскимъ лицомъ и съ выраженіемъ на немъ стоическаго равнодушія: это—изъ туземцевъ. Нашъ пригласилъ его, вѣроятно, вмѣстѣ заняться дѣломъ. Русскій дѣлалъ вырубку на бревнѣ, а туземецъ сидѣлъ на другомъ концѣ, чтобъ оно не шевелилось, и курилъ трубку. Щепки и осколки, какъ дождь, летѣли ему въ лицо и въ голову: онъ мигалъ мѣрно и ровно, не торопясь, всякій разъ, когда горсть щепокъ попадала въ глаза, и не думалъ отворотить головы, также не заботился вынимать осколковъ, которые попадали въ медвѣжью шерсть и тамъ оставались. Русскій рубилъ сильно и глубоко вонзалъ топоръ въ дерево. При всякомъ ударѣ у него отзывалось что-то въ груди. Онъ кончилъ и передалъ топоръ туземцу, а тотъ передалъ ему трубку. Русскій закурилъ и сѣлъ верхомъ на конецъ, а туземецъ сталъ рубить. Щепки и осколки полетѣли въ глаза казаку; онъ, въ свою очередь, сталъ мигать.

Что̀ за плаваніе въ этихъ печальныхъ мѣстахъ! что̀ за климатъ! Лѣта почти нѣтъ: утромъ ни холодно, ни тепло, а вечеромъ положительно холодно. Туманы скрываютъ отъ глазъ чуть не собственный носъ. Вчера палили изъ пушекъ, били въ барабанъ, чтобъ навести наши шлюпки съ офицерами на мѣсто, гдѣ стоитъ фре-

гатъ. Вѣтра̀ большею частію свѣжіе, холодные, тишины почти не бываетъ, а половина іюля!

Но путешествіе идетъ къ концу: чувствую потребность отъ дальняго плаванія полечиться—берегомъ. Еще нѣсколько времени, недѣля, другая—и я ступлю на отечественный берегъ. Dahin! dahin! Но съ вами увижусь нескоро: мнѣ лежитъ путь черезъ Сибирь, путь широкій, безопасный, удобный, но долгій, долгій! И притомъ Сибирь гостепріимна, Сибирь замѣчательна: можно ли проѣхать ее на курьерскихъ, зажмуря глаза и уши? Предвижу, что мнѣ придется писать вамъ не одинъ разъ и оттуда.

Странно однакожь устроенъ человѣкъ: хочется на берегъ, а жаль покидать и фрегатъ! Но еслибъ вы знали, что̀ это за изящное, за благородное судно, что̀ за люди на немъ, такъ не удивились бы, что я скрѣпя сердце покидаю «Палладу!»

VII.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ ЧЕРЕЗЪ СИБИРЬ.

Плаваніе по Охотскому морю.—Китоловъ.—Петровское зимовье.—Аянскіе утесы и рейдъ.—Сборы въ путь.—Верховая ѣзда.—Восхожденіе на Джукджуръ.—Горы и болота.—Нельканъ и рѣка Мая.—Якуты и русскіе поселенцы.—Опять верхомъ.—Лѣса и болота.—Юрты.—Телѣги.

Августъ, 1854 года.

Шкуна «Востокъ», съ своимъ, какъ стрѣлы, тонкимъ и стройнымъ рангоутомъ, покачивалась, стоя на якорѣ, между крутыми, но зелеными берегами Амура, а мы гу-

ляли по прибрежному песку, чертили на немъ прутикомъ фигуры, лѣниво посматривали на шкуну и праздно ждали, когда скажутъ намъ трогаться въ путь, сдѣлать послѣдній шагъ огромнаго пройденнаго пути: остается всего какихъ-нибудь пятьсотъ верстъ до Аяна, перваго пристанища на берегахъ Сибири.

Наконецъ, 12 августа, толпа путешественниковъ, и во главѣ ихъ—генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, высыпали на берегъ. Всѣхъ гостей было болѣе десяти человѣкъ, да слугъ около того, да принадлежащихъ къ шкунѣ офицеровъ и матросовъ болѣе тридцати человѣкъ. А багажа сколько!

Если все, что̀ грузится въ судно, выложить на свободное мѣсто, то неосторожный человѣкъ непремѣнно подержитъ пари, что это не войдетъ туда — и проиграетъ.

Такъ когда и мы всѣ перебрались на шкуну, разсовали кое-куда багажъ, когда разошлись по угламъ, особенно улеглись ночью спать, то хоть бы и еще взять народу и вещей. Это та же исторія, что̀ съ чемоданомъ: не вѣрится, чтобъ вошло все приготовленное количество вещей, а потомъ окажется, что можно какъ-нибудь сунуть и то, втиснуть другое, третье.

При этомъ конечно обыкновенный, принятый на просторѣ порядокъ нарушается и водворяется другой, необыкновенный. Въ капитанской каютѣ, напримѣръ, могло помѣститься свободно—какъ привыкли помѣщаться порядочные люди—всего трое, если же потѣсниться, то пятеро. А насъ за столъ садилось въ этой каютѣ одиннадцать человѣкъ, да въ другой, офицерской, шестеро. Не однѣ вещи эластичны!

Для стола приносилась, откуда-то съ бака, длинная и широкая доска: однимъ концомъ ее клали на диванъ, а дру-

тимъ на какую-то подставку—это и былъ столъ. Тамъ, гдѣ на диванѣ могли сѣсть трое, садилось пятеро, плотно прижавшись другъ къ другу. Одна рука употреблялась для угощенія себя, а другая оставалась позади праздною. Остальные шестеро помѣщались съ другой стороны доски, да еще кто нибудь скромно стоялъ въ дверяхъ. Прислугѣ оставалось только просовывать въ дверь кончикъ носа и руку съ блюдомъ. Спали на столахъ, на стульяхъ, на лавкахъ.

Едва изслѣдованное, и еще не «положенное на карту», устье Амура усѣяно множествомъ мелей. Еслибъ эти мели были постоянны, то ихъ изучили-бы съ разу; но онѣ наносныя, образуются теченіемъ рѣки, и потому измѣняются почти каждый годъ. Прибыль и убыль въ этихъ водахъ также не подвергнута пока контролю мореплавателей, и оттого мы частенько становились на мель въ виду какого-нибудь мыса или скалы. Благо что еще не застало насъ волненіе въ лиманѣ, но и то однажды порядочно поколотило о песокъ, такъ-что импровизованный столъ нашъ, и мы сами, сидя за ужиномъ, подскакивали, вопросительно озираясь другъ на друга. Однажды шкуна, стоя на пескѣ, такъ обмелѣла, что принуждены были подпереть ей бока, чтобъ она не расположилась лечь на одинъ изъ нихъ.

Но, слава Богу, однакожь, мы выбрались изъ лимана и, благополучно проскользнувъ между материкомъ Азіи и островомъ Сахалиномъ, вышли въ Охотское море и бросили якорь у песчаной косы, передъ маленькимъ нашимъ поселеніемъ, *Петровскимъ зимовьемъ*.

Въ 1849 году, въ первый разъ военный транспортъ «Байкалъ» рѣшилъ нерѣшенную Лаперузомъ задачу. Онъ послалъ шлюпки, которыя изъ Охотскаго моря прошли въ амурскій лиманъ, и такимъ образомъ оказалось, что Са-

халинъ не соединенъ съ материкомъ, какъ прежде думали.

До-тѣхъ-поръ объ этомъ знали только Гиляки, Орочане, Мангу и другія бродячія племена приамурскаго края, но никакой важности этому не приписывали и потому молчали. Да и теперь не мало удивляются они, что отъ нихъ всячески стараются допытаться, гдѣ устье глубже, гдѣ мельче.

Нашъ рейсъ по проливу, на шкунѣ «Востокъ», между Азіей и Сахалиномъ, былъ всего третій со времени открытія пролива. Эта же шкуна уже ходила изъ Амура въ Аянъ и теперь шла во второй разъ. По этому случаю, лишь только мы миновали проливъ, торжественно, не въ урочный часъ, была положена доска, замѣнявшая столъ, на свое мѣсто; въ каюту, вмѣсто одиннадцати, пришло семнадцать человѣкъ, учредили завтракъ и выпили нѣсколько бокаловъ шампанскаго.

Мнѣ такъ хотѣлось перестать поскорѣе путешествовать, что я не съѣхалъ съ нашими, въ качествѣ путешественника, на берегъ въ Петровскомъ зимовьѣ и нетерпѣливо ждалъ, когда они воротятся, чтобъ перебѣжать Охотское море, ступить наконецъ на берегъ твердой ногой и быть дома.

Но задулъ жестокій вѣтеръ, сообщенія съ берегомъ не было, и наши пробыли на берегу цѣлыя сутки. Наконецъ тронулись далѣе. Дорогой, для развлеченія, намъ хотѣлось принять участіе въ войнѣ и поймать французское, или англійское судно. Однажды завидѣли довольно-большое судно и велѣли править на него. Между-тѣмъ зарядили наши шесть пушечекъ, приготовили абордажное оружіе и, вооруженные отвагой, съ сложенными назадъ руками, стали смотрѣть на чужое судно, стараясь угадать по оснасткѣ, чье оно. Флага

не было. Баронъ К. счелъ нужнымъ и самъ вооружиться. Онъ появился на палубѣ, съ двумя заряженными пистолетами, опустивъ ихъ, по разсѣянности, дуломъ въ карманъ. Онъ, по разсѣянности же, не замѣтилъ, какъ я вынулъ ихъ оттуда и отдалъ Аѳанасью, его камердинеру, положить на свое мѣсто. Между-тѣмъ судно подняло американскій флагъ; но мы не повѣрили, потому-что слышали, какъ англичане въ это время отличались подъ чужими флагами въ разныхъ моряхъ. Мы вызвали шкипера, съ бумагами. Онъ явился, выпилъ рюмку вина и объявилъ, что онъ китоловъ. Этого сорта суда находятъ въ Охотскомъ морѣ огромную поживу и въ иное время заходятъ туда въ числѣ двухсотъ и болѣе.

Разочарованные на счетъ побѣды надъ непріятелемъ*), мы продолжали плыть по курсу въ Аянъ. Погода была сѣренькая, но теплая, волненіе небольшое, какое именно намъ было нужно. Обѣды Н. Н. М. прекрасные, общество избранное и веселое, вино, до котораго впрочемъ мнѣ никакого дѣла нѣтъ, отличное, сигары — изъ первыхъ рукъ—манильскія, и состояніе духа у всѣхъ пріятное.

Любезная шкуна старалась, сколько могла, удовлетворить нашему нетерпѣнію. Она усердно жгла некупленный, добытый, руками ея матросовъ на Сахалинѣ, уголь, да еще обвѣсилась парусами и бѣжала верстъ по четырнадцати въ часъ. И горизонтъ ужь не казался намъ дальнимъ и безбрежнымъ, какъ, бывало, на различныхъ океанахъ, хотя дугообразная поверхность земли и здѣсь закрывала даль и, кромѣ воды и неба, ничего не было видно. Но намъ ме-

*) Въ это самое время, именно 16 августа, совершилось между-тѣмъ, какъ узнали мы въ свое время, геройское, изумительное отраженіе многочисленнаго непріятеля горстью русскихъ по ту сторону моря, въ Камчаткѣ.

рещились поля и домы родины, мы вдыхали въ себя сырой морской воздухъ, воображая, что дышемъ ея воздухомъ. Наконецъ на четвертый день мы замѣтили на горизонтѣ, не поля, не домы, а какую-то сѣрую, неприступную, грозную стѣну. Это была куча громадныхъ утесовъ.

По мѣрѣ нашего приближенія, они все казались страшнѣе, отвѣснѣе и неприступнѣе. Жилья и признаковъ нѣтъ; да и какое тутъ можетъ быть жилье? кажется, на этихъ утесахъ и чайкамъ страшно сидѣть. Пустота, голь и вышина, отъ которой духъ занимается, да свистъ вѣтра — вотъ характеръ этого мѣста. Здѣсь бы въ старину хорошо поставить разбойничій зàмокъ, еслибъ было кого грабить, а теперь развѣ поставить батареи. «Вонъ нора, должно-быть бобра!» замѣтилъ кто-то, указывая на круглую, правильную лазейку въ скалѣ, прорытую почти вровень съ водой.

Вглядыванье въ общій видъ новаго берега или всякой новой мѣстности, освоеніе глазъ съ нею, изученіе подробностей — это привиллегія путешественника, награда его трудовъ и такое наслажденіе, передъ которымъ блѣднѣетъ наслажденіе, испытываемое передъ картиной самаго великаго мастера. Посмотрите на толпу путешественниковъ, когда они медленно подбираются къ новому мѣсту: на горизонтѣ видна еще синяя линія берега, а они всѣ наверху: равнодушныхъ, отсталыхъ, лѣнивыхъ, сонныхъ нѣтъ. Они стоятъ, не шевелясь, какъ окаменѣлые, молчатъ, какъ нѣмые, и если кто сдѣлаетъ вопросъ, то робко, шопотомъ, и почти никогда не получитъ отвѣта. На лицàхъ, сначала напряженное вниманіе, въ глазахъ вопросы, потомъ цѣлая страница мыслей, живыхъ впечатлѣній, удовлетвореннаго или неудовлетвореннаго любопытства. Я, подъ-шумокъ, незамѣтно отъ товарищей своихъ, наслаждался, по праву путешественника, и картиной но-

ваго берега, и повѣрялъ свои впечатлѣнія по лицамъ спутниковъ. «Гдѣ же Аянъ?» спрашиваютъ наконецъ нетерпѣливые, отвращая взгляды отъ безжизненныхъ утесовъ, которые недолго изучить.

Какъ берегъ ни красивъ, какъ ни любопытенъ, но тогда только глаза путешественника загорятся огнемъ живой радости, когда они завидятъ жизнь на берегу. Шкуна между-тѣмъ, убавивъ паровъ, подвигалась прямо на утесы. Вотъ два изъ нихъ вдругъ посторонились, и намъ открылись, сначала два купеческія судна на рейдѣ, потомъ длинное деревянное строеніе на берегу, съ красной кровлей.

Кровля пуще всего говоритъ сердцу путешественника, и притомъ красная: это цѣлая поэма, содержаніе которой — отдыхъ, семья, очагъ — всѣ домашнія блага. Кто не бывалъ Улиссомъ на своемъ вѣку и возвращаясь издалека, не отъискалъ глазами Итаки? «Это пакгаузъ», прозаически замѣтилъ кто-то, указывая на дразнившую насъ кровлю, какъ-будто подслушавъ завѣтныя мечты странниковъ.

Ущелье все раздвигалось и наконецъ намъ представилась довольно узкая ложбина между двухъ рядовъ высокихъ горъ, усѣянныхъ березнякомъ и соснами. Безпорядочно разставленные, съ десятокъ, болѣе нежели скромныхъ домиковъ, стоящихъ другъ къ другу, какъ извѣстная изба на курьихъ ножкахъ,—поочереди появлялись изъ-за зелени; скромно за ними возникалъ зеленый куполъ церкви съ золотымъ крестомъ. На пескѣ у самаго берега поставлена батарея, на право отъ нея верфь, еще младенецъ, съ остовомъ новаго судна, дальше цѣлый лагерь палатокъ, двѣ-три юрты, и между ними кочки болотъ. Вотъ и весь Аянъ.

Это ни городъ, ни село, ни посадъ, а факторія американской компаніи. Она возникла лѣтъ десять назадъ, для замѣны Охотскаго порта, который неудобенъ, ни съ мор-

ской, ни съ сухопутной стороны. Съ моря онъ гораздо открытѣе Аяна, а съ сухаго пути дорога отъ него къ Якутску представляетъ множество неудобствъ, между прочимъ такъ называемые *Семь хребтовъ*, отраслей Становаго хребта, черезъ которые очень трудно пробираться. Трудами преосвященнаго Иннокентія, архіепископа камчатскаго и курильскаго, и бывшаго губернатора камчатскаго, г. Завойки, отъисканъ нынѣшній путь къ Охотскому морю и положено основаніе Аянскаго порта.

Этотъ портъ открытъ только съ S и вѣтеръ съ этой стороны разводитъ крупное волненіе. Американская компанія имѣетъ здѣсь склады иностранныхъ товаровъ, привозимыхъ ея судами, и снабжаетъ иностранныя суда разными потребностями: деревомъ, якорями, морскими картами, сухарями, холстомъ и т. п.

Если здѣсь разовьется торговля и приметъ когда-нибудь большіе размѣры, то вѣроятно устроится и брекватеръ или мола, для защиты рейда отъ S вѣтровъ. Теперь же пока это скромный, маленькій уголокъ Россіи, въ десяти тысячахъ пятистахъ верстахъ отъ Петербурга, съ двумя стами жителей, состоящихъ, кромѣ командира порта и нѣкоторыхъ служащихъ при конторѣ лицъ съ семействами, изъ нижнихъ чиновъ, командированныхъ сюда на службу казаковъ, и наконецъ, якутовъ. Чиновники компаніи помѣщаются въ домахъ, казаки въ палаткахъ, а якуты въ юртахъ. Казаки исправляютъ здѣсь военную службу, а якуты статскую. Первые содержатъ караулъ и смотрятъ за благочиніемъ; одного изъ нихъ называютъ даже полиціймейстеромъ; а вторые занимаются перевозкой пассажировъ и клади, лѣтомъ на лошадяхъ, а зимой на собакахъ. Якуты всѣ осѣдлые и христіане, всѣ одѣты чисто и, сообразно климату, хорошо. И мужчины и женщины носятъ фризовые

капоты, а зимой—оленій или нерпичій мѣхъ, выворочен-ный на изнанку. Отъ русскихъ у нихъ есть всегда работа, слѣдовательно они сыты, и притомъ, я видѣлъ, съ ними обращаются ласково.

«Отдай якорь!» раздалось для насъ въ послѣдній разъ и сердце замерло, и отъ радости, что ступаешь на твердую землю, чтобъ уже съ нею не разставаться, и отъ сожалѣнія, что прощаешься съ моремъ, чтобъ къ нему не возвращаться болѣе.

Конецъ благополучну бѣгу,
Спускайте други, паруса!

воскликнулъ бы я, отъ избытка радости, еслибъ, въ самомъ дѣлѣ, это былъ конецъ бѣгу. Но десять тысячъ верстъ остается до той красной кровли, гдѣ будешь имѣть право сказать: я дома!.. Какая огромная Итака и каково нашимъ Улиссамъ добираться до своихъ Пенелопъ! Десять тысячъ верстъ: чего-чего на нихъ нѣтъ! Тутъ цѣлые океаны снѣговъ, болотъ, сухихъ пучинъ и стремнинъ, свои сорокаградусные тропики, вѣчная зелень сосенъ, дикари всѣхъ родовъ, звѣри, начиная отъ черныхъ и бѣлыхъ медвѣдей до клоповъ и блохъ включительно, снѣжные ураганы, вмѣсто качки — тряска, вмѣсто морской скуки — сухопутная, всѣ климаты и всѣ времена года, какъ и въ кругосвѣтномъ плаваніи...

Проберешься ли цѣло и невредимо среди всѣхъ этихъ искушеній? Оттого мы задумчиво и нерѣшительно смотрѣли на берегъ и не торопились покидать гостепріимную шкуну. Богъ знаетъ, долго ли бы мы просидѣли на ней въ виду красивыхъ утесовъ, еслибъ намъ не были сказаны слѣдующія слова: «Господа! завтра шкуна отправляется въ Камчатку, и потому сегодня извольте перебраться съ нея», а куда — не сказано. Разумѣлось, на берегъ.

Но въ Аянѣ, по молодости лѣтъ его, не завелось гостинницы, и потому путешественники, походивъ по берегу, купивъ что̀ надобно, возвращаются обыкновенно спать на корабль. Я посмотрѣлъ въ недоумѣніи на барона К., онъ на Аѳанасья, Аѳанасій на Тимоѳея, потомъ поглядѣли на князя О., тотъ на Т., а этотъ на кучера Ивана Григорьева, котораго князь О. привезъ съ собою на фрегатѣ Діана, кругомъ Америки.

Люди наши, заслышавъ приказъ, вытащили весь багажъ на палубу и стояли въ ожиданіи, что̀ дѣлать. Между вещами я замѣтилъ зонтикъ, купленный мной въ Англіи и валявшійся гдѣ-то въ углу каюты. «Это зачѣмъ ты взялъ?» спросилъ я Тимоѳея. «Жаль оставить», сказалъ онъ. «Брось за бортъ», велѣлъ я: «куда всякую дрянь везти?» Но онъ уцѣпился и сказалъ, что ни за что̀ не броситъ, что эта вещь хорошая и что онъ охотно повезетъ ее черезъ всю Сибирь. Такъ и сдѣлалъ.

Намъ подали шлюпки, и мы, съ людьми и вещами, свезены были на прибрежный песокъ и тамъ оставлены, какъ совершенные Робинсоны. Что̀ толку, что Сибирь не островъ, что тамъ есть города и цивилизація? да до нихъ двѣ, три или пять тысячъ верстъ! Мы поглядывали, то на шкуну, то на строенія, и не знали, куда преклонить голову. Между-тѣмъ къ намъ подошелъ какой-то штабъ-офицеръ, спросилъ имена, сказалъ свое, и пригласилъ насъ къ себѣ ужинать, а завтра обѣдать. Это былъ начальникъ порта.

Б. К. ожилъ; облако исчезло съ лица его. «Il y a une providence pour les voyageurs! воскликнулъ онъ: много я на своемъ вѣку получалъ приглашеній на обѣдъ или ужинъ, но всегда порознь: и вотъ здѣсь, на пустомъ берегу, среди дикарей—приглашеніе на обѣдъ и ужинъ разомъ!»

Но обѣдъ и ужинъ не обезпечивали намъ крова на при-

ближавшійся вечеръ и ночь. Мы пошли заглядывать въ строенія: въ одномъ лавка съ товарами, но запертая. Здѣсь еще пока такой порядокъ торговли, что покупатель отъищетъ купца, тотъ отопретъ лавку, отмѣряетъ или отрѣжетъ товаръ и потомъ запретъ лавку опять. Въ другомъ зданіи кто-то помѣщается: есть и постель, и домашнія принадлежности, даже тараканы, но нѣтъ печей. Третій, четвертый домы биткомъ набиты, или обитателями мѣстечка, или опередившими насъ товарищами.

Но однакожь кончилось все-таки тѣмъ, что вотъ я живу, у кого—еще и самъ не знаю; на доскахъ постлана мнѣ постель, вещи мои расположены какъ слѣдуетъ, необходимое платье развѣшено, и я сижу за столомъ и пишу письма въ Москву, къ вамъ, на Волгу.

Décidement il y a une providence pour les voyageurs! скажу вмѣстѣ съ б. К. Мѣста поочистились, нѣкоторые изъ чиновниковъ генералъ-губернатора отправились впередъ, и одинъ изъ нихъ, самый любезный и пріятный изъ чиновниковъ и людей, М. С. В., быстро водворилъ меня, и еще одного товарища, въ свою комнату. Правда, тутъ же рядомъ, черезъ перегородку, стоялъ покойникъ, и я съ вечера слышалъ чтеніе псалмовъ, но это обстоятельство не помѣшало мнѣ самому спать, какъ мертвому.

Черезъ три дня предстояло отправляться далѣе, а мы жили буквально спустя рукава. Насъ всѣхъ, Улиссовъ, раздѣлили на три партіи, чтобъ не встрѣтилось по дорогѣ затрудненія въ лошадяхъ. Одна партія уже уѣхала, другая выѣзжала черезъ день. Оставались мы трое: князь О., Т. и я, да съ нами четверо людей. У князя кучеръ Иванъ Григорьевъ, разсудительный и словоохотливый человѣкъ, теперь уже съ печатью кругосвѣтнаго путешествія на челѣ, да Ванюшка, молодой малый, безъ всякаго значе-

нія на лицѣ, охотникъ вскакнуть на лошадь и промчаться куда-нибудь безъ цѣли, да за угломъ, особенно на сѣновалѣ, покурить трубку; съ Т. Витулъ, матросъ съ фрегата, и со мной Тимоѳей, поваръ.

Только по отъѣздѣ третьей партіи, т. е. на четвертый день, стали мы поговаривать, кàкъ намъ ѣхать, чтò взять съ собой и прочее. А выѣхать надо было на шестой день, когда воротятся лошади и отдохнутъ. Зимой ѣдутъ отсюда на собакахъ, въ такъ называемыхъ *нартахъ*, длинныхъ, низенькихъ санкахъ, лежа, по одному человѣку въ каждыхъ. Лѣтомъ надо ѣхать верхомъ верстъ двѣсти, багажъ тоже ѣдетъ верхомъ, вьюками. Далѣе, по рѣкамъ Маѣ и Алдану, спускаются въ лодкахъ верстъ шестьсотъ, потомъ сто-восемьдесятъ верстъ опять верхомъ, по болотамъ, наконецъ остальныя верстъ двѣсти пятьдесятъ, до Якутска, на телѣгахъ.

Еще въ тропикахъ, когда мелькало въ умѣ предположеніе о возможности возвратиться домой черезъ Сибирь, бывшіе въ Сибири спутники говорили, что въ Аянѣ надо бросить всѣ вещи и взять только самое необходимое; а здѣсь теперь говорятъ, что бросать ничего не надобно, что можно увязать на вьючныхъ лошадей все, чтò ни захочешь, даже книги.

Сказали еще, что если я не хочу ѣхать верхомъ (а я не хочу), то можно ѣхать въ *качкѣ* (сокращенное *качалкѣ*), которую повезутъ двѣ лошади, одна спереди, другая сзади. «Это-де очень удобно: тамъ можно читать, спать». Чего же лучше? Я обрадовался и просилъ устроить качку. Мы съ казакомъ, который взялся дѣлать ее, сходили въ пакгаузъ, купили кожи, ситцу, и казакъ принялся за работу.

«Помилуйте!» начали потомъ пугать меня за обѣдомъ у начальника порта, гдѣ собиралось человѣкъ пятнадцать

за столомъ: «въ качкахъ возятъ старухъ или дамъ». Не знаю, какое различіе полагалъ собесѣдникъ между дамой и старухой. «А старика можно?» спросилъ я. «Можно», говорятъ. «Ну, такъ я поѣду въ качкѣ».

«Сохрани васъ Боже!» закричалъ одинъ бывалый человѣкъ: «жизнь проклянете! Я десять разъ ѣздилъ по этой дорогѣ и знаю этотъ путь, какъ свои пять пальцевъ. И полверсты не проѣдете, бросите. Вообразите, грязь, бродъ; передняя лошадь ушла по поясъ въ воду, а задняя еще не сошла съ пригорка, или наоборотъ. Не то, такъ передняя вскакиваетъ на мостъ, а задняя задерживаетъ: вы-то въ какомъ положеніи въ это время? Между-тѣмъ придется ѣхать по ущельямъ, по лѣсу, по тропинкамъ, гдѣ качка не пройдетъ. Мученье!»

«Все это неправда», возразила одна дама (тоже бывалая, потому-что тамъ другихъ нѣтъ): «я сама ѣхала въ качкѣ и очень хорошо. Лежишь-себѣ, или сидишь; я даже вязала дорогой. А верхомъ вы измучитесь по болотамъ; якутскія сѣдла мерзкія...»

«Сѣдло купите здѣсь, у американской компаніи, черкесское: оно и мягко, и широко...» — «Эй, поѣзжайте въ качкѣ...» — «Нѣтъ, верхомъ: спасибо скажете...» — «Не слушайте ихъ...» — «Въ качкѣ на Джукджуръ не подниметесь...»

«Что это такое Джукджуръ?» спросилъ я, ошеломленный этими предостереженіями и поглядывая на всѣхъ.

«Вы не знаете, что такое Джукджуръ? спросили меня вдругъ всѣ. «Помилуйте, Джукджуръ!...»

«Джукджуръ», началъ одинъ учено-педантически, «по-тунгузски значитъ «большая выпуклость...» — «Такъ вы думаете, что я на эту выпуклость въ качкѣ...» — «Не подниметесь...» — «А верхомъ...» — «Не въѣдете!» отвѣчали

всѣ. — «Какъ же быть-то?» — «Пѣшкомъ взойдете, особенно если проводники, якуты, будутъ сзади поддерживать васъ въ спину».—«А ихъ кто же поддерживаетъ?» — «Они привыкли». — «Велите подковать себя», посовѣтовалъ кто-то. Я мрачно взглянулъ на собесѣдника, доискиваясь причины обиды. «У якутовъ есть такія подковки для людей», прибавилъ мнимый обидчикъ. — «Зачѣмъ подковки? теперь не зима: тамъ щебень, ноги не скользятъ», прибавилъ другой. «Такъ гора очень крутая?» спрашивалъ я. «Да такъ крута», сказалъ одинъ, «что еслибъ была круче, такъ, ни въ качкѣ, ни верхомъ, ни пѣшкомъ, нельзя было бы взобраться на нее».

За тѣмъ ли я не рискнулъ взобраться на Столовую гору, и вообще обходилъ ихъ всѣ, отказываясь наслаждаться восхитительнѣйшими видами, чтобъ лѣзть на какой-то тунгузскій Монбланъ — по-неволѣ!

«Полноте, это сущая бездѣлица», утѣшалъ меня одинъ, самый бывалый собесѣдникъ: «я разъ восемь спускался и поднимался на гору — ничего. Вотъ только какъ прошедшій годъ спускался въ гололедицу, такъ... того... Надо знать, что вершина у ней въ-самомъ-дѣлѣ выпуклая, горбомъ, такъ-что прямо идти нельзя, а надо зигзагами. Была оттепель, потомъ вдругъ немного подморозило, но такъ, что затянуло снѣгъ только сверху, и то на самой выпуклости. Якутъ хотѣлъ-было подковать меня, но снѣгъ отъ оттепели сдѣлался рыхлъ, можно было провалиться, и я пошелъ безъ подковъ. Пройти по самому выпуклому и трудному мѣсту надо было саженъ пятьдесятъ, на перекосъ; тамъ начинались уже камни и снѣгу не было. Я пошелъ, а ниже меня саженъ на десять шелъ товарищъ. Надо было продавливать пяткой слой снѣга, но слегка, чтобъ нога задерживалась только, а не вязла. Я про-

шелъ, хотя не скоро, но благополучно; оставалось саженъ пять; вдругъ пятка моя встрѣчаетъ сопротивленіе: я не успѣваю продавить снѣгъ, срываюсь и лечу... (— «Ухъ», сдѣлалъ я невольно—) «прямо на товарища: мы оба на краю пропасти. Онъ въ ужасѣ. Я дѣлаю усиліе и, что есть мочи, вонзаю кулакомъ въ снѣгъ, рука уходитъ по плечо. Я задержался и повисъ. Якуты выручили меня изъ западни».

Утѣшилъ, можно сказать, разсказомъ!

«Я тоже чуть не погибъ тамъ, года три назадъ», сказалъ хозяинъ: «такъ, по своей глупости. Я ѣхалъ съ человѣкомъ въ двухъ нартахъ, третья была съ провизіей. Насъ застала буря на самой горѣ. Вѣтеръ дулъ съ вершины на насъ такъ свирѣпо, что мы стѣснились на полугорѣ въ кучу и не знали, какъ подниматься. Лишь только онъ затихъ немного, якутъ схватилъ меня за руки и потащилъ на выпуклость. Доведя до полгоры, онъ бросилъ мнѣ топоръ, а самъ воротился за моимъ человѣкомъ. Я поползъ вверхъ, вдругъ порывъ вѣтра... я крѣпко прижался къ землѣ, но чувствую, что силъ нѣтъ, меня тащитъ съ крутизны, еще минута... Я кое-какъ надавилъ топоръ на снѣгъ, зацѣпился и повисъ; порывъ вѣтра пронесся. Я вздохнулъ свободно и проворно поползъ вверхъ. Еще сажень — и я на вершинѣ: но другой порывъ, сильнѣе прежняго, дунулъ мнѣ прямо въ лобъ и помчалъ наши нарты, съ якутами и оленями, внизъ. Я закрылъ глаза и, почти безъ памяти, налегая на топоръ, прижимался къ горѣ. Мнѣ казалось, что кругомъ меня забѣгали волки и медвѣди, которыхъ много водится въ этомъ мѣстѣ. Вдругъ сзади кто-то хватаетъ меня. «Медвѣдь!» подумалъ я, опустивъ лицо въ снѣгъ. Нѣтъ, это якутъ Иванъ хочетъ поднять меня». — «Жаль мнѣ тебя стало», говоритъ онъ. Я поправился. — «Поди спасай другихъ!» сказалъ я, самъ добрался до вершины и,

обезсиленный, не чувствуя холода, легъ у первыхъ кустовъ. Черезъ часъ пришли и нарты. Слава Богу, никто не ушибся».

Гдѣ же тутъ «глупость?» подумалъ я.

Тутъ же разсказали мнѣ, что зимой не сходятъ и не съѣзжаютъ, а спалзываютъ съ горы. Оленей отпрягаютъ и пускаютъ сойти самихъ, а къ нартамъ привязываютъ длинную сосну съ вѣтвями и сталкиваютъ внизъ, съ людьми и съ кладью. Путешественникъ, лежа въ саняхъ и опершись руками и ногами въ стѣнки, раза два обернется головой внизъ—и ничего. Особенно такой спускъ съ горъ, покрытыхъ снѣгомъ, употребителенъ на пути въ Камчатку. Одинъ, ѣздившій туда по службѣ, разсказывалъ, что тунгузъ, подъѣхавъ къ одному крутому утесу, съ котораго даже собаки не могли бѣжать, отпрягъ ихъ и, одну за другой, побросалъ съ утеса. Путешественникъ пришелъ въ ужасъ, когда очередь дошла и до той нарты, гдѣ онъ лежалъ.

«Стой, стой! что ты?» кричалъ онъ въ отчаяніи, изъ окошечка своихъ крытыхъ санокъ. Но тотъ отвѣтилъ ему что-то по-своему и толкнулъ нарту. Прежде нежели проѣзжій успѣлъ опомниться, онъ уже вертѣлся на воздухѣ и упалъ въ рыхлый снѣгъ. Потомъ свалился и самъ тунгузъ и началъ вытаскивать увязшихъ въ снѣгу собакъ, запрягъ ихъ въ нарты и отправился дальше.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нарты проѣзжаютъ по ледянымъ окраинамъ, въ родѣ карнизовъ, надъ моремъ, такъ-что нартѣ приходится иногда одной стороной полозьевъ скользить по воздуху... Фу, даже гадко слушать!

Между-тѣмъ мы гуляли по Аяну, въ ожиданіи лошадей, играли въ карты, даже танцовали. Я ходилъ смотрѣть свою качку. Это небольшая лодка, съ маленькимъ навѣсомъ. Казакъ, въ сараѣ, набравъ гвоздей полонъ ротъ, вынималъ

ихъ оттуда по одному и усердно обивалъ качку ситцомъ и кожей.

«А есть ли у васъ переметныя сумы?» спрашивали насъ. «Что̀ это такое?» — «Вы не знаете, что̀ такое переметныя сумы?» Опять напугаютъ! подумалъ я. «Слыхалъ, отвѣчалъ я: это что-то не хорошо: *и нашимъ* и *вашимъ*...» — «Совсѣмъ не то; это просто двѣ кожаныя сумки, которыя вѣшаютъ по бокамъ лошади, для провизіи, и вообще для всего, что̀ надо имѣть подъ-рукой. «А ящики есть?» спросили опять. — «Нѣтъ; а развѣ надо?» — «Какъ же вы повезете вещи? Въ чемоданахъ и мѣшкахъ не довезете: лошадь будетъ драть ихъ и о деревья, и вязнуть въ болотахъ, и... и... и т. д. А въ каждый ящикъ положите по два съ половиной пуда и навьючьте на лошадь. Чемоданъ бросьте». —«Зачѣмъ бросать? все возьмите!» замѣтилъ бывалый. — «А зонтикъ можно взять?» спросилъ Тимоѳей, несмотря на мой свирѣпый взглядъ. — «И зонтикъ возьми» былъ отвѣтъ.

«Сары, сары не забудьте купить!» — «Это еще что̀?» — Сары—это якутскіе сапоги изъ конской кожи: въ нихъ сначала надо положить сѣна, а потомъ ногу, чтобъ вода не прошла; иначе по здѣшнимъ грязямъ не пройдете и не проѣдете. Да вотъ зайдите ко мнѣ, я велю вамъ принести».

И мой любезный хозяинъ М. С. повелъ меня къ себѣ и велѣлъ позвать Александру. Пришла якутка, молодая и, вѣроятно, въ якутскомъ вкусѣ красивая, съ плоскимъ носомъ, съ узенькими, но карими глазами, и яркимъ румянцемъ на широкихъ щекахъ.—Здравствуй...» тутъ онъ сказалъ что-то по-якутски.—«Что это значитъ?», спросилъ я. «Прекрасная женщина». «Есть сары?» — «Есть». — Принеси» — «Слусаю», отвѣчала она и черезъ пять минутъ принесла сапоги на слона, съ запахомъ вспотѣвшей лошади и

сала, которымъ они и были вымазаны. «Вынеси, вынеси скорѣй! закричалъ я: ужели ихъ надѣваютъ люди?» спросилъ я М. С. «И очень порядочные», отвѣчалъ онъ: и вы надѣнете».

Но я подарилъ ихъ Тимоѳею, который сильно занятъ приспособленіемъ къ сѣдлу мѣшка съ чайниками, кострюлями, вообще необходимыми принадлежностями своего ремесла, и, кромѣ того, зонтика, на который болѣе всего обращена его внимательность. Кучеръ Иванъ Григорьевъ во все пытливо вглядывался. «Оно ничего: можно и верхомъ ѣхать, надо только, чтобъ все заведеніе было въ порядкѣ», говоритъ онъ съ важностью авторитета. Ванюшка прилаживаетъ себѣ какую-то щегольскую уздечку и всякій день все уже и уже стягивается кожанымъ ремнемъ.

П. А. Т., взявшійся завѣдывать и на сушѣ нашимъ хозяйствомъ, то-и-дѣло ходитъ въ пакгаузъ и всякій разъ воротится, то съ окорокомъ, то съ сыромъ, поминутно проситъ денегъ и разсказываетъ каждый день раза три, что̀ мы будемъ ѣсть, и даже—чего не будемъ. «Нѣтъ, ужь курочки и въ глаза не увидите», говоритъ онъ со вздохомъ: «котлетъ и рису, какъ бывало на фрегатѣ, тоже не будетъ. Ахъ, вотъ забылъ: нѣтъ ли чего сладкаго въ здѣшнихъ пакгаузахъ? Сбѣгаю поскорѣй; черносливу или изюму: компотъ можно ѣсть». Схватитъ фуражку и побѣжитъ опять.

Наконецъ въ одно, въ самомъ-дѣлѣ прекрасное утро, передъ домикомъ, гдѣ мы жили, расположился нашъ караванъ, состоявшій изъ восьми всадниковъ и семнадцати лошадей, считая и вьючныхъ. «А гдѣ же качка?» спрашиваю я. Одинъ изъ служащихъ улыбается, глядя на меня; а казакъ, который дѣлалъ мнѣ качку, вмѣсто нея, подводитъ осѣдланную лошадь. Гляжу: на ней и черкесское сѣдло, и

моя подушка. «Качки нѣтъ, сказалъ мнѣ Б.: не поспѣла». Я понялъ, что меня обманули въ мою пользу, за что̀ въ дорогѣ потомъ благодарилъ неразъ, молча сѣлъ на лошадь и молча поѣхалъ по крутой тропинкѣ въ гору.

Всѣ жители Аяна столпились около насъ: всѣ благословляли въ путь. Ч. и Ф., безъ сюртуковъ, пошли пѣшкомъ проводить насъ съ версту. На одномъ поворотѣ за скалу Ч. сказалъ: «Поглядите на море: вы больше его не увидите». Я быстро оглянулся, съ благодарностью, съ любовью, почти со слезами. Оно было сине, ярко сверкало на солнцѣ серебристой чешуей. Еще минута и—скала загородила его. «*Прощай, свободная стихія! въ послѣдній разъ...*»

Отъ Аяна ѣдешь по ложбинамъ между горъ, по руслу рѣчекъ и горныхъ ручьевъ, которые въ дожди бурлятъ такъ, что лошади едва переходятъ въ бродъ, уходя по уши. Каково сѣдоку? Немного хуже, чѣмъ лошади. Теперь сухо и мы едва мочили подошвы, только переправляясь черезъ Алдаму, должны были поднять ноги къ сѣдлу.

Ничего нѣтъ ужаснаго въ этихъ дикихъ пейзажахъ, но печальнаго много. По дорогѣ идетъ густой лиственный лѣсъ; ѣдешь по узенькой, усѣянной пнями тропинкѣ. Потомъ лѣсъ раздвигается и глазамъ является обширное, забросанное каменьями болото, которое въ дожди должно быть непроходимо. Щебень составляетъ природное дно рѣчекъ, а крупные каменья набросаны, будто въ видѣ украшеній, съ утесовъ, которые стоятъ стѣной, и мѣстами поросли лѣсомъ, мѣстами голы и дики. Нигдѣ ни признака жилья, ни встрѣчи съ кѣмъ-нибудь. По этой дорогѣ человѣкъ въ первый разъ, можетъ-быть, прошелъ въ 1845 году, и этотъ человѣкъ, если не ошибаюсь, былъ преосвященный Иннокентій, архіепископъ камчатскій и курильскій. Онъ ис-

калъ другой дороги къ морю, кромѣ той, признанной неудобною, которая ведетъ отъ Якутска къ Охотску, и проложилъ трактъ къ Аяну.

По деревьямъ во множествѣ скакали звѣрки, которыхъ здѣсь называютъ *бурундучками*, то же, кажется, что̀ вѣкши, и которыми занималась пристально наша собака, да кучеръ Иванъ. Видѣли взбѣгавшаго по дереву будто-бы соболя, а скорѣе черную бѣлку. «Ахъ, ружье бы, ружье!» закричали мои товарищи.

Дорогу эту можно назвать прекрасною для верховой ѣзды, но только не въ грязь. Мы легко сдѣлали тридцать восемь верстъ и слѣзали всего два раза, одинъ разъ у самаго Аяна, завтракали и простились съ Ч. и Ф., провожавшими насъ, въ другой разъ на половинѣ дороги полежали на травѣ у мостика, а потомъ уже ѣхали бозостановочно. Но тоска: якутъ-проводникъ, ѣдущій впереди, ни слова не знаетъ по-русски, пустыня тоже молчитъ, подъ-конецъ и мы замолчали, и часовъ въ семь вечера молча доѣхали до юрты, гдѣ и ночевали.

Я думалъ хуже о юртахъ, воображая ихъ чѣмъ-то въ родѣ звѣриныхъ норъ: а это та же бревенчатая изба, только бревна, составляющія стѣну, ставятся вертикально; притомъ она безъ клоповъ и тараканов, съ двумя каминами; дымъ идетъ въ крышу; лавки чистыя. Мы напились чаю и проспали до утра, какъ убитые.

Еще проѣхали день и ночевали въ юртѣ, у подошвы Джукджура. Я нанялъ двухъ якутовъ сопровождать меня по горѣ и помогать подниматься. Что̀ за дорога была вчера! Пустыни, пустыни и пустыни, дѣвственныя, если хотите, но скучныя и унылыя. Мы ѣхали горными тропинками, мимо овраговъ, къ счастію окаймленныхъ лѣсомъ, проѣхали въ бродъ множество рѣчекъ, горныхъ ручьевъ и нѣсколько

разъ Алдаму, потомъ углублялись въ глушь лѣсовъ и подолгу ѣхали узенькими дорожками, пересѣкаемыми, или горизонтально растущими сучьями, или до того грязными ямами, что лошадь и сѣдокъ останавливаются въ недоумѣніи, ка̀къ переѣхать или перескочить то или другое мѣсто. И это еще, говорятъ, бездѣлица въ сравненіи съ предстоящими грязями, гдѣ лошадь уходитъ со всѣмъ. «А что жь въ это время дѣлаетъ сѣдокъ?» спросилъ я.—«Падаетъ въ грязь», отвѣчали мнѣ.

Видѣли мы по лѣсу опять множество бурундучковъ, опятъ quasi-соболя, ждали увидѣть медвѣдя, но не видали, видѣли только, ка́къ якутъ, на станціи, ведя лошадей на кормовище въ лѣсъ, вооружился противъ «могущаго встрѣтиться» медвѣдя ружьемъ, которое было въ такомъ видѣ, въ какомъ только первый разъ выдумалъ его человѣкъ. Лошадямъ здѣсь овса не положено давать, за неимѣніемъ его, за-то травы изъ-подъ ногъ—сколько хочешь. По пріѣздѣ на станцію, ихъ отведутъ въ лѣсъ и тамъ оставятъ до утра. Лѣсъ по дорогѣ былъ лиственничный, потомъ стала появляться ель, сосна, шиповникъ. Много росло по пути брусники и рябины. Матросъ нашъ набралъ цѣлую кружку первой, а рябину съ удовольствіемъ ѣлъ кучеръ Иванъ, жалѣя только, что ее не хватило морозцемъ.

Видѣли мы кочевье оленныхъ тунгусовъ, со стадомъ оленей. Тишина и молчаніе сопровождали насъ. Только разъ засвистала какая-то птичка, да, кажется, сама испугалась и замолчала, или иногда вдругъ изъ болота выскакивалъ куликъ, мѣстами въ вышинѣ неслись гуси, или утки, все это пролетные гости здѣсь. Не слыхать и насѣкомыхъ.

Вчера мы сдѣлали тридцать-пять верстъ и нисколько не устали. Что̀ будетъ сегодня? Ахъ, Джукжуръ, Джукжуръ: съ ума нейдетъ!

Наконецъ совершилось наше восхожденіе на якутскій, или тунгузскій Монбланъ. Мы выѣхали часовъ въ семь со станціи и ѣхали незамѣтно въ гору, буквально, по океану камней. Рѣдко-рѣдко гдѣ на полверсты явится земляная тропинка и исчезнетъ. Якутскія лошади малорослы, но сильны, крѣпки, ступаютъ мѣрно и увѣренно. Мнѣ перемѣнили вчерашнюю лошадь, у которой сбились копыта, и дали другую, сильнѣе, съ крупнымъ шагомъ, остриженную à la мужикъ.

Джукжуръ отстоитъ въ восьми верстахъ отъ станціи, гдѣ мы ночевали. Вскорѣ по сторонамъ пошли горы, одна другой круче, сѣрѣе и недоступнѣе. Это какъ-будто искусственно-насыпанныя пирамидальныя кучи камней. По виду ни на одну нельзя влѣзть. Однѣ сѣроватыя, другія зеленоватыя, всѣ вообще непривѣтливыя, гордо поднимающія плечи въ небо, неудостоивающія взглянуть внизъ, а только сбрасывающія съ себя каменья.

Я все глядѣлъ по сторонамъ, стараясь угадать, которая же изъ горъ грозный Джукжуръ: вонъ эта, что ли? Да нѣтъ, на эту я не хочу: у ней крутъ скатъ, и хоть бы кустикъ по бокамъ; на другой крупны очень каменья. Давно я видѣлъ одну гору, какъ стѣну прямую, съ обледенѣвшей снѣжной глыбой, будто вставленнымъ въ перстнѣ алмазомъ, на самой крутизнѣ. Ну, конечно не эта, сказалъ я себѣ. «Гдѣ Джукжуръ?» спросилъ я якута. — «Джукжуръ!» повторилъ онъ, указывая на эту самую гору, съ ледяной лысиной. «Какъ же на нее взобраться?» думалъ я.

Между-тѣмъ я не замѣтилъ, что мы ужь давно поднимались, что стало холоднѣе и что намъ осталось только подняться на самую «выпуклость», которая висѣла надъ нашими головами. Я все еще не вѣрилъ въ возможность въѣхать и войти, а между-тѣмъ нашъ караванъ уже тро-

нулся при крикахъ якутовъ. Камни заговорили подъ ногами. Вереницей, зигзагами, потянулся караванъ по тропинкѣ. Двѣ вьючныя лошади перевернулись черезъ голову, одна съ моими чемоданами. Ее бросили на горѣ и пошли дальше.

Я шелъ съ двумя якутами, одинъ велъ меня на кушакѣ, другой поддерживалъ сзади. Я садился разъ семь отдыхать, выбирая для дивана каменья помшистѣе, иногда клалъ голову на плечо якута. Двое товарищей уже взобрались и съ вершины бросали на ледяную лысину каменья. Какъ я завидовалъ имъ! счастливцы! И собакѣ завидовалъ: она ужь раза три вбѣжала на вершину и возвращалась къ намъ, а теперь, стоя на самой крутой точкѣ выпуклости, лаяла на насъ, досадуя на нашу медленность. А мнѣ еще оставалось шаговъ двѣсти. Каменья катились подъ ногами; якуты дали намъ по палкѣ. Наконецъ я вошелъ. Меня подкрѣпила рюмка портвейна. Какъ хорошо показалось мнѣ вино, котораго я въ другое время не пью! У одного якута, который велъ меня, пошла изъ носа кровь.

Остальная дорога до станціи была отличная. Мы у рѣчки, на мшистой почвѣ, въ лѣсу, напились чаю, потомъ ѣхали почти по шоссе, по прекрасной сосновой, березовой и еловой аллеѣ. Встрѣтили красивый каскадъ и груды причудливо-разбросанныхъ какъ-будто взрывомъ зеленоватыхъ камней.

На Джукжурѣ всего болѣе отличился мой слуга, Тимоѳей. Только-что тронулся на крутизну нашъ караванъ и каменья зажурчали подъ ногами лошадей, вдругъ Тимоѳей рванулся впередъ и понесся въ гору впереди всѣхъ. Онъ обогналъ вьючныхъ лошадей, обогналъ проводниковъ, даже собаку, и все еще, съ распростертыми руками, въ какомъ-то испугѣ, несся неистово въ гору. «Тимоѳей! куда ты?

съума сошелъ!» кричалъ я, изнемогая отъ усталости: «вѣдь гора велика, успѣешь устать!» Но онъ махнулъ рукой и несся все выше, лошади выбивались изъ силъ и падали, собака, и та высунула языкъ; несся одинъ Тимоѳей. Наконецъ онъ и наши верховыя лошади взбѣжали на вершину горы и въ одно время скрылись изъ виду. — «Зачѣмъ это ты?» спросилъ я потомъ. «Однажды»... началъ онъ и не могъ продолжать, задохся и уже на станціи разсказалъ. «Зачѣмъ ты бѣжалъ такъ вверхъ?» спросилъ я. Онъ, помолчавъ немного, началъ такъ: «однажды я ѣхалъ изъ Буюкдерэ въ Константинополь и на минуту слѣзъ... а лошадь ушла впередъ съ дороги: такъ я и пришелъ пѣшкомъ, верстъ пятнадцать будетъ...»—Ну, такъ что жь? — «Вотъ я и боялся», заключилъ Тимоѳей, что, пожалуй, и эти лошади уйдутъ, вбѣжавши на гору, такъ чтобъ не пришлось тоже идти пѣшкомъ». — «Эти лошади уйдутъ!» съ горькимъ смѣхомъ воскликнулъ кучеръ Иванъ. А лошади, взойдя, стали какъ вкопанныя и поникли головами.

27. *Пустая юрта между Челасиномъ и Маиломъ.*

Вы конечно не удивляетесь, что я не говорю ни о какихъ встрѣчахъ по дорогѣ? Здѣсь никто не живетъ, начиная отъ Ледовитаго моря до Китайскихъ границъ, кромѣ кочевыхъ тунгузъ, разбросанныхъ кое-гдѣ на этихъ огромныхъ пространствахъ. Даже птицы, и тѣ мимолетомъ здѣсь. Звѣрей, говорятъ, много, но мы, кромѣ бурундучковъ и бѣлокъ, другихъ не видали. И слава Богу: встрѣча съ медвѣдемъ могла бы доставить удовольствіе, а можетъ-быть и нѣкоторую выгоду—только ему одному: насъ она повергла бы въ недоумѣніе, а лошадей въ неистовый испугъ.

Тоска сжимаетъ сердце, когда проѣзжаешь эти нѣмыя пустыни. Спросилъ бы стоящія по сторонамъ горы, когда онѣ, и все окружающее ихъ, увидѣло свѣтъ; спросилъ бы

что-нибудь, кого-нибудь, поговорилъ хоть бы съ нашимъ проводникомъ, якутомъ: сдѣлаешь заученый по-якутски вопросъ: «*Кась бироста ямъ*? (сколько верстъ до станціи). Онъ и скажетъ, да не поймешь, или *гра-гра* отвѣтитъ (далеко), или *чугесъ* (скоро, тотчасъ) и опять ѣдешь цѣлые часы молча.

Выработанному человѣку въ этихъ невыработанныхъ пустыняхъ пока дѣлать нечего. Надо быть отчаяннымъ поэтомъ, чтобъ на тысячахъ верстъ наслаждаться величіемъ пустыннаго и скукой собственнаго молчанія, или дикаремъ, чтобъ считать эти горы, камни, деревья за мебель и украшеніе своего жилища, медвѣдей—за товарищей, а дичь—за провизію.

Вчера мы пробыли одиннадцать часовъ въ сѣдлахъ, а съ остановками двѣнадцать съ половиною. Дорога отъ Челасина шла-было хороша, нельзя лучше, даже безъ камней, но верстахъ въ четырнадцати или пятнадцати вдругъ мы въѣхали въ заросшія лѣсомъ болота. Лѣсъ частъ, какъ волосы на головѣ, болота топки, лошади вязли по брюхо и не знали, что̀ дѣлать, а мы, всадники, еще меньше. Переѣзжая болото, только и ждешь съ безпокойствомъ, которой ногой оступится лошадь.

Вездѣ мохъ и болото; напрасно вы смотрите кругомъ во всѣ стороны: нѣтъ выхода изъ безконечныхъ тундръ, непроходимыхъ безъ проводника. Горе тому, кто бы самъ собой попробовалъ сунуться въ сторону: дороги нѣтъ, указать ее некому. Болота такъ задержали насъ, что мы не могли доѣхать до станціи и остановились въ пустой, брошенной юртѣ, гдѣ развели огонь, пили чай и ночевали. Холодно было; вчера летѣла изморозь, дулъ вѣтеръ, небо мрачное и темное—осень, осень. Наши проводники залѣзли къ намъ погрѣться; мы дали имъ по стакану чаю, хо-

тѣли дать водки, но и у насъ ее нѣтъ: она разбилась на Джукжурѣ, когда перевернулись двѣ лошади, а можетъ-быть, наша свита какъ-нибудь сама разбила ее... Потомъ якуты повели лошадей на кормовище за рѣчку, тамъ развели огонь и заварили свои два блюда: вареную въ водѣ муку съ масломъ, и муку, вареную въ водѣ, безъ масла.

Кучеръ Иванъ, по своей части, пріобрѣлъ замѣчательное свѣдѣніе, что здѣшнія лошади живутъ будто бы по пятидесяти лѣтъ, и сообщилъ объ этомъ намъ. Не знаю, правда ли.

Уже вьючатъ лошадей, пора ѣхать, мы еще не сдѣлали вчера сорока верстъ. Маилъ въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда.

28. *Опять пустая юрта.*

Что̀ Джукжуръ, что̀ каменистая дорога, что̀ горныя рѣчки — въ сравненіи съ болотами! Подъѣзжаете вы къ грязному пространству: сверху вода; проводникъ останавливается и осматриваетъ, нѣтъ ли объѣзда: если нѣтъ, онъ нѐхотя пускаетъ свою лошадь, она, еще болѣе нѐхотя, но все-таки съ резигнаціей, безъ всякаго протеста, осторожно ступаетъ, за ней другія. Вдругъ та оступилась передними, другая задними ногами, а та, и тѣми и другими. Всадникъ въ безпокойствѣ сидитъ — наготовѣ упасть, если упадетъ лошадь, но упасть какъ можно безопаснѣе. Между-тѣмъ лошадь чувствуетъ, что она вязнетъ глубоко: вотъ она начинаетъ дѣлать отчаянныя усилія и порывисто поднимаетъ кверху, то крестецъ, то спину, то голову. Хорошо въ это время сѣдоку! Наконецъ, побившись, она ложится на бокъ, ложитесь поскорѣй и вы: оно безопаснѣе. Такъ я и сдѣлалъ однажды.

Мы дотащились до Маила, гдѣ нашли прекрасную новую юрту, о двухъ комнатахъ, опрятную, съ окнами, гдѣ

слюда вмѣсто стеколъ, полъ усыпанъ еловыми вѣтками, лавки чистыя, каминъ хоть сейчасъ въ гостиную, только покрасить. Мы ѣхали отъ Маила до здѣшней юрты, всего двадцать верстъ, очень долго: насъ задерживали безпрестанные объѣзды. Это своего рода пытка, вамъ неизвѣстная. Въ лѣсу немного посуше — это правда, но за-то ноги уходятъ въ мохъ, вся почва зыблется подъ вами. Вы ѣдете вблизи деревьевъ, третесь о нихъ ногами, вѣтви хлещутъ въ лицо, лошадь ваша, то прыгаетъ въ яму и выскакиваетъ стремительно на кочку, то останавливается въ недоумѣніи передъ лежащимъ по дорогѣ бревномъ, наконецъ перескочитъ и черезъ него и очутится опять въ топкой ямѣ.

Правду говорили мнѣ въ Аянѣ! Иногда якутъ вдругъ остановится, видя, что не туда завелъ, впереди все одно: непроходимое и безконечное топкое болото, дорожки не видать и мы пробираемся назадъ. Пытка! Кучеръ Иванъ пытается утѣшать, говоритъ, что «никакая дорога безъ нужи не бываетъ, сколько онъ ни ѣзжалъ». Это правда.

Въ Маилѣ намъ дали другихъ лошадей, все такихъ же дрянныхъ на видъ, но вѣрныхъ на ногу, осторожныхъ и крѣпкихъ. Якуты ласковы и внимательны: они насъ буквально на рукахъ снимаютъ съ сѣделъ и сажаютъ на нихъ; иначе бы не влѣзть на сѣдло, потомъ на подушку, да еще въ дорожномъ платьѣ.

Погода вчера чудесная, нынче хорошее утро. Развлеченій никакихъ, развѣ только наблюдаешь, какая новая лошадь попалась: кусается ли, лягается, или просто лѣнится. Онѣ иногда лукавятъ. Въ этихъ уже нѣтъ той резигнаціи, какъ по ту сторону Становаго хребта. Если сѣдло ѣздитъ и надо подтянуть подпругу; лошадь надуетъ брюхо — и подтянуть нельзя. Иному достанется горячая лошадь; вонъ такая досталась Тимоѳею. Лошадь начинаетъ

горячиться, а кастрюли, привязанныя у него къ сѣдлу, звенѣть. Прочіе по этому случаю острятъ, особенно кучеръ Иванъ.

Этотъ Иванъ очень своеобыченъ и съ трудомъ отступаетъ отъ своихъ взглядовъ и убѣжденій, но словоохотливъ и услужливъ. Онъ между-прочимъ съ гордостью разсказывалъ, какъ король Сандвичевыхъ острововъ, глядя на его бороду и особенное платье, принялъ его за важное лицо и пожалъ ему руку. Однажды, когда къ вечеру стало холоднѣе, князь О. спросилъ свой тулупъ. «Да далеко закладено въ чемоданы и зашито», сказалъ Иванъ. «Неправда, онъ долженъ быть въ мѣшкѣ», сказалъ к. О., «покажи!» — «Никакъ нѣтъ, въ чемоданѣ», утверждалъ кучеръ, показывая мѣшокъ. — «А это что̀ у тебя въ мѣшкѣ?» спросилъ тотъ. — «Да это, кто ее знаетъ, шкура какая-то». — «Посмотрите!» сказалъ намъ к. О.: «онъ змѣиную шкуру изъ Бразиліи положилъ поближе, а тулупъ запряталъ»! — «Да я думалъ, что шкуру-то можно и выбросить, сказалъ Иванъ, а тулупчика-то жаль». — «Вотъ этакъ же, замѣтилъ к. О., «онъ везъ у меня пару кокосовыхъ орѣховъ до самаго Охотскаго моря: хорошо, что я увидалъ во̀-время, да выбросилъ, а то онъ бы и ихъ въ чемоданы спряталъ». — «Зачѣмъ это ты, Иванъ Григорьевъ, везъ орѣхи? спросилъ я. Они понравились тебѣ—вкусны?» — «Нѣтъ, какое вкусны»: отвѣчалъ онъ съ величайшимъ презрѣніемъ, «это все пустое! А я везъ ихъ по той причинѣ, что въ Москвѣ видѣлъ, въ лавкѣ за этакіе орѣхи просили по пяти цѣлковыхъ за штуку, такъ думалъ, сбуду ихъ туда».

Нельканъ, 29 августа.

Вчера, въ осьмомъ часу вечера, насилу дотащились послѣднюю станцію верхомъ. Сорокъ верстъ ѣхали и от-

дыхали всего полтора часа на половинѣ дороги, въ лѣсу. Скучно, хотя по лѣсу встрѣчалось такъ много дичи, что даже досадно на ея дерзость. Тетерева просто гуляютъ подъ ногами у лошадей, вальдшнепы вылетали изъ каждаго куста, утки полоскались въ каждой лужѣ. — «Какъ жаль, что нѣтъ ружья!» сказалъ кто-то. — «Какъ нѣтъ, есть два, славнѣйшія ружья». — «А порохъ есть?» — И порохъ, и дробь, и пули».—«Такъ что же не стрѣляемъ? давай! — «Далеко спрятаны, на днѣ чемодана», сказалъ Иванъ Григорьевъ. — «А змѣиную шкуру держитъ подъ рукой!» упрекнулъ к. О. «Шкуру недолго и бросить», оправдывался Иванъ. «А кокосы напрасно не взялъ», замѣтилъ я ему: «въ самомъ дѣлѣ можно бы выгодно продать...» — «Оно точно, кабы взять штукъ сто, такъ бы денегъ можно было много выручить», сказалъ Иванъ, принявшій серьезно мое замѣчаніе.

Отъ Маильской станціи до Нельканской идутъ все горы и горы—цѣлые хребты; надо переправиться черезъ нихъ, но изъ нихъ двѣ только круты, остальныя отлоги. Да и съ крутыхъ-то горъ никакими кнутами не заставишь лошадей идти рысью: тутъ онѣ обнаруживаютъ непоколебимое упорство. Горы эти—все вѣтви Становаго хребта, къ которому принадлежитъ и Джукжуръ. У подошвы каждой горы стелется болото; и какъ ни суха, какъ ни хороша погода, но болота эти никогда не высыхаютъ: они или мерзнутъ, или грязны. Болота коварны тѣмъ, что поросли мхомъ и травой, и вы не знаете, по колѣно ли, по брюхо, или по морду лошади глубока лужа. «Охъ!» вырвется у того или другаго, среди мучительнаго молчанія, въ продолжительномъ и изворотливомъ пробираньи между кочекъ, лужъ и кустовъ.

Наконецъ вчера пріѣхали въ Нельканъ и переправи-

лись черезъ Маю, услыхали говоръ русскихъ бабъ, мужиковъ. А съ якутами разговоръ не ладится; только Иванъ Григорьевъ безпрестанно говоритъ съ ними, а какъ и о чемъ — неизвѣстно, но они довольны другъ другомъ.

Въ Нельканѣ нѣсколько юртъ и нѣсколько новенькихъ домиковъ. Къ намъ на встрѣчу вышли станціонный смотритель и казакъ Малышевъ; одинъ звалъ пить чай, другой — ужинать, и оба угостили прекрасно. За ужиномъ были славныя зеленыя щи, языки и жареная утка. Въ домѣ, принадлежащемъ американской компаніи, которая имѣетъ здѣсь свой пакгаузъ съ товарами (больше съ бумажными и другими матеріями и т. п. нужными для края предметами, которыми торговля идетъ порядочная), комната просторная, въ окнахъ слюда вмѣсто стеколъ: свѣтло и, говорятъ, тепло. У смотрителя станціи тоже чисто, просторно; къ русскимъ печамъ здѣсь прибавили якутскіе камины или чувалы: отъ такого, русско-якутскаго тепла, пожалуй, вопреки пословицѣ, «заломитъ и кости».

Мы отлично уснули и отдохнули. Можно бы ѣхать и ночью, но не было готоваго хлѣба, надо ждать до утра, иначе намъ, въ числѣ семи человѣкъ, трудно будетъ продовольствоваться по станціямъ на берегахъ Маи. Теперь предстоитъ ѣхать шестьсотъ верстъ рѣкой, а потомъ опять сто-восемьдесятъ верстъ верхомъ по болотамъ. Есть и почтовые тарантасы, но всѣ предпочитаютъ ѣхать верхомъ по этой дорогѣ, а потомъ до Якутска на колесахъ, всего тысячу верстъ. Всего!

Мая извивается игриво, песчаныя мели выглядываютъ такъ гостепріимно, какъ-будто говорятъ: «мы васъ задержимъ, задержимъ»; лѣсъ не темный и не мелкій частоколъ, какъ на болотахъ, но замѣтно покрупнѣлъ къ рѣкѣ; сталъ чаще являться осинникъ и соснякъ. Всему этому не-

сказанно обрадовался Иванъ Григорьевъ. «Вонъ осинничекъ, вонъ соснячокъ!» говорилъ онъ привѣтливо, указывая на знакомыя деревья. — Лодка готова, хлѣбъ выпеченъ, мясо взято—ѣдемъ. Теперь платить будемъ прогоны по числу людей, т. е. сколько будетъ гребцовъ на лодкахъ.

30 и 31 августа. Нельзя начать плаванія при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ начали мы. Погода была великолѣпная, теплая. Рѣка, съ каждымъ извивомъ и оборотомъ, дѣлалась пріятнѣе, берега, или отлогіе, лѣсистые, или утесистые. Лодка мчится съ неимовѣрной быстротой. Мы промчались двадцатьвосемь верстъ въ два часа и прибыли на станцію *Бàтанга* или *Вàтанга*. Дорогой, наконецъ, достали изъ чемодана ружье, послѣ, однакожь, многихъ возраженій со стороны Ивана Григорьева, и отдали Ванюшкѣ. Онъ застрѣлилъ утку, подстрѣлилъ много еще, но нельзя было ихъ достать. Издалека завидимъ мы ихъ, онѣ мчатся по теченію, мы перегоняемъ, онѣ улетаютъ, а если остаются, то дорого платятъ за оплошность.

На *Бàтанѣ* живетъ очень смышлёный старикъ, Петръ Маньковъ, съ женой, въ хижинѣ. Все это переселенцы. Они стараются прививать хлѣбопашество, но мало средствъ и земля не вездѣ удобна. Отчасти промышляютъ звѣрями. Отъ *Бàтанги* до *Семи Протоковъ* четырнадцать верстъ. Мы до Семи Протоковъ сдѣлали быстрый переходъ. Но погода стала портиться: подулъ холодокъ, когда мы въ темнотѣ пристали къ станціи и у пылавшаго костра застали якутовъ и русскихъ мужиковъ и бабъ; послѣднія очень красивы, особенно одна дѣвушка, лѣтъ шестнадцати. Мы вошли въ ихъ бѣдную избу, пили чай и слушали разсказы о трудностяхъ и недостаткахъ, съ

какими впрочемъ неизбѣжно сопряжено первоначальное водвореніе въ новомъ краю. Въ избѣ и около избы толпились ребятишки, съ голыми ногами, грудью, и даже съ голымъ брюхомъ. Мы дали имъ двѣ рубашки и мальчишки съ гордостью и радостью надѣли ихъ. Благодарностямъ не было конца.

Пока мы сидѣли въ избѣ, задулъ вѣтеръ, повалилъ хлопьями снѣгъ, словомъ вьюга, или по здѣшнему «пурга». Мужики стали просить подождать до луны, иначе темно ѣхать, говорили они: трудно, много мелей. Мы согласились, но пошли спать въ лодку, чтобъ тронуться тотчасъ же, лишь взойдетъ луна. Ночью во снѣ я почувствовалъ, что какъ-будто ѣду опять верхомъ, скачу опять по рытвинамъ: это потащили насъ по рѣкѣ. Холодъ разбудилъ меня; мы на мели. Якуты, стоя по колѣни въ рѣкѣ, сталкивали лодку съ мели, но ихъ усилія натолкнули лодку еще больше на мель и вскорѣ мы увидѣли, что стоимъ основательно, безъ надежды сдвинуться нашими силами. Наши люди вооружились: кто шестомъ, кто весломъ, и стали толкаться: все напрасно.

«Никакъ нельзя!» въ одинъ голосъ сказали всѣ.

До станціи было еще семь верстъ. Мы послали одного изъ русскихъ проводниковъ туда, привести лодку почтовую, а сами велѣли Тимоѳею готовить обѣдъ: щи, вчерашнюю утку. На носу была набросана земля и постоянно горѣлъ огонь. Скоро задымилась кастрюля и черезъ часъ мы обѣдали, знаете, какъ обѣдаютъ на станціяхъ, въ рощѣ, на пикникѣ и т. п. Кто ѣлъ изъ кружки, кто изъ чашки, на сундукѣ, на подставкѣ. Когда нужно столъ, обыкновенно говорили Ивану Григорьеву: «чтобъ былъ столъ».—«Слушаю», отвѣчалъ Иванъ и отправлялся въ лѣсъ: черезъ четверть часа передъ нами стоялъ столъ. Въ одной юртѣ не

было ни оконъ, ни двери. Сказано Ивану Григорьеву, чтобъ была дверь и окно. «Слушаю», сказалъ онъ и окна заткнулъ потниками отъ лошадей, а дверь такъ приладилъ, что на утро отворить было нельзя, а надобно было выколотить.

Наконецъ уже въ четыре часа явились люди со станціи снимать насъ съ мели, а между прочимъ мы, въ ожиданіи ихъ, снялись сами. Отчего же просидѣли часа четыре на одномъ мѣстѣ — осталось неизвѣстно. Мы живо пріѣхали на станцію. Тамъ встрѣтили насъ бабы, съ ягодами (брусникой), съ капустой и съ жалобами на горемычное житье-бытье: обыкновенный припѣвъ!

Станція называется *Маймаканъ*. Отъ нея двадцатьдвѣ версты до станціи *Иктенда*. Сейчасъ ѣдемъ. На горахъ не оттаялъ вчерашній снѣгъ; вѣтеръ дуетъ осенній; небо скучное, мрачное; рѣчка потеряла веселый видъ и опечалилась, какъ печалится вдругъ рѣзвое и милое дитя. Пошли опять, то горы, то просѣки, острова и долины. До *Иктенды* проѣхали въ темнотѣ, лежа въ каютѣ, со свѣчкой, и ничего не видали. Отъ холода коченѣли ноги.

Отъ Иктенды двадцать восемь верстъ до *Терпильской* и столько же до *Цѣпандинской* станціи, куда мы и прибыли часу въ осьмомъ утра, проѣхавъ эти 56 верстъ въ совершенной темнотѣ и во снѣ. Погода все одна и та же, холодная, мрачная. *Цѣпандинская* станція состоитъ изъ бѣдной юрты, безъ оконъ. Здѣсь, кажется, зимой не бываетъ станціи и оттого плоха и юрта, а можетъ-быть, живутъ тунгусы.

Тунгусы — охотники, оленные промышленники и ямщики. Они возятъ зимой на оленяхъ, но, говорятъ, эта ѣзда вовсе не такъ пріятна, какъ на Невѣ, гдѣ какой-то выходецъ изъ Архангельска каталъ публику: издали все

вѣдь кажется, или хуже, или лучше, но во всякомъ случаѣ иначе, нежели вблизи. А здѣсь ѣзда на оленяхъ даже опасна, потому-что Мая становится неровно, съ полыньями, да кромѣ того олени падаютъ во множествѣ, не выдерживая гоньбы.

Печальный, пустынный и скудный край! Какъ ни пробуютъ, хлѣбъ все плохо родится. Дальше, къ Якутску, говорятъ, лучше: и населеніе гуще и хлѣбъ богаче, порядка и труда больше. Не знаю; посмотримъ. А тутъ, какъ поглядишь, нѣтъ даже сѣнокосовъ; отъ болотъ топко; сѣна мало и скотъ пропадаетъ. Овощи родятся очень хорошо, и на всякой станціи, начиная отъ Нелькана, можно найти капусту, морковь, картофель и проч.

Якуты, народъ съ широкими скулами, съ маленькими глазами, такимъ же носомъ; бороду выщипываетъ; смуглый и съ черными волосами. Они, должно быть, южнаго происхожденія и родня какимъ-нибудь маньчжурамъ. Всѣ они христіане, у всѣхъ мѣдные кресты; всѣ молятся; но говорятъ про нихъ, что они не соблюдаютъ постановленій церкви, т. е. постовъ. Да и трудно соблюдать, когда нечего ѣсть. Они ѣдятъ что̀ попало, бѣлокъ, конину и всякую дрянь; выпрашиваютъ также у русскихъ хлѣба. Русскіе всѣ старообрядцы, всѣ переселены изъ-за Байкала. Но всюду здѣсь водруженъ крестъ, благодаря стараніямъ Иннокентія и его предшественниковъ.

Чабда, станція, 2-го сентября.

Мы все еще плывемъ по Маѣ, но холодно: вѣтеръ изъ осенняго превратился въ зимній; падаетъ снѣгъ; руки коченѣютъ, ноги тоже. Лѣса̀ по берегамъ желтые; по рѣкѣ несутся падшіе листья; все печально. Послѣ завтрака по-

смотришь, посмотришь, да и ляжешь опять спать, а послѣ обѣда опять. Станціи пошли русскія. Якуты здѣсь только ямщики; они получаютъ жалованье, а русскіе опредѣлены содержателями станцій и получаютъ всѣ прогоны, да еще отъ казны дается имъ по два пуда въ мѣсяцъ хлѣба на мужика и по одному на бабу. Они обязаны содержать въ исправности данныя имъ отъ казны почтовыя лодки. Прогоны платятъ по $1^1/_2$ коп. сер. съ человѣка. Всѣхъ станцій по Маѣ двадцать-одна, по тридцати, тридцатипяти и сорока верстъ каждая. У русскихъ можно найти хлѣбъ; родятся овощи, капуста, морковь, картофель, брюква, кое-гдѣ есть коровы; можно имѣть и молоко, сливки, также рыбу, похожую на сиги. На нѣкоторыхъ станціяхъ, напримѣръ, въ Аймѣ, и вообще тамъ, гдѣ есть конторы американской компаніи, можно доставать говядину.

Рѣка, чѣмъ ниже, тѣмъ глубже, однако мы садились раза два на мель: ночью я слышалъ смутно шумъ, возню; якуты бросаются въ воду и тащатъ лодку. Вчера одинъ изъ гребцовъ кричитъ къ намъ въ дверь каюты: «Ваше высокоблагородіе! а ваше высокоблагородіе!» — «Ну?» сказалъ я. Товарищи мои спали. «Можно ревѣть?» — «Если это тебѣ нравится, пожалуй, только ты перебудишь всѣхъ. Зачѣмъ?» — «Станокъ (станція) близко: не видно, гдѣ пристать; тамъ услышатъ, огонь зажгутъ».—«Ну, реви!» По рѣкѣ понеслись фальцетто, медвѣжьи басы—ужасъ! И это повторяется каждую ночь, когда подъѣзжаемъ къ станціи.

Да, это путешествіе не похоже уже на роскошное плаваніе на фрегатѣ: спишь, одѣтый, на чемоданахъ; ремни врѣзались въ бока, кутаешься въ пальто: стѣнки нашей каюты выстроены, какъ балаганъ; щели въ палецъ; вѣтеръ сквозитъ и свищетъ — все à jour, а славу Богу, ничего: могло бы быть и хуже.

Сегодня Иванъ Григорьевъ просунулъ къ намъ голову: «Не прикажете ли бросить этотъ камень?» Онъ держалъ какой-то красивый, пестрый камень въ рукѣ. «Какъ можно! это надо показать въ Петербургѣ: это замѣчательный камень, изъ Бразиліи...»—«Бѣлья некуда дѣвать», говорилъ Иванъ Григорьевъ, «много мѣста занимаетъ. И что за камень? хоть бы для точила годился!»

Отъ Чабдинской станціи тянется сплошной, каменный высокій берегъ, версты на три, представляющій природную, какъ-будто нарочно отдѣланную набережную. Рѣка здѣсь широка, будетъ съ нашу Оку; по берегамъ всюду мелкій лѣсъ. Мужики — все переселенцы изъ-за Байкала. Хлѣбъ здѣсь принимается порядочно, но мужики жалуются на прожорливость бурундучковъ, тѣхъ маленькихъ лѣсныхъ звѣрковъ, въ родѣ мышей, которыми мы любовались въ лѣсахъ. Русскіе не хвалятъ якутовъ, говорятъ, что они плохіе работники. «Дай хоть цѣлковый въ день, ни за что пахать не станетъ». Между-тѣмъ они на греблѣ работаютъ безъ устали, тридцать и сорокъ верстъ, и чуть станемъ на мель, сейчасъ бросаются съ голыми ногами въ воду тащить лодку, несмотря на рѣзкій холодъ. Переселенцевъ живетъ по одной, по двѣ и по три семьи. Женщины красивы, высоки ростомъ, стройны и съ пріятными чертами лица. Всѣ изъ-за Байкала, отчасти и съ Лены.

Усть-Маи, Алданская слобода. 3-го сентября.

Мы пока кончили водяное странствіе. Сегодня сдѣлали послѣднюю станцію. Я опять цѣлый день любовался на трехъ станціяхъ природной каменной набережной изъ плитняка. Ежелибъ такая была въ Петербургѣ, или въ другой столицѣ, искусству нечего было бы прибавлять, развѣ

чугунную рѣшетку. Рѣка, разливаясь, оставляетъ по себѣ слѣдъ, кладя слоями легкія замѣтки. Особенно хороши эти замѣтки на глинистомъ берегу. Глина крѣпка, и слои— какъ ступени: издали весь берегъ похожъ на деревянную лѣстницу.

Лѣтомъ плаваніе по Маѣ—чудесная прогулка: острова, мысы, березнякъ, тальникъ, ельникъ, все это со всѣхъ сторонъ замыкаетъ вашъ горизонтъ; все живописно, игриво, недостаетъ только селъ, городовъ, деревень; но они будутъ—нѣтъ сомнѣнія. Чѣмъ ниже спускались мы по Маѣ, тѣмъ болѣе переселенцы хвалили свое житье-бытье. Вездѣ строятъ на станціяхъ избы, вездѣ огородъ первый бросается въ глаза; снопы конопли стоятъ сжатые. Тунгусы начинаютъ перенимать. Вчера уже на одной станціи, *Урядской* или *Уряхской*, хозяинъ съ большимъ семействомъ, женой, многими дѣтьми, благословлялъ свою участь, хвалилъ, что хлѣбъ родится, что надо только работать, что изъ конопли они дѣлаютъ себѣ одежду, что чего недостаетъ, начальство снабжаетъ всѣмъ: хлѣбомъ, скотомъ; что онъ всѣмъ доволенъ, только недостаетъ одного...» «Чего же?» спросили мы.—«Кошки», сказалъ онъ: послѣднее отдалъ бы за кошку: такъ мышь одолѣваетъ, что ничего нельзя положить, рыбу ли, дичь ли, ушкана ли (зайца)—все жретъ».

Мы вездѣ, гдѣ намъ предложатъ капусты, моркови, молока, все беремъ съ величайшимъ удовольствіемъ и щедро платимъ за все, лишь бы поддерживалась охота въ переселенцахъ жить въ этихъ новыхъ мѣстахъ, лишь бы не оставляла ихъ надежда на сбытъ своихъ произведеній. Желательно, чтобъ всѣ проѣзжіе по мѣрѣ силъ поддерживали эту надежду. Сегодня мы съ к. О. пошли изъ слободы пройтись, зашли въ лѣсъ и встрѣтили двухъ яку-

товъ съ корзинкой. Въ корзинкѣ была дичь: два тетерева, утка и прекрасная большая рыба. «Куда вы идете?» спросили мы. «Не толкуй», сказали они, т. е. не знаемъ по-русски «А это кому?» спросили мы, показывая на дичь и рыбу. «Торгуй», т. е. покупай, отвѣчали они. Я ихъ послалъ на нашу квартиру, гдѣ у нихъ все купили и заплатили, что̀ они хотѣли, за что̀ я и былъ браненъ распорядителемъ нашихъ расходовъ, П. А. Т.

По случаю этихъ покупокъ, наша лодка походила немного на китайскую джонку. Вверху лежала дичь и овощи (на крышкѣ бесѣдки), на носу говядина, тамъ же тлѣлъ огонь и дымилась кастрюля. Эту фламандскую картину дополняла собака, которая виляла хвостомъ, норовя стащить плохо положенный кусокъ. Въ одной юртѣ она и такъ отличилась: якуты не имѣютъ ни полокъ, ни поставцовъ, какъ русскіе, и ставятъ свои чашки и блюда подъ лавкой. Они поспѣшили встрѣтить насъ и спрятали туда остатки своего ужина. Пока мы усаживались, собака очистила всѣ ихъ чашки. «И дѣльно: не ставь снѣдь подъ лавку!» замѣтилъ Иванъ Григорьевъ.

Одно неудобно: у насъ много людей. У троихъ четверо слугъ. Довольно было бы и одного, а то они мѣшаютъ другъ другу и лѣнятся. «У нихъ ужь завелась лакейская», говоритъ справедливо к. О., а это хуже всего. Ихъ не добудишься, не дозовешься, лѣнятся, спятъ, надѣясь одинъ на другаго; курятъ наши сигары.

Сегодня, возвращаясь съ прогулки, мы встрѣтили молодую крестьянскую дѣвушку, очень недурную собой, но съ болѣзненной блѣдностью на лицѣ. Она шла въ пустую, вновь строющуюся избу. «Здравствуй! ты нездорова?» спросили мы. — «Была нездорова: голова съ мѣсяцъ болѣла, теперь здорова, бойко отвѣчала она. «Ка-

кая же ты красавица!» сказалъ кто-то изъ насъ. — «Ишь что выдумали!» отвѣчала она; «вотъ войдите-ка лучше посмотрѣть, хорошо ли мы строимъ новую избу?»

Мы вошли: печь не была еще готова; она клалась изъ необожженныхъ кирпичей. Потолокъ очень высокъ; три большія окна по фасаду и два на дворъ, словомъ большая и свѣтлая комната. «Начальство велитъ дѣлать высокія избы и большія окна», сказала она. — «Кто жь у васъ дѣлаетъ кирпичи?»—«Кто? я дѣлаю, еще отецъ».— «А ты умѣешь дѣлать мужскія работы?»—«Какъ же, и бревна рублю, и пашу».—«Ты хвастаешься!» Мы спросили брата ея, правда ли? «Правда», сказалъ онъ.—«А мнѣ не повѣрили, думаете, что вру: врать не хорошо!» замѣтила она. «Я шью и себѣ, и семьѣ платье, и даже обутки (обувь) дѣлаю». — «Неправда. Покажи башмакъ». Она показала препорядочно сдѣланный башмакъ. «Здѣсь мѣста привольныя», сказала она: «только работай, не лѣнись; рожь славная родится, особенно озимая, конопля; и скотинѣ хорошо — все. Вина нѣтъ, мужикъ не пьетъ; мы славно здѣсь поправились, а пришли безъ гроша. Теперь у насъ корова съ теленкомъ, лошадь; понемногу заводимся. Вотъ новую-то избу хотимъ подъ станокъ (станцію) отдать».

Вина въ самомъ дѣлѣ пока въ этой сторонѣ нѣтъ— непьющіе этому рады: всѣ, по неволѣ, ведутъ себя хорошо, не раззоряются. И мы рады, что наше вино вышло (разбилось на горѣ, говорятъ люди): только П. А. жалобно по вечерамъ проситъ рюмку вина, жалуясь, что зябнетъ. Но безъ вина рѣшительно лучше, нежели съ нимъ: и люди наши трезвы, пьютъ себѣ чай и, слава Богу, никто не боленъ, даже чуть ли не здоровѣе.

Мы здѣсь нашли исправника. Онъ послалъ за ло-

шадьми и впередъ далъ знать, чтобъ была подстава. Опять верхомъ, опять болота и топи! Утѣшаютъ, что тутъ дорога лучше—дай Богъ! Можно, говорятъ, ѣхать верхомъ только верстъ восемьдесятъ, а дальше на колесахъ. Но лучше ли трястись на телѣгахъ, нежели верхомъ — не знаю. А другихъ экипажей здѣсь нѣтъ. Мы сдѣлали восемьсотъ верстъ: двѣсти верхомъ, да шестьсотъ по Маѣ: остается до Якутска четыреста верстъ. А тамъ Леной три тысячи верстъ, да отъ Иркутска шесть тысячъ — страшныя цифры! Надо спѣшить изъ Якутска сѣсть въ лодку на Ленѣ никакъ не позже десятаго сентября, иначе не доберешься до Иркутска до закрытія рѣки.

Въ лѣсу, на тундрѣ. 5-го сентября.

Мочи нѣтъ, опять болота одолѣли! Лошади уходятъ по брюхо. Якутъ говоритъ: «всяко бываетъ, и падаютъ; лучше пѣшкомъ или *пѣшкѣюемъ*», какъ онъ пренѣжно произноситъ. «Весной здѣсь все вода, все вода», далѣе говоритъ онъ: «почтальонъ ѣхалъ, нельзя ѣхать, слѣзъ, *пѣшкѣюемъ* шелъ по грудь, холодно, озябъ, очень *сердился*».

Мы вторую станцію ѣдемъ отъ Устьмая или Алданскаго селенія. Вчера сдѣлали тридцать одну версту, тоже по болотамъ, но тѣ болота ничто въ сравненіи съ нынѣшними. Станція положена, по ихъ милости, всего семнадцать верстъ. Мы встали со свѣтомъ, поѣхали еще по утреннему морозу; лошади скользятъ на каждомъ шагу; онѣ не подкованы. К. О. говоритъ, что онѣ тверже копытами, оттого будто, что овса не ѣдятъ.

Товарищи мои и вьюки всѣ уѣхали впередъ; я оставилъ только своего человѣка и, гдѣ чуть сносно — ѣду, гдѣ худо — иду. Большая дорога — корыто грязи. Про-

водникъ, со всею якутскою учтивостью, отламываетъ отъ дерева сукъ, отрубаетъ ножомъ вѣтви и подаетъ мнѣ посохъ. Сегодня мы ночевали въ юртѣ. Что это за наказаніе! Дрянныя бревна едва сколочены, щели заклеены бумагой, лавки покрыты сѣномъ, да каминъ, отъ огня котораго нѣкуда дѣваться. За то мы вчера пили чай съ дамами, съ якутскими. Мы ихъ позвали сѣсть съ собой за столъ, а мужчинъ оставили, гдѣ они были, въ углу. Якутки были въ высокихъ остроконечныхъ шапкахъ изъ оленьей шкуры, въ бѣломъ балахонѣ и въ знаменитыхъ *сарахъ*. По этой причинѣ мы всѣ пятились отъ нихъ. Двѣ изъ нихъ— молодыя. Имъ налили чаю; онѣ сняли шапки, поправили волосы и перекрестились, взявъ стаканы. Одна принесла намъ молока. Здѣсь есть уже коровы. Но до свиданія: пора, пора, опять по кочкамъ!

Пока я писалъ въ лѣсу и осторожно обходилъ болота, товарищи мои, подождавъ меня на станкѣ, уѣхали впередъ, оставивъ мнѣ чаю, сахару, даже мяса, и увезли съ тюками мою постель, бѣлье и деньги. Черезъ полчаса послѣ моего пріѣзда, воротился к. О., встрѣтившій на дорогѣ исправника. Послѣдній (г. Атласовъ, потомокъ Атласова, одного изъ самыхъ отважныхъ покорителей Камчатки) былъ такъ добръ, что нарочно ѣздилъ впередъ заготовить намъ лошадей. Съ слѣдующей станціи можно, хотя съ нуждою, ѣхать въ телѣгѣ. Есть всего одна телѣга: ее оставляютъ мнѣ, а прочіе ѣдутъ верхомъ.

Вотъ я одинъ, съ человѣкомъ, въ самобѣднѣйшей юртѣ, со множествомъ щелей, между якутами, въ ихъ семействѣ. Я принятъ очень хорошо. Въ каминъ подложили дровъ, уступили мнѣ передній уголъ, принесли молока. Не разговорчивы только: что ни спросишь, только и отвѣчаютъ «не толкуй», т. е. не знаю. Дико, бѣдно и... неопрятно,

хотѣлъ было сказать, но оглядываюсь: ни одного таракана и ничего другаго... Правду сказать, какъ и ужиться насѣкомому тамъ, гдѣ стѣнки состоятъ изъ одинокихъ бревенъ безъ конопатки, едва кое-гдѣ замазанныя глиной? Каминъ горитъ постоянно, покуда потушатъ; въ юртѣ все равно, что на дворѣ. Ахъ, скорѣе бы выбраться изъ этихъ нежилыхъ, безмолвныхъ мѣстъ! Тоска: на разстояніи тридцати верстъ ни живой души, ни встрѣчи съ человѣкомъ, ни жилища на дорогѣ, ни даже самой дороги! Лѣсъ и болото. Дорога отсюда, говорятъ, идетъ хуже: ужели хуже этой, что̀ была на сегодняшнихъ семнадцати верстахъ? До Якутска еще около трехсотъ-пятидесяти верстъ. Нѣтъ, видно не попасть мнѣ на Лену до льда; придется ждать зимняго пути въ Якутскѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что по этому тракту была бы уже давно колесная дорога, еслибъ... были проѣзжіе: но ихъ такъ мало, и то случайно, что издержки и труды, по устройству дороги, не вознаградятся ничѣмъ.

Здѣсь, на станціи, уже замѣтно обиліе. У хозяина есть четыре или пять коровъ и столъ покрытъ красной тряпкой.

6-го сентября. Сегодня проѣхали тридцать одну версту, и все почти на рысяхъ. Мнѣ дали необыкновенно покойную, неспотыкливую лошадь. Хотя дорога несравненно лучше вчерашнихъ семнадцати верстъ, но мѣстами было такъ худо, что изъ рукъ вонъ! Ѣдете по прекрасной тропинкѣ, вдругъ саженъ на сто болото. Когда я вышелъ сегодня изъ юрты садиться на лошадь, все было покрыто выпавшимъ ночью снѣгомъ. Я недоумѣвалъ, ка̀къ же намъ ѣхать? Всѣ рытвины, ямы и кочки прикрыты снѣгомъ — коварно прикрытый обманъ! А вышло лучше: не видишь, такъ и не думаешь. Сомнѣнія и ожиданія дурнаго тревожатъ болѣе, нежели самое дурное: я думаю, это всѣ испытываютъ на каждомъ шагу.

Въ лѣсу, на семнадцатой верстѣ, лошадь ямщика захотѣла отдохнуть, а я позавтракать. Вся трава была мокрая отъ снѣга и лечь на нее было нельзя. Я нашелъ въ лѣсу оставленную кѣмъ-то нару (сани) и легъ на нее, какъ на диванъ; кругомъ пустыня. Впрочемъ, что такое пустыня: сосновый да еловый лѣсъ, да по временамъ горы и болота! Отъѣзжайте верстъ за тридцать отъ Петербурга или отъ Москвы куда-нибудь въ лѣсъ—и вы будете точно въ такой же пустынѣ; вообразите только, что кругомъ никого нѣтъ верстъ на тысячу, какъ я воображаю, что здѣсь поблизости живутъ.

Сегодня, задолго до захожденія солнца, при разгулявшейся погодѣ, пріѣхали мы на станцію, не знаю какую—названія чудовищныя. Кругомъ коровы, лошади, и между прочимъ — телѣга; у главной юрты есть службы, хозяйственный видъ порядка и довольства. Телѣга приготовлена для меня. Товарищи мои уѣхали сегодня утромъ впередъ. Здѣсь видны уже признаки колесъ. Юрта здѣсь получше, только вездѣ щелей много, да сверху изъ-подъ крыши все что-то сыплется на голову, должно быть мыши возятся. Двѣ якутки хлопочутъ около какой-то кастрюли. По платью ихъ не отличишь отъ мужчинъ, только и можно узнать по серьгамъ. Ямщики ужинаютъ. Огонь трещитъ, искры летятъ во всѣ стороны, такъ-что страшно заснуть.

7-го сентября. Кажется, я раскланялся съ верховой ѣздой. Вотъ ужь другую станцію ѣду въ телѣгѣ, или *скатъ*, какъ ее называютъ здѣсь и русскіе и якуты, не знаю только на какомъ языкѣ. Телѣга какъ телѣга, только гораздо больше, длиннѣе и глубже обыкновенной. Когда я сѣлъ сегодня въ нее, какимъ диваномъ показалась она мнѣ послѣ верховой ѣзды! Вы думаете, если въ телѣгѣ, такъ ужъ мы ѣхали по дорогѣ, по колеямъ: отнюдь нѣтъ; просто по тро-

пинкамъ, да по мерзлымъ кочкамъ, или цѣликомъ по травѣ. Взглянувъ на такую дорогу, непремѣнно скажешь, что по ней, ни пройти, ни проѣхать нельзя, но проскакать можно; и якутъ скакалъ во всю прыть, такъ-что духъ замираетъ. Мнѣ сдѣлали изъ ремней такъ называемый *плётъ*: ѣдешь точно въ дормезѣ, не тряхнетъ!

Другую станцію, *Ичугей-Муранскую*, везъ меня Егоръ Петровичъ Бушковъ, мѣщанинъ, имѣющій четыре лошади и нанимающійся ямщикомъ у подрядчика, якута. Онъ и живетъ съ послѣднимъ въ одной юртѣ; тутъ и жена его, и дѣти. Изъ дверей выглянула его дочь, лѣтъ одиннадцати, хорошенькая дѣвочка, совершенно русская. «Какъ тебя зовутъ?» спросилъ я. — «Матрёной», сказалъ отецъ. «Она не говоритъ по-русски», прибавилъ онъ. — «Мать у нея якутка? Не эта ли?», спросилъ я, указывая на какое-то существо, всего меньше похожее на женщину. — «Нѣтъ, русская; а мы жили все съ якутами, такъ вотъ дѣти по-русски и не говорятъ». Охъ, еще сильна у насъ страсть къ иностранному: не по-французски, не по-англійски, такъ хоть по-якутски пусть дѣти говорятъ! Отчего Егоръ Петровичъ Бушковъ живетъ на Ичугей-Муранской станціи, отчего нанимается у якута и живетъ съ нимъ въ юртѣ — это его тайны, къ которымъ я ключа не нашелъ.

Я только-было похвалилъ юрты за отсутствіе насѣкомыхъ, какъ на прошлой же станціи столько увидѣлъ тараканов, сколько никогда не видалъ ни въ какой русской избѣ. Я не рѣшился войти. Здѣсь то же самое, а я ночую! Но, кажется, тутъ не одни тараканы: уже-ли это отъ нихъ я ворочаюсь съ боку на бокъ?

Итакъ сегодня я сдѣлалъ пятьдесятъчетыре версты. Лошадей нѣтъ: всѣхъ забрали товарищи. Они, какъ я узналъ отъ ямщиковъ, сдѣлали одну станцію въ телѣ-

гахъ, а дальше поѣхали верхомъ. Здѣсь предпочитаютъ ѣхать верхомъ всѣ стовосемьдесятъ верстъ до *Амгинской* слободы, заселенной русскими; хотя можно ѣхать только семьдесятъсемь верстъ, а дальше на телѣгѣ, какъ я и сдѣлалъ. Только не требуйте колеи, а поѣзжайте бо̀льшею частью по тропинкѣ, или цѣликомъ по болоту, которое усѣяно поросшими травой кочками, очень похожими на сжатые и связанные снопы ржи. Оно довольно красиво: телѣга подпрыгиваетъ, якутъ ѣдетъ рысью тамъ, гдѣ нашъ ямщикъ задумался бы проѣхать шагомъ.

Дорога идетъ все оживленнѣе. Кое-гдѣ есть юрты уже не изъ однихъ бревенъ, а обмазанныя глиной. Видны стога сѣна, около пасутся коровы. У Егора Петровича ихъ десять.

Лѣсъ идетъ разнообразнѣе и крупнѣе. Огромныя сосны и ели, часто надломившись живописно, падаютъ на сосѣднія деревья. Травы обильны. «Сѣна-то, сѣна-то! никто не коситъ!» безпрестанно восклицаетъ съ соболѣзнованіемъ Тимоѳей, хотя ему десять разъ сказано, что тутъ некому косить. «Даромъ пропадаетъ!» со вздохомъ говоритъ онъ.

Большихъ горъ нѣтъ, но мы ѣдемъ все у подножія холмовъ, усѣянныхъ крупнымъ лѣсомъ. Безпрестанно встрѣчаются якуты; они тихій и вѣжливый народъ: съѣзжаютъ съ холмовъ, съ дороги, чтобъ только раскланяться съ проѣзжимъ. Отъ Амги шесть станцій до Якутска, но тамъ уже колесная ѣзда, даже есть на станціяхъ тарантасы. Нѣтъ сомнѣнія, что будетъ ѣзда и дальше по аянскому тракту. Все годъ-отъ-году улучшается; разставлены версты; назначено строить станціонные домы. И теперь, посмотрите, какія горы срыты, какія непроходимыя болота сдѣланы проходимыми! Сколько трудовъ, терпѣнія, вниманія — на такихъ пространствахъ, куда никто почти не ѣздитъ, гдѣ никто почти не живетъ! Еслибъ видѣли наши столичные

чиновные львы, кàкъ здѣшніе служащіе (и самъ генералъ-губернаторъ) скачутъ по этимъ пространствамъ, они бы покраснѣли за свои, такъ называемые *неусыпные* труды... А можетъ быть и не покраснѣли бы!

Амгинская станція. 8-го сентября.

Не вѣришь, что ѣдешь по Якутской области, куда, бывало, вòронъ костей не занашивалъ—такъ оживлены поля хлѣбами, ячменемъ, и даже мы видѣли вершокъ пшеницы, но ржи нѣтъ. Хлѣбъ уже въ снопахъ, сѣно въ стогахъ. День великолѣпный. Заслышавъ нашъ колокольчикъ у рѣчки, вдругъ впередъ отъ насъ бросилось въ испугѣ еще непривычное здѣсь къ этимъ звукамъ стадо лошадей; только очутившаяся между ними корова, съ удивленіемъ, казалось, глядѣла, чего это онѣ такъ испугались. Волъ, съ продѣтымъ кольцомъ въ носу, везшій якутку, вдругъ уперся и поворотилъ морду въ сторону, косясь на нашъ поѣздъ.

Въ девяти верстахъ отъ *Натарской* станціи мы переправились черезъ рѣчку *Амгу*, впадающую въ Маю, на паромѣ первобытной постройки, т. е. на десяткѣ связанныхъ лыками бревенъ и больше ничего, а между-тѣмъ на немъ стояла телѣга и тройка лошадей.

На другой сторонѣ я нашелъ свѣжихъ лошадей и быстро помчался по отличной дорогѣ, т. е. гладкой луговинѣ, но безъ колей: это еще была послѣдняя верховая станція. Далѣе поля все шли лучше и богаче. По сторонамъ видны были юрты; на поляхъ свозили ячмень въ снопы и сѣно на волахъ, запряженныхъ въ длинныя сани—дà, сани, нужды нѣтъ, что безъ снѣгу. Искусство дѣлать колеса видно еще не распространилось здѣсь повсюду, или для кочекъ и болотъ сани оказываются лучше — не знаю: Егоръ Петро-

вичъ не могъ сказать мнѣ этого. «Исправные (богатые) якуты живутъ здѣсь», сказалъ онъ только въ отвѣтъ на замѣчаніе мое о богатствѣ стороны.—«А ржи не сѣютъ?» спросилъ я. — «Нѣтъ-съ». — «Что жь они ѣдятъ?» — «А ячменную муку: пекутъ изъ нея лепешки съ масломъ и водой, варятъ эту муку». — «А за Амгинской слободой тоже сѣютъ?» — «Нѣтъ, тамъ не сѣютъ: зябнетъ очень хлѣбъ, тамъ холодно». — «Да вѣдь всего разницы верстъ тридцать или сорокъ будетъ».—«Точно-съ, и сами не надивимся этому». — «Ловится ли рыба въ рѣчкѣ Амгѣ?»— «Какъ-же-съ, разная, только мелкая».

О дичи я не спрашивалъ, водится ли она, потому-что не проходило ста шаговъ, чтобъ изъ-подъ ногъ лошадей не выскочилъ, то глухарь, то рябчикъ. Послѣдніе летали стаями по деревьямъ. На озерахъ, въ двадцати саженяхъ, плескались утки. «А есть звѣри здѣсь?» спросилъ я. «Никакъ нѣтъ-съ, не слыхать: ушкановъ только много, да вотъ бурундучки еще».—«А медвѣди, волки?...» — «И не видать совсѣмъ».

Вотъ поди же ты, а Петръ Маньковъ на Маѣ сказывалъ, что ихъ много, что вотъ, слава Богу, красный звѣрь уляжется скоро, и не страшно будетъ жить въ лѣсу. «А что тебѣ красный звѣрь сдѣлаетъ?» спросилъ я. —«Какъ что? по бревнышку всю юрту разнесетъ».—«А развѣ разносилъ у кого-нибудь?»—«Никакъ нѣтъ, не слыхать».—«Да ты видывалъ краснаго звѣря тутъ близко?» «Никакъ нѣтъ. Богъ миловалъ».

Мы быстро доѣхали до Амгинской слободы. Она разбросана на двухъ-трехъ верстахъ; живутъ все якуты, бо̀льшею частью въ избахъ, не совсѣмъ русской, но и не совсѣмъ якутской постройки. Красная тряпка на столѣ подъ образами рѣшительно начинаетъ преобладать и намекаетъ

на Европу и цивилизацію. Въ Амгѣ она уже—не тряпка, а кусокъ краснаго сукна. Содержатель станціи, изъ казаковъ, очень холодно объявилъ мнѣ, что лошадей нѣтъ: товарищи мои всѣхъ забрали. «А лошадей-то надо», сказалъ я.— «Нѣтъ», холодно повторилъ онъ.—«А если я опоздаю въ городъ», еще холоднѣе сказалъ я, «да меня спросятъ, отчего я опоздалъ, а я скажу оттого-молъ, что у тебя лошадей не было...» Хотя казакъ не зналъ, кто меня спроситъ въ городѣ и зачѣмъ, я самъ тоже не зналъ, но однакожь это подѣйствовало. «Вы не накушаетесь ли чаю здѣсь?»—«Можетъ-быть, а что?»—«Такъ я коней-то излажу». Я согласился и пошелъ къ священнику. Въ слободѣ есть деревянная церковь во имя Спаса Преображенія. Священниковъ трое; они объѣзжаютъ огромныя пространства, съ требами. Въ самой слободѣ всего около шестисотъ душъ.

Все сдѣлалось, какъ сказалъ казакъ: черезъ часъ я мчался такъ, что духъ захватывало. На одной тройкѣ, въ «скатѣ», я, на другой мои вьюки. Часа черезъ полтора мы примчались на *Крестовскую* станцію.—«*Однако* лошадей нѣтъ», сказалъ мнѣ русскій якутъ. Надо знать, что здѣсь дѣлаютъ большое употребленіе, или, вѣрнѣе, злоупотребленіе изъ *однако*, какъ я замѣтилъ. «*Однако* подои корову», вдругъ, ни съ того, ни съ сего, говоритъ одинъ другому русскій якутъ: онъ русскій родомъ, а по языку якутъ. Да Егоръ Петровичъ самъ, встрѣтивъ въ слободѣ какого-то человѣка, вдругъ заговорилъ съ нимъ по-якутски. «Это якутъ? спросилъ я. «Нѣтъ, русскій, родной мой братъ».—«Онъ знаетъ порусски?»—«Какъ же, знаетъ». — «Такъ что-жь вы не порусски говорите?»—«Обычай такой....»

Крестовская станція похожа больше на ферму, а вся эта Амгинская слобода, съ окрестностью, на какую-то нѣмецкую колонію. Славный скотъ, женщины ѣздятъ на быкахъ; юрты чистенькія (если не упоминать о блохахъ).

«*Однако* лошадей надо», сказалъ я. — «Нѣту», отвѣчалъ русскій якутъ. — «А если я опоздаю пріѣхать въ городъ», началъ я, «да меня спросятъ, отчего...» и я повторилъ остальное. Опять подѣйствовало. Явились четверо якутовъ, настоящихъ якутскихъ якутовъ, и живо запрягли. Подъ вьюки заложили три лошади и четвертую привязали сзади, а мнѣ только пару. «Отчего это?» спросилъ я. — «Ту на дорогѣ припряжемъ», сказали они. — «Ну, я пойду немного пѣшкомъ», сказалъ я и пошелъ по прекрасному лугу, мимо огромныхъ сосенъ. «Нельзя. баринъ: лошадь-то коренная у насъ съ мѣста прыгаетъ козломъ, на дорогѣ не остановишь». — «Пустое, остановишь!» сказалъ я и пошелъ. Долго еще слышалъ я, что *Затѣй* (какъ называлъ себя, и другіе называли его) тоже русскій якутъ, упрашивалъ меня сѣсть. Я прошелъ съ версту и вдругъ, слышу, за мной мчится бѣшеная пара; я раскаялся, что не сѣлъ; остановить было нельзя. *Затѣй* (вѣроятно *Закхей*) направилъ ихъ на лугъ и на дерево, онѣ стали. Я сѣлъ; лошади вдругъ стали ворочать назадъ; телѣга затрещала, *Затѣй* терялся; прибѣжали якуты; лошади начали бить; наконецъ ихъ распрягли и привязали одну къ загородкѣ, ограждающей болото; она рванулась; гнилая загородка не выдержала и лошадь помчалась въ лѣсъ, унося съ собой на веревкѣ почти цѣлое бревно отъ забора.

«Теперь не поймаешь ее до утра, а лошадей нѣтъ»! съ отчаяніемъ сказалъ *Затѣй*. Мнѣ стало жаль его; виноватъ былъ одинъ я. «Ну, нечего дѣлать, я останусь здѣсь до разсвѣта, лошади отдохнутъ и мы поѣдемъ», сказалъ я.

Онъ просіялъ радостью, а я огорчился тѣмъ, что надо сидѣть и терять время. «Нечего дѣлать, готовь бифстексъ, ставь самоваръ», сказалъ я Тимоѳею. — «А изъ чего?» мрачно отвѣчалъ онъ: «провизія съ вьюками ушла вне-

редъ». Я еще больше опечалился и продолжалъ сидѣть въ отпряженной телѣгѣ, съ поникшей головой. «Чай готовить?» спросилъ меня Тимоѳей. «Нѣтъ», мрачно отвѣчалъ я. Якуты съ любопытствомъ посматривали на меня. Вдругъ ко мнѣ подходитъ хозяйскій сынъ, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, говорящій по-русски. «Баринъ», сказалъ онъ робко. «Ну!» угрюмо отозвался я. «У насъ есть утка, сегодня застрѣлена, не будешь ли ужинать?» — «Утка?» — «Да̀, и рябчикъ есть».—Мнѣ не вѣрилось. «Гдѣ? покажи». Онъ побѣжалъ въ юрту и принесъ и рябчика и утку. «Еще сегодня они оба въ лѣсу гуляли».—«Рябчикъ и утка, и ты молчалъ! Тимоѳей! смотри: рябчикъ и утка...» «Знаю, знаю», говорилъ Тимоѳей: я ужь и сковороду чищу». Черезъ часъ я ужиналъ отлично. Якутъ принесъ мнѣ еще двѣ пары рябчиковъ и тетерева на-завтра.

9 сентября. «*Однако*, есть лошади?» спросилъ я на *Ыргалахской* станціи... «Коней нѣту» былъ отвѣтъ. «А если я опоздаю, да въ городѣ спросятъ» и т. д. «Коней нѣтъ», повторилъ русскій якутъ.

Дорога была прекрасная, т. е. грязная, слѣдовательно для лошадей очень нехорошая, но сѣдоку мягко. Вездѣ луга и сѣно, а хлѣба нѣтъ; изъ города привозятъ. Видѣлъ якутку, одну наконецъ хорошенькую, и конечно кокетку.

Замѣтивъ, что на нее смотрятъ, она то спрячется за копну сѣна, которое собирала, то за морду вола, и такъ лукаво выглядываетъ изъ-за роговъ...

Сосны великолѣпныя, по нимъ и около ихъ по землѣ стелется мохъ, который ѣдятъ олени и курятъ якуты, въ прибавокъ къ махоркѣ. «Хорошо, славно!» сказалъ мнѣ одинъ якутъ, подавая свою трубку: «покури». Я бы охотно уклонился отъ этой любезности, но неучтиво. Я покурилъ: странный, но не непріятный вкусъ, наркотическаго ничего нѣтъ.

Еще я попробовалъ вчера гдѣ-то кирпичнаго чаю: тоже наркотическаго мало; похоже на какую-то лекарственную траву. Когда я подскакалъ на двухъ тройкахъ къ *Ыргалахской* станціи, съ противоположной стороны подскакала другая тройка; я еще издали видѣлъ, какъ она неслась. Коренная мчалась нахально, подымая шею, пристяжныя мотали головами, то опуская ихъ къ землѣ, то поднимая, какъ какія-нибудь отчаянные кутилы. Онѣ сошлись съ моими лошадьми и дружески обнюхались, а мы, т. е. сѣдоки, обмѣнялись взглядами, потомъ поклонами. Это былъ засѣдатель. «Лошадей вотъ нѣтъ», сейчасъ же пожаловался я. Онъ оборотился къ старостѣ и сказалъ ему что-то по якутски. Я такъ и ждалъ, что меня оба они спросятъ: parlez vous yacouth? и кажется, покраснѣлъ бы, отвѣчая, non, messieurs.

Потомъ засѣдатель сказалъ, что лошади только-что пріѣхали и дѣйствительно измучены, что «лучше вамъ подождать до свѣта, а то ночью тутъ гористо» и т. п.

Нечего дѣлать: засѣдатель—авторитетъ въ подобныхъ случаяхъ и я покорился его рѣшенію. Мы принялись за чай. «У меня есть рябчики, и свѣжіе», сказалъ я. «А!» значительно сдѣлалъ засѣдатель: «а у меня огурцы», прибавилъ онъ. «А!» еще значительнѣе сдѣлалъ я. «У меня есть говядина», сказалъ я, больше затѣмъ, чтобъ узнать, что̀ есть еще у него. «У меня — бѣлый хлѣбъ».—«Это очень хорошо; у меня есть черный...» — «Прекрасно!» замѣтилъ собесѣдникъ.—«Да человѣкъ вчера просыпалъ въ него лимонную кислоту: ѣсть нельзя. Но за-то у меня есть англійскіе супы, въ презервахъ», добавилъ я. «Очень хорошо», сказалъ онъ, «а у меня вино...» «Вино!» Тутъ я долженъ былъ сознаться что противъ него я — пасъ.

Онъ ѣхалъ цѣлымъ домикомъ и началъ вынимать;

изъ-такъ называемаго и всѣмъ вамъ извѣстнаго «погребца», чашку за чашкой, блюдечки, ножи, вилки, соль, маленькіе хлѣбцы, огурцы, наконецъ покинувшій насъ другъ — вино. «А у меня, есть», окончательно прибавилъ я, «поваръ».

VIII.

ИЗЪ ЯКУТСКА.

Ураса. — Станціонный смотритель. — Ночлегъ на берегу Лены. — Перевозъ. — Якутскъ. — Сборы въ дорогу. — Мѣховое платье. — Русскіе миссіонеры. — Переводъ св. писанія на якутскій языкъ. — Якуты, тунгусы, карагаули, чукчи. — Чиновники, купцы. — Проводы.

Было близко сумерекъ, когда я, съ человѣкомъ и со всѣмъ багажемъ, по песку, между кустовъ тальника, подъѣхалъ на двухъ тройкахъ, въ телѣгахъ, къ берестяной юртѣ, одиноко-стоящей на правомъ берегу Лены.

У юрты встрѣтилъ меня старикъ лѣтъ шестидесяти-пяти, въ мундирѣ станціоннаго смотрителя, со шпагой. Я думалъ, что онъ тутъ живетъ, но не понималъ, отчего онъ встрѣчаетъ меня такъ торжественно, въ шпагѣ, руку подъ козырекъ, и глазъ съ меня не сводитъ. «Вы смотритель?» кланяясь, спросилъ я его. «Точно такъ, изъ дворянъ», отвѣчалъ онъ. Я еще поклонился. Такъ вотъ отчего онъ при шпагѣ! Оставалось узнать, зачѣмъ онъ встрѣчаетъ меня съ такимъ почетомъ: не принимаетъ ли за кого-нибудь изъ своихъ начальниковъ?

Это обстоятельство осталось, однакожь, безъ объясненія: можетъ-быть, онъ сдѣлалъ это по привычкѣ встрѣчать проѣзжихъ, а можетъ-быть и съ цѣлью щегольнутъ дворянствомъ и шпагой. Я узналъ только, что онъ тутъ не живетъ, а остановился на ночлегъ и завтра ѣдетъ дальше, къ своей должности, на какую-то станцію.

«А вы куда изволите: *однако* въ городъ?» спросилъ онъ. «Да̀, въ Якутскъ. Есть ли перевозчики и лодки?»

«Какъ не быть! *Куда дѣвается?* Вотъ перевозчики!» сказалъ онъ, указывая на толпу якутовъ, которые стояли поодаль.

«А лодки?» спросилъ я, обращаясь къ нимъ. «Якуты *не слышатъ* по-русски», перебилъ смотритель и спросилъ ихъ по-якутски. Тѣ зашевелились, нѣкоторые пошли къ берегу, и я за ними. У пристани стояли четыре лодки. Отъ юрты до Якутска считается девять верстъ: пять водой и четыре берегомъ.

«Мнѣ надо засвѣтло поспѣть на ту сторону», сказалъ я.

«*Чего* не поспѣть, поспѣете!» замѣтилъ смотритель и опять спросилъ перевозчиковъ по-якутски, во сколько времени они перевезутъ меня черезъ рѣку. «Часа въ три, говорятъ, перевезутъ».

«Что вы: да вѣдь черезъ три часа ночь будетъ!» возразилъ я.

«Извольте видѣть, доложу вамъ», началъ онъ: «сей годъ вода-то очень низка: оттого много островов и мелей; гдѣ прежде прямикомъ ѣхали, тутъ ѣдутъ между островами».

«Гдѣ же рѣка?» спросилъ я, глядя на безконечное, разстилавшееся передъ глазами пространство песковъ, луговъ и кустовъ.

«А вотъ она и есть», сказалъ смотритель, указывая на луга, пески и на протокъ, саженъ въ пять шириной,

на которомъ стояли лодки. «Это-то все острова», прибавилъ онъ.

«Лена, значитъ, шире къ той сторонѣ, къ нагорной, какъ Волга», заключилъ я про себя.

Смотритель опять сталъ разговаривать съ якутами и успокоилъ меня, сказавъ, что они перевезутъ меньше, нежели въ два часа, но что тамъ берегомъ четыре версты ѣхать мнѣ будетъ не на чемъ, надо посылать за лошадьми въ городъ.

«А тамъ есть какая-нибудь юрта, на томъ берегу, чтобъ можно было переждать?» спросилъ я.

«*Однако* нѣтъ», сказалъ онъ; «кусты есть... Да почто вамъ юрта?» —«Куда же чемоданы сложить, пока лошадей приведутъ?» —А на берегу: что̀ имъ *доспѣется?* А не то, такъ въ лодкѣ останутся: не *азойно* будетъ» (т. е. не тяжело).

Я задумался: провести ночь на пустомъ берегу вовсе не занимательно; посылать ночью въ городъ за лошадьми взадъ и впередъ восемь верстъ — когда будешь подъ кровлей? Я повѣрилъ свои сомнѣнія старику.

«Тамъ берегомъ дорога хорошая, ни грязи, ни ямъ нѣтъ», сказалъ онъ: «славно пѣшкомъ идти».

«Человѣкъ мой города не знаетъ: онъ не найдетъ, ни лошадей, ни гостинницы», возразилъ я.

«*Однако* гостинницы нѣтъ въ Якутскѣ», перебилъ смотритель.

«Какъ нѣтъ: гдѣ же я остановлюсь?» спросилъ я, испуганный новымъ, неожиданнымъ обстоятельствомъ.

«Извольте послать вашу подорожную въ управу: сейчасъ квартиру отведутъ; обязаны».

«*A tout malheur remède*», замѣтилъ я почти про себя.

«Чего изволите?»

«Нѣтъ, это я такъ, по-якутски обмолвился. Вотъ что̀, г. смотритель: я разсудилъ, что если я теперь поѣду на ту сторону, мнѣ все-таки раньше полночи въ городъ не попасть. Надо будить всѣхъ. Не лучше ли мнѣ ночевать здѣсь, въ юртѣ?..»—«Оно конечно лучше», отвѣчалъ онъ: юрта хорошая, теплая; тутъ ничего не воруютъ; только блохъ *дивно*».

Мнѣ наскучилъ якутскій языкъ, я обрадовался русскому, даже и этому, хотя не все и по-русски понималъ. Рѣшено: я остался. Мы вошли въ юрту или, правильнѣе, *урасу*. Это просто большой шалашъ, конической формы, изъ березовой коры, сшитый довольно-плотно, такъ-что вѣтеръ мало проходилъ насквозь. Кругомъ лавки, покрытыя сѣномъ, также какъ и полъ. Посрединѣ открытый очагъ, вверху отверстіе для дыма. Кромѣ того, тамъ были два столика, крытые краснымъ сукномъ; на одномъ лежала таблица, съ показаніемъ станцій и числа верстъ, и стояла чернильница съ перомъ. Юрта походила на военную ставку, особенно когда смотритель повѣсилъ свою шпагу на гвоздь.

Я пригласилъ его пить чай. «У насъ чаю и сахару нѣтъ», вполголоса сказалъ мнѣ мой человѣкъ: «все вышло».— Какъ, совсѣмъ нѣтъ?»—«Всего раза на два».— «Такъ и довольно», сказалъ я: «насъ двое». — «А завтра утромъ что̀ станете кушать?» Но я зналъ, что онъ любилъ всюду находить препятствія. «Давно ли я видѣлъ у тебя много сахару и чаю?» замѣтилъ я. «Кабы вы одни кушали, а то по станціямъ и якуты и якутки, чтобъ имъ...»—«Безъ комплиментовъ! давай что̀ есть!

— Скажите пожалуйста, каковъ городъ Якутскъ?» сталъ я спрашивать смотрителя.

О Якутскѣ собственно я зналъ только, да и вы, вѣроятно, не больше знаете, что онъ главный городъ области

этого имени, лежитъ подъ 62° с. широты, производитъ торгъ пушными товарами и что, какъ я узналъ теперь, въ немъ нѣтъ... гостинницы. Я даже забылъ, а можетъ быть и не зналъ никогда, что въ немъ всего двѣ тысячи семьсотъ жителей.

Я узналъ отъ смотрителя, однакожъ, немного: онъ добавилъ, что тамъ есть одинъ каменный домъ, а прочіе деревянные; что есть продажа вина; что господа все хорошіе и купечество знатное; что зимой живутъ въ городѣ, а лѣтомъ на *заимкахъ* (дачахъ), подъ камнемъ, «т. е. камня никакого нѣтъ», сказалъ онъ, «это только такъ называется»; что проѣзжихъ бываетъ *мало-мало*; что если мнѣ надо ѣхать дальше, то чтобъ я спѣшилъ, а то по Ленѣ осенью ѣхать нельзя, а берегомъ худо и т. п.

Потомъ онъ повѣрилъ мнѣ, что онъ, по распоряженію начальства, переведенъ на дальнюю станцію, вмѣсто другаго смотрителя, Татаринова, который поступилъ на его мѣсто; что это несогласно съ его семейными обстоятельствами, и потому онъ просилъ убѣдительно Татаринова выйти въ отставку, чтобъ перепроситься на прежнюю станцію, но тотъ не согласился, и что, наконецъ, вотъ онъ проситъ меня ходатайствовать по этому дѣлу у начальства.

Я все обѣщалъ ему. «Плотниковъ—моя фамилія», добавилъ онъ. «Очень хорошо — Плотниковъ», записалъ я въ книжечку, и мнѣ живо представилась подобная же сцена изъ «Ревизора».

Потомъ смотритель разсказывалъ, что по дорогѣ нигдѣ нѣтъ ни волковъ, ни медвѣдей, а есть только якуты; «еще *ушкановъ* (зайцевъ) дивно», да по охотскому тракту у него живутъ, въ своей собственной юртѣ, двѣ больныя, пожилыя дочери, обѣ дѣвушки, что «однако», прибавилъ онъ, «на Крестовскую станцію заходятъ и медвѣди — и такое

чудо»: говорилъ смотритель, ходятъ вмѣстѣ со скотомъ и не давятъ его, а ѣдятъ рыбу, которую достаютъ изъ *морды...»* — «Изъ морды?» спросилъ я. «Да, что̀ ставятъ на рыбу, по-вашему мерёжи».

Смотритель говорилъ, не подозрѣвая, что я предательски, тутъ же, при немъ, записалъ его разговоръ.

Подали чай. Человѣкъ мой хитро сложилъ въ пирамиду десятка полтора кусковъ сахару, чтобъ не обнаружить нашей дорожной нищеты. Я придвинулъ сахаръ къ смотрителю. Онъ взялъ самый маленькій кусочекъ, и на мое приглашеніе положить сахару въ стаканъ, отвѣчалъ, что никогда этого не дѣлаетъ — сюрпризъ для моего человѣка, и для меня также: у меня на утро оставался въ запасѣ стаканъ чаю. Смотритель выпилъ три стакана, и крошечный, оставшійся у него кусочекъ сахару, положилъ опять на блюдечко, что человѣкомъ моимъ было принято, какъ тонкій знакъ умѣнья жить.

Между-тѣмъ наступила ночь. Я велѣлъ подать что-нибудь къ ужину, къ которому пригласилъ и смотрителя. «Всего одинъ рябчикъ остался», сердито шепнулъ мнѣ человѣкъ. «Гдѣ же прочіе?» сказалъ я: вѣдь у якута куплено ихъ нѣсколько паръ». — Вчера съ проѣзжимъ скушали», еще сердитѣе отвѣчалъ онъ. «Ну, разогрѣвай англійскій презервный супъ», сказалъ я. «Вчера послѣдній вышелъ», замѣтилъ онъ и поставилъ на очагъ разогрѣвать единственнаго рябчика.

Смотритель вынулъ изъ несессера и положилъ на столъ приборъ: тарелку, ножикъ, вилку и ложку. «Еще и ложку вынулъ!» ворчалъ шепотомъ мой человѣкъ, поворачивая рябчика на сковородкѣ съ одной стороны на другую и слѣдя съ безпокойствомъ за движеніями смотрителя. Смотритель неподвижно сидѣлъ передъ приборомъ, наблюдая за человѣкомъ и ожидая, конечно, обѣщаннаго ужина.

Я съ удовольствіемъ наблюдалъ за ними обоими, прячась въ тѣни своего угла. Вдругъ отворилась дверь и вошелъ якутъ, съ дымящеюся кострюлей, которую поставилъ передъ старикомъ. Оказалось, что смотритель ждалъ не нашего ужина. Въ то же мгновеніе Тимоѳей съ торжественной радостью поставилъ передо-мной рябчика. Объ угощеніи и помину не было.

Какъ бы, кажется, около половины сентября лечь раздѣтому спать на дворѣ, безъ опасности простудиться на смерть? Вѣдь березовая кора не Богъ знаетъ какія стѣны. Въ Петербургѣ сдѣлаешь это и непремѣнно простудишься, въ Москвѣ рѣже, а еще далѣе, и особенно въ полѣ, въ хижинѣ, кажется, никогда. Мы легли. Человѣкъ сдѣлалъ мнѣ постель, буквально «сдѣлалъ», потому-что у меня ея не было: онъ положилъ на лавку побольше сѣна, потомъ непромокаемую шинель, въ видѣ матраца, на это простыню, а вмѣсто одѣяла шинель на ватѣ. Въ головахъ черкасское сѣдло, которое было дано мнѣ на прокатъ съ тѣмъ, чтобъ я его доставилъ въ Якутскъ. Я быстро раздѣлся и еще быстрѣе спрятался въ постель.

Не то было съ смотрителемъ: онъ методически началъ разоблачаться, медленно снимая одну вещь за другою, съ очковъ до сапогъ включительно. Потомъ принялся съ тою же медленностью надѣвать ночной костюмъ: сначала уши заткнулъ ватой и подвязалъ платкомъ, а другимъ платкомъ завязалъ всю голову, затѣмъ надѣлъ на шею шарфъ. И такъ, раздѣваясь и одѣваясь, нечувствительно изъ старика превратился въ старуху. Пламя камина освѣщало его изломанныя черты, клочки сѣдыхъ волосъ, выглядывавшихъ изъ-подъ платка, тусклый, апатическій, устремленный на очагъ взглядъ и тихо шевелившіяся губы.

Я смотрѣлъ на него и на огонь: съ одной стороны мнѣ

было очень тепло — отъ очага; спина же, обращенная къ стѣнѣ юрты, напротивъ, зябла. Долго сидѣлъ смотритель неподвижно; мнѣ стало дрематься.

— Осмѣлюсь доложить», вдругъ заговорилъ онъ, привставъ съ постели, что̀ дѣлалъ всякій разъ, какъ начиналъ разговоръ: я боюсь пожара: здѣсь сѣна много, а огня тушить на очагѣ нельзя, ночью студено будетъ, такъ неугодно ли, я велю двухъ якутовъ поставить у камина смотрѣть за огнемъ!...»

«Какъ хотите», сказалъ я, «за чѣмъ же двухъ?»

«Будутъ и другъ за другомъ смотрѣть».

Пришли два якута и усѣлись у очага. Смотритель сидѣлъ еще минутъ пять, понюхалъ табаку, крякнулъ, потомъ сталъ молиться и наконецъ укладываться. Онъ со стонами, какъ на болѣзненный одръ, ложился на постель. «Господи, прости мнѣ грѣшному!» со вздохомъ возопилъ онъ, протягиваясь. «Охъ, Боже правый! ой-о-охъ! ай!» прибавилъ потомъ, перевертываясь на другой бокъ и покрываясь одѣяломъ. Долго еще слышались постепенно ослабѣвавшіе вздохи и восклицанія. Я поглядывалъ на него и наконецъ самъ заснулъ.

Проснувшись ночью, я почувствовалъ, что у меня зябнетъ не одна спина, а весь я озябъ, и было отчего: огонь на очагѣ погасалъ, изрѣдка стрѣляя искрами, то на лавку, то на тулупъ смотрителя, или на полъ, въ сѣно. Сверху свободно струился въ юрту ночной воздухъ, да такой, Богъ съ нимъ, свѣжій... Оба якута, положивъ головы на мой sac de voyage, носомъ къ носу, спали мертвымъ сномъ. Смотритель спалъ болѣзненно: видно, что, по лѣтамъ его, ему и спать ужъ было трудновато. Онъ храпѣлъ, издавая изрѣдка легкое стенанье, потомъ почавкаетъ губами, перестанетъ храпѣть и начнетъ посвистывать носомъ.

Тутъ же я удостовѣрился, что въ юртѣ въ самомъ дѣлѣ блохъ *дивно*.

На другой день, при ясной и теплой погодѣ, я съ пятью якутами переправился черезъ Лену, т. е. черезъ узенькіе протоки, раздѣлявшіе безчисленные острова. Когда якуты зашевелили веслами — точно обозъ тронулся съ мѣста: раздался скрипъ, стукъ. Послѣ гребли нашихъ матросовъ, куда неискусны показались мнѣ ленскіе гребцы! Одинъ какой-то якутъ сидѣлъ тутъ праздно, между-тѣмъ мальчишка лѣтъ пятнадцати работалъ изо всѣхъ силъ; мнѣ показалось это не совсѣмъ удобно для мальчишки и я пригласилъ заняться греблей празднаго якута. Онъ съ величайшею готовностью спряталъ трубку въ сары и принялся за весло. «Кто это такой?» спросилъ я. «Староста», сказали мнѣ «съ *наслега* ѣдетъ въ городъ». Я раскаялся, что заставилъ работать такого сановника, но ужь было поздно: онъ такъ и выходилъ изъ лопатокъ, работая весломъ. Мальчишка досталъ между-тѣмъ изъ сапога грубый кусокъ дерева съ отверстіемъ (это трубка), положилъ туда щепоть зеленоватаго листоваго табаку, потомъ отдѣлилъ ножемъ кусочекъ дерева отъ лодки и покрошилъ туда же; изъ кремня добылъ огня, зажегъ клочекъ моха, вмѣсто трута, и закурилъ все это вмѣстѣ. «Зачѣмъ дерево кладешь въ табакъ?» спросилъ я. «Крѣпше!» отвѣчалъ онъ.

Вдали сіяли уже главы церквей въ Якутскѣ. «Скоро ли же будетъ Лена?» спрашивалъ я, все ожидая, что рѣка къ нагорному берегу будетъ глубже, слѣдовательно острововъ не имѣетъ, и откроется во всей красѣ и величіи. Одинъ изъ якутовъ, претендующій на знаніе русскаго языка, старался мнѣ что-то растолковать, но напрасно. У одного острова якуты вышли на берегъ и потянули лодку бичевою вверхъ. Дотянувъ до конца острова, они сѣли опять и пере-

правились, ужь не помню черезъ который, узенькій протокъ и пристали къ берегу, прямо къ деревянной лѣсенкѣ.

«Тутъ!» сказали они. «Что тутъ?» «*Пѣшкьюемъ* надо»— «Гдѣ же Лена?» спрашиваю я. Якуты, какъ и смотритель, указали назадъ, на пески и луга. Я посмотрѣлъ на берегъ: тамъ ровно ничего. Кустовъ *дивно*, правда, между ними бродитъ стадо коровъ, да два-три барана, которыхъ я давно не видалъ. За Лену ихъ недавно послано нѣсколько, для разведенія между русскими поселенцами и якутами. Еще на берегу же стоялъ пастушескій шалашъ изъ вѣтвей.

Одинъ изъ якутовъ вызвался сходить въ городъ за лошадьми Я послалъ съ нимъ человѣка, а самъ усѣлся на берегу, на медвѣжьихъ шкурахъ. Нельзя сказать, чтобъ было весело. Трудно выдумать печальнѣе мѣстности. Съ одной стороны Лена—я ужь сказалъ какая —пески, кусты и луга, съ другой, къ Якутску—луга̀, кусты и пески. Вдали, за всѣмъ этимъ, синѣютъ горы, которыя, кажется, и составляли нѣкогда настоящій берегъ рѣки. Якутскъ построенъ на огромной отмели, что̀ видно по пространнымъ пескамъ, кустамъ и озеркамъ. И теперь, во время разлива, Лена, говорятъ, доходитъ до города и заливаетъ отчасти окрестныя поля.

Отъ нечего дѣлать я развлекалъ себя мыслью, что увижу наконецъ, послѣ двухлѣтнихъ странствій, первый русскій, хотя и провинціальный городъ. Но и то не совсѣмъ русскій, хотя въ немъ русскіе храмы, русскіе домы, русскіе чиновники и купцы, но зато ка̀къ голо все! Гдѣ это видано на Руси, чтобъ не было ни одного садика и палисадника, чтобъ зелень, если не яблонь и грушъ, такъ хоть березъ и акацій, не осѣняла домовъ и заборовъ? А этотъ узкоглазый, плосконосный народъ, развѣ русскій? Когда я ѣхалъ по дорогѣ къ городу, мнѣ попадались на встрѣчу якуты,

якутки на волахъ, на лошадяхъ, въ телѣгахъ и верхомъ.

Городскіе якуты одѣты понаряднѣе. У мужчинъ грубаго сукна кафтанъ, у женщинъ тоже, но у послѣднихъ полы и подолъ обшиты широкой красной тесьмой; на головѣ у тѣхъ и у другихъ высокія мѣховыя шапки, несмотря на прекрасную, даже жаркую погоду. Якуты стригутся, какъ мы, оставляя сзади за ушами двѣ тонкія пряди длинныхъ волосъ—вѣроятно, послѣдній, отдаленный намекъ на свои родственныя связи съ той тѣсной толпой народа, которая изъ средней Азіи разбрелась до береговъ восточнаго океана. Я въ этихъ прядяхъ видѣлъ сокращеніе китайской косы, которую китайцамъ навязали маньчжуры. А можетъ-быть, якуты отпускаютъ сзади волосы подлиннѣе просто затѣмъ, чтобъ защитить уши и затылокъ отъ жестокой зимней стужи.

Сколько я могъ узнать, якутовъ, кажется, несправедливо считаютъ кочующимъ народомъ. Другое дѣло тунгусы, чукчи и прочія племена здѣшняго края: тѣ, переходя съ одного мѣста на другое, болѣе удобное, почти никогда на прежнее не возвращаются. Якуты, напротивъ, если и откочевываютъ на-время въ другое отъ своей родной юрты мѣсто, гдѣ лучше кормъ для скота, то не надолго, и послѣ возвращаются домой. У нихъ большею частью по двѣ юрты, лѣтняя и зимняя. Этакъ, пожалуй, и мы съ вами кочующій народъ, потому-что лѣтомъ перебираемся въ Парголово, Царское село, Ораніенбаумъ.

Якутскаго племени, и вообще всѣхъ говорящихъ якутскимъ языкомъ, считается до двухсотъ тысячъ обоего пола въ области. Мужчинъ якутовъ сто-пять тысячъ. Область раздѣлена на *округи*, округи на *улусы*, улусы на *наслеги* или *нослеги*, или наконецъ... не знаю какъ. Люди, невни-

кающіе въ филологическія тонкости, попросту называютъ это здѣсь *ночлегами*.

Въ улусѣ живетъ до нѣсколька сотъ, даже до тысячи и болѣе человѣкъ. Селеній и деревень нѣтъ: ихъ замѣняютъ эти «наслеги». Наслегомъ называется нѣсколько разбросанныхъ, въ двадцати, или около того, верстахъ другъ отъ друга, юртъ, въ которыхъ живетъ по два и по три, происходящихъ отъ одного корня, поколѣнія или *рода*. Улусомъ управляетъ выборный, утвержденный русскимъ начальствомъ *голова*, наслегомъ—*старости* и его помощники, *старшины*. Членовъ одного *рода* называютъ по русски *родовичами*. Они заботятся о взаимныхъ нуждахъ, по-крайней-мѣрѣ должны заботиться, и кажется, отвчаютъ за благочиніе, порядокъ и исправный взносъ повинностей.

Кстати напомню вамъ, что якутская область, съ перваго января 1852 года, возвышена въ своемъ значеніи тѣмъ, что отдѣлена отъ зависимости иркутскаго губернскаго начальства, и управленіе ея ввѣрено особому гражданскому губернатору. Впрочемъ она, на положеніи другихъ губерній, подчинена главному управленію генералъ-губернатора восточной Сибири.

Нужды нѣтъ, что якуты населяютъ городъ, а все же мнѣ стало отрадно, когда я въѣхалъ въ кучу почернѣвшихъ отъ времени, одноэтажныхъ, деревянныхъ домовъ: все-таки это Русь, хотя и сибирская Русь! У ней есть много особенностей, какъ въ природѣ, такъ и въ людскихъ нравахъ, обычаяхъ, отчасти, какъ вы видите, въ языкѣ, что̀ и образуетъ ей свою коренную, немного суровую, но величавую физіономію.

Пока я ѣхалъ по городу, на меня изъ оконъ выглядывали ласковыя лица, а изъ-подъ воротъ сердитыя собаки, которыя въ маленькихъ городахъ черезчуръ серьёзно по-

нимаютъ свои обязанности. Весело было мнѣ смотрѣть на проѣзжавшія по временамъ разнохарактерныя дрожки, на кучеровъ въ лѣтнихъ кафтанахъ и мѣховыхъ шапкахъ, или на-оборотъ, въ полушубкахъ и лѣтнихъ картузахъ. Вотъ гостиный дворъ, довольно пространный, вотъ и единственный каменный домъ, занимаемый земскимъ судомъ.

Въ гостиномъ дворѣ, который въ-самомъ-дѣлѣ есть дворъ, потому-что большая часть лавокъ открывается внутрь, я видѣлъ много входящихъ и выходящихъ якутовъ: они, говорятъ, составляютъ большинство потребителей. Прочіе горожане закупаютъ все, что имъ нужно, разъ въ годъ, на здѣшней ярмаркѣ.

Я ѣхалъ мимо старинной, полуразрушенной стѣны и нѣсколька башенъ: это остатки крѣпости, уцѣлѣвшей отъ временъ покоренія области. Якутскъ основанъ пришедшими отъ Енисея казаками, лѣтъ за двѣсти передъ этимъ, въ 1630 годахъ. Якуты пробовали нападать на крѣпость, но напрасно. Возникшіе впослѣдствіи между казаками раздоры заставили наше правительство взять этотъ край въ свои руки, и скоро въ Якутскъ прибылъ воевода.

Еще я видѣлъ больницу, острогъ, казенные хлѣбные магазины; потомъ проѣхалъ мимо базара, съ пестрой толпой якутовъ и якутокъ. Много и русскаго и нерусскаго, что̀ современемъ будетъ тоже русское. Скоро я уже сидѣлъ на квартирѣ въ своей комнатѣ, за обѣдомъ.

Послѣ обѣда я пошелъ къ товарищамъ, которые опередили меня. Черезъ день они отправлялись далѣе; я хотѣлъ ѣхать вслѣдъ за ними, а мнѣ еще надо было запастись мѣховымъ платьемъ и обувью: на Ленѣ могли застать морозы.

«Гдѣ я могу купить шубу?» спросилъ я одного изъ якутскихъ жителей, которыхъ увидѣлъ у товарищей. «Вамъ

какую угодно: лисью, тарабаганью, песцовую, или бѣличью?» спросилъ онъ. «Которая теплѣе».—«Такъ медвѣжью хорошо».—«Ну, медвѣжью». — «Азойно (тяжело) будетъ въ медвѣжьей», примолвилъ другой. «Такъ песцовую». — «Теперь здѣсь мѣховъ никакихъ не найдете...» замѣтили мнѣ. «Въ Якутскѣ не найду мѣховъ!»—«Не найдете; вотъ еслибъ лѣтомъ изволили пожаловать, тогда *дивно* бываетъ мѣховъ: тогда бы славный купили, какой угодно, и дешево».—«А вотъ тогда-то бы и не купилъ зачѣмъ мнѣ лѣтомъ мѣхъ?»

— «Лучше всего вамъ *кухлянку* купить, особенно двойную...» сказалъ другой, вслушавшійся въ нашъ разговоръ. «Что это такое кухлянка?» спросилъ я. «Это такая рубашка, изъ оленьей шкуры, шерстью вверхъ. А если купите двойную, т. е. и снизу такая же шерсть, такъ никакой шубы не надо».

— «Нѣтъ, это тяжело надѣвать, перебилъ кто-то: въ двойной кухлянкѣ не поворотишься. А вы лучше подъ одинакую кухлянку купите *пыжиковое пальто* — «вотъ и все»—«Что̀ это такое *пыжиковое* пальто?»—«Это пальто изъ шкуръ молодыхъ оленей».

— «Всего лучше купить вамъ *борловую даху*, заговорилъ четвертый: «тогда вамъ ровно ничего не надо».—«Что это такое борловая даха?» спросилъ я. «Это шкура съ дикаго козла, пушистая, теплая, мягкая: въ ней никакой морозъ не проберетъ».

— «Помилуйте!» сказалъ тутъ еще кто-то: «какъ можно даху? шерсть лѣзетъ».—«Что̀ жь такое что лѣзетъ?».—

— «Какъ что̀: въ ротъ, въ глаза налѣзетъ?».

— «Гдѣ жь мнѣ купить даху, или кухлянку?» перебилъ я. «Теперь негдѣ: вотъ еслибъ лѣтомъ изволили пожаловать, дружно повторили всѣ: тогда пріѣзжаютъ сюда сверху,

по Ленѣ, изъ Иркутска, купцы; они закуцаютъ весь пушной товаръ».

— «*Торбасами* не забудьте запастись», замѣтили мнѣ, «и пыжиковыми *чижами*».—«Что̀ это такое торбасы и чижи?»—«Торбасы—это сапоги изъ оленьей шерсти, чижи—чулки изъ шкурокъ молодыхъ оленей».

— «Но главное, помните, мѣховые панталоны», сказалъ мнѣ серьёзно одинъ весьма почтенный человѣкъ. «Нѣтъ, ужь отъ этого позвольте уклониться».—«Ну, помянете меня!» сказалъ онъ пророческимъ голосомъ. «Не забудьте также мѣховаго одѣяла» прибавилъ другой.

— «Зачѣмъ же мѣховые панталоны?» съ уныніемъ спросилъ я: такъ напугали меня всѣ эти предостереженія! «А если попадете на *наледи*...» — Что̀ это такое на̀леди?» спросилъ я. «На̀леди—это незамерзающіе и при жестокомъ морозѣ ключи; они выбѣгаютъ съ горъ въ Лену; вода стоитъ поверхъ льда; случится попасть туда—лошади не вытащатъ сразу, полозья и обмерзнутъ: тогда ямщику остается ѣхать на станцію за людьми и за свѣжими лошадями, а вамъ придется ждать въ морозъ нѣсколько часовъ, иногда полсутки... Вотъ вы и вспомните о мѣховыхъ панталонахъ.»

— «Ну, а мѣховое одѣяло зачѣмъ?» спросилъ я. «На Ленѣ почти всегда бываетъ *хіусъ*...» — «Что это такое хіусъ?» — «Это вѣтеръ, который мететъ снѣгъ; а вѣтеръ при морозѣ—бѣда: не спасутъ никакіе панталоны; надо одѣяло...» — «Съ кулькомъ, чтобъ ноги прятать» прибавилъ другой. «Только все лѣтомъ!» повторяютъ всѣ.—«Ахъ, еслибъ лѣтомъ пожаловали, тогда-то бы мѣховъ у насъ!...»

Меня даже зло взяло. Я не зналъ, какъ быть. «Надо послать къ одному старику» посовѣтовали мнѣ: «онъ, бы-

вало, принашивалъ? мѣха въ лавки, да вотъ что-то не видать...» — «Нѣтъ, не извольте посылать» сказалъ другой. «Отчего же, если у него есть? я пошлю». — «Нѣтъ, онъ теперь употребляетъ...» — «Что̀ употребляетъ?» — «Да... вино-съ. Дрянной старичишка! А нынче и отемнѣлъ совсѣмъ».—«Отемнѣлъ?» повторилъ я. «Ослѣпъ», добавилъ онъ.

Стало быть нельзя и ѣхать, потому-что нельзя ничего достать, купить? Все можно: à tout malheur remède! Видя мое раздумье, одинъ изъ жителей посовѣтовалъ обратиться къ Алексѣю Яковличу, къ Петру Ѳедорычу, или къ Александру Андреянычу, да Ксенофонту Петровичу: у нихъ-де должны быть и дахи и медвѣжьи шкуры. «Кто это Алексѣй Яковличъ и Петръ Ѳедорычъ?» — «А вотъ они: здѣшніе жители, одинъ управляетъ тѣмъ, другой этимъ»—«Но я не имѣю удовольствія ихъ знать»...—А. Я., П. Ѳ. и А. А. сами предупредили меня. Они начали съ того, что позвали къ себѣ обѣдать, и меня и товарищей, и хотя извинялись простотой угощенія, но угощеніе было вовсе не простое для скромнаго городка. У нихъ дѣйствительно нашлись дахи, кухлянки и медвѣжьи шкуры, которыя и были уступлены намъ на томъ основаніи, что мы проѣзжіе, что у насъ никого нѣтъ знакомыхъ, слѣдовательно всѣ должны быть знакомы; нельзя купить вещи въ лавкѣ, слѣдовательно надо купить ее у частнаго, неторгующаго этимъ лица, которое остается тутъ и имѣетъ возможность замѣнить всегда проданное.

Но вѣдь этакъ, скажутъ мнѣ, не напасешься вещей, если каждый день будутъ являться проѣзжіе, и устанешь угощать: оно безтолково. Если каждый день будутъ проѣзжіе, тогда будетъ и трактиръ; если явятся требованія на мѣха, тогда не все будутъ отсылать вверхъ, а ста-

нутъ торговать и здѣсь. Въ томъ-то и дѣло, что проѣзжіе въ Якутскѣ—еще рѣдкіе гости и оттого ихъ балуютъ пока. Но долго ли это будетъ? сомнѣваюсь. Еще нѣсколько лѣтъ—и если вы пріѣдете въ Якутскъ, то, пожалуй, полиція не станетъ заботиться о квартирѣ для васъ, и вы въ лавкѣ найдете, что̀ вамъ нужно, но за то, можетъ-быть, не узнаете обязательныхъ и гостепріимныхъ К. П., П. Ѳ., А. Я. и другихъ.

Вотъ теперь у меня въ комнатѣ лежитъ даха, волчье пальто, горностаевая шапка, бѣличій тулупъ, заячье одѣяло, торбасы, пыжиковые чулки, песцовыя рукавицы и нѣсколько медвѣжьихъ шкуръ, для подстилки. Когда станешь надѣвать все это, такъ чувствуешь, какъ постепенно пріобрѣтаешь понемногу чего-то бѣличьяго, заячьяго, оленьяго, козловаго и медвѣжьяго, а человѣческое мало-по-малу пропадаетъ. Кухлянка и даха лишаютъ употребленія воли и предоставляетъ полную возможность только лежать. Въ пыжиковыхъ чулкахъ и торбасахъ ногъ вмѣстѣ сдвинуть нельзя, а когда надѣнешь двойную мѣховую шапку, или, по-здѣшнему, малахай, то мысли начинаютъ вязаться лѣнивѣе въ головѣ и одна за другою гаснутъ. Еще бы что-нибудь прибавить, такъ, кажется, надъ вами того-и-гляди совершится какая-нибудь любопытная метаморфоза.

Все это надѣвается въ защиту сорока-градуснаго мороза. «Сорокъ градусовъ!» повторилъ я: «у насъ когда и двадцать случится, такъ по городу только и разговора, что о погодѣ: забудутъ всякія, и политическія и литературныя новости».—«У васъ двадцать хуже нашихъ сорока», сказалъ одинъ, бывшій за уральскимъ хребтомъ. «Это отчего?» — «Отъ вѣтра: тамъ при пятнадцати градусахъ да вѣтеръ, такъ и нехорошо; а здѣсь въ сорокъ ничто не

шелохнется: ни движенія, ни звука въ воздухѣ; надъ землей лежитъ густая мгла; солнце кровавое, безъ лучей, покажется часа на четыре, не разгонитъ тумана и скроется».—«Ну, а вы что?»—«А мы—ничего, хорошо; только дышать почти нельзя: рѣжетъ грудь».—«Вы что̀ дѣлаете въ эти морозы?» спросилъ я одну барыню. «Визиты, говоритъ, дѣлаемъ». — «Что вы!...» — «Да какъ же? а въ Рождество, въ Новый годъ: родные есть, тетушка, бабушка, разсердятся, пожалуй, какъ не пріѣдешь».

Впрочемъ здѣсь, какъ я увидѣлъ послѣ, и барыня, и кучеръ, и лошадь—всѣ визиты дѣлаютъ. Барыню вводятъ въ гостиную, кучера въ людскую, а лошадь въ сарай.

— «Въ чемъ же вы ѣздите, въ дахѣ и въ малахаѣ?» спросилъ я ее. «Нѣтъ, въ шляпкахъ, въ салопахъ». — «Конечно не въ такихъ салопахъ, которые носятъ барыни въ Петербургѣ и которые похожи на конфектныя бумажки, такъ-что не слыхать, есть ли что на плечахъ, или нѣтъ! Вѣрно здѣсь кроютъ байкой, или сукномъ?».

А оказалось, что въ такихъ же: «матеріей, говоритъ, крыты».

Несмотря однакожь на продолжительность зимы, на лютость стужи, какъ все шевелится здѣсь, въ краю! Я теперь живой, заѣзжій свидѣтель того химически-историческаго процесса, въ которомъ пустыни превращаются въ жилыя мѣста, дикари возводятся въ чинъ человѣка, религія и цивилизація борятся съ дикостью и вызываютъ къ жизни спящія силы. Измѣняется видъ и форма самой почвы, смягчается стужа, изъ земли извлекается теплота и растительность—словомъ, творится то же, что̀ творится, по словамъ Гумбольдта, съ материками и островами посредствомъ тайныхъ силъ природы. Кто же, спросятъ, этотъ титанъ, который ворочаетъ и сушей и водой? кто мѣ-

няетъ почву и климатъ? Титановъ много, цѣлый легіонъ: и всѣ тутъ замѣшаны, въ этой лабораторіи: дворяне, духовные, купцы, поселяне—всѣ призваны къ труду и работаютъ неутомимо. И когда совсѣмъ готовый, населенный и просвѣщенный край, нѣкогда темный, неизвѣстный, предстанетъ передъ изумленнымъ человѣчествомъ, требуя себѣ имени и правъ, пусть тогда допрашивается исторія о тѣхъ, кто воздвигъ это зданіе, и также не допытается, какъ не допыталась, кто поставилъ пирамиды въ пустынѣ. Сама же исторія добавитъ только, что это тѣ же люди, которые въ одномъ углу міра подали голосъ къ уничтоженію торговли черными, а въ другомъ учили алеутовъ и курильцевъ жить и молиться—и вотъ они же создали, выдумали Сибирь, населили и просвѣтили ее, и теперь хотятъ возвратить Творцу плодъ отъ брошеннаго Имъ зерна. А создать Сибирь не такъ легко, какъ создать что-нибудь подъ благословеннымъ небомъ...

Я не уѣхалъ, ни на другой, ни на третій день. Дорогой на болотахъ и на рѣкѣ Маѣ, ѣдучи верхомъ и въ лодкѣ, при легкихъ утреннихъ морозахъ, я простудилъ ноги. На третій день по пріѣздѣ въ Якутскъ, онѣ распухли. Докторъ сказалъ, что водой по Ленѣ мнѣ ѣхать нельзя, что надо подождать, пока пройдетъ опухоль.

Черезъ недѣлю мнѣ стало лучше; я собрался ѣхать. «Куда вы? какъ можно!» сказали мнѣ: да теперь вы ни въ какомъ *разѣ* не поспѣете добраться водой: скоро пойдетъ *шуга*»—«Что это такое шуга?»—«Мелкій ледъ; тогда вы должны остановиться и ждать зимняго пути гдѣ-нибудь на станціи. Лучше вамъ подождать здѣсь».—«А берегомъ?» спросилъ я. «*Горой* ѣхать? помилуйте! почта два раза въ годъ въ распутицу приходитъ горой, да и то мучится, бьется. Вѣдь надо ѣхать верхомъ по утесамъ, черезъ про-

пасти, по узенькимъ тропинкамъ. А вы еще съ больными ногами! Лучше подождите: всего какихъ-нибудь два мѣсяца»...

— «Два мѣсяца! Это ужасно!» въ отчаяніи возразилъ я «Можетъ-быть и полтора», утѣшилъ кто-то. «Ну, нѣтъ: *сей годъ* Лена не станетъ рано», говорили другіе: «осень теплая и ранній снѣжокъ выпадалъ—это вѣрный знакъ, что зимній путь не скоро установится...»

Опухоль въ ногахъ прошла, но также прошла и всякая возможность ѣхать до зимы. Я между-тѣмъ познакомился со всѣми въ городѣ; тамъ обѣдъ, тамъ завтракъ, кто именинникъ, не самъ, такъ жена, наконецъ тетка. Для васъ, непослѣднихъ гастрономовъ, замѣчу, что здѣсь есть превосходная рыба—нельма, которая играла бы большую роль на петербургскихъ обѣдахъ. Она хороша и разварная, и въ пирогахъ, и въ жаркомъ, да и вездѣ; ее также маринуютъ. Есть много отличной дичи: рябчики, куропатки и тетерева — ежедневное блюдо къ жаркому. Но коренные жители почти совсѣмъ не ѣдятъ куръ и телятины, какъ въ другихъ мѣстахъ нѣкоторые не ѣдятъ, напримѣръ, зайцовъ. Зелени тоже мало, кромѣ капусты и огурцовъ. Вина дороги; шампанское продается по 6 и 7 руб. сереб. бутылка; за то хороши наливки.

Обычаи здѣсь патріархальные: гости пообѣдаютъ, распростятся съ хозяиномъ и отправятся домой спать, и хозяинъ ляжетъ, а вечеромъ явятся опять и садятся за бостонъ до ужина. Общество одно. Служащіе, купцы, и жены тѣхъ и другихъ, видятся ежедневно и... живутъ всѣ въ большихъ ладахъ.

Я заикнулся на этихъ словахъ не потому, чтобъ они были несправедливы, а потому, что пробѣгая одну книгу о Якутскѣ (*Поѣздка въ Якутскъ*), я прочелъ тамъ совсѣмъ

противное о якутскомъ обществѣ. Авторъ жалуется на господствующую будто-бы здѣсь страсть къ ябедничеству (стр. 126), на недостатокъ веселости въ собраніяхъ, на общее другъ къ другу недовѣріе и т. п. Не знаю, что̀ сказать: я ничего этого не видалъ, напротивъ, кажется. Впрочемъ, не спорю: тогда (въ 1832 г.) могло быть и такъ. Физіономія маленькаго города измѣняется легко: это зависитъ отъ обстоятельствъ, оттого, что̀ за люди первенствуютъ въ обществѣ. Что касается меня, я нашелъ много живости и разговоровъ на обѣдахъ; недовѣрія не замѣтилъ: всѣ кушаютъ съ большою довѣрчивостью и говорятъ безъ умолку. Почти ежедневно собираются другъ у друга, потому-что кружокъ очень не великъ. Въ приведенной книгѣ даже сказано, что будто приглашенные вечеромъ гости, просидѣвъ часу до втораго, возвращаются домой къ своему ужину. Теперь это не такъ: попробуйте уѣхать безъ ужина, тихонько, такъ хозяева на крыльцѣ за полу поймаютъ. Я, по своей привычкѣ не ужинать, часто затруднялся, ка̀къ увернуться отъ этого, и кончалъ тѣмъ, что ужиналъ.

Сплетни, о которыхъ тоже говоритъ авторъ книги, до меня не доходили, конечно потому, что я проѣзжій и не могъ интересоваться ими. Авторъ правъ, сказавши, что сплетни составляютъ общую принадлежность маленькихъ городовъ. Но полно маленькихъ ли только? Въ большихъ ихъ меньше слышно оттого, что не напасешься времени слушать и повторять слышанное. Нѣтъ, общество въ томъ видѣ, какъ оно теперь въ Якутскѣ, право порядочное. Да мнѣ кажется, еслибъ я очутился въ такомъ уголкѣ, гдѣ не замѣтилъ бы ни малѣйшей вражды, никакихъ сплетней, а видѣлъ бы только любовь да дружбу, невозмутимый миръ, всеобщее другъ къ другу довѣріе и воздержаніе, я бы перепугался, куда это я заѣхалъ: все думалъ бы, что это не-

даромъ, что тутъ что-нибудь да есть другое... Замѣчу еще, что купцы здѣсь порядочно воспитаны, выписываютъ журналы, читаютъ, нѣкоторые сами пишутъ. Почти всѣ они гдѣ-нибудь учились, въ иркутской гимназіи, напримѣръ; при томъ они не носятъ бородъ и ходятъ въ европейскомъ платьѣ, отъ этого нѣтъ рѣзкаго неравенства въ обществѣ.

Говоря о ябедничествѣ, авторъ, можетъ-быть, относилъ эту слабость къ якутамъ: они дѣйствительно склонны къ ябедничеству; но теперь оно, какъ я слышалъ, стараніями начальства, мало-по-малу искореняется.

Если вы, любезный А. Н., признаете, и весьма справедливо, *русскій пикетъ въ степи зародышемъ Европы* (см. фельетонъ «Спб. Вѣдомостей» № 176, 11 августа 1854 г.), то чѣмъ вы признаете подвиги, совершаемые въ здѣшнемъ краю, о которомъ свѣжи еще въ памяти у насъ мрачныя преданія, какъ о странѣ разбоевъ, лихоимства, безнаказанныхъ преступленій? А вотъ вы ѣдете отъ Охотскаго моря, какъ ѣхалъ я, по такимъ мѣстамъ, которыя еще ждутъ именъ въ нашихъ географіяхъ, да и весь край этотъ не всѣ у насъ, въ Европѣ, назовутъ по имени, и не всѣ знаютъ его предѣлы и жителей, рѣки, горы; а вы ѣдете по немъ и видите поверстные столбы, мосты, изъ которыхъ одинъ тянется на тысячу шаговъ. Конечно, онъ сколоченъ изъ бревенъ, но вы ѣдете по немъ черезъ непроходимое болото. Пріѣзжаете на станцію, конечно въ плохую юрту, но подъ кровъ, грѣетесь у очага, находите лѣтомъ лошадей, зимой оленей, и смѣло углубляетесь, вслѣдъ за якутомъ, въ дикую, непронимацаемую чащу лѣса, ѣдете по руслу рѣкъ, горныхъ потоковъ, у подошвы горъ, или взбираетесь на утесы, по протоптаннымъ и—увы! гдѣ романтизмъ? безопаснымъ тропинкамъ. Вамъ не дадутъ ни упасть, ни утонуть, развѣ только сами непремѣнно того захотите,

какъ захотѣлъ въ прошломъ году какой-то чудакъ-мѣщанинъ, которому опытные якуты говорили, что нельзя пускаться въ путь послѣ проливныхъ дождей: горные ручьи раздуваются въ стремительные потоки и уносятъ быстротой лошадей и всадниковъ. Онъ не послушалъ, разгорячился, нашумѣлъ; якуты робки и послушны; они не противорѣчили болѣе; поѣхалъ и былъ увлеченъ потокомъ. Надпись на крестѣ, поставленномъ на дорогѣ, свидѣтельствуетъ о его гибели и предостерегаетъ неосторожныхъ. Подъѣзжаете ли вы къ глубокому и вязкому болоту, якутъ соскакиваетъ съ лошади, уходитъ выше колѣна въ грязь и ведетъ вашу лошадь—гдѣ суше; ѣдете ли лѣсомъ, онъ—впереди, устраняетъ отъ васъ сучья; при подъемѣ на крутую гору, опоясываетъ васъ кушакомъ и помогаетъ идти; гдѣ очень дурно, глубоко, скользко — онъ останавливается. «Худо тутъ», говоритъ онъ: *пѣшкѣемъ* надо», вынимаетъ ножъ, срѣзываетъ палку и подаетъ вамъ, не зная еще, дадите ли вы ему на водку, или нѣтъ. Это якутъ, недавно еще получеловѣкъ, полузвѣрь!

Гдѣ же страшный, почти неодолимый путь? спрашиваете вы себя, проѣхавши тысячу-двѣсти верстъ: вездѣ станціи, лошади, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ, напримѣръ, на рѣкѣ Маѣ, найдете свѣжее мясо, дичь, а молоко и овощи, т. е. капусту, морковь и т. п. вездѣ; у агентовъ американской компаніи чай и сахаръ.

Не забудьте, все это въ краю, который слыветъ безъимянной пустыней! Онъ пустыня и есть. Не разъ содрогнешься, глядя на дикія громады горъ безъ растительности, съ ледяными вершинами, съ лежащимъ во все лѣто снѣгомъ во впадинахъ, или на эти лѣса, которые растутъ тѣсно, какъ тростникъ, деревья жмутся другъ къ другу, высасываютъ изъ земли скудные соки и падаютъ сами отъ избытка силъ

и недостатка почвы. Вы видите, кàкъ по деревьямъ прыгаютъ мелкіе звѣрки, изъ-подъ ногъ выскакиваетъ испуганная рѣдкимъ появленіемъ людей дичь. Издалека доносится до ушей шумъ горныхъ каскадовъ, или надъ всѣмъ этимъ тяготѣетъ такое страшное безмолвіе, что не рѣшаешься разговоромъ или пѣснью будить пустыню, пугаясь собственнаго голоса. А пугаться нечего: вы ѣдете безопасно, какъ-будто идете съ Морской на Литейную. Я дорогой, отъ скуки, набрасывалъ на станціяхъ въ записную книжку бѣглыя замѣтки о видѣнномъ. При свиданіи прочту вамъ ихъ и вы увидите подробныя доказательства всему, чтò говорю теперь.

Можетъ-быть мнѣ возразятъ, что бываютъ неудачи, остановки, особенно зимой; иногда недостаетъ оленей, или, если случится много проѣзжихъ, лошади скоро изнуряются, и тогда... Да, переверните медаль – окажется, что проѣзжій иногда станетъ среди дороги. Надо знать, что овса здѣсь отъ Охотскаго моря до Якутска не родится и лошадей кормятъ однимъ сѣномъ, оттого онѣ слабы. Если случится много проѣзжихъ, напримѣръ, возвращающихся съ нашихъ транспортовъ офицеровъ, которые пришли моремъ изъ Россіи, лошади не выносятъ частой ѣзды. Недостатокъ оленей случается иногда отъ недостатка корма, особенно когда снѣга глубоки, такъ-что олени, питающіеся бѣлымъ мхомъ, не могутъ отрывать его ногами и гибнутъ отъ голода. Олень — нѣжное и слабое животное. Проѣзжій терпитъ отъ всего этого остановку на станціяхъ. Случалось даже иногда путешественнику, отъ изнуренія лошадей, дойти до станціи пѣшкомъ.

Но во всѣхъ этихъ неудобствахъ виновата, какъ видите, природа, противъ которой пока трудно еще взять дѣйствительныя мѣры. Трудно, но не невозможно, конечно. Че-

ловѣкъ кончаетъ обыкновенно тѣмъ, что одолѣваетъ и природу, но при какихъ условіяхъ! Если употребить, хоть здѣсь напримѣръ, большіе капиталы и множество рукъ, держать помногу лошадей на станціяхъ, доставлять для корма ихъ, съ огромными издержками, овесъ, тогда всѣ затрудненія устранятся, нѣтъ сомнѣнія. Но для кого, спрашивается, всѣ эти расходы и хлопоты? окупятся ли они? будетъ ли кому поблагодарить за это? Почта ходитъ разъ въ мѣсяцъ и дорога по полугоду глохнетъ въ совершенномъ запустѣніи. И то сколько разъ изъ глубины души скажетъ спасибо заботливому начальству здѣшняго края всякій, кого судьба броситъ на эту пустынную дорогу, за тò, чтò уже сдѣлано и что дѣлается понемногу, исподоволь,—за безопасность, за возможность, хотя и съ трудомъ, добраться сквозь эти, при малѣйшей небрежности, непроходимыя мѣста! Въ одномъ мѣстѣ, въ палаткѣ, среди болотъ, живетъ инженерный офицеръ; я засталъ толпу якутовъ, которые расчищали землю, равняли дорогу, строили мостъ. Въ алданскомъ селеніи мы застали исправника, К. П. А.: онъ немного встревожился, увидя, что намъ троимъ, съ четырьмя людьми при насъ и для вьюковъ, нужно до восемнадцати лошадей. «Я не зналъ, что вы будете», сказалъ онъ: «теперь, можетъ-быть, по станціямъ уже распустили лишнихъ лошадей. Надо послать нарочнаго впередъ». Мы остались тутъ ночевать; утромъ, чѣмъ свѣтъ, лошади были готовы. Мы пошли поблагодарить исправника, но его ужь не было. «Гдѣ жь онъ?» спрашиваемъ. «Да уѣхалъ впередъ похлопотать о лошадяхъ» говорятъ намъ: «на нарочнаго не понадѣялся». На третьей станціи мы встрѣтили его на самой дурной части дороги. «Все готово» сказалъ онъ: «вездѣ будутъ лошади»—и, не отдохнувъ получаса, едва выслушавъ изъявленія нашей бла-

годарности, онъ вскочилъ на лошадь и ринулся въ лѣсъ, по кочкамъ, по трясинѣ, черезъ пни, такъ-что сучья затрещали.

Кромѣ остановокъ, происходящихъ отъ глубокихъ снѣговъ и малосильныхъ лошадей, бываетъ, что разольются горныя рѣчки, болота наводнятся и проѣзжему приходится иногда по поясъ идти въ водѣ. «Что жь проѣзжіе?» спросилъ я якута, который мнѣ это разсказывалъ. «Сердятся», говоритъ. Но это опять все природныя препятствія, противъ которыхъ принимаются, какъ я сказалъ, дѣятельныя мѣры.

Меня неожиданно и пріятно поразило одно обстоятельство. Что̀ намъ извѣстно о хлѣбопашествѣ въ этомъ углу Сибири, который причисленъ, кажется, такъ, изъ снисхожденія, къ жилымъ мѣстамъ, къ якутской области? что оно не удается, невозможно: а между-тѣмъ на самыхъ свѣжихъ и новыхъ поселеніяхъ, на рѣкѣ Маѣ, при выходѣ нашемъ изъ лодки на станціи, намъ первые бросались въ глаза огороды и снопы хлѣба, на первый разъ ячменя и конопли. Мѣстами поселенцы не нахвалятся урожаемъ. Кто эти поселенцы? Русскіе. Они вызываются, или переводятся за проступки, изъ-за Байкала, или съ Лены, и селятся по нѣскольку семействъ на новыхъ мѣстахъ. Казна не только даетъ имъ средства на первое обзаведеніе лошадей, рогатаго скота, но и поддерживаетъ ихъ постоянно, отпуская по два пуда въ мѣсяцъ хлѣба на мужчину и по пуду на женщинъ и дѣтей. Я видѣлъ поселенцевъ по рр. Маѣ и Алдану: они нанимаютъ тунгусовъ и якутовъ обработывать землю. Тѣ сначала не хотѣли трудиться, предпочитая ѣсть конину, бѣлокъ, древесную кору, всякую дрянь, а поработавши годъ и поѣвши ячменной похлёбки съ масломъ, на другой годъ пришли за работой сами.

Есть мѣста вовсе безплодныя: съ нихъ, по распоряженію начальства, поселенцы переселяются на другіе участки. Подъѣзжая къ р. Амгѣ (это уже ближе къ Якутску), я вдругъ какъ-будто перенесся на берега Волги: передо мной раскинулись поля, пестрѣющія хлѣбомъ. «Уже ли это пшеница?» съ изумленіемъ спросилъ я, завидя пушистые, знакомые мнѣ золотистые колосья. «Пшеница и есть», сказалъ мнѣ человѣкъ; «а вонъ и яровое!»

Я не могъ окинуть глазами обширныхъ луговъ съ безчисленными стогами сѣна, между которыми шевелились якуты, накладывая на воловъ сѣно, убирая хлѣбъ. Я увидѣлъ тамъ женщинъ, ребятишекъ, табуны лошадей и огороженныя пастбища. «Гдѣ же это я? кто тутъ живетъ?» спросилъ я своего ямщика. «*Исправные* якуты живутъ» (исправные—богатые), отвѣчалъ онъ. Погода была великолѣпная, глаза разбѣгались, останавливаясь на сжатомъ хлѣбѣ, на прячущейся въ чащѣ лѣса богатой, окруженной сараями и хлѣвами юртѣ, на ѣдущей верхомъ на волѣ, пестро одѣтой якуткѣ.

Хлѣбопашество и разведеніе овощей по рр. Маѣ и Алдану—созданіе свѣжее, недавнее, и принадлежитъ попеченіямъ здѣшняго начальства. Поселенцы благословляютъ эти попеченія. «Все сдѣлано для насъ» говорятъ они, «а гдѣ не родилось ничего—значитъ и не родится никогда». Когда якуты принялись за хлѣбопашество около Якутска, начальство скупило ихъ урожай и роздало майскимъ поселенцамъ. Такъ въ прошломъ, или третьемъ году куплено было до 12 тысячъ пудовъ. Якуты принялись еще усерднѣе за хлѣбопашество и на другой годъ хлѣбъ продавался рублемъ дешевле на пудъ, т. е. вмѣсто 2 р. 50 к. асс., продавали по 1 р. 50 к. На рѣкѣ Амгѣ хлѣбопашество—новость только въ половину. Оно заве-

дено было тамъ прежде, но, по словамъ тамошнихъ жителей, шло до нынѣшняго времени очень плохо. Теперь съ каждымъ годомъ оно улучшается. Частные люди помогаютъ этому, поощряя хлѣбопашество и скотоводство: одни жертвуютъ хлѣбъ для посѣва, другіе посылаютъ барановъ, которыхъ до-сихъ-поръ не знали за Леной, третьи подаютъ примѣръ собственными трудами.

На Маѣ есть, между-прочимъ, отставной матросъ Сорокинъ: онъ явился туда, нанялъ тунгусовъ и засѣялъ четыре десятины, на которыя истратилъ по 45 руб. на каждую, не зная, выйдетъ ли что-нибудь изъ этого. Трудъ его не пропалъ: онъ воротилъ деньги съ барышомъ, и тунгусы на слѣдующее лѣто явились къ нему опять. Дворъ его полонъ скота, завидно смотрѣть, какого крупнаго. Мы съ уваженіемъ и страхомъ сторонились отъ одного быка, который бы занялъ не послѣднее мѣсто на какой-нибудь англійской хозяйственной выставкѣ. Сорокинъ живетъ полнымъ домомъ; онъ подалъ къ обѣду намъ славной говядины, дичи, сливокъ. Теперь онъ жертвуетъ всю свою землю церкви и переселяется опять въ другое мѣсто, гдѣ, можетъ-быть, сдѣлаетъ то же самое. Это тоже герой въ своемъ родѣ, маленькій титанъ. А сколько ихъ явится вслѣдъ за нимъ! и имя этимъ героямъ—легіонъ: здѣшнему потомству некого будетъ благословить современемъ за эти робкія, но великія начинанія. Останутся имена вождей этого дѣла въ народной памяти—и то хорошо. Никто о Сорокинѣ не кричитъ, хотя всѣ его знаютъ далеко кругомъ и всѣ находятъ, что онъ дѣлаетъ только, «какъ надо». На стѣнахъ у него висятъ въ рамкахъ похвальные листы, данные ему отъ начальниковъ здѣшняго края. Висятъ эти листы въ тѣни, такъ-что ихъ и не отыщешь скоро. Сорокинъ повѣсилъ ихъ конечно не изъ хва-

стовства, а больше по обычаю русскаго простаго человѣка вѣшать на стѣну всякую офиціальную бумагу, до паспорта включительно.

Еще одно важное обстоятельство немало способствуетъ этимъ начинаніямъ. Отъ береговъ Охотскаго моря до Якутска нѣтъ ни капли вина. Я писалъ вамъ, что упавшая у насъ на Джукжурѣ, или Зукзурѣ, якутскомъ или тунгусскомъ Монбланѣ, одной изъ горъ Становаго хребта, вьючная лошадь перебила нашъ запасъ вина (такъ намъ донесли наши люди), и мы совершили путь этотъ по образу древнихъ, очень патріархально, довольствуясь водой. Люди наши прожили эти пятнадцать или восемнадцать дней, противъ своего ожиданія, трезво. Одинъ изъ нашихъ товарищей (мы ѣхали сначала втроемъ), большой насмѣшникъ, увѣряетъ, что еслибъ люди наши знали, что до Якутска въ продажѣ нѣтъ вина, такъ, можетъ-быть, вино на горѣ не разбилось бы.

А вина нѣтъ нигдѣ на разстояніи тысячи двухсотъ верстъ. Тамъ, гдѣ край тѣсно населенъ, гдѣ народъ обуздывается отъ порока отношеніями подчиненности, строгостью общаго мнѣнія и добрыми примѣрами, тамъ свободное употребленіе вина не испортитъ большинства въ народѣ. А здѣсь—въ этомъ молодомъ краѣ, гдѣ всѣ мѣры и дѣйствія правительства клонятся къ тому, чтобы съ огромнымъ русскимъ семействомъ слить горсть иноплеменныхъ дѣтей, дикихъ младенцевъ человѣчества, для которыхъ пока правильный, систематическій трудъ — мучительная, лишняя новизна, которые требуютъ осторожнаго и постепеннаго воспитанія—здѣсь вино погубило бы эту горсть, какъ оно погубило дикихъ въ Америкѣ. Винный откупъ, по направленію къ Охотскому морю, нейдетъ далѣе воротъ Якутска. Въ этой мѣрѣ начальства кроется глубокій расчетъ—

и уже *зародышъ не Европы въ Азіи*, а русскій, самобытный примѣръ цивилизаціи, которому нехудо бы поучиться нѣкоторымъ европейскимъ судамъ, плавающимъ отъ Ост-Индіи до Китая и обратно.

Но довольно похищать изъ моей памятной дорожной книжки о видѣнномъ на пути съ моря до Якутска: при свиданіи мнѣ нечего будетъ вамъ показать. Воротимся въ самый Якутскъ.

Я познакомился почти со всѣми членами здѣшняго общества, и служащими и торгующими, и неслужащими и неторгующими: всѣ они съ большимъ участіемъ распрашивали о моихъ странствованіяхъ и выслушивали съ живымъ любопытствомъ мои разсказы. Но кто бы ожидалъ, что въ ихъ скромной и, повидимому, неподвижной жизни, было не меньше движенія и трудовъ, нежели во всякихъ путешествіяхъ? Я узналъ, что жизнь ихъ не неподвижная, не сонная, что она нисколько непохожа на обыкновенную провинціальную жизнь; что въ суммѣ здѣшней дѣятельности таится масса подвиговъ, о которыхъ громко кричали и печатали бы въ другихъ мѣстахъ, а у насъ, изъ скромности, молчатъ. Только въ якутскомъ областномъ архивѣ хранятся матеріалы, драгоцѣнные для будущаго историка Якутской области. Нѣкоторые занимаются здѣсь и въ Иркутскѣ разборомъ старыхъ рукописей и, конечно, издадутъ свои труды въ свѣтъ. Но эти труды касаются прошедшаго: подвиги нынѣшнихъ дѣятелей такъ же скромно, безъ треска и шума, внесутся въ реестры офиціальнаго хранилища и долго еще до именъ ихъ не дойдетъ очередь въ исторіи.

Упомяну прежде о нашихъ миссіонерахъ. Здѣсь ихъ, въ Якутскѣ, два: священники Хитровъ и Запольскій. Знаете, что̀ они дѣлаютъ? Десять лѣтъ живутъ они въ Якутскѣ и изъ нихъ трехъ лѣтъ не прожили на мѣстѣ, при семей-

ствахъ. Они постоянно разъѣзжаютъ по якутамъ, тунгусамъ и другимъ племенамъ: къ однимъ, крещенымъ, ѣздятъ для требъ, къ другимъ для обращенія.

— Гдѣ же вы бывали? спрашивалъ я одного изъ нихъ. «Въ разныхъ мѣстахъ, сказалъ онъ: и къ сѣверу, и къ югу, за тысячу верстъ, за полторы, за три».— «Кто жь живетъ въ тѣхъ мѣстахъ, напримѣръ, къ сѣверу?» — «Не живетъ никто, а кочуютъ якуты, тунгусы, чукчи. Ѣздятъ по этимъ дорогамъ верхомъ, большею частью на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ, или на оленяхъ. По колымскому и другимъ пустыннымъ трактамъ есть, пожалуй, и станціи, но какія разстоянія между ними:—верстъ по четыреста, небольшія всего по двѣсти верстъ!»

— Двѣсти верстъ — небольшая станція! Гдѣ жь останавливаются? гдѣ ночуютъ?» спрашивалъ я. «Въ иныхъ мѣстахъ есть *поварни*», говорятъ мнѣ.

При этомъ словѣ, конечно, представится вамъ и поваръ, пожалуй, въ воображеніи запахнетъ бифстексомъ, котлетами...

«Поварня, говорятъ мнѣ—пустая, необитаемая юрта, съ однимъ искусственнымъ отверстіемъ наверху и со множествомъ природныхъ щелей въ стѣнахъ, съ очагомъ посрединѣ — и только». Слѣдовательно это quasi-поварня.

Если хотите сдѣлать ее настоящей поварней, то привезите съ собой повара, да кстати ужь и провизіи, а иногда и дровъ, гдѣ лѣсу нѣтъ; не забудьте взять и огня: попросить не у кого, сосѣдей нѣтъ кругомъ; прямо на тысячу или больше верстъ пустыня, направо другая, налѣво третья и такъ далѣе.

— Слава Богу, если еще есть поварня! говорилъ отецъ Никита, а то и не бываетъ...»—«Какъ же тогда?»—«Тогда ночуемъ на снѣгу». — «Но не въ сорокъ градусовъ, на-

дѣюсь».—«И въ сорокъ ночуемъ: куда жь дѣться?»—«Какъ же такъ? вѣдь, говорятъ, при 40° дышать нельзя...» — «Трудно, грудь рѣжетъ немного, да дышемъ. Мы разводимъ огонь, и притомъ въ снѣгу тепло. Морозъ ничего», прибавилъ онъ, «мы привыкли, да и хорошо закутаны. А вотъ гораздо хуже, когда застанетъ пурга...»

Пурга стòитъ всякихъ морскихъ бурь: это снѣжный ураганъ, который застилаетъ мракомъ небо и землю и крутитъ тучи снѣгу: нельзя сдѣлать шагу ни впередъ, ни назадъ; оставайтесь тамъ, гдѣ застала буря; если поупрямитесь, тронетесь—не найдете дороги впереди, не узнаете вашего и вчерашняго пути: гдѣ были бугры, тамъ образовались ямы и овраги; лучше стойте и не двигайтесь. «Мы однажды добрались въ пургу до юрты», говорилъ отецъ Никита, «а товарищи отстали: не послушали инстинкта собакъ, своротили ихъ не туда, куда тѣ мчали, и заблудились. Три дня ждали ихъ, и когда прояснилось небо, ихъ нашли у дверей юрты. Послѣднюю ночь они провели тутъ, не подозрѣвая жилья». Какова должна быть погода!

На-дняхъ священникъ Запольскій получилъ порученіе ѣхать на югъ, по радіусу тысячи въ полторы верстъ, или и больше: тутъ еще никто не измѣрялъ разстояній; это новое мѣсто. Онъ ѣдетъ развѣдать, кто тамъ живетъ, или, лучше сказать, живетъ ли тамъ кто-нибудь: и если живетъ, то исповѣдуетъ ли какую-нибудь религію, какую именно и т. п., словомъ, узнать все, чтò касается до его обязанностей.

— Какъ же вы въ новое мѣсто поѣдете? спросилъ я: «на чемъ? чѣмъ будете питаться? гдѣ останавливаться? По этой дорогѣ, вѣроятно, поваренъ нѣтъ...»—«Дà, трудно; но вѣдь это только въ первый разъ», возразилъ онъ, «а во второй ужь легче».

А онъ въ первый разъ и ѣдетъ, значитъ, надѣется ѣхать и во второй, можетъ-быть и въ третій. «Можно развѣдать», продолжалъ онъ, «есть ли жители по пути, или по сторонамъ, и уговориться съ ними о доставкѣ на будущее время оленей...»—«А далеко ли могутъ доставлять оленей?» спросилъ я. «Да̀ хоть изъ-за шести или семисотъ верстъ, и то доставятъ. Что вы удивляетесь?» прибавилъ онъ, «вѣдь я не первый: тамъ вѣрно кто-нибудь бывалъ: *въ Сибири нѣтъ мѣста, гдѣ бы не были русскіе*». Замѣчательныя слова! «Долго ли вы тамъ думаете пробыть?» спросилъ я. «Лѣтомъ, полагаю, я вернусь». Лѣтомъ, а теперь октябрь!

Вы видите, что здѣсь въ религіозномъ отношеніи дѣлается тоже самое, что̀ уже сдѣлано для алеутовъ. Ненужно напоминать вамъ имя архипастыря, который много лѣтъ подвизался на пользу подвластныхъ намъ американскихъ племенъ, обращая ихъ въ христіанскую вѣру. Вамъ извѣстенъ онъ, какъ авторъ книги *Записки объ уналашкинскомъ отдѣлѣ Алеутскихъ островоѣъ*. Изд. въ 1840 г. протоіерея (нынѣ камчатскаго, алеутскаго и курильскаго архіепископа Иннокентія) Веніаминова. Авторъ въ предисловіи скромно называетъ записки *матеріалами для будущей исторіи нашихъ американскихъ колоній*; но прочтя эти *матеріалы*, не пожелаешь никакой другой исторіи молодаго и малоизвѣстнаго края. Нѣтъ недостатка ни въ полнотѣ, ни въ отчетливости по всѣмъ частямъ знанія: этнографіи, географіи, топографіи, натуральной исторіи; но всего болѣе обращено вниманіе на состояніе церкви между обращенными, успѣхамъ которой онъ такъ много, долго и ревностно содѣйствовалъ. Книга эта еще замѣчательна тѣмъ, что написана прекраснымъ, легкимъ и живымъ языкомъ. Кромѣ того о. Веніаминовымъ переложено на але-

утскій языкъ евангеліе, имъ же изданы алеутскій и алеутско-кадьякскій буквари, съ присовокупленіемъ на томъ и на другомъ языкахъ заповѣдей, символа вѣры, молитвы господней, вседневныхъ молитвъ, потомъ счета и цифръ. То же самое, кажется, если не ошибаюсь, сдѣлано и для Колошъ.

Если хотите подробнѣе знать о *состояніи Православной Церкви въ Россійской Америкѣ*, то прочтите изданную, подъ заглавіемъ этимъ въ 1840 году, брошюру протоіерея І. Веніаминова. Теперь онъ, т. е. преосвященный Иннокентій подвизается здѣсь на болѣе обширномъ поприщѣ, начальствуя паствой двухсотъ тысячъ якутовъ, нѣсколька тысячъ тунгусовъ и другихъ племенъ, раскиданныхъ на пространствѣ тысячъ трехъ верстъ въ длину и въ ширину области. Подъ его руководствомъ перелагается евангельское слово на ихъ скудное, неимѣющее права гражданства между нашими языками, нарѣчіе. Я случайно былъ въ комитетѣ, который собирается въ тишинѣ архипастырской кельи, занимаясь переводомъ евангелія. Всѣ духовныя лица здѣсь знаютъ якутскій языкъ. Переводъ вчернѣ уже конченъ. Когда я былъ въ комитетѣ, тамъ занимались окончательнымъ пересмотромъ евангелія отъ Матѳея. Сличались греческій, славянскій и русскій тексты съ переводомъ на якутскій языкъ. Каждое слово и выраженіе строго взвѣшивалось и повѣрялось всѣми членами.

Почтенныхъ отцовъ нерѣдко затруднялъ недостатокъ словъ въ якутскомъ языкѣ для выраженія многихъ, не только нравственныхъ, но и вещественныхъ понятій, за неимѣніемъ самыхъ предметовъ. Напримѣръ, у якутовъ нѣтъ слова *плодъ*, потому-что не существуетъ понятія. Подъ здѣшнимъ небомъ не родится ни одного плода, даже дикаго яблока: нѐчего было и назвать этимъ именемъ. Есть ря-

бина, брусника, дикая смородина или, по-здѣшнему, *кисмица*, морошка — но то ягоды. Сами якуты, затрудняясь названіемъ многихъ занесенныхъ русскими предметовъ, называютъ ихъ русскими именами, которыя и вошли навсегда въ составъ якутскаго языка. Такъ хлѣбъ они и называютъ хлѣбъ, потому-что русскіе научили ихъ ѣсть хлѣбъ, и много другихъ, подобныхъ тому. Такъ поступалъ преосвященный Иннокентій при переложеніи евангелія на алеутскій языкъ, такъ поступаютъ перелагатели священнаго писанія и на якутскій языкъ. Впрочемъ такъ же было поступлено и съ славянскимъ переложеніемъ евангелія съ греческаго языка.

Одинъ изъ миссіонеровъ, именно священникъ Хитровъ, занимается, между-прочимъ, составленіемъ грамматики якутскаго языка, для руководства при обученіи якутовъ грамотѣ. Она уже кончена. Вы видите, какое дѣло замышляется здѣсь. Я слышалъ, что всѣ планы и труды здѣшняго духовнаго начальства уже одобрены правительствомъ. Кромѣ якутскаго языка, евангеліе окончено переводомъ на тунгузскій языкъ, который, говорятъ, сходенъ съ манчжурскимъ, какъ якутскій съ татарскимъ. Составлена, какъ я слышалъ, и грамматика тунгузскаго языка, все духовными лицами. А одинъ изъ здѣшнихъ медиковъ составилъ тунгузско-русскій словарь изъ нѣсколькихъ тысячъ словъ. Такъ-какъ у тунгусовъ нѣтъ грамоты и слѣдовательно грамотныхъ людей, то духовное начальство здѣшнее, для опыта, намѣрено разослать пока письменныя копіи съ перевода евангелія въ кочевья тунгусовъ, чтобъ наши священники, знающіе тунгузскій языкъ, чтеніемъ перевода распространяли между ними предварительно и постепенно истины вѣры и приготовляли ихъ такимъ образомъ къ болѣе основательному познанію священнаго писанія, въ ожи-

даніи, когда распространится между-ними знаніе грамоты и когда можно будетъ снабдить ихъ печатнымъ переводомъ.

При этомъ письмѣ я приложу для вашего любопытства образецъ этихъ трудовъ: молитву господню на якутскомъ, тунгузскомъ и колошенскомъ языкахъ *), которая сообщена мнѣ здѣсь. Что̀ значатъ трудности англійскаго выговора, въ сравеніи съ этими звуками, въ произношеніи которыхъ участвуютъ, не только горло, языкъ, зубы, щеки, но и брови, и складки лба, и даже, кажется, волосы! А какая грамматика! то падежъ впереди имени, то притяжательное мѣ-

---

*) Молитва Господня. Мат. VI. 9—13.

1. *На якутскомъ языкѣ:*

Бисиги Агабытъ, энь баргынъ халланнаръ-юрдяларигяръ! Сибетяйдяннигъ атыгъ Эеня, келлигъ Энь Сарствагъ, кёггюлюгъ Эеня боллугъ сирьгя-да, хайтахъ (баръ кини) халланъ-юрдюгяръ; бюгюю кюньгя асыръ аспытынъ кулу бисяха, халларъ бисяха бисиги еспитинь, хайтахъ бисиги-беэбить даганы естяхтярьбитигяръ халлары-бытъ, киллярима бисигини альчжархайга, быса бисигини абасытынъ.

2. *На тунгузскомъ языкѣ:*

Амкиты̀ му̀тъ-ни нянялъ-дула биши! да бидинъ гэринъ-ди гырбы̀шъ Хинни; да амдинъ ца̀рство Хинни; да бидинъ Хинъ джа̀лысъ, то̀ръ-ли, о̀нка нянь-ли.—Клѣбъ мутъ-нивъ элэ̀ ннынгъ-ла бу̀ли мутъ-тутыкъ. Ама̀ли-да му̀тъ-ту ко̀талъ-бутъ му̀тъ-нивъ, о̀нка мутъ амава̀тгецъ коталка̀салъ-буръ мутъ нилъ буръ; Амика̀нъ-да бу̀ръ му̀ту урериду; аистили-да муту улкъ тукъ.

3. *На колошенскомъ языкѣ:*

Аишъ ааги, кусу Тыкикъ сгатыгіа, укатуваннъ исаги.

Атъепка̀ны Царствіе ја̀ги; екуккасты̀ тлютахъ тў јаги, тлztкъ. васса тыкикъ;

Катувахагіатъ ачитъ-ты якигикатъ;

Ишантѐнъ атакхъ итунаты̀ уанъ люшикѐгіатъ,—васса уанъ ишантѐнъ та атутехкъ ныгате аткуту-сыгикка.

Лилъ тучихъ аисаакъ люшикегигете; эакасныхъ уанъ цивикикувутахъ.

стоимѣніе слито съ именемъ и т. п. И все это преодолѣно!

Я забылъ сказать, что для якутской грамоты приняты русскія буквы, съ незначительнымъ измѣненіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, посредствомъ особыхъ знаковъ, чтобы пополнить недостатокъ въ нашемъ языкѣ звуковъ, частью гортанныхъ, частью носовыхъ. Но вы вѣроятно знаете это изъ книги г. Бетлинка, изданной въ С.-Петербургѣ: *Ueber die jakûtische Sprache*, а если нѣтъ, то загляните въ нее изъ любопытства. Это большой филологическій трудъ, но трудъ начальный, который долженъ послужить только матеріаломъ для будущихъ основательныхъ изысканій о якутскомъ языкѣ. Въ этой книгѣ формы якутскаго языка изложены сравнительно съ монгольскимъ и другими азіатскими нарѣчіями. Самъ г. Бетлинкъ въ книгѣ своей не беретъ на себя основательнаго знанія этого языка и ссылается на другіе авторитеты. Для письменной грамоты алеутовъ и тунгузовъ приняты тоже русскія буквы, за неимѣніемъ никакой письменности на тѣхъ нарѣчіяхъ.

Теперь отъ миссіонеровъ перейдемъ къ другимъ лицамъ. Вы знаете, что были и есть люди, которые подходили близко къ полюсамъ, обошли берега Ледовитаго моря и Сѣверной Америки, проникали въ безлюдныя мѣста, питаясь иногда бульйономъ изъ голенища своихъ сапогъ, дрались съ звѣрями, съ стихіями — все это герои, которыхъ имена мы знаемъ наизустъ и будетъ знать потомство, печатаемъ книги о нихъ, рисуемъ съ нихъ портреты и дѣлаемъ бюсты. Одинъ опредѣлилъ склоненіе магнитной стрѣлки, тотъ ходилъ отъискивать ближайшій путь въ другое полушаріе, а иные, не найдя ничего, просто замерзли. Но всѣ они ходили за славой. А кто знаетъ имена многихъ и многихъ титулярныхъ и надворныхъ совѣтниковъ, кол-

лежскихъ ассессоровъ, поручиковъ и майоровъ, которые каждый годъ ѣздятъ въ непроходимыя пустыни, къ берегамъ Ледовитаго моря, спятъ при 40° мороза на снѣгу—и все это *по казенной надобности*? Портретовъ ихъ нѣтъ, книгъ о нихъ не пишется, даже въ формулярѣ ихъ сказано будетъ глухо: «исполняли разныя порученія начальства».

Зачѣмъ же они ѣздятъ туда? Да вотъ, напримѣръ, понадобилось снабдить одно мѣсто свѣжимъ мясомъ и послали чиновника за тысячу верстъ заготовить столько-то сотъ быковъ и оленей и доставить ихъ за другія тысячи верстъ. Въ другой разъ случится какое-нибудь происшествіе, и посылаютъ служащее лицо, тысячи за полторы, за двѣ верстъ, *произвести слѣдствіе*, или просто осмотрѣть какой-нибудь отдаленный уголокъ: все ли тамъ въ порядкѣ. Не забудьте, что по этимъ краямъ большихъ дорогъ мало, ѣздятъ все верхомъ и зимой и лѣтомъ, или дороги такъ узки, что запрягаютъ лошадей гусемъ. Другой посылается, напримѣръ, въ Нижне-Колымскій уѣздъ, — это ни больше, ни меньше, какъ къ Ледовитому морю, за двѣ тысячи пятьсотъ или три тысячи верстъ отъ Якутска, къ чукчамъ—зачѣмъ вы думаете: овладѣть ихъ землей, а ихъ самихъ обложить податью? Чукчи остаются до-сихъ-поръ еще въ дикомъ состояніи, упорно держатся въ своихъ тундрахъ и нерѣдко гибнутъ отъ голода, по недостатку рыбы, или звѣрей. Завидная добыча, нечего сказать! Зачѣмъ же посылать къ нимъ? А затѣмъ, чтобъ вывести ихъ изъ дикости и заставить жить по-человѣчески, и все даромъ, безкорыстно: съ нихъ взять нечего.

Чукчи держатъ себя поодаль отъ нашихъ поселенцевъ, полагая, что русскіе придутъ и перерѣжутъ ихъ, а русскіе думаютъ — и гораздо съ бо́льшимъ основаніемъ—что ихъ перерѣжутъ чукчи. Отъ этого происходитъ то, что тѣ и

другіе избѣгаютъ другъ друга, хотя живутъ рядомъ, не оказываютъ взаимной помощи въ нуждѣ во время голода, не торгуютъ и, того гляди, еще подерутся между собой.

Чиновникъ былъ посланъ, сколько я могъ узнать, чтобъ сблизить ихъ. «Какъ же вы сдѣлали?» спро-силъ я его. «Лаской и подарками», сказалъ онъ: я съ трудомъ зазвалъ ихъ старшинъ на русскую сторону, къ себѣ въ юрту, угостилъ чаемъ, увѣрилъ, что имъ опасаться нечего, и послѣ того многія семейства перекочевали на русскую сторону».

И они позвали его къ себѣ. «Мы у тебя были, теперь ты приди къ намъ», сказали они и угощали его обѣдомъ, но въ своемъ вкусѣ, и потому онъ не ѣлъ. Въ грязномъ горшкѣ чукчанка сварила оленины, вынимала ее и дѣлила на части руками—какими—Боже мой! Когда онъ отказался отъ этого блюда, ему предложили другое, самое лакомое: сырые оленьи мозги. «Мы ѣли у тебя, такъ ужь и ты, какъ хочешь, а ѣшь у насъ», говорили они.

Онъ много разсказывалъ любопытнаго о нихъ. Онъ обласкалъ одного чукчу, посадилъ его съ собой обѣдать, и тотъ потомъ не отходилъ отъ него ни на шагъ, служилъ ему проводникомъ, просиживалъ надъ нимъ ночью, не смыкая глазъ и охраняя его сонъ, и разстался съ нимъ только на границѣ чукотской земли. Поступите съ нимъ грубо, постращайте его — и во сколько лѣтъ потомъ не изгладите впечатлѣнія!

Любопытно также, какъ чукчи производятъ торговлю, т. е. мѣну съ другимъ племенемъ, Коргаулями, или Карагаулями, живущими на островахъ у устья рѣкъ, впадающихъ въ Ледовитое море. Чукча и каргауль держатъ въ одной рукѣ товаръ, который хотятъ промѣнять, а въ другой по длинному ножу, и не спускаютъ другъ съ друга глазъ, взаимно слѣдя за движеніями, и такимъ образомъ

передаютъ товары. Чуть одинъ зазѣвается, другой вонзаетъ въ него ножъ и беретъ весь товаръ себѣ. Объ убитомъ никто не заботится: «должно быть, дурной человѣкъ былъ!» говорятъ они и забываютъ о немъ.

О корякахъ, напротивъ, разсказываютъ много хорошаго, о тунгузахъ еще больше. Послѣдніе честны, добры и трудолюбивы. Коряки живутъ тоже скудными рыбными и звѣриными промыслами, и въ юртахъ ихъ нерѣдко бываетъ такая же стряпня, какъ въ *поварняхъ*, по колымскому и другимъ безлюднымъ трактамъ. Въ голодъ они дѣлятъ поровну между собою все, что̀ добудутъ: звѣря, рыбу, или другое. Когда хотѣли наградить одного коряка за такой дѣлежъ, онъ не могъ понять, въ чемъ дѣло. «За что?» спрашиваетъ. «За то, что раздѣлилъ свою добычу съ другими». «Да вѣдь у нихъ нѣтъ!» отвѣчалъ онъ съ изумленіемъ. Бились, бились, такъ и не могли принудить его взять награду. Хвалятъ тоже ихъ за чистоту нравовъ. Дочь одного коряка измѣнила правиламъ нравственности. По обычаю коряковъ, ее слѣдовало убить. Отецъ немогъ исполнить этого долга: она была любимая и единственная дочь. «Не могу», сказалъ онъ, подавая ей веревку: «удавись сама». Она удавилась и онъ нѣсколько лѣтъ оплакивалъ ее.

Не то̀ разсказываютъ про якутовъ. Хвалятъ ихъ за способности, за трудолюбіе, за смышлённость, но въ нихъ, какъ въ многочисленномъ, преобладающемъ здѣсь племени, уже развиты нѣкоторые пороки: они, между прочимъ, склонны къ воровству. Убійства между ними рѣдки: они робки и боятся наказаній. Но въ воровствѣ они обнаруживаютъ много тонкости, которая бы не осрамила лондонскихъ мошенниковъ. Одинъ якутъ украдетъ, напримѣръ, корову, и чтобъ зимой по слѣдамъ не добрались до него,

надѣваетъ на нее сары, или сапоги изъ конской кожи, какіе самъ носитъ. Но и хозяинъ коровы не промахъ: онъ поутру смотритъ не подъ ноги, не на слѣды, а вверхъ: замѣчаетъ, куда слетаются вороны, и часто нападаетъ на покражу, узнавая по шкурѣ зарѣзанной коровы свою собственность.

Однажды нѣсколько якутовъ перелѣзли на чужой дворъ украсть лошадь. Ворота заперты, вывести нельзя; они вздумали перетащить ее черезъ заборъ: переднія ноги уже были за заборомъ; воры усердно тащили за хвостъ и другую половину лошади. Она, конечно, къ этому новому способу путешествія равнодушна быть не могла и сильно протестовала съ своей стороны, и копытами, и головой. Хозяинъ вышелъ на шумъ, а воры мгновенно спрятались, кромѣ того, который былъ на улицѣ. «Хозяинъ, хозяинъ кричалъ онъ, смотри, что̀ я засталъ: у тебя лошадь воруютъ».—«И такъ воруютъ».—«Бери же ее назадъ». Стали тащить назадъ—не подается: воръ съ улицы крѣпко придерживалъ ее за узду. «Туда нейдетъ», говорилъ онъ: «ты лучше подтолкни ее сюда; а потомъ отвори ворота, я ее приведу». Такъ и сдѣлано. Само собою разумѣется, что воръ ускакалъ на лошади, не дождавшись хозяина.

Якуты здѣсь все: кучера, слуги и ремесленники; они—хорошіе скорняки, кузнецы, но особенно способны къ плотничной и столярной работѣ. Имъ недостаетъ вкуса, потому что нѣтъ образцовъ. Здѣшніе древніе диваны и стулья переходятъ изъ дома въ домъ, не мѣняя формы; по нимъ дѣлаютъ и новую мебель. Дайте имъ образецъ — они сдѣлаютъ совершенно такую же вещь. Знаете ли, что̀ мнѣ обѣщалъ принести на дняхъ якутъ? бюстъ Рашели изъ мамонтовой кости, или изъ моржоваго зуба. Сюда присланъ бюстикъ изъ гипса и якутъ дѣлаетъ по немъ. Якутъ и Рашель—каково сближеніе!

Кстати объ издѣліяхъ изъ мамонтовой кости. Вы знаете, что кость эту находятъ, не только въ кускахъ, но въ цѣлыхъ остовахъ. Мнѣ сказывали здѣсь, что, про найденный недавно остовъ мамонта, кто-то выдумалъ объявить чукчамъ, что имъ приведется везти его въ Якутскъ, и они растаскали и истребили его такъ, что теперь и слѣдовъ нѣтъ.

Нѣтъ проѣзжаго, къ которому бы не явились якуты, и особенно якутки, съ этими издѣліями. Я купилъ рѣзную подставку для часовъ, только она не стоитъ на мѣстѣ. Но что̀ это за издѣлія! Работа такая же допотопная, какъ и сама кость, съ допотопными надписями на гребнѣ: *въ знакъ любве* или *кого люблю, того дарю*. На ящикахъ зачѣмъ-то вырѣзанъ русскій гербъ. Жаль, что отдаленность и глушь края мѣшаютъ обратить на это вниманіе: кости здѣсь очень много, якутовъ еще больше, такъ-что наши столики были бы заставлены бездѣлками изъ этого красиваго матеріала. Одинъ изъ моихъ спутниковъ, к. О. хотѣлъ купить кусокъ необдѣланной кости и взять съ собой. «Если немного, такъ пожалуй, можно достать», отвѣчали ему. «Мнѣ небольшой кусокъ», сказалъ онъ. «Пудовъ восемнадцать, что-ли?» спросили его. Но онъ отступился.

Еще слово о якутахъ. Г. Геденштромъ (въ книгѣ своей *Отрывки о Сибири*, С.-Петербургъ 1830), между прочимъ говоритъ, что «якутская область—одна изъ тѣхъ немногихъ странъ, гдѣ просвѣщеніе или *расширеніе понятій человѣческихъ* (sic) (стр. 94) болѣе вредно, чѣмъ полезно. Житель сей пустыни (продолжаетъ авторъ), сравнивая себя съ другими міро́жителями, понялъ бы свое бѣдственное состояніе, и не нашелъ бы средствъ къ его улучшенію...» Вотъ какъ думали еще нѣкоторые, двадцать-пять лѣтъ назадъ!

Авторъ беретъ пороки образованнаго общества, какъ-

будто неотъемлемую принадлежность просвѣщенія, какъ-будто и самое просвѣщеніе имѣетъ недостатки: тщеславіе, корысть, тонкій обманъ и т. п. Кажется, смѣшно и увѣрять, что эти пороки только обличаютъ въ человѣческомъ обществѣ еще недостатокъ просвѣщенія. Если дикари увлекаются скорѣе всего заманчивостью блеска, или чувственныхъ удовольствій—что̀ совершенно справедливо — то за ними, какъ за дѣтьми, надо смотрѣть, что̀ здѣсь и дѣлается. Я выше сказалъ, что отъ Якутска до Охотскаго моря нѣтъ вина; противъ тайнаго провоза его приняты очень строгія мѣры. Если зло затѣмъ и прокрадется, такъ въ такой незначительной степени, что оно уже не составитъ общей гибели. Факты свидѣтельствуютъ, что ябедничество тоже уменьшилось по судамъ. «Тщеславіе, честолюбіе и корысть», конечно, важные пороки, если опять-таки не посмотрѣть за дѣтьми и дать усилиться злу; между-тѣмъ эти же *пороки*, какъ ихъ называетъ авторъ, могутъ, при разумномъ воспитаніи, повести къ земледѣльческой, мануфактурной и промышленной дѣятельности, которую даже безъ нихъ, если правду сказать, и не привьешь къ краю. Что̀ дѣлается безъ честолюбія и корысти, въ извѣстной степени, разумѣется? «Житель пустыни (говоритъ авторъ) понялъ бы свое бѣдственное положеніе и не нашелъ бы средствъ къ его улучшенію». Напротивъ, тогда-то и нашелъ бы, когда бы понялъ, или ему нашли бы, и находятъ.

Просвѣщеніе якута пока состоитъ въ томъ, чтобъ пріучить его къ земледѣлію, къ скотоводству, къ торговлѣ; все это и дѣлается. Нужды нѣтъ, что онъ живетъ въ пустынѣ, просвѣщеніе находитъ средство справиться и съ пустыней. Думали же прежде, что здѣсь не родится хлѣбъ; а принялись съ умѣньемъ и любовью къ дѣлу — и вышло, что родится. Вотъ теперь разводятъ овецъ. Конечно, долго

еще ждать, когда мы будемъ носить сукна якутскихъ фабрикъ; но этого и ненужно пока. Слава Богу, да, слава Богу, не во гнѣвъ автору, что якуты теперь ѣдятъ хлѣбъ, а не кору, носятъ русское сукно, а не сырую звѣриную кожу! Дикія добродѣтели, простота нравовъ—какія сокровища: есть о чемъ вздыхать! Говорятъ, дикари не пьютъ, не воруютъ—да̀, пока нечего пить и воровать; не лгутъ—потому-что нѣтъ надобности. Хорошо, но вѣдь оставаться въ дикомъ состояніи нельзя. Просвѣщеніе, какъ пожаръ, охватываетъ весь земной шаръ. «Но да пощадитъ оно, восклицаетъ авторъ (т. е. просвѣщеніе) (стр. 96) якутовъ и подобныхъ имъ, къ которымъ природа ихъ земли была мачихою!» Другими словами: просвѣщенные люди! не ходите къ якутамъ: вы ихъ развратите! Какой чудакъ этотъ авторъ! А гдѣ же взять шубу? вѣдь это все у якутовъ, не у нихъ, такъ у тунгусовъ, наконецъ у алеутовъ, у колошъ и т. д., все у тѣхъ же дикарей! Природа не совсѣмъ была къ нимъ мачиха, наградивъ ихъ край соболями, бѣлками, горностаемъ и медвѣдями.

Книга г. Геденштрома издана въ 1830 году; можетъ-быть авторъ съ-тѣхъ-поръ и самъ отказался отъ своего парадокса.

Впрочемъ обѣ приведенныя книги, *Поѣздка въ Якутскъ* и *Отрывки о Сибири* даютъ, по возможности, удовлетворительное понятіе о здѣшнихъ мѣстахъ, и вполнѣ заслуживаютъ того одобренія, которымъ наградила ихъ публика. Первая изъ нихъ дала два, а, можетъ-быть, и болѣе изданій. Рекомендую вамъ обѣ, еслибъ вы захотѣли узнать что-нибудь больше и вѣрнѣе объ этомъ отдаленномъ уголкѣ, о которомъ я, какъ проѣзжій, встрѣтившій нечаянно остановку на пути и имѣвшій недѣлю-другую досуга, могъ написать только этотъ блѣдный очеркъ.

Не указываю вамъ другихъ авторитетовъ, важнѣе, напримѣръ, книги барона Врангеля: вы давнымъ-давно знаете ее; прибавлю только, что имя этого писателя и путешественника живо сохраняется въ памяти сибиряковъ, а книгу его непремѣнно найдете въ Сибири у всѣхъ образованныхъ людей.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о нѣкоторыхъ изъ якутскихъ купцовъ, которые также достигаютъ до здѣшнихъ геркулесовыхъ столповъ, т. е. до Ледовитаго моря, или въ противную сторону, до невѣдомыхъ пустынь. Одинъ изъ нихъ ѣздитъ, напримѣръ, за пятьсотъ верстъ еще далѣе Нижнеколымска, до котораго считается три тысячи верстъ отъ Якутска, къ Чукчамъ, другой къ югу, на рѣку Уду, третій къ западу, въ Вилюйскій округъ.

«Свѣтъ малъ, а Россія велика», говоритъ одинъ изъ моихъ спутниковъ, пришедшій также кругомъ свѣта въ Сибирь. Правда. Между-тѣмъ пріѣзжайте изъ Россіи въ Берлинъ, васъ сейчасъ произведутъ въ путешественники; а здѣсь изъѣздите пространство втрое больше Европы и вы все-таки будете только *проѣзжій*. Въ Россіи нѣтъ путешественниковъ, все проѣзжіе, несмотря на то, что теперь именно это стало наоборотъ. Развѣ по желѣзнымъ дорогамъ путешествуютъ? Онѣ выдуманы затѣмъ, чтобъ «проѣзжать» пространства, не замѣчая ихъ. Теперь я вижу, что у насъ, въ этихъ отдаленныхъ уголкахъ, только еще и можно путешествовать, въ старинномъ, занимательномъ смыслѣ слова, съ лишеніями, трудностями, съ запасомъ чуть не на годъ провизіи, съ перинами и самоварами. Да и то, благодаря здѣшнему начальству, исчезаетъ понемногу. И здѣсь заводятся удобства: того-и-гляди, скоро не дадутъ выспаться на снѣгу, и въ поварни приставятъ поваровъ—бѣда: совсѣмъ истребится порода путешественниковъ! Обратимся къ купцамъ.

Они берутъ извѣстное число лошадей, смотря по количеству товара, иногда до сорока, ѣдутъ, каждый по своему радіусу, въ нѣкоторые сборные пункты, которые называются великолѣпнымъ именемъ *ярмарокъ*. Туда къ извѣстному дню стекаются якуты, чукчи, тунгусы и прочіе, и производится мѣна. Чукчи покупаютъ простой листовой табакъ, называемый здѣсь *черкасскимъ*, и желѣзныя издѣлія, топоры, гвозди и проч., якуты—бумажныя и шерстяныя матеріи, дабу, грубые ситцы, холстину, толстое сукно, также чай, сахаръ; послѣдній большею частію въ леденцѣ, вывозимомъ изъ Китая.

Купцы вымѣниваютъ отъ нихъ пушной товаръ, добытый въ теченіе лѣта и осени; товаръ этотъ покупаютъ у нихъ, какъ выше сказано, пріѣзжающіе сюда на ярмарку въ іюлѣ иркутяне, перепродаютъ на нижегородскую и ирбитскую ярмарки, или въ Кяхту, оттуда въ Китай и т. д.

Вотъ вамъ происхожденіе горностаевыхъ муфтъ и боа, бѣличьихъ тулуповъ и лисьихъ салоповъ, собольихъ шубъ и воротниковъ, медвѣжьихъ полостей — всего, чѣмъ мы щеголяемъ за уральскимъ хребтомъ! Купцы отправляются въ ноябрѣ и возвращаются въ апрѣлѣ. Имъ сопутствуютъ иногда жены — и все переносятъ: ѣздятъ верхомъ, спятъ, если не въ поварняхъ, такъ подъ открытымъ небомъ, и живутъ по многимъ мѣсяцамъ въ пустынныхъ, глухихъ уголкахъ, и не разсказываютъ объ этомъ, не тщеславятся. А американецъ, или англичанинъ какой-нибудь, съѣздитъ, съ толпой слугъ, дикарей, съ ружьями, съ палаткой, куда-нибудь въ горы, убьетъ медведѣ — и весь свѣтъ знаетъ и кричитъ о немъ!

Купцы однако жаловались мнѣ, что торгъ пушными товарами идетъ гораздо тише прежняго, такъ-что едва стоитъ ѣздить въ отдаленные края. Они искали разныхъ

причинъ этому, приписывая упадокъ торговли, частью истребленію звѣрей, отчего звѣроловы возвышаютъ цѣны на мѣха, частью безпокойствамъ, возникшимъ въ Китаѣ, отчего будто-бы мѣха сбываются съ трудомъ и дешево.

Но кажется, причина тутъ другая: на нѣкоторыхъ пунктахъ по Ленѣ открылись золотые пріиски: золотопромышленники основали тамъ свое пребываніе, образовавъ около себя новые центры дѣятельности. Туда потянулось народонаселеніе, понадобились руки, тамъ и товаръ находитъ сбытъ. Вскорѣ, можетъ-быть, загремятъ имена мѣстечекъ и городковъ, теперь едва извѣстныхъ по имени: Олекминска, Витима и другихъ. Здѣсь имена эти начинаютъ повторяться чаще и чаще. Люди тамъ жмутся тѣснѣе въ кучу; пустынная Лена стала живымъ, неумолкающимъ, ни лѣтомъ ни зимою, путемъ. Это много отвлекло рукъ и капиталовъ отъ Якутска.

Я такъ думалъ вслухъ, при купцахъ, и они согласились со мною. Съ общей точки зрѣнія оно очень хорошо; а для этихъ пяти, шести, десяти человѣкъ—нѣтъ. Торговля въ этой малонаселенной части имперіи обращается, какъ кровь въ жилахъ, помогая распространенію народонаселенія. Одно мѣсто глохнетъ, другое возникаетъ рядомъ, потомъ третье, и такъ далѣе, а между-тѣмъ люди разбредутся въ разныя стороны, оснуются въ глуши и, вмѣсто золота, начнутъ добывать изъ земли что-нибудь другое.

Но довольно. Какъ ни хорошо отдохнуть въ Якутскѣ отъ труднаго пути, какъ ни любезны его жители, но пробыть два мѣсяца здѣсь—утомительно. Боже сохрани отъ лютости скуки и сорока-градусныхъ морозовъ! Пора, пора, морозы уже трещатъ: 32, 35 и 37°; скоро *дышать будетъ тяжело*. Въ прошедшемъ году морозъ здѣсь достигалъ, говорятъ, до 48°.

А я все хожу въ петербургскомъ байковомъ пальто и въ резиновыхъ калошахъ. Надо мной смѣются и пророчатъ простуду, но ничего: только брови, рѣсницы, усы, а у кого есть и борода, *куржевѣютъ* т. е. покрываются льдомъ, такъ-что брови сростаются съ рѣсницами, усы съ бородой и образуютъ на лицѣ ледяное забрало; отъ мороза даже зрачкамъ больно.

Вотъ и повозка на дворѣ, щи, въ замороженныхъ кускахъ, уже готовы, мороженые пельмени и струганина тоже; бутылки съ виномъ обшиты войлокомъ, ржаной хлѣбъ и бѣлыя булки — все обращено въ камень.

Я простился со всѣми: кто хочетъ проводить меня пирогомъ, кто прислалъ рыбу на дорогу, и всѣ просятъ непремѣнно выкушать наливочки, холодненькаго... Бѣда съ непривычки! Добрые пріятели провожаютъ съ открытой головой на крыльцо и ждутъ, пока сядешь въ сани, съѣдешь со двора—имъ это ничего. Пора, однако *шибко* пора!

Якутскъ, ноябрь, 1854.

IX.

ДО ИРКУТСКА.

Городъ Олекма. — Лена. — Станціи по ней. — Сорокъ градусовъ мороза. — Вино и щи въ кускахъ. — Юрты съ чувалами. — Лѣса. — Тунгусы. — Витима. — Киренскъ. — Лошади и ямщики.

Я выѣхалъ изъ Якутска 26 ноября, при 36° мороза; воздухъ чистъ, сухъ, остръ, рѣжетъ лёгкія, и горе страждущимъ грудью! но за-то не пріобрѣтешь простуды,

флюса, какъ, напримѣръ, въ Петербургѣ, гдѣ стоитъ только распахнуть для этого шубу. Замерзнуть можно, а простудиться трудно.

И какое здѣсь прекрасное небо, даромъ-что якутское: чистое, съ радужными оттѣнками! Даха т. е. козлиная мягкая шкура (дикаго горнаго козла), рѣшительно защищаетъ отъ всякаго мороза и не надо никакого тулупа подъ нее: только тяжести прибавитъ. Она легка, пушиста и грѣетъ въ 40°! Не защититъ лишь отъ вѣтра, отъ котораго ничто не защититъ. Какъ же тогда? Опустите заметъ у повозки, или спрячьтесь, или, наконецъ, какъ знаете. Лошади отъ вѣтра воротятъ морды назадъ, ямщики тоже, и сѣдоки прячутъ лицо въ подушки — напрасно: такъ и рѣжетъ шею, спину, грудь и непремѣнно доберется до носа. У меня даже пятка озябла—эта самая безчувственная часть у всякаго, кто не съ родни Ахиллесу.

Ну, такъ вотъ я въ дорогѣ. Какъ же, спросите вы, послѣ тропиковъ показались мнѣ морозы? А ничего. Сижу въ своей открытой повозкѣ, какъ въ комнатѣ; а прежде боялся, думалъ, что въ 30° не проѣдешь тридцати верстъ; теперь узналъ, что проѣдешь лучше при 30° и скорѣе, потому-что ямщики мчатъ что̀ есть мо̀чи; у нихъ зябнутъ руки и ноги, зябъ бы и носъ, но они надѣваютъ на шею боа.

Ѣду я все еще по пустынѣ и долго буду ѣхать: дни, недѣли, почти мѣсяцы. Это не поѣздка, не путешествіе, это особая жизнь: такъ длиненъ этотъ путь, такъ однообразно тянутся дни за днями, мелькаютъ станціи за станціями, стелются безконечныя снѣжныя поля, идутъ по сторонамъ Лены высокія горы, съ красивымъ лиственничнымъ лѣсомъ.

Еще однообразнѣе всего этого лежитъ глубокая ночь

двѣ трети сутокъ надъ этими пустынями. Солнце поднимается невысоко, выглянетъ изъ-за горъ, протечетъ часа три, не отрываясь отъ ихъ вершинъ, и спрячется, оставивъ послѣ себя продолжительную огнистую зарю. Звѣзды въ этомъ прозрачномъ небѣ блещутъ такъ же ярко, лучисто, какъ подъ другими, не столь суровыми небесами.

По Ленѣ живутъ все русскіе поселенцы и кромѣ того много якутовъ: оттого всѣ русскіе и здѣсь говорятъ по-якутски, даже между собою. Всѣ ихъ сношенія ограничиваются якутами, да рѣдкими проѣзжими. Лѣтомъ они занимаются хлѣбопашествомъ, сѣютъ рожь и ячмень, больше для своего употребленія, потому-что сбывать некуда. Тѣ, которые живутъ выше по Ленѣ, могутъ сплавлять свои избытки по рѣкѣ на золотые пріиски, находящіеся между городами Киренскомъ и Олекмой.

Зимой крестьяне держатъ лошадей на станціяхъ. Лошади не сильны, хотя и рѣзвы; кормъ ихъ одно сѣно, и потому, если разгонъ великъ, лошади теряютъ силу и едва выдерживаютъ гоньбу по длиннымъ разстояніямъ между станціями. Всѣ станціи расположены на пригоркахъ, оттого при подъемѣ и спускѣ всегда берутся предосторожности. Экипажи спускаютъ на Лену на одной лошади, или *конь*, какъ здѣсь всѣ говорятъ, и уже внизу подпрягаютъ другихъ, и тутъ еще держатъ ихъ человѣкъ пять ямщиковъ, пока садится очередной ямщикъ; и когда онъ заберетъ возжи, всѣ разступятся и тройка или пятерка помчитъ что̀ есть мо̀чи, но скоро утомится: снѣгъ глубокъ, бѣжать вязко, или, по-здѣшнему, *убродно*.

Мнѣ странно показалось, что ленскіе мужички обращаютъ вниманіе на такую мелочь, спускаютъ съ горъ на одномъ конѣ: это не въ нашемъ характерѣ. Ну, какъ бы не махнуть на тройкѣ! Вѣрно начальство притѣс-

няетъ, велитъ остерегаться! Впрочемъ я радъ за шею ближняго, и въ томъ числѣ за свою.

Многимъ нравится дорога, не какъ путешествіе, т. е. наблюденіе нравовъ, перемѣна мѣстъ и проч., а просто какъ дорога. Есть же охотники переѣзжать съ квартиры на квартиру; гулять по осенней слякоти и т. п. Славно, говорятъ любители дороги, когда намерзнешься, заиндивѣешь весь и потомъ ввалишься въ теплую избу, наполнивъ холодомъ, и избу, и чуланчикъ, и палати, и даже подъ лавку дунетъ холодъ, такъ-что сидящіе по лавкамъ ребятишки подожмутъ голыя ноги, а котъ уйдетъ изъ-подъ лавки на печку... «Хозяйка, самоваръ!» И пойдетъ суматоха: на сцену является извѣстный погребецъ, загремятъ чашки, повалитъ дымъ, съ *душистой струей*, отъ маленькаго графинчика, въ печкѣ затрещитъ огонь, на сковородѣ, отъ поливаемаго масла, раздается неистовое шипѣнье; а на столѣ поставлена ужь водка, икра, тарелки etc., etc. Если спутникъ не одинъ, идетъ шумный разговоръ, а одинъ, такъ онъ выберетъ какого-нибудь старика и давай экзаменовать его: «сколько хлѣба, да какой, куда сбываете? А ты что спряталась красавица?» тутъ же скажетъ дѣвкѣ мимоходомъ: «поди сюда?» Или дастъ разинувшему ротъ, не совсѣмъ умытому мальчишкѣ, кусокъ сахару: все это называется «удовольствіемъ». Пожалуй, почему и не такъ? Но когда это удовольствіе тянется такъ долго, какъ мое, тогда дашь ему и другое названіе.

Здѣсь идетъ правильный почтовый трактъ, и весьма исправный, но дорога не торная, по причинѣ малой ѣзды. Проѣдетъ почта, или кто-нибудь изъ служащихъ, и опять замолкнетъ надолго путь, а дорогу замететъ первымъ вѣтромъ. Приходится проѣзжему вновь пролагать ее по снѣжнымъ буграмъ: отъ этого здѣсь дорога постоянно тяжела

для лошадей. Ѣдутъ и рѣкой, гдѣ можно, лугами, островами и берегомъ. На одной станціи случается ѣхать по берегу, потомъ спуститься на протокъ Лены, потомъ переѣхать островъ, выѣхать на самую Лену, а отъ нея опять на берегъ, въ лѣсъ. Иногда же, напротивъ, ѣдешь по Ленѣ отъ станціи до станціи, любуешься, то горами, то торосомъ, т. е. буграми льда, гдѣ Лена встала неровно; иногда видишь въ одномъ мѣстѣ стоитъ паръ надъ рѣкой. «Что такое?» спросишь. «Наледи», говорятъ, т. е. проступающая сквозь ледъ вода, или вытекающіе на ленскій ледъ горные ключи, вѣроятно, минеральные, которые иногда вовсе не замерзаютъ, можетъ-быть, отъ присутствія въ нихъ газовъ. Къ веснѣ, въ февралѣ и мартѣ, дорога по Ленѣ, говорятъ, очень хороша, укатана.

Какія развлеченія на такомъ длинномъ переѣздѣ? Пріѣдешь на станцію: «скорѣй, скорѣй дай *кусочекъ* вина и *кружокъ* щей». Все это заморожено и везется въ твердомъ видѣ; пельмени тоже, рябчики, которыхъ здѣсь множество, и другая дичь. Надо имѣть замороженный черный и бѣлый хлѣбъ. На станціяхъ есть молоко, кое-гдѣ яйца, мѣстами овощи, но на это нельзя разсчитывать. Жители, по малому числу проѣзжихъ, держатъ все это только для себя, или отправляютъ, если близко, на пріиски, которые много поддерживаютъ здѣшнія мѣста, доставляя работу. Туда стекается народъ: предметовъ потребленія надобится все больше и больше, обозы идутъ чаще изъ Иркутска на пріиски и обратно—и формируется центръ сильнаго народонаселенія и дѣятельности. Таже исторія, что въ Калифорніи, въ Австраліи. Это напоминаетъ басню о кладѣ, завѣщанномъ старикомъ своимъ дѣтямъ. Дѣло — не въ золотѣ.

Первые дни морозъ былъ ужь очень силенъ. Высунешь

на минуту руку поправить что-нибудь—и пальцы озябнутъ до костей; дотронешься даже до дерева, и то̀ жжется какъ желѣзо. На одной станціи я спросилъ, сколько считаютъ они градусовъ такого мороза. «Градусовъ пятьдесятъ, батюшка», сказала мнѣ старуха. Человѣкъ мой усмѣхнулся. «Градусовъ пятьдесятъ не бываетъ», сказалъ онъ. «И! родимый! у насъ и семьдесятъ бываетъ», отвѣчала она». Когда же кончаются эти морозы?»—«А въ апрѣлѣ, кормилецъ; въ маѣ все таетъ, а ужь въ іюнѣ, въ половинѣ, и высохнетъ все».—«Какъ вы это живете тутъ?» спросилъ я. «Да мы ужь *обнатуренные*», сказала она.—«А лѣто у васъ хорошо?» спросилъ я.—«*Годявое*, да только коротко: сѣемъ ярицу, да озябаетъ, не каждый годъ родится, а когда родится, такъ хорошо.

Въ другомъ мѣстѣ станціонный смотритель позабавилъ меня ужь другимъ языкомъ. Онъ предложилъ обѣдать у него. «А что у васъ есть?»—«Налимы имѣются».—«А мясо есть?«—«Имѣется баранина».—«Да скоро ли все это поспѣетъ?»—«Быстро соорудимъ».

Откуда этотъ языкъ, да и *обнатуренные*—кто завезъ сюда?

Хороши камельки или чувалы на станціяхъ и вообще въ юртахъ. Какъ войдешь съ морозу, охватитъ васъ и въ минуту согрѣетъ тепло, которое такъ и пышетъ отъ цѣлаго костра стоймя горящихъ полѣньевъ лиственницы. Она лучше даже березы на дрова: славно горитъ и долго держитъ жаръ. Толпа крестьянъ, женщинъ, мальчишекъ, въ минуту похватаютъ у васъ, кто шарфъ, кто шапку, рукавицы, и тотчасъ высушатъ, держа у камина. Тотъ вамъ подвигаетъ скамью, другой — стулъ. На станціяхъ бо̀льшею частью опрятно, сухо и просторно; столы, лавки и кровати — все выстругано изъ чистаго бѣлаго дерева. Ветхія

избы предположено весной перестроить по новому, лучшему образцу. Тѣсниться въ духотѣ уже не позволено. Со мной въ одно время ѣхалъ посланный изъ Якутска офицеръ, для осмотра старыхъ строеній.

Пустыня имѣетъ ту выгоду, что здѣсь нѣтъ воровства. Кибитка стоитъ на улицѣ, около нея толпа ямщиковъ и ничего не пропадаетъ. По дорогѣ тоже все тихо. Нѣтъ даже волковъ, или рѣдко водятся гдѣ-то въ одномъ мѣстѣ. Медвѣди зимой всѣ почиваютъ.

Мнѣ, по случаю трудной дороги, подпрягаютъ пять и шесть лошадей, хотя повозка у меня довольно-легка, но у нея есть подрѣзи, а здѣсь ѣздятъ безъ нихъ: онѣ много прибавляютъ тяжести по рыхлому снѣгу. Еще верстъ двѣсти, триста, и потомъ уже будутъ запрягать лошадей гусемъ, по семи, восьми, и даже десяти лошадей, смотря по экипажу. Тамъ глубоки снѣга и дорога узенькая, такъ-что тройка не умѣстится въ рядъ.

Каменская станція. 7-го декабря.

Морозъ не смягчается ни на минуту: вездѣ по станціямъ говорятъ, что онъ свыше 40°. Я думалъ гораздо больше объ этомъ морозѣ; я его легко переношу. Сегодня попались плохія лошади и мы ѣхали тридцать верстъ 4½ часа—мнѣ и горя мало! Еще подъ Якутскомъ одинъ ямщикъ предложилъ мнѣ «проѣхать заразъ, вмѣсто двадцати, сорокъ-пять верстъ». — «Что ты, любезный, съ ума сошелъ: нельзя-ли, вмѣсто сорока-пяти, проѣхать только двадцать?» — «Сдѣлайте божескую милость, началъ онъ умолять: на станціи гора крута, мои кони не встащатъ, такъ нельзя ли вамъ остановиться внизу, а ямщики сведутъ коней внизъ и тамъ заложатъ, и вы поѣдете еще двадцать пять верстъ?»—«*Однако* не хочу, сказалъ я: если озябну,

какъ же быть?» «Да какъ нибудь ужь...» Я сдѣлалъ ему милость — и ничего. Только съ носа кожа лупится.

Сегодня я проѣхалъ мимо полыньи: не смотря на лютый морозъ, вода не мерзнетъ и облако чернаго пара, какъ дымъ, клубится надъ ней. Лошади храпятъ и пятятся. Ямщикъ франтъ попался, въ дахѣ, въ шапкѣ съ кистью, и везетъ плохо. Лицо у него нерусское. Вообще здѣсь смѣсь въ народѣ. Жители по Ленѣ состоятъ, и изъ крестьянъ, и изъ сосланныхъ на поселеніе изъ разныхъ націй и сословій; между ними есть и жиды, и поляки, есть и изъ якутовъ. Жидовъ здѣсь любятъ: они торгуютъ, даютъ движеніе краю.

Сегодня я ночевалъ на *Ноктуйской* станціи; это центръ жительства золотопріискателей. Тутъ и дорога получше, и все живѣе, потому-что много проѣзжихъ. Лена дѣлается уже; въ иномъ мѣстѣ и версты нѣтъ, только здѣсь выдался плёсъ. версты въ двѣ. Берега, крутые оба, сплошь покрыты лѣсомъ.

Скоро ѣхать нѣтъ возможности, какъ ѣздятъ, напримѣръ, въ европейской Россіи. Тамъ можно, не выходя изъ экипажа, перемѣнить лошадей и ѣхать далѣе. Можно даже закусить въ экипажѣ, и выйдти на пять минутъ, съѣсть кусочекъ сыру, ветчины, холодной телятины: а здѣсь все замерзаетъ до того, что надо щи рубить топоромъ, или ждать часъ, пока у камина отогрѣются. Вотъ и остановка. Вы съ морозу, вамъ хочется выпить рюмку вина, бутылка и вино составляютъ одну ледяную глыбу: поставьте къ огню—она лопнетъ, а въ обыкновенной комнатной температурѣ не растаетъ и въ часъ; захочется напиться чаю—это короче всего, хотя хлѣбъ тоже обращается въ камень, но онъ отходитъ скорѣе всего; но вынимать одно что-нибудь, т. е. чай—сахаръ—нельзя: на морозѣ нѣтъ средства разбирать что̀ взять, надо тащить все: и вотъ опять возни на цѣлый часъ—собирать все!

Бѣда еще, когда столкнется много проѣзжихъ — лошадей мало. Вотъ насъ ѣдетъ четыре экипажа, мы и сидимъ теперь: я здѣсь, на Каменской станціи, чиновникъ съ женой и инженеръ — на Жербинской, другой чиновникъ — гдѣ-то впереди, а ѣдущій сзади купецъ сидитъ, говорятъ, не на станціи, а на дорогѣ. Лошади устали или *пристали*, какъ здѣсь говорятъ. Всему этому причина почта, которая настигла насъ. Я забылъ сказать, что мы сутки пробыли въ Олекмѣ. Это маленькій, бѣдный городокъ. Тамъ живетъ исправникъ, почтмейстеръ, окружной лекарь, да нѣсколько купцовъ. Намъ указали квартиру у одного изъ послѣднихъ. Останавливаться бы не зачѣмъ, да надо возобновить запасъ хлѣба. Добрый купецъ и старушка, мать его, угощали насъ какъ родныхъ, отдали весь домъ въ распоряженіе, потомъ ни за что̀ не хотѣли брать денегъ. «Мы ради добрымъ людямъ», говорили они: «низачто не возьмемъ: вы насъ обидите». Мы не мало смѣялись надъ m-me К., которая, въ увѣренности, что возьмутъ деньги, командовала въ домѣ, требуя того, другаго.

На Каменской станціи оканчивается Якутская область, начинающаяся у Охотскаго моря—это двѣ тысячи верстъ: до Иркутска столько же остается—что за разстоянія! Какой дѣтской игрушкой покажутся намъ послѣ этого поѣздки по европейской Россіи!

Къ удивленію моему, здѣшніе крестьяне недовольны пріисками: все стало дороже: пудъ сѣна теперь стоитъ двадцать-пять, а иногда и пятьдесятъ, хлѣбъ девяносто коп.—и такъ все. Якутамъ лучше: они здѣсь природные хозяева, нанимаются въ рабочіе и выгодно сбываютъ на пріиски хлѣбъ; притомъ у нихъ есть много луговъ и полей, а у русскихъ нѣтъ.

Поледуйская станція. 13 декабря.

Все еще пустыня, все Лена! Я сейчасъ изъ лѣса: какъ онъ хорошъ, осыпанный, обремененный снѣгомъ! Столѣтнія сосны, или лиственницы, толпятся группами, или разбросаны врозь. Взошелъ молодой мѣсяцъ и освѣтилъ лѣсъ, чего тутъ нѣтъ? Какой разгулъ для фантазіи: то будто женщина стоитъ на колѣняхъ, окруженная малютками, и о чемъ-то умоляетъ: все это деревья и кусты съ нависшимъ снѣгомъ; то будто танцующія фигуры; то медвѣдь на заднихъ лапахъ; а мертвецовъ какая пропасть! Особенно когда заснешь—бѣда: у шапки образуются сосульки и идутъ къ бровямъ, отъ бровей другія къ рѣсницамъ, а отъ рѣсницъ къ усамъ и къ шарфу. Сквозь эту ледяную рѣшетку лѣсъ кажется совсѣмъ фантастическимъ. Это природная декорація Нормы.

Пока я носился мыслью такъ далеко, повозка моя вдругъ засѣла въ ямѣ, въ вымерзнувшей рѣчкѣ: это яма изъ ямъ. Я вышелъ вонъ и сталъ на холмѣ. Пней множество, настоящій храмъ друидовъ: я только хотѣлъ запѣть Casta diva, какъ меня пригласили въ совѣтъ, какъ поступить. Лошади не могутъ вытащить. Тимоѳей совѣтовалъ бить передовыхъ лошадей (мы ѣхали гусемъ), я посовѣтовалъ запрячь тройку рядомъ и ушелъ опять на холмъ пѣть, наконецъ ямщикъ нарубилъ кольевъ и мы стали поднимать повозку сзади, а онъ кричалъ на лошадей. — «Эй, ну, дружки, чтобъ васъ задавило, проклятые!» Но дружки ни съ мѣста. Къ счастью, морозу было всего какихъ-нибудь 31, много 32°, а не 44, какъ на Николинъ день.

Но прочь романтизмъ, и лѣсъ тоже! Замѣчу только на случай, если вы поѣдете по этой дорогѣ, что лѣсъ этотъ находится между *Крестовской* и *Поледуевской* станціями. Но черезъ лѣсъ не настоящая дорога: по ней ѣздятъ, когда

нѣтъ дороги по Ленѣ, т. е. когда выпадаютъ глубокіе снѣга, аршина на полтора, и когда проступаетъ снизу, отъ тяжести снѣга, вода изъ-подъ льда, которую здѣсь называютъ *черной водой*.

Отъ Жербинской станціи начинается Иркутская губернія и *Киренскій* округъ. Здѣсь выпадаютъ ужасные снѣга и оттого везутъ гусемъ верстъ на шестьсотъ, т. е. почти отъ *Олекмы* до *Киренска*, и даже далѣе. На Жербинской станціи я засталъ безпорядокъ. Староста умеръ и всѣ ямщики отказывались ѣхать, подъ предлогомъ, что не ихъ очередь. «А если я опоздаю въ городъ, да меня спросятъ, отчего...» началъ я было свою угрозу, которая такъ помогала за Якутскомъ: но здѣсь не помогла. Ямщики разбѣжались по избамъ и спрятались. Я самъ пошелъ отыскивать ихъ. Вошелъ въ одну избу — ямщики всѣ сидѣли по печкамъ съ завязанными ногами и охали. «Батюшки!» стонали они: «смерть пришла, ноженьки, ой, ноженьки, мочи нѣтъ!» — «Что у васъ?» спросилъ я. «Горячка», говорятъ.

Наконецъ одного здороваго я засталъ врасплохъ и потребовалъ, чтобы онъ ѣхалъ. Онъ отговаривался тѣмъ, что недавно воротился и что надо лошадей кормить и самому поѣсть. «Сколько тебѣ нужно времени?» спросилъ я. — «Три часа». «Корми четыре, а потомъ запрягай», сказалъ я и принялся, не помню въ который разъ, пить чай.

Ямщикъ пообѣдалъ, задалъ корму лошадямъ, потомъ, легъ спать, а проснувшись объявилъ, что ему ѣхать не слѣдуетъ, что есть мужикъ Шеннъ, который живетъ особнякомъ, на юру, что очередь за его сыновьями, но онъ богатъ и все отдѣлывается. Я послалъ за Шеннымъ, но онъ рапортовался больнымъ. Что дѣлать? вооружиться терпѣніемъ, резигнаціей? такъ я и сдѣлалъ. Я прожилъ полторы сутки, наконецъ созвалъ ямщиковъ, и Шенна тоже, и

сталъ записывать имена ихъ въ книжку. Они такъ перепугались, а чего — и сами не знали, что сейчасъ же привели лошадей.

Я проѣхалъ мимо пріисковъ, т. е. резиденціи золотоискателей, или «разведенціи», какъ назвалъ ямщикъ, указывая цѣлую колонію домиковъ на другомъ берегу Лены.

«Какова дорога впереди?» спрашиваю. «Торосовато, или убродно», отвѣчалъ ямщикъ. По Ленѣ свирѣпствуетъ теперь, и часто, повальная горячка, единственная мѣстная болѣзнь. Она много похитила жертвъ, и я на каждой станціи встрѣчаю блѣдныя, больныя лица. Еще чаще встрѣчаю людей съ знаками на лбу, щекахъ, и особенно на носу... Mais hony soit qui mal y pense! Это слѣды озноба. Съ любопытствомъ всматриваюсь и вслушиваюсь во все. На Жербинской станціи мнѣ понравилась одна женщина, на половину русская, на половину якутская по родителямъ, больше всего тѣмъ, что любитъ мужа. Когда я записалъ и его имя въ книжку за нерадѣніе, она ужасно начала хлопотать, чтобъ мнѣ *изладить* коней: сама взнуздывала, завязывала упряжь, помогала запрягать, чтобъ только меня успокоить, чтобъ я не жаловался на мужа, и дѣлала это съ своего рода граціей. Она не дурна собой.

Встрѣтилъ еще несчастливца. «Я не старъ», говорилъ ямщикъ Дормидонъ, который попробовалъ-было бѣжать рядомъ съ повозкой во всю конскую прыть, какъ дѣлаютъ прочіе, да не могъ: «но горе меня одолѣло». Ну, начинается обыкновенная пѣсня, думалъ я: всѣ они несчастливы, если слушать ихъ. «Что же съ тобой случилось?» спросилъ я небрежно. «Что? да сначала, лѣтъ двадцать-пять назадъ, отца убили...» Я вздрогнулъ. «Тогда не то, что̀ теперь: не открыли убійцу...» Я боязливо молчалъ, не зная, что̀ сказать на это. «Потомъ моя хозяйка умерла: ну,

Богъ съ ней! Божья власть, а все горько!»—Да̀, въ самомъ дѣлѣ онъ несчастливъ, подумалъ я: что же еще послѣ этого назвать несчастьемъ? «Потомъ сгорѣла изба», продолжалъ онъ, а въ ней восьмилѣтняя дочь... Женился я вдругорядь, прижилъ два сына; жена тоже умерла. Съ сгорѣвшей избой у меня пропало все имущество, да еще украли у меня однажды тысячу рублей, въ другой разъ тысячу-шестьсотъ. А какъ наживалъ-то! какъ копилъ! Вотъ какъ трудно было!» Мнѣ стало жутко отъ этого мрачнаго разсказа. «Это страданія Іова!» думалъ я, глядя на него съ почтеніемъ. Дормидонъ претерпѣлъ всѣ людскія скорби—и не унываетъ, еще возитъ проѣзжихъ, сбываетъ сѣно на пріиски—и ничего. А мы-то: палецъ обрѣжемъ, ступимъ неосторожно... «Вонъ, слышите *колоколецъ?*» спросилъ онъ меня. «Это мой Васютка засѣдателя везетъ. — Эй, малый, вези по старой дорогѣ», крикнулъ онъ весело (слышите—весело!): что намъ новую-то проминать своими боками!».

Сегодня наткнулись мы на кочевье тунгусовъ. Пара оленей отдѣлилась и бросилась отъ нашихъ лошадей впередъ и все мчалась по дорогѣ и забѣжала верстъ за семь отъ кочевья, а наши лошади пятились отъ нихъ. Здѣсь сѣютъ рожь, ярицу и ячмень; но первая вызябаетъ, вторая, по краткости лѣта, тоже не всегда удается, но за-то ячмень очень хорошъ. Берега Лены утесисты и красивы. Острововъ тутъ почти нѣтъ; рѣка становится все уже. По-якутски почти никто не говоритъ и станціи пошли русскія; есть старинныя названія, данныя, конечно, казаками при занятіи Сибири.

Чуйская станція, 13 декабря. Витима.

Лена, Лена и Лена! Но все еще пустая Лена; кое-гдѣ на лугахъ видны большія кучи снѣгу—это стога сѣна; кое-гдѣ три, четыре двора, есть хижины, буквально завален-

ныя снѣгомъ, съ отверстіями, т. е. окошками, въ которыхъ вставлены льдины вмѣсто стеколъ: ничего, тепло, только на улицу ничего не видать. Въ другихъ избахъ, и это большею частію, окна затянуты бычачьими пузырями. На каждой станціи кучи ямщиковъ толпятся у экипажа. Деревеньки содержатъ гоньбу всѣмъ міромъ, т. е. съ каждаго мужика требуется пара лошадей. Всѣ ямщики «ладятъ коней» и толпой идутъ спускать съ горы. Двое везутъ.

Витима—слобода, съ церковью Преображенія, съ сотней жителей, съ приходскимъ училищемъ, и ямщики почти всѣ грамотные. Кромѣ извоза, они промышляютъ ловлей зайцевъ, и тулупы у всѣхъ заячьи, какъ у насъ бараньи. Они сѣютъ хлѣбъ. Отъ Витимы еще около четырехсотъ верстъ до Киренска, уѣзднаго города, да оттуда девятьсотъ-шестьдесятъ верстъ до Иркутска. Теперь постъ, и въ Витимѣ толпа постниковъ, окружавшая мою повозку, утащила у меня три рыбы, два омуля и стерлядь, а до рябчиковъ и другаго скромнаго не дотронулись: грѣхъ!

Кажется, я миновалъ дурную дорогу и не «хлѣбныхъ» лошадей. «Тутъ ужь пойдутъ *натуральные* кони и дорога торная, особенно отъ Киренска къ Иркутску», говорятъ мнѣ. «Натуральные» — значитъ — привыкшіе, пріученые, а не сборные. «Гдѣ староста?» спросишь, пріѣхавъ на станцію... Коней ладитъ, баринъ. «Эй ребята! *заревите* или *гаркните* (т. е. позовите) старосту», говорятъ потомъ.

Смотрители здѣсь не вездѣ: они завѣдываютъ пятью станціями. Изъ нихъ одинъ на *Мухтуйской* станціи—франтъ. Онъ двумя пальцами граціозно взялъ подорожную, согнувъ мизинецъ въ кольцо. Форменный сюртукъ у него въ рюмочку; самъ расчесанъ. *Мухтуй*—называютъ здѣсь Парижемъ, потому-что крестьяне (изъ ссыльныхъ) ходятъ въ пальто и танцуютъ кадрили. Но я пробылъ на ней чет-

верть часа и ничего этого не видалъ. Одинъ проѣзжій мнѣ сказывалъ, что, выѣхавъ рано утромъ, послѣ проведенной здѣсь ночи, и вглядываясь въ лицо своего ямщика, онъ увидѣлъ знакомое лицо, но не могъ вспомнить, гдѣ онъ его видѣлъ. «Я гдѣ-то видѣлъ тебя?» спросилъ онъ наконецъ ямщика. «А вчера я былъ вашимъ визави въ кадрили, на вечеринкѣ», отвѣчалъ тотъ. Это ужь не «натуральный» ямщикъ, говоря по здѣшнему.

Вчера ночью я проѣхалъ такъ называемыя *щеки*, одну изъ достопримѣчательностей Лены. Это—огромные, величественные утесы, какихъ я мало видалъ и на морскихъ берегахъ. Ѣдешь у подошвы и повозка съ лошадьми похожи на ползающихъ насѣкомыхъ. Онѣ ужасно изрыты, дики, страшны, такъ-что хочется скорѣй миновать ихъ. Щеки эти находятся между *Пьянобыковской* и *Частинской* станціями, верстахъ въ тысячѣ-двухъ стахъ отъ Иркутска. Какія названія станцій! Всему есть мѣстныя причины, до которыхъ археологу не трудно добраться, по молодости края. Напримѣръ, *Пьянымъ быкомъ* прозвали утесъ, о который когда-то разбилась барка съ виномъ. Спѣшу сообщить вамъ это археологическое свѣдѣніе, опасаясь, что оно погибнетъ отъ времени. Деревень еще мало: скоро пойдутъ, говорятъ, чаще, чѣмъ ближе къ Иркутску. Встрѣчаются часто пріискатели, прикащики ихъ, возы. Дорога уже лучше, торнѣе, морозы возобновились, да еще съ вѣтромъ: несносно, спрятаться некуда.

Киренскъ. Рѣшительно нельзя ѣхать: скоро очень везутъ. Только пріѣдешь куда-нибудь, только скинешь съ себя все и расположишься у теплой печки, какъ ужь говорятъ, что лошади готовы. А все отъ того, что кони *натуральные*, и ямщики тоже. Не могу нахвалиться расторопностью и радушіемъ здѣшнихъ ямщиковъ: они не зна-

ютъ, ка̀къ принять проѣзжаго, гдѣ посадить и угощаютъ, чѣмъ богаты — сальной свѣчкой, лучиной, скамьей. Потомъ (это ужь такой обычай) идутъ всѣ спускать лошадей на Лену: «на рукахъ спустимъ», говорятъ они и каждую лошадь берутъ человѣка четыре, начинаютъ вести съ горы и ведутъ, пока лошади и сами смирно идутъ, а когда начинается самое крутое мѣсто, они всѣ разсыпаются и лошади мчатся до тѣхъ-поръ, пока захотятъ остановиться.

Слава Богу! все стало походить на Россію: являются частыя селенія, деревеньки. Лена течетъ излучинами, и ямщики, чтобъ не огибать ихъ, ѣдутъ черезъ мыски и *заимки*, какъ называютъ небольшія слободки. Въ деревняхъ по улицѣ бродятъ лошади: онѣ, или заигрываютъ съ нашими лошадьми, или, испуганныя звукомъ колокольчиковъ, мчатся, что̀ есть мо̀чи, вмѣстѣ съ рыжимъ поросенкомъ, въ сторону. Летаютъ воробьи и грачи, поютъ пѣтухи, мальчишки свищутъ, машутъ на проѣзжающую тройку, и дымъ столбомъ идетъ вертикально изъ множества трубъ—дымъ отечества! Всѣмъ знакомыя картины Руси! Недостаетъ только помѣщичьяго дома, лакея, открывающаго ставни, да сонпаго барина въ окнѣ... Этого никогда не было въ Сибири: и это т. е. отсутствіе слѣдовъ крѣпостнаго права составляетъ самую замѣтную черту ея физіономіи.

Киренскъ городъ небольшой. «Гдѣ остановиться?» спросилъ меня ямщикъ: «есть у васъ знакомые?»—«Нѣтъ».—«Такъ управа отведетъ».—«А кто живетъ по дорогѣ?»—«Живетъ Синицынъ, Марковъ, Лаврушинъ».—«Поѣзжай къ Синицыну».

Повозка остановилась у хорошенькаго домика. Я послалъ спросить, можно ли остановиться часа на два погрѣться? Можно. И меня приняли, сейчасъ угостили чаемъ и завтракомъ — и опять ничего не хотѣли брать.

Въ Киренскѣ я запасся только хлѣбомъ къ чаю и уѣхалъ. Тутъ ужь я помчался быстро. Чѣмъ ближе къ Иркутску, тѣмъ ямщики и кони *натуральнѣе*. Только подъѣзжаешь къ станціи, ямщики ведутъ уже лошадей, здоровыхъ, сильныхъ и дюжихъ на видъ. Ямщики позажиточнѣе здѣсь, ходятъ въ дахахъ изъ собачьей шерсти, въ щегольскихъ шапкахъ. Тутъ ѣхалъ пріискатель съ семействомъ, въ двухъ экипажахъ, да я — и всѣмъ доставало лошадей. На станціяхъ, уже не съ боязнью, а съ интересомъ спрашивали: *бѣгутъ ли за нами еще подводы?*

Стали встрѣчатся села, съ большими запасами хлѣба, сѣна, лошади, рогатый скотъ, домашняя птица. Дорога все—Лена, чудесная, проторенная частой ѣздой между Иркутскомъ, селами и пріисками. «А что̀, смирны ли у васъ лошади?» спросишь на станціи. «Чего не смирны? словно овцы: видите, запряжены, никто ихъ не держитъ, а стоятъ». — «Какъ же такъ? а мнѣ надо бы лошадей побойчѣе», говорилъ я, сбивая ихъ. «Лошадей-то тебѣ побойчѣе?» — «Ну, да̀». — «Да эти-то вѣдь настоящіе черти: ихъ и не удержишь ничѣмъ». И оно дѣйствительно такъ.

Верстахъ въ четырехстахъ отъ Иркутска, начиная отъ Жегаловской станціи, лошади на взглядъ сухи, длинношеи, длинноплечи и не обѣщаютъ силы. Онѣ уныло стоятъ въ упряжи, привязанныя къ пустымъ санямъ, или бочкѣ, преграждающей имъ самовольную отлучку со двора: но едва проѣзжіе начнутъ садиться, онѣ навострятъ уши, ямщики обступятъ ихъ кругомъ, по-двое держатъ каждую лошадь, пока ямщикъ садится на козлы. «Ты, парень, говорятъ ему: пошевеливайся, *кореннякъ*-то больно торопится». Въ самомъ дѣлѣ, коренная поворачиваетъ морду то направо, то налѣво, стараясь освободиться, пристяжныя переминаются и встряхиваютъ головой. Вотъ ямщикъ

усѣлся, забралъ возжи, закрутилъ ихъ около рукъ... «Ну!» говоритъ онъ. Всѣ мгновенно раздаются въ сторону и тройка разомъ выпорхнетъ изъ воротъ, какъ птица, и мчитъ версты двѣ, три, вскачъ, очертя голову, мотая головами, потомъ саженъ сто рѣзвой рысью, а тамъ опять вскачъ—и такъ до станціи. Сѣдокъ не имѣетъ надобности побуждать ямщика, а ямщикъ — лошадей. Чуть лошади немного задумаются — ямщикъ подниметъ надъ ними только руку, или гикнетъ—и опять пошли. И не увидишь, какъ мелькнутъ двадцать-пять верстъ.

Къ Иркутску все живѣе: много попадается возовъ; села большія, многолюдныя; станціоннные домы чище. Крестьянскія избы очень хорошія, во многихъ мѣстахъ съ иголочки.

На послѣднихъ пятистахъ верстахъ у меня начало пухнуть лицо отъ мороза. И было отчего: у носа постоянно торчалъ обледенѣлый шарфъ: кто-то будто держалъ за носъ ледяными клещами. Боль невыносимая! Я спѣшилъ добраться до города, боясь разнемочься, и гналъ болѣе двухсотъ-пятидесяти верстъ въ сутки, нигдѣ не отдыхалъ, не обѣдалъ.

Отъ слободы Качуги пошла дорога степью; съ Леной я распрощался. Снѣгу было такъ мало, что онъ не покрылъ траву; лошади паслись и щипали ее, какъ весной. На послѣдней станціи все горы; но я ѣхалъ ночью и не видалъ Иркутска съ «Веселой горы». Хотѣлъ-было доѣхать бодро, но въ дорогѣ сонъ неодолимъ. Какое неловкое положеніе ни примете, какъ ни сядьте, задайте себѣ урокъ не заснуть, пугайте себя всякими опасностями — и все-таки заснете и проснетесь, когда экипажъ остановится у слѣдующей станціи.

Я проснулся однако не на станціи. «Что это?» спро-

силъ я, замѣтивъ строенія: «деревня, что ли?» — «Нѣтъ, это Иркутскъ». — «А Веселая гора?» — «Э, ужь давно проѣхали!»

Въ самую заутреню Рождества Христова я въѣхалъ въ городъ. Опухоль въ лицѣ, была нестерпимая. Вотъ ужь третій день я здѣсь, а Иркутска не видалъ. Теперь уже— до свиданія.

ЧЕРЕЗЪ ДВАДЦАТЬ ЛѢТЪ *)

I.

11-го декабря 1873 г. и 6-го января 1874 года, небольшое общество морскихъ офицеровъ собралось отпраздновать дружескимъ обѣдомъ двадцатилѣтнюю годовщину избавленія ихъ отъ гибели въ означенныя числа на морѣ, при крушеніи въ 1854 году въ Японіи, фрегата «Діана».

На второмъ изъ этихъ обѣдовъ присутствовалъ и я, ласково приглашенный главнымъ лицомъ этой группы, въ которой было нѣсколько офицеровъ, перешедшихъ на фрегатъ «Діана» съ фрегата «Паллада».

Многое возобновилось въ памяти плавателей за этимъ обѣдомъ, много приведено было забытыхъ подробностей путешествія, особенно при крушеніи «Діаны». Японская экспедиція была тутъ почти вся въ сборѣ, въ лицѣ главныхъ ея представителей, кромѣ бывшаго командира «Паллады» (теперь вице-адмирала и сенатора И. С. У.), и я въ этомъ, знакомомъ мнѣ кругу, сталъ какъ будто опять плавателемъ и секретаремъ адмирала. Возьму же опять перо, перенесусь за двадцать лѣтъ назадъ и доскажу, между прочимъ, о томъ, что сталось съ «Палладой» и какъ заклю-

*) Эти главы были помѣщены въ литературномъ сборникѣ: «Складчина», изданномъ въ пользу голодающихъ самарцевъ.

чилось дальнѣйшее плаваніе моихъ спутниковъ, послѣ того, какъ я разстался съ ними.

А заключилось оно грандіозной катастрофой, именно землетрясеніемъ въ Японіи и гибелью фрегата «Діаны», о чемъ въ свое время газеты извѣщали публику. О томъ же подробно доносилъ великому князю, генералъ-адмиралу, начальникъ экспедиціи въ Японію, генералъ-адъютантъ (нынѣ графъ) Е. В. Путятинъ.

Бываютъ не рѣдко страшныя и опасныя минуты въ морскихъ плаваніяхъ вообще: было нѣсколько такихъ минутъ и въ нашемъ плаваніи до береговъ Японіи. Но такіе ужасы, какіе испытали наши плаватели съ фрегатомъ «Діана», почти безпримѣрны въ лѣтописяхъ морскихъ бѣдствій.

Обязанность—изложить событіе въ донесеніи—лежала бы на мнѣ, по моей должности секретаря при адмиралѣ, еслибъ я продолжалъ плаваніе до конца. Но я не жалѣю, что не мнѣ пришлось писать рапортъ: у меня не вышло бы такого капитальнаго произведенія, какъ рапортъ адмирала (Морской Сборникъ, іюль, 1855).

Я могу только жалѣть, что не присутствовалъ при эффектномъ заключеніи плаванія и что мнѣ не суждено было сдѣлать иллюстрацію этого событія, подъ вліяніемъ собственнаго впечатлѣнія, на ряду со всѣмъ тѣмъ, что мнѣ пришлось самому видѣть и описать.

Въ то самое время, какъ мои бывшіе спутники близки были къ гибели, я, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, проѣзжалъ десять тысячъ верстъ по Сибири, отъ Аяна на Охотскомъ морѣ до Петербурга, и, въ свою очередь переживалъ, если не страшныя, то трудныя, иногда и опасныя въ своемъ родѣ минуты.

Я совершенно случайно избѣжалъ участи, постигшей

моихъ товарищей. Открылась крымская кампанія. Это измѣняло первоначальное назначеніе фрегата и цѣль его пребыванія на водахъ восточнаго океана. Дѣло, начатое съ Японіей о заключеніи торговаго трактата и объ опредѣленіи нашихъ съ нею границъ на островѣ Сахалинѣ, должно было, по необходимости, прекратиться. Адмиралъ, въ послѣднее наше пребываніе въ Нагасаки, рѣшилъ идти, сначала къ русскимъ берегамъ восточной Сибири, куда, на смѣну «Палладѣ», долженъ былъ прибыть посланный изъ Кронштадта фрегатъ «Діана»; потомъ зайти опять въ Японію, условиться о возобновленіи, послѣ войны, начатыхъ переговоровъ. Далѣе нельзя было предвидѣть, какое положеніе пришлось бы принять по военнымъ обстоятельствамъ: оставаться ли у своихъ береговъ, для защиты ихъ отъ непріятеля, или искать встрѣчи съ нимъ на открытомъ морѣ. Можетъ быть пришлось бы, по неимѣнію извѣстій о непріятелѣ, оставаться праздно въ какомъ-нибудь нейтральномъ портѣ, напримѣръ въ Санъ-Франциско, и тамъ ждать исхода войны.

Я испугался этой перспективы неизвѣстности и «ожиданія» на неопредѣленный срокъ, гдѣ бы то ни было, у нашихъ ли пустынныхъ азіатскихъ береговъ, или хотя бы и въ такомъ новомъ для меня и занимательномъ мѣстѣ, какъ Санъ-Франциско. Что тамъ дѣлать мѣсяцы, можетъ быть годъ или годы — ибо какъ было предвидѣть конецъ войны? Тогда Pacific Rail Road еще не было, чтобы пробраться черезъ американскій материкъ домой — и мнѣ пришлось бы отдать себя на волю случайныхъ обстоятельствъ, т. е. оставаться тамъ безъ цѣли, празднымъ и лишнимъ лицомъ.

Притомъ два года плаванія, не то что утомили меня, а утолили вполнѣ мою жажду путешествія. Мнѣ хотѣлось домой, въ свой обычный кругъ лицъ, занятій и образа жизни.

Я намекнулъ адмиралу о своемъ желаніи воротиться. Но онъ, озабоченный начатыми успѣшно и неоконченными переговорами и открытіемъ войны, которая должна была поставить его въ неожиданное положеніе участника въ ней, думалъ, что я считалъ конченнымъ самое дѣло, приведшее насъ въ Японію. Онъ замѣтилъ мнѣ, что не совсѣмъ потерялъ надежду продолжать съ Японіей переговоры, не смотря на войну, и что слѣдовательно и мои обязанности секретаря нельзя считать конченными.

А того, что кончилось мое желаніе путешествовать, онъ не замѣтилъ, не смотря на мой глубокій вздохъ, которымъ я встрѣтилъ его отвѣтъ.

Да я и не путешествовалъ, а плавалъ по «казенной надобности». Я былъ «командированъ для исправленія должности секретаря при адмиралѣ, во время экспедиціи къ нашимъ американскимъ владѣніямъ»: такъ записано было у меня въ формулярномъ спискѣ. Слѣдовательно у меня и не было никакого права на «хочу» или «не хочу» оставаться, или воротиться. Но потомъ, послѣ нѣсколькихъ разговоровъ съ адмираломъ объ этомъ, онъ самъ сжалился. Я видимо сталъ скучать, да можетъ быть, онъ и самъ сомнѣвался, удастся ли ему идти въ Японію, такъ какъ на первомъ планѣ теперь была у него обязанность не дипломата, а воина.—И вотъ онъ, неожиданно для меня, съ свойственной ему добротой, однажды рѣшилъ: «Богъ съ вами, поѣзжайте: я знаю, что здѣсь вамъ скучно будетъ теперь».

Я не заставилъ повторять себѣ этого приглашенія, и ни одну бумагу, въ качествѣ секретаря, не писалъ такъ усердно, какъ предписаніе себѣ самому, отъ имени адмирала, «слѣдовать до С.-Петербурга, и чтобы мнѣ вездѣ чинили свободный пропускъ и оказываемо было въ пути, со стороны начальствующихъ лицъ, всякое содѣйствіе» и т. д.

Все это происходило въ устьяхъ Амура. Фрегатъ «Діана» уже пришелъ на смѣну «Палладѣ», которая отслужила свой срокъ, состарѣлась, и притомъ избита была вытерпѣнными нами штормами, особенно у мыса Доброй Надежды, и ураганомъ въ Китайскомъ морѣ. Сначала ее хотѣли ввести въ устье Амура, но по мелководью это оказалось невозможно. Ее оставили въ Татарскомъ проливѣ, въ «Императорской бухтѣ». Ее разоружили, т. е. сняли съ нея пушки, порохъ, такелажъ, все, что можно было снять, а ветхій остовъ ея былъ оставленъ подъ надзоромъ моряковъ и казаковъ, составлявшихъ нашъ постъ въ этой бухтѣ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ прихода туда французовъ и англичанъ, его затопили, не давая непріятелю случая похвастаться захватомъ русскаго судна.

Такъ «Паллада» и кончила свое существованіе въ этой бухтѣ: отъ нея оставалось одно днище, которое вѣроятно пригодилось на что-нибудь нашимъ людямъ, содержавшимъ тамъ постъ.

Во время этихъ хлопотъ разоруженія, перехода съ «Паллады» на «Діану», смѣны одной команды другою, отправленія сверхкомплектныхъ офицеровъ и матросовъ сухимъ путемъ въ Россію, я и выпросился домой. Это было въ началѣ августа 1854 года.

Тогда же пріѣхалъ къ намъ съ Амура бывшій генералъ губернаторъ Восточной Сибири, Н. Н. Муравьевъ, и пробывъ у насъ дня два на фрегатѣ, уѣхалъ въ Николаевскъ, куда должна была идти и шкуна «Востокъ», для доставленія его со свитою въ Аянъ, на Охотскомъ морѣ. На этой шкунѣ я и отправился съ фрегата, и съ радостью, что возвращаюсь домой, и не безъ грусти, что долженъ разстаться съ этимъ кругомъ отличныхъ людей и товарищей.

Помню еще теперь минуту комическаго страха, кото-

рую я испыталъ, впрочемъ напрасно, когда, отойдя на шкунѣ съ версту отъ фрегата, мы стали на мель въ устьѣ Амурскаго лимана. Онъ весь усѣянъ мелями, такъ что даже и легкая шкуна наша, и до Николаевска, и послѣ него до Охотскаго моря, безпрестанно становилась на мель. Но это ей, и всякому маленькому судну, ни почемъ. Она также легко снималась съ мелей, какъ и становилась на нихъ. Я былъ внизу въ каютѣ и располагался тамъ съ своими вещами, какъ вдругъ бывшій на верху командиръ ея, покойный В. А. Римскій-Корсаковъ, крикнулъ мнѣ съ верху: «адмиралъ ѣдетъ къ намъ: не за вами ли?» Я на минуту остолбенѣлъ, потомъ побѣжалъ на верхъ, думая что Корсаковъ шутитъ, пугаетъ нарочно. Нѣтъ, не шутитъ: вонъ синяя гичка и въ ней адмиралъ! «Да, вѣрно передумалъ!» съ ужасомъ думалъ я, глядя на гичку.

Но адмиралъ пріѣхалъ за какимъ-то другимъ дѣломъ, а болѣе, кажется, взглянуть, какъ мы стоимъ на мели, или просто захотѣлъ прокатиться и еще разъ пожелать намъ счастливаго пути—теперь я уже забылъ. Тутъ мы окончательно разстались до Петербурга.

II.

Обращаюсь къ выше сказаннымъ мною словамъ о страшныхъ и опасныхъ минутахъ, испытанныхъ нами въ плаваніи.

«Страшныя» и «опасныя» минуты—это не синонимы, какъ не синонимы и самыя слова «страхъ» и «опасность» вообще, на морѣ особенно. Страшныхъ минутъ для иныхъ вовсе не существуетъ, для другихъ — ихъ множество. Это зависитъ отъ привычки или непривычки къ морю, т. е. отъ знакомства или незнакомства съ его характеромъ, съ устрой-

ствомъ и управленіемъ корабля, и наконецъ отъ нервозности характера, или отъ воспитанія плавателя. Новичку все кажется страшно или сомнительно на кораблѣ. «Пошелъ всѣ на верхъ!» скомандуетъ боцманъ, и четыреста человѣкъ бросятся, какъ угорѣлые, точно спасать кого-нибудь или сами спасаться отъ гибели, затопаютъ по палубѣ, полѣзутъ на ванты: незнающій дѣла или нервозный человѣкъ вздрогнетъ, подумаетъ, что случилась какая нибудь бѣда. Ничего не бывало: надо прибавить или убавить парусовъ, или что нибудь въ этомъ родѣ. А тамъ загремитъ бѣгущій по роульсамъ (колесцамъ) канатъ. Не то такъ отъ качки, какъ будто съ отчаянія, распахнетъ свои дверцы какой нибудь шкапъ въ каютѣ, и вся его внутренность, т. е. посуда — съ трескомъ и звономъ полетитъ во всѣ стороны и разобьется въ дребезги. Чего не представится испуганному воображенію новаго плавателя при этомъ трескѣ! Минута—«страшная», но только развѣ для буфетчика, который не заперъ крѣпко дверцы и которому за это достанется.

Такъ и мнѣ, не ходившему дотолѣ никуда въ море, далѣе Кронштадта и Петергофа, приходилось часто впадать въ сомнѣніе при этихъ, по не привычкѣ, «страшныхъ», но вовсе не «опасныхъ» шумахъ, трескахъ, бѣготнѣ, пока я не ознакомился съ правилами и обычаями морскаго быта.

Другое дѣло «опасныя» минуты: онѣ не часты, и даже иногда вовсе не замѣтны, пока опасность не превратится въ прямую бѣду. И мнѣ случалось забывать, или, по невѣдѣнію, прозѣвать испугаться тамъ, гдѣ бы къ этому было больше повода, нежели при паденіи посуды изъ шкафа, иногда самаго шкафа, или дивана.

О многихъ «страшныхъ» минутахъ я подробно писалъ

въ своемъ путевомъ журналѣ, но почти не упомянулъ объ «опасныхъ»: онѣ не сдѣлали на меня впечатлѣнія, не потревожили нервъ—и я забылъ ихъ, или, какъ сказалъ сейчасъ, прозѣвалъ испугаться, оттого вѣроятно прозѣвалъ и описать. Упомяну теперь два-три такихъ случая.

Идучи на фрегатѣ «Паллада» изъ Кронштадта въ Англію, мы проходили Зундъ.

Я писалъ тогда, какъ неблагопріятно было наше плаваніе по Балтійскому морю, въ октябрскую холодную погоду, при противныхъ вѣтрахъ и туманахъ. Кромѣ того, какъ я тоже писалъ, у насъ умерло три человѣка отъ холеры. И привычнымъ людямъ казалось трудно такое плаваніе, а мнѣ, новичку, оно было еще невыносимо и потому, что у меня, отъ осенняго холода, возобновились жестокіе припадки, которыми я давно страдалъ, невральгіи съ головными и зубными болями. Въ каютѣ, отъ внѣшняго воздуха, съ дождемъ, отчасти съ морозомъ, защищала одна рама въ маленькомъ окнѣ.

Иногда я приходилъ въ отчаяніе. Какъ, при этихъ боляхъ, я выдержу двухъ-или-трехъ-годичное плаваніе? Я слегъ и утѣшалъ себя мыслью, что, добравшись до Англіи, вернусь назадъ. И къ этому еще туманы, качка и холодъ!

Съ приближеніемъ къ Даніи, воздухъ сталъ гораздо мягче, теплѣе, но туманы продолжались. При входѣ въ Зундъ, мы, какъ всегда дѣлается въ узкихъ проходахъ, вызывали лоцмана, чтобы провести насъ проливомъ. Вызываютъ обыкновенно лоцманскимъ флагомъ, а если флагъ не видѣнъ, палятъ изъ пушки. Но вѣроятно флага, за туманомъ, съ берегу не было видно (я теперь забылъ эти подробности), а пушка могла палить и по другой причинѣ: что бы тамъ ни было, но лоцманъ не явился. Мы шли, такъ сказать, ощупью, подвигаясь тихо, осторожно, но все

же подвигались: нельзя стать въ открытомъ морѣ на одномъ мѣстѣ. Когда туманъ прояснился, мы были уже въ проливѣ.

Было тепло, мнѣ стало легче, я вышелъ на палубу. И теперь еще помню, какъ поразила меня прекрасная, тогда новая для меня, картина чужихъ береговъ, датскаго и шведскаго.

Обаяніе, производимое величественною картинностью моря и береговъ, возымѣло свое дѣйствіе надо мною. Я невольно отдавался ему, но потомъ опять возвращался къ своимъ сомнѣніямъ: привыкну ли къ морской жизни, дадутъ ли мнѣ покой ревматизмы? Море, и тянетъ къ себѣ, и пугаетъ, пока не привыкнешь къ нему. Такое состояніе духа, очень наивно, но вѣрно, выразила мнѣ одна француженка, во Франціи, на морскомъ берегу, во время сильнѣйшей грозы, въ своемъ отвѣтѣ на мой вопросъ: «любитъ ли она грозу?» «Oh, monsieur, c'est ma passion», восторженно сказала она: «mais... pendant l'orage je suis toujours mal à mon aise!»

Капитанъ, и такъ называемый «дѣдъ», хорошо знакомый читателямъ «Паллады», старшій штурманскій офицеръ (нынѣ генералъ)—оба были наверху и о чемъ-то горячо и заботливо толковали. «Дѣдъ» безпрестанно бѣгалъ въ каюту, къ картѣ, и возвращался. Затѣмъ оба зорко смотрѣли на оба берега, на море, въ напрасномъ ожиданіи лоцмана. Я все любовался на картину, особенно на цѣлую стаю купеческихъ судовъ, которыя, какъ утки, плыли кучей и все жались къ шведскому берегу, а мы шли почти по срединѣ, нѣсколько ближе къ датскому.

Тревожился поминутно капитанъ, тревожился и дѣдъ, и не разъ конечно назвалъ лоцмана за неявку «каторжнымъ». Онъ побѣжалъ въ двадцатый разъ внизъ. Вдругъ капитанъ послалъ поспѣшно за нимъ.

Они, казалось, оба были чѣмъ-то поражены.

— Мы на мели! дошли до моего слуха тихія слова.

Я пощупалъ ногой палубу: она перестала двигаться, ноги стояли будто на землѣ.

Я смотрѣлъ на все это разсѣянно и слушалъ съ большимъ равнодушіемъ, что говорили кругомъ. Меня убаюкивалъ тихій плескъ моря, теплая погода и поглощала картина новыхъ береговъ, а еще болѣе радовала затихшая головная и зубная боль.

— Какая благодать! говорилъ я себѣ, ощутивъ подъ ногами неподвижныя доски палубы.

Но что за суматоха поднялась на фрегатѣ—«изъ-за такихъ пустяковъ!» думалъ я.

Засвитали всѣхъ на верхъ, поднялась возня, шумъ: «спускать шлюпку! завозить верпы!» только и слышалось. Офицеры, кто спалъ, кто читалъ или писалъ, всѣ принялись за дѣло.

«Верпы» — маленькіе якоря, которые, завезя на нѣсколько десятковъ саженъ отъ фрегата, бросаютъ на дно, а канатъ отъ нихъ наматываютъ на шпиль, и вертятъ послѣдній, чтобы такимъ образомъ сдвинуть судно съ мѣста. Это—своего рода домашній способъ тушить огонь, до прибытія пожарной команды.

Но тяжелый нашъ фрегатъ, съ грузомъ, не на одну сотню тысячъ пудъ, точно обрадовался случаю и легъ прочно на песокъ, какъ иногда добрый пьяница, тоже «нагрузившись» и долго шлепая невѣрными стопами по грязи, вдругъ возьметъ да и ляжетъ средь дороги. Напрасно трезвый товарищъ толкаетъ его въ бока, приподнимаетъ, то руку, то ногу, иногда голову. Рука, нога и голова падаютъ снова, какъ мертвыя. Гуляка лежитъ тяжело, неподвижно и безнадежно, пока не придутъ двое «городовыхъ» на помощь.

И фрегатъ, потрогиваемый слабыми верпами, какъ будто подастся, поползетъ, крякнетъ, раздадутся радостныя восклицанія, — а онъ ни съ мѣста. Нѣтъ, надо послать за «городовымъ». И послали.

Смотрѣлъ я на всю эту суматоху и дивился: «вотъ привычные люди, у которыхъ никакихъ «страшныхъ» минутъ не бываетъ, а теперь какъ будто боятся! На мели: великая важность! Постоимъ, да и сойдемъ, какъ задуетъ вѣтеръ посвѣжѣе, заколеблется море!» думалъ я, твердо шагая по твердой палубѣ. Неопытный слѣпецъ!

— Подступиться развѣ къ нимъ и спросить, что̀ ихъ такъ тревожитъ? — Приступу нѣтъ: и не глядятъ!

Я помню только, что одинъ изъ офицеровъ, баронъ Ш. одѣлся въ полную форму и поспѣшно посланъ былъ въ Копенгагенъ за пароходомъ, помочь намъ сняться съ мели.

Пока моряки переживали свою «страшную» минуту, не за себя, а за фрегатъ конечно—я и другіе, неприкосновенные къ дѣлу, пили чай, ужинали, и какъ у себя дома, легли спать. Это въ первый разъ послѣ тревогъ, холода, качки!

— «Какая благодать!» твердилъ я, ложась, какъ на берегу, дома, на неподвижную постель. «Завозите себѣ тамъ верпы, а я усну, какъ давно не спалъ!»

Чуть ли не грезилось мнѣ тогда во снѣ, что мы дальше не пошли, а такъ на мели и остались, что морское начальство въ Петербургѣ соскучилось ждать, когда мы сдвинемся, и отложило экспедицію, и что мы всѣ воротились домой безмятежно спать на незыблемыхъ ложахъ.

Но подъ утро, сквозь сонъ, я услышалъ звукъ боцманскихъ свистковъ, почувствовалъ, какъ моя койка закачалась подо мной, и какъ насъ потащилъ могучій «городовой», пароходъ изъ Копенгагена. Тогда, кажется, явился и лоцманъ.

На другой день, когда вышли изъ Зунда, я спросилъ, отчего всѣ были въ такой тревогѣ, тѣмъ болѣе, что средство, т. е. Копенгагенъ и пароходъ, были подъ рукой? Тогда только объяснили мнѣ техническую сторону дѣла: что значитъ, когда судно «приткнется» къ мели. Прежде всего, даже легкое приткновеніе что нибудь попортитъ въ килѣ, или въ обшивкѣ (у нашего фрегата дѣйствительно, какъ оказалось при осмотрѣ въ Портсмутскомъ докѣ, оторвалось нѣсколько листовъ мѣдной обшивки, а безъ обшивки плавать нельзя, ибо-де къ дереву пристаютъ во множествѣ морскія инфузоріи и точатъ его), а главное: если бы задулъ свѣжій вѣтеръ и развелъ волненіе, тогда фрегатъ не сошелъ бы съ мели, какъ я, по младенчеству своему въ морскомъ дѣлѣ, полагалъ, а разбился бы въ щепы!

— «И опять таки мы всѣ воротились бы домой»! — думалъ я, дополняя свою грезу: берегъ близко, рукой подать: не утонули бы мы, а я еще немного и плавать умѣю.» — Опять неопытность! Умѣть плавать въ тихой водѣ, въ рѣчкахъ, да еще въ купальняхъ, и плавать по морскимъ, расходившимся волнамъ — это неизмѣримая, какъ я убѣдился послѣ, разница. Въ послѣднемъ случаѣ рѣдкій матросъ, привычный пловецъ, выплываетъ.

Такимъ образомъ «опасная» минута, продолжавшаяся ночь, была мною вовсе не замѣчена.

Но не на морѣ только, а вообще въ жизни, на всякомъ шагу, грозятъ намъ опасности, часто, къ спокойствію нашему, не замѣчаемыя. Зато, какъ будто для уравновѣшенія хорошаго съ дурнымъ, всюду разсѣяно много «страшныхъ» минутъ, гдѣ воображеніе подозрѣваетъ опасность, которой нѣтъ. На море въ этомъ отношеніи много клеплютъ напрасно, благодаря «страшнымъ», въ

глазахъ непривычныхъ людей, минутамъ. И я бывалъ въ числѣ послѣднихъ, пока не былъ на морѣ.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы и сами моряки были вовсе нечувствительны ко всѣмъ случайностямъ, постигающимъ плавателей. Не изъ камня же они: люди—вездѣ люди, и искренній морякъ,—а моряки почти всѣ таковы,—всегда откровенно сознается, что онъ не бываетъ вполнѣ равнодушенъ къ труднымъ или опаснымъ случаямъ, переживаемымъ на морѣ. Бываетъ у моряка — и тяжело и страшно на душѣ, и онъ нерѣдко, подъ вліяніемъ такихъ минутъ, рѣшается про себя — не ходить больше въ море, лишь только доберется до берега. А поживши недѣлю, другую, мѣсяцъ на берегу — его неудержимо тянетъ опять на любимую стихію, къ извѣстнымъ ему испытаніямъ.

Но морякъ, конечно, не потревожится никогда пустыми страхами воображенія и не поддастся мелочнымъ и малодушнымъ опасеніямъ на каждомъ шагу, по привычкѣ къ морю съ раннеи молодости.

III.

По приходѣ въ Англію, забылись и страшныя и опасныя минуты, головная и зубная боли прошли, благодаря неожиданно хорошей для тамошняго климата погодѣ, и мы, проживъ тамъ два мѣсяца, пустились далѣе. Я забылъ и думать о своемъ намѣреніи воротиться, хотя адмиралъ, узнавъ о моей болѣзни, соглашался было отпустить меня. Впередъ, дальше, манило новое. Тамъ, въ заманчивой дали, было тепло и ревматизмы невѣдомы.

Упомяну кстати о пережитой мною въ Англіи морально-страшной для меня минутѣ, которая, не относясь къ числу морскихъ треволненій, касается, однакоже, все

того же путешествія, и она задала мнѣ тревоги больше всякой качки.

Адмирала съ нами не было: онъ прежде фрегата уѣхалъ одинъ въ Англію дѣлать разныя приготовленія къ продолжительному плаванію, и между прочимъ пріобрѣлъ тамъ шкуну «Востокъ», для плаванія вмѣстѣ съ «Палладой», и занимался снаряженіемъ ея, и разными другими дѣлами. Въ Петербургѣ я видѣлъ его мелькомъ, и уже на Портсмутскомъ рейдѣ явился къ нему въ качествѣ секретаря и послѣдовалъ за нимъ въ Лондонъ. Онъ сейчасъ же поручилъ мнѣ написать нѣсколько бумагъ въ Петербургъ, между прочимъ изложить кратко исторію нашего плаванія до Англіи, и вмѣстѣ о томъ, какъ мы «приткнулись» къ мели, и о необходимости ввести фрегатъ въ Портсмутскій докъ, отчасти для осмотра поврежденія, а еще болѣе для приспособленія къ фрегату, тогда еще новаго, водо-опрѣснительнаго пароваго аппарата.

Онъ мнѣ показалъ бумаги, какія самъ писалъ до моего пріѣзда въ Лондонъ. Я прочиталъ и увидѣлъ, что... ни за что не напишу такъ, какъ онѣ написаны, т. е. такимъ строгимъ, точнымъ и сжатымъ стилемъ: просто не умѣю!

«Зачѣмъ ему секретарь?»—въ страхѣ думалъ я: «онъ пишетъ лучше всякихъ секретарей: зачѣмъ я здѣсь? Я—лишній»! Мнѣ стало жутко. Но это было только начало страха. Это опасеніе я кое-какъ одолѣлъ мыслью, что если адмиралу не недостаетъ умѣнья, то недостанетъ времени самому писать бумаги, вести всю корреспонденцію и излагать на бумагу переговоры съ японцами.

Самое худшее было впереди, когда я вернулся изъ Лондона въ Портсмутъ, и когда надо было излагать въ рапортѣ исторію плаванія до Англіи и причины ввода фрегата въ докъ. Я думалъ, что это ровно ничего не значитъ. Я

помнилъ каждый шагъ и каждую минуту – и вотъ взять только перо да и строчить привычной рукой: было, молъ, холодно, вѣтеръ дулъ, качало, или было тепло, вотъ *пріѣхали* въ Данію.... (Боже васъ сохрани сказать когда-нибудь при морякѣ, что вы на кораблѣ «пріѣхали»: покраснѣютъ! «Пришли», а не пріѣхали!) Нѣтъ — вижу, не клеится. Ничего не выходитъ. «А вы возьмите, — говорятъ мнѣ, шканечный журналъ, гдѣ шагъ за шагомъ описывается все плаваніе». Кромѣ того, я взялъ еще книги и бумаги подобнаго содержанія. Погляжу въ одну, въ другую бумагу, или книгу, потомъ въ шканечный журналъ и читаю.

«Положили марсель на стенгу»,—«взяли гротъ на гитовы»,—«ворочали оверштагъ»,—«привели фрегатъ къ вѣтру»,—«легли на правый галсъ»—«шли на фордевиндъ», «обрасопили реи»... вѣтеръ дулъ NNO или SW». А тамъ слѣдуютъ «утлегарь» «ахтеръ-штевень»—«шкоты» «брассы» «фалы» и т. д. и т. д.

Этими фразами и словами, какъ бисеромъ, унизанъ былъ весь журналъ. «Боже мой, да я ничего не понимаю!»—думалъ я въ ужасѣ, царапая сухимъ перомъ по бумагѣ: зачѣмъ я поѣхалъ!»

Мнѣ припомнилась школьная скамья, гдѣ сидя, бывало, мучаешься до пота надъ «мудренымъ» переводомъ съ латинскаго или нѣмецкаго языковъ, а учитель, какъ теперь адмиралъ, торопитъ, спрашиваетъ: «скоро ли? готово ли? Покажите, говоритъ, мнѣ, прежде нежели дадите переписывать»...

—«Что я покажу?» ворчалъ я въ отчаяніи, глядя на бѣлую бумагу. Среди этихъ терминовъ, изъ живаго слова только и остаются нѣсколько глаголовъ, и между ними еще вспомогательный: много помощи отъ него!

Въ трехнедѣльный переѣздъ до Англіи, я, конечно,

слышалъ часть этихъ выраженій, но пропускалъ мимо ушей, не предвидя, что они, въ теченіи двухъ, трехъ лѣтъ, будутъ моей, почти единственной литературой.

«Зачѣмъ я здѣсь? А если ужъ понесло меня сюда, то зачѣмъ я не воспользовался минутнымъ расположеніемъ адмирала отпустить меня и не уѣхалъ? Ахъ, хоть бы опять заболѣли зубы и голова!« —мысленно вопилъ я про себя, отвращая взглядъ отъ шканечнаго журнала.

Кромѣ этихъ терминовъ, цѣликомъ перешедшихъ къ намъ при Петрѣ Великомъ изъ голландскаго языка и усвоенныхъ нашимъ флотомъ, выработалось въ морской практикѣ еще свое особое, русское нарѣчіе. Напримѣръ, моряки говорятъ и пишутъ: «приглубый берегъ», т. е. имѣющій достаточную глубину для кораблей. Это очень хорошо выходитъ по русски, такъ же какъ напримѣръ выраженіе: «остойчивый» «остойчивость», т. е. прочное, надлежащее сидѣнье корабля въ водѣ;—«навѣтренная» и «подвѣтренная» сторона, или еще: «отстояться на якорѣ, т. е. воспротивиться напору вѣтра и т. д. И такихъ очень много. Нѣкоторыя изъ этихъ выраженій, и подобныя имъ, напримѣръ, «вытравливать (вмѣсто выпускать) канатъ или веревку», — и т. п. просятся въ русскую рѣчь и не въ морскомъ быту.

Но за то мелькаютъ между ними—очень рѣдко конечно, и другія — съ натяжкой, съ насиліемъ языка. Напримѣръ, моряки пишутъ: «такой-то фрегатъ гдѣ нибудь въ бухтѣ стоялъ «мористо»: это уже не хорошо, но еще хуже—выходитъ «мористѣе», въ сравнительной степени. Не морскому читателю, конечно, въ голову не придетъ, что «мористо» значитъ близко, а «мористѣе» ближе къ открытому морю, нежели къ берегу.

Это «мористо» напоминаетъ двустишіе какого-то про-

ѣзжаго (не помню, отъ кого я слышалъ), написанное имъ на стѣнѣ, послѣ ночлега въ такъ называемой «чистой горницѣ» постоялаго двора: «дѣйствительно, здѣсь чисто, написалъ онъ, — но тараканисто, блохисто и клописто!»

Жаль Греча нѣтъ, усерднаго борца за правильность русскаго языка!

Не помню, какъ я раздѣлался съ первымъ рапортомъ: вѣроятно я написалъ его береговымъ, а адмиралъ украсилъ морскимъ слогомъ—и бумага пошла. Потомъ и я ознакомился съ этимъ языкомъ и многое не забылъ и до сихъ поръ.

IV.

Теперь перенесемся въ восточный океанъ, въ двадцатые градусы сѣверной широты, къ другой «опасной» минутѣ, пережитой у Ликейскихъ острововъ, о которой я ничего не сказалъ въ свое время. Я не упоминаю объ ураганѣ, встрѣченномъ нами въ Китайскомъ морѣ, у группы острововъ Баши, когда у насъ зашаталась гротъ-мачта, грозя рухнуть и положить на бокъ фрегатъ. Объ этомъ я подробно писалъ.

Въ путешествіи своемъ, въ главѣ «Ликейскіе острова», я вскользь упомянулъ, что два дня, передъ приходомъ нашимъ на Ликейскій рейдъ, дулъ крѣпкій вѣтеръ, мѣшавшій намъ войти—и больше ничего. Вотъ этотъ вѣтеръ чуть не надѣлалъ намъ большой бѣды.

Мы подходили къ островамъ около вечера. На глазомѣръ оставалось версты три и намъ слѣдовало зайти за коралловый рифъ, кривой линіей опоясывавшій все видимое пространство главнаго, большаго острова. Издали чуть-чуть видно было, какъ буруны перекатывались, играя пѣной, черезъ каменную гряду. Въ этой грядѣ было два

входа на рейдъ, одинъ узкій съ сѣвера, другой еще ужѐ— съ юга. Фрегату входить надо было очень вѣрно, какъ каретѣ въѣзжать въ тѣсныя ворота, чтобы не наткнуться на рифъ. Адмиралъ не рѣшился въ сумерки рисковать и предпочелъ подождать разсвѣта. Отдали якорь при тихомъ, ласковомъ вѣтрѣ, въ теплой, южной ночи — и заранѣе тѣшились надеждой завтра погулять по новымъ прелестнымъ мѣстамъ. Наши суда: «Князь Меньшиковъ» и шкуна «Востокъ», кажется, оба—(забылъ теперь) уже пришли прежде насъ и проскользнули въ узкости легко. Небольшимъ судамъ, неглубоко сидящимъ въ водѣ — это ни по чемъ. Офицеры оттуда пріѣзжали къ намъ повидаться и уѣхали.

Вдругъ около полуночи задулъ вѣтеръ, не съ берега, а съ океана къ берегу — а мы въ этомъ океанѣ стояли на якорѣ! Отдали другой якорь – и готовились бороться съ неожиданнымъ и внезапнымъ врагомъ. Мы, не моряки, спали опять безмятежно и безмятежнѣе всѣхъ—я. По своему береговому, не совсѣмъ еще въ морскомъ дѣлѣ окрѣпшему понятію, я все думалъ, что стоять на мѣстѣ все таки лучше, нежели ходить по морю. Оно, пожалуй, и такъ, если стоять во время шторма въ закрытомъ портѣ, но мы стояли въ океанѣ! Такъ провели ночь, безпокойно, т. е. они, моряки, слѣдя за успѣхами вѣтра. На другой день, около полудня, вѣтеръ сталъ стихать: начали сниматься съ якоря—и только что второй якорь «всталъ» (со дна) и поставлены были марселя (паруса), какъ раздался крикъ вахтеннаго: «Дрѐйфуетъ!» (тащитъ). «Отдать якорь!» вслѣдъ за тѣмъ немедленно раздалась команда.

Все это, т. е. команда и отдача якорей, уборка парусовъ, продолжалось нѣсколько минутъ, но фрегатъ успѣло «подрейфовать», силой вѣтра и теченія, версты на полторы

ближе къ рифамъ. А вѣтеръ опять задулъ крѣпче. Отданъ былъ другой якорь (ихъ всѣхъ четыре на большихъ военныхъ судахъ)—и мы стали въ виду каменной гряды. До насъ достигалъ шумъ перекатывающихся буруновъ.

Я—ничего себѣ: всматривался въ открывшіяся теперь совсѣмъ подробности новаго берега, глядѣлъ не безъ удовольствія, какъ скачутъ черезъ камни, точно бѣшеныя бѣлыя лошади, буруны, кипя пѣной; наблюдалъ, какъ начальство безпокоится, какъ появляется иногда и задумчиво поглядываетъ на рифы адмиралъ, какъ всѣ примолкли и почти не говорятъ другъ съ другомъ. Да и нечего говорить, развѣ только спрашивать: «выдержатъ ли якорныя цѣпи и канаты напоръ вѣтра, или нѣтъ?» Вопросъ, похожій на гоголевскій вопросъ: «доѣдетъ, или не доѣдетъ колесо до Казани?» — Но для насъ онъ былъ и гамлетовскимъ вопросомъ: быть или не быть?—Чуть вѣтеръ тише —ну, надежда: выдержитъ; а заревѣлъ и натянулъ канаты —сомнѣніе и злоба. А фрегатъ такъ и возитъ взадъ и впередъ, насколько позволяютъ канаты обоихъ якорей — и вотъ-вотъ, немножко еще—трахъ... и...

— «И что?» — допытывался я уже на другой день на рейдѣ, ибо тамъ, за рифами, опять ни къ кому приступу не было: такъ всѣ озабочены. Да почему-то и не ловко было спрашивать, какъ бываетъ не ловко заговаривать, гдѣ есть трудный больной въ домѣ, о томъ: выздоровѣетъ онъ, или умретъ?

— «Какъ «что!» Лопни канаты — и черезъ нѣсколько минутъ фрегатъ наваливаетъ на рифы: ну—и въ щепы!»

— «Сейчасъ и въ щепы! хорошо, положимъ — и въ щепы. Конечно, это огромная бѣда, но все же люди спаслись бы...

— «Тутъ, у этихъ рифовъ, при этомъ волненіи? Подите!»

Я не унывалъ нисколько, отчасти потому, что мнѣ казалось невѣроятнымъ, чтобы цѣпи — канаты двухъ, наконецъ трехъ, и даже четырехъ якорей, не выдержали, а главное—берегъ близко. Онъ, а не рифы, былъ для меня «каменной стѣной», на которую я безконечно и возлагалъ все упованіе. Это совершенно усыпляло всякій страхъ, и даже подозрѣніе опасности, когда она была очевидна. И я смотрѣлъ на всю эту «опасную» двухъ-дневную минуту, какъ на дѣло, до меня нисколько не касающееся.

И только на другой день, на берегу, вполнѣ вникнулъ я въ опасность положенія, когда въ разговорахъ объ этомъ объяснилось, что между берегомъ и фрегатомъ, при этихъ огромныхъ, какъ горы, волнахъ, сообщенія на шлюпкахъ быть не могло; что еслибъ фрегатъ разбился о рифы, то ни наши шлюбки, а ихъ шесть—семь, и большой барказъ,— ни шлюбки съ другихъ нашихъ судовъ, не могли бы спасти и пятой части всей нашей команды. При волненіи, онѣ, т. е. шлюбки, имѣли бы полный комплектъ гребцовъ, и мѣста для другихъ почти не было бы совсѣмъ, развѣ для какихъ нибудь десяти человѣкъ на шлюбку, а насъ всѣхъ было болѣе четырехъ сотъ. И тѣ десять человѣкъ стѣсняли бы свободныя дѣйствія гребцовъ—и не при этомъ океанскомъ волненіи. «И просто не выгрести бы на такихъ волнахъ»! говорили мнѣ.

Бывшіе на берегу офицеры съ американскаго судна сказывали, что они ожидали уже услышать ночью съ нашего фрегата пушечные выстрѣлы, извѣщающіе о критическомъ положеніи судна, а англійскій миссіонеръ говорилъ, что онъ молился о нашемъ спасеніи.

Однако лейтенантъ Савичъ, чуть ли не на двойкѣ (двухъвесельной шлюбкѣ) съ двумя гребцами, изволилъ оттуда прокатиться до насъ по этимъ волнамъ—«посмотрѣть, что

вы тутъ дѣлаете», сказалъ онъ. И посидѣвши съ нами, также отправился назадъ. И теперь помню, какъ скорлупка-двойка вдругъ пропадала изъ глазъ, будто проваливалась въ глубину между двухъ водяныхъ горъ, и долго не видно было ея, и потомъ всползала опять бокомъ на гребень волны. Я не спускалъ глазъ съ Савича, пока онъ не скрылся за рифъ—и, конечно не у него, а у меня сжималось сердце страхомъ: «вотъ, вотъ кувырнется и не появится больше!»

Провели мы еще, что называется, mauvais quart d'heure въ Татарскомъ проливѣ, гдѣ мы медленно подвигались къ устьямъ Амура. Офицеры на шлюбкахъ посылались впередъ для измѣренія глубины — и по ихъ слѣдамъ шелъ тихо и фрегатъ, безпрестанно останавливаясь, иногда въ ожиданіи прилива. И вотъ въ одинъ вечеръ стали на якорь на хорошей глубинѣ. По сторонамъ видны были оба берега, Манджурскій и острова Сахалина,—и очень близко. Мы расположились покойно. Утромъ стали сниматься съ якоря, поставили гротъ-марсель, и въ это время фрегатъ потащило нѣсколько десятковъ сажень впередъ. Якорь опять отдали. Глубины подъ килемъ все-таки оказалось достаточно, но далѣе подвигаться не рѣшились, ожидая, что съ приливомъ воды прибудетъ. Но оказалось, что мы стоимъ уже на большой водѣ, на приливѣ, и вскорѣ вода начала убывать, и когда убыла, подъ килемъ оказалось всего фута три, четыре воды.

Вотъ тутъ и началась опасность. Вѣтеръ немного засвѣжѣлъ и, помню я, какъ фрегатъ сталъ бить объ дно. Сначала было два, три довольно легкихъ удара. Затѣмъ такъ треснуло, что затрещали шлюбки на боканцахъ и марсы (балконы на мачтахъ). Всѣ, бывшіе въ каютахъ, выскочили въ тревогѣ, а тутъ еще ударъ, еще и еще. Пото-

нуть было трудно: оба берега въ какой-нибудь верстѣ; мѣстами, на отмеляхъ, вода была по поясъ человѣку.

Но если-бы удары продолжались чаще и сильнѣе, то корпусъ тяжело-нагруженнаго и вооруженнаго фрегата, конечно, могъ бы раздаться, и рангоутъ, т. е. верхнія части мачтъ и реи, полетѣть внизъ. А такъ какъ эти деревья, кажущіяся снизу лучинками, вѣсятъ, которое двадцать, которое десять пудъ, — то всѣмъ намъ приходилось тоскливо стоять внизу и ожидать, на кого они упадутъ.

Послѣ смѣшно было вспоминать, какъ, при каждомъ ударѣ и трескѣ, всѣ мы проворно переходили одни на мѣсто другихъ на палубѣ. «Страшновато» было! какъ говорилъ, бывало, я въ подобныхъ случаяхъ спутникамъ. Впрочемъ все это продолжалось, можетъ быть, часа два, пока не начался опятъ приливъ, подбавившій воды, и мы снялись и пошли дальше.

V.

Мы подвергались опасностямъ и другаго рода, хотя не морскимъ, но весьма вѣроятнымъ тогда, и обязательнымъ, такъ сказать, для военнаго судна, которыхъ не только нельзя было избѣгать, но должно было на нихъ напрашиваться. Это встрѣча и схватка съ непріятельскими судами.

Сколько помню, адмиралъ и капитанъ неоднократно рѣшались на отважный набѣгъ къ берегамъ Австраліи, для захвата англійскихъ судовъ, и кажется, если не ошибаюсь, только неувѣренность, что наша старая, добрая Паллада выдержитъ еще продолжительное плаваніе отъ Японіи до Австраліи, удерживало ихъ, а еще, конечно, и неувѣренность, по неимѣнію никакихъ извѣстій, застать тамъ чужія суда. Въ послѣднее наше пребываніе въ Шанхаѣ, въ декабрѣ 1853 г., и въ Нагасаки, въ январѣ 1854 г.,

до насъ еще не дошло извѣстіе объ окончательномъ разрывѣ съ Турціей и Англіей; мы знали только, изъ запоздавшихъ газетъ и писемъ, что близко къ тому — и больше пока ничего. Я помню, что въ Шанхаѣ ко мнѣ все приставалъ лейтенантъ англійскаго флота, кажется Скоттъ, чтобъ я подержалъ съ нимъ пари о томъ, будетъ ли война или нѣтъ? Онъ утверждалъ, что не будетъ, я былъ противнаго мнѣнія. Пари не состоялось, и мы ушли, сначала въ Нагасаки, потомъ въ Маниллу — все еще въ невѣдѣніи о томъ, въ войнѣ мы уже, или нѣтъ— и съ каждымъ днемъ ждали извѣстія и въ каждомъ встрѣчномъ суднѣ предполагали непріятеля.

Въ этой неизвѣстности о войнѣ пришли мы и въ Маниллу и застали тамъ на рейдѣ военный французскій пароходъ. Ни мы, ни французы, не знали, какъ намъ держать себя другъ съ другомъ, и визитами мы не мѣнялись, какъ это всегда дѣлается въ обыкновенное время. Пробывъ тамъ недѣли три, мы ушли, но передъ уходомъ узнали, что тамъ ожидали англійскую эскадру.

Такъ какъ мы могли встрѣтить ее, или французскія суда въ морѣ, и можетъ быть уже съ извѣстіями объ открытіи военныхъ дѣйствій,—то у насъ готовились къ этой встрѣчѣ и приводили фрегатъ въ боевое положеніе. Капитанъ поговаривалъ о томъ, что, въ случаѣ одолѣнія превосходными непріятельскими силами, необходимо-де поджечь пороховую камеру и взорваться.

Всѣ были болѣе или менѣе въ ожиданіи, много говорили, готовились къ бою, смотрѣли въ зрительныя трубки во всѣ стороны.

Одинъ только о. Аввакумъ, нашъ добрый и почтенный архимандритъ, относился ко всѣмъ этимъ ожиданіямъ, какъ почти и ко всему, невозмутимо-покойно, и

даже скептически. Какъ онъ самъ лично не имѣлъ враговъ, всѣми любимый, и самъ всѣхъ любившій, то и не предполагалъ ихъ нигдѣ и ни въ комъ: ни на морѣ, ни на сушѣ, ни въ людяхъ, ни въ корабляхъ. У него была вражда только къ одной большой пушкѣ, какъ совершенно ненужному въ его глазахъ предмету, которая стояла въ его каютѣ и отнимала у него много простора и свѣту.

Онъ жилъ въ своемъ особомъ мірѣ идей, знаній, добрыхъ чувствъ — и въ сношеніяхъ со всѣми нами былъ одинаково дружелюбенъ, привѣтливъ. Мудреная наука жить со всѣми въ мирѣ и любви была у него не наука, а сама натура, освященная принципами глубокой и просвѣщенной религіи. Это давалось ему легко: ему не нужно было умѣнья—онъ инымъ быть не могъ. Онъ не вмѣшивался никогда не въ свои дѣла, никому ни въ чемъ не навязывался, былъ скроменъ, не старался выставить себя и не претендовалъ на право даже собственныхъ, неотъемлемыхъ заслугъ, а оказывалъ ихъ молча и много—и своими познаніями, и нравственнымъ вліяніемъ на весь кружокъ плавателей, не поученіями и проповѣдями, на которыя не былъ щедръ, а просто примѣромъ ровнаго, покойнаго характера и кроткой, почти младенческой души.

Въ бесѣдахъ умъ его приправлялся часто солью легкаго, и всегда добродушнаго юмора.

Кажется, я смѣло могу поручиться за всѣхъ моихъ товарищей плаванія, что ни у кого изъ нихъ не было съ этою прекрасною личностью ни одной непріятной, даже досадной минуты... А если бывали, то вотъ какого комическаго свойства. Напримѣръ, помню, однажды, гуляя со мной на шканцахъ, онъ вдругъ... плюнулъ на палубу. Ужасъ!

Шканцы — это нѣчто въ родѣ корабельной скиніи, самое парадное, почти священное мѣсто. Палуба — ско-

блится, трется кирпичомъ, моется почти каждой день и блеститъ, какъ стекло.

А о. Аввакумъ — разчихался, разсморкался и — плюнулъ. Я помню взглядъ изумленія вахтеннаго офицера, брошенный на него, потомъ на меня. Онъ сдѣлалъ такое же усиліе надъ собой, чтобъ воздержаться отъ какого-нибудь замѣчанія, какъ я — отъ смѣха. «Какъ жаль, что онъ—не матросъ»! шепнулъ онъ мнѣ потомъ, когда о. Аввакумъ отвернулся. Долго помнилъ эту минуту офицеръ, а я долго веселился ею.

Въ другой разъ, гдѣ-то въ поясахъ сплошнаго лѣта, при безвѣтріи, мы прохаживались съ о. Аввакумомъ все по тѣмъ же шканцамъ. Вдругъ ему вздумалось взобраться по трехъ-ступенной лѣсенкѣ на площадку, съ которой обыкновенно, стоя, командуетъ вахтенный офицеръ. Отецъ Аввакумъ обозрѣлъ море и потомъ, обернувшись спиной къ нему, вдругъ... сѣлъ на эту самую площадку «отдохнуть», какъ онъ говаривалъ.

Опять скандалъ! Капитана на верху не было—и вахтенный офицеръ смотрѣлъ на архимандрита—какъ будто хотѣлъ его съѣсть, но не рѣшался замѣтить, что на шканцахъ сидѣть нельзя. Это, конечно, зналъ и самъ о. Аввакумъ, но по разсѣянности забылъ, не приписывая этому никакой существенной важности. Другіе, кто тутъ былъ, улыбались—и тоже ничего не говорили. А самъ онъ не догадывался и «отдохнувъ», сталъ опять ходить.

При кротости этого характера и невозмутимо—покойномъ созерцательномъ умѣ, онъ не легко поддавался тревогамъ. Преслѣдованіе на морѣ враговъ нами, или погоня враговъ за нами, казались ему больше фантазіею адмирала, капитана и офицеровъ. Онъ равнодушно глядѣлъ на всѣ военныя приготовленія и продолжалъ, лежа или сидя

на постели у себя въ каютѣ, читать книгу. Ходилъ онъ въ обычное время гулять для моціона и воздуха на верхъ, не высматривая непріятеля, въ котораго не вѣрилъ.

Вдругъ однажды раздался крикъ: «пароходъ идетъ! Дымъ видѣнъ»!

Поднялась суматоха. «Пошелъ по орудіямъ!» скомандовалъ офицеръ. Всѣ высыпали на верхъ. Кто-то позвалъ и отца Аввакума. Онъ, неторопливо, какъ всегда, вышелъ и равнодушно смотрѣлъ, куда всѣ направили зрительныя трубы и въ напряженномъ молчаніи ждали, что окажется.

Скоро всѣ успокоились: это оказался не пароходъ, а китоловное судно, поймавшее кита и вытапливавшее изъ него жиръ. Отъ этого и дымъ. Непріятель все не показывался. «Бѣгаетъ нечестивый, ни единому же ему гонящу!» слышу я голосъ сзади себя.

Это о. Аввакумъ выразилъ такъ свой скептическій взглядъ на ожидаемую встрѣчу съ врагами. Я засмѣялся, и онъ тоже. «Да право такъ!» замѣтилъ онъ, спускаясь неторопливо опять въ каюту.

VI.

Но какъ все страшное и опасное, испытываемое многими плавателями, а также испытанное и нами въ плаваніи до Японіи, кажется блѣдно и ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что привелось испытать моимъ спутникамъ въ Японіи! Все, что̀ произошло тамъ, представляетъ рядъ страшныхъ, и опасныхъ, и гибельныхъ вмѣстѣ,—не минутъ, не часовъ, а дней и ночей.

Много ужасныхъ драмъ происходило въ разныя времена съ кораблями и на корабляхъ. Кто ищетъ въ книгахъ сильныхъ ощущеній, за неимѣніемъ послѣднихъ въ самой жизни, тотъ найдетъ большую пищу для вообра-

женія въ «Исторіи кораблекрушеній», гдѣ въ нѣсколькихъ томахъ собраны и описаны многіе случаи замѣчательныхъ крушеній у разныхъ народовъ. Погибали на морѣ отъ бурь, отъ жажды, отъ голода и холода, отъ болѣзней, отъ возмущеній экипажа.

Но никогда гибель корабля не имѣла такой грандіозной обстановки, какъ гибель «Діаны», гдѣ великолѣпный спектакль былъ устроенъ самой природой. Не разъ на судахъ бывали ощущаемы колебанія моря отъ землетрясенія,—но сколько помнится, большихъ судовъ отъ этого не погибало.

Пересѣвъ на «Діану» и выбравъ изъ команды «Паллады» надежныхъ и опытныхъ людей, адмиралъ все таки рѣшилъ попытаться зайти въ Японію, и если не окончить, то закончить на время переговоры съ тамошнимъ правительствомъ и условиться о возобновленіи ихъ по окончаніи войны, которая уже началась, о чемъ получены были наконецъ извѣстія.

Передъ отплытіемъ изъ Татарскаго пролива, время, съ августа до конца ноября, прошло въ приготовленіяхъ къ этому рискованному плаванію, для котораго готовились припасы на непредвидѣнный срокъ, въ виду ожиданія встрѣчи съ непріятелемъ.

По окончаніи всѣхъ приготовленій, адмиралъ, въ концѣ ноября, вдругъ рѣшился на отважный шагъ: идти въ центръ Японіи, коснуться самаго чувствительнаго ея нерва, именно въ городъ Оосаки, близь Міако, гдѣ жилъ микадо, глава всей Японіи, сынъ неба, или, какъ неправильно прежде называли его въ Европѣ, «духовный императоръ». Тамъ, думалъ не безъ основанія адмиралъ, японцы струсятъ неожиданнаго появленія иноземцевъ въ этомъ закрытомъ и священномъ мѣстѣ и скорѣе согласятся на предложенныя имъ условія.

Такъ и сдѣлалъ. «Діана» явилась туда — и японцы дѣйствительно струсили, но, къ сожалѣнію, это средство не повело къ желаемымъ результатамъ. Они стали просить удалиться, и всѣ берега свои заставили рядами лодокъ, такъ что сквозь нихъ надо бы пробиваться силою, а къ этому средству адмиралъ не имѣлъ полномочія прибѣгать.

Японцы тутъ ни о какихъ переговорахъ не хотѣли и слышать, а приглашали немедленно отправиться въ городъ Симодо, въ бухтѣ того же имени, лежащей въ углу огромнаго залива Іеддо, при выходѣ въ море. Туда, по словамъ ихъ, отправились и уполномоченные для переговоровъ японскіе чиновники. Туда-же чрезъ нѣсколько дней направилась и «Діана». Въ этой бухтѣ предстояло ей испытать страшную катастрофу.

Здѣсь я кладу перо, какъ путешественникъ и авторъ. Далѣе меня не было съ плавателями, и я являюсь только редакторомъ нѣкоторыхъ ихъ воспоминаній, разсказовъ и донесеній о крушеніи «Діаны» и о возвращеніи въ Россію.

Постараюсь сдѣлать это въ нѣсколькихъ общихъ чертахъ, какъ можно короче, чтобы не лишать большаго интереса тѣхъ изъ читателей, которые пожелаютъ ознакомиться съ событіемъ изъ самаго рапорта адмирала, гдѣ все изложено—полно, подробно и весьма просто и удобопонятно, не смотря на обиліе морскихъ терминовъ.

Все это событіе и послѣдствія его принадлежатъ исторіи нашего мореплаванія, а теперь пока они теряются на страницахъ мало доступнаго большинству публики спеціальнаго морскаго журнала.

«Однимъ изъ тѣхъ ужасныхъ, рѣдкихъ явленій въ природѣ, случающихся однако чаще въ Японіи, нежели въ другихъ странахъ, совершилась гибель фрегата «Діана».

*

Такъ начинается рапортъ адмирала къ великому князю генералъ-адмиралу,—и затѣмъ, шагъ за шагомъ, минута за минутой, повѣствуетъ о грандіозномъ событіи и его разрушительномъ дѣйствіи на берегахъ и на фрегатѣ.

Прочитавъ это повѣствованіе и выслушавъ изустные разсказы многихъ свидѣтелей,—можно наглядно получить вульгарное изображеніе событія, въ миніатюрѣ, такимъ образомъ: возьмите большую круглую чашку, налейте до половины водой и дайте чашкѣ быстрое, круговращательное движеніе—а на воду пустите яичную скорлупу, или представьте себѣ на ней миніатюрное суденышко, съ полнымъ грузомъ и людьми. Вотъ положеніе судна и людей. Но въ чашкѣ нѣтъ, ни скалъ, стоящихъ въ видѣ островов посерединѣ, ни угловатыхъ береговъ, — а это все было въ бухтѣ Симодо.

Надо замѣтить, что бухта Симодо не закрыта съ моря, и слѣдовательно не можетъ служить безопаснымъ мѣстомъ для стоянки судовъ.

11 декабря, въ 10 часовъ утра (разсказывалъ адмиралъ), онъ и другіе, бывшіе въ каютахъ, замѣтили, что столы, стулья и прочіе предметы, нѣсколько колеблются, посуда и другія вещи прискакиваютъ, и поспѣшили выйти на верхъ. Все повидимому было еще покойно. Волненія въ бухтѣ не замѣчалось, но вода какъ будто бурлила или клокотала.

Около городка Симодо течетъ довольно быстрая горная рѣчка: на ней было нѣсколько джонокъ (мелкихъ японскихъ судовъ). Джонки вдругъ быстро понеслись, не по теченію, а назадъ, вверхъ по рѣчкѣ. Тоже необыкновенное явленіе: тотчасъ послали съ фрегата шлюбку съ офицеромъ, узнать, что тамъ дѣлается. Но едва шлюбка подошла къ берегу, какъ ее водою подняло вверхъ и вы-

бросило. Офицеръ и матросы успѣли выскочить и оттащили шлюбку дальше отъ воды. Съ этого момента начало разыгрываться страшное и грандіозное зрѣлище.

Вотъ рисунокъ этой картины въ двухъ-трехъ главныхъ штрихахъ.

Вслѣдствіе колебанія морскаго дна у береговъ Японіи, въ бухту Симодо влился громадный валъ, который коснулся берега и отхлынулъ, но не успѣлъ уйти изъ бухты, какъ на встрѣчу ему, съ моря, хлынулъ другой валъ, громаднѣе. Они столкнулись, и не вмѣстившаяся въ бухтѣ вода пришла въ круговоротное движеніе и начала полоскать всю бухту, хлынувъ на берега, вплоть до тѣхъ высотъ, куда спасались люди изъ Симодо. Второй валъ покрылъ весь Симодо и смылъ его до основанія. Потомъ еще валъ, еще и еще. Круговращеніе продолжалось съ возрастающей силой и ломало, смывало, топило и уносило съ береговъ все, что еще уцѣлѣло. Изъ тысячи домовъ осталось шестнадцать и погибло около ста человѣкъ. Весь заливъ покрылся обломками домовъ, джонокъ, трупами людей и безчисленнымъ множествомъ разнообразнѣйшихъ предметовъ: жилищъ, утвари и проч.

Все это прибило къ одному изъ береговъ въ такой массѣ, что образовало, по словамъ рапорта адмирала, «какъ бы продолженіе берега».

А что дѣлалось съ фрегатомъ въ это время?

По изустнымъ разсказамъ свидѣтелей, поразительнѣе всего казалось перемѣнное возвышеніе и пониженіе берега: онъ, то приходилъ въ ровень съ фрегатомъ, то вдругъ возвышался саженей на шесть вверхъ. Нельзя было рѣшить, стоя на палубѣ, поднимается ли вода, или опускается самое дно моря? Вращеніемъ воды кидало фрегатъ изъ стороны въ сторону, прижимая на какую нибудь сажень

къ скалистой стѣнѣ острова, около котораго онъ стоялъ, и грозя раздробить какъ орѣхъ, и отбрасывая опять на середину бухты.

Потомъ стало ворочать его, то въ одну, то въ другую сторону съ такой быстротой, что въ тридцать минутъ, по словамъ рапорта, было сдѣлано имъ сорокъ два оборота! Наконецъ начало бить фрегатъ, по причинѣ перемѣнной прибыли и убыли воды, объ дно, о свои якоря, и класть, то на одинъ, то на другой бокъ. И когда во второй разъ положило—онъ оставался въ этомъ положеніи съ минуту...

И страхъ, и опасность, и гибель — все уложилось въ одну эту минуту!

Всѣ уцѣпились, кто за что могъ. Все оцѣпенѣло въ молчаніи. Потомъ раздались слова молитвы: всѣ молились, кто словами, и всѣ, конечно, внутренно, такъ усердно, какъ, по пословицѣ, только молятся на морѣ!

Богъ услышалъ молитвы моряковъ и «провидѣнію», говоритъ рапортъ адмирала, «угодно было спасти насъ отъ гибели». Вода пошла на прибыль и фрегатъ всталъ, но въ какомъ положеніи!

Не всѣ, однако, избавились и отъ гибели: одинъ матросъ поплатился жизнью, а двое искалѣчены. Двѣ неприкрѣпленныя пушки, при наклоненіи фрегата, упали и убили одного матроса, а двумъ другимъ, и между прочимъ боцману Терентьеву, раздробили ноги.

Помню я этого Терентьева, худощаваго, рябаго, лихаго боцмана, всегда съ свисткомъ на груди и съ линькомъ или лопаремъ въ рукахъ. Это тотъ самый, о которомъ я упоминалъ въ началѣ путешествія и который угощалъ моего Ѳаддеева, то линькомъ, то лопаремъ по спинѣ, когда этотъ послѣдній, радѣя мнѣ (безъ моей просьбы,

а всегда сюрпризомъ), таскалъ украдкой прѣсную воду на умыванье, сверхъ положеннаго количества, изъ систернъ, во время плаванія въ Нѣмецкомъ морѣ.

Нѣсколько часовъ продолжалось это возмущеніе воды при безвѣтріи и наконецъ стихло. По осмотрѣ фрегата, онъ оказался весь избитъ. Трюмъ былъ наполненъ водой, подмочившей провизію, аммуницію и все частное добро офицеровъ и матросовъ. А главное, не было болѣе руля, который, оторвавшись, вмѣстѣ съ частью фальшъ-киля, проплылъ, въ числѣ прочихъ обломковъ, мимо фрегата— «продолжать берегъ», по выраженію адмирала.

Фрегатъ разоружили: свезли всѣ шестьдесятъ орудій на берегъ и отдали на сохраненіе японцамъ, объяснивъ имъ, какъ важно для насъ, чтобы орудія не достались непріятелю. И японцы укрыли и сохранили ихъ тщательно, построивъ для того особые сараи.

Вообще они, не смотря на то, что потерпѣли сами отъ землетрясенія, оказали нашимъ всевозможную помощь и послуги. Японскія власти присылали провизію и снабжали всѣмъ нужнымъ.

Нашъ Государь оцѣнилъ ихъ услуги и, въ благодарность за участіе къ русскимъ плавателямъ, подарилъ всѣ 60 орудій японскому правительству.

Но и наши не оставались въ долгу. Въ то самое время, когда фрегатъ крутило и било объ дно, на него нанесло напоромъ воды двѣ джонки. Съ одной изъ нихъ сняли съ большимъ трудомъ и приняли на фрегатъ двухъ японцевъ, которые не охотно дали себя спасти, подъ вліяніемъ строгаго еще тогда запрещенія отъ правительства сноситься съ иноземцами. Третій товарищъ ихъ рѣшительно побоялся, по этой причинѣ, послѣдовать примѣру первыхъ двухъ и тотчасъ же погибъ, вмѣстѣ

съ джонкой. Сняли также съ плывшей мимо крыши дома старуху.

Когда утихло, адмиралъ послалъ на развалины Симодо К. Н. Посьета и доктора, подать помощь раненымъ. Но, ради все того же страха, раненыхъ спрятали и объявили, что ихъ нѣтъ. Но наши успѣли мелькомъ замѣтить ихъ.

Такъ кончился первый актъ этой морской драмы,— первый потому, что «страшныя», «опасныя» и «гибельныя» минуты далеко не исчерпались землетрясеніемъ. Второй актъ продолжался съ 11-го декабря 1854 по 6-е января 1855 г., когда плаватели покинули фрегатъ, или, вѣрнѣе, когда онъ покинулъ ихъ совсѣмъ, и они буквально «выбросились» на чужой, отдаленный отъ отечества берегъ.

Фрегатъ повели, придѣлавъ фальшивый руль, осторожно, какъ носятъ раненаго въ госпиталь, въ отысканную въ другомъ заливѣ, верстахъ въ 60 отъ Симодо, закрытую бухту «Хеда», чтобы тамъ повалить на отмель, чинить — и опять плавать. Но всѣ надежды оказались тщетными. Дня два плаватели носимы были бурнымъ вѣтромъ по заливу, и наконецъ должны были, съ неимовѣрными усиліями, перебраться всѣ, (при морозѣ въ 4°) сквозь буруны, на шлюбкахъ, по канату, на берегъ, у подошвы японскаго Монблана, горы Фудзи, въ противуположной сторонѣ отъ бухты Хеда.

Съ наступленіемъ тихой погоды хотѣли, наконецъ, посредствомъ японскихъ лодокъ, дотащить кое-какъ пустой остовъ до бухты — и все таки чинить. Если фрегатъ держался еще на водѣ въ тогдашнемъ своемъ положеніи, такъ это, сказывалъ адмиралъ, происходило между прочимъ отъ того, что систерны въ трюмѣ, обыкновенно наполненныя прѣсной водой, были тогда пусты, и эта пустота и мѣшала ему погрузиться совсѣмъ.

Сто японскихъ лодокъ тянули его; оставалось верстъ пять, шесть до мѣста, какъ вдругъ налетѣлъ шквалъ, развелъ волненіе: всѣ лодки бросили внезапно буксиръ и едва успѣли, и наши офицеры, провожавшіе фрегатъ, тоже, укрыться по маленькимъ бухтамъ. Пустой, покинутый фрегатъ качало волнами съ боку на бокъ...

Ночью нельзя было слѣдить за нимъ, а на утро его уже не было видно...

Когда читаешь донесенія и слушаешь разсказы о томъ, какъ погибала «Діана», хочется плакать, какъ при разсказѣ о медленной агоніи человѣка.

Вотъ эти два числа — 11 декабря, день землетрясенія, и 6 января, высадки на берегъ, какъ знаменательные дни въ жизни плавателей, и были поводомъ къ собранію нашему за двумя вышеупомянутыми обѣдами.

Наконецъ третье дѣйствіе — это возвращеніе путешественниковъ, тоже подъ страхомъ и опасностями своего рода, разными путями, въ Россію...

Такъ кончилось крушеніе «Діаны», которое займетъ самое видное мѣсто въ лѣтописи морскихъ бѣдствій.

VII.

Къ этому остается прибавить немногое, что еще разсказывали мнѣ мои бывшіе спутники о дальнѣйшихъ своихъ похожденіяхъ и о заключеніи этой, замѣчательной во всѣхъ отношеніяхъ экспедиціи.

Отъ подошвы Фудзи наши герои, «по образу пѣшаго хожденія», черезъ горы, направились въ ту же бухту «Хеда», куда намѣревались было ввести фрегатъ, и расположились тамъ на бивуакахъ (при 4° мороза, не забудьте!), пока готовились бараки для ихъ помѣщенія, временнаго и, по возможности, не долгаго, потому что въ положеніи Ро-

бинсоновъ Крузе пяти стамъ человѣкамъ долго оставаться нельзя. Надо было изыскать средство уйти оттуда какимъ бы то нибыло образомъ. Дожидаться отвѣта на рапортъ, пока онъ придетъ въ Россію, пока оттуда вышлютъ другое судно, чего въ военное время и нельзя было сдѣлать, — значитъ нести всѣ тягости какого-то плѣна. Не затѣмъ прошли сквозь всѣ гибели, чтобы киснуть на полудикомъ прибрежьѣ, сложивъ руки, когда «наши тамъ... дерутся!» думали плаватели.

Рѣшились искать помощи въ самихъ себѣ—и для этого, ни больше, ни меньше, положилъ адмиралъ, построить судно собственными руками, съ помощью, конечно, японскихъ услугъ, особенно по снабженію всѣмъ необходимымъ матеріаломъ: деревомъ, желѣзомъ и проч. Плотники, столяры, кузнецы были свои; въ команду всегда выбираются люди знающіе всѣ необходимыя въ корабельномъ дѣлѣ мастерства. Такъ и сдѣлали. Черезъ четыре мѣсяца уже готова была шкуна, названная въ память бухты, пріютившей разбившихся плавателей, «Хеда».

Изъ донесеній извѣстно, что наши плаватели раздѣлились на три отряда: одинъ отправился, на нанятомъ американскомъ суднѣ, къ устьямъ Амура, другой на бременскомъ суднѣ былъ встрѣченъ англійскимъ военнымъ судномъ. Но англичане приняли нашихъ не за военно-плѣнныхъ, а за претерпѣвшихъ кораблекрушеніе, и раздѣливъ по своимъ судамъ, доставили ихъ, кругомъ мыса Доброй Надежды въ Европу.

Наконецъ самъ адмиралъ, на самодѣльной шкунѣ «Хеда», съ остальною партіею около сорока человѣкъ, прибылъ тоже, едва избѣжавъ погони англійскаго военнаго судна, въ устья Амура и по этой рѣкѣ поднялся вверхъ до русскаго поста Усть-Стрѣлки, на сліяніи Шилки и Аргуни, и достигъ Петербурга.

Чего стоило одно странствованіе по этой пустынной, тогда еще не изслѣдованной нашей Миссисипи!

Самъ адмиралъ, капитанъ (теперь адмиралъ) Посьетъ, капитанъ Лосевъ, лейтенантъ Пещуровъ и другіе, да человѣкъ осьмнадцать матросовъ, составляли эту экспедицію, рѣшившуюся въ первый разъ, со времени присоединенія Амура къ нашимъ владѣніямъ, подняться вверхъ по этой рѣкѣ на маленькомъ пароходѣ, на которомъ въ первый же разъ спустился по ней генералъ-губернаторъ восточной Сибири, Н. Н. Муравьевъ.

Послѣдній воротился тогда въ Иркутскъ сухимъ путемъ (и я примкнулъ къ его свитѣ), а пароходъ, и при немъ баржу, открытую большую лодку, гдѣ находились неумѣщавшіеся на пароходѣ люди и провизія, предоставилъ адмиралу. Предполагалось употребить на это путешествіе до Шилки и Аргуни, къ мѣсту сліянія ихъ, въ мѣстечко Усть-Стрѣлку, мѣсяца полтора, и провизіи взято было на два мѣсяца, а плаваніе продолжалось около трехъ мѣсяцевъ.

И чего не случалось съ нашими странниками! То вдругъ воды въ рѣкѣ нѣтъ и плыть нельзя, то сильно несетъ теченіемъ. То дровъ въ изобиліи, то одинъ мелкій хворостъ по берегамъ, негодный и на лучину: нечѣмъ пищу варить и топить пароходъ! Въ иныхъ мѣстахъ у туземцевъ: Мангу, Орочанъ, Гольдовъ, Гиляковъ и другихъ, о которыхъ европейскіе этнографы, можетъ быть, еще и не подозрѣваютъ, можно было вымѣнивать сушеное оленье мясо, просо, на бисеръ, гвозди и т. п. А въ другихъ мѣстахъ было, или совсѣмъ пусто по берегамъ, или жители, завидѣвъ, особенно ночью, извергаемый пароходомъ дымъ и миріады искръ, въ страхѣ бѣжали дальше и прятались, такъ-что приходилось голоднымъ плавателямъ самимъ входить въ ихъ жилища и хозяйничать, брать провизію и остав-

лять бусы, зеркальца и т. п. предметы въ замѣнъ. Сами ловили рыбу и иногда роскошничали за стерляжьей ухой, особенно въ первой половинѣ плаванія.

Когда не было лѣса по берегамъ, плаватели углублялись въ стороны, для добыванія дровъ. Матросы рубили дрова, офицеры таскали ихъ на пароходъ. Адмиралъ порывался раздѣлять ихъ заботы, но этому всѣ энергически воспротивились, предоставивъ ему болѣе легкую и почетную работу, какъ-то: накрывать на столъ, мыть тарелки и чашки.

Въ послѣднія недѣли плаванія всѣ средства истощились: по три раза въ день пили чай и ѣли по горсти пшена — и только. Достали было однажды кусокъ сушенаго оленьяго мяса, но не свѣжаго, съ червями. Сначала поусумнились ѣсть, но потомъ подумали хорошенько, вычистили его, вымыли и... «стали кушать», «для примѣра, между прочимъ, матросамъ»,—прибавилъ К. Н. П., разсказывавшій мнѣ объ этомъ странствіи. «Полно, такъ ли, думалъ я, слушая: для примѣра-ли: не по пословицѣ ли: «голодъ не тетка»?

За два дня до прибытія на Усть-Стрѣлку, гдѣ былъ нашъ постъ, начальникъ послѣдняго, узнавъ отъ посланнаго впередъ Орочанина, о крайней нуждѣ плавателей, выслалъ имъ на встрѣчу все необходимое въ изобиліи, и между прочимъ теленка. Вотъ только гдѣ, пройдя тысячи три верстъ, эти не блудные, а блуждающіе сыны, добрались наконецъ до упитаннаго тельца!

Такъ кончилась эта экспедиція, въ которую укладываются вся Одиссея и Энеида — и ни Эней, съ отцомъ на плечахъ, ни Одиссей, не претерпѣли и десятой доли тѣхъ злоключеній, какія претерпѣли наши Аргонавты, изъ которыхъ «*иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече!*»

Однихъ унесла могила: между прочимъ архимандрита Аввакума. Этотъ скромный, ученый, почтенный человѣкъ ѣздилъ потомъ съ графомъ Путятинымъ въ Китай, для заключенія Тсянзинскаго трактата, и по возвращеніи продолжалъ оказывать пользу по сношеніямъ съ китайцами, по знакомству съ ними и съ ихъ языкомъ, такъ какъ онъ прежде прожилъ въ Пекинѣ лѣтъ пятнадцать при нашей миссіи. Онъ жилъ въ Александро-Невской лаврѣ и скончался тамъ лѣтъ восемь или десять тому назадъ.

Нѣтъ болѣе въ живыхъ также капитана (потомъ генерала) Лосева, В. А. Римскаго-Корсакова, бывшаго долго директоромъ морскаго корпуса, обоихъ медиковъ, Арефьева и Вейриха, лихаго моряка Савича, штурманскаго офицера Попова *).

Изъ остающихся въ живыхъ — старшіе занимаютъ высокіе посты въ морской и въ другихъ службахъ, осыпаны отличіями, — младшіе на пути къ отличіямъ.

Съ самыми лучшими чувствами симпатіи и добрыхъ воспоминаній обращаюсь я постоянно къ этой эпохѣ плаванія по морямъ, къ кругу этихъ отличныхъ людей, и встрѣчаюсь съ ними всегда какъ будто не разставался никогда.

Мнѣ поздно желать и надѣяться плыть опять въ дальнія страны: я не надѣюсь и не желаю болѣе. Лѣта охлаждаютъ всякія желанія и надежды. Но я хотѣлъ бы перенести эти желанія и надежды въ сердца моихъ читателей —и—если представится имъ случай идти (помните «идти», а не ѣхать») на кораблѣ въ отдаленныя страны—пред-

---

*) Къ этому скорбному списку надо прибавить скончавшихся въ послѣдніе годы И. П. Бѣлавенеца, служившаго въ магнитной обсерваторіи въ Кронштатѣ, и А. А. Халезова, извѣстнаго подъ названіемъ «дѣда» въ этихъ очеркахъ плаванія.

ложить совѣтъ: ловить этотъ случай, не слушая никакихъ преждевременныхъ страховъ и сомнѣній. Читатель, можетъ быть, возразитъ на этотъ совѣтъ, что довольно и того, что написано въ этой главѣ, чтобы навсегда отбить охоту къ морскимъ путешествіямъ. Напротивъ, именно этотъ разсказъ и подтверждаетъ мой совѣтъ. Какъ-же: въ то время, когда отъ землетрясенія падали города и селенія, валились скалы, гибли дома и люди на берегу, фрегатъ все держался, и изъ пятисотъ человѣкъ погибъ одинъ! И послѣ, потерявъ корабль, плаватели отдѣлались благополучно и всѣ добрались домой, и большая часть живутъ и здравствуютъ до нынѣ.

Русскій священникъ въ Лондонѣ посѣтилъ насъ передъ отходомъ изъ Портсмута и послѣ обѣдни сказалъ рѣчь, въ которой остерегалъ отъ этихъ страховъ. Онъ исчислилъ опасности, какія можемъ мы встрѣтить на морѣ—и напугавъ сначала порядкомъ, заключилъ тѣмъ, что «и жизнь на берегу кишитъ страхами, опасностями, огорченіями и бѣдами, — слѣдовательно, мы мѣняемъ только однѣ бѣды и страхи на другія».

И это правда. Обыкновенно ссылаются на то, какъ много погибаетъ судовъ. А если счесть, сколько поѣздовъ сталкивается на желѣзныхъ дорогахъ, сваливается съ высотъ, сколько гибнетъ людей въ огнѣ пожаровъ и т. д., то на которой сторонѣ окажется перевѣсъ? И сколько вообще расходуется бѣднаго человѣчества по мелочамъ, въ одиночку, не всегда въ глуши какихъ-нибудь пустынь, лѣсовъ, а въ многолюдныхъ городахъ!

«А все же «страшновато» какъ-то на морѣ: сомнѣнія, неувѣреность, одни ожиданія опасностей чего стоютъ»!... скажутъ на это.

Да, тутъ есть правда: но человѣку врожденна и муже-

ственность: надо будить ее въ себѣ и вызывать на помощь, чтобы побѣждать робкія движенія души и закалять нервы привычкою. Самые робкіе характеры кончаютъ тѣмъ, что свыкаются. Даже женщины служатъ хорошимъ примѣромъ тому: сколько англичанокъ и американокъ пускаются въ дальнія плаванія и выносятъ, даже любятъ большіе морскіе переѣзды!

За то какія награды! Дальнее плаваніе населитъ память, воображеніе, прекрасными картинами, занимательными эпизодами, обогатитъ умъ нагляднымъ знаніемъ всего того, что знаешь по слуху,—и кромѣ того введетъ плавателя въ тѣсное, почти семейное сближеніе, съ цѣлымъ кругомъ моряковъ, отличныхъ, своеобразныхъ людей и товарищей.

И этого всего потомъ изъ памяти и сердца нельзя выжить во всю жизнь: и не надо—какъ рѣдкихъ и дорогихъ гостей.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ

Во второмъ томѣ.

СТРАН.	СТРОКА.	НАПЕЧАТАНО.	НАДО ЧИТАТЬ.
7	15	голла*нц*ами.	голла*нд*ами.
11	26	силный.	сильный.
87	26	на ю*г*ѣ.	на ю*т*ѣ.
98	16	П*и*ппенбергъ.	П*а*ппенбергъ.
137	4	вярить.	варить.
164	12	стоящ*ie*.	стоящ*ія*.
168	10	Од*н*нъ.	Од*и*нъ.
329	13	простуди*тся*.	простуди*шься*.
451	21	с*ан*чала.	с*на*чала.
507	28	непрони*мо*цаемую.	непроницаемую.
521	7	сра*ве*ніи.	сра*вне*ніи.
531	28	медвѣд*ъ*.	медвѣд*я*.
549	11	встрѣча*тся*.	встрѣча*ться*.
590	30	неувѣр*е*ность.	неувѣр*енн*ость.

ШКОЛА ДЕТОЕЖИ
МАГАЗИНЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
НЕВСКІЙ ПР. [illegible]

ПРОДАЕТСЯ ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

И. И. ГЛАЗУНОВА.

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

ПО БОЛЬШОЙ САДОВОЙ УЛ., ВЪ ДОМѢ ЛУБ[illegible]ЧНОЙ БИБЛІОТЕКИ, №№ 21 и 22.

ВЪ МОСКВѢ:

НА ПЕТРОВКѢ, ПРОТИВЪ КУЗНЕЦКАГО МОСТА, ВЪ ДОМѢ БР. ХОМЯКОВЫХЪ, № 20.

G
490
G63
1879

Goncharov, Ivan Aleksandrovich
Fregat Pallada

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 13 05 08 13 019 2